ЧТЕНІЯ

ВЪ

ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Москва, 1881.

Типографія А. О. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Дозволено цензурою. Москва, 24 января, 1881 года.
Цензоръ архимандритъ **Амфилохій.**

Сверхъестественное откровеніе.

Наша христіанская вѣра, вмѣстѣ съ предшественницей своей ветхозавѣтной религіей, имѣетъ несокрушимое основаніе своей истины—сверхъестественное Божественное откровеніе. Она не есть плодъ какого либо человѣческаго разума, но открыта и установлена въ мірѣ Самимъ Богомъ. *Богъ многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, Котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ Котораго и вѣки сотворилъ* (Евр. 1, 1, 2). Не говоря уже о разныхъ внѣшнихъ, историческихъ доказательствахъ дѣйствительности непосредственнаго Божественнаго откровенія въ христіанствѣ, самое содержаніе послѣдняго своимъ несравнимымъ превосходствомъ предъ всѣми другими религіями міра и предъ всѣми наилучшими произведеніями великихъ мыслителей человѣчества неотразимо убѣждаетъ насъ въ его не человѣческомъ, но сверхчеловѣческомъ или лучше сверхъествественномъ происхожденіи. Однако находятся люди, упорно отвергающіе истину христіанства именно въ силу сомнѣнія въ его Богооткровенномъ происхожденіи. Что же даетъ имъ основаніе сомнѣваться въ сверхъестественномъ откровеніи христіанства? Не исторія происхожденія и утвержденія христіанства въ мірѣ, въ которой они, при безпристрастномъ изслѣдованіи, ясно увидѣли бы его сверхъестественное происхожденіе, но ихъ собственныя ложныя убѣжденія философскаго характера, противныя вѣрѣ въ Божественное откровеніе, съ которыми они и приступаютъ къ изслѣдованію христіанства какъ въ его исторіи, такъ и по его внутреннему содержанію. Сообразно своимъ предзанятымъ мнѣніямъ враждебнымъ Божественному откровенію, они самую исторію христіанской религіи съ полнымъ произволомъ то

урѣзываютъ въ ея дѣйствительныхъ фактахъ, то наполняютъ новыми, небывалыми, самоизмышленными фактами, и такимъ образомъ не учатся у исторіи, не провѣряютъ свои убѣжденія по ея указаніямъ, но напротивъ сами указываютъ ей, какою она должна быть, излагаютъ ее по заранѣе составленному въ ихъ головахъ образцу, т. е. просто искажаютъ ее. Въ чемъ же состоятъ эти убѣжденія невѣрующихъ, на которыхъ зиждется ихъ отрицаніе сверхъестественнаго происхожденія христіанства? Они обнимаютъ всѣ стороны сверхъестественнаго откровенія самого въ себѣ, въ его отвлеченномъ понятіи и относятся къ нимъ съ совершеннымъ отрицаніемъ. Именно говорятъ: сверхъестественное откровеніе въ мірѣ совершенно излишне, безполезно, не нужно. Человѣкъ безъ откровенія можетъ имѣть истинное познаніе о Богѣ и Его волѣ, такъ какъ владѣетъ необходимымъ для того органомъ—разумомъ или вообще познавательными силами. Будучи излишне, сверхъестественное откровеніе само въ себѣ не возможно; ибо, съ одной стороны, Богъ, какъ премірное существо, не можетъ непосредственно, самолично открываться въ тварной области бытія, съ другой міръ, какъ твореніе Божіе, не можетъ допустить въ себѣ откровеніе Творца безъ нарушенія своего обычнаго порядка, т. е. безъ совершеннаго разстройства всего хода его жизни. Наконецъ, Божественное откровеніе, если бы и было возможно само въ себѣ, во всякомъ случаѣ при своемъ явленіи въ мірѣ осталось бы неизвѣстнымъ человѣку: мы не знаемъ вполнѣ природы тварнаго міра и не можемъ опредѣлить характера и предѣловъ всѣхъ его явленій, поэтому никогда также не въ состояніи рѣшить съ безусловною точностію, принадлежитъ ли извѣстное явленіе, во внѣшней ли природѣ или внутри нашей духовной жизни, къ области чисто естественныхъ произведеній самого тварнаго міра, или обязано своимъ происхожденіемъ сверхъестественной, непосредственно Божественной силѣ. Эти основанія отрицанія сверхъестественнаго откровенія во всѣ времена и въ наше время едва ли не болѣе, чѣмъ когда либо, служили для многихъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ вѣры. Отсюда долгъ каждаго вѣрующаго и хорошо сознающаго внутреннюю несостоятельность этихъ основаній — содѣйствовать ихъ разсѣянію и

уничтоженію и вмѣстѣ съ симъ если не привлечь самихъ затвердѣвшихъ въ невѣріи къ вѣрѣ въ Богооткровенность христіанства, то по крайней мѣрѣ предохранить слабовѣрныхъ или неопытныхъ въ вѣрѣ отъ соблазновъ невѣрія. Вопросы о необходимости сверхъестественнаго откровенія для утвержденія истинной религіи въ мірѣ, его возможности и познаваемости или объ отличительныхъ признакахъ сверхъестественнаго откровенія и будутъ предметомъ нашего настоящаго изслѣдованія.

Прежде всего необходимо составить себѣ полное и опредѣленное понятіе о предметѣ нашего разсужденія, т. е. о томъ, что такое вообще сверхъестественное откровеніе.

Мы различаемъ два главныхъ вида откровенія Бога: естественный и сверхъестественный. Естественнымъ откровеніемъ называется проявленіе премудрости, благости, любви и др. свойствъ Божіихъ въ твореніи міра вообще и человѣка въ частности. Говоримъ: и человѣка въ частности — и не безъ причины. Между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ тваряхъ видимаго міра свойства Творца хотя открываются ясно, но не сознаются ими: въ человѣкѣ, напротивъ, не только открываются въ преимущественной мѣрѣ въ самомъ устройствѣ его тѣлесно-духовной природы, но и доходятъ до сознанія, т. е. человѣкъ съ самаго начала своего появленія въ мірѣ не только сознаетъ свое превосходство предъ прочими твореніями видимаго міра, но также знаетъ и понимаетъ, что онъ и весь міръ есть созданіе невидимаго, всемогущаго и всеблагаго Творца. Въ этомъ изначальномъ и постоянномъ сознаніи человѣкомъ Бога лежитъ внутреннее натуральное основаніе религіи, присущей всѣмъ народамъ всѣхъ временъ. Въ этомъ же прирожденномъ богосознаніи кроется и объясненіе существованія религіи даже у народовъ, лишенныхъ сверхъестественнаго пособія въ дѣлѣ религіознаго развитія.

Сверхъестественнымъ откровеніемъ называется также обнаруженіе разныхъ свойствъ Божіихъ — всемогущества, благости и др., но уже въ сотворенномъ мірѣ и при томъ въ преимущественной степени и необычайнымъ способомъ: здѣсь Божественная сила обнаруживаетъ себя въ произведеніи такихъ явленій, которыя ни въ какомъ случаѣ не

могли бы произойти по естественной связи вещей, сами собой изъ другихъ явленій міра, но получили свое мѣсто въ мірѣ только въ силу непосредственнаго и исключительнаго дѣйствія Божія, направленнаго къ ихъ произведенію. Отсюда-то такого рода явленія, обязанныя своимъ происхожденіемъ непосредственному Божественному участію въ ихъ произведеніи и безъ него рѣшительно необъяснимыя изъ естественнаго хода міровой жизни, и называются сверхъестественными, или просто Богооткровенными; такъ какъ въ нихъ Богъ открываетъ Себя по преимуществу Это сверхъестественное откровеніе, подобно естественному, также раздѣляется на два частныхъ вида: на откровеніе *Божественной силы вообще* въ безпримѣрныхъ, чрезвычайныхъ явленіяхъ природы или жизни человѣка и на откровеніе человѣку, въ разныхъ посредствующихъ формахъ, *Самого Бога лично*. Перваго рода сверхъестественныя откровенія—въ явленіяхъ природы или жизни человѣка называются собственно чудесами; за откровеніями втораго рода усвоивается названіе Божественнаго откровенія въ собственномъ смыслѣ; такъ какъ въ нихъ прямо и непосредственно открываетъ Богъ Свою мысль и волю человѣку. Оставляя въ сторонѣ чудеса, какъ предметъ подлежащій спеціальному изслѣдованію, мы будемъ говорить здѣсь только о собственномъ откровеніи Бога человѣку, имѣющемъ общею цѣлію спасеніе послѣдняго. Это откровеніе въ исторіи царства Божія на землѣ извѣстно въ различныхъ формахъ: мы находимъ его а) въ формѣ разныхъ необычайныхъ явленій природы, напримѣръ, въ кустѣ горящемъ и несгараемомъ или въ облакѣ, громѣ и молніи на Синаѣ и проч.; б) во внѣшней формѣ человѣка или въ явленіи ангеловъ; в) въ разныхъ формахъ духовныхъ проявленій жизни человѣческой, какъ-то: въ сновидѣніяхъ, видѣніяхъ или созерцаніяхъ картинъ изъ невидимаго міра (большею частію символическаго характера) въ бодрственномъ состояніи органа откровенія; г) въ сообщеніяхъ человѣку, при посредствѣ ли органа слуха или прямо безъ такого посредства, путемъ чрезвычайнаго духовнаго воздѣйствія на его умъ, новаго круга мыслей и нравственныхъ требованій, не вытекающихъ изъ его собственной естественной области вѣдѣнія и желаній и, наконецъ, д) въ

формѣ непосредственнаго, ипостаснаго воплощенія Сына Божія въ человѣческой природѣ. Въ содержаніи своемъ сверхъестественное откровеніе даетъ возможность различать два главныхъ вида: слово или ученіе о спасеніи, къ которому какъ составная часть его принадлежитъ пророчество и дѣло или самое совершеніе спасенія. Такъ какъ сверхъестественное откровеніе имѣло мѣсто въ исторіи человѣчества, которое подлежитъ постепенному духовному росту или развитію, то понятно, что оно, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію, всегда приноровлялось къ способности воспріемлемости его человѣкомъ и такимъ образомъ съ теченіемъ времени, хотя оставалось одинаковымъ и неизмѣннымъ по принципу, однако развивалось, возвышалось и усовершалось по формѣ, такъ что въ этомъ своемъ развитіи представляетъ своего рода правильную исторію. Вотъ опредѣленное и всестороннее понятіе о сверхъестественномъ откровеніи, объ отличіи его отъ естественнаго откровенія, о его разныхъ формахъ и общемъ содержаніи въ его историческомъ состояніи.

Переходимъ теперь къ вопросу: къ чему это откровеніе, нужно ли оно? вызывалось ли оно какими-либо насущными потребностями религіознаго состоянія и развитія самого человѣчества?

Общій отвѣтъ на нашъ вопросъ мы даемъ слѣдующій: да, сверхъестественное откровеніе необходимо, необходимо именно для установленія истинной религіи въ мірѣ: безъ него она немыслима, невозможна въ мірѣ. Въ этой истинѣ убѣждаютъ насъ слѣдующія основанія:

а) Ни одинъ народъ въ мірѣ не утверждаетъ своей вѣры въ Бога и Его нравственный законъ на какомъ-либо другомъ основаніи, какъ только на авторитетѣ Божественномъ, т. е. на твердомъ убѣжденіи въ ея происхожденіи изъ непосредственно Божественнаго откровенія. Справедливо ли это убѣжденіе у того или иного народа или нѣтъ, это другой вопросъ; но вѣрно то, что каждый народъ держится своей религіи лишь вслѣдствіе твердой увѣренности, что она сообщена ему Самимъ Богомъ чрезъ избранныхъ Имъ посредниковъ Своего откровенія. Такимъ образомъ мы видимъ, что у всѣхъ народовъ религія и откровеніе идутъ

рядомъ другъ съ другомъ; такъ что гдѣ есть религія, тамъ непремѣнно находится и вѣра въ откровеніе и только эта вѣра поддерживаетъ религію. Съ колебаніемъ вѣры въ Богооткровенное происхожденіе религіи начинаетъ колебаться и даже разрушаться и религія и неизбѣжно замѣняется новою религіей, но опять ни по какому другому побужденію, какъ только по предположенію происхожденія этой новой религіи непосредственно отъ Самого Бога. Справедливость нашихъ положеній подтверждаетъ исторія всѣхъ религій, въ коихъ только сохранились какія-либо воспоминанія о ихъ происхожденіи и ихъ основателяхъ. Появленіе каждой религіи въ міръ вы найдете въ ея исторіи всегда обставленнымъ событіями самаго чудеснаго свойства и жизнь основателя или реформатора ея наполненною чрезвычайными знаменіями и откровеніями. Эти основатели всегда представляются лицами исключительно близкими Богу, друзьями Бога, нерѣдко бесѣдующими съ Нимъ какъ бы лицемъ къ лицу и здѣсь получающими откровеніе новаго знанія о Богѣ и Его святой волѣ. Сами творцы разныхъ формъ религіи въ своей проповѣди никогда не ссылаются на собственный, человѣческій авторитетъ въ доказательство истины своего ученія, но всегда на Божественный, на непосредственный голосъ Бога, внушившій имъ это ученіе; нигдѣ вы не услышите отъ основателя религіи увѣренія: „вѣруйте въ истину моей проповѣди о Богѣ, ибо она вполнѣ разумна, согласна съ требованіями общечеловѣческаго разума“; но всегда одно и тоже: „вѣруйте въ мое ученіе о Богѣ, ибо оно отъ Самого Бога“. Но не только въ своемъ происхожденіи, а и въ самомъ историческомъ существованіи каждая религія поддерживается ея сказаніями о неоднократныхъ явленіяхъ Бога и Его чудесныхъ знаменіяхъ; отсюда на всемъ пути ея исторіи мы встрѣчаемъ то одно, то другое откровеніе или чудо. Справедливы или только выдуманы благочестивою фантазіей эти откровенія и чудеса, этотъ вопросъ въ настоящемъ случаѣ для насъ сторонній, но безъ нихъ ни одна религія не могла бы просуществовать ни одного дня. Даже религіи низшаго вида, каковы: фетишизмъ и шаманство, ограничивающіяся поклоненіемъ осколкамъ камней, обломкамъ деревъ и вѣрою въ несмѣтныя полчища духовъ, наполняющихъ міръ, не

обходятся безъ вѣры въ сверхъестественное откровеніе и эту вѣру мы находимъ въ нихъ чуть ли не болѣе развитою, чѣмъ въ другихъ религіяхъ. Такъ, исторія всѣхъ религій представляетъ намъ разительное доказательство, что родъ человѣческій вообще не можетъ представить себѣ никакого иного болѣе прочнаго, истинно-незыблемаго основанія за истину религіи, какъ только ея непосредственное происхожденіе отъ Самого Бога. Странно было бы послѣ этого допустить, чтобы истинная религія могла быть собственнымъ изобрѣтеніемъ человѣка, произведеніемъ его разума, и чтобы такая чисто разумная религія нашла пріемъ въ какомъ-либо народѣ, не говоря уже о цѣломъ человѣчествѣ, когда единственнымъ ручательствомъ истины религіи для насъ служитъ только непосредственное или сверхъестественное откровеніе Самого Бога! Очевидно, сообразно требованію человѣческаго духа, истинная религія и должна быть дѣйствительно не человѣческаго, но сверхъестественнаго происхожденія.

б) Во всѣхъ высшихъ областяхъ духовной жизни человѣчества новыя движенія, отмѣчающія собой отдѣльныя ступени въ ихъ развитіи или, что тоже, вполнѣ оригинальныя произведенія, служащія на извѣстное время образцами для другихъ произведеній подобнаго же рода, обыкновенно приписываются не столько самодѣятельности ихъ творцевъ, сколько какому-то непостижимому, таинственному озаренію свыше, возводящему ихъ душевныя силы на высшую ступень просвѣщенія. Въ этомъ свойствѣ творчества оригинальныхъ произведеній подъ могучимъ, часто даже внезапнымъ воздѣйствіемъ на духъ творца какой-то таинственной силы именно и признается существенное отличіе генія отъ обыкновеннаго человѣческаго разума. Геній, какъ утверждаетъ общій голосъ человѣчества, не кропотливымъ трудомъ доходитъ до вѣдѣнія высшей истины въ ея чистой сущности или въ художественно-образной формѣ, но какъ бы подъ вліяніемъ толчка извнѣ, уносимый какою-то стороннею силою въ недостопную другимъ высь и здѣсь прямо и непосредственно созерцающій сокрытыя отъ другихъ духовныя реальности. Отсюда въ состояніи творчества въ геніѣ видятъ вдохновеніе и на дѣло его смотрятъ не какъ на плодъ собственныхъ усилій его духа, но какъ на духъ

свыше, не подводимый ни подъ какіе законы обыкновенной духовной производительности человѣка. Такъ говорятъ о геніальныхъ философахъ, поэтахъ, художникахъ и даже ученыхъ, наиболѣе извѣстныхъ въ области естествовѣдѣнія. Неостижимое возбужденіе духа, увлекаемаго какою-то стороннею силою въ превыспренній міръ, признаютъ за собой и сами творцы великихъ духовныхъ произведеній. Древній философъ Сократъ прямо объявлялъ себя носителемъ и органомъ высшей Божественной силы; состояніе поэта въ моментъ вдохновенія нашъ Пушкинъ изобразилъ въ замѣчательномъ стихотвореніи: „Поэтъ". Даже въ области строгой науки (естествознанія) новыя идеи возникали въ сознаніи и замѣчательныя открытія совершались, по признанію самихъ виновниковъ ихъ, не столько вслѣдствіе ихъ обширнаго вѣдѣнія природы, сколько благодаря какому-то чудному, непонятному озаренію ихъ ума свыше. Это лучше всего даютъ видѣть труды геніальныхъ астрономовъ, Ньютона, Кеплера и Коперника, гдѣ вы встрѣчаете возвышенныя и трогательныя признанія личной человѣческой немощи предъ Божественнымъ всемогуществомъ, милостиво поставляющимъ человѣка на высшую ступень вѣдѣнія. Нельзя не согласиться съ общечеловѣческимъ вѣрованіемъ относительно высшей промыслительной силы, содѣйствующей избраннымъ лицамъ въ ихъ высокихъ духовныхъ созданіяхъ, оставляющихъ по себѣ глубокій слѣдъ въ нашей исторіи и опредѣляющихъ ея развитіе на извѣстный періодъ времени. Правда, каждому изъ насъ присущи разумъ, познавательный органъ идей и фантазія, способность выраженія истины въ ея чувственно-изящной формѣ, но люди обыкновеннаго ума и фантазіи обнаруживаютъ лишь способность къ воспріятію, пониманію, усвоенію оригинальныхъ идей и формъ красоты, открытыхъ или созданныхъ геніальными мужами, но не къ самородной производительности въ области разума или фантазіи. Отсюда на собственно-оригинальныхъ произведеніяхъ ума или воображенія всегда и вездѣ лежитъ печать чрезвычайнаго дара просвѣщенія свыше. Этого необычайнаго дара не чужды были и основатели великихъ, такъ называемыхъ, натуральныхъ религій. Для того, чтобы установить какую-либо религію, выражавшую собой опредѣленную ступень въ посту-

пательномъ движеніи человѣчества къ всемірной и безусловно-истинной религіи и питать этой религіей чувство нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, для этого очевидно, виновники естественныхъ религій должны были служить въ рукахъ Провидѣнія особыми носителями естественнаго человѣческаго развитія и въ своей религіозной дѣятельности стоять подъ особымъ воздѣйствіемъ высшей промыслительной силы. Такое воззрѣніе на основателей или реформаторовъ натуральныхъ религій, ни мало не противорѣчитъ понятію о созданныхъ ими религіяхъ, какъ только естественныхъ; ибо и въ области чисто естественнаго религіознаго развитія человѣчества, безъ всякаго сомнѣнія, нельзя отрицать общаго дѣйствія Промысла, управляющаго всею міровою исторіей вообще и человѣческою въ частности. Если, такимъ образомъ несомнѣнно, что во всѣхъ высшихъ областяхъ духовной жизни человѣчества, въ философіи и наукѣ, поэзіи и искусствѣ и даже въ сферѣ чисто естественной религіозной жизни лучшія, вполнѣ оригинальныя произведенія появляются на свѣтъ подъ исключительнымъ вліяніемъ таинственной, премірной силы, сообщающей высшее озареніе духу ихъ творцевъ, то какъ возможно допустить, чтобы одна наивысшая, безусловно-истинная религія не требовала никакого исключительнаго, премірнаго воздѣйствія на свое происхожденіе въ мірѣ и могла появиться на свѣтъ, почерпая жизненные элементы для своего развитія лишь въ простомъ человѣческомъ разумѣ одного или нѣсколькихъ лицъ? Нѣтъ, очевидно, такая религія, какъ безусловно-истинная, имѣющая всемірное назначеніе въ родѣ человѣческомъ, менѣе всего можетъ выдти изъ нѣдръ собственнаго ума человѣческаго и, напротивъ, только изъ безпримѣрнаго или собственно-сверхъестественнаго источника. Этотъ выводъ утверждается еще на слѣдующемъ основаніи. Лучшія творенія въ области философіи, науки, поэзіи и искусства всегда и вездѣ владѣютъ только относительнымъ достоинствомъ, непремѣнно требующимъ восполненія и усовершенствованія ихъ въ новыхъ и новыхъ твореніяхъ того же рода. Это потому, что по законамъ человѣческаго развитія, ни одно изъ нихъ не можетъ вполнѣ,

безусловно воплотить въ себѣ идею своей области [1]); отсюда, хотя для произведенія такихъ созданій требуется геній и высшее озареніе его духа въ моментъ творчества, однако все дѣло необычайнаго просвѣщенія творческаго генія ограничивается тѣмъ, что въ немъ или его твореніи съ особенною полнотою и жизненностію проявляется духъ его народа и его времени; почему за геніями и усвояется названіе представителей своего народа и своего времени. Совсѣмъ иное, безпримѣрное положеніе въ ряду высшихъ областей духовной жизни человѣчества занимаетъ религія: здѣсь не могутъ быть только относительно истинныя религіи, лишь сравнительно возвышающіяся одна надъ другой. Всѣ такія религіи, хотя и различаются по ихъ сравнительному достоинству, одной дается предпочтеніе предъ другой, однако во всякомъ случаѣ признаются ложными, и мы не можемъ отдаться имъ всѣми силами своей души, жить по ихъ правиламъ и указаніямъ и ожидать отъ того вѣчнаго спасенія. Только ту религію мы принимаемъ, той держимся и желаемъ быть полными выразителями ея духа, которую признаемъ безусловно-истинною, вполнѣ и совершенно выражающею собой идею религіи. Очевидно такимъ образомъ, что въ ряду всѣхъ религій одна непремѣнно должна быть безусловно-истинною, имѣющею вѣчное и всемірное назначеніе, способною удовлетворять религіозный духъ всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Но созданіе такой религіи не можетъ быть дѣломъ только генія, воплощающаго въ себѣ духъ своего народа и своего времени. Такая религія, какъ всякому очевидно, должна быть произведеніемъ духа, возвышающагося по полнотѣ и глубинѣ своихъ силъ надъ всѣми народами и надъ всѣми временами, духа всеобъемлющаго, безусловнаго, всесовершеннаго. Такой духъ есть одинъ Богъ и Ему-то лишь мы можемъ приписать откровеніе безусловно-совершенной, истинной религіи и такое откровеніе (безъ сомнѣнія чрезъ извѣстныхъ посредниковъ), должны признать чрезвычайнымъ, сверхъобычнымъ, въ строгомъ смыслѣ сверхъестественнымъ.

---

[1]) Научныя произведенія идею истины, художественныя—идею красоты.

в) Въ религіи человѣкъ находится въ обращеніи съ Богомъ, а Богъ религіи не иначе можетъ представляться какъ существомъ живымъ, личнымъ въ высшей степени дѣятельнымъ. Философія стремится къ тому, чтобы логически понять и объяснить происхожденіе міра со всѣмъ разнообразіемъ его явленій изъ высшаго существа, какъ первоначальной причины; отсюда это существо, хотя неправильно, однако можетъ мыслиться, то какъ коренная міровая (матеріальная) сила, сообщающая движеніе и жизнь всему міровому бытію, то какъ общая отвлеченная идея, саморазвивающаяся или самовоплощающаяся въ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ міра, то какъ міровая душа проникающая и оживляющая весь міръ и т. д. Религія, напротивъ, не можетъ удовлетворяться подобными представленіями Бога: она требуетъ высшаго существа въ самыхъ дѣятельныхъ отношеніяхъ къ человѣку; такъ какъ послѣдній обращается къ нему не съ запросами холодной мысли, ищущей простаго удовлетворенія знанію, но съ насущными потребностями сердца, съ желаніями всей своей души, ищетъ у него непосредственной помощи, проситъ у него защиты, милости, благоволенія, словомъ, руководства и покровительства на всемъ пути его жизни. Отсюда религіозный человѣкъ по самому существу своихъ отношеній къ Богу, непремѣнно предполагаетъ своего Бога существомъ живымъ, личнымъ, дѣятельнымъ. Этого характернаго въ религіи воззрѣнія на Бога, какъ на существо живое и личное, отнюдь не опровергаютъ нѣкоторыя религіозно-философскія системы древняго язычества, въ которыхъ въ основѣ всей генеалогіи боговъ лежатъ чисто пантеистическія представленія божества, каковы понятія индійцевъ о Пара-Брамѣ, персовъ о Церуана-Акерена и т. д. Всѣ подобныя представленія были уже позднѣйшими произведеніями философствующей мысли культурныхъ народовъ, или лучше, высшаго, образованнѣйшаго класса ихъ—жрецовъ, и служили отнюдь не непосредственнымъ выраженіемъ религіознаго народнаго духа, который зналъ и почиталъ только личныхъ боговъ, но философскимъ объясненіемъ уже данныхъ религіозныхъ системъ, сводящимъ все разнообразіе и множество боговъ къ одному первоисточнику. Такъ, если для всякаго религіознаго

человѣка, для религіи вообще Богъ есть не иначе, какъ живое, личное существо и если съ истинною религіи вообще должна быть истинною и эта всеобщая вѣра въ Бога, какъ живаго и личнаго существа; то понятно, что истинное знаніе Бога должно подлежать общему человѣческому закону знанія всякаго живаго существа или дѣйствительнаго предмета. Въ чемъ же состоитъ этотъ законъ? Въ томъ, что человѣкъ узнаетъ всякое живое существо или дѣйствительный предметъ *прежде всего* путемъ непосредственнаго впечатлѣнія (внѣшняго или внутренняго) на его духъ со стороны познаваемаго предмета; на которое онъ отвѣчаетъ ощущеніемъ и воспріятіемъ, сопровождаемыми сознаніемъ. Неоспоримо, стало быть, что и Богъ какъ живой, личный Духъ, неизбѣжно, прежде всего, долженъ такъ или иначе непосредственно воздѣйствовать на духъ человѣка, лично, собственною жизнію открыться ему, чтобы этотъ могъ получить правильное сознаніе о немъ и вмѣстѣ съ симъ имѣть истинную религію. Дабы человѣкъ могъ возвыситься до познанія Бога, Богъ долженъ низойти изъ Своего неприступнаго свѣта до воспріятія и пониманія Его человѣкомъ. Конечно правда, что и тварный міръ служитъ откровеніемъ Бога и поэтому также изъ разсматриванія творенія вообще возможно познаніе Бога, но это доказываетъ лишь то, что сверхъестественное откровеніе, необходимое для правильнаго познанія Бога, не исключаетъ собою естественнаго, но не наоборотъ, что естественное откровеніе дѣлаетъ уже излишнимъ сверхъестественное. Напротивъ, сравненіе древнихъ языческихъ религій съ ветхозавѣтною іудейской прямо даетъ намъ видѣть, что само естественное отровеніе получаетъ свое правильное освѣщеніе и истинное толкованіе только подъ вліяніемъ и руководствомъ сверхъестественнаго: ни въ одной изъ языческихъ религій вы не встрѣтите столь возвышеннаго и трогательнаго изображенія величія и благости Творца, основывающагося на разсмотрѣніи красотъ природы, какъ въ ветхозавѣтныхъ псалмахъ, и это несравнимое превосходство ветхозавѣтныхъ пѣснопѣній, заключающихъ въ себѣ глубокое пониманіе природы или естественнаго откровенія Бога, превосходство предъ всѣми языческими гимнами, непосредственно сливающими силы и

предметы природы съ богами, безъ сомнѣнія, основывается на сверхъестественномъ просвѣщеніи ветхозавѣтныхъ пѣснопѣвцевъ, на ихъ богодухновенности. Видимый міръ, какъ естественное откровеніе Бога, безъ содѣйствія непосредственнаго, сверхъестественнаго откровенія, и безъ всякихъ преданій о немъ, конечно можетъ привести насъ къ познанію Бога, но только (какъ показываютъ философскія системы деизма и пантеизма), или какъ общаго и первичнаго основанія міра, не вступающаго съ историческимъ процессомъ міроваго развитія ни въ какія непосредственно-дѣятельныя отношенія, или какъ основной отвлеченной идеи, самовоплощающейся въ міровомъ развитіи. Даже къ этимъ понятіямъ о Богѣ, строго говоря, собственный умъ человѣка, руководимый исключительно естественнымъ откровеніемъ, можетъ придти лишь въ лучшемъ случаѣ, т. е. болѣе здравый и сильный по своимъ натуральнымъ способностямъ; напротивъ въ худшемъ—подъ возбужденіемъ чувственныхъ влеченій и страстей онъ скорѣе всего приметъ за первоисточникъ міроваго бытія какую-либо одну изъ матеріальныхъ силъ міра или общую сумму ихъ, какъ это и видимъ мы въ разнообразныхъ системахъ философскаго матеріализма. Какъ бы то ни было, но въ томъ и другомъ случаѣ объ установленіи истинной религіи въ мірѣ не можетъ быть и рѣчи, если только еще возможна рѣчь о религіи вообще.—При этомъ, при указанныхъ представленіяхъ Бога (деистическомъ и пантеистическомъ), какія только способна выработать мысль человѣка, руководимая исключительно естественнымъ откровеніемъ, религіозный духъ человѣка никогда не могъ бы выдти изъ круга сомнѣнія: всякое понятіе о Богѣ всегда казалось бы ему прежде всего произведеніемъ его собственной мысли и ничто не удостовѣряло бы его, соотвѣтствуетъ ли этому понятію Божественное существо внѣ его, или же оно есть просто внутренняя, лишь ему одному принадлежащая идея.—Далѣе, тварная природа міра, по самому существу своему, какъ тварная, представляетъ намъ только слабое отраженіе безконечныхъ свойствъ ея Творца, за которымъ слѣдуетъ въ возможности наиболѣе полныя и совершенныя проявленія Божества. Насколько Богъ, всемогущій Творецъ, неизмѣримо

совершеннѣе творенія, настолько міръ есть несовершенное откровеніе своего Творца; но усилія человѣка въ религіи направлены къ познанію Бога не только по опредѣленной, ограниченной степени проявленія Его свойствъ въ твореніи міра, но и по тѣмъ степенямъ, которыя остаются, такъ сказать, неявленными міру. Человѣкъ стремится знать Бога не только по видимой сторонѣ Его безграничныхъ свойствъ—въ твореніи міра, но и по невидимой, скрывающейся за предѣлами міра, не только, по скольку Онъ есть Творецъ міра, но и каковъ Онъ есть вообще самъ въ себѣ, какъ премірное, безконечное существо. Откуда же онъ можетъ почерпнуть такое высшее, премірное вѣдѣніе о Богѣ? Какую помощь окажетъ ему въ этомъ случаѣ природа? Очевидно никакой. Человѣкъ самъ въ себѣ есть наивысшее естественное откровеніе Бога въ мірѣ и, слѣдовательно, наиболѣе высокія, доступныя его уму естественные источники для его познанія о Богѣ онъ можетъ находить только въ самомъ себѣ; онъ самъ только одною половиною своей природы принадлежитъ къ видимому міру, напротивъ, другою, высшею (духомъ) къ премірной области бытія. Повидимому, отсюда слѣдуетъ заключить, что изъ разсмотрѣнія самого себя, своего духа онъ и можетъ черпать наивысшее, сокрытое за видимымъ міромъ, вѣдѣніе о всесовершенныхъ свойствахъ Божіихъ, короче—вѣдѣніе о Богѣ въ Его премірной самосущности. На этотъ источникъ, т. е. на нашъ собственный духъ, какъ на единственный и коренной для всякаго познанія Бога и міра, дѣйствительно и указывало древнее язычество въ его лучшихъ представителяхъ—египетская религія и греческій философъ Сократъ („познай самого себя“); но какъ скуденъ и обманчивъ и этотъ источникъ для религіознаго знанія, лучше всего доказала исторія самого древняго язычества, зашедшаго въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ въ непроходимыя дебри умственнаго мрака и нравственнаго растлѣнія. Нѣтъ, человѣкъ не отъ познанія самого себя можетъ придти къ истинному познанію Бога, но, на оборотъ, только выходя отъ истиннаго познанія о Богѣ онъ прямо и вѣрно приходитъ и къ познанію самого себя; не подобіе или образъ (человѣкъ) можетъ открыть намъ въ ясномъ и безобманчивомъ свѣтѣ его первообразъ (Бога), но

только Первообразъ открываетъ намъ природу и достоинство его образа (человѣка). Откуда же въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ пріобрѣсти правильное познаніе о своемъ первообразѣ. Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, не допускаетъ уже никакого колебанія: только отъ самого же Первообраза, т. е. изъ его непосредственнаго или сверхъестественнаго откровенія. Такъ, правильное понятіе о Богѣ, какъ живомъ, личномъ существѣ и разъясненіе обычнаго пути пріобрѣтенія знанія о всякомъ живомъ существѣ или дѣйствительномъ предметѣ съ неотразимою убѣдительностію приводятъ насъ къ безусловному требованію сверхъестественнаго откровенія для установленія истинной религіи въ мірѣ.

г) Насколько необходимо Божественное откровеніе для упроченія истинной религіи въ мірѣ, лучше всего доказываютъ неоднократныя попытки, предпринимавшіяся въ разныхъ образованныхъ странахъ нѣкоторыми кружками философовъ и богослововъ—раціоналистовъ къ установленію, такъ называемой, религіи, т. е. религіи основывающейся на исключительныхъ началахъ собственнаго человѣческаго разума. Эти попытки мы встрѣчаемъ прежде всего во Франціи, по почину революціоннаго правительства, вскорѣ послѣ того какъ глава этого правительства, Робеспьеръ публично призналъ, что атеизмъ не можетъ служить основаніемъ государственной жизни народа и на его мѣсто снова долженъ быть возстановленъ Богъ; далѣе—не разъ въ Германіи, Англіи и Америкѣ. Всѣ эти опыты основанія раціональной религіи вездѣ приводили ея основателей къ горькому разочарованію: прежде всего распространеніе такой религіи не шло далѣе самаго тѣснаго, ограниченнаго кружка послѣдователей и затѣмъ самые эти кружки, организовавшіеся во имя „разумной религіи“, преслѣдуемые насмѣшками общества и обезсиливаемые собственными внутренними раздорами объ основныхъ тезисахъ раціональнаго символа, скоро распадались, жили не много долѣе времени своего образованія. Эта недолговѣчность раціональной религіи въ ея всевозможныхъ формулахъ вполнѣ естественна и неизбѣжна: внутренняя несостоятельность ея всегда сказывалась уже въ самомъ ея содержаніи. Прежде всего она никогда не могла изобрѣсть своего собственнаго, оригинальнаго со-

держанія, а заимствовала его уже изъ готовыхъ положительныхъ религій, большею частію изъ Богооткровенной, ветхо и новозавѣтной, и потомъ въ самомъ заимствованіи чужихъ истинъ всегда обнаруживала неустойчивость, разнообразіе и противорѣчіе. Но что особенно лишало ее всякой жизненной силы даже въ странахъ, пользующихся полной религіозной свободой, какова Америка,—это то, что раціональная религія всю самостоятельность свою обыкновенно заявляла въ томъ, что брала изъ положительной, Богооткровенной религіи, однѣ голыя истины безъ жизненныхъ основъ ихъ въ Богооткровенныхъ фактахъ, очищала и отдѣляла эти истины отъ органически слитой съ ними исторической оболочки, въ своемъ родѣ плоти и крови, и такимъ образомъ предлагала довольствоваться религіозному духу человѣка голымъ остовомъ, безжизненныхъ скелетовъ религіи, соединеннымъ въ своихъ частяхъ проволокою, вмѣсто живаго, дышущаго силой и энергіей, полнаго организма религіи, представляющаго въ своихъ частяхъ естественныя и неразрывныя связи. Мертвый остовъ религіи, какой находимъ мы въ такъ называемой раціональной религіи, состоящей въ сухихъ положеніяхъ: бытіе Бога, безсмертіе нашей души, награда за добро и наказаніе за зло и проч., безъ сомнѣнія, также мало можетъ поддерживать и развивать религіозный духъ, какъ простое знакомство съ оглавленіемъ книги не можетъ замѣнить собой ознакомленія съ самымъ содержаніемъ книги. Изъ этихъ неудачъ раціональной религіи къ самоутвержденію въ мірѣ открывается намъ новое основаніе неизбѣжности сверхъестественнаго откровенія для установленія истинной религіи въ мірѣ. Пусть чисто разумная религія, покоющаяся единственно на нашемъ собственномъ познаніи Бога, будетъ по своему содержанію безусловно истинною, и при всемъ томъ она никогда не станетъ въ мірѣ выше какой либо философской системы; она можетъ оказать вліяніе собственно на умственную сторону извѣстнаго, небольшаго кружка лицъ, но всегда будетъ безсильна завладѣть всемъ сердцемъ, всею душей человѣка, обнять своимъ вліяніемъ всѣ жизненныя силы его, сдѣлаться основнымъ рычагомъ всего подъема его духа. Такою жизнетворною религіей можетъ быть лишь религія, отличающаяся полнотою не только глубокихъ и неотразимыхъ истинъ, но и живыхъ

выразительныхъ фактовъ Божественной дѣятельности въ мірѣ, направленной къ благу человѣчества; а эту религію можетъ дать и даетъ намъ только одно непосредственно-Божественное или сверхъестественное откровеніе.

д) При утвержденіи религіи въ человѣческомъ обществѣ существенное значеніе имѣетъ не только извѣстное достоинство ея догматическихъ и нравственныхъ истинъ, но и съ одной стороны полнота чувства, съ какою она проповѣдуется, съ другой—дѣятельное проявленіе ея нравственныхъ правилъ въ собственной, личной жизни ея основателя. Въ первомъ отношеніи, по отношенію къ чувству основателя религіи мы хотимъ сказать слѣдующее. Чтобы внушить другимъ убѣжденіе въ истинѣ вѣры, чтобы проповѣдь новой религіи запала въ самую глубину сердца слушателя и здѣсь залегла неистребимымъ жизненнымъ зерномъ, проповѣдникъ напередъ самъ долженъ вполнѣ и всецѣло проникнуться истиною словъ, исходящихъ изъ его устъ и это твердое убѣжденіе его должно корениться не столько въ области его разума, сколько въ области сердца. Религія есть по преимуществу явленіе сердца; строго говоря, въ сердцѣ по самой природѣ нашей мы имѣемъ уже всю религію, но еще саму въ себѣ замкнутую, неразвитую, не выяснепную для нашего сознанія; всякая религія въ смыслѣ ученія есть не что иное, какъ болѣе или менѣе вѣрное, въ той или иной степени соотвѣтствующее (а христіанство вполнѣ) выраженіе или уясненіе для нашего сознанія таящейся въ глубинѣ нашего сердца религіи. Можетъ быть не всѣ согласятся съ такимъ воззрѣніемъ на первоначало религіи въ человѣкѣ и, если угодно, мы не будемъ настаивать на немъ. Какъ бы то ни было, но мы полагаемъ, что для всѣхъ неоспоримо и несомнѣнно, что религія по существу своему принадлежитъ болѣе сердцу, нежели разуму или волѣ. Если эта мысль справедлива, то также безошибочепъ и выводъ изъ нея: твердое и непоколебимое въ истинѣ религіознаго ученія можетъ передаваться только отъ сердца въ сердце. Проповѣдникъ прежде и главнѣе всего долженъ владѣть не классически ораторскимъ талантомъ (ибо сила таланта производитъ лишь преходящій, мимолетный эффектъ, щекочетъ ухо, но не затрогиваетъ сердца) и не поразительною высотою

умственнаго созерцанія (ибо высота умосозерцанія изумляетъ, доставляетъ наслажденіе отвлеченной, мыслительной силѣ, но не оставляетъ прочнаго осадка въ сердцѣ), но священнымъ огнемъ, распаляющимъ все внутреннее его существо и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно охватывающимъ, овладѣвающимъ и заражающимъ собой сердца слушателей. Только кипучій потокъ религіозныхъ воззрѣній, ощущеній и правилъ жизни, естественно и неудержимо изливающійся какъ бы изъ переполненнаго сердца одного, чарующе дѣйствуетъ на сердце другаго, легко впитывается этимъ и вызываетъ въ немъ тожественныя воззрѣнія, ощущенія и нравственное настроеніе. Такимъ образомъ въ религіозной проповѣди первѣе всего дѣйствуетъ сила непосредственнаго чувства на непосредственное же чувство, все же прочее имѣетъ уже побочное, не существенное значеніе. Вотъ почему, какъ мы видимъ изъ исторіи и знаемъ изъ опыта, часто простые, необразованные глашатаи религіи, но полные неподдѣльнаго религіознаго жара, по силѣ своего вліянія на слушателей далеко оставляютъ за собой лучшихъ проповѣдниковъ-ораторовъ; они увлекаютъ за собой сотни и даже тысячи слушателей, господствуютъ надъ цѣлыми массами послѣдователей, становятся въ собственномъ смыслѣ пастырями многочисленнаго стада, между тѣмъ какъ на долю богослововъ-ораторовъ оставляютъ холодныхъ оцѣнщиковъ ихъ словеснаго искусства, ревниво сберегающихъ свое сердце отъ всякаго воздѣйствія со стороны оратора. Тамъ проповѣдникъ своей рѣчью пронизываетъ сердце, здѣсь вызываетъ лишь болѣе или менѣе одобрительную критику; тамъ учитель религіи достигаетъ первенства, отцевства въ кругу своихъ послѣдователей, здѣсь пріобрѣтаетъ только мірскую славу и внѣшній почетъ; тамъ созидаетъ и расширяетъ (на правильныхъ или ложныхъ началахъ) истинно-религіозное общество, здѣсь же только поддерживаетъ уже существующее общество и при томъ не всегда успѣшно. Таковы различныя, но неизбѣжныя слѣдствія вліянія на человѣческое общество различнаго состоянія религіознаго чувства самихъ проповѣдниковъ религіи. Спѣшимъ перейти теперь къ той существенной мысли, ради которой велось все наше донынѣшнее разсужденіе. Для основателя религіи нужна необычайная сила

чувства, чтобы своею проповѣдью оказать магическое воздѣйствіе на слушателей, овладѣть ихъ сердцами, и властвовать надъ ними какъ надъ стадомъ въ качествѣ пастыря. Но откуда онъ можетъ почерпнуть потребную для сего энергію чувства? Изъ собственнаго сознанія правоты своего ученія, покоющагося на твердыхъ основаніяхъ разума? Но сознаніе истины, опирающейся на авторитетъ разума, всегда и неизбѣжно скрываетъ въ глубинѣ своей извѣстную долю недовѣрчивости къ человѣческому разуму, какъ ограниченному и способному впадать въ ошибки и заблужденія, всегда болѣе или менѣе растворяется сомнѣніемъ въ дознанной истинѣ (это, безъ сомнѣнія, испытывалъ каждый самъ на себѣ, кто только занимался научною или философскою работою) и потому уже не способно вызвать въ сердцѣ человѣка непосредственнаго и неподдѣльнаго пламеннаго чувства, проникающаго и сопровождающаго каждое слово проповѣдуемой имъ самодознанной истины. Нѣтъ, для выраженія истины со всѣмъ увлеченіемъ сердца необходимо другое основаніе увѣренности въ ней, *кромѣ, внѣ и выше разума* (хотя и авторитетъ разума отнюдь не исключается здѣсь безусловно). Какое же это основаніе? — Разумъ Божественный, непосредственно и чудесно воздѣйствующій на духъ проповѣдника, внушеніе человѣку истины Самимъ Богомъ. Когда увѣренность въ такомъ чрезвычайномъ внушеніи истины крѣпка въ человѣкѣ, тогда онъ отдается ей (истинѣ) безъавѣтно всѣмъ своимъ существомъ, становится ея послушнымъ орудіемъ, смотритъ на себя какъ на органъ, но не источникъ ея, чувствуетъ въ себѣ какую-то чуждую ему, но неопредолимую силу, толкающую его къ выраженію истины, и потому, когда говоритъ, — не задумывается, не обсуждаетъ своего слова, но какъ бы извергаетъ стремительный потокъ рѣчи; каждымъ словомъ своимъ какъ бы мечетъ стрѣлами, попадающими въ самую глубину сердца слушателей и такимъ образомъ приковываетъ къ себѣ слушателей, дѣлаетъ изъ нихъ своихъ послѣдователей, образуетъ религіозное общество. Такимъ путемъ, такими именно проповѣдниками созидались, утверждались и распространялись религіи въ древнемъ мірѣ, даже языческомъ. Но творцы ложныхъ религій были и ложные пророки, принимавшіе вѣ-

щанія своего сердца за голосъ Божій. Какимъ же образомъ можетъ возникнуть и раскрыться *истинная религія* въ мірѣ? Ужели при посредствѣ одного человѣческаго разума, изъ единственнаго источника — нашего собственнаго мышленія? Но откуда же возмется въ такомъ случаѣ въ основателѣ ея беззавѣтная увѣренность въ истинѣ религіи? Человѣку, какъ мы сказали, свойственно сомнѣніе въ непогрѣшимости своего разума, хотя бы иногда разумъ и сообщалъ намъ истину: онъ вообще ограниченъ, ошибоченъ, способенъ вводить насъ въ обманъ и этого вполнѣ достаточно, чтобы мы не довѣрялись ему безусловно даже и на тотъ разъ, когда, повидимому получаемъ отъ него истину. Отсюда мы видимъ, что люди наиболѣе извѣстные въ области науки болѣе всѣхъ не довѣряли своимъ открытіямъ и только по настоянію друзей рѣшались объявлять міру свои открытія (какъ это прямо засвидѣтельствовано исторіей наприм. относительно Ньютона). Но вмѣстѣ съ сомнѣніемъ, хотя бы даже въ наималѣйшей долѣ, въ истинѣ религіи, порожденной изъ собственнаго человѣческаго мышленія, уже не можетъ быть той положительности, властности и пламенности чувства, съ какими проповѣдникъ долженъ возвѣщать, укоренять и распространять ее въ мірѣ. Откуда же, повторяемъ, возьмутся эти существенно-важныя свойства его проповѣди, безъ которыхъ онъ не подѣйствуетъ на своихъ слушателей, не упрочитъ своей религіи въ мірѣ, пусть даже она будетъ истиннѣйшею изъ всѣхъ религій? Или быть можетъ, сознаніе истины религіи должно привести виновника ея къ заключенію, что эта религія именно и есть вполнѣ желаемая Богомъ, абсолютно выражающая идеи Божественнаго разума и требованія Божественной воли, въ своемъ родѣ, непосредственно-Божественная, а такое заключеніе въ свою очередь должно сообщить творцу религіи и потребный жаръ чувства при ея возвѣщеніи міру? Но мы знаемъ, что въ религіозной области во всѣ времена и у всѣхъ народовъ основатели религіи не отъ сознанія истины религіи самой въ себѣ (по основаніямъ разума) заключали къ признанію ея Божественности, но, наоборотъ, отъ признанія ея Богооткровенности приходили къ непоколебимой увѣренности въ ея безусловной истинѣ и вмѣстѣ съ симъ естественно и пламенно воодушев-

лялись при ея проповѣди людямъ. Но не можетъ ли Богъ (остается еще одна возможность для отрицанія непосредственнаго Божественнаго вдохновенія въ пророкахъ истинной религіи) при чисто естественномъ происхожденіи религіи такъ воздѣйствовать на виновника ея, что онъ приметъ произведеніе собственнаго духа за внушеніе свыше, за откровеніе Самого Бога и вслѣдствіе этого станетъ проповѣдывать ее властно, съ авторитетомъ самого голоса Божія? При этомъ предположеніи возникаютъ два вопроса: во первыхъ—достойно ли Бога порожденіе такого самообольщенія въ человѣкѣ, по которому онъ созданіе собственнаго разума долженъ принимать и объявлять міру, какъ непосредственно-Божественное внушеніе, какъ откровеніе Самого Бога? И во вторыхъ: допуская возможность Божественнаго воздѣйствія на человѣка въ дѣлѣ ошибочнаго признанія его собственной, чисто разумной религіи Богооткровенною, сверхъестественною, почему мы не можемъ согласиться съ лучшею, болѣе прямою и естественною возможностію—съ возможностію дѣйствительно непосредственнаго откровенія Бога избраннымъ лицамъ, сверхъестественнаго сообщенія истинъ вѣры и правилъ нравственности, т. е. истинной религіи? Нѣтъ, пророкъ истинной религіи не въ иномъ чемъ можетъ найти источникъ своего вдохновенія и кипучаго выраженія своей проповѣди, какъ въ непосредственномъ проникновеніи его духа Духомъ Божіимъ, въ необычайномъ, сверхъестественномъ откровеніи ему Самимъ Богомъ глаголовъ живота вѣчнаго.—Но мы сказали еще, что для утвержденія истинной религіи въ мірѣ необходимо не просто необычайное возбужденіе чувства проповѣдника, но и дѣйствительное осуществленіе нравственныхъ правилъ его ученія въ его собственной, личной жизни. Религія по существу своему имѣетъ назначеніе живаго воплощенія ея нравственныхъ требованій какъ въ цѣломъ религіозномъ обществѣ, такъ и въ каждомъ членѣ его отдѣльно. И примѣръ здѣсь значитъ болѣе всего. Отсюда основатель или миссіонеръ новой религіи долженъ быть преданъ ей не только сердцемъ, но и всей своей душей, всей жизнію, долженъ быть не просто ея учителемъ, но и выразителемъ или представителемъ во всей своей жизни; слово его должно находить себѣ живой

отзвукъ въ его дѣлѣ и каждое дѣло его должно служить выраженіемъ, такъ сказать, иллюстраціей его слова. Творцамъ языческихъ религій, можно сказать, не трудно было болѣе или менѣе полное осуществленіе нравственныхъ основоположеній ихъ проповѣди: все ученіе ихъ было только натуральнымъ плодомъ ихъ духа и поэтому и въ нравственномъ отношеніи требовало отъ нихъ отнюдь не болѣе того, что способна была выполнить ихъ собственная нравственная сила. Не въ такомъ положеніи оказываются пророки истинной религіи. Они, какъ глашатаи истинной религіи, открываютъ міру ученіе о Богѣ, вполнѣ отвѣчающее существу Самого Бога и ученіе о Его нравственномъ законѣ, согласное съ дѣйствительною волей Божіей. Но Богъ Самъ по Себѣ есть премірное и безконечное существо, поэтому и ученіе о Немъ и Его волѣ должно заключать въ себѣ также, такъ сказать, премірныя черты, т. е. такія, изъ которыхъ однѣ имѣющія отношеніе къ области умственной, не могутъ быть познаны собственнымъ, самодѣятельнымъ умомъ человѣка, другія, относящіяся къ области нравственности, не могутъ быть осуществлены или воплощены собственною нравственною силою человѣка. Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно послѣднее; именно, что нравственное ученіе пророковъ истинной религіи по своей высотѣ должно быть таково, что не можетъ найти живаго выраженія или воплощенія ни въ чьей, собственно человѣческой, нравственной дѣятельности, слѣдовательно и въ дѣятельности самихъ пророковъ. Между тѣмъ пророки, основатели и распространители истинной религіи, какъ такіе, необходимо должны идти впереди всѣхъ въ дѣлѣ осуществленія своего нравоученія, служить наивысшими образцами исполненія раскрываемыхъ ими нравственныхъ требованій; безъ этого слово ихъ останется пустымъ звукомъ: проповѣдь ихъ религіи не найдетъ себѣ воспріемлемости въ мірѣ, не привьется, не укоренится въ людяхъ; она требуетъ своего проведенія въ жизнь человѣческую и прежде всего путемъ жизненнаго воплощенія ея въ самихъ органахъ, основателяхъ ея. Какъ же, повторяемъ, она можетъ найти себѣ живое выраженіе (разумѣемъ съ нравственной стороны) въ ея пророкахъ, вообще человѣчески слабыхъ нравственною силой. Ясно, какое суще-

ственное условіе требуется здѣсь: это — содѣйствіе сверхъестественной, строго-Божественной силы, укрѣпляющей, возбуждающей и возвышающей, словомъ перерождающей натуральную нравственную силу пророковъ. Безъ такой нарочитой, сверхъестественной силы духъ пророковъ былъ бы слабъ, безпомощенъ въ дѣлѣ проявленія въ себѣ образцовой нравственной жизни, согласной ихъ собственному нравоученію; безъ этой жизни, служащей примѣромъ, образцомъ для другихъ, вся проповѣдь пророковъ осталась бы тщетною. Такъ, въ виду требованій: а) необычайнаго возбужденія чувства въ проповѣдникахъ истинной религіи въ моментъ ихъ проповѣди и б) дѣятельнаго выраженія нравственныхъ элементовъ ихъ проповѣди прежде всего въ ихъ собственной жизни, требованій, исполненіе коихъ невозможно ни для одного изъ смертныхъ безъ содѣйствія сверхъестественной помощи, мы приходимъ опять къ тому же убѣжденію, что истинная религія не только по своему внутреннему содержанію, но и по внѣшнему способу своего проявленія и утвержденія въ мірѣ не можетъ быть мыслима безъ сверхъестественнаго воздѣйствія Бога на духовныя силы ея основателей.

е) Остается теперь разсмотрѣть еще одно и при томъ самое главное основаніе необходимости сверхъестественнаго откровенія для насажденія и утвержденія въ мірѣ истинной религіи. Оно заключается въ поврежденности нашей природы, явившейся вслѣдствіе нашего грѣхопаденія. Фактъ всеобщности грѣха въ родѣ человѣческомъ не подлежитъ сомнѣнію: онъ свидѣтельствуется сознаніемъ всего человѣчества вообще и каждаго изъ насъ порознь; всѣ мы сознаемъ себя преступниками Закона Божія, виновными предъ Богомъ. Утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что грѣхъ въ области нашей нравственной жизни, подобно заблужденію въ области умственной, принадлежитъ къ неизбѣжнымъ проявленіямъ нашей природы, составляетъ существенный моментъ на пути нашего нравственнаго развитія, значитъ идти наперекоръ общему нравственному сознанію человѣчества, по которому грѣхъ всегда, при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ есть дѣло Богопротивное, вина предъ Богомъ и потому ведетъ за собой кару по закону правды. Въ этомъ

прирожденномъ намъ нравственномъ сознаніи прямо высказывается, что грѣхъ отнюдь не есть первоначальная и неотъемлемая принадлежность нашей природы и что, слѣдовательно, наше нравственное развитіе могло бы подниматься со ступени на ступень, постепенно возвышаться и усовершаться при одномъ исключительно добромъ направленіи нашей воли или при единственномъ упражненіи нашей воли въ добрѣ. Какъ заблужденія въ дѣлѣ нашего умственнаго развитія отнюдь не содѣйствуютъ, напротивъ препятствуютъ нашему познанію истины, такъ точно и грѣхи или преступленія, кромѣ зловреднаго, никакого благодѣтельнаго вліянія не оказываютъ на успѣхъ нашего усовершенствованія въ добрѣ. Видѣть въ грѣхѣ какой-то могучій рычагъ нашего подъема къ осуществленію нравственнаго назначенія — просто странно. Не находимъ ли мы въ дѣйствительной жизни, что не тотъ, кто долгое время насыщался ложнымъ знаніемъ, достигаетъ высшаго познанія истины, но кто, напротивъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни и постепенно воспитывается въ болѣе или менѣе правильномъ познаніи и разумѣніи истины; точно также и нравственное превосходство предъ другими дается не тому, кто пережилъ и испыталъ всѣ виды нравственныхъ преступленій, но кто еще съ малолѣтства заботливой рукой родителей и воспитателей оберегался отъ зла и пріучался къ посильному выполненію добра. На несокрушимой истинѣ, что лишь путемъ постепеннаго перехода отъ низшаго и простѣйшаго познанія къ высшему и болѣе сложному совершается правильное умственное развитіе и что только отъ добра можно ожидать добра, зиждется какъ потребность, такъ и самое дѣло воспитанія дѣтей. Ложный методъ не ведетъ къ истинѣ и развратъ не влечетъ къ добру и поэтому, лишь слѣпо вѣруя ложнымъ философскимъ теоріямъ о происхожденіи зла въ мірѣ, можно предполагать, что явленія грѣха представляютъ существенныя и неизбѣжныя ступени въ дѣлѣ нашего нравственнаго развитія. Мы конечно, знаемъ примѣры, когда послѣ продолжительнаго вращенія въ темной сферѣ заблужденій люди какъ бы внезапно озарялись необычайнымъ свѣтомъ знанія и послѣ паденія въ бездну грѣховъ поднимались на чрезвычайную высоту нравственнаго

совершенства: но въ томъ и другомъ случаѣ мы всегда замѣчаемъ сильный переломъ въ душевномъ состояніи человѣка, глубокое духовное перерожденіе его, совершаемое естественно ли подъ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ (впрочемъ трудно опредѣлить здѣсь въ каждомъ случаѣ границу естественнаго), или же, чаще всего, явно подъ сверхъестественнымъ воздѣйствіемъ Божественной силы. Но чтобы изъ заблужденія прямо и непосредственно родилась истина и отъ пороковъ по естественной связи произошелъ рядъ добродѣтелей—этого мы нигдѣ не видимъ. Правда въ каждомъ развитіи, какого бы рода или характера оно ни было, непремѣнно предполагается борьба противоположностей; безъ такой борьбы не возможна жизнь, не мыслимо развитіе, остается мѣсто одному застою, мертвенности, коснѣнію, и отсюда-то заключаютъ, что безъ противоположности заблужденія истинѣ не возможно сознаніе послѣдней и безъ явленія грѣха не возможно дѣло добра, по пословицѣ старовѣровъ: „не согрѣшивши не покаешься, не покаявшись не спасешься“. Но это еще вопросъ и вопросъ серіозный: что именно принадлежитъ къ истиннымъ противоположностямъ какъ въ процессѣ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія человѣчества — заблужденіе ли и истина въ первомъ отношеніи и грѣхъ и добро во второмъ, или что-либо иное, другія составныя части? По нашему мнѣнію, другія, такъ какъ уже доказано нами, что само по себѣ заблужденіе не приводитъ человѣка къ познанію истины и зло или грѣхъ не влечетъ его непремѣнно къ добру. Мы думаемъ, что истинныя противоположности въ умственной и нравственной жизни, борьба коихъ даетъ въ результатѣ дѣйствительное развитіе и усовершенствованіе, таковы: по отношенію къ знанію, съ одной стороны, готовая, опредѣленная ступень знанія человѣка, съ другой, вѣчно присущій ему идеалъ высшаго знанія или абсолютной истины, постоянно влекущій его къ высшему знанію, не позволяющій ему успокоиться ни на одной достигнутой имъ ступени знанія, короче: борьба реальной ступени знанія съ идеальнымъ требованіемъ или запросомъ знанія; точно также по отношенію къ нравственности: съ одной стороны уже готовая, данная ступень нравственнаго развитія человѣка,

съ другой—постоянный, такъ сказать, вѣчно господствующій въ его нравственномъ сознаніи идеалъ нравственнаго совершенства или что то же: борьба даннаго нравственнаго развитія человѣка съ идеальнымъ требованіемъ его нравственнаго совершенства. Эти противоложности были бы постоянны и борьба между ними была бы неумолкаема и слѣдовательно умственное и нравственное развитіе человѣчества шло бы безостановочно впередъ и притомъ всегда правильно, если бы даже человѣкъ никогда не заблуждался и никогда не впадалъ во грѣхъ. Такъ, грѣхъ есть явленіе не нормальное въ нашей нравственной жизни и, слѣдовательно, не прямой и естественный результатъ нашей нравственной природы, данной намъ Богомъ (Творецъ не можетъ быть виновникомъ зла), но продуктъ нашего собственнаго злаго хотѣнія, и поелику онъ обладаетъ характеромъ всеобщности въ человѣческомъ родѣ, то ясно, что есть произведеніе не нормальности или поврежденности самой нашей духовно-нравственности природы. Эта поврежденность, по ученію всѣхъ религій, явилась слѣдствіемъ грѣхопаденія нашихъ прародителей, и съ такимъ ученіемъ нельзя не согласиться: отъ начала рода человѣческаго до настоящаго времени всѣ люди сознавали и чувствовали себя подъ гнетомъ грѣха; очевидно, порча ведетъ свое начало отъ самыхъ прародителей нашихъ и именно по ихъ винѣ, вслѣдствіе ихъ паденія. Съ паденіемъ первыхъ людей и извращеніемъ ихъ природы, ставшими вѣчнымъ и непрерывнымъ наслѣдіемъ всего ихъ потомства, само собой разумѣется, уничтоженъ былъ и первоначальный союзъ между Богомъ и человѣкомъ, нарушена и извращена была первая религія; на ея мѣстѣ водворилась рознь, отчужденіе между Богомъ и человѣкомъ; человѣкъ подпалъ гнѣву, осужденію Божію. Теперь роду человѣческому нужно было искать спасенія и въ этомъ исканіи и за тѣмъ пріобрѣтеніи его и должна состоять теперь сущность, такъ сказать, сердцевина новой религіи человѣчества. Но какимъ образомъ она могла явиться? Ни въ какомъ случаѣ она не можетъ быть плодомъ собственныхъ силъ духа человѣческаго. Спасеніе какъ противоположность грѣхопаденія, состоящаго изъ двухъ моментовъ — вины чело-

вѣка предъ Богомъ и поврежденія его духовной природы, заключаетъ въ себѣ также два момента — искупленіе вины или заглажденіе грѣха и исправленіе нашей природы или возрожденіе. Оба эти момента спасенія—искупленіе и возрожденіе лежитъ за предѣлами возможнаго для самого человѣка и это потому, что хотя въ нашей мысли они могутъ быть разсматриваемы какъ два момента, однако въ дѣйствительности представляютъ собой одно неразрывное цѣлое, двѣ стороны одного и того же дѣла и каждая изъ нихъ предполагаетъ собой другую и немыслима безъ нея. Чтобы искупить себя отъ вины предъ Богомъ, человѣкъ долженъ владѣть такимъ духомъ и сердцемъ, въ которыхъ бы не было даже тѣни грѣха или злаго начала, т. е. долженъ быть возрожденъ; ибо истинно-искупительную жертву можетъ принесть лишь лице, обладающее сердцемъ чистымъ и духомъ правымъ; но чтобы имѣть такое сердце и такой духъ, т. е. такое перерожденіе или возрожденіе въ своемъ существѣ, онъ долженъ прежде искупительною жертвою пріобрѣсть себѣ право на возрожденіе. Ясно, что въ исканіи спасенія самъ по себѣ человѣкъ находится въ кругу, изъ котораго собственными усиліями выдти не можетъ: для искупленія въ немъ предполагается новый, чистый, непорочный духъ, для обновленія же духа отъ него требуется искупленіе его грѣха; при такихъ требованіяхъ, взаимно обусловливающихъ другъ друга, очевидно, спасеніе человѣка личными условіями безусловно-невозможно, даже немыслимо. Здѣсь правда заслуживаетъ нѣсколько ближайшаго разсмотрѣнія вопросъ: почему же именно невозможно для падшаго человѣка истинное искупленіе или очищеніе отъ содѣяннаго грѣха? Ужели онъ не въ состояніи принести себя вполнѣ, всецѣло въ жертву Богу? Такая невозможность представляется на первый взглядъ странною и поэтому сомнительною; но въ дѣйствительности она неоспорима и несомнѣнна. Истинно искупительная жертва лишь та, въ которой выражается полная, всецѣлая любовь человѣка къ Богу, въ которой все свое я человѣкъ отдаетъ Богу, ничего изъ своего не считаетъ своимъ, но все Божіимъ, въ которой, такъ сказать, сливается своимъ сердцемъ съ Богомъ, погружается въ Него, весь находится

въ Богѣ и поэтому находитъ въ себѣ, въ своемъ существѣ, одно чистое, непорочное, Божественное начало жизни, живетъ однимъ дыханіемъ Божіимъ. Но съ той поры, какъ человѣкъ палъ, внесъ внутрь своего сердца начало зла или грѣха, онъ безсиленъ уже истребить въ себѣ, извлечь изъ себя это начало; до какой бы степени грѣхъ ни подавлялся въ немъ усиліями доброй воли, онъ все-же остается вѣчно присущимъ его душѣ, вѣчно живущимъ въ немъ; ибо проникаетъ все его существо, дѣйствуетъ внутри его силъ еще прежде всякаго ихъ дѣйствія, лежитъ въ нихъ какъ готовая настроенность, какъ натуральное расположеніе, словомъ, какъ составная часть ихъ природы. Отсюда, очевидно, полной любви къ Богу, исключительнаго господства добраго начала, при существованіи злаго, всецѣлой самопреданности Богу въ падшемъ человѣкѣ, какую бы видимо тяжкую и страшную жертву Богу онъ ни приносилъ, быть не можетъ и поэтому никакая жертва его не можетъ получить значеніе и силу истиннаго искупленія отъ грѣховъ. Но невозможность человѣческаго самоискупленія ведетъ за собою и невозможность измѣненія или возрожденія человѣка самого по себѣ. Остается теперь только одна возможность нашего спасенія (искупленія и возрожденія)—дѣйствіемъ непосредственно-Божественнымъ или сверхъестественнымъ. Этотъ выводъ дѣйствительно получаетъ для насъ силу рѣшительной непререкаемости, если только вообще должно имѣть мѣсто въ исторіи человѣчества его спасеніе, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія и чего еще никто и никогда не оспаривалъ. Но принимая все сказанное доселѣ, какъ рядъ твердыхъ и неотразимыхъ истинъ, мы приходимъ тѣмъ самымъ къ слѣдующему общему заключенію: истинная религія человѣчества, сущность которой должна состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ спасеніи (искупленіи и возрожденіи) падшаго человѣчества, можетъ быть утверждена въ мірѣ только однимъ путемъ—путемъ сверхъестественнаго Божественнаго откровенія въ мірѣ. Это послѣднее, раскрытое нами, основаніе за необходимость сверхъестественнаго откровенія, изъ котораго одного только можетъ произойти истинная религія, по нашему мнѣнію, владѣетъ столь твердою и незыблемою силой, что опираетъ и укрѣ-

пляетъ собой также весь рядъ предшествующихъ, указанныхъ нами основаній и, такимъ образомъ, является какъ бы общимъ оплотомъ ихъ, съ которымъ онѣ уже никакой враждебной рукой не могутъ быть ослаблены или разрушены.

Но явленіе грѣха въ человѣчествѣ не только представляетъ намъ основаніе къ требованію сверхъ-естественнаго откровенія для утвержденія истинной религіи въ мірѣ, но и предуказываетъ самый историческій путь, который должно проходить сверхъестественное откровеніе въ мірѣ, и ту высшую форму или ступень его, которою оно должно закончиться. Мы сказали, что спасеніе (искупленіе и возрожденіе) падшаго человѣчества невозможно для него самого, безъ сверхъестественнаго содѣйствія. Возникаетъ теперь наиважнѣйшій вопросъ: въ чемъ же именно должно выразиться это Божественное содѣйствіе? Человѣкъ преступилъ законъ Божій собственною волею; слѣдовательно и спасеніе его должно совершиться не безъ участія его доброй воли; оно не можетъ быть достигнуто имъ самимъ, безъ помощи Божіей; однако и совершенное Богомъ, оно оставалось бы не дѣйственнымъ, еслибы, такъ сказать, не примыкалъ къ нему своею волею, не принималъ его своимъ сердцемъ самъ человѣкъ. Въ спасеніи человѣка, такимъ образомъ, Божественная дѣятельсть и человѣческая воспріемлемость должны идти одна другой на встрѣчу, взаимно сочетаться и слиться въ едино, чтобы явилось дѣйствительное, истинное спасеніе. Въ немъ не можетъ быть мѣста исключительному единству, ни человѣку безъ Бога, ни Богу безъ человѣка. Если это справедливо, то ясно, что спасающая сверхъестественная дѣятельность Бога должна проходить въ мірѣ ступени развитія, строго соотвѣтствующія ступенямъ роста человѣческой воспріемлемости къ принятію Божественнаго спасенія. Отсюда именно и опредѣляется весь общій характеръ или путь историческаго проявленія въ мірѣ сверхъестественной Божественной дѣятельности, направленной къ спасенію человѣчества. Съ одной стороны, Богъ не можетъ не предоставить полной свободы человѣку (ибо свобода ему врождена) въ исканіи спасенія собственными его усиліями, его личными способностями; съ другой, Онъ не можетъ и предоставить его безусловно самому себѣ, ибо знаетъ, что человѣкъ самъ собой не найдетъ спасенія. Результатомъ

этихъ двухъ потребностей — сохраненія свободы воли человѣка въ дѣлѣ стремленія его ко спасенію и непосредственной Божественной помощи въ этомъ дѣлѣ, неизбѣжно является распаденіе исторіи человѣчества на двѣ половины, изъ коихъ одна, менѣе воспріимчивая по натуральному складу своего духа къ Божественной помощи, стремится къ достиженію спасенія собственнымъ, самодѣятельнымъ или, какъ говорятъ, естественнымъ путемъ; другая, напротивъ, болѣе чуткая къ чудеснымъ дѣйствіямъ Бога въ мірѣ направляется къ пріобрѣтенію спасенія подъ непосредственнымъ руководствомъ Божіемъ, т. е. сверхъестественнымъ путемъ. Въ первой половинѣ исторіи человѣчества, сообразно натуральнымъ законамъ нашего развитія, родъ человѣческій въ теченіи вѣковъ переиспытываетъ и переживаетъ всѣ средства, какія только открывала ему его собственная мысль и чувство, для снисканія спасенія, обнаруживаетъ всю полноту своего духа, все богатство своихъ естественныхъ силъ въ трудномъ подвигѣ исканія спасенія, и такъ какъ въ концѣ концовъ останавливается на безутѣшномъ сознаніи собственной немощи для выполненія такого великаго дѣла, то естественно направляетъ свой взоръ къ горьнему міру и оттуда только ждетъ явленія на землю Спасителя міра. Во второй половинѣ Божественная спасающая дѣятельность уже не оставляетъ мѣста собственной самодѣятельности человѣка въ его религіозномъ развитіи: здѣсь проповѣдники религіи являются истинными пророками Божіими, проводниками или органами ученія Самого Бога и всякій религіозный учитель, говорящій отъ самого себя, отъ своего духа, а не отъ Духа Божія, признается ложнымъ учителемъ, обманщикомъ, святотатцемъ. Въ Богооткровенномъ ученіи раскрываются слѣдующіе главные пункты: идея Бога во всей чистотѣ и свободѣ отъ постороннихъ примѣсей; нравственный законъ вполнѣ выражающій святую волю Божію; далѣе, въ противоположность этому нравственному закону, погруженіе человѣка въ грѣхъ, его духовная испорченность и отчужденность отъ Бога, проявляющіяся въ его дѣйствительной жизни, затѣмъ — отношеніе міроправящей Божественной силы, покоющееся на непреложныхъ законахъ правды, къ разнообразнымъ человѣческимъ преступленіямъ, отношеніе выражающееся въ различныхъ опредѣленіяхъ жиз-

ненной судьбы какъ отдѣльныхъ лицъ съ ихъ потомствомъ, такъ и цѣлыхъ народовъ (въ проповѣди посланниковъ Божіихъ это отношеніе освѣщается надлежащимъ свѣтомъ то въ его настоящемъ времени, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ, но неизбѣжномъ будущемъ) и, наконецъ, послѣдовательное выясненіе обстоятельствъ, способа спасенія и лица, предназначеннаго Божественною милостію къ совершенію спасенія. Во всей этой Богооткровенной религіи, такимъ образомъ, постепенно, исторически развивается прямое, положительное приготовленіе къ явленію и принятію Спасителя міра, по совершеніи котораго (приготовленія) и долженъ явиться Самъ Спаситель и исполнить свое дѣло.

Кто же можетъ быть нашимъ Спасителемъ? — Не вновь созданный человѣкъ (если бы даже такое созданіе было возможно) и не ангелъ, посланный на землю и видимо принявшій на себя плоть человѣка (если бы опять такое явленіе ангела на землѣ было возможно), но только Самъ Богъ, снисшедшій на землю, истинно соединившій въ своемъ лицѣ Божеское естество съ человѣческимъ и такимъ образомъ, не переставая быть Богомъ, ставшій истиннымъ человѣкомъ, отъ единыя плоти и крови со всѣмъ родомъ человѣческимъ. Такое требованіе воплощенія Самого Бога въ цѣляхъ спасенія человѣчества мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) искупительная жертва, помимо непорочности Искупителя, предполагаетъ Его истинное единство по природѣ съ родомъ человѣческимъ. Человѣчество собственною волею впало въ грѣхъ и оно также должно искупить себя, такъ чтобы дѣло искупленія было его собственной заслугой; отсюда Искупитель долженъ быть носителемъ въ своемъ духѣ, представителемъ цѣлаго рода человѣческаго; б) жертва искупленія должна быть не внѣшне-вынужденною, но внутренно-свободною и добровольною: обусловленная внѣшнимъ насиліемъ, жертва безъ сердечнаго сочувствія къ смыслу и цѣли ея со стороны жертвеннаго лица есть уже не жертва, но тяжкое и звѣрское преступленіе со стороны жертвователей; поэтому она не только не можетъ быть пріятной Богу, но и рѣшительно противна, ненавистна Ему: а такою богопротивною жертвою, безъ сомнѣнія, было бы всякое мученіе и убійство со стороны людей новосозданнаго человѣка или

ангела, явившагося въ человѣческомъ образѣ: они не могли бы войти въ смыслъ жертвы, рѣшиться на самопожертвованіе во имя чуждаго имъ по природѣ человѣчества; в) въ лицѣ, приносимомъ въ жертву, мы должны находить не просто отрицательное качество—невинность, но и положительное—всеобъемлющую любовь къ человѣчеству и безконечную полноту любви къ Богу, всецѣлое единеніе по духу какъ съ человѣчествомъ такъ и съ Божествомъ, или что тоже, нераздѣльное и полное соединеніе Божественнаго и человѣческаго началъ жизни. Почему это? Потому что лишь такимъ лицемъ принесенная за наши грѣхи жертва всегда будетъ возвышаться предъ сознаніемъ человѣчества какъ единая, вѣчная непреходящая, безконечно-превышающая всю преступность рода человѣческаго предъ Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣчно незыблемая опора для нашей надежды на Божественное всепрощеніе людскихъ грѣховъ, а само жертвенное лице для нашей вѣры всегда будетъ стоять вошедшимъ въ непосредственное сопрославленіе и соблаженство съ Богомъ и истиннымъ ходатаемъ предъ Нимъ за преступное человѣчество. Очевидно, что такимъ жертвеннымъ лицемъ можетъ быть опять только лице Божественное, Самъ Богъ, воплотившійся въ человѣкѣ. Такъ, искупленіе должно быть совершено Самимъ Богомъ, открывшимся въ мірѣ въ нашей природѣ, т. е. Богочеловѣкомъ; Его жертва должна получить значеніе безконечной заслуги человѣчества предъ правосудіемъ Божіимъ и снискать къ нему благоволеніе Бога, какъ уже чистому, непорочному, а его безусловно-святая природа по человѣчеству, какъ небесный, сверхъестественный прививокъ къ омраченному грѣхомъ нашему естеству, должна положить начало благодатнаго, сверхъестественнаго возрожденія всей поврежденной природы человѣческой вообще. Посредствующими силами, совершающими это чудесное перерожденіе нашей природы, очевидно, должны быть: вѣра въ жертву Искупителя, участіе въ учрежденныхъ Имъ таинствахъ, въ которыхъ невидимо нисходятъ на человѣка изъ горняго міра благодатныя силы возрожденія и усовершенія и, наконецъ, свободная нравственная жизнь по образу жизни Самого Спасителя и требованію Его закона.—Таковъ, намѣченный въ общихъ чертахъ, историческій путь и послѣдняя, заключи

тельная ступень сверхъестественнаго откровенія, которыми устанавливается безусловно-истинная, абсолютная религія въ мірѣ.

Покончивъ съ вопросомъ о необходимости сверхъестественнаго откровенія въ мірѣ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію возможности откровенія.

Свящ. І. П—скій.

Реформація въ Англіи [1]).

ГЛАВА VII.

Церковный переворотъ, произведенный доселѣ въ Англіи, состоялъ, какъ мы видѣли, пока только въ томъ, что папская власть была здѣсь уничтожена, а на ея мѣсто провозглашено было главенство короля, при чемъ духовенство должно было въ значительной степени поплатиться и своими правами и своими имѣніями. Но этимъ дѣло не ограничилось и не могло ограничиться. Церковь Англіи, въ силу совершившагося переворота, поставлялась въ совершенно новое положеніе, а тѣмъ самымъ необходимо создавалась потребность нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ мѣръ и опредѣленій. Отрекшись отъ папства, Англія разрывала свой союзъ съ католическою церковію и полагала начало своей національной церкви, вполнѣ самостоятельной. При такой постановкѣ дѣла естественно являлась необходимость опредѣлить жизнь новосозданной англійской церкви во всѣхъ отношеніяхъ, ибо существо ея, какъ и всякой церкви, не ограничивалось одною лишь сферою управленія. Если церковь Англіи становилась теперь самостоятельною, то прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ, каково вѣроученіе этой церкви, каковы ея священнодѣйствія, т. е. какія главныя средства предлагаетъ эта церковь своимъ членамъ для до-

[1]) Продолженіе. См. Декабрьск. кн. „Чтеній“ 1880 г.

стиженія своей цѣли,—для ихъ освященія и спасенія. Разрывъ Англіи съ Римомъ касался лишь одного только пункта католической церковной системы, т. е. вопроса о церкви и іерархіи, все же остальное,—всѣ догматы вѣроученія, таинства и обряды, все это оставалось пока совершенно въ сторонѣ, такъ что произведенный переворотъ носилъ на себѣ, по преимуществу, характеръ раскола. Съ римско-католической точки зрѣнія, выразившейся, напримѣръ, въ отлучительной буллѣ папы на Генриха, и сдѣланнаго было, конечно, совершенно достаточно для того, чтобы провозгласить еретиками короля Англіи и всѣхъ его сторонниковъ, а потому тѣмъ настойчивѣе выставлялся на очередь вопросъ о вѣроученіи англійской церкви, тѣмъ необходимѣе представлялось опредѣлить, насколько и въ чемъ эта новая церковь разнится отъ католической, измѣняетъ-ли она по своему основные догматы христіанства, или не идетъ далѣе раскола.

Судя по имѣвшемуся уже тогда на глазахъ примѣру континентальной реформаціи, можно было думать, что Англія не остановится на одномъ лишь томъ, что было ею сдѣлано доселѣ. Можно было предполагать, что разрывъ съ Римомъ будетъ въ ней только лишь началомъ и вступленіемъ къ дальнѣйшему, гораздо болѣе рѣшительному протестантизму, который коснется и основныхъ догматовъ вѣроученія и поведетъ Англію по тому же пути, по которому уже шла тогдашняя Германія. Такое предположеніе, повидимому, оправдывалось и образомъ дѣйствій англійскаго правительства тотчасъ же послѣ разрыва съ Римомъ. Осенью 1535-го года, новый церковный глава Англіи заводитъ сношенія съ германскими протестантами, онъ приглашаетъ Меланхтона пріѣхать въ Англію и оказать ему свое содѣйствіе въ устройствѣ ея церковныхъ дѣлъ; его послы—Барнесъ, Гитъ и Фоксъ, еп. Герефордскій, отправляются въ Германію и тамъ именемъ короля вступаютъ въ переговоры съ курфюрстомъ Саксонскимъ и съ князьями Шмалькальденскаго союза. Въ глазахъ католическаго міра уже одно то, что король Англіи вступаетъ на путь сближенія съ нѣмецкими протестантами, могло служить довольно сильнымъ основаніемъ къ тому, чтобы подозрѣвать въ немъ наклон-

ность къ дальнѣйшему протестантизму. Такое подозрѣніе становится почти увѣренностію, если обратить вниманіе на то, чего добился Генрихъ при своихъ сношеніяхъ съ германскими князьями и что онъ поручалъ говорить имъ отъ своего имени. Изъ инструкцій, составленныхъ королемъ для епископа Герефордскаго, мы узнаемъ, что цѣль сношеній состояла въ томъ, чтобы утвердить князей Германіи въ ихъ оппозиціи папству, вооружить ихъ противъ собора, предполагавшагося въ то время папою, и привлечь ихъ къ тѣсному союзу съ Англіей, который бы могъ быть достаточно сильнымъ противовѣсомъ католическому союзу папы и императора. Уполномоченный Генриха долженъ былъ говорить курфюрсту Саксонскому о любви и дружбѣ къ нему англійскаго короля, при чемъ главнѣйшею причиною этой любви и дружбы выставлялось то обстоятельство, что курфюрстъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководится благочестивыми намѣреніями, что онъ постоянно насаждаетъ, поддерживаетъ и защищаетъ истинное ученіе Евангелія и совершенное разумѣніе Слова Божія. Посолъ Генриха долженъ былъ далѣе говорить, что король Англіи озаряется теперь тѣмъ же духомъ истины и всецѣло себя посвящаетъ ей на служеніе, что онъ много прилагаетъ стараній къ тому, чтобы сдѣлать истину доступною своимъ подданнымъ, намѣреваясь и на будущее время все болѣе и болѣе подвизаться въ этомъ направленіи къ преуспѣянію Славы Божіей и истиннаго разумѣнія Его Слова. Епископъ Герефордскій посылается теперь въ Германію для того, чтобы узнать, на какихъ пунктахъ вѣроученія ученые мужи этой страны непреложно утвердились въ своемъ убѣжденіи. Въ случаѣ, если германскіе князья поставятъ условіемъ союза, чтобы король Англіи принялъ вполнѣ то исповѣданіе, которое у нихъ уже составлено и обнародовано, епископъ долженъ былъ отвѣчать, что Генриху нужно сперва разсмотрѣть и изслѣдовать члены этого исповѣданія. Если король найдетъ, что въ этихъ членахъ не содержится ничего такого, чтобы не согласовалось съ Евангеліемъ и чего бы онъ не могъ поддерживать, то епископъ смѣло утверждаетъ, что его королевское величество вступитъ въ союзъ съ князьями. Для разъясненія и обсужденія членовъ князья должны послать къ Генриху своихъ уполномоченныхъ,

способныхъ къ тому людей. Въ декабрѣ 1535 года послы англійскаго короля передали предложенія своего государя протестантскимъ князьямъ, собравшимся въ то время въ Шмалькальденѣ, а затѣмъ начались конференціи между ними и нѣмецкими богословами. Предположенія Генриха оправдались. Въ слѣдующемъ 1536 году германскіе князья составили свои условія, изложенныя въ четырнадцати пунктахъ, на которыхъ они соглашались вступить въ тѣсный союзъ съ Генрихомъ и даже предлагали избрать его защитникомъ и протекторомъ протестантской лиги. Первый же пунктъ этихъ условій гласилъ, что король Англіи долженъ принять и защищать Аугсбургское исповѣданіе вѣры, при чемъ допускалось, впрочемъ, что нѣкоторыя измѣненія въ немъ могутъ быть сдѣланы по взаимному соглашенію короля и князей. Отвѣчая на предложенія князей, Генрихъ вовсе не отвергалъ съ своей стороны возможности принять Аугсбургское исповѣданіе; онъ еще разъ заявлялъ о своемъ желаніи насадить въ Англіи и утвердить истинное ученіе Евангелія и, считая себя и многихъ изъ своихъ подданныхъ достаточно учеными, не хотѣлъ лишь безусловно подчиняться требованію князей, но предлагалъ имъ прислать въ Англію ученыхъ мужей, которые бы вмѣстѣ съ нимъ и его богословами обсудили и выработали тѣ условія, при обоюдномъ принятіи коихъ возможно было бы между Англіей и германскими протестантами желаемое единеніе вѣры [1]). Къ чему бы ни привели эти сношенія, во всякомъ случаѣ, основываясь на нихъ, можно было заключить, что правительство Англіи не намѣрено было ограничиться только тѣмъ, что было уже сдѣлано относительно церкви. Уничтоживъ папскую власть, замѣнивъ ее главенствомъ короля и ограничивъ права и привиллегіи духовенства, оно вовсе не считало, повидимому, церковный вопросъ Англіи совершенно оконченнымъ; но изъявляло желаніе идти въ томъ

---

[1]) Разсказъ о сношеніяхъ см. Collier IV, 312—313; 325—337;—Lingard IV, 150—152—Weber I, 475—479;—и др. Относящіеся сюда документы, а именно инструкція Фоксу, предложенія князей, отвѣтъ Генриха и др. см. Froude v. II. 294—296;—Burnet v. II. Records p. III в. III, № XLIV—XLVI;—Collier v. IX. Recor. v. II. № XXXV.

же направленіи далѣе, насадить въ сердцахъ англійскаго народа истинное разумѣніе Слова Божія, произвести реформу и въ догматахъ вѣроученія, и вообще связать свое дѣло съ общимъ дѣломъ протестантизма.

Не видно, чтобы и населеніе Англіи вполнѣ успокоилось на произведенномъ переворотѣ. Въ средѣ этого населенія не мало было такихъ людей, которые близко принимали къ сердцу вопросы религіи и, не ограничиваясь совершившимися перемѣнами въ церковномъ устройствѣ, желали реформъ и въ вѣроученіи. Если когда удобно было заявлять подобныя желанія, то именно теперь когда сила католицизма въ Англіи была значительно подорвана и когда со стороны правительства, повидимому можно было ожидать въ этихъ желаніяхъ нѣкоторую поддержку. Сторонники религіозной реформы, какъ видно, и хотѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы приблизиться къ своей цѣли. Подтвержденіе этому мы находимъ въ событіяхъ конвокаціи, начавшей свои засѣданія въ іюнѣ 1536 года. Въ одномъ изъ засѣданій, нижняя палата этой конвокаціи представила чрезъ своего пролокутора на усмотрѣніе епископовъ цѣлый списокъ ложныхъ ученій, проповѣдывавшихся въ то время народу. Она заявляла, что перечисляемыя ею лжеученія свободно и открыто пропагандируются въ народѣ посредствомъ проповѣди и печати, чѣмъ нарушается спокойствіе королевства и посѣвается въ немъ разногласіе, а потому она требовала, чтобы приняты были какія-либо мѣры для пресѣченія этой вредной пропаганды. Въ приложенномъ спискѣ конвокація отмѣчаетъ лжеученія такого рода: что въ евхаристіи нѣтъ ничего священнаго и что хлѣбъ въ ней всегда и остается простымъ хлѣбомъ, что елеосвященіе вовсе не есть таинство; что священникъ столько-же имѣетъ права совершать таинства, сколько и мірянинъ; что всѣ церковныя церемоніи, не указанныя ясно въ Свящ. Писаніи, суть человѣческія изобрѣтенія, а потому должны быть оставлены; что антихристъ тотъ, кто отказываетъ мірянамъ въ пріобщеніи подъ двумя видами; что церковь состоитъ только изъ добрыхъ; что человѣкъ не имѣетъ свободы воли: что духовенство должно быть брачнымъ; что почитаніе иконъ и возжиганіе лампадъ предъ ними есть идолослуженіе; что посты

не должны быть соблюдаемы; что устная исповѣдь и разрѣшеніе отъ священника не имѣетъ никакого значенія; что святые не должны быть почитаемы и призываемы, ибо они не могутъ ни знать нашихъ молитвъ, ни посредствовать за насъ предъ Богомъ; что Пресвятая Дѣва нисколько не лучше всякой другой женщины, а потому и предъ Спасителемъ значитъ столько же, какъ и всякая другая грѣшная особа ея пола; что молитвы за усопшихъ не имѣютъ никакого значенія; что послѣ смерти душа человѣка отправляется прямо на небо или въ адъ и никакого чистилища не существуетъ; что молитва, постъ, милостыня не имѣютъ никакого значенія для нашего оправданія предъ Богомъ; что праздниковъ не нужно и всѣ дни равны; что для оправданія человѣка достаточно одной вѣры; что вѣровать нужно только тому, что ясно утверждается на Священномъ Писаніи и т. д. Всѣхъ ложныхъ мнѣній конвокація насчитываетъ пятьдесятъ девять [1]). Вникая въ смыслъ этихъ лжеученій, не трудно замѣтить, что большая часть ихъ представляютъ собою не иное что, какъ догматы, выработанные реформаціей въ ея оппозиціи догматикѣ католицизма. Жалоба конвокаціи убѣждаетъ насъ такимъ образомъ въ томъ, что въ эпоху разрыва Англіи съ Римомъ не мало было въ ней людей, желавшихъ реформы и въ вѣроученіи и старавшихся всѣми силами расположить народную массу къ такой реформѣ. Открытая и усиленная пропаганда этихъ людей ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что они считали время для себя благопріятнымъ и не признавали реформу, совершенную правительствомъ, дѣломъ вполнѣ законченнымъ.— Итакъ въ эпоху непосредственно слѣдовавшую за разрывомъ съ Римомъ были, повидимому, нѣкоторыя основанія предполагать, что церковный переворотъ въ Англіи не остановится на одномъ расколѣ, но будетъ имѣть и дальнѣйшее развитіе, что Англія пойдетъ въ этомъ случаѣ по стопамъ Германіи и займется реформою въ самыхъ догматахъ вѣроученія. Но съ другой стороны гораздо болѣе было основаній къ тому, чтобы предполагать совершенно противное.

---

[1]) Collier v. IV, p. 344—348. По Бернету ихъ было 67—vol I, p. 158.

Слѣдя за судьбами лоллардизма, мы уже имѣли случай замѣтить, что большинство англійской націи искренно предано было католической вѣрѣ своихъ отцевъ. Оно сочувствовало церковно-политическимъ тенденціямъ лоллардовъ; но не хотѣло допускать никакихъ нововведеній въ сферѣ вѣроученія, а потому какъ скоро лоллардская проповѣдь возставала противъ догматовъ вѣры, суровые статуты, тюрьма и костеръ были ей отвѣтомъ. Какъ ни былъ живучъ лоллардизмъ, какъ ни успѣшно дѣйствовалъ онъ иногда въ качествѣ силы подспудной, во всякомъ случаѣ до самой реформаціи онъ оставался все въ томъ же положеніи презираемой и преслѣдуемой секты. Если такъ, то въ настроеніи англійской націи относительно догматовъ вѣры, очевидно, не произошло еще никакой особенно замѣтной перемѣны. Какъ въ XV-мъ такъ и въ XVI-мъ вѣкѣ она одинаково враждебно относилась ко всякимъ нововведеніямъ въ ученіи вѣры и оставалась искренно приверженною къ догматамъ католицизма. Въ самую эпоху разрыва Англіи съ Римомъ, даже въ тѣхъ фактахъ, въ которыхъ выразилось враждебное отношеніе націи къ папству, въ которыхъ протестантизмъ Англіи заявилъ о себѣ, повидимому, съ наибольшею силой, мы находимъ лишь подтвержденіе той же мысли, т. е. что даже и въ это время Англія все еще оставалась привязанною къ вѣроученіямъ католицизма. Уничтоженіе папской власти не встрѣтило, какъ мы знаемъ, въ конвокаціи англійскаго духовенства почти никакой оппозиціи; но таже самая конвокація, которая въ 1534 году постановляла рѣшеніе, что папа не имѣетъ никакой власти въ Англіи, соглашалась отказаться отъ всѣхъ своихъ законодательныхъ правъ и подчинялась церковному главенству короля, въ 1536 году выступала съ жалобою на распространеніе въ народѣ протестантскихъ ученій и требовала, чтобы приняты были должныя мѣры для ихъ уничтоженія. Изъявивъ свое согласіе на переворотъ церковный, она не хотѣла въ то же время допускать нововведеній въ области вѣроученія.—Если отъ кого можно было, повидимому, ожидать этихъ нововведеній, то, конечно, отъ парламента, такъ какъ въ немъ съ наибольшею силой проявлялось настроеніе, враждебное Риму; но и парламентъ, нанося папству ударъ

за ударомъ, въ то же самое время не разъ заявлялъ, что онъ вовсе не желаетъ затрогивать вѣроученіе и обряды католической церкви. Въ извѣстномъ статутѣ 28 года напр., въ томъ статутѣ, который рѣшительно настаиваетъ на конечномъ уничтоженіи папской власти, на преслѣдованіи всѣхъ ея сторонниковъ и на присягѣ всѣхъ должностныхъ лицъ противъ папства, мы встрѣчаемъ оговорку такого рода, что ни одно изъ постановленій этого акта не должно идти въ ущербъ тѣмъ обрядамъ и похвальнымъ обычаямъ, которые, въ видахъ благочестія и единенія, доселѣ были установлены и практиковались въ англійской церкви [1]). Въ статутѣ 25 года, уничтожавшемъ динарій св. Петра и папскія диспенсаціи, между прочимъ говорилось, что ни одно изъ опредѣленій этого статута не должно быть понимаемо и объясняемо въ томъ смыслѣ, что будто бы король, его лорды и подданные имѣютъ намѣреніе тѣмъ самымъ уклониться отъ общенія съ Христовою церковію въ предметахъ, касающихся членовъ католической христіанской вѣры, или въ такихъ вещахъ, которыя Священнымъ Писаніемъ и Словомъ Божіимъ признаны необходимыми для нашего спасенія [2]). Подобныя оговорки свидѣтельствуютъ, очевидно, о томъ, что парламентъ, хотя своими постановленіями и утверждалъ расколъ, въ то же время не желалъ уклоняться отъ вѣроученій и обрядовъ католической церкви. — Наконецъ и наклонность Генриха къ дальнѣйшей религіозной реформѣ, повидимому обнаруженная имъ въ его сношеніяхъ съ протестантскими князьями Германіи въ 1535 году, по меньшей мѣрѣ подлежитъ сильному сомнѣнію. Схоластикъ-богословъ и искренній поклонникъ Ѳомы Аквинскаго, Генрихъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой чувствовалъ расположенія къ догматическимъ и обрядовымъ нововведеніямъ протестантизма. Если онъ заводилъ сношенія съ германскими протестантскими князьями, если онъ какъ будто заискивалъ предъ ними и заявлялъ о своемъ желаніи дальнѣйшей реформы, то онъ руководствовался въ этомъ случаѣ не побужденіями религіозными, а соображеніями дипломатическими. То было время весьма опас-

[1]) Statute 28 Henr. VIII. chapt. 10;—IX.
[2]) Statute 25 Henr. VIII. chapt. 21;—XIII.

ное для Генриха. Произведенный имъ разрывъ съ Римомъ могъ стоить ему короны, такъ какъ въ Римѣ уже готова была отлучительная булла на Генриха и папа призывалъ католическихъ государей континента, въ особенности императора, съ оружіемъ въ рукахъ смирить еретичествующаго короля Англіи. При такомъ положеніи дѣлъ Генриху естественно было позаботиться о томъ, чтобы по возможности оградить свою безопасность, и плодомъ этой-то вотъ заботы и является съ его стороны желаніе заключить союзъ съ протестантскими князьями Германіи, т. е. съ элементомъ, враждебнымъ папѣ и императору. О наклонности своей къ протестантизму Генрихъ говорилъ въ этомъ случаѣ только потому, что вынужденъ былъ къ тому необходимостію, ибо ему нужно было во чтобы то ни стало привлечь германскихъ князей къ союзу съ собою. Насколько искрененъ былъ Генрихъ въ этомъ случаѣ, это можно ясно видѣть въ самомъ ходѣ сношеній его съ князьями и по тѣмъ результатамъ, къ которымъ привели они. Въ общихъ выраженіяхъ король заявлялъ свою готовность къ дальнѣйшей религіозной реформѣ, но какъ скоро дѣло доходило до чего либо болѣе опредѣленнаго, онъ тотчасъ же старался уклониться отъ рѣшенія, или по возможности затянуть его. На предложеніе князей относительно Аугсбургскаго исповѣданія, Генрихъ, какъ мы знаемъ, отвѣчалъ требованіемъ, чтобы присланы были богословы въ Англію для обсужденія условій соглашенія, но и при этомъ король высказывалъ убѣжденіе, что относительно обрядовъ владѣтелю каждой страны должна быть представлена свобода установлять ихъ такъ или иначе по своему усмотрѣнію [1]). Когда, въ 1538 году, нѣмецкіе богословы прибыли въ Англію и, послѣ долгихъ конференцій съ англійскими богословами, письменно изложили свои взгляды на нѣкоторые богословскіе вопросы, наиболѣе, по ихъ мнѣнію, стоявшіе на очереди, Генрихъ самъ выступилъ противъ нихъ и усиленно сталъ защищать въ своемъ отвѣтѣ католическія ученія о необходимости пріобщенія подъ однимъ видомъ, о безбрачіи

---

[1]) Burnet v, II Recor. p. III. b. III № 2 XLV.

священниковъ и т. д. [1]). Такимъ образомъ, когда дѣло доходило до измѣненій въ ученіяхъ и обрядахъ католицизма, Генрихъ всегда готовъ былъ отстаивать старину. Въ силу этого, сколько ни было дѣлаемо попытокъ къ сближенію Англіи съ протестантами Германіи, ни одна изъ этихъ попытокъ при Генрихѣ не имѣла никакихъ результатовъ. Причина такой безуспѣшности заключалась въ томъ, что со стороны Генриха никогда и не было искренняго желанія къ сближенію, выходившаго изъ побужденій религіозныхъ. Истинный смыслъ его первопачальныхъ заискиваній предъ князьями Германіи разъяснился очень скоро. Въ отвѣтѣ пословъ короля англійскаго, сдѣланномъ курфюрсту Саксонскому и ландгр. Гессенскому на извѣстныя предложенія князей Шмалькальденскаго союза, между прочимъ заявлялось, что Генрихъ вовсе не имѣетъ особенной надобности въ союзѣ съ протестантами Германіи, такъ какъ въ настоящее время нѣтъ основаній бояться враждебныхъ дѣйствій со стороны папы и императора [2]). Такое заявленіе равнялось, очевидно, откровенному признанію въ томъ, что союзъ съ германскими князьями желателенъ былъ для Генриха вовсе не въ религіозныхъ интересахъ, а по соображеніямъ политическимъ, и что теперь, когда опасность миновала, нѣтъ никакой особенной надобности и въ этомъ союзѣ.

Итакъ въ эпоху разрыва Англіи съ Римомъ, ни вся нація вообще, ни король, ни конвокація, ни парламентъ въ частности, не обнаруживали стремленія къ реформѣ въ области вѣроученія и обрядовъ, а потому, если оказалась потребность въ точномъ опредѣленіи исповѣданія англійской церкви и если такія исповѣданія дѣйствительно были составляемы, мы не имѣемъ основаній ожидать въ нихъ какихъ либо большихъ уклоненій отъ установленной догматики католицизма. Такое предположеніе найдетъ себѣ достаточное подтвержденіе при разсмотрѣніи самыхъ памятниковъ вѣроученія англійской церкви за этотъ періодъ времени.

Списокъ ложныхъ мнѣній, представленный нижнею палатою конвокаціи, собравшейся въ іюнѣ 1536 года, послу-

---

[1]) Burnet v. II. Rec. Addenda № VII—VIII.

[2]) Burnet v. II. Records p. III. b. III. № XLVI.

жилъ поводомъ къ ожесточеннымъ преніямъ между епископами и привелъ въ концѣ концовъ къ выработкѣ и утвержденію перваго памятника вѣроученія англійской церкви въ формѣ такъ называемыхъ десяти членовъ вѣры. Епископы, засѣдавшіе въ верхней палатѣ конвокаціи, не были, какъ оказалось, единодушны въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ; они раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ одна была строго-консервативна, а другая держала сторону реформы. Къ первой партіи принадлежали: Ли, архіепископъ Іоркскій, Стоксли, еп. Лондонскій, Тунсталь, еп. Дургэмскій, Гардинеръ, еп. Уинчестерскій, Лонгландъ, еп. Линкольскій, Пирмэнъ, еп. Чичестерскій, Никсъ, еп. Норуичскій и Кайтъ, еп. Карляйльскій. Партію сторонниковъ реформы составляли: Крамэръ, архіепископъ Кантерберійскій, Гудричъ, еп. Элійскій, Чакстонъ, еп. Сальсберійскій, Латимэръ, еп. Уорчестерскій, Фоксъ, еп. Герефордскій, Гилльзи, еп. Рочестерскій и Барлоу, еп. Ст. Давидскій. Предсѣдатель конвокаціи, генералъ-викарій и вице-герентъ, Кромвелль, поддерживалъ сторонниковъ реформы. При такомъ раздѣленіи верхней палаты весьма естественно, что жалоба на ложныя мнѣнія, составленная очевидно въ консервативномъ духѣ, вызвала къ преніямъ ту партію епископовъ, которая во многихъ отношеніяхъ сама вполнѣ сочувствовала этимъ мнѣніямъ. Въ видахъ споспѣшествованія своей партіи, Кромвелль ввелъ съ собою въ конвокацію шотландскаго богослова Александра Алессе, который старался доказать собранію, что изъ всѣхъ таинствъ только крещеніе и евхаристія несомнѣнно имѣютъ за себя Божественное установленіе. Въ оживленныхъ преніяхъ, послѣдовавшихъ за рѣчью шотландскаго богослова, приняли участіе: Стоксли, Лонгландъ, Ли, Крамэръ, Фоксъ и др., при чемъ подняты были вопросы о числѣ и дѣйствительности таинствъ, о достаточности Свящ. Писанія, какъ источника вѣроученія, о преданіи, о бракѣ духовенства [1]) и т. д. Королевское вмѣшательство положило наконецъ предѣлъ продолжительному спору епископовъ и привело его къ опредѣленному результату. Высочайшимъ именемъ Кромвелль заявилъ конвокаціи, что король желаетъ, чтобы обряды и

[1]) Collier IV, 349—350;—Burnet I, 158—159—Weber I, 407—408;—и др.

церемоніи церкви были реформированы на основаніи Священнаго Писанія, и чтобы не было въ ней оставлено ничего такого, что не утверждается на Писаніи, ибо нелѣпо, признавая Св. Писаніе закономъ для религіи, отдавать иногда предпочтеніе толкованіямъ и опредѣленіямъ папъ [1]). Послѣ такого заявленія, онъ представилъ на разсмотрѣніе и утвержденіе обѣихъ палатъ письменно изложенные пункты, касающіеся вѣроученія и обрядовъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ по приказанію короля. По свидѣтельству Генриха, онъ самъ былъ авторомъ этого документа, ибо впослѣдствіи онъ заявлялъ епископамъ и клиру: „мы вынуждены были взяться за перо и составить тѣ члены, которые и нами, и епископами, и всѣмъ клиромъ нашего королевства, признаны были католическими“ [2]). Разсужденія конвокаціи закончились дѣйствительно тѣмъ, что предложенные отъ имени короля члены приняты были обѣими палатами и скрѣплены подписями большинства. Это и были десять членовъ вѣры,—первое признанное вѣроисповѣданіе англійской церкви послѣ ея разрыва съ Римомъ [3]).

Документъ начинается съ предисловія, въ которомъ Генрихъ VIII, Божіею милостію король Англіи и Франціи, защитникъ вѣры, повелитель Ирландіи, на землѣ верховный глава церкви англійской, прежде всего привѣтствуетъ всѣхъ своихъ любезныхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Затѣмъ король высказываетъ убѣжденіе, что одна изъ главнѣйшихъ обязанностей его царственнаго служенія состоитъ въ попеченіи о томъ, чтобы подданные съ искреннею вѣрою принимали и соблюдали святѣйшее слово и заповѣди Божіи и чтобы сохраняемо и укрѣпляемо было единство и согласіе во мнѣніяхъ относительно предметовъ религіи, а всякіе поводы къ

---

[1]) Burnet I, 158;—Pictorial history II, 720.

[2]) Froude II, 481. Note 2.

[3]) Подлинный текстъ членовъ см. Collier IV, 350—366;—Burnet v. II. Rec. Addenda № 1.—Полный ихъ русскій переводъ можно видѣть въ статьѣ преосвященнаго Іоанна подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ“. См. Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1880 г. апрѣль, стран. 503—519.—Въ статьѣ этой впрочемъ ошибочно сказано, будтобы члены эти получили утвержденіе обѣихъ палатъ парламента, далѣе конвокаціи они не заходили.

разногласію были устраняемы и уничтожаемы. Въ послѣднее-же время, къ великому сожалѣнію, онъ получилъ достовѣрное извѣстіе о томъ, что въ его королевствѣ возникли и распространились различныя мнѣнія, касающіяся какъ членовъ вѣры, необходимыхъ для нашего спасенія, такъ равно и другихъ достоуважаемыхъ и похвальныхъ церемоній, обрядовъ и обычаевъ, издавна употреблявшихся въ нашихъ церквахъ. Желая установить должный порядокъ, водворить единство и согласіе во всей церкви и тѣмъ избѣжать не только опасности для душъ, но и внѣшняго безпокойства, которое можетъ возникнуть вслѣдствіе разногласія во мнѣніяхъ, король и самъ много трудился и предписалъ теперь епископамъ и другимъ разсудительнымъ и ученымъ лицамъ изъ духовенства всей Англіи собраться въ конвокацію для полнаго обсужденія сего предмета и спокойнаго его опредѣленія.—Здѣсь, послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія, они пришли наконецъ къ заключенію и согласились на нѣкоторыхъ членахъ, какъ тѣхъ, кои заповѣданы Богомъ и необходимы для нашего спасенія, такъ и тѣхъ, кои касаются церемоній и т. под., а такъ какъ король убѣжденъ, что ихъ изслѣдованіе и опредѣленіе вполнѣ правильно, согласно съ законами Божественными и много полезно для установленія согласія и единенія въ церкви англійской, то онъ и предписываетъ теперь обнародовать это опредѣленіе, требуя, чтобы всѣ подданные приняли его, и моля Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ сердца.—Королевское предисловіе оканчивается раздѣленіемъ установляемыхъ членовъ на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ изъ нихъ, которые ясно заповѣданы Богомъ и необходимы для нашего спасенія, а ко второй тѣ, которые издавна были благоразумно установлены и употребляемы въ англійской церкви ради похвальнаго порядка и приличія, хотя они и не заповѣданы ясно Богомъ и не необходимы для нашего спасенія. Король желаетъ и требуетъ, чтобы его подданные приняли всѣ эти постановленія въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь предлагаются, и почтительно согласовались съ ними, чрезъ что они не только достигнутъ желаемаго согласія и единенія и пріобрѣтутъ себѣ духовныя и другія выгоды; но и королю дадутъ поощренія къ дальнѣйшимъ трудамъ во славу Божію и для

блага подданныхъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, которые могутъ встрѣтиться на будущее время.

За предисловіемъ слѣдуютъ самые члены вѣры, изложенные въ десяти пунктахъ, изъ коихъ пять относятся къ первой категоріи, т. е. къ разряду ученій, необходимыхъ для спасенія, и пять ко второй, т. е. къ разряду похвальныхъ церемоній.

Въ первомъ членѣ высказывается желаніе, чтобы епископы и проповѣдники учили народъ твердо вѣровать и защищать, какъ истинные, всѣ тѣ предметы, которые содержатся въ полномъ канонѣ Библіи и въ символахъ Апостольскомъ, Никейскомъ и Аоанасіевомъ, принимая и объясняя эти предметы такъ, какъ они принимаются и объясняются святыми учителями церкви. Чтобы всѣ эти ученія признаваемы были за святѣйшія, несомнѣннѣйшія, достовѣрнѣйшія и непогрѣшимыя Словеса Божіи, которыя не должны и не могутъ быть измѣнены или замѣнены какимъ-либо противнымъ мнѣніемъ. Чтобы всѣ члены вѣры, содержащіеся въ сказанныхъ символахъ, признавались вполнѣ необходимыми для спасенія, такъ что если кто, наученный имъ, не будетъ имъ вѣровать или упорно будетъ защищать противное мнѣніе, таковой не можетъ быть истиннымъ членомъ Христа и церкви но осужденъ будетъ какъ невѣрный, еретикъ и членъ діавола. Чтобы члены вѣры хранились въ тѣхъ самыхъ словахъ и формахъ выраженія, какъ они содержатся въ сказанныхъ символахъ, безъ всякаго отъ нихъ уклоненія. Чтобы отвергаемы и осуждаемы были всѣ мнѣнія, противныя этимъ членамъ вѣры, осужденныя на четырехъ святыхъ соборахъ, а именно: Никейскомъ, Константинопольскомъ, Эфесскомъ и Халкидонскомъ, а также и всѣ другія мнѣнія, въ какомъ-либо пунктѣ съ ними согласныя.

Второй членъ требуетъ, чтобы относительно таинства крещенія принималось и соблюдалось все то, что всегда было принимаемо и соблюдаемо церковію, а именно, что таинство крещенія установлено въ Новомъ Завѣтѣ Іисусомъ Христомъ, какъ дѣло необходимое для достиженія вѣчной жизни, что чрезъ крещеніе, какъ младенцы такъ и люди зрѣлые, получаютъ отпущеніе грѣховъ, благодать и милость отъ Бога. Обѣтованіе благодати и вѣчной жизни, соединенное съ

таинствомъ крещенія, относится и къ зрѣлымъ людямъ и къ младенцамъ и послѣдніе также получаютъ въ крещеніи отпущеніе грѣховъ и спасеніе. Младенцы нуждаются въ крещеніи и должны получать его, потому что они рождаются въ первородномъ грѣхѣ, который можетъ быть отпущенъ не иначе, какъ дѣйствіемъ благодати Святаго Духа въ крещеніи. Крещенные однажды не должны быть перекрещиваемы. Мнѣнія анабаптистовъ и пелагіанъ, противныя изложеннымъ ученіямъ, должны быть отвергаемы и осуждаемы, какъ презрѣнныя ереси, а также и всѣ тѣ мнѣнія, которыя съ ними согласны. Люди въ зрѣломъ разумѣ, желающіе креститься, получаютъ въ таинствѣ крещенія благодать и отпущеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, если только они приступаютъ къ таинству съ полнымъ раскаяніемъ во всѣхъ своихъ, прежде содѣланныхъ, грѣхахъ и твердо вѣруютъ и исповѣдуютъ всѣ члены нашей вѣры, какъ это опредѣлено въ предшествовавшемъ членѣ.—При твердой увѣренности въ томъ обѣтованіи, которое соединено съ таинствомъ крещенія, крещающіеся дѣйствительно возродятся благодатію Святаго Духа и содѣлаются истинными чадами Божіими.

Третій членъ утверждаетъ, что таинство покаянія установлено Христомъ въ Нов. Завѣтѣ, какъ дѣло необходимое для спасенія, такъ что ни одинъ человѣкъ, впадшій въ смертный грѣхъ послѣ крещенія, не можетъ безъ этого таинства спастись и получить жизнь вѣчную. Если люди, впадшіе въ грѣхъ послѣ крещенія, не принесутъ раскаянія въ настоящей жизни, они, несомнѣнно, подвергнутся осужденію; обратившіеся-же отъ своей непристойной жизни и раскаявшіеся, безъ сомнѣнія, получатъ отпущеніе грѣховъ своихъ и спасутся.—Таинство совершеннаго покаянія, требуемаго Христомъ, состоитъ изъ трехъ частей, а именно: сокрушенія, исповѣданія и исправленія прежней жизни, т. е. упражненія въ дѣлахъ любви, заповѣданныхъ Богомъ и называемыхъ въ Писаніи „плодами достойными покаянія“. – Сокрушеніе состоитъ въ свою очередь изъ двухъ частей, кои всегда должны быть соединены между собою и не могутъ быть раздѣляемы, а именно, кающійся и сокрушенный прежде всего долженъ сознавать гнусность своихъ грѣховъ и чувствовать, что Богъ гнѣвается за нихъ на него; онъ долженъ чувствовать скорбь и стыдъ,

сознавая, что онъ оскорбляетъ Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великій страхъ Божія негодованія, зная, что у него нѣтъ собственныхъ дѣлъ или заслугъ, кои онъ могъ-бы предложить Богу въ удовлетвореніе за свои грѣхи. За этимъ страхомъ, стыдомъ и скорбію должна слѣдовать другая часть сокрушенія, а именно, твердая вѣра и упованіе на милосердіе и благость Божію не потому, чтобы кающійся имѣлъ какія-либо свои цѣнныя дѣла или заслуги, а единственно ради заслугъ крови и страданій нашего Спасителя Іисуса Христа. — Вѣра и надежда пріобрѣтаются и укрѣпляются посредствомъ употребленія Слова Божія, содержащагося въ Евангеліи, и таинствъ, установленныхъ въ Новомъ Завѣтѣ.

Вторая часть покаянія, т. е. исповѣданіе предъ священникомъ, установлена Христомъ для того, чтобы чрезъ разрѣшеніе, даруемое отъ священника, примѣнить къ кающемуся обѣтованіе благодати и милости Божіей. Нужно твердо вѣровать, что разрѣшительныя слова произносятся священникомъ по полномочію, которое дано ему Христомъ въ Евангеліи, и словамъ этимъ нужно придавать такую-же вѣру, какъ будто-бы это были слова Самого Бога, произносимыя съ неба. Не слѣдуетъ осуждать это устное исповѣданіе предъ священникомъ, но нужно принимать его, какъ весьма полезное и необходимое средство, при помощи котораго во всякое время можно просить разрѣшенія грѣховъ и получать успокоеніе своей совѣсти.

Что касается третьей части покаянія, то, хотя смерть Христова и есть вполнѣ достаточное удовлетвореніе за всѣхъ грѣшниковъ, люди истинно кающіеся, сокрушающіеся и исповѣдающіеся должны приносить и плоды покаянія, т. е. молитву, постъ, милостыню и всѣ другія добрыя дѣла, выражая покорность своей воли во внѣшнемъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, сообразно со временемъ, силами и обстоятельствами; иначе они никогда не спасутся. Эти дѣла любви необходимы для нашего спасенія и Богъ непремѣнно требуетъ отъ кающагося ихъ совершенія.—Посредствомъ покаянія и упражненія въ добрыхъ дѣлахъ мы не только достигнемъ жизни вѣчной, но и заслужимъ нѣкоторое облегченіе въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ жизни настоящей.

Четвертый членъ, трактующій о таинствѣ алтаря, утвер-

ждаетъ, что подъ формою и видомъ хлѣба и вина, кои мы видимъ и ощущаемъ внѣшними чувствами, истинно, существенно и дѣйствительно содержится то самое тѣло и кровь нашего Спасителя Іисуса Христа, которое рождено было отъ Дѣвы Маріи и пострадало на крестѣ для нашего искупленія. Подъ формою и видомъ хлѣба и вина сіе самое тѣло и кровь Христа тѣлесно, дѣйствительно и существенно предлагается, раздается и пріемлется всѣми, кои приступаютъ къ этому таинству, а потому сіе таинство должно быть употребляемо съ надлежащимъ уваженіемъ и почитаніемъ и каждый человѣкъ, прежде чѣмъ приступить къ нему, долженъ сперва испытать самого себя и изслѣдовать свою совѣсть.

Пятый членъ утверждаетъ, что слово оправданіе обозначаетъ отпущеніе нашихъ грѣховъ, примиреніе и принятіе насъ въ благодать и милость Божію, или совершенное обновленіе насъ во Христѣ.—Грѣшники получаютъ оправданіе посредствомъ сокрушенія и вѣры, соединенной съ любовію, какъ это разъяснено было выше, но это не значитъ, будто-бы наше сокрушеніе, или вѣра, или дѣла, отсюда происходящія, могли достойно заслужить оправданіе, ибо только милость и благодать Отца, свободно обѣтованная намъ ради Его Сына Іисуса Христа, ради заслугъ Его крови и страданій, есть единственно достаточная и достойная причина нашего оправданія. Несмотря однако-же на это, для достиженія оправданія Богъ требуетъ, чтобы не только въ насъ были: внутреннее сокрушеніе, совершенная вѣра и любовь, надежда и увѣренность со всѣми другими духовными дарами и расположеніями, необходимыми, какъ сказано, для отпущенія грѣховъ; но Онъ требуетъ также, чтобы мы и послѣ оправданія творили добрыя дѣла любви и повиновенія Богу, соблюдая и исполняя Его внѣшніе законы и заповѣди; ибо хотя принятіе насъ въ вѣчную жизнь соединено съ оправданіемъ, всё-же для достиженія ея отъ насъ необходимо требуются и добрыя дѣла. Получивъ оправданіе, мы всетаки необходимо обязаны творить добрыя дѣла. Епископы и проповѣдники должны потому внушать народу, что Богъ требуетъ отъ насъ добрыхъ дѣлъ не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ душевныхъ распо-

ложеній, т. е. чтобы мы боялись Бога, имѣли твердую довѣренность и упованіе на Бога, любили Его, имѣли терпѣніе въ несчастіяхъ, ненавидѣли грѣхъ и тпд.

Съ шестаго члена начинаются опредѣленія, касающіяся обрядовъ и церемоній церковныхъ. Первый изъ этой второй категоріи членовъ разсуждаетъ ибъ иконахъ. Несомнѣнно, говоритъ онъ, что, вслѣдствіе большихъ злоупотребленій, въ Ветхомъ Завѣтѣ иконы были иногда ниспровергаемы и уничтожаемы, а въ Новомъ Завѣтѣ они были дозволены, какъ свидѣтельствуютъ о томъ благочестивые писатели. Желательно потому, чтобы епископы и проповѣдники наставляли народъ относительно надлежащаго ихъ употребленія, а именно, что иконы служатъ представителями добродѣтели и добраго примѣра, возбуждаютъ мысли людей и побуждаютъ ихъ, особенно иконы Христа и Богоматери, часто вспоминать и оплакивать свои собственные грѣхи и преступленія. Въ силу этого, прилично поставлять иконы въ церквахъ, а, чтобы грубый народъ не допускалъ отнынѣ прежняго суевѣрія, епископы и проповѣдники должны прилежно наставлять его и исправлять злоупотребленія, ибо отсюда можетъ возникнуть идолослуженіе, запрещенное Богомъ. Что-же касается воскуренія предъ иконами, колѣнопреклоненія предъ ними, приношенія имъ и другихъ видовъ служенія, то, хотя это и произошло отъ набожности и вошло въ обычай, народъ долженъ быть все-таки прилежно наставляемъ, что это должно быть дѣлаемо не самымъ иконамъ, но только Богу и въ честь Его, хотя дѣлается и предъ иконами Христа, Богоматери, или кого-либо изъ святыхъ.

Седьмой членъ предписываетъ епископамъ и проповѣдникамъ научать народъ, что святые, находящіеся теперь со Христомъ на небесахъ, должны быть почитаемы христіанскимъ народомъ на землѣ; но не съ тою довѣренностію и честію, какая должна быть оказываема только одному Богу, не такъ, какъ будто-бы мы надѣялись получить отъ рукъ святыхъ то, что можетъ быть дано только Богомъ. Святые должны быть почитаемы потому что это лица, избранныя Христомъ, что они уже царствуютъ со Христомъ во славѣ. Въ святыхъ мы должны прославлять Христа, Который насадилъ въ нихъ ихъ превосходныя добродѣтели для при-

мѣра живущимъ, чтобы они не боялись и умереть за Христа, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ святыхъ. Мы можемъ наконецъ принимать святыхъ и какъ споспѣшниковъ нашимъ молитвамъ ко Христу.

Въ восьмомъ членѣ епископамъ и проповѣдникамъ предписывается поучать народъ, что хотя благодать, отпущеніе грѣховъ и спасеніе не могутъ быть получены ни отъ кого, какъ только отъ Бога, ходатайствомъ нашего Спасителя Христа, Который есть единственно достаточный ходатай за всѣ наши грѣхи, однако-же весьма похвально молиться святымъ, на небесахъ вѣчно живущимъ, любовь которыхъ постоянно побуждаетъ ихъ быть посредниками и молиться за насъ и съ нами Всемогущему Богу.—Далѣе приводится и образецъ молитвы, которая можетъ быть употребляема. „Всѣ святые ангелы и святые на небесахъ, молитесь за насъ и съ нами ко Отцу, чтобы Онъ, ради заслугъ Его драгоцѣннаго Сына Іисуса Христа, даровалъ намъ благодать Его и отпущеніе нашихъ грѣховъ съ искреннимъ намѣреніемъ, если не будетъ недостатка въ духовной крѣпости, соблюдать и хранить Его святыя заповѣди и никогда не уклоняться отъ нихъ до конца нашей жизни.“ Такимъ образомъ мы должны молиться и Благословенной Владычицѣ, и Св. Іоанну Крестителю, и каждому изъ апостоловъ или другихъ святыхъ, смотря по расположенію нашей набожности. Но при этомъ не должно быти никакого ложнаго суевѣрія, каковы напр. мысли о томъ, что будто-бы тотъ или другой святой милостивѣе, или скорѣе услышитъ насъ, чѣмъ Христосъ, или что одинъ святой по какому-либо извѣстному дѣлу можетъ болѣе сдѣлать, чѣмъ другой и тпд... Слѣдуетъ также соблюдать дни, посвященные Богу и Его святымъ, какъ это установлено церковію, если только эти установленія не будутъ измѣнены верховнымъ главою церкви.

Девятый членъ перечисляетъ цѣлый рядъ разнаго рода церковныхъ церемоній и обрядовъ, а именно: употребленіе облаченій при богослуженіи; кропленіе святою водою, въ воспоминаніе о нашемъ крещеніи и о крови Христовой, пролитой на крестѣ для нашего искупленія, раздаваніе священнаго хлѣба, для напоминанія объ евхаристіи и о томъ, что

всѣ христіане должны составлять изъ себя одно таинственное тѣло Христа; употребленіе зажженныхъ свѣчъ въ день Срѣтенія Господня, въ воспоминаніе о Христѣ, Свѣтѣ духовномъ, о которомъ пророчествовалъ Симеонъ; раздача пепла въ среду на первой недѣлѣ великаго поста, для напоминанія каждому о томъ, что онъ есть не болѣе, какъ земля и пепелъ; употребленіе вѣтвей въ Вербное воскресенье, въ воспоминаніе входа Господня въ Іерусалимъ; поклоненіе Кресту и др.... Всѣ эти и другіе похвальные обычаи и церемоніи не должны быть осуждаемы и отвергаемы: но должны употребляться по прежнему, какъ предметы добрые и похвальные для возбужденія въ насъ воспоминанія о тѣхъ духовныхъ предметахъ, кои они обозначаютъ, чтобы эти духовные предметы нами не забывались, но память объ нихъ время отъ времени возобновлялась. Ни одна изъ этихъ церемоній не имѣетъ однако силы отпускать грѣхи; онѣ могутъ лишь возносить наши мысли къ Богу, Коимъ однимъ прощаются наши грѣхи.

Въ десятомъ членѣ говорится, что долгъ любви требуетъ, а книга Маккавейская и древніе учители свидѣтельствуютъ что весьма хорошее и похвальное дѣло молиться за души усопшихъ, каковой обычай отъ начала соблюдаемъ былъ въ церкви. Епископы и проповѣдники должны потому внушать народу, что вполнѣ согласно съ истиннымъ долгомъ любви, чтобы христіанинъ молился за души усопшихъ и препоручалъ ихъ въ своихъ молитвахъ милосердію Божію, чтобы онъ побуждалъ и другихъ молиться за нихъ при мессахъ и литіяхъ, и раздавалъ милостыню съ условіемъ таковой же молитвы, чрезъ что души усопшихъ скорѣе могутъ удостоиться милости Божіей. Поелику же о мѣстѣ, гдѣ онѣ пребываютъ, о названіи этого мѣста и о свойствѣ мученій тамъ намъ ничего неизвѣстно изъ Писанія, то.... необходимо, чтобы совершенно устранены были тѣ злоупотребленія, которыя возрасли подъ покровомъ ученія о чистилищѣ, какъ напр. вѣрованіе, что будто бы посредствомъ отпущеній епископа римскаго, души могутъ освобождаться изъ чистилища и отъ всѣхъ его мученій, или что будто бы мессы, совершаемыя на извѣстныхъ мѣстахъ и предъ извѣстными иконами, могутъ освобождать души отъ всѣхъ ихъ страданій и

посылать ихъ прямо на небо и т. дал. [1]). Документъ скрѣпленъ былъ подписями верхней и нижней палаты конвокаціи. Въ спискахъ именъ подписавшихся, приводимыхъ у Колльера и Бернета, насчитывается отъ верхней палаты 18 епископовъ и 40 аббатовъ и пріоровъ и отъ нижней палаты пятьдесятъ подписей архидіаконовъ, деканов и др. членовъ духовенства Кантерберійскаго округа.

Обращаясь къ анализу содержанія этого перваго исповѣданія англійской церкви, не трудно замѣтить въ немъ попытки къ нѣкоторымъ уклоненіямъ отъ господствовавшей доселѣ католической системы вѣроученія. Мы видѣли, что Кромвелль отъ имени короля высказывалъ въ конвокаціи желаніе, чтобы въ англійской церкви произведена была реформа на основаніи Священнаго Писанія и чтобы въ ней не было оставлено ничего такого, что не утверждалось бы на авторитетѣ Писанія. Первый изъ десяти членовъ былъ, повидимому, отраженіемъ этого желанія. Основаніемъ и источникомъ христіанскаго вѣроученія онъ выставлялъ прежде всего Библію и затѣмъ три древнихъ символа и авторитетъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ. Всю массу другихъ католическихъ авторитетовъ, постановленія позднѣйшихъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, папскія опредѣленія и вообще все то, что именовалось преданіемъ, англійская церковь не поставляетъ теперь на ряду съ Библіею. Правда, она не провозглашаетъ чисто-протестантскаго принципа о достаточности Писанія, какъ единственнаго источника вѣроученія; она и символы признаетъ непогрѣшимыми Словесами Божіими; но во всякомъ случаѣ она значительно ограничиваетъ количество авторитетовъ, признававшихся въ католицизмѣ. Нужно впрочемъ замѣтить, что мысль, рѣшительно заявленная въ первомъ членѣ, не проводится послѣдовательно во всѣхъ остальныхъ и часто подвергается значительнымъ ограниченіямъ. Основываясь на этой мысли, мы въ правѣ были бы ожидать, что въ установляемыхъ теперь

[1]) Во второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ членахъ главныя мысли подтверждаются текстами Священнаго Писанія, которыхъ насчитывается всего въ документѣ около восемнадцати и всѣ они приводятся въ немъ по латинскому переводу.

членахъ не встрѣтится ничего такого, что не утверждалось бы на указанныхъ членомъ авторитетахъ; а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается не то и добрая половина членовъ основывается на преданіи.

Въ ученіи о таинствахъ члены вѣры допускаютъ, хотя и не особенно рѣзкое, но весьма замѣтное уклоненіе къ протестантизму. Они упоминаютъ только о трехъ таинствахъ, какъ о несомнѣнно установленныхъ въ Новомъ Завѣтѣ и необходимыхъ для нашего спасенія, совершенно умалчивая о всѣхъ остальныхъ и такимъ образомъ косвенно отвергая ихъ значеніе и дѣйствительность.

Въ ученіи объ иконопочитаніи дѣлается старательная попытка очистить эту область отъ тѣхъ злоупотребленій и суевѣрій, которыя скопились въ ней при господствѣ католицизма, и разъяснить народу истинное значеніе иконъ и ихъ надлежащее употребленіе.

Десятый членъ заявляетъ, что о чистилищѣ намъ ничего не извѣстно изъ Священнаго Писанія; но онъ не отвергаетъ его рѣшительно, а только отказывается сказать объ немъ что-либо опредѣленное, утверждая, что предметъ этотъ извѣстенъ только Богу. Рѣшительно отрицаетъ онъ лишь тѣ злоупотребленія, которыя основаны на ученіи о чистилищѣ, каковы напр. папскія индульгенціи и т. д.

Этими немногими пунктами, выраженными притомъ въ нерѣшительной формѣ, ограничивается все то, что въ десяти членахъ вѣры представляетъ собою нѣкоторое уклоненіе отъ католической системы. Во всемъ остальномъ, даже и въ тѣхъ ученіяхъ, которыя съ протестантской точки зрѣнія подвергались наибольшему сомнѣнію и нападкамъ, англійскіе члены вѣры заявляли себя рѣшительно на сторонѣ католицизма. Устная исповѣдь и разрѣшающая власть священника утверждается членами во всей силѣ. Хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи признаются истиннымъ тѣломъ и кровію Христа, рожденными отъ Дѣвы Маріи. Молитва, постъ, милостыня и вообще добрыя дѣла всякаго рода представляются необходимыми для оправданія человѣка. Святые выставляются посредниками и молитвенниками за человѣка предъ Богомъ и христіанину рекомендуется призывать ихъ въ своихъ молитвахъ. Молитва за усопшихъ признается дѣй-

ствительнымъ средствомъ, способнымъ оказать имъ должную помощь и выставляется дѣломъ, котораго требуетъ долгъ любви. Поклоненіе иконамъ, воскуреніе предъ ними и т. д., разнаго рода обряды и церемоніи оставляются въ полной силѣ, какъ обычаи похвальные и полезные.

Такимъ образомъ первое вѣроисповѣданіе англійской церкви не можетъ быть названо ни чисто-католическимъ, ни протестантскимъ; оно представляетъ собою не совсѣмъ гармоническое смѣшеніе ученій и обрядовъ католической церкви съ нѣсколькими весьма незначительными примѣсями протестантизма. Какъ на такое, на него смотрѣли и современники. Латимэръ въ одной изъ своихъ проповѣдей, со свойственнымъ ему рѣзкимъ и грубымъ иногда краснорѣчіемъ, отзывался объ англійскомъ вѣроисповѣданіи такимъ образомъ: „это какая-то смѣсь и всякая всячина; я не могу даже и сказать, что это такое: отчасти это папизмъ, а отчасти и истинная религія, смѣшанные между собою. На моей родинѣ, когда зовутъ свиней къ корыту, говорятъ: подь сюда, къ своему мѣсиву, — подь, хрю, подь! Вотъ теперь сдѣлали мѣсиво и изъ евангелія“ [1]). Само собою разумѣется, что, какъ смѣсь, члены вѣры не могли удовлетворять ни искреннихъ католиковъ, ни искреннихъ протестантовъ, потому что и тѣ и другіе видѣли въ нихъ свои воззрѣнія искаженными или ограниченными. Юмъ предполагаетъ даже, что и въ конвокаціи и даже во всемъ королевствѣ, кромѣ самого Генриха, не было ни одного человѣка, который бы вполнѣ согласенъ былъ съ ученіемъ этихъ членовъ [2]). Но такая ихъ судьба возможна была бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы вся Англія раздѣлялась только на истинныхъ католиковъ и истинныхъ протестантовъ. А между тѣмъ намъ думается, что и тѣхъ и другихъ могло быть не много въ той странѣ, которая уже проклинала папу, какъ антихриста, но въ то же время не созрѣла еще для того, чтобы разстаться съ ученіями и обрядами католической церкви. Если такъ, то члены вѣры можно, по нашему мнѣнію, считать довольно вѣрнымъ отраженіемъ того религіознаго настроенія, въ какомъ находилась Англія въ этотъ періодъ времени.

---

[1]) Pictorial history II, p. 721. Note.

[2]) Hume IV, 469.

Въ предисловіи къ десяти членамъ вѣры, составленномъ отъ имени короля, нѣсколько разъ высказывалась мысль, что цѣль, для которой составляется и обнародывается настоящее исповѣданіе вѣры, состоитъ въ томъ, чтобы водворить въ англійскомъ королевствѣ полное религіозное единство и согласіе во мнѣніяхъ относительно предметовъ вѣры, а также церемоній и обрядовъ. Но эта цѣль, такъ желанная для короля и такъ энергически выставлявшаяся имъ на видъ, какъ и слѣдовало ожидать, не была достигнута. Англійскіе члены еще разъ доказали ту неоспоримую, хотя и постоянно оспаривавшуюся, истину, что никакая власть не можетъ заставить всѣхъ подчиненныхъ ей людей думать и вѣровать такъ, какъ ей представляется лучшимъ. Еще не пришелъ къ концу тотъ годъ, въ который десять членовъ были составлены и утверждены конвокаціей, какъ Генрихъ уже жаловался на то, что его члены не принимаются и не исполняются нѣкоторыми изъ епископовъ, которые, по прежнему, продолжаютъ проповѣдывать народу ученія различныя, поселяя тѣмъ въ немъ разногласіе и смуту. Король видитъ себя вынужденнымъ еще разъ подтвердить этимъ епископамъ о томъ, что они должны строго сообразоваться съ утвержденными членами, и угрожаетъ имъ, въ случаѣ неповиновенія, лишеніемъ каѳедры и наказаніемъ по суду [1]). Изъ жалобы короля мы видимъ такимъ образомъ, что первая попытка создать такое вѣроисповѣданіе, которое могло бы быть принято, какъ символъ, всею церковію Англіи, не сопровождалась успѣхомъ и не встрѣтила себѣ надлежащаго признанія. Эта-то вотъ безуспѣшность первой попытки и была вѣроятною причиною второй; видя, что десять членовъ не получаютъ того всеобщаго значенія, которое было для нихъ желательно, правительство Англіи поспѣшило озаботиться составленіемъ новаго исповѣданія разсчитывая, можетъ быть, что вторая попытка будетъ удачнѣе первой. — Десять членовъ вѣры не были, какъ мы знаемъ, въ собственномъ смыслѣ созданіемъ конвокаціи, т. е. результатомъ, до котораго бы додумалось и договорилось само англійское духовенство на

---

[1]) Королевская грамата отъ 20-го ноября 1536 г. см. Collier v. IX. Recor. v. II. № XXXIX.

своемъ соборѣ. Эти члены были составлены королемъ и уже въ готовомъ видѣ предложены на утвержденіе конвокаціи, которой предоставлено было лишь изъявить на нихъ свое согласіе. Весьма вѣроятно, что король въ такомъ происхожденіи членовъ подозрѣвалъ одну изъ причинъ, почему они встрѣтили при своемъ примѣненіи пассивное сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ епископовъ. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что, приступая къ составленію и утвержденію новаго исповѣданія вѣры, король дѣйствуетъ уже не такъ, какъ онъ дѣйствовалъ прежде, намѣреваясь какъ будто исправить ту ошибку, которая была допущена имъ при созданіи десяти членовъ вѣры.

Въ 1537 году конвокація англійскаго духовенства получила отъ короля предписаніе „составить ясное и вѣрное изложеніе ученія“, для чего организованъ былъ особый комитетъ изъ епископовъ и богослововъ. Результатъ работъ этого комитета, получившій утвержденіе короля и всей конвокаціи, обнародованъ былъ подъ заглавіемъ: „наставленіе христіанскаго человѣка“, (The institution of a Christian Man.) а въ народѣ, какъ дѣло епископовъ по преимуществу, получилъ извѣстность подъ именемъ „епископской книги“ [1]).

Хотя не прошло и одного года со времени изданія десяти членовъ однако „наставленіе“ вовсе не представляетъ собою только лишь подтвержденіе ихъ и разъясненіе. Въ немъ не трудно замѣтить значительныя уклоненія отъ перваго вѣроисповѣданія, какъ въ самомъ существѣ излагаемыхъ ученій, такъ и въ системѣ ихъ расположенія. Содержаніе „наставленія“ распадается на нѣсколько отдѣловъ, а именно: о символѣ вѣры, о таинствахъ, о заповѣдяхъ, о молитвѣ Господней, о „Богородице Дѣво“, объ оправданіи, и о чистилищѣ.—Въ отдѣлѣ о символѣ вѣры, гдѣ члены его разъясняются подробно въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, заслуживаетъ вниманія то ученіе о церкви, которое излагается и развивается здѣсь „наставленіемъ“. Католическая церковь, по смыслу этого ученія, представляетъ собою тѣло или обще-

---

[1]) Lingard IV, 153;—Lathbury p. 127—128, Note m;—Burnet I, 180;—Hume IV, 543;—Blackmore. A harmony of Anglican doctrine with the doctrine of the catholic and Apostolic church of the East... p. 142. London 1846;—и у др.

ство, соединенное единствомъ вѣры, надежды и любви и правильнымъ совершеніемъ таинствъ. Всѣ добрыя дѣла, совершенныя каждымъ отдѣльнымъ членомъ, и благодатные дары, на него ниспосланные, идутъ на пользу всѣхъ и споспѣшествуютъ благу всего общества. Наставленіе сильно ратуетъ впрочемъ противъ папской привиллегіи распоряжаться въ этомъ случаѣ сокровищницею церкви. — Всѣ отдѣльныя мѣстныя церкви суть части церкви вселенской. Между ними нѣтъ никакихъ различій и ни одна изъ нихъ не имѣетъ надъ другими какого-либо исключительнаго превосходства или власти. Всѣ онѣ по достоинству и власти равны между собою; всѣ онѣ утверждаются на одномъ основаніи, управляются Однимъ Духомъ и равно предназначены къ славному безсмертію. Церковь римская потому есть не иное что, какъ только часть церкви католической; ея епископъ, основываясь на Священномъ Писаніи, не можетъ изъявлять какихъ-либо притязаній на вселенское господство и осуществлять какую-либо юрисдикцію въ церквахъ Англіи, Франціи, Испаніи и др.—Дѣйствія Духа Святаго, отпущеніе грѣховъ и вѣчное спасеніе ограничиваются предѣлами католической церкви; внѣ этой церкви нѣтъ спасенія, а потому всѣ язычники, іудеи, еретики и т. д. подлежатъ осужденію [1]).

Оканчивая изложеніе символа вѣры, наставленіе утверждаетъ, что всѣ заблужденія, осужденныя четырьмя первыми вселенскими соборами, должны быть отвергаемы, а символъ вѣры долженъ быть изъясняемъ въ смыслѣ, согласномъ съ Писаніемъ и пониманіемъ древности.

Въ отдѣлѣ о таинствахъ, наставленіе утверждаетъ, что таинство брака имѣетъ и видимую и невидимую сторону, т. е. и внѣшній знакъ и благодать, чрезъ него сообщаемую. Это таинство учреждено въ раю, а потому не есть таинство новое,—евангельское. Жизнь безбрачная имѣетъ впрочемъ преимущество предъ брачною.

Крещеніе есть таинство, необходимое для отпущенія грѣховъ и возвращенія человѣку Божественной милости. Это

---

[1]) Подробное изложеніе содержанія наставленія см. Collier v. IV, p. 400—409;—v. V, p. 101—105;—Въ очень краткомъ видѣ см. Burnet I, 180;—Weber I, 489;—Lingard IV, 153;—и др...

таинство есть единственное средство ко вступленію въ церковь. Всѣ младенцы, получившіе крещеніе и умершіе во младенчествѣ, несомнѣнно будутъ спасены; но безъ крещенія и они не могутъ получить спасенія. Ученія пелагіанъ и анабаптистовъ должны быть отвергаемы, какъ презрѣнныя ереси. Хотя крещеніе вполнѣ достаточно для отпущенія грѣховъ и спасенія человѣка, однако и мѵропомазаніе установлено апостолами и продолжалось въ первенствующей церкви, чтобы исцѣлять человѣка отъ грѣховъ, совершенныхъ послѣ крещенія, и снабжать его новою силою для борьбы съ міромъ, плотію и діаволомъ. Совершеніе мѵропомазанія предоставляется епископу.

Покаяніе раздѣляется на три части, сокрушеніе, исповѣдь и исправленіе. Что касается исповѣди, то всѣмъ епископамъ и проповѣдникамъ наставленіе предписываетъ внушать народу, что разрѣшительныя слова, произносящіяся священникомъ, основаны на полномочіи, которое дано ему властію Самаго Спасителя, а потому слова эти имѣютъ такое же значеніе, какъ будто бы онѣ произнесены были Самимъ Богомъ.

Въ таинствѣ Евхаристіи наставленіе утверждаетъ тѣлесное присутствіе Христа Спасителя. Оно говоритъ, что подъ видомъ хлѣба и вина присутствуютъ то самое тѣло и та самая кровь нашего Спасителя, которыя рождены были отъ Дѣвы Маріи, но способа этого присутствія оно не объясняетъ. Несомнѣнно то, что о пресуществленіи въ наставленіи не упоминается, а потому можно, какъ кажется, думать, что рѣчь идетъ здѣсь о соприсутствіи (consubstantiatio). Къ таинству причащенія наставленіе предписываетъ относиться съ надлежащимъ уваженіемъ и почитаніемъ, хотя и не доходить въ этомъ до крайностей. Въ какомъ видѣ пріобщеніе должно быть сообщаемо вѣрующимъ, — объ этомъ наставленіе ясно не говоритъ; но о лишеніи мірянъ чаши въ немъ нѣтъ ни одного слова.

Должность священническая совмѣщаетъ въ себѣ дѣло ученія и управленія; но власть, данная священству, не произвольная и тиранническая; она имѣетъ свои ограниченія и опредѣляется извѣстными цѣлями. Власть эта называется „властію ключей“ и подъ нею подразумѣвается также исклю-

чительное право совершать таинства. Дѣло ученія и управленія церковію Спаситель и Его апостолы предоставили епископамъ и пресвитерамъ, что и продолжается преемственно въ священномъ санѣ. Священство можетъ быть въ собственномъ смыслѣ названо таинствомъ, потому что оно установлено Христомъ и имѣетъ существенныя принадлежности таинства. Видимая сторона его состоитъ въ молитвѣ и возложеніи рукъ, а невидимая въ сообщеніи благодати, преподающей власть священническую.

Власть, сообщаемую въ таинствѣ священства, наставленіе раздѣляетъ на два вида, называя ихъ: potestas ordinis и potestas jurisdictionis. О власти перваго рода, какъ неоспоримой, оно не распространяется; вторую же подраздѣляетъ на три вѣтви.

Подъ первою вѣтвію разумѣется данная священству власть наказывать за безнравственность и т. под.; а упорныхъ и неисправимыхъ подвергать отлученію; а также умѣрять и смягчать правила дисциплины, установленныя церковію. По свойству своего служенія, священство не имѣетъ при этомъ права касаться собственности людей, или налагать на нихъ тѣлесныя наказанія, подвергать тюремному заключенію или казни. Вторая вѣтвь юрисдикціи состоитъ въ томъ, что епископамъ дана отъ Спасителя власть продолжать преемство въ іерархіи. Имъ предоставлено судить о достоинствѣ лицъ, ищущихъ священства, допускать ихъ къ нему или не допускать по своему усмотрѣнію. Третья вѣтвь юрисдикціи предоставляетъ епископамъ и священникамъ право постановлять каноны относительно дисциплины и церковнаго Богослуженія. Это право подтверждается примѣромъ апостоловъ и практикою церкви трехъ первыхъ вѣковъ. Со времени обращенія къ христіанству государей и королей, епископы стали прибѣгать за помощію къ власти свѣтской. Это дѣлалось для того, чтобы придать церковной юрисдикціи силу санкціей государства, ибо церковь не могла налагать тѣлесныхъ наказаній. Въ этихъ именно видахъ государи утверждаютъ церковныя постановленія и иногда дѣлаютъ опредѣленія, касающіяся дѣлъ церковныхъ, присоединяя къ нимъ мѣры карательныя. Разсуждая о священствѣ, наставленіе дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно излишняго значенія, при-

писываемаго народомъ постановленіямъ церковной дисциплины и относительно папскихъ притязаній. Что касается первыхъ, то большая часть изъ нихъ относится къ разряду предметовъ безразличныхъ, а между тѣмъ народъ боится нарушить ихъ гораздо болѣе, чѣмъ преступить противъ ясныхъ законовъ Божіихъ. Не мало напр. въ королевствѣ людей, которые думаютъ, что съѣсть яйцо въ пятницу, хотя бы и по уважительному побужденію и безъ всякаго презрѣнія къ канонамъ,—грѣхъ гораздо большій, чѣмъ воровство или блудодѣяніе. Ограниченіе же свободы въ этомъ отношеніи, по ихъ мнѣнію, имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ совершеніе какихъ-либо дѣлъ любви къ ближнему. Папское первенство неизвѣстно было въ теченіи нѣсколькихъ первыхъ вѣковъ христіанства и юрисдикція епископа римскаго не выходила за предѣлы Италіи. Увеличеніе власти его произошло отъ пожалованій императоровъ и согласія соборовъ; но настоящія чрезмѣрныя притязанія утверждаются на злоупотребленіи. Съ своими притязаніями на первенство римскіе епископы противорѣчатъ ученію отцевъ, постановленіямъ первенствующей церкви и даже своимъ собственнымъ заявленіямъ. Вступая на римскій престолъ, епископы даютъ торжественное обѣщаніе управлять согласно первымъ осьми вселенскимъ соборамъ, а нѣкоторые изъ этихъ соборовъ опредѣляютъ, чтобы всѣ дѣла рѣшались епархіальнымъ епископомъ и чтобы ни одинъ епископъ не простиралъ своей власти далѣе предѣловъ своей епархіи. Ни Свящ. Писаніе, ни кто-либо изъ отцевъ не говоритъ о томъ, чтобы между апостолами или епископами было установлено Спасителемъ какое-либо неравенство во власти и юрисдикціи. Епископы не должны наконецъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскія и изъявлять притязаніе на какую-либо свѣтскую юрисдикцію, независимую отъ государей. Къ числу обязанностей королевскаго служенія относится между прочимъ защита христіанской религіи, покровительство правовѣрному духовенству, уничтоженіе ереси и идолослуженія и надзоръ за исполненіемъ епископами ихъ обязанностей.

Значеніе елеосвященія, какъ таинства, наставленіе доказываетъ примѣромъ апостоловъ, которые исцѣляли больныхъ помазывая ихъ елеемъ (Марк. 6, 13), и извѣстными пред-

писаніями въ посланіи ап. Іакова (5, 14—15). Относительно этого таинства епископы и духовенство должны вразумлять народъ, чтобы никто не думалъ будто бы жизнь человѣка сокращается съ принятіемъ елеосвященія, напротивъ, таинство это установлено для исцѣленія души и тѣла. Они должны разъяснять народу, что дурной обычай откладывать совершеніе этого таинства до тѣхъ поръ, когда больной не имѣетъ уже никакой надежды на выздоровленіе. Отцы церкви называли это таинство послѣднимъ помазаніемъ не потому, что оно совершается надъ людьми находящимися при смерти, а потому что оно дается послѣ крещенія и мѵропомазанія, гдѣ также употребляется помазаніе елеемъ. Наставленіе рекомендуетъ послѣ послѣдняго помазанія принимать пріобщеніе, а слѣдовательно совершать это таинство тогда, когда больной вполнѣ владѣетъ разсудкомъ и памятію.

Изложивъ ученіе о таинствахъ, наставленіе раздѣляетъ ихъ на два разряда, принимая при этомъ во вниманіе ихъ установленіе и ихъ внутреннее достоинство. Таинства крещенія, покаянія и пріобщенія оно относитъ къ первому разряду, такъ какъ эти таинства установлены Спасителемъ и признаны необходимыми для нашего спасенія; ихъ сообщеніе подъ видимыми знаками предписано также Самимъ Христомъ, а при достойномъ принятіи ихъ человѣкъ получаетъ отпущеніе грѣховъ. Остальныя четыре таинства, т. е. бракъ, мѵропомазаніе, священство и послѣднее помазаніе, хотя по согласію католической церкви именуются достойно таинствами, издавна совершаются въ церкви и, по молитвѣ священника, сообщаютъ нѣтоторые особенные дары Святаго Духа, необходимые христіанину въ нѣкоторыхъ условіяхъ и состояніяхъ: но, при всемъ томъ, онѣ, по указаннымъ причинамъ, имѣютъ низшее значеніе, сравнительно съ тремя первыми.

Слѣдующій въ наставленіи отдѣлъ посвященъ изложенію и изъясненію десяти заповѣдей, изъ коихъ четыре первыя относятся имъ къ первой скрижали, а шесть остальныхъ ко второй.

При изъясненіи второй заповѣди, наставленіе рекомендуетъ употребленіе въ церквахъ иконъ въ видахъ напоминанія и назиданія; но при этомъ оно рѣшительно высказывается

противъ поклоненія иконамъ и какого-бы то ни-было служенія имъ, а также противъ ихъ чрезмѣрнаго украшенія, выражая при томъ мысль, что лучше предназначаемыя на это деньги употребить въ пользу бѣдныхъ.

По поводу третьей заповѣди наставленіе разсуждаетъ о призываніи святыхъ, при чемъ ихъ роль ограничиваетъ лишь заступничествомъ и ходатайствомъ за людей предъ Богомъ. Оно внушаетъ народу, что тѣлесное и душевное здравіе, отпущеніе грѣховъ, благодать и жизнь будущая не во власти сотворенныхъ существъ, а потому за этими благами мы должны обращаться только ко Всемогущему Богу. Призывать святыхъ въ чаяніи отъ нихъ получить эти блага значитъ оскорлять величіе Божіе и Его преимущества переносить на тварей, тогда какъ Священное Писаніе ясно запрещаетъ равнять тварей съ ихъ Творцемъ.—Церковь или алтарь никому ни могутъ быть посвящены, какъ только Богу, ибо кому усвояется алтарь, тому приносится и жертва, а приносить жертву мы не можемъ никому, кромѣ Бога. Епископы и проповѣдники должны потому внушать народу, что когда мы называемъ церкви и алтари именами святыхъ, мы допускаемъ здѣсь выраженія не собственныя. Истинный смыслъ этихъ посвященій состоитъ въ томъ, что посредствомъ нихъ имѣется въ виду сохранить память святыхъ и возобновить ихъ дѣла и добродѣтели въ умахъ народа. Въ строгомъ же значеніи слова святыя мѣста могутъ быть посвящены лишь въ честь Пресв. Троицы.

Изъясняя четвертую заповѣдь, наставленіе разсуждаетъ о почитаніи Воскреснаго дня и другихъ праздниковъ, давая при этомъ наставленія народу относительно его поведенія въ церкви. Затѣмъ оно предостерегаетъ противъ нѣкоторыхъ излишествъ, допускаемыхъ по этому поводу, и разрѣшаетъ напр. работать и въ праздники, если видится въ этомъ необходимость и если въ противномъ случаѣ произведенія земли могутъ подвергнуться порчѣ. При такихъ условіяхъ ждать и терять блага, даруемыя намъ Провидѣніемъ, значитъ слишкомъ далеко простирать свои сомнѣнія. Въ концѣ своего разсужденія о четвертой заповѣди, наставленіе кратко говоритъ о церковныхъ церемоніяхъ, изъясняя ихъ значеніе.

По поводу пятой заповѣди духовенство должно вразумлять народъ, чтобы онъ къ своимъ духовнымъ родителямъ относился съ такимъ-же почтеніемъ, какъ и къ плотскимъ, ибо духовные родители назначены Богомъ для того, чтобы совершать народу таинства, направлять его совѣсть, надзирать за его поведеніемъ и руководить его на пути къ небесамъ.—Затѣмъ наставленіе разсуждаетъ объ обязанностяхъ подданныхъ по отношенію къ ихъ государямъ, какъ отцамъ отечества; оно утверждаетъ, что подданные никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должны выходить изъ повиновенія своимъ государямъ. Если кому-либо изъ подданныхъ случится узнать о заговорѣ противъ государя, онъ долженъ тотчасъ-же сообщить о томъ, куда слѣдуетъ, ибо всѣ члены тѣла должны защищать главу, а заговоръ никогда не приведетъ къ добру.

Изъясняя шестую заповѣдь, наставленіе утверждаетъ за несомнѣнную истину, что никто изъ подданныхъ не имѣетъ права употреблять мечъ безъ разрѣшенія государя, исключая лишь случай необходимой защиты противъ убійцъ. Но съ другой стороны, долгъ подданныхъ являться съ оружіемъ на защиту государя и страны, когда-бы имъ ни было то предписано. Противъ государя подданные не могутъ поднимать свой мечъ ни въ какомъ случаѣ. Хотя-бы государь и велъ себя дурно, хотя-бы онъ и виновенъ былъ въ плохомъ управленіи, Богъ не далъ все-таки подданнымъ права быть судьями своихъ государей. Онъ сдѣлалъ ихъ не отвѣтственными предъ народомъ, предоставивъ ихъ Своему трибуналу, когда Онъ найдетъ нужнымъ призвать ихъ къ отвѣту. Противъ угнетенія и тиранніи у подданныхъ только одно средство, а именно молитва къ Богу, чтобы Онъ смягчилъ сердце государя и расположилъ его къ надлежащему употребленію предоставленной ему власти.

За отдѣломъ о молитвѣ Господней, не представляющимъ въ себѣ ничего особеннаго, въ наставленіи рѣчь идетъ объ архангельскомъ привѣтствіи къ Пресв. Дѣвѣ. Здѣсь выставляется на видъ особенная честь, которой удостоилась Благословенная Дѣва, и утверждается при этомъ, что по достоинству своему Она выше всѣхъ въ родѣ человѣческомъ. Затѣмъ наставленіе разъясняетъ, что „Богородице Дѣво“

есть гимнъ, а вовсе не молитва, ибо не заключаетъ въ себѣ никакого прошенія.

Отдѣлъ объ оправданіи утверждаетъ, что это благо даруется человѣку ради заслугъ Спасителя и что никакія добрыя дѣла съ нашей стороны не могутъ примирить насъ съ Богомъ и доставить намъ оправданіе. Впрочемъ эта милость Божія дается намъ подъ условіями упованія на Божественную благость, соблюденія заповѣдей Спасителя и совершенія дѣлъ правды и любви.

Послѣдній отдѣлъ наставленія трактуетъ о чистилищѣ. Здѣсь говорится, что Маккавейская книга и авторитетъ древнихъ рекомендуютъ молитву за умершихъ, какъ дѣло любви, и обычай этотъ продолжается въ церкви съ первыхъ вѣковъ христіанства, а потому епископы и проповѣдники должны вразумлять народъ, что нѣтъ никакихъ основаній соблазняться продолженіемъ этого обычая. Любовь требуетъ, чтобы христіане и послѣ разлуки не забывали своихъ друзей, но поручали ихъ Богу въ своихъ молитвахъ, побуждали къ тому-же другихъ и для этой цѣли раздавали милостыню, ибо этимъ средствомъ они могутъ быть избавлены отъ страданій и ихъ состояніе можетъ быть улучшено. Но такъ какъ ничего намъ не открыто о мѣстѣ, гдѣ пребываютъ души усопшихъ и о свойствѣ претерпѣваемаго ими наказанія, то объ этомъ ничего опредѣлять не слѣдуетъ, вполнѣ предоставляя усопшихъ милосердію Всемогушаго Бога. Отдѣлъ оканчивается заявленіемъ противъ дѣйствительности папскихъ индульгенцій и противъ вѣрованія въ преимущественное значеніе въ этомъ случаѣ службъ, совершаемыхъ на извѣстныхъ мѣстахъ и предъ извѣстными особенно прославленными иконами.

Разсмотрѣвъ наставленіе, конвокація признала его „во всѣхъ предметахъ согласнымъ съ истиннымъ смысломъ Священнаго Писанія“ и затѣмъ книга эта формально утверждена была подписями членовъ обѣихъ палатъ собора [1]). Просматривая листъ подписей, мы насчитываемъ въ немъ, отъ верхней палаты: 2 архіепископовъ и 19 епископовъ; а отъ палаты нижней: 8 архидіаконовъ и 17 богословъ и

[1]) Lingard IV, 153;—Weber I, 489:—Burnet I, 180.

канонистовъ. Число епископовъ полное и обнимаетъ собою обѣ провинціи Англіи; но всѣ-ли члены нижней палаты подписались въ листѣ,—это еще можетъ быть вопросомъ [1]).

Если сравнить наставленіе съ прежде составленнымъ исповѣданіемъ англійской церкви, т. е. съ десятью членами вѣры, то прежде всего бросается въ глаза весьма не малое различіе этихъ двухъ памятниковъ по количеству и способу расположенія ихъ содержанія. Наставленіе обнимаетъ гораздо большее количество предметовъ сравнительно съ членами, такъ что послѣдніе входятъ въ его составъ лишь какъ часть, хотя и существенная. Не смотря впрочемъ на большую полноту наставленія, мы все-таки не находимъ въ немъ одного изъ тѣхъ пунктовъ, которые развиваются въ членахъ, а именно объ источникахъ вѣроученія, разсужденіе о которыхъ составляетъ, какъ мы видѣли, содержаніе перваго члена. Расположеніе содержанія въ членахъ вѣры не обнаруживаетъ въ себѣ почти никакой системы, такъ что иногда невозможно объяснить почему одинъ членъ слѣдуетъ за другимъ. Наставленіе-же придерживается нѣкотораго плана, въ силу котораго книга эта приближается по своей формѣ къ типу катихизиса, съ нѣкоторыми ихъ пополненіями.

По существу излагаемыхъ ученій наставленіе чрезвычайно близко сходится съ членами. Всѣ тѣ пункты, которыхъ касаются члены, изложены въ наставленіи совершенно въ томъ же смыслѣ и безъ всякихъ измѣненій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это сходство простирается даже до буквальнаго тожества, какъ-то можно замѣтить напр. въ ученіи объ евхаристіи и о чистилищѣ. Единственное исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ повидимому то обстоятельство, что члены говорятъ только о трехъ таинствахъ, тогда какъ наставленіе признаетъ ихъ въ числѣ семи, хотя и съ раздѣленіемъ на два разряда. Но еще остается вопросомъ, слѣдуетъ-ли считать этотъ пунктъ дѣйствительно разностію

---

[1]) Листъ подписей см. Collier IV, 409.—Бернетъ а за нимъ и Веберъ епископскихъ подписей насчитываютъ только 17; но самаго листа ихъ они не приводятъ, ограничиваясь однимъ лишь указаніемъ итога, который съ листомъ, приводимымъ у Колльера, не сходится.

двухъ памятниковъ, или только слѣдствіемъ ихъ неодинаковой полноты. Очень можетъ быть, что члены вѣры, умалчивая о четырехъ таинствахъ, имѣли въ виду не полное ихъ отрицаніе, а только ихъ меньшее значеніе сравнительно съ тремя таинствами важнѣйшими, т. е. сходились и въ этомъ пунктѣ съ наставленіемъ.

Подобно десяти членамъ, наставленіе даетъ замѣтить въ своемъ содержаніи нѣкоторые, хотя и очень не большіе, проблески симпатіи къ протестантизму.—Мы можемъ прежде всего видѣть это въ отношеніяхъ памятника къ вопросу объ основныхъ источникахъ христіанскаго ученія. Правда, наставленіе не говоритъ въ этомъ случаѣ прямо того, что было высказано членами; но если прослѣдить тѣ основанія, на коихъ оно старается утверждать свои ученія, то не трудно убѣдиться, что въ этомъ отношеніи оно вполнѣ сходится съ членами. Авторитетомъ для него служатъ лишь: Библія, четыре первыхъ Вселенскихъ собора, церковная практика и отеческія творенія первыхъ вѣковъ христіанства. Въ ученіи о церкви наставленіе рѣшительно отвергаетъ необходимость и законность видимаго главы, т. е. папы римскаго, придавая всѣмъ частнымъ церквамъ совершенно одинаковое значеніе.

Въ ученіи о таинствахъ, оно вводитъ раздѣленіе седмеричнаго ихъ числа на два разряда, пролагая такимъ образомъ путь протестантскому ограниченію ихъ первоначальнаго количества предварительнымъ уменьшеніемъ достоинства большей ихъ половины.

Въ таинствѣ пріобщенія оно утверждаетъ лишь ученіе о соприсутствіи, совершенно умалчивая о католическомъ догматѣ пресуществленія.

Въ почитаніи святыхъ, праздниковъ и иконъ оно старается ввести нѣкоторыя ограниченія сравнительно съ практикою католической церкви, приближаясь и въ этомъ случаѣ къ требованіямъ протестантизма.

Въ ученіи объ оправданіи наставленіе, какъ и десять членовъ, не отличается особенною ясностію и опредѣленностію. Оно не признаетъ протестантскаго догмата, что человѣкъ оправдывается одною вѣрою, но и не придаетъ заслугамъ человѣка никакого значенія въ дѣлѣ оправданія.

Добрыя дѣла оно признаетъ необходимымъ условіемъ нашего оправданія; но въ тоже время заявляетъ, что мы оправдываемся исключительно ради заслугъ Спасителя и что никакія дѣла съ нашей стороны не могутъ примирить насъ съ Богомъ.

По поводу чистилища наставленіе всего рѣшительнѣе обнаруживаетъ свое протестантское настроеніе. Почти буквально повторяя сказанное по этому поводу въ членахъ вѣры, оно не считаетъ возможнымъ принять ученіе о чистилищѣ, какъ не имѣющее для себя основаній въ Свящ. Писаніи, и рѣшительно отвергаетъ дѣйствительность папскихъ индульгенцій и т. под.

Этими незначительными, не смѣлыми и не всегда ясными уклоненіями отъ католической системы вѣроученія ограничивается весь протестантизмъ англійскаго „наставленія“. Во всемъ остальномъ оно остается такъ же искренно-католическимъ, какъ были и прежде него составленные члены вѣры, даже какъ будто превосходя ихъ въ этомъ отношеніи своимъ яснымъ признаніемъ седмеричнаго числа таинствъ.

Общее впечатлѣніе отъ этого втораго исповѣданія англійской церкви получается изслѣдователемъ такое-же, какъ и отъ перваго. Онъ невольно долженъ согласиться, что это также смѣсь протестантизма съ католицизмомъ, при чемъ слабое вліяніе перваго едва замѣтно въ рѣшительномъ преобладаніи послѣдняго.

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ утвержденія и обнародованія наставленія, какъ въ Англіи снова уже слышится жалоба на разногласіе во мнѣніяхъ относительно предметовъ вѣры, и правительство опять предпринимаетъ на этотъ разъ уже гораздо болѣе рѣшительную попытку водворить желаемое единеніе. [1])

Въ началѣ мая 1539 года, лордъ-канцлеръ обращается съ рѣчью къ верхней палатѣ только что собравшагося тогда

[1]) Разсказъ объ излагаемыхъ здѣсь событіяхъ см. Hall. p. 828;—Holinshed. v. III, 808; IV, 735;—Sanderus I, 125;—Foxe 569—571;—Collier V, 35—39; Lingard IV, 165—167;—Lathdury 128—129;—Burnet I, 188—191;—Weber I, 499—503;—Hume IV, 503—505;—Pictorial history II, 409—410; 725.

парламента. Въ этой рѣчи онъ увѣдомляетъ палату, что король очень желалъ-бы положить конецъ всѣмъ пререканіямъ относительно религіи и привести своихъ подданныхъ къ единообразному исповѣданію, а потому онъ приказалъ ему позаботиться о томъ, чтобы назначенъ былъ комитетъ, который-бы изслѣдовалъ различія во мнѣніяхъ, выработалъ формулу соглашенія и результатъ своихъ работъ представилъ на усмотрѣніе палаты. Предложеніе канцлера принято было лордами, которые и составили изъ своей среды комитетъ изъ девяти членовъ, способныхъ для осуществленія возлагаемой на нихъ задачи. Въ составъ этого комитета вошли слѣдующія лица: генералъ-викарій, два архіепископа и шесть епископовъ, а именно Дургэмскій, Батскій и Уэльскій, Бангорскій, Элійскій, Сальсберійскій или Уорчестерскій. и Карляйльскій Но между членами составленнаго такимъ образомъ комитета не было единодушія. Арх. Іоркскій и четыре епископа держались строго-консервативныхъ воззрѣній, а генералъ-викарій, арх. Кантерберійскій и съ ними два епископа были сторонниками реформы. Одиннадцать дней члены комитета горячо спорили между собою и ихъ пренія все-таки не приводили пока ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Шестнадцатаго мая, герцогъ Норфолькъ, по приказанію короля, заявилъ палатѣ лордовъ, что назначенный ею комитетъ безуспѣшенъ доселѣ въ своихъ совѣщаніяхъ и нѣтъ надежды на то, чтобы этимъ путемъ цѣль была наконецъ достигнута. Въ силу этого, онъ предложилъ теперь нѣсколько пунктовъ на непосредственное обсужденіе палаты съ тѣмъ, чтобы послѣ обсужденія ихъ формулировать и утвердить въ качествѣ парламентскаго статута. Предложенные герцогомъ пункты гласили слѣдующее: 1) присутствуетъ-ли дѣйствительное тѣло Христово въ святой евхаристіи безъ пресуществленія? 2) Слѣдуетъ-ли мірянамъ пріобщаться подъ обоими видами? 3) Дозволяетъ-ли законъ Божественный священникамъ жениться? 4) По закону Божію, должны-ли быть соблюдаемы обѣты цѣломудрія, принятые мужчинами или женщинами? 5) По закону Божію, должны-ли быть совершаемы частныя мессы? 6) Устная исповѣдь должна-ли быть удержана?—Горячія пренія начались въ палатѣ по поводу этихъ вопросовъ. Свѣтскіе лорды, не обладавшіе

достаточными богословскими познаніями, не принимали участія въ спорѣ, слово было предоставлено лишь епископамъ. Противъ утвердительнаго рѣшенія предложенныхъ вопросовъ съ особенною силою возсталъ Крамэръ, архіеп. Кантерберійскій, который три дня ратовалъ въ палатѣ въ духѣ реформы. Онъ не былъ впрочемъ въ этомъ случаѣ одинокимъ; его поддерживали епископы: Элійскій, Сальсберійскій, Уорчестерскій, Рочестерскій и Ст. Давидскій. Но ихъ противники, предводимые архіепископомъ Іоркскимъ, были еще многочисленнѣе. Дѣло могло, повидимому, и въ палатѣ также не привести ни къ чему, какъ это уже случилось въ комитетѣ, если-бы самъ король не принялъ въ немъ непосредственнаго участія. На второй день преній Генрихъ лично явился въ палату и сталъ опровергать сторонниковъ реформы. Результатъ королевскаго вмѣшательства вполнѣ соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. По отзыву одного свѣтскаго лорда [1]), принимавшаго участіе въ засѣданіяхъ этого парламента, король обнаружилъ такую великую богословскую ученость, которая убѣдила всѣхъ, такъ что и Крамеръ со всѣми державшими его сторону епископами, за исключеніемъ Сальсберійскаго, отказался отъ своей оппозиціи. Что-же касается лордовъ свѣтскихъ, то они всѣ оказались одного мнѣнія съ королемъ, вліяніе котораго привело такимъ образомъ палату къ утвердительному въ католическомъ смыслѣ рѣшенію всѣхъ предложенныхъ вопросовъ. Самъ Крамэръ приписывалъ такой исходъ дѣла исключительно вліянію короля. Десять лѣтъ спустя онъ утверждалъ въ своемъ отвѣтѣ Девонширскимъ инсургентамъ, что безъ личнаго вмѣшательства короля эти пункты не прошли бы въ парламентѣ [2]). Когда, послѣ краткаго перерыва, парламентъ тридцатаго мая снова началъ свои засѣданія, лордъ-канцлеръ опять выступилъ въ верхней палатѣ съ своимъ предложеніемъ. Онъ заявилъ палатѣ, что стараніями духовныхъ лордовъ и самого короля дѣло относительно пунктовъ вѣроученія приведено теперь къ желаемому соглашенію, а потому именемъ короля требовалъ, чтобы составленъ былъ въ этомъ смыслѣ

[1]) Burnet v. II. Recor. p. III. в. III, № LXVI.—Lingard. IV, 165. Note 2
[2]) Burnet I, 375.

билль съ присоединеніемъ къ нему карательныхъ опредѣленій противъ его нарушителей. Для выработки проекта билля лорды назначили двѣ коммиссіи изъ представителей обѣихъ сторонъ. Въ составъ одной были назначены сторонники реформы: архіеп. Кантерберійскій, епископы Элійскій и Ст. Давидскій и докторъ Пэтръ, а въ составъ другой—консерваторы: архіеп. Іоркскій, епископы Дургэмскій и Уйнчестерскій и докторъ Трегоннель. Когда проэкты были готовы, палата не стала выбирать лучшій изъ нихъ сама, а предоставила этотъ выборъ королю, который, конечно, отдалъ предпочтеніе проэкту консерваторовъ, тѣмъ болѣе что проэктъ этотъ, какъ есть основаніе предполагать, и составленъ былъ при участіи и по указаніямъ короля [1]). Избранный такимъ образомъ билль представленъ былъ сперва на утвержденіе конвокаціи [2]), а затѣмъ проведенъ былъ въ обѣихъ палатахъ парламента и, получивъ санкцію короля, пріобрѣлъ силу закона. Такъ явился на свѣтъ статутъ подъ заглавіемъ: „актъ уничтожающій разнообразіе мнѣній“, (An acte abolishing diversity in Opynions) извѣстный подъ именемъ статута шести членовъ.

Королевское величество, говорится въ этомъ статутѣ [3]), по закону Божественному есть, послѣ Бога, верховный глава святой церкви Англіи, заботящійся о сохраненіи въ этой церкви истиннаго и единообразнаго ученія христіанской религіи, памятуя какъ безчисленныя и великія выгоды и удобства, проистекающія изъ согласія и единства во мнѣніяхъ, такъ и различныя опасности и затрудненія, доселѣ во многихъ мѣстахъ и областяхъ возникавшія отъ различія мнѣній, особенно относительно предметовъ христіанской религіи. Желая установить единеніе во славу Всемогущаго Бога, Творца и Источника истиннаго согласія и единенія, и тѣмъ споспѣшествовать благосостоянію королевства и всѣхъ любезныхъ подданныхъ, король предписалъ собраться

[1]) Предположеніе это основывается на томъ, что существуетъ написанный рукою Генриха черновой набросокъ билля, весьма сходный съ избраннымъ. Lingard. v, IV, p. 166. Note 1.

[2]) Lathbury p. 128 Lingard 129;—IV, p. 166.

[3]) Statute 31. Henr. VIII. chapt. 14.

въ настоящее время своему высокому парламенту и собору архіепископовъ, епископовъ и другихъ ученыхъ мужей духовенства. Въ этомъ парламентѣ и конвокаціи предложены были слѣдующіе пункты: 1) остается ли въ таинствѣ алтаря существо хлѣба и вина послѣ освященія или нѣтъ? 2) необходимо ли по закону Божественному, чтобы всѣ люди пріобщались подъ обоими видами? 3) могутъ ли, по закону Божію, священники, т. е. люди, посвященные Богу въ священствѣ, жениться послѣ того, или нѣтъ? 4) Обѣты цѣломудрія или вдовства, обдуманно данные Богу мужчиной или женщиной, по закону Божію должны ли быть соблюдаемы, или нѣтъ? 5) частныя мессы должны ли, по закону Божію, употребляться и продолжаться въ церкви Англіи, какъ предметы, посредствомъ которыхъ христіанскій народъ можетъ получать утѣшеніе и пользу, или нѣтъ? 6) необходимо ли, чтобы устная исповѣдь была удержана и употребляема въ церкви, или нѣтъ?—Королевское величество, благоразумно соображая, что различныя мнѣнія по этимъ вопросамъ были причиною великаго несогласія какъ въ духовенствѣ, такъ и въ средѣ многихъ изъ его любезныхъ подданныхъ, и питая надежду и увѣренность, что надлежащее разрѣшеніе этихъ вопросовъ приведетъ за собою полное согласіе и единеніе въ средѣ его подданныхъ, по великой своей добротѣ предписало, чтобы архіепископы, епископы и другія ученыя лица духовенства обсудили эти вопросы и сообщили о нихъ свое мнѣніе; оно благосклонно соизволило также и собственною своею царственною персоною пожаловать въ высокую палату парламента и здѣсь обнаружило возвышенную ученость и великое знаніе по поводу этихъ вопросовъ въ видахъ достиженія единенія.—Послѣ долгаго и великаго обсужденія, преній и совѣщаній, съ одобренія королевскаго величества и по согласію лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и другихъ ученыхъ мужей духовенства въ конвокаціи, а также и общинъ, собравшихся въ настоящемъ парламентѣ, рѣшено наконецъ слѣдующее: 1) что въ таинствѣ алтаря, силою и дѣйствіемъ могущественнаго слова Христова, произносимаго священникомъ, дѣйствительно присутствуетъ, подъ видомъ хлѣба и вина, естественное тѣло и кровь нашего Спасителя Іисуса Христа, зачатое Дѣвою

Маріей, и что послѣ освященія здѣсь не остается уже существа хлѣба или вина, или какого-либо другаго существа, кромѣ существа Христа, Бога и человѣка; 2) что пріобщеніе подъ двумя видами, по закону Божію, не всѣмъ людямъ необходимо для спасенія, и нужно вѣровать и не сомнѣваться, что въ тѣлѣ подъ видомъ хлѣба есть и истинная кровь, а въ крови подъ видомъ вина есть и истинное тѣло, отдѣльно ли взяты они, или вмѣстѣ; 3) что священники, по закону Божію, не могутъ жениться ни послѣ принятія священства, ни прежде него; 4) что обѣты цѣломудрія или вдовства, обдуманно данные Богу мужчиной или женщиной, по закону Божественному, должны быть соблюдаемы, лишая обѣщавшихся и нѣкоторыхъ другихъ дозволительныхъ христіанскому народу вольностей, которыми, безъ обѣта, они могли бы пользоваться; 5) что прилично и необходимо, чтобы въ англійской церкви продолжались частныя мессы, посредствомъ которыхъ христіанскій народъ получаетъ утѣшеніе и пользу, и которыя согласны съ Закономъ Божіимъ; 6) что потребно и необходимо, чтобы устная исповѣдь была удержана, продолжалась, употреблялась и учащалась въ церкви Божіей.

Лорды и общины парламента изъявляютъ далѣе въ статутѣ свою благодарность королю за предпринятые имъ въ этомъ дѣлѣ труды и, желая утвердить постановленные члены во славу Божію и для спокойствія и единенія въ королевствѣ, считаютъ долгомъ присовокупить съ своей стороны къ статуту карательныя опредѣленія.

Слѣдующіе затѣмъ параграфы статута опредѣляютъ, что, кто послѣ наступающаго 12-го числа іюля будетъ говорить, писать или печатать противъ ученія, установляемаго теперь членами относительно Евхаристіи, тотъ долженъ быть признаваемъ еретикомъ и подвергнуться казни чрезъ сожженіе, а все его имѣніе пусть подлежитъ конфискаціи въ пользу короля. Такому же наказанію должны подлежать и всѣ сообщники и прикрыватели этого преступленія. Тѣ, которые станутъ предъ народомъ или въ школѣ проповѣдывать противъ остальныхъ пяти членовъ, подлежатъ наказанію, опредѣленному за уголовное преступленіе, (felony) и конфискаціи имѣнія, а равно и тѣ, которые будутъ поступать во-

преки имъ, какъ напримѣръ, жениться, будучи священниками или, имѣя на себѣ обѣты цѣломудрія и т. д. Придерживающіеся мнѣній, противныхъ этимъ пяти членамъ, и высказывающіе то, наказываются лишеніемъ имѣнія и тюремнымъ заключеніемъ, а за второе преступленіе подвергаются казни, опредѣленной за „felony". Браки священниковъ объявляются недѣйствительными. Тюремное заключеніе и штрафъ назначается за уклоненіе отъ исповѣди и пріобщенія. Епископамъ предписывается назначать особыхъ коммиссаровъ для разъисканія и преслѣдованія всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи настоящаго статута, при чемъ всѣ другіе чиновники должны оказывать имъ свое содѣйствіе. Всѣ книги, въ которыхъ содержится что-либо противное шести членамъ, должны быть отбираемы и сожигаемы, а статутъ этотъ долженъ прочитываться черезъ каждые три мѣсяца во всѣхъ церквахъ, подъ угрозою штрафа приходскихъ священниковъ, если они не будутъ исполнять этого предписанія и т. д. Послѣ такого ряда суровыхъ опредѣленій, присоединенныхъ къ шести членамъ вѣры, нисколько не удивительно, если этотъ статутъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, получилъ извѣстность въ народѣ подъ именемъ „кроваваго статута" или „кнута съ шестью хвостами" [1]).

Останавливаться много на разборѣ содержанія шести членовъ, намъ не представляется никакой надобности. Смыслъ этого памятника ясенъ до очевидности; на протестантизмъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, напротивъ, строго, безъ всякихъ уклоненій, утверждаются ученія и обычаи католической церкви. Правда, онъ касается лишь очень немногихъ вопросовъ, оставляя, такимъ образомъ, въ неприкосновенности все то, въ чемъ прежнія вѣроисповѣданія англійской церкви допускали нѣкоторыя замѣтныя уклоненія къ ученіямъ протестантизма, какъ напримѣръ, вопросы о числѣ таинствъ, о чистилищѣ и т. под. Но вмѣстѣ съ тѣмъ то, въ чемъ прежнія исповѣданія своими умолчаніями допускали иногда нѣкоторую свободу, теперь строго опредѣлялось въ смыслѣ исключительно католическомъ. Въ уче-

[1]) Hall. p. 828.—Holinshed III, 808.

ніи объ Евхаристіи, напримѣръ десять членовъ вѣры и наставленіе утверждали лишь дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христа, предоставляя свободу принимать католическое ученіе о пресуществленіи, или уклоняться отъ него; теперь же кровавый статутъ не допускаетъ такой свободы, строго настаивая на католическомъ догматѣ. О пріобщеніи подъ однимъ видомъ прежнія исповѣданія не упоминали ни слова; а теперь и въ этомъ отношеніи дѣлается поворотъ къ католицизму. Кровавый статутъ такимъ образомъ, съ точки зрѣнія требованій реформы, представляетъ собою шагъ назадъ и поворотъ къ той самой старинѣ, для уничтоженія которой прежнія исповѣданія пролагали пути, хотя робко и слабо.

Какъ десять членовъ вѣры послужили основаніемъ для наставленія и, какъ существенная часть, вошли въ составъ этого, болѣе полнаго вѣроисповѣданія; такъ точно и кровавый статутъ шести членовъ былъ основою для другаго памятника, на разсмотрѣніи котораго намъ нужно теперь остановиться.

Въ 1540-мъ году, двѣнадцатаго апрѣля, открылась сессія парламента. Послѣ вступительной рѣчи лорда-канцлера, сталъ говорить къ лордамъ верхней палаты, отъ имени короля, Кромвелль, въ качествѣ вице-герента. Онъ началъ свою рѣчь съ того, что уже и прежде было говорено не разъ, а именно, что король всего болѣе желаетъ водворить единеніе въ средѣ своихъ подданныхъ. Но, къ сожалѣнію и неудовольствію своему, его величество видитъ, что религіозныя разногласія разъединяютъ націю, что много плевеловъ возросло вмѣстѣ съ пшеницей. Образовались двѣ партіи, изъ коихъ одна отличается дерзостію и своевольствомъ, а другая—суевѣріемъ и упорствомъ въ старыхъ заблужденіяхъ. Эти партіи клеймятъ другъ друга позорными наименованіями папистовъ и еретиковъ и объ злоупотребляютъ тою свободой, которая дозволена теперь королемъ въ чтеніи Св. Писанія, пользуясь имъ не для назиданія, а для оправданія своихъ страстей. Не склоняясь ни направо, ни налѣво, не держа сторону ни одной изъ партій, король имѣетъ въ виду лишь истинное ученіе христіанской вѣры; онъ желаетъ предложить своимъ подданнымъ это ученіе

безъ всякихъ примѣсей и указать имъ достойные обряды, чтобы такимъ образомъ прекратить всякія пререканія и дать имъ должное наставленіе въ вѣрѣ и богослуженіи. Съ этою цѣлію король назначилъ коммиссію, на которую и возложилъ дѣло составленія такого изложенія, которое бы заключало въ себѣ истинное и необходимое для христіанина ученіе вѣры. Въ составъ этой коммиссіи назначены: оба архіепископа, епископы: лондонскій, Дургэмскій, Уинчестерскій, Рочестерскій, Герефордскій и Ст. Давидскій и доктора: Тирльби, Робертсонъ, Коксъ, Дэй, Огльторпъ, Ридмайнъ, Иджуортъ. Крайфордъ, Саймондсъ, Робинсъ и Тришэмъ. Другую коммиссію, изъ епископовъ Батскаго и Уэльскаго, Элійскаго, Сальсберійскаго, Чичестерскаго, Уорчестерскаго и Ландафскаго, король назначилъ для разсмотрѣнія обрядовъ и церемоній, чтобы опредѣлить, какіе обряды должны быть удержаны и какіе уничтожены. Чиновникамъ своимъ король предписалъ строго слѣдить за исполненіемъ прежде утвержденныхъ актовъ, а нарушителей преслѣдовать и подвергать наказанію и т. д. Лорды палаты изъявили свое согласіе на назначеніе коммиссій и опредѣлили время, когда эти коммиссіи должны вести свои засѣданія [1]).

Дѣло, возложенное на коммиссіи, требовало конечно съ ихъ стороны весьма не мало труда и времени, а потому скоро не могло быть приведено къ концу. Слѣдствіемъ этого былъ парламентскій статутъ, утвержденный палатами въ томъ-же 1540 году.—Въ статутѣ этомъ говорилось, что король, какъ владѣтельный государь и верховный глава церкви англійской, прилежно заботится о мирѣ, единеніи, согласіи, благосостояніи и процвѣтаніи своихъ подданныхъ. Соображая, что ничто такъ не смущаетъ общественнаго благосостоянія и не препятствуетъ такъ миру и согласію, какъ различіе во мнѣніяхъ, особенно касающихся Всемогущаго Бога и Его религіи; зная также, что въ разныхъ мѣстахъ возникли различныя еретическія и опасныя мнѣнія относительно христ. религіи, могущія посѣять въ народѣ

1) Burnet I, 201:—Lingard IV, 171—172;—Audin II, 377—378.

несогласія, нарушить благосостояніе его и его потомства и быть причиною его духовной гибели, если со стороны его величества не будутъ благовременно приняты должныя мѣры, король назначилъ архіепископовъ, нѣсколькихъ епископовъ изъ обѣихъ провинцій, и достаточное число ученѣйшихъ, добродѣтельныхъ и разсудительныхъ докторовъ богословія, чтобы они, согласно истинному Евангелію и закону Божію, безъ всякаго пристрастія къ папизму или къ сектамъ, изложили письменно и обнародовали главные члены вѣры, присовокупивъ къ нимъ изъясненіе и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, которые будутъ найдены потребными по мнѣнію короля и совѣта, а также и обряды богослуженія.— Вѣрное опредѣленіе и изложеніе всего этого требуетъ зрѣлаго обсужденія и совѣщанія; такіе высокіе и благочестивые предметы не допускаютъ скораго рѣшенія и не могутъ быть опредѣлены въ одну сессію или въ нѣсколько сессій настоящаго парламента; но должны быть опредѣляемы постепенно и обнародованы тогда, когда это будетъ найдено удобнымъ по мнѣнію короля и совѣта, а также и тѣхъ лицъ, которыхъ король назначилъ или назначитъ послѣ.— Принимая все это во вниманіе, лорды и общины настоящаго парламента, съ согласія короля, постановляютъ, что всѣ опредѣленія, которыя, на основаніи слова Божія и Евангелія, сдѣланы будутъ архіепископами, епископами и докторами, назначенными или имѣющими быть послѣ назначенными отъ короля, относительно предметовъ христіанской религіи и обрядовъ и обнародованы будутъ по полномочію короля за его большою печатію, должны быть обязательны для всѣхъ подданныхъ королевства и строго соблюдаемы подъ страхомъ наказаній, какъ будто-бы всѣ опѣ и каждое изъ нихъ въ отдѣльности утверждены настоящимъ актомъ [1]).

Опираясь такимъ образомъ на авторитетѣ парламента, коммиссіи тотчасъ же приступили къ своей работѣ. Дѣло велось не спѣшно и съ серьезностію, вполнѣ приличною предмету занятій. Изъ одного сохранившагося до насъ до-

[1]) Statute 32 Henr. VIII.

кумента [1]) мы убѣждаемся въ томъ, что нѣкоторые вопросы, а можетъ быть и всѣ, предлагались членамъ коммиссіи для письменнаго рѣшенія и затѣмъ всѣ эти отдѣльныя мнѣнія приводились къ единству. Рѣшенія, на которыхъ останавливалась коммиссія, по частямъ предлагались затѣмъ на разсмотрѣніе и утвержденіе конвокаціи. Результатъ этой долгой работы созрѣлъ только въ 1543 году и обнародованъ былъ подъ заглавіемъ: „Ученіе необходимое для каждаго крещеннаго человѣка". (A Necessary Doctrine and Erudition for any Christened Man). Въ отличіе отъ прежде составленной епископской книги, это новое вѣроисповѣданіе получило въ народѣ извѣстность подъ именемъ „Королевской книги", что можно объяснить тѣмъ участіемъ, которое Генрихъ принималъ въ ея составленіи, просматривая всѣ отдѣльные пункты, прежде ихъ утвержденія конвокаціей, или тѣмъ обстоятельствомъ, что къ ней приложено было предисловіе, составленное королемъ [2]).

„Необходимое ученіе" снабжено было двумя предисловіями, изъ коихъ одно исходило отъ его составителей и свидѣтельствовало о томъ стараніи, съ какимъ они изслѣдовали

---

[1]) Этотъ документъ помѣщенъ въ приложеніяхъ см. Burnet v. II. Recor. p. I, b. III. № XXI;—Collier v. IX. Records. v. II, № XLIX.—Изъ него мы узнаемъ, что отдѣлъ о таинствахъ разбитъ былъ на 17 частныхъ вопросовъ, начиная съ опредѣленія понятія о таинствѣ и числа ихъ, и продолжая частными вопросами относительно каждаго таинства въ отдѣльности. За каждымъ вопросомъ слѣдуютъ отдѣльные отвѣты членовъ коммиссіи порознь, а затѣмъ общій выводъ. Этотъ выводъ дѣлался, очевидно, двоими, изъ коихъ одинъ писалъ на англійскомъ языкѣ, а другой на латинскомъ. Въ немъ показываются тѣ пункты, на которыхъ члены коммиссіи сходятся во мнѣніяхъ, а затѣмъ ихъ различія. Отдѣльныя мнѣнія членовъ интересны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ мы можемъ видѣть чрезвычайное разнообразіе взглядовъ, существовавшее тогда въ средѣ богослововъ Англіи. На вопросъ о числѣ таинствъ напр. одни отвѣчаютъ признаніемъ только одного, другіе семи, третьи болѣе ста и даже безъ числа.

[2]) Разсказъ объ обстоятельствахъ происхожденія королевской книги см. Lingard IV, 183—184;—Collier V, 97—98;—Lathbury p. 131;—Weber I, 545—546.—Колльеръ допускаетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторыя ошибки, а именно онъ говоритъ напр., что королевская книга не была составлена тою коммиссіей, которая была организована въ 1540 г. и что утвержденія конвокаціи книга эта не получала. Послѣднее повторяютъ за нимъ Hume v. IV, 544 и Gaillard p. 211.—Латбури поправляетъ Колльера.

Священное Писаніе и творенія древнихъ учителей церкви, на основаніи которыхъ составлено настоящее изложеніе вѣры; а другое обращалось къ народу отъ имени короля [1]),— Въ этомъ послѣднемъ Генрихъ высказывалъ, что для уничтоженія мрака суевѣрія онъ дозволилъ народу употребленіе Священнаго Писанія на англійскомъ языкѣ, что имѣло, конечно, свои добрыя послѣдствія. Но на мѣстѣ уничтожаемаго суевѣрія возникаетъ теперь духъ гордости и разномыслія. Чтобы устранить это разномысліе и водворить въ народѣ правовѣріе и единеніе, король, по совѣщанію съ духовенствомъ и одобренію обѣихъ палатъ парламента, издаетъ теперь настоящее изложеніе истиннаго Божественнаго ученія, требуя, чтобы весь народъ читалъ эту книгу и напечатлѣлъ ее въ своихъ сердцахъ. Онъ напоминаетъ народу, что церковь состоитъ изъ двухъ классовъ людей, т. е. изъ наставляющихъ и наставляемыхъ: для первыхъ необходимо читать и изучать Писаніе, а для послѣднихъ такой необходимости не существуетъ и они могутъ удовольствоваться наставленіями проповѣдниковъ. Въ концѣ предисловія король приглашаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ молиться Богу, чтобы Онъ даровалъ имъ духъ смиренномудрія при чтеніи и запечатлѣніи въ сердцахъ того ученія, которое изложено въ этой книгѣ.

Самому изложенію предметовъ вѣры „необходимое ученіе“ основательно предпосылаетъ нѣкоторыя замѣчанія о вѣрѣ вообще.

Римская церковь, имѣя намѣреніе держать своихъ чадъ въ невѣдѣніи, не обращала вниманія на внутреннее существо вѣры; она требовала лишь повиновенія велѣніямъ церкви. Съ другой стороны, реформаторы стали придавать особенное значеніе вѣрѣ, вслѣдствіе чего начались разныя пренія, вызванныя необходимостію опредѣлить самое существо этой вѣры. Между двумя враждующими сторонами обнаружилось при этомъ различіе и во взглядѣ на добрыя дѣла. Римская церковь учила, что дѣла, имѣющія непосредственное отношеніе къ славѣ Божіей и святыхъ, какъ напр. по-

[1]) Подробное изложеніе содержанія королевской книги см. Burnet I, 209—214;—Collier V, 98—105;—Weber I, 546—553.

читаніе ихъ иконъ и мощей, несравненно болѣе цѣнны, чѣмъ добрыя дѣла по отношенію къ людямъ. Реформаторы же утверждали, что необходимы лишь правда и милость и повиновеніе заповѣдямъ Божіимъ. Что-же касается украшенія церквей и т. под., то все, идущее въ этомъ случаѣ далѣе необходимыхъ требованій приличія, есть слѣдствіе невѣжества и суевѣрія. Значеніе добрыхъ дѣлъ монахи возвышали до того, что народъ являлся какъ будто покупателемъ и торговался съ Богомъ за обладаніе небомъ. Реформаторы признали это верхомъ высокомѣрія и учили, что хотя добрыя дѣла и необходимы для спасенія, однако небеса мы пріобрѣтаемъ только смертію и ходатайствомъ Іисуса Христа.

Желая теперь установить истинное понятіе о вѣрѣ, англійское исповѣданіе утверждаетъ, что, на основаніи Писанія, вѣру нужно понимать въ двоякомъ смыслѣ, а именно: вѣру, какъ убѣжденіе въ истинахъ естественной и откровенной религіи, напечатанное въ умѣ человѣка Духомъ Святымъ, и вѣру, соединенную съ подчиненіемъ волѣ Божіей, съ надеждою, любовію и покорностію заповѣдямъ Божіимъ. Таковая именно вѣра исповѣдуется въ крещеніи и про такую именно вѣру говоритъ Писаніе, что мы вѣрою оправдываемся. Мы не должны думать, что можемъ получить оправданіе одною вѣрой, отдѣленной отъ надежды, любви, страха Божія и раскаянія; но здѣсь разумѣется вѣра, соединенная со всѣми этими добродѣтелями.—Исполненіе обѣтованій Божіихъ предполагаетъ условія и съ нашей стороны, а, чтобы устранить распространяемое нѣкоторыми ученіе о предъизбраніи, королевская книга выставляетъ на видъ, что этотъ вопросъ не разрѣшенъ въ Писаніи и мы не должны въ этомъ отношеніи обольщать себя излишними надеждами, забывая о собственныхъ стараніяхъ.

За общими замѣчаніями слѣдуетъ далѣе подробное изъясненіе символа вѣры, сопровождаемое практическими выводами и примѣненіями. Въ этомъ отдѣлѣ вниманіе изслѣдователя останавливается лишь на девятомъ членѣ, гдѣ церковь опредѣляется, какъ общество людей, вѣрующихъ во Христа и получившихъ крещеніе. Единство церкви обусловливается единствомъ вѣры и правильнаго совершенія таинствъ,

а также братскою любовію между членами. При этомъ королевская книга дѣлаетъ большое отступленіе съ цѣлію показать незаконность притязаній римской церкви, которая единство католической церкви полагаетъ въ подчиненіи всѣхъ епископу Рима, не имѣя на то основаній въ Свящ. Писаніи и въ твореніяхъ древнихъ писателей.

Въ отдѣлѣ о таинствахъ королевская книга утверждаетъ ихъ седмеричное число, не полагая при этомъ различія между ними по ихъ силѣ и значенію. Подробности относительно каждаго таинства въ отдѣльности совершенно сходны здѣсь съ тѣмъ, что излагается въ „наставленіи“, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенностей въ ученіи объ евхаристіи и священствѣ.

Въ таинствѣ евхаристіи, по ученію королевской книги, существо хлѣба и вина по освященіи претворяется и пресуществляется въ тѣло и кровь Христа. Подъ видомъ хлѣба являются соединенными и тѣло и кровь Христа, равно какъ и подъ видомъ вина въ отдѣльности, а потому пріобщеніе подъ обоими видами вовсе не есть необходимость. Употребленіе частныхъ мессъ здѣсь также утверждается.

По поводу таинства священства королевская книга дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ отношеніяхъ къ церкви свѣтской власти государя. Порядокъ избранія и назначенія служителей церкви, говоритъ она, не опредѣленъ въ Священномъ Писаніи; эта область предоставляется мѣстнымъ законамъ каждой страны, установляемымъ по согласію государей. И въ самой дѣятельности клира хотя есть доля власти правительственной, но эта власть должна быть осуществляема лишь настолько и въ такихъ границахъ, какъ то дозволяется законами страны. — Права государя, какъ главы церкви, состоятъ въ томъ, что онъ защищаетъ христіанскую вѣру, поддерживаетъ истинное ученіе и его проповѣдниковъ, уничтожаетъ злоупотребленія, ереси и идолослуженія, наказываетъ виновныхъ тѣлесными наказаніями, надзираетъ за тѣмъ, чтобы епископы и священники должнымъ образомъ исполняли свои пастырскія обязанности, вразумляетъ небрежныхъ, а упорныхъ устраняетъ и замѣняетъ новыми.

За отдѣломъ о таинствахъ слѣдуетъ изъясненіе десяти заповѣдей, молитвы Господней и „Богородице Дѣво“, не

представляющее въ себѣ ничего новаго сравнительно съ тѣми-же отдѣлами въ наставленіи. Только въ предисловіи къ изъясненію молитвы Господней королевская книга прибавляетъ разсужденіе о томъ, что прилично и потребно, чтобы народъ излагалъ свои молитвы на родномъ, понятномъ для него языкѣ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ о свободѣ воли королевская книга утверждаетъ, что способность эта не уничтожена въ человѣкѣ грѣхопаденіемъ; но только извращена имъ. До грѣхопаденія воля человѣка сама направлялась къ добру, а теперь она склоняется лишь ко злу, такъ что въ настоящемъ состояніи человѣкъ избираетъ доброе лишь при содѣйствіи Божественной благодати. Проповѣдникамъ предписывается учить народъ такъ, чтобы не отрицалась ни свобода воли, ни необходимость благодати.

Главная причина нашего оправданія, по ученію королевской книги, есть Богъ, однако и человѣкъ, предваряемый благодатію, по свободному согласію своему, является дѣятелемъ въ пріобрѣтеніи себѣ оправданія. Хотя это благо пріобрѣтено единственно заслугами смерти Христовой; но каждый долженъ стяжать себѣ право на него, ибо оно предлагается всѣмъ, но прилагается лишь къ немногимъ.

Добрыя дѣла безусловно необходимы для спасенія и подъ ними нужно разумѣть не внѣшнія лишь дѣла, какъ напр. постъ и милостыню; но и внутреннія, какъ напр. любовь, страхъ Божій, терпѣніе и т. д...

Послѣдній отдѣлъ книги трактуетъ о молитвѣ за умершихъ и о чистилищѣ, не представляя въ этомъ случаѣ никакихъ уклоненій отъ того, что было уже прежде сказано о тѣхъ-же предметахъ въ наставленіи.

Обзоръ содержанія королевской книги ясно показываетъ, что этотъ памятникъ есть не иное что, какъ только видоизмѣненное нѣсколько изданіе прежде составленнаго наставленія или епископской книги. Самый планъ расположенія въ ней изъясняемыхъ предметовъ совершенно тотъ-же, какому слѣдовало наставленіе, да и сущность излагаемыхъ ученій въ большинствѣ случаевъ оставлена почти безъ всякихъ измѣненій. Если такъ, то намъ остается лишь отмѣтить, имѣются-ли въ этомъ новомъ изданіи какія-либо из-

мѣненія сравнительно съ прежнимъ и въ какую сторону клонятся эти измѣненія.

Нельзя не замѣтить прежде всего, что королевская книга нѣсколько полнѣе противъ епископской. Въ ней предпослано общее разсужденіе о вѣрѣ и прибавлены особые отдѣлы о свободѣ воли и о добрыхъ дѣлахъ; но во всемъ этомъ разность новаго изданія сравнительно съ прежнимъ представляется лишь количественною; сущность-же излагаемыхъ ученій нисколько не разнится отъ того, что было сказано прежде. Не мало также говорится въ королевской книгѣ объ отношеніяхъ свѣтской власти къ церкви, но и здѣсь лишь развивается то, что предполагалось и отчасти только высказывалось въ наставленіи.

Если есть гдѣ замѣтная прибавка, такъ это въ ученіи объ Евхаристіи, гдѣ рѣшительно высказывается догматъ о пресуществленіи и утверждается мысль о томъ, что пріобщеніе подъ двумя видами не есть необходимость.

Общій приговоръ, какой можно сдѣлать относительно этого исповѣданія англійской церкви, будетъ очевидно почти тотъ-же, какой мы сдѣлали относительно наставленія. Королевская книга, какъ повтореніе въ большинствѣ своемъ книги епископской, есть та-же смѣсь католическихъ ученій съ небольшими примѣсями протестантизма, при чемъ католическое вліяніе сказывается въ ней еще съ большею силою, чѣмъ въ книгѣ епископской. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить съ одной стороны ученіе о чистилищѣ и о почитаніи святыхъ и иконъ, а съ другой стороны рѣшительное утвержденіе седмеричнаго числа таинствъ, ученіе о пресуществленіи и о пріобщеніи подъ однимъ видомъ [1]).

---

[1]) Говорятъ (Hunt. Religious thought in England from the reformation... etc... vol... I, p. II.—London 1870;—Pictorial history II, 727), что Страйпъ находитъ королевскую книгу болѣе приближающеюся къ протестантизму, чѣмъ всѣ прежде нея изданные памятники вѣроученія англійской церкви. Не имѣвъ возможности видѣть самого Страйпа, мы не знаемъ основаній, на которыхъ онъ утверждаетъ свое мнѣніе; но, по нашему мнѣнію, нужно прійдти къ совершенно противуположному выводу.

Четырьмя разсмотрѣнными нами памятниками еще не ограничивается все то, что было издано въ Англіи относительно предметовъ религіи за время царствованія Генриха. Кромѣ нихъ мы имѣемъ еще цѣлый рядъ мелкихъ документовъ, которые носятъ наименованія: прокламацій, приказовъ, граматъ, инструкцій и внушеній. Чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ документахъ и оцѣнить ихъ значеніе, мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, болѣе важности сравнительно съ остальными.

Слѣдуя порядку хронологическому, мы прежде всего отмѣтимъ относящійся къ 1535 году приказъ, въ которомъ даются нѣкоторыя предписанія относительно того, о чемъ и какъ проповѣдники должны держать свою рѣчь предъ народомъ [1]). Въ этомъ приказѣ предписывается проповѣдникамъ прежде всего возносить молитвы за католическую церковь вообще и за церковь Англіи въ особенности, затѣмъ за короля, верховнаго главу англійской церкви, и его семейство, за весь клиръ и мірянъ и наконецъ за души всѣхъ усопшихъ. Проповѣдникамъ вмѣняется далѣе въ обязанность ратовать въ своихъ рѣчахъ противъ узурпаторской власти епископа римскаго. Всѣмъ имъ строго запрещается касаться въ своихъ проповѣдяхъ въ какую бы то ни было сторону вопросовъ о чистилищѣ, о почитаніи святыхъ, о бракѣ священниковъ, объ оправданіи вѣрою, о пилигримствахъ и чудесахъ, какъ предметахъ, поселяющихъ разногласіе въ средѣ подданныхъ королевства. Проповѣдникамъ предписывается далѣе сообщать народу лишь чистое Слово Божіе, не допуская къ нему никакихъ человѣческихъ примѣсей и не поселяя въ народѣ убѣжденіе, будто-бы законы человѣческіе могутъ имѣть равную силу съ законами Божіими и будто-бы какая власть можетъ разрѣшать отъ обязательности законовъ Божественныхъ. Вторая половина приказа подробно разъясняетъ проповѣдникамъ, какъ они должны убѣждать народъ въ законности королевскихъ дѣйствій по вопросу о разводѣ.

Къ 1536 году относятся королевскія внушенія (injunctions) по поводу праздниковъ церковныхъ.—Въ этихъ внушеніяхъ

[1]) Burnet v. II. Rec. p. III b. II. № XXIX.

король заявляетъ, что количество праздниковъ возросло до чрезмѣрности и, благодаря набожности или скорѣе суевѣрію народа, возрастаетъ со дня на день все болѣе и болѣе. Это обстоятельство идетъ въ ущербъ общественному благосостоянію, ибо порождаетъ праздность, а за нею воровство, бродяжничество и т. п. Оно вредитъ торговлѣ и промысламъ, лишаетъ человѣка хлѣба, который часто пропадаетъ благодаря тому, что земледѣлецъ, суевѣрно почитая праздники, не пользуется временемъ, благопріятнымъ для работъ. Оно гибельно наконецъ и для душъ, ибо въ праздники люди часто дозволяютъ себѣ разныя излишества. Поелику-же суббота создана для человѣка, то она должна уступать его необходимости, если таковая случится, а тѣмъ болѣе всѣ другіе праздники. Въ силу этого, властію короля, верховнаго на землѣ главы церкви англійской, по общему одобренію и согласію прелатовъ и духовенства конвокаціи, опредѣлено: чтобы дни освященія церквей отнесены были празднованіемъ всѣ на первое воскресенье октября мѣсяца; чтобы храмовые праздники не считались праздниками и работы въ нихъ производились прихожанами также, какъ и въ обыкновенные дни, исключая тѣхъ случаевъ, когда они совпадаютъ съ праздниками, обязательными для всего королевства; чтобы всѣ праздники, приходящіеся во время жатвы, т. е. съ перваго іюля до двадцать пятаго сентября, не соблюдались, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, какъ напр. въ честь апостоловъ и Пресв. Дѣвы и т. п. [1]).

Къ концу того-же 1536 года относится еще королевская грамата къ нѣкоторымъ епископамъ, на которую мы уже имѣли случай ссылаться [2]) Грамата эта начинается привѣтствіемъ отъ короля къ тому епископу, которому она посылается. Затѣмъ король говоритъ, что за добродѣтели и ученость онъ возвысилъ этого епископа на его каѳедру, снабдивъ его при этомъ большими владѣніями и доходами, въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ должнымъ образомъ наставлялъ народъ въ Словѣ Божіемъ. Зная, что противурѣчивыми проповѣдями въ народѣ посѣяно разногласіе во мнѣніяхъ, по-

---

[1]) Foxe p. 550—551.

[2]) Collier v. IX. Records v. II. № XXXIX.—Burnet v. II. Add. № IX.

ощряемое презрительнымъ со стороны нѣкоторыхъ отношеніемъ къ похвальнымъ церемоніямъ и обычаямъ церкви, король вынужденъ былъ граматами убѣждать епископовъ, чтобы они искренно проповѣдывали Слово Божіе, раскрывали злоупотребленія и не относились презрительно къ предметамъ безразличнымъ, которые, какъ напр. церемоніи святой церкви, хотя не необходимы для спасенія, не заслуживаютъ однако и презрѣнія и уничтоженія, какъ содѣйствующія благоговѣнію. Не смотря впрочемъ на всѣ старанія короля, епископы такъ мало обращали вниманія на его увѣщанія, что онъ вынужденъ былъ взяться за перо и составить члены, которые и утверждены конвокаціей, въ увѣренности, что послѣ этого никто уже изъ облеченныхъ властію въ церкви не станетъ дѣйствовать вопреки имъ. Въ настоящее время король изъ достовѣрныхъ свѣдѣній узналъ, что члены не исполняются и презрительное отношеніе къ обрядамъ продолжается по прежнему. Народъ возмущенъ такимъ оскорбленіемъ, наносимымъ Богу, королю и всей странѣ, и это именно было даже причиною волненій. Король вынужденъ теперь еще разъ обратиться по этому поводу къ епископамъ съ своими требованіями, угрожая въ случаѣ непослушанія лишеніемъ каѳедры и наказаніемъ. Королевскія требованія состояли въ томъ, чтобы епископъ каждый праздникъ читалъ въ церкви народу члены вѣры (т. е. 10); чтобы епископъ дѣлалъ объѣзды по своей епархіи и всюду, собирая народъ, внушалъ въ проповѣдяхъ ему, на основаніи Писанія, обязанность повиновенія государю и его приказаніямъ, а также почтительное отношеніе къ церемоніямъ церкви; чтобы ни одинъ изъ нихъ не дозволялъ себѣ высказываться противъ королевскихъ предписаній и не попускалъ этого другимъ, привлекая виновныхъ къ отвѣтственности; чтобы женатыхъ священниковъ разъискивалъ и, арестовавъ, отдавалъ подъ стражу, отсылая куда слѣдуетъ.

Наконецъ въ томъ-же 1536 году изданы были внушенія отъ имени Кромвелля, какъ вице-герента и полномочнаго короля по церковнымъ дѣламъ [1]). Въ этихъ внушеніяхъ

[1]) Burnet v. II. Records p. I, b. III. № VII.

духовенству, между прочимъ, предписывалось строго соблюдать всѣ постановленія относительно уничтоженія власти римскаго епископа и утвержденія главенства короля надъ церковію, провозглашая объ этомъ и народу въ церквахъ въ опредѣленные сроки. Тоже самое предписывалось духовенству и относительно недавно изданныхъ членовъ вѣры, а также предписаній, касающихся уничтоженія излишнихъ праздниковъ. Затѣмъ слѣдовало запрещеніе, чтобы духовныя лица, ради своей корысти, не поощряли народнаго суевѣрія прославленіемъ иконъ, мощей или чудесъ; не поощряли и не возбуждали народъ къ пилигримствамъ на поклоненіе какому-либо святому, внушая при этомъ, что всякія блага мы получаемъ только отъ Бога и ни отъ кого другаго; вразумляли своихъ прихожанъ и пилигримовъ, что они гораздо болѣе угодятъ Богу, исполняя Его заповѣди, совершая дѣла любви, занимаясь работою и заботясь о своихъ семействахъ, чѣмъ отправляясь на пилигримство; что для ихъ душъ гораздо было-бы полезнѣе, если-бы, вмѣсто жертвованія мощамъ и иконамъ, они отдали деньги въ пользу бѣдныхъ. Духовныя лица должны внушать своимъ прихожанамъ, чтобы они учили своихъ дѣтей молитвѣ Господней, членамъ вѣры и заповѣдямъ на родномъ языкѣ, объясняя все это сами въ церквахъ для ихъ облегченія; таинства они должны совершать въ своихъ приходахъ съ должнымъ почтеніемъ и т. д.

Къ 1539 году относятся прокламація и грамата, изданныя королемъ главнымъ образомъ по поводу дѣла о памяти Томаса Бекета [1]). Въ этихъ двухъ документахъ, кромѣ обычныхъ жалобъ на умноженіе суевѣрій и искаженіе ими истиннаго смысла Писанія, на несоблюденіе прежнихъ постановленій, издававшихся относительно предметовъ религіи, и т. п. король повторяетъ опять свои требованія о томъ, чтобы народу проповѣдывалось истинное Слово Божіе, внушалась мысль о законности и необходимости уничтоженія папской власти и утвержденія королевскаго главенства надъ церковію, а сторонники папства чтобы подвергались преслѣдованію. Повторяются здѣсь также предписанія о томъ, чтобы всѣ

[1]) Burnet v. II. Records. p. III. b. III. № LXII—LXIII.

прежде изданныя постановленія соблюдались со всею строгостію. Половина этихъ документовъ наполняется затѣмъ извѣстными уже намъ приказаніями о томъ, чтобы Томасъ Бекетъ выставлялся предъ народомъ не какъ святой, а какъ мятежникъ, чтобы праздники и службы въ его честь были уничтожены и т. д...

Приведенныхъ примѣровъ, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ родѣ документовъ. Преимущественная цѣль ихъ состояла, очевидно, въ томъ, чтобы напомнить и подтвердить духовенству вообще, или тому или другому епископу въ частности, то, что было уже узаконено какими-либо прежними постановленіями,—побудить къ непремѣнному исполненію того, что не исполнялось по небрежности, или съ намѣреніемъ. Какихъ-либо новыхъ ученій эти документы не проповѣдуютъ; каждый пунктъ въ нихъ представляетъ собою лишь подтвержденіе или примѣненіе и развитіе тѣхъ ученій, которыя уже прежде утверждены законнымъ порядкомъ. Да и очень не многихъ пунктовъ они касаются, ограничиваясь лишь такими вопросами, какъ папство, главенство короля надъ церковію, праздники, пилигримства, иконы и мощи, церемонія и обряды и т. д. Ихъ сфера такимъ образомъ—вопросы церковнаго управленія и обрядовъ. Что касается догматовъ вѣры, то ихъ они оставляютъ совершенно въ сторонѣ. Только одинъ изъ приведенныхъ нами документовъ упоминаетъ о догматическихъ вопросахъ, о чистилищѣ, о почитаніи святыхъ, объ оправданіи вѣрою; но и то только для того, чтобы предписать проповѣдникамъ относительно этихъ вопросовъ абсолютное молчаніе.

Уже не одинъ разъ приходилось намъ упоминать о церемоніяхъ и обрядахъ англійской церкви; но изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ только нѣкоторые и притомъ лишь отчасти затрогиваютъ эту сторону религіи, не принимая на себя задачи разработать ее во всей полнотѣ и со всѣми подробностями. Въ силу этого, пріобрѣтенныя нами доселѣ свѣдѣнія не даютъ еще намъ возможности составить себѣ отчетливое представленіе о томъ, въ какомъ положеніи находилась богослужебно-обрядовая сторона англійской церкви въ періодъ времени, непосредственно послѣдо-

вавшій за ея разрывомъ съ Римомъ. На посильномъ разрѣшеніи этого вопроса мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Въ конвокаціи 1541 года архіепископъ Крамэръ выступилъ съ предложеніемъ, чтобы украшенія изъ шелковыхъ матерій сняты были съ иконъ, чтобы свѣчи не поставлялись предъ ними, чтобы миссалы и другія богослужебныя книги были подвергнуты пересмотру и измѣненіямъ и чтобы имя папы и Томаса Бекета было въ нихъ уничтожено [1]). — Это предложеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что сдѣлано было въ 1541 году, т. е. чрезъ семь почти лѣтъ послѣ разрыва съ Римомъ. Оно показываетъ такимъ образомъ, что даже и тогда, когда уже нѣсколько лѣтъ папская власть не признавалась въ Англіи, когда, по предписаніямъ правительства, съ церковныхъ каѳедръ всюду проповѣдывали народу противъ этой власти, имя папы по прежнему оставалось еще въ богослужебныхъ книгахъ, свидѣтельствуя о неприкосновенномъ еще пока существованіи въ англійской церкви католическаго богослуженія. Даже и на этотъ разъ предложеніе архіепископа повидимому не привело ни къ чему, такъ какъ въ слѣдующемъ году Крамэръ снова требовалъ, чтобы миссалы, антифоналы и другія богослужебныя книги подвергнуты были пересмотру, чтобы уничтожено было въ нихъ всякое упоминаніе о папѣ, чтобы очищены были онѣ отъ всякихъ апокрифическихъ сказаній и легендъ, отъ упоминанія о разныхъ сомнительныхъ святыхъ и т. д., и чтобы служба составлена была на основаніи лишь Священнаго Писанія и древнихъ учителей. При этомъ духовенству сдѣланъ былъ упрекъ въ небрежности за то, что оно не позаботилось уничтожить въ книгахъ тѣ имена, уничтоженіе коихъ было уже предписано королевскими прокламаціями. — Послѣ этого вторичнаго предложенія конвокація поручила епископамъ Сальсберійскому и Элійскому произвести пересмотръ Богослужебныхъ книгъ, прихвативъ себѣ на помощь нѣсколько членовъ изъ нижней палаты конвокаціи; но послѣдняя уклонилась отъ этого

[1]) Collier V, 88—89.—Lathbury p. 130.

дѣла и предоставила его однимъ епископамъ [1]). Никакихъ результатовъ этого предпріятія мы впослѣдствіи не видимъ.

Католическое Богослуженіе до такой степени мало потерпѣло отъ совершившагося въ Англіи переворота, что не было даже надобности дѣлать новыя изданія Богослужебныхъ книгъ и церковь англійская при своемъ Богослуженіи продолжала употреблять прежнія католическія книги [2]). Колльеръ указываетъ впрочемъ на одно изданіе, относящееся къ 1541 г.; но уже самый заглавный листъ этого изданія свидѣтельствуетъ, что всѣ измѣненія въ немъ ограничились только опущеніемъ имени папы и другихъ, неугодныхъ королю Англіи [3]).

Если когда можно было ожидать большой реформы въ богослуженіи и обрядахъ Англіи, то всего болѣе конечно въ ту эпоху, когда составлялась и обнародована была королевская книга. Мы уже знаемъ, что вмѣстѣ съ коммиссіей, назначенной въ 1540 г. для выработки членовъ вѣры, составлена была и другая для пересмотра церемоній и обрядовъ и для опредѣленія того, какіе обряды могутъ быть оставлены въ употребленіи и какіе должны быть уничтожены. Результатомъ трудовъ первой коммиссіи была изданная въ 1543 году королевская книга. Интересно теперь посмотрѣть, къ какому выводу пришла вторая коммиссія въ своихъ работахъ.

Достаточно лишь краткаго обзора изданнаго этою коммиссіей „rationale“ [4]), чтобы составить себѣ понятіе о направленіи и результатахъ ея трудовъ.

Въ предисловіи къ изданію прежде всего выясняется различіе между предметами, ясно предписанными Писаніемъ, не допускающими измѣненій и необходимыми для спасенія и, съ другой стороны, обрядами и церемоніями, которые могутъ быть измѣняемы по волѣ правителей, не необходимы для спасенія и предписываются лишь ради должнаго порядка и возвышенія благоговѣнія.

---

[1]) Collier V, 89.
[2]) Burnet I, 215;—Weber. I, 542.
[3]) Collier V, 105—106.
[4]) Ibid. p. 106—124.

За предисловіемъ слѣдуетъ изложеніе самыхъ обрядовъ, при чемъ показывается назидательная сторона каждаго изъ нихъ и ихъ таинственное значеніе. Не вдаваясь въ подробности, мы отмѣтимъ лишь, что здѣсь предписывается напр. церемонія освященія алтаря съ омовеніемъ и особыми молитвами. При совершеніи таинства крещенія узаконяется вложеніе соли въ уста крещаемаго, прикосновеніе къ нему слюною священника, помазаніе его освященнымъ елеемъ и т. под. По поводу совершенія мессы замѣчается, что всѣ римскіе обряды въ этомъ случаѣ вполнѣ пригодны и похвальны; одобряется употребленіе музыки при Богослуженіи; священнику предписывается надѣвать на себя облаченія, а именно: стихарь, эпитрахиль, поясъ, фелонь и т. под. Порядокъ мессы и разные обряды при ней, какъ-то благословеніе, колѣнопреклоненіе, воздѣяніе рукъ и пр. удерживаются въ прежнемъ видѣ. Употребленіе колоколовъ признается полезнымъ. Одобряются также нѣкоторые особые обряды, какъ напр. употребленіе свѣчъ въ праздникъ Срѣтенія, пепла—въ среду первой недѣли великаго поста, вѣтвей—въ Вербное воскресенье и т. д. Утверждается наконецъ и употребленіе освященнаго хлѣба и воды. Однимъ словомъ все, употреблявшееся прежде при господствѣ католицизма, и теперь признается похвальнымъ и потребнымъ.

Итакъ, въ сороковыхъ даже годахъ XVI столѣтія Богослуженіе и обряды англійской церкви ни въ чемъ почти не уклоняются отъ прежняго католическаго образца.

Только въ 1544 и 1545 годахъ мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи нѣсколько реформатскихъ мѣропріятій. По вліянію Крамэра и другихъ епископовъ, король предписываетъ напр. уничтоженіе навечерія съ колокольнымъ звономъ предъ праздникомъ Всѣхъ Святыхъ, закрытія иконъ на время поста и обряда поклоненія кресту [1]). Отправляясь на войну во Францію, Генрихъ прислалъ архіепископу нѣсколько пѣснопѣній и молитвъ, имъ самимъ переведенныхъ на англійскій языкъ, при чемъ приложено было королевское посланіе или приказъ. Въ этомъ посланіи король выставляетъ на видъ печальное положеніе современнаго христіанскаго

[1]) Collier V, 138—139; Burnet v. II. Records p. II. b. I. № LXI.

міра, раздираемаго повсюду несогласіями и опустошаемаго войною. Оказать помощь въ этомъ случаѣ властенъ только Богъ, къ Которому и нужно обращаться съ молитвою. Въ этихъ видахъ король предписываетъ учредить во всѣхъ городахъ, церквахъ и приходахъ религіозныя процессіи и общественныя моленія. Но до сихъ поръ подобныя моленія неисправно посѣщались народомъ, причину чего король видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что народъ не понималъ ничего въ тѣхъ молитвахъ, которыя при этомъ употреблялись. Въ настоящее время король составилъ нѣсколько благочестивыхъ молитвъ и пѣснопѣній на родномъ англійскомъ языкѣ и, посылая ихъ теперь архіепископу, требуетъ, чтобы онѣ введены были въ повсемѣстное употребленіе [1]). Этимъ еще Генрихъ не ограничился. Изъ письма къ нему Крамэра, написаннаго въ октябрѣ 1545 г., мы узнаемъ, что король, чрезъ секретаря своего, далъ архіепископу приказъ сдѣлать переводъ многихъ другихъ пѣснопѣній и молитвъ съ латинскаго языка на англійскій. Архіепископъ извѣщалъ теперь короля, что во исполненіе этого приказа онъ перевелъ многія латинскія молитвы, допуская при этомъ и нѣкоторую вольность. Онъ не былъ только переводчикомъ, но многое измѣнялъ, иное совсѣмъ опускалъ, а иное прибавлялъ, смотря по степени назидательности молитвъ и по потребностямъ англійской церкви. Результатъ своего труда онъ предлагаетъ теперь на разсмотрѣніе и исправленіе короля. Приспособляя молитвы для пѣнія, архіепископъ изложилъ ихъ въ стихотворной формѣ, при чемъ онъ сознаетъ ихъ несовершенство и считаетъ свой трудъ только пробою и первымъ опытомъ, предоставляя лучшее сдѣлать другимъ, болѣе него искуснымъ [2]). Результаты архіепископскаго труда тотчасъ же введены были во всеобщее употребленіе. Особою прокламаціей король предписалъ, чтобы англійскія молитвы и пѣснопѣнія употреблялись во всѣхъ церквахъ и капеллахъ, вмѣсто прежняго бревіарія. Въ прокламаціи

[1]) Froude IV, 189—190: Burnet v. II. Records p. I, b. III. № XXVIII; Stow p. 587.

[2]) Collier V, 147—148.

этой Генрихъ распространялся о необходимости употребленія молитвъ на понятномъ языкѣ. Онъ сравнивалъ человѣка, произносящаго непонятную для него молитву, съ арфою или трубою, которая издаетъ звукъ, но не сознаетъ его. Предписывая теперь молитвы на англійскомъ языкѣ, король руководится желаніемъ, чтобы его подданные были не инструментами только, а разумными существами [1]).

Уничтоженіемъ имени папы и др., отмѣною немногихъ обрядовъ и введеніемъ нѣсколькихъ нѣснопѣній и молитвъ на понятномъ народу языкѣ ограничились такимъ образомъ всѣ тѣ перемѣны, которыя произведены были въ Богослуженіи англійской церкви за время царствованія Генриха.

Обозрѣвая общимъ взглядомъ всѣ тѣ мѣры, которыя предприняты были при Генрихѣ относительно вѣроученія и культа, мы не находимъ въ нихъ никакихъ слѣдовъ какого-либо опредѣленнаго поступательнаго движенія. О прогрессѣ въ смыслѣ реформы здѣсь не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, скорѣе можно замѣтить движеніе регрессивное. Въ вопросѣ о количествѣ таинствъ и объ Евхаристіи напр. памятники перваго времени допускаютъ нѣкоторое уклоненіе отъ католической системы, тогда какъ позднѣйшіе утверждаютъ ее съ неумолимою строгостію. Еели же подвести итогъ всему тому, на чемъ въ своемъ вѣроученіи и культѣ остановилась англійская церковь въ концѣ царствованія Генриха, окажется, что она осталась въ этомъ отношеніи почти такою же, какою была и въ союзѣ съ Римомъ. Отрицаніе папства и провозглашеніе самостоятельности національныхъ церквей съ главенствомъ короля, слабое, почти неуловимое для взора, вліяніе протестантскихъ идей въ ученіи объ оправданіи и добрыхъ дѣлахъ, несмѣлая попытка отвергнуть чистилище съ отрицаніемъ папскихъ индульгенцій и другихъ происходящихъ отсюда злоупотребленій, устраненіе крайностей въ почитаніи святыхъ и иконъ, стремленіе ограничить количество источниковъ христіанскаго познанія Священнымъ Писаніемъ и авторитетами первыхъ вѣковъ, уменьшеніе ко-

---

[1]) Froude IV. 190–191.

личества праздниковъ и очень небольшія измѣненія въ Богослуженіи и обрядахъ — вотъ все, что сдѣлано было пока англійскою церковію въ смыслѣ реформы. Результаты, очевидно, далеко незначительные и, во всякомъ случаѣ, не такіе, какихъ мы, повидимому, въ правѣ были бы ожидать отъ того царствованія, которое такъ грозно и рѣшительно наносило тяжеловѣсные удары папству и іерархіи.

Василій Соколовъ

Изъ наблюденій надъ религіозною жизнью въ современномъ германскомъ протестантствѣ.

Въ 1878 и 1879 годахъ мнѣ привелось пробыть значительное время (около 8 мѣсяцевъ) въ разныхъ городахъ Германіи. Живя въ этихъ городахъ (преимущественно въ Лейпцигѣ и Берлинѣ), я часто присутствовалъ при протестантскомъ богослуженіи, — не только при литургіи, но и при другихъ службахъ,—приглядывался къ обрядности, слушалъ проповѣди протестантскихъ пасторовъ. Кромѣ того, мнѣ удалось слушать нѣкоторыя богословскія лекціи въ университетахъ: лейпцигскомъ и берлинскомъ; наконецъ, случалось быть наблюдателемъ и другихъ проявленій религіознаго духа у протестантовъ.

Многое въ религіозной жизни современнаго протестантства въ Германіи показалось мнѣ стоющимъ того, чтобъ быть извѣстнымъ русской публикѣ, и въ настоящей статьѣ я рѣшаюсь подѣлиться съ нею моими наблюденіями. Я старался быть точнымъ и, надѣюсь, крупныхъ невѣрностей не окажется въ моемъ изложеніи.

Въ ряду германскихъ городовъ немного, вѣроятно, найдется такихъ, которые сравнялись бы съ Лейпцигомъ въ быстромъ ростѣ и въ развитіи промышленности. Теперь Лейпцигъ имѣетъ до 150 тысячъ жителей. Нѣкогда въ немъ совершились важныя событія въ исторіи реформаціи (такъ въ Лейпцигѣ происходилъ споръ Лютера съ Эккомъ); во многихъ отношеніяхъ онъ можетъ считаться однимъ изъ очаговъ германскаго протестантизма. Не смотря, однако, на большое населеніе и на значеніе въ протестантскомъ мірѣ, Лейпцигъ бѣденъ протестантскими храмами: въ немъ только 7 протестантскихъ церквей. Изъ этихъ 7 церквей

четыре приходскихъ: церковь Ѳомы (Thomas-Kirche), церковь Николая (Nicolai-Kirche), церковь Петра (Peter-Kirche) и новая церковь Neu-Kirche). Остальныя церкви: одна—университетская, другая—при кладбищѣ, третья — при госпиталѣ. Почти всѣ означенныя церкви находятся въ срединѣ города, а широко разросшіяся окраины его остаются совсѣмъ безъ храмовъ.

Читатель, конечно, согласится, что указанное число церквей очень недостаточно для полуторастатысячнаго, главнымъ образомъ, протестанскаго, населенія Лейпцига. Но я долженъ прибавить, что онѣ построены уже давно, не въ настоящемъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ. Самая внѣшность протестантскихъ церквей въ Лейпцигѣ не изящная, чуждая того, что мы называемъ церковнымъ благолѣпіемъ; ибо протестантство считаетъ за лучшее пробуждать религіозное чувство путемъ школы, проповѣди и религіознаго пѣнія. Бѣлятся церкви очень рѣдко и, подобно домамъ, покрыты толстымъ слоемъ копоти.

Архитектурный типъ протестантскихъ церквей въ Лейпцигѣ слѣдующій. Высокое четыреугольно — продолговатое каменное зданіе съ большими, но узкими окнами и высокою крышею, имѣющею спускъ на ту и на другую сторону. Съ одной изъ поперечныхъ сторонъ къ крышѣ придѣлана башня, на верху которой иногда помѣщается крестъ, а иногда просто фигурка въ родѣ звѣздочки или флюгера. Колоколень въ родѣ нашихъ т. е. какъ особыхъ зданій, нѣтъ, и колокола, очень небольшіе, привѣшиваются просто на перекладинѣ вблизи церкви.

Внутри церкви устроены такъ. Въ одной изъ поперечныхъ сторонъ находится алтарь, или точнѣе, такъ какъ перегородокъ и иконостасовъ нѣтъ, полукруглое углубленіе (absis); не далеко отъ задней стѣны онаго стоитъ алтарный, довольно широкій столъ (или, по нашему, престолъ); посреди стола лежитъ книга—Новый Завѣтъ,—по сторонамъ которой — два подсвѣчника со свѣчами, зажигаемыми во время Богослуженія. Столъ ограничивается съ задней стороны какимъ либо изображеніемъ, такъ сказать, запрестольнымъ образомъ; на противоположной поперечной сторонѣ—хоры, на которыхъ помѣщается органъ и стоятъ пѣвчіе во время Богослуженія. При

продольныхъ сторонахъ устроены галлереи для публики, иногда въ два ряда. Главная же масса присутствующихъ при Богослуженіи помѣщается внутри церкви на особыхъ сидѣньяхъ со столами, которыя очень напоминаютъ классные столы или парты въ нашихъ школахъ. Большею частію эти сидѣнья помѣщаются такъ, что сидящіе обращены лицемъ къ алтарю, но иногда такъ, что сидящіе на нихъ обращаются къ алтарю бокомъ.

Непремѣнная принадлежность протестантскихъ церквей, въ противоположность нашимъ церквамъ, есть каѳедра. Она обыкновенно помѣщается срѣди церкви, при одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ, возвышаясь ступеней на 20; иногда же гдѣ либо сбоку у стѣны церкви, при чемъ на каѳедру входятъ чрезъ дверь, сдѣланную въ стѣнѣ [1]). А въ церкви Петра (Peter-Kirche) каѳедра помѣщается на той же сторонѣ, на которой поставленъ алтарный столъ, и притомъ, почти надъ самымъ алтарнымъ столомъ. На стѣнѣ обыкновенно нѣтъ ни лѣпныхъ орнаментовъ, ни живописныхъ изображеній. Болѣе веселый и изящный видъ имѣетъ церковь Николая (Nicolai-Kirche); въ ней, какъ и въ другихъ протестантскихъ церквахъ Лейпцига, нѣтъ ни живописи, ни скульптурныхъ изображеній, но архитектурныя детали (какъ напр. 8 колоннъ—по четыре въ рядъ—раздѣляющія церковь на три части) сдѣланы съ большимъ вкусомъ. Иныя илъ лейпцигскихъ церквей, какъ напр. церковь Ѳомы (Thomas-Kirche) освѣщаются при вечернемъ Богослуженіи газомъ; иныя же керосиновыми лампочками, вдѣланными въ столы, за которыми сидитъ публика.

Въ Берлинѣ протестантскихъ церквей гораздо болѣе числомъ, чѣмъ въ Лейпцигѣ (именно около 20 или 25 церквей). Но должно замѣтить, что и населеніе Берлина въ 7 разъ превышаетъ населеніе Лейпцига, доходя до милліона. Наиболѣе изящныя изъ протестантскихъ церквей Берлина

---

[1]) Такъ устроена каѳедра въ Новой церкви Лейпцига (Neu-Kirche). Равно также помѣщена каѳедра въ церкви Софіи (Sophien-Kirche) въ Дрезденѣ. Послѣдняя церковь своимъ устройствомъ напр. сидѣньями, большая часть которыхъ обращена не къ алтарю, но къ каѳедрѣ, болѣе напоминаетъ залу для публичныхъ чтеній и ораторскихъ рѣчей, чѣмъ церковь.

съ внѣшней стороны суть: церковь въ городѣ Доротеи (Dorotheenstädtische-Kirche) [1]). Вердерова церковь (Werdersche-Kirche) и церковь Петра (Petri-Kirche). Всѣ три выстроены въ готическомъ стилѣ, который замѣтно преобладаетъ въ новѣйшее время въ протестантской церковной архитектурѣ.

Устройство церквей въ Берлинѣ такое же, какъ въ Лейпцигѣ. Впрочемъ я былъ только въ трехъ протестантскихъ церквахъ Берлина: соборной церкви (Dom-kirche), церкви въ городѣ Доротеи (Dorotheenstädtische Kirche) и церкви Троицы (Dreifaltigkeits—Kirche). Въ первой изъ названныхъ церквей проповѣдуютъ придворные проповѣдники и поютъ придворные пѣвчіе; но въ устройствѣ ея нѣтъ чего либо особенно изящнаго и грандіознаго. Должно замѣтить, что въ этой церкви съ двухъ сторонъ помѣщаются гробницы, что, по видимому, рѣдкость въ протестантскихъ церквахъ. На сѣверной сторонѣ стоятъ гробницы курфюрстовъ—Іоанна Цицерона и Іоахима I, а на западной—великаго курфюрста и короля Фридриха I, а также ихъ супругъ.

Мнѣ довелось присутствовать только при слѣдующихъ протестантскихъ Богослуженіяхъ: литургіи, субботней вечернѣ, причащеніи, вѣнчаніи, погребеніи. Но знакомства съ этими Богослуженіями достаточно, чтобы имѣть понятіе о характерѣ протестантскаго Богослуженія вообще.

Прежде, чѣмъ описывать время и порядокъ совершенія означенныхъ Богослуженій, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о гимнологіи или книгѣ пѣсней (Gesangbuch)—книжкѣ, которую каждый присутствующій при литургіи приноситъ съ собою. Должно, при этомъ, замѣтить, что, повидимому, редакція и видъ гимнологія различны, и нетолько въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, но даже въ каждомъ отдѣльномъ церковномъ округѣ употребляется свой гимнологій. Въ моихъ замѣткахъ я имѣю въ виду гимнологій, употребляющійся въ настоящее время въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига (онъ называется: Gesangbuch zum gottesdienstlichen Gebrauche in den Stadtkirchen zu Leipzig).

---

[1]) Городомъ Доротеи „Dorotheenstadt“ — называется одинъ изъ кварталовъ Берлина.

Число пѣсней въ лейпцигскомъ гимнологіи доходитъ до 700. Онѣ раздѣляются на отдѣлы, которые можно свести къ слѣдующимъ рубрикамъ: а) пѣсни на церковныя торжества. Сюда относятся пѣсни на Адвентъ—(Adventslieder) [1]), пѣсни на Рождество Христово—Weihnachtslieder, пѣсни на Новый годъ—Neujahrlieder, пѣсни на Богоявленіе—Epiphaniaslieder; пѣсни на страсти Христовы—Passionslieder; пѣсни на Пасху—Osternlieder; пѣсни на Вознесеніе—Himmelsfahrtslieder; пѣсни на Пятьдесятницу—Pfingslieder; пѣсни на праздникъ св. Троицы—Trinitatisfestlieder; пѣсни на день покаянія—Busstagslieder; пѣсни на праздникъ Реформаціи—Reformationsfetlieder; пѣсни на праздникъ жатвы—Erntefestlieder; б) общія воскресныя пѣсни—allgemeine Sonntagslieder; в) пѣсни догматическаго содержанія, каковы: пѣсни о существѣ и свойствахъ Божіихъ (von Gottes-Wesen und Eigenschaften), пѣсни объ Іисусѣ Христѣ и объ искупленіи (von Iesu Christo und von der Erlösung), пѣсни о Св. Духѣ и объ освященіи (vom heiligen Geiste und von der Heiligung) и т. д.; г) хвалебныя и благодарственныя пѣсни; д) пѣсни нравственнаго содержанія, каковы: о христіанскомъ общеніи (von der christlichen Gemeinschaft), о бдѣніяхъ и борьбахъ христіанина (von des Christen Wachen und Kämpfen) и т. д.; пѣсни на частные Богослужебные случаи, каковы утреннія пѣсни—Morgenlieder, вечернія пѣсни—Abendlieder, пѣсни при конфирмаціи—Confirmationslieder, пѣсни погребальныя—Begräbnisslieder и друг.

Нужно замѣтить, что пѣсни на церковныя торжества и на частные церковные случаи поются только въ извѣстныя церковныя торжества и при извѣстныхъ Богослужебныхъ случаяхъ. Пѣсни же догматическаго и нравственнаго содержанія, равно какъ хвалебныя и благодарственныя употребляются постоянно при воскресныхъ литургіяхъ, кромѣ общихъ воскресныхъ пѣсней (allgemeine Sonntagslieder).

Для того, чтобы читатель могъ имѣть понятіе о характерѣ пѣсней, заключающихся въ лейпцигскомъ гимнологіи, привожу три изъ нихъ въ русскомъ переводѣ:

[1]) Адвентомъ—adventus называется на западѣ четырехнедѣльное время, предшествующее Рождеству Христову.

Вотъ пѣснь № 127 изъ отдѣла: „пѣсни въ праздники Св. Троицы“ — Trinitatisfestlieder; ее поютъ обыкновенно при началѣ литургіи.

„Единому Богу, на небесахъ живущему, да будетъ прославленіе и благодареніе за Его милость, за то, что ни теперь, ни когда либо въ другое время не можетъ коснуться насъ зло. Богъ благоволитъ къ намъ; нынѣ — великій миръ, непрерывающійся; нынѣ конецъ всякой враждѣ“.

„Мы хвалимъ, прославляемъ, молимся Тебѣ, ради славы Твоея благодаримъ Тебя, потому что Ты — Богъ Отецъ, вѣчно царствуешь непоколебимо. Безмѣрно Твое могущество; все, что Ты хочешь, тотчасъ получаетъ бытіе. Благо намъ о милосердомъ Господѣ“.

„О Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Твоего Небеснаго Отца, Примиритель погибшихъ, Утишитель нашей тревоги; Агнецъ Божій, Святый Господь и Богъ; внемли молитвѣ насъ скорбящихъ, помилуй всѣхъ насъ“!

„О Св. Духъ, Ты — высшее благо, всеспасительнѣйшій Утѣшитель! Сохрани отъ власти діавола тѣхъ, которыхъ искупилъ Іисусъ Христосъ великимъ страданіемъ и тяжкою смертію, отврати всю нашу скорбь и нужду; мы предаемся (Тебѣ)“. (Сочиненіе Деціуса † 1529 года).

Вотъ пѣснь № 298 изъ отдѣла „о молитвѣ“ — vom Gebete,—ее поютъ обыкновенно при выходѣ изъ церкви.

„Содѣлай, дабы я былъ и оставался Твоимъ, о вѣрный (Себѣ) Богъ и Господь; содѣлай, дабы я ни въ чемъ не отступалъ отъ Тебя, удержи меня при чистомъ ученіи.

„Господи, содѣлай только, дабы я не колебался; дай мнѣ постоянство: и я возблагодарю Тебя здѣсь и во вѣки вѣковъ“. (Сочиненіе Зельнеккера † 1592 года).

Вотъ пѣснь № 155 изъ отдѣла: „пѣсни на праздникъ реформаціи“ — Reformationsfestlieder.

„Сохрани насъ, Господи, вѣрными Твоему ученію и освободи отъ пагубы (со стороны) всѣхъ враговъ Твоихъ, которые Іисуса Христа, Сына Твоего, хотятъ свергнуть съ Его трона.

„Покажи Твою мощь, Господи Іисусе Христе, Ты, Который еси Господь всѣхъ Господей! Защити, бѣдное Твое христіанство, дабы оно прославляло Тебя во вѣки вѣковъ“.

„Боже, Св. Духъ, приди и содѣлай, дабы миръ былъ въ Твоемъ народѣ, укрѣпи насъ въ крайней нуждѣ, приведи отъ смерти въ животъ“. (Сочиненіе Мартина Лютера † 1546 года).

Въ нѣкоторыхъ церквахъ Лейпцига, въ бытность мою тамъ, воскресная литургія начиналась въ $^1/_2$ 9 часа утра, въ нѣкоторыхъ же въ 9 часовъ; предъ началомъ ея обыкновенно ударяли разъ 20 или 30 въ небольшой колоколъ.— Вотъ въ главныхъ чертахъ составъ литургіи.

Начинается съ того, что всѣ молящіеся подъ руководствомъ хора пѣвчихъ (человѣкъ 8 или 10) и съ аккомпаниментомъ органа поютъ пѣснь изъ гимнологія, обыкновенно изъ отдѣла пѣсней на праздникъ Св. Троицы или изъ отдѣла общихъ воскресныхъ пѣсней. Затѣмъ является изъ боковой алтарной двери священникъ [1]), становится предъ алтарнымъ столомъ и потомъ, обратясь лицемъ къ молящимся, на распѣвъ произноситъ: Gott mit euch sei (да будетъ Господь съ вами), на что хоръ, съ аккомпаниментомъ органа отвѣтствуетъ: und mit deinem Geiste (и со духомъ твоимъ).

Затѣмъ, обратясь лицемъ къ алтарному столу, священникъ произноситъ на распѣвъ двѣ молитвы: одну краткую, другую—болѣе пространную о ниспосланіи благодати Св. Духа на молящихся, на что хоръ, съ аккомпаниментомъ органа, отвѣчаетъ: Amen (аминь).

Послѣ этого, снова обернувшись лицемъ къ молящимся, священникъ читаетъ апостолъ, указывая не только въ какомъ посланіи предлагаемое чтеніе содержится, но даже въ какой главѣ и въ какихъ стихахъ. Публика, стоя, слушаетъ апостолъ [2]).

По прочтеніи апостола, священникъ удаляется, а молящіеся подъ руководствомъ хора и съ аккомпаниментомъ ор-

[1]) О томъ, какой священникъ служитъ въ извѣстной церкви и какой проповѣдуетъ,— извѣщается заранѣе въ газетахъ. Въ Лейпцигѣ подобное извѣщеніе печатаюсь въ газетѣ „Leipziger Tageblatt“; въ Берлинѣ въ газетѣ „Berliner Fremdenblatt“ и другихъ.

[2]) Читаемые на литургіи апостолы, равно какъ и Евангелія, не велики именно обнимаютъ стиховъ 5, 10, много 15.

гана поютъ новую пѣснь чаще всего изъ отдѣла: von der Liebe zu Gott und Christo (о любви къ Богу и Христу) или оканчиваютъ прежде начатую.

Затѣмъ снова выходитъ тотъ же священникъ и, обратясь лицемъ къ молящимся, читаетъ Евангеліе, указывая, точно также, какъ при чтеніи апостола, въ какомъ Евангеліи и въ какой главѣ и въ какихъ стихахъ заключается предлагаемое чтеніе. Евангеліе публика слушаетъ стоя.

По прочтеніи Евангелія, священникъ удаляется, а молящіеся поютъ съ аккомпаниментомъ органа какую либо пѣснь изъ гимнологія, чаще всего изъ отдѣла: von der Gnade (о благодати).

Пѣніе окончилось. На каѳедрѣ появляется проповѣдникъ (большею частію не служащій священникъ, но случалось мнѣ видѣть проповѣдующимъ и служащаго священника). Ставъ на колѣни, онъ произноситъ краткую молитву. Затѣмъ начинается проповѣдь, продолжающаяся около часа или нѣсколько менѣе. Послѣ проповѣди, проповѣдникъ произноситъ одну или двѣ молитвы [1]), затѣмъ „Vater unser“ (Отче нашъ), причемъ молящіеся встаютъ съ своихъ мѣстъ, и, въ заключеніе, осѣняетъ ихъ рукою.

Публика поетъ, съ аккомпаниментомъ органа, заключительную пѣснь (чаще всего, вышеприведенную пѣснь № 298) и, послѣ краткой тихой молитвы, расходится,

Теперь о другихъ протестантскихъ Богослуженіяхъ въ Лейпцигѣ, при которыхъ мнѣ довелось присутствовать.

Субботняя вечерня. Субботней вечерней я называю Богослуженіе, совершавшееся въ церкви Ѳомы по субботамъ около 2 часовъ по полудни послѣ безплатныхъ духовныхъ концертовъ. Оставшаяся послѣ концерта публика поетъ съ аккомпаниментомъ органа одинъ или два стиха приличной случаю пѣсни изъ гимнологія. Затѣмъ выходитъ изъ боковой алтарной двери священникъ и, обратясь лицемъ къ публикѣ, читаетъ Евангеліе, указавъ предварительно, въ какомъ

[1]) Между прочимъ, въ этихъ молитвахъ, читаемыхъ въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига, возносятся мольбы не только за императора, за саксонскаго короля и его семейство, за администрацію и т. д., но и за университетъ лейпцигскій.

Евангелія, въ какой главѣ, въ какихъ стихахъ содержится предлагаемое. По прочтеніи Евангелія, священникъ произноситъ „Vater unser“ (Отче нашъ) и благословляетъ публику, которая, послѣ этого, допѣваетъ начатую пѣснь, и Богослуженіе оканчивается.

Причащеніе. Причащеніе въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига происходитъ послѣ литургіи. Причащаются, по видимому, не часто, хотя конечно, это зависитъ отъ религіознаго чувства и расположенія разныхъ лицъ. Вотъ въ чемъ состоитъ самое Богослужебное дѣйствіе причащенія.

Послѣ литургіи на алтарный столъ приносится сосудъ съ лепешечками или частицами хлѣба особой формы и чаша съ виномъ. Совершавшій литургію священникъ, обратясь лицемъ къ алтарю, произноситъ молитву, въ которой припоминаются слова установленія таинства причащенія. Потомъ онъ, взявъ въ руки сосудъ съ лепешечками, становится у лѣваго угла алтарнаго стола, а другой священникъ, съ чашею въ рукахъ, у праваго угла. Желающіе причаститься (сидѣвшіе во время литургіи въ алтарѣ) подходятъ сначала къ лѣвому углу алтарнаго стола. Священникъ, имѣющій въ рукахъ сосудъ съ лепешечками, влагаетъ имъ въ уста по лепешечкѣ и послѣ того, какъ трое причастятся, произноситъ краткую молитву и осѣняетъ крестообразно рукою.

Послѣ этого причастившіеся хлѣба обходятъ алтарный столъ и подходятъ къ священнику, имѣющему въ рукахъ чашу съ виномъ. Онъ даетъ имъ отпивать изъ чаши и послѣ того, какъ трое причастятся, прочитываетъ краткую молитву и осѣняетъ крестообразно причастившихся. Когда всѣ причастятся, оба священника становятся предъ алтарнымъ столомъ (одинъ спереди, другой сзади) и произносятъ благодарственную молитву. Во время причащенія играетъ органъ, но пѣнія не бываетъ, подобно какъ и въ католическихъ церквахъ.

Есть основаніе думать, что предъ причащеніемъ исповѣдуются. Незадолго до „Busstag“ (Busstag — день покаянія; онъ бываетъ въ концѣ ноября) было объявлено въ газетахъ, что предъ литургіею въ этотъ день имѣетъ быть исповѣдь въ одной церкви у такого приходскаго священника,

въ другой—у такого. Но можетъ быть, въ обычаѣ исповѣдываться лишь въ этотъ день.

Вѣнчаніе. Оба вѣнчанія, при которыхъ мнѣ довелось быть въ Лейпцигѣ, происходили въ церкви Ѳомы послѣ полудня. Алтарный столъ при вѣнчаніи былъ убранъ цвѣтами и тропическими растеніями. Въ половинѣ третьяго часа явились изъ боковой двери алтаря женихъ и невѣста въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ. Они сѣли на стулья, приготовленные собственно для нихъ предъ алтарнымъ столомъ; на двухъ стульяхъ позади нихъ сѣли двѣ дѣвушки. Справа, именно на той сторонѣ, гдѣ сидѣла невѣста, сѣли родныя и знакомыя дамы; слѣва, именно на той сторонѣ, гдѣ былъ женихъ, сѣли мужчины, около 12 человѣкъ. Для всѣхъ этихъ лицъ заблаговременно прислужникомъ были приготовлены гимнологіи.

Самое вѣнчаніе происходило такъ. При входѣ жениха и невѣсты пѣвчіе подъ аккомпаниментъ органа, пропѣли какую-то пѣснь, нѣчто въ родѣ нашего духовнаго концерта. Затѣмъ священникъ, послѣ краткой молитвы предъ алтаремъ, обратился къ брачущимся съ проповѣдью [1]). Потомъ онъ обратясь къ жениху, напомнилъ его обязанности и спросилъ: желаетъ ли онъ вступить въ бракъ съ такою-то и, когда тотъ отвѣчалъ утвердительно, обратился къ невѣстѣ, напомнилъ ея обязанности и спросилъ: желаетъ ли она вступить въ бракъ съ такимъ-то и исполнять свои обязанности въ отношеніи къ нему. Послѣ утвердительнаго отвѣта невѣсты, священникъ, благословляя брачущихся, произнесъ: „что Богъ сочеталъ, человѣкъ не можетъ разлучить“. Затѣмъ брачущіеся стали на колѣна на подушкахъ, заранѣе положенныхъ предъ алтаремъ. Священникъ произ-

---

[1]) Вотъ вкратцѣ содержаніе одной проповѣди при вѣнчаніи. Имѣя основаніемъ Дѣян. IV, 32, гдѣ говорится, что у первыхъ вѣрующихъ было одно сердце и одна душа и что имущество у нихъ было общее, проповѣдникъ говорилъ брачущимся, что они должны быть подобны первымъ вѣрующимъ, что между ними должно быть взаимное общеніе: затѣмъ онъ говорилъ объ обязанностяхъ мужа, объ обязанностяхъ жены и о преподѣяніи тѣхъ трудностей, какія имъ будутъ предстоять при исполненіи этихъ обязанностей. Проповѣдь продолжалась около 20 минутъ.

несъ: „Vater unser“ (Отче нашъ) и богослуженіе окончилось.

Погребеніе. Покойники протестанты не вносятся въ церковь, какъ это въ обычаѣ въ православной церкви. Съ минуты кончины до самаго времени выноса на кладбище они остаются въ домѣ.

Совершается ли надъ покойникомъ какое-либо Богослуженіе въ домѣ, — мнѣ неизвѣстно. При томъ погребеніи, при которомъ мнѣ удалось присутствовать, погребальную процессію отъ самаго дома, гдѣ былъ покойникъ, и до кладбища сопровождалъ пасторъ въ рясѣ и въ воротничкахъ особой формы, какіе обыкновенно надѣваются протестантскими пасторами во время Богослуженія и проповѣди. Покойникъ былъ вынесенъ изъ дома въ гробѣ, уже наглухо заколоченномъ; гробъ этотъ былъ простой деревянный, безъ всякой обивки. Особые похоронные служители въ особомъ одѣяніи поставили гробъ на похоронную колесницу, покрыли чернымъ покровомъ, положили на верху гроба распятіе, украсили колесницу множествомъ вѣнковъ и листьевъ тропическихъ растеній и, затѣмъ, процессія тронулась. Когда она подошла къ могилѣ, въ которой имѣло быть похоронено тѣло покойника, это послѣднее было снято съ колесницы и положено на доски надъ могилой. Хоръ университетскаго пѣвческаго общества (такъ какъ покойникъ былъ университетскій квесторъ) пропѣлъ первый стихъ погребальной пѣсни, затѣмъ священникъ, съ обнаженною головою, произнесъ: „Vater unser“ (Отче нашъ), послѣ чего хоръ продолжалъ пѣніе погребальной пѣсни. Священникъ сказалъ еще краткую молитву и, затѣмъ, гробъ былъ опущенъ въ могилу, при чемъ присутствовавшіе кидали въ могилу землю и цвѣты.

Кстати о кладбищахъ въ Лейпцигѣ. Кладбищъ въ Лейпцигѣ два. Одно изъ нихъ (при церкви Іоанна) которое я видѣлъ, находится почти въ самомъ городѣ и сходно съ нашими кладбищами; только въ устройствѣ могилъ видно болѣе порядка. На нѣкоторыхъ могилахъ есть кресты; чаще же къ могильнымъ холмикамъ просто приставлены чугунныя или муравленныя плиты, гласящія, что похороненъ такой-то.

Считаю неизлишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о Бо-

гослуженіи наканунѣ Новаго Года. Богослуженіе это, совершавшееся въ церкви Ѳомы (Thomas-kirche) въ 5 часовъ вечера, причемъ церковь была роскошно освѣщена газомъ, состояло въ слѣдующемъ. Публика, очень многочисленная, пропѣла пѣснь изъ гимнологія, именно изъ главы „о приготовленіи къ смерти". Затѣмъ послѣдовала проповѣдь, имѣвшая примѣненіе къ наступленію Новаго Года и продолжавшаяся около часа. Послѣ проповѣди проповѣдникъ произнесъ молитву на Новый Годъ и прочиталъ: „Vater unser". Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ гимнъ на Новый Годъ, а публика заключительную пѣснь изъ гимнологія (№ 298).

Хотя въ протестанствѣ нѣтъ такого обилія церковныхъ облаченій, какое сохранилось въ нашей церкви и въ католичествѣ, тѣмъ не менѣе и протестантскіе пасторы во время Богослуженія имѣютъ особыя одежды. Именно въ это время они надѣваютъ черную рясу съ широкими рукавами и со сборками назади, какъ бываетъ у блузы; кромѣ того, большіе и широкіе гофреные воротнички, а во время произнесенія проповѣди, равно какъ при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, еще нѣчто въ родѣ бѣлыхъ полотенецъ, спускающихся спереди и сзади почти до колѣнъ и, вѣроятно, имѣющихъ значеніе нашей эпитрахили. Нѣкоторые пасторы имѣютъ только маленькіе воротнички. Одинъ нѣмецъ мнѣ говорилъ, что большіе гофреные воротнички въ Лейпцигѣ носятъ ортодоксальные пасторы, а маленькіе воротнички либеральные пасторы.

Есть особая одежда и у церковныхъ служителей. Именно, въ нѣкоторыхъ церквахъ они носятъ длинные сюртуки и шапочку на головѣ въ родѣ тѣхъ, какія носятся у насъ монастырскими послушниками; другіе бываютъ во фракахъ, малыхъ воротничкахъ (подобныхъ тѣмъ, какіе носятъ священники) и шапочкѣ.

Къ общественному Богослуженію, напр. къ литургіи, собираются рано. Мнѣ случалось приходить вмѣстѣ со звономъ и не найти мѣста. Войдя въ церковь, каждый, стоя, тихо читаетъ краткую молитву; точно также краткая молитва произносится каждымъ предъ выходомъ изъ церкви по окончаніи Богослуженія.

Какія пѣсни изъ гимнологія должны быть пѣты во время

литургіи,—указывается на особыхъ черныхъ дощечкахъ, прикрѣпленныхъ въ разныхъ мѣстахъ церкви. Выборъ и назначеніе пѣсней для пѣнія при литургіи въ извѣстное воскресенье зависитъ, по видимому, отъ мѣстныхъ священниковъ.

Аккомпаниментъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ органа, — явленіе рѣдкое. Я только два раза встрѣтилъ въ Лейпцигѣ при литургіи аккомпаниментъ трубъ— между тѣмъ не менѣе 25 разъ присутствовалъ при протестантской литургіи въ Лейпцигѣ.

Сборы на церковныя потребности въ протестантскихъ церквахъ производятся не одинаково: въ церквахъ одного города такимъ способомъ, въ церквахъ другаго города другимъ. Такъ въ Лейпцигѣ обыкновенно у церковныхъ дверей внутри или внѣ церкви ставятся двѣ кружки (или одна), въ которыя молящіеся и опускаютъ свои лепты, выходя изъ церкви по окончаніи Богослуженія. Напротивъ въ протестантскихъ церквахъ Берлина сборы производятся въ кошели особой формы, привязанные къ тростямъ, при окончаніи Богослуженія подносимые служителями публикѣ.

Въ протестантскомъ Богослуженіи обрядность почти не имѣетъ мѣста. На первый планъ выдвинута проповѣдь. Задача Богослуженія—служить духовному назиданію — предоставляется ей по преимуществу. Какъ же ведется дѣло проповѣди въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига?

Прежде всего, въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига проповѣдь не отдѣляется отъ литургіи, имѣя мѣсто между чтеніемъ Евангелія и произнесеніемъ заключительныхъ молитвъ (между тѣмъ въ католической церкви проповѣдь, насколько мнѣ приходилось видѣть, или предшествовала литургіи или слѣдовала за нею). Содержаніе проповѣдей бываетъ или догматическое или нравственное и въ основу ихъ почти всегда полагается текстъ. Вотъ анализъ нѣкоторыхъ изъ слышанныхъ мною въ Лейпцигѣ проповѣдей протестантскихъ пасторовъ [1]).

17 сентября 1878 года профессоръ Фрикке въ универси-

---

[1]) Для читателя было бы, безъ сомнѣнія, интереснѣе имѣть полный текстъ самыхъ проповѣдей. Но при всемъ стараніи, мнѣ не удалось добыть печатной проповѣди кого либо изъ слушанныхъ мною лейпцигскихъ проповѣдниковъ.

тетской церкви проповѣдывалъ на текстъ изъ посланія апостола Павла къ Галатамъ (V, 3 — 14) и раскрывалъ слѣдующія мысли: 1) въ чемъ состоитъ законъ Христовъ 2) какъ мы можемъ его исполнить? 3) плоть есть плоть, а духъ раждаетъ духъ (ср. посл. къ Галат. V, 16 и слѣд.).

Въ праздникъ реформаціи въ томъ же году въ университетской церкви проповѣдникъ напомнилъ, что исполнилось 65 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лейпцигъ и Германія вообще избавились отъ ига чужеземцевъ (французовъ), а вслѣдствіе этого избавленія и воспоминаніе о реформаціи, избавившей отъ духовнаго ига папизма, принимаетъ большую торжественность. Послѣ такого введенія прочитаны были проповѣдникомъ слова 10 стиха 12 гл. 2 посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ: „когда я немощенъ, тогда силенъ“. Изложена была первоначальная исторія реформаціи, указано, что она вначалѣ имѣла противъ себя великую внѣшнюю силу съ императоромъ во главѣ, но восторжествовала, получила свои храмы, свое Богослуженіе, свой молитвенникъ. Опасности угрожали ей и позднѣе—во время тридцатилѣтней войны—но и тогда она побѣдила. Въ чемъ же состоитъ ея сила, несмотря на немощь? Въ томъ, что она требуетъ не внѣшняго повиновенія главѣ — папѣ, а внутренняго свободнаго единенія членовъ. Хотя ея глава—императоръ; но тѣмъ не менѣе она свободна, ибо управляется синодомъ. Свобода есть результатъ реформаціи и ея сила.

8 декабря того же года въ новой церкви (Neukirche) проповѣдывалъ пасторъ Эверсъ, пользующійся значительною репутаціею въ Лейпцигѣ, какъ проповѣдникъ. Онъ началъ такъ: „Великія событія совершились нѣкогда; наступаетъ ихъ годовщина. Какъ свѣтъ послѣ ночи, какъ спокойствіе послѣ тревоги явился Христосъ. Пришествіе Его возвѣстили пророки и, наконецъ, Іоаннъ Креститель, о которомъ сказано: не возсталъ изъ рожденныхъ женами большій Іоанна Крестителя. Онъ жилъ въ пустынѣ, питался акридами и дикимъ медомъ, одѣвался въ верблюжью кожу и проповѣдывалъ покаяніе“. Обращаясь затѣмъ къ евангельскому сказанію того дня (Матѳ. 3, 1—10), проповѣдникъ замѣтилъ, что въ немъ открываются три поучительныя мысли: 1) спасаетъ не происхожденіе; іудеямъ ко спасенію не достаточно

было одного происхожденія отъ Авраама; нужна для спасенія чистота, чуждая фарисейства; нечистые люди, какъ іудеи, подобны высохшему дереву, которое срубается и бросается въ огонь; 3) спасаетъ покаяніе. Размыслить объ этомъ—прибавилъ проповѣдникъ особенно своевременно въ виду приближающагося празднованія явленія Спасителя.

2 февраля 1879 года въ Новой церкви тотъ же Эверсъ проповѣдывалъ на текстъ Іоан. I, 43—51. Онъ выразилъ скорбь по поводу того, что въ людяхъ образованныхъ развивается сомнѣніе какъ вообще, такъ и въ дѣлахъ вѣры, между тѣмъ какъ сомнѣніе есть смерть вѣры, есть червь, постепенно подтачивающій древо духовной жизни. Затѣмъ, примѣняясь къ избранному тексту, онъ развивалъ слѣдующіе три тезиса: 1) сомнѣніе появляется часто безъ достаточнаго основанія, напр. изъ предразсудковъ. Такъ было у Наѳанаила, говорившаго: „изъ Назарета можетъ ли быть что либо доброе?“ 2) Іисусъ Христосъ есть средоточіе христіанской вѣры; на вѣрѣ въ Его Божественную природу основывается вся христіанская догматика. Наѳанаилъ назвалъ Его Сыномъ Божіимъ и былъ оправданъ; 3) результатъ вѣры есть разрушеніе средостѣнія между небомъ и землею, сооруженіе моста между ними. Наѳанаилъ получилъ отъ Іисуса Христа въ отвѣтъ на выраженіе вѣры въ Него слѣдующія слова: „отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ“.

Въ проповѣдяхъ протестантскихъ проповѣдниковъ нерѣдко дѣлаются указанія на неправость католическаго ученія о томъ или другомъ догматѣ и даже горячее полемизированіе съ католицизмомъ. Такъ проповѣдникъ Эверсъ въ проповѣди 8 декабря, говоря о томъ, что не происхожденіе спасаетъ, яростно накинулся на римско-католическую церковь, которая усвояетъ себѣ значеніе посредницы между Богомъ и людьми, между тѣмъ какъ по слову Божію, Единъ Посредникъ между Богомъ и людьми — Христосъ. Подобнымъ образомъ, въ полемическій тонъ вдался проповѣдникъ въ берлинской церкви св. Троицы, говоря о томъ, что оправданіе совершается вѣрою [1]). Не обходится подъ часъ и

[1]) Католическія духовныя лица,—особенно іезуиты служатъ предметомъ горячей ненависти протестантовъ. Имъ нерѣдко приписываются странныя, невѣроятныя дѣянія.

безъ такъ называемаго шовинизма. Такъ въ проповѣди одного проповѣдника въ Лейпцигѣ, сказанной въ день седанской побѣды нѣмцевъ (2 сентября новаго ст.) говорилось о могуществѣ нѣмцевъ, которымъ видимо помогаетъ Господь.

Проповѣди въ протестантскихъ церквахъ никогда не произносятся по тетрадкѣ и имѣютъ видъ свободныхъ импровизацій. Но уже изъ самаго произношенія проповѣдей тотчасъ же можно видѣть, что это не свободныя импровизаціи, но напередъ написанныя и потомъ заученныя рѣчи. На рампѣ каѳедры предъ глазами проповѣдника лежитъ Библія или Новый Завѣтъ. Слова проповѣди выговариваются громко и сопровождаются жестами, большею частію приличными и умѣренными. Только изрѣдка проповѣдники входятъ въ паѳосъ и превращаются въ театральныхъ актеровъ, дѣлаютъ быстрыя движенія, размахиваютъ руками, какъ бы подчеркиваютъ иныя слова. Помимо этихъ случаевъ, когда проповѣдникъ поддается охватившему его чувству, повышеніе голоса и болѣе или менѣе рѣзкіе и живые жесты, суть дѣло школы, результатъ принятаго и распространеннаго способа произносить проповѣди. При томъ не должно забывать особаго духовнаго склада западнаго человѣчества и той силы, какую на Западѣ имѣетъ вообще ораторство. Очень можетъ быть, также, что ораторскіе пріемы помогаютъ, дѣйствительно, проповѣдникамъ вдавливать, такъ сказать, въ сознаніе и сердце слушающихъ извѣстныя мысли и чувства.

Въ связи съ ораторской дикціей находится слогъ проповѣдей протестантскихъ пасторовъ. Реторическія фигуры въ нихъ очень часты; но нерѣдки и прекрасныя, истинно художественныя картины.

Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдники употребляютъ выраженія: „мои возлюбленные“, или: „мои возлюбленные евангелическіе братья и сестры“, или: „моя возлюбленная евангелическая община“ и т. под.

Второе мѣсто послѣ проповѣди занимаетъ въ протестантскомъ Богослуженіи пѣніе подъ аккомпаниментъ органа и, впрочемъ весьма рѣдко, другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Пѣніе имѣетъ задачею дѣйствовать на сердце, воз-

буждать религіозное настроеніе и потому какъ бы замѣняетъ молитву и церковную обрядность [1]).

Выше я привелъ нѣкоторыя изъ пѣсней, какія чаще другихъ поются въ протестантскихъ церквахъ Лейпцига. По нимъ можетъ читатель составить представленіе, какъ о содержаніи, такъ и о характерѣ вообще Богослужебныхъ пѣсней въ протестантствѣ.

Напѣвъ этихъ пѣсней — тихій, мелодическій. Нѣтъ ни соло, ни выкриковъ. Если имѣть въ виду, что поетъ вся молящаяся публика, то нельзя не согласиться, что характеръ пѣнія въ протестантской церкви высоко религіозный и вмѣстѣ художественный. Оно, дѣйствительно, настроиваетъ на религіозный ладъ.

Такъ какъ протестантское Богослуженіе создано лишь три вѣка тому назадъ и постоянно измѣняется, сообразно требованіямъ времени, причемъ вносятся новыя пѣсни, дѣлаются перемѣны въ самыхъ обрядахъ, то можно было бы думать, что оно удовлетворяетъ протестантское христіанство и протестантскія церкви бываютъ переполнены молящимися. Но на самомъ дѣлѣ, они бываютъ переполнены только въ тѣ дни, когда проповѣдуетъ какой либо знаменитый проповѣдникъ (какъ напр. пасторъ Эверсъ въ „Новой церкви" Лейпцига), или въ дни особенныхъ торжествъ напр. въ праздникъ реформаціи. Въ обыкновенные воскресные дни публика въ протестантскихъ храмахъ очень немногочисленна, какъ въ Лейпцигѣ, такъ и въ Берлинѣ, не смотря на малое число храмовъ, сравнительно съ населеніемъ (въ Лейпцигѣ 7 на 150 тысячное, по преимуществу, протестантское населеніе, въ Берлинѣ 20 храмовъ на милліонное, попреимуществу, протестантское населеніе). Бываютъ при Богослуженіи, большею частію, женщины достаточнаго класса, или люди порядка, люди, которые привыкли утро воскреснаго дня проводить въ церкви и для которыхъ провести этотъ день иначе было бы лишеніемъ. Я не имѣю основанія съ увѣренностію сказать, что между протестантами нѣтъ людей религіозныхъ, но, кажется несомнѣнно, что таковыхъ очень

[1]) Такъ какъ при протестантскомъ Богослуженіи поютъ всѣ присутствующіе, то органъ имѣетъ роль дирижера и направителя при пѣніи.

мало.—Впрочемъ, должно имѣть въ виду, что религіозность протестанты понимаютъ по своему. Мнѣ припоминается одинъ мой знакомый нѣмецъ,—ремесленникъ по профессіи, человѣкъ лѣтъ 60. Ни онъ, ни жена его, ни дочь не ходили никогда при мнѣ въ церковь. Когда я спросилъ его: „почему онъ никогда не бываетъ при Богослуженій"? онъ мнѣ отвѣтилъ, что религія есть нравственность; что кто не дѣлаетъ зла другимъ и не ходитъ въ церковь, тотъ правѣе, чѣмъ тотъ, кто ходитъ въ церковь и дозволяетъ себѣ обманъ; что честная жизнь вполнѣ вознаграждаетъ посѣщеніе храма. Въ другой разъ, на подобный мой вопросъ, тотъ же мой знакомый нѣмецъ далъ мнѣ отвѣтъ, что онъ долженъ работать, потому что иначе ему нечѣмъ существовать. А между тѣмъ, вечеромъ же отправился на дешевый концертъ и весь вечеръ провелъ внѣ дома.

Чтобъ быть справедливымъ, я долженъ прибавить, что равнодушіе къ религіи въ протестантскомъ обществѣ, по видимому, не оказываетъ вліянія на нравственную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу не отозваться съ похвалою о благоговѣйности присутствующихъ во время Богослуженія.

Характеръ Богословскаго образованія въ германскомъ протестантствѣ интересовалъ меня не менѣе, чѣмъ протестантское Богослуженіе и я не опускалъ случаевъ знакомиться съ нимъ. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось наблюдать, и притомъ, весьма мало, только надъ преподаваніемъ Богословскихъ наукъ въ протестантскихъ университетахъ Германіи, именно въ Лейпцигскомъ и Берлинскомъ, а характеръ преподаванія религіи въ среднихъ и низшихъ школахъ остался мнѣ неизвѣстнымъ.

Какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и по развитію богословскихъ наукъ, лейпцигскій университетъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ первыхъ въ Германіи. Число студентовъ, изучающихъ Богословіе въ этомъ университетѣ, въ зимній семестръ 1876 — 77 года доходило до 328 (общее число студентовъ было 2,976). Читаемые Богословскіе курсы, изъ которыхъ были и приватные т. е. такіе, за которые лекторы получаютъ гонорарій не отъ студентовъ, а отъ казны [1]),

[1]) Иногда публичные курсы читаются безплатно молодыми приватъ—доцентами съ цѣлію пріобрѣсти извѣстность и славу.

очень разнообразны. Главную массу ихъ составляли объясненія Св. Писанія. Но не мало было и систематическихъ, такъ сказать, богословскихъ курсовъ. Именно въ зимній семестръ 1878—79 года, продолжавшійся съ 16 октября по 15 марта, читались слѣдующіе Богословскіе курсы въ лейпцигскомъ университетѣ:

1) Богословская энциклопедія (4 часа въ недѣлю).

2) Введеніе въ Ветхій Завѣтъ (4 часа въ недѣлю).

3) Библейская теологія Ветхаго Завѣта (4 часа въ недѣлю).

4) Объясненіе книги Псалмовъ (4 часа въ недѣлю).

5) Объясненіе книги пророка Исаіи (4 часа въ недѣлю).

6) Введеніе въ Новый Завѣтъ (4 часа въ недѣлю).

7) Объясненіе Евангелія отъ Іоанна (4 часа въ недѣлю).

8) Объясненіе посланій апостола Павла къ Коринѳянамъ (4 часа въ недѣлю).

9) Объясненіе посланія къ Галатамъ (2 часа въ недѣлю).

10) Объясненіе посланія апостола Іакова (2 часа въ недѣлю).

11) Объясненіе на латинскомъ языкѣ посланій апостола Павла къ Тимоѳею и посланія къ Титу (2 часа въ недѣлю).

12) Жизнь и ученіе Іисуса по четыремъ евангеліямъ (4 часа въ недѣлю).

13) Церковная исторія (6 часовъ въ недѣлю; лекторъ-лиценціатъ Гарнакъ).

14) Церковная исторія (6 часовъ въ недѣлю; лекторъ—проф. Лехлеръ).

15) Новая церковная исторія (2 часа въ недѣлю).

16) Исторія догматовъ (6 часовъ въ недѣлю).

17) Догматика (6 часовъ въ недѣлю).

18) Символика (4 часа въ недѣлю).

19) Христіанская этика (4 часа въ недѣлю).

20) Система практической теологіи (гомилетика, литургика, теорія пастырства и т. д.; на курсъ этотъ назначено было 5 часовъ въ недѣлю).

21) Педагогика и ея исторія (4 часа въ недѣлю)

22) Евангелическая катехетика (2 часа въ недѣлю).

23) Практическое изъясненіе малаго катихизиса Лютера (2 часа въ недѣлю).

24) Евангелическое и католическое церковное право (4

часа въ недѣлю; этотъ курсъ отнесенъ къ юридическому факультету).

25) Исторія папства (2 часа въ недѣлю; этотъ курсъ отнесенъ къ философскому факультету) [1]).

Въ слѣдующій затѣмъ лѣтній семестръ 1879 года, продолжавшійся съ 16 апрѣля по 18 августа, въ лейпцигскомъ университетѣ читались слѣдующіе Богословскіе курсы:

1) Введеніе въ Ветхій Завѣтъ (4 часа въ недѣлю).

2) Еврейская грамматика съ практическими упражненіями (4 часа въ недѣлю).

3) Объясненіе книги Бытія (4 часа въ недѣлю).

4) Объясненіе книги Псалмовъ (3 часа въ недѣлю).

5) Объясненіе малыхъ пророковъ, жившихъ до плѣна Вавилонскаго (4 часа въ недѣлю).

6) Объясненіе Таргума Онкелоса (1 часъ въ недѣлю).

7) Исторія и объясненіе мессіанскихъ пророчествъ (4 часа въ недѣлю).

8) Введеніе въ Новый Завѣтъ (4 часа въ недѣлю).

9) Библейская теологія Новаго Завѣта (4 часа въ недѣлю).

10) Объясненіе евангелія отъ Матѳея (4 часа въ недѣлю).

11) Объясненіе посланія къ Римлянамъ (4 часа въ недѣлю).

12) Объясненіе посланій къ Солунянамъ (2 часа въ недѣлю).

13) Объясненіе посланія къ Евреямъ (4 часа въ недѣлю).

14) Гомилетическое объясненіе „церковныхъ зачалъ“ (Perikopen) въ ихъ отношеніи къ идеѣ церковнаго года (4 часа въ недѣлю).

15) Церковная исторія (6 часовъ въ недѣлю).

16) Исторія христіанскихъ догматовъ (6 часовъ въ недѣлю).

17) Основное Богословіе (2 часа въ недѣлю).

18) Догматика (6 часовъ въ недѣлю).

19) Символическое вѣроученіе лютеранской церкви въ его историческомъ развитіи (2 часа въ недѣлю).

20) Богословская этика (4 часа въ недѣлю).

21) Практическая теологія (5 часовъ въ недѣлю).

---

[1]) Заимствовано изъ „Verzeichniß der im Winter—Halbjahre 1878—79 auf der Universität Leipzig zu haltenden Vorlesungen“.

22) Основанія евангелическаго церковнаго права (2 часа въ недѣлю).

23) Евангелическое и католическое церковное право со включеніемъ брачнаго права (6 часовъ въ недѣлю; этотъ курсъ отнесенъ къ юридическому факультету).

24) Исторія духовныхъ орденовъ въ средніе вѣка (2 часа въ недѣлю; этотъ курсъ отнесенъ къ философскому факультету).

25) Курсорное чтеніе еврейскихъ текстовъ съ грамматическими упражненіями (3 часа въ недѣлю; этотъ курсъ отнесенъ къ философскому факультету).

Прослушать всѣ эти курсы нѣтъ возможности и студенты слушаютъ только нѣкоторые по выбору. Но курсы расположены такимъ образомъ, что есть возможность прослушать въ теченіи 6 или 7 семестровъ (т. е. 3 или 4 лѣтъ) объясненіе почти всего Св. Писанія и изложеніе почти всѣхъ Богословскихъ наукъ. Обыкновенно каждый курсъ повторяется профессоромъ чрезъ 4 семестра (т. е. чрезъ 2 года).

Нѣкоторые профессоры имѣютъ 4 лекціи въ недѣлю, другіе 6, 8 и даже 10 [1]). Но 8 или 10 лекцій имѣютъ только профессоры, читающіе два курса. Такъ въ зимній семестръ 1878—79 года Деличъ читалъ 4 лекціи въ недѣлю по библейской теологіи Ветхаго Завѣта и вмѣстѣ употреблялъ 4 часа въ недѣлю на объясненіе книги пророка Исаіи; Лютардтъ читалъ 6 лекцій въ недѣлю по догматикѣ и, кромѣ того, употреблялъ 4 часа въ недѣлю на объясненіе Евангелія отъ Іоанна.

Кромѣ чтенія лекцій, каждый изъ профессоровъ руководитъ занятіями студентовъ въ какой либо семинаріи, или университетскомъ обществѣ студентовъ по извѣстному предмету, употребляя на это одинъ, два и болѣе часа въ недѣлю. Такъ въ зимній семестръ 1878—79 года Лютардтъ руководилъ занятіями студентовъ въ „догматическомъ обществѣ“ и въ „обществѣ лузацкихъ (или саксонскихъ) пропо-

[1]) Нужно замѣтить, что профессоры въ нѣмецкихъ университетахъ получаютъ за чтеніе лекцій, кромѣ жалованья, гонораръ отъ студентовъ; этимъ объясняется почтенное количество лекцій, читаемыхъ нѣкоторыми изъ профессоровъ.

вѣдниковъ", Фрикке руководилъ занятіями студентовъ въ „экзегетическомъ семинаріи" и, кромѣ того, въ „обществѣ лузацкихъ проповѣдниковъ". Занятія въ семинаріяхъ или обществахъ не оплачиваются.

Мнѣ довелось быть въ Лейпцигѣ только на двухъ лекціяхъ профессора Делича по библейской теологіи Ветхаго Завѣта. Деличъ считается Богословскою знаменитостью; на той и на другой изъ прослушанныхъ мною его лекцій присутствовало не менѣе 100 или даже до 150 слушателей, которые, подобно студентамъ другихъ факультетовъ, записывали лекціи. Въ обѣихъ лекціяхъ разъяснялось значеніе Ааронова священства. Методъ профессора такой. Сначала онъ высказывалъ кратко мысль, тотчасъ подтверждалъ ее текстомъ, приводя его буквально или только цитуя; при этомъ, слова еврейскія или греческія, рѣдко встрѣчающіяся, но важныя, записывались на доскѣ. Потомъ онъ повторялъ свою мысль съ небольшими разъясненіями.

Берлинскій университетъ уступаетъ лейпцигскому по числу студентовъ, но учеными силами, въ частности, учеными богословскими силами столь же богатъ. Изъ числа современныхъ Богословскихъ знаменитостей въ Берлинѣ достаточно назвать Дорнера и Пипера. Богословскіе курсы, читаемые въ берлинскомъ университетѣ, такъ же разнообразны и спеціальны, какъ и въ лейпцигскомъ университетѣ; есть даже чрезвычайно спеціальные курсы (впрочемъ, это курсы публичные).

Вотъ перечень богословскихъ лекцій, читанныхъ въ берлинскомъ университетѣ въ лѣтній семестръ 1879 года (продолжавшійся отъ 21 апрѣля по 15 августа).

1) Богословская энциклопедія (1 часъ въ недѣлю).

2) Исторія народа израильскаго (5 часовъ въ недѣлю).

3) Объясненіе книги Бытія (5 часовъ въ недѣлю).

4) Объясненіе поэтическихъ мѣстъ въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта (1 часъ въ недѣлю).

5) Объясненіе книги пророка Исаіи (5 часовъ въ недѣлю).

6) Объясненіе книги пророка Исаіи, именно главъ 13—27 (1 часъ въ недѣлю; это былъ публичный курсъ профессора Дильмана).

7) Объясненіе книги пророка Амоса и первой части книги пророка Захаріи (1 часъ въ недѣлю).

8) Объясненіе книги пророка Даніила съ краткимъ изложеніемъ библейскихъ арамеизмовъ (2 часа въ недѣлю).

9) Объясненіе мессіанскихъ мѣстъ Ветхаго Завѣта (2 часа въ недѣлю).

10) Объясненіе книги Псалмовъ (5 часовъ въ недѣлю).

11) Объясненіе избранныхъ іудейскихъ молитвъ (1 часъ въ недѣлю).

12) Историко-критическое введеніе въ Новый Завѣтъ (5 часовъ въ недѣлю).

13) Объясненіе Евангелія отъ Іоанна (5 часовъ въ недѣлю).

14) Вопросъ объ Евангеліи отъ Іоанна (Ioanneische Frage; на этотъ курсъ употреблялся 1 часъ въ недѣлю).

15) Объясненіе посланія къ Римлянамъ (5 часовъ въ недѣлю).

16) Объясненіе посланій къ Коринѳянамъ (5 часовъ въ недѣлю).

17) Объясненіе посланія къ Евреямъ (5 часовъ въ недѣлю).

18) Новозавѣтная теологія (5 часовъ въ недѣлю).

19) Жизнь и ученіе апостола Павла (1 часъ въ недѣлю).

20) Церковная исторія (5 часовъ въ недѣлю; лекторъ— профессоръ Пиперъ).

21) Церковная исторія (6 часовъ въ недѣлю; лекторъ — профессоръ Земишъ).

22) Всеобщая исторія христіанскихъ догматовъ (5 часовъ въ недѣлю).

23) Исторія философіи религіи (1 часъ въ недѣлю).

24) Объясненіе „Apologeticus“ Тертулліана (1 часъ въ недѣлю).

25) Эпиграфика христіанской древности вмѣстѣ съ эпиграфическими упражненіями (2 часа въ недѣлю).

26) Церковная статистика (1 часъ въ недѣлю).

27) Введеніе во всеобщую философскую теологію (1 часъ въ недѣлю).

28) Всеобщая философская теологія и исторія религіи (6 часовъ въ недѣлю).

29) Система христіанской догматики (5 часовъ въ недѣлю).

30) Христіанская поэика (5 часовъ въ недѣлю).

31) Избраніе народовъ (Erwählung der Völker; на этотъ курсъ употреблялся 1 часъ въ недѣлю).

32) Развитіе Богословской и философской системы Шлейермахера (1 часъ въ недѣлю).

33) Система практической теологіи (5 часовъ въ недѣлю).

34) Гомилетика и катехетика (4 часа въ недѣлю).

35) Богословская топика (2 часа въ недѣлю).

36) Католическое и протестантское церковное право (4 часа въ недѣлю; лекторъ—профессоръ Гиншіусъ).

37) Католическое и протестантское право со включеніемъ брачнаго права (4 часа въ недѣлю; лекторъ—профессоръ Левисъ).

Порядки въ берлинскомъ университетѣ тѣ же, что и въ лейпцигскомъ. Кромѣ собственно чтенія лекцій, почти всѣ профессоры руководятъ практическими занятіями студентовъ въ разныхъ семинаріяхъ и обществахъ. Напр. Дорнеръ въ лѣтній семестръ 1879 года руководилъ занятіями въ „обществѣ систематической теологіи“; Дильманъ руководилъ упражненіями въ объясненіи Ветхаго Завѣта въ „Богословскомъ семинаріумѣ“.

Изъ берлинскихъ профессоровъ Богословія я слушалъ Дорнера и Земиша. Дорнеръ—старикъ лѣтъ 70. Содержаніе его лекціи, которую мнѣ удалось слушать, было довольно спеціально, какъ и всего курса („энциклопедія Богословскихъ наукъ“), именно-указаніе значенія символики въ ряду другихъ Богословскихъ наукъ. Земишъ, когда я слушалъ его, объяснялъ „Apologeticus“ Тертулліана, объясненіе имѣло просто характеръ курсорнаго чтенія и ограничивалось почти однимъ переводомъ; объясняемы были мѣста весьма немногія.

Если имѣть въ виду, съ одной стороны, что въ протестантствѣ спросъ на священниковъ не такъ великъ, какъ у насъ, потому что протестантскіе приходы очень велики, а съ другой, не опускать изъ вниманія какъ значительно число протестантскихъ университетовъ съ Богословскими факультетами, посѣщаемыми обыкновенно значительнымъ числомъ молодыхъ людей, то нечего удивляться, что всѣ

протестантскіе пасторы опредѣляются изъ окончившихъ университетскій курсъ.

Ближайшее занятіе пасторовъ протестантскихъ, конечно, пастырство собственно и проповѣдь. Но, подобно какъ у насъ, протестантскій священникъ, есть и преподаватель религіи въ школахъ. Кромѣ того и требъ въ нашемъ смыслѣ слова у протестантскихъ священниковъ не мало. Конечно, протестантскаго священника не позовутъ ночью напутствовать больнаго св. дарами или соборовать. Но крещеніе дѣтей,—хотя крестятъ нѣсколько дѣтей сразу,—требуетъ времени. Но вѣнчаніе съ проповѣдью (можетъ быть обязательною) продолжается не менѣе часа или $^3/_4$ часа. Но погребеніе, также, требуетъ времени; по крайней мѣрѣ то погребеніе, при которомъ мнѣ пришлось быть, заняло не менѣе часа. А составленіе проповѣди — развѣ это дѣло легкое?... Между тѣмъ протестантскій священникъ проповѣдуетъ и за литургіей, и при вѣнчаніи, и при погребеніи, и при нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ.

Въ заключеніе, нѣсколько общихъ замѣчаній о тѣхъ сторонахъ религіозной жизни въ германскомъ протестантствѣ, которыхъ я коснулся выше.

Православнаго не можетъ удовлетворить Богослуженіе протестантское. Въ немъ не достаетъ чего-то... Оно слишкомъ голо, раціонально... Но не слѣдуетъ забывать, что въ каждой странѣ внѣшній строй религіи находится въ тѣсной связи съ характеромъ жителей этой страны, а равно съ физическими условіями и исторіею ея. Оттого и современный нѣмецъ — протестантъ, хотя, вообще довольно равнодушный къ религіознымъ предметамъ, конечно, не промѣняетъ своего Богослуженія ни на какое другое. Въ частности, наше православное Богослуженіе съ обиліемъ *обрядности*, молитвъ, съ частыми поклонами кажется ему страннымъ и мнѣ самому случалось слыхать отзывы въ этомъ родѣ.

Для того, чтобы судить о достоинствахъ или недостаткахъ проповѣдей, произносимыхъ протестантскими пасторами и о вліяніи оныхъ на слушателей,—нужны болѣе обстоятельныя наблюденія, чѣмъ мои. Но, кажется, я не ошибусь, если скажу, что, въ большинствѣ случаевъ, проповѣди, произносимыя протестантскими пасторами, довольно обыкно-

венны и вліяніе ихъ на слушающихъ весьма незначительно. Равнодушіе къ религіи (какъ къ догматической, такъ и къ обрядовой ея сторонѣ) слишкомъ сильно въ средѣ германскаго протестантства, чтобы проповѣди могли, такъ сказать, задѣть за живое, и съ другой стороны, люди съ ораторскими талантами предпочитаютъ въ Германіи другія профессіи. Насколько простираются мои наблюденія, число истинныхъ ораторовъ въ римско-католической церкви гораздо значительнѣе, равно, вліяніе, производимое ими на католическій людъ, несравненно сильнѣе, чѣмъ въ протестантствѣ.

Но если проповѣди протестантскихъ пасторовъ не достаетъ того могущественнаго дѣйствія, какое имѣетъ слово пасторовъ католическихъ, то въ отношеніи религіозной образованности протестантству должно быть отдано предпочтеніе. Въ германскихъ протестантскихъ университетахъ дается такое широкое и разностороннее Богословское знаніе, какое едвали получается католическими пасторами.

П. Цвѣтковъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Семинарское ученическое писательство и неудовлетворительное состояніе его. Процедура семинарскаго писательства. Необходимость ея измѣненія. Направленіе этого измѣненія.

Самое больное мѣсто у современной духовной семинаріи,—безъ сомнѣнія, ученическое писательство. Всѣ, кому вѣдать надлежитъ, жалуются на его крайне неудовлетворительное состояніе. При этомъ особенно прискорбно то, что нѣтъ надежды, чтобы, пока существуетъ настоящая постановка дѣла, ученическое писательство оправилось; даже болѣе: есть положительное основаніе думать, что оно будетъ падать все болѣе и болѣе,—и нельзя указать предѣла, гдѣ бы оно остановилось въ своемъ паденіи. А между тѣмъ было время, когда семинарское писательство служило лучшимъ украшеніемъ духовной школы и безспорно признавалось всѣми. Было время, когда воспитанникъ семинаріи овладѣвалъ тайною писательства настолько, что дѣйствительно былъ способенъ на такіе подвиги, о которыхъ и доселѣ въ духовныхъ школахъ сохраняются традиціонныя воспоминанія. И замѣчательно,—эта способность обнаруживалась иногда въ весьма разнообразныхъ произведеніяхъ, начиная отъ школьно-юмористическихъ до любопытныхъ, для своего времени, ораторскихъ. По этому то люди, искренно расположенные къ духовной школѣ, живо вѣрующіе въ ея значеніе и желающіе содѣйствовать ея успѣхамъ, не могутъ надивиться, куда улетучилось семинарское писательство, не могутъ не скорбѣть о немъ. Поэтому-то много писалось опредметѣ, еще больше говорилось и говорится, не мало было и административныхъ мѣропріятій. Однако дѣло все-таки не идетъ такъ, какъ желательно.

Вообще замѣчаютъ, что начало упадка семинарскаго писательства совпадаетъ съ началомъ введенія нынѣ дѣйствующаго въ семинаріяхъ устава. Такимъ образомъ во многихъ отношеніяхъ благо-

пріятная реформа внутренней жизни духовной семинаріи повела за собою явленіе неблагопріятное. Признаки этого новаго слагавшагося явленія стали обнаруживаться въ разнообразныхъ отношеніяхъ. На мѣсто прежняго богатства, изобрѣтательности и оригинальности мысли (просимъ читателей помнить всегда, что мы говоримъ только сравнительно) въ ученическихъ задачахъ стали замѣчаться постепенное обѣдпѣніе мысли, доходящее до положительной скудости, и почти полное отсутствіе самостоятельности. Прежняя крѣпость мысли и сила мышленія постепенно какими-то судьбами размѣнялись на разбросанность и слабость логическаго процесса. На мѣсто прежняго стройнаго и притомъ иногда свободнаго формальнаго образованія ученическихъ сочиненій стало пользованіе какими-то крайне жалкими и узкими и все-таки неопредѣленными формами, которыя не только часто не допускаютъ какого либо расширенія мысли, но иногда затрудняютъ сведеніе къ одному знаменателю и данныхъ мыслей. Мы не говоримъ уже о томъ, что прежніе семинарскіе писаки выписывались иногда до того, что отъ нихъ можно было требовать или ожидать опредѣленнаго слога—стиля! Теперь же вамъ преподнесутъ такое изложеніе, что къ нему со стороны стиля и приступить невозможно. Особенно же грустно то, что наши семинарскіе писатели просто на просто безграмотны.

Отъ чего же на почвѣ вообще благопріятной реформы родилось и развивается такое явленіе,—тѣмъ болѣе странное, что свѣтская средняя школа, которая въ былыя времена и не думала мѣриться съ духовной по части писательства, теперь едва-ли не стала выше духовной школы?—Заурядныхъ объясненій даннаго явленія можно указать два, при чемъ по самому свойству объясненій можно догадываться и о личностяхъ, которымъ они принадлежатъ. Одни полагаютъ, что упадокъ писательства зависитъ отъ того, что семинаристы вообще не имѣютъ достаточно времени на писаніе сочиненій. Такъ думаетъ вся средняя духовная школа in corpore со всей прикосновенной къ ней публикой. Другіе полагаютъ, что—вся сила въ преподавателяхъ. Такъ склонна, повидимому, думать вся духовно-учебная администрація. Намъ думается, что въ основаніи того и другаго мнѣнія лежитъ простое недоразумѣніе. Бросить нѣсколько особыхъ замѣчаній объ этихъ мнѣніяхъ намъ придется въ послѣдующемъ изложеніи. По этому мы ограничимся здѣсь только общими замѣчаніями. Говорятъ,—нѣтъ времени ученикамъ писать сочиненія. А если имъ дать больше времени, нежели сколько даетъ-

ся, стали-ли бы они писать лучше?—вотъ что любопытно и при этомъ едва-ли возможно надѣяться, чтобы они стали писать лучше. Это мнѣніе, какъ намъ думается, стоитъ только на сравненіи избытка времени отъ классныхъ занятій у прежнихъ и теперешнихъ семинаристовъ. Но при этомъ забывается многое другое болѣе важное, въ чемъ однако современный семинаристъ преимуществуетъ предъ прежнимъ. И прежній семинаристъ, напримѣръ, не выдумывалъ же сочиненіе только изъ своей головы, но долженъ былъ и знать кое-что, и это знаніе, нужное для сочиненія, пріобрѣталъ посредствомъ чтенія. Нынѣшній семинаристъ больше знаетъ, да притомъ ему обязательно дается матеріалъ. Очевидно, выгода на сторонѣ современнаго семинариста—отъ чего же однако онъ пишетъ плоше, чѣмъ прежній семинаристъ? Можетъ быть, за недостаткомъ времени скрывается что нибудь-другое... Еще менѣе ясно второе объясненіе. Изъ того, что завѣдываніе ученическимъ писательствомъ въ семинаріяхъ поручено всѣмъ преподавателямъ, за исключеніемъ преподавателей физико-математическихъ наукъ и языковъ, можно догадываться, что *всѣ преподаватели* признаются и компетентными въ дѣлѣ. Наоборотъ, — изъ того, что тѣмъ же преподавателямъ духовно-учебною администраціею дано весьма много предписаній по руководству ученическимъ писательствомъ, по временамъ—предписаній весьма подробныхъ, безъ особеннаго труда можно вывести заключеніе, что *всѣ преподаватели* семинаріи признаются, по крайней мѣрѣ, мало компетентными въ дѣлѣ. Такимъ образомъ этому объясненію при правильномъ его развитіи, слѣдовало бы придти къ отрицанію или самого себя, или компетенціи, по крайней мѣрѣ, большинства преподавателей въ дѣлѣ руководства ученическимъ писательствомъ, и никакъ не слѣдовало идти среднемъ путемъ и тѣмъ болѣе—разрѣшаться въ особое руководство, уже по самому существу дѣла, сомнительнаго достоинства. Отвергнуть всеобщую компетенцію было-бы даже благоразумнѣе и нисколько не постыдно для преподавателей въ виду того, что методика ученическаго писательства въ настоящее время вообще достигла значительнаго развитія, способнаго представить руководство писательствомъ какъ дѣло спеціальное. Однако въ томъ и другомъ объясненіи мы признаемъ нѣкоторую правду, только относительную и условную, на которой потому самому и строить такое серьезное дѣло, какъ ученическое писательство, нельзя.

Намъ думается вообще, что семинарское писательство гибнетъ

подъ гнетомъ того канцеляризма, которымъ оно окутано. Въ противоположность этому мы думаемъ, что семинарское писательство никогда не оправится, если для заправленія этимъ дѣломъ не будетъ возбуждена и поощрена частная иниціатива. Чтобы убѣдиться въ первомъ, необходимо посмотрѣть на ту процедуру, которую должно пройти каждое ученическое сочиненіе. Для убѣжденія во второмъ, конечно, нужно и нѣчто большее, и во всякомъ случаѣ здѣсь нужно безпристрастное отношеніе къ дѣлу со стороны, можетъ быть, весьма многихъ.

Процедура, чрезъ которую проходитъ семинарское писательство, вообще представляется въ такомъ видѣ.—*Въ началѣ* каждаго учебнаго года *педагогическое правленіе* семинаріи составляетъ обыкновенно *достояніе* ученическихъ письменныхъ упражненій *на цѣлый годъ*. Въ общихъ чертахъ—именно относительно числа письменныхъ упражненій въ каждомъ классѣ, предметовъ, по которымъ они назначаются, и сроковъ, на которые даются, росписаніе почти одинаково во всѣхъ семинаріяхъ и приблизительно таково. Для шестаго и пятаго класса назначается *до десяти* сочиненій; для четвертаго, третьяго и втораго—*до восьми*; для перваго — *до двѣнадцати*. Указанныя числа могутъ быть принимаемы какъ *минимумъ*. Предметы, по которымъ даются сочиненія, слѣдующія: въ шестомъ классѣ—*догматическое богословіе*, *нравственное богословіе*, *свящ. писаніе*, *практическое руководство*, *церковная исторія*, *дидактика* и *гомилетика*; въ пятомъ классѣ — *основное богословіе*, *свящ. писаніе*, *литургика*, *церковная исторія*, *педагогика* и *гомилетика*; въ четвертомъ классѣ — *свящ. писаніе*, *психологія* и *обзоръ философскихъ ученій*; въ третьемъ—*свящ. писаніе*, *логика* и *гражданская исторія*; во второмъ—*свящ. писаніе*, *исторія русской литературы* и *гражданская исторія*; въ первомъ — *свящ. писаніе*, *словесность* и *гражданская исторія*. Такимъ образомъ семинаристы упражняются въ писательствѣ почти по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, но съ особенною настойчивостію—по предмету *свящ. писанія*. По срокамъ ученическія сочиненія различаются на долгосрочныя и экспромпты. Для первыхъ дается времени въ старшихъ двухъ классахъ *до четырнадцати дней*, въ среднихъ двухъ—*до двѣнадцати* и въ низшихъ двухъ *до осьми дней*. *Для отдыха* между сочиненіями полагается *до пяти* (по видимому, максимумъ) *дней*. Экспромпты полагаются такъ же въ каждомъ классѣ въ разномъ числѣ — отъ двухъ до четырехъ, при чемъ и

они обыкновенно *росписываются* и полагаются въ общемъ числѣ сочиненій каждаго класса. *Срокъ* писанія экспромптовъ *въ точности неизвѣстенъ*. Одновременно съ составленіемъ росписанія *педагогическое собраніе* занимается разсмотрѣніемъ *темъ*, которыя на этотъ конецъ и представляются въ правленіе преподавателями подлежащихъ предметовъ. Темы эти предлагаются также, какъ и росписаніе, *на цѣлый годъ* или, по меньшей мѣрѣ, *на полугодіе*, при чемъ полагается, чтобы каждый преподаватель представилъ *ихъ нѣсколько*. Разсмотрѣнныя и одобренныя правленіемъ, росписаніе и темы включаются въ правленскіе протоколы и въ этомъ видѣ восходятъ на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе преосвященнаго епархіальнаго архіерея. Только по утвержденіи преосвященнаго тема можетъ быть дана и дается въ сроки по утвержденному преосвященнымъ росписанію, при чемъ преподавателю вмѣняется въ обязанность *объяснить* ученикамъ *тему* и *дать планъ*. Написанныя потомъ учениками сочиненія, едва ли не вездѣ, собираются лицами инспекторскаго надзора, прочитываются и исправляются *преподавателями подлежащаго предмета*, пересматривается *ректоромъ* семинаріи и иногда восходятъ даже на разсмотрѣніе *преосвященнаго*: каждый разъ и каждое сочиненіе препреподаватель оцѣниваетъ *балломъ*, который потомъ въ общемъ выводѣ за цѣлый годъ представляется каждымъ преподавателемъ въ правленіе. Здѣсь баллы, представленные каждымъ преподавателемъ, слагаются въ *одинъ*, каковымъ балломъ и оцѣнивается писательство каждаго ученика за цѣлый годъ. Вотъ и вся процедура... По виду своему на первый взглядъ она представляется вообще достаточно стройной и привлекательной. Однако мы лично убѣждены, что именно въ этой процедурѣ и нужно искать объясненія упадка семинарскаго писательства, потому что она и по основному взгляду на ученическое писательство, проходящему чрезъ всю нее, и по отдѣльнымъ подробностямъ своимъ ставитъ ученическое писательство въ положеніе совершенно неблагопріятное. Намъ не чуждо опасеніе, что убѣдить и другихъ въ томъ, въ чемъ мы убѣждены сами, мы, можетъ быть, и не успѣемъ, главнымъ образомъ потому, что при оцѣнкѣ изложенной процедуры весьма часто можетъ оказываться надобность въ документальныхъ данныхъ,—а пользоваться такими данными мы лишены возможности. Но если читатель запасется безпристрастнымъ пониманіемъ дѣла, то онъ, можетъ быть, въ концѣ концовъ и согласится съ нами.

Чтобы правильно повести оцѣнку вышеизложенной процедуры, считаемъ нужнымъ напередъ условиться на счетъ основнаго пункта ея. Сдѣлать это легко, и притомъ можно сдѣлать это исторически т. е. до извѣстной степени неопровержимо.—Упадокъ семинарскаго писательства вообще сталъ замѣчаться со времени введенія нынѣ дѣйствующаго въ семинаріяхъ устава. Но уставъ прямо не содержитъ вышеизложенной процедуры; она развивалась постепенно, и нельзя сказать, чтобы развитіе ея по тому же пути уже окончилось. Основное же требованіе устава заключается собственно въ томъ, чтобы воспитанники семинаріи были упражняемы въ писательствѣ по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, за исключеніемъ языковъ и наукъ физико-математическихъ. Такимъ образомъ начало упадка семинарскаго писательства становится само собою въ связь съ указаннымъ основнымъ положеніемъ устава. Однако это положеніе едва ли заключаетъ въ себѣ что-либо нераціональное, антипедагогическое. Развѣ не вездѣ бываетъ такъ, что *темы* для сочиненій ученическихъ даются по возможности, если не по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, то по крайней мѣрѣ по разнымъ? Да и возможно ли держать воспитанниковъ на одномъ родѣ предметовъ, когда самое упражненіе въ писательствѣ предполагаетъ различіе родовъ и предметовъ? Такъ основное положеніе устава въ общемъ несомнѣнно правильно. Но это правильное по существу положеніе было формулировано совершенно неправильно: опредѣлено было, чтобы *всѣ преподаватели подлежащихъ предметовъ* были руководителями семинарскимъ писательствомъ. Такимъ образомъ оказались уравненными и тѣ преподаватели, въ классныя занятія которыхъ *органически* входитъ руководство учениковъ въ писательствѣ, и тѣ, которымъ въ ихъ классныхъ занятіяхъ до упражненій въ писательствѣ *рѣшительно нѣтъ никакого дѣла*. Болѣе частныя замѣчанія на этотъ счетъ мы предложимъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же укажемъ, что такое уравненіе преподавателей дѣло далеко не безразличное. Очевидно, что такимъ уравненіемъ ученическое писательство начисто выбивается изъ родной ему среды и ставится какъ учрежденіе особое, не стоящее въ органической связи съ основными занятіями учениковъ. Мы полагаемъ, что разница между двумя предполагаемыми нами постановками очевидна: въ одномъ случаѣ руководство ученическимъ писательствомъ правильно и непрерывно развивается и усовершается на родной ему почвѣ, въ другомъ—оно есть только простой побѣгъ на чужую почву. Здра-

вая методика веденія письменныхъ упражненій всегда признавала и признаетъ только первую постановку; вторая постановка принята только въ духовныхъ семинаріяхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить и то, что ни здравая методика, ни наши духовныя семинаріи никогда не признавали и не признаютъ постановки средней между указанными двумя. Да она и невозможна. Такимъ образомъ основной пунктъ процедуры — это уравненіе всѣхъ преподавателей въ дѣлѣ руководства ученическимъ писательствомъ. По смыслу этого пункта опредѣляется и основной взглядъ на ученическое писательство: оно не есть *органическое занятіе*, *а особое учрежденіе механическаго характера*, своего рода status in statu. Если въ основномъ пунктѣ процедуры должно полагать и полагаютъ *начало* упадка семинарскаго писательства, то въ основномъ взглядѣ процедуры на писательство несомнѣнно должно полагать *причину* упадка. Ближайшее ознакомленіе съ процедурой, можетъ быть, достаточно убѣдитъ насъ въ этомъ.

Можно идти прямо по пунктамъ процедуры. Пунктъ первый — *составленіе росписанія сочиненій для учениковъ всѣхъ классовъ на цѣлый годъ*. Такое росписаніе при основномъ требованіи, чтобы всѣ преподаватели руководили писательствомъ, безъ сомнѣнія, необходимо, — ибо иначе былъ бы безпорядокъ. Но только это и можно сказать въ пользу росписанія. Во всемъ же остальномъ, очень многомъ и важномъ, росписаніе есть чистый педагогическій абсурдъ. Прежде всего самое составленіе росписанія уже явно свидѣтельствуетъ, что ученическое писательство есть особое занятіе, совершенно отрѣшенное отъ класнаго преподаванія и обособленное въ особое учрежденіе. Ибо если бы оно было свободнымъ и органическимъ продуктомъ основныхъ занятій учениковъ и ихъ успѣховъ, тогда въ росписаніи не было бы никакой надобности, и ученики упражнялись бы въ писательствѣ соотвѣтственно ихъ занятіямъ и сообразно съ ихъ успѣхами. Само смотря на ученическое писательство, какъ на работу, которую можно росписать, росписаніе открываетъ и другую неблаговидную свою сторону: оно составляется въ отсутствіи класса въ началѣ года на цѣлый годъ. Когда мы говоримъ—*въ отсутствіи класса*, тогда разумѣемъ, что росписаніе не можетъ принимать въ расчетъ тѣхъ многообразныхъ и измѣнчивыхъ условій, которыя вытекаютъ изъ состава класса. И оно дѣйствительно не принимаетъ ихъ въ расчетъ, что росписаніе изъ года въ годъ остается почти неизмѣннымъ — да и измѣ-

нять въ немъ нечего. Такимъ образомъ семинарское писательство принципіально лишено права и возможности разнообразиться и измѣняться въ соотвѣтствіе съ разнообразіемъ и измѣненіемъ тѣхъ самыхъ условій, которыхъ не минуетъ даже самое незамысловатое классное преподаваніе. При этомъ составители росписанія не могутъ успокоивать себя сознаніемъ, что они знаютъ классъ и его головныя силы и средства, ибо къ чему же служитъ это знакомство съ классомъ, если бы оно даже и всегда напередъ предполагалось? Сдѣлать употребленіе изъ такого знакомства при томъ шаблонѣ, по которому обыкновенно составляется росписаніе, невозможно, — ибо къ какой же сторонѣ росписанія приложить это знакомство?... Когда мы говоримъ, что росписаніе составляется *въ началѣ учебнаго года*, тогда мы разумѣемъ, что росписаніе беретъ на себя смѣлость заставлять учениковъ писать сочиненіе по тому или другому предмету даже тогда, когда и по уставу не полагается ученикамъ знать что либо, кромѣ азбуки предмета—первоначальныхъ понятій о предметѣ. И вотъ ученики пишутъ! Не полнѣйшее ли это насиліе надъ учениками, которое только и можетъ дать въ результатѣ скудную и разбросанную мысль? Такъ можно полагать даже о двухъ, трехъ первыхъ сочиненіяхъ, но особенно, конечно, о самомъ первомъ. И выхода изъ такого положенія нѣтъ: нельзя дать первое сочиненіе по курсу предшествующаго класса, каковой обычай практикуется въ другихъ мѣстахъ, — ибо кто же бы сталъ читать этотъ первый опытъ? — нельзя и промедлять нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, самое первое время, — ибо росписаніе вообще не предполагаетъ возможности даромъ терять золотое время. — Когда мы говоримъ, что росписаніе составляется *на цѣлый годъ*, тогда мы разумѣемъ, что росписаніе тѣмъ самымъ tacito modo заявляетъ, что ему рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того, какъ идетъ ученическое писательство? Хорошо или худо идетъ оно, все равно — это не даетъ ни права, ни побужденія повреждать росписаніе въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такимъ образомъ убитъ единственный критерій дѣла—успѣхъ или неуспѣхъ самихъ учениковъ въ дѣлѣ. — И всемъ-то указаннымъ, такъ важнымъ, жертвуется по необходимости только для того, чтобы составить росписаніе!

Пройдемъ теперь слегка по содержанію росписанія. Здѣсь росписываются *сроки, числа и предметы*. Всѣ эти части росписанія стоятъ въ нѣкоторой связи между собою, сказать о которой мо-

жетъ встрѣтиться и намъ надобность. Полагается прежде всего такой или иной, но во всякомъ случаѣ для разныхъ классовъ разный и опредѣленный срокъ, въ который ученики должны написать сочиненіе. Уже изъ того, что сказано было нами о составленіи росписанія, ясно открывается, что и назначеніе какихъ бы то ни было сроковъ въ данномъ дѣлѣ также нецѣлесообразно, какъ и составленіе самаго росписанія, или вѣрнѣе: нецѣлесообразно по нецѣлесообразности самаго росписанія. Такое сужденіе объ опредѣленномъ срокѣ нужно признать безусловно справедливымъ, ибо невозможно назначать срокъ, не зная ни состава класса, ни его познаній, ни его успѣховъ. Говоря же относительно, всегда можно указывать на практику, которая, по стеченію обстоятельствъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, часто предъявляетъ требованіе и на укороченіе, и на удлиненіе срока, а между тѣмъ росписаніе не допускаетъ и самой возможности ни того, ни другаго. И такимъ образомъ бываетъ, что ученики иногда буквально *киснутъ* надъ домашнимъ дѣломъ, которое не только могло бы быть произведено и быстро, и хорошо, но которое и главный-то интересъ полагаетъ именно въ такомъ производствѣ. Поэтому мы нисколько не удивляемся тому недостатку энергіи и сосредоточенности мысли, которымъ страдаетъ ученическое писательство. И замѣчательно при этомъ, что какъ бы длиненъ, сравнительно съ существомъ работы, не оказался опредѣленный срокъ, въ ученикахъ всегда замѣтно поползновеніе удлиннить его и еще посредствомъ *отсрочки*. По нашему мнѣнію это свидѣтельствуетъ о крайнемъ разлѣненіи мысли,—и поэтому-то семинарскимъ начальствамъ въ дѣлахъ *объ отсрочкахъ* слѣдуетъ быть крайне осторожными. Само собою разумѣется, что опредѣленный срокъ неудобенъ и на тотъ случай, если окажется дѣйствительная надобность въ удлиненіи его Впрочемъ въ этомъ случаѣ неудобство его, какъ замѣчено, покрывается семинарскими начальствами, но—замѣтимъ мимоходомъ, семинарское начальство здѣсь превышаетъ свою компетенцію, что также не всегда можетъ быть выгоднымъ для писательства. Но особенно страннымъ представляется назначеніе нѣсколькихъ дней для отдыха между сочиненіями. Кажется, назначеніе этого срока ничего иного не говоритъ, какъ только то, что сочиненіе для ученика есть кабальная работа, а не органическое занятіе. Ибо для какого же отдыха полагаются эти дни? Неужели только для такого же, какой полагается между двумя уро-

ками и состоитъ въ расправленіи членовъ? Но вѣдь такой отдыхъ по отношенію къ писательству будетъ только провѣтриваніемъ головы! Что касается разности сроковъ для разныхъ классовъ, то трудно указать въ основаніи ея какое-либо собственное педагогическое соображеніе. Она имѣетъ отношеніе, повидимому, только къ числу сочиненій, ибо предполагается, что воспитанниковъ младшихъ классовъ полезно упражнять въ писательствѣ чаще, нежели воспитанниковъ старшихъ классовъ. Но и это соображеніе имѣетъ только относительное достоинство. Въ примѣненіи оно естественно и справедливо условливается успѣхомъ или неуспѣхомъ дѣла. Съ этой стороны назначеніе опредѣленнаго числа сочиненій для разныхъ классовъ будетъ также нераціонально, какъ и назначеніе опредѣленныхъ сроковъ; ибо такимъ назначеніемъ закрывается значеніе успѣха или неуспѣха. Такимъ образомъ воспитанники разныхъ классовъ обрекаются на писаніе цѣлаго ряда дурныхъ или хорошихъ сочиненій—и, конечно, ожидать пользы отъ такого упражненія въ томъ и другомъ случаѣ невозможно, главнымъ образомъ потому, что и для воспитанниковъ совершенно непонятно, почему они должны написать дурныхъ или хорошихъ сочиненій именно столько-то? Да и въ дѣйствительномъ практическомъ примѣненіи тоже педагогическое соображеніе не имѣетъ полной силы. Оказывается, что большее число сочиненій падаетъ на учениковъ низшихъ и высшихъ классовъ, а меньшее — на учениковъ среднихъ классовъ. Такимъ образомъ данное соображеніе дѣйствуетъ только относительно низшихъ классовъ, совершенно не дѣйствуетъ относительно среднихъ и дѣйствуетъ обратно относительно высшихъ.

Посмотримъ теперь на важнѣйшую сторону росписанія—на предметы, по которымъ даются сочиненія. И эта сторона опять покажетъ намъ, что ученическое писательство есть механическая работа, отъ которой пользы никакой ожидать нельзя. Мы знаемъ, что сочиненія расписываются по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, кромѣ языковъ и наукъ физико-математическихъ, и читаются всѣми преподавателями подлежащихъ предметовъ. Первый вопросъ, который раждается изъ такого порядка, есть вопросъ о томъ—какая же собственная цѣль упражненія учениковъ въ писательствѣ? Неужели та, чтобы ученики писали трактаты по всѣмъ предметамъ учебнаго курса и писали даже тогда, когда они писать просто правильно не умѣютъ? Если же опредѣлять цѣль писательства такъ, какъ она вездѣ опредѣляется, и полагать ее въ томъ,

чтобы научить учениковъ *правильно излагать свои мысли*, то едва ли нужно прибавлять, что тогда во главѣ писательства станутъ только очень немногіе предметы учебнаго курса и, конечно, именно тѣ, въ преподаваніе которыхъ входитъ *органически* упражненіе въ писательствѣ. Всѣ же остальные, въ преподаваніе которыхъ не входитъ такое упражненіе, не только должны быть поставлены въ сторонѣ, но и будутъ несомнѣнно мѣшать правильному ходу дѣла, если не будутъ поставлены въ сторонѣ. Такое вліяніе ихъ на ходъ обученія писательству кроется, безъ сомнѣнія, въ той простой истинѣ, что всякому подобному предмету даже дѣла нѣтъ до того, умѣютъ ли ученики писать: назначеніе сочиненія по такимъ предметамъ въ существѣ своемъ предполагаетъ, что ученики должны умѣть писать. Такимъ образомъ и бываетъ, что прежде нежели ученики овладѣютъ формами писательства, имъ даются сочиненія и по Свящ. Писанію, и по исторіи, и даже по словесности, которая имѣетъ монополію обучать писательству *свободно*. Не мудрено поэтому, что ученики правильно писать такъ и не выучиваются. И когда настаетъ пора болѣе или менѣе свободно пользоваться пріемами писательства въ старшихъ классахъ при упражненіяхъ въ проповѣдничествѣ, они не умѣютъ ни даже разсказать или описать хоть что нибудь.

Не имѣя корня въ предметахъ учебнаго курса, ученическое писательство не можетъ опираться и на *всѣхъ* преподавателей. И, конечно, прежде всего потому, что это — опора только внѣшняя, которая никогда не замѣститъ недостатка внутренней. Нельзя также требовать отъ преподавателей искусства, которое въ существѣ ихъ труда не содержится. И мы вполнѣ увѣрены, что всѣ преподаватели предметовъ, въ составъ преподаванія которыхъ не входитъ органически обученіе писательству, согласятся съ нами не только въ томъ, что руководство ученическимъ писательствомъ для нихъ обуза, но и въ томъ, что въ несеніи этой обузы они некомпетентны. И такое согласіе вовсе не будетъ только сознаніе въ своемъ безсиліи или неумѣньи, а напротивъ главнымъ образомъ сознаніе, что въ то время, какъ методика веденія письменныхъ упражненій все болѣе и болѣе развивается, если не совершенствуется, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе укрѣпляетъ взглядъ на ученическое писательство, какъ на дѣло и важное, и спеціальное, овладѣніе этимъ дѣломъ и веденіе его становится трудомъ также спеціальнымъ. Наконецъ самое существо дѣла пока-

зываетъ, что здѣсь важно не правильное только веденіе дѣла, но и *однообразное* въ смыслѣ однородности и постоянства руководящихъ началъ и требованій. Но таже самая методика удостовѣряетъ насъ, сколько можетъ быть разнообразія въ веденіи одного и того же дѣла. Ожидать же и требовать, чтобы всѣ преподаватели прилагали къ дѣлу совершенно одни и тѣже начала и требованія можно, очевидно, только при крайне поверхностномъ пониманіи дѣла. А между тѣмъ у учениковъ эти начала и требованія должны уложиться и сформироваться въ извѣстный образецъ, который бы предносился ихъ уму постоянно при писаніи сочиненій. Вѣдь только тогда они будутъ понимать, что они пишутъ? Изъ чего же сложиться этому образцу, когда руководителей такъ много? И можетъ быть изъ отсутствія-то такого строго опредѣленнаго образца и должны быть объясняемы та безцвѣтность и та плоскость, которыя замѣтны въ ученическомъ писательствѣ.

Такимъ образомъ росписаніе со всѣми его аксессуарами не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго благопріятнаго для ученическаго писательства условія. Оно губитъ собою писательство, потому что ставитъ его внѣ его родной среды и ея условій и обращаетъ его въ механическую работу.

Но здѣсь еще не конецъ болѣзнемъ. Намъ скажутъ, что нельзя разсматривать только одно росписаніе,—что цѣлесообразность его гарантируется обсужденіемъ его въ собраніи преподавателей,—что цѣлесообразность веденія дѣла по составленному росписанію въ свою очередь имѣетъ за себя ручательство въ обсужденіи тѣмъ же собраніемъ темъ, въ разъясненіи ихъ ученикамъ, въ чтеніи и исправленіи написанныхъ сочиненій преподавателями, въ пересмотрѣ ихъ ректоромъ и въ оцѣнкѣ ихъ посредствомъ балловъ частныхъ и общихъ. Все это такъ, но если дурно зданіе, то какими бы прекрасными подпорками оно не поддерживалось, все-таки это будутъ только подпорки, которыя съ теченіемъ времени и сами не будутъ въ состояніи поддерживать разрушающееся зданіе. Говоря проще,—всѣ указанныя, хотя бы и прекрасныя сами по себѣ, условія, при общей постановкѣ дѣла, сильно отзываютъ мертвымъ канцеляризмомъ.

Прежде всего сущей канцеляріей является собраніе преподавателей. По самому существу дѣла оно гарантируетъ только составленіе росписанія и своевременное исполненіе его, но никакъ ни цѣлесообразность его. Ибо откуда же взяться этой цѣлесообразно-

сти, когда росписаніе составляется и обсуждается въ отсутствіи класса и его многоразличныхъ условій? Какъ можетъ собраніе гарантировать цѣлесообразное веденіе дѣла, когда члены его не имѣютъ подъ собой никакой почвы и когда вся изобрѣтательность ихъ, по существу дѣла, ограничивается справками съ общими узаконеніями педагогическаго кодекса? Какъ хотите, а ученическое писательство, благоразумно представляемое, есть дѣло текучее, которое требуетъ не справки съ общеизвѣстнымъ кодексомъ, а удачнаго и своевременнаго примѣненія его. И вотъ это-то дѣло требуетъ именно реальнаго единоличнаго наблюденія и таковой же иниціативы т. е. кое-чего такого, что никакъ не можетъ быть гарантировано собраніемъ. И это, конечно, потому, что если это кое-что и можетъ быть поставлено предметомъ обсужденія, то все-таки дальше общихъ отвлеченныхъ формулъ не пойдетъ.—Однимъ словомъ правленіе, какъ бы оно усердно не занималось обсужденіемъ росписанія и его исполненія, никогда ни дастъ, ни создастъ искусства руководить ученическимъ писательствомъ. Не мудрено по этому, что вся дѣятельность особенно, такъ называемыхъ, педагогическихъ собраній [1]) вращается только въ сферѣ распоряженій и предписаній, которыя нисколько не помогаютъ дѣлу.

[1]) Да будетъ позволено сказать здѣсь два слова „о педагогическомъ собраніи“. Въ настоящемъ своемъ видѣ педагогическое собраніе есть привиллегированный педагогическій совѣтъ, въ составъ котораго избираются 7 преподавателей и которому предоставляются извѣстныя права. Намъ думается, что было бы справедливѣе распустить привиллегированный совѣтъ и оставить только общій, — изъ всѣхъ преподавателей. Дѣло въ томъ, что въ число 7, какъ бы ни была мала семинарія, всѣ преподаватели войти не могутъ. А между тѣмъ было бы справедливѣе, чтобы каждый учебный предметъ имѣлъ своего преподавателя въ совѣтѣ, каковое требованіе усиливается особенно тѣмъ, что въ настоящую пору на разныхъ каѳедрахъ по предметамъ семинарскаго учебнаго курса сидятъ спеціалисты. Кромѣ того привиллегированному педагогическому совѣту предоставлено право приглашать въ свои собранія спеціалистовъ. Это указываетъ на то, что привиллегированный совѣтъ не всегда бываетъ компетентенъ. Но особенно эта некомпетентность указывается новыми правилами о производствѣ экзаменовъ, по которымъ (правиламъ) на экзамены приглашаются и не члены на равныхъ правахъ съ членами педагогическаго собранія. Но этому-то намъ и думается, что педагогическое собраніе имѣло бы большую компетенцію, если бы участіе въ немъ было не привиллегіей, а обязанностію, при чемъ совѣтъ могъ бы считаться полнымъ, если-бы въ немъ присутствовало по одному представителю каждаго учебнаго предмета.

Нисколько не гарантируется успѣшное веденіе ученическаго писательства и обсужденіемъ въ собраніи темъ по разнымъ предметамъ и притомъ непремѣнно нѣсколькихъ, чему, по видимому, придается особенное значеніе. Дѣло въ томъ, что темы обсуждаются если не на цѣлый годъ, то на полугодіе. Уже это одно говоритъ само за себя. При этомъ, не имѣя возможности вырастить ученическое сочиненіе на почвѣ дѣйствительнаго класснаго преподаванія, преподаватели избираютъ для представленія въ правленіе темы, основываясь только на догадкахъ о томъ, о чемъ приблизительно они будутъ проходить съ учениками въ тотъ срокъ, который выпадаетъ на ихъ долю. Такимъ образомъ и здѣсь опять нѣтъ никакой реальной почвы для обсужденія. Но мало того,—на этотъ пунктѣ особенно ясно открываетея, что ученическое писательство лишено даже тѣхъ самыхъ удобствъ, которыя вполнѣ даны классному преподаванію. Въ преподаваніи можно идти вполнѣ нога въ ногу съ успѣхами учениковъ; въ руководствѣ же писательствомъ нельзя, до такой степени нельзя, что самыя темы выбираются и обсуждаются безвременно.

Но вотъ срокъ насталъ. Тема дана, данъ и планъ, т. е. основныя мысли, ихъ отношеніе и порядокъ. Накинемъ сюда, по всей справедливости, и то, что дѣло возможно упрощено и уяснено. Казалось бы есть всѣ шансы ожидать, что дѣло будетъ сдѣлано хорошо. И однако-же преподавателю представляется потомъ именно та жалкая, оборванная и разбросанная масса, которую мы характеризовали раньше. Какъ же случилось, что планъ не только не возбудилъ мысли, но и видимо подавилъ ее? И, конечно, въ этомъ виноватъ прежде всего планъ, хотя могутъ быть и другія причины, но никакъ не преподаватель. Дѣло въ томъ, что тотъ планъ, который *обязаны* давать преподаватели, вовсе не есть панацея отъ неумѣнья писать. Данный планъ неизбѣжно предполагаетъ въ пишущемъ не просто полное знакомство съ технической стороной писательства, но и обладаніе искусствомъ писательства. Поэтому-то и для неученика, уже нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать по данному плану. Планъ есть великая образовательная сила только тогда, когда онъ выросъ и сложился въ головѣ самого пишущаго, при чемъ бы опытная рука слѣдила и направляла умственный процессъ. И тогда уже только можно позволить писать по такому плану. Безъ такого именно плана ни одинъ педагогъ не заставитъ ученика писать. Но такой планъ можетъ быть полученъ не

прежде, какъ исполнены будутъ извѣстныя подготовительныя и притомъ не отрывочныя работы. Преподавателямъ семинаріи не дано возможности производить такія работы. Вотъ почему намъ думается, что дать планъ безъ подготовительныхъ работъ, какъ-бы ни былъ онъ простъ и ясенъ, это значитъ—поставить критическій вопросъ о томъ, смогутъ-ли и съумѣютъ-ли ученики уложить въ него свои мысли?—выдержать ихъ значеніе, отношеніе и порядокъ? Но вѣдь это будетъ не обученіе, а непрерывное испытаніе, провѣрка того, умѣютъ-ли ученики писать?—И немудрено, что преподаватели постоянно и удостовѣряются, что ученики писать не умѣютъ.

Можно уже догадываться отсюда, что и чтеніе и исправленіе ученическихъ сочиненій не принесетъ той пользы, какую приноситъ оно при другихъ условіяхъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что при господствѣ росписанія, трудъ чтенія и исправленія по необходимости распредѣляется неравномѣрно между преподавателями, при чемъ тоже росписаніе, преимущественно обременяя нѣкоторыхъ преподавателей и тѣмъ придавая имъ какъ-бы большее значеніе въ руководствѣ писательствомъ, нисколько однако не характеризуетъ такимъ преподавателямъ правильность руководства. Но главнымъ образомъ здѣсь нужно имѣть въ виду то, что чтеніе и исправленіе, совершаемое при теперешнихъ условіяхъ, заставляетъ необходимо прилагать къ ученическимъ сочиненіямъ всѣ общеизвѣстныя требованія заразъ,—ибо какъ же разнымъ напримѣръ лицамъ условиться на этотъ счетъ, хотя бы при посредствѣ ничего не говорящей фразы: *по преимуществу*? Но такое отношеніе непремѣнно будетъ погрѣшностію противъ требованій постепенности, не говоря уже о томъ, что оно и прямо предполагаетъ ученическія работы совершенными. При этомъ нельзя ожидать, чтобы и общеизвѣстныя требованія прилагались однообразно, разумѣя однако, что они всегда прилагаются честно. Въ данномъ случаѣ особенно нужно помнить правило, что въ стилѣ сказывается весь человѣкъ,—и значитъ, какъ невозможно ожидать, чтобы всѣ ученическія сочиненія были написаны одинаково, такъ невозможно ожидать и того, чтобы они были и исправлены одинаково разными преподавателями. Что-же ученики вынесутъ для себя поучительнаго изъ такого чтенія и исправленія ихъ письменныхъ работъ?—Не мудрено, что они только баллу и придаютъ важность.

Прочитанныя и исправленныя преподавателями, ученическія сочиненія просматриваются еще ректоромъ. Конечно, за недостаткомъ внутренняго органическаго единства въ цѣлой постановкѣ дѣла, можетъ объединять его механически и ректоръ. Сильно вообще сомнѣваясь, чтобы изъ ректорскаго просмотра ученическихъ сочиненій получалась какая либо польза учениками, мы признаемъ однако, что этотъ просмотръ предупреждаетъ неудовольствія учениковъ на преподавателей, весьма возможныя при настоящей постановкѣ дѣла, равно какъ имѣетъ значеніе и для семинарской отчетности. Но этотъ просмотръ иногда обнаруживаетъ склонность переходить въ руководство и, не имѣя возможности обнаруживаться въ формахъ благовидныхъ, обнаруживается въ весьма неблаговидной — во вторичномъ исправленіи ученическихъ сочиненій. Такимъ образомъ на слой поправокъ преподавательскихъ полагается слой поправокъ ректорскихъ, — и дѣло, и безъ того шаткое, шатается еще болѣе отъ случайнаго умноженія руководителей. Но въ еще худшее положеніе становится дѣло, когда ректоръ, возвеличивая до крайней степени значеніе себя, какъ пункта механическаго объединенія всего руководства ученическимъ писательствомъ, обнаруживаетъ поползновеніе дѣлать поправки въ самыхъ преподавательскихъ поправкахъ. Бывали случаи, что въ педагогическихъ собраніяхъ таковое поползновеніе обращалось въ вопросъ для обсужденія. Худшее здѣсь именно то, что такимъ путемъ получается и формальная росписка въ той безтактности, которая не допускается на классномъ урокѣ.

Наконецъ — оцѣнка ученическаго писательства отдѣльнымъ балломъ по каждому сочиненію и общимъ за цѣлый годъ какъ по каждому предмету, такъ и по всѣмъ, по которымъ назначались письменныя работы. Можно сказать почти навѣрное, что при настоящей постановкѣ писательства баллъ не только не исполняетъ своего прямаго назначенія, но и прямо тянетъ дѣло въ сторону противоположную. Нужно знать, что баллу по письменнымъ упражненіямъ всячески стараются придать значеніе большее, нежели баллу по устнымъ отвѣтамъ. И однако оцѣнка первыхъ балломъ не обставлена тѣми удобствами, какими обставлена оцѣнка вторыхъ и которыя вытекаютъ изъ того соображенія, что баллъ не долженъ быть выводимъ механически. Скажите на милость, гдѣ же тутъ поле для педагогическихъ соображеній, если каждый преподаватель даетъ и читаетъ сочиненіе налетомъ и если который изъ нихъ

имѣетъ одно, два или даже три сочиненія, но особенно одно? Такимъ образомъ баллъ по сочиненію почти не можетъ быть не механическимъ. Но если бы и не такъ, то можно посмотрѣть на него и съ другой стороны. Какъ баллъ отрывочный, а не вытекающій органически изъ всей совокупности письменной работы, онъ располагаетъ учениковъ смотрѣть и на самую работу, какъ на отрывочную, не требующую ни постояннаго и непрерывнаго занятія, ни постепеннаго усовершенствованія. По этому-то и бываетъ, что ученикъ, получивъ удовлетворительный баллъ на одномъ сочиненіи по извѣстному предмету, надъ другимъ сочиненіемъ по тому же предмету не работаетъ. Причина понятна. Онъ можетъ даже не подавать другаго сочиненія совсѣмъ. Точно тоже должно сказать и относительно общаго числа сочиненій. Написавши рядъ удовлетворительныхъ сочиненій, ученикъ вслѣдъ за тѣмъ можетъ писать рядъ неудовлетворительныхъ, какъ это и бываетъ, — даже цѣлую треть общаго числа можетъ совсѣмъ не писать. И съ какою бы строгостію педагогическое собраніе не выводило общій баллъ, все равно—оно рискуетъ нисколько не испугать лѣнивыхъ и нерадивыхъ. Другое дѣло — если бы этотъ баллъ всегда шелъ за ученикомъ по пятамъ и вездѣ былъ видимъ и осязаемъ ученикомъ даже и въ своемъ окончательномъ выводѣ.

Такимъ образомъ ни общая постановка ученическаго писательства въ семинаріяхъ, ни условія его совершенно не благопріятствуютъ успѣху дѣла. Мы не вездѣ указывали связь этихъ постановки и условій съ послѣдствіями, которыми характеризуется теперешнее состояніе семинарскаго писательства, но она, безъ сомнѣнія, ясна. Такимъ образомъ данная сторона учебнаго семинарскаго курса должна быть вполнѣ реформирована. Существомъ дѣла указывается и направленіе этой реформы. Воспитанники должны быть упражняемы въ писательствѣ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, но должны быть упражняемы только тѣми преподавателями, въ занятія которыхъ упражненіе въ писательствѣ входитъ органически. Таковы преподаватели словесности, философскихъ наукъ, къ которымъ и по старинному, и въ соотвѣтствіе съ академическимъ уставомъ слѣдовало бы отнести и логику, и гомилетику. Самое руководство должно быть поставлено вообще внѣ тѣхъ условій, въ которыхъ оно стоитъ теперь,—однимъ словомъ должно быть *свободно* во всѣхъ отношеніяхъ. Для педагогическаго собранія вполнѣ довольно вѣдать только результаты, но

не средства, которыми они достигаются. Но такая постановка неизбѣжно потребуетъ особаго вознагражденія для указанныхъ преподавателей за особый трудъ руководства ученическимъ писательствомъ.

Мы сказали свое слово о дѣлѣ. Пусть другіе скажутъ и лучшее, и сильнѣйшее. Дѣло же во всякомъ случаѣ немаловажное.

Библіографія.

Историкъ Евсевій подъ перомъ французскаго писателя.

Читатели предлежащаго журнала въ началѣ прошлаго, 1880 года, познакомились съ интереснымъ изслѣдованіемъ о церковномъ историкѣ Евсевіи, принадлежащемъ г. Н. Розанову, подъ заглавіемъ: «Евсевій Памфилъ, епископъ Кесаріи Палестинской». Общее сужденіе автора объ Евсевіи, какъ историкѣ, нельзя не находить очень строгимъ и жесткимъ. Авторъ основываетъ свое сужденіе на фактахъ, заимствуемыхъ изъ церковной исторіи Евсевія. Но на основаніи тѣхъ же фактовъ можно составлять и другое мнѣніе о первомъ церковномъ историкѣ, не только болѣе снисходительное и мягкое, но и положительно выгодное для чести Евсевія. Образчикомъ подобнаго сужденія служитъ французское сочиненіе аббата Виктора Эли, о которомъ мы и намѣрены дать отчетъ предъ читателями. Это сочиненіе носитъ такое заглавіе: «Евсевій Кесарійскій, первый историкъ церкви» (Eusèbe de Césarée premier historien de l'église, par Victor Hély, Paris, 1877). Изслѣдованіе г. Розанова и сочиненіе Эли не имѣютъ ничего между собою общаго въ воззрѣніяхъ на Евсевія. Г. Розановъ судитъ объ Евсевіи такъ, какъ будтобы онъ находится въ отношеніяхъ далеко не дружественныхъ къ епископу Кесарійскому, напротивъ Эли говоритъ съ такимъ пафосомъ о томъ же епископѣ, что представляется — какъ будтобы онъ находится въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Евсевію. Трудно раздѣлять воззрѣнія этихъ двухъ авторовъ на Евсевія. Возможно не слѣдовать ни тому, ни другому изъ нихъ, а имѣть свое сужденіе, далекое отъ крайностей, въ какія впадаютъ

эти авторы въ своихъ трудахъ объ Евсевіи. Остается однакожъ въ высшей степени поучительнымъ то явленіе, что объ одномъ и томъ же предметѣ, на основаніи однихъ и тѣхъ же документовъ возможно произносить научныя сужденія не только различныя, но и прямо противоположныя, — тѣмъ болѣе поучительнымъ, что ни тотъ ни другой не преслѣдуетъ никакихъ узкихъ цѣлей (напр. послужить какой нибудь излюбленной теоріи), не искажаютъ фактовъ, на которыхъ они основываются, и оба достигаютъ своихъ результатовъ путемъ критическаго анализа церковной исторіи Евсевія. Главная разница между ними въ степени требовательности въ отношеніи къ Евсевію: русскій изслѣдователь требуетъ очень многаго, а французскій писатель ограничивается въ своихъ требованіяхъ отъ Евсевія очень немногимъ, хотя самъ и не замѣчаетъ этого.

Въ предисловіи къ своему сочиненію Эли старается между прочимъ указать мѣсто, какое по праву долженъ занимать Евсевій въ особенности въ числѣ писателей IV вѣка. Эли говоритъ: послѣ священныхъ писателей Новаго Завѣта Евсевій Кесарійскій есть древнѣйшій историкъ церкви. Писатели въ родѣ Егезиппа, изъ сочиненій которыхъ сохранились только отрывки, не заслуживаютъ имени историковъ. Предшественники Евсевія сдѣлали лишь то, что приготовили для него нѣкоторые матеріалы. Вотъ почему потомство сохранило за нимъ имя *отца церковной исторіи*. Епископъ, богословъ, полемистъ, историкъ, Евсевій является не безъ славы между личностями IV вѣка, который насчитывалъ столько великихъ мужей. Если его нельзя помѣщать въ первомъ рангѣ между Аѳанасіемъ и Златоустовымъ, то по крайней мѣрѣ ему нужно отвести мѣсто непосредственно за ними. Евсевій авторъ безчисленныхъ сочиненій, но «церковная исторія» есть такой трудъ, который приноситъ больше всего чести его имени. Въ концѣ своего предисловія авторъ, Эли, задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: имѣлъ ли Евсевій характеръ, искренность, знаніе, философскій духъ, талантъ, столь необходимые для историка? Его книга, исторія, составляетъ ли такое произведеніе, на которое можно смотрѣть какъ на авторитетъ и которымъ можетъ церковь похваляться (p. 1—2. 7)? Отвѣтъ на эти послѣдніе вопросы и даетъ сочиненіе автора.

О характерѣ Евсевія Эли составляетъ себѣ очень высокое понятіе. Желая быть безпристрастнымъ и критичнымъ, онъ сначала указываетъ мнѣнія, высказанныя различными учеными и служащія

къ невыгодѣ Евсевія, а за тѣмъ излагаетъ свое мнѣніе, отличное отъ сужденій этихъ ученыхъ. Бароній, замѣчаетъ онъ, считаетъ Евсевія человѣкомъ амбиціознымъ, низкимъ ласкателемъ, жестокимъ; въ глазахъ Тильмона Евсевій есть человѣкъ мстительный, амбиціозный и суетный; Мембургъ (авторъ сочиненія объ аріанствѣ) въ глубинѣ сердца Евсевія открываетъ лукавство, слабости, и самолюбіе; герцогъ Броли держится подобныхъ же сужденій объ Евсевіи. Но авторъ не соглашается съ ними и отдаетъ предпочтеніе мнѣнію другихъ писателей объ Евсевіи, какъ Дюпень, Флери и Штейнъ, которые, по воззрѣнію Эли, судятъ болѣе правильно объ Евсевіи. Они правда считаютъ его человѣкомъ непостояннымъ, угодливымъ и политикомъ, но за то они считаютъ его не преслѣдующимъ своихъ интересовъ, очень чистымъ по своимъ нравамъ, большимъ другомъ истины и мира. Любовь къ миру религіозному и политическому — вотъ думаю я, что составляетъ основную черту его характера, замѣчаетъ Эли. Говорятъ, разсуждаетъ Эли, что Евсевій человѣкъ самолюбивый, и однакожъ этотъ эгоистъ постоянно сидитъ согбенный, предаваясь безмѣрному труду, и на предложенія императора, чѣмъ онъ, императоръ, можетъ быть полезенъ ему, Евсевій проситъ одного — книгъ (здѣсь въ послѣднихъ словахъ Эли заключается указаніе на одинъ документъ, который однакожъ считается подложнымъ, о чемъ скажемъ ниже). Если, пишетъ далѣе Эли, любить императора, чувствовать къ нему безграничную преданность, выражать ему свою признательность за тѣ благодѣянія, какія онъ оказалъ церкви послѣ эпохи гоненій, значитъ быть ласкателемъ, то Евсевій былъ ласкатель. Что нужно разумѣть подъ именемъ епископа съ придворными нравами епископа, который всегда преклоняется предъ волею императора для того, чтобы удержать его благосклонность къ себѣ, который такъ сказать поставляетъ царя на мѣсто Бога, который готовъ по малѣйшему мановенію повелителя даже на оступничество. Но Евсевій Кесарійскій былъ совсѣмъ другой природы. Онъ умѣлъ внушить императору уваженіе къ своему епископскому достоинству, умѣлъ заставить—цѣнить свой талантъ, и его длинныя проповѣди императоръ выслушивалъ въ стоячемъ положеніи. Основу духа Евсевія составляли кротость, смиреніе и любовь къ миру. Нельзя спорить съ авторомъ относительно характера Евсевія: Евсевій дѣйствительно не былъ такъ дуренъ въ нравственномъ отношеніи, какъ выставляютъ его недруги, но съ другой стороны должно

замѣтить, что личныя сужденія Эли не отличаются доказательностію: вмѣсто фактовъ онъ прибѣгаетъ къ громкимъ фразамъ. Мудреный вопросъ объ отношеніяхъ Евсевія къ Аѳанасію великому, которыя были болѣе или менѣе враждебны, Эли разрѣшаетъ однимъ взмахомъ своего смѣлаго пера. Эли замѣчаетъ, что Евсевій потому принималъ участіе во враждебныхъ мѣрахъ, какія предпринимались другими епископами противъ Аѳанасія, что Евсевій считалъ епископа Александрійскаго единственнымъ препятствіемъ на пути къ достиженію того церковнаго мира, какого желали и императоръ и самъ Евсевій. Эли впрочемъ вполнѣ соглашается съ тѣмъ, что въ исторіи догматическихъ споровъ IV вѣка Евсевій показалъ себя человѣкомъ неустойчивымъ. Аѳанасій, говоритъ онъ, былъ въ собственномъ смыслѣ богословомъ первой половины IV-го вѣка, Евсевій же не былъ учителемъ достаточно твердымъ въ вопросахъ догмы, но этотъ и другіе недостатки, спѣшитъ оговориться авторъ, ничего не отнимаютъ у Евсевія изъ тѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыя принадлежатъ ему, какъ историку (p. 73—76).

Затѣмъ Эли переходитъ къ общимъ замѣчаніямъ о «церковной исторіи» Евсевія. До Евсевія, говоритъ онъ, Папій, Іустинъ, Климентъ Александрійскій, Діонисій Александрійскій, Оригенъ сообщали въ краткихъ чертахъ, по различнымъ случаямъ, нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, но они не составляли труда спеціальнаго и полнаго. Юлій Африканъ составилъ хронографію, но безъ достаточныхъ подробностей; Егезиппъ написалъ пять книгъ достопамятностей, но безъ всякаго плана. Евсевій первый придалъ порядокъ и гармонію разбросаннымъ документамъ. Онъ первый далъ возможность созерцать какъ въ вѣрномъ зеркалѣ всю жизнь церкви, ея страданія, ея боренія, ея успѣхи, ея тріумфъ. Онъ можетъ съ позволительною гордостію авторовъ оригинальныхъ и начинателей говорить, что онъ составляетъ исторію идя по дорогѣ не проложенной. По сравненію съ другими произведеніями Евсевія (напр. «Евангельское приготовленіе») церковная исторія его замѣчательна тѣмъ, что она не носитъ ни малѣйшаго полемическаго характера. Нигдѣ въ ней онъ не нападаетъ на сторону противную. О еретикахъ онъ говоритъ въ такомъ родѣ, что побуждаетъ читателя изучить ихъ мнѣнія. Говорятъ, что Евсевій во иныхъ случаяхъ любитъ отдѣлываться молчаніемъ. Но его молчаніе имѣетъ, по сужденію Эли, мудрую цѣль. Если онъ совсѣмъ не упоминаетъ о спорѣ аріанскомъ, столь важномъ, то онъ дѣлаетъ потому, что не хотѣлъ воз-

буждать ненависти и озлобленія. Хорошо—разсказывать о какихъ нибудь спорахъ, когда противники уже умерли; такой разсказъ не можетъ тревожить глубокаго мира, царствующаго надъ ихъ гробницами. Но когда противники живы, было бы дѣломъ неблагоразумнымъ выступать съ подобнымъ разсказомъ. Сверхъ того, можетъ быть къ такой скромности побуждалъ историка самъ императоръ. Извѣстно, какъ вседушевно желалъ Константинъ прекращенія религіозныхъ несогласій. Въ Никеѣ онъ сжегъ тѣ грамоты, въ которыхъ епископы жаловались другъ на друга императору. Нужно замѣтить еще, что Евсевій, пиша исторію, предположилъ себѣ цѣль болѣе высокую, чѣмъ повѣствованіе о спорахъ. Онъ хотѣлъ рекомендовать христіанство язычникамъ и возбудить христіанъ къ добродѣтели примѣрами. Язычникамъ онъ показываетъ, что ученіе христіанское не есть новое. Онъ резюмируетъ здѣсь нѣкоторыя наставленія изъ своего сочиненія: евангельское приготовленіе; онъ представляетъ извлеченія изъ апологій. Изъ своей роли историка онъ дѣлаетъ апостольство. Не для однихъ христіанъ онъ говоритъ о вѣчномъ рожденіи Слова и подтверждаетъ свидѣтельствами Іосифа Флавія евангельскіе разсказы. Исторія свѣтская плохая школа нравственности. Поэтому церковная исторія должна преподать уроки добродѣтели. Онъ хочетъ разсказывать только факты весьма полезные и поучительные для современниковъ и потомства (р. 77—79).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ автора нельзя усматривать большой основательности. Такъ нельзя соглашаться съ его мыслію, будто Евсевій излагаетъ ереси въ такомъ родѣ, что побуждаетъ изучить мнѣнія еретиковъ. Евсевій, напротивъ, стремится вселить въ душѣ читателя ненависть и вражду къ ересямъ, представляетъ ихъ явленіемъ мимолетнымъ и случайнымъ, но такой взглядъ способенъ ли возбудить желаніе изучать ереси? Нисколько. Не совсѣмъ вѣрно указывается и причина, почему Евсевій молчитъ о ереси аріанской въ своей исторіи. Евсевій самъ былъ приверженцемъ аріанства, а потому и счелъ неудобнымъ говорить объ этомъ, чтобы не выставить своихъ симпатій и антипатій, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было, какъ пойдутъ дѣла по этому вопросу въ дальнѣйшее время церкви: можно было съ своими симпатіями, ясно высказанными, чувствовать себя послѣ очень неладно. Представляется, наконецъ, недоказаннымъ предположеніе, что Евсевій писалъ свою

исторію, имѣя въ виду не однихъ христіанъ, но и язычество; да и доказать это на основаніи исторіи Евсевія нельзя.

Въ той же главѣ (гл. 1, часть II), гдѣ Эли дѣлаетъ общія замѣчанія объ исторіи Евсевія, онъ старается доказать, что трудъ Евсевія начатъ по внушенію и желанію и по крайней мѣрѣ при содѣйствіи и съ одобренія императора Константина. Въ подтвержденіе такого мнѣнія онъ нѣсколько разъ ссылается на извѣстіе, что будто бы однажды, когда императоръ спросилъ Евсевія, что онъ, Константинъ, могъ бы сдѣлать на пользу Евсевія, послѣдній будто бы отвѣчалъ: что деньги ему не нужны, такъ какъ церковь его богата доходами, но что онъ желаетъ, чтобы императоръ приказалъ сдѣлать изысканія во всѣхъ архивахъ правительственныхъ касательно мучениковъ и судебныхъ процессовъ надъ ними. Но извѣстіе это заимствуется изъ письма Іеронимова, которое учеными считается подложнымъ, во первыхъ потому, что слогъ этого письма Іеронимова отличенъ отъ слога подлинныхъ писемъ этого христіанскаго ученаго, во вторыхъ, потому, что ничего подобнаго ни въ своей церковной исторіи, ни въ сочиненіи «Жизнь Константина» не говоритъ самъ Евсевій (см. подробнѣе у арх. Сергія, Вост. Агіологія, т. I, стр. 44—46). (Hely, p. 79—82).

Послѣ этого Эли обращается къ оцѣнкѣ качествъ церковной исторіи Евсевія. Онъ считаетъ своимъ долгомъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: осуществляетъ ли Евсевій идеалъ историка? Былъ ли онъ достаточно ученъ? Достаточно ли онъ совѣтывался съ документами? Изучилъ ли ихъ съ истинно-критическимъ духомъ, имѣлъ ли онъ умѣнье провѣрять, испытывать и обсуждать свидѣтельства? Какое употребленіе онъ дѣлалъ изъ своихъ открытій? Показываетъ ли себя правдивымъ и безпристрастнымъ? Въ какомъ смыслѣ рѣшаетъ эти вопросы Эли объ этомъ можно догадываться по слѣдующей замѣткѣ, какую дѣлаетъ онъ тотчасъ послѣ вышеуказанныхъ вопросовъ: если о религіозныхъ убѣжденіяхъ Евсевія судятъ такъ и иначе, то всѣ судьи, друзья и недруги его сходятся въ похвалахъ его труду (исторіи), труду удивительному и почти сверхчеловѣческому, его безмѣрной эрудиціи и его таланту (p. 85).

Объ источникахъ, какими пользовался Евсевій, Эли говоритъ слѣдующимъ образомъ: въ интересѣ своего труда этотъ историкъ всюду дѣлалъ изысканія и всюду дѣлалъ открытія. Уже краткій перечень источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія, сви-

дѣтельствуетъ объ его эрудиціи; ихъ важность и ихъ значеніе доказываютъ критическое благоразуміе, которое руководило его выборомъ. Не должно думать, что онъ пользуется своими авторами безъ дальнихъ разсужденій. Въ предисловіи къ седьмой книгѣ Евсевій объявляетъ, что при изложеніи этой книги онъ будетъ слѣдовать только Діонисію Александрійскому; но Діонисій прекрасный руководитель, потому что онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ фактовъ, о какихъ онъ повѣствуетъ. Его письма имѣютъ такую же важность, какую имѣетъ для ознакомленія съ эпохой корреспонденція великихъ людей. Кромѣ того, вмѣсто того, чтобы заимствовать изъ вторыхъ рукъ письмо, какое онъ находитъ въ апологіи Іустина, онъ обращается къ оригиналу. Другимъ источникомъ свѣдѣній послѣ различныхъ сочиненій древнихъ авторовъ и другихъ письменныхъ документовъ было устное преданіе и собственная наблюдательность Евсевія. Эли пишетъ: лишь только Евсевій начинаетъ разсказъ о фактахъ ему современныхъ онъ перестаетъ точно указывать авторовъ, которымъ бы онъ слѣдовалъ. Большая часть разсказовъ изъ книги восьмой и десятой до него дошла путемъ устнаго преданія. Иногда же путешественники знакомили его съ фактомъ. Эти преданія и эти извѣстія не представляютъ высокой степени исторической достовѣрности. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ источникомъ второстепеннымъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ Эли есть небольшая ошибка, свидѣтельствующая, что Эли не совсѣмъ внимательно читалъ исторію Евсевія. Указывая на то, что иное онъ, Евсевій, узнавалъ отъ путешественниковъ, Эли дѣлаетъ ссылку на ту главу церковной исторіи, гдѣ говорится о статуѣ въ честь Спасителя, воздвигнутой кровоточивою во Панеадѣ (Ц. И. VII, 18). Но Евсевій прямо пишетъ (въ этой же главѣ), что статую онъ самъ видѣлъ: «она сохранилась до нашего времени и мы собственными глазами видѣли ее въ бытность нашу въ этомъ городѣ». Безъ сомнѣнія Евсевій тутъ же на мѣстѣ собралъ и преданія о чудодѣйственной силѣ этой статуѣ, о чемъ онъ говоритъ въ томъ же мѣстѣ своей исторіи. Весьма часто, продолжаетъ говорить Эли объ источникахъ, какими пользовался Евсевій,—онъ былъ свидѣтелемъ очевидцемъ. Наказанія, какимъ христіанъ подвергали во время гоненія въ Тирѣ и Антіохіи онъ видѣлъ своими глазами; видѣлъ онъ и то, что происходило съ мучениками египетскими, о чемъ и даетъ отчетъ. Вообще Эли высокаго мнѣнія объ источникахъ историческихъ знаній, какими пользовался въ своей исторіи.

Изъ всѣхъ источниковъ, замѣчаетъ Эли, какъ христіанскихъ такъ нехристіанскихъ, открытыхъ и употребленныхъ въ дѣло въ столь большомъ числѣ Евсевіемъ, большая часть имѣетъ самое высокое историческое значеніе (р. 88. 92. 95).

Нельзя не соглашаться съ воззрѣніями автора на значеніе тѣхъ источниковъ, какими Евсевій пользовался при составленіи своей исторіи, но можно, кажется, требовать отъ перваго церковнаго историка еще большаго круга знакомства съ источниками, чѣмъ какое обнаруживаетъ онъ. Напр. не будетъ притязательнымъ требовать отъ него, чтобы онъ излагалъ ученіе еретиковъ не на основаніи сочиненій полемистовъ, а на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ сочиненій еретиковъ, каковыхъ сочиненій еретики писали много и каковыя достать въ то время безъ сомнѣнія не представляло особенной трудности, чего однако Евсевій не дѣлаетъ. Затѣмъ, теперь всѣмъ, изучавшимъ церковную исторію Евсевія, хорошо извѣстно, что онъ не умѣлъ пользоваться своими личными наблюденіями, почему гоненіе Діоклитіаново, изложенное имъ по собственнымъ наблюденіямъ считается составленнымъ безъ всякой системы и порядка, крайне запутано, такъ что только при помощи другихъ документовъ хоть сколько нибудь удается установить хронологическую послѣдовательность событій, описанныхъ имъ въ исторіи царствованія Діоклитіана. Но объ этомъ Эли ничего не говоритъ.

Послѣ общаго взгляда на источники Евсевія, Эли обращается къ оцѣнкѣ качествъ, какія показываетъ этотъ историкъ въ пользованіи своими источниками. Эли говоритъ: должно хвалить трудъ Евсевія по части приготовленія матеріаловъ для исторіи и изумляться его счастію въ этомъ отношеніи. Онъ имѣлъ подъ руками источники обильные и украшенные великими именами. Но какъ оцѣнивалъ Евсевій эти различные источники? Былъ ли онъ близокъ или далекъ отъ тѣхъ правилъ, какія предписываетъ историку новѣйшая наука? И прежде всего, какъ онъ относился къ элементу чудесному, встрѣчаемому въ источникахъ? Евсевій, замѣчаетъ Эли, показываетъ крайнюю неосторожность, когда дѣло шло о чудесахъ. Правда, онъ разсказываетъ нѣкоторыя изъ нихъ, но немногія, именно объ этомъ безстрастіи мучениковъ среди самаго огня или предъ звѣрями цирка. И могъ ли онъ не разсказать о томъ, что онъ видѣлъ своими глазами на аренѣ въ Тирѣ, когда предавались мукамъ мученики изъ Египта? Не должно ли было для него оста-

ваться фактомъ то невѣроятное безстрастіе св. Поликарпа среди огня на кострѣ, о чемъ засвидѣтельствовала вся церковь. Эли въ особенности хвалитъ Евсевія за то, что онъ пользовался первоисточниками, избѣгая пособій второстепенныхъ. Евсевій очень рѣдко пользовался, говоритъ авторъ, документами, имѣющими второстепенное значеніе или взятыми изъ вторыхъ рукъ. Быть можетъ въ Кесарійской библіотекѣ находились сборники историческаго содержанія, но неизвѣстно никакого примѣра, изъ котораго бы было видно, что Евсевій употреблялъ ихъ въ дѣло. Но еще больше значенія имѣетъ то, что Евсевій прежде чѣмъ употребить въ дѣло источникъ старался дать себѣ отчетъ: какого достоинства источникъ? Весьма легко утверждать, замѣчаетъ Эли, съ какою заботливостію, иногда преувеличенною, старался онъ увѣриться въ *подлинности* своихъ документовъ, въ ихъ *неповрежденности*; въ ихъ *истинности* или достовѣрности, словомъ, во всѣхъ тѣхъ качествахъ, какія только и могутъ гарантировать историческое значеніе документовъ.—Изысканія относительно подлинности извѣстнаго сочиненія, по правиламъ новѣйшей критики, должны состоять въ разрѣшеніи вопроса: принадлежитъ ли сочиненіе тому времени, мѣсту и лицу, къ какому его обыкновеоно относятъ? Евсевій такъ именно и поступаетъ. Такъ относительно апологіи Кадрата, представленной императору Адріану, Евсевій утверждаетъ, что рѣчь эта, списки съ которой распространены были между христіанами, должна быть признана древнею, потому что она заключаетъ въ себѣ такое выраженіе: «тѣ, кои изцѣлены или воскрешены Спасителемъ не всѣ еще умерли». Вотъ, по Евсевію, доказательство, что писатель жилъ при Адріанѣ, какъ показываетъ надписаніе апологіи. Евсевій хвалитъ Климента Александрійскаго за то, что онъ далъ ему полезныя указанія для исторіи, и говоритъ о немъ, что онъ былъ ближайшимъ преемникомъ лицъ, которыя въ свою очередь были преемниками апостоловъ. Онъ установляетъ дату посланія Діонисія Александрійскаго, по тексту посланія, гдѣ читаются такія слова: «императоръ Галліенъ уже царствуетъ девятый годъ». По одному мѣсту изъ Егезиппа, въ которомъ этотъ путешественникъ говоритъ, что онъ видѣлъ храмы, воздвигнутые въ честь Антиноя, Евсевій заключаетъ, что сказатель прибылъ въ Римъ не прежде царствованія Адріана, при которомъ произошла апоѳеоза Антиноя. Упоминаніе объ Антиноѣ, какъ явленіи недавнемъ въ апологіи Іустина даетъ Евсевію право указать время происхож-

денія этой апологіи. Для того, чтобы увѣриться съ какою замѣчательною заботливостію Евсевій относится къ вопросу о времени происхожденія даннаго сочиненія и какую цѣну онъ придаетъ подобному изслѣдованію, для этого достаточно прочесть 27 главу V-й его книги. Здѣсь онъ упоминаетъ нѣсколько сочиненій и при этомъ не дѣлаетъ никакихъ извлеченій изъ нихъ. Почему? Единственно потому, что онъ не знаетъ времени ихъ происхожденія и никакой признакъ не могъ ему разъяснить этого вопроса. Для того, чтобы опредѣлить, кто былъ авторомъ того или другаго сочиненія, онъ то изучаетъ внутренніе признаки сочиненія, то внѣшнія свидѣтельства о немъ. Такъ онъ доказываетъ, что такъ называемыя Евангелія Петра, Ѳомы, Іоанна (другое сочиненіе помимо евангелія каноническаго) и Андрея не произошла отъ этихъ апостоловъ, на основаніи троякаго рода причинъ: во первыхъ, ни одинъ преемникъ апостоловъ не дѣлаетъ упоминанія о нихъ, во вторыхъ, стиль ихъ далекъ отъ простоты стиля апостольскаго; въ третьихъ, въ нихъ встрѣчается ученіе ложное, что указываетъ, что они произошли отъ руки еретической. Напротивъ, подлинность посланія Климента Римскаго къ Коринѳянамъ, Евсевій доказываетъ какъ на основаніи внутреннихъ признаковъ, поскольку они извлекаются изъ свойствъ стиля посланія, такъ и на основаніи двухъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, именно, что это посланіе читалось во всѣхъ церквахъ, и что извѣстное возстаніе, о которомъ дѣлаетъ упоминаніе Климентъ, разсказано Егезиппомъ. Для того, чтобы доказать подлинность книгъ Св. Писанія, онъ обращается за основаніями для этого къ исторіи. Онъ сравниваетъ свидѣтельство Іосифа Флавія, Оригена, Мелитона. Относительно Новаго Завѣта онъ старательно собираетъ и подвергаетъ оцѣнкѣ мнѣнія всѣхъ древнихъ. Въ духѣ безпристрастія онъ приводитъ разсужденіе Діонисія Александрійскаго противъ подлинности Апокалипсиса. Онъ относитъ къ разряду книгъ спорныхъ: посланіе апостола Іакова, посланіе апостола Іуды, второе Петрово, второе и третье Іоанново. Онъ называетъ подложными (νόθοι): Дѣянія Павла, книгу Пастырь, откровеніе Петра, посланіе Варнавы, апостольскія постановленія, Апокалипсисъ, евангеліе отъ Евреевъ. Онъ отвергаетъ второе посланіе Климента Римскаго, потому что изъ древнихъ никто не дѣлаетъ о немъ упоминанія. Такая строгость, которая пожалуй можетъ показаться излишнею, не внушаетъ ли—спрашиваетъ Эли, полнѣйшаго довѣрія къ сужденіямъ Евсевія? Могутъ впрочемъ ска-

зать, что Евсевій считалъ за подлинныя такія сочиненія, которыя отвергаются въ наше время, напр. онъ считаетъ подлинными посланія Игнатія Богоносца, но Эли просто разрѣшаетъ этотъ вопросъ,—но подозрѣвающіе подлинность этихъ посланій вѣдь протестанты. Какъ искусный и благоразумный ювелиръ, замѣчаетъ Эли, Евсевій прибѣгаетъ къ пробному камню: въ качествѣ истиннаго историка онъ относительно каждаго сочиненія допытывается, кѣмъ именно оно писано (р. 96. 99—104).

Недостаточно знать: подлинно-ли сочиненіе; нужно еще опредѣлить: дошло-ли оно до насъ *неповрежденнымъ*, продолжаетъ разсуждать Эли. Евсевій очень хорошо знаетъ, что сочинители не могли быть гарантированы со стороны послѣдующихъ списателей ихъ сочиненій. Онъ приводитъ укоризны Діонисія Коринѳскаго противъ «апостоловъ діавола», которые дерзнули искажать его сочиненія и нападали даже на самое Св. Писаніе. Онъ цитуетъ также слова неизвѣстнаго писателя противъ такихъ злоумышленниковъ, которые считали себя болѣе мудрыми, чѣмъ Духъ Святый, извращали Св. Писаніе, и эти извращенные списки во множествѣ пускали въ публику. Онъ приводитъ свидѣтельство Іосифа о неповрежденности двадцати двухъ книгъ Ветхаго Завѣта. Наконецъ, онъ упоминаетъ о томъ вниманіи, съ какимъ Ириней хотѣлъ предотвратить порчу своихъ сочиненій, прибавляя къ нимъ слѣдующую торжественную формулу: «заклинаю тебя, именемъ Господа нашего І. Христа и его славнаго пришествія, когда перепишешь эту книгу, то провѣрь эту копію съ оригиналомъ и старательно исправь ошибки. Я хочу даже, чтобы ты это заклинаніе переписалъ въ свой списокъ». Это почти тѣ же слова, какими кончается Апокалипсисъ, замѣчаетъ Эли. Эти слова научаютъ насъ съ какой заботливостію древніе относились къ сочиненіямъ. Евсевій цитируя слова, похваляя и удивляясь имъ, тѣмъ самымъ даетъ видѣть, что онъ также опасался фальсификаторовъ и принималъ противъ нихъ мѣры осторожности (р. 105).—Третье существенное качество, которое мы требуемъ отъ историческихъ документовъ, говоритъ Эли: это *достовѣрность*. Критика должна оцѣнивать нравственный авторитетъ писателя и степень довѣрія, какого онъ заслуживаетъ. Имѣлъ ли данный авторъ возможность провѣрить то, что онъ разсказываетъ? Не противорѣчитъ ли онъ другимъ свидѣтельствамъ? Не выдаетъ ли онъ себя какъ свидѣтеля недостовѣрнаго, чрезъ какую либо матеріальную ошибку? Евсевій, по мнѣнію Эли,

не выпускаетъ изъ вниманія и эти вопросы. Если Евсевій, разсуждаетъ авторъ, вѣритъ св. Лукѣ, то не потому только, что онъ писатель священный, Евангелистъ и человѣкъ Боговдохновенный, но потому, что онъ передаетъ факты, тщательно провѣривъ ихъ, черпаетъ изъ источниковъ правдивыхъ или же свидѣтелемъ фактовъ былъ онъ самъ. Недостаточно быть человѣкомъ вѣрующимъ и православнымъ, чтобы Евсевій считалъ писателя съ такими качествами свидѣтелемъ достовѣрнымъ. Правда, онъ вѣритъ Иринею, потому что Ириней былъ писателемъ православнымъ. Но онъ вѣритъ и іудею Филону, потому что этотъ писатель заявилъ, что онъ будетъ говорить истину. Впрочемъ подобное довѣріе не заходитъ у Евсевія за предѣлы благоразумія. Древніе, напримѣръ, съ довѣріемъ относились къ Папію, по причинѣ древности эпохи, въ какую онъ жилъ. Но Евсевій не одобряетъ его. Евсевій отвергалъ «Акты Пилатовы», но не потому только, что они заключали хулу противъ Спасителя, но потому, что они исполнены были хронологическихъ ошибокъ. Притомъ же онъ узналъ, что эти акты были искажены врагами христіанъ въ гоненіе Максимина. Вообще, Эли самаго высокаго мнѣнія объ отношеніяхъ Евсевія къ своимъ источникамъ. Жажда изучать исторію непремѣнно по источникамъ, по сужденію Эли, составляетъ характеристическую черту Евсевія. Онъ такъ говоритъ объ этомъ: христіанскій историкъ стремится давать себѣ отчетъ, хочетъ знать, откуда возникаетъ этотъ слухъ, этотъ разсказъ, это преданіе; онъ хочетъ видѣть, какъ истина вытекаетъ изъ своего источника. Какъ елень Псалмопѣвца, онъ томимъ жаждою источниковъ. Онъ говоритъ и о томъ, откуда черпаетъ свѣдѣнія самъ онъ, и откуда писатели, какимъ онъ слѣдуетъ (р. 106—7).

По нашему мнѣнію, разсужденія Эли относительно изысканій Евсевія о подлинности, неповрежденности и достовѣрности источниковъ представляютъ собой лучшую часть книги этого автора. Напрасно Эли не сдѣлалъ одного важнаго замѣчанія, безъ котораго его разсужденія по указанному вопросу кажутся нѣсколько преувеличенными. Ему нужно было сказать, что Евсевій не всегда и не строго примѣняетъ свои научныя требованія въ отношеніи къ источникамъ. Евсевій не поставляетъ себѣ правиломъ всегда допрашивать себя о подлинности, неповрежденности и достовѣрности источниковъ: иногда онъ это дѣлаетъ, а иногда, и большею частію, не дѣлаетъ. Вопросы о подлинности и проч. являются у

него совершенно случайно. Если эти вопросы легко разрѣшить при помощи источниковъ, онъ о нихъ говоритъ, а если нелегко онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ. Вообще критика источниковъ у Евсевія не болѣе какъ еще въ зародышѣ. Замѣчанія Эли, что Евсевій будто бы ко всякому источнику и всегда относится критично, что онъ никогда не принимаетъ на вѣру ни одного разсказа, ни одного преданія, далеки отъ истины.

Цѣлыхъ двѣ главы Эли посвящаетъ вопросу объ ошибкахъ, какія приписываются Евсевію, какъ историку. Разсмотрѣніе этого вопроса, за нѣкоторыми неважными исключеніями, приводитъ авторъ къ тому, что винить Евсевія въ такихъ ошибкахъ нельзя, мало этого, авторъ самое разсмотрѣніе ошибокъ Евсевія обращаетъ въ похвалу этому историку. Эли разсуждаетъ: есть два рода ошибокъ: одинъ формальный (?), а другой чисто матеріальный (?). Первый выражается во лжи, составляющей прямую вину, а второй—только въ невинной ошибкѣ. За первый осуждаютъ какъ за порокъ, а для втораго всегда готовы всякія извиненія, такъ какъ извѣстно, что человѣкъ слабъ и немощенъ. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ: можно ли находить у Евсевія эти два рода ошибокъ.

Разсуждая о первомъ родѣ ошибокъ, какъ онъ называетъ его, формальномъ, Эли говоритъ: я не знаю, чтобъ Евсевія можно было уличить во лжи и искаженіи текста источниковъ. Чтобы не говорили его враги о его поведеніи на соборѣ Никейскомъ, въ исторіи онъ правдивъ и искренень. Лучшимъ доказательствомъ этой правдивости служитъ заботливость, съ какой онъ цитируетъ свой источникъ. Еслибы въ его намѣреніе входило обманывать, онъ не сталъ бы самъ же и помогать уличить себя во лжи. Евсевій точно цитируетъ писателей, какими онъ пользовался, какъ объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать сравненіе его текста съ текстомъ этихъ писателей, если они дошли до насъ, а это приводитъ къ мысли, что онъ точенъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣемъ возможности провѣрить его за потерею сочиненій, какія были извѣстны въ его время и не сохранились до насъ. Должно однакожъ сознаться, заявляетъ Эли, что Евсевій не всегда говоритъ истину, онъ прибѣгаетъ къ умолчанію объ истинѣ. Это его главный недостатокъ. Онъ по произволу въ исторіи разсказываетъ не тѣ факты, которые ближе всего относятся къ предмету повѣствованія, а которые служатъ цѣли назиданія. Даже изъ смутной исторіи жизни Константина онъ хочетъ извлечь мораль. Въ своей

церковной исторіи Евсевій намѣренно умалчиваетъ о тѣхъ раздорахъ и несогласіяхъ, какія имѣли мѣсто въ средѣ епископовъ, о смутахъ производимыхъ ересями, о отступникахъ во время гоненій; онъ прямо не разъ сознается, что объ этомъ говорить онъ не станетъ. Эли однакожъ старается оправдать Евсевія въ этомъ случаѣ тѣмъ, что Евсевій не хотѣлъ шокировать современниковъ и что, если долгъ историка и налагалъ на него обязанность разсказывать о дѣлахъ безпристрастно, то это еще не значитъ, чтобъ историкъ разсказывалъ обо всемъ, — и о неприличномъ, и безполезномъ, и вредномъ, не скрывая ничего отъ глазъ читателя. Затѣмъ Эли предлагаетъ себѣ вопросъ: не писалъ ли Евсевій свою исторію подъ вліяніемъ пристрастія къ своей религіи и своимъ единовѣрнымъ? Здѣсь Эли разбираетъ нѣсколько фактовъ, въ которыхъ усматриваютъ излишнее пристрастіе къ той религіи, какую онъ исповѣдуетъ и тому обществу, къ какому онъ принадлежалъ. Такъ ему ставятъ въ упрекъ, что онъ исказилъ свидѣтельство Іосифа о Христѣ (кн. 1, гл. II), гдѣ онъ изображаетъ этого писателя вѣрующимъ въ Божественное достоинство Іисуса. Эли находитъ, что Евсевій былъ правъ, но доказательства его слабы. Евсевію ставятъ въ вину, что онъ слишкомъ хвалитъ христіанъ, безъ сомнѣнія потому, что онъ былъ пристрастенъ къ своимъ единовѣрнымъ. Эту вину Эли снимаетъ съ Евсевія, замѣчая, что еслибы Евсевій дѣйствительно былъ пристрастенъ въ указанномъ отношеніи, что онъ не сталъ бы дѣлать указаній по мѣстамъ въ своей исторіи о худыхъ нравахъ христіанъ, о завистн между ними, лицемѣріи, спорахъ и раздорахъ между епископами. Въ укоръ Евсевію ставятъ то, что онъ восхвалилъ Константина паче надлежащаго въ сочиненіи: «Жизнь Константина». Съ этимъ Эли не можетъ не соглашаться. Онъ прямо замѣчаетъ, если гдѣ, то въ особенности въ этомъ сочиненіи Евсевій является писателемъ пристрастнымъ. Эли рисуетъ предъ читателемъ два портрета Константина: одинъ по извѣстіямъ Евсевія, другой по извѣстіямъ языческаго писателя Зосимы. Между этими портретами нѣтъ ни малѣйшаго сходства. По Евсевію, Константинъ человѣкъ святый по жизни, великій по своимъ дѣламъ, боговидецъ, а по Зосимѣ — человѣкъ лицемѣрный, суевѣрный, сластолюбивый, жестокій. Спрашивается: кому же вѣрить, Евсевію или Зосимѣ? Этотъ вопросъ предлагаетъ себѣ и Эли и въ отвѣтъ на него замѣчаетъ: слѣдовало бы вѣрить тому, что худаго разсказываетъ о Константинѣ его панегиристъ

Евсевій, и тому, что хорошаго разсказываетъ о немъ его порицатель Зосима. Это былъ бы, по мнѣнію Эли, вѣрный путь къ дознанію истины, но, сознается онъ, такой путь неудобенъ въ настоящемъ случаѣ, потому что исторія этого императора вышла бы черезъ-чуръ коротка и онъ не получилъ бы тѣхъ похвалъ и порицаній, какихъ онъ заслуживаетъ. По сужденію Эли, правильный взглядъ на Константина состоитъ въ томъ, что хотя Константинъ и былъ человѣкомъ теплаго сердца, но суетнымъ (à l'esprit vaste), и хотя онъ и получилъ надлежащее воспитаніе про дворѣ Діоклитіана, но остался полуварваромъ. Вообще, по мнѣнію его, Константинъ очень походитъ на французскаго короля Кловиса, который былъ мужественъ и религіозенъ, но только до той поры, когда дикія страсти не брали въ немъ верха. Мнѣніе Эли о Константинѣ не заслуживаетъ опроверженія, потому, что неизвѣстно на что оно опирается. Для Эли во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что Евсевій слишкомъ польстилъ Константину, но и здѣсь онъ пріискиваетъ различныя оправданія для историка (р. 114—123).

Рѣчи Эли о матеріальныхъ ошибкахъ Евсевія передадимъ возможно кратко. Къ подобнымъ ошибкамъ онъ относитъ тѣ случаи, когда Евсевій опускаетъ что либо при передачѣ текста, когда прибавляетъ что-либо или когда измѣняетъ. Это ошибки случайныя, а не намѣренныя. Самъ Эли указываетъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ подобнаго рода у Евсевія, и еще больше заставляетъ указывать писателей: Кузена, Кестнера, Штейна, Мансо, Скалигера, Баронія. Приводя ошибки, указанныя этими послѣдними писателями, Эли однако жъ ничего не говоритъ; раздѣляетъ ли онъ самъ воззрѣнія этихъ писателей на Евсевія въ данномъ случаѣ или нѣтъ. Изъ всѣхъ этихъ ошибокъ Эли почему-то останавливается на двухъ; Евсевію многіе ставятъ въ упрекъ, что онъ по некритичности принялъ мнимую переписку Христа съ Авгаремъ за подлинную, и еще нѣкоторые немногіе западные писатели (католики) считаютъ невѣрнымъ сказаніе Евсевія о крещеніи Константина въ Никомидіи предъ смертію, утверждая, что онъ еще прежде Никейскаго собора былъ крещенъ въ Римѣ папою. Отъ перваго упрека Эли хочетъ защитить Евсевія, а по поводу крещенія Константина говоритъ нерѣшительно. Что касается защиты Евсевія по поводу переписки Христа съ Авгаремъ, то Эли очень искусно опровергаетъ тѣ возраженія, какія дѣлаются въ наукѣ противъ подлинности этой переписки, хотя нужно сказать, что онъ далеко

не исчерпываетъ всѣхъ возраженій, какія извѣстны въ наукѣ по этому поводу. Да и вообще защищать подлинность этой переписки трудъ чуть-ли не напрасный. О крещеніи Константина Эли говоритъ довольно обстоятельно; онъ собираетъ аргументы и въ пользу крещенія Константина въ Римѣ и въ пользу крещенія его въ Никомидіи, приводитъ даже мнѣніе, что императоръ могъ быть крещенъ дважды: разъ въ Римѣ, а другой разъ въ Никомидіи, по кознямъ аріанъ. Но всѣ эти разсужденія представляются излишними, такъ какъ доказательствъ крещенія Константина въ Римѣ, доказательствъ солидныхъ, взятыхъ изъ сочиненій современныхъ, — рѣшительно нѣтъ. Есть только доказательства сомнительныя (р. 127—141).

Въ заключительной главѣ своего сочиненія Эли проводитъ любопытную параллель между первымъ свѣтскимъ историкомъ Геродотомъ и первымъ церковнымъ историкомъ церковнымъ Евсевіемъ. Эли безъ всякаго затрудненія отдаетъ пальму первенства Евсевію предъ Геродотомъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ говоритъ: незадолго до Геродота появились писатели, которыхъ Ѳукидитъ называетъ логографами. Они начали писать сочиненія представляющія средину между эпической поэзіей и истинной исторіей. Отъ этихъ логографовъ значительно отличается Геродотъ, потому что его взглядъ былъ шире, исторія его обнимала не одинъ, а нѣсколько народовъ, имѣла болѣе опредѣленности въ планѣ и цѣли. Но все-таки, замѣчаетъ Эли, между логографами и Геродотомъ меньше различія, чѣмъ между Геродотомъ и Евсевіемъ. Геродотъ не имѣлъ другаго средства изучить исторію, какъ обращаясь за разсказами къ тѣмъ самымъ народамъ, исторію которыхъ онъ изучалъ. Вслѣдствіе этого онъ вноситъ въ свой трудъ много преданій, разсказовъ о чудесномъ, довольно легкомысленныхъ. Ничего такого нѣтъ у Евсевія. Онъ строгъ и критиченъ въ своихъ разсказахъ, и если говоритъ о чудесахъ, то предоставляетъ это сужденію читателя. Далѣе, Геродотъ и Евсевій разсказываютъ исторію великой борьбы. Геродотъ разсказываетъ борьбу Европы противъ Азіи, Греціи противъ Персіи, греческихъ республикъ противъ ихъ тирановъ; Евсевій же борьбу церкви противъ язычества и еретиковъ. Между причинами войны Геродотъ указываетъ похищенія царевенъ европейскихъ и азіатскихъ, несправедливость свойственную сердцу человѣческому, а также волю высшую, которая наказываетъ преступленіе и порокъ, которая, по его мнѣнію, унижаетъ и возвышаетъ царства. Не отрицая присутствія духа философскаго въ этихъ объясненіяхъ Ге-

родота, Эли однакожъ находитъ исторію Евсевія много превосходнѣе исторіи Геродота. По Евсевію Провидѣніе всегда зритъ съ выси небесъ на язычниковъ и христіанъ; оно наказываетъ тирановъ и укрѣпляетъ Константина; вообще сюжетъ Геродота не столь возвышенъ, какъ у Евсевія: у перваго онъ не имѣетъ ни такого интереса, ни такого разнообразія. Сочиненіе Евсевія притомъ же развивается какъ драма съ извѣстными перипетіями и катастрофами, какъ драма съ счастливой развязкой. Очевидно авторъ (Евсевій) имѣлъ въ виду гармоническое единство труда. Въ одномъ Эли отдаетъ предпочтеніе Геродоту предъ Евсевіемъ — въ стилѣ. (р. 245—249).

Намъ думается, что на подобную попытку сравнивать Геродота и Евсевія нужно смотрѣть какъ на простой курьезъ. Можно ли серьезно ихъ сравнивать между собой, когда и міросозерцаніе ихъ различно, и предметы повѣствованія не имѣютъ ничего общаго?

На послѣднихъ страницахъ книги Эли хочетъ опредѣлить, какое значеніе долженъ имѣть въ настоящее время Евсевій. Слова Эли постараемся привести буквально. Не буду сравнивать Евсевія, говоритъ онъ, съ его непосредственными продолжателями, Сократомъ, Созоменомъ и Ѳеодоритомъ, для которыхъ онъ проложилъ дорогу, ни съ Никифоромъ, который всецѣло воспроизводитъ Евсевія, ни съ Бароніемъ, который нападаетъ на него, ни съ новѣйшими историками. Въ настоящее время исторія сдѣлала успѣхи относительно знанія, критики, искусства, философіи. Но что такое знаніе? Это само время, которое всегда обогащаетъ знаніе. Критика съ своей стороны, накопляя противоположные аргументы, умножила сомнѣнія и выставила неразрѣшимыя проблемы. Философія (исторіи) совсѣмъ не поднялась надъ той высотой, на какую ее поставилъ Евсевій. И искусство съ его перемѣнчивыми капризами также не достигло высокаго совершенства. Вотъ — историкъ, у котораго прекрасный языкъ, но онъ раздѣляетъ факты на категорію съ различными ярлыками, какъ товары не одинаковаго рода. Здѣсь у него сраженія, тамъ изящныя искусства, но дальше анекдоты. Вотъ еще историкъ, онъ любитъ цитировать документы и источники, онъ ученъ, но онъ ниглижируетъ о стилѣ. Одинъ, желая составить сочиненіе оригинальное, опускаетъ документы, какъ архитекторъ уничтожаетъ подмостки. Онъ удивляетъ своимъ талантомъ, но за то заставляетъ съизнова работать читателя, желающаго знать источники. Другой — точный компиляторъ, но совсѣмъ лишенъ

вкуса. Вотъ школа описательная, а вотъ и школа матеріалистическая.... Словомъ, сравненіе никогда не будетъ къ невыгодѣ для Евсевія; и даже больше, новѣйшій историкъ, что касается точности и философіи, можетъ еще брать уроки у «отца церковной исторіи» (р. 252—253).

Если принимать эти слова въ ихъ истинномъ смыслѣ безъ всякихъ ограниченій, то въ нихъ можно находить самый безпощадный приговоръ надъ современной церковно-исторической наукой, рѣшительное отрицаніе ея.

А. Л.

Журнальное обозрѣніе.

Творенія святыхъ отцевъ въ Русскомъ переводѣ, издаваемыя при Моск. дух. акад. 1880 г. кн. IV. Православный Собесѣдникъ. Труды Кіевской дух. акад. Православное Обозрѣніе. Душеполезное Чтеніе. Христіанское Чтеніе. Странникъ. Русская Старина.

Въ «*прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ*». Въ 4-мъ выпускѣ находимъ продолженіе евангельской исторіи изъ чтеній А. В. Горскаго. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены лекціи, содержащія обзоръ евангельскихъ событій отъ воскрешенія дочери Іаира и кончая совѣщаніемъ синедріона противъ І. Христа по поводу воскрешенія Лазаря. Здѣсь, какъ и въ предшествующихъ чтеніяхъ, авторъ находитъ въ евангельскихъ событіяхъ нѣкоторыя, столь тонкія черты и новыя стороны, что онѣ могутъ быть замѣчены только такимъ наблюдателемъ, какъ А. В. Горскій, а для другихъ остаются неуловимыми. Какъ прежде, такъ и теперь мы будемъ обозрѣвать лекціи А. В. только въ этомъ отношеніи, не касаясь пересказа евангельскихъ событій и обыкновеннаго экзегетическаго истолкованія ихъ.—По поводу воскрешенія дочери Іаира авторъ замѣчаетъ то обстоятельство, что Христосъ объ этомъ чудѣ повелѣлъ умолчать, тогда какъ немного ранѣе исцѣленіе кровоточивой

Онъ возвѣстилъ публично, и когда исцѣлилъ на другой сторонѣ озера Геннисаретскаго бѣсноватыхъ, то Самъ велѣлъ о Себѣ проповѣдать. Это объясняется изъ частныхъ временныхъ обстоятельствъ: цѣль молчанія заключалась въ опасности со стороны фарисеевъ и безразсудныхъ движеній народа, а публично возвѣщаетъ Христосъ о совершенныхъ чудесахъ, примѣняясь къ частнымъ нуждамъ людей,—такъ напр. Онъ возвѣстилъ объ исцѣленіи кровоточивой для того, чтобы укрѣпить вѣру Іаира. Съ другой стороны, все это безъ сомнѣнія могло быть полезно для апостоловъ; изъ этого они сами могли научиться, какъ они должны примѣняться къ людямъ, среди которыхъ они будутъ дѣйствовать Господь видѣлъ нужду познакомить апостоловъ съ обязанностями и трудностями ихъ служенія. Признаемся, насъ нѣсколько смущалъ строгій отвѣтъ Христа хананеянкѣ, просившей объ исцѣленіи дочери. Слова А. В. самымъ простымъ образомъ уничтожаютъ это смущеніе: «хотя слова (Христа хананеянкѣ) кажутся такъ суровыми, но женщина, конечно, могла примѣтить любовь въ самомъ тонѣ, съ какимъ сдѣланъ отказъ; почему она не отступилась, но сознавъ себя въ смиреніи дѣйствительно недостойною одинаковыхъ правъ съ чадами въ царствѣ Мессіи, просила себѣ мѣста не за трапезою вмѣстѣ съ Нимъ въ Его царствѣ, но только крупицъ«. Въ судьбѣ пророка Иліи А. В. находитъ пророчество о судьбѣ Іоанна. Ахаавъ и Іезавель съ одной стороны, а съ другой стороны—Иродъ и Иродіада соотвѣтствуютъ другъ другу въ гоненіи на пророковъ Божіихъ. То что не успѣли совершить первые надъ Иліею, то исполнили съ Іоанномъ послѣдніе. И изображеніе Ирода (Мр. 6, 20) идетъ къ характеру Ахаава.—По поводу исторіи посѣщенія Христомъ Іерусалима на праздникъ кущей А. В. замѣчаетъ разительную разницу въ отношеніяхъ народа ко Христу внѣ Іерусалима и въ Іерусалимѣ, объясняя это вліяніемъ главнаго правительственнаго мѣста на мнѣнія народа, какъ и вообще жизнь въ большихъ городахъ располагаетъ болѣе къ эгоизму, чѣмъ къ чистотѣ души и твердости убѣжденій. Въ Іерусалимѣ происходило странное смѣшеніе понятій объ Іисусѣ и даже борьба мнѣній: иначе напр. судили о Немъ благомыслящіе пришельцы галилейскіе, иначе жители Іерусалима, иначе личные враги Его, явно здѣсь возставшіе противъ Него. Такъ рисуетъ А. В. возбужденіе въ Іерусалимѣ, произведенное воскрешеніемъ Лазаря: «страсти начальниковъ іудейскихъ были раздражены въ высшей степени. Приближалось время многолюднаго

собранія народа въ Іерусалимъ—Пасха. Думали, что слухъ о воскресеніи Лазаря, который всякій могъ провѣрить по близости Виѳаніи отъ Іерусалима, возбудитъ весь народъ въ пользу Іисуса. А того не хотѣли разсудить, что если Лазарь дѣйствительно воскрешенъ Іисусомъ, то надлежало признать въ Іисусѣ Божественнаго Посланника. Итакъ въ Іерусалимѣ это событіе заняло все вниманіе членовъ синедріона. Назначили собраніе. Страсти умѣли тутъ прикрыть благовидною личиною. Сколько кто ни пороченъ, но никогда не хочетъ казаться порочнымъ въ глазахъ другихъ. А фарисеямъ, главной сторонѣ въ синедріонѣ, не было неизвѣстно искусство разыгрывать роль святыхъ людей и радѣющихъ о пользѣ народа».

«Очерки исторіи церковной исторіографіи въ протестантской Германіи» (продолженіе). Въ настоящемъ выпускѣ характеризуются направленія германскихъ ученыхъ: Землера, Планка и Гэнке. Общее и всѣ у нихъ то, что они въ происхожденіи христіанства видятъ обыкновенное, естественное, а не чрезвычайное явленіе,—явленія же историческія они стараются объяснить изъ такихъ причинъ, которыя отыскиваютъ въ историческихъ дѣятеляхъ, въ ихъ личныхъ мотивахъ и наклонностяхъ. Землеръ настаиваетъ на необходимости коренной перестройки въ церковной исторіографіи: онъ весьма низко цѣнитъ заслуги отцевъ и учителей церкви; повсюду въ исторіи церкви онъ видитъ лишь возрастаніе невѣжества и суевѣрій, а такъ какъ въ церкви съ первыхъ временъ утвердилась неизмѣняемость системы ученія и дисциплины, то Землерова полемика противъ неистинныхъ представленій о церкви и ея исторіи съ особенною силою накидывается на первый періодъ исторіи церкви. Землеръ составляетъ собственное понятіе о сущности христіанства и съ этой измышленной имъ точки зрѣнія разсматриваетъ самую исторію христіанства. Онъ думаетъ, что содержимое въ новозавѣтныхъ писаніяхъ ученіе Христа и апостоловъ не есть вѣчное и неизмѣнное, но что Христосъ далъ право каждому индивидууму касательно вѣры мыслить сообразно съ его субъективными наклонностями. Во всей же массѣ церковно-историческихъ явленій онъ видитъ ничто иное, какъ безплодную попытку придать характеръ неизмѣняемости тому, что по своей природѣ свободно и измѣняемо.

Планкъ также видитъ во Христѣ обыкновенную человѣческую личность, достовѣрности воскресенія не допускаетъ: «друзья и

приверженцы Его (Христа) пришли къ твердому убѣжденію, что Христосъ воскресенъ отъ Бога и перешелъ къ высшему небесному состоянію..... теперь Онъ сдѣлался для нихъ предметомъ религіознаго поклоненія». Эта странная вѣра въ мнимое воскресеніе и разныя внѣшнія обстоятельства, думаетъ Планкъ, и воодушевили учениковъ къ могучей проповѣди. Не много отличается отъ этихъ двухъ раціоналистовъ и Гэнке. Ученіе Христа онъ считаетъ улучшеннымъ іудействомъ: «все, что было разумнаго и нравственнаго въ ученіи іудейства, это и составляло сущность проповѣди Христа. Онъ только очистилъ іудейскую религію отъ всякихъ примѣсей и наростовъ». Успѣхъ проповѣди Христа Гэнке объясняетъ высотою и разумностію идей и личности Проповѣдника. На дальнѣйшую исторію церкви Гэнке смотритъ такъ, что она представляетъ собою путь уклоненій отъ высоты идей Христа и все усиливающихся заблужденій. Виновниками подобныхъ уклоненій онъ считаетъ епископовъ и учителей церкви. Разборъ всѣхъ этихъ воззрѣній авторъ излагаемой нами статьи находитъ излишнимъ: они «такъ мало имѣютъ основы въ фактахъ исторіи, такъ отзываются фантазіею и субъективизмомъ, что разбирать ихъ значило бы напрасно тратить время». Притомъ же весь раціонализмъ XVIII и нач. XIX в. достаточно разбитъ извѣстнымъ историкомъ Неандеромъ.

«Народная библія во времена Христа Спасителя». Рѣчь П. Горскаго - Платонова. Нѣмецкій ученый Бэль настаиваетъ на необходимости признать существованіе во времена Спасителя Сирской библіи, переведенной съ текста LXX. Эта мысль у него между прочимъ основывается на томъ, что греческій языкъ былъ въ то время во всеобщемъ употребленіи и греческій переводъ весьма распространенъ, а поэтому весьма легко допустить, что въ случаѣ нужды дать народу Библію на народномъ тогда арамейскомъ языкѣ, подлинникомъ для этого перевода могъ послужить переводъ LXX. Но, возражаетъ авторъ рѣчи, чѣмъ доступнѣе подлинникъ, какимъ думаетъ считать Бэль переводъ греческій, тѣмъ излишнѣе переводъ съ доступнаго подлинника. Другое главнѣйшее доказательство своей мысли Бэль находитъ въ дополненіи къ концу книги Іова въ греческой Библіи: «*писано же есть паки востати ему, съ ними-же Господь возставитъ и. Тако толкуется отъ сирскія книги*» и т. д. Бэль считаетъ эту сирскую книгу за сирскую Библію. Но можетъ быть это былъ сирскій таргумъ на книгу Іова, можетъ

быть это была сирская книга неизвѣстнаго содержанія, сообщавшая нѣкоторыя свѣдѣнія объ Іовѣ, можетъ быть это была книга, написанная не на сирскомъ, а на еврейскомъ языкѣ, потому въ древности иные называли Сиріею и Палестину. При томъ же Бэль здѣсь выказываетъ крайнюю нелогичность: придя къ выводу изъ указаннаго мѣста о существованіи сирской Библіи во времена LXX, онъ начинаетъ затѣмъ доказывать, что сирская Библія была переведена съ греческаго перевода LXX. Вообще г. Горскій находитъ сирскую Библію Бэля излишнею выдумкой.

Оканчивая этою рѣчью Обозрѣніе «Прибавленій» за 1880 годъ считаемъ долгомъ выразить пріятное впечатлѣніе, произведенное прекраснымъ содержаніемъ статей, которыя были помѣщены въ этомъ журналѣ, и пожелать этому журналу дальнѣйшаго успѣха и процвѣтанія. Въ слѣдующемъ году надѣемся найти въ «Прибавл.» не меньшее обиліе ученаго матеріала, съ которымъ и познакомимъ читателей своевременно.

Православный Собесѣдникъ. «Императоръ Юстиніанъ и его отношеніе къ церкви А. Курганова». Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ царствованіе Юстиніана былъ споръ о такъ называемыхъ «трехъ главахъ» и созваніе пятаго Вселенскаго собора. Подъ именемъ «трехъ главъ» (trium capitulorum) извѣстны въ исторіи церкви 1) Ѳеодоръ епископъ Мопсуетскій съ его сочиненіями, 2) письмо къ Марію Персу, приписываемое Ивѣ епископу Едесскому и 3) сочиненія Ѳеодорита, епископа Кирскаго, направленныя противъ Кирилла Александрійскаго и Ефесскаго собора. Довольно сложный процессъ по ихъ дѣлу начался съ полов. V-го вѣка, дошелъ до полнаго развитія въ пол. VI в. и въ концѣ его получаетъ свое окончаніе. Исторія этого процесса слѣдующая. Во время спора Кирилла Алек. съ Несторіемъ Ѳеодоритъ епископъ Кирскій противопоставилъ двѣнадцати главамъ св. Кирилла, принятымъ третьимъ Вселенскимъ соборомъ, свои двѣнадцать анаѳематствъ въ защиту Ѳеодора Мопсуетскаго и Несторія и ихъ лжеученій. Халкидонскій соборъ, на который былъ призванъ Ѳеодоритъ для суда надъ нимъ, просто потребовалъ отъ него анаѳемы Несторію. Ѳеодоритъ произнесъ требуемую отъ него анаѳему и былъ принятъ въ число православныхъ. Анаѳематства же его противъ Кирилла остались безъ разсмотрѣнія. Равнымъ образомъ Ива Едескій, описывая въ письмѣ къ Марію Персу ходъ событій, подготовившихъ третій Вселенскій соборъ назвалъ Ѳеодора Мопсуетскаго «блаженнымъ Ѳео-

доромъ проповѣдникомъ истины и учителемъ церкви, который отъ заблужденія къ истинѣ обратилъ не только собственный городъ, но отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ». Разсматривая дѣло Иви Едесскаго отцы Халкидонскаго собора ограничились выслушаніемъ его посланія къ Марію Персу лишь въ *историческомъ* его ходѣ, ни мало не входя въ разборъ частныхъ его *догматическихъ* положеній,—признали обвиненія противъ Ивы несправедливымъ и согласно прежде произнесенному о немъ суду оправдали его и приняли въ число членовъ вселенской церкви, тѣмъ болѣе, что онъ произнесъ анаѳему на Несторія. О Ѳеодорѣ же Мопсуетскомъ не было и рѣчи на Халкидонскомъ соборѣ. Такимъ образомъ, въ представленномъ ходѣ рѣшенія вопроса о дѣлѣ Ѳеодорита и Ивы ничего нѣтъ предосудительнаго для Халкидонскаго собора или благопріятнаго еретикамъ.

Рѣшеніе Ефесскаго собора, осуждавшееє Несторія и его ученіе оставалось не измѣннымъ. Но несторіане и монофизиты посредствомъ превратнаго толкованія акта Халкидонскаго собора о дѣлѣ Ѳеодорита и Ивы старались обратить его въ свою пользу и ловко имъ пользовались для своихъ цѣлей. Соборъ Халкидонскій, говорили они, объявилъ Ѳеодорита православнымъ; слѣдовательно, заключали они, одобрилъ и его сочиненія. Далѣе соборъ Халкидонскій призналъ православнымъ еписк. Иву и принялъ (?) какъ православное посланіе его къ Марію Персу,—слѣд. выводили они, соборъ принялъ и все то, что заключается въ этомъ посланіи. Давая такое превратное толкованіе рѣшенію Халкидонскаго собора, несторіане старались распространить и утвердить свое ученіе посредствомъ сочиненій Ѳеодорита и въ особенности Ѳеодора Мопсуетскаго, заключавшихъ въ себѣ несторіево ученіе и якобы одобренныхъ на Халкидонскомъ соборѣ. Императоръ съ быстротою и прозорливостію истинно великаго ума тотчасъ же сообразилъ, что судя по опредѣлившемуся ходу вопроса о «трехъ главахъ», осужденіе ихъ необходимо для утвержденія авторитета Халкидонскаго собора: нужно было показать, что Халкидонскій соборъ никогда не одобрялъ «три главы», что мнимое ихъ одобреніе навязывается ему еретиками, что напротивъ онъ всегда осуждалъ ихъ сочиненія, какъ еретическія и чуждыя истинѣ, и что, поэтому, онъ никакъ не стоитъ въ противорѣчіи съ первыми тремя вселенскими соборами и вполнѣ согласенъ съ ними. Посовѣтовавшись съ патріархомъ и прочими епископами императоръ издалъ «исповѣданіе

вѣры», въ которомъ осуждались сочиненія Ѳеодорита, Ивы и Ѳеодорита Мопсуетскаго вмѣстѣ съ лицомъ послѣдняго. Всѣ восточные патріархи и большинство епископовъ приняли эдиктъ императора. Совершенно иначе отнеслись къ эдикту на западѣ. Исходя изъ точки зрѣнія, что все, что сказано на соборѣ—свято, и всякій актъ, внесенный въ соборныя дѣянія непремѣнно долженъ заключать въ себѣ православную истину, западные епископы во главѣ съ папою Вигиліемъ объявили себя противъ императорскаго эдикта, усматривая въ немъ посягательство на авторитетъ Халкидонскаго собора. Чтобы предупредить расколъ императоръ пригласилъ папу Вигилія прибыть въ Константинополь для личныхъ совѣщаній. Папа, прибывъ въ Константинополь, на первый разъ несоглашался на осужденіе «трехъ главъ», но когда ему разъяснили, что «три главы» совершенно чужды православной вѣрѣ и что осужденіе ихъ отнюдь не подрываетъ авторитета Халкидонскаго собора онъ издалъ свое осужденіе (judicatum) «трехъ главъ». Въ Judicatum'ѣ папа предавалъ анаѳемѣ Ѳеодора Мопсуетскаго съ его сочиненіями, посланіе Ивы къ Марію Персу и 12 анаѳематствъ Ѳеодорита противъ двѣнадцати главъ св. Кирилла, добавляя, что онъ всецѣло признаетъ авторитетъ собора Халкидонскаго.

На западѣ judicatum Вигилія былъ повсюду принятъ какъ актъ измѣны вѣрѣ. Африканскіе епископы составили соборъ и на немъ торжественно отлучили Вигилія отъ каѳолическаго общенія за его несправедливое, по ихъ мнѣнію, осужденіе «трехъ главъ», а Юстиніану послали особыя грамоты, въ которыхъ старались защитить «три главы» и просили императора отмѣнить доселѣ бывшія рѣшенія. Императоръ отвергъ прошенія епископовъ и въ опроверженіе ихъ издалъ эдиктъ, осуждавшій «три главы». Папа Вигилій также подвергъ осужденію всѣхъ противниковъ своего judicatum'а. Волненія отъ этого не унялись, но возростали все болѣе и болѣе и привели наконецъ къ кровавымъ сценамъ: сочиненія и брошюры защитниковъ «трехъ главъ» производили сильнѣйшее впечатлѣніе на западѣ и чернь, думая, что совершаетъ угодное Богу, нападала на противниковъ «трехъ главъ» даже въ церквахъ. Папа Вигилій увидѣвъ, что его единоличное рѣшеніе по согласію только съ императоромъ и восточными епископами не производитъ на западѣ никакого вліянія, началъ колебаться. Поэтому, онъ обратился къ императору съ просьбой возвратить ему его judicatum на томъ основаніи, что онъ оказался недостаточнымъ для той цѣли, для

которой былъ изданъ и требуетъ исправленія.' Императоръ уступилъ настоятельной просьбѣ папы и возвратилъ ему judicatum, взявъ съ него обѣщаніе—осудить «три главы». Но папа, получивъ свой judicatum, объявилъ императору, патріарху и др. епископамъ, что теперь должно быть отмѣнено все, что доселѣ было писано или говорено въ защиту «трехъ главъ», потому что—по ихъ мнѣнію съ осужденіемъ «трехъ главъ», непременно долженъ поколебаться авторитетъ Халкидонскаго собора. Въ осужденіе «трехъ главъ» былъ составленъ новый эдиктъ, который и былъ вывѣшенъ во всѣхъ церквахъ Константинополя. Это крайне раздражило папу и остальныхъ защитниковъ «трехъ главъ». Папа издалъ грамоту, въ которой подъ страхомъ отлученія отъ церкви убѣждалъ не соглашаться съ императорскимъ эдиктомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о «трехъ главахъ» былъ поставленъ снова въ неопредѣленность, спорящія стороны оставались при своихъ мнѣніяхъ, поэтому рѣшеніе этого вопроса положено было перенести на обсужденіе Вселенскаго собора. Послѣ этого спорящія стороны стали направлять свои дѣйствія къ тому, чтобы составъ созываемаго собора образовать преимущественно изъ приверженныхъ къ себѣ епископовъ и такимъ образомъ обезопасить за собою рѣшеніе. Папа потребовалъ, чтобы соборъ былъ созванъ въ какомъ нибудь изъ итальянскихъ городовъ, куда могли въ большинствѣ собраться африканскіе и другіе западные епископы. Тогда восточные епископы, по мнѣнію папы, должны были бы подчиниться западнымъ и императоръ заранѣе долженъ былъ бы отказаться отъ осужденія «трехъ главъ». Понятно, папа получилъ отказъ и соборъ рѣшено было собрать на востокѣ. Императоръ поспѣшилъ разослать къ епископамъ пригласительныя грамоты. Восточные патріархи издавна пребывали въ Константинополѣ за исключеніемъ Іерусалимскаго, который прислалъ вмѣсто себя апокрисіаріевъ. Западные епископы весьма неохотно послѣдовали приглашенію императора; хотя въ настоящій разъ ихъ прибыло въ Константинополь великое число, но при всемъ томъ ихъ было въ десять разъ меньше восточныхъ епископовъ и они не могли не видѣть, что если вопросъ будетъ зависить отъ численнаго отношенія тѣхъ и другихъ епископовъ,—западныхъ и восточныхъ, то перевѣсъ будетъ на сторонѣ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого папа Вигилій не соглашался на открытіе собора. Болѣе трехъ разъ къ нему приходили послы отъ императора и собравшихся епископовъ, приглашая его на соборъ,—папа

отвѣчалъ отказомъ. Тогда положили открыть соборъ безъ него. Въ третьемъ засѣданіи соборъ осудилъ «три главы» т. е. сочиненія Ѳеодора Мопсуетскаго, сочиненія Ѳеодорита, написанныя имъ противъ св. Кирилла и въ защиту Несторія и письмо Ивы къ Марію Персу и кромѣ того предалъ анаѳемѣ Ѳеодора Мопсуетскаго. Когда было пятое засѣданіе Вигилій изготовилъ свой особый отвѣтъ подъ именемъ Constitum'a, въ которомъ отказывался отъ осужденія «трехъ главъ» и отлучалъ отъ апостольскаго престола всякаго, кто сдѣлаетъ противное тому. Императоръ отвергъ Constitum папы, какъ явно неправославный. Всѣ епископы несоглашавшіеся на осужденіе «трехъ главъ», равно какъ и самъ папа были низлагаемы и ссылаемы. Папа Вигилій еще разъ принялся въ ссылкѣ за изученіе вопроса «о трехъ главахъ» и теперь снова пришелъ къ убѣжденію, что они достойны осужденія. Это вновь выработанное и окончательное убѣжденіе онъ обнародовалъ первоначально въ грамотѣ, а потомъ въ новомъ Constitum'ѣ, гдѣ отказался отъ своего прежняго мнѣнія относительно «трехъ главъ» и признавалъ ихъ нечестивыми и достойными осужденія. Вигилій послѣ этого былъ освобожденъ изъ заточенія и возвращенъ въ Римъ. — На востокѣ осужденіе «трехъ главъ» принято было православными съ великою радостію. Церкви былъ дарованъ миръ тѣмъ, что снято пареканіе съ отцовъ Халкидонскаго собора, которое имъ дѣлали несторіане и евтихіане и отнято самое орудіе ихъ пропаганды, будто Ѳеодоръ Мапсуетскій и указанныя сочиненія Ѳердорита и Ивы одобрены Халкидонскимъ соборомъ.

«Религіозное и политическое значеніе хаджа или священнаго путешествія въ Мекку для совершенія религіознаго празднества». М. Миронова.—Въ своей статьѣ авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія объ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ магометанскихъ святынь — храмѣ Каабы въ Меккѣ. Святыня эта ежегодно привлекаетъ къ себѣ со всѣхъ концовъ магометанскаго міра огромныя толпы богомольцевъ. — По внѣшнему своему виду она представляетъ четырехъ угольное зданіе, поражающее взоры массивностію постройки и неуклюжестію. Въ самый храмъ ведетъ единственная дверь, находящаяся на сѣверной сторонѣ зданія и возвышающаяся надъ землей на 4 локтя. Потому, въ Каабу нужно подниматься по лѣстницѣ, которая приставляется къ двери только два или три раза въ годъ. Настоящая дверь и лѣстница Каабы, присланныя изъ Константинополя въ 1633 г. обиты листовымъ

серебромъ и украшены золотомъ. Половинки двери снабжены серебряными лампами съ позолоченными украшеніями. Дверь имѣетъ множество висячихъ замковъ. Полъ Каабы состоитъ изъ прекрасныхъ мраморныхъ плитъ розноцвѣтныхъ и расположенныхъ какъ мраморная доска. Стѣны сдѣланы изъ того же матеріала только верхняя часть ихъ обита великолѣпнымъ краснымъ дама, по которому вышиты золотыя цвѣты, а нижняя украшена надписями и арабесками. Внутри Каабы нѣтъ ни одного окна и Кааба освѣщается тусклымъ мерцаніемъ лампъ. Вотъ внутреннее устройство и убранство Каабы. Снаружи Кааба покрыта черной шелковой матеріей, по которой вишиты изрѣченія изъ Корана и разнаго рода религіозныя формулы. Нѣсколько выше средины покрывало украшено поясомъ, на которомъ золотыми нитками вышитъ мухаммеданскій символъ вѣры. Кааба имѣетъ двойную крышу, поддерживаемую тремя осьмиугольными столбами, сдѣланными изъ палисандроваго дерева. Вокругъ Каабы устроенъ изъ мраморныхъ камней помостъ. Это пространство, образующее неправильный кругъ, окружено 32 позолоченными колоннами или столбами, которые соединены между собою металлической пластинкой. На помостѣ во дворѣ Каабы находится пять макамовъ. Самымъ большимъ уваженіемъ пользуется макамъ Ибрагимъ, что значитъ мѣсто Авраама. Онъ представляетъ изъ себя изящный павильонъ, въ которомъ находится футляръ, скрывающій въ себѣ камень. На этотъ камень по магометанскому преданію становился Авраамъ, когда строилъ Каабу. Вотъ каково устройство современной меккинской мечети. Одно изъ чудесъ этой мечети по вѣрованію магометанъ состоитъ въ томъ, что она можетъ вмѣстить въ себѣ такое множество народа, которое можетъ быть сосчитано только однимъ Богомъ. Это объясняется тѣмъ, что ангелы, по магометанскому вѣрованію увеличиваютъ объемъ зданія и уменьшаютъ величину каждаго молящагося субъекта. Нужно замѣтить, что меккинская мечеть есть одна изъ самыхъ богатыхъ. При ней говорятъ, находится кружка, куда каждый богомолецъ по мѣрѣ своихъ средствъ обязанъ опустить извѣстное количество денегъ. Очевидно, что время отъ времени особенно во времена усиленія религіознаго фанатизма въ кружкѣ этой составляется большее количество денегъ. Во время прошлой русско-турецкой войны шерифъ Мекки снабдилъ сильно нуждающаго въ деньгахъ султана изъ этой кружки, которая говорятъ была неприкосновенной съ 1415 года.

«Мѣры правительства къ преобразованію быта православнаго

духовенства въ царствованіе Государя Императора Александра II. В. Миротворцева». До настоящаго царствованія бѣлое духовенство было поставлено въ неблагопріятныя условія. Оно представляло изъ себя *наслѣдственное и замкнутое сословіе* съ спеціальнымъ назначеніемъ для церковнаго служенія. Въ составъ его входили не одни только служащіе члены клира, но и ихъ семейства. По дѣйствующимъ до послѣдняго времени законамъ о состояніяхъ, дѣти лицъ православнаго духовенства причислялись по родителямъ прямо къ духовному вѣдомству. Вступленіе же въ духовное званіе членовъ другихъ классовъ русскаго общества было затруднено различными практическими неудобствами: спеціальнымъ образованіемъ, которое получали дѣти духовнаго званія, ограниченностью правъ въ самомъ духовномъ вѣдомствѣ и жалкимъ матеріальнымъ положеніемъ. Хотя бѣлое духовенство считалось правительствомъ на ряду съ привеллигированными классами, но этимъ привеллигированнымъ положеніемъ члены духовенства пользовались дотолѣ, пока находились въ духовенствѣ. Съ выходомъ изъ него они или получали только нѣкоторыя преимущества или же теряли ихъ всѣ. Уволенные по собственному желанію изъ духовнаго званія священнослужители по закону прежде практиковавшемуся возвращаются въ первобытное состояніе; имъ воспрещается вступать въ государственную службу всякаго рода. Если священнослужители до вступленія въ санъ имѣли какіе-либо чины, то они имъ не возвращаются при вступленіи ихъ вновь въ службу, прежняя въ формулярныхъ спискахъ во все не показывается. Тяжелѣе было положеніе священнослужителей, лишаемыхъ сана за пороки. Такія лица, если они не изъ дворянъ записывались въ одно изъ податныхъ состояній; а тѣмъ, которые въ духовномъ званіи были изъ дворянъ, положено оставлять права, присвоенныя дворянамъ. Имъ запрещается въѣздъ въ обѣ столицы и вступленіе въ государственную или общественную по выборамъ дворянскимъ или городскимъ службу; въ военную же службу они могутъ быть принимаемы только рядовыми.—Прежнее положеніе бѣлаго духовенства въ духовномъ вѣдомствѣ представляетъ также не мало неблагопріятныхъ условій. Служеніе его носило характеръ стѣснительной обязательности. Священноцерковнослужители обязаны были служить до преклонныхъ лѣтъ и могли освобождаться отъ службы только по болѣзненному состоянію ранѣе доказанному. Занятіе мѣстъ, перемѣщенія и увольненія часто производились по личному усмотрѣнію. Бѣлое

духовенство не пользовалось одинаковыми правами съ чернымъ духовенствомъ, занимавшимъ въ духовной администраніи привилигированное положеніе. Всѣ главныя административныя должности въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитывались дѣти бѣлаго духовенства, исключительно занимали монашествующіе. Въ епархіальномъ управленіи второстепенныя административныя должности—должности членовъ духовныхъ консисторій, правленій и попечительствъ, благочинныхъ и духовныхъ депутатовъ занимались безъ участія духовенства.

Положеніе православнаго бѣлаго духовенства несоотвѣтственное его важному значенію въ государствѣ не могло не обратить на себя вниманія настоящаго правительства. Прежде всего правительство обратило вниманіе на замкнутую сословность духовнаго званія. Высочайше утвержденныя положенія Св. Синода 1841 и 1844 гг. относительно принятія въ духовное званіе изъ податнаго состоянія безъ испрошенія на то разрѣшенія правительствующаго Сената, но по предварительномъ сношеніи съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Въ 1868 г. дозволено поступать на штатныя причетническія должности при церквахъ военнаго вѣдомства и людямъ не духовнаго званія. Рядомъ съ такими распоряженіями дѣлались различныя наставленія, которыя открываютъ лицамъ духовнаго званія большую возможность къ поступленію на гражданскую службу и въ свѣтскія учебныя заведенія, а также и ко всякаго рода общественной дѣятельности. Въ 1862 г. по волѣ Государя образовано было особое присутствіе для изысканія средствъ къ улучшенію быта духовенства. Особое присутствіе по дѣламъ духовенства составило общія положенія Высочайше утвержденныя 1869 г. о новомъ распредѣленіи приходовъ и составѣ причтовъ, въ основаніе которыхъ положены новыя начала церковнаго служенія, чуждыя прежней сословной исключительности. Постановлено было принимать въ духовное званіе лицъ свѣтской службы, желающихъ по усердію къ церкви посвятить себя пастырскому служенію. Также сдѣлано было распоряженіе не считать принадлежащими къ духовному званію вольнонаемныхъ церковниковъ, а равно отчислены отъ церковнаго клира звонари и сторожа, хотя хотя бы они происходили отъ лицъ духовнаго званія. 26 мая 1869 г. было постановлено, что дѣти лицъ православнаго духовенства не принадлежатъ лично къ духовному званію, показываясь только для свѣдѣнія въ послужныхъ спискахъ ихъ отцевъ; сыновьямъ

священно и церковно служителей, не посвѣщающимъ себя на службу церкви въ духовномъ званіи предоставляется поступать въ службу военную или гражданскую и обращаться къ торговымъ, промышленнымъ и другимъ частнымъ занятіямъ. Произошли также важныя измѣненія въ гражданскомъ положеніи духовенства, именно были изысканы мѣры къ увеличенію личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ духовенства. Лицамъ духовнаго званія было предоставлено право на полученіе ордена Анны 3 степени за особо усердное исполненіе въ теченіи 25 лѣтъ обязанностей по обученію въ народныхъ школахъ. За тѣмъ произведены нѣкоторыя измѣненія относительно оставляющихъ санъ. Священнослужители, лишаемые сана по приговору епархіальнаго суда не приписываются къ податному состоянію. Семейства духовенства получили опредѣленныя права состоянія. Дѣти священно-служителей высшаго состоянія пользуются правами потомственнаго дворянства, дѣти церковныхъ причетниковъ принадлежатъ, по состоянію къ потомственному почетному гражданству. Церковно-общественное положеніе духовенства представляетъ также много благотворныхъ нововведеній. Новые уставы духовно-учебныхъ заведеній даровали бѣлому духовенству полное участіе въ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей. Съ цѣлію предоставленія духовенству права и возможности самодѣятельно устроять церковно приходскую жизнь, въ разныхъ епархіяхъ учреждены благочинническіе совѣты. Результатомъ всѣхъ этихъ преобразованій въ жизни и дѣятельности духовенства было то, что духовенство уже не представляетъ того нравственнаго униженнаго и подавленнаго типа, какой былъ нерѣдкимъ въ прежнее время.

«*Труды Кіевской Духовной Академіи*», «Наука и Религія». Продолжая разборъ книги Чичерина—«Наука и Религія», въ настоящей статьѣ авторъ разсматриваетъ взглядъ Чичерина на діалектику, какъ верховную философскую науку, связывающую и объясняющую всѣ остальныя. Взглядъ Чичерина на діалектику весьма близко подходитъ къ понятію Платона о томъ же предметѣ; но на основаніи этого сходства было бы ошибочно предполагать, что Чичеринъ заимствовалъ его у Платона. Въ этомъ случаѣ, по мнѣнію автора статьи, онъ является послѣдователемъ не Платона, а Гегеля. Вполнѣ отчетливаго понятія о діалектикѣ Чичеринъ не даетъ въ своей книгѣ, не смотря на то, что разсмотрѣнію этого предмета у него посвящена особая глава: его главною цѣлію было

только отстоять достоинство діалектики и защитить ее противъ возраженій. Поэтому авторъ статьи считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько указаній относительно происхожденія и дальнѣйшей судьбы діалектики.

Первымъ діалектикомъ считается Зенонъ; но особенно потрудились надъ развитіемъ этой науки Платонъ и Софисты. Въ эпоху возрожденія наукъ она пришла въ упадокъ, ее почти совсѣмъ отвергали. Интересъ къ діалектикѣ является затѣмъ уже въ новѣйшей германской философіи XIX в.,—и не случайно, а какъ слѣдствіе ея крайне идеалистическаго направленія, особенно въ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Чичеринъ защищаетъ именно діалектику послѣдняго. Въ защиту ея онъ говоритъ между прочимъ: «для того, чтобы понять другое, разумъ прежде долженъ понять самаго себя, выяснить себѣ собственные свои начала и законы», въ этомъ заключается задача діалектики. Противъ этого довольно страннаго положенія авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что такое познаніе разумомъ самаго себя, каковъ онъ самъ въ себѣ, невозможно. Если Кантъ утверждалъ, что законы и формы познанія, присущія нашему разуму, предваряютъ всякое опытное познаніе, даны argiori, то это не значитъ, что и самое опытное познаніе этихъ законовъ и формъ должно предшествовать познанію и изъясненію всего другаго. Это и невозможно. Разумъ для насъ познаваемъ настолько, насколько онъ проявляетъ свою дѣятельность; дѣятельность же эта проявляется въ познаніи. Конечно, не чрезъ наблюденіе, а чрезъ непосредственное самопознаніе разумъ познаетъ себя, но и самое это самопознаніе возможно лишь на основаніи уже данныхъ проявленій разумной дѣятельности. Только долговременная опытность приводитъ человѣка къ самопознанію, и это должно признать не только относительно жизни практической, но и въ отношеніи къ теоретической, познавательной дѣятельности. Самымъ сильнымъ противникомъ діалектики Гегеля, Чичеринъ считаетъ Тренделенбурга и потому находитъ, что разборъ возраженій послѣдняго послужитъ «вѣрнѣйшимъ указаніемъ для оцѣнки существа діалектики, ея пріемовъ и ея результатовъ». Авторъ статьи другаго мнѣнія. «Мы, напротивъ, думаемъ,—говоритъ послѣдній, что хотя бы и удалось отразить возраженія Тренделенбурга, то это само по себѣ еще не можетъ служить оправданіемъ діалектики Гегеля». Впрочемъ, говоритъ онъ, если діалектика Гегеля и не можетъ быть вполнѣ оправдана, то отсюда еще не

слѣдуетъ думать, что она, какъ пустая игра понятіями, неприводящая ни къ чему положительному и прочному, должна быть совершенно отвергнута. Напротивъ, діалектика какъ совокупность извѣстныхъ логическихъ процессовъ, какъ искусство мыслить, столько же необходима для насъ, какъ и самое мышленіе; она имѣетъ мѣсто во всякой области знанія равно какъ и въ жизни практической. Но особенно выдающееся значеніе принадлежитъ ей въ области философіи.

«Введеніе въ исторію нравственности и нравственныхъ ученій». (Идея развитія и факторы исторіи—моральной, юридической и религіозной). М. Олесницкаго. Идея развитія человѣчества сама по себѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію (хотя нѣкоторыми и оспаривается). Въ самомъ понятіи несовершенства уже заключается понятіе развитія (измѣняемости). Все, производимое природою, возникаетъ не вдругъ, а постепенно, съ теченіемъ времени и притомъ изъ незначительнаго зародыша. Этому всеобщему закону развитія подлежитъ и человѣкъ. Все достоинство тѣлесной и духовной организаціи его возникаетъ изъ небольшаго зародыша и самаго простаго задатка духовной силы. Все достигнутое человѣчествомъ въ исторіи по настоящее время есть результатъ длиннаго ряда развитія въ продолженіе вѣковъ. Но при всей очевидности идея развитія понимается далеко неодинаково. Отсюда вопросъ этотъ всегда былъ сколько важнымъ столько же и интереснымъ. Но особенное значеніе, говоритъ авторъ статьи,—получаетъ идея развитія въ настоящее время. Если въ средніе вѣка господствовалъ принципъ теологическій, если въ XVIII в. господствовалъ принципъ просвѣщенія (почему и весь періодъ названъ періодомъ просвѣщенія), если съ конца прошлаго столѣтія господствовалъ принципъ гуманности; то «атмосферѣ настоящаго времени, выразимся словами Фишера, сроденъ принципъ развитія, — терминъ, встрѣчающійся въ новѣйшей философіи на каждомъ листѣ книги.

Принципъ развитія ввелъ въ философію еще Аристотель, признавъ его главнымъ метафизическимъ началомъ для изслѣдованія процессовъ міра. Но честь спеціальнаго занятія этою идеей и строго научнаго обоснованія ея принадлежитъ новѣйшему времени. Какъ на представителей идеи развитія въ естественно-научной области нужно указать на Дарвина, Гексли, а въ философіи—на Спенсера, Модсли. Но сколь ни обычными стали въ настоящее время формулы «развитіе», процессъ развитія и под., тѣмъ не менѣе въ

понятіи этомъ заключается много таинственнаго, непостижимаго. Тутъ открывается широкое поле для разныхъ гипотетическихъ сужденій; между тѣмъ современные натуралисты довольно неосторожны на этотъ счетъ, не только не скупятся на разныя гипотезы, но весьма часто безъ разбора смѣшиваютъ свои гипотезы съ несомнѣнными фактами и категорическими положеніями, дѣлая это всегда ко вреду истинѣ вообще, а часто и своихъ собственныхъ теорій. Въ виду всего этого указанная въ заглавіи статья является какъ нельзя болѣе своевременною и потому наиболѣе интересною.

Авторъ этой статьи не вдается въ пространныя метафизическія изысканія о сущности развитія; онъ даетъ лишь самое общее изображеніе схемы развитія, обнимающей собою всякое (слѣдовательно и нравственно-историческое) развитіе вообще. Вопросъ о развитіи вообще естественно и самъ собою распадается на три частные пункта: а) что развивается (предметъ развитія), б) какъ развивается (форма развитія) и с) къ чему, на какой конецъ развивается (цѣль развитія).—Въ настоящей статьѣ мы находимъ пока отвѣтъ только на второй вопросъ, да и то неполный. Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ авторъ ограничивается лишь указаніемъ главныхъ факторовъ историческаго развитія. Подъ такими факторами онъ разумѣетъ тѣ силы, которыми движится исторія, т. е. развивается человѣчество. Одною изъ такихъ силъ является несомнѣнно нравственность. Отсюда весь вопросъ сводится къ тому, чтобы показать отношеніе этой силы, этого фактора къ другимъ факторамъ, другимъ силамъ, движущимъ исторію, показать взаимодѣйствіе между ними.

Такъ какъ человѣкъ представляетъ собою сочетаніе природы и духа, но самыми общими факторами историческаго движенія должны быть признаны природа и духъ. Въ силу совмѣстности существованія этихъ двухъ силъ, между ними необходимо должно быть извѣстное отношеніе, и именно—отношеніе соподчиненія: духъ господствуетъ надъ природой. Но никакая сила, какъ бы она ни была велика по физическому или высока по нравственному достоинству, никогда не вліяетъ дѣятельнымъ образомъ на другую, низшую силу, не воспринимая въ свою очередь вліянія отъ этой послѣдней. Такъ и духъ человѣка, вліяя на природу, самъ находится подъ воздѣйствіемъ послѣдней, хотя и остается господствующимъ. Подобно природѣ, духъ представляетъ собою организмъ, состоящій изъ силъ и способностей. Основною, господствующею изъ такихъ

силъ является сила моральная; это главный факторъ, движущій культурную исторію, главная сила, сообщающая человѣку истинно-человѣческое достоинство.

Нѣкоторые моралисты (Бокль), какъ извѣстно, выходя изъ того положенія, что нравственныя начала неподвижны, что въ нравственной области не можетъ быть сдѣлано никакихъ новыхъ открытій, что въ нравственной системѣ Новаго Завѣта нѣтъ ни одного положенія, которое не было бы высказанно прежде, — выходя изъ подобныхъ положеній, утверждаютъ, что мораль не можетъ быть факторомъ прогресса, главнымъ двигателемъ цивилизаціи служитъ единственно умъ и пріобрѣтаемыя умъ знанія. Опровергая этотъ взглядъ, авторъ ограничивается въ настоящей статьѣ лишь не многими замѣчаніями, обѣщая въ своей «исторіи нравственности» представить вполнѣ обстоятельное опроверженіе. Прежде всего онъ замѣчаетъ, что если и можно признать вѣрнымъ положеніе Бокля о неподвижности нравственныхъ истинъ; то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ справедливо и положеніе о неподвижности логическихъ истинъ, т. е. основныхъ правилъ логики, остающимися, по выраженію Лянга, однѣми и тѣми же съ незапамятныхъ временъ». Притомъ самый методъ Бокля страдаетъ ненаучностію: на основаніи нѣсколькихъ внѣшнихъ признаковъ предмета онъ спѣшитъ сдѣлать заключеніе о тождествѣ ихъ, игнорируя внутреннее, существенное различіе между ними; даже еслибы и съ внутренней стороны они имѣли бы нѣсколько сходныхъ признаковъ, то и тогда нельзя еще дѣлать заключеніе о полномъ тождествѣ ихъ по существу. Мало того: онъ указываетъ (противъ Бокля) далѣе, что умственный процессъ обусловливается нравственнымъ элементомъ и наоборотъ: что нравственныя истины въ сущности суть истины умственныя. Замѣтивъ, что основныя правила познанія съ незапамятныхъ временъ остаются однѣми и тѣми же, Лянге продолжаетъ: «можно утверждать, что совершенное примѣненіе, сдѣланное изъ этихъ правилъ новымъ временемъ, главнымъ образомъ должно быть приписано моральной причинѣ.

Въ самой тѣсной и близкой связи съ факторомъ моральнымъ стоитъ другой факторъ юридическій, нравовой. Исходя изъ идеи нравственности (морали), какъ главнаго (задающаго тонъ) момента въ понятіи личности, и переходя въ область существованія человѣка въ обществѣ, мы говоритъ авторъ, наталкиваемся на идею права; это понятіе находится въ такомъ тѣсномъ сродствѣ съ нрав-

ственностію въ специфическомъ смыслѣ этого слова, что «повидимому едва-ли можетъ быть различаемо отъ нея», какъ замѣтилъ Эттингенъ. Вопросомъ объ отношеніи между правомъ (юридическимъ) и нравственностію (равно и связаннымъ съ нимъ вопросомъ объ отношеніи между государствомъ и религіей) много занимались юристы и моралисты и довольно наговорили объ этомъ предметѣ. Авторъ не находитъ удобнымъ входить въ разборъ всѣхъ этихъ теорій и ограничивается лишь опроверженіемъ господствующей (со временемъ Гегеля) натуралистической теоріи, по которой право и мораль отождествляются. Доказывая несправедливость такого отождествленія, авторъ указываетъ на различіе цѣли права и морали. Онъ говоритъ: нравственность (мораль) имѣетъ отношеніе къ высочайшей цѣли жизни, къ конечному назначенію человѣка, къ идеалу абсолютнаго блага; между тѣмъ право имѣетъ въ виду сохраненіе гражданскаго порядка, регулированія совмѣстнаго сожительства людей, обезопасеніе ихъ личностей и ихъ имущества, слѣдовательно относительную цѣль, условное благо. Вообще область нравственности шире и цѣль выше, чѣмъ область и цѣль права. Отсюда смѣшеніе этихъ двухъ областей неминуемо поведетъ за собою вредныя послѣдствія и для нравственности и для права,—для первой аліенацію и съуженіе понятія, для втораго—идеализацію и, универсализацію понятія. Но при такомъ различіи нравственной и юридической областей, онѣ не только нечужды между собою и тѣмъ менѣе противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, находятся въ тѣсной внутренней связи между собою.

Исходя изъ идеи нравственности и переходя въ міръ эмпирическихъ отношеній человѣческой жизни, авторъ пришелъ къ идеѣ права, открылъ второй факторъ исторіи—юридическій. Выходя далѣе изъ той же нравственной идеи и проникая въ глубь, въ идеальное основаніе нравственности, онъ встрѣчается съ идеею религіи,—съ идеею, находящееюся въ столь же близкомъ отношеніи къ идеѣ нравственности, какъ и идея права. По этому третьимъ факторомъ исторіи онъ ставитъ факторъ религіозный. Въ виду того, что вопросъ о религіи и отношеніи ея къ нравственности принадлежитъ къ числу животрепещущихъ вопросовъ нашихъ дней, онъ останавливается на этомъ предметѣ нѣсколько долѣе.

Въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи между религіей и нравственностію во всѣ времена шли параллельно два крайнія направленія: или нравственность совершенно подчинялась религіи и поглаща-

лась послѣднею, или же совершенно освобождалась отъ религіи и дѣлалась совершенно самостоятельною («независимая мораль») отсюда въ одномъ лагерѣ признавали «религію безъ нравственности», безъ нравственной самостоятельности человѣка; а въ другой — «нравственность безъ религіи и вѣры». Въ настоящее время, по вѣрному замѣчанію Маретизена, первое изъ этихъ направленій (религія безъ нравственности) «не можетъ расчитывать на многихъ защитниковъ», но за то тѣмъ болѣе поборниковъ за себя имѣетъ «нравственность безъ вѣры». Въ виду этого нашъ авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на разборъ такъ называемой «независимой или автоматической морали». Опровергая оба указанныя направленія вмѣстѣ, онъ говоритъ, что оба они имѣютъ между собою то общее, что стремятся слить религію и нравственность, отожествить ихъ,—одно, уничтожая самостоятельность религіознаго элемента и переводя религію въ нравственность; другое, сглаживая нравственный элементъ и разрѣшая нравственность въ религію. Но несостоятельность этихъ положеній достаточно видна уже изъ того, что онѣ смѣшиваютъ двѣ различныя вещи, двѣ различныя области, слѣдовательно идутъ противъ логическаго закона противорѣчія,—смѣшиваютъ области божескую (религія) и міровую (нравственность). Область отношеній человѣка къ Богу, установленныхъ по иниціативѣ открывающагося ему Божества и предлагающаго ему общеніе съ Собою, есть область религіи; а область поведенія человѣка по отношенію къ міру (какъ своему внутреннему, субъективному, такъ и внѣшнему) есть область нравственности. Въ религіи, въ области которой человѣкъ вступаетъ въ отношеніе къ существу высшему себя, абсолютному, перевѣшиваетъ элементъ зависимости, пассивности, ассимиляціи; а въ нравственности, въ области которой человѣкъ вступаетъ въ отношеніе къ равноправнымъ или низшимъ себя сферамъ бытія, перевѣшиваетъ элементъ самостоятельности, активности.

Но, замѣчаетъ авторъ, при всемъ своемъ различіи нравственность и религія такъ тѣсно связаны между собою, что раздѣленіе ихъ не только не основательно, но и положительно не мыслимо. Онѣ представляютъ собою «единство въ различіи и различіе въ единствѣ», по замѣчанію Пфляйдерера; «все нравственное религіозно, и все религіозное нравственно», сказалъ Вуттке.

Православное обозрѣніе. «Апологетическіе очерки» 1) Тѣло воскресшаго Христа. Р Л.

Воскресеніе Христа, на которомъ зиждется вся вѣра христіанская, составляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ для нападенія со стороны раціоналистовъ. Послѣдніе въ этомъ случаѣ основываютъ свои возраженія на мнимомъ противорѣчіи въ представленіи евангелистовъ о свойствахъ тѣла воскресшаго Христа. Оно съ одной стороны на столько матеріально, что можетъ быть осязаемо, но съ другой стороны на столько невещественно, что можетъ проходить чрезъ затворенныя двери.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить то, что тѣло Христа по воскресеніи не могло оставаться такимъ же, какимъ было до воскресенія: воскресшее тѣло вступаетъ въ новый порядокъ бытія, такой порядокъ, гдѣ нѣтъ тлѣнія и разрушенія. Причина грубости нашего тѣла заключается вовсе не въ самой его матеріальности: эта грубость зависитъ отъ того, что наше тѣло сдѣлалось орудіемъ грубыхъ страстей. Сама же матерія можетъ одухотворяться и утончаться. Чрезъ воскресеніе тѣло должно проникнуться *духовными* стремленіями въ противоположность земнымъ, грубо чувственнымъ, животнымъ, или какъ выражается апостолъ, должно стать тѣломъ *душевнымъ* (а не духовнымъ). Такое тѣло можетъ проникать сквозь заключенныя двери.

Тѣло Христа измѣнилось совершенно, сдѣлалось возвышеннымъ надъ законами земной тлѣнной природы. Но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ принятіе Христомъ пищи послѣ Воскресенія? Нельзя такъ думать, какъ полагаютъ нѣкоторые нѣмецкіе богословы, что тѣло Христа *еще не вполнѣ* отрѣшилось отъ матеріальныхъ условій. Это могло бы быть только тогда, когда смерть Христа была бы лишь временной *задержкой* земной жизни, временнымъ оставленіемъ душею тѣла. Но это не было бы полною смертію, упраздненіемъ смерти и не имѣло бы славнаго догматическаго значенія.

Ключъ къ разрѣшенію поставленнаго вопроса авторъ находитъ въ 16 гл. ст. 12 Ев. Марка: «*послѣ сего Онъ* (Христосъ) *явился двумъ изъ нихъ* (учениковъ) *въ иномъ образѣ*» Стало-быть воскресшее тѣло Христа было способно принимать различные образы. Всякая матерія, чѣмъ она тоньше, болѣе къ этому способна. То состояніе тѣла, при которомъ Христосъ давалъ осязать свои раны Ѳомѣ, принималъ пищу и пр. не было непосредственнымъ, собственнымъ состояніемъ Его воскресшаго тѣла, а *измѣненнымъ*, *преображеннымъ*, *приспособленнымъ* къ особеннымъ чисто земнымъ

матеріальнымъ условіямъ. Такъ ангелы въ обычномъ своемъ состояніи, какъ существа чисто духовныя, конечно неспособны ни ѣсть, ни пить. Но напр. при посѣщеніи Авраама тремя ангелами въ видѣ трехъ странниковъ, очевидно, они приняли на себя тѣлесный образъ и притомъ въ грубомъ видѣ. Подобно тому и Спаситель преобразилъ Свое прославленное тѣло въ земное и матеріальное, но преобразилъ отнюдь не призрачно, а реальнымъ образомъ. Конечно такое преображеніе было явленіемъ чудеснымъ. Для такого преображенія была глубокая и важная цѣль: дать смущающимся апостоламъ матеріально-осязательное доказательство Воскресенія Христа.

Не являлся ли, если такъ, Христосъ здѣсь какъ бы нѣкоторымъ фальсификаторомъ? Нѣтъ, здѣсь не было никакого подлога: измѣнился лишь *образъ* Христова тѣла, а не сущность его. Преображенное тѣло Христа было вѣдь дѣйствительнымъ тѣломъ, а не призракомъ, какъ въ таинствѣ Евхаристіи.

2) «Гармоничная всесторонность нравственнаго ученія христіанства, какъ отличительный его признакъ и какъ внутреннее свидѣтельство его божественности» «Истинность или неистинность извѣстнаго ученія наилучшимъ образомъ провѣряется его практическими слѣдствіями,—тѣми результатами, которые оно даетъ отъ себя въ примѣненіи къ житейскому опыту». Отсюда доказанная божественность христіанскаго правоученія есть наилучшее доказательство истинности христіанской вѣры.

Божественность христіанскаго правоученія еще не доказывается его сравнительною высотою предъ правоученіями другихъ религій, не доказывается и его изумительнымъ воздѣйствіемъ на развращенный языческій міръ. То и другое можетъ быть результатомъ человѣческаго ученія и не исключаетъ возможности предположенія, что Христосъ былъ только великій человѣческій геній.

Слѣдуетъ доказать *абсолютность* христіанскаго правоученія. Всякое человѣческое ученіе страдаетъ односторонностью, наше мышленіе связано вѣчнымъ закономъ противоположностей, человѣческое ученіе не можетъ быть абсолютнымъ, можетъ удовлетворять только нѣкоторыхъ, но не всѣхъ.

Христіанская этика стоитъ, напротивъ, выше всякихъ частныхъ направленій, она стоитъ безконечно выше односторонникъ крайностей пессимизма и оптимизма, потому что въ чудной гармоніи примиряетъ оба эти направленія, связывая во единство проповѣдь

о крестѣ съ проповѣдью о блаженствѣ, христіанское нравоученіе удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ человѣческаго духа и всѣмъ сторонамъ его.

Очевидно, коренной принципъ христіанской этики задуманъ на *абсолютной* глубинѣ, на той глубинѣ, которая рѣшительно не подъ силу конечному разуму и вѣдома только Божественному разуму. Христіанское нравоученіе поэтому несомнѣнно Божественнаго происхожденія.

«Изъ исторіи гоненій христіанской церкви въ I и II в.» (Продолженіе изслѣдованія Обэ). *Гоненіе Траяна.*

До Трояна не было издано ни одного законодательнаго акта противъ христіанъ. Гоненія Нерона и Домиціана являлись просто произволомъ деспотизма. Траянъ первый требуетъ, чтобы общества, дозволенныя въ Римской имперіи, состояли подъ строгимъ присмотромъ, а новыя отнюдь не дозволялись, даже и подъ невиннѣйшимъ предлогомъ. Христіанство, мало извѣстное въ своихъ внутреннихъ догматахъ, но представляющееся какъ тайный союзъ между людьми, забывающими всѣ связи, весь міръ для одной идеи,—могло озабочивать Траяна. Религія, претендующая соединить всѣхъ людей и образовать извнѣ и свыше государства братскую общину и родъ новаго отечества, — подобная религія могла представляться, какъ опасный разрушительный элементъ въ будущемъ и какъ средоточіе тайной оппозиціи и неуловимаго сопротивленія въ настоящемъ.

Тѣмъ не менѣе, Траянъ ограждаетъ христіанъ отъ произвола и излишняго усердія своихъ чиновниковъ; въ рескриптѣ Траяна христіане сохраняютъ приписываемый имъ всѣми характеръ людей враждебныхъ богамъ, закону и общества, но онъ не допускаетъ доносовъ и разъискиваній. Этотъ рескриптъ Траяна составляетъ первый эдиктъ Траяна относительно христіанъ.

Довольно сомнительно, понимать-ли эдиктъ Траяна въ смыслѣ благопріятномъ для христіанъ или наоборотъ? Въ глазахъ древнѣйшихъ писателей церкви Траянъ покровитель, а не врагъ, или по крайней мѣрѣ самый мягкій и сговорчивый изъ враговъ Гоненіе на христіанъ свирѣпствовало до изданія Траянова эдикта, но не по его волѣ и приказанію. Эдиктъ этотъ скорѣе остановилъ гоненіе, заставилъ областныхъ правителей удержать излишнюю ревность, несогласную съ намѣреніями императора. Во всякомъ слу-

чаѣ, взглядъ Траяна на христіанъ болѣе отзывается чувствомъ законности, чѣмъ взглядъ тогдашняго общества.

Главную и наиболѣе серьезную часть изслѣдованія Обэ о гоненіи Траяна составляютъ разсужденія о различныхъ историческихъ деталяхъ этого событія, о подлинности письма Плинія Траяну про христіанъ, о личности св. Игнатія Богоносца, его посланіяхъ и относительно «сказанія о мученичествѣ преподобнаго Игнатія».

Адріанъ, преемникъ Траяна, человѣкъ съ умомъ открытымъ и либеральнымъ, но причудливый и отчасти фантазеръ, художникъ и софистъ, повидимому, закрылъ совершенно глаза на счетъ христіанскаго ученія и его пропаганды. Апологеты не причисляютъ его къ гонителямъ церкви. Императоръ этотъ, проведшій все свое царствованіе въ разъѣздахъ по имперіи, былъ конечно далекъ отъ предразсудковъ: человѣкъ, видѣвшій нравы и обычаи разныхъ странъ и народовъ, способенъ понимать все не дивясь и тѣмъ болѣе не возмущаясь различіемъ понятій, вѣрованій и обрядовъ.—Но нельзя утверждать того, чтобы въ его продолжительное царствованіе не было принято какихъ-либо стѣснительныхъ мѣръ противъ христіанъ и чтобы послѣдніе за это время вполнѣ наслаждались миромъ. Указъ Траяна еще не былъ отмѣненъ и христіане много страдали отъ излишняго усердія областныхъ чиновниковъ, которые, въ угоду кровожадной толпѣ, имѣвшей самыя нелѣпыя представленія о христіанахъ, предавали христіанъ казни по самымъ несправедливымъ обвиненіямъ и доносамъ.

Авторъ считаетъ нужнымъ отмѣтить, какъ знаменательный, тотъ фактъ, что со времени царствованія Адріана начинается цѣлый рядъ христіанскихъ апологій. Читалъ-ли или не читалъ Адріанъ эти апологіи, но уже одинъ фактъ ихъ представленія доказываетъ какъ враждебное настроеніе общественнаго мнѣнія, такъ и безпристрастіе или по крайней мѣрѣ презрительное равнодушіе правительства. Фактъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и прогрессъ христіанскихъ идей и увѣренность людей, ихъ себѣ усвоившихъ. Дѣло идетъ уже не о безмолвной рѣшимости, но о протестаціи. Это показываетъ, что христіанство, до того времени не замѣтное по своей ли малочисленности или смиренному характеру своихъ послѣдователей, стремится выступить на свѣтъ и занять рядомъ съ другими культами, доколѣ ихъ не поглотитъ, свободное мѣсто въ обществѣ. Въ царствованіе Антонина апологіи пишутся все чаще и чаще. Представляютъ Антонина какъ бы покровителемъ хри-

стіанства и приписываютъ ему положительныя предписанія въ пользу христіанства, какъ напр. письмо къ азійскому совѣту, носящее духъ широкой вѣротерпимости. Авторъ статьи не находитъ возможнымъ признать это письмо подлиннымъ: никто изъ писателей до Евсевія не упоминаетъ о немъ, оно противорѣчитъ казнямъ, совершавшимся въ царствованіе того-же Антонина, оно явно принадлежитъ перу христіанина. И потомъ, если отнести этотъ рескриптъ ко времени до апологіи св. Іустина, то было-бы странно Іустину просить того, что давно уже предоставлено рескриптомъ; если же на оборотъ, т. е. апологія написана до рескрипта, то нельзя никакъ согласить существованіе этого послѣдняго съ такими фактами, какъ осужденіе на смерть Поликарпа и другія жестокости. «Пусть сидятъ смирно, тогда ихъ никто не тронетъ»,—вотъ каковъ вѣроятно духъ пріема оказаннаго Антониномъ всѣмъ апологіямъ.

Далѣе авторъ характеризуетъ личность св. Іустина и его апологію, приводя нѣсколько страницъ подлинныхъ словъ изъ «разговора съ Трифономъ» и самой апологіи, разсказываетъ о мученической кончинѣ двѣнадцати филадельфійскихъ христіанъ и страданіяхъ св. Поликарпа, и наконецъ говоритъ о второй апологіи св. Іустина, написанной по поводу нѣсколькихъ казней въ Римѣ. Довольно разнорѣчиво толкуютъ о преемникѣ Антонина—Маркѣ Аврелiѣ. Ему приписываютъ письмо, въ которомъ онъ считаетъ себя обязаннымъ побѣдою христіанамъ; другіе видятъ въ немъ жестокаго гонителя. Не признавая подлинности указаннаго письма, Обэ не думаетъ, чтобы Маркъ Аврелій издавалъ и положительные эдикты противъ христіанъ. Маркъ Аврелій раздѣлялъ безъ сомнѣнія, на счетъ христіанства мнѣніе образованныхъ людей своего времени. Онъ презиралъ то, что называлъ фанатизмомъ христіанъ, и ихъ готовность жертвовать жизнью, повидимому несообразную съ здравымъ разсудкомъ. Но ненавидѣть онъ не могъ никого, не умѣя ничего желать съ энергіей. Обэ представляетъ М. Аврелія слабохарактернымъ и недальновиднымъ. М. Аврелій любилъ философски человѣчество, онъ хотѣлъ счастія своихъ подданныхъ; но ему недоставало энергіи, необходимой для осуществленія этой цѣли, и онъ не умѣлъ взяться серьезно за обязанности дѣйствительной жизни, чтобы выполнять ихъ всѣ послѣдовательно и плодотворно. Поэтому огромное число жертвъ гоненія при М. Аврелiѣ объяс-

няется не философскими взглядами императора, какъ думаютъ многіе, а безсиліемъ его противъ желаній окружающихъ тронъ лицъ.

Царствованіемъ М. Аврелія Обэ оканчиваетъ свою исторію и представляетъ такое резюме своихъ изслѣдованій: въ первые два вѣка христіане пользовались, можно сказать вообще, со стороны политической власти, почти совершенною вѣротерпимостью. Въ 64 г. міръ языческій узнаетъ христіанство (дотолѣ преслѣдованія были только со стороны іудеевъ), но Неронъ караетъ христіанъ, не за ихъ вѣру, которой онъ не знаетъ и о которой не заботится. Ни религія, ни политика вовсе не входятъ въ звѣрскую прихоть этого злодѣя. Кровопролитіе 64 г. не было гоненіемъ религіознымъ, но оно указало язычникамъ на христіанъ и положило пятно на послѣднихъ въ глазахъ первыхъ. Гоненіе Домиціана носитъ на себѣ сомнительный и трудно уловимый характеръ. Въ царствованіе Траяна гоненіе христіанъ дѣйствительно начинается. Христіане поставлены внѣ закона, но правительство, если не явится никакой обвинитель, все-таки оставляетъ ихъ въ покоѣ. Двусмысленный законъ этотъ опредѣляетъ положеніе христіанъ во все продолженіе царствованій трехъ преемниковъ Траяна. Послѣдніе ни улучшили, ни ухудшили его. Различные эдикты и рескрипты, приписываемые этимъ тремъ императорамъ, весьма сомнительнаго свойства.

«Чудеса Христовы», Тренча. (Продолженіе [1]). Исцѣленіе сына царедворца. Что значитъ слово «царедворецъ» (βασιλικὸς)? Точно этого опредѣлить нельзя. Существуютъ три мнѣнія: слово это означало или человѣка, принадлежавшаго къ партіи царя, роялиста, державшагося стороны Ирода, или тѣснѣе—придворнаго,—или наконецъ, человѣка царской крови. Ученый Маланъ приводитъ переводы этого слова въ разныхъ текстахъ: сирскомъ—царскій служитель; армянскомъ—человѣкъ изъ царской фамиліи; грузинскомъ—царскій чиновникъ.

Вы не увѣруете, ежели не увидите знаменій и чудесъ, говоритъ Христосъ на просьбу царедворца. Изъ строгости этихъ словъ можно заключить, что просителя заставило обратиться ко Христу внѣшнее побужденіе, что онъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ влекло внутреннее желаніе. Но если въ отвѣтѣ Господа содержится упрекъ,

---

[1]) Мы опустили разсужденіе Тренча о чудѣ на бракѣ въ Канѣ, какъ не представляющее ничего характернаго.

то въ немъ есть и ободреніе, скрытое обѣщаніе чуда; хотя царедворцу ставится въ вину его условная вѣра, то, что ему нужно чудо и ничто, кромѣ чуда, не въ силахъ внушить ему упованіе на Владыку жизни.

Это чудотвореніе не тожественно-ли съ повѣствованіемъ объ исцѣленіи слуги сотника (Мѳ. VIII, 5; Лук. VII, 2). Такъ повидимому думалъ Ириней и нѣкоторые изъ современниковъ Златоуста. Эвальдъ безъ всякихъ доказательствъ считаетъ тожество дѣломъ рѣшеннымъ. Ничто не ручается за это мнѣніе, нѣтъ никакого повода считать его правдоподобнымъ. Самая внѣшняя обстановка не одинакова; то чудо совершилось въ Капернаумѣ, это въ Канѣ; сотникъ—язычникъ, а царедворецъ—еврей; тотъ проситель ходатайствовалъ за своего слугу, этотъ за сына; тамъ больной разслабленный, здѣсь одержимъ горячкой, и т. д.

«Единобожіе, какъ первичная форма религіи». Публичное чтеніе г. Иноземцева. Авторъ намѣренъ изложить взглядъ знаменитаго европейскаго ученаго М. Мюллера на происхожденіе и развитіе религіи. Многіе ученые нашего времени (Гриммъ, Контъ, Фейербахъ и др.) составили такое понятіе о происхожденіи религіи, что всѣ поражающія явленія природы, всѣ выдающіеся по своему вліянію на жизнь первобытнаго человѣка предметы стали для него божествами, которыхъ онъ сталъ умилостивлять просьбами и дарами, что-бы они не вредили ему и даже порой помогали, такъ какъ они несравненно сильнѣе его. Иначе смотритъ на этотъ вопросъ М. Мюллеръ. Не внушающіе страхъ предметы и явленія привели, по его мнѣнію, человѣка къ мысли о Божествѣ; напротивъ, этихъ предметовъ онъ и не назвалъ-бы богами никогда, если-бы понятіе о Божествѣ, незримомъ и непостижимомъ, не было «*прирождено* душѣ человѣческой».

Излишне было-бы говорить о великомъ значеніи разума въ человѣческой жизни. Но и разуму есть границы. Кромѣ разума у насъ есть еще два органа познанія,—чувство и вѣра. Они равноправны Вѣра есть тотъ органъ познанія, посредствомъ котораго мы постигаемъ безконечное, т. е. все, что внѣ области нашихъ чувствъ и разума. Даже науки естественныя, повидимому долженствующія заключать въ себѣ одни только точные выводы ума изъ наблюдаемыхъ фактовъ, — и тѣ, по мнѣнію М. Мюллера, не совсѣмъ свободны отъ вѣры. Напр. натуралисты говорятъ объ атомахъ, предметахъ невидимыхъ, недѣлимыхъ и неизмѣримыхъ, ко-

торые они представляютъ себѣ только въ умѣ, какъ будто-бы они были предметами реальными въ чувственномъ значеніи слова, между тѣмъ какъ для чувствъ невозможно познавать что-либо неизмѣримое и недѣлимое и т. п.

Самымъ важнымъ и основнымъ актомъ вѣры, какъ познавательной способности человѣка, и является, по убѣжденію М. Мюллера, непосредственное сознаніе причины нашего бытія. Это есть непосредственное воспріятіе, ощущеніе Божества.

Почти всѣ и всегда принимали за религію древнихъ націй ихъ миѳологію, тогда какъ религія и миѳологія вовсе не тождественны. Настоящею религіей этихъ націй въ точномъ смыслѣ была увѣренность въ томъ, что Богъ всемогущій правитъ міромъ и стремленіе приблизиться душею къ этому Міроправителю. Иное дѣло миѳологія. Въ исторіи каждой расы необходимо былъ періодъ, когда мысли, выходившія изъ узкаго круга первичной жизни не имѣли для себя на первыхъ порахъ подходящаго выраженія въ бѣдномъ языкѣ. Отсюда необходимость и свойства младенческаго возраста вынудили къ образности: лучи солнца стали пальцами солнца, черныя тучи—небесными вымистыми коровами и т. д. Миѳологія вкралась въ древнюю религію и подавляла ее собою, но совсѣмъ заслонить не могла. Такъ, несмотря на тотъ мракъ, которымъ въ греческой миѳологіи покрыто имя Зевса, можно однакоже замѣтить, что Зевсъ для грековъ былъ первоначально верховнымъ, истиннымъ Богомъ, а «иногда даже единымъ».

Но, если единобожіе было первичною формою человѣческой религіи, если идея о единомъ Творцѣ и Промыслителѣ міра врождена человѣческой душѣ, то откуда-же явилось такое безсчисленое множество божествъ? Это зависитъ отъ несовершенства языка. Къ первоначальному имени Божества, которое въ состояніи выразить только одну изъ сторонъ божеской сущности, начали присоединяться и другія имена для выраженія другихъ сторонъ. По прошествіи извѣстнаго времени метафорическія выраженія стали употребляться въ собственномъ смыслѣ, утративъ смыслъ переносный: nomina превратились въ numina, идеи—въ идолы.

«Христосъ». Чтенія Э. Навиля. Чтеніе 6: Христосъ—Господь [1]). Христосъ не только Спаситель, Утѣшитель и Искупитель, но и

[1]) См. журнальное обозрѣніе въ іюльской книжкѣ.

Господь. Ему «дана всякая власть». Дѣйствительность, повидимому, противорѣчитъ этому: христіане доселѣ составляютъ только 30, ч. 100,0 народонаселенія земнаго шара. Но Христосъ училъ о царствіи Б., какъ о зернѣ горушечномъ, изъ котораго выростаетъ дерево. Только людямъ — энтузіастамъ свойственно неумѣренное увлеченіе, взглядъ-же Христа полонъ спокойствія и увѣренности. Онъ знаетъ, что дѣло Его сдѣлается, но медленно и среди многихъ затрудненій. Для насъ, живущихъ лишь нѣсколько лѣтъ, девятнадцать столѣтій составляетъ время долгое; но для дѣла долженствующаго обнять весь міръ и приготовить вѣчность, это мало.— Сказавши такъ, авторъ раскрываетъ силу Господа въ чудесномъ и необычайномъ распространеніи и утвержденіи христіанской религіи, и разсказываетъ исторію борьбы христіанства съ язычествомъ и магометанствомъ до послѣдняго времени.

Духъ миссіонерства, говоритъ онъ далѣе, есть одна изъ выдающихся чертъ въ характерѣ христіанской вѣры и проявляется во всѣхъ церквахъ. Дѣло современныхъ миссій встрѣчаетъ тѣ-же самыя затрудненія внутри и извнѣ, какія представлялись утвержденію Евангелія. Одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій, — это торгашескій духъ обмана въ отношеніяхъ между европейцами-христіанами и язычниками. Затѣмъ авторъ представляетъ ужасающую картину обращенія европейцевъ, особенно англичанъ, съ полуцивилизованными народами. Безсовѣстная торговля опіумомъ напр. сдѣлала то, что въ одномъ китайскомъ городѣ протестантскіе миссіонеры были изгнаны толпой, кричавшей: «вы отравляете насъ, чтобы насъ уничтожить, и потомъ вы насъ учите добродѣтели». Тѣмъ не менѣе христіанство продолжаетъ сильно и чудесно распространяться.

Настоящее чтеніе Навиля, не представляя особенныхъ оригинальныхъ и блестящихъ мыслей, выдается по богатству историческаго матеріала: авторъ тщательно изучилъ исторію миссіонерства въ западныхъ церквахъ, и интересующимся дѣломъ миссіонерства мы рекомендуемъ это чтеніе.

«Идеалы будущаго, набросанные въ романѣ братья Карамазовы». С. Д. Л. Отмѣтимъ изъ этой статьи изложенные авторомъ взгляды Достоевскаго (перу котораго принадлежитъ указанное геніальное произведеніе—«братья Карамазовы») на отношеніе между церковью и государствомъ, на монашество и на задачу католицизма.

1) По общепринятому укоренившемуся воззрѣнію, церковь и

государство представляютъ собою два совершенно различныхъ института, обладающихъ своими специфическими задачами и цѣлями. По другому воззрѣнію церковь есть институтъ, подчиненный государству, одна изъ государственныхъ функцій. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе церкви довольно жалко. Первое-же воззрѣніе довольно трудно принять: двѣ отдѣльныя, самостоятельныя сущности другъ подлѣ друга вполнѣ *равноправно* существовать не могутъ; общій міровой порядокъ не терпитъ такого дуализма: все должно быть въ подчиненномъ отношеніи другъ къ другу. Церковь преслѣдуетъ духовные, нравственные интересы своихъ членовъ, она имѣетъ въ виду *вѣчные* интересы своихъ членовъ, тогда какъ задача государства заботиться только о *временномъ* земномъ благополучіи. Итакъ церковь должна пріобрѣсть господство надъ государствомъ и, воспринявъ его въ свое лоно, такъ сказать одухотворить его въ его земныхъ заботахъ и стремленіяхъ. Здѣсь нѣтъ подчиненія государства церкви въ ультрамонтанскомъ смыслѣ, — здѣсь государство преобразуется въ церковь вслѣдствіе своего духовнаго перерожденія, одухотворенія своихъ формъ жизни.

2) Если въ государствѣ всякій стремится какъ можно крѣпче оградить себя отъ вторженія въ свои права всякаго другаго лица, то въ церкви на оборотъ всякій стремится къ ближайшему общенію со всѣми. Принципъ жизни въ церкви — любовь, одно изъ свойствъ этой любви—смиреніе. Въ силу этого смиренія, въ силу своего безпристрастнаго критическаго отношенія къ своимъ поступкамъ, человѣкъ невольно сознаетъ себя виновнымъ передъ всѣми. Вмѣсто борьбы за существованіе— самоотверженное служеніе ближнимъ—вотъ цѣль людей будущаго. Носителей этого идеала Достоевскій думаетъ найти въ монашескомъ мірѣ, и именно въ русскомъ. («Велика Россія смиреніемъ своимъ»). Человѣкъ современнаго свѣтско интеллигентнаго міра, не смотря на всѣ его стремленія къ свободѣ и счастію, устроя свою жизнь безъ Христа исключительно на эгоистическихъ началахъ разума, находится въ *уединеніи* и обрекаетъ себя на нравственное самоубійство. Но есть въ Россіи міръ, устроенный на началахъ евангельскаго братства и служенія ближнимъ—это монастырь. Русская монашеская жизнь есть явленіе чисто народное и во все время русской исторіи служила великую службу отечеству. Инокъ, укротившій свои чувственныя, самолюбивыя стремленія, достигнувшій истинной свободы духа и живущій исключительно религіозно-нравственными интересами, всегда

будетъ служить дла народа идеаломъ нравственно-добродѣтельной жизни: роль *дѣятеля* можетъ быть и чужда иноку, онъ не пойдетъ въ народъ, но послѣдній за то самъ всегда придетъ къ нему, ища его совѣта, утѣшенія и одобренія.

(Авторъ излагаемой нами статьи не находитъ возможнымъ вполнѣ согласиться съ взглядами Достоевскаго: почему-же, говоритъ онъ, свѣточами будущаго могутъ быть исключительно одни монахи? Наша исторія богата примѣрами великихъ событій, виновниками которыхъ были мірскіе дѣятели)-

3) Католицизмъ думаетъ устроить церковь на внѣшнемъ принципѣ власти и насилія. Вѣрующіе въ немъ соединяются не силою любви, но единствомъ папской власти. Но, по мнѣнію Достоевскаго, эта угнетающая католическая политика есть только могучее средство, которое служитъ для достиженія очень далекой, широкой и возвышенной цѣли. По мнѣнію Достоевскаго, католическій принципъ таковъ: отъ человѣка нельзя требовать свободной вѣры и любви, онъ ужасно тяготится предоставленнымъ ему даромъ свободы совѣсти и чувствуетъ себя невыразимо несчастнымъ, обладая этимъ непосильнымъ для него даромъ; поэтому, чтобы осчастливить его, необходимо отнять у него эту свободу и сдѣлать его рабомъ: въ рабствѣ заключается его истинное счастіе. И православіе и католичество стремятся къ спасенію человѣка, но только совершенно противоположными путями: первое путемъ правды; второе путемъ лжи и обмана. Въ основѣ католичества все-таки лежитъ идея человѣколюбія, которая, поскольку она заключаетъ въ себѣ элементъ безкорыстнаго служенія человѣчеству, даетъ папству силу и живучесть.

Авторъ излагаемой нами статьи полагаетъ, что по взгляду Достоевскаго отношенія между православными и католиками должны бы быть таковы: всѣ горячіе споры, ученыя обширныя изслѣдованія, раскрывающія подробно ложь и заблужденія католическаго ученія, тогда только увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ, когда они будутъ подкрѣпляться силою дѣятельной любви.... Католикамъ нужно доказать, что и слабый и немощной человѣкъ способенъ къ обнаруженію свободной вѣры и любви, что Христосъ не требовалъ отъ него чего либо непосильнаго, а доказать это можно не горячей полемикой, а практическимъ путемъ дѣятельной любви и братскихъ отношеній къ противникамъ; потому что любовь есть такая могучая сила, предъ которою безсильно самое злое упорство».

Душеполезное Чтеніе. Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Душепол. Чтенія» помѣщены двѣ бесѣды арх. Павла съ нѣкоторымъ поповцемъ. Въ первой бесѣдѣ поповецъ ставитъ такой вопросъ: Пирръ, патріархъ цареградскій, совратился въ монофелитскую ересь; но обратившись на путь истинный по наставленію св. Максима, былъ принятъ послѣднимъ въ лоно церкви и притомъ съ титломъ патріарха. «Почему же наши іереи отъ ереси обращающихся іереевъ не могуть присоединить безъ воли епископовъ, чтобы они пасли стадо Божіе»? (Св. Максимъ, присоединяя Пирра, носилъ санъ архимандрита).

Арх. Павелъ отвѣтилъ, что св. Максимъ только обратилъ Пирра, а принятъ былъ соборомъ африканскихъ епископовъ, о чемъ ясно говорится въ житіи св. Максима и у Баронія (г. 645). — Попытавшись основаться на томъ предположеніи, что африканскіе епископы были сами заражены монофелитскою ересью (а это опять таки противорѣчитъ историческимъ даннымъ), поповецъ въ этомъ пунктѣ принужденъ былъ согласиться. Затѣмъ онъ указалъ на епископа Ѳеодосія, принятаго св. Максимомъ отъ ереси монофелитскія чрезъ цѣлованіе Евангелія. Но этимъ цѣлованіемъ знаменовалось только обѣщаніе возвратиться въ лоно церкви, а оно не составляло чина присоединенія.

Въ другой бесѣдѣ поповецъ по тому же вопросу приводитъ тотъ случай, что епископы, бывшіе на разбойничьемъ соборѣ, принесли покаяніе только предъ своими пасомыми, а не предъ кѣмъ либо изъ священнаго чина. Но покаяніе еще не есть разрѣшеніе; послѣднее виновные получили отъ отцевъ четвертаго вселенскаго собора, что явствуетъ изъ дѣяній этого собора. Столь же неудаченъ оказался приведенный поповцемъ примѣръ патріарха Павла (иконоборца), принятаго въ монастырѣ св. Флора: Павелъ, раскаявшись, оставилъ священный санъ и принялъ схиму и былъ принятъ, какъ кающійся,—это ясно изъ четіи-минеи 25 февраля (житіе св. Тарасія, патріарха константинопольскаго).

Мы кончили о «Душеполезномъ чтеніи» за 1880 г. Журналъ этотъ остается всегда вѣренъ своей задачѣ—давать простое и назидательное чтеніе людямъ, жаждущимъ благочестиваго слова. Поэтому журналъ этотъ большею частію бываетъ наполненъ бесѣдами, поученіями и благочестивыми размышленіями, — статьи подобнаго рода принадлежатъ большею частію авторамъ, выдающимся въ духовной литературѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возмож-

ности къ обозрѣнію такихъ статей въ истекшемъ году, — съ наступающаго же года мы намѣрены обратить особое вниманіе на проповѣдническій отдѣлъ въ духовной журналистикѣ. Въ 1880 г. постояннымъ сотрудникомъ «Душеп. Чтенія» былъ между прочимъ преосв. Ѳеофанъ, продолжавшій свои толкованія апостольскихъ посланій: безпрерывно продолжалось также печатаніе словъ св. Симеона Новаго Богослова.

Христіанское Чтеніе. (Сентябрь—декабрь. «Религіозныя воззрѣнія Ломоносова».—Ломоносовъ безспорно представляетъ собою такое крупное и блестящее явленіе въ нашей русской исторіи, что всякое слово о немъ имѣетъ существеннѣйшій интересъ, особенно въ виду того, что нѣкоторыя черты изъ его жизни и дѣятельности до сихъ поръ остаются мало извѣстными. Такъ между прочимъ совершенно обойденъ въ литературѣ вопросъ о его религіозныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Настоящая статья представляетъ попытку восполненія этого пробѣла.

Какъ мыслитель—натуралистъ, Ломоносовъ былъ хорошо знакомъ съ природою; плодомъ этого знакомства у него было крѣпкое убѣжденіе въ дивной цѣлесообразности природы, въ законности ея порядка и въ направленіи къ единой цѣли—славѣ Создавшаго его. Природа для него является великою книгою Богопознанія, на листахъ которой начертаны имя и свойства Божіи. Изъ этой книги человѣкъ узнаетъ о всемогуществѣ, премудрости и благости Божіей: о первыхъ двухъ свойствахъ намъ неотступно напоминаетъ дивная цѣлесообразность во всѣхъ даже мелочахъ; благость же (или благой Промыслъ) Божія особенно наглядно и ощутительно проявляется въ судьбахъ народовъ и жизни отдѣльныхъ лицъ. Но природа и исторія, какъ естественный источникъ Богопознанія, хотя и ясно свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ, однако же не даютъ человѣку всего знанія о Богѣ; нѣкоторыя высочайшія истины онъ почерпаетъ изъ другаго источника — Откровенія. Потому-то Создатель и далъ роду человѣческому двѣ книги.— Въ одной показалъ свое величіе, въ другой—свою волю. Первая видимый міръ, вторая—Св. Писаніе. Обѣ служатъ взаимнымъ дополненіемъ одна другой: то, чего нѣтъ въ природѣ, что не можетъ быть постигнуто разумомъ, дано въ Откровеніи и принимается на вѣру.

Какъ двѣ различныя и не для всѣхъ людей вполнѣ доступныя области, природа и откровеніе требуютъ и особыхъ лицъ, которыя

бы спеціально занимались ими, изучали ихъ и свои знанія сообщали остальному человѣчеству. Эти люди — естествоиспытатели и богословы. Въ дѣятельности первыхъ главнымъ факторомъ является разумъ, въ дѣятельности вторыхъ—вѣра. Оба фактора не только различны, но и противоположны. Отсюда часто проистекаютъ серьезныя заблужденія и даже столкновенія между представителями религіи и естествознанія. Но по существу своему вѣра и знаніе, религія и наука отнюдь не враждебны. «Правда (наука) и вѣра (религія), говоритъ Ломоносовъ, суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду возымѣетъ». «Христіанская вѣра Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божіи не вникаютъ».

Причины разногласій между вѣрою и знаніемъ, религіей и наукой, по Ломоносову, происходятъ главнымъ образомъ: или отъ неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя повидимому расходятся съ наукою, или же отъ поспѣшности выводовъ и заключеній науки. Часто бываетъ, что извѣстное мѣсто Писанія прежде считалось несогласнымъ съ наукою, впослѣдствіи же, при поступательномъ движеніи науки, оказывается, наоборотъ, вполнѣ согласнымъ съ нею. Нужно только положить правильныя границы для разума и вѣры,—пусть разумъ утверждаетъ только то, что ему положительно доступно и извѣстно, пусть освободится отъ поспѣшныхъ заключеній и выводовъ, а вѣра пусть будетъ разумная, не слѣпая,—и тогда между ними будетъ полное соотвѣтствіе.

Изложивъ общіе взгляды Ломоносова на источники Богопознанія—природу и Откровеніе, авторъ статьи знакомитъ насъ далѣе съ нѣкоторыми частными религіозными воззрѣніями его, и именно передаетъ кратко взгляды его на церковь и ея таинства, на служителей церкви и, наконецъ, взглядъ на религіозную жизнь каждаго человѣка вообще. Во взглядѣ на церковь и ея таинства Ломоносовъ, оказывается, не былъ вполнѣ свободенъ отъ протестантскихъ воззрѣній. Протестантскій духъ особенно ясно сказывается въ его взглядѣ на таинство брака. «Хотя больше одной жены имѣть въ нашихъ законахъ не позволяется, говоритъ Ломоносовъ. однако четвертая, послѣ третьей смерти, въ нашихъ узаконеніяхъ

не заказана... Запрещеніе это пришло къ намъ изъ Солуня, а не отъ вселенскихъ соборовъ. Сіе много воспрещаетъ народному приращенію. Мнѣ кажется, было бы законамъ непротивно, если бы для размноженія народа и для избѣжанія непозволительныхъ плотскихъ смѣшеній, четвертый, а по нуждѣ и пятый бракъ былъ позволенъ, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ идетъ еще далѣе; онъ считаетъ возможнымъ дозволить многобрачіе не только мірянамъ, но и духовенству, на томъ между прочимъ основаніи, что приличнѣе священнодѣйствовать человѣку, женившемуся вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, чѣмъ «въ чернечествѣ блуднику, прелюбодѣю». Вообще все сводится у него къ тому, что запрещеніе это незаконно лишь потому, что «оно натурѣ человѣческой противно». Впрочемъ, дѣлая это послабленіе для духовенства, въ другихъ отношеніяхъ онъ очень требователенъ по отношенію къ нему. Пастыри церкви, какъ религіозные вожди народа, призванные быть его наставниками, чтобы отвѣчать этому званію, должны отличаться отъ пасомыхъ и большими знаніями и лучшею нравственностью. Прежде всего и лучше всего они должны знать Св. Писаніе; но этимъ однимъ не должна ограничиваться ихъ подготовка: будучи богословами, они должны быть знакомы и съ свѣтскими науками. Между прочимъ они должны знать риторику и литературу, такъ какъ готовятся быть проповѣдниками Слова Божія. А съ Словомъ Божіимъ на авось обращаться нельзя; приведеніемъ однихъ цитатъ, часто неумѣстныхъ, и незнанія своего не закроешь, и слушателей не вразумишь, да и Слово-то Божіе опозоришь.—Говоря о монашествѣ, Ломоносовъ въ принципѣ признаетъ его дѣломъ хорошимъ; но истинный идеалъ его видитъ только въ древле-христіанскомъ подвижничествѣ, современное же ему монашество называетъ гнусной профанаціей святыни.—На жизнь христіанина вообще онъ смотритъ, какъ на поприще неустанной дѣятельности и борьбы съ несчастіями. Несчастія эти двоякаго рода: дѣйствію однихъ подвергается тѣло, дѣйствію другихъ—душа. Первое зло физическое, второе зло нравственное. Первое происходитъ частію отъ несовершенства человѣческой природы, частію же отъ дѣйствія внѣшняго міра на человѣка; второе происходитъ отъ самаго человѣка. Отсюда въ отношеніи къ природѣ жизнь человѣка есть неустанная, жестокая борьба за существованіе, въ которой перевѣсъ остается чаще на сторонѣ разрушительныхъ силъ природы. Въ мірѣ прав-

ственномъ также идетъ постоянная борьба добра со зломъ, свѣта съ тьмою, правды съ неправдою, причемъ также перевѣсъ часто бываетъ на сторонѣ зла. Въ этой борьбѣ человѣкъ не доходитъ до отчаянія только благодаря тому, что находитъ для себя поддержку и утѣшеніе въ вѣрѣ. Вѣра въ Бога, какъ благаго Промыслителя, говоритъ ему, что въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, что все зависитъ отъ Бога, что даже подвергая человѣка бѣдствіямъ, «Онъ все на пользу нашу строитъ».

«Писатель четвертаго евангелія по самому евангелію»—г. Молчанова. Авторъ отчасти путемъ разбора и опроверженія мнѣній отрицательной критики (Кейма, Баура, Штрауса, Гольгенфельда), отчасти путемъ положительныхъ данныхъ доказываетъ, что писатель четвертаго евангелія — очевидецъ Господа и описываемыхъ событій, что онъ — ученикъ Господа и наконецъ, что онъ — апостолъ Іоаннъ. Приводя въ доказательство перваго положенія извѣстное мѣсто: «и видѣхомъ славу Его.... (Іоанн. 1, 14)», и сопоставляя его съ параллельными мѣстами (XIX, 35; XXI, 24), онъ очень основательно опровергаетъ мистическое толкованіе этого мѣста, какое встрѣчается и Баура и Кейма. «Выраженіе: ἐθεασάμεθα, говоритъ онъ, употреблено въ прошедшемъ, совершившемся времени и потому не допускаетъ возможности понимать его въ смыслѣ общехристіанскаго созерцанія славы Іисусовой, во всякое время; съ другой стороны глаголъ этотъ, какъ и глаголъ ὁράω, употребляемый иногда вмѣсто него, «означаетъ именно чувственное зрѣніе посредствомъ глазъ».—Свое второе положеніе, что писатель евангелія — ученикъ близкій къ Іисусу Христу, доказываетъ авторъ филологическимъ путемъ. Кеймъ и Гольгенфельдъ говорятъ, что выраженіе ἐκεῖνος ἴδεν (Іоанн. XIX, 35), относится не къ писателю евангелія, но этотъ послѣдній высказываетъ его по отношенію къ свидѣтелю—очевидцу. Но ἐκεῖνος означаетъ не отдаленный субъектъ, но евангелистъ употребляетъ его большею частію для болѣе сильнаго обозначенія лица, принимающаго участіе въ дѣйствіи; иногда это слово употребляется вмѣсто 1-го лица мѣстоименія. Доказать третье положеніе, что писатель четвертаго евангелія апостолъ Іоаннъ — является для автора болѣе труднымъ. — Прежде всего онъ приходитъ къ тому заключенію, что *другой ученикъ* и ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, одна и таже личность. Но есть ли это именно апостолъ Іоаннъ? — Писатель, какъ видно изъ самаго евангелія, принадлежалъ къ числу трехъ ближайшихъ

учениковъ Христа, а изъ этихъ писателемъ евангелія могъ быть только Іоаннъ, п. ч. Петръ «ясно отличается въ евангеліи отъ ученика, его же любляше Іисусъ» (Іоан. XXI), а Іаковъ, братъ Іоанна, въ очень раннее время, при Иродѣ Агриппѣ I, принялъ мученическую смерть. Притомъ, апостолъ Іоаннъ ни разу не называется въ евангеліи собственнымъ именемъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе апостолы поименовываются лично. Все это, говоритъ авторъ, потому — что этотъ другой ученикъ, его же любляше Іисусъ, есть самъ Іоаннъ; онъ по своей скромности не называетъ себя по имени, равно какъ не называетъ ни своего брата, ни матери. — Статья г. Молчанова, хотя не обширна, но даетъ довольно внутреннихъ признаковъ, приводитъ довольно много основательныхъ соображеній въ пользу подлинности евангелія отъ Іоанна. Пусть почаще и побольше появляется подобныхъ статей. Всѣ онѣ будутъ имѣть не малый интересъ для людей, которымъ дорога наша богословская наука.

Странникъ. Новая редакція «Странника» какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, обѣщаетъ расширить прежнюю программу этого журнала, нѣсколько измѣнить его характеръ и вообще улучшить. Давай Богъ въ часъ добрый! Насколько похвально желаніе «улучшить» журналъ вообще объ этомъ излишне распространяться; но мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ намѣреніе новой редакціи «измѣнить» самый характеръ, внутреннюю физіономію журнала.

Странникъ всегда принадлежалъ къ числу тѣхъ не многихъ духовныхъ журналовъ, которые по справедливости носятъ это названіе (журнала), тогда какъ часть духовныхъ журналовъ (особенно академическіе) являются скорѣе періодическимъ сборникомъ случайныхъ статей, которыя по характеру своему могутъ быть помѣщены гдѣ угодно и въ какое угодно время, «Странникъ» во все время своего существованія (съ 1860 г.) постоянно является съ извѣстнымъ опредѣленнымъ характеромъ и физіономіею. Это несомнѣнное его достоинство. Но, говоря откровенно, направленіе этого журнала, такъ сказать, нравственный обликъ его нѣсколько устарѣлъ для настоящаго времени. Возникнувъ въ такую пору, когда духовная журналистика едва пролагала себѣ путь, и мысль была безъ свободы, а свободѣ недоставало мысли, когда общество, послѣ тяжкихъ политическихъ испытаній, просило, какъ милости, одного покоя душевнаго. «Странникъ» съ самаго же начала (и уже на

всегда) поставилъ своею задачей—общее духовное назиданіе, общее христіанское руководительство и, минуя наличную жизнь тогда крайне бѣдную, направлялъ взоры своихъ читателей въ сторону «града грядущаго»... Это направленіе и общій тонъ для своего времени былъ, конечно, весьма умѣстенъ,—и въ вѣрности этому тону справедливо видятъ заслугу и достоинство «Странника». Но иныя условія и требованія настоящаго времени. Въ послѣдніе 20-ть лѣтъ жизнь такъ измѣнилась, столько новаго и разнообразнаго содержанія въ нее вошло, что общія точки зрѣнія оказываются уже непригодными, а отвлеченная постановка вопросовъ и просто уже неумѣстной. Новая жизнь настоятельно обращаетъ на себя вниманіе и игнорировать ее уже невозможно. Вотъ почему новая редакція находитъ необходимымъ измѣнить характеръ своего журнала примѣнительно къ требованіямъ «духа времени». Она находитъ невозможнымъ считать себя чѣмъ-то стороннимъ для своихъ читателей и обѣщаетъ «служить живымъ органомъ живаго рускаго духовенства и русскихъ живыхъ людей, быть выраженіемъ ихъ думъ и сомнѣній, заботъ и тревогъ, ихъ наблюденій и знаній, о чемъ они уже надумались и что будетъ ихъ занимать. Именно этой-то нравственной близости съ живымъ человѣкомъ редакція и будетъ больше всего искать, потому что въ ней то только и смыслъ печати». Къ этому живому дѣлу и обѣщаетъ пріурочить главнымъ образомъ программу журнала. Въ теоретической части журнала главное вниманіе будетъ посвящено религіознымъ и общественнымъ вопросамъ, которые имѣютъ для себя корень въ живомъ народномъ началѣ, объясняютъ нашу исторію или отвѣчаютъ дѣйствительному запросу времени. Вообще историческая постановка вопросовъ религіозныхъ будетъ предпочитаться догматической, конкретная—отвлеченной.

Нельзя не сочувствовать этому «обновленію» «Странника». Похвальною отзывчивостію на запросы времени обращаютъ на себя вниманіе: небольшая замѣтка *«о преподаваніи Закона Божія въ народной школѣ»* и *«внутреннее церковное обозрѣніе»*.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, свѣтская печать съ особеннымъ жаромъ занимается обсужденіемъ вопроса о предоставленіи права преподаванія Закона Божія въ народной школѣ лицамъ свѣтскимъ, и почти единодушно пришла къ положительному рѣшенію; духовная печать, которая, повидимому, должна быть

если не наиболѣе компетентной по данному вопросу, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе заинтересованной, по большей части благоразумно молчала. По крайней мѣрѣ до настоящаго времени, за исключеніемъ «Православнаго Обозрѣнія», и «Моск. Церковн. Вѣдомостей возвысившихъ свой голосъ противъ проектируемаго преподаванія свѣтскими лицами Закона Божія, и Церк.-общественнаго Вѣстника, который наоборотъ рядомъ нѣсколькихъ статей высказался въ унисонъ съ свѣтскою печатью,—наши духовные журналы по большей части хранятъ молчаніе. Между тѣмъ вопросъ о народной школѣ вообще и о преподаваніи въ ней Закона Божія въ особенности настолько важенъ, что всякое поспѣшное разрѣшеніе его, хотя и по вызову самой настоятельной нужды, можетъ лишь повредить дѣлу и повести къ тѣмъ послѣдствіямъ, съ которыми нелегко будетъ раздѣлываться. Вотъ почему эта небольшая замѣтка: «*о преподаваніи Закона Божія*» вполнѣ своевременна и умѣстна и, при всей своей краткости, имѣетъ свое значеніе и смыслъ. Авторъ ея указываетъ главнымъ образомъ на несостоятельность тѣхъ основаній и соображеній, которыя будто настоятельно и неотложно вызываютъ расширеніе свободы законоучительства, главное побужденіе это—недостатокъ, при нынѣшнемъ порядкѣ, законоучителей. Школы, дѣйствительно, почасту остаются безъ законоучителей, потому что въ однихъ случаяхъ или ихъ нѣтъ совсѣмъ, въ другомъ священникъ отказывается отъ законоучительства или въ виду ничтожности вознагражденія, или же въ виду своихъ ближайшихъ церковно приходскихъ обязанностей, или, наконецъ, чаще священники, плохо вознаграждаемые за свой трудъ, неисправно посѣщаютъ школы и всегда имѣютъ для себя резонное оправданіе въ томъ же самомъ—въ занятіяхъ по приходу, а иногда просто въ тяжелыхъ заботахъ по добыванію куска хлѣба. Остается одно: или заставить силой заниматься преподаваніемъ Закона Божія,—но это больно, грѣшно и незаконно,—да и какая польза отъ этого?—или оставить школу совсѣмъ безъ законоучителя, но это также не мыслимо. Отсюда прямой выводъ: пригласить законоучителей свѣтскихъ. Не такъ думаетъ авторъ «замѣтки». Подобныхъ грустныхъ фактовъ онъ не отрицаетъ и признаетъ даже формальную правильность вывода; но необходимо, говоритъ онъ, глубже вникнуть въ суть дѣла! Прежде чѣмъ строить выводы на основаніи извѣстныхъ случаевъ, справедливость требуетъ посмотрѣть—чѣмъ вызываются самые эти

случаи, извѣстны ли всѣ причины, ихъ вызывающія, и если извѣстны, то что сдѣлано или что можно сдѣлать для ихъ устраненія? Если сельское духовенство уклоняется отъ законоучительства, то, по справедливому замѣчанію автора, нужно не замѣщать его свѣтскими людьми, а позаботиться о томъ, чтобы оно не имѣло «настоятельныхъ побужденій» уклоняться отъ этого, сдѣлать такъ, чтобы законоучители «оказались въ возможности» и требы исполнять и заниматься съ охотой въ народныхъ школахъ. «Само духовенство, какъ бы оно ни было забито горемъ, нуждой и гнетущей бѣдностію своего положенія, глубоко понимаетъ важность законоучительства, знаетъ, что это его священная обязанность, налагаемая на него церковью и долгъ предъ народомъ» и только крайняя нужда заставляетъ его уклоняться отъ того долга. «Такъ дайте же ему возможность не уклоняться отъ своего долга, дайте возможность не только свободно и вполнѣ сознательно относиться къ этому долгу, но и имѣть средства для его выполненія,—и тогда требуйте отъ него, чтобы онъ—законоучитель не уклонялся, не манкировалъ, не пренебрегалъ народной школой: онъ тогда отвѣтитъ за себя! А пока этого нѣтъ, пока и общее положеніе законоучителя - священника крайне бѣдственное, и трудъ его въ школѣ или вовсе не оплачивается или оплачивается самыми ничтожными грошами—никто не въ правѣ обвинять его въ игнорированіи одной изъ священнѣйшихъ обязанностей, въ небрежности и нерадѣніи».

Съ другой стороны, по мнѣнію автора, подлежитъ еще большему сомнѣнію истинная причина, побуждающая священниковъ уклоняться отъ законоучительства: кромѣ требоисправленій и другихъ домашнихъ и приходскихъ дѣлъ изъ за которыхъ уклоняются отъ исправнаго посѣщенія народныхъ школъ, есть, какъ показываетъ опытъ, и не мало другихъ причинъ, не менѣе побудительныхъ и сильныхъ, хотя и весьма прискорбныхъ. Наконецъ, авторъ обращаетъ должное вниманіе и на то, кто долженъ замѣнить собою священниковъ-законоучителей, и главнымъ образомъ на то, какъ посмотритъ на эту замѣну самъ народъ. По взгляду народа, думаетъ онъ, только священникъ можетъ быть лицемъ, вполнѣ подходящимъ для законоучительства, «всякій же другой въ этомъ званіи для народа—человѣкъ становящійся не на свое мѣсто, взявшійся не за свое дѣло, вообще, человѣкъ чужой, пришлый, котораго онъ не знаетъ и которому въ силу этого не будетъ вѣ-

рить. Онъ будетъ сторониться отъ него и легко можетъ случиться, что предпочтетъ такого «непризнаннаго» законоучителя какому нибудь малограмотному начетчику или полуслѣпой черничкѣ, принимающимъ дѣтей на «выучку», — предпочтетъ именно потому, что ихъ онъ знаетъ и принимаетъ въ извѣстномъ смыслѣ какъ людей, принадлежащихъ также къ духовному чину и, хотя остающихся въ міру, но живущихъ постоянно подлѣ церкви и по монашескому обиходу!!.. Въ какомъ же положеніи окажется тогда новоявленный законоучитель «изъ свѣтскихъ»?

Во «*внутреннемъ церковномъ обозрѣніи*» затрогивается другой современный вопросъ, еще болѣе важный и интересный,—вопросъ о положеніи русскаго духовенства въ обществѣ, о взаимномъ отношеніи пастырей и пасомыхъ. Въ виду существующаго въ настоящее время въ обществѣ недовольства современнымъ состояніемъ церкви, въ газетахъ и журналахъ нерѣдко встрѣчаются заявленія о необходимости преобразованія существующаго церковнаго строя. Сознавая, что нынѣшнее положеніе духовенства не нормально, что необходимо поднять уваженіе къ духовенству въ народѣ и обществѣ, нѣкоторые органы свѣтской печати высказываютъ и свои проекты, какъ достигнуть. Съ однимъ изъ такихъ проектовъ предложенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]) и имѣетъ дѣло нашъ обозрѣватель. Но по мнѣнію «Отеч. Записокъ», положеніе духовенства въ обществѣ было вполнѣ нормальнымъ и соотвѣтствующимъ своему назначенію только до тѣхъ поръ, пока оно не составляло собою отдѣльной замкнутой и разобщенной съ народомъ касты. «Записки» говорятъ, что пока крестьянскія дѣти учились грамотѣ у крестьянъ же—по наукамъ, приспособленнымъ къ полученію духовнаго сана, пока сами же крестьяне выбирали подобныхъ кандидатовъ и представляли на усмотрѣніе архіерея и послѣдній утверждалъ ихъ, послѣ чего по взаимному соглашенію заключались условія относительно руги и сборовъ, — все шло хорошо: члены общества избирали себѣ священникомъ того, кто имъ былъ любъ, а выбранный такимъ образомъ священникъ, оставаясь по прежнему членомъ общины (только болѣе привиллегированнымъ)

---

[1]) Замѣтка объ этомъ проектѣ „Отеч. Зап.“ между прочимъ помѣщена была въ „Москов. Церк. Вѣдомостяхъ“.

лучше понималъ нужды своихъ духовныхъ чадъ. Современемъ это право общины на свободное избраніе себѣ священниковъ уничтожилось, явилось спеціальное духовное сословіе, которое занимало мѣсто не по выбору, а преемственно по наслѣдству,—явилась духовная каста, разобщенная съ народомъ, чуждая ему. Прихожане получаютъ неизвѣстнаго имъ дотолѣ священника, часто даже нелюбимаго ими, а послѣдній являлся на приходъ, не зная духовныхъ нуждъ прихожанъ. Отсюда—взаимныя непониманія и ссоры между пастырями и пасомыми. Такимъ образомъ, если главное зло въ томъ, что духовенство составляетъ касту, то необходимо уничтожить ее. Но какъ сдѣлать это? Пусть общество само, какъ нѣкогда въ старину, приготовляетъ и избираетъ себѣ кандидатовъ на священство; для этого нужно завести особыя общественныя или земскія школы, которыя будутъ стоять къ высшей духовной власти въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и вообще школы. Этотъ проектъ «Отеч. Зап.», на взглядъ обозрѣвателя, представляется не новымъ, а главное—неисполнимымъ. Кромѣ другихъ неудобствъ, главное въ томъ, что уничтожить духовенство, какъ касту, какъ сословіе, невозможно. Невозможно это, по его мнѣнію, потому, что лица, ведущія одну дѣятельность, принадлежащія къ одной профессіи, вопреки всякимъ теоріямъ, всегда и неизбѣжно будутъ тяготѣть другъ къ другу, отыскивая въ данномъ общеніи удовлетвореніе своимъ личнымъ особенностямъ и поддержку при рѣшеніи вопросовъ общаго ихъ профессіональнаго дѣла. Такъ это ведется во всѣхъ сословіяхъ, корпораціяхъ, такъ дѣлается «на міру», нельзя отказать въ томъ же и духовенству. Да и не слѣдуетъ, даже, прибавляетъ онъ, отказывать, такъ какъ не было бы въ подобномъ отказѣ никакого смысла. Достоинство каждой корпораціи опредѣляется не степенью разрозненности ея членовъ, а напротивъ наибольшею общностію и солидарностію ихъ между собою, единствомъ взглядовъ и общностію преданій.

Обращаетъ на себя вниманіе статья о спиритизмѣ, помѣщенная подъ еще рубрикою «внутреннее церковное обозрѣніе». Отвѣчая на вопросъ: что это за система и на какихъ нравственныхъ началахъ она опирается? авторъ говоритъ: «сказать о спиритизмѣ, что это система странная, по нашему мнѣнію, значило бы выразиться слишкомъ низко». Основнымъ предположеніемъ спиритизма служитъ положеніе духа въ универсумѣ, какъ *относительнаго* духа, благодаря чему, онъ не только нравственно ограниченъ, но

и физически имѣетъ мѣсто, форму, имѣетъ фигуру, переносится съ мѣста на мѣсто и можетъ сноситься съ другими себѣ подобными. Спиритизмъ только перенесъ центръ тайны изъ одного міра въ другой, и, опознавъ возможность существованія духа въ менѣе грубыхъ формахъ, вообразилъ, что открылъ его сущность, чего въ дѣйствительности нѣтъ и въ поминѣ. Противопоставивъ такимъ образомъ двѣ формы существованія — земную и загробную, какъ стадіи, существеннымъ образомъ отличающія самую суть духа, какъ вещи противоположныя, онъ рукой махнулъ на земную форму существованія и съ судорогами, съ кривляньями сталъ искать отвѣтовъ на свои вопросы въ другомъ мірѣ. На этомъ послѣднемъ пунктѣ спиритизмъ нелѣпъ уже до не вообразимости, какъ всякое отрицаніе. Но это не все. Спиритизмъ—религія; онъ апеллируетъ къ Богу; онъ произноситъ приговоръ о мірѣ и тянетъ къ духамъ, и—трудно представить приговоръ отвратительнѣе его приговора и употребленіе Богомъ дарованныхъ силъ болѣе неестественное, чѣмъ это онъ дѣлаетъ. И вотъ теперь, наличная наша наука становится въ тупикъ предъ такимъ своеобразнымъ явленіемъ и недоумѣваетъ, съ чего это люди завѣдомо дѣльные взяли да и порвали связь съ ихъ точнымъ методомъ и ихъ вѣско оправданнымъ научнымъ анализомъ, какъ профессоры—спириты Бутлеровъ и Вагнеръ. Не доумѣваетъ также и богословская наука: съ чего это люди оставили вѣру Христову и пошли по пути завѣдомо не христіанскому? Съ чего?...

Русская Старина. Г. Бахтоловскій сообщаетъ въ этомъ журналѣ автобіографію одного изъ замѣчательныхъ лицъ начала нынѣшняго столѣтія—свящ. Ѳеодосія Левицкаго. (Статья носитъ заглавіе: «описаніе духовныхъ подвиговъ и всѣхъ случаевъ жизни священника Левицкаго»). Автобіографія предваряется нѣкоторыми замѣчаніями гг. Астафьева и Бахтоловскаго, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: начало XIX в. было временемъ мистическихъ идей, создавшихся подъ вліяніемъ великихъ событій французской революціи и первой имперіи. Тогда ожидали близкаго втораго пришествія Христова и точно вычисляли дни его. Этими идеями глубоко проникласъ и пламенно религіозная душа священ. Ѳ. Левицкаго. Онъ почелъ себя призваннымъ свыше свидѣтельствовать людямъ о наступающемъ страшномъ судѣ и проповѣдывать покаяніе. Онъ отказался отъ своего прихода, энергически взялся за выполненіе своего «призванія», писалъ посланія къ кн. Голицыну и Государю Александру I, которыя были благосклонно прочтены; но

въ 1824 г. онъ сказалъ по поводу наводненія рѣзкую проповѣдь (наводненіе назвалъ онъ гнѣвомъ Божіимъ за то, что «со стороны правительства не было ни малаго движенія къ покаянію»), за которую былъ на нѣкоторое время заточенъ въ монастырь. Возвратившись изъ монастыря въ свою родную Балту, онъ всѣ свои силы посвятилъ на служеніе страждущему человѣчеству Строгое исполненіе священническаго служенія, постоянное проповѣдываніе, строгое подвижничество, безпрерывная молитва, трудъ и характеризуютъ личность этого замѣчательнаго человѣка.

Приведемъ болѣе замѣчательныя мѣста изъ автобіографіи о. Левицкаго. Эта искренняя исповѣдь дышетъ благочестивымъ чувствомъ, полнѣйшимъ упованіемъ на всесильный Промыслъ Б. и горячею любовью къ людямъ,—въ каждомъ словѣ ея проглядываетъ также и та идея, которая руководила всею жизнью о. Левицкаго: во всемъ онъ видитъ признаки приближающагося суда Б. Такъ напр. онъ передаетъ волнующія его въ дорогѣ къ Петербургу чувства: «духъ у меня въ благой надеждѣ на Б. весьма радовался; мысль вся занята была чуднымъ строеніемъ живыя десницы Б. въ чудномъ Промыслѣ Его о мнѣ грѣшномъ и о всей твари, какъ и о грядущемъ вѣчномъ царствіи Его».... «мнѣ настоящее путешествіе мое воображалось непрестанно не другимъ чѣмъ предъ Богомъ, какъ только, по откровенію св. Іоанна Б., пареніемъ жены, невѣсты царствія Б., на двухъ крылахъ орла великаго, въ пустыню, идѣже уготовано ей мѣсто, дабы тамо препитатися ей время временъ и полъ времени отъ лица зміина, гонящаго ее». (гл. III). О. Левицкій, какъ видно, былъ твердо убѣжденъ въ своемъ призваніи свыше: «отвѣтъ мой *), разсказываетъ онъ о своемъ посѣщеніи митрополитовъ петербургскаго и московскаго, состоялъ по Господѣ, что сильное и внутреннее побужденіе Духа Господня, на основаніи вѣчнаго закона святѣйшія любви Его, по явственному, твердому и непреложному слову святаго Евангелія и всего божественнаго писанія Его, въ предпріятіи моемъ, и во всѣхъ стезяхъ моихъ имѣлъ я закономъ предъ Богомъ, и оное мною управляло».... «въ трудѣ моемъ предъ Богомъ не имѣлъ я ни единаго наставника, а только однимъ Духомъ Господнимъ управлял-

*) Его спрашивали о томъ, какъ онъ „самозванъ на великое дѣло Христово рѣшился.“

ся».... (гл. VII). Проповѣдуя о приближеніи царствія Б., Левицкій принималъ живое участіе въ дѣлахъ библейскаго общества: горестью отзываются его слова о противникахъ дѣла Б. общества—графѣ Аракчеевѣ, арх. Фотіѣ, митр. Серафимѣ и др.—А вотъ что онъ говоритъ о наводненіи въ Петербургѣ: «при дѣйствіи толико явнаго и страшнаго гнѣва Б., многія тысячи народа погубившаго, поелику не видно было со стороны правительства ни духовнаго, ни свѣтскаго ни малаго движенія къ покаянію.... того ради я грѣшный и недостойный рабъ (Божій), неограниченно служить божественной правдѣ царствія Его, благодатію Его себя посвятившій, непремѣннымъ долгомъ и обязанностію себѣ предъ Богомъ поставилъ въ наступившій воскресный день засвидѣтельствовать въ церкви народу, что страшное оное наводненіе.... было ударъ праведнаго суда Б....» (гл. XIV). Въ монастырскомъ заключеніи о. Левицкій не переставалъ проповѣдывать о приближеніи страшнаго суда; за одну изъ такихъ проповѣдей (которую онъ самъ считаетъ сказанною подъ внушеніемъ Духа Божія) его вывели изъ трапезной, гдѣ онъ говорилъ; то-же повторилось на другой день послѣ этого за литургіей. Пребывая въ монастырѣ, онъ считалъ себя «узникомъ въ чуждомъ царствѣ» и съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда онъ будетъ имѣть возможность всюду свободно проповѣдывать (гл. XVIII). Съ монастырскими властями, препятствовавшими ему говорить, впослѣдствіи случились различныя несчастія, что онъ приписываетъ мщенію Божію за себя, равно какъ тотъ-же судъ Божій онъ видитъ въ участи графа Аракчеева (гл. XIX—XX). Мистическій характеръ о. Левицкаго особенно проявляется въ его разсказѣ о различныхъ видѣніяхъ, бывшихъ ему и другимъ лицамъ; въ однихъ изъ этихъ видѣній онъ видѣлъ предсказанія, впослѣдствіи, по его завѣренію, осуществившіяся; въ другихъ аллегорическія знаменованія, въ третьихъ, искушенія и испытанія. Вотъ напримѣръ, разсказъ его объ одномъ видѣніи: «казалось, стоялъ я въ великомъ смиреніи и какъ-бы младенческомъ страхѣ—посреди новаго, каменнаго, чисто побѣленнаго храма—одинъ, одѣтъ только въ кафтанѣ. Обыкновеннаго иконостаса въ семъ храмѣ я не видѣлъ, а вмѣсто того на южной стѣнѣ онаго, горѣ Спаситель—какъ-бы живой—сидѣлъ на ворономъ конѣ, и недалече Его была стоящая, также какъ-бы живая Богоматерь, едва примѣтнаго младенца на рукахъ своихъ держащая. По надъ главу мою, по небу церковному снизу вверхъ, и

сверху внизъ храма—непрестанно парили множество орловъ, которые на меня очень пристально всматривались, и я ихъ опасался; но они ни малѣйше ко мнѣ не прикасаясь, ниже приближаясь слишкомъ близко, такъ тихо по—надъ меня носились, что даже ни малѣйшаго шороха или шума отъ движенія ихъ крылъ не было слышно: чему я много удивлялся. — Это послѣ на дѣлѣ исполнилось, когда, по возвращеніи моемъ, неотступающая отъ меня живая рука Преблагаго моего Господа, въ новосооруженномъ оном храмѣ даровала мнѣ священную службу свою въ совершенномъ мирѣ отъ наблюдающихъ за мною властей и начальствъ, коихъ преслѣдованія я долженствовалъ опасаться, и самаго любопытства ихъ беречься». Въ другой разъ ему было «видѣніе луны, совершенно въ распятіе Христово, премѣнившейся: что особенное страданіе нашего царства и всего міра отъ казней небесныхъ прообразовало» (гл. XXIV). Послѣднія XXV—XXXI гл. посвящены разсказу о возвращеніи въ Балту и приключеніяхъ на пути. Разсказъ его, вообще простой, безъискуственный, постоянно чередуется съ благочестивыми размышленіями и хвалой Промыслу по поводу различныхъ случаевъ. Въ «Русской Старинѣ», впрочемъ, автобіографія о. Левицкаго приведена не вполнѣ: многія части ея неизвѣстно, гдѣ находятся, и не могли быть найдены, несмотря на всѣ старанія г. Бахталовскаго.

«Записки сельскаго священника». (Продолженіе). Въ настоящемъ выпускѣ сельскій священникъ приводитъ различные случаи злоупотребленій и вымогательствъ священниками у своихъ прихожанъ платы за требы и нерѣдкіе случаи неряшливой жизни сельскихъ священниковъ. (Откуда очевидна добросовѣстность и безпристрастіе автора этихъ записокъ). Все это объясняетъ горемычнымъ житьемъ священниковъ въ деревняхъ, ихъ одиночествомъ, совершенной зависимостію отъ прихожанъ,—съ другой стороны неумѣлостію духовнаго и свѣтскаго начальства: «наши консисторіи, штрафуя и за дѣло, и безъ дѣла, насъ—благочинныхъ, служащее духовенство, вдовъ и сиротъ, унижаютъ предъ обществомъ, прежде всего и болѣе всего не тѣхъ, кого штрафуютъ онѣ, а себя самихъ, унижаютъ собою организацію духовнаго управленія; за тѣмъ, унижаютъ благочинныхъ предъ ихъ подвѣдомымъ духовенствомъ и духовенство предъ прихожанами и ставятъ себя во враждебныя отношенія къ духовенству». (Въ запискахъ приводятся факты).

Въ ноябрьской книжкѣ журнала авторъ «Записокъ» сначала описываетъ нравственныя мученія сельскаго священника во времена крѣпостничества. Автору нѣкоторое время пришлось быть священникомъ въ Маріинской колоніи питомцевъ Московскаго воспитательнаго дома. Порядки въ этой колоніи были аракчеевскіе, крестьяне подвергались самымъ звѣрскимъ, неестественнымъ и нелѣпымъ истязаніямъ какъ за легкія вины, такъ и совершенно безвинно. Священникъ, конечно, счелъ себя нравственно-обязаннымъ вступаться за угнетаемыхъ, но изъ этого не видѣлъ ничего, кромѣ насмѣшекъ и мукъ. Не можемъ удержаться чтобы не привести разсказаннаго здѣсь-же случая, который какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о преградахъ, поставляемыхъ священнику въ честномъ прохожденіи его обязанностей: въ колоніи была школа. Однажды по распоряженію одного властительнаго лица изъ этой школы были вынесены всѣ иконы, но священникъ энергически настоялъ на возвращеніи ихъ. Результатомъ этого честнаго поступка было удаленіе священника отъ должности законоучителя «за неуспѣшное преподаваніе Закона Божія!»...

Послѣднія главы въ этомъ выпускѣ авторъ посвящаетъ разбору обвиненій духовенства въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу проповѣдничества. По его мнѣнію, такого небрежнаго отношенія на дѣлѣ нѣтъ, а наоборотъ можно жаловаться исключительно на равнодушное и даже холодное, высокомѣрное, но ни на чемъ не основанное, отношеніе общества къ слушанію проповѣдей и къ другимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ. Здѣсь же, между прочимъ, авторъ доказываетъ, что не «грязное, отупѣлое и безнравственное» состояніе духовенства, какъ говорятъ свѣтскія газеты, заставляетъ дѣтей духовныхъ лицъ выходить въ свѣтское званіе, а «та бѣдность, то униженное состояніе, въ которое духовенство поставлено обществомъ».

νόμος ἐπαναληφθείη, ὁ τὴν εὐχέρειαν τῶν αἱρετικῶν ἀφαιρούμενος, τοῦ εἴτε ἀπὸ χειροτονιῶν, εἴτε ἀπὸ διαθηκῶν τούτους δύνασθαι λαμβάνειν τί ποτε, ἢ καταλιμπάνειν, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, τοῦ εἴτε καταλιμπάνειν τι, εἴτε λαμβάνειν τὰ ἴδια ἀφέληται, τῶν τῇ μανίᾳ τοῦ ἰδίου πείσματος τυφλωθέντων, καὶ ἐν τῇ τῶν Δονατιςῶν πλάνῃ ἐπιμένειν βουλομένων. Τοῖς δὲ τῇ κατανοήσει τῆς ἑνότητος καὶ εἰρήνης ἑαυτοὺς διορθώσασθαι βουλομένοις ὑπερκειμένου τοῦ τοιούτου νόμου ἀνοιχθείη ἡ ἀκρόασις τοῦ λαμβάνειν κληρονομίαν, εἰ καὶ ἔτι τούτοις αὐτοῖς ἐν τῇ τῶν αἱρετικῶν πλάνῃ καθεζῶσι προσαρμόζει τί ποτε ἀπὸ δωρεᾶς ἢ κληρονομίας, ἐξῃρημένων ἐκείνων δηλαδή, οἵτινες μετὰ τὸ εἰς δίκην ἐναχθῆναι ἐλογίσαντο ὀφείλειν πρὸς τὴν Καθολικὴν μετελθεῖν. Περὶ γὰρ τῶν τοιούτων πιςευτέον ἐςὶν, μὴ τῷ φόβῳ τῆς οὐρανίας κρίσεως, ἀλλὰ

ным пáмѧти Ѻтцéмъ йхъ Ѳеодосїемъ, ѡ взыскиканїи по десѧти фѵнтѡвъ злáта, съ ересетїкѡвъ рѵкополагáющихъ и рѵкополагáемыхъ, тáкожде и съ владѣльцевъ, оу̀ которыхъ кѣдетъ оу̀смóтрено собранїе йхъ. Притомъ да повелáтъ подтвердúти Ѻный закóнъ, съ распространéнїемъ сúлы егѡ на тѣхъ, противѣ нашéствовъ кóихъ предстáвили свидѣтельства прїáкшїе попечéнїе ѡ Кафолúческой Цр҃кви, дабы̀, по крáйней мѣрѣ, сúмъ стрáхомъ, ѡ произведенїѧ раскóлъ и ѡ ересетúческаго безбóжїѧ, оу̀держаны бы̀ли, ѿлагáющїе своé ѡчищéнїе и йспрáвленїе при помышлéнїи ѡ вѣчномъ наказáнїи. Вшé и ѡ тóмъ подобáетъ просúти, да кѣдетъ благочéстїемъ йхъ возвѣ-

τῇ ἁπλίσιᾳ τῆς γηίνης λισητελείας, τὴν Καθολικὴν ἑνότητα ἐπιποθῆναι. Πρὸς τούτοις δὲ πᾶσι τῆς βοηθείας χρεία ἐςὶ τῶν δυναςειῶν ἑκάςης ἐπαρχίας ἰδίας. Καὶ ἄλλο δὲ εἴτι δήποτε κατανοήσωσι τῇ ἐκκλησιαςικῇ χρησιμότητι λισιτελοῦν, τοῦτο διαπράττεσθαι καὶ ἐξανύειν αὐτεξούσιον ψηφιζόμεθα τοποτηρησίαν.

новлéнх до нынѣ сѫществꙋющїй законъ, котóрый ѿемлетъ ѹ҆ ересѣ́ковъ прáво взимáти что́ либо, и҆ли́ при рꙋкоположéнїихъ, и҆ли́ по завѣщáнїихъ, и҆ли́ ѿставлáти, и҆ прóстω рещи́, ѹ҆ ѿлѣплéнныхъ вездѣ́ныхъ своúхъ предѣлѣжде́нїемъ, и҆ хотя́щихъ пребывáти въ заблѫжде́нїи Донатúстωхъ, да ѿи́метсѧ клáсть и҆ли́ ѿставлáти что́ либо, и҆ли́ взимáти собственное. И҆ тѣ́мъ, которы́е помышлéнїемъ ѿ̀ ёдинéнїи и҆ мúрѣ косхотя́тъ и҆спрáвити себѣ́, да вѣ́детъ разрѣшено́, и҆ при сѫществованїи такова́гω закóна, пользова́ти наслѣ́дїе, хотя́ ны что́ въ да́рѣхъ и҆ли́ въ наслѣ́дїе достáлось и҆мъ ещѐ тогдá, кáкъ о҆ни́ находи́лись въ ересѣ́ческомъ заблѫжде́нїи, заи҆зключéнїемъ и҆ прóчемъ

тѣхъ, которые по призыва́нїи къ сѹдѹ, почли́ нѹ́жнымъ прейти́ къ Кафоли́ческой Цр҃кви. Ибо ѿ такови́хъ полага́ти до́лжно, ѩкѡ не по стра́хѹ небе́снагѡ сѹда́, но по а҃лка́нїю земны́м выгоды пожела́ли Кафоли́ческагѡ ѥ҃дине́нїѧ. Свы́ше же всегѡ сегѡ потре́бна по́мощь ѿ вла́стей ка́ждыѧ о҃бласти. Но и а҃ще и҃но́е что́ оу҃смо́трѧтъ мѣстоблюсти́тели, споспѣшествѹ́ющее цр҃ко́вной по́льзѣ: сїѐ дѣ́лати и҃ соверша́ти даю́мъ полномо́чїе.

Зонара. Когда донатисты не приняли посольства къ нимъ отъ собора, отцы, собравшись, рѣшись снова послать съ жалобою на нихъ посольство къ царю Гонорію (ибо Гонорій управлялъ тогда Римомъ и западомъ), и посылаемымъ дали письменное наставленіе для напоминанія о томъ, что́ они должны были сказать царю. А это наставленіе, которое они назвали коммониторіемъ, состояло въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ мы съ дерзновеніемъ призывали старѣйшинъ донатистовъ собраться, и, если имѣютъ увѣренность, защищать свое ученіе, чтобы такимъ образомъ и нынѣ „дознана была“, т. е и нынѣ обнаружилась „изъ замѣшательства и упорства“, т. е. изъ невѣжества и упрямаго сопротивленія противорѣчущихъ „каѳолическая искренность“, т. е. чистота догматовъ каѳолической церкви; ибо если бы,

говоритъ соборъ, они собрались, то обнаружилось бы, что по невѣжеству и напрасному упорству настаиваютъ на тѣхъ мнѣніяхъ, какихъ держатся; но поелику они не имѣли дерзновенія, то почти ничего не отвѣтили. Итакъ когда мы мирнымъ образомъ сдѣлали все то, что слѣдовало намъ сдѣлать, какъ епископамъ, а они обратились къ пелѣпымъ и насильственнымъ поступкамъ и злоумышленіямъ, то, говорятъ отцы, царскому человѣколюбію предлежитъ позаботиться, чтобы кооолическая церковь, родившая ихъ православіемъ, воспитавшая въ крѣпости вѣры, т. е. предавшая имъ твердую вѣру, была ограждена, дабы безстыдные люди не возгосподствовали надъ народомъ, наводя на него страхъ; ибо посредствомъ убѣжденія не могутъ совратить его, то есть вовлечь въ свое нечестіе; ибо что производятъ тѣ, которые устрояютъ незаконныя собранія, извѣстно изъ законовъ. Итакъ просятъ оказать помощь не необычайную и нечуждую Писаніямъ, но такую, о какой упоминаетъ и божественное Писаніе, именно приводятъ свидѣтельство изъ книги Дѣяній о св. Павлѣ, гдѣ говорится, что и онъ соумышленіе людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою помощію; а соумышленіемъ безчинныхъ людей называютъ отцы или соумышленіе схватившихъ апостола въ святилищѣ, когда онъ очистился и асійскіе іудеи возбудили противъ него народъ, тысячникъ же, явившись съ воинами, исхитилъ его изъ среды искавшихъ убить его (Дѣян. гл. 21, ст. 26—40 и гл. 22), или заговоръ сорока іудеевъ, которые закляли себя *ни ясти ни пити, дондеже убіютъ Павла* (Дѣян. 23, 13), ибо и тогда тысячникъ, узнавъ объ этомъ, послалъ его съ воинами въ Кесарію къ игемону Филику; или разумѣютъ оба эти случая. Подобнымъ образомъ и отцы просятъ, чтобы дано было охраненіе церквамъ въ городахъ и другихъ мѣстѣхъ; чтобы соблюдаемъ былъ законъ, изданный Ѳеодосіемъ великимъ, о взысканіи десяти фунтовъ золота съ рукополагающихъ и рукополагаемыхъ еретиковъ и тѣхъ, которые принимаютъ ихъ въ своихъ имѣніяхъ; чтобы законъ этотъ имѣлъ силу и противъ донатистовъ, дабы по крайней мѣрѣ изъ страха пени перестали производить расколы еретики, которые не исправляются страхомъ вѣчнаго наказанія. Просятъ также возобновить и тотъ законъ, по

которому еретики не получали ни наслѣдства, ни дара, и чтобы онъ имѣлъ силу и противъ донатистовъ; если же кто изъ нихъ исправятся, то по отношенію къ нимъ законъ не долженъ имѣть мѣста; а если нѣкоторые изъ донатистовъ уже были привлечены въ судъ изъ-за наслѣдства, и если по лишеніи ихъ, какъ еретиковъ, наслѣдства, или дара, или какого-нибудь перешедшаго къ нимъ имущества, и послѣ того, какъ были призваны къ суду, перейдутъ къ каѳолической церкви, то говорятъ отцы, таковымъ не должно вѣрить, что они переходятъ по сознанію своей ереси, а не потому, чтобы не потерять имущества: пусть они не получаютъ никакой выгоды отъ своего обращенія. Потребна, говорятъ, помощь отъ властей каждой области, т. е. чтобы оказывали помощь церквамъ начальствующіе въ каждый области; ибо они суть властители (δυνάσται) областей. Но мы, говорятъ отцы, даемъ посылаемымъ полномочное мѣстоблюстительство, чтобы они просили и другаго, если усмотрятъ что-нибудь нужнымъ для церквей. Соборъ рѣшилъ приготовить граматы къ царю и къ начальствующимъ, чтобы они знали, что мѣстоблюстители посланы въ комитатъ, т. е. въ царскія палаты, съ согласія отцевъ собора. А царей назвалъ благочестивѣйшими, т. е. вѣрнѣйшими и христіаннѣйшими, потому что они стоятъ за вѣру христіанъ.

Аристинъ. Рожденные въ благочестіи и воспитанные въ вѣрѣ цари должны подавать руку церквамъ; поелику когда былъ въ нуждѣ Павелъ, воинская рука разрушила соумышленіе безчинныхъ.

Церкви всегда нуждаются въ союзѣ и въ помощи благочестивыхъ царей, которые и должны оказывать имъ таковую помощь, какъ передовые борцы за вѣру, дабы она не была въ пренебреженіи отъ еретиковъ, или безчинныхъ людей; ибо и Павелъ разрушилъ соумышленіе безчинныхъ воинскою помощію.

Вальсамонъ. И то, что въ настоящемъ собесѣдованіи постановлено отцами о донатистахъ, есть частное дѣло и не относится къ устройству церквей; поэтому и не было намъ нужды писать здѣсь толкованіе.

Славянская кормчая. *Правило 94. Цари правовѣрніи, руку помощи церквамъ дати должни суть.*

Рождьшіися во благочестіи, и въ вѣрѣ воспитани бывше цари, руку дяяти церквамъ должни суть, понеже и Павлу помольшуся, воинская рука безчинныхъ разруши единодушіе.

Толкованіе. Благочестивыхъ царей, пособія и помощи церкви всегда требуютъ. Цари же должни суть таковая подаяти имъ, яко вѣры суще поборници, да не отъ еретикъ, или отъ безчинныхъ человѣкъ преобидими бываютъ. Ибо и апостолъ Павелъ (Дѣян. 47), егда клятвами совѣщашася безчиніемъ евреи убити его въ церкви, воинскою силою сихъ единодушныи совѣтъ разруши.

Κανὼν ρε΄.

Ἵνα, ἐπειδὴ ἐν Καρχηδόνι μόνον ἕνωσις ἐγένετο, πεμφθῶσι γράμματα πρὸς τοὺς ἄρχοντας, ὅπως καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις καὶ πόλεσιν οἱ αὐτοὶ ἄρχοντες σπουδὴν ἐπιχορηγηθῆναι κελεύσωσι τῇ ἑνότητι. Ἵνα εὐχαριστίαι ἀπὸ τῆς ἐν Καρχηδόνι Ἐκκλησίας, ὑπὲρ πάσης τῆς Ἀφρικῆς, περὶ τοῦ ἀπελαθῆναι τοὺς Δονατιστάς, μετὰ γραμμάτων τῶν Ἐπισκόπων ἐπὶ τὸ κομιτάτον πεμφθῶσιν.

Пра́кило ρ̄ε.

Понеже въ Карѳаге́нѣ то́кмѡ соверши́лось е̑дине́нїе, что́ да по́шлютсѧ гра́моты къ нача́льствующымъ, да и̑ въ про́чихъ е̑па́рхїахъ и̑ гра́дѣхъ повела́тъ сі́и нача́льствующіе прилага́ти тща́нїе ѡ̑ е̑дине́нїи. (Ё) Карѳаге́нскїѧ цр҃кви, и̑менемъ всеѧ А̑фрїки, да по́шлетсѧ къ ца́рской пала́тѣ къ гра́мотахъ е̑пи́скопскыхъ благодаре́нїе за ѿрине́нїе Донати́стскихъ.

Зонара и Вальсамонъ. (Правило это надписано: βρέβιον τῶν κεφαλαίων). Βρέβιον называется письменное изложеніе чего либо въ сокращеніи; ибо brevio у латинянъ значитъ сокращаю (τέμνω), а brevitas—сокращеніе. Самое правило, какъ ненужное для практики, оставлено безъ толкованія.

Κανὼν ρς΄.

Σύνοδον μὴ γίνεσθαι κοινὴν τε καὶ ὁλοτελῆ, εἰ μὴ ἐξ ἀνάγκης.

Ἔδοξεν, ὥστε μὴ εἶναι περαιτέρω ἐνιαυσίαν ἀνάγκην τοῦ συντρίβεσθαι τοὺς ἀδελφούς· ἀλλ' ὁσάκις ἂν κοινὴ χρεία καλέσοι, τοῦτ' ἔστι πάσης τῆς Ἀφρικῆς, γραμμάτων διδομένων ὁπηνδήποτε πρὸς ταύτην τὴν καθέδραν, Σύνοδον ὀφείλειν γίνεσθαι ἐν ταύτῃ τῇ ἐπαρχίᾳ, ἔνθα ἡ χρεία καὶ ἐπιτηδειότης συνωθήσῃ. Αἱ δὲ αἰτίαι αἱ μὴ οὖσαι κοιναί, ἐν ταῖς ἰδίαις ἐπαρχίαις κριθῶσιν.

Правило ѯѕ.

Ѡ томѣ, ꙗкѡ не бы́ти ѻ҃бщемꙋ и҆ всецѣ́ломꙋ соборꙋ, ра́звѣ по нꙋ́ждѣ.

Разꙋ́ждено́, ꙗкѡ не є҆́сть неѡбходи́мо, впре́дь є҆же́годнѡ ѹ҆трꙋждя́ти бра́тїю: но когда́ потре́бꙋетъ ѻ҃бщая́, то́ є҆́сть всея́ а҆фрїки нꙋ́жда, по гра́мотамъ, ѿкꙋ́да ли́бо прихожда́щымъ къ семꙋ́ престо́лꙋ, тогда́ подоба́етъ бы́ти соборꙋ́ въ той ѻ҃бласти, въ кото́рꙋю призове́тъ потре́бность и҆ ꙋ҆до́бство. Дѣла́ же не ѻ҃бщыя, да сꙋ́дятсѧ въ ка́ждой ѻ҃бласти по́розн҃.

Зонара. Постановлено, чтобы не ежегодно собирался соборъ епископовъ въ Карѳагенѣ, дабы, говорятъ (отцы), не были утруждаемы братья, но когда потребуетъ общая нужда, о которой заявятъ епископы своими граматами; дѣла же не общія должны быть разсматриваемы (на мѣстѣ) въ каждой области.

Аристинъ. Постановлено послать граматы къ начальствующимъ, чтобы они оказали усердіе въ изгнаніи донатистовъ. По требованію общей нужды, да будутъ посылаемы граматы къ полномочному престолу и да будетъ соборъ, гдѣ удобно; а дѣла не общія да рѣшаются по областямъ.

Чтобы въ каждой области ежегодно былъ соборъ ея епископовъ, для каноническаго изслѣдованія рѣшенія мѣстныхъ церковныхъ вопросовъ,—это предписываетъ и настоящій соборъ; но чтобы собирались въ какомъ нибудь мѣстѣ епископы всѣхъ африканскихъ областей и составляли общій соборъ, этому позволяетъ быть не иначе, какъ только если причины, по которымъ они должны собраться, будутъ общія. А когда какая нибудь общая причина потребуетъ, чтобы былъ общій соборъ, то епископы должны послать граматы къ тому епископу, который занимаетъ первый престолъ, и гдѣ тотъ признаетъ удобнымъ собраться, туда и должны собираться.

Вальсамонъ. Тогда какъ другія правила предписываютъ, чтобы соборы были ежегодно, настоящее правило постановляетъ, что находящимся подъ властію африканскаго собора нѣтъ нужды собираться въ Карѳагенѣ ежегодно, а только тогда, когда потребуетъ общая нужда, заявленная граматами епископовъ, дабы не были утруждаемы братья. Но какъ бы предупреждая чей вопросъ: кѣмъ же будутъ рѣшаться возникающіе церковные вопросы, (соборъ) говоритъ, что если это будутъ общіе вопросы, т. е. догматическіе, то епископы должны быть приглашаемы граматами и, когда соберется соборъ, недоумѣніе разрѣшается; если же вопросы не таковы, но частные, напримѣръ, возникающіе между клириками, или епископами, то они должны быть разрѣшаемы въ каждой области. Такимъ образомъ замѣть, что областные епископы необходимо должны ежегодно собираться у своего перваго, а прочіе — каждый разъ, какъ будутъ призваны; поэтому-то и у константинопольскаго патріарха тѣ, которые имѣютъ свои области, т. е. митрополиты, не необходимо должны собираться ежегодно и безъ приглашенія, такъ какъ они обязаны составлять ежегодные соборы въ своихъ церквахъ. Прочти также 8-е правило трульскаго собора и что въ немъ написано.

Славянская кормчая. *Правило 95.* Изволиша отци, грамоты послати ко властелемъ, яко да потщавшеся дати имъ помощь, изгнати донатіаны, во общей потребѣ бывши, грамоты да посылаются господьскому престолу, и соборъ да бываетъ.

идѣже есть подобно: аще не общыя потребы, въ своихъ областехъ да творятъ соборъ, и судятся.

Толкованіе. Иже убо въ коейждо области собору бывати по вся лѣта, собиратися епископомъ, и вся прилучившаяся имъ особно церковная стязаніа по правиломъ, изысковати же и разрѣшати, соборъ повелѣваетъ. А еже отъ всѣхъ областей, и сущихъ во Африкіи епископомъ сходитися въ нѣкоемъ мѣстѣ, и общъ творити соборъ: аще не будетъ общая вина, еяже ради должни суть снитися, инако таковому собору быти не прощаетъ, труда ради шествіа за долготу пути. Егдаже будетъ нѣкая общая потреба, еяже ради общему собору быти, должни суть вси епископи, къ держащему первыи престолъ епископу, грамоты послати. И той идѣже аще изберетъ мѣсто стройно снитися, ту да соберутся.

Κανὼν ρζ΄.

Ἵνα αἱρετοὺς δικαστὰς μὴ ἐξὸν εἴη ἐκκαλέσασθαι.

Ἐὰν δὲ γένηται ἔκκλητος, καὶ ἐπιλέξηται ὁ ἐκκαλεσάμενος δικαστάς, καὶ μετ' αὐτοῦ κἀκεῖνος καθ' οὗ ἐξεκαλέσατο· τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τούτων μηδενὶ ἐξέσῳ ἐκκαλεῖσθαι.

Пра́вило ρ̄ζ̄.

Ѡ козбране́нїи переноси́ти дѣла́ ѿ сѹдей добровольнѡ и҃збранныхъ.

А҆́ще слѹчи́тсѧ перенесе́нїе дѣла́ въ вы́сшїй сѹдъ, и҆ недово́льный пе́рвымъ рѣше́нїемъ и҆збере́тъ сѹдей, кѹ́пнѡ же съ ни́мъ и҆ то́тъ, проти́въ кото́рагѡ тре́бѹетъ ѻ҆нъ но́вагѡ сѹда: то́ посла́сегѡ ни кото́ромѹ и҆з ни́хъ да не бѹ́детъ позво́лено перенесе́нїе дѣла́ въ и҃ный сѹдъ.

Κανὼν ρή'.

Περὶ ἐκβιβαζῶν τῆς Ἐκκλησίας.

Ἥρεσεν πρὸς τούτοις, ὥστε ἐκβιβαζὰς ἐν πᾶσι τοῖς τῆς Ἐκκλησίας χρειώδεσι πέντε ἐπιλεγῆναι αἱτηθῆναι, οἵτινες ἐν ταῖς διαφόροις ἐπιμεριοθήσονται ἐπαρχίαις.

Пра́вило р҃и.

Ѡ҃ цр҃ко́вныхъ и҃сполни́телѧхъ.

Кро́мѣ сего́ ѕаблагораѕсу́жденно́ проси́ти, да и҃ѕбере́тсѧ и҃ногда́ повсю́ду нѹ́ждамъ цр҃ко́вныхъ и҃сполни́телей, кото́рые да распредѣля́тсѧ по ра́ѕнымъ о҃бластѧмъ.

Зонара. На третейскихъ судей и гражданскими законами не допускается аппелляція. То же говоритъ и настоящее правило, именно: если кто будетъ осужденъ и, недовольный первымъ рѣшеніемъ, *изберетъ* аппелляціонное судилище (δικαστήριον ἐκκλητάριον), на которое согласится прійти и тотъ, противъ кого онъ требуетъ новаго суда, т. е. противная сторона: то далѣе не должно быть дозволено никому изъ нихъ искать новаго суда въ отмѣну рѣшенія судьи, избраннаго обѣими сторонами.

Аристинъ. Когда одинъ изъ тяжущихся останется недоволенъ первымъ рѣшеніемъ, то если оба изберутъ третейскаго судью, уже не будутъ имѣть права перенести дѣло въ новый судъ.

Гражданскій законъ такъ разсуждаетъ о третейскихъ судьяхъ, что третейскій судъ составляется не иначе какъ если каждый изъ судящихся предварительно представитъ залогъ въ томъ, что если одинъ изъ нихъ не останется при рѣшеніи избраннаго ими судьи, то онъ долженъ потерять этотъ залогъ въ пользу другаго, принимающаго рѣшеніе; ибо ни одна изъ сторонъ не будетъ принуждаема къ принятію рѣшенія, напротивъ это останется въ ихъ власти. По этому и право перенесенія дѣла въ новый судъ не имѣетъ мѣста по отношенію къ третейскому приговору, такъ какъ и безъ перенесенія дѣла въ новый судъ недовольный можетъ отказаться отъ него, потерявши только залогъ. Но законъ

прибавляетъ, что обыкновенный (πρόσφορος) судья для сторонъ, который можетъ судить ихъ въ силу своей власти, не бываетъ третейскимъ судьею. А каноны не то постановляютъ объ избранныхъ судьяхъ, но предписываютъ, что, если тяжущіеся епископы, или клирики, изберутъ кого изъ епископовъ въ качествѣ третейскихъ судей и пожелаютъ судиться у нихъ, то подвергшійся осужденію уже не можетъ быть уважетъ, если остается недоволенъ рѣшеніемъ, но долженъ и противъ воли подчиниться ему; причина же, по которой, какъ мы думаемъ, не дозволяется искать пересмотра рѣшенія такихъ судей, указана нами въ толкованіи на 15-е (16-е) правило настоящаго собора.

Вальсамонъ. Избранные (αἱρετικοί, иначе αἱρετοί) судьи суть тѣ, которые судятъ по желанію подсудимыхъ. Итакъ, говоритъ правило, если кто будетъ осужденъ и, оставшись недоволенъ рѣшеніемъ, захочетъ, чтобы дѣло его было пересмотрѣно такимъ-то епископомъ, и другая сторона не будетъ противъ этого, то потомъ уже никому изъ нихъ не можетъ быть дозволено искать пересмотра рѣшенія судьи, избраннаго обѣими сторонами. Таково правило, и оно согласно съ гражданскими законами, которые содержатся во 2-мъ титулѣ 7-й книги Василикъ и опредѣляютъ, что противъ рѣшенія третейскихъ судей не дается аппелляціи къ новому суду. Не говори, что такіе избранные судьи, по самой природѣ ихъ, постановляются съ дачею залога. А кто скажетъ, что если не данъ залогъ, то осужденный безопасно можетъ не послушаться рѣшенія, тотъ услышитъ, что если кто изберетъ въ (третейскіе судьи) лице, не имѣющее судейской власти и не дастъ залога, то, не принимая рѣшенія, онъ безъ предосужденія можетъ отвергнуть произнесенный противъ него приговоръ; а если изберетъ дѣйствительнаго судью, то не можетъ искать пересмотра его рѣшенія, какъ это открывается и изъ настоящаго правила. Но это должно имѣть силу, какъ мнѣ кажется, только въ церковныхъ дѣлахъ согласно съ настоящимъ правиломъ. Ибо гражданскій законъ дозволяетъ избравшему судью (только бы онъ имѣлъ право производить судъ) искать пересмотра его рѣшенія.

Славянская кормчая. *Правило 96. Суперника два избраста себѣ судіи, и отъ нихъ осужденыи, индѣ припадъ не*

пріатель. Единому отъ двою супернику припадавшу, аще же оба изволита избрати судію, оттолѣ да припадаета.

Толкованіе. Градскіи убо законъ тако мудрьствуетъ, о изволеныхъ судіахъ. Якоже инако не составити изволена судища, аще не вопросятъ прежде отъ обою супернику глаголюще, сама изволиста судитися отъ насъ. Аще же единъ отъ ва не пріиметъ суда нашего, толико злата да вдастъ супернику своему, пріемлющему судъ нашъ, и обѣма рекшема, тако да будетъ, и положита толико злата, между собою, и тако судитася. И аще которыи отъ нею не хощетъ пребыти во осужденіи, изволенаго отъ нею судіи, вземъ злато вдастъ супернику своему, иже пріемлетъ судъ его, и пребываетъ въ немъ. Не нудима бо еста пріати судъ его, да пребываетъ въ немъ, но по воли ею се есть. Сего ради градстіи судіи, да его не посуждаютъ, понеже и кромѣ судища ихъ можетъ, ему же есть не угоденъ судъ, реченное злато давъ, отъити оттуду. Глаголетъ же и се градскіи законъ, яко подобенъ сыи обѣма супернікома судіа, рекше сроденъ, и могіи судити по своей власти, изволеныи судіа не бываетъ. Правила же не тако о изволеныхъ судіахъ повелѣваютъ. Но аще оба суперника епископа, или причетника, изберета нѣкія отъ епископъ изволеныя судіи, и предними судитися восхощета, осужденыи отъ нихъ, аще хощетъ пріати осужденіе ихъ, индѣ припадъ не пріатенъ есть, но да пребудетъ и не хотя въ томъ осужденіи. Вина же по нашему смотренію, еяже ради не прощено есть на судъ ихъ припадати посужденія ради. Написана бысть нами въ 15, правилѣ сего собора.

Книга правилъ. Должность исполнителей, вѣроятно, состояла въ настояніи, чтобы опредѣленія начальства и суда, не оставались безъ исполненія, по уклоненію или упорству.

Κανὼν ρθ'.

Ἤρεσεν ἔτι μήν, ἵνα ἐξ ὀνόματος πασῶν τῶν ἐπαρχιῶν οἱ πορευθησόμενοι πρεσβευταί, Βιχέντιος, καὶ Φορτουνατιανός,

Пра́вило р҃а.

Вҍ́ѥ̀ заблагораз҃ѹ́ждено, что́бы ѿправля́емые ѿ и́мени всѣ́хъ е́па́рхі́й посла́нники, Ві́кє́нті́й и

αἰτήσωσιν ἀπὸ τῶν ἐνδοξοτάτων Βασιλέων, ὥστε δοθῆναι ἄδειαν τοῦ καταστῆσαι ἐκδίκους σχολαστικούς, οἵτινες αὐτὸ τοῦτο τὸ λειτούργημα, τοῦ ἐκδικεῖν τὰ πράγματα, ἐπιτήδευμα ἔχωσι· καὶ ἵνα ὡς ἱερεῖς τοῖς τῆς ἐπαρχίας οἱ αὐτοί, οἱ τὴν ἐκδίκησιν τῶν Ἐκκλησιῶν ἀναδεξάμενοι, εὐχερῶς δυνηθῶσιν ὑπὲρ τῶν τῆς ἐκκλησίας πραγμάτων, ὁσάκις ἀνάγκη ἀπαιτήσει πρὸς τὸ ἀντιστῆναι τοῖς ἀνακόπτουσι, καὶ ἀναφέρειν τὰ ἀναγκαῖα, καὶ εἰς τὰ σήκρητα τῶν δικαστηρίων εἰσιέναι.

Ѳ҃вртѳнатїа́нъ, проси́ли пресла́вныхъ Царе́й, да бу́детъ позво́лено оу҃чреди́ти оу҃че́ныхъ е҃кди́ковъ, кото́рые и҃мѣ́ли бы свое́ю о҃бя́занностїю дѣ́йствованїе къ защище́нїи дѣ́лъ: и҃ кото́рые бы, а҃ко свѧще́нники е҃па́рхїй, прїе́мшїе на себя́ ходата́йство по дѣла́мъ Цр҃кве́й, свобо́днѣ могли́, когда́ ну́жда потре́буетъ, е҃ходи́ти къ прису́тствїе сѹди́лищъ для ѡ҃проверже́нїя козраже́нїй, и҃ для предста́вленїя того́, что́ ну́жно.

Зонара. Отцы поручаютъ послать испросить у державныхъ право поставлять ученыхъ экдиковъ, то есть такихъ, которые были бы способны и обязаны, по должности, исключительно заниматься защитою дѣлъ; и всѣ дѣла, какія могутъ, оканчивали бы сами, опровергая противниковъ; а объ остальныхъ доносили бы, т. е. представляли въ присутствія (σήκρητα) судилищъ. Эти присутствія правило называетъ σήκρητα, какъ у латинянъ называются судилища; ибо secerno у нихъ значитъ—различаю, разбираю (διακρίνω).

Аристинъ. Да будетъ испрошено у царя право поставлять защитниковъ по церковнымъ дѣламъ, которые бы имѣли обязанностію защищать дѣла и, какъ священники, могли бы доносить о возникающихъ.

И опять рѣшено было соборомъ, какъ принятое въ 75-мъ (86)

правилѣ, просить царя, чтобы дано было право поставить для церкви экдиковъ, которые имѣли бы исключительное служеніе и обязанность — защищать церковь и, какъ священники, противодѣйствовать тому, что возстаетъ противъ нея, и, если будетъ нужно, могли бы удобно представлять обо всемъ царю и такимъ образомъ доставлять церкви защиту.

Славянская кормчая. *Правило 97.* Отъ царя да испросится соглаголникъ, рекше помощникъ заступленію, о церковныхъ главизнахъ, иже хитрость имѣютъ, отмщати вещи церковныя. И яко святители о приключающихся удобно возвѣщати могутъ.

Толкованіе. И паки изволися отцемъ собора сего, якоже въ 75-мъ, правилѣ, угодно бысть просити отъ царя, яко да вдастъ имъ власть, поставляти местники въ церкви, еже суть казнители и судіи, то самое служеніе и хитрость, имущихъ церковныя вещи отмщати: яко да противятся святители прилучающымся, коль краты аще нужда будетъ, и удобь зѣло могутъ въ судища входити, и цареви о таковыхъ возвѣщати, и оттуду помощь пріимати.

Книга правилъ. Сей должности екдика частію соотвѣтствуетъ нынѣшняя должность духовнаго депутата при дѣлопроизводствахъ по вѣдомству свѣтскому.

Κανὼν ρί.

Ἔπρεπεν, ὥστε αὐτεξούσιον τὴν τοποτηρησίαν ἔχειν τοὺς ἐπὶ τὸ κομιτᾶτον πεμφθέντας ἐπιλέκτους τοποτηρητάς.

Пра́вило р҃і.

Разсу́жденo, да и҃мѣ́ютъ свобо́дное мѣ́стоблюсти́тельство и҃зра́нные мѣ́стоблюсти́тели, посла́нные къ ца́рской пала́тѣ.

Зонара. Мѣстоблюстители должны имѣть свободу, т. е. говорить и дѣлать не только то, что было поручено имъ, но и все другое, что они признаютъ полезнымъ для церкви.

Книга правилъ. То есть: имъ позволяется представлять не только именно повелѣнное имъ отъ Собора, но и другое, что признаютъ полезнымъ для Церкви.

Κανὼν ρια΄.

Ἤρεσεν ἐκεῖνο, ἵνα οἱ ὄχλοι, οἱ μηδέποτε ἰδίως ἐσχηκότες Ἐπισκόπους, εἰ μὴ ἐκ πάσης τῆς Συνόδου ἑκάστης ἐπαρχίας καὶ τοῦ πρωτεύοντος ψήφισμα γένηται, καὶ κατὰ συναίνεσιν ἐκείνου, οὗ τινος ὑπὸ τὴν διοίκησιν καθίζατο ἡ αὐτὴ Ἐκκλησία, μηδαμῶς δέξωνται.

Правило ρ҃а҃.

Постано҃влено и҃ сі҃е: наро҃дъ никогда҃ не и҃мѣ҆вшему҆ своего҆ в҃пи́скопа ѡ҃нюдь не дава́ти его́, ра́зъ҆ по р҃ѣшє́нію всего҆ собо́ра ка́ждыѧ о҃бласти, и҃ пе́рвенствующаго в҃пи́скопа, и҃ съ согла́сіѧ того҆ в҃пи́скопа, къ предѣ́лъ҆ ко́его҆ состои́тъ о҃наѧ цр҃ковь.

Зонара. И въ другихъ правилахъ различныхъ соборовъ опредѣлено, чтобы епископъ не былъ поставляемъ въ приходы, въ которыхъ изстари не было обычая поставлять его, развѣ только пожелаетъ того митрополитъ (ибо онъ есть первенствующій въ области, въ которой находятся приходы) и согласится епископъ, которому, можетъ быть, принадлежитъ приходъ, какъ находящійся подъ его управленіемъ и присудитъ областный соборъ.

Аристинъ. Никогда не имѣвшіе своего епископа не иначе могутъ получить его, какъ только если весь соборъ области и первенствующій ея напишетъ согласно съ мнѣніемъ того, подъ властію коего состоитъ область, въ которой находится самая церковь.

Если какой либо приходъ состоялъ подъ властію епископа и тамошній народъ пожелалъ имѣть собственнаго епископа, то онъ не долженъ быть выслушанъ тотчасъ, но по изслѣдованіи всего собора области, ея митрополита и, кромѣ того, съ согласія епископа, подъ властію котораго состоитъ тотъ приходъ.

Вальсамонъ. И въ другихъ правилахъ разныхъ соборовъ опредѣлено, что не должно поставлять епископа въ приходъ, въ которомъ изстари не было обычая, чтобы онъ былъ, раз-

вѣ только пожелаетъ митрополитъ (ибо это есть первенствующій въ области) и согласится епископъ, которому, можетъ быть, подчинепъ приходъ, какъ составная часть епархіи, и присудитъ областный соборъ. Сдѣлать что нибудь другое можетъ только царь по данной ему власти; ибо въ такомъ случаѣ должно быть то, что онъ повелитъ, какъ объ этомъ мы писали уже въ различныхъ правилахъ.

Славянская кормчая. *Правило 98.* Иже николиже имѣвше своего епископа воспросятъ, да будетъ, аще не соборъ епископъ области тоя, и старѣйшихъ епископъ повелятъ и напишутъ, по воли и того епископа, въ его же власти есть церковь та, инако не пріимутъ.

Толкованіе. Аще предѣлъ нѣкіи подъ епископомъ есть, и восхощетъ того народъ епископа себѣ поставити особна; не просто услышани да будутъ, но со искушеніемъ всего собора. Да аще митрополитъ области тоя, и вси сущіи съ нимъ епископи, по воли того епископа, подъ нимъ же есть предѣлъ, повелятъ и напишутъ, да поставится имъ епископъ.

Κανὼν ριβ'.

Περὶ λαῶν καὶ διοικήσεων, τῶν ἀπὸ Δονατιζῶν ἐπιστρεφόντων.

Ἵνα δηλαδὴ κἀκεῖνοι οἱ λαοὶ, οἱ ἀπὸ τῶν Δονατιζῶν ἐπιστρέφοντες, καὶ Ἐπισκόπους ἐσχηκότες παρὰ γνώμην τῆς Συνόδου, τούτους ἀναμφιβόλως ἔχειν ἀξιωθῶσιν. Οἵτινες δὲ λαοὶ ἐσχήκασιν Ἐπίσκοπον, καὶ τούτου τελευτήσαντος οὐκ ἠθέλησαν ἴδιον Ἐπίσκοπον ἔχειν, ἀλλὰ πρὸς ἄλλου τινὸς Ἐπισκόπου διοίκησιν ἀναδρα-

Прáвило рѵ̃в.

Ѡ народѣ и епáрхіахъ, ѡбращáющихсѧ ѿ Донатíстовъ.

Нарóдъ ѡбращáющійсѧ ѿ Донатíстовъ, имѣющій епíскопа, постáвленнаго безъ сонзволенíѧ собóра, да бýдетъ несомнѣннѡ оу҃достóенъ имѣти ѻ҃наго. Нарóдъ имѣвшемъ епíскопа, и по смéрти егѡ̀ не восхотѣвшемъ имѣти своегѡ̀ епíскопа, но желáющемъ

μεῖν ἀνήκει, τοῦτο μὴ ὀφείλειν τούτοις ἀρνηθῆναι. Οὐ μὴν ἀλλὰ κἀκεῖνο ἀνηνέχθη, ὅτι οἱ Ἐπίσκοποι οἱ πρὸ τοῦ βασιλικοῦ νόμου, τοῦ περὶ ἑνότητος προκομιζομένου, οἵτινες δήποτε πρὸς τὴν Καθολικὴν ἐπιστρέφωσι τοὺς λαοὺς, οὓς εἶχον αὐτοὶ, τούτους κατέχειν ὀφείλουσι. Μετὰ δὲ τὸν νόμον τῆς ἑνότητος καὶ ἐπέκεινα χρὴ πάσας τὰς Ἐκκλησίας καὶ διοικήσεις αὐτῶν, καὶ ἐάν τινα τυχὸν ὦσι δικαιώματα τοῖς δικαίοις ἀνήκοντα τῶν αὐτῶν Ἐκκλησιῶν, διεκδικεῖσθαι ὑπὸ τῶν Καθολικῶν Ἐπισκόπων τῶν ἐν τοῖς τόποις ἐκείνοις, ἐν οἷς κατείχοντο παρὰ τῶν αἱρετικῶν, εἴτε ἐπιστρεφόντων λοιπὸν πρὸς τὴν Καθολικὴν, εἴτε μὴ ἐπιστρεφόντων. Καὶ ἐάν τινες τισι κατεχρήσαντο μετὰ τὸν βασιλικὸν ὁρισμὸν, ὀφείλει ταῦτα ἀποκαθίστασθαι.

по прилѣчію присоединитисѧ къ ѥпа́рхіи и́ного кото́раго либо ѳпи́скопа, не до́лжно къ сѣмъ ѡказы́кати. Предло́жено и́ сіѥ: ꙗкѡ ѳпи́скопы, пре́жде ѡкаа́нѳнїѧ ца́рскаго зако́на ѡ ѥдинѳнїи, ѡбрати́вшіе къ Каѳоли́ческой цр҃кви наро́дъ, кото́рый и́мѣли къ оу҃правлѳнїи, должны оу҃держа́ти вла́сть над ѻ҃ными. По зако́нѣ же ѥдинѳнїѧ и́ да́лѣе, надлежи́тъ цр҃кви и́ пред҃лы и́хъ, и вс҃ѣ, каки́ѧ мо́гутъ ѡказа́тисѧ принадлѣ́жности, зако́нно прискорбенныѧ тр҃кмъ цр҃кваѧмъ, да бу́дутъ оу҃тверждены за Каѳоли́ческими ѳпи́скопами, находя́щимисѧ къ тр҃кхъ мѣста́хъ, кото́рыми завладѣ́ли ѥрети́ки, къ послѣ́дствїи ѡбраща́ющїесѧ къ Каѳоли́ческой цр҃кви и́ли не ѡбраща́ющїесѧ. И ѧ҃ціе что́ нѣ́кіи

ѝ҃ѕ нѝхъ присво́или себѣ҃, по́слѣ ца́рскаго зако́на, что́ долженствѣ́етъ возвраще́но бы́ти.

Зонара. Народъ, говорятъ отцы собора, обращающійся отъ ереси донатистовъ, долженъ имѣть епископа, какого имѣлъ, если т. е. и онъ обратится. Если же нѣкоторые изъ обращающихся, послѣ смерти своихъ епископовъ, не получили другаго епископа, но присоединились къ епископу сосѣдней епархіи, то пусть остаются подъ его властію, и въ этомъ не должно быть имъ отказано (ἀρνηθείη), т. е. запрещено, воспрепятствовано. И всѣ епископы донатистовъ, приведшіе въ церковь подчиненныхъ имъ людей, должны и послѣ присоединенія оставаться ихъ епископами. А послѣ закона о соединеніи (ибо въ то время державными изданъ былъ законъ о соединеніи африканскихъ церквей), всѣ церкви и владѣнія, т. е. имущества, приходы и акты тѣхъ церквей должны быть, говорятъ (отцы), утверждены за каѳолическими епископами (каѳолич. епископами называются здѣсь или экзархи каѳолической церкви, или первые, т. е. митрополиты), обращаются ли еретики, или нѣтъ. Если же еретики присвоили (κατεχρήσαντο) себѣ какія либо изъ правъ церкви, послѣ закона, т. е. отчуждили, то они должны возвратить и это. Надлежащимъ образомъ отцы воспользовались словомъ: κατεχρήσαντο, ибо κατάχρησις есть пользованіе не по праву. Итакъ и отчуждающіе церковное имущество присвояютъ его; ибо пользуются имъ не такъ, какъ должно. Пусть слышатъ это тѣ, которые безбоязненно отчуждаютъ имущество церквей и тѣ, которые соизволяютъ имъ.

Аристинъ. Обратившіеся изъ донатистовъ пусть имѣютъ собственныхъ епископовъ, хотя бы безъ соизволенія собора получили ихъ, а по смерти епископа, если не хотятъ поставить вмѣсто него другаго епископа, но присоединиться къ другому, да будетъ позволено; епископы, обратившіеся прежде соединенія, пусть владѣютъ тѣми народами, которыми владѣли; а послѣ царскаго указа о соединеніи, каждая церковь должна утвердиться въ собственныхъ правахъ.

Опредѣлено было, чтобы донатисты, отдѣлившіеся отъ церкви и имѣвшіе своихъ епископовъ, если вмѣстѣ съ ними обратятся къ каѳолической церкви, имѣли безпрепятственно ихъ опять епископами, хотя бы они были поставлены и безъ соизволенія собора. Если же, по смерти этихъ епископовъ, они не пожелаютъ вмѣсто нихъ получить другихъ отдѣльныхъ епископовъ, но быть подъ властію и управленіемъ другихъ какихъ либо епископовъ, съ тѣмъ, чтобы не считаться имъ опять раскольниками и не желать жить самимъ по себѣ, а состоять подъ властію каѳолической церкви: то пусть это будетъ имъ дозволено. Но и епископы донатистовъ, обратившіеся прежде царскаго закона, которымъ повелѣно— церкви и владѣнія, коими владѣли донатисты, присоединить къ церквамъ каѳолическихъ епископовъ, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ, должны удержать за собою тѣхъ людей, которыхъ имѣли въ своей власти, и оставаться у нихъ епископами; послѣ же этого царскаго указа, хотя бы они обратились къ каѳолической церкви, хотя бы и нѣтъ, каждая церковь должна возвратить свои права.

Вальсамонъ. Правило опредѣляетъ, чтобы обращающіеся изъ ереси донатистовъ оставались подъ властію своихъ епископовъ, если и они обратятся. Говоритъ и еще нѣчто, что относится къ спасенію донатистовъ и церквей, находящихся подъ ихъ властію, послѣ ихъ обращенія.

Славянская кормчая. *Правило 99.* Иже отъ донатіанъ обращшеся, да имѣютъ своя епископы, аще и не съ волею собора тѣхъ имяху. Умершу же епископу, аще не хотятъ иного въ того мѣсто поставити, къ другому приложитися достойно суть. И епископи иже прежде соединенія обратившеся, люди яже имяху, да имѣютъ. По повелѣніи же царстѣмъ еже о соединеніи, каяждо церковь своя оправданія да отмститъ.

Толкованіе. Донатіане отторгшеся отъ соборныя церкве, и своя имяху епископы повелѣно бысть имъ, аще обратятся сами же и епископи ихъ, къ соборнѣй церкви, безъ сомнѣнія паки да суть епископи, аще и не по воли собора поставлени быша. Аще же скончаются тіи епископи, рекше изомрутъ, да не поставятъ инѣхъ въ тѣхъ мѣсто епископъ отъ своихъ кого, но подъ властію и подъ прав-

леніемъ инѣхъ нѣкихъ епископъ да будутъ, яко да не нарекутся паки раскольници, и по своей воли живуще, но отъ соборныя церкве поставлятися, достойно есть тако творити имъ. Но и донатіаньстіи епископи, преже царева закона обращшеся, люди яже имяху, паки да имѣютъ, и будутъ въ нихъ епископи. Законъ же и повелѣніе царево сице. Церкви и правленія яже держатъ донатіане, соборныхъ церквей епископомъ да вдадятся, ихъ же бяху мѣста та исперва, и люди своя да держатъ паки подъ своими епископіами: по таковѣмъ же царствѣмъ повелѣніи, аще обратятся къ соборнѣй церкви донатіане. Аще ли же не обратятся, каяждо церковь, своя люди и своя мѣста да возметъ.

Κανὼν ριγ'.

Μαυρέντιος Ἐπίσκοπος εἶπε· κριτὰς αἰτῷ τὸν ἁγιώτατον γέροντα Ξάγχτιππον, Αὐγεῖνον τὸν ἁγιώτατον, Φλορεντίνον, Θεάσιον, Σαμψύχιον, Σεκοῦνδον καὶ Ποσείδιον· τοῦτο ψηφισθῆναί μοι κελεύσατε. Ἡ ἁγία Σύνοδος ἐπένευσε τοὺς αἰτηθέντας κριτὰς, τοὺς λοιποὺς δὲ ἀναγκαίως δικαστὰς πρὸς ἀναπλήρωσιν τοῦ ἀριθμοῦ αὐτοῖς τοῖς ἀπὸ τῆς νέας Γερμανοῦ γέρουσιν ἐπιλέξασθαι ψηφίσεται ὁ γέρων Ξάγχτιππος.

Правило рг҃.

Маврéнтій ѳпúскопъ рéкъ: прошꙋ́, да назна́чатсѧ сꙋ́діѧми, свѧтѣ́йшій стáрецъ Ѯантíппъ, свѧтѣ́йшій Ѷгꙋ́стінъ, Флорентíнъ, Ѳеáсій, Самψꙋ́хій, Секꙋ́ндъ и Посúдій: повелúте, чтобы сі҃е ѡпредѣ́лено́ бы́ло дла менѣ. Свѧты́й Собóръ согласúлсѧ на назначéніе просúмыхъ сꙋ́дей, прóчихъ же сꙋ́дей нóжныхъ въ дополнéніе оу҃законéннагѡ числá, стáрецъ Ѯантíппъ предоставúтъ ѷзбрáти самúмъ стáрцамъ нóвыѧ Германíи.

Зонара. Нѣкоторые обвиняли Маврентія и были посланы на соборъ, они и епископъ. Итакъ, когда были потребованы обвинители, ихъ не оказалось; поэтому соборъ имѣлъ произнесть приговоръ на нихъ, но, оказавъ еще человѣколюбіе, опредѣлилъ послать грамоту къ Санктиппу (ибо ему, повидимому, подчинены были обвинители и обвиняемый), чтобы заявить, что епископъ не по желанію народа потерпѣлъ оскорбленіе, т. е. обвиненіе. Когда были потребованы обвинители епископа Маврентія и не были найдены, соборъ призналъ ненужнымъ дальнѣйшее пребываніе Маврентія, потому что обвинители его, получивъ извѣщеніе прибыть на соборъ, бывающій въ иды, не явились (идами называются послѣдніе дни мѣсяца, какъ сказано было прежде въ другомъ мѣстѣ). Но Маврентію было позволено просить судей, которые бы на мѣстѣ произвели изслѣдованіе о дѣлѣ; и Маврентій просилъ Санктиппа и шестерыхъ другихъ для изслѣдованія обвиненій, на что̀ соборъ далъ свое согласіе и постановилъ, чтобы испрошенные судьи произвели разслѣдованіе дѣла, а избраніе остальныхъ судей, нужныхъ для восполненія (установленнаго) числа, предоставилъ Санктиппу. А нужными судьями соборъ называетъ тѣхъ, которые должны были восполнить число 12-ти, такъ какъ 12-е правило настоящаго собора опредѣлило, что епископа должны судить 12-ть епископовъ. Итакъ, поелику просимыхъ Маврентіемъ было семь, то нужно было, въ силу того правила, присовокупить къ семи еще пять, дабы число было полное.

Аристинъ. Такъ какъ иподіаконы изъ новой Германіи, о которыхъ говорили, что они находятся на лицо, трижды были потребованы и не были найдены: то должно было произнести рѣшеніе; но по причинѣ церковной кротости да будутъ посланы лица, долженствующія произвести изслѣдованіе о дѣлѣ.

Эти иподіаконы, которые обвиняли епископа Маврентія и получили приказаніе явиться на соборъ, чтобы изложить обвиненія, какія взводили на епископа, такъ какъ послѣ троекратнаго разысканія не были найдены, должны были подвергнуться осужденію, какъ клеветники; но по причинѣ церковной кротости опредѣлено было послать нѣкоторыхъ судей отъ собора и на мѣстѣ разсмотрѣть обвиненія, въ присутствіи самыхъ обвинителей, и дать согласное съ дѣломъ рѣшеніе.

Вальсамонъ. И то, что содержится въ настоящемъ правилѣ, есть дѣло частное, и потому не истолковано.

Славянская кормчая. *Правило 100.* Отъ новыя Германіи пришедше глаголаху поддіакони, трищи взыскани быша и не обрѣтошася, судъ подобаше изнести на ня: но церковныя ради кротости, да будутъ послани, о вещи той разумѣти должни суще.

Толкованіе. Тіи діакони, Маврентіа епископа новыя Германіи оклеветаша, и повелѣно бысть имъ на соборъ пріити, и предложити вины, яже глаголаху на епископа, и тогда дважды и трижды, поискани бывше и не обрѣтошася, и хотяху яко клеветници осуждени быти: но церковныя ради кротости, повелѣша святіи отци, послати нѣкія судіи отъ собора во градъ той, и тамо разсмотрити вины глаголемыя на епископа, пришедшымъ и тѣмъ глаголющимъ нань, и подобно вещемъ да вдаходятъ осужденіе.

Книга Правилъ. По жалобѣ старцевъ новыя Германіи, на епископа Маврентія, онъ предсталъ Собору для суда, а обвинители не явились. Соборъ призналъ ихъ достойными осужденія: но по кротости церковной не произнеся онаго, назначилъ судъ въ области, къ которой принадлежитъ Епископъ. По сему частному дѣлу, Соборъ изрекаетъ правило, показывающее образъ составленія суда надъ епископомъ.

Κανὼν ριδ'.

Περὶ τοῦ εἰρηνοποιηθῆναι τὰς Ἐκκλησίας Ρώμης καὶ Ἀλεξανδρείας.

Ἤρεσεν ἔτι μὴν, ὥστε περὶ τῆς διχονοίας τῆς Ρωμαϊκῆς καὶ Ἀλεξανδρινῆς Ἐκκλησίας πρὸς τὸν ἁγιώτατον Πάπαν Ἰννοκέντιον γραφῆναι, ὅπως ἑκατέρα Ἐκκλησία πρὸς ἀλλήλας εἰρήνην φυλάξωσιν, ἣν Κύριος παραγγέλλει.

Правило рд҃.

Ѡ҆ сѹ҆мнотворе́нїи цр҃кви Ри́мскїѧ и҆ а҆лекса҃ндрі́йскїѧ.

Ѡ҆ разногла́сїи цр҃квей Ри́мскїѧ и҆ а҆лекса҃ндрі́йскїѧ заблагораз҃ѡ́ждено́ писа́ти къ скончѣ́йшемѹ̀ па́пѣ Іннокє́нтїю, дабы́ ѻ҆бѣ̀ цр҃кви взаи́мнѡ храни́ли ми́ръ, кото́рый гдь҃ запов҃ѣ́дуетъ.

Зонара. Между церквами римскою и александрійскою было, повидимому, какое-то разногласіе, о которомъ настоящему собору угодно было написать къ Иннокентію, тогдашнему предстоятелю римской церкви, чтобы они прекратили разногласіе и примирились между собою, согласно съ заповѣдію Господа, который говоритъ: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27) и еще: *мирствуйте себѣ и со всѣми* (1 Ѳессал. 5, 13).

Аристинъ. Рѣшено послать грамоту къ Иннокентію, чтобы церковь римская и александрійская имѣли миръ между собою.

По причинѣ возникшихъ между римскою и александрійскою церквами разномыслій, опредѣлено было послать отъ собора къ папѣ Иннокентію грамоту, чтобы та и другая церковь соблюдали между собою миръ.

Вальсамонъ. Возникло какое-то разногласіе между двумя церквами, и было постановлено водворить миръ.

Славянская кормчая. *Правило 101.* Изволиша послати грамоты ко Инокентію, смиритися другъ ко другу, римстѣй и александръстѣй церквама.

Толкованіе. Нѣкихъ ради винъ, расколъ бысть между римскою и александрскою церковію, и гнѣвъ имѣста между собою, римскіи и александръскіи папа. Изволиша отци грамоты послати, ко Инокентію папѣ римскому, яко да смиритася другъ ко другу обѣ церквѣ, и да хранитѣ миръ, его же Господь предалъ есть рекъ, миръ даю вамъ: миръ мой оставляю вамъ: и паки смиряйтеся между собою.

Κανὼν ριε΄.

Ἤρεσεν, ὥστε κατὰ τὴν Εὐαγγελικὴν καὶ Ἀποστολικὴν ἐπιςήμην, μήτε ὁ ἀπὸ γυναικὸς ἐαθεὶς, μήτε ἡ ἀπὸ ἀνδρὸς καταλειφθεῖσα, ἑτέρῳ συζευχθῇ· ἀλλ' ἢ οὕτως μείνωσιν, ἢ ἑαυτοῖς καταλλαγῶσιν. Οὗ-

Пра́вило ρ҃ιѳ҃.

Постано́влено, да по Ева́нгельскомꙋ и̑ Апо́стольскомꙋ оу҃че́нію, ни ѿста́вленный жено́ю, ни ѿпꙋще́ннам мо́жемъ, не сочета́ю́тсѧ съ дрꙋги́мъ лице́мъ: но и̑ли та́кѡ

περ ἐὰν καταφρονήσωσι· πρὸς μετάνοιαν καταναγκασθῶσιν. Ἐν ᾧ πράγματι νόμον Βασιλικὸν ἐκτεθῆναι χρεὼν αἰτῆσαι.

да пребываютъ, или да примирятся между собою. Аще пренебрегутъ сіе: да будутъ понуждены къ покаянію. Потребно есть просити, да будетъ изданъ о семъ дѣлѣ Царскій законъ.

Зонара. Императоръ Юстиніанъ въ новеллѣ, содержащейся въ 28 кн. Василикъ въ 7 титулѣ, указалъ для расторженія браковъ опредѣленныя причины, безъ которыхъ запретилъ расторгать бракъ; а этотъ соборъ, который былъ гораздо ранѣе Юстиніана и имѣетъ въ виду браки, расторгаемые по древнему обычаю, когда хотѣлъ каждый изъ супруговъ, опредѣлилъ, что разлучившіеся другъ съ другомъ должны или примириться между собою, такъ чтобы бракъ оставался, или пребывать такъ, т. е. безбрачными послѣ разлученія; если же пренебрегутъ этимъ, то да будутъ понуждены къ покаянію, т. е. пусть возъимѣютъ нужду покаяться, какъ согрѣшившіе прелюбодѣяніемъ, по гласу Господа, глаголющаго, „*яко отпустившій жену свою развѣ словесе прелюбодѣйна творитъ ю прелюбодѣйствовати; и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ*“ (Мѳ. 5, 32). Впрочемъ соборъ призналъ нужнымъ просить, чтобы былъ изданъ царскій законъ о нерасторженіи браковъ безъ причины. А евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ называютъ (отцы) заповѣдь Господа и ученіе великаго Павла; ибо Господь говоритъ: *яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мар. 10, 9); а блаженный Павелъ: *привязался ли еси женѣ; не ищи разрѣшенія: отрѣшился ли еси жены; не ищи жены* (1 Кор. 7, 27).

Аристинъ. Разлучающіеся супруги, если не примирятся, да пребываютъ такъ; если же не пребудутъ, то принуждаются къ покаянію.

Собору угодно было, чтобы, согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, никто не изгонялъ своей жены,

по своей волѣ, и не отдѣлялся отъ нея; а если случится, что мужъ или жена расторгнутъ супружество, и не примирятся, не пожелаютъ сойтись опять; то они должны оставаться такъ—разлученными, а не вступать въ другой бракъ, потому что *оженивыйся пущеницею прелюбодѣйствуетъ*; а если мужъ сочетается съ другою женою, или жена съ другимъ мужемъ, то они должны быть принуждены къ покаянію и подвергнуться епитиміямъ за прелюбодѣяніе. Ищи еще 87 правило трульскаго шестаго собора и Василія Великаго правило 10-е, 35-е, 48-е и 77-е.

Вальсамонъ. Настоящій соборъ, предписывая, чтобы отступившая отъ своего супруга не совокуплялась съ другимъ и, наоборотъ, чтобы мужъ не сожительствовалъ съ другою, но или оставался безбрачнымъ, или примирился, проситъ, чтобы посредствомъ царскаго повелѣнія всѣ были принуждены такъ дѣлать. А ты знай, что 117-я повелла Юстиніана, содержащаяся въ 7-мъ титулѣ 28-й книги (Василикъ), дала иныя постановленія относительно расторженія браковъ. Прочти еще 87-е правило трульскаго собора и что въ немъ написано, и найдешь многое по этому предмету; ибо то, что содержится въ настоящемъ правилѣ, какъ гораздо старшемъ, потеряло силу.

Славянская кормчая. *Правило 102. Мужемъ зъ женами не разлучатися.*

Малѣенца *(бракомъ совокупившеся)* распущающася, аще не смиритася, да пребываета тако. Аще ли ни, къ покаянію да понуждена будета.

Толкованіе. Угодно бысть отцемъ собора сего, по евангельскому и апостольскому ученію, никому же своея жены не изгнати просто, ни разлучатися отъ нея. Аще же прилучится, или мужу восхотѣвшу, или женѣ разлучитися отъ сожитства, и не смиритася, и не восхощета паки снитися и купно жити, да пребудутъ тако во единствѣ, и другому браку да не сочетаютася. Понеже иже пущеницу поймет, прелюбы творитъ (Мѳ. 13). Аще же мужъ пойметъ иную жену, или жена иного мужа, въ покаяніе да приведутася, и любодѣйства запрещеніе да пріимутъ. Къ сему ищи правила, 87-го, собора шестаго вселенскаго: и святаго Василіа правило, 9, 35, 48 и 77: и о семъ тамо тоже глаголетъ.

Κανὼν ριζ'.

Ἥρεσεν καὶ τοῦτο, ὥστε τὰς κεκυρωμένας ἐν τῇ Συνόδῳ ἱκεσίας, εἴτε προοίμια, εἴτε ὑποθέσεις, εἴτε παραθέσεις, εἴτε τὰς τῆς χειρὸς ἐπιθέσεις, ἀπὸ πάντων ἐπιτελεῖσθαι· καὶ παντελῶς, ἄλλας κατὰ τῆς πίστεως μηδέ ποτε προενεχθῆναι, ἀλλ' αἵ τινες δήποτε ἀπὸ τῶν συνετωτέρων συνήχθησαν, λεχθήσονται.

Пра́вило ρ҃ѕ.

Постано́влено и́ сі́е: да соверша́ются вс҃ѣ́ми ѹ҃тверждённыя на Собо́рѣ моли́твы, ка́кѣ предначина́тельныя, та́кѣ и́ ѡ҃конча́тельныя, и́ моли́твы предложе́нїя, и́ли возложе́нїя р҃ѹ́кѣ: и́ ѡ҃нюдь да не прино́сятся никогда́ и́ны́я вопреки́ в҃ѣ́рѣ, но да глаго́лются тѣ́, ко́и проскѣпе́ннѣ́йшими со́браны.

Зонара. Молитвы, говоримыя священниками во время пѣснопѣнія къ Богу, различны: однѣ читаются прежде, которыя и назвали (отцы) предначинательными; другія читаются послѣ пѣснопѣнія, и названы окончательными, какъ прилагаемыя къ пѣснямъ и говоримыя послѣ нихъ; а иныя наименовали (отцы) молитвами предложенія, такъ какъ онѣ предлагаютъ людей Господу. Итакъ соборъ опредѣляетъ, чтобы говорились только молитвы утвержденныя на соборѣ, какія бы онѣ ни были и какъ бы ни назывались, и не вводились бы другія, но чтобы говорились тѣ, какія составлены просвѣщеннѣйшими. А сказавъ о возложеніи рукъ, соборъ упомянулъ о молитвахъ при рукоположеніи; ибо при рукоположеніяхъ архіерей, возложивъ руку на голову рукополагаемаго, читаетъ при семъ молитвы. Итакъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ соборъ опредѣляетъ произносить уже утвержденныя молитвы, а не новыя, какія вводятся нѣкоторыми въ противность вѣрѣ; ибо что не испытано отцами, сомнительно: является при этомъ страхъ, чтобы не оказалось чего нибудь и нечестиваго и противнаго вѣрѣ; посему соборъ и отвергаетъ новое.

Аристинъ. Угодно было, чтобы всѣми совершаемы были моленія, утвержденныя на соборѣ, какъ предначинательныя, такъ и предложенія, или возложенія рукъ, и чтобы никогда не были вводимы другія, противныя вѣрѣ.

Всѣ должны соблюдать утвержденныя соборами писанія и молитвы, которыя приняла церковь, т. е. пѣснопѣнія, поемыя до Евангелія, чтенія изъ священныхъ писаній, молитвы предложенія, т. е. молитвы за оглашенныхъ, чрезъ которыя мы препоручаемъ ихъ Богу, и молитвы возложенія рукъ, т. е. благословенія народу, совершаемыя рукою епископа.

Вальсамонъ. Повидимому, нѣкоторые епископы рѣшались говорить необычныя молитвы или въ предначинаніяхъ къ божественнымъ славословіямъ, т. е. въ началѣ ихъ, или въ предложеніяхъ, т. е. въ срединѣ, или во время рукоположеній. Итакъ, воспрещая сіе, отцы говорятъ, что только тѣ молитвы должны быть читаемы, которыя прежде утверждены, т. е. обычныя. Таково содержаніе правила. А въ синодѣ сего царствующаго града были различныя опредѣленія, подвергающія запрещенію священнодѣйствія тѣхъ архіереевъ, которые, совершая богослуженіе въ дни памяти усопшихъ благородныхъ и великихъ людей, говорятъ похвальныя молитвы въ стихахъ, или простою рѣчью. И поступающихъ такъ оказалось много. Точно также синодальнымъ опредѣленіемъ были подвергнуты отлученію чтецы, которые въ тѣ же дни памяти выполняли музыкальныя и органныя мелодіи и обращали похоронную пѣснь въ свадебную: и они справедливо были подвергнуты отлученію. А тѣ, которые дѣлаютъ это посредствомъ благоговѣйныхъ пѣснопѣній, не насилующихъ природу, и аллилуіаріевъ, выходящихъ изъ требованій техники, т. е. основъ сладкогласія, отлучаются несправедливо; ибо не съ печалію, но по праздничному и торжественно мы нынѣ совершаемъ памяти усопшихъ, вознося благодареніе Богу, благоизволившему, чтобы усопшій отошелъ изъ среды живыхъ въ православной вѣрѣ, и удостоившему насъ того, что мы нескрытно, а съ полнымъ дерзновеніемъ погребаемъ прелагающихся отъ насъ, а не повергаемъ ихъ въ ущельяхъ какъ падаль, что̀ случалось прежде, когда еретическое возвышалось, а наше унижалось и преслѣдовалось, какъ говоритъ Григорій Бого-

словъ въ своихъ обличительныхъ словахъ на Юліана. Это и нынѣ дѣлается у христіанъ, живущихъ между мусульманами. Но мы оиміамомъ, свѣтильниками и торжественными собраніями воздаемъ честь усопшему, какъ освященному крещеніемъ, и поемъ надъ нимъ „непороченъ", говоря отъ лица его: *всѣмъ сердцемъ моимъ взыскахъ Тебе, Господи; въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса Твоя; на пути свидѣній Твоихъ насладихся* и прочее (Пс. 118), что могутъ говорить Богу избранники его.

Славянская кормчая. *Правило 103.* Годѣ бысть отцемъ да утверженыя соборы молитвы, отъ всѣхъ совершаются, или начальныя, или предложенія, или рукоположенія. И отнюдь инѣхъ на вѣру николиже не приносити.

Толкованіе. Яже отъ всѣхъ соборовъ утверженая святая писанія, и молитвы яже церковь пріяла есть, вси христіяне творити должни суть; се же есть яже въ началѣ святыя службы до евангелія пѣніе, и почитаніи священныхъ писаній: или предложеніе; се же суть, еже о оглашеныхъ молитвы, ими же тѣхъ Господеви предлагаемъ: и рукоположеніе, еже есть поставленіе: и потомъ бывающее людемъ благословеніе епископлею рукою.

Κανὼν ριζ΄.

Ἤρεσεν, ἵνα ὁστισδήποτε ἀπὸ τῆ Βασιλέως διάγνωσιν δημοσίων δικαστηρίων αἰτήσοι, τῆς ἰδίας τιμῆς ξερηθείη. Ἐὰν δὲ κρίσιν Ἐπισκοπικὴν ἀπὸ τῆ Βασιλέως αἰτήσοι· μηδὲν αὐτῷ ἐμποδίσοι.

Пра́вило ρ҃зі.

Почтано́влено: да, а҆́ще кто́ и҆̀з кли́ра кѣ́дечѣ проси́ти ѿ Ца҃ра҆ разсмотре́нїа ѡ҆ себѣ́, къ цр҃ко́вскихъ сѫди́лищахъ, лише́нъ бѣ́дечѣ свое́ю че́сти. А҆́ще же кѣ́дечѣ ѿ Ца҃ра҆ проси́ти себѣ́ сѫда́ е҆пи́скопскаго: ѿнюдь да не возбрани́тсѧ ѥ҆мꙋ сі́е.

Зонара. Различныя правила опредѣлили, что епископы должны судиться у областныхъ соборовъ, а клирики—у сво-

ихъ епископовъ. А если кто, говоритъ это правило, будучи посвященнымъ, придетъ къ царю просить разбирательства въ народныхъ судилищахъ, т. е. у гражданскихъ и свѣтскихъ начальниковъ, то долженъ быть лишенъ своей чести, т. е. изверженъ; если же, придя къ царю, будетъ просить епископскаго суда, т. е. собранія епископовъ, имѣющаго составиться по царскому указу и разобрать его дѣло, не долженъ потерпѣть вреда относительно своего званія. Прочти 9-е правило четвертаго собора.

Аристинъ. Просящій у царя народнаго суда, не епископъ. Епископъ или клирикъ, обвиняемый въ преступленіи, если пренебрежетъ церковнымъ судомъ и станетъ просить у царя свѣтскихъ судей, долженъ быть лишенъ своей чести.

Вальсамонъ. Настоящее правило ясно; оно опредѣляетъ, что должны быть извергаемы тѣ посвященные, которые пренебрегаютъ церковнымъ судомъ, и просятъ у царя, чтобы дѣло ихъ разсудили народные, гражданскіе судьи; но оно не хочетъ, чтобы терпѣли вредъ тѣ, которые добываютъ себѣ царскіе указы, чтобы судиться у епископовъ. Прочти 15-е правило настоящаго собора и толкованіе на него: тамъ говорится о томъ же пространнѣе. Замѣть еще, что и съ царскимъ указомъ посвященный не можетъ отрекаться отъ церковнаго суда, но извергается, если дѣлаетъ это. Что же? Если мірянинъ посредствомъ царскаго указа привлечетъ посвященнаго въ гражданское судилище, подвергнется ли послѣдній предосужденію? Рѣшеніе. Нѣкоторые говорятъ, что онъ свободенъ отъ всякаго предосужденія, такъ какъ здѣсь не имѣетъ мѣста и отводъ суда. А мнѣ кажется, что мірянинъ, начавшій дѣло такимъ образомъ, т. е. посредствомъ указа, хотя не подвергается предосужденію за то, что привлекъ посвященное лицо не въ надлежащее судилище, но, если дѣло церковное, онъ долженъ быть принужденъ обратиться въ церковное судилище, потому что и царскія повелѣнія понимаются и толкуются согласно съ законами и правилами. Такъ понимай и 17-ю главу 1-го титула третьей книги (Василикъ), гдѣ говорится: „не позволяемъ, чтобы епископъ въ какомъ либо гражданскомъ, или уголовномъ дѣлѣ, судимъ былъ, противъ воли, у свѣтскаго или военнаго начальника, безъ царскаго приказа“.

Славянская кормчая. *Правило 104.* Людскаго суда у царя просяи, не епископъ.

Толкованіе. Епископъ или причетникъ, о грѣсѣхъ оклеветаемь, и отрицается церковнаго судища, и проситъ отъ царя мирскихъ судей, таковыи своея чести да будетъ лишенъ.

Κανὼν ριή'.

Ὁστισδήποτε μὴ κοινωνῶν ἐν τῇ Ἀφρικῇ, εἰς τὰ περαματικὰ πρὸς τὸ κοινωνεῖν ὑφερπύσει, τὴν ζημίαν τῆς κληρώσεως ἀναδέξεται.

Правило ри҃и.

Кто̀ кы́ихъ ѡ҃лꙋче́нъ ѡ҃ ѡ҃бще́нїи цр҃ко́внагѡ въ Ѧ҃фрїкѣ, прокра́детсѧ въ заморскїи́ стра́ны, да́бы прина́тъ бы́ти въ ѡ҃бще́нїе, то́тъ подве́ргнетсѧ и҃зверже́нїю и҃з кли́ра.

Зонара. Если кто, говоритъ (правило), отступивъ отъ общенія съ своимъ епископомъ въ Африкѣ, тайно уйдетъ оттуда и удалится за предѣлы Африки, дабы не потребовали у него быть въ общеніи, долженъ быть наказанъ относительно его званія въ клирѣ, то есть долженъ испасть изъ клира и изъ той чести, какую имѣлъ по званію клирика.

Аристинъ. Не имѣющій общенія въ Африкѣ, если прокрадывается для общенія къ заморскимъ, лишается званія клирика.

Епископъ, или клирикъ, отлученный въ Африкѣ, если прокрадываясь, т. е. удаляясь за море, явится къ тамошнимъ епископамъ и они примутъ его въ общеніе, долженъ быть наказанъ лишеніемъ своей степени.

Вальсамонъ. Правило говоритъ, что тайно отступившіе отъ церквей, находящихся въ Африкѣ, и священнодѣйствующіе въ заморскихъ церквахъ, т. е. въ Римѣ, должны быть извергаемы. Такимъ образомъ замѣть, что тѣ, которые священнодѣйствуютъ въ чужой области безъ представитель-

ной и отпускной грамоты, должны быть лишены общенія, т. е. должны подвергнуться запрещенію священнослуженія.

Славянская кормчая. *Правило 105.* Аще во Африкіи безъ общенія сыи, къ сущимъ обонъ полъ моря, утаився пріобщится, не причетникъ.

Толкованіе. Иже во Африкіи отлученъ бывъ отъ службы, епископъ, или причетникъ, аще на онъ полъ моря пришедъ, и утаився, тамо сущими епископы, пріятъ будетъ на общеніе, свой убо степень да погубитъ.

Κανὼν ριθ'.

Ἤρεσεν, ἵνα ὁστισδήποτε πρὸς τὸ κομιτάτον πορευθῆναι θελήσοι, ἐν τῇ ἀπολυτικῇ, τῇ ἐπὶ τὴν Ἐκκλησίαν Ῥώμης πεμπομένῃ, κατάδηλος γένηται, καὶ ἵνα ἐκεῖθεν ἔτι μὴν ἀπολυτικὴν λάβῃ ἐπὶ τὸ κομιτάτον. Διὸ ἐὰν λαβὼν ἀπολυτικὴν πρὸς τὴν Ῥώμην μόνον, σιωπήσας τὴν ἀνάγκην, δι' ἣν εἰς τὸ κομιτάτον αὐτὸν χρὴ πορευθῆναι, θελήσῃ εὐθέως εἰς τὸ κομιτάτον βαδίσαι· ἀποκινηθῇ τῆς κοινωνίας. Ἐὰν δὲ ἐκεῖσε ἐν τῇ Ῥώμῃ αἰφνιδία ἀνάγκη ἀναφυῇ τοῦ ἀπελθεῖν εἰς τὸ κομιτάτον· ἐμφανίσῃ αὐτὴν τὴν ἀνάγκην τῷ Ἐπισκόπῳ Ῥώμης, καὶ παρακομίσῃ ἀντίγραφον τοῦ αὐτοῦ τῆς Ῥώμης Ἐπισκόπου.

Пра́вило ρ҃ѳ.

Положено: а҃ще кто́ восхо́щетъ и҆ти́ къ Ца́рской пала́тѣ: что́ да бу́детъ сіе́ ѡ҆зна́чено къ ѡ҆пра́вительной гра́мотѣ, посыла́емой къ Цр҃кви Ри́мской, и҆ ѡ҆тто́да е҆ще́ да полу́читъ ѡ҆пра́вительную гра́моту къ пала́тѣ. Того́ ра́ди, а҃ще полу́чившій ѡ҆пра́вительную гра́моту до Ри́ма то́лькѡ, ꙋ҆молча́въ ѡ҆ нуждѣ, побужда́ющей его́ и҆ти́ къ пала́тѣ, восхо́щетъ пра́мо ѡ҆и҆ти́ къ пала́тѣ: да бу́детъ ѡ҆лу́ченъ ѡ҆ ѡ҆бще́нїи. А҃ще же, та́мо къ Ри́мѣ, ѡ҆кро́етсѧ внеза́пная нужда ѡ҆и҆ти́ къ пала́тѣ:

Αἱ ἀπολυτικαὶ δὲ, αἱ ἀπὸ τῶν πρωτευόντων, ἢ τῶν οἰωνδήποτε Ἐπισκόπων τοῖς ἰδίοις κληρικοῖς διδόμεναι. σχῶσι τὴν ἡμέραν τοῦ Πάσχα. Ἐὰν δὲ ἀκμὴν ἡμέρα τοῦ Πάσχα τοῦ αὐτοῦ ἐνιαυτοῦ κατάδηλος οὐκ ἔστιν· ἡ τοῦ προηγησαμένου προσζευχθείη, ὃν τρόπον εἴωθε, μετὰ τὴν ὑπατείαν, γράφεσθαι ἐν τοῖς δημοσίοις πεπραγμένοις.

да имѣ́тъ о҃нꙋю нꙋ́ждꙋ є҃пи́скопꙋ Ри́мскомꙋ, и҆ да принесе́тъ писа́нїе того́ же Ри́мскаго є҃пи́скопа. и҃хъ ѡ҃бꙋстите́льныѧ гра́маты, ѡ҃ пе́рвенствꙋю - щихъ, или каки́хъ бы то҆ ни бы́ло є҃пи́скопѡвъ, дава́емыѧ кли́рїкамъ и҃́хъ, да кно́ситсѧ де́нь Па́схи. а҃́ще же де́нь Па́схи того́ лѣ́та є҃ще́ не и҃звѣ́стенъ: то҆ де́нь Па́схи проше́дшаго го́да да ꙗ҆́детъ ѡ҃зна́ченъ, подо́бнѡ томꙋ́, ка́къ въ свѧ́тыхъ за́писѧхъ о҆́бычно вѣ́ннѡ пи́шетсѧ: по́слѣ ко́нсꙋльства.

Κανὼν ρκ΄.

Ἥρεσε δὲ κἀκεῖνο, ὥστε κατὰ τῶν Δονατιστῶν καὶ τῶν Ἑλλήνων, καὶ τῶν θρησκειῶν αὐτῶν, τοὺς πεμφθέντας τοποτηρητὰς ἐκ τῆς τιμίας ταύτης Συνόδου, πανοτιοῦν χρήσιμον συνιδῶσιν, ἐκ τῶν ἐνδοξοτάτων αἰτήσασθαι Βασιλέων.

Пра́вило р҃к.

Разсꙋ́ждено҆́ и҆̑ сі́е: посыла́емые ѡ҃ сего́ честна́го Собо́ра мл҃стоблюсти́тели да про́сятъ преслáвныхъ Царе́й ѡ҃ всѣ́хъ, что ꙋ҆смо́трятъ поле́зныхъ проти́вꙋ Донати́стовъ и҆̑ ѵ҃ллинѡвъ, и҆̑ проти́вꙋ сѵ҃вє҃рїй и҃́хъ.

Толкованіе нагорной проповѣди Господа нашего Іисуса Христа [1]),

извлеченное изъ твореній блаженнаго Августина Дублинскимъ архіепископомъ Р. Тренчемъ.

(Переводъ съ Англійскаго языка).

ЕВ. МАѲЕЯ

Глава VI.

Ст. 1—4. «*Смотрите, не творите милостыни вашей передъ людьми съ тѣмъ, чтобъ они видѣли васъ, иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго. И такъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая, чтобы милостыня твоя была въ тайнѣ: и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно*».

Предшествующую часть проповѣди Августинъ такъ связываетъ съ тою, къ которой мы теперь приступаемъ. Доселѣ Господь поучалъ Своихъ учениковъ, *что* имъ надлежало дѣлать, теперь Онъ продолжаетъ ихъ заставлять, *какъ*

[1]) Продолженіе. Смотри ноябрьскую книжку „Чтеній“ 1880 года.

они должны были дѣлать, съ какою простотою и чистотою ока [1]). А это ученіе, замѣчаетъ онъ, никогда нелишнее; ибо даже среди благопріятнаго просвѣтленія ока для лицезрѣнія Божія, бываетъ трудно предотвратить вкрадчивыя вредныя вліянія, когда ихъ всего менѣе можно подозрѣвать, таковы, напримѣръ, неразлучныя спутницы самыхъ добрыхъ дѣлъ [2]), людскія похвалы ихъ сопровождающія. И весьма назидательно онъ представляетъ, что кромѣ заявленныхъ и завзятыхъ лицемѣровъ, всѣ дѣйствія которыхъ направлены единственно къ исканію собственной славы, много такихъ дѣятелей, у коихъ добрыя побужденія смѣшиваются съ значительною долею суетности, такъ что благодѣянія ихъ проистекаютъ изъ двухъ источниковъ, одного чистаго и другаго тлетворнаго; для нихъ дѣйствительно Богъ и угожденіе Богу занимаютъ первое мѣсто; однако ихъ намѣреніе не остается въ своей начальной простотѣ; тутъ слѣдовательно око обращается въ другую сторону, къ какой то меньшей наградѣ [3]).

Въ тоже врéмя весьма важно замѣтить, и онъ часто замѣчаетъ, что предостереженіе вообще направлено не противъ получаемой отъ людей похвалы, а противъ тѣхъ дѣяній, которыя совершаются для того, *чтобъ ихъ люди прославляли*, вмѣсто того, чтобы ихъ совершать съ чистымъ окомъ во славу Божію. Не сказано: „Смотрите не творите милостыни вашей передъ людьми“; но „*Смотрите не творите милостыни вашей передъ людьми съ тѣмъ, чтобъ они видѣли васъ*“, по этой только причинѣ и съ этою цѣ-

---

[1]) In 1 Ep. Joh tract. VIII: Посмотрите, сколь великія дѣла творитъ гордость. Взвѣсьте въ сердцѣ—вашемъ, сколь они сходны и почти равняются съ дѣлами любви. Насыщаетъ алчущаго любовь, насыщаетъ и гордость: любовь для прославленія Бога, гордость для самовосхваленія. Одѣваетъ нагаго любовь; одѣваетъ нагаго и гордость.—Постится любовь, постится и гордость. И такъ Божественное Писаніе удаляетъ насъ отъ внѣшняго тщеславія, возвращаетъ къ намъ самимъ, къ нашей душѣ. Обратись къ своей совѣсти, спроси ее. Не стремись къ наружному цвѣту, а къ тому, что составляетъ основный корень.

[2]) De Serm. Dom. in Mon. 11,1. Oculo magna ex parte mundato diffiale est non subrepere sordes aliquas de his rebus quae ipsas bonas nostras actiones comitari solent, veluti est laus humana.

[3]) Ibid. II, 2.

лію. Ибо, нѣкоторымъ образомъ мы обязаны въ видахъ христіанской любви желать похвалы отъ людей, то есть, когда нами сдѣлано что либо доброе, тогда любовь побуждаетъ насъ желать съ ихъ стороны признанія этого добра, такъ какъ не признаніе онаго было бы для нихъ предосудительно. Мы обязаны желать, чтобы наше сообщество было привлекательно; ибо мы должны чрезъ то подавать въ одно и то же время двойную милостыню, служа для богача примѣромъ, для бѣдняка помощниками въ его нуждѣ [1]). Если совѣсть говоритъ намъ, что Божія слава, а не гордость и тщеславіе есть основа нашихъ дѣяній, то для насъ нѣтъ ничего страшнаго, намъ не должно бояться или даже убѣгать свидѣтелей; но лишь бы, ихъ похвала не была конечною цѣлію нашею [2]). Здѣсь же, говоритъ онъ, заключается примиреніе съ заявленіями, каково напр. у ап. Павла, I Кор. X, 33: „Я угождаю всѣмъ во всемъ“ и Гал. I, 10: „Если бы я и по нынѣ угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ“. „Угождая людямъ, я достигаю цѣли, пріобрѣтая ихъ для истины, самое угожденіе имъ я не поставлялъ своею цѣлію; напротивъ я отъ этого вовсе отрекаюсь, когда высшее преуспѣяніе Божіей истины меня призываетъ“. Но его задушевныя „признанія“ [3]) при повѣркѣ самого себя, съ какими трудностями приходилось ему бороться различая, среди раздававшихся въ честь его одобреній, радовался ли онъ тому, что люди, за сдѣланное имъ добро, славили и восхваляли Бога или услаждался похвалами самому себѣ,

---

[1]) In 1 Ep. Ioh. Tract. VIII. „Если ты скрываешь (благотвореніе отъ людей), то скрываешь отъ людей примѣръ достойный подражанія. Ты подаешь милостыню двоимъ; двое алчутъ: одинъ хлѣба, другой правосудія... Одинъ алчетъ насытить чрево, другой ищетъ образца для подражанія. Ты кормишь одного, другому подаешь примѣръ: обоимъ подаешь милостыню. Ср. De Civ. Dei. V, 14; Serm. CLIX, 10—13.

[2]) Enarr. in Ps LXV, 2; CXVIII: Admonuit ne aliquid propter gloriam hominum fiat, non quia laus humana culpanda est, nam quid tam optandum est hominibus, quam ut eis placeant quae debent imitari? sed propter ipsam laudem bene operari, hoc est vanitatem in suis operibus intueri.

[3]) Confi X, 37.

его сердечныя истязанія среди колебавшихъ его сомнѣній, выражены съ такимъ глубоко искреннимъ чувствомъ, что слова его неизгладимыми чертами напечатлѣваются въ душѣ читателей. Здѣсь онъ указываетъ на особенныя трудности угрожающія вѣрующему. Въ другихъ случаяхъ онъ можетъ избѣгать искушеній, удалять ихъ отъ себя; но здѣсь напротивъ; ибо мы не должны подавлять въ себѣ склонность къ благотворительности, съ которою похвала неразлучна; а слѣдовательно и сопряженный съ нею поводъ къ соблазну.

Онъ, при всякомъ случаѣ, указываетъ на поясненіе изложеннаго здѣсь предостереженія, дабы люди, гоняясь за земною, „не лишились небесной награды, какъ это явствуетъ изъ притчи о мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ (Матѳ. XXV). Въ нихъ онъ видитъ подобіе тѣмъ людямъ, которые какъ и здѣсь приведенные, дѣйствуютъ и живутъ, руководясь человѣческою похвалою. Эти похвалы были какъ масло въ ихъ свѣтильникахъ, и пока количество этого масла не изсякло, свѣтильники украшались кажущимися добрыми дѣлами. Но, какъ только, эти похвалы смолкли,—а въ послѣдній день онѣ неминуемо смолкнутъ,—тогда они останутся ни съ чѣмъ; всѣ источники ихъ побужденій къ добру, истощатся и самое ихъ добро, каково бы оно ни было, равно обратиться въ ничто. Между тѣмъ, полученная за прошедшее награда также истощилась [1]); они получили то, изъ-за чего трудились и теперь имъ ничего болѣе не остается какъ приговоръ: „Я не знаю васъ“ который будетъ произнесенъ устами Того, предъ Кѣмъ не имѣетъ никакой цѣны все, что не по любви къ Нему сдѣлано [2]). Въ одномъ мѣстѣ онъ очень остроумно уподобляетъ тѣхъ, хвастующихся своими добрыми дѣлами и лишаю-

---

[1]) Enarr. in Ps. CXVIII: Perceperunt mercedem suam, vani vanam.

[2]) Serm. XCIII, 9: Non sunt fraudati laudibus humanis: quaesierunt laudes humanas, habuerunt. Istae laudes humanae in die judicii non eos adjuvant. Enarr. in Ps. CXLVII, 13 (Въ день суда) не найдутъ они себѣ доброжелателей, не найдутъ хвалителей, которыми были прежде превозносимы и къ благотворительности были возбуждаемы не голосомъ доброй совѣсти, а чужимъ суесловіемъ.

щихся всякой награды, курицѣ, которая, какъ только снесла яицо, какъ своимъ кудахтаньемъ зоветъ кого нибудь, чтобы его вынуть.

Августинъ написалъ многотрудное, но, можно сказать, безполезное сочиненіе о значеніи „*лѣвой руки*“, которой не позволено знать, что дѣлаетъ „*правая рука*“. Было бы лучше считать это за одно изъ тѣхъ сильныхъ популярныхъ изреченій, изъ которыхъ нельзя извлечь никакихъ отчетливыхъ выводовъ, и анализъ которыхъ ведетъ лишь къ противурѣчивымъ заключеніямъ. Такимъ образомъ несомнѣнно то, что въ какой мѣрѣ вообще позволительно допускается способность знанія въ рукахъ, невозможно чтобы лѣвая рука не знала, что давала правая; ибо та и другая суть органы одной и той же воли; но эта невозможность не должна отдалять насъ отъ мысли, которая невольно и сама собою въ этихъ словахъ намъ представляется. Скорѣе въ этой невозможности, происходящей отъ буквальнаго толкованія самаго правила, мы должны видѣть увѣщаніе въ возможно строжайшей тайнѣ, или, лучше сказать, простотѣ при подаваніи милостыни;—ибо храненіе тайны есть дѣло случайное, часто неудачное по самой природѣ вещей; простота же исключаетъ всякое рефлективное сознаніе факта и не придаетъ ему никакой важности. Перебравши многія несостоятельныя мнѣнія, онъ наконецъ толкуетъ, что „*лѣвая рука*“ означаетъ плотское пожеланіе, обращающее взоръ милостивца къ людской наградѣ; а „*правая рука*“ простосердечное намѣреніе исполнить божественную заповѣдь [1]), гласящую: „Мелочныя побужденія да не примѣшиваются къ высшимъ и да не оскверняютъ ихъ! Что этотъ урокъ служитъ основаніемъ всего Христова ученія, насъ теперь занимающаго, это очевидно; но конечно Господь нашъ скорѣе подаетъ здѣсь своимъ ученикамъ примѣръ того, какихъ дѣлъ Онъ отъ нихъ ожидаетъ, чѣмъ правила о способѣ дѣйствій. Если вы обращаете взоръ на награду, высшую людскихъ

[1]) Serm. CXLIX, 14: Sinistra est animi cupiditas carnalis, dextera est animi caritas spiritualis. Si ergo cum quisque facit eleemosynam, miscet cupiditatem temporalium commodorum, ut in opere illo aliquid tale conquirat, miscet sinistrae conscientiam operibus dextrae. Cp. Enarr. in Psalm. CXXXVI, 5.

похвалъ, подавайте вашу милыстыню втайнѣ, — и облекая это въ строгое догматическое изреченіе прибавляетъ — въ такой тайнѣ, чтобы, если это можно, никакая часть васъ самихъ, кромѣ подающей, ничего не знала о вашемъ дарѣ. ниже ваша другая рука.

Ст. 5, 6. „*И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться передъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату свою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно*“.

Словомъ „*войди въ комнату свою и затвори дверь свою*“ Августинъ кромѣ значенія буквальнаго и предостереженія не молиться на показъ [1]), придаетъ также мистическій смыслъ. Эта „*комната*“ (церковно-славянская „*горница*“, ταμεῖον, conclaxe maxime interius, penetrale) есть человѣческое сердце, „*дверь*“, чувственный входъ чрезъ который проникаютъ безпорядочныя и нечистыя житейскія мысли, „*дверь*“, въ которую всегда стучится искуситель, а находя ее затворенною и для него запертою, уходитъ и оставляетъ насъ“ [2]). Далѣе, говоритъ онъ, мы исполняемъ апостольское повелѣніе: „Не давайте мѣста діаволу“ (Еф. IV, 27), если мы тщательно затворяемъ дверь нашего сердца отъ него и отъ роя разсѣянныхъ мыслей, вмѣстѣ съ которыми онъ усиливается разстроить и смутить наше молитвенное расположеніе. О затворѣ двери въ этомъ смыслѣ онъ часто напоминаетъ и все же не столько настойчиво, сколько тре-

---

[1]) Enarr. in. Ps. CXLI, 3: Si homines reddituri sunt, effunde ante homines precem tuam: si Deus redditurus est, effunde ante eum precem tuam.

[2]) De Serm. Dom. in Mon. II, 3: „Не довольно войдти въ свой покой, если не затворена дверь для назойливыхъ, чрезъ которую все внѣшнее вторгается и овладѣваетъ нашимъ сердцемъ (interiora natra). Внѣшнее это все временное, феноменальное, проникающее дверію нашихъ чувствъ и рой призраковъ толкущихся къ стоящимъ на молитвѣ. Ср. Enarr. in Ps. CXII, 3, 4: Что же значитъ запереть дверь? Дверь эта какъ будто имѣетъ двѣ половинки, вожделѣнія и страха; если ты желаешь чего либо земнаго, и земное входитъ“ или боишься чего либо земнаго и оно входитъ. И такъ запри отъ діавола дверь вожделѣнія и страха, и отвори дверь для Христа.

бовала бы важность предмета. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ такой примѣръ. Еслибы ты со мною говорилъ, вовсе не стараясь расположить меня въ свою пользу, ничего отъ меня не испрашивая, а какъ съ своимъ товарищемъ, и вдругъ, прервавши разговоръ, обратился къ своему слугѣ, дѣлая ему порученіе,—не могъ ли бы я счесть это за личную обиду? А это ты ежедневно дѣлаешь съ Богомъ [1]). Въ другомъ популярномъ изложеніи [2]) онъ изслѣдуетъ, отъ чего люди съ такимъ упрямствомъ не слушаются этого повелѣнія;—отъ чего они такъ рѣдко уединяются въ самихъ себя,—отъ чего они предпочитаютъ быть вчужѣ, чѣмъ оставаться дома. Затѣмъ онъ уподобляетъ ихъ людямъ, которые, будучи недовольны своимъ домашнимъ хозяйствомъ, бѣгаютъ отъ него, хорошо зная, что дома ихъ ожидаютъ огорченія и ссоры. Иначе шло бы дѣло, еслибъ сердца ихъ были чисты, еслибъ они жили въ мирѣ съ своею совѣстію; тогда ничто не изгоняло бы ихъ изъ дому, а все напротивъ ихъ туда привлекало.

Ст. 7, 8. „*А молясь, не говори лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него*“.

Въ своемъ прекраснѣйшемъ письмѣ о молитвѣ, адресованномъ къ благородной вдовѣ Пробѣ, Августинъ дѣлаетъ различіе между „*многословіемъ*“, которое здѣсь порицается. и неустанными молитвами, которыя Господь такъ усиленно

---

[1]) Enarr. in Ps CXL, 5; in Ps. LXXXV, 4.

[2]) Enarr. in Ps. XXXIII, 5: Неохотно возвращаются домой мужья, имѣющіе сердитыхъ женъ: они спѣшатъ уходить изъ дому на торжища и тамъ веселятся. Наступаетъ часъ, когда должно возвратиться, и они приходятъ въ уныніе. Имъ предстоитъ возвратиться и терпѣть досады, переносить ропотъ, огорченія, ссориться. Но если жалки тѣ, которые, приближаясь къ своему крову, опасаются, чтобы не пострадать отъ какихъ либо смутъ, то сколь болѣе жалки тѣ, которые неохотно предстаютъ предъ свою собственную совѣсть, боятся горестнаго созванія грѣховъ своихъ? И такъ, что бы имѣть возможность сосредоточиться въ своемъ сердцѣ, очисти его. Извергни изъ него скверну похотей, гнойную алчность, истреби пагубное суевѣріе и тогда, углубись въ самого себя, что бы стихли тревожныя волненія; сердечная чистота расположитъ тебя къ молитвѣ...

поощряетъ въ другомъ мѣстѣ. Кто самъ проводилъ ночи въ молитвѣ, Кто сказалъ „ищите и обрящете"; Кто объяснилъ притчею, что должно всегда молиться и не унывать, Тотъ конечно былъ очень далекъ отъ порицанія продолжительной молитвы, если это дѣйствительно молитва. Онъ можетъ осуждать только тѣ, которыя подъ этимъ названіемъ представляютъ нескончаемый наборъ громкихъ и пышныхъ словъ, замѣняющихъ изліянія глубочайшаго искренняго чувства, часто невыразимыя въ словахъ сердечныя воздыханія, или тѣ, благоговѣйное начало которыхъ до того забывается, что языкъ произноситъ слова, когда чувство, возбуждавшее къ молитвѣ, уже охладѣло [1]).

А почему же не допускается „*многословіе*"? Потому что все что намъ нужно, объ этомъ знаетъ Тотъ, къ кому мы обращаемся съ прошеніями. Но нельзя не предположить, что этотъ упрекъ имѣлъ въ виду не одно порицаніе пустословія, а дальнѣйшую цѣль? Ибо разсуждали нѣкоторые, если Онъ напередъ знаетъ, чего мы просимъ, то какая необходимость вообще просить чего либо? И, во первыхъ, какая нужда выражать какое либо прошеніе словами, пересказывать что либо Тому, Кому все уже извѣстно? Но слова эти, возражаетъ Августинъ не болѣе какъ случайная одежда нашихъ молитвъ, въ которую мы облекаемъ ихъ для самихъ себя, а не для Него—она до того вполнѣ случайна—что очень часто наша молитва безъ нихъ обходится. Слова, во первыхъ, даны намъ въ пособіе для нашей памяти, наставляя насъ въ томъ, чего мы должны желать, или о чемъ молиться изустно или безмолвно [2]). Но въ такомъ случаѣ остается болѣе существенный вопросъ: какая нужда вообще въ молитвѣ словесной

[1]) Ер. CXXX, 10: Многословіе въ молитвѣ, вопреки нѣкоторымъ толкованіямъ, не означаетъ продолжительной молитвы, „ибо самъ Господь цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, и подалъ намъ примѣръ". Да не будетъ молитва твоя многословная; но се да не оскудѣетъ въ тебѣ пламенное молитвенное усердіе. Многоглаголаніе—это излишнее словообиліе въ испрашиваніи потребнаго. Многая же молитва выражаетъ продолжительное и благочестивое обращеніе къ Богу. Такое душевное настроеніе чаще обнаруживается слезами и воздыханіями, нежели словами.

[2]) De Serm. Dom. in Mon. II, 3; De Trin. XV, 13.

или въ невысказанныхъ желаніяхъ? Онъ, Всеблагій, не подаетъ ли и безъ прошенія потребное Его земнымъ чадамъ? Но молитва, отвѣчаетъ Августинъ, есть приготовленіе и расширеніе сердца для полученія Божественнаго даянія, на которое Богъ дѣйствительно всегда готовъ, но для воспріятія котораго мы не всегда готовы [1]). Въ молитвенномъ актѣ заключается очищеніе духовнаго ока, которое такимъ образомъ отвлекается отъ земныхъ вещей, его помрачающихъ и становится воспріимчивымъ для Божественнаго свѣта, становится способнымъ не только переносить блистаніе сего свѣта, но и радоваться ему съ неизглаголанной радостью. Въ благоговѣйномъ прошеніи заключается расширеніе сердца для обильнаго пріятія, равно какъ въ немъ же и необходимое приготовленіе для пріятія дара съ должною благодарностью, между тѣмъ какъ даръ, достающійся не по просьбѣ, и остается очень часто не признаннымъ [2]).

Ст. 9. „*Молитесь же такъ: Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое*“.

О самой молитвѣ Августинъ замѣчаетъ, во первыхъ, что мы не находимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ примѣровъ, чтобы молящіеся Богу обращались со словами „*Отче нашъ*“. Они предпочтительнѣе говорили „Господи“ [3]), такъ какъ ихъ

[1]) De Serm. Dom. in Mon. II, 3: Ipsa orationis intentio cor nostrum serenat et purgat, capaciusque effiat ad aceipienda divina munera, quae spiritaliter nobis infundantur. Non enim ambitione precum nos exaudit Deus, qui semper paratus est dare suam lucem nobis, non visibilem, sed intelligibilem et spiritualem; sed nos non semper parati sumus accipere. cum inclinamur inalia, et rerum temporalium cupiditate tenebram. Sit ergo in oratione conversio coidis ad eum, qui semper dare paratus est, si nos capiamus quod dederit, et in ipsa conversione purgatio interiaris oculi cum excluduntui ea quae temporaliter cupiebantur, ut acies cordis semplicis ferre possit simplicem lucem; divinitus sine ullo occasu aut immutatione fulgentem; nec solum ferre, sed etiam manere in illa, non tantam sine molestia, sed etiam cum ineffabili gaudio, quo vere ac sinceriter beata vita parficitur. Къ заповѣди Божіей о молитвѣ Ер. CXXX, 8.

[2]) Serm. LVI, 3: Ideo voluit ut ores, ut desideranti det, ne vilescat quod dederit; quia et ipsum desiderium ipse insinuarit.

[3]) De Serm. Dom. in Mon. II 4: Multa enim dicta sunt in laudem Dei, quae per omnes sanctas scripturas varie lateque diffusa poterit quisque considerare, cum legit: nusquam tamen invenitur praeceptum populo Israel, ut diceret, Pater noster, aut ut oraret Patrem Deum, sed Dominus eis insinuatus est, tanquam servientibus, id est, secundum carnem adhuc viventibus.

отношеніе къ Богу было раболѣпное; это конечно не значитъ, чтобы тамъ вовсе не было никакого намека на истинное сыновнее отношеніе и на то, которое Богъ уготовлялъ Своему народу. Проблески этого имѣются въ Ветхомъ Завѣтѣ (Ис. I, 2; LXIII, 10; Пс. LXXXI, 6; Мал. 1, 6); между тѣмъ Израиль именуется не болѣе какъ наслѣдникъ, который „доколѣ“ въ дѣтствѣ ничемъ не отличался отъ раба (Гал. IV, 1). Удѣломъ ихъ не былъ духъ усыновленія, дающій права и вопіющій „Авва отче“,—это есть исключительное преимущество новозавѣтное, даръ сына и плодъ Воплощенія; [1]) „тѣмъ которые приняли Его, вѣрующихъ во имя Его, Онъ далъ власть быть чадами Божіими (Іоан. 1, 12). Всего болѣе, замѣчаетъ онъ, приличествовало это начальное молитвенное обращеніе, ибо при произнесеніи подобныхъ словъ въ насъ возгарается сыновняя любовь, а что можетъ быть дороже отца для дѣтей? и благоговѣйное ощущеніе, что намъ дано право въ этомъ духѣ бесѣдовать съ Богомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь мы выражаемъ свою увѣренность, что не вотще просимъ, такъ какъ прежде прошенія мы получили этотъ величайшій изъ всѣхъ даровъ: усыновленіе [2]). Чрезъ это же въ насъ возбуждается стремленіе къ святости, желаніе не вовсе быть недостойными глубокаго снисхожденія. Сверхъ того, замѣчаетъ онъ, это не только „Мой Отецъ“, а „нашъ Отецъ“; ибо мы имѣемъ здѣсь молитву за братій нашихъ, соединенныхъ во Христѣ въ единое таинственное тѣло, усыновленныхъ въ Немъ и ставшихъ членами единаго духовнаго семейства, земнородныхъ [3]).

„*Сущій на небесахъ*“ *(иже еси на небесѣхъ)*, — это не значитъ, замѣчаетъ онъ, что будто Богъ обитаетъ въ выс-

---

[1]) „Что бы люди возродились отъ Бога, прежде того Богъ въ средѣ ихъ родился.

[2]) De Serm. Dom. in Mon. II, 4: „При имени Отца, въ насъ раждается любовь и надежда, что получимъ, то чего просимъ, ибо аще до молитвы нашей мы удостоены величайшаго дара, а именно обращаться къ Богу, имѣя Его Отцемъ: чего Онъ не подастъ просящимъ чадамъ, когда даровалъ намъ право быть Его чадами.

[3]) Ibid; Serm. LXIV (Appendix); Oratio fraterna est: non dicit, Pater meus, tanquam pro se tantum orans, sed Pater noster, omnes videliat una oratione complectens, qui se in Christo fratres esse cognoscunt.

шихъ странахъ міра, сравнительно оставя другія; ибо, въ такомъ случаѣ, то были бы къ Нему ближе живущіе на горахъ, чѣмъ обитатели равнинъ; а птицы небесныя какъ еще болѣе близкія, пользовались бы наибольшимъ благополучіемъ и счастіемъ [1]). Но подъ „небомъ“ Онъ разумѣетъ сердца вѣрующихъ и словамъ придаетъ такой смыслъ, Ты, пребывающій въ нихъ какъ въ нѣкоемъ храмѣ, какъ въ своемъ избранномъ жилищѣ;—и, конечно если заимствованное здѣсь изъ міра матеріальнаго приложимо къ нравственному, то нимало не затрудняясь можно говорить, что Богъ пребываетъ, или предпочитаетъ пребывать, въ одномъ мѣстѣ болѣе чѣмъ въ другомъ [2]). Слова, „*иже еси на небесѣхъ*“ толкуются простѣе, и нѣтъ нужды прибѣгать къ аллегоріи для того, чтобы оправдать настоящее ихъ употребленіе. Ибо, если совершенно вѣрно то, что небесная сфера столь же мало служитъ жилищемъ Бога, какъ и всякое другое мѣсто (3 Цар. VIII, 27),—что, поелику Богъ есть Духъ, то всякое мѣсто находится внѣ того мѣста, гдѣ мы Его представляемъ себѣ (всякое понятіе объ опредѣленномъ пространствѣ несовмѣстно съ мыслію о Немъ). Тѣмъ не менѣе эта мысль о чистомъ неизмѣримомъ эѳирномъ пространствѣ надъ нами—говоря словами поэта, о горнихъ странахъ возвышающихся надъ дымнымъ и смраднымъ земнымъ пятномъ—мысль эта предназначающая ихъ для обитанія Бога, есть часть того безсознательнаго символизма, который принадлежитъ вообще всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ и въ которомъ ни мало не отрицается глаголъ истины. „Я наполняю небо и *землю*“. Введеніе начальныхъ словъ молитвы основывается на этомъ всемірномъ символизмѣ; они тождественны съ возгласомъ, „горѣ имѣимъ сердца“ и напоминаютъ намъ, чтобы моляся мы возносились сердцемъ отъ земли и отъ всего земнаго въ горній міръ.

---

[1]) De Sorm. Dom. in Mon. 11, 5.

[2]) Ep. CLXXXVII: Fatendum est, ubique esse Deum per divinitatis praesentiam, sed non ubique per habilationis gratiam. Все это письмо содержитъ разсужденіе о присутствіи Божіемъ; и какъ оно приписывается болѣе одному мѣсту нежели другому.

Но это не одно ихъ высокое достоинство; въ нихъ слышится протестъ противъ всякихъ пантеистическихъ понятій о молитвѣ, противъ всякой гипотезы о тождествѣ нашего духа съ Божіимъ Духомъ. Здѣсь намъ предписывается искать Бога не въ насъ самихъ, а внѣ насъ и выше насъ. Молитва не есть дѣйствіе самоуглубленія и погруженіе духа въ самаго себя, но и стремленіе нашего духа къ Духу высшему и святѣйшему, родственному, но не тождественному съ нашимъ, „Духу", который „свидѣтельствуетъ духу нашему" (Рим. VIII, 16). Магометанскіе суфи и др. пантеистическіе и восточные аскеты съ глубочайшею отвлеченною набожностью покланяются не иному какому Богу, а себѣ, такъ какъ они забываютъ или вовсе отрицаютъ это различіе, прямымъ свидѣтельствомъ которому служатъ слова, „*Отче нашъ*", и въ которыхъ выражается отношеніе, проистекающее изъ этого различія.

„*Да святится имя Твое*". Что это значитъ? спрашиваетъ Августинъ; можетъ ли Богъ быть еще святѣе чѣмъ Онъ есть? Въ Себѣ Самомъ не можетъ; это имя само въ Себѣ пребываетъ одно и то же, во вѣки „*святое*", но святость онаго способна умножаться и возрастать, и въ этомъ прошеніи мы молимся объ умноженіи его святости въ насъ самихъ и въ другихъ людяхъ; чтобы родъ человѣческій болѣе и болѣе дѣйствительно познавалъ Бога и чтилъ Его всесвятаго съ благоговѣйнымъ страхомъ [1]). Между тѣмъ не должно умалять всей силы выраженія „*Имя Твое*" т. е. „Имя Бога" и считать оное за простое благоговѣйное титло, придаваемое Богу; ибо въ такомъ случаѣ прошеніе заключало бы въ себѣ немного болѣе простаго желанія, чтобы смолкли богохульныя рѣчи въ человѣческомъ мірѣ; съ другой стороны Имя Бога не должно считать тождественнымъ съ Самимъ Богомъ, какъ это фактически явствуетъ изъ того, что мы не можемъ святить Бога, или умножать Его совершенную святость; но мы можемъ святить Его имя, ибо оно есть то, чѣмъ Онъ открылъ Себя человѣкамъ, все то что

[1]) Serm. LVII, 4: Pro nobis rogamus, non pro Deo.... Quod semper sanctum est, sanctificetur in nobis. Serm. LVI, 4.

въ Немъ самомъ, не будучи невыразимымъ, Онъ Самъ произнесъ и возвѣстилъ, —оглашеніе всего, что можетъ быть о Немъ вѣдомо (Исх. III, 13, 14) въ безпредѣльной сферѣ бытія [1]). Пока въ насъ или другихъ есть побужденіе любить это Имя, это откровеніе Его совершенствъ, до тѣхъ поръ эта молитва должна быть произносима нашими устами, до тѣхъ поръ она не уступитъ мѣста восклицанію: „Святъ, Святъ, Святъ", которое уже не есть молитва и прошеніе, а лишь единое и пречистое Богопоклоненіе и славословіе.

Ст. 10. *„Да пріидетъ Царствіе Твое. Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли"*.

Это не значитъ, что Царство Его еще не посреди насъ, но что какъ настоящій свѣтъ недоступенъ для слѣпыхъ и для произвольно закрывающихъ свои глаза, такъ и это царство, хотя всегда съ нами пребывающее еще далеко отъ людей, упорно оное не познающихъ [2]). Всѣ же должны познать его тогда, когда оно не только духовно, но и видимо будетъ съ ними. И такъ мы просимъ, чтобы царство это теперь въ насъ водворилось, дабы имѣть право быть въ немъ водворенными тогда [3]). *„Да будетъ воля Твоя"*, то-есть, да исполняется она здѣсь согласно Твоему произволенію; Августинъ отвергаетъ представляющееся съ перваго раза значеніе, въ этихъ словахъ заключающееся, то-есть, что конецъ и вѣнецъ этого прошенія есть поглощеніе всѣхъ волей Божіею волею, такъ чтобы въ этомъ смыслѣ одна только Его воля повсюду совершалась. Скорѣе оно имѣетъ тотъ смыслъ, чтобы всѣ меньшіе круги волей, свойственныхъ Божіимъ тварямъ, имѣли одинъ центръ, общій съ центромъ великаго круга всеобъемлющей Божіей воли. Богу угодно не

1) Enarr in Ps. CI, 25.

2) De Serm. Dom in Mon. II, 6: Quemadmodum enim etiam praesens lux absens est coecis et eis qui oculos claudunt, ita Dei regnum quamvis nunquam discedat de terris, tamen absens est ignorantibus.—In Ev. Joh. Tract LXVIII, о словахъ „тогда праведники возсіяютъ какъ солнце въ Царствѣ Отца ихъ Матѳ. XIII, 43. Regnum fulgebit in regno, cum regno venerit regnum, quod nunc oramus et dicimus, Veniat regnum tuum. Sed nondum regnat hoc regnum.

3) Serm. LVI, 4; Ut in nobis veniat optamus, ut in illo inveniamur, rogamus.

то, чтобы его твари не имѣли воли, но чтобы желанія ихъ стремились лишь къ тому, въ чемъ благо и истина; это не уничтожаетъ ихъ свободной воли, но возвращаетъ ее къ гармоніи съ его волею, волею совершенной благости. Такое различеніе сперва можетъ показаться незначительнымъ; но весь расколъ монофелитовъ свидѣтельствуетъ о глубокой важности, которую Церковь придавала догмату о существенности человѣческой воли во Христѣ, а равнымъ образомъ и въ тѣхъ, которые Христовы суть, которые дѣйствительно подчинялись божественной волѣ, или согласовались съ нею, но ею не были уничтожаемы [1]). Слова его толкованія получаютъ такой практическій смыслъ. Не попусти насъ уклониться отъ прямаго пути на искривленный отъ исполненія твоей къ исполненію нашей воли; но научи кривизны выпрямить, нашу волю исправить твоею волею [2]). Сверхъ того „*Да будетъ воля Твоя и на земли какъ на небѣ*“, какъ ангелы исполняютъ ее на небѣ, такъ должны мы исполнять ее здѣсь [3]). Таково простѣйшее толкованіе, вопреки объясненію Августина, что „*небо*“ должно принимать за Церковь, а что, „*земля*“ есть міръ. Ибо это есть молитва о полномъ совершенствѣ воли; а какъ сія послѣдняя все же не вполнѣ творится и въ самой Церкви, то и прошеніе въ этомъ смыслѣ не есть крайнее чаяніе право—вѣрующихъ душъ; на немъ слѣдовательно, они не могутъ успокоиться. Это же возраженіе опровергаетъ всѣ другія подобныя толкованія [4]).

Ст. 11. „*Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день*“.

Принеся молитву о всемъ потребномъ для вѣчной жизни, намъ остается молиться о потребномъ для нашего земнаго странствованія [5]). Августинъ возражаетъ противъ ограни-

---

[1]) De Serm. Dom. in Mon II, 6: „Кто творитъ волю Божію, въ томъ конечно совершается воля Божія, non quiaipsi faciunt ut velit Deus, sed quia faciunt quod ille vult; id est faciunt secundum voluntatem ejus.

[2]) Enarr. in Ps. XXXI, 11: „Двѣ воли; но твоя воля да исправляется согласно волѣ Божіей, а не воля Божія совращается на твою. Твоя воля развращена“, но праведна воля Божія: исправь свою волю согласно праведной Божіей.

[3]) Serm. LVII, 6. Quomode te non offendunt Angeli tui, sic te non offendamus et nos.

[4]) Ср. De Serm. Domen Mon II, 10: Serm LVI, 5; LVII, 6.

[5]) Serm. LVII, 7: Restant petitiones pro ista vita peregrinationis nostrae.

чивающихъ это прошеніе однимъ какимъ-либо предметомъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, святою Евхаристіею, или, согласно другимъ, духовною пищею вообще, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, или наконецъ, впадая въ противуположную крайность, разумѣли здѣсь исключительно однѣ тѣлесныя нужды [1]). Этотъ „*хлѣбъ*“ есть скорѣе все питательное для души и тѣла; для тѣла пища и все необходимое для нашего земнаго существованія; а равно потребное для души, такъ что частое причащеніе, вседневное богопоклоненіе, чтеніе и изученіе Св. Писанія, слушаніе и пѣніе священныхъ гимновъ, все это относится къ „*насущному хлѣбу*“, котораго мы испрашиваемъ [2]). Онъ не пропускаетъ случая указать на скрытый здѣсь упрекъ тому молельщику, въ устахъ котораго звучатъ эти слова, тогда какъ онъ весь преданъ предусмотрительнымъ и тяжкимъ заботамъ, и замышляетъ роскошные запасы для удовлетворенія своихъ тѣлесныхъ прихотей. Вотъ хлѣбъ, и при томъ насущный, о поданіи котораго просятъ его уста [3]). Эта молитва вѣрующихъ соотвѣтствуетъ апостольскому увѣщанію, „имѣя и пропитаніе и одежду, будь доволенъ тѣмъ“ (1 Тим. VI, 8) [4]).

Ст. 12. „*И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ*“.

---

[1]) De Serm. Dom. in Mon. II, 7.

[2]) Serm. LVII, 7: Da aeterna, da temporalia. Promisisti regnum, noli—negare subsidium. Dabis apud te sempiternum ornamentum; da in terra temporale alimentum. Serm. LVIII, 4. Quiquid animae nostrae et carni nostrae in hac vita necessarium est, quotidiano pane concluditur.

[3]) Эпитетъ „хлѣба“ ἐπιούσιος, насущный, встрѣчается только у ев. Матѳея (VI, 11) и Лук. (XI, 3) съ Сирійскаго, значитъ „хлѣбъ для насъ необходимый“ (panis necessetatis nostrae, i. e. nobis necessarius) Оригенъ, полагаетъ что слово это, не бывшее въ народной рѣчи, введено самими евангелистами. Основываясь на авторитетѣ его; а равно Оригена, Іеронима (придумавшаго, для перевода ἐπιούσιος, варварское слово (supersubstantialis), Ѳеофилакта, Евѳимія Зигабенскаго, многіе, напр. Beza, Kuinoel, Tholuck и др. разумѣли подъ этимъ „хлѣбъ, служащій для поддержанія нашей жизни, въ Вулг. quotidianus. Также толкуетъ и Августинъ, относя эпитетъ, придуманный Іеронимомъ къ лицу Господа. Онъ есть panis substantialis, qui omnem superat substantiam.

[4]) Serm. LVIII, 4: Pereat avaritia, et dives est natura.

Этого прошенія Августинъ не относитъ къ великому прощенію, которое почитается совершившимся, и уже получено нами при крещеніи, и вѣра въ которое, а равно въ усыновленіе съ нимъ соединенное, уясняютъ намъ происхожденіе всей молитвы Господней. Онъ скорѣе относитъ это къ вседневнымъ грѣхамъ человѣческой слабости, отъ которыхъ неизъяты бдительнѣйшіе люди, и которые почти неизбѣжны въ этой плотской жизни [1]), такъ что едвали какой странникъ совершитъ свой путь по стезямъ этого міра, не покрывшись льнущимъ къ нему земнымъ прахомъ. Здѣсь же заключается прошеніе о томъ, чтобы этотъ прахъ былъ, такъ сказать, отрясенъ прежде, чѣмъ онъ ляжетъ на немъ твердою корою [2]) и въ этомъ состоитъ вседневное омовеніе „ногъ“ для содѣлавшихся участниками великаго умовенія (Іоан. XIII, 10) [3]). Вседневные грѣхи христіанина, какъ бы ни были они малы, не должны, однако, быть пренебрегаемы, такъ какъ въ противномъ случаѣ, оставленные безъ вниманія, они тѣмъ самымъ становятся опасными.

Чувствуя важность этого предмета, онъ поясняетъ свою мысль многими сравненіями. Изъ малыхъ капель образовались могучія рѣки, причиняющія великія опустошенія и разрушенія. Вода, проникающая чрезъ ничтожную пробоину въ кораблѣ, и оставленная безъ выкачиванія дѣлается причиною потопленія. Утесъ, образовавшійся изъ мельчайшимъ песчинокъ, также паденіемъ своимъ сокрушаетъ жизнь какъ и

[1]) Con. Ep. Parmen. II, 10. Это конечно говорится не о тѣхъ грѣхахъ, „которые отпускаются человѣку чрезъ крещеніе возраждающемуся, а о тѣхъ, которыми онъ, по слабости своей, ежедневно обременяетъ себя. Ep. CCLXV, § 8: Est etiam poenitentia bonorum et humilium fidelium pene quotidiana, in quo pectora tundimus, dicentes, Dimitte nobis debita nostra, sicut nos dimittimus debitoribus nostris. Neque enim ea nobis dimitti volumus quae dimissa non dubitamus in baptismo, sed illa utique, quae humanae fragilitati, quamvis parva, tamen crebra subrepunt; quae, si collecta contra nos fuerint, ita nos gravabunt et oppriment, sicut unum aliquod grande peccatum.... Ep. LIV; De Civ. Dei. XXI, 27: Quid est ergo peccata vestra, nisi peccata, sine quibus nec vos eritis, qui justificati et sanctificati estis.

[2]) Serm. CCCLI, § 4—6.

[3]) In Ev. Joh. Tract. LVI. Quotidie pedes lavat nobis, qui interpellat pro nobis; et quotidie nos opus habere, utpédes lavemus... Ср. Serm. CCCXI, 3; Enchir. de Fide, Spe et Car.

плотная свинцовая масса [1]). Ничтожныя ядовитыя насѣкомыя, нападая во множествѣ на свою жертву, точно также умервщляютъ ее своими жалами, какъ и лютый звѣрь однимъ укушеніемъ [2]). Но въ этомъ прошеніи для человѣка, произносящаго оное съ вѣрою и сознаніемъ, заключается залогъ и могущество ежедневнаго очищенія, лекарство отъ язвинъ, хотя малыхъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, не перестаютъ быть язвами [3]).

Августинъ, утверждаясь на свидѣтельствѣ этой молитвы, отвергаетъ всѣ горделивыя понятія Пелагіанъ о совершенствѣ и абсолютной безгрѣшности человѣческой жизни съ ея настоящими житейскими отношеніями [4]). Оно вожделѣнно, говоритъ онъ, оно должно быть предметомъ нашихъ стремленій, нашихъ молитвъ, но нельзя заявлять, будто оно уже достигнуто. Становясь часто подъ защиту этого прошенія [5]), онъ ссылается на тотъ фактъ, что молитва Господня первоначально была дана самимъ апостоламъ, что этими словами они сами признавали свою грѣховность [6]), а кто бо-

[1]) Serm. XVIII, 9: Non potes hic vivere, sine ipsis (sc. peccatis) vel minuta sint, vel levia sint. Sed ipsa levia et minuta non contemnantur. Cp. Enarr. in Ps. CXXIX § 5; Serm. XVI, 9. Quid interest, utrum plumbum te premat, an arena? Plumbum una massa est, arena minuta grana sunt, sed copia te premunt.

[2]) Serm. CCXXXVIII. 12. 13. Magnae bestiae uno morsu occidunt hominem, minutae autem cum fuerint multae congregatae, plerumque interimunt, et talem perniciem inferunt, ut poenis hujusmodi gens superba Pharaonis judicari meruerit.

[3]) De Pecc. Mer. et Rem. III, 13; Ep. CXXVII, 6.

[4]) О томъ совершенствѣ онъ говоритъ: De Pecc-Meret Rem, III, 13: Optandum est ut fiat, conandum est ut fiat, supplicandum est ut fiat, non tamen quasi factum fuvut, confitendum.

[5]) Ep. CLXXVI, § 2: „Возникаетъ новая и весьма опасная ересь между врагами Христовой благодати, которые своими нечестивыми спорами стараются отнять у насъ молитву Господню. Господь научилъ насъ говорить: „Остави намъ долги наши“, а они учатъ, что человѣкъ въ этой жизни можетъ, изучивши заповѣди Божіи, достигнуть такой совершенной праведности безъ помощи благодати Спасителя однимъ своимъ произволеніемъ, что уже ему нѣтъ нужды молиться, „Остави намъ долги наши.“

[6]) Ep. CLVII, 2: Omnibus enim necessaria est Oratio Dominica, quam etiam ipsis arietibus gregis, i. e. apostolis suis Dominus dedit, ut unusquisque Deo dicat, Dimitte nobis debita nostra. De Civ. Dei XIV, 9: „Не одни только обыкновенные и простые люди, а весьма благочестивые, праведные и святые

лѣе ихъ могъ имѣть смѣлости считать себя изъятымъ отъ недостатковъ, а слѣдовательно не обращаться съ подобнымъ прошеніемъ? А если не такъ, если она предназначалась, какъ это дѣйствительно было, для всѣхъ и во всѣ періоды ихъ христіанской жизни, то нельзя ни на минуту допустить, чтобы Христосъ влагалъ ложь въ чьи либо уста, что самое имѣло бы мѣсто, если бы безгрѣшные люди, повинуясь Его наставленіямъ, молились, прося прощенія въ грѣхахъ, ими несодѣланныхъ. Пелагіане придумали два или три пріема, чтобы вывернуться изъ такого заключенія. Во первыхъ, они говорили, что и совершенный человѣкъ можетъ обращаться къ Богу съ этою молитвою по своему смиренію,—лживому смиренію, которое Августинъ вѣрнѣе называетъ благоговѣйнымъ кощунствомъ, которое одно дѣлаетъ человѣка преступнымъ, хотя бы онъ прежде такимъ и не былъ [1]). Или, возражали они, что эта молитва была дана апостоламъ, когда они еще жили по плоти, и когда это прошеніе имъ приличествовало, а не послѣ [2]). Этотъ доводъ онъ опровергаетъ сличеніемъ съ другими мѣстами Н. Завѣта, не допускающими подобной уловки, таково 1 Іоан. 1, 8: „Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ. Съ нѣкоторою благовидностію утверждали они, что безгрѣшный человѣкъ, погружаясь самъ и сливаясь своею отдѣльною жизнію съ цѣлымъ тѣломъ церкви, могъ бы по сему добросовѣстно обращаться съ этимъ прошеніемъ, поколику, если не въ немъ самомъ, то въ тѣлѣ, которому онъ принадлежитъ, имѣетъ мѣсто и его грѣхъ [3]). Августинъ, протяженно возражая имъ, отвѣчаетъ, какъ, од-

повторяютъ... . Нынѣ хорошо живется, если не впадаемъ въ преступленье, но если кто считаетъ, что живетъ безгрѣшно, тотъ не только не живетъ безгрѣшно, но и не получитъ прощенія. Ср. Serm. CLXIII, 9.

1) Con. Ep. Parmen. II, 10: Quod si hoc in oratione ficte et noneraciter dicunt putantes se non habere quod eis dimittat Deus, id ipsum est inexpiabile saerilegium. Ср. Serm. CLXXXI, 3.

2) CXXXV, 7.

3) De Pecc. Mer. et. Med. Они говорили Sancti et perfecte jam Apostoli dicebant, Dimitte nobis debita nostra... ut per hoc quod dicerent nostro, in uno esse corpore domonstracent et illis adhuc habentes peccata et se ipsos qui jam carebant amni ex parte peccato.

нако, одинъ изъ любимыхъ ими образцовъ безгрѣшнаго человѣка, именно Даніилъ вполнѣ ихъ обезоруживаетъ и оставляетъ беззащитными: въ молитвенномъ изліяніи своего сердца онъ различаетъ свои грѣхи отъ грѣховъ своего народа (Дан. IX, 20). „Я молилъ и исповѣдывалъ мои грѣхи и грѣхи народа моего. И такъ онъ справедливо заключаетъ, что для духовнаго новозавѣтнаго священства молитва эта содержитъ такое же исповѣданіе грѣховъ, для очищенія которыхъ ветхозавѣтные первосвященники „сперва приносили жертвы за свои грѣхи, потомъ за грѣхи народа“ (Евр. VII; 27). Какъ тѣ жертвы скрытно, такъ эта молитва явно обличаетъ нашу грѣховность [1]).

Оставленіе долговъ, испрашиваемое этою молитвою, но лишь подъ условіемъ, „*какъ мы сами прощаемъ должниковъ нашихъ*“, часто вызываетъ у него замѣчаніе, какъ страшно можетъ быть это прошеніе. Если мы такимъ образомъ молимся, а въ душѣ не прощаемъ и злопамятствуемъ, то сами заграждаемъ путь, по которому вознеслась бы наша молитва: не только не разрѣшаемъ опутавшихъ насъ грѣховныхъ узъ, но собственными руками затягиваемъ ихъ еще сильнѣе прежняго [2]). Безполезно было бы дѣлать то, что иные, сознающіе за собою этотъ грѣхъ, позволяютъ себѣ: а именно, приближаясь къ этому прощенію, опускаютъ оное и переходятъ къ слѣдующему, подобно должнику, который, завидя заимодавца, идущаго ему на встрѣчу, свертываетъ въ сторону, чтобы отъ него ускользнуть. Но кого же мы стараемся избѣгнуть?... Заимодавца, который, до тѣхъ поръ, пока мы одержимы жестокосердіемъ, на всѣхъ путяхъ встрѣчаетъ насъ и отъ котораго не спрячешься Пс. CXXXVI, 7. [3]).

[1]) Serm. CXXXV Sacrificia convinebant sacerdotes... Non attendo quod loqueris, sed quid offeras. Victima tua convincit te.

[2]) Serm. LVIII, 6. Qui vult dicere efficaciter, Dimitte, oportet ut dicat veraciter, Sicut et nos dimittimus. Serm. CCCXV, 7: Ibi illa inimica (ira) stat contra te. Sepit viam orationis tuae, murum erigit, et non est qua transeas.

[3]) Serm. CCCLII, 2.

Ст. 13. *И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Ибо Твое есть царство и сила и слава во вѣки. Аминь.*

Августинъ представляетъ связь съ предъидущимъ прошеніемъ: Прости намъ содѣланныя нами прегрѣшенія и подай силы уже болѣе не грѣшить [1]). Онъ упоминаетъ, что находилъ это во многихъ латинскихъ спискахъ, хотя не встрѣчалъ въ греческихъ, и что многіе изъ христіанъ въ его время обыкновенно такъ молились: *Не попусти, чтобы мы были введены во искушеніе* [2]), ибо имъ казалось, что дѣйствительно вводить людей во искушеніе ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть приписано Богу (Іаков. 1, 13). Онъ, однако доказывалъ, что нѣтъ ничего страшнаго въ этихъ словахъ, и что не должно стараться ослаблять ихъ силу подобными прибавками принятыми явно или непримѣтно вкравшимися. Искушаетъ Богъ и искушаетъ діаволъ, великое различіе заключается въ причинахъ и цѣли искушеній [3]), одно имѣетъ цѣлью обмануть, другое — доказать, сатана возбуждаетъ порочныя склонности людей на ихъ пагубу; Божіе искушеніе имѣетъ цѣлью вызвать и укрѣпить борьбу въ ихъ добродѣтели для прочной ихъ пользы, и если обличаетъ ихъ грѣхъ, то пользуясь этимъ какъ средствомъ для приведенія ихъ къ высшему благу, дабы сознавая свой грѣхъ и исправляясь, они впредь совершали свой путь съ вящшимъ смиреніемъ, съ вящшею осмотрительностью, дабы лучше познавая зло въ нихъ гнѣздящееся, они облекались во всеоружіе на упорную борьбу противъ онаго. Онъ часто ставитъ въ примѣръ апостола Петра искушеннаго своимъ паденіемъ, объясняя тѣмъ свою мысль, Апостолъ также говорилъ подобно Псалмопѣвцу: „не подвигнусь

1) Serm. XLVIII, 3: Dimitte quae fecimus, et da ut alia non committamus.

2) De Don. Persec. 6.

3) In Ev. Joh. Tract. XLIII: „Искушеніе или обманываетъ, или доказываетъ Богу свойственно оправдывающее искушеніе. Богъ искушаетъ насъ, дѣйствительно ли мы Его любимъ. Но какъ Богъ все знаетъ, то и цѣль искушенія та, чтобы мы себя сами лучше узнали. Ср. Serm II, 3: Non enim sibi homo ita notus est, ut Creatori; nec sic aeger sibi notus est ut medico... Si Deus cessat tentare, magister cessat docere. Ср. Serm, LVII, 2.

во вѣкъ" [1]). Какъ спасительно было для него попущенное искушеніе! чрезъ него позналъ онъ тайну своей слабости, а вмѣстѣ и тайну своей силы [2]).

Покончивши съ этимъ вопросомъ, приступаемъ къ другому. Въ виду того что искушеніе можетъ происходить и часто происходитъ отъ Бога, намъ необходимо объяснить, почему здѣсь предписано отмаливаться отъ искушеній; какъ это отмаливанье согласить съ тѣми Писаніями, въ которыхъ содержится увѣщаніе, чтобы мы съ великою радостію принимали, когда мы впадаемъ въ различныя искушенія (Іак. 1, 2). Въ своемъ отвѣтѣ Августинъ приводитъ различіе между тѣмъ, что значитъ быть введеннымъ во искушеніе и что значитъ впасть въ искушеніе [3]). Въ первомъ человѣка побѣждаетъ сила, превосходящая его силы и отъ такого искушенія мы отмаливаемся [4]), говоря: „не введи насъ во искушеніе"; не таково второе, ибо мы сознаемъ, что оно есть прискорбное, хотя и необходимое условіе нашей земной жизни. Это разграниченіе проводили многіе въ древнія и новыя времена. Прошенію придавали такой смыслъ: Не введи насъ въ искушенія, столь великія, что исходъ изъ нихъ былъ бы невозможенъ, не попусти, чтобы уловляющія сѣти до того насъ опутали, что у насъ не станетъ силъ отъ нихъ избѣгнуть; но вмѣстѣ съ искушеніями вразуми, какими средствами преодолѣвать ихъ. Итакъ хотя совершенно вѣрно, что эта молитва должна быть всегда мо-

[1]) De Corrept. et. Grat. „Такъ могъ говорить и ап. Петръ", я готовъ умереть за Тебя, предупреждая обладать тѣмъ, что ему было даровано позднѣе Господомъ. Но когда онъ научался не самому себѣ довѣрять, то и вышеказанное принесло ему пользу при содѣйствіи того, Кто любящимъ Его все обращаетъ во благое.

[2]) Serm. LXXVI, 4: Multos impedit a firmitite praesumtio firmitatis. Ср. Serm. CCLXXXVI, 3; Enarr. in. Ps. XXXVI, 1.

[3]) De Serm. Dom in Mon. II, 9. Ep. CXXX, 11: „Мы просимъ, чтобы не быть лишенными помощи, когда, по своей неосмотрительности, подвергнемся искушенію, или когда изнемогаемъ подъ тягостію оныхъ. Ср. Ep. CLXXVII, § 4. Отсюда можно видѣть, какъ защищался Августинъ этимъ прошеніемъ противъ пелагіанъ.

[4]) De Serm. Dom. in Mon. II, 9. Августинъ приводитъ здѣсь поразительное подобіе: какъ если бы осужденный на сожженіе, просилъ не о томъ, чтобы огонь его не касался, но чтобы избавиться отъ огненной смерти.

литвою вѣрующихъ [1]), нельзя однако утверждать, что выше изложенное различіе слѣдуетъ изъ словъ прошенія... „*Не введи насъ въ искушеніе*“ дѣйствительно означаетъ то самое, что въ этихъ словахъ представляется съ перваго взгляда, молитва объ устраненіи отъ искушеній; но не въ томъ смыслѣ, чтобы уклоняться отъ встрѣчи съ ними, когда они насъ постигаютъ, чтобы отрекаться отъ торжества, соединеннаго съ побѣдою надъ ними, ибо, въ глубокомъ сознаніи нашей слабости и при неизвѣстности исхода нашей борьбы, мы молимся объ отвращеніи отъ насъ искушеній, хотя мы всегда должны быть готовы мужественно идти имъ на встрѣчу, радоваться, когда они насъ постигли [2]).

На вопросъ, составляютъ ли послѣдующія слова, „*но избави насъ отъ лукаваго*“, отдѣльное прошеніе и такимъ образомъ считать ли въ молитвѣ семь, а не шесть прошеній? Августинъ нерѣшительно отвѣчаетъ. Въ одномъ мѣстѣ [3]) онъ считаетъ семь прошеній и находитъ таинственное значеніе въ этомъ числѣ, приводя его въ параллель съ семью блаженствами, изъ которыхъ развивается вся бесѣда, и вслѣдствіе этого относитъ „*не введи насъ въ искушеніе*“ къ угрожающему злу въ будущемъ; „*но избави насъ отъ лукаваго* къ тому злу, которое уже окружаетъ насъ и преслѣдуетъ [4]). Имѣя же въ виду, что *чрезъ все Писаніе* число семь есть завѣтное, число жертвенное и число молитвенное, знаменіе всѣхъ богоявленій человѣкамъ, принимаютъ за несомнѣнное семь, а не шесть прошеній. Но иногда онъ самъ отступаетъ отъ этого болѣе вѣрнаго предположенія и утвердительно соединяетъ два послѣднія проше-

[1]) См. Tholuck, Auslegung der Bergpredigt. p. 430.

[2]) Ep. CXXX, 14: In his ergo tribulationibus quae possunt et prodesse et nocere... quia dura, quia molesta, quia contra sensum nostrae infirmitatis sunt, universali humana voluntate, ut a nobis haec auferantur, oramus.

[3]) De Serm. Dom. in Mon. II, 11; Serm, LVIII, 10.

[4]) De Serm. Dom. in Mon. II, 9: Ultima et septima petitio est, Sed libera nos a malo. Orandum est enim ut non solum non inducamur in malum quo caremus, quod sexto loco petitur, sed ab illo etiam liberemur, quo jam inducti sumus.

нія въ одно [1]). Сверхъ того, какъ сейчасъ было замѣчено, *„не введи насъ въ искушеніе“* къ будущему, а *„избави насъ отъ лукаваго“* къ настоящему, онъ перемѣнилъ истинный порядокъ указуемый самою послѣдовательностью прошеній. *„Не введи насъ въ искушеніе“* выражаетъ молитву объ огражденіи насъ отъ обольстительныхъ приманокъ и всякаго разставленнаго намъ кова. *„но избави насъ отъ лукаваго“* есть мольба о всецѣломъ избавленіи нашемъ, объ искупленіи тѣла, о наступленіи того времени, когда, выражаясь его языкомъ, все что теперь представляется только въ чаяніи (in spe), будетъ въ дѣйствительности (in re); а потому въ этихъ трехъ послѣднихъ прошеніяхъ мы имѣемъ прошедшее, настоящее и будущее; и этотъ истинный порядокъ онъ самъ въ другомъ мѣстѣ очевидно подразумѣвалъ [2]). Что это избавленіе отъ лукаваго прежде и болѣе всего есть избавленія отъ нашего лукаваго я, что это есть избавленіе , въ которомъ мы преимущественно предъ всякимъ другимъ нуждаемся, онъ это съ великою вѣрностію и глубокомысліемъ доказываетъ [3]).

Августинъ ничего не говоритъ о славословіи (δοξολογία), равно какъ и другіе главные отцы Латинской церкви, ниже въ толкованіи Нагорной проповѣди не указываетъ на заклю-

[1]) Serm LVII, 10: Ideo addidit Sed: ut ostenderet, hoc totum ad unam sententiam pertinere... liberando nos a malo non nos infert in tentationem, non nos inferendo in tentationem, liberat nos a malo. За тѣмъ говоритъ sex v. septem petitiones. Ср. Enchir. ad Laurent. 116. Изъ 7 дней состояла недѣля, и седьмой день былъ посвященъ Богу; седьмой мѣсяцъ считался субботнимъ ровно какъ и седьмой годъ: по прошествіи 7 х 7 наступалъ юбилейный годъ; семидневный періодъ назначался для нѣкоторыхъ очистительныхъ жертвъ; семь дней продолжался трауръ по умершихъ, и столько же свадебный обрядъ; еврейскій глаголъ, выражающій клятву, производится отъ числа 7 и пр.

[2]) Con. Julian VI, 14: Qua (scil. gratia) liberor ut sciam ne intrem in tentationem a concupiscentia mea, abstractus et illectus... qua liberabor, ut spero, in aeternum, ubi jam nulla lex in membris meis repugnet legi mentis meae (Римл. VII, 23)—послѣднее liberabor очевидно соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, прошенію „Избави насъ отъ лукаваго,“ liberor—прошенію „не введи насъ во искушеніе.“ См. De Pecc. Mer. et Rem, II, 4: Deinde addimus quod perficietur in fine, cum absorbebitur mortale a vita: sed libera nos a malo.

[3]) Libera me a me. Serm. XLIV, 3: Libera me ab homine malo, a me ipso.

чительное *Аминь*, хотя индѣ удовлетворительно объясняетъ значеніе этого слова въ устахъ вѣрующаго: это есть его печать или подтвержденное согласіе на все и подчиненіе всему выше сказанному [1]).

См. 14. 15. „*Ибо если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. А если вы не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ*“.

Августинъ неоднократно и торжественно указываетъ на тотъ фактъ, что Господь нашъ снова возвращается къ условію испрашиваемаго нами „оставленія нашихъ долговъ“ къ этому единственному условію между многими другими предметами, входившими въ область самой молитвы, дабы усугубить и усилить впечатлѣніе въ сердцахъ молящихся. Господь дѣлаетъ это по причинѣ страшнаго послѣдствія въ томъ случаѣ, если бы люди этимъ пренебрегли, ибо для обузданія нашего гнѣва или злобы недостаточно просто обуздать одинъ этотъ грѣхъ, но вмѣстѣ и всѣ другіе; недостаточно запереть одну дверь, но тѣмъ самымъ укрѣпить всѣ входы, чрезъ которые благодать Божія проникаетъ въ души наши [2]).

Относительно плана и внутренней связи молитвы, онъ замѣчаетъ, что первыя три прошенія, и по нашему мнѣнію и всѣ остальныя содержатъ: начало, средину и конецъ! Божіе „*имя*“ при его пришествіи во плоти, начало „*святиться*“, потому что „*Царствіе*“ Его наступало и частію „*пришло*“, затѣмъ наступитъ совершившееся царствіе при второмъ Его пришествіи, и съ этого времени Его „*воля будетъ*“ твориться также совершенно здѣсь какъ и „*на небеси*“. Сверхъ того, замѣчаетъ онъ, такъ какъ вѣчное выше по своему достоинству, то ему принадлежитъ въ порядкѣ вещей первенство. Въ первыхъ трехъ прошеніяхъ мы мо-

[1]) Fragm. Serm. Val. V, p. 1510: Fratres mei, Amen vestrum subscriptio vestra est, consensio vestra est, adstipulatio vestra est.

[2]) Enchir. De Fide, Spe et Car. 74. „Кто не проснется при такомъ сильномъ громовомъ ударѣ, тотъ не заснулъ, а умеръ.“ Serm LVII, 11 12: „Ты лишаешься источника, изъ котораго надѣялся получить прощеніе за другія преступленія.

нимъ о томъ, что, хотя имѣетъ временное начало, будетъ однако стоять вѣчно: на вѣки Его имя будетъ святиться; царствіе будетъ утверждено и воля Его будетъ твориться. Остальныя прошенія касаются преходящихъ предметовъ; въ насущномъ хлѣбѣ не будутъ нуждаться тѣ, которые питаются блаженнымъ лицезрѣніемъ Божіимъ; не будутъ имѣть нужды въ оставленіи долговъ тѣ, которые уже не будутъ грѣшить болѣе; не будетъ изъятія отъ искушеній лукаваго тамъ, гдѣ нѣтъ искусительнаго ни внутри, и извнѣ; ни избавленія отъ лукаваго тамъ, гдѣ всякое зло окончится [1]).

Эта Молитва, какъ онъ часто и заботливо вразумляетъ, служитъ формою, въ которую должны отливаться всѣ наши пожеланія [2]), это данный намъ планъ, чтобы мы его наполняли и на немъ широко строили; между тѣмъ какъ нѣтъ необходимости переступать за него, какъ за норму всѣхъ другихъ молитвъ; ибо, утверждаетъ онъ, нѣтъ возможной потребности, дозволенной вѣрующему, которая не подходила бы подъ одну изъ рубрикъ этой Молитвы, которая не была бы развитіямъ того, что заключается въ Молитвѣ Господней. Только такая потребность, которой не должно допускать, только то, чего мы *просимъ* не на добро, не можетъ войти въ то или другое изъ этихъ прошеній [3]).

[1]) De Serm. Dom. in Mon. II, 16. Serm. LVII, 10. Tres ergo petitiones superiores aeternae sunt, quatuor autem sequentes ad istam vitam pertinent.

[2]) Serm. LVI, 3: Verba quae Dominus noster J. C. in oratione docuit forma est desideriorum. De Perfect. Just. 8: Oratione insinuans omnes regalas sanati desiderii.

[3]) Ep. CXXX, 12: Перечитай всѣ молитвы святыхъ, и въ нихъ, какъ полагаю, не найдешь ни одного прошенія, которое не заключалось бы въ молитвѣ Господней... Но кто проситъ напр. говоря, Господи, умножь мои богатства, или: Дай мнѣ столько же, сколько дано тому или другому; или—прибавь мнѣ почестей; или—сдѣлай меня здѣсь могущественнымъ и прославь меня... тотъ въ молитвѣ Господней не найдетъ такихъ прошеній, подъ которыя подходили бы подобныя желанія."

Сверхъестественное откровеніе [1]).

Нашедши необходимымъ сверхъестественное откровеніе въ мірѣ, такъ какъ безъ него немыслима истинная религія въ человѣчествѣ, можемъ ли мы признать его также возможнымъ? Уже въ виду одной необходимости сверхъестественнаго откровенія неизбѣжно должна быть признана и его возможность, такъ какъ, если гдѣ, то именно здѣсь необходимость въ то же время предполагаетъ собой и возможность; потому что послѣдняя зависитъ не отъ какого либо тварнаго, ограниченнаго и поврежденнаго въ своей природѣ существа, но отъ Самого Всемогущаго Бога: невозможное у человѣкъ, возможно Богу.

Но прежде чѣмъ входить въ подробное изслѣдованіе нашего вопроса считаемъ нужнымъ указать, въ какой степени объяснима для насъ возможность откровенія. Что самая сущность этой возможности для насъ навсегда должна остаться непостижимою, объ этомъ едва ли нужно говорить: нужно быть Самимъ Богомъ, чтобы объяснить вполнѣ, раскрыть предъ нашимъ взоромъ какъ на ладони, какимъ именно путемъ совершается по своему внутреннему, сокровенному существу сверхъестественное откровеніе. Поэтому требовать отъ человѣка такого разъясненія сверхъестественнаго откровенія, въ которомъ бы предсталъ предъ нами наглядным и вполнѣ понятнымъ весь внутренній процессъ совершенія сверхъестественнаго откровенія, значитъ заявлять требованіе свышечеловѣческое. Объясненіе возможности сверхъестественнаго откровенія доступно лишь въ слѣдующихъ предѣлахъ: посредствомъ различныхъ аналогій, заимствуемыхъ изъ міра

---

[1]) Окончаніе. См. январск. кн. Чтеній 1881 г.

видимаго и вообще изъ обширной области всего естественнаго мы можемъ только показать мыслимость сверхъестественнаго откровенія; другими словами: можемъ представить такія основанія возможности откровенія, въ которыхъ при посредствѣ данныхъ изъ міра естественнаго раскроется предъ нами отсутствіе всякаго логическаго противорѣчія между явленіями сверхъестественнаго откровенія и естественнымъ состояніемъ жизни міра вообще и человѣческой въ частности. Если сверхъестественное откровеніе мы представимъ для нашего умственнаго взора на столько мыслимымъ, что всѣ противоосновавія его возможности будутъ казаться менѣе логически - состоятельными и серіозными, то наше разъясненіе возможности сверхъестественнаго откровенія достигнетъ надлежащаго выполненія возможныхъ отъ него требованій.

Итакъ, какъ же возможно сверхъестественное откровеніе? Мы видѣли уже выше, что сверхъестественное откровеніе въ исторіи царства Божія на землѣ извѣстно въ различныхъ формахъ: а) въ явленіяхъ природы, б) въ образѣ человѣка, в) въ сновидѣніяхъ, г) видѣніяхъ (не чувственно-внѣшнихъ, но внутренно-духовныхъ, въ бодрственномъ состояніи органа откровенія), д) въ невидимо-чудесныхъ воздѣйствіяхъ Божественной силы (Духа Божія) на высшую духовную силу человѣка, на умъ и наконецъ е) въ воплощеніи Самого Бога въ человѣческой природѣ или въ откровеніи Богочеловѣка. Разъясненіе возможности или мыслимости всѣхъ этихъ формъ сверхъестественнаго откровенія и составитъ предметъ нашего теперешняго изслѣдованія.

Возможно ли же сверхъестественное откровеніе подъ формою того или иного явленія природы, напримѣръ, куста, горящаго, но не сгаравшаго, изъ средины котораго Богъ говорилъ Моусею? Отъ чего же не возможно? Разсмотримъ эту возможность прежде всего со стороны Бога. Развѣ твореніе міра со всѣмъ разнообразіемъ его явленій, предметовъ и живыхъ существъ не есть также откровеніе Бога и каждая новая болѣе совершенная ступень жизни, вызванная къ бытію творческимъ: да будетъ по сравненію съ ранними, менѣе совершенными, не была ли также сверхъестественнымъ откровеніемъ? Почему же такое же сверхъестествен-

ное откровеніе, т. е. въ формѣ какого либо явленія природы не возможно уже въ сотворенномъ мірѣ? Ужели Богъ созданіемъ міра поставилъ предѣлъ Своей всемощной, безграничной силѣ дѣятельности? Но это противорѣчило бы самому существу Бога, какъ Всемогущаго и вѣчно дѣятельнаго. По сотвореніи міра, правда, для Божественной дѣятельности насталъ субботній день, день покоя, но этотъ покой отнюдь не означаетъ безусловнаго прекращенія Божественной дѣятельности, абсолютную пассивность въ Богѣ, рѣшительно немыслимую въ Немъ, напротивъ только измѣненіе характера самой дѣятельности: тамъ, при твореніи міра Божественная дѣятельность въ извѣстномъ порядкѣ вызывала къ бытію новыя силы и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новыя, оригинальныя, такъ сказать, коренныя формы міровыхъ предметовъ и живыхъ существъ; здѣсь, по твореніи, также въ сущности дѣятельность движетъ и управляетъ дальнѣйшимъ развитіемъ того, что въ шестидневномъ твореніи въ разныхъ основныхъ видахъ или формахъ положено было какъ бы зерномъ или источникомъ болѣе и болѣе сложнаго разчлененія натуральной жизни на отдѣльныя формы и виды, ея разноображенія, видоизмѣненія. Въ твореніи, если можно такъ сказать, установлена была лишь самая общая схема міроваго бытія въ его разныхъ основныхъ формахъ, но проявленіе или выступленіе въ жизнь всѣхъ остальныхъ сторонъ этой схемы, всѣхъ частныхъ видовъ, всего возможнаго разнообразія и видоизмѣненія коренныхъ формъ міровой жизни составляетъ задачу уже вѣковаго историческаго развитія міра и въ этомъ развитіи точно также дѣйствуетъ всемогущая сила Божія, какъ и при самомъ міротвореніи. Признавая такое постоянное, непосредственно-внутреннее дѣйствіе Божественной силы въ мірѣ, мы уже рѣшительно отказываемся понять, почему эта неограниченная Божественная сила не можетъ проявить себя, по требованію высшихъ цѣлей, въ то или иное время и въ томъ или иномъ мѣстѣ, подъ формою какого либо необычайнаго, необъяснимаго изъ естественной связи вещей, явленія природы, т. е. явленія сверхъестественнаго. Правда, Божественная сила, вѣчно дѣйствующая въ мірѣ, обыкновенно проявляетъ свою дѣятельность въ строго законосообразномъ порядкѣ міровой жиз-

ни; посему всѣ обычныя явленія природы представляются намъ продуктомъ какъ бы ея собственной самодѣятельности, управляемой извѣстными, непреложными законами. Но въ сущности законосообразность въ жизни природы, есть законосообразность отъ Бога, а кто, исчерпалъ всю систему Божественныхъ законовъ? Кто можетъ сказать, что наблюдаемые нами ежечасно въ природѣ законы заключаютъ въ себѣ уже весь кругъ Божественныхъ законовъ, управляющихъ міромъ, а не напротивъ оставляютъ широкое мѣсто въ этомъ кругу еще другимъ законамъ высшаго порядка, которые по требованію особенныхъ высшихъ цѣлей и выступаютъ съ своими дѣйствіями въ природѣ въ извѣстное время и производятъ необычайное, исключительное или сверхъестественное явленіе? Богъ и міръ, конечно, по существу своему отличаются между собой, однако не настолько раздѣляются, чтобы между ними стояла непроходимая пропасть, чтобы тамъ, гдѣ міръ, не было уже доступа Богу; напротивъ Онъ всюду—внѣ и выше міра и въ самомъ мірѣ, весь міръ проникаетъ и наполняетъ Своею силою, всѣмъ имъ движетъ и управляетъ и поэтому тогда и тамъ, когда и гдѣ нужно, творитъ, елика хощетъ. Имѣя всѣ силы природы въ своей безусловной власти, не можетъ ли Богъ сообщить имъ такое направленіе или поставить ихъ въ такое сочетаніе, что онѣ въ результатѣ дадутъ явленіе безпримѣрное, небывалое въ природѣ, но вполнѣ соотвѣтствующее волѣ Божіей?

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ возраженій противъ возможности сверхъестественнаго откровенія Бога подъ формою какого либо внѣшне-чувственнаго явленія природы, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія только одно. Открываясь въ образѣ то одного, то другаго явленія природы, говорятъ, Богъ неизбѣжно представляется измѣнчивымъ по своему существу, что несовмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ неподлежащемъ измѣненію. Но здѣсь забываютъ, что ни въ какомъ откровеніи и ни подъ какою формою Богъ не открываетъ Своего существа: по существу Своему Онъ во свѣтѣ живетъ неприступнѣмъ, Его же никто же видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ (1 Тим. 6, 16). Открываясь въ формѣ какого либо чувственно-видимаго явленія, Богъ отнюдь не принимаетъ самой природы

этого явленія, не превращается Своимъ существомъ въ самое это явленіе, но лишь своею внѣшнею, обнаруживающеюся внѣ Его силою производитъ явленіе, сообразное Его волѣ, создаетъ такой видимый и притомъ исключительный образъ Своего откровенія, въ которомъ воспринимающему его человѣку представляется какъ бы непосредственно, существенно присутствующимъ Онъ Самъ; этотъ-то образъ откровенія Бога мы дѣйствительно находимъ неодинаковымъ, измѣнчивымъ, въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ. Но ясно, что такое непостоянство внѣшняго образа откровенія Бога ничего не говоритъ о внутренней измѣнчивости Самого Бога, напротивъ неизмѣнность Бога Самого въ Себѣ именно и открыта намъ въ Его различныхъ формально явленіяхъ и безъ этихъ явленій или откровеній мы никогда не знали бы неизмѣнности Божіей, какъ не могутъ до сего времени признать ее всѣ отвергающіе откровеніе Божіе и однако не желающіе вмѣстѣ съ деистами считать Бога какимъ-то мертвенно-безжизненнымъ, абстрактнымъ существомъ, но обладающимъ истинною жизнію (пантеисты). Что лица, удостоивавшіяся неоднократныхъ откровеній Бога подъ различными формами, никогда не смѣшивали этихъ формъ съ самымъ существомъ Божіимъ, напротивъ всегда смотрѣли на нихъ только какъ на внѣшній, преходящій образъ открывающагося Бога, объ этомъ нѣтъ нужды и говорить. Никто, кромѣ непосредственныхъ воспріемниковъ Божественныхъ откровеній не сообщалъ намъ болѣе чистыхъ и совершенныхъ представленій о Богѣ Самомъ въ Себѣ и поэтому странно утверждать, что откровенія Бога подъ различными формами приводятъ насъ къ заключенію, несовмѣстимому съ Его истиннымъ понятіемъ. Такъ, со стороны Бога мы не находимъ никакихъ препятствій къ Его откровенію подъ какою бы то ни было формою явленія природы.

Не представляется ли такое препятствіе со стороны природы? Исходя изъ понятія о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, мы пришли къ заключенію, что Богъ, если хочетъ, можетъ безусловно—свободно пользоваться силами природы для произведенія явленія, вполнѣ соотвѣтствующаго Его волѣ и служащаго, такъ сказать, орудіемъ или средствомъ Его

необычайнаго откровенія въ мірѣ. Посмотримъ теперь, сама природа своею собственною жизнію не приводитъ ли насъ къ тому же заключенію, т. е. къ заключенію неограниченной возможности свободнаго дѣйствія Божественной силы въ мірѣ. Естествознаніе учитъ насъ, что въ природѣ господствуетъ законъ причинности; по этому закону, каждая причина всегда производитъ одинаковыя, свойственныя ея природѣ, явленія и, наоборотъ, всѣ тожественныя или однородныя явленія всегда обусловливаются въ своемъ происхожденіи одною причиною. Отсюда заключаютъ, что явленія, не имѣющія достаточнаго основанія для своего происхожденія въ собственной внутренней причинности міра, не могутъ имѣть и мѣста въ природѣ, т. е. откровенія Бога подъ формою какихъ либо чувственныхъ (чудесныхъ) явленій природы невозможны. Не отвергая закона причинности, дѣйствующаго въ мірѣ, мы все-таки не соглашаемся и не можемъ согласиться съ заключеніемъ, какое дѣлаютъ изъ него противъ возможности откровеній Бога въ чудесныхъ явленіяхъ природы. Весь споръ нашъ съ противниками такихъ откровеній сводится къ вопросу: натуральная законосообразность въ мірѣ такого ли абсолютнаго, независимаго характера, чтобы исключала собой всякое вмѣшательство въ процессъ ея дѣйствій совершенно посторонняхъ природѣ (духовныхъ) силъ, или напротивъ допускаетъ также воздѣйствіе такихъ силъ на ея производительность, позволяетъ имъ такъ или иначе подготовлять, направлять и видоизмѣнять производимыя ею явленія? Кажется, нѣтъ нужды доказавать, что естественная законопричинность природы отнюдь не исключаетъ дѣйствія свободныхъ, духовныхъ силъ въ мірѣ, дѣйствія выражающагося въ осмысленной подготовкѣ, направленіи и видоизмѣненіяхъ явленій природы. Безчисленные факты такого дѣйствія свободной духовной силы, силы воли человѣка, предъ всѣми на лице. Не часто ли мы своею свободною волею производимъ явленія въ природѣ, которыя, непарушая собой естественнаго закона причинности, однако никоимъ образомъ не могли бы произойти сами собой, по собственной, самодѣятельной законопричинности природы? Отсюда эти явленія, хотя вполнѣ естественны, т. е. стоятъ въ полной гармоніи съ натуральнымъ закономъ

причинности, однако никакъ не могутъ быть названы явленіями самой природы, но только дѣятельности человѣческой. Если въ природѣ мы находимъ мѣсто для свободной дѣятельности духа человѣческаго, то не тѣмъ ли болѣе возможна въ ней, при полномъ сохраненіи закона причинности, свободная дѣятельность Духа абсолютнаго, Бога Творца природы? Разъ воздѣйствуетъ на произведенія явленій природы, на ихъ подготовку, направленіе и видоизмѣненіе ограниченная духовная сила человѣка, то странно было бы отрицать также возможность воздѣйствія на натуральныя явленія, на ихъ образованіе или видоизмѣненіе, со стороны безграничной духовной силы Бога и притомъ образованія, невозможное ни для самой по себѣ природы, ни даже для человѣка. Эти явленія Божественной дѣятельности, оставляя въ сторонѣ, неприкосновеннымъ натуральный законъ причинности и въ то же время не будучи произведеніемъ ни природы, ни человѣка съ его ограниченными духовными силами, по всей справедливости получаютъ значеніе и названіе непосредственно-божественныхъ, чудесныхъ или сверхъестественныхъ явленій.

Но посмотримъ еще, не указываетъ ли намъ природа, помимо свободной дѣятельности въ ней человѣка, въ кругу ея собственныхъ явленій достаточныхъ основаній къ признанію возможности свободной Божественной дѣятельности въ мірѣ и, слѣдовательно, возможности образованія чудесныхъ феноменовъ въ природѣ, сообразныхъ волѣ Божіей. Уже самыя обычныя натуральныя явленія указываютъ на нѣкоторое воздѣйствіе свободной Божественной силы на ихъ образованіе. Въ этомъ случаѣ справедливо утверждаютъ многіе богословы: нѣтъ ни одного явленія въ природѣ, которое бы одной стороной не стояло въ строгой связи съ другими явленіями природы, какъ ихъ причина или слѣдствіе другой, напротивъ, не находилось постоянно открытымъ для сверхъестественныхъ воздѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ посмотримъ на рядъ или цѣлую массу однородныхъ явленій, для которыхъ мы указываемъ одну и туже причину? Что они представляютъ собой? По существу сходство, но по случайнымъ, мелкимъ чертамъ безконечное однообразіе; такъ что нѣтъ двухъ однородныхъ явленій безусловно тоже-

ственныхъ между собой; нѣтъ даже двухъ капель воды обсютно сходныхъ между собою. Листья на одномъ и томъ же деревѣ, дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, рожденныя даже двойниками, никогда не бываютъ сходны до совершеннаго безразличія. Гдѣ причина такой безусловной варіируемости въ дѣйствіяхъ одной и той же причины. Безъ сомнѣнія, ближайшимъ образомъ въ томъ, что каждое явленіе имѣетъ собственно не одну причину, но одну лишь главную, существенную и цѣлый рядъ второстепенныхъ, случайныхъ; по этому-то, при измѣнчивости и разнообразіи послѣднихъ, и измѣняются по случайнымъ чертамъ въ сущности однородныя, происшедшія отъ одной главной причины, явленія. Это не оспоримо. Но на чемъ основывается такое безконечное разнообразіе въ сочетаніяхъ случайныхъ причинъ съ главными при произведеніи явленій, эта вѣчная неповторяемость въ комбинаціяхъ причинъ, въ силу которой, сколько бы ни представлялось нашимъ глазамъ однородныхъ явленій, мы всегда найдемъ въ каждомъ изъ нихъ свое отличіе, оригинальность, такъ сказать, свою индивидуальность? Почему сочетанія причинъ случайныхъ съ главными находятся въ вѣчномъ движеніи, въ безостановочной измѣнчивости, такъ что являются неистощимыми творческими силами разнообразія явленій. Здѣсь сама собой приходитъ на мысль, какъ единственно достаточная причина для указаннаго факта, неисчерпаемо богатая промышленная сила Божія, движущая и управляющая міромъ и въ этомъ своемъ міроправленіи свободно производящая все безграничное разнообразіе явленій при ограниченности ихъ существенно—главныхъ причинъ.

Эта свободная Божественная дѣятельность въ мірѣ еще яснѣе открывается нашему взору при общемъ разсмотрѣніи жизни природы и исторіи человѣчества. Если бы въ природѣ дѣйствовалъ одинъ натуральный законъ причинности и такая же натуральная случайность въ сочетаніи второстепенныхъ причинъ съ главными при произведеніи безконечно-разнообразныхъ явленій одного и того же рода, то мы видѣли бы во всѣ времена, отъ начала существованія міра до настоящей поры, во всѣхъ областяхъ натуральной жизни простую смѣну въ сущности однихъ и тѣхъ же явленій и только разнообразящихся по своимъ несуществен-

нымъ, индивидуальнымъ чертамъ; мы нашли бы тогда жизнь природы въ сущности всегда одинаковою и только разнообразящеюся въ произведеніи индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ особей одного и того же рода. Но то ли въ дѣйствительности показываетъ намъ природа въ ея цѣлой исторіи? Нѣтъ, мы усматриваемъ въ ней движеніе и измѣненіе явленій не по механическому закону, но по органическому. Никто не будетъ отрицать, что въ природѣ замѣчается истинная жизнь, совершается развитіе, господствуетъ законъ прогресса, усовершаемости во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ жизни самой земли, выражающейся въ измѣнчивости ея формацій и кончая жизнію царства животнаго. Въ этомъ постепенномъ прогрессированіи общей жизни природы мы находимъ смыслъ, порядокъ, гармонію, воплощеніе какой-то всеобъединяющей міровой идеи, осуществленіе разумныхъ цѣлей, такъ что вся исторія природы является предъ нами носительницей и выразительницей чисто духовной разумной и свободной дѣятельности, скрывающейся въ глубинѣ міровой жизни и движущей ею по опредѣленнымъ свободнымъ цѣлямъ. Тотъ же прогрессъ, проникнутый высшею разумностію, направленный къ осуществленію опредѣленныхъ идей и посредствомъ нихъ къ воплощенію одной общей идеи, еще яснѣе наблюдается въ исторіи отдѣльныхъ народовъ и исторической жизни человѣчества вообще. Здѣсь нѣкій всеобъемлющій разумъ, всемогущій и свободный при сохраненіи свободы каждаго индивидуума, отдѣльнаго лица, властвуетъ надъ ходомъ человѣческой жизни съ такою непререкаемою очевидностію, что отрицаніе его, при настоящемъ состояніи знанія всемірной исторіи человѣчества, ни для кого рѣшительно не возможно. Такимъ образомъ, при всемъ сохраненіи закона причинности въ міровой жизни во всѣ времена, мы видимъ въ ней также безспорное дѣйствіе (возвышеніе и направленіе къ опредѣленнымъ цѣлямъ, къ выраженію одной общей идеи) духовной, разумной и свободной Божественной силы, движущей и направляющей міръ, какъ въ его цѣломъ, такъ и въ главныхъ частяхъ, къ опредѣленнымъ цѣлямъ, къ выраженію одной общей идеи. Дѣйствуя всегда и непрерывно въ мірѣ, какъ показываетъ намъ сама жизнь природы и исторія человѣчества, Божественная сила

ужели не можетъ также свободно произвесть въ природѣ временныхъ и исключительныхъ явленій природы, служащихъ, такъ сказать, какъ бы оболочкой исключительныхъ откровеній Бога человѣку? Вопросъ уже самъ собой даетъ на себя отвѣтъ. Такъ, и природа своею собственною, наличною жизнію представляетъ намъ полное право на признаніе возможности сверхъестественныхъ откровеній Бога человѣку подъ формою того или иного явленія природы.

По разъясненіи возможности откровеній Бога подъ формою тѣхъ или иныхъ явленій природы, явленіе Бога во внѣшнемъ, тѣлесномъ образѣ человѣка представляется уже несомнѣнно возможнымъ. Тѣло человѣка тѣснымъ образомъ связано съ его душею, служитъ органомъ послѣдней и въ нѣкоторой мѣрѣ ея отображеніемъ. Но душа или духъ человѣка есть образъ Самого Перводуха, Творца человѣка; поэтому, если въ какой внѣшне-чувственной формѣ, то именно въ тѣлесномъ видѣ человѣка, отображающемъ его невидимый духъ, образъ Божій, ближе и естественнѣе всего явленіе Перводуха или Первообраза, Творца человѣка, Бога. Здѣсь припоминается намъ странная иронія одного серіознаго ученаго (Гримма) надъ явленіями Бога въ образѣ человѣка: „Богъ, учитъ онъ, являющійся человѣкомъ, долженъ имѣть языкъ, зубы и прочіе члены человѣческаго тѣла и каждый изъ этихъ членовъ обязанъ совершать соотвѣтствующія имъ отправленія,—какая нелѣпость“! Правда! Но нелѣпость—самое пониманіе явленій Бога подъ образомъ человѣка общепризнаннымъ языковѣдомъ, а не эти явленія сами въ себѣ. Кто же думаетъ иу тверждаетъ, что, являясь человѣкомъ, принимая на Себя временно форму человѣка, Богъ становится въ дѣйствительности человѣкомъ, превращается въ человѣка, перемѣняетъ Свою Божескую природу на человѣческую и такимъ образомъ уже перестаетъ быть Богомъ, а остается однимъ человѣкомъ? Такое пониманіе явленій Бога въ видѣ человѣка дѣйствительно было бы крайне нелѣпо, а его-то именно и держится Гриммъ, и такимъ образомъ въ существѣ дѣла иронизируетъ надъ самимъ собой. Нужно отличать существо Бога отъ Его внѣшнихъ явленій, приноровленныхъ къ способности воспріятія человѣческой природой. Первое при всѣхъ такихъ явленіяхъ всегда остается

неизмѣннымъ и неявляемымъ, послѣднія же получаютъ ту или иную форму, могутъ разнообразиться до безконечности, благодаря дѣйствію всемогущей силы Божіей и это дѣйствіе, очевидно, нисколько не затрогиваетъ самого существа Божія, не вызываетъ его, такъ сказать, наружу и не превращаетъ его въ какой-либо чувственно-видимый предметъ, но лишь такъ направляетъ и соединяетъ собственныя же силы природы, что въ результатѣ получается тотъ или иной видимый образъ, служащій средой, органомъ или формой откровенія Бога. Въ такомъ дѣйствіи Всемогущества Божія нѣтъ ничего невозможнаго. Богъ создавшій ухо, глазъ и все тѣло человѣка уже-ли не можетъ воспользоваться ими, какъ временнымъ и видимымъ орудіемъ для откровенія Своей воли?

Откровеніе въ сновидѣніяхъ изъясняется изъ самаго характера соннаго состоянія человѣка. Во время сна, если не совсѣмъ прекращается, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе—смотря по крѣпости сна—ослабляется ощущеніе воспріятій извнѣ; вмѣстѣ съ этимъ чисто разсудочная связь между отдѣльными духовными явленіями, возникающими въ душѣ и передающимися ея сознанію уступаетъ мѣсто простой ассоціаціи, обусловливаемой случайными причинами; высшая способность духа, разумъ, какъ бы совсѣмъ пріостанавливается въ своей дѣятельности, но за то низшая способность познанія, воображеніе, не связываемое никакою высшею сдерживающею силою, раскрывается во всю свою ширь и работаетъ съ удивительною энергіей. Въ это время, во время сна, душа какъ бы совершенно замыкается отъ внѣшняго міра, міра окружающей ее дѣйствительности и начинаетъ жить въ своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ, вслѣдствіе чего и сознаніе ея обращено только къ воспріятію явленій, выступающихъ предъ нимъ изъ этого внутренно-душевнаго міра. Но здѣсь, при сосредоточеніи душевной жизни самой въ себѣ, изъ неисчерпаемой полноты полученныхъ душею впечатлѣній, или пережитыхъ ею внутреннихъ состояній, чувствованій и желаній въ разное время, нерѣдко выступаютъ предъ сознаніемъ и силою воображенія облекаются въ наглядную форму живой дѣйствительности такія, которыя, подъ напоромъ постоянно смѣняющихся, непосред-

ственныхъ впечатлѣній извнѣ или внутреннихъ ощущеній въ бодрственномъ состояніи, или считались человѣкомъ давно забытыми, потерянными въ области сознанія или даже вовсе не замѣчались, не сознавались имъ при ихъ воспріятіи въ свое время душею. Современная наука о душѣ (психологія) сообщаетъ намъ, что наша душа во всякое время воспринимаетъ и ощущаетъ несравненно большее количество впечатлѣній извнѣ, чѣмъ сколько обыкновенно сознается ею, что сама по себѣ чувствительность нашихъ нервовъ доходитъ до такой степени высоты, что ихъ одновременно касаются безчисленныя возбужденія изъ разныхъ и даже самыхъ отдаленныхъ сферъ міровой жизни и только благодаря ограниченности нашего сознанія, и можетъ быть къ счастію нашему, эти безчисленныя возбужденія проходятъ для насъ безслѣдно и какъ бы вовсе не касаются насъ. Но именно во время сна, при самосредоточеніи души нерѣдко всплываютъ предъ ея сознаніемъ впечатлѣнія изъ круга полученныхъ, но не сознанныхъ ею въ свое время и поэтому при послѣдующей провѣркѣ нерѣдко поражаютъ насъ своимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности. Съ другой стороны, при полной свободѣ душевной жизни во время сна отъ разныхъ впечатлѣній извнѣ путемъ обычныхъ органовъ воспріятія, зрѣнія, слуха и проч. душа тончайшими и нѣжнѣйшими нервами облекающаго ея тѣла или какъ бы непосредственно, нерѣдко воспринимаетъ самыя отдаленныя впечатлѣнія настоящаго или подготовляющагося будущаго, вовсе не доступныя ея сознанію въ обыкновенномъ, т. е. бодрственномъ состояніи, и отсюда является какъ бы прозорливицей или пророчицей. Аналогичныя всѣмъ этимъ чуднымъ феноменамъ соннаго состоянія души мы находимъ психическія явленія при разныхъ нервныхъ болѣзняхъ, естественно ли развивающихся или даже искуственно вызываемыхъ, какъ это было у древнихъ, въ особенности въ центрахъ языческихъ прорицалищъ. Весь сдѣланный нами анализъ соннаго состоянія души приводитъ къ заключенію, что душа въ это время, какъ по своей отрѣшенности отъ внѣшняго міра (т. е. по внѣшнимъ органамъ чувствъ), такъ и по чрезвычайной широтѣ воспріимчивости (чуткости) самыхъ отдаленныхъ впечатлѣній извнѣ и по способности сознанія самыхъ

слабыхъ и темныхъ внутреннихъ состояній, представляетъ самую удобную почву для воспріятія впечатлѣній также изъ міра высшаго, премірнаго и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Божественная мудрость, всегда принаровляясь къ характеру человѣческой природы, пользуется этими естественными, благопріятными условіями для своего откровенія человѣку: сообщая свои впечатлѣнія воспріимчивой сонной душѣ и направляя ея живое воображеніе къ соотвѣтствующему воплощенію этихъ впечатлѣній въ опредѣленныхъ образахъ, она и производитъ такъ называемыя сверхъестественныя сновидѣнія. Понятно само собой, что эти богооткровенныя сновидѣнія должны обладать твердымъ ручательствомъ ихъ богооткровеннаго, а не естественнаго или искуственнаго происхожденія. Эти ручательства должны заключаться въ здравости духа сновидца, въ его особенной духовно-нравственной приближенности къ Богу, выражающейся какъ въ его собственной высокой религіозности, такъ и въ какихъ-либо явныхъ знакахъ божественнаго благоволенія къ нему и наконецъ, въ самомъ характерѣ или содержаніи сновидѣнія, которое должно носить на себѣ ясную печать богооткровенности, а не рожденія изъ собственныхъ основаній человѣческой души.

Откровеніе въ видѣніяхъ имѣетъ свое объясненіе опять въ самосредоточенности души и отрѣшенности ея отъ міра внѣшнихъ, чувственныхъ впечатлѣній. Во всякое время, для лучшаго ли усвоенія чужихъ мыслей или для производства собственной умственной работы, мы заботимся объ устраненіи отъ себя всякой помѣхи извнѣ, о томъ, чтобы наша душа какъ можно менѣе развлекалась какими-либо внѣшними воспріятіями и ощущеніями и какъ можно болѣе предоставлена была самой себѣ, своей собственной внутренней жизни. При такомъ самосредоточіи она воспроизводитъ или производитъ и комбинируетъ предъ своимъ сознаніемъ, по простой ли ассоціаціи идей или по строго логической связи, рядъ такихъ мыслей, которыя въ другое время лежатъ какъ бы внѣ круга его сознанія. Въ эти же моменты душевной жизни въ собственномъ внутреннемъ мірѣ обыкновенно, какъ знаетъ каждый по опыту, сила воображенія дѣйствуетъ съ необычайною энергіей и поэтому у людей, одаренныхъ по природѣ

особенно живымъ и богатымъ воображеніемъ, при глубокомъ погруженіи ихъ въ особенную внутреннюю жизнь, нерѣдко сила фантазіи доходитъ до такой степени напряженности, что возникающій предъ ихъ сознаніемъ рядъ мыслей или представленій облекается въ живыя, какъ бы видимыя формы со всѣми ихъ отдѣльными чертами и потому, находясь въ мірѣ обычной дѣйствительности, они однако чувствуютъ себя какъ бы восхищенными и витающими въ другомъ высшемъ мірѣ: здѣсь предстаютъ ихъ взору картины, событія и дѣйствія, невѣдомыя обычному наблюденію окружающей насъ дѣйствительности; такое состояніе внутреннихъ видѣній въ бодрственномъ положеніи въ особенности испытываютъ творцы произведеній искуства. Такое состояніе внутренно-духовнаго созерцанія мыслимыхъ вещей какъ бы въ видимыхъ формахъ, очевидно, также можетъ служить удобнымъ оружіемъ въ рукахъ Бога для сообщенія человѣку высшихъ мыслей или требованій воли и, такимъ образомъ, подъ воздѣйствіемъ Божественной силы получится сверхъестественое видѣніе въ Божественномъ состояніи. Это богоокровенное видѣніе должно имѣть гарантію своей богооткровенности въ тѣхъ же условіяхъ, какія указаны нами для признанія сверхъестественныхъ сновидѣній.

Откровенія, иначе называемыя вдохновеніемъ, въ которыхъ непосредственнымъ образомъ Божественная сила, таинственно, воздѣйствуя на духъ человѣка, производитъ въ немъ рядъ мыслей, совершенно необъяснимыхъ изъ собственнаго натуральнаго запаса его вѣдѣнія, оправдываются въ своей возможности способностію къ неограниченному развитію высшихъ духовныхъ силъ человѣка. Во всякое данное время духъ человѣка сознаетъ себя ограниченнымъ, но съ другой стороны онъ всегда чувствуетъ, что по природѣ въ силахъ его лежитъ возможность къ такому развитію, къ такому прогрессу, границъ котораго онъ рѣшительно не въ состояніи опредѣлить. Эта неограниченная или лучше неопредѣленная усовершаемость нашего духа въ его развитіи прямо подтверждается общею исторіей человѣческаго развитія: двадцать вѣка тому назадъ кто бы могъ подумать, что человѣчество возвысится съ той ступени прогресса во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, на которой оно стоитъ въ насто-

ящее время и точно также можемъ ли мы вообразить ту отдаленную высшую ступень, до которой оно дойдетъ, наприм. въ теченіе тысячелѣтія послѣ насъ? Даже развитіе каждой отдѣльной личности неопредѣлимо для насъ въ своей послѣдней границѣ: иногда неблагопріятныя условія тормозятъ развитіе лица и какъ будто открываютъ намъ безусловный конецъ этого развитія, но съ удаленіемъ ихъ мы нерѣдко поражаемся раскрытіемъ необычайнаго богатства натуры, признанной нами ограниченною. При такой природѣ нашихъ высшихъ силъ, не заключающей въ себѣ опредѣленной грани ихъ возможнаго развитія или возвышенія, очевидно, Божественное воздѣйствіе (богодухновенность) можетъ довести ихъ до такого возвышенія, до котораго онѣ сами собой никогда не поднялись бы и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ вызвать въ сознаніи богодухновеннаго рядъ мыслей, теоретическаго или нравственнаго характера, безусловно непроизводимыхъ изъ его собственнаго, наличнаго умственнаго и нравственнаго состоянія и объяснимыхъ лишь именно этимъ Божественнымъ воздѣйствіемъ на его духъ. Такое происхожденіе религіознаго ученія и будетъ сверхъестественнымъ откровеніемъ. Въ непосредственномъ откровеніи Бога человѣческому духу или въ богодухновенности нельзя предполагать сообщенія готовыхъ, вполнѣ сформированныхъ мыслей, такъ чтобы человѣкъ, воспринимая ихъ извнѣ какимъ-то недовѣдомымъ путемъ совершенно опредѣленными по содержанію и формѣ, служилъ только механическимъ орудіемъ или являлся лишь внѣшнимъ органомъ выраженія воспринятаго въ устной-ли рѣчи или на письмѣ. Такое представленіе Божественнаго откровенія въ моментъ богодухновенности недопустимо: оно, во первыхъ, логически немыслимо (какъ можетъ быть сообщена Богомъ человѣку готовая мысль въ чисто духовной формѣ, безъ всякаго внѣшняго выраженія ея?); во вторыхъ, психологически невѣроятно; ибо предполагаетъ безусловную пассивность человѣка, несовмѣстимую съ постоянною, естественною активностію его духа, (подавленіе Духомъ Божіемъ духа человѣческаго не свойственно Богу) и, наконецъ, въ третьихъ—исторически несправедливо, такъ какъ богооткровенное ученіе каждаго пророка всегда носитъ на себѣ нѣкоторую печать его личности, индивиду-

альности, явно указывающую на его самодѣятельность или активное состояніе при принятіи откровенія. Вполнѣ мыслимое, психологически-вѣроятное и исторически оправдываемое положеніе богодухновеннаго пророка состоитъ въ томъ, что онъ подъ наитіемъ Божественной силы возвышается въ самодѣятельности своихъ духовныхъ силъ до высоты, соотвѣтствующей волѣ Божіей и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ рядъ мыслей, вполнѣ отражающихъ или выражающихъ собой (только, конечно, въ человѣческой формѣ и при томъ съ оттѣнкомъ индивидуальной личности самого пророка) мысль и волю Божію. Въ этомъ представленіи богодухновеннаго состоянія мы находимъ и Божественную дѣятельность неограниченною и человѣческую самодѣятельность не подавленною, или стѣсненною, но, напротивъ, доведенною до высшей напряженности, и такимъ образомъ получаемъ достаточно объяснимое внутреннее откровеніе Бога человѣку.

Высшую форму сверхъестественнаго откровенія въ мірѣ представляетъ намъ личное и дѣйствительное воплощеніе Бога, т. е. Сына Божія въ человѣческой природѣ. Объ этомъ наивысшемъ сверхъестественномъ дѣйствіи Божіемъ даже богопросвѣщеннѣйшій мужъ, ап. Павелъ, говоритъ какъ о великой тайнѣ: *велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти.* Понятно, что если воплощеніе даже для богодухновенныхъ лицъ представлялось и оставалось вѣчной тайной, т. е. непостижимымъ, недовѣдомымъ вполнѣ фактомъ, то для умопредставленія обыкновенныхъ смертныхъ оно должно являться еще болѣе таинственнымъ и потому вѣру въ эту тайну мы должны укрѣплять и развивать въ себѣ не столько какими либо отвлеченными основаніями ея внутренней возможности, сколько разсмотрѣніемъ ея непререкаемой дѣйствительности, какъ факта исторіи человѣчества. Тѣмъ не менѣе и для внутренняго пониманія самой возможности воплощенія Бога въ человѣкѣ мы имѣемъ нѣкоторыя аналогичныя данныя въ мірѣ естественномъ, покрайней мѣрѣ до нѣкоторой степени проясняющія для насъ этотъ чудный, таинственнѣйшій фактъ Божественнаго домостроительства въ мірѣ. Прежде всего здѣсь нужно оберегаться какого-либо ложнаго представленія самаго дѣла воплощенія Бога въ человѣкѣ: оно есть личное и дѣйствительное соединеніе

Божескаго естества съ человѣческимъ въ одномъ лицѣ; но оно не есть какое-либо превращеніе Бога въ человѣка или наоборотъ человѣка въ Бога; соединеніе Бога съ человѣкомъ въ дѣйствіи воплощенія, правда, нераздѣльное, но и несліянное и непреложное, такъ что ни Божеское въ существѣ не измѣнилось въ человѣческое, ни человѣческое въ Божеское. Въ такомъ правильномъ, а не произвольно какъ-либо искаженномъ представленіи воплощенія Божества въ человѣчествѣ, мы пріобрѣтаемъ уже значительное облегченіе къ пониманію его возможности. Основанія, служащія къ прояснению этого чуждаго, таинственнаго акта, мы находимъ какъ въ цѣломъ мірѣ вообще — его происхожденіи и развитіи, — такъ и въ исторіи человѣчества въ частности. Что такое міръ по своему происхожденію и развитію? Не что иное какъ реализированіе иден Божественнаго разума, согласное съ Божественною волею. Въ твореніи міра мы не находимъ какого-либо готоваго субстрата, совѣчной Богу матеріи, изъ которой бы Богъ образовывалъ міръ, сообщалъ лишь опредѣленныя формы его бытію; здѣсь не было ничего прежде даннаго: мысли Божественнаго разума всемогущею силою воли Божіей получали непосредственную дѣйствительность, реализацію, становились, такъ сказать, вещественными предметами и явленіями міра видимаго, и такимъ образомъ тутъ происходило въ строгомъ смыслѣ твореніе, но не образованіе міра. Этотъ истинный образъ міротворенія, съ одной стороны, указываетъ, что Богъ и міръ, при всемъ различіи ихъ по существу, однако не абсолютно чужды другъ другу (ибо міръ во всемъ своемъ существѣ есть міръ Божій), съ другой, еще болѣе открываетъ намъ, что весь процессъ происхожденія и развитія міра есть въ своемъ родѣ воплощеніе чего-то Божественнаго въ міровомъ, невидимаго въ видимомъ, безконечнаго въ конечномъ. Правда, это не есть воплощеніе Самого Бога въ мірѣ, но тѣмъ не менѣе воплощеніе таинственно исходящихъ отъ Бога силъ, Его разума и воли, почему апостолъ и говоритъ: *все изъ Него* (Римл. 11, 36). Такъ первую и самую низшую стадію воплощенія Божественнаго въ міровомъ (безъ сомнѣнія, не имѣющую никакого тожества съ воплощеніемъ Сына Божія въ человѣческой природѣ) мы находимъ уже въ самомъ

происхожденіи и развитіи міра. Болѣе высокую ступень этого несобственнаго воплощенія Божества въ міровомъ представляетъ намъ человѣкъ какъ въ своемъ твореніи, такъ и развитіи. Въ человѣкѣ по самому его происхожденію идея Божественнаго разума силою Божественной воли реализировалась въ формѣ духа, отражающаго по своимъ существеннымъ силамъ своего Творца, Перводуха, осуществилась какъ *образъ* творящаго *Первообраза* и поэтому здѣсь воплощеніе Божественныхъ силъ разума и воли выступаетъ въ наивысшей мѣрѣ. Но и на этой ступени оно не останавливается. Будучи образомъ Божіимъ по существу, человѣкъ призванъ къ развитію этого образа, къ богоуподобленію. *Будите совершени, яко же и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48). Въ чемъ долженъ состоять процессъ этого богоуподобленія? Богъ, какъ первообразъ человѣка, стоитъ предъ нимъ вѣчнымъ идеаломъ по Своему всевѣдѣнію и Своей святости: взирая на этотъ идеалъ, человѣкъ долженъ неустанно стремиться къ расширенію и возвышенію своего круга вѣдѣнія и къ осуществленію идеи или закона добра. Въ этомъ процессѣ богоуподобленія, какъ ясно, человѣкъ болѣе и болѣе какъ бы переноситъ нѣчто Божественное въ свое собственное существо, и такимъ образомъ выше и совершеннѣе воплощаетъ Божественное въ человѣческой природѣ. Въ этомъ процессѣ богоуподобленія, съ одной стороны, человѣческая природа какъ бы возвышается до Божественной, съ другой, Божественная нисходитъ до человѣческой и послѣднею цѣлію такого встрѣчнаго тяготѣнія Божественнаго и человѣческаго въ человѣкѣ должно служить наиполнѣйшее сближеніе ихъ между собой, слѣдствіемъ чего должно быть непосредственное блаженное общеніе Бога и человѣка въ горнемъ мірѣ. Такимъ образомъ, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія, вся исторія человѣчества отъ начала ея до конца есть въ сущности исторія воплощенія Божественной природы въ человѣческой. Правда, это воплощеніе не личности, не существа Бога въ себѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное, реальное, какъ воплощеніе неисчерпаемо нисходившихъ свыше силъ Божественнаго разума и воли. Эта чудная картина таинственнаго, всемірно-историческаго соединенія Божественнаго съ человѣческимъ не прибляжаетъ ли

по крайней мѣрѣ отчасти къ нашему пониманію и еще болѣе чудесный актъ, упостаснаго соединенія Божества съ человѣчествомъ въ одномъ лицѣ? Мы видѣли, что для такого соединенія ни въ природѣ міра вообще и человѣка въ частности, ни въ природѣ Бога не находится непреодолимыхъ препятствій; напротивъ какъ въ природѣ Божіей усматривается стремленіе къ самосообщенію человѣку, такъ и въ природѣ человѣческой способность къ воспріятію Божественной, и этого вполнѣ достаточно для успокоенія нашей мысли при разъясненіи тайны воплощенія Бога въ человѣкѣ.

Со стороны содержанія сверхъестественное откровеніе позволяетъ отличать въ себѣ два главныхъ вида — слово и дѣло. Слово — это весь богооткровенный кругъ идеи теоретически-нравственнаго характера, направленныхъ къ одной цѣли, спасенію человѣка; въ словѣ нужно отличать также двѣ составныхъ части: собственно ученіе или раскрытіе религіозно-нравственныхъ истинъ вообще, не имѣющихъ отношенія къ опредѣленному времени или лучше имѣющихъ значеніе во всякое время, и пророчество т. е. предуказаніе событій, имѣющихъ наступить въ то или иное опредѣленное время въ будущемъ; дѣло — есть совершеніе самаго спасенія: приготовленіе его и исполненіе.

Всѣ эти виды откровенія по его содержанію требуютъ теперь отдѣльнаго нашего разсмотрѣнія съ точки зрѣнія ихъ возможности.

Возможно ли богооткровенное ученіе само по себѣ, по своему существу? Вопросъ этотъ есть вопросъ объ отношеніи откровенія къ разуму. Не исключаютъ ли они другъ друга? Такъ какъ откровенное ученіе, по самому понятію — откровенное, заключаетъ основанія своей истины не въ разумѣ человѣческомъ, но въ разумѣ Божественномъ и такъ какъ Божественный разумъ безконечно превосходитъ человѣческій, то явленіе этого ученія должно представляться человѣку лишеннымъ прочныхъ, доступныхъ его сознанію, основаній, какъ бы висящимъ на воздухѣ,—это во первыхъ: затѣмъ, богооткровенное ученіе неизбѣжно должно заключать въ себѣ такія истины, которыя даже не доступны человѣческому пониманію, непостижимы для нашего разума, таинственны сами въ себѣ. Очевидно какъ будто, что принятіе

такого ученія возможно лишь на вѣру, сердцемъ, но не разумомъ, не въ силу сознательнаго убѣжденія въ его истинѣ и потомъ слѣдованіе этому ученію въ его нравственно-жизненныхъ требованіяхъ должно обусловливаться простымъ безропотнымъ послушаніемъ, а не собственными внутренними побужденіями въ человѣкѣ, вызываемыми его сочувствіемъ къ богооткровеннымъ требованіямъ. При такомъ отношеніи Божественнаго откровенія къ человѣческому духу, повидимому, при явленіи перваго и дѣйственномъ значеніи его въ человѣчествѣ умъ человѣка осужденъ на бездѣятельность, на рабскую неподвижность, если только онъ не хочетъ идти вопреки откровенію, а воля его на самоотреченіе отъ свободной дѣятельности. Но возможно ли признать нормальнымъ такое состояніе нашего разума и воли, какъ кажется, неизбѣжное при существованіи откровенія? Можно ли примириться съ этимъ безусловно-рабскимъ положеніемъ наивысшихъ силъ человѣка въ виду откровенія? Развѣ онѣ даны намъ не тѣмъ же Богомъ? Развѣ онѣ не получили назначенія къ самодѣятельности и при томъ такого, что мы не можемъ заглушить или подавить его въ себѣ, не извративъ всю природу нашего духа? Чтобы человѣкъ отказался отъ самостоятельнаго мышленія по отношенію ко всѣмъ высшимъ вопросамъ его духа, съ которыми связано его спасеніе и отъ свободной самодѣятельности въ области нравственнаго развитія, онъ долженъ перестать быть человѣкомъ, но въ такомъ случаѣ уже не мыслимо никакое его духовное преуспѣяніе. Такъ, повидимому, религіозно-нравственное развитіе человѣчества требуетъ отъ него исключительно самодѣятельнаго познанія Бога и Его нравственнаго закона; такъ какъ при всякомъ внѣшнемъ, Богомъ вносимомъ въ нашъ духъ, познаніи о Немъ и Его волѣ нашъ разумъ какъ будто неминуемо осуждается на неподвижность и наша воля на не свободное дѣйствіе. Короче сказать, духъ человѣка, кажется намъ, самымъ натуральнымъ назначеніемъ своимъ къ самостоятельному развитію исключаетъ всякое давленіе на него со стороны Бога, всякое сверхъестественное и обязательное внушеніе ему истинъ, какъ руководящихъ нормъ его развитія, и потому богооткровенное ученіе само въ себѣ невозможно. Какъ же на самомъ дѣлѣ:

возможно ли само въ себѣ богооткровенное ученіе? Въ исторіи рѣшенія этого вопроса мы встрѣчаемъ два противоположныхъ направленія — супранатуралистическое и раціоналистическое; первое отвѣчаетъ на вопросъ положительно, второе—отрицательно. Супранатуралисты соглашаются, что богооткровенное ученіе дѣйствительно въ извѣстной степени относится подавляющимъ образомъ къ собственной дѣятельности нашего разума въ вопросахъ, касающихся нашего спасенія, внушаетъ людямъ истины, часто какъ бы съ скрытыми для ихъ разума основаніями, нерѣдко даже вовсе непонятныя имъ по существу (тайны) и потому требуетъ отъ нихъ безусловной покорности въ ихъ принятіи. Оправданіе такого отношенія откровенія къ разуму супранатуралисты видятъ, съ одной стороны, вообще въ ограниченности нашего духа и въ частности его разума, вѣдѣнію котораго многое, существенно—необходимое для нашего спасенія, осталось бы недоступнымъ, если бы не открылъ его Богъ, съ другой, и при томъ главнымъ образомъ, въ поврежденности нашихъ силъ, вслѣдствіе которой только и осталась человѣку безусловная покорность Божественному руководительству, его наставленію и просвѣщенію въ дѣлѣ спасенія. Такимъ образомъ богооткровенное ученіе, по мнѣнію супранатуралистовъ, хотя и ограничиваетъ нѣсколько собственное прирожденное стремленіе нашего духа къ познанію истинъ, однако вполнѣ не стоитъ съ нимъ ни въ какомъ противорѣчіи, какъ восполняющее и исправляющее его недостатки и поэтому вполнѣ возможно само по себѣ. Раціоналисты, напротивъ, ссылаясь на самую природу нашего духа, отстаиваютъ безусловныя права его разума въ вѣдѣніи истинъ, необходимыхъ для нашего спасенія и потому богооткровенное ученіе, какъ требующее одного послушанія въ принятіи и усвоеніи его, рѣшительно отвергаютъ какъ невозможное и отсюда, далѣе, все признанное Божественнымъ откровеніемъ, считаютъ не откровеніемъ Самого Бога, но произведеніемъ собственнаго человѣческаго разума и лишь по заблужденію и предразсудкамъ признаваемымъ богооткровеннымъ ученіемъ. Такъ какъ въ продолжительномъ спорѣ крайности обыкновенно всегда приходятъ къ потребности взаимнаго примиренія, то и супранатурализмъ и раціонализмъ въ исторіи взаим-

ныхъ препирательствъ выродилъ съ одной стороны раціоналистическій супранатурализмъ, съ другой супранатуралистическій раціонализмъ или полусупранатурализмъ и полураціонализмъ. Полусупранатурализмъ, въ видахъ уступки раціонализму, утверждаетъ, что богооткровенное ученіе хотя имѣетъ свое происхожденіе отъ Бога, однако сообщаетъ ни болѣе ни менѣе того, что содержится потенціально въ собственномъ нашемъ разумѣ и что могло бы произойти изъ него самого только не скоро, или если бы даже совсѣмъ не произошло, то лишь вслѣдствіе поврежденности нашего разума. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь собственный раціонализмъ только въ супранатуралистической оболочкѣ. Въ свою очередь и полураціонализмъ, чтобы сойтись съ супранатурализмомъ, охотно допускаетъ возможность и необходимость сверхъестественнаго откровенія такихъ истинъ, до познанія которыхъ умъ человѣка вслѣдствіе ограниченности и легкой способности къ заблужденіямъ самъ собой никогда не могъ бы дойти; но ограничиваетъ кругъ этихъ истинъ лишь такими, которыя вполнѣ примиряются съ истинами, добытыми собственнымъ нашимъ разумомъ, и потому оцѣнку богооткровеннаго ученія ставитъ подъ контроль нашего разума, критеріемъ, опредѣляющимъ и отличающимъ истинно-богооткровенное отъ мнимо-богооткровеннаго, полагаетъ разумъ человѣческій, согласіе или несогласіе откровенія съ собственнымъ, естественнымъ вѣдѣніемъ человѣка. Очевидно, что полураціонализмъ въ своемъ воззрѣніи на Божественное откровеніе близко подошелъ къ супранатурализму и только благодаря непослѣдовательности мышленія удерживаетъ въ себѣ раціоналистическую закваску (признавая Божественное откровеніе истинно Божественнымъ, подчиняетъ его суду человѣческаго разума).

Весь споръ между супранатурализмомъ и раціонализмомъ вмѣстѣ съ ихъ компромиссами въ пользу другъ друга (въ формѣ полусупранатурализма и полураціонализма) есть не что иное, какъ результатъ недоразумѣнія: неправильнаго пониманія дѣйствительныхъ отношеній между Божественнымъ откровеніемъ (богооткровеннымъ ученіемъ) и нашимъ разумомъ. Богооткровенное ученіе, не смотря на то, что имѣетъ свой источникъ въ Божественномъ разумѣ, однако никогда

не являлось и не является сознанію человѣка совершенно безосновательнымъ, требующимъ лишь послушной пріемлемости его и недопускающимъ разумнаго убѣжденія въ его истинѣ. Напротивъ убѣжденіе въ истинѣ богооткровеннаго ученія частію всегда находилось, такъ сказать, подъ руками человѣка, но самою главною стороною предоставлялось, какъ возможность, во всемъ будущемъ развитіи человѣчества и дѣйствительно болѣе и болѣе пріобрѣтается съ успѣхами нашего развитія. Богооткровенное ученіе сообщено человѣчеству не сразу, не одновременно, но въ продолженіе многихъ вѣковъ: оно тѣсно входило въ исторію человѣчества и само представляетъ своего рода исторію. Отъ чего зависѣло это постепенное, историческое проявленіе и, такъ сказать, самопополненіе и самоусовершеніе богооткровеннаго ученія? Отъ того, что оно никогда не выступало въ мірѣ безъ надлежащихъ и твердыхъ основаній, всегда шло въ строгой параллели съ этими основаніями, въ каждое данное время лишь настолько раскрывалось, насколько давались фактически, самымъ дѣломъ непреложныя основанія его истины. Эти основанія заключались въ общей промыслительной дѣятельности Бога въ мірѣ, но больше всего—въ спеціальномъ и чудномъ домостроительствѣ Божіемъ въ мірѣ, явленномъ въ исторіи царства Божія на землѣ—въ исторіи Израиля и христіанства. Съ промыслительными дѣйствіями Бога во всемъ мірѣ и въ особенности въ теократическомъ царствѣ Израиля и при утвержденіи христіанства на землѣ, дѣйствіями то совершаемыми при посредствѣ естественныхъ причинъ и слѣдствій въ исторіи природы и человѣчества, какъ бы естественными, то обнаруживающимися въ необычайныхъ, чудесныхъ явленіяхъ природы и нашей исторіи, и идутъ въ одинъ рядъ въ своемъ происхожденіи богооткровенныя ученія, на нихъ опираются какъ на несокрушимую скалу и въ нихъ указываютъ и нашему разуму твердыя основанія своей истины. Божественное откровеніе, какъ ученіе, не смотря на всю высоту своего содержанія, менѣе всего теоретично или отвлеченно по характеру своего раскрытія: вы не найдете въ немъ строгаго, систематическаго развитія истинъ, напротивъ, видите раскрытіе его по частямъ, безъ системы, безъ логическаго порядка, но всякій разъ въ тѣсномъ притк-

новеніи къ тѣмъ или инымъ событіямъ или обстоятельствамъ въ человѣческой исторіи или въ сферѣ природы, въ которыхъ съ наибольшею очевидностію проявляется дѣятельность промысла въ мірѣ. Разительное подтвержденіе такой связи богооткровеннаго ученія съ вѣчно живою, промыслительною дѣятельностію Бога въ мірѣ, выражающеюся то въ обычномъ направленіи жизни природы и нашей исторіи, то въ необычайныхъ знаменіяхъ, представляетъ намъ наивысшая ступень богооткровеннаго ученія—ученіе христіанства, прежде всего ученіе Христа и за тѣмъ Его апостоловъ. Что мы находимъ въ ученіи Христа? Не какую-нибудь полную цѣльную, логически-развитую систему религіозныхъ истинъ; нѣтъ, но только болѣе или менѣе краткія, такъ сказать, отрывочныя рѣчи, отдѣльныя изреченія, не большія замѣчанія, но каждый разъ по какому либо живому, непосредственно представляющемуся поводу и съ близкимъ отношеніемъ или къ явленіямъ природы или къ событіямъ въ человѣческой жизни. Отсюда ученіе Христа при всей высотѣ и глубинѣ выраженныхъ въ немъ истинъ о Богѣ по Его существу и свойствамъ, о человѣкѣ съ его добромъ и зломъ и проч. носитъ на себѣ печать чисто практическаго ученія. Отъ обыкновеннаго явленія оно уноситъ нашъ взоръ къ высшему міру и оттуда какъ бы сводитъ намъ лучь, освѣщающій это явленіе: полевой цвѣтокъ даетъ поводъ къ раскрытію сколько возвышеннаго, столько же поражающаго своею непреложною истиною ученія о Божественномъ попеченіи, сосредоточенномъ по преимуществу на человѣкѣ; обыкновенная любовь родителей, испорченныхъ по природѣ (злыхъ сущихъ), къ дѣтямъ въ устахъ Христа служитъ основаніемъ къ выясненію безконечной любви къ людямъ Отца небеснаго, безконечно добраго по природѣ; непререкаемое нравственное превосходство самарянина предъ священникомъ и левитомъ въ обращеніи съ путникомъ, ограбленнымъ и избитымъ разбойниками, само собой давало основаніе къ раскрытію нашего нравственнаго долга любви ко всѣмъ людямъ, какъ нашимъ братьямъ, безъ различія народностей, вѣры, званія и состоянія; различіе въ плодородіи сѣмянъ, одинаковыхъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, обусловливаемое различіемъ достоинствъ почвы, на которую брошены сѣмена, въ рѣчи

Христа съ поразительною наглядностію убѣждаетъ насъ въ причинахъ различнаго дѣйствія на сердца людей одного и того же Божественнаго ученія, коренящихся въ различномъ нравственномъ состояніи самихъ слушателей. Мы могли бы привести еще десятки подобныхъ примѣровъ, но, конечно, и этихъ достаточно, чтобы видѣть, какъ высочайшее, чистѣйшее и совершеннѣйшее ученіе Христа всегда стояло на твердой почвѣ жизни природы или человѣческой исторіи. Возьмите даже нагорную проповѣдь, представляющую какъ бы полную, законченную рѣчь и высказанную, повидимому, безъ особенныхъ поводовъ, просто какъ отвлеченное ученіе. Что вы находите въ ней? Каждое изреченіе ея не рѣжетъ ли глаза, такъ сказать, яркостію своей истины? Это потому, что мы сами видимъ, что въ нихъ наша жизнь освѣщается истиннымъ свѣтомъ, раскрывается въ ея дѣйствительныхъ основоположеніяхъ. Даже въ то время, когда Христосъ излагаетъ предъ учениками и народомъ высочайшія тайны объ Отцѣ и Духѣ, о Своемъ лицѣ и отношеніи къ Отцу, стоитъ ли Его ученіе на неуловимой и незримой почвѣ? Нѣтъ, оно имѣетъ ее, такъ сказать, видимую и осязаемую—главнымъ образомъ въ собственномъ лицѣ Христа. Лице Христа на сколько оно отпечатлѣно въ Евангеліяхъ и апостольскихъ Посланіяхъ, не есть ли живой и дѣйствительный образъ Бога во всѣхъ Его отдѣльныхъ чертахъ, выше и совершеннѣе котораго безсильны представить мысль и воображеніе человѣка? Всѣ догматы въ Посланіяхъ апостоловъ опять суть не что иное, какъ отображенія живыхъ и отдѣльныхъ чертъ Божества въ Его отношеніи къ міру, явленныхъ въ лицѣ Христа; всѣ нравственныя истины въ этихъ Посланіяхъ суть только прямые и непосредственные выводы изъ догматическихъ, утверждающихся на личномъ созерцаніи Бога въ лицѣ Христа. Христосъ, Богочеловѣкъ, въ Своемъ ученіи, открылъ намъ высочайшія тайны о внутренней жизни Божества и Его откровенныхъ дѣйствіяхъ въ мірѣ, но въ своей личной жизни на землѣ, какъ жизни Бога, представилъ намъ непререкаемыя подтвержденія сообщенныхъ имъ тайнъ. Кто осмѣлится сказать, что Его ученіе и жизнь находятся въ разногласіи, что послѣдняя не подтверждаетъ перваго, а первое не отражаетъ и не освѣщаетъ собой послѣдней? Такъ и самая выс-

шая ступень богооткровеннаго ученія—ученіе христіанства, при всей видимой отвлеченности его содержанія, твердо опирается на жизненныя явленія промыслительной силы Божіей въ мірѣ, явленія то обыкновенныя, естественныя, то необыкновенныя чудесныя. Обращая отъ христіанства взоръ назадъ къ раннимъ ступенямъ откровенія—въ народѣ израильскомъ, начиная временемъ Авраама и кончая послѣдними пророками, мы видимъ все ту же неразрывную связь между богооткровеннымъ ученіемъ и дѣятельными проявленіями Промысла то въ законообразномъ ходѣ міровой жизни и исторіи человѣчества, то въ необычайныхъ (чудесныхъ) событіяхъ природы или нашей исторіи. Ветхозавѣтные органы Божественнаго откровенія всегда говорятъ по тому или иному поводу, представляющемуся въ наличной жизни своего-ли народа или чужихъ, вступавшихъ съ нимъ въ соприкосновеніе и въ историческихъ обстоятельствахъ, явно открывающихъ собой руководящую и направляющую ихъ силу Божію, находятъ основанія къ раскрытію той или иной черты высочайшаго образа Бога или Его нравственнаго закона, правящаго міромъ. Такимъ образомъ, во всей исторіи Божественнаго откровенія ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру идетъ параллельно дѣйствительному управленію Бога міромъ, постепенному направленію послѣдняго къ опредѣленнымъ цѣлямъ и въ этомъ согласіи ученія съ дѣйствіями Божіими въ мірѣ для размышляющаго духа даются убѣдительныя доказательства истины перваго. Богооткровенное ученіе, собственно говоря, есть только высшее, совершеннѣйшее и наивѣрнѣйшее изъясненіе или толкованіе домостроительства Божія, являемаго въ мірѣ и по скольку оно отображаетъ собой послѣднее, по-стольку же находитъ свое подтвержденіе въ немъ, такъ что вѣрующему разуму стоитъ только обратиться пристальнымъ взоромъ къ дѣйствительной исторіи Божественной дѣятельности въ мірѣ, чтобы видѣть всю непреложность богооткровеннаго ученія. Хотите ли убѣдиться въ истинѣ единства Божія, ясно и положительно открытаго родоначальнику народа еврейскаго—Аврааму, или въ истинѣ неизмѣнности Бога по существу и по Его міроправящей цѣли въ мірѣ, сообщенной Моисею или въ истинахъ всемогущества и неподкупной святости Бога въ судѣ

надъ человѣческимъ родомъ, открытыхъ міру устами пророковъ,—разсмотрите исторію Авраама, исторію народа еврейскаго при Моисеѣ и послѣ него, историческія судьбы евреевъ и другихъ народовъ при пророкахъ или нѣсколько послѣ нихъ, и вы убѣдитесь изъ самой исторической картины человѣчества, мысленно возстановленной предъ вами, насколько непреложно—истинно все это богооткровенное ученіе. Старая аксіома, что сверхъестественное откровеніе въ смыслѣ ученія отнюдь не противорѣчитъ естественному откровенію, насколько изъ этого самостоятельнымъ путемъ человѣкъ извлекаетъ ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, напротивъ только освѣщаетъ, дополняетъ и усовершаетъ знаніе, покоющееся на естественномъ откровеніи, и эта истина подтверждается при каждомъ сличеніи сверхъестественнаго откровенія (ученія) съ естественнымъ — не съ тѣми часто сложными изъясненіями послѣдняго, которыя находимъ въ разнообразныхъ ученіяхъ языческихъ учителей религіи, философовъ и ученыхъ, наблюдающихъ мелкія и дробныя явленія природы и нерѣдко опускающихъ изъ вида болѣе крупныя и основныя, но съ тѣмъ дѣйствительнымъ естественнымъ откровеніемъ, какое представляетъ намъ жизнь природы и исторія человѣчества сами въ себѣ. Вотъ почему и чисто человѣческое ученіе, строго утверждающееся на богооткровенномъ, какъ мы видимъ, проходитъ непоколебимымъ и неизмѣннымъ по существу чрезъ рядъ вѣковъ, воспитывая собой тысячи и милліоны людей, между тѣмъ какъ ученіе, отрѣшенное отъ почвы откровенія, постоянно смѣняется въ своихъ различныхъ видахъ, явно обличаетъ свою неустойчивость и вліяетъ только на ограниченные круги послѣдователей. Это потому, что первое, опираясь на сверхъестественное откровеніе, въ то же время имѣетъ за себя и естественное, между тѣмъ какъ послѣднее, чуждое по духу первому, въ то же время встрѣчаетъ разоблаченіе своей несостоятельности и въ послѣднемъ. Какъ же послѣ этого можно утверждать, что богооткровенное ученіе должно являться человѣку лишеннымъ основаній, восприниматься исключительно вѣрою, по простому послушанію авторитету Божественнаго откровенія, вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснять и пріостанавливать самодѣятельность нашего разума въ вѣдѣніи истины и по всему этому

само въ себѣ не возможно? Напротивъ это ученіе, какъ отражающее собой полную дѣйствительность, находитъ себѣ опору во всей жизни природы и человѣческой исторіи; воспринимаемое вѣрою, оно отнюдь не исключаетъ разумнаго убѣжденія въ его истинѣ и, сообщая истинное знаніе, отнюдь не дѣйствуетъ принудительно или стѣснительно на духъ человѣка по отношенію къ его собственному мышленію, а представляетъ ему то, что онъ охотно, по влеченію собственной природы готовъ воспринять (такъ какъ ему дается истина) и при воспріятіи чего не только не стѣсняется, но до высшей степени возбуждается его собственный разумъ. Нужно разъ на всегда помнить, что между богооткровеннымъ ученіемъ и вѣдѣніемъ собственнаго нашего разума не можетъ быть по существу никакого противорѣчія и потому при усвоеніи перваго точно также, и даже еще болѣе, вызывается на самодѣятельность нашъ разумъ, какъ и при пріобрѣтеніи естественнымъ путемъ истиннаго знанія. — Правда въ откровеніи даются идеи, неподлежащія строгой провѣркѣ или подтвержденію, въ немъ сообщаются даже истины, недоступныя нашему пониманію въ ихъ внутренней сущности; но, во первыхъ, внутренняя связь идей таинственнаго характера съ истинами очевидными и неотразимыми, основное значеніе первыхъ для послѣднихъ, словомъ всецѣлая гармонія и безусловная неразрывность всѣхъ истинъ Божественнаго откровенія дѣлаютъ для нашего сознанія равно достовѣрными и непреложными даже и таинственныя его истины. Въ этомъ случаѣ мы должны относиться къ откровенію какъ къ какой либо философской системѣ, признаваемой нами истинною. Здѣсь мы также неизбѣжно встрѣчаемся съ истинами, и притомъ большею частію фундаментальнаго значенія, недоступными нашей провѣркѣ и однако принимаемъ ихъ ради вытекающихъ изъ нихъ истинъ, уже несомнѣнно для насъ достовѣрныхъ. Того же самаго критеріума опредѣленія истины очевидно мы должны держаться и при принятіи Божественнаго откровенія. Во вторыхъ, истины откровенія таинственнаго характера, при всей ихъ таинственности, однако не исключаютъ постепеннаго, прогрессивнаго углубленія нашимъ разумѣніемъ въ ихъ внутреннее содержаніе и нѣтъ такой тайны откровенія, которая

бы не находила себѣ, такъ сказать, созвучія въ естественномъ нашемъ разумѣніи и по требованію нашего собственнаго разума не входила въ систему нашего высшаго знанія. Вотъ тайны—троичность лицъ единаго Божества и воплощеніе Бога въ человѣкѣ; но онѣ такъ или иначе, во той или иной формѣ входятъ непремѣнными и существенными звѣньями, даже въ отрѣшенныя отъ христіанства системы философскаго міросозерцанія—въ системы Гегеля, Шеллинга и др. Эти тайны Божественнаго откровенія суть, такъ сказать, вѣчныя темы, наивысшіе вопросы, поставленные Божественнымъ разумомъ человѣческому и въ вѣчномъ трудѣ надъ ихъ разрѣшеніемъ и разъясненіемъ мы имѣемъ чудный стимулъ, непрестающее возбужденіе къ нашему духовному преуспѣянію до той ступени его, когда созерцаемое нами теперь какъ бы сквозь тусклое стекло, откроется намъ лицемъ къ лицу.

Бросая общій взглядъ на отношеніе откровенія (богооткровеннаго ученія) къ нашему разуму, мы должны сказать, что въ сущности между ними не можетъ быть никакого разногласія: Богооткровенное ученіе непремѣнно должно быть разумнымъ не просто съ точки зрѣнія Божественнаго разума, какъ его производителя, но даже и для нашего разума, какъ воспринимающаго его органа. На такую разумность откровенія, или на внутреннее согласіе сообщаемаго въ немъ ученія съ нашимъ собственнымъ, субъективнымъ стремленіемъ къ истинному вѣдѣнію или чувствомъ истины, ясно указываютъ постоянныя, непрестающія попытки вѣрующихъ, при пріятіи сердцемъ откровенныхъ истинъ, къ объятію ихъ также разумомъ, къ уразумѣнію ихъ внутренняго существа и такимъ образомъ къ усвоенію ихъ себѣ по присущимъ намъ общимъ законамъ вѣдѣнія всякой истины. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что Богооткровенное ученіе есть въ сущности сообщеніе вѣдѣнія, которое уже само въ себѣ заложено въ глубинѣ нашего разума, лежитъ въ немъ какъ возможность, изначала данная нашему духу и только открывается въ немъ, доходитъ до его сознанія не силою его самодѣятельности, но внѣшнею силою Божественнаго возбужденія въ его сознаніи этого вѣдѣнія. Нѣтъ; Божественное откровеніе не есть только обнаруженіе предъ на-

шимъ взоромъ собственнаго богатства нашего разума того, чѣмъ онъ владѣетъ уже самъ въ себѣ, но чего лишь не въ состояніи сознать самъ собой; напротивъ, откровеніе сообщаетъ намъ, между прочимъ, и такое вѣдѣніе, которое даже какъ простая возможность не положено въ нашемъ разумѣ, вѣдѣніе абсолютно превышающее натуральную способность нашего разума къ самостоятельному пріобрѣтенію его или къ самодѣятельному внесенію его въ область нашего сознанія. Конечно, многія истины откровенія таковы, что по своей ясности, непреложности и непосредственной воспріемлемости нашимъ духомъ представляются намъ столь близкими и родными, что сверхъестественнымъ дѣйствіемъ только какъ будто вызваны въ сферу нашего сознанія изъ глубины нашего собственнаго духа; много есть въ откровеніи и такихъ истинъ, которыя уже составляли самопріобрѣтенное достояніе нашего разума и Божественнымъ авторитетомъ только какъ бы подтверждены, навсегда упрочены въ нашемъ сознаніи. Но при всемъ этомъ въ немъ находятся и такія истины, и именно особенно характерныя и существенныя въ Богооткровенной религіи, которыя, будучи лишь выраженіемъ чрезвычайнаго, премірнаго Божественнаго Совѣта о спасеніи человѣка и необычайнаго домостроительства Божія въ мірѣ, ни въ какомъ случаѣ не возникли бы и не явились бы въ нашемъ сознаніи, если бы не сообщилъ ихъ человѣчеству Самъ Богъ чрезъ избранныхъ мужей. И тѣмъ не менѣе даже этого высшаго порядка истины, составляющія, такъ сказать, абсолютный даръ Божественнаго откровенія человѣку, не стоятъ въ противорѣчіи съ нашимъ разумомъ, разумны даже для его ограниченнаго пониманія и потому составляютъ предметъ его воспріемлемости, непротиворѣчащій его природѣ, его внутренней предрасположенности къ вѣдѣнію истины, но вполнѣ согласный съ нею (предрасположенностію). Чтобы убѣдиться въ нашихъ словахъ, необходимо яснѣе представить себѣ собственное, внутреннее существо нашего разума. Что такое нашъ разумъ? Онъ вовсе не есть какое-либо хранилище опредѣленнаго количества готовыхъ идей, у котораго слѣдуетъ только открыть клапанъ, чтобы оттуда постепенно поднимались идеи въ область нашего сознанія; напротивъ, нашъ

разумъ есть просто способность или сила, управляемая извѣстными законами въ своей дѣятельности и назначенная къ пріобрѣтенію высшаго познанія: идеи составляютъ, такъ сказать, внутреннюю сущность предметовъ и явленій объективнаго міра и при извѣстныхъ отношеніяхъ нашихъ познавательныхъ способностей къ объектамъ, какъ нѣкія копіи становятся достояніемъ нашего разума и имъ передаются нашему сознанію, но отнюдь не родятся исключительно извнутри нашего собственнаго разума. Нѣкоторыя изъ этихъ идей уже по натуральному складу нашего разума признаются имъ непосредственно истинными, не требующими никакихъ доказательствъ; другія оправдываются въ своей истинности тѣсною связію, гармоническимъ согласіемъ ихъ съ тѣми идеями, которыя уже признаны достовѣрно истинными. При этомъ, однѣ изъ идей по своей внутренней простотѣ и не сложности какъ бы сами собой напрашиваются нашему сознанію, только бы представился къ тому благопріятный случай; другія, смотря по различію способностей разума въ отдѣльныхъ лицахъ, открываются одними и только усвоиваются другими, обладающими хотя бы самыми посредственными способностями; иныя, наконецъ, по своей высотѣ и глубинѣ являются предметомъ открытія только рѣдкихъ, геніальныхъ умовъ и точно также становятся предметомъ разумнаго усвоенія или пониманія лишь ограниченнаго круга высоко развитыхъ умовъ, а для массы остаются тайнами, непонятными истинами. По способу своего происхожденія однѣ изъ идей пріобрѣтаются обыкновеннымъ путемъ продолжительнаго наблюденія надъ извѣстнымъ кругомъ вещей и старательнаго размышленія о нихъ, логическаго соединенія ихъ въ одно цѣлое и, такъ сказать, извлеченія изъ нихъ общей сущности; другія, напротивъ, и преимущественно идеи высшаго порядка, даются разуму только вслѣдствіе необычайнаго, часто моментальнаго озаренія его какъ бы непосредственно, не столько познаются, сколько инстинктивно предугадываются имъ и такимъ образомъ являются какъ бы даромъ извнѣ. Изъ послѣдняго рода идей однѣ, разъ сдѣлавшись достояніемъ разума въ ихъ общей сущности, скоро познаются, провѣриваются и подтверждаются и по частямъ, по всѣмъ ихъ сторонамъ, иныя же настолько

упреждаютъ полнотою и глубиной своего содержанія общее культурное состояніе данной эпохи, что продолжаютъ разумно усвоиваться, разработываться по отдѣльнымъ сторонамъ и вмѣстѣ съ симъ сознательно входить въ кругъ нашего духовнаго содержанія только въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, иногда даже нѣсколькихъ вѣковъ. Къ этимъ послѣднимъ идеямъ, но въ наивысшемъ смыслѣ, κατ' εξοχην, принадлежатъ и высочайшія идеи Божественнаго откровенія такъ называемыя тайны. Онѣ несомнѣнно истинны и разумны (т. е. даже въ нашемъ субъективномъ смыслѣ), но при этомъ на столько много-объемлющи по своему содержанію, какъ откровенія безконечнаго разума, что предназначены служить пищею для усвоенія, матеріаломъ для разработки нашего разума до конца вѣковъ. Но что эти тайны, какъ истины, могутъ болѣе и болѣе входить въ связь съ неоспоримыми истинами нашего собственнаго разума и такимъ образомъ становиться нашимъ внутреннимъ достояніемъ, неотдѣльнымъ отъ самоприобрѣтеннаго нами круга истинъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленныя философскія доктрины, въ которыхъ истины, взятыя изъ откровенія, до нераздѣльности перемѣшиваются съ истинами натуральнаго человѣческаго разума.

Будучи истинами, хотя и разумными, т е. подлежащими постепенному соединенію внутри его разума съ остальными истинами его собственнаго знанія, богооткровенныя идеи однако никоимъ образомъ не могутъ имѣть своимъ критеріумомъ объемъ и содержаніе нашего натуральнаго знанія и потому не могутъ быть опредѣляемы въ своей достовѣрности (признаваемы или отвергаемы), по масштабу наличнаго знанія или развитія нашего разума. Уровень познанія нашего разума измѣнчивъ, переходчивъ и во всякое время ограниченъ; между тѣмъ Божественное откровеніе представляетъ намъ истины, выражающія собой вѣчную, непроходящую и высшую полноту бытія міра видимаго и невидимаго, дольняго и горняго. По этому опредѣлять достоинство ученія Божественнаго откровенія, руководясь какимъ либо опредѣленнымъ наличнымъ богатствомъ нашего натуральнаго знанія, значило бы измѣрять непреходящее измѣнчивымъ, оцѣнивать безконечное конечнымъ, ставить судьею

ограниченный умъ надъ безграничнымъ, относительное знаніе истины надъ абсолютной истиной, — что, конечно, несправедливо и нелѣпо. Нормальное отношеніе нашего разума къ богооткровенному ученію должно состоять въ непрерывныхъ усиліяхъ его къ внутреннему соединенію этого ученія съ постепенно расширяющимся кругомъ истинъ его собственнаго знанія и въ этой мѣрѣ къ подтвержденію Божественнаго откровенія его естественнымъ познаніемъ; но все остающееся въ Божественномъ откровеніи внѣ круга его подтвержденій, онъ долженъ не отвергать какъ сомнительное или ложь (ибо по своей ограниченности не имѣетъ на это законнаго права), но передать на храненіе сердцу, беречь въ области вѣры и терпѣливо ожидать въ будущемъ подтвержденія собственнымъ знаніемъ. Богооткровенный предметъ вѣры не только не стѣсняетъ естественной дѣятельности нашего разума и его преуспѣянія въ области самодѣятельнаго познанія, но напротивъ сообщаетъ ему постоянное возбужденіе къ дѣятельности, такъ сказать, толкаетъ его по пути прогресса.

Такъ, богооткровенное ученіе, разсматриваемое со стороны своего содержанія не представляетъ ничего невозможнаго въ себѣ по отношенію къ воспріятію его человѣческимъ духомъ. Въ существѣ оно не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ нашимъ разумомъ, не исключаетъ и не стѣсняетъ его натуральной дѣятельности и не сообщаетъ ему ничего такого, чего бы по самой природѣ своей онъ не могъ принять. Находя себѣ подтвержденіе въ мірѣ дѣйствительности, ибо идетъ и развивается рука объ руку съ историческимъ домостроительствомъ Божіимъ въ мірѣ, богооткровенное ученіе отчасти, такъ сказать, уже непосредственно проливаетъ новый свѣтъ на дѣйствительный міръ — натуральный и духовный — отчасти своимъ руководствомъ возбуждаетъ нашъ разумъ къ постоянному успѣху въ знаніи всесущаго, возвышая его до высочайшихъ тайнъ послѣдняго и помогая ему въ самодѣятельномъ усвоеніи таинственныхъ связей, соединяющихъ горній міръ съ дольнимъ.

Священникъ І. Ц—скій.

Реформація въ Англіи [1]).

ГЛАВА 8.

Гдѣ-бы и въ какой-бы формѣ ни развивалась религіозная реформація, переводъ Священнаго Писанія на народный языкъ являлся всегда ея естественною и неизбѣжною принадлежностію. Причину этого понять не трудно. Прежде всего реформація была протестомъ; она возставала противъ существующаго строя религіозно-церковной жизни, противъ тѣхъ вѣроученій и обрядовъ, законовъ и обычаевъ, которые пользовались всеобщимъ признаніемъ, существовали въ теченіи многихъ вѣковъ, освященные и утвержденные авторитетомъ католической церкви. Чтобы возставать противъ такихъ ученій и обрядовъ, нужно было, конечно, имѣть для себя опору въ какомъ-либо такомъ авторитетѣ, который былъ-бы несомнѣнно выше авторитета церкви. Такой авторитетъ реформація видѣла въ Священномъ Писаніи, и въ немъ именно она указывала основанія для своихъ отрицаній. Если она отвергала какіе-либо изъ существовавшихъ въ католической церкви догматовъ, обрядовъ или обычаевъ, то потому, что они казались ей противорѣчащими Священному Писанію или по крайней мѣрѣ не имѣющими въ немъ для себя достаточнаго основанія. Въ борьбѣ съ авторитетами церкви выработывая съ другой стороны свою положительную систему, реформація поставляла своей задачей и старалась, на сколько могла, не дѣлать ни одного шага за предѣлы того, что несомнѣнно утверждается на Священномъ Писаніи. При такихъ стремленіяхъ она естественно видѣла для себя

[1]) Продолженіе. См. январьск. кн. Чтеній.

прямую выгоду въ томъ, чтобы Писаніе было понятно и доступно для всѣхъ и чтобы такимъ образомъ всѣ имѣли возможность непосредственно удостовѣриться въ истинности того, что она проповѣдывала, ссылаясь на Писаніе. Вотъ почему реформаторы, вполнѣ убѣжденные въ томъ, что ихъ проповѣдь находится въ полномъ соотвѣтствіи съ Словомъ Божіимъ, поставляли всегда одною изъ своихъ первыхъ задачъ переводъ Библіи на языкъ народный. Англія въ этомъ случаѣ не была исключеніемъ. Какъ скоро Виклефъ выступилъ въ ней съ своею проповѣдію о необходимости церковной реформы, онъ тотчасъ-же позаботился, какъ мы видѣли, и о томъ, чтобы снабдить своихъ соотечественниковъ Библіею на понятномъ для нихъ языкѣ. Благодаря трудамъ реформатора и его сотрудниковъ, Англія къ концу четырнадцатаго вѣка уже владѣла полнымъ и точнымъ переводомъ всего Священнаго Писанія. Несмотря на всѣ преслѣдованія католической церковной власти, которая смотрѣла на англійскую Библію какъ на источникъ всякихъ безпорядковъ и ересей, списки этой Библіи или нѣкоторыхъ частей ея распространялись въ народѣ, читались и толковались на тайныхъ религіозныхъ собраніяхъ лоллардовъ и даже заучивались наизустъ любителями духовнаго назиданія. Но такія явленія были всетаки болѣе или менѣе исключительными и прошло болѣе вѣка прежде чѣмъ дѣло Виклефа могло получить широкое распространеніе въ народѣ. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что рукописные экземпляры Библіи по небходимости стоили такъ дорого, что очень не многіе были въ состояніи пріобрѣтать ихъ. Уже въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка одинъ любитель принужденъ былъ заплатить цѣлый возъ сѣна за рукопись, содержавшую въ себѣ только посланіе апостола Іакова или одно изъ посланій ап. Павла. Въ это-же время другой любитель купилъ весь Новый Завѣтъ на англійскомъ языкѣ за два фунта, 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ. Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить стоимость этой суммы, не мѣшаетъ замѣтить, что нѣсколько лѣтъ спустя тотъ-же Новый Завѣтъ, изданный печатно, продавался уже за три шиллинга и два пенса, т. е. почти за двадцатую часть прежней цѣ-

ны [1]). Само собою разумѣется, что, при дороговизнѣ рукописныхъ экземпляровъ англійской Библіи, она не могла сдѣлаться общераспространенною въ народѣ и предпріятіе реформаторовъ только въ союзѣ съ книгопечатаніемъ могло получить свое настоящее значеніе. Этотъ союзъ состоялся въ Англіи лишь въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка.

Воспитанникъ Оксфордскаго университета, Уильямъ Тиндаль, занимаясь изслѣдованіями въ области богословскихъ вопросовъ и преимущественно прилагая свой трудъ къ изученію Священаго Писанія, уклонился отъ установленныхъ ученій католической церкви и въ значительной степени проникся идеями реформы. Въ томъ-же направленіи продолжалось его религіозное развитіе и тогда, когда онъ, окончивъ свои университетскія занятія, получилъ мѣсто домашняго учителя въ семействѣ одного Глочестерширскаго джэнтльмэна. Не скрывая ни отъ кого своихъ антицерковныхъ воззрѣній, Тиндаль скоро сдѣлался предметомъ вражды всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ сношенія представителей мѣстнаго католическаго клира, которые открыли гоненіе на него и стали обвинять его въ ереси. Спасаясь отъ преслѣдователей, Тиндаль удалился въ Лондонъ, гдѣ продолжалъ свои занятія подъ особеннымъ покровительствомъ богатаго Лондонскаго ольдермэна, Гумфри Муммута. Здѣсь и зародилась въ головѣ Тиндаля мысль посвятить свои силы на изданіе полнаго англійскаго перевода всей Библіи для народнаго употребленія. Привести эту мысль въ осуществленіе въ Англіи было почти невозможно, такъ какъ здѣсь не было ни достаточныхъ типографскихъ средствъ для задуманнаго предпріятія, ни должной безопасности отъ преслѣдованій со стороны ревностно-католическаго правительства и духовенства. Въ силу этого Тиндаль, получивъ отъ своего покровителя денежную субсидію, удалился на континентъ, чтобы тамъ съ большимъ удобствомъ совершить свое дѣло. Въ Саксоніи Тиндаль видѣлся съ Лютеромъ, который конечно еще болѣе утвердилъ его въ его намѣреніи; затѣмъ онъ побывалъ въ Кельнѣ, въ Вормсѣ и наконецъ въ Антверпе-

[1]) Lechler II, 95—100 и др., 442—444 и др.

нѣ, гдѣ окончилъ свой переводъ Новаго Завѣта, который, и былъ здѣсь изданъ имъ въ 1526 г. [1]).

Предпріятіе Тиндаля не могло, конечно, остаться не замѣченнымъ со стороны ревнителей стараго порядка. Когда изданіе даже не было еще приведено къ концу, они уже начали бить тревогу. Королевскій милостынникъ, Эдуардъ Ли, находившійся въ то время по дипломатическому порученію на континентѣ, писалъ по этому поводу къ Генриху свое предостереженіе еще въ декабрѣ 1525 года. Онъ извѣщалъ короля; что, по дошедшимъ до него достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, одинъ англичанинъ, находящійся въ непосредственныхъ теперь сношеніяхъ съ Лютеромъ, побуждаемый его настояніемъ и примѣромъ, перевелъ Новый Завѣтъ на англійскій языкъ и намѣревается въ скоромъ времени съ печатными экземплярами этого перевода возвратиться снова въ Англію. Если не воспрепятствовать этому предпріятію, то великая опасность и зараза будетъ, по мнѣнію Ли, его послѣдствіемъ, ибо это самый вѣрный путь къ тому, чтобы наполнить лютеранами всѣ королевство, такъ какъ всѣ превратныя мнѣнія Лютера основываются на неправильно понятыхъ словахъ Писанія. Всѣ наши предки, управлявшіе церковію Англіи, старательно избѣгали и запрещали обнародованіе англійской Библіи, какъ это можно видѣть изъ соборныхъ постановленій англійской церкви. Письмо оканчивается выраженіемъ увѣренности, что Богъ поможетъ королю сокрушить его враговъ, злоумышляющихъ на королевство посредствомъ англійской Библіи [2]). Опасенія Ли и ему подобныхъ были не безъ основанія, такъ какъ Тиндалевъ переводъ Новаго Завѣта, тотчасъ послѣ своего появленія, сталъ распространяться въ Англіи съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что переводъ этотъ, напечатанный за моремъ, привозимъ былъ съ континента въ большомъ количествѣ, встрѣчая для себя въ Англіи сильный спросъ [3]). Ганзейскіе купцы, поддержававшіе торговыя сношенія кон-

[1]) Foxe p. 508; 542—543;—Froude I, 508—509;—Lechler II, 451—452;—Lingard IV, 155;—Hallam I, 83;—Burnet I, 24;—Chambers I, 79 и др.

[2]) Froude I, 509. Note I.

[3]) Stow. p. 553—554.

тинента съ Англіей, служили посредниками для доставки экземпляровъ Тиндалева изданія въ Лондонъ [1]). Изъ протестантски-настроенныхъ лицъ составилась въ Англіи особая ассоціація, присвоившая себѣ наименованіе „христіанскаго братства". Подписныя суммы, вносившіяся членами этого братства, употреблялись главнымъ образомъ на покупку Тиндалевыхъ переводовъ Новаго Завѣта и центральный комитетъ братства, засѣдавшій въ Лондонѣ, избралъ особыхъ агентовъ, которые путешествовали по разнымъ графствамъ и городамъ, распространяя изданіе въ народѣ. Одного изъ такихъ агентовъ, Томаса Гаррета, мы видимъ напр. въ 1527 г. въ Оксфордѣ, куда онъ является съ большимъ запасомъ запрещенныхъ книгъ, переводовъ Тиндаля и др. и съ успѣхомъ распродаетъ ихъ желающимъ [2]). Распространеніе опасной заразы, котораго такъ боялись сторонники католической церкви, было уже теперь такимъ образомъ совершившимся фактомъ, а потому церковныя власти Англіи поспѣшили по крайней мѣрѣ позаботиться о томъ, чтобы положенъ былъ предѣлъ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ. Тунсталь, епископъ Лондонскій, издаетъ по этому поводу, въ октябрѣ 1526 года, приказъ на имя архидіаконовъ его епархіи. Въ этомъ приказѣ епископъ прежде всего заявляетъ, что, по обязанности своего пастырскаго служенія, онъ всѣми силами долженъ стараться о томъ, чтобы предупреждать, устранять и искоренять все опасное для подданныхъ и особенно все то, что можетъ причинить гибель душамъ ихъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ онъ узналъ теперь, что нѣкоторые сыны неправды, пособники секты Лютеровой, ослѣпленные крайнею злобою, уклонились отъ пути истины и католической вѣры и перевели коварно Новый Завѣтъ на англійскій языкъ, примѣшавъ въ него много еретическихъ и ошибочныхъ мнѣній, вредныхъ и оскорбительныхъ. Злобными и превратными толкованіями своими они совращаютъ простой народъ, унижаютъ величіе Писанія, остававшееся доселѣ неприкосновеннымъ, и коварно злоупотребляютъ истиннымъ смысломъ свя-

[1]) Lechler II, 452.
[2]) Froude I, 170; 516—517; 524—525. Vaughan II, 120.

тѣйшаго Слова Божія. Печатные экземпляры этого перевода, съ толкованіями и безъ оныхъ, въ большомъ количествѣ разсѣяны по всему Лондонскому діоцезу, что, безъ сомнѣнія, если не будутъ приняты мѣры, заразитъ смертельнымъ ядомъ и ересью то стадо, которое ввѣрено заботамъ епископа, къ великой опасности для душъ этого стада и къ тяжкому оскорбленію Божественнаго величія. Въ силу всего этого, епископъ Лондонскій, желая противустать древнему врагу, злоумышляющему на его стадо, считаетъ нужнымъ принять благовременно мѣры и предписываетъ подчиненнымъ ему церковнымъ властямъ, чтобы они заставили всѣхъ, живущихъ въ ихъ округахъ выдать въ тридцатидневный срокъ всѣ экземпляры Новаго Завѣта въ переводѣ на англійскій языкъ, подъ страхомъ, за непослушаніе, отлученія отъ церкви и обвиненія въ ереси [1]). По замѣчанію Бурнета, епископъ Лондонскій въ настоящемъ случаѣ не былъ одинокимъ. Такіе же приказы изданы были и всѣми другими англійскими епископами въ ихъ епархіяхъ, а потому мысли, высказанныя Тунсталемъ, принадлежали и всѣмъ представителямъ тогдашней церковной власти Англіи [2]).

Одними такими приказами дѣло впрочемъ еще не ограничилось. Тотъ-же Тунсталь, епископъ Лондонскій, предпринимаетъ вскорѣ мѣру, которая, по его предположенію, должна была въ значительной степени оградить Англію отъ распространенія въ ней заразы. Будучи въ 1529 году проѣздомъ въ Антверпенѣ, Тунсталь обратился къ проживавшему тамъ англійскому купцу Пэкингтону, прося его содѣйствія, чтобы скупить, по возможности, всѣ экземпляры Тиндалева изданія, не отправленные еще въ Англію. Купецъ этотъ, имѣвшій большое знакомство въ средѣ торговцевъ, энергически взялся за дѣло и доставилъ Тунсталю всѣ остававшіеся еще въ Антверпенѣ экземпляры Тиндалева перевода. Возвратившись въ Англію, епископъ Лондонскій торжественно предалъ свою покупку сожженію при храмѣ св. Павла въ Лондонѣ. Задуманная Тунсталемъ мѣра уда-

[1]) Collier v. IX. Rec. v. II, № XII. Въ англійскомъ переводѣ документъ этотъ см. Foxe p. 517—518.

[2]) Burnet I, 34.

лась, по видимому, вполнѣ, но слѣдствія изъ нея вышли совершенно не тѣ, какія предполагались. Вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать распространенію въ Англіи Тиндалева перевода, она только способствовала его дальнѣйшему успѣху. Первое изданіе Новаго Завѣта, сожженое епископомъ Лондонскимъ, по сознанію самого Тиндаля, имѣло нѣкоторые недостатки, которые переводчикъ желалъ-бы какъ можно скорѣе исправить при второмъ изданіи, но, какъ человѣкъ бѣдный, онъ не имѣлъ возможности скоро предпринять новое изданіе своего труда. Эту возможность теперь и доставилъ ему епископъ Лондонскій. Пэкингтонъ, тайный благопріятель Тиндаля, отъ всей души постарался исполнить порученіе Тунсталя, а сумма, вырученная отъ такой нечаянной и полной продажи всего изданія дала Тиндалю средства тотчасъ же приступить къ его повторенію уже въ исправленномъ видѣ. Человѣкъ, отъ всей души желавшій затормозить дѣло Тиндаля, оказался такимъ образомъ его главнымъ поощрителемъ, а потому нѣкто Константинъ, привлеченный въ слѣдующемъ году къ суду по обвиненію въ ереси, имѣлъ полное право, на вопросъ о томъ, кто оказываетъ матеріальную поддержку Тиндалю и другимъ еретикамъ, пребывающимъ на континентѣ, отвѣтить, что самый главный ихъ покровитель—Тунсталь, епископъ Лондонскій [1]). — Нужно впрочемъ замѣтить, что не одинъ только Лондонскій епископъ разсчитывалъ оградить Англію отъ Тиндалева перевода посредствомъ скупки всѣхъ экземпляровъ изданія. Изъ письма епископа Наруйчскаго къ Уоргэму, архіепископу Кантерберійскому, мы узнаемъ, что мѣра эта была примѣняема всѣми епископами Кантерберійскаго округа по предписанію ихъ митрополита. Чтобы составить фондъ, потребный для осуществленія этого предпріятія, епископы открыли подписку и каждый изъ нихъ вносилъ отъ себя столько, сколько ему казалось нужнымъ [2]).—Но ни запретительные приказы епископовъ противъ Тиндалева перевода, ни скупка и уничтоженіе его

[1]) Hall. p. 762—763; 771.—Foxe p. 518;—Burnet I, 120—121;—Collier IV. 61—62;—Hume IV, 419.

[2]) Fraude I, 519—620. Note 2.

экземпляровъ, не сопровождались тѣми послѣдствіями, на которыя они были разсчитаны. Напротивъ спросъ на переводъ увеличивался все болѣе и болѣе и распространеніе его въ Англіи шло съ такимъ успѣхомъ, что до 1530 года состоялось уже нѣсколько изданій, при чемъ къ послѣднему изъ нихъ Тиндаль успѣлъ присоединить и значительную часть Ветхаго Завѣта [1]). — Мало того, запрещенія, торжественныя сожженія и тому подобныя мѣры привели скорѣе къ результатамъ, совершенно противуположнымъ тѣмъ, какіе были желательны для епископовъ. Они усиливали только въ народѣ любопытство къ тѣмъ изданіямъ, которыя подвергались преслѣдованію, такъ какъ запрещенный плодъ всегда имѣетъ особенную привлекательность. Трудно удовлетворявшееся любопытство смѣнялось иногда недовольствомъ и волненіемъ. Народъ оскорблялся при видѣ того, что Слово Божіе подвергается преслѣдованію; онъ сталъ даже поговаривать, что, должно быть, ученія и порядки, утвержденные церковію, стоятъ въ противорѣчіи съ Евангеліемъ, если церковныя власти не хотятъ дозволить его свободнаго употребленія. На правительство и церковь общественное мнѣніе стало возводить обвиненія, какъ на враговъ истины [2]). Такое опасное народное настроеніе побудило наконецъ и короля обратить свое особенное вниманіе на вопросъ о переводѣ Священнаго Писанія на англійскій языкъ. Весною 1530 года Генрихъ созвалъ прелатовъ и разныхъ другихъ членовъ клира, а также ученыхъ богослововъ и кононистовъ обоихъ университетовъ, и спрашивалъ ихъ мнѣнія по этому поводу. Онъ выставлялъ имъ на видъ, что въ послѣднее время въ средѣ его подданныхъ распространилось очень много печатныхъ книгъ заграничнаго изданія, особенно Тиндалевыхъ переводовъ Новаго Завѣта, которые усердно читаются народомъ; но духовенство не желаетъ допускать свободнаго употребленія этихъ книгъ и, не будучи въ состояніи само ему воспрепятствовать, обратилось за содѣйствіемъ къ свѣтской власти лорда-канц-

---

1) Hall p. 818;—Holinshed III, 796; Fruode II, 492; —Lingard IV, 156:—Chambers I, 79 и др.

2) Hall p. 771:—Burnet I, 121:—Foxe p. 518;—Collier IV, 146—147.

лера, который прибѣгалъ къ арестамъ и другимъ наказаніямъ, чѣмъ возбудилъ волненіе въ народѣ. Побуждаемый заботою о благѣ своихъ подданныхъ, король и предлагаетъ теперь собравшимся прелатамъ и ученымъ разсмотрѣть тѣ книги, которыя служатъ причиною волненія, и произнести о нихъ свой приговоръ. Послѣ такого разсмотрѣнія прелаты и ученые заявили королю, что распространяемыя въ народѣ заграничныя книги, въ числѣ ихъ и Тиндалевъ переводъ Новаго и Ветхаго Завѣта, преисполнены разнаго рода ересями и ошибочными мнѣніями, а потому, для блага народа, должны быть непремѣнно изъяты изъ употребленія. Обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію въ самомъ принципѣ вопроса о переводѣ Священнаго Писанія на языкъ народный, прелаты и ученые пришли къ заключенію, что переводъ этотъ вовсе не необходимъ для христіанскаго народа, такъ какъ устное назиданіе отъ проповѣдниковъ можетъ вполнѣ замѣнить непосредственное знакомство съ Словомъ Божіимъ. Правда, святые отцы церкви признавали удобнымъ и полезнымъ давать народу Писаніе для непосредственнаго употребленія на понятномъ для него языкѣ; но поступать такъ можно не во всякія времена и не при всякихъ условіяхъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, напр., когда народъ соблазняется ложными и еретическими мнѣніями, король и епископы заслуживаютъ полнаго одобренія, если не дозволяютъ свободнаго употребленія Свящ. Писанія на англійскомъ языкѣ. Опираясь на такое рѣшеніе прелатовъ и ученыхъ, король издалъ приказъ, въ которомъ предписалъ своимъ подданнымъ немедленно выдать властямъ всѣ имѣющіеся у нихъ экземпляры Тиндалева перевода и при этомъ заявлялъ, что, по обстоятельствамъ времени, гораздо будетъ лучше, если Писаніе будетъ изъясняемо народу ученными проповѣдниками, такъ какъ непосредственное пользованіе имъ можетъ лишь привести къ соблазну и душевной гибели. При лучшихъ временахъ, когда ложныя мнѣнія будутъ уничтожены, когда народъ своимъ добрымъ поведеніемъ заслужитъ себѣ право непосредственнаго пользованія Словомъ Божіимъ, король поручитъ дѣло перевода лицамъ ученымъ и правовѣрующимъ и дастъ тогда этотъ переводъ

народу [1]). — И свѣтское и церковное правительство Англіи по вопросу о переводѣ Писанія заявляло такимъ образомъ себя въ это время еще вполнѣ католическимъ.

Вооружаясь противъ Тиндалева перевода, ревнители старины указывали главнымъ образомъ на то, что его распространеніе совращаетъ народъ съ истиннаго пути католической вѣры и посѣваетъ въ немъ разнаго рода еретическія заблужденія. Въ подтвержденіе этого они ссылались на самый текстъ Тиндалева изданія, гдѣ находили нѣкоторыя неправильности и даже ереси. Нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ на ихъ сторонѣ была значительная доля правды. Тиндалево изданіе снабжено было многими объясненіями и примѣчаніями, а также имѣло иногда и предисловія отъ издателя. Во всѣхъ этихъ дополненіяхъ къ тексту не могли, конечно, не обнаружиться въ большей или меньшей степени воззрѣнія Тиндаля и его сотрудниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены были даже прямыя нападенія и обличенія противъ католическаго духовенства. Мало того, и въ самомъ переводѣ ревностные сторонники церкви находили нѣкоторыя неточности, отразившія на себѣ протестантское настроеніе переводчика. Томасъ Моръ указывалъ напр. на то, что Тиндаль слово „пресвитеры“ переводитъ „elders,“ а слово „церковь“ — „congregation,“ т. е. собственно: старшины, собраніе [2]). Но каковы бы ни были неправильности или ереси Тиндалева изданія, на нихъ можно было указывать какъ на достаточное основаніе къ тому, чтобы осудить и запретить только лишь это изданіе перевода, а не всякій переводъ вообще. Между тѣмъ такимъ осужденіемъ и запре-

[1]) Hall p. 771.—Весь ходъ этого дѣла подробно излагается въ документѣ, изданномъ 24 мая 1530 г. за подписью архіеп. Кантерберійскаго, епископа Дургэмскаго, лорда канцлера Мора и нѣсколькихъ богослововъ и юристовъ, т. е. тѣхъ самыхъ лицъ, которыя участвовали въ рѣшеніи вопроса о переводѣ. Документъ этотъ см. Collier IV, 140—149; — Foxe 837 — 839. См. также объ этомъ: Lingard IV, 156;—Burnet I, 121; 656.

[2]) Hall p. 771;—Halinsched III 749;—The works of the English Reformers: William Tyndale and Iohn Frith, edited by Thomas Russel. vol I. p. 1—5. London 1831;—Iohn Hunt. Religions thought in England from the Reformation to the end ef last century. v. I. p. 5—7, London 1870;—Collier IV, 144—146;—Foxe p. 518.

щеніемъ въ данномъ случаѣ дѣло уже не могло ограничиться, такъ какъ трудъ Тиндаля сослужилъ свою службу и создалъ новыя условія, при которыхъ полное возвращеніе къ старому порядку было невозможно. Распространившись въ весьма значительномъ количествѣ экземпляровъ, онъ многихъ уже познакомилъ съ содержаніемъ Писанія, во многихъ воспиталъ потребность и привычку именно изъ этого источника удовлетворять свою жажду религіознаго назиданія. Своими предисловіями онъ по всей Англіи разнесъ мысль о томъ, что непосредственное пользованіе Писаніемъ есть не только право, но и непремѣнная обязанность христіанина, а потому церковь необходимо должна дать средства своимъ членамъ къ исполненію этой обязанности, т. е. дать имъ Писаніе на понятномъ для нихъ языкѣ. При значительной распространенности такихъ потребностей и такихъ взглядовъ, отвѣчать на нихъ однимъ лишь безусловнымъ запрещеніемъ было невозможно. Сами ревнители старины сознавали это, и ихъ сознаніе, какъ намъ кажется, выразилось отчасти въ томъ рѣшеніи, которое они постановили въ маѣ 1530 года. Прелаты и ученые не сочли въ этомъ случаѣ возможнымъ рѣшительно настаивать на ненужности перевода Библіи; они ссылались лишь на современныя обстоятельства, при которыхъ, по ихъ мнѣнію, не удобно и опасно давать переводъ народу. Еще рѣшительнѣе выразилось это сознаніе со стороны короля, который призналъ даже нужнымъ дать народу положительное обѣщаніе, что при лучшихъ условіяхъ правительство само позаботится объ изданіи перевода Библіи при содѣйствіи ученыхъ и правовѣрующихъ людей. Можно думать, что король, давая такое обѣщаніе, совершенно искренно высказывалъ свое дѣйствительное намѣреніе. Въ это время онъ, какъ мы знаемъ, не былъ уже такимъ безусловнымъ сторонникомъ старыхъ церковныхъ порядковъ, какимъ онъ заявлялъ себя прежде. Теперь онъ вступилъ уже, въ союзѣ съ парламентомъ, на путь враждебныхъ столкновеній съ Римомъ, при чемъ иногда не прочь былъ оказать нѣкоторое вниманіе и требованіямъ въ духѣ реформы. Лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что вмѣстѣ съ обнародованіемъ обѣщанія король дѣйствительно далъ приказъ епископамъ и университетскимъ ученымъ о составленіи

точнаго перевода Библіи, чтобы народъ не былъ невѣждою относительно Божественнаго Закона [1]). Сторонники реформы всѣми силами старались о томъ, чтобы вопросъ о переводѣ и распространеніи въ народѣ Библіи привести къ благопріятному разрѣшенію. Поддерживаемый Кромвелемъ, Крамэръ, архіеп. Кантерберійскій, съ особенною настойчивостію началъ дѣйствовать въ конвокаціи и въ 1533 году добился наконецъ того, что конвокація приняла резолюцію о необходимости перевода Библіи. Въ слѣдующемъ 1534 году архіепископъ снова поднялъ тотъ же вопросъ и, по его настоянію, конвокація рѣшила даже представить королю петицію, въ которой указывала на недостатки употребляемаго теперь народомъ перевода и на необходимость такого изданія, которое было-бы одобрено властію церкви. Чтобы поскорѣе подвинуть дѣло къ концу, Крамэръ раздѣлилъ Тиндалево изданіе на десять частей и роздалъ эти части епископамъ для пересмотра и исправленія [2]). Но всѣ эти усилія не имѣли никакихъ послѣдствій. Большинство англійскихъ епископовъ, вѣрное своимъ римскимъ преданіямъ, рѣшительно не сочувствовало переводу. Не осмѣливась на открытую оппозицію, епископы въ то же время не хотѣли сдѣлать ни одного шага, который могъ бы способствовать осуществленію предпріятія. На словахъ они изъявляли свое согласіе, но перейдти отъ словъ къ дѣлу не обнаруживали ни малѣйшаго желанія, а потому, не смотря на всѣ старанія Крамэра, желаемаго перевода Библіи все таки еще не было. Разсказавъ о королевскомъ приказѣ 1530 года, лѣтописецъ замѣчаетъ, что, не смотря на этотъ приказъ, епископы ничего не дѣлали для его исполненія и народъ по прежнему довольствовался изданіемъ Тиндаля. Резолюціи и петиціи 1533 и 1534 года оставались только одними словами, а когда Крамэръ роздалъ епископамъ отдѣлы Библіи для пересмотра, всѣ они, кромѣ епископа Лондонскаго открыто высказавшагося противъ перевода, молча приняли порученіе и все-таки ничего не дѣлали [3]). Пассивное сопротивленіе епископовъ парализовало такимъ образомъ всѣ усилія сторонниковъ реформы.

---

[1]) Hall p. 771.

[2]) Lathbury p. 123;—Froude II, 493;—Lingard IV, 156.

[3]) Hall, Froude, Lathbury ibid.

Не добившись ничего отъ конвокаціи, Кромвелль и его сотрудники избрали другой путь; они стали дѣйствовать опираясь на короля и на этотъ разъ ихъ попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.—Съ дозволенія Кромвелля, Майльсъ Ковердаль отправился на континентъ и тамъ, вмѣстѣ съ Тиндалемъ, принялся за пересмотръ и исправленіе прежняго перевода. Въ октябрѣ 1535 года предпріятіе Ковердаля приведено было къ концу и полное изданіе англійской Библіи появилось въ Гамбургѣ, подъ заглавіемъ: „Biblia, the Bible; that is, the Holy Scripture of the Olde and New Testament, faithfully and newly tränslated out of the Doutche and Latyn into English".—Въ 1536 году Ковердалева Библія обнародывается въ Англіи „cum privilegio", т. е. съ правительственною санкціей, при чемъ издатель присоединяетъ отъ себя особое предисловіе, въ которомъ посвящаетъ трудъ свой имени короля Генриха VIII [1]). Въ этомъ предисловіи между прочимъ говорится, что римскій епископъ далъ Генриху титулъ защитника вѣры за то, что онъ дозволялъ епископамъ сожигать Слово Божіе и преслѣдовалъ его сторонниковъ; но титуломъ этимъ папа, невѣдомо для себя самаго, предрекъ, что милостію короля истинной вѣрѣ будетъ оказана самая дѣйствительная защита, когда Божественному Слову дозволено будетъ свободное употребленіе во всемъ королевствѣ. Епископъ римскій долго старался скрывать Библію отъ народа и государей, чтобы они не раскрыли его обмановъ и не обратились отъ неправаго повиновенія, предписываемому Богомъ. Онъ зналъ, что если взойдетъ солнце Божественнаго Слова,—наступитъ конецъ туману его дьявольскихъ ученій. Какъ въ древности книга Божественнаго закона найдена была при царѣ Іосіи, такъ и теперь возвращаетъ король народу Свящ. Писаніе, такъ долго бывшее для него потеряннымъ. Заслугу короля можно сравнить съ освобожденіемъ изъ Египта, или съ избавленіемъ отъ Вавилонскаго плѣненія [2]) и тд.

Посвященіе изданія королю и особенное покровительство, ему оказанное, не спасло его все таки отъ нападеній со

[1]) Froude II, 493;—Hallam I, 83;—Chambers I, 80;—Pict. history II, 713.
[2]) Froude II, 494—496.

стороны ревнителей старины. Они вооружились противъ этого новаго перевода также какъ прежде вооружались противъ Тиндалева, и стали высказывать свои жалобы королю. Побуждаемый этими жалобами, Генрихъ поручилъ нѣсколькимъ епископамъ просмотрѣть Ковердалево изданіе и сказать ему о немъ свое мнѣніе. Епископы по окончаніи возложеннаго на нихъ порученія заявили, что въ переводѣ много ошибокъ. Король-же спросилъ ихъ: а ереси есть въ немъ? Они отвѣчали, нѣтъ. Ну, такъ пусть онъ, сказалъ король, во имя Божіе распространяется въ народѣ [1]). Покушеніе папистовъ на Ковердалево изданіе оказалось такимъ образомъ безуспѣшнымъ, и причина этого заключалась очевидно въ томъ, что король теперь стоялъ уже на сторонѣ перевода. Такая перемѣнавъ настроеніи короля, прежде не соглашавшагося давать народу Библію на понятномъ для него языкѣ, была конечно весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для сторонниковъ реформы и благопріятныя послѣдствія этого пріобрѣтенія не замедлили обнаружиться. Въ томъ-же 1536 году изданы были уже извѣстныя намъ внушенія, въ которыхъ Кромвелль, какъ вице-герентъ короля по дѣламъ церковнымъ, какъ уполномоченный верховнаго главы церкви, давалъ англійскому клиру разнаго рода предписанія, обязательныя для повсемѣстнаго исполненія. Въ ряду этихъ предписаній мы встрѣчаемъ между прочимъ нѣчто, касающееся и англійской Библіи. Кромвелль предписывалъ, чтобы къ будущему празднику св. Петра „advincula“, т. е. къ первому числу августа [2]), каждый приходскій священникъ или патронъ приходской церкви пріобрѣли полный экземпляръ Библіи на латинскомъ и на англійскомъ языкѣ и положили его въ церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщается хоръ, чтобы каждый желающій могъ читать его. Священникамъ вмѣнялось при этомъ въ обязанность никого не отвращать отъ чтенія Библіи, а напротивъ поощрять и убѣждать каждаго, чтобы онъ читалъ ее, какъ истинное Слово Божіе и духовную пищу для человѣческой души, какъ источникъ, изъ котораго лучше всего можно

[1]) Burnet I, 656.—Pictorial history II, 713.
[2]) Froude II, 490. Note I.

научиться своимъ обязанностямъ по отношенію къ Богу, королю и ближнему. Кротко и съ любовію священникъ долженъ убѣждать своихъ прихожанъ, чтобы они, при чтеніи Писанія и изслѣдованіи его истиннаго смысла, соблюдали должную скромность, не допускали горячихъ и ожесточенныхъ споровъ между собою не ссорились; но предоставляли изъясненіе спорныхъ мѣстъ Писанія тѣмъ, кто обладаетъ нужною для того ученостію [1]). Для большаго обезпеченія порядка экземпляры Библіи должны были на цѣпяхъ прикрѣпляться къ аналою [2]). Такимъ образомъ, благодаря вліянію короля, принявшаго теперь англійскую Библію подъ свое покровительство, употребленіе ея не только уже не запрещается, но даже обязательно предписывается во всѣхъ церквахъ королевства.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ того обстоятельства, что Ковердалева Библія получила санкцію правительства и помимо согласія епископовъ, а можетъ быть и вслѣдствіе дѣйствительной перемѣны въ настроеніи, только въ 1536 году вопросъ о переводѣ Писанія на народный языкъ получилъ наконецъ разрѣшеніе и въ бездѣйствовавшей доселѣ конвокаціи. Не смотря на усиленную оппозицію папистской партіи, предводимой Гардинеромъ, конвокація обратилась съ петиціей къ королю, чтобы онъ распорядился о назначеніи способныхъ людей для составленія перевода и его изданія. Осуществленію этого предпріятія много содѣйствовало покровительство, оказанное ему королевою Анною Болэйнъ и вице-герентомъ Кромвеллемъ [3]). Въ основаніе труда положенъ былъ прежній переводъ Тиндаля, а главнымъ руководителемъ въ настоящемъ случаѣ былъ нѣкто Джонъ Роджерсъ. Въ 1537 году изданіе приведено было къ концу, переправлено въ Англію и здѣсь съ особеннаго королевскаго разрѣшенія обнародовано подъ именемъ „Matthew's Bible". Имя, поставленное во главѣ изданія, по общему почти мнѣнію, было вымышленнымъ. Причина такого измышленія заключалась будто-бы въ томъ, что назвать изданіе по имени

[1]) Burnet v. II. Record. p. I. b. III. № VII.
[2]) Pictorial. history II, 713.
[3]) Holinshed IV, 732;—Burnet I, 145;—Nume IV. 447—450;—Gaillard 204.

его главнаго виновника Тиндаля было опасно, такъ какъ Тиндаль не за долго до этого былъ сожженъ въ Нидерландахъ, какъ еретикъ [1]). Торжествуя благополучное окончаніе предпріятія, главный покровитель его Кромвелль поспѣшилъ послать экземпляръ новаго изданія архіепископу Кентерберійскому, который отвѣчалъ ему благодарственнымъ письмомъ, гдѣ высказывалъ свою радость, что въ Англіи насталъ день реформаціи съ безоблачнымъ сіяніемъ свѣта Божественнаго Слова [2]).

Въ сентябрѣ 1538 года англійскому клиру даны были отъ вице-герента новыя внушенія, въ которыхъ между прочимъ снова предписывалось, чтобы въ каждой приходской церкви пріобрѣтена была англійская Библія новаго изданія и положена на удобномъ мѣстѣ для общаго употребленія. Издержки на покупку этой Библіи должны быть раздѣлены пополамъ между приходскимъ священникомъ и его прихожанами. Духовенству предписывалось затѣмъ поощрять народъ къ чтенію Писанія, такъ какъ въ немъ заключается истинное и животворное Слово Божіе, которому каждый христіанинъ обязанъ вѣровать и слѣдовать, если хочетъ получить спасеніе. Повторялись наконецъ и прежнія наставленія относительно того, чтобы при чтеніи Библіи народъ не дозволялъ себѣ споровъ и ссоръ и тпд. [3])

По внутреннимъ качествамъ своимъ Matthew's Bible очень мало отличалась отъ изданій Тиндадя и Ковердаля, которыя были положены ей въ основаніе. Наравнѣ съ этими прежними изданіями, она не была свободна и отъ тѣхъ заблужденій и ересей, въ которыхъ противники перевода обвиняли доселѣ англійскую Библію. Предисловіе и объяснительныя примѣненія къ тексту Matthew's Bible въ значительной степени заимствовала изъ Библіи Лютеровой, и въ этихъ примѣчаніяхъ нерѣдко встрѣчались полемическія выходки противъ развращенія римской церкви. Классическія мѣста Новаго

---

1) Foxe p. 584;—Lingard IV, 156;—Hallam I, 83;—Vaughan II, 372;—Weber I, 485;—Gaillard ibid;—Chambers I, 80

2) Burnet I, 183;—Vaughan II, 372;—Weber I, 487.

3) Burnet v. II, Recor. p. I, b. III. № XI; — Holinshed III, 806; — Stow 575—576;—Collier IV, 429—430;—и др.

Завѣта, на которыхъ папа утверждалъ свои притязанія, снабжены были здѣсь примѣчаніями, при чемъ имъ давалось вовсе не римское объясненіе, какъ напр. извѣстному изреченію: ты еси Петръ... и тд. (Мѳ. XVI, 17—19). Однимъ словомъ, всюду въ этомъ изданіи можно было замѣтить, что люди, имъ руководившіе, не придерживались строго римскихъ понятій [1]).

Изданіе Маттью, какъ видно, не было признано, вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ почти тотчасъ-же послѣ его появленія уже предпринимается новое въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Высшими покровителями и руководителями предпріятія были на этотъ разъ Кромвелль и Крамэръ, а исполнителями: переводчикъ Ковердаль и издатели-типографы Графтонъ и Уайтчерчъ. Къ своему дѣлу предприниматели относились съ чрезвычайною заботливостію и серьезностію. Мѣстомъ изданія они избрали Парижъ, гдѣ типографскія средства и искусство книгопечатанія представляли, по ихъ мнѣнію, высшее совершенство. Епископъ Боннеръ, бывшій тогда посланникомъ во Франціи, выхлопоталъ у французскаго правительства дозволеніе приступить къ началу работъ въ Парижѣ и предприниматели взялись за дѣло. Изъ письма Ковердаля и Графтона къ Кромвеллю можно видѣть, какъ много труда прилагали они къ изданію. Они провѣряли текстъ прежняго перевода съ еврейскимъ и греческимъ подлинникомъ, принимали во вниманіе варіанты въ чтеніяхъ, прибѣгали къ комментаріямъ, чтобы разъяснить трудныя мѣста и тд. При усиленномъ трудѣ работниковъ дѣло было уже почти приведено къ концу, когда вдругъ надъ нимъ разразилась непредвидѣнная гроза. Католическое духовенство Франціи, враждебно относясь къ некатолическому предпріятію англичанъ въ Парижѣ, употребляло всѣ возможныя средства, чтобы ему воспрепятствовать и наконецъ добилось своей цѣли. Издатель привлеченъ былъ къ суду инквизиціи, а всѣ экземпляры изданія, почти уже готовые, подверглись конфискаціи. Англійскіе покровители предпріятія поспѣшили послать своихъ агентовъ въ Парижъ, чтобы спасти свое

[1]) Hallam I, 84—Weber I, 486, Anmerk.—Gaillard. p. 204.

дѣло отъ грозившаго ему конечнаго крушенія; но было уже поздно. По распоряженію властей, все конфискованное изданіе англійской Библіи предано было въ парижѣ публичному сожженію. Не смотря впрочемъ на разразившуюся катастрофу, дѣло англійской Библіи не погибло безслѣдно. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ экземпляровъ, типографскіе прессы, шрифтъ, а также и рабочіе тотчасъ-же переправлены были въ Англію, гдѣ въ началѣ 1539 года изданіе и было все-таки приведено въ исполненіе въ Лондонѣ [1]). Изданная такимъ образомъ Библія извѣстна подъ именемъ „большой“ или „Крамэровой“. Послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что архіепископъ принималъ большое участіе въ ея изданіи; онъ взялъ на себя ея окончательную редакцію и составилъ предисловіе, которое и было помѣщено въ ней [2]).

Въ текстѣ перевода Крамэрова Библія почти ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ изданій, переводя, подобно имъ, слово „церковь“ — congregation и т. д. Но были въ ней и нѣкоторыя существенныя измѣненія. Прежде всего, всѣ примѣчанія и объясненія, которыя въ прежнихъ изданіяхъ направлены были противъ католическихъ ученій и римской іерархіи, въ Крамэровой Библіи были опущены. Затѣмъ Библія эта снабжена была иллюстраціей, исполненной будтобы по рисунку знаменитаго художника того времени, Ганса Гольбейна [3]). Иллюстрація эта, помѣщенная въ началѣ книги, раздѣляется на четыре отдѣльныхъ рисунка, на которыхъ напр. изображенъ Всемогущій Богъ, сѣдящій на облакахъ съ распростертыми дланями. Изъ устъ Его выходитъ изреченіе: „слово, отъ Меня исходящее, не должно возвратиться ко Мнѣ празднымъ, но должно совершить по волѣ Моей“. Другое изреченіе направляется къ Генриху, который стоитъ на колѣнахъ съ обнаженною головой, при чемъ корона у ногъ его. Богъ говоритъ ему: „Я нашелъ человѣка по сердцу Моему, который долженъ исполнить волю Мою“. На другомъ рисункѣ король изображенъ сидящимъ

[1]) Foxe p. 583—584: — Hallam I, 84: — Burnet I, 183: — Gaillard 204: — Pictorial history II, 713—714: — Vaughan II, 275. Note: — Chambers I, 80

[2]) Collier V, 83: — Gaillard p. 204: — Weber I, 486. Anmerk.

[3]) Hallam I, 84. Note: — Pictorial history p. 714.

на тронѣ, при чемъ въ каждой рукѣ онъ держитъ книгу съ надписью „Слово Божіе“. Правую руку онъ протягиваетъ къ толпѣ духовныхъ лицъ, впереди которыхъ стоитъ Крамэръ и говоритъ имъ: „возьмите и учите“. Лѣвая рука даетъ книгу Кромвеллю и свѣтскимъ пэрамъ, при чемъ король говоритъ: „я опредѣлилъ, чтобы во всемъ моемъ королевствѣ люди боялись живаго Бога“. Ко всѣмъ вмѣстѣ король говоритъ: „судите правымъ судомъ, не отвращайте слуха вашего отъ молитвы бѣднаго человѣка“.—На третьемъ рисункѣ Крамэръ и Кромвелль изображены раздающими Библію духовнымъ лицамъ и мірянамъ, колѣнопреклоненнымъ предъ ними, а внизу представленъ на каѳедрѣ проповѣдникъ, говорящій къ народу на текстъ: „молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки: за царя“... (I. Тим. II, I). При словѣ „за царя,“ народъ восклицаетъ: vivat Rex! God save the King!... [1]) и т. п... Общая мысль всѣхъ этихъ рисунковъ понятна. Въ нихъ ясно выражается, что англійское правительство того времени широкое распространеніе Священнаго Писанія въ народѣ признало своимъ священнымъ долгомъ, — обязанностію, возложенною на него Самимъ Богомъ. Прежнія распоряженія о пріобрѣтеніи и выставкѣ Библій въ каждой приходской церкви для общественнаго употребленія показываютъ, что правительство и на практикѣ принимало нѣкоторыя мѣры для исполненія сознанной имъ теперь обязанности. Еще болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ королевскою прокламаціей, изданной въ 1539 году. Свободное употребленіе англійской Библіи теперь дозволялось не только въ церквахъ, но и въ частныхъ домахъ, гдѣ каждому предоставлялось право имѣть ее и пользоваться ею домашнимъ образомъ для духовнаго назиданія. Король только прибавлялъ при этомъ, что подданные не должны считать предоставляемую имъ теперь свободу своимъ неотъемлемымъ правомъ. Эта свобода дается имъ лишь по милости и добротѣ короля и они должны пользоваться этою милостію благоразумно,

[1]) Froude II, 496—497.

употребляя Священное Писаніе не для споровъ и ссоръ, а для улучшенія своихъ нравовъ и возвышенія вѣры [1]).

Итакъ, Англія теперь владѣла наконецъ печатною Библіею на живомъ народномъ языкѣ. Изданіе этой Библіи не было уже, какъ прежде, дѣломъ частныхъ лицъ и пригомъ лицъ, православіе которыхъ подвергалось сильному сомнѣнію. Теперь эта Библія издана была подъ покровительствомъ самого короля, верховнаго главы церкви, съ согласія и даже при дѣятельномъ содѣйствіи конвокаціи и нѣкоторыхъ видныхъ представителей англійскаго клира; она была такимъ образомъ дѣломъ самой церкви. Употребленіе этой Библіи не считалось уже теперь преступленіемъ, не влекло за собою неизбѣжно, какъ прежде, подозрѣніе въ ереси. Нѣтъ, теперь оно напротивъ предписывалось какъ дѣло, необходимое для христіанина. Англійская Библія не скрывалась теперь въ мѣстахъ потаенныхъ; она открыто употреблялась въ домахъ и торжественно лежала на виду въ каждой церкви, при чемъ священники съ каѳедры церковной убѣждали народъ читать ее и поучаться изъ нея Божественному Слову. Произошла такимъ образомъ великая перемѣна, и весьма интересно посмотрѣть, какъ эта перемѣна принята была тѣми, до кого она главнымъ образомъ касалась.

Правительственныя внушенія предписывали, какъ мы знаемъ, чтобы члены клира непремѣнно пріобрѣли для своихъ церквей по одному экземпляру Библіи и предоставили ихъ для народнаго употребленія. Боннеръ, епископъ Лондонскій, въ исполненіи этого предписанія обнаружилъ чрезвычайное усердіе. Онъ пріобрѣлъ шесть экземпляровъ и помѣстилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ храма св. Павла, чтобы народъ во всякое время могъ имѣть свободный доступъ къ чтенію Писанія [2]). Но такой примѣръ усердія былъ едва-ли не единственнымъ. Напротивъ, гораздо болѣе встрѣчается случаевъ совершенно противуположнаго свойства. Общины жаловались, напр., что, не смотря на всѣ внушенія со стороны правительства, многія церкви все еще не снабжены англійскими Библіями, а въ другихъ онѣ спрятаны на такихъ мѣ-

1) Weber I, 487. Anm.—Lingard IV, 156.—Hume IV, 482.—Audin II, 330.
2) Collier V, 83.—Burnet I 221.

стахъ, гдѣ ихъ чтеніе становится почти не возможнымъ [1]). Даже въ 1542 году король въ одной изъ своихъ прокламацій высказывалъ свое недовольство и удивленіе по поводу того, что многіе приходы во многихъ городахъ и доселѣ пренебрегаютъ правительственными предписаніями относительно снабженія церквей Библіями. Онъ приказывалъ церковнымъ властямъ строго слѣдить за исполненіемъ предписаній, а небрежнымъ членамъ клира вмѣнялъ въ обязанность непремѣнно пріобрѣсти Библіи къ предстоящему празднику всѣхъ святыхъ, угрожая штрафомъ въ сорокъ шиллинговъ за каждый мѣсяцъ промедленія послѣ назначеннаго срока [2]). Несомнѣнно такимъ образомъ, что, не смотря на всѣ приказанія правительства, въ средѣ англійскаго духовенства очень не мало находилось такихъ, которые не хотѣли давать Библію народу. Удивляться этому конечно нельзя, если припомнить, что католическое духовенство вообще никогда не считало нужныхъ допускать народъ къ непосредственному знакомству съ Писаніемъ; если припомнить, кромѣ того, какъ сильно вооружалось духовенство Англіи противъ первыхъ изданій перевода Библіи и какъ медленно и и неохотно уступило оно наконецъ необходимости, когда и правительство приняло сторону перевода.

Что касается народа, то онъ съ жадностію и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ спѣшилъ воспользоваться предоставленною ему свободою и возможностію въ употребленіи Библіи. Изъ увѣщаній епископа Лондонскаго, изъ рѣчи короля къ общинамъ парламента и изъ королевскихъ прокламацій [3]) мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, что происходило въ народѣ, когда ему дана была Библія на понятномъ для него языкѣ. Къ экземплярамъ, положеннымъ въ церквахъ, онъ тѣснился цѣлыми толпами; кто-либо одинъ, обладавшій сильнымъ голосомъ обыкновенно громко читалъ какой ни будь отдѣлъ Библіи, а остальные всѣ внимали читаемому. По поводу чтенія очень часто возникали въ толпѣ

---

[1]) Weber I, 487—488 Anmerk

[2]) Burnet v. II. Recor. p. I. b. III. № XXIV.

[3]) Burnet v. II. Recor. p. I. b. III. № XXV—XXV:—Froude III, 185—186: 203—204:—Pictorial history p. 714—715.

недоумѣнія, которыя тотчасъ-же и высказывались; начинались объясненія, а затѣмъ споры между людьми разныхъ воззрѣній. Увлеченіе толпы доходило иногда до такой высокой степени, что она не обращала уже никакого вниманія на то, что происходило въ то время въ церкви; она громко читала, шумѣла, спорила и ссорилась, заглушая голоса духовенства, совершавшаго въ то время литургію или другую какую-либо Божественную службу. Разнаго рода религіозные вопросы, возбуждавшіеся чтеніемъ Библіи, такъ сильно заинтересовывали многихъ, что разсужденія и пренія по поводу ихъ переносились изъ церкви въ таверны и распивочныя, гдѣ продолжались съ еще большимъ одушевленіемъ. Доходило наконецъ и до того, что многіе подъ впечатлѣніемъ библейскаго чтенія, выступали въ состязаніе съ самими духовными проповѣдниками, оспаривая положенія ихъ проповѣдей. Ясно такимъ образомъ, что свобода чтенія Писанія быстро уже приносила свои плоды. Народъ съ увлеченіемъ взялся за обсужденіе религіозныхъ вопросовъ и неибѣжныя сомнѣнія тотчасъ-же зародились въ его душѣ. И тѣмъ естественнѣе было появленіе такихъ сомнѣній, что, благодаря снисходительности правительства, наряду съ одобренными изданіями Библіи, обращалось въ народѣ и много такихъ, которыя не были просмотрѣны никакою цензурой. Нѣкоторыя изъ подобныхъ изданій, снабженныя разными примѣчаніями, оглавленіями и т. д. иногда явно проповѣдывали крайнія протестанскія воззрѣнія. Такова напр. „Taverner's Bible," появившаяся въ 1539 году, отрицавшая священство и чистилище, признававшая таинства лишь одними символами [1]) и т. д.

Король Англіи, какъ извѣстно, никогда не былъ искреннимъ, вполнѣ убѣжденнымъ, протестантомъ. Напротивъ, что касается вѣроученія и обрядовъ, то въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе симпатизировалъ католицизму. Если онъ иногда дѣлалъ нѣкоторыя уступки въ пользу реформы, то эти уступки большею частію были очень незначительны и вызывались настойчивыми внушеніями другихъ, или со-

[1]) Froude IV, 2—3.

ображеніями, имѣвшими очень мало общаго съ религіей. Такое настроеніе короля не замедлило сказаться и въ его отношеніяхъ къ вопросу о переводѣ Св. Писанія. Уступая народному желанію, онъ принялъ въ этомъ вопросѣ сторону реформаторовъ. Не мало помогли такому его рѣшенію и тѣ рѣчи, которыя пришлось ему слышать въ защиту перевода. Сторонники англійской Библіи доказывали Генриху, что знакомство народа съ Священнымъ Писаніемъ можетъ служить самымъ вѣрнымъ и лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы въ концѣ подорвать авторитетъ римскаго епископа въ Англіи и несомнѣнно утвердить здѣсь королевское главенство надъ церковію [1]). Такъ или иначе, но король сталъ наконецъ сторонникомъ перевода и теперь ему приходилось быть свидѣтелемъ тѣхъ послѣдствій, которыми сопровождалось употребленіе Библіи въ народѣ. Эти послѣдствія испугали его. Въ самомъ дѣлѣ, народъ волнуется, собирается толпами, производитъ шумъ и безпорядки при Богослуженіи, споритъ о священныхъ предметахъ въ тавернахъ и т. под. Весьма возможно, что этимъ дѣло еще не кончится и безпорядки еще болѣе серіозный характеръ могутъ принять въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ было необычно и давало достаточный поводъ для опасеній. А между тѣмъ нашлись, конечно, люди, которые постарались воспользоваться удобнымъ случаемъ и представили дѣло въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ. И вотъ начинается реакція. Король издаетъ прокламаціи, при помощи которыхъ старается сдержать народное увлеченіе, или покрайней мѣрѣ нѣсколько ограничить его неумѣренныя проявленія. Въ этихъ прокламаціяхъ онъ требуетъ, чтобы народъ, при чтеніи Библіи, соблюдалъ порядокъ и приличіе, чтобы громкія чтенія не производились во время совершенія Богослуженія, чтобы споры и неприличныя ссоры вовсе не допускались и т. д. Священнымъ Писаніемъ, говоритъ король, люди пользуются не для назиданія, а какъ оружіемъ на враговъ своихъ. Одни ссылаются на него для того, чтобы возстановить прежнюю узурпаціонную власть епископа рим-

[1]) Burnet I, 145.

скаго, возвратить старыя суевѣрія, пилигримства и церемоніи, а другіе для того, чтобы извратить таинства церкви и унизить власть государей. Враждующія стороны клеймятъ другъ друга именами папистовъ и еретиковъ, неприлично спорятъ и ссорятся и въ церквахъ и въ тавернахъ. Чтобы положить по возможности предѣлъ такимъ безпорядкамъ, король предписываетъ, чтобы никто не смѣлъ громко читать или изъяснять Библію предъ народомъ, кромѣ тѣхъ, кто принадлежитъ къ клиру, или имѣетъ университетскую степень, или получитъ дозволеніе на проповѣдь отъ короля, вице-герента или мѣстнаго епископа [1]). Всѣ остальные должны читать про себя, лишь для собственнаго назиданія. Чтобы оградить народъ отъ соблазновъ и заблужденій, распространяемыхъ въ разныхъ примѣчаніяхъ къ тексту Библій, которыя издаются для народа помимо правительства, король особою прокламаціей предписываетъ, чтобы въ продолженіе пятилѣтняго срока никто не смѣлъ печатать и издавать англійскую Библію въ какой бы то ни было формѣ. Это изданіе должно быть отнынѣ предоставлено лишь тѣмъ лицамъ, которыя будутъ одобрены и назначены для того лордомъ Кромвеллемъ [2]). Большаго вреда дѣлу распространенія Священнаго Писанія въ народѣ эти ограничительныя мѣры, конечно, не причиняли; но онѣ свидѣтельствовали о томъ, что народное настроеніе внушаетъ королю нѣкоторое опасеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ готовъ въ значительной мѣрѣ взять назадъ то, что доселѣ было сдѣлано въ пользу народа относительно Библіи. Новое вѣяніе тотчасъ же замѣчено было партіей крайнихъ католиковъ и они поспѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы, если возможно, снова возвратиться къ старому порядку. Въ конвокаціи 1541—1542 г. на англійскую Библію сдѣлано было открытое и рѣшительное нападеніе. Приверженцы старины доказывали, что всѣ обращающіеся въ народѣ переводы Библіи преисполнены разнаго рода ошибокъ и ересей, а потому немедленно должны быть изъяты изъ употребленія. Народъ долженъ остаться безъ Библіи до тѣхъ поръ, пока

[1]) Burnet. v. II. Records p. I b. III № XXIV.—Pictorial history p. 714—715.
[2]) Burnet v. II. Records p. I. b. III. № XV.

переводъ не будетъ пересмотрѣнъ и исправленъ, для чего трудъ нужно раздѣлить на пятнадцать частей и раздать епископамъ. О дѣйствительномъ исправленіи перевода епископы впрочемъ вовсе и не намѣрены были заботиться. Имъ хотѣлось лишь изъять англійскую Библію изъ употребленія, а исправленіе было для того приличнымъ предлогомъ. На какого рода исправленіе согласны были они въ случаѣ крайности, объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по тому проэкту, съ которымъ выступилъ Гардинеръ. Онъ говорилъ, что въ Библіи, особенно въ Новомъ Завѣтѣ, много встрѣчается такихъ понятій, возвышенное содержаніе которыхъ не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго выраженія въ англійскомъ языкѣ. Въ силу этого онъ требовалъ, чтобы въ предполагаемомъ исправленномъ изданіи англійской Библіи всѣ такія возвышенныя понятія оставлены были безъ перевода, гдѣ бы онѣ ни встрѣчались. Въ предложенномъ имъ конвокаціи спискѣ тѣхъ латинскихъ словъ, которыя должны остаться не переведенными и въ текстѣ англійской Библіи, ихъ насчитывается всего девяносто девять, каковы напр.: ecclesia, penitentia, pontifex, justitia, elementa, baptizare, martyr, adorare, dignus, sandalium, simplex, sacramentum, gloria, ceremonia, mysterium, religio, Spiritus Sanctus, panis propositionis, communio, sapientia, pietas, servus, sacrificium, benedictio, humilis, ejicere, misericordia, inculpatus, satisfactio, conscientia, peccatum, prudentia, episcopus, hospitalitas, gratia, conversari, profiteor, impositio manum, innumerabilis, idololatria, infidelis, paganus и т. под. Само собою разумѣется, что еслибы проэктъ Гардинера приведенъ былъ въ исполненіе, англійская Библія, испещренная множествомъ латинскихъ словъ, была бы, особенно въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ, совершенно непонятна народу. Ревнители старины этого именно и добивались. Но на защиту англійской Библіи энергически возсталъ Крамэръ и употреблялъ все свое вліяніе и на короля и на конвокацію, чтобы дать отпоръ всѣмъ предпринимавшимся противъ нея покушеніямъ. Защищая переводъ, онъ предлагалъ съ своей стороны предоставить университетамъ его исправленіе, но большинство епископовъ не соглашалось на это. Конвокація раздѣлилась на партіи, ожесточенныя пренія все болѣе и

болѣе отдаляли рѣшеніе вопроса и наконецъ собраніе было распущено. Усиленное нападеніе ревнителей старины, благодаря встрѣченному имъ отпору, не привело такимъ образомъ ни къ чему и англійская Библія была спасена [1]). Итакъ, не смотря на нѣкоторую перемѣну въ настроеніи короля, онъ все-таки не намѣренъ былъ отказываться отъ всего того, что было доселѣ сдѣлано въ пользу распространенія Библіи въ народѣ. Напротивъ, и въ 1542 году, т.-е. уже послѣ изложенныхъ событій конвокаціи, король прокламаціею еще разъ подтверждаетъ, чтобы англійскія Библіи, подъ страхомъ штрафа, непремѣнно были пріобрѣтены и положены во всѣхъ церквахъ. Чтобы облегчить ихъ пріобрѣтеніе, король, по соглашенію съ совѣтомъ, утверждаетъ теперь таксу, въ силу которой книгопродавцамъ вмѣняется въ обязанность продавать экземпляры Библіи не иначе, какъ за десять и за двѣнадцать шиллинговъ [2]).

Реакція противъ англійской Библіи обнаружилась наконецъ и въ парламентѣ, гдѣ ея проявленія имѣли уже гораздо болѣе серьезный характеръ. Въ статутѣ 34-го года правленія Генриха (1542—1543 г.) верховный глава англійской церкви и сословія парламента жаловались на то, что многіе невѣжественные и ослѣпленные ложными мнѣніями люди не соблюдаютъ законовъ Всемогущаго Бога и уклоняются отъ истиннаго смысла христіанской религіи, опредѣленнаго его королевскимъ величествомъ. Пользуясь великою свободою, которая предоставлена была всѣмъ въ употребленіи Священнаго Писанія, многіе надменные и невѣжественные мятежники, воображая себя учеными и вполнѣ способными вѣрно разумѣть Святыя Писанія, искажаютъ ихъ истинный смыслъ по своей извращенной фантазіи, при чемъ не только проповѣдуютъ народу и диспутируютъ предъ нимъ, но даже и въ печатныхъ книгахъ, въ балладахъ, пѣсняхъ и драматическихъ представленіяхъ поучаютъ его вопреки дѣйствительному смыслу Священнаго Писанія, откуда происходятъ вредныя для спокойствія страны и оскорбитель-

---

[1]) Collier V, 87—88; Lathbury 129—130; Froude IV, 3; Burnet v. I, 229—230; Weber I, 533; Hume IV, 545; Gaillard, p. 209—210.

[2]) Burnet v. II. Records p. I. b. III. № XXIV.

ныя для короля разъединенія во мнѣніяхъ, волненія и расколы.

Для устраненія такого неустройства король и парламентъ теперь и постановляютъ, чтобы, между прочимъ, уничтожены были и запрещены въ королевствѣ всѣ печатныя книги, содержащія въ себѣ Ветхій и Новый Завѣтъ на англійскомъ языкѣ въ „коварномъ, лживомъ и недостовѣрномъ переводѣ Тиндаля". Типографы и книгопродавцы, которые осмѣлятся, послѣ наступающаго 1-го іюля, печатать или продавать эти переводы, должны быть подвергнуты трехмѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ 10 ф. стерл., а въ случаѣ вторичнаго преступленія — конфискаціи всего имѣнія и пожизненному тюремному заключенію. Лица, которыя станутъ удерживать запрещенные экземпляры въ своемъ владѣніи послѣ назначеннаго срока, подвергаются штрафу въ 5 ф. стерлинговъ. Запрещеніе касается въ настоящемъ случаѣ лишь перевода Тиндаля, а всѣ другіе переводы Библіи могутъ быть употребляемы по прежнему. Владѣтелямъ этихъ переводовъ вмѣняется только въ обязанность къ первому числу октября вырѣзать изъ имѣющихся у нихъ экземпляровъ всѣ предисловія и примѣчанія, или замазать ихъ такъ, чтобы разобрать было невозможно, подъ угрозою въ противномъ случаѣ штрафа въ сорокъ шиллинговъ. Статутъ предписываетъ далѣе, чтобы съ того же 1-го октября никто не смѣлъ читать вслухъ или изъяснять Священное Писаніе въ церкви или въ какомъ-либо общественномъ собраніи, кромѣ тѣхъ лицъ, кои уполномочены на то отъ короля или епископа. Нарушители этого предписанія подвергаются мѣсячному тюремному заключенію. Настоящее запрещеніе не распространяется впрочемъ на государственнаго канцлера, военачальниковъ, судей, спикэра парламента и другихъ должностныхъ лицъ, доселѣ имѣвшихъ обыкновеніе пользоваться изъясненіемъ Священнаго Писанія въ рѣчахъ своихъ къ общественнымъ собраніямъ. Семейнымъ образомъ такое чтеніе и изъясненіе Писанія дозволяется и нобльмэнамъ, джэнтльмэнамъ и купцамъ, лишь бы при этомъ не нарушался добрый порядокъ. Дозволяя своимъ любезнымъ подданнымъ читать Священное Писаніе на англійскомъ языкѣ, король имѣлъ при этомъ въ виду, чтобы они тѣмъ самымъ получили возможность лучше узнать свои обя-

занности по отношенію къ Богу и государю и преуспѣть въ добродѣтели. Таковое намѣреніе короля оправдалось во множествѣ его подданныхъ, особенно высшихъ классовъ. Но въ то-же время король увидѣлъ, что очень многіе, преимущественно изъ низшихъ классовъ общества, стали злоупотреблять Писаніемъ, увлеклись разными вредными и ошибочными мнѣніями и вступили другъ съ другомъ въ несогласія и пререканія, нарушая тѣмъ спокойствіе страны. Въ предупрежденіе этого парламентъ опредѣляетъ, чтобы съ перваго числа іюля женщины, ремесленники, мастеровые, поденьщики, слуги, земледѣльцы и т. д. не могли читать Священное Писаніе ни публичнымъ ни частнымъ образомъ, подъ страхомъ мѣсячнаго тюремнаго заключенія, до тѣхъ поръ пока король не замѣтитъ въ ихъ образѣ жизни усовершенствованія и не дастъ имъ вслѣдствіе того разрѣшенія отъ настоящаго запрещенія. Всѣмъ остальнымъ лицамъ дозволяется свободное употребленіе Писанія для назиданія и усовершенствованія въ добродѣтели. Разрѣшеніе это дается также въ видѣ исключенія и женщинамъ высшихъ классовъ съ условіемъ только, чтобы онѣ пользовались имъ на единѣ и для личнаго лишь своего назиданія [1]).

Въ подвержденіе и дополненіе этого статута издана была еще, въ 1546 году, королевская прокламація, которая, послѣ обычныхъ жалобъ на распространеніе въ народѣ печатныхъ книгъ, наполненныхъ еретическими ученіями, постановляла, чтобы съ конца наступающаго августа мѣсяца никто не пріобрѣталъ и не держалъ у себя во владѣніи Новаго Завѣта Тиндаля и Ковердаля. Лица, имѣющія у себя экземпляры этихъ переводовъ, должны ихъ выдать духовнымъ или свѣтскимъ властямъ, которыя обязаны предать ихъ публичному сожженію. За укрывательство запрещенныхъ переводовъ виновные подвергаются тюремному заключенію и денежному штрафу. Прокламація запрещаетъ наконецъ ввозъ и распространеніе въ Англіи всякихъ вообще англійскихъ книгъ, напечатанныхъ за границей, если не будетъ получено на то спеціальнаго разрѣшенія отъ короля [2]).

---

[1]) Statute 34 Henr. VIII. Chap. 1; I, II, III, IV, VIII. IX, X, XI, XII, XIII, XV.

[2]) Foxe p. 618—619; Collier V, 151; Lingard IV, 153.

Въ вознагражденіе низшихъ классовъ общества, т. е. большинства англійскаго народа, которому запрещено было теперь непосредственно пользоваться Священнымъ Писаніемъ, верхняя палата конвокаціи оставляла лишь пока въ силѣ свое постановленіе 1542 года, которое предписывало приходскимъ священникамъ каждый праздникъ прочитывать народу по одной главѣ изъ Библіи, начиная съ Новаго Завѣта и затѣмъ переходя къ Ветхому; но не допуская при этомъ никакихъ съ своей стороны объясненій [1]).

Возвращеніе къ старому порядку и отнятіе англійской Библіи у большинства народа не могло, конечно, не огорчить его. Такое чувство горечи бѣдный человѣкъ излилъ напр. въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя сохранились доселѣ, какъ краснорѣчивое свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго на массу постановленіемъ парламента. Въ 1546 г. одинъ пастухъ купилъ себѣ книгу Полидора Виргилія и на послѣднемъ листкѣ ея написалъ, что онъ ее купилъ тогда, когда запрещена была Библія и было постановлено, что пастухи не могутъ читать ее. „Молю Бога, писалъ бѣднякъ, чтобы Онъ исправилъ такое ослѣпленіе“ [2]).

Какъ-бы ни была велика реакція противъ англійской Библіи въ послѣдніе годы царствованія Генриха, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія реформаціи, за этимъ царствованіемъ нельзя не признать его несомнѣнную заслугу. Полный переводъ Священнаго Писанія на народный языкъ, подъ покровительствомъ власти, въ цѣломъ рядѣ печатныхъ изданій распространенъ былъ теперь по всѣмъ концамъ англійскаго королевства. Народу дана была широкая свобода пользоваться этимъ переводомъ и въ общественномъ и въ домашнемъ употребленіи и, хотя такая свобода подверглась послѣ нѣкоторымъ довольно значительнымъ ограниченіямъ, во всякомъ случаѣ она и въ предоставленное ей десятилѣтіе успѣла принести въ большей или меньшей степени свои неизбѣжные плоды, да и наложенныя на нее ограниченія далеко не равнялись всетаки ея конечному уничтоженію и не были полнымъ возвращеніемъ къ старому порядку.

---

[1]) Lathbury p. 130; Collier V, 89—90; Weber I, 534.

[2]) Froude IV, 5. Note 1.

ГЛАВА IX.

Всякія нововведенія, въ большей или меньшей степени, неизбѣжно встрѣчаютъ себѣ противодѣйствіе со стороны приверженцевъ стараго порядка. То, что существуетъ издавна, уже по самой своей давности бываетъ дорого и мило для многихъ. Человѣкъ, родившійся и воспитавшійся при господствѣ извѣстныхъ понятій и обычаевъ, естественно привыкаетъ къ нимъ и сродняется съ ними, а потому всякое нападеніе на нихъ вызываетъ его на оппозицію, которая смотря по обстоятельствамъ принимаетъ болѣе или менѣе острый характеръ. Если гдѣ эта оппозиція можетъ имѣть особенную силу, то, конечно, по преимуществу въ сферѣ религіи, такъ какъ для вѣрующаго человѣка эта сфера всегда наиболѣе дорога и священна. Само собою разумѣется, что общій законъ не остался безъ примѣненія и въ Англіи XVI вѣка.

Съ точки зрѣнія вѣрныхъ католиковъ, предпринимавшіяся въ царствованіе Генриха реформы въ церковномъ устройствѣ, въ вѣроученіи и обрядахъ представлялись, конечно, дерзкимъ, вреднымъ и даже преступнымъ посягательствомъ на неприкосновенность священной старины,—посягательствомъ не имѣющимъ для себя достаточнаго законнаго оправданія. Нисколько не удивительно, если, при такомъ взглядѣ, каждый вѣрный католикъ старался по мѣрѣ своихъ силъ и храбрости противодѣйствовать реформаторскимъ мѣропріятіямъ правительства, а потому католическая оппозиція въ той или другой степени и формѣ представляется весьма обычнымъ явленіемъ во все время Генрихова правленія.

Всѣ наиболѣе серьезныя мѣры, предпринимавшіяся Генрихомъ въ духѣ реформы, не были проявленіемъ только личнаго королевскаго произвола; онѣ приводились въ исполненіе не иначе, какъ послѣ предварительнаго обсужденія со стороны компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ или учрежденій, а потому являлись результатомъ коллективнаго приговора. Для католической оппозиціи, при такомъ порядкѣ, представлялось конечно весьма не мало удобныхъ случаевъ и самый широкій просторъ. Слѣдя за развитіемъ реформаціи

въ царствованіе Генриха, нельзя не замѣтить, что на каждомъ почти шагу ей приходилось вести борьбу съ приверженцами старыхъ порядковъ. Лишь только какая-либо серьезная мѣра предполагалась правительствомъ въ интересахъ реформы, тотчасъ-же сторонники старины спѣшили возвысить свой голосъ, стараясь и въ королевскомъ совѣтѣ, и въ конвокаціи, и въ парламентѣ всѣми возможными аргументами доказать ненужность, опасность или вредъ затѣваемаго нововведенія. Такую легальную оппозицію мы встрѣчаемъ неизбѣжно во всѣхъ случаяхъ, когда какая-либо реформаторская мѣра предлагалась на коллективное обсужденіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы приведемъ теперь здѣсь на память цѣлый рядъ уже извѣстныхъ намъ примѣровъ.— Когда вопросъ объ уничтоженіи папской власти въ Англіи подвергнутъ былъ въ 1533 году обсужденію въ королевскомъ совѣтѣ, въ средѣ членовъ этого совѣта нашлись люди, которые приняли на себя смѣлость открыто принять сторону папства. Одинъ изъ совѣтниковъ держалъ въ этомъ случаѣ рѣчь, въ которой всѣми силами старался отстоять авторитетъ римскаго епископа, выставляя на видъ Божественное установленіе папской власти, ея глубокую древность, ея необходимость въ видахъ соблюденія церковнаго единства [1]) и т. д. При обсужденіи того-же вопроса въ университетахъ, сторонники папской власти въ публичныхъ диспутаціяхъ старались привести всѣ основанія для ея защиты [2]). Въ конвокаціи 1530 г. духовенству предложено было требованіе, чтобы король признанъ былъ верховнымъ главою англійской церкви. Тотчасъ-же по предъявленіи этого требованія въ духовенствѣ начались горячія пренія. Вѣрные своимъ прежнимъ воззрѣніямъ, члены клира энергически возстали противъ нововведенія и требовали, чтобы новый королевскій титулъ снабженъ былъ такими ограниченіями, которыя-бы устраняли его противорѣчіе съ господствовавшими доселѣ понятіями. Самымъ рѣшительнымъ представителемъ католической оппозиціи въ этомъ случаѣ явился, какъ из-

[1]) Collier IV, 219—221.

[2]) Foxe p. 536;—Burnet v. II. Rec. p. III, b. II. № XXVII.

вѣстно, Тунсталь, еп. Дургэмскій, предсѣдательствовавшій въ Іоркской конвокаціи [1]).—Въ 1529 году, королю представлена была отъ общинъ жалоба на разныя привиллегіи, которыми пользовалось духовенство въ ущербъ другимъ сословіямъ, а также и на разныя злоупотребленія, практиковавшіяся этимъ классомъ общества. Приверженцы старыхъ порядковъ встрѣтили эту жалобу энергическимъ отпоромъ. Конвокація представила королю свои объясненія, въ которыхъ твердо настаивала на томъ, что она имѣетъ несомнѣнное право издавать законодательныя постановленія. Когда-же требованія общинъ облечены были въ форму биллей и поступили на разсмотрѣніе верхней палаты парламента, они встрѣтили здѣсь ожесточенную оппозицію. Глава этой оппозиціи, Фишеръ, еп. Рочестерскій, обвинялъ палату общинъ въ недостаткѣ вѣры и пугалъ націю конечнымъ разрушеніемъ церкви и гибелью славы государства, какъ неизбѣжными слѣдствіями требуемыхъ общинами нововведеній [2]). — Не задолго до визитаціи вопросъ о судьбѣ монастырей сдѣлался предметомъ обсужденія въ королевскомъ совѣтѣ и здѣсь приверженцы старины стали усердно отстаивать эти учрежденія, возставая противъ секуляризаціи съ точки зрѣнія блага общественнаго и частнаго права [3]). Не безмолвствовала католическая оппозиція и въ тѣхъ случаяхъ, когда какіе-либо пункты вѣроученія подвергались нападкамъ со стороны приверженцевъ реформы. Мы видѣли напр. какую бурю вызвала въ конвокаціи рѣчь Шотландскаго богослова Алессе, который хотѣлъ убѣдить членовъ собранія въ томъ, что только крещеніе и евхаристія суть таинства, имѣющія за себя Божественное установленіе. На защиту католическаго ученія о седмеричномъ числѣ таинствъ возсталъ тотчасъ-же Стоксли, еп. Лондонскій, поддерживаемый архіепископомъ Іоркскимъ и епископами: Линкольнскимъ, Батскимъ и Чичестерскимъ [4]). Не мѣшаетъ наконецъ припомнить и

---

[1]) Collier IV, 177—179, 181—182.—я др. въ 4-й главѣ настоящаго изслѣдованія.

[2]) См. пятую главу настоящаго изслѣдованія.

[3]) См. главу шестую.

[4]) См. главу седьмую.

то настойчивое сопротивленіе, которое встрѣчала всегда со стороны католическихъ ревнителей мысль о переводѣ Священнаго Писанія на народный языкъ и о распространеніи его въ народѣ [1]) Приведенные примѣры съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ о томъ, что католическая оппозиція прежде всего обнаруживала себя путемъ легальнымъ. Лишь только какая-либо, предполагавшаяся въ духѣ реформы, мѣра предлагалась на обсужденіе совѣта, конвокаціи или парламента, приверженцы старины выступали съ своими возраженіями и силою аргументаціи старались заградить дорогу непріятнымъ для нихъ нововведеніямъ. Но изъ тѣхъ-же самыхъ примѣровъ мы видимъ, что легальная оппозиція никогда не въ состояніи была отстоять неприкосновенность стараго порядка. Въ совѣтѣ и парламентѣ эта оппозиція всегда оказывалась меньшинствомъ, которое безъ особеннаго труда подавлялось свѣтскими лордами и общинами, принимавшими сторону нововведеній. Что-же касается конвокаціи, то въ ней, если иногда большинство и желало-бы постоять за старые порядки, не оказывалось никогда достаточной для того смѣлости и настойчивости, особенно съ того времени, когда духовенство поставлено было въ тѣсную зависимость отъ короны. Какъ-бы то ни было, но въ концѣ концовъ мѣры, противъ которыхъ ратовали приверженцы старины, всетаки находили себѣ поддержку въ большинствѣ и становились для всѣхъ обязательнымъ закономъ, получая утвержденіе верховной власти.

Одними лишь легальными средствами католическая оппозиція впрочемъ не ограничивалась. Напротивъ, особенно рѣшительный и опасный для правительства характеръ она принимала именно тогда, когда та или другая мѣра, уже возведенная въ законъ, должна была примѣняться на практикѣ. Оппозиція въ этомъ случаѣ принимала оттѣнокъ мятежа, она являлась противодѣйствіемъ правительству, возстаніемъ и неповиновеніемъ установленному закону. И тѣмъ опаснѣе было такое противодѣйствіе, что оно имѣло всегда религіозную окраску,—что люди, возстававшіе противъ мѣропріятій правительства, выставляли себя борцами за вѣру.

---

[1]) См. главу восьмую.

защитниками истинной религіи, притѣсняемой нечестивыми и еретическими правителями. Во многихъ случаяхъ католическіе ревнители выступали съ такими смѣлыми обличеніями, обнаруживали такую готовность на всякія жертвы, не жалѣя даже и жизни, что непремѣнно должны были производить весьма сильное впечатлѣніе на массу народа, уподобляясь въ ея глазахъ пророкамъ и мученикамъ. Бракоразводное дѣло короля и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ бракъ его съ Анною были первымъ пунктомъ, по поводу котораго на Генриха посыпались обвиненія со стороны приверженцевъ стараго порядка. На бракоразводный процессъ они не безъ основанія смотрѣли какъ на источникъ всѣхъ дальнѣйшихъ непріятностей, какъ на поводъ, изъ котораго выходятъ враждебныя мѣры относительно Рима. Въ силу этого они и возставали противъ королевскаго развода съ крайнимъ ожесточеніемъ, обнаруживая иногда въ своемъ возстаніи необыкновенную смѣлость. Перваго мая 1532 года, т. е. въ то самое время, когда разрывъ короля съ Римомъ былъ уже на готовѣ, когда уже предпринято было нѣсколько мѣръ враждебныхъ правамъ и власти папскаго престола, когда наконецъ и бракъ Генриха съ Анною былъ уже дѣломъ почти рѣшеннымъ, монахъ Пэто произносилъ проповѣдь въ Гринвичской капеллѣ, гдѣ при богослуженіи присутствовалъ и король. Проповѣдникъ избралъ предметомъ своей бесѣды исторію нечестиваго царя Ахава и печальную судьбу, постигшую его и весь домъ его. При концѣ проповѣди онъ обратился прямо къ Генриху и, принимая на себя роль пророка Михея, говорилъ ему: „послушай теперь, король, что я скажу тебѣ. Я—тотъ Михей, котораго ты будешь ненавидѣть за то, что я скажу тебѣ истину, а именно, что этотъ бракъ твой незаконенъ. Я знаю, что мнѣ придется за то ѣсть хлѣбъ печали и пить воды горести, но я долженъ говорить, потому что Господь вложилъ это въ уста мои. Много у тебя пропсвѣдниковъ, которые совѣтуютъ тебѣ иное, потворствуя твоимъ безумнымъ и суетнымъ страстямъ, ради своихъ мірскихъ выгодъ; они вредятъ и душѣ твоей, и чести, и потомству твоему, лишь бы получить отъ тебя бенефиціи, лишь бы сдѣлаться богатыми аббатами и епископами. Это—тѣ четыреста пророковъ, кото-

рые въ духѣ лжи стараются обмануть тебя. Берегись и не поддавайся обману, чтобы не воспринять и наказаніе Ахава, кровь котораго лизали псы". Король спокойно выслушалъ смѣлое обличеніе и удалился изъ капеллы, а монахъ-обличитель чрезъ нѣсколько дней выѣхалъ изъ Гринвича въ Кантербери, гдѣ ему нужно было присутствовать на провинціальномъ соборѣ. Между тѣмъ въ слѣдующій воскресный день на каѳедру выступилъ другой проповѣдникъ, докторъ Курвинъ, которому поручено было опровергнуть обличеніе Пэто. Усердно исполняя возложенное на него порученіе, Курвинъ доказывалъ законность и полезность королевскихъ намѣреній по вопросу о бракѣ, а монаха-обличителя ругалъ клеветникомъ, собакою, измѣнникомъ, мятежникомъ и т. д. Въ пылу излишней ревности онъ сталъ наконецъ вызывать къ отвѣту отсутствовавшаго Пэто и упрекалъ его въ томъ, что онъ бѣжалъ отъ страха и стыда, будучи не въ состояніи отвѣтить на его аргументы. Въ это время изъ среды присутствовавшихъ раздался голосъ, который говорилъ проповѣднику: „вы знаете, что Пэто отправился на соборъ, а вовсе не бѣжалъ изъ страха васъ; завтра онъ снова будетъ здѣсь. А пока, здѣсь я — другой Михей, который готовъ положить и жизнь свою въ доказательство истинности того, что говорилъ Пэто. Я вызываю теперь на бой тебя, Курвинъ, какъ одного изъ четырехъсотъ пророковъ, въ котораго вселился духъ лжи и который хочетъ прелюбодѣяніемъ утвердить престолонаслѣдіе, обманомъ увлекая тебя, король, къ погибели". Неожиданно разыгравшаяся сцена произвела въ капеллѣ всеобщее смущеніе и только вмѣшательствомъ самого короля снова возстановлено было спокойствіе и порядокъ. На слѣдующій день возвратившійся Пэто и Эльстоу, его защитникъ, призваны были въ королевскій совѣтъ къ отвѣту за свои смѣлыя рѣчи. Лордъ Эссексъ говорилъ при этомъ, что ихъ стоило бы зашить въ мѣшокъ и бросить живыми въ Темзу; но на его слова монахи отвѣчали: „оставьте эти угрозы для богатыхъ и нѣжныхъ людей, которые одѣваются въ пурпуръ и у которыхъ въ здѣшнемъ мірѣ всѣ ихъ лучшія надежды. Мы же не ставимъ ихъ ни во что. Мы, благодареніе Богу, знаемъ, что путь на небо одинаковъ что водою, что сушей, и намъ

все равно, какимъ-бы путемъ не придти туда". Дѣло кончилось тѣмъ, что проповѣдники были арестованы и затѣмъ вскорѣ высланы изъ Англіи [1]).

Если католическая оппозиція обнаруживала такую смѣлость и готовность на всякія жертвы тогда, когда правительство только еще вступало на путь враждебныхъ столкновеній съ Римомъ, когда религія и церковь почти ничего еще не потерпѣли отъ этихъ столкновеній, то тѣмъ большаго можно было, конечно, ожидать отъ нея впослѣдствіи. И дѣйствительно въ 1534 и 1535 году случаи смѣлаго обнаруженія католической ревности становятся все многочисленнѣе и нерѣдко вынуждаютъ правительство прибѣгать для защиты своихъ дѣяній къ мѣрамъ самаго крайняго свойства. Уничтоженіе папской власти и въ особенности утвержденіе королевскаго главенства надъ церковію,—это были такія мѣры, которыя прямо касались церковнаго устройства, а потому сильно оскорбляли религіозное чувство искреннихъ католиковъ. Монахи-обсерванты встрѣтили правительственныя нововведенія такою упорною оппозиціей, что король вынужденъ былъ наложить руку на всѣ ихъ учрежденія. Монастыри мятежныхъ обсервантовъ въ Гринвичѣ, Кантербери, Ричмондѣ, Ньюаркѣ и Ньюкэстлѣ были совсѣмъ уничтожены. На ихъ мѣсто водворены были августинцы, а обсерванты за свое упорство попали въ тюремное заключеніе, гдѣ многіе изъ нихъ и погибли, а большинство ихъ разослано было по другимъ монастырямъ или, стараніемъ ихъ тайнаго покровителя лорда Райотели, выслано во Францію и Шотландію [2]). Когда духовенству было предписано повсемѣстно проповѣдывать народу противъ папскаго авторитета, и въ средѣ прелатовъ нашлись такіе, которые не желали повиноваться состоявшемуся рѣшенію. На архіепископа Іоркскаго доносили, что онъ высказывалъ намѣреніе противодѣйствовать королю, не жалѣя жизни. Образъ дѣйствій епископа Дургэмскаго возбудилъ противъ него такое сильное подозрѣніе, что его вызвали даже къ отвѣту

---

[1]) Stow. p. 562; Froude I, 370—374; Burnet I, 114; Collier IV, 243—244; Lingard IV. 116 и др.

[2]) Holinshed III, 792; Stow p. 571; Lingard IV, 116; Collier IV, 251.

въ Лондонъ, а въ его отсутствіе квартира его была подвергнута тщательному обыску и всѣ бумаги пересмотрѣны. Когда въ Сіонскомъ монастырѣ, близь Ричмонда, проповѣдникъ, повинуясь правительственному предписанію, началъ свою рѣчь съ упоминаніемъ о королевскомъ главенствѣ, девять человѣкъ монаховъ поднялись съ своихъ мѣстъ и вышли изъ церкви [1]).

Пока главенство короля надъ церковію не было еще возведено въ законъ, противодѣйствіе ему со стороны католиковъ не вызывало особенно суровыхъ мѣръ для его подавленія; но сначала 1535 года на католическихъ ревнителей воздвигнуто было уже открытое гоненіе, полилась наконецъ и кровь для утвержденія королевской супрематіи. Парламентъ, собравшійся въ ноябрѣ 1534 года, постановилъ, какъ мы видѣли, чтобы отнынѣ король признаваемъ былъ единственнымъ на землѣ главою англиканской церкви и чтобы ему предоставлены были всѣ права, титулы и почести, соединенныя съ церковнымъ главенствомъ. Другимъ статутомъ того же парламента было, между прочимъ, постановлено, чтобы всякій, кто, съ перваго февраля 1535 г., станетъ какимъ бы то ни было образомъ, въ письмѣ ли, въ словѣ ли, отрицать у короля что-либо изъ принадлежащихъ ему правъ или титуловъ, или называть его еретикомъ, схизматикомъ и т. под., признавался государственнымъ измѣнникомъ и подлежалъ за свою измѣну, въ случаѣ обвиненія, смертной казни [2]). Послѣ такихъ постановленій очевидно и отрицать у короля титулъ верховнаго главы церкви значило быть виновнымъ въ государственной измѣнѣ. А между тѣмъ укрыться отъ такого обвиненія было почти невозможно, особенно для членовъ клира, такъ какъ тотчасъ по окончаніи сессіи парламента имъ, какъ мы знаемъ, стали предлагать присягу въ полномъ признаніи утвержденнаго теперь королевскаго главенства. Духовенству Англіи возможно было только одно изъ двухъ: или подчиниться требованію, или идти на казнь за государственную измѣну. Громадное большинство изъ духовенства избрало первый путь; но нашлись

[1]) Froude II, 207.
[2]) Statute 26 Henr VIII. chapt. I, XIII.

въ его средѣ и такіе, которые предпочли лучше сложить свои головы на плаху, чѣмъ измѣнить своему убѣжденію.

Вскорѣ послѣ утвержденія парламентомъ королевскаго главенства, въ апрѣлѣ 1535 года, три Картезіанскихъ монаха, Готонъ, Лоренсъ и Уэбстеръ, пріоры монастырей Лондонскаго, Эксгольмскаго и Белльвальскаго, явились къ Кромвелю съ ходатайствомъ, чтобы они и ихъ учрежденія избавлены былъ отъ необходимости признать королевское главенство надъ церковію. Само собою разумѣется, что такое ходатайство не могло быть уважено и пріоры тотчасъ же заключены были въ Тоуэръ, гдѣ къ нимъ присоединенъ былъ еще Рейнольдсъ, монахъ Сіонскаго монастыря. Двадцать шестаго числа всѣ они призваны были къ отвѣту предъ коммиссіей, составленной изъ членовъ совѣта съ участіемъ Кромвелля, гдѣ имъ предложено было засвидѣтельствовать свое подчиненіе королевскому главенству. Монахи рѣшительно отказались исполнить требованіе и настойчиво утверждали, что король не есть верховный на землѣ глава англійской церкви. Препираясь со своими судьями, Готонъ говорилъ, что въ подтвержденіе истинности своего мнѣнія онъ можетъ сослаться на весь христіанскій міръ, тогда какъ они имѣютъ за себя только одно англійское королевство, да и то далеко не все, ибо большинство въ немъ подчинилось перевороту лишь изъ угодливости королю или изъ страха за свои почести и имѣнія. Къ числу обвиняемыхъ присоединенъ былъ еще одинъ священникъ Гэль и 29 апрѣля надъ всѣми ими произнесенъ былъ окончательный приговоръ. Въ рѣчи своей предъ казнію Готонъ, между прочимъ, говорилъ: „наша святая матерь-церковь опредѣлила иначе, чѣмъ опредѣлили король и его парламентъ, а потому я готовъ лучше умереть, чѣмъ ослушаться церкви". Всѣ обвиненные преданы были казни безъ совершенія надъ ними предварительной деградаціи, такъ что умерли они въ тѣхъ самыхъ одеждахъ, которыя присвоены были ихъ сану [1]). — Со смертію пріоровъ не уничтожился конечно тотъ духъ, который господствовалъ въ средѣ подчиненныхъ имъ монаховъ. Въ іюнѣ того же года еще трое картезіанцевъ при-

[1]) Froude II, 248—253; — Lingard IV, 116—117.

влекаются къ суду за отрицаніе королевской супрематіи и подвергаются казни чрезъ повѣшеніе [1]).—За такимъ началомъ слѣдовало со стороны правительства и достойное продолженіе. Просматривая лѣтописи, мы очень не рѣдко можемъ встрѣтить извѣстія о томъ, что монахи и священники подвергаются смертной казни за отрицаніе королевской супрематіи. Такія казни совершены были напр. въ апрѣлѣ 1540 г. [2]), въ іюлѣ 1540 г. [3]), въ мартѣ 1544 г. [4]) и т. д.

Встрѣчая себѣ сопротивленіе со стороны пріоровъ, монаховъ и священниковъ, правительство Генриха, какъ видно, не особенно задумывалось надъ вопросомъ о примѣненіи къ дѣлу мѣръ суровыхъ. Эти люди не занимали въ обществѣ выдающагося положенія, ихъ жизнь не имѣла въ глазахъ другихъ какой-либо особенно высокой цѣнности, а потому не было нужды и задумываться много тогда, когда ихъ приходилось вести на казнь. Но бывали случаи, когда правительству приходилось сталкиваться съ такими затрудненіями, которыя заставляли его долго размышлять и колебаться, придумывать какіе-либо возможные исходы, прежде чѣмъ осмѣлиться на примѣненіе крайней мѣры. Въ такомъ затруднительномъ положеніи оказалось оно напр. тогда, когда встрѣтило упорную оппозицію своимъ мѣропріятіямъ со стороны Фишера и Мора. Это были люди, занимавшіе высокое положеніе въ обществѣ. Фишеръ занималъ Рочестерскую епископскую каѳедру, а Моръ еще недавно только отказался отъ должности лорда-канцлера Англіи. Помимо высокаго общественнаго положенія, и по личнымъ качествамъ своимъ Фишеръ и Моръ пользовались большею извѣстностію не только въ Англіи, но даже и далеко за ея предѣлами. Престарѣлаго епископа Рочестерскаго, обладавшаго глубокою богословскою ученостію и отличавшагося строгостію жизни, католическій міръ считалъ доселѣ украшеніемъ всего англійскаго клира; а талантливый Моръ былъ извѣстенъ всей

---

[1]) Stow. p. 571;—Hall. p. 817;—Holinshed III, 792—793;—Froude II, 253—255;—Collier IV, 283.

[2]) Holinshed III, 815.

[3]) Ib. p. 818;—Hall. p. 840.

[4]) Holinshed. III, 834.

Европѣ какъ гуманистъ, какъ одинъ изъ передовыхъ умовъ своего времени. Со стороны такихъ видныхъ людей оппозиція могла быть весьма опасною для правительства, а потому она доставила ему не мало хлопотъ и безпокойства. Примѣнить къ Фишеру и Мору ту же безпощадную строгость, съ какою относилось правительство къ простымъ монахамъ, ему сопротивлявшимся, было рискованно въ виду высокаго положенія и той извѣстности, какою пользовались эти люди повсюду; а оставить ихъ оппозицію безнаказанною или оказать имъ снисхожденіе значило придать смѣлость и поощрить всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются установленнымъ законамъ и которые въ Фишерѣ и Морѣ видятъ своихъ передовыхъ борцовъ. Руководящія въ правительствѣ лица раздѣлились во мнѣніяхъ и процессъ тянулся болѣе года, прежде чѣмъ получилъ наконецъ свое разрѣшеніе. Первымъ поводомъ, изъ за котораго Фишеръ и Моръ пришли въ столкновеніе съ правительствомъ, была присяга относительно новаго порядка престолонаслѣдія, вызваннаго разводомъ и вторымъ бракомъ короля. Парламентъ 25 года (1533—1534), подробно опредѣливъ этотъ новый порядокъ престолонаслѣдія, между прочимъ постановилъ, чтобы всѣ подданные королевства приносили присягу въ точномъ соблюденіи настоящаго статута [1]). Наряду съ другими принесеніе присяги предложено было Фишеру и Мору; но они изъявляли свое согласіе на нее не иначе, какъ съ нѣкоторыми весьма существенными ограниченіями. Они соглашались признать устанавливаемый парламентомъ порядокъ престолонаслѣдія, такъ какъ опредѣленіе этого порядка входитъ, по ихъ мнѣнію, въ предѣлы компетентности верховнаго законодательнаго собранія. Но статутъ однимъ этимъ опредѣленіемъ не ограничивался; онъ провозглашалъ кромѣ того, что первый бракъ короля противенъ законамъ Божественнымъ, что папа не можетъ давать диспенсацій относительно браковъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства и тпд. Вотъ эти-то вопросы, по мнѣнію Фишера и Мора, не принадлежатъ къ разряду такихъ, которые могутъ такъ или иначе разрѣшаться парламентомъ,

[1]) Statute 25 Henr. VIII. Chapt. 22.

а потому они соглашались принести требуемую присягу лишь относительно тѣхъ пунктовъ, которые не оскорбляютъ ихъ совѣсть. Послѣ разныхъ допросовъ и увѣщаній Фишеръ и Моръ заключены были въ Тоуэръ и надъ ними состоялось парламенское осужденіе, въ силу котораго первый изъ нихъ лишенъ былъ своей епархіи и за тѣмъ оба они подвергнуты были конфискаціи имѣнія и тюремному заключенію [1]). Но ихъ испытаніе этимъ не ограничилось. Если ихъ католическая ревность не могла выносить даже такихъ сравнительно незначительныхъ посягательствъ на права власти церковной, какія были въ статутѣ относительно престолонаслѣдія; то тѣмъ менѣе, конечно, она могла примириться съ королевскимъ главенствомъ надъ церковію. Между тѣмъ парламентъ утвердилъ это главенство и узникамъ было теперь предложено, чтобы они клятвенно засвидѣтельствовали о своемъ подчиненіи королю, какъ верховному главѣ церкви англійской. Само собою разумѣется, что это предложеніе встрѣчено было съ ихъ стороны энергическимъ отпоромъ, вслѣдствіе котораго надъ ними начался судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Такъ какъ обвиняемые не допускали никакихъ сдѣлокъ съ своею совѣстію, то ихъ участь можно уже было считать заранѣе рѣшенною. Можетъ быть, желая спасти Фишера отъ угрожавшей ему гибели, папа Павелъ III во время самаго процесса возвелъ его въ достоинство кардинала; но все было напрасно. Генрихъ, говорятъ, замѣтилъ по этому поводу: „пусть Павелъ присылаетъ ему шляпу, а я постараюсь, чтобы у него не было головы, на которую бы можно было надѣть ее“. Двадцать втораго іюня, Фишеръ, обвиненный въ измѣнѣ за то, что не хотѣлъ признать короля главою церкви, уже входилъ на эшафотъ. „Я пришелъ сюда, говорилъ онъ народу, чтобы умереть за вѣру святой католической церкви“. Шестаго іюля, того же 1535 года, за Фишеромъ послѣдовалъ и Моръ; ихъ отрубленныя головы выставлены были на лондонскомъ мосту, чтобы страшнымъ примѣромъ отнять у другихъ католичес-

---

[1]) Stat. 26 Henr. VIII. chap. 22—23.

кихъ ревнителей охоту сопротивляться требованіямъ правительства [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ убѣдиться, что нововведенія, предпринимавшіяся правительствомъ Генриха въ духѣ реформы, встрѣчали нерѣдко при своемъ практическомъ примѣненіи самую упорную оппозицію со стороны приверженцевъ стараго порядка, въ средѣ которыхъ, особенно между духовными, не мало было людей, готовыхъ и жизнь свою принести въ жертву за свои убѣжденія. Примѣры такого мученичества за вѣру, конечно, возбуждающимъ образомъ дѣйствовали на массу; но этимъ сила католической оппозиціи еще не исчерпывалась.

Въ средѣ католическихъ ревнителей были и такіе, которые не стремились пріобрѣсти себѣ мученическій вѣнецъ; но, внѣшнимъ образомъ подчиняясь предписаніямъ правительства, пользовались всѣми доступными имъ средствами, чтобы дѣйствовать на народъ, утверждать его въ приверженности къ старымъ порядкамъ и вооружать противъ нововведеній правительства. Такая подспудная дѣятельность католическихъ ревнителей была, пожалуй, опаснѣе для правительства, чѣмъ открытое сопротивленіе, такъ какъ она трудно была уловима для посторонняго взора и широко могла распространить свое вліяніе. Въ ряду такихъ подспудныхъ дѣятелей мы встрѣчаемъ напримѣръ нищенствующаго монаха Форреста, который, принявъ супрематическую присягу, въ то же время старался убѣждать лицъ, приходившихъ къ нему на исповѣдь, что король вовсе не есть верховный глава церкви. Когда впослѣдствіи онъ привлеченъ былъ къ суду, то на допросѣ заявлялъ, что онъ принялъ супрематическую присягу лишь по „внѣшнему человѣку“, по „внутреннему же человѣку“ своему онъ никогда не признавалъ королевскаго главенства [2]). Исповѣдью поль-

---

[1]) О процессѣ Фишера и Мора см. Hall. p. 817;—Holinshed. III, p, 793;—Stow. p. 572;—Lingard. IV, 113, 117—121;—Collier IV, 268—269, 271—280;—Weber I, 334—340;—Stapleton p. 328—420;— Froude II, 111—118, 258—277;—Audin II, 113—180;—Hume IV, 429—431; и др.

[2]) Holinshed III, 805; — Hall. p. 825—826; —Stow. p. 575; Foxe p. 554;—Burnet I, 260.

зуется также и одинъ духовникъ Сіонскаго монастыря, чтобы возстановить народъ противъ королевскаго главенства. Одного изъ пришедшихъ къ нему исповѣдниковъ онъ убѣждаетъ твердо оставаться вѣрнымъ папѣ, хотя папская власть и уничтожена въ Англіи королемъ и парламентомъ. Этотъ переворотъ, по его увѣренію, не долговременъ и скоро наступитъ пора, когда старый порядокъ снова будетъ возстановленъ. Что же касается принесенной королю присяги, то это ничего не значитъ, лишь бы въ сердцѣ человѣкъ оставался вѣрнымъ папѣ [1]). Такія наущенія, имѣвшія мѣсто при священной обстановкѣ таинства покаянія, конечно, не оставались безъ вліянія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда касались людей и безъ того несочувственно относившихся къ нововведеніямъ правительства.

Въ выборѣ средствъ для защиты старыхъ порядковъ, католическіе ревнители не были особенно разборчивы и иногда не прочь были воспользоваться и обманомъ, если только для ихъ цѣли онъ оказывался пригоднымъ. Такъ было напримѣръ въ извѣстномъ дѣлѣ Кентской пророчицы.—Въ Эльдингтонскомъ приходѣ Кентскаго графства проживала одна дѣвушка, по имени Елизавета Бартонъ, одержимая такою болѣзнію, во время которой она подвергалась сильнымъ припадкамъ, теряла сознаніе, бормотала несвязныя слова и конвульсивно подергивала членами тѣла. Какъ всегда бываетъ, въ простомъ народѣ, при видѣ такого явленія, тотчасъ же возникла мысль о присутствіи здѣсь сверхъестественной силы. Этою мыслію поспѣшилъ воспользоваться приходскій священникъ, Ричардъ Мэстеръ, который постарался убѣдить и Елизавету въ томъ, что слова, произносимыя ею во время припадковъ, внушаются ей наитіемъ Святаго Духа и что слѣдуетъ твердо запоминать ихъ и сохранять для общаго назиданія. Къ Мэстеру присоединился вскорѣ монахъ Эдуардъ Бокингъ и затѣмъ подлѣ Елизаветы образовалась цѣлая толпа руководителей, которые пользовались ею въ своихъ интересахъ, и при помощи ея вліянія, старались дѣйствовать на народъ. Эти руководители пророчицы и толкователи ея прорицаній убѣдили ее сдѣ-

---

[2]) Froude II, 209—212.

заться монахинею, чтобы тѣмъ еще болѣе усилить авторитетъ ея святости. Они распространяли всюду слухи объ ней, записывали ея прорицанія и издавали цѣлыя книги ихъ съ своими толкованіями, проповѣдывали народу въ церкви объ ея откровеніяхъ и т. д. Когда же болѣзнь Елизаветы почти прекратилась, руководители внушили ей мысль дѣлать припадки искусственно, при чемъ, конечно, и прорицанія можно было съ большимъ удобствомъ направлять въ ту или другую сторону. Слухъ о пророчицѣ распространился далеко по всей Англіи. Народъ называлъ ее „святою Кентскою Дѣвой“ и тысячами стекался, чтобы видѣть ее и слышать ея прорицанія. Даже высокопоставленныя лица, какъ напримѣръ Фишеръ, епископъ Рочестерскій и Уоргэмъ, архіепископъ Кантербюрійскій, поддались общему увлеченію и не подозрѣвали въ этомъ явленіи никакого обмана. А между тѣмъ пророчица разсказывала народу о своихъ небесныхъ видѣніяхъ, о разныхъ чудесахъ, о письмѣ, присланномъ ей отъ Маріи Магдалины съ небесъ и написанномъ золотыми буквами и т. д. Легковѣрная толпа увлекалась всѣми этими разсказами, а руководители пророчицы употребляли съ своей стороны всѣ усилія, чтобы поддерживать въ народѣ это увлеченіе. На первыхъ порахъ они руководствовались въ этомъ случаѣ разсчетами чисто матеріальнаго характера; имъ хотѣлось прославить въ народѣ свою глухую страну и чудесами и откровеніями, чтобы привлечь къ себѣ толпы пилигримовъ и пользоваться ихъ приношеніями. Но потомъ они простерли свою смѣлость гораздо далѣе; они захотѣли воспользоваться вліяніемъ пророчицы, чтобы укрѣпить народъ въ приверженности къ старымъ порядкамъ и возстановить его противъ всякихъ нововведеній. Видѣнія и откровенія святой дѣвы приняли характеръ враждебный королю и правительству. Пророчица возставала въ своихъ откровеніяхъ противъ развода короля съ Катариною и противъ его втораго брака; она прорицала, что если Генрихъ не откажется отъ развода и втораго брака, то онъ не процарствуетъ и одного мѣсяца, но погибнетъ смертію злодѣя и принцесса Марія, дочь Катарины, займетъ его мѣсто на престолѣ. Она разсказывала о томъ, что Богъ гнѣвается на короля за его нечестивыя дѣянія и въ знакъ Своего

гнѣва не допустилъ Генриха къ пріобщенію, когда онъ былъ въ Калэ. Освященные дары были будто-бы похищены тогда рукою ангела, который и принесъ ихъ пророчицѣ. Не только разводъ короля сдѣлался теперь предметомъ ея пророчаній; она возбуждала народъ вообще противъ распространяемыхъ въ немъ еретическихъ ученій и противъ разныхъ церковныхъ нововведеній, предпринимаемыхъ правительствомъ. Авторитетомъ пророчицы хотѣла такимъ образомъ воспользоваться партія католическихъ ревнителей для своей борьбы съ правительствомъ, а потому все это дѣло, бывшее сперва лишь эксплуатаціей религіознаго легковѣрія, получило теперь характеръ заговора противъ существующей власти. Въ виду такого оборота событій, Елизавета Бартонъ и ея главные сообщники: Мэстеръ, Бокингъ, Диринтъ, Ричъ, Рисби и Гольдъ осуждены были парламентомъ, какъ государственные измѣнники, и приговорены къ смертной казни, которая и была надъ ними исполнена въ апрѣлѣ 1534 года. Въ рѣчи своей предъ казнію пророчица сознавалась въ произведенномъ ею обманѣ и признала постигшую ее участь вполнѣ заслуженною. Другіе сообщники Елизаветы, менѣе виновные, поплатились конфискаціей имѣнія и тюремнымъ заключеніемъ. [1])

При благопріятныхъ обстоятельствахъ и на удобной, воспріимчивой почвѣ возбуждающая дѣятельность католическихъ ревнителей могла, конечно, привести къ такимъ послѣдствіямъ, которыя явились бы серьезною опасностію для правительства. Такую именно воспріимчивую почву католическая оппозиція нашла себѣ въ сѣверныхъ графствахъ Англіи, гдѣ противодѣйствіе нововведеніямъ и разрѣшилось наконецъ вооруженнымъ возстаніемъ.

Сѣверныя графства, сравнительно со всѣми другими областями Англіи, представляли собою край наименѣе счастливый по своему богатству и экономическому развитію.

[1]) Весьма подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла можно видѣть въ парламентскомъ статутѣ, осудившемъ Елизавету и ея сообщниковъ. Stat. 25 Henr. VIII. chap. 12.—Кромѣ того, см: Hall. p. 808—814; —Holinshed. III, 790—791;—Stow. p. 570;—Collier IV, 245—247;—Burnet, I. p. 113—116;—Lingard IV, 108—110;—Weber I, 304—307;—и до.....

Соотвѣтственно съ этимъ, сѣверное населеніе и въ умственномъ отношеніи стояло не весьма не высокомъ уровнѣ. Не имѣя вообще особенной склонности къ размышленіямъ и разсужденіямъ, оно и въ сферѣ религіи отличалось ревностною приверженностію по преимуществу ко внѣшней, обрядовой ея сторонѣ. Оно не привыкло задумываться надъ какими-либо религіозными вопросами; но предоставляло этотъ трудъ духовенству, слѣпо подчиняясь его наставленіямъ. При такомъ настроеніи сѣвернаго населенія всякія нововведенія въ церковной жизни никогда не могли разсчитывать на сочувствіе съ его стороны. Событія-же 1535 и 1536 г. возбудили въ немъ положительное недовольство, разрѣшившееся затѣмъ волненіемъ. Въ это время, какъ мы знаемъ, произведена была секуляризація малыхъ монастырей и затѣмъ получены были на сѣверѣ изданныя Кромвеллемъ внушенія, въ которыхъ, между прочимъ, предписывалось строгое соблюденіе недавно установленныхъ десяти членовъ вѣры и заявлялось требованіе, чтобы многіе излишніе праздники церковные были уничтожены и чтобы народъ отказался, по возможности, отъ своей привычки странствовать на поклоненіе разнымъ святынямъ, такъ какъ для спасенія души подобныя странствованія не имѣютъ никакого значенія. Новыя предписанія правительства касались, очевидно, той именно стороны въ религіи, которая всего дороже была сѣверному населенію, такъ какъ въ праздничныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, въ благочестивыхъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, его религіозное чувство всего болѣе находило себѣ возможности къ обнаруженію. Но самое чувствительное оскорбленіе нанесено было этому чувству тѣми святотатственными подробностями, которыми сопровождалось осуществленіе секуляризаціи. Населеніе, благоговѣйно привязанное къ своимъ святынямъ, не могло, конечно, безъ содраганія видѣть, какъ безцеремонно производился грабежъ монастырскихъ церквей, какъ обдирались драгоцѣнныя украшенія съ иконъ и мощей, какъ непочтительно обращались визитаторы съ священными сосудами и облаченіями, цѣня въ нихъ лишь матеріальную стоимость. У религіознаго католика сердце обливалось кровью, когда онъ видѣлъ, что дорогія ему обители, гдѣ такъ недавно еще раздавались мо-

литвенныя пѣснопѣнія, куда такъ недавно еще стекались на праздники толпы благочестивыхъ пилигримовъ, теперь стоятъ въ уныломъ, полуразрушенномъ видѣ или достались въ добычу частнымъ владѣльцамъ; когда онъ встрѣчалъ повсюду благочестивыхъ отцевъ-монаховъ, на которыхъ привыкъ доселѣ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на своихъ молитвенниковъ и наставниковъ, теперь изгнанными изъ ихъ пріютовъ, безъ крова и средствъ къ жизни, вынужденными питаться милостынею. Такія зрѣлища производили на сѣверное населеніе потрясающее впечатлѣніе; но и въ матеріальномъ отношеніи уничтоженіе монастырей было для него весьма чувствительно. Многіе жители были арендаторами монастырскихъ земель, которыя были такимъ образомъ для нихъ единственнымъ средствомъ существованія, а бѣднѣйшая часть населенія въ широкихъ размѣрахъ пользовалась монастырскою благотворительностію. Съ уничтоженіемъ монастырей, земля стала собственностію частныхъ владѣльцевъ, которые не считали нужнымъ удерживать за арендами ихъ прежнія низкія, цѣны, за которыя обыкновенно отдавались они монастырскими властями. Арендные взносы повсюду были теперь возвышены, къ великому отягощенію тѣхъ, которые были плательщиками. Призрѣваніе бѣдныхъ и всякіе виды благотворительности по отношенію къ нимъ, конечно вовсе не считались обязательными для частныхъ владѣльцевъ, замѣнившихъ собою монастыри, а потому множество бѣдняковъ, прежде питавшихся монастырями, остались теперь на произволъ судьбы. Почва для католической агитаціи противъ правительства въ сѣверныхъ графствахъ Англіи была такимъ образомъ весьма благопріятная; нужны были лишь люди, которые-бы захотѣли и съумѣли воспользоваться обстоятельствами, и тогда правительство могло быть поставлено въ немалое затрудненіе. Такіе люди нашлись въ духовенствѣ, озлобленномъ противъ правительства болѣе, чѣмъ какое-либо другое изъ сословій Англіи. Не говоря уже о томъ, что духовенство, по самому свойству своего служенія, было всего чувствительнѣе къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя наносились правительственными нововведеніями религіозному чувству католиковъ, оно терпѣло отъ этихъ нововведеній и въ самыхъ своихъ житейскихъ интересахъ. Монахи пострадали въ этомъ

случаѣ, конечно всего болѣе. Значительное ихъ число, проводившее прежде въ своихъ монастыряхъ жизнь безбѣдную, вполнѣ обезпеченную и даже не безъ пріятности, теперь лишено было и пріюта и средствъ и, конечно, относилось къ правительству съ крайнимъ ожесточеніемъ и ненавистью. Бѣлое духовенство не потерпѣло въ такой степени какъ монахи; но и у него было достаточно поводовъ къ недовольству. Оскорблялось оно прежде всего тѣмъ зависимымъ, тяжелымъ положеніемъ, въ которое оно было теперь поставлено по отношенію къ коронѣ, когда свѣтскій министръ короля вмѣшивается въ дѣла религіи и церкви и полновластно предписываетъ клиру разныя отступленія отъ старыхъ, освященныхъ вѣками, порядковъ. И безъ того крайне скудное въ матеріальномъ отношеніи существованіе клира теперь становилось еще хуже, благодаря тѣмъ мѣрамъ, какія принимались правительствомъ противъ пилигримствъ и противъ излишняго усердія, оказываемаго народомъ относительно иконъ и мощей. Если-бы правительству дѣйствительно удалось провести въ народѣ свои идеи, главный источникъ доходовъ духовенства долженъ былъ-бы прекратиться. А между тѣмъ генералъ-викарій требовалъ, чтобы духовенство само еще удѣляло значительную часть своихъ доходовъ на благотворительность бѣднымъ, на содержаніе стипендіатовъ въ университетѣ [1]) и тп. Вотъ эти-то недовольные правительствомъ священники и, всего болѣе, безпріютные, бродившіе по всей странѣ монахи явились теперь главными дѣятелями въ организаціи вооруженнаго народнаго возстанія. Они проповѣдывали повсюду о томъ, что правительство уклонилось въ ересь, что оно подчинилось вліянію нечестивыхъ людей, которые задумываютъ конечное уничтоженіе святой католической вѣры и церкви. Они указывали народу на поруганіе святыни, на ту печальную участь, которая постигла служителей религіи. Они старались усилить народное раздраженіе и разными небылицами, разсказывая объ ужасныхъ тягостяхъ, которыя будто-бы предполагаетъ правительство наложить вскорѣ на массу населенія. Наступитъ скоро пора, говорили они, когда народъ долженъ будетъ платить королю подать за каждую

[1]) Burnet v. II. Record. p. I, b. III. № VII.

свадьбу, за крестины и похороны, когда обложена будетъ пошлиною каждая скотина и поселянинъ не будетъ въ состояніи съѣсть своего собственнаго кабана или гуся, не заплативъ за то королю. Разжигая народъ, духовенство дѣйствовало съ такимъ рѣдкимъ единодушіемъ, что, по свидѣтельству современника, на всемъ сѣверѣ Англіи не было ни одного члена клира, который-бы не содѣйствовалъ возстанію [1]). И въ средѣ дворянства нашлось также не мало недовольныхъ, которые увлеклись господствовавшимъ настроеніемъ и стали вождями мятежниковъ. У дворянства были также свои причины негодовать на правительство. Оно оскорблялось напр. тѣмъ, что выходцы, подобные Кромвеллю, забрали себѣ въ руки государственное управленіе, оттѣснивъ на второй планъ старыхъ, родовитыхъ вельможъ и задѣвая ихъ гордость своею надменностію. Не мало потерпѣли убытковъ дворяне и отъ монастырской секуляризаціи. Живя вдали отъ двора, они не всегда имѣли возможность получить хорошую долю добычи изъ монастырскихъ имѣній; эта добыча доставалось главнымъ образомъ королевскимъ любимцамъ и креатурамъ Кромвелля. Убытки-же всецѣло достались на ихъ долю, такъ какъ многіе дворяне, какъ патроны и потомки основателей монастырскихъ учрежденій, пользовались отъ нихъ нѣкоторыми матеріальными выгодами, какъ напр. приданымъ для своихъ дочерей, вооруженіемъ и экипировкою для сыновей и тпд. не говоря уже о томъ, что монастыри служили всегда удобнымъ и гостепріимнымъ пріютомъ для дворянства во время его путешествій. Нисколько не удивительно потому, если и въ дворянствѣ нашлись недовольные правительствомъ, которые стали въ ряды повстанцевъ.

Мятежъ начался въ октябрѣ 1536 года въ Линкольнширѣ и затѣмъ перешелъ въ Іоркширъ и распространился далѣе на сѣверъ до самыхъ границъ Шотландіи. О силѣ движенія можно составить себѣ понятіе по тому, что армія мятежниковъ простиралась по своей численности до 20,000 человѣкъ, а въ Іоркширѣ даже и до сорока тысячъ. Укрѣпленные замки, и большіе города, въ родѣ Помфрета, Гуля и

[1]) Froude II, 512. Note 2.

Іорка, не могли выдержать напора вооруженной толпы и движеніе быстро и почти безпрепятственно распространилось по всему сѣверу. Слѣдить за подробностями возстанія во всей ихъ полнотѣ и излагать его исторію намъ нѣтъ, конечно, никакой надобности. Въ виду своей спеціальной задачи, мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ черты явленія, которыя могутъ убѣдить насъ въ томъ, что сѣверное возстаніе было именно обнаруженіемъ католической оппозиціи противъ церковныхъ нововведеній правительства.

Поднимая знамя возстанія, мятежники сѣверныхъ графствъ называютъ свое предпріятіе „святымъ, благословеннымъ пилигримствомъ“ (holy and blessed pilgrimage, pilgrimage of grace), желая тѣмъ выразить мысль, что ихъ возстаніе есть своего рода крестовый походъ противъ враговъ религіи. Еще рѣшительнѣе эта мысль выражалась въ словахъ той присяги, которую торжественно принимали повстанцы, обязываясь взаимно поддерживать другъ друга. Они клялись „постоять за вѣру и святую церковь и уничтожить еретиковъ съ ихъ ученіями“. Когда толпа двигалась въ походъ, впереди ея несли обыкновенно кресты и знамена съ священными изображеніями. На этихъ знаменахъ можно было видѣть напр. изображеніе Спасителя висящаго распятымъ на крестѣ, или чаши съ Божественною кровію и т. д. Подобныя же изображенія нашивались на рукавахъ одежды мятежниковъ свидѣтельствуя о религіозныхъ побужденіяхъ, главнымъ образомъ руководившихъ ими въ ихъ предпріятіи. Священники и монахи играли въ этихъ походахъ весьма видную роль; они шли обыкновенно впереди толпы въ присвоенныхъ ихъ сану одеждахъ, съ крестами въ рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ являлись даже вождями арміи, каковъ былъ напр. Берлингскій пріоръ, докторъ Макрель, подъ именемъ капитана Кобблера начальствовавшій двадцатитысячною арміей Линкольнширскихъ инсургентовъ. Даже высокопоставленные члены сѣвернаго клира не были свободны отъ дѣятельнаго участія въ возстаніи. Архіепископъ Іорскій, сдавъ замокъ Помфретъ Роберту Аске, предводителю мятежниковъ, принялъ присягу, предложенную ему побѣдителями, и съ этого времени сталъ первымъ приближеннымъ Роберта. Когда вождь возстанія принималъ пословъ короля, явившихся къ нему для пере-

говоровъ, архіепископъ Іоркскій занималъ самое видное мѣсто при церемоніальномъ пріемѣ, стоя подлѣ его кресла, устроеннаго на подобіе трона. Въ самый разгаръ мятежа, именно духовенство собирается на собраніе въ Номфретѣ и здѣсь составляетъ рядъ требованій, которыми должны были руководствоваться мятежники при своихъ переговорахъ съ правительствомъ. И въ дѣйствіяхъ инсургентовъ нельзя не замѣтить нѣкотораго особеннаго оттѣнка. Первымъ ихъ дѣломъ, когда имъ удавалось овладѣть какою-либо мѣстностію, были проявленія чисто католической ревности. Уничтоженные правительствомъ монастыри тотчасъ же возстановлялись, монахи торжественно водворялись на мѣстахъ своего прежняго жительства и снова раздавалось здѣсь католическое Богослуженіе. Не разъ мятежное населеніе пыталось точно формулировать свои желанія и представляло правительству рядъ требованій, подъ условіемъ исполненія которыхъ оно соглашалось положить оружіе. Разсматривая эти требованія, мы замѣчаемъ въ нихъ весьма значительную примѣсь, если даже не преобладаніе, религіознаго элемента. Линкольнширскіе инсургенты въ своей петиціи заявляли, напр., что главною причиною ихъ недовольства служитъ, между прочимъ, уничтоженіе монастырей. Они жаловались далѣе на то, что правительство даетъ слишкомъ большую волю нѣкоторымъ прелатамъ, которые извращаютъ догматы католическаго вѣроученія; они высказывали наконецъ опасеніе, какъ-бы и приходскія церкви не подверглись такому же разграбленію, какое выпало на долю монастырей. Іоркскіе инсургенты требовали, чтобы уничтожены были парламентскіе статуты противъ папства, чтобы монастыри были возстановлены; чтобы приверженцы лютеранскихъ ученій подвергнуты были законной карѣ и т. д. Документы же, составленные подъ преимущественнымъ вліяніемъ духовенства, конечно, еще болѣе проникнуты религіознымъ настроеніемъ. Въ нихъ заявляется напр. что ни король и никакое вообще свѣтское лице не можетъ быть главою церкви, а потому требуется, чтобы всѣ статуты относительно королевской супрематіи были отмѣнены. Они желаютъ, чтобы духовная юрисдикція папы въ Англіи была возстановлена и чтобы епископы отъ него получали посвященіе, хотя въ тоже время прибавляютъ, что аннаты

и другіе денежные взносы въ Римъ не должны быть снова вводимы. Они требуютъ, чтобы проповѣди противъ чистилища, почитанія святыхъ и иконъ, противъ пилигримствъ и т. п. были прекращены; чтобы праздники были по прежнему соблюдаемы; чтобы права и привиллегіи церкви и духовенства оставались неприкосновенными; чтобы церковныя и монастырскія земли не подвергались отчужденію и т. д. [1]).

Приведенныя нами черты изъ исторіи сѣвернаго возстанія, кажется, достаточно убѣдительны, чтобы видѣть въ этомъ явленіи усиленное обнаруженіе той-же самой католической оппозиціи, которая, какъ мы знаемъ, при менѣе благопріятныхъ условіяхъ проявлялась лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ. Съ этой именно точки зрѣнія смотрѣли на сѣверное возстаніе и современники, изъ которыхъ многіе возлагали на него большія надежды въ интересахъ католицизма. Римскій первосвященникъ радовался этому возстанію, какъ весьма удобному средству къ тому, чтобы возстановить свою власть въ Англіи. Онъ отправилъ во Фландрію своего спеціальнаго легата, кардинала Реджинальда Поля, который былъ англичанинъ по происхожденію, чтобы онъ, живя вблизи Англіи, употреблялъ всѣ усилія къ поддержанію и распространенію возстанія. Онъ разсчитывалъ даже побудить другихъ католическихъ государей, какъ напр. Франциска французскаго и Джэмса шотландскаго, къ тому, чтобы они, пользуясь внутренними безпорядками въ Англіи, предприняли вторженіе въ нее и низложили еретика—Генриха съ его престола. Въ одномъ изъ пастырскихъ посланій, которыми снабженъ былъ Поль, папа обращался къ своимъ возлюбленнымъ чадамъ въ Англіи, высказывая увѣренность, что они увлечены въ расколъ насильственно ихъ правительствомъ, а въ душѣ никогда ему не сочувствовали. Онъ восхвалялъ ихъ далѣе за ихъ благочестіе и вѣрность, доказательствомъ которыхъ служитъ то обстоятельство, что они взялись теперь за оружіе на защиту истины [2]). Но надеждамъ папы не суждено было осуществиться. Усиленная оппозиція ка-

[1]) Lingard IV, 140, 142; Collier IV, 377, 384—387; Froude II, 568—570. Note; и др.

[2]) Hallam I, 29. Note i;—Froude III, 2—6.

толическихъ ревнителей имѣла своимъ естественнымъ послѣдствіемъ и усиленныя мѣры правительства для ея подавленія. Угрозами и обѣщаніями ему удалось разстроить первоначальное единодушіе инсургентовъ, переговорами оно успѣло выиграть время и затѣмъ, собравшись съ достаточными силами, нанесло возстанію полнѣйшее пораженіе. За подавленіемъ мятежа тотчасъ-же послѣдовало и кровавое возмездіе. Множество жертвъ сложили свои головы на плахѣ или были повѣшены на стѣнахъ Іорка или Гуля. Въ числѣ этихъ жертвъ мы видимъ нѣсколькихъ аббатовъ и пріоровъ и не малое количество простыхъ священниковъ и монаховъ [1]).

Итакъ, всѣ усилія католическихъ ревнителей оказались безуспѣшными. Ни легальная оппозиція, ни явное противодѣйствіе, ни тайная интрига, ни даже вооруженное возстаніе не въ силахъ были отстоять старый порядокъ и парализовать тѣ мѣры, которыя предпринимало правительство въ духѣ реформы. Эти мѣры всетаки возведены были въ государственный законъ, которому, въ случаѣ крайности, даже и силою вынуждалось всеобщее повиновеніе.

Если ревностные католики возставали противъ нововведеній Генрихова царствованія, то, съ другой стороны, эти нововведенія не удовлетворяли вполнѣ и искреннихъ приверженцевъ реформы. Какъ ни былъ рѣзокъ разрывъ Генриха съ римскимъ престоломъ, во многихъ отношеніяхъ, особенно въ сферѣ вѣроученія и обрядовъ, англійская церковь того времени оставалась еще вполнѣ вѣрною преданіямъ католицизма. Мало того, не разъ какъ мы знаемъ, случалось, что и сдѣланное въ духѣ реформы бралось снова назадъ и передѣлывалось опять по католическому образцу. Такому положенію дѣлъ не могли, конечно, сочувствовать тѣ, которые болѣе или менѣе глубоко проникліись идеями протестантизма. Они желали радикальной реформы, а потому никакъ не могли примириться съ тѣми колебаніями и

[1]) Подтвержденіе нашему разсказу о сѣверномъ возстаніи см. Hall p. 820—823, 832;—Holinshed III, 798—800;—Stow. p. 573—574;—Sanderus I, 128—129;—Froude II, 499—598;—Collier IV, 376—388; Weber I, 414—427;—Lingard IV, 140—145, 147;—Burnet. I, 166—173;—Hume IV, 472—479;—Laughan II, 250—257, 263.

полумѣрами, которыми ознаменовало себя правительство. Въ силу этого, исторія Генрихова царствованія, наряду съ обнаруженіями католической оппозиціи, представляетъ не мало примѣровъ и оппозиціи протестантской. Когда, напр., извѣстный статутъ шести членовъ предложенъ былъ обсужденію парламента, архіепископъ Крамэръ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать утвержденію этого постановленія, направленнаго противъ реформы. Три дня онъ смѣло и неутомимо опровергалъ основныя мысли статута въ палатѣ и уступилъ только вліянію короля, который лично вмѣшался въ дѣло. Латимэръ же, епископъ Уорчестерскій, и Чакстонъ, еп. Сальсберійскій, упорно остались при своей оппозиціи, вслѣдствіе чего вынуждены были отказаться отъ своихъ епархій [1]).

Какъ въ средѣ католиковъ находились такіе ревнители, которые ни во что ставили правительственныя постановленія по дѣламъ церковнымъ и, повинуясь голосу своей совѣсти, открыто сопротивлялись этимъ постановленіямъ; такъ встрѣчались подобные же люди и между сторонниками реформы. Для первыхъ камнемъ преткновенія служили главнымъ образомъ статуты объ уничтоженіи папской власти и объ утвержденіи королевскаго главенства надъ церковію, а послѣдніе всего болѣе соблазнялись остававшимся въ англійской церкви отъ католицизма ученіемъ о пресуществленіи. Правительство же Генриха, не задумывавшееся проливать кровь папистовъ за отрицаніе королевской супрематіи, не давало пощады и тѣмъ, которые уклонялись отъ удержаннаго имъ католическаго ученія о пресуществленіи, или по крайней мѣрѣ о дѣйствительномъ присутствіи тѣла Христова въ таинствѣ евхаристіи.

Въ ноябрѣ 1538 года, нѣкто Джонъ Ламбертъ, или Никольсонъ, привлеченъ былъ къ суду за свои еретическія мнѣнія. Этотъ Ламбертъ былъ прежде проповѣдникомъ въ общинѣ англичанъ, жившихъ въ Антверпенѣ, а за тѣмъ занялъ мѣсто школьнаго учителя въ Лондонѣ. Присутствуя однажды при проповѣди доктора Тэйлера, онъ соблазнился ея содержаніемъ, такъ какъ проповѣдникъ доказывалъ, что

[1]) Collier V, 36, 53;—Lingard IV, 165;—Burnet I, 189;—и др.

въ таинствѣ евхаристіи дѣйствительно присутствуетъ тѣло Христа. Послѣ проповѣди Ламбертъ явился къ Тэйлеру и сталъ представлять ему свои аргументы, въ силу которыхъ онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ его ученіемъ. Эти агументы свои онъ изложилъ даже письменно и вручилъ Тэйлеру. Рукопись Ламберта доведена была до свѣдѣнія, кого слѣдуетъ, и еретичествующій учитель привлеченъ былъ къ отвѣту предъ духовнымъ судомъ. Крамэръ и Латимеръ употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы побудить Ламберта отказаться отъ его убѣжденій; но не имѣли въ этомъ никакого успѣха; онъ твердо стоялъ на своемъ и апеллировалъ къ королю, какъ главѣ церкви, требуя, чтобы онъ принялъ на себя произнесеніе приговора. Генрихъ очень радъ былъ случаю торжественно обнаружить свою ревность къ религіи и свою богословскую ученость, а потому постарался придать этому дѣлу какъ можно большую публичность. Епископамъ и свѣтскимъ лордамъ послано было извѣщеніе о томъ, что дѣло Ламберта будетъ разбираться при участіи самого короля. Въ назначанный день, 16 ноября, многочисленная публика собралась въ большой Уэстминстерской залѣ, гдѣ на эстрадѣ поставленъ былъ и тронъ для короля. Генрихъ явился въ засѣданіе, одѣтый въ бѣломъ шелковомъ костюмѣ, подъ почетнымъ конвоемъ своей парадной гвардіи, и занялъ мѣсто на тронѣ. Подлѣ короля, съ правой его стороны, помѣстились епископы, судьи и спеціалисты права, а съ лѣвой — свѣтскіе лорды и придворные джэнтльмэны. Засѣданіе открыто было при большомъ стеченіи зрителей рѣчью епископа Чичестерскаго. Въ этой рѣчи ораторъ заявилъ собранію, что Ламбертъ, обвиняемый въ ереси, апеллировалъ къ королю, надѣясь получить отъ него снисхожденіе, какъ будто король захочетъ быть покровителемъ еретиковъ. Правда, продолжалъ епископъ, король ниспровергъ узурпацію римскаго престола; разогналъ праздныхъ монаховъ, которые жили какъ трутни въ ульяхъ; устранилъ идолопоклонническое почитаніе иконъ, издалъ Библію на англійскомъ языкѣ для назиданія своихъ подданныхъ и предпринялъ еще нѣкоторыя измѣненія въ церковныхъ порядкахъ, клонящіяся къ благу общественному. Но что касается другихъ предметовъ, то онъ рѣшился твердо держаться католической вѣры и обычаевъ, а потому онъ желаетъ,

чтобы обвиняемый отрекся отъ своихъ заблужденій и возвратился къ католическому общенію. Въ этихъ именно видахъ король устроилъ настоящее собраніе, надѣясь, что авторитетъ и аргументы ученыхъ епископовъ возвратятъ заблуждающагося къ союзу съ церковію. Если-же онъ будетъ упорствовать, то король покажетъ на немъ примѣръ того, какъ власть должна обращаться съ еретиками. Послѣ этой вступительной рѣчи, самъ король обратился къ Ламберту съ вопросомъ о томъ, каково его мнѣніе относительно присутствія тѣла Христова въ таинствѣ евхаристіи. Когда Ламбертъ своимъ отвѣтомъ не удовлетворилъ короля, послѣдній сталъ опровергать его и такимъ образомъ начался диспутъ, который продолжался до самаго вечера и поддерживался сперва королемъ, а потомъ Крамэромъ, Гардинеромъ, Тунсталлемъ, Стоксли и др. Вынужденный защищаться противъ столькихъ оппонентовъ, Ламбертъ выбился изъ силъ, но все-таки не хотѣлъ отказаться отъ своего убѣжденія. Оканчивая засѣданіе, король спросилъ Ламберта: „убѣдился-ли онъ послѣ столькихъ усилій, которыя на него потрачены, и рѣшился-ли онъ жить, или умереть?“ „Я поручаю мою душу Богу, отвѣчалъ Ламбертъ, а тѣло королевскому милосердію.“ „Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ Генрихъ, вы должны умереть, ибо я не хочу быть покровителемъ еретиковъ.“ Послѣ такого рѣшенія Кромвелль прочелъ приговоръ о преданіи Ламберта, какъ упорнаго еретика, публичному сожженію. Черезъ четыре дня приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе и Ламбертъ умеръ на Смитфильдѣ въ медленномъ огнѣ [1]) Въ этомъ дѣлѣ съ наибольшею ясностію и торжественностію выразилось настроеніе Генрихова правительства, которое такимъ образомъ свидѣтельствовало, что оно не желаетъ дозволить никакихъ уклоненій отъ существенныхъ догматовъ католицизма. Но судьба Ламберта не была случаемъ первымъ и единственнымъ въ царствованіе Генриха. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, когда и прежде него люди осуждались на смертъ и умирали на кострѣ за свои протестантскія мнѣнія относительно таинства евхаристіи.

---

[1]) Hall 826—827; — Holinshed III, 807; — Stow 576; — Foxe p. 554—565; — Collier IV, 431—436; — Burnet I, 185—187; — Froude III, 152—156; — Weber I, 494—496; — Lingard IV, 158—160; — Hume IV, 498—502.

Такая участь постигла напр. Джона Фрита и Андрью Гевета въ іюлѣ 1534 года [1]). Но самымъ тяжкимъ для протестантскихъ ревнителей было то время, когда статутъ шести членовъ получилъ свое утвержденіе. Строго настаивая на чисто католическихъ догматахъ и обрядахъ, этотъ статутъ опредѣлялъ и безпощадную кару тѣмъ, кто осмѣлится дозволить себѣ его нарушеніе. Въ силу этого, съ 1540 года на сторонниковъ реформы воздвигнуто было настоящее гоненіе. Спеціальная, установленная въ слѣдствіе этого статута, коммиссія привлекала къ суду по подозрѣнію въ ереси не только открыто возстававшихъ противъ утвержденныхъ статутомъ догматовъ, но даже и тѣхъ, кто напр. не посѣщалъ храмъ для присутствованія при совершеніи мессы, не поднималъ рукъ въ моментъ освященія даровъ и тпд. Она дѣйствовала съ такимъ усердіемъ, что число арестованныхъ ею въ качествѣ еретиковъ простерлось до 500 чел. и даже болѣе. Всѣмъ этимъ лицамъ предстояла весьма незавидная участь, если-бы король не склонился на ходатайство лорда-канцлера и не даровалъ имъ прощенія. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что статутъ 6 членовъ стоилъ жизни многимъ лицамъ и изъ высшихъ и изъ низшихъ классовъ общества. Въ подтвержденіе этого достаточно припомнить напр. казнь троихъ протестантовъ въ іюлѣ 1540 г., сожженіе пятнадцатилѣтняго Ричарда Мекинса, сожженіе Анны Аскью и нѣсколькихъ протестантовъ въ послѣдній годъ правленія Генриха и тпд. [2]). Первый изъ приведенныхъ примѣровъ представляется намъ всего болѣе характеристичнымъ, такъ какъ по нему можно себѣ составить ясное представленіе о томъ странномъ положеніи, какое занимало Генриховo правительство въ вопросахъ религіи. Тринадцатаго іюля 1540 года, народу собравшемуся на Смитфильдѣ, представилось оригинальное зрѣлище. Изъ Тоуэра приведена была въ одной печальной процессіи толпа людей, осужденныхъ на смертную казнь. Въ этой толпѣ было трое папистовъ: Абель, Фидерстонъ и Павель, и трое протестантовъ: Барнесъ, Геррардъ и Джеромъ. Паписты осуждены были за отрицаніе королевской супрематіи и за приверженность къ папству, а

[1]) Hall p. 815;— Stow. p. 571;—Holinshed III, 792.
[2]) Hall. p. 828, 867;—Holinshed III, 808, 818—820.

протестанты за уклоненіе отъ удержанныхъ въ Англіи догматовъ католицизма. Тѣ и другіе осуждены были однимъ и тѣмъ-же правительствомъ и одновременно должны были подвергнуться казни. Вся разность ихъ судьбы состояла только лишь въ томъ, что одни были повѣшены и четвертованы какъ измѣнники, а другіе преданы сожженію какъ еретики [1]). Съ точки зрѣнія правительства и паписты и протестанты одинаково были достойны казни, если они не хотѣли подчиняться установленнымъ законамъ.

Религіозно-церковныя нововведенія, предпринимавшіяся въ царствованіе Генриха, не удовлетворяли такимъ образомъ ни одну изъ враждовавшихъ тогда во всей Европѣ сторонъ; онѣ одинаково вооружали противъ себя и приверженцевъ старины и ревностныхъ сторонниковъ реформы. Но правительство твердо отстаивало свою систему: оно безпощадно подавляло всякія враждебныя ему проявленія и въ концѣ концовъ одержало надъ ними полную побѣду. Ни одинъ изъ оппозиціонныхъ элементовъ не оказался на столько сильнымъ, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать правительству и парализовать его мѣропріятія. И въ законодательныхъ собраніяхъ, и въ массахъ народа большинство всегда оказывалось на сторонѣ правительства, какъ ни была странна сама по себѣ и непослѣдовательна выработанная имъ система. Причину такого успѣха понять не трудно, если припомнить общій характеръ того религіознаго настроенія, въ какомъ находилась Англія въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка. Ревностные паписты и протестанты не составляли въ ней большинства; это были двѣ крайнія партіи, а громадная масса народа стояла между ними. Эту массу нельзя было назвать ни строго католическою, ни строго протестантскою. Отъ католицизма она отстала, потому что ненавидѣла папу и возставала противъ іерархіи; а къ протестантизму не пристала, такъ какъ хранила еще свою привязанность къ прежнимъ обрядамъ, и вѣроученіямъ. Чтобы расположить ее въ свою пользу, ей нужно было предложить нѣчто среднее, — нѣчто такое, что не оскорбляло бы прежнихъ вѣрованій и религіозныхъ привычекъ; но

[1]) Hall. p. 840;—Holinshed III, 818—819;—Collier V, 80 Burnet. I, 217;—Lingard. IV, 177.

въ то же время удовлетворяло бы и потребностямъ времени. Такую именно систему и предлагаетъ ей Генрихъ. Въ самой даже личности этого короля, какъ въ фокусѣ, отобразилось современное ему настроеніе всей націи. Схоластикъ и новаторъ, ревностный католикъ и ярый протестантъ въ одно и то же время, Генрихъ, какъ нельзя болѣе, былъ пригоденъ къ тому, чтобы стоять во главѣ Англіи первой половины шестнадцатаго вѣка. Въ религіозныхъ вопросахъ его стремленія были и стремленіями большинства его народа. Такое соотвѣтствіе доставляло, конечно, ему великую силу, благодаря которой его религіозно-церковныя нововведенія восторжествовали надъ всѣми, имъ враждебными, стихіями.

Оканчивая обзоръ царствованія Генриха, постараемся теперь въ краткихъ чертахъ подвести его итоги.

Возстаніе противъ католической церкви въ Англіи имѣло, какъ мы видѣли, двоякій характеръ. Съ одной стороны, это было возстаніе политико-экономическое, обусловливавшееся сознаніемъ, что современное состояніе римско-католической церкви не соотвѣтствуетъ національнымъ интересамъ Англіи и подрываетъ ея экономическое благосостояніе. Съ другой стороны, это было возстаніе религіозно-богословское, въ основѣ котораго лежала мысль, что римско-католическая церковь не такова, какою бы она должна была быть по предписаніямъ ея Божественнаго Основателя. Оба эти возстанія развивались одновременно и, предъявляя каждое свои требованія, во многихъ пунктахъ сходились между собою; а потому реформаторскія мѣропріятія Генрихова царствованія встрѣчены были ими одинаково сочувственно. Каждое изъ нихъ видѣло въ этихъ мѣропріятіяхъ въ большей или меньшей степени осуществленіе своего собственнаго идеала, питая надежду, что такое многообѣщающее начало приведетъ и къ желанному концу. Изучивъ событія Генрихова царствованія, мы можемъ теперь сказать, на сколько осуществлены были имъ подобныя надежды.

Что касается протестантизма политико-экономическаго, то въ этомъ отношеніи стремленія англійской націи получили теперь полное удовлетвореніе. Она возставала противъ папы,

какъ противъ иностранца, истощающаго и угнетающаго Англію;—теперь всякаго рода обнаруженіямъ этого гнѣта положенъ былъ рѣшительный конецъ, такъ какъ папская власть въ Англіи была совсѣмъ уничтожена. Она возставала противъ духовенства, видя въ немъ сословіе, живущее и дѣйствующее въ ущербъ національнымъ интересамъ и экономическому благосостоянію страны;—теперь, съ осуществленіемъ секуляризаціи, цѣлая половина этого сословія была уничтожена, а другая, оставшаяся поставлена была въ тѣсную зависимость отъ короны и лишена всѣхъ тѣхъ правъ и привиллегій, которыя прежде казались обременительными для страны. Политико-экономическія стремленія Англіи относительно папства и іерархіи получили такимъ образомъ теперь полное удовлетвореніе; но далеко не такая участь выпала на долю стремленій религіозныхъ. Правда, уничтоженія папскаго главенства надъ церковію требовали и тѣ, которые стремились къ чисто-религіозной реформѣ; но этимъ однимъ ихъ стремленія не ограничивались,—они настаивали на необходимости существенныхъ видоизмѣненій главнымъ образомъ въ сферѣ вѣроученія и обрядовъ. А между тѣмъ, въ этой сферѣ не произведено было теперь ничего такого, въ чемъ можно было бы видѣть серьезную реформу католической системы; все оставлено было почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ существовало и прежде при владычествѣ папы. Церковный переворотъ, произведенный въ царствованіе Генриха, былъ такимъ образомъ по преимуществу національнымъ, политико-экономическимъ, и едва ли мы имѣемъ право приложить къ нему въ строгомъ смыслѣ названіе религіозной реформаціи.

Не заслуживая самъ по себѣ имени религіозной реформаціи, церковный переворотъ Генрихова царствованія имѣлъ въ то-же время въ ея исторіи весьма существенное значеніе; онъ расчистилъ путь и подготовилъ ту почву, на которой могла потомъ утвердиться реформація. Пока вся полнота церковной власти сосредоточивалась въ рукахъ папы, пока органомъ этой власти было могущественное и независимое духовенство, о коренной реформѣ существующаго церковнаго порядка невозможно было и думать. Папа и духовенство, существенно заинтересованные въ поддержкѣ этого порядка, зорко слѣдили за его неприкосновенностію и не дозволяли

ничего такого, что могло-бы ему быть опаснымъ. Мало того, они употребляли всю силу своего вліянія, чтобы держать народъ въ твердой и непоколебимой приверженности къ вѣрѣ и обычаямъ предковъ. Всякая реформаторская попытка оказывалась безсильною, какъ скоро ей приходилось выдерживать борьбу противъ всего клира и всѣхъ монаховъ Англіи. Католическую систему невозможно было поколебать до тѣхъ поръ, пока въ папской власти, въ клирѣ и монастыряхъ у ней была могучая опора. Уничтоженіемъ этой опоры Генрихово царствованіе сослужило для реформаціи великую службу. Когда не стало въ Англіи ни папы, ни монаховъ, когда ея духовенство утратило свою прежнюю силу, некому уже было мощно стоять на стражѣ стараго порядка и подавлять всякія стремленія къ религіозной реформѣ.

Отнятая у папы церковная власть, съ утвержденіемъ королевской супрематіи, передана была теперь въ руки короля, которому подчинилось и духовенство. Эта новая церковная власть Англіи могла стать органомъ, весьма пригоднымъ для интересовъ реформы. Какъ власть опиравшаяся на парламентъ, находившаяся слѣдовательно въ живомъ и непосредственномъ общеніи съ націей, и въ то-же время свободная отъ закоренѣлыхъ папистскихъ и креликальныхъ традицій, она способна была дать просторъ религіознымъ стремленіямъ времени и даже сама стать во главѣ ихъ и явиться въ этомъ случаѣ руководительницею своего народа. Для реформаціи созданъ былъ такимъ образомъ весьма сильный и полезный органъ; послѣдующему времени предоставлялось лишь теперь сдѣлать изъ этого органа надлежащее употребленіе.

Была наконецъ подготовлена въ значительной степени и почва, на которой могла-бы въ послѣдствіи утвердиться реформація. Церковный переворотъ, произведенный при Генрихѣ, поставилъ, прежде всего, высшіе классы общества въ такое положеніе, при которомъ они, каковы-бы ни были ихъ религіозныя убѣжденія, своекорыстными, матеріальными разчетами побуждались непремѣнно стоять за реформу. Для нихъ новый порядокъ представлялъ громадныя выгоды, такъ какъ всѣ почти монастырскія имѣнія, отобранныя въ секуляризацію, перешли, какъ мы знаемъ, въ руки дворянства.

Твердо отстаивать этотъ новый порядокъ для нихъ значило потому то-же, что защищать свои собственные, матеріальные интересы.—Но всего важнѣе были тѣ, хотя и неосязаемые, но несомнѣнные результаты, какіе произведены были церковнымъ переворотомъ Генрихова царствованія въ религіозномъ настроеніи всей массы населенія. Ниспроверженіе прежнихъ авторитетовъ, провозглашеніе папы антихристомъ, дерзкое поруганіе прежде почитавшихся святынь, разоблаченіе разныхъ обмановъ, выдававшихся за истину и за чудеса, а теперь оказавшихся лишь ловкими фокусами, придуманными въ видахъ эксплуатаціи религіознаго легковѣрія,—все это должно было оказать непремѣнное вліяніе на религіозное настроеніе народа. Пріученный прежде, не размышляя, преклоняться предъ святынями и безусловно вѣрить наставленіямъ своихъ учителей, онъ теперь поставленъ былъ совершенно на иную дорогу. Его научили быть подозрительнымъ, критически относиться къ такимъ предметамъ, гдѣ прежде допускалась лишь слѣпая вѣра. Ему дали наконецъ въ руки и средство, пользуясь которымъ онъ могъ вполнѣ сознательно и съ большею, чѣмъ прежде, самостоятельностію относиться къ вопросамъ религіи. Прежде ему приходилось на слово вѣрить своимъ духовнымъ руководителямъ, которые безнаказанно и злоупотребляли иногда такимъ положеніемъ, а теперь первоисточникъ христіанства,—Священное Писаніе, стало доступно и народу, который могъ потому самъ читать его на понятномъ для него языкѣ и провѣрить, по мѣрѣ своего разумѣнія, уроки своихъ учителей. Съ увлеченіемъ принялся онъ за это чтеніе и, хотя конечно не вдругъ, съ каждымъ годомъ становился все болѣе свѣдущимъ въ Писаніи. А чѣмъ болѣе распространялось въ немъ такого рода религіозное просвѣщеніе, тѣмъ удобнѣе становилась почва для реформаціи, такъ какъ авторитетомъ Писанія ясно и мощно изобличались искаженія и злоупотребленія, накопившіяся въ католицизмѣ.

Не совершивъ религіозной реформаціи, царствованіе Генриха такимъ образомъ расчистило и подготовило ту почву, на которой созидать предоставлялось уже послѣдующему времени.

Василій Соколовъ.

Внутреннее обозрѣніе.

О преподаваніи словесности въ духовныхъ семинаріяхъ.

Словесность, какъ учебный предметъ, преподаваемый въ школахъ, имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ развитія и воспитанія юношества. Если одна изъ основныхъ задачъ всякой школы — приготовить для общества честныхъ и полезныхъ дѣятелей, то должно сказать, что весьма важную услугу въ этомъ дѣлѣ можетъ принести цѣлесообразное преподаваніе словесности. И понятно почему! Словесность имѣетъ дѣло съ литературными, художественными произведеніями; въ этихъ произведеніяхъ, самыхъ высшихъ созданіяхъ человѣческаго творчества, поэтъ не голыми, отвлеченными разсужденіями, а живыми образами рисуетъ предъ нами духовную жизнь человѣчества; идеалъ поэта, который несомнѣнно всегда проходитъ чрезъ все произведеніе, освѣщаетъ предъ нами эту жизнь, показываетъ намъ на самыхъ фактахъ ея хорошія и худыя стороны. И это изображеніе лучше всякихъ моральныхъ сентенцій способно пробудить и развить въ человѣкѣ чувство добра и правды. Изображая духовную жизнь, свои идеи и идеалы, поэты-художники, по разнымъ причинамъ, въ разныя времена, употребляли разныя словесныя формы. Поэтому словесность, знакомя насъ съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, въ тоже время знакомитъ насъ и съ тѣми формами, въ которыхъ выражалась въ разное время мысль писателей; отсюда она (словесность) выводитъ свои положенія о правильной формѣ выраженія тѣхъ или другихъ мыслей и чувствъ. Понятно послѣ этого, что обязанность упражнять учениковъ въ писательствѣ должна лежать главнымъ образомъ на преподавателѣ словесности. Кому, какъ не ему, лучше всего извѣстны формы, въ какихъ должны выражаться мысли? — Но чтобы словесность приносила ту пользу, о которой мы сказали, нужно преподаваніе ея поставить на правильныхъ началахъ.

Какъ преподается въ нашихъ школахъ словесность? Приноситъ ли она ту великую пользу, какую несомнѣнно она можетъ принести въ дѣлѣ развитія юношества? Считаемъ нужнымъ, прежде рѣшенія этихъ вопросовъ, для ясности дѣла, сказать нѣсколько словъ о происхожденіи въ нашихъ школахъ современнаго способа преподаванія словесности.

До шестидесятыхъ годовъ обученіе вообще въ нашихъ школахъ носило характеръ чисто формальный, схоластическій: ученики заучивали буква въ букву учебники, — сухіе, малосодержательные, съ голыми опредѣленіями, дѣленіями и подраздѣленіями; учителя же мало заботились о дополненіи и разъясненіи учебниковъ, вѣроятно полагая, что заученное механически со временемъ само собою всплыветъ въ сознаніи ученика. — Впрочемъ, въ такомъ положеніи преподаваніе находилось не только въ нашихъ школахъ, но и въ свѣтскихъ заведеніяхъ и въ школахъ первоначальныхъ. Самое первоначальное обученіе грамотѣ совершалось механически, безъ смысла. Ученики механически выучивались складывать буквы и механически научались читать, и цѣль первоначальнаго обученія полагалась только въ наученіи ученика читать часословъ и псалтирь и каллиграфически писать.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи появилось и распространилось реалистическое направленіе, по которому въ наукахъ цѣнились только свѣдѣнія реальныя, имѣющія въ жизни практическое значеніе; все же отвлеченное, формальное, не дающее реальныхъ знаній было предано порицанію. Направленіе это, извѣстной стороной своей, не могло не отразиться на школахъ, первымъ и главнымъ дѣломъ — на школахъ первоначальныхъ, въ которыхъ формализмъ обученія особенно билъ въ глаза. Первоначальный, чисто-механическій способъ обученія грамотѣ *по азъ-буки*, псалтирю и часослову былъ отвергнутъ; требовали ученія сознательнаго. Стали доказывать, что чтеніе безъ пониманія и безсмысленное заучиваніе вообще вредно. — Цѣль школы должна состоять прежде всего въ развитіи; умѣнье грамотѣ должно даваться само собой, съ развитіемъ и укрѣпленіемъ мышленія. — Поэтому должны быть найдены пріемы обученія грамотѣ, которыми прежде всего развивались бы умственныя силы ребенка. — Мы тогда же и нашли эти пріемы въ сосѣдней намъ Германіи. Пріемы эти—есть извѣстный звуковой способъ обученія грамотѣ. Не будемъ подробно характеризовать эти пріемы; скажемъ только, что основная форма ихъ со стороны внѣшней

есть—евристическій методъ, со стороны внутренней—вести ученика отъ предметовъ совершенно извѣстныхъ къ менѣе извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, исходить отъ предмета и доводить ученика до мысли. Руководства этого рода строго держатся этого принципа постепенности. Г. Бунаковъ, одинъ изъ видныхъ представителей звуковаго способа обученія, такъ говоритъ о первыхъ урокахъ обученія грамотѣ: «учитель можетъ начать разговоръ по своему личному усмотрѣнію: иной спроситъ каждаго ученика объ имени, другой о томъ, что дѣлается на дворѣ, третій о томъ, кто откуда пришелъ, гдѣ живетъ, что дѣлаетъ дома,—потомъ уже переходитъ къ главному предмету. Гдѣ же ты теперь сидишь? Зачѣмъ ты сюда пришелъ? Что мы будемъ дѣлать въ этой комнатѣ? Да, мы будемъ въ этой комнатѣ учиться, — назовемъ же ее учебной комнатой. Посмотрите всѣ, что у васъ подъ ногами, внизу. Посмотрите, но не говорите. Скажетъ тотъ, кому я велю. Скажи, что ты видишь внизу, подъ ногами? Повторите все, что мы узнали и сказали объ этой комнатѣ: въ какой комнатѣ мы сидимъ? Какія части комнаты? Что есть на стѣнахъ? Что стоитъ на полу?» [1]) Г. Евтушевскій, другой видный представитель звуковаго метода, такъ совѣтуетъ начинать уроки для изученія чиселъ отъ 1 до 10: «Показывая ученикамъ кубикъ, учитель спрашиваетъ: сколько у меня кубиковъ? а взявши въ другую руку нѣсколько кубиковъ, спрашиваетъ: а здѣсь сколько? — Много, нѣсколько» — «Назовите здѣсь въ классѣ такой предметъ одинъ, которыхъ есть нѣсколько. Скамья, окно, стѣна, тетрадь, карандашъ, грифель, ученикъ и проч. Назовите такой предметъ, который въ классѣ только одинъ. Классная доска, печь, дверь, потолокъ, полъ, образъ, учитель и проч. Если этотъ кубикъ я спрячу въ карманъ, то сколько кубиковъ будетъ у меня въ рукѣ? Ни одного. А сколько я долженъ снова положить кубиковъ въ руку, чтобы ихъ было тамъ столько же, какъ и прежде? Одинъ. Какъ понимать, когда говорятъ: «однажды Петя упалъ?» Сколько разъ Петя упалъ? Падалъ ли онъ еще когда нибудь? Отчего сказано *однажды?*» и т. д. и т. д. [2]).

Понятно, что при такомъ способѣ обученія, о строгой системѣ въ руководствахъ этого рода не могло быть и рѣчи, ибо въ сис-

[1]) Семья и Школа 1872 г., т. II. Родной языкъ, какъ предметъ обученія и проч. стр. 18, 19.

[2]) Евтушевскій: метода ариѳметики стр. 121.

тему могутъ укладываться только свѣдѣнія однородныя. Вопросы же, навожденіе учениковъ на новые и новые предметы естественно увлекали учителя къ предметамъ самымъ разнороднымъ. — «Отъ этого, по словамъ графа Льва Николаевича Толстаго, въ руководствахъ этого рода вообще всѣ упражненія развитія съ одной стороны страдаютъ совершенной произвольностію, съ другой стороны — излишествомъ.» [1]).

Реальное направленіе, по естественному ходу дѣла, отозвалось на образовательныхъ заведеніяхъ, и всѣми своими способами нагляднаго, развивающаго метода отразилось на преподаваніи русскаго языка и словесности. Причина этого преимущественнаго вліянія новаго направленія на указанные предметы лежало въ томъ воззрѣніи, что эти предметы суть дальнѣйшая ступень обученія грамотѣ. Какъ о первоначальномъ обученіи грамотѣ было сказано, что дѣло не въ грамотѣ, а въ развитіи, такъ и о грамматикѣ и реторикѣ сказали, что дѣло не въ правилахъ, а въ томъ же развитіи: правиламъ этимологіи, синтаксиса и др. ученикъ не замѣтно научится при объяснительномъ разборѣ образцовъ. Появились и учебники по русскому языку, удовлетворяющіе требованіямъ новаго способа обученія. Во главѣ этихъ руководствъ несомѣнно нужно поставить грамматику Перевлесскаго, состоящую въ большинствѣ изъ практическихъ разборовъ произведеній. Но особенно въ изобиліи стали являться практическія хрестоматіи; въ нихъ не столько приводятся образцы, сколько излагаются практическіе разборы самыхъ образцовъ. Не въ нашей задачѣ разбирать эти хрестоматіи, но для характеристики пріема разборовъ возьмемъ случайно попавшуюся статью изъ хрестоматіи Полеваго, пользующейся особеннымъ распространеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Разбирается небольшая басенка Крылова «Пѣтухъ и жемчужное зерно:» [2])

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: «куда оно,
Какая вещь пустая!

[1]) О народномъ образованіи Л. Н. Толстаго. Отеч. Зап. 1874 г. декабрь, 160 стр.

[2]) Хрест. Полев. часть первая, 13-е изд. 81—82 стр.

Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я-бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.»
Невѣжи судятъ точно такъ;
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ!

Слѣдуетъ объясненіе этой басни: «Толкованіе для ученика. *Разрывая*,—здѣсь иначе можно сказать: между *тѣмъ*, *какъ* онъ разрывалъ. Какъ будетъ начало этого слова *(разрывать — разрыть)?* Что значитъ слово: *ровъ?* Сравнить со словами: *разрывать — разорвать*. — *Навозну кучу* — все равно, что *навозную кучу*. *Жемчужное зерно* — какъ то же самое зерно называется иначе? Какъ называется *множество жемчужныхъ зеренъ* однимъ общимъ именемъ? *Куда оно?*—вмѣсто: *куда оно годится*, *на что оно* (годно или нужно)? Привести подобные же примѣры краткости выраженій. *Пустая вещь*; въ томъ же ли смыслѣ мы: «вещь, *пустая внутри*» или «*пустой домъ*», «*пустой* человѣкъ». — *Высоко* цѣнить, *высокія цѣны*. Что значитъ здѣсь слово *высокій*, и какое слово ему противополагается? Говорятъ ли, напримѣръ, *невысокія* цѣны? *Болѣ*—вмѣсто *болье*, какъ *навозну* вмѣсто *навозную*.—Что такое *ячмень?* Какіе еще есть виды *хлѣбныхъ растеній*. *Рожь*, *овесъ*, *пшеница*, *греча*.—*Видный*; что значитъ это выраженіе? *Видное зерно; видный мужчина*. *Невѣжи*. *Невѣдать*—то же *не знать*.—*Судить*.—Сравнить выраженіе: *судить о томъ*, чего не понимаетъ; *его будутъ сегодня судить* за преступленіе.—*Въ чемъ толку не поймутъ*... *Понимать толкъ* въ чемъ-нибудь; знать толкъ *въ вещахъ*, *въ книгахъ*, *въ дѣлахъ*... «Онъ знаетъ толкъ въ лошадяхъ». *Безтолковый*, *толковый* человѣкъ; *толковать кому-нибудь*, *что нибудь*. *Пустякъ*. Какъ употребляютъ то же самое слово иначе».

Въ такомъ же духѣ разбираются и другія басни и статьи, приведенныя въ хрестоматіи. Очевидно, при такомъ разборѣ достаточно этой не большой басенки, чтобы занять вниманіе учениковъ въ теченіе цѣлаго урока. При этомъ разборѣ дѣлаются, конечно, замѣчанія о предложеніи, о знакахъ препинанія и т. п., но эти свѣдѣнія сообщаются вскользь, по поводу, безъ системы. Такой пріемъ преподаванія русскаго языка вошелъ и въ наши духовныя училища. По крайней мѣрѣ, просматривая отчеты гг. ревизоровъ, мы находимъ, что очень многіе преподаватели слѣдуютъ этому пріему.

Практическій, развивающій способъ преподаванія отразился, какъ мы сказали, и на словесности. Прежній способъ преподаванія, когда ученики по учебнику заучивали голыя понятія о формахъ и видахъ словесныхъ произведеній, безъ всякаго знакомства съ самыми произведеніями, былъ совершенно законно отвергнутъ, какъ не приносящій существенной пользы; требовали, чтобы словесность изучалась по самымъ образцамъ. Мысль эту съ особенною настойчивостію и основательностію высказалъ г Скопинъ. [1]) Нельзя вообще не согласиться съ мыслями г. Скопина касательно необходимости преподаванія словесности способомъ практическимъ, но въ то же время нельзя не сознаться, что практическое выполненіе высказанныхъ имъ мыслей, особенно на первыхъ порахъ, вышло довольно неудачно. Практическіе пріемы преподаванія словесности далъ во всей полнотѣ и широтѣ г. Водовозовъ въ книгѣ «Словесность въ образцахъ и разборахъ» Принимая во вниманіе, что книга эта была настольною книгою среди преподавателей, увлеченныхъ практическимъ преподаваніемъ словесности,—мы считаемъ нужнымъ нѣсколько съ нею познакомиться. Здѣсь, на разборѣ самыхъ произведеній, расматриваются сначала произведенія со стороны общихъ свойствъ: содержанія, слога и проч., а потомъ разбираются роды и виды прозаическихъ и поэтическихъ произведеній. Возьмемъ для образца первую статью словесности... Разбирается со стороны содержанія повѣсть Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» [2]). Раздѣливши повѣсть на двѣ части—описательную и повѣствовательную, и указавши въ первой части семь мелкихъ частей, авторъ приступаетъ къ подробному разбору первой части: «тутъ въ началѣ сказано «не замочась дождемъ»; кого же этотъ дождь не мочилъ?—Того, кто запиралъ ставни оконъ.—Какихъ оконъ? Оконъ въ домѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. — Отчего-же дождь не мочилъ? — Около всего дома была галлерея. — Слѣдовательно, сказанное о дождѣ, о ставняхъ относится къ описанію чего?—Къ описанію галлереи.— Тутъ еще говорится о маленькихъ, почернѣлыхъ столбикахъ. Это куда отнести? Тоже къ описанію галлереи. Какая разница между тѣмъ и другимъ изображеніемъ?—Въ одномъ случаѣ говорится о назначеніи галлереи, въ другомъ о ея наружномъ видѣ. — Итакъ

---

[1]) Журналъ Учитель 1863 г. Программа препод. русск. яз. и словесности.

[2]) Словесность въ образцахъ и разборахъ Водовозова, 1—27 стр.

1) Наружный видъ галлереи. 2) Ея назначеніе. 3) Что еще въ третьихъ сказано о галлереѣ? Что она шла вокругъ всего дома.— Слѣдовательно, и описаніе галлереи служитъ для чего? Служитъ къ описанію дома. Про домъ что еще сказано? Что онъ былъ низенькій. То, что сказано о домѣ: «низенькій» и «съ галлереею на маленькихъ столбикахъ» поясняетъ ли вамъ, кто именно жилъ въ немъ?—Очень мало; тутъ только представленъ наружный видъ домика. Однако уже изъ этого о какомъ свойствѣ его жильцевъ вы узнаете?—Объ ихъ скромномъ характерѣ: они не строили себѣ каменныхъ палатъ, подражая модѣ, а довольствовались тѣмъ, что было изстари.—Но довольно-ли этого, чтобы отличить старосвѣтскихъ помѣщиковъ? Самъ Гоголь ограничивается ли этимъ при описаніи дома? Нѣтъ, разсказывая далѣе объ Аѳанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановичѣ, онъ подробно описываетъ комнаты, въ которыхъ они жили.—Посмотримъ, что далѣе. Напишите подрядъ эти подробности: «душистая, потопленная, багрянецъ, яхонтовое, свинцовый матъ, развѣсистый коверъ». Тутъ нѣтъ ни связи, ни смысла, и между тѣмъ говорится объ однородныхъ предметахъ. Какъ же привести это въ связь? Надо указать, къ чему все это относится. Къ чему же? назовите каждый предметъ отдѣльно. — Душистою названа черемуха, потоплены были деревья. Какъ же, это они потоплены?—Потоплены багрянцемъ вишень, т. е. вишень было такъ много, что онѣ болѣе всего краснѣлись между другими фруктовыми деревьями.—Однѣхъ ли вишень? — Нѣтъ и сливъ. — Тоже багрянцемъ сливъ?—Нѣтъ, яхонтовымъ моремъ сливъ.—Что же это значитъ: багрянецъ, яхонтовое? — Это изображетъ цвѣтъ вишень и сливъ.—А потопленныя? Ихъ обиліе.—Метафора «потопленныя» съ какимъ другимъ словомъ составляетъ цѣльный образъ (мы полагаемъ, что воспитанники уже знаютъ, что такое метафора и образъ)? со словомъ «море».—Про сливы что еще говорится?— Что онѣ покрыты свинцовымъ матомъ. — Какія-же понятія соединены здѣсь только для описанія сливъ?—Понятіе о яхонтѣ, о морѣ, о свинцѣ и о матѣ.—Что ими изображается?—Изобиліе сливъ и ихъ желтовато прозрачный, тусклый, какъ у свинца, цвѣтъ. Къ чему относится слово «развѣсистый»? Къ слову «кленъ». Слово «коверъ» относится сюда-же. Какъ-же связать одно съ другимъ? И то и другое означаетъ, что кленъ давалъ прохладную тѣнь: не будь кленъ «развѣсистый», не было бы и «ковра» въ тѣни его. Перечислимъ же предметы, около которыхъ группируются всѣ подробности.—Черемуха,

вишни, сливы, кленъ.—Что это за предметы? Деревья.—Какія?—Фруктовыя. И кленъ то-же!—Нѣтъ, служилъ для тѣни. — А черемуха?—Въ черемухѣ означенъ пріятный запахъ.—Какъ-же назвать однимъ словомъ предметъ, который здѣсь подробно описывается?—Садъ.—И въ этомъ саду, что соединялось для услажденія владѣльцевъ?—Множество плодовъ, пріятный запахъ, прохладная тѣнь. А багрянецъ вишень, яхонтъ сливъ?—Еще пріятные цвѣта.—Словомъ, все, что служитъ для наслажденія красотою, для аппетиту и нѣги. Къ чему-же это Гоголь описываетъ?—Чтобы показать, въ какомъ довольствѣ и въ какой нѣгѣ жили помѣщики.—Перечислимъ, какіе предметы перечислены далѣе?—Дворъ, травка, дорожка, амбаръ, кухня, гусь, гусята, частоколъ, сушеныя груши и яблоки, ковры, возъ съ дынями, волъ. Гдѣ находились всѣ эти предметы? На дворѣ. — Слѣдовательно, первое слово «дворъ» и заключаетъ въ себѣ все остальное. Что тутъ собственно относится къ внѣшнему виду двора? Что онъ былъ просторный и съ низенькою, свѣжею травкою. Какъ описана дорожка?—Она соединяла амбаръ съ кухнею, а кухню съ барскими покоями. А что значитъ слово «протоптанная»?—Значитъ, что по ней много ходили. Что же это показываетъ?—Показываетъ, какъ усердно хлопотали по хозяйству. Какое же хозяйство тутъ надо понимать? Кухонное, т. е. приготовленіе сытнаго обѣда.—А другіе предметы что изображаютъ?—Тоже самое; все разные запасы для ѣды: гусь съ гусятами, сушеныя груши и яблоки на частоколѣ, возъ съ дынями.—И волъ тоже?—Нѣтъ, отпряженный волъ лежалъ возлѣ воза, на немъ привезли дыни съ поля, чтобы прибрать въ амбаръ.—А ковры? Ковры провѣтривались на частоколѣ; ужъ тутъ дѣло идетъ объ уборкѣ комнатъ.—Какъ описаны гусь и гусята?—Про гуся сказано «длинношейный, про гусятъ молодые и нѣжные, какъ пухъ». Нужно ли собственно эти эпитеты для описанія домашняго хозяйства?—Нѣтъ, но они живѣе и нагляднѣе рисуютъ предметъ. Слѣдовательно, исключая этихъ подробностей, гдѣ говорится о волѣ, на которомъ возили клажу, о коврахъ, которые провѣтривали, о томъ, какіе были гусь и гусята, къ чему ведетъ все описаніе двора?—Къ тому, чтобы показать, какъ сами владѣльцы были запасливы и заботливы о пищѣ.—Но кромѣ того мы въ началѣ замѣтили еще наружный видъ двора; и такъ въ его описаніи мы находимъ: а) наружный видъ двора, б) предметы хозяйства, которые въ немъ находились. Самое описаніе двора соединяется съ какими частями?—Съ описаніемъ домика и сада. Что составляютъ всѣ эти три части,

взятыя вмѣстѣ? Описаніе жилища старосвѣтскихъ помѣщиковъ. А описаніе жилища къ чему относится? Къ общему очерку ихъ быта.— А общій очеркъ быта что составляетъ? Первую часть въ первой половинѣ повѣсти. Для большей ясности, при соединеніи подробностей, преподаватель могъ бы написать все, что заключается въ изображеніи жилища, такимъ образомъ»..... Слѣдуетъ чертежъ, изображающій жилище помѣщиковъ.... «При этомъ преподаватель, продолжаетъ руководство Водовозова, можетъ задавать такіе вопросы: какое мѣсто занимаетъ понятіе «гусь» въ описаніи жилища? Третье.—А въ описаніи быта помѣщиковъ (въ первой второстепенной части первой главной?)—Четвертое.—Какое мѣсто занимаетъ понятіе «длинношейный» «гусь» въ цѣлой повѣсти?—Седьмое.—А въ описаніи двора? Третье.—Какимъ образомъ?—1) Вся повѣсть, 2) первая ея половина, 3) первая часть первой половины, 4) описаніе жилища, 5) описаніе двора, 6) гусь, 7) длинношейный гусь. И на оборотъ: 1) длинношейный гусь, 2) гусь, 3) описаніе двора и проч.» Мы привели только незначительную частичку разбора: ибо разборъ всей повѣсти тянется на 26 страницахъ убористой печати. Но изъ этого отрывка уже становится понятно, что въ этомъ разборѣ все есть: о галлереяхъ, о сливахъ, о значеніи въ повѣсти гуся и т. п.; нѣтъ одного: это разбора самой повѣсти, которая своимъ художественнымъ цѣлымъ воскрешаетъ предъ нами жизнь и бытъ малороссійскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Эта повѣсть стушевалась, затерлась въ руководствѣ скрупулезными, ничтожными дѣленіями, подраздѣленіями и т. п. Какую пользу принесетъ подобный разборъ? Несомнѣнно, что онъ скорѣе забьетъ мысль ученику, нежели доведетъ его до пониманія прекраснаго и до пробужденія въ немъ эстетическаго чувства.

Но одновременно съ этими крайними послѣдователями практическаго направленія въ преподаваніи словесности явились и умѣренные представители его. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма видное мѣсто занимаетъ г. Стоюнинъ. Онъ въ своей книгѣ «О преподаваніи русской литературы», настаивая вообще на практическомъ способѣ преподаванія словесности, въ тоже время выражаетъ недовольство на тѣ крайности, до которыхъ доводятъ этотъ способъ многіе преподаватели. «Нѣкоторые же молодые преподаватели, говоритъ г. Стоюнинъ, увлекаясь сократическимъ способомъ преподаванія, вдаются въ большую крайность, придумывая вопросы къ разбираемому произведенію. Они забываютъ границы,

которыхъ должно держаться при классномъ разборѣ—разсматривать только то, что заключается въ произведеніи; они же какъ будто рады каждому подсунувшемуся вопросу, который только можно какъ нибудь привязать къ главнымъ вопросамъ. Отсюда у нихъ даже при каждомъ небольшомъ стихотвореніи является множество дѣленій, подраздѣленій съ сотнями вопросовъ, которые заслоняютъ и подавляютъ собою содержаніе произведенія, слѣдовательно не достигаютъ цѣли разъясненія и изученія. Они скорѣе доведутъ учениковъ до убійственной скуки, чѣмъ до пониманія прекраснаго и до пробужденія эстетическаго чувства. Мы рѣшительно, заключаетъ онъ, противъ такихъ разборовъ и совѣтуемъ быть въ вопросахъ весьма умѣренными и вообще дорожить временемъ, которое не должно быть употребляемо на разсужденія, прямо не относящіяся къ дѣлу» [1]). Такъ какъ крайніе послѣдователи практическаго направленія, увлеченные разборомъ произведеній, теряли изъ виду систему, разбирали въ большинствѣ произведенія для самаго ихъ разбора, то г. Стоюнинъ считаетъ нужнымъ указать на необходимость системы въ дѣлѣ преподаванія словесности. «Такъ какъ въ педагогическихъ занятіяхъ, замѣчаетъ онъ, должна непремѣнно быть какая либо система, то конечно ею нельзя пренебрегать и въ самомъ чтеніи (образцовъ), которое никакъ не должно обратиться въ забаву праздпаго воображенія ученика, о чемъ постоянно и нужно заботиться» [2]). Образцы самаго разбора литературныхъ произведеній, соотвѣтствующаго его воззрѣніямъ, онъ представилъ частно въ книгѣ «О преподаваніи русской литературы», а особенно — въ «Руководствѣ для теоретическаго изученія литературы».

Но нельзя сказать, чтобы практическое направленіе въ преподаваніи словесности окончательно вытѣснило собою прежній формальный способъ преподаванія. Учебники и руководства въ прежнемъ духѣ продолжаютъ выходить въ свѣтъ; очевидно, прежній типъ преподавателей не исчезъ. Правда, въ этихъ учебникахъ дѣлаются уже нѣкоторые уступки духу времени... Такъ въ предисловіи къ нимъ обыкновенно заявляется, что «съ полнымъ уваженіемъ относясь къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя послужили поводомъ къ водворенію этого (т. е. практическаго) способа въ педагогической

---

[1]) О препод. русск. лит. 12 и 13 стр.

[2]) Стоюнинъ о преподаваніи русской литературы 1874 г. 13 стр.

практикѣ, позволю себѣ указать на тѣ затрудненія, которыя были испытаны мною при примѣненіи этого способа къ дѣлу преподаванія теоріи словесности и которыя заставили меня избрать другой способъ (разумѣется прежній, теоретическій), предлагаемый въ настоящемъ учебникѣ» и т. п. [1]). Въ самой системѣ этихъ руководствъ за опредѣленіемъ того или другаго вида словесныхъ произведеній указываются, а иногда даже и приводятся лучшіе образцы. Такой характеръ носитъ «Учебникъ по словесности» г. Филонова.

Въ духовныхъ семинаріяхъ словесность преподается практическимъ путемъ. Программа теоріи словесности, изданная Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, рекомендуетъ именно этотъ способъ, какъ самый надежный, ведущій ученика отъ простѣйшаго примѣра къ труднѣйшему, теоретическому положенію. Говоря о противоположномъ (теоретическомъ) способѣ преподаванія словесности, идущемъ отъ теоріи къ примѣру, программа замѣчаетъ: »нельзя не согласиться, что въ такомъ способѣ труднѣйшее—именно, правила теоріи предпосылаются легчайшему для усвоенія учащимися, т. е. разбору примѣровъ и выводу изъ него правилъ». (Программа 8 стр.) При этомъ программа предостерегаетъ преподавателей отъ чрезмѣрнаго увлеченія практическими пріемами; совѣтуя избѣгать крайне подробнаго анализа произведеній (10 стр. прогр.)—Такимъ образомъ въ семинарію введено преподаваніе практическое въ умѣренномъ видѣ; оно не исключаетъ прежней систематической теоріи словесности, но только даетъ ей мѣсто послѣ практическаго знакомства съ самымъ произведеніемъ. Но программа есть только общее руководительное правило; она не говоритъ намъ о томъ, какъ ведется дѣло на практикѣ. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать учебники и руководства, введенные въ семинаріи.

Учебникомъ по теоріи словесности введено «Руководство» г. Стоюнина. Но такъ какъ книга г. Стоюнина изложена вообще отвлеченно, и потому она малодоступна пониманію учениковъ перваго класса семинаріи, то г. Случевскій упростилъ ее въ изложеніи, оставивъ практическіе пріемы почти въ томъ же видѣ, какъ они находятся у г. Стоюнина. Книга г. Случевскаго одобрена Учебнымъ Комитетомъ въ качествѣ руководства при преподаваніи словесности; потерпѣла нѣсколько изданій; очевидно пользуется

[1]) Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности Тимоѳеенко 1870 г. предисловіе.

распространеніемъ въ семинаріяхъ. Другихъ пособій и руководствъ по словесности, составленныхъ въ духѣ практическомъ, удовлетворяющихъ требованіямъ программы, пока не явилось.

Поэтому книжки гг. Стоюнина и Случевскаго могутъ служить критеріемъ при оцѣнкѣ характера и формы преподаванія словесности въ духовныхъ семинаріяхъ. Прошло довольно времени со времени водворенія въ нашихъ школахъ практическаго метода, а между тѣмъ до сихъ поръ тѣ пріемы, которыми пользуются современные преподаватели при преподаваніи словесности, не оцѣнены.

Дѣло преподаванія словесности въ духовныхъ семинаріяхъ настолько близко нашему сердцу, что мы не могли оставаться безъ разрѣшенія вопроса о цѣлесообразности въ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества тѣхъ пріемовъ, которые въ настоящее время практикуются въ нашихъ школахъ. Внимательное изученіе самыхъ руководствъ по словесности, наблюденіе надъ учениками, изучающими эти руководства и проч.,—все это сообщило мнѣ нѣсколько критическихъ замѣчаній, которыя мы и рѣшаемся повѣрить читателямъ.

Теорія словесности, замѣнившая прежнюю реторику, состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ практическаго разбора литературныхъ произведеній и теоретическихъ изъ нихъ выводовъ или правилъ. Первое предшествуетъ второму и составляетъ самый важный элементъ, потому что выводы суть не что иное, какъ обобщеніе практическихъ занятій. Но въ чемъ состоитъ собственно практическій разборъ? Что служитъ критеріемъ для анализа произведеній?

Основою разбора послужили содержаніе, духъ и характеръ литературныхъ произведеній. Каждое произведеніе по содержанію своему есть несомнѣнно—изображеніе жизни, духовныхъ стремленій народа; поэтому вытекаетъ необходимость разбирать содержаніе сочиненія, — что изображено въ немъ изъ жизни народа, какая сторона его и пр. Далѣе—литературныя произведенія тѣмъ главнымъ образомъ и отличаются отъ другихъ произведеній, что они изображаютъ духовную жизнь изящнымъ словомъ, что составляетъ эстетическую сторону произведенія; поэтому должно быть разсмотрѣно сочиненіе со стороны выраженія, т. е. насколько слова содѣйствовали совершеннѣйшему его выраженію и какими средствами. Не смотря на этотъ отличительный характеръ, литературное произведеніе, какъ и всякое созданіе человѣческаго духа, подчинено пор-

мативнымъ законамъ мышленія: поэтому разсматриваются сочиненія по изложенію, со стороны связности и послѣдовательности мыслей. Наконецъ, всякое произведеніе имѣетъ главную мысль, которая и развивается въ немъ; поэтому при разсмотрѣніи произведенія съ указанной стороны, особенно при разборѣ логическомъ уясняется и опредѣляется точка зрѣнія, основная мысль автора. Итакъ всякое произведеніе должно быть разсмотрѣно со стороны идеи, содержанія, изложенія и выраженія (программа 1 стр. Руководство къ изученію теоріи словесности Случевскаго 1 стр.) Послѣ всего этого разсматривается произведеніе уже со стороны принадлежности его къ родовымъ формамъ (къ эпосу, лирикѣ, драмѣ) и со стороны принадлежности его къ видовымъ разностямъ (къ балладѣ, идиліи и проч.) Но что значитъ разсматривать сочиненіе со стороны содержанія? Съ какими фактами жизни, изображенной въ произведеніи, мы будемъ знакомить ученика? Г. Стоюнинъ говоритъ: «каждое истинно-эстетическое произведеніе отражаетъ въ себѣ жизнь, дѣйствительность, съ которою связывается много нравственныхъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ. Разбирая такое произведеніе, мы необходимо должны подробно обсудить его содержаніе, безъ чего невозможна даже и одна эстетическая оцѣнка, слѣдовательно должны имѣть дѣло съ разнообразными вопросами жизни, коснемся ли разбора фактовъ, или личностей и ихъ характеровъ, или отношенія ихъ между собою, или идеаловъ самого поэта, будемъ ли разсматривать основную его идею, отношеніе его къ дѣйствительности или его поэтическое міросозерцаніе, все будетъ наводить насъ на вопросы близкіе и интересные каждому, вопросы житейскіе, а съ ними вмѣстѣ будутъ разъясняться и самыя понятія—нравственныя, семейныя, общественныя, понятія, которыя у учениковъ бываютъ слишкомъ туманны, неопредѣленны и сбивчивы, какъ какъ имъ рѣдко приходится задумываться надъ ними» [1]).

Все это такъ: несомнѣнно, что изъ каждаго эстетическаго произведенія можно вывести множество понятій нравственныхъ, общественныхъ, семейныхъ и т. п. Такъ дѣйствительно и дѣлаютъ практическія руководства: они, разбирая художественное произведеніе, касаются въ большей или меньшей мѣрѣ всѣхъ этихъ пред-

[1]) О преподаваніи русской словесности 7 стр.

метовъ. Но, читая эти разборы, невольно является вопросъ: можно ли подобные выводы о понятіяхъ общественныхъ, семейныхъ и т. п. назвать разборомъ художественнаго эстетическаго произведенія? То вѣрно, что каждое художественное произведеніе имѣетъ цѣлію познакомить насъ съ какою нибудь сторопою жизни человѣчества, «Шинель» Гоголя, напр. —съ жизнію загяаннаго человѣка, «Отцы и Дѣти» Тургенева—съ реалистическимъ направленіемъ 60-тыхъ годовъ и т. п. Но при этомъ нельзя упустить изъ виду, что авторъ, изображая въ своемъ произведеніи жизнь, касается ея, съ положительной или отрицательной стороны, настолько, насколько она нужна ему для обрисовки того идеала, который несомнѣнно находится въ каждомъ произведеніи. Поэтому разборъ содержанія каждаго художественнаго произведенія, разсмотрѣніе изображенной въ немъ жизни не долженъ выходить изъ этихъ предѣловъ: мы должны разсматривать жизнь, ея достоинства и недостатки только по отношенію къ этому идеалу. А тутъ не требуется пускаться во множество вопросовъ.... Жизнь въ каждомъ произведеніи, съ положительной или отрицательной стороны, освѣщена уже самымъ авторомъ.... Если же мы, пользуясь художественнымъ произведеніемъ, будемъ пускаться въ сообщеніе понятій общественныхъ, семейныхъ и проч., то, очевидно, цѣлью нашего разбора будетъ уже не знакомство съ духомъ и характеромъ самаго произведенія, а знакомство, при помощи даннаго произведенія, съ жизнію.—Мы здѣсь ужъ выступаемъ изъ должныхъ предѣловъ и выступаемъ въ область, гдѣ нѣтъ предѣловъ; мы здѣсь идемъ уже противъ цѣли и задачи самыхъ произведеній.—Художественныя эстетическія произведенія тѣмъ и чарують насъ, тѣмъ подкупаютъ наши симпатіи, что научаютъ насъ не моральными сентенціями, не выводами, а живымъ образомъ; научаютъ насъ любить людей, уважать добро, избѣгать зла и т. п. не разсудочными выводами, а живыми, увлекательными образами; мы невольно увлекаемся изображеннымъ въ нихъ добромъ, невольно отвращаемся отъ зла, словомъ—невольно усвояемъ себѣ идеалъ художника поэта. Но коль скоро мы станемъ изъ художественныхъ произведеній дѣлать разные выводы о понятіяхъ общественныхъ, семейныхъ и т. п., то это будетъ уже не живые образы, а разсудочные выводы; между ними и самыми произведеніями — глубокая пропасть; они есть нѣчто другое, нежели самое произведеніе. Для такихъ выводовъ не требуется чтенія литературныхъ произведеній; слѣдуетъ взять любую исторію и по

ней разсматривать разныя стороны жизни: общественную, семейную и проч. Насколько подобные разборы, съ выводами о понятіяхъ общественныхъ, семейныхъ далеко уходятъ отъ самаго произведенія, достаточно указать на нѣкоторые образцы. Разбирается стихотвореніе Кольцова «Что ты спишь мужичекъ». О чемъ здѣсь говорится? О томъ, что крестьянинъ, облѣнившійся, переставшій обработывать землю, бѣднѣетъ, и наконецъ превращается въ нищаго. Авторъ эту мысль выражаетъ намъ въ живомъ образѣ, въ изображеніи крестьянина — лѣнтяя среди его убогой обстановки. И этотъ образъ живѣе всякихъ словъ рисуетъ намъ бѣдноту мужика-лѣнтяя; здѣсь частности важны не сами въ себѣ, а настолько, на сколько онѣ помогаютъ обрисовкѣ общаго. А между тѣмъ практическія руководства считаютъ нужнымъ разбить это произведеніе на частности и вывести изъ него разныя понятія. По мнѣнію напр. г. Стоюнина разобрать это произведеніе, значитъ — завести рѣчь о трудѣ вообще, о нравственномъ значеніи труда и т. п. Предложивши вопросы: «какое значеніе поэтъ (Кольцовъ) придаетъ труду? Можетъ ли таже самая мысль, которая представлена въ изображеніи крестьянской жизни, быть примѣнена къ жизни другихъ сословій? Что тутъ требуется отъ поэта?» онъ (г. Стоюнинъ) отвѣчаетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ [1]): Онъ (поэтъ—Кольцовъ) изображаетъ намъ значеніе труда, который составляетъ человѣку источникъ матеріальнаго благосостоянія нравственной высоты. Есть много людей, которые такъ хорошо матеріально обезпечены, что имъ нѣтъ никакой нужды трудиться для куска хлѣба, а между тѣмъ трудъ и для нихъ важенъ также и необходимъ какъ и для бѣдняка. Здѣсь уже значеніе не исключительно нравственное. Человѣкъ въ жизни долженъ чѣмъ нибудь наполнить свое время, чтобы занять себя. Если онъ презираетъ трудъ, то ему остаются еще удовольствія. Къ нимъ онъ и обращается со своимъ праздднымъ временемъ. Но гдѣ ихъ взять столько, чтобы они были постоянно новыя. А часто повторяясь, они скоро прискучиваютъ и уже перестаютъ быть удовольствіями. Къ нимъ праздный человѣкъ начинаетъ относиться хладнокровно, другихъ не находитъ; чѣмъ же наполнить время? Да не чѣмъ. Въ душѣ остается пустота, которая томитъ человѣка, ничто

[1]) О преподаваніи русской литер. 40—42.

его не занимаетъ; онъ скучаетъ до того, что наконецъ дѣлается самому себѣ въ тягость; тутъ онъ радъ бы былъ даже обратиться къ какому нибудь труду; но не пріученный къ нему онъ не знаетъ, какъ къ нему приступиться, не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Вотъ тутъ то праздность и наказываетъ его, вступаясь за достоинство труда. Такихъ людей можно встрѣтить не мало въ жизни. А между тѣмъ для человѣка трудящагося имѣютъ большое нравственное значеніе и самыя удовольствія, которыя празднаго человѣка довели до ничтожества. Удовольствія также необходимы для человѣка, но только послѣ труда, какъ отдыхъ, какъ минутное развлеченіе. Въ этомъ случаѣ они, нечасто повторяясь, служатъ дѣйствительнымъ удовольствіемъ, даютъ бодрость духу и укрѣпляютъ силы для дальнѣйшихъ трудовъ. Такимъ образомъ трудъ является спасителемъ не только отъ голода, но и отъ мертвящей скуки, которая рано или поздно должна овладѣть вѣчно праздным человѣкомъ. Но кромѣ того и человѣкъ, вполнѣ обезпеченный матеріально, не можетъ ручаться за будущее: бывали примѣры, что самыя богатыя и знатныя лица неожиданно вдругъ лишались всего. Въ этомъ положеніи не потеряется человѣкъ, пріученный къ труду. Но за то какимъ жалкимъ является тотъ, кто кромѣ удовольствій не зналъ въ жизни ничего. Нищій, не имѣющій или не хотящій работать, самое ничтожное и презрѣнное существо. Такъ какъ онъ всѣмъ въ тягость, то разумѣется всѣ удаляются отъ него и пренебрегаютъ имъ. Тутъ праздность уже доводитъ до самаго унизительнаго состоянія. Такое общечеловѣческое значеніе труда высказывается въ жизни каждаго человѣка, каждаго сословія и общества. Кольцовъ примѣнилъ его къ жизни русскаго крестьянина, и рисуетъ намъ такія явленія, которыя принадлежатъ этому быту, такъ какъ онъ хорошо былъ знакомъ съ нимъ. Само собою разумѣется, что таже самая мысль, примѣненная къ жизни помѣщика, выразилась бы совсѣмъ въ другихъ картинахъ и сценахъ, потому что обстановка и всѣ условія помѣщичьей жизни совсѣмъ другія; равнымъ образомъ въ жизни чиновника, купца, солдата, она выражается сообразно съ условіями ихъ жизни. Отъ поэта здѣсь требуется, чтобы онъ вѣрно представилъ намъ бытъ людей, и чтобы въ немъ, въ этомъ быту, живо выразилась самая мысль, которая и должна соединить въ одно цѣлое всѣ сцены и картины». Всѣ эти разсужденія сами по себѣ, можно сказать, хороши; но въ тоже время нужно сознаться, что они есть нѣчто

дугое, нежели самое произведеніе; мы въ нихъ далеко отстанемъ отъ стихотворенія Кольцова. «Что ты спишь мужичекъ». Такія разсужденія можно привязать ко всякому произведенію, но это будетъ уже не разборъ произведенія, а наши произвольныя размышленія. Имѣемъ ли мы право навязать ихъ ученикамъ? и что произведетъ на ученика болѣе глубокое впечатлѣніе — наши разсужденія о трудѣ или живой образъ художественнаго произведенія?! Намъ говорятъ, что дѣло не во впечатлѣніяхъ, а дѣло въ развитіи;—ученикъ, благодаря сократическому способу веденія разбора произведеній, додумывается самъ до многихъ вещей, и это говорятъ, имѣетъ большое развивающее значеніе. Такъ ли это? Такое ли значеніе имѣетъ сократическій методъ? По нашему крайнему разсужденію, въ воззрѣніе на практическій еврестическій методъ преподаванія словесности вкралась нѣкоторая фальшь. Что значитъ, вести классное дѣло практически? Значитъ разъяснять, доводить до сознанія ученика то, что у него есть безсознательно. Такой способъ вполнѣ приложимъ къ наукамъ формальнымъ. Напр. въ логикѣ посредствомъ примѣровъ, изъ обыденной рѣчи ученика, легко выводить положенія о законахъ, о формахъ мышленія. Но этотъ методъ не всегда и не совсѣмъ приложимъ къ предметамъ фактическимъ, въ томъ числѣ и къ словесности. Ученикъ прочиталъ повѣсть, учителю хочется, по поводу данной повѣсти, вести съ ученикомъ бесѣду о трудѣ, о нравственномъ значеніи труда и т. п. Онъ предлагаетъ ученику вопросы, ученикъ затрудняется на нихъ отвѣчать; учитель наводитъ его; ученикъ сбивается; учитель поправляетъ; наконецъ отвѣтъ получился. Если разобрать весь этотъ процессъ, то увидимъ, что собственно отвѣтъ на свой вопросъ учитель далъ самъ: онъ, своими вопросами, поставилъ мысль ученика въ такое положеніе, что тотъ долженъ былъ дать именно этотъ, а не другой отвѣтъ. Не знаемъ, на сколько эта процедура спросовъ и вопросовъ стоитъ въ дѣлѣ развитія юношества выше прямаго сообщенія свѣдѣній о томъ или другомъ предметѣ?! Но мы хорошо знаемъ, что погоня за эмпиризмомъ, за обогащеніемъ ученика свѣдѣніями при разборѣ произведеній приводитъ иногда къ печальнымъ явленіямъ.—Для разбора часто берутся такія произведенія, которыя и по содержанію, и по художественной сторонѣ не заслуживали бы вниманія, но они съ удовольствіемъ разбираются преподавателями, потому что они даютъ имъ богатый матеріалъ для бесѣдъ съ учениками о понятіяхъ общественныхъ, семейныхъ и т. п.—Самъ г.

Стоюнинъ не прочь допустить къ разбору всякое произведеніе, лишь бы изъ него можно сдѣлать хорошіе выводы. «Въ самомъ простомъ разсказѣ, говоритъ онъ, можетъ быть много глубокихъ психологическихъ задачъ, которыя разрѣшаются наглядно и просто» [1]). При такомъ способѣ преподаванія словесности, гдѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ обогащеніе ума свѣдѣніями, словесность, какъ предметъ, пробуждающій эстетическое чувство, возбуждающій пониманіе прекраснаго и т. п., отодвигается въ сторону.

Если въ современныхъ практическихъ руководствахъ по словесности неудачна вообще постановка разбора сочиненій со стороны содержанія, то тѣмъ менѣе можно назвать удачнымъ практикуемый разборъ произведенія со стороны изложенія, со стороны логической. Хотя правда, что поэтическая дѣятельность, какъ и всякая дѣятельность духа, совершается по логическимъ законамъ мышленія; тѣмъ не менѣе никто не долженъ оспаривать, что художественныя произведенія нужно освободить отъ строгой логической систематизаціи. Поэтъ не просто мыслитъ: онъ творитъ; поэтому въ его созданіи часто не бываетъ той строгой логики, которая есть плодъ разсудочныхъ комбинацій; но за то все его произведеніе, вмѣстѣ взятое, живо воспроизводитъ предъ нами духовную жизнь, идеи и идеалы человѣка. Въ этомъ отношеніи (т. е. въ воспроизведеніи жизни) художественныя произведенія согласуются съ самою жизнію, которую они воспроизводятъ.

Въ жизни мы то же видимъ, что люди относятся другъ къ другу, увлекаются другъ другомъ, совершаютъ подвиги самопожертвованія и т. п. не столько по разсудочнымъ, логическимъ выводамъ, сколько по естественному влеченію сердца... А между тѣмъ практическія руководства считаютъ необходимымъ подвергать художественныя произведенія строгому логическому разбору. Вопросы здѣсь касаются того, на сколько частей можно раздѣлить данное сочиненіе, какая связь между частями, есть ли послѣдовательность въ изложеніи и т. п. Разбирается, напр., баллада Шиллера «Ивиковы Журавли» [2]). Руководства считаютъ первымъ дѣломъ предложить слѣдующіе вопросы: «На сколько частей можно раздѣлить это стихотвореніе? Какая связь между частями? Какія подробности каждой части? Какая

---

[1]) О препод. русск. литер. 8 стр.

[2]) Руководство Случевскаго 3 изд. 142 стр.

изъ главныхъ частей развита подробнѣе? и т. п.» Вслѣдъ за этимъ разбирается баллада Пушкина «Утопленникъ». Сколько здѣсь частей? По нашему, все стихотвореніе невольно читается сразу, и только въ цѣломъ оно производитъ на насъ впечатлѣніе, но руководство непремѣнно считаетъ нужнымъ предложить вопросы: «На какія части можетъ быть раздѣлено стихотвореніе? Въ чемъ заключается интересъ первой части и проч.». Если не всегда умѣстно дѣлить и подраздѣлять на части вообще художественныя произведенія, то тѣмъ неумѣстнѣе эта процедура при разборѣ лирическихъ произведеній. Лирическое произведеніе всегда выражаетъ какое нибудь чувство; оно (чувство) нераздѣльно, оно полно; въ немъ нѣтъ ни начала, ни средины, ни конца; поэтому и стихотвореніе, какъ выраженіе этого чувства, только взятое въ цѣломъ своемъ видѣ можетъ сообщить намъ понятіе о чувствѣ поэта; оно не можетъ быть раздѣлено на части. Но руководства практическія и эти произведенія подвергаютъ тому же анатомическому раздѣленію. Разбирается стихотвореніе «Ко гробу Кутузова» [1]). Каждый, прочитавшій это стихотвореніе, видитъ, что здѣсь выражено одно чувство, чувство благоговѣнія, уваженія къ защитнику отечества, къ Кутузову; никому не придетъ въ голову открывать здѣсь части стихотворенія, ибо только изъ цѣлаго произведенія и выносится то чувство, которое изобразилъ авторъ. А между тѣмъ руководства, предложивши вопросы: «На сколько частей раздѣляется стихотвореніе? Какая связь между частями? Какъ поэтъ изображаетъ обстановку? и т. п.», считаютъ нужнымъ подвергнуть его слѣдующему разбору: «въ первомъ куплетѣ этого стихотворенія (говорится въ руководствѣ Случевскаго) авторъ указываетъ на обстановку, среди которой онъ находится, и на то впечатлѣніе, какое она производитъ на него; во второмъ описывается тотъ, кто лежитъ въ гробницѣ, привлекшей вниманіе поэта; а въ третьемъ изображается то впечатлѣніе, какое производитъ эта могила на русскаго. Отсюда и самое содержаніе стихотворенія распадается на три части, изъ коихъ въ первой авторъ называетъ гробницу *святою* въ смыслѣ патріотическомъ, а въ остальныхъ двухъ содержится отвѣтъ, по чему именно эта гробница святая въ глазахъ каждаго русскаго

[1]) Стоюнинъ, руководство для теоретическаго изученія литературы 111 стр.; Случевскій, руководство къ изученію теоріи словесности 148 стр.

человѣка» и проч. Вся эта процедура съ подобнымъ дѣленіемъ, указаніемъ сравнительной важности частей стихотвореній и т. п. подобна тому, какъ если бы васъ ввели въ картинную галлерею, и вмѣсто объясненія смысла видовъ (т. е. того, что картины изображаютъ) стали бы толковать, какими красками написана каждая картина, какое значеніе имѣетъ данная краска въ картинѣ, какъ она дорога и т. п., какъ изъ этого объясненія вы не вынесете никакого впечатленія о картинѣ, о вѣрности и живости ея изображенія, такъ точно и изъ логическихъ разборовъ произведеній не вынесется никакихъ свѣдѣній о духѣ и характерѣ произведенія.

На первыхъ порахъ можетъ показаться, что разборъ со стороны выраженія, разборъ эстетическій вполнѣ согласуется съ цѣлями и значеніемъ художественныхъ произведеній, — что онъ именно развиваетъ эстетическое чувство, пониманіе поэзіи и проч. Но это только видимость. На самомъ же дѣлѣ всѣ наши спросы и допросы о художественности произведенія, объ отношеніи идеала къ дѣйствительности, о красотѣ изображеній и т. п. не столько пробуждаютъ эстетическое чувство, сколько забиваютъ его. Эстетическія достоинства произведенія, его красоты скорѣе всего воспринимаются непосредственнымъ чувствомъ. За немногими болѣзненными исключеніями, чувствовать прекрасное, находить удовольствіе въ художественныхъ произведеніяхъ также естественно, также свойственно человѣку, какъ мыслить согласно логическимъ законамъ. Средства развить обѣ эти стороны духа одни и тѣ же. Вкусъ изящнаго, также какъ и логическое мышленіе, развивается лишь медленно, мало-по-малу, непрерывнымъ систематическимъ упражненіемъ. Не спѣшно, осмотрительно долженъ восходить ученикъ по степенямъ прекраснаго. Надо стараться не свое пониманіе передать ему, а пробудить его собственное, пробудить упражненіемъ, а не толкованіемъ. Предлагая ученику рядъ вопросовъ и навожденій (еврестическій методъ), мы думаемъ, что ученики подъ нашимъ руководствомъ доходятъ до настоящаго пониманія читавшаго произведенія. Но, увы! Это не болѣе какъ отрадная иллюзія. Въ сущности усилія учениковъ не къ тому направляются, чтобы вникнуть въ смыслъ прочитанныхъ словъ, а лишь къ тому, чтобъ угадать, какой смыслъ придаетъ имъ учитель; не мысль писателя, а мысль учителя, стараются они схватить. И одно съ другимъ въ ихъ глазахъ не вяжется, потому что учитель не довольствуется выясненіемъ дѣйствительно сказаннаго, а хочетъ непременно, чтобы ученики усмотрѣли

въ данныхъ словахъ все то, что самъ онъ въ нихъ усматриваетъ. Мы стараемся навязать ученикамъ свой взглядъ, но вопросъ еще и въ томъ, всегда ли вѣрно то, что мы усматриваемъ сами въ произведеніяхъ? Можно ли ручаться, чтобы всякій преподаватель могъ составлять эстетическіе разборы, достойные высокихъ поэтическихъ созданій?— Конечно — нѣтъ, ибо не можетъ всякій быть эстетическимъ критикомъ. Отсюда эстетическіе разборы по большей части страдаютъ невѣрностію и произвольностію. Разбирается, напр. басня Крылова «Оселъ и Соловей» [1]). Учитель долженъ предложить ученикамъ слѣдующіе вопросы: «Какое явленіе изъ жизни человѣческой поэтъ изображаетъ въ этомъ стихотвореніи подъ дѣйствіями животныхъ? Какъ поэтъ относится къ изображенному явленію? Могъ-ли авторъ осмѣять это явленіе въ другой формѣ и почему предпочелъ именно эту форму? Какія животныя выведены въ баснѣ? Почему именно авторъ выбралъ осла, соловья и пѣтуха? Какъ развивается дѣйствіе? Въ какой картинѣ собственно заключается ироніа? Изъ какой среды заимствованы авторомъ картины и выраженія? *Все-ли представлено естественно и общепонятно?* — На всѣ эти вопросы руководство отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Автору часто приходилось наблюдать такое явленіе жизни, что многіе люди, ничего не понимая въ искусствѣ, самоувѣренно, точно знатоки, судятъ о предметахъ искусства. Противорѣчіе, какое заключается въ подобномъ судьѣ между самоувѣренностью и невѣжествомъ, конечно, должно казаться смѣшнымъ; оттого и у Крылова родилось желаніе осмѣять подобное явленіе. Онъ могъ бы осмѣять его въ повѣсти, въ романѣ, въ комедіи, но въ такомъ случаѣ автору нужно было бы создать характеры артиста и судьи-глупца, придумать интригу дѣйствія, заставить созданныя лица столкнуться въ какомъ нибудь мѣстѣ, напримѣръ, въ концертѣ, гдѣ бы критикъ высказалъ публично свой глупый приговоръ и т. п. Словомъ, автору пришлось бы много потрудиться. Но гораздо скорѣе авторъ достигъ той же цѣли, когда вмѣсто людей вывелъ животныхъ съ тѣми же качествами, какими обладаютъ тѣ люди, которыхъ хотѣлось ему осмѣять: такъ оселъ обладаетъ глупостью, соловей—умѣньемъ артистически пѣть. Достаточно было автору въ этомъ случаѣ назвать животныхъ, ни-

---

[1]) Стоюнинъ—О прен. русск. литер. 352 стр. Случевскаго руковод. къ изученію теоріи слов. 137 стр.

чего не говоря объ ихъ характерѣ, который каждому извѣстенъ, и развивать самое дѣйствіе сообразно съ свойствами названныхъ животныхъ. Такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду представить искуснаго артиста или пѣвца и невѣжественнаго судью, то лучше и не могъ подобрать для этой цѣли, какъ соловья, отличающагося изъ всѣхъ птицъ своимъ чудеснымъ пѣніемъ, и осла, какъ самаго глупаго изъ животныхъ: пѣтухъ же выведенъ для большей иронiи, для показанія ослинаго вкуса, потому что пѣтухъ совершенно противоположенъ своимъ пѣніемъ соловью, а между тѣмъ оселъ сравниваетъ и и отдаетъ преимущество пѣнію пѣтуха. Поэтъ, выведши артиста и судью подъ образомъ соловья и осла, начинаетъ свой разсказъ прямо изъ развитія дѣйствія. Сначала слѣдуетъ вызовъ со стороны осла, который самъ хочетъ провѣрить чужіе толки о мастерскомъ пѣніи соловья. Затѣмъ онъ мастерски изображаетъ очаровательное пѣніе соловья, передавъ словами въ высшей степени вѣрно всѣ оттѣнки и переливы его пѣнія, и то впечатлѣніе, какое артистъ соловей производитъ своимъ пѣніемъ на все окружающее. Въ послѣднемъ случаѣ поэтъ впалъ въ неестественность и представилъ картину въ крайне преувеличенномъ видѣ: не можетъ быть на самомъ дѣлѣ, чтобы отъ пѣнія соловья «затихли вѣтерки, замокли птички и прилегли стада». На конецъ, картина пастушка съ пастушкой взята не изъ русской дѣйствительности, а изъ той воображаемой, пріукрашенной пастушеской жизни, которую вычиталъ Крыловъ въ юные годы въ разныхъ сантиментальныхъ повѣстяхъ. Далѣе, поэтъ переходитъ къ ослиному суду и передаетъ его въ чисто-народномъ русскомъ духѣ, и такъ художественно («изрядно, сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно...»), что мы сейчасъ же въ этой рѣчи узнаемъ крайне напыщеннаго и самоувѣреннаго глупца. Послѣдняя часть представляетъ то, что сдѣлалъ соловей послѣ приговора осла, именно: «онъ вспорхнулъ и полетѣлъ за три-девять полей», потому что не разумно бы было съ его стороны вступать въ споръ съ глупцомъ, которому ничего не докажетъ». Объясненія эти въ большинствѣ произвольны. Произвольно то, что Крыловъ могъ бы осмѣять это же явленіе въ романѣ или повѣсти, потому что онъ былъ именно баснописецъ; произвольно и то, что поэтъ впалъ въ одномъ мѣстѣ въ неестественность и представилъ картину въ крайне преувеличенномъ видѣ; потому что тогда всѣ гиперболы пришлось бы назвать неестественностію и проч.

При разборѣ произведеній съ указанныхъ сторонъ, уясняется и формулируется основная идея сочиненія. Разборъ всякаго сочиненія въ руководствахъ сопровождается, между прочимъ, вопросомъ: «какая основная идея сочиненія»? То несомнѣнно, что каждое произведеніе имѣетъ руководительную мысль, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе, но въ тоже время нельзя не сознаться, что формулированіе основной идеи нѣсколькими словами вещь весьма трудная и даже иногда невозможная. Очень часто, чтобы выразить полно и правильно идею произведенія, нужно бываетъ передать все сочиненіе; но лишь только мы постараемся формулировать идею нѣсколькими словами, то выходитъ, что мы уже далеко отстоимъ отъ самаго произведенія: выходитъ риторично и ложно. Какая, напр., основная идея повѣсти Гоголя «Шинель»? что мы будемъ формулировать въ основную идею? — Униженное положеніе человѣческаго достоинства? — Но для этого несомнѣнно нужно передать всю повѣсть, чтобы сколько нибудь рельефно изобразить противорѣчіе униженнаго образа человѣка съ тѣмъ, который долженъ ему принадлежать по праву, какъ разумному существу. Въ погонѣ за точнымъ указаніемъ и краткимъ изложеніемъ основной идеи, учебники часто вдаются въ произволъ и приходятъ иногда къ чрезвычайно страннымъ заключеніямъ. Послѣ разбора произведеній со стороны общихъ свойствъ, слѣдуетъ разборъ произведеній со стороны принадлежности ихъ тому или другому роду или виду. Столько мытарствъ пройдетъ каждое литературное произведеніе, прежде чѣмъ дается понятіе о его формѣ! Наконецъ разборъ конченъ; слѣдуетъ выводъ или теорія. — Это второй элементъ современныхъ руководствъ по теоріи словесности. Выводы, или теоретическія положенія и въ практическія руководства вошли въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ прежнихъ риторикахъ; роды и виды словесныхъ произведеній теперешнія теоріи словесности опредѣляютъ и трактуютъ точно также, какъ прежнія риторики, напр. риторика Кошанскаго; измѣненій съ этой стороны въ новыхъ руководствахъ не сдѣлано, хотя они непремѣнно должны быть.—Художественныя произведенія какъ и самая духовная жизнь, *развиваются*, проявляютъ въ себѣ новыя и новыя силы; поэтому и словесность, какъ наука объ этихъ произведеніяхъ, должна идти вцередъ, — видоизмѣняться, воспринимать въ въ себя новые элементы, соотвѣтственно видоизмѣненію самыхъ

произведеній [1]).—Вмѣстѣ съ этимъ должна подвергнуться фундаментальной переработкѣ и *стилистика* [2]). Этотъ отдѣлъ теоріи словесности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ трактуется теперь въ руководствахъ, не имѣетъ особаго значенія въ дѣлѣ ученія ученика владѣть чистой и правильной рѣчью; здѣсь (въ Стилистикѣ) ученикъ знакомится съ правильнымъ слогомъ и аномаліями его только по отрывкамъ, взятымъ случайно изъ разныхъ произведеній; но эти свѣдѣнія въ головѣ ученика остаются такими же обрывкам, въ какомъ видѣ они и сообщались. Только знакомство съ историческимъ развитіемъ русскаго литературнаго слога сообщитъ ученику понятіе о правильной рѣчи, разовьетъ въ немъ вкусъ и уваженіе къ современному литературному языку. Языкъ церковнославянскій, языкъ древне-русскій (письменность до-Петровская), языкъ Ломоносова и писателей XVIII вѣка, его стихіи, неологизмы, его уродливости, и блестящій языкъ Карамзина, его поэтическія свойства, языкъ *Иліады* Гнѣдича, Крыловъ и народная рѣчь, языкъ Пушкина, языкъ Гоголя и его провинціализмы, языкъ новѣйшихъ авторовъ, вотъ общая программа долженствующей быть *Стилистики*.

Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о преподаваніи въ семинаріяхъ «Исторіи русской литературы». Теорія словесности должна знакомить ученика съ происхожденіемъ и развитіемъ разныхъ формъ словесныхъ произведеній; исторія же русской литературы должна сосредоточить вниманіе на постепенномъ развитіи именно русской литературы. Но такъ какъ русская литература во всякомъ случаѣ богата словесными произведеніями и нѣтъ возможности, даже надобности знакомить ученика со всѣми произведеніями, то является необходимость опредѣлить, что мы будемъ сообщать ученикамъ и каковъ долженъ быть по достоинству сообщаемый матеріалъ.—Задача духовной семинаріи—готовить людей, имѣющихъ быть пастырями церкви. Будущій пастырь, несомнѣнно, долженъ еще въ школѣ теоретически ознакомиться съ религіозными воззрѣніями нашего русскаго народа, чтобы потомъ съумѣть бороться

[1]) Достаточно указать на неправильность опредѣленій баллады, оды.

[2]) Очень мѣткія замѣчанія о недостаткахъ стилистики можно читать въ статьяхъ г. Шаврова: „Неустойчивость критики въ руководствахъ теоріи словесности“ (Журн. м. н. пр. 1879, 203). Что сказано тамъ объ учебникѣ Филонова, то можетъ быть приложено и къ остальнымъ учебникамъ.

съ разными суевѣріями, повѣрьями, наговорами, заговорами и т. п. Въ семинаріяхъ не преподается особо науки, знакомящей будущихъ пастырей съ происхожденіемъ и характеромъ народныхъ вѣрованій; въ церковной же исторіи этой сторонѣ духовной жизни нашего народа отводится очень мало мѣста; поэтому, при изученіи древней русской литературы, вниманіе ученика должно быть главнымъ образомъ обращено на такія произведенія, которыя служатъ выраженіемъ народныхъ религіозныхъ воззрѣній. А такое значеніе имѣютъ всѣ апокрифы, легенды, духовные стихи. — Эти произведенія по своему занимательному энциклопедическому содержанію очень нравились народу, распространялись среди него и вліяли на складъ его воззрѣній. А между тѣмъ мы почему-то обходимъ эти важные памятники, и на мѣсто ихъ выдвигаемъ малозначащіе «Моленіе Даніила Заточника», «Путешествіе инока Симеона» и др.

Говоря вообще о положеніи словесности въ нашихъ школахъ, должно сознаться, что оно очень незавидно.... Мы, отвергнувъ прежній формальный способъ преподаванія словесности, бѣжали суши схоластики, но едва ли и теперь не наткнулись на тотъ же формализмъ, подстнастивъ его только внѣшнимъ практицизмомъ. Тогда мы не читали ученикамъ и не хотѣли знать литературныхъ произведеній; теперь мы читаемъ произведенія, но тоже далеко отстоимъ отъ духа и характера ихъ; мы заслоняемъ этотъ духъ рядомъ дѣленій, подраздѣленій и т. п. При разборѣ, напр., характеристики «Плюшкина« [1]) Гоголя, ученику предлагается 15 вопросовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются: «какими чертами описываетъ Гоголь наружность Плюшкина (лице, бороду, глаза)? Видна ли у Плюшкина національная сторона характера и проч.»; разборъ комедіи Гоголя «Ревизоръ» сопровождается 20-ю вопросами, часто мелочными и ничтожными [2]). И это дѣлаютъ лучшіе преподаватели! Подражатели, какъ и всегда, преувеличиваютъ, доводятъ до крайности то, чему подражаютъ. Что у начинателей дѣлается на основаніи мысли, хотя и ошибочной, то повторяется уже машинально. Пріемы, имѣвшіе еще какой-нибудь смыслъ въ рукахъ того, кто употреблялъ ихъ сознательно, превращаются въ непонятную, мучительную причуду при неумѣломъ ихъ примѣненіи. Да не подумаетъ кто нибудь, что мы идемъ вообще противъ чтенія и раз-

[1]) Соучев. Рук. къ изуч. теор. слов. 58.

[2]) Тамъ же 200.

бора литературныхъ образцевъ! Нѣтъ, мы вполнѣ согласны, что «отвлеченныя теоріи, голословныя характеристики писателей и ихъ произведеній не имѣютъ никакой образовательной силы и если въ нихъ будетъ заключаться вся сущность науки; то она дѣлается совершенно безполезною [1])»; для насъ также «сущность преподаванія должна заключаться въ чтеніи и разборѣ образцовъ [2])».— Мы хотимъ только показать, что самая постановка дѣла, способъ веденія его не можетъ привести ученика къ той цѣли, къ какой должно вести преподаваніе словесности. Сообщая ученикамъ понятія общественныя, семейныя и т. п., разбивая произведенія на скрупулезныя части, мы не пробудимъ въ ученикахъ истинно эстетическаго чувства, не разовьемъ въ нихъ любви къ доброму, къ прекрасному; долженъ быть найденъ способъ преподаванія, вводящій ученика въ самую сущность художественныхъ произведеній, — посредствомъ котораго ученикъ проникался бы духомъ и характеромъ художественныхъ произведеній, усвоилъ бы себѣ правильную литературную рѣчь этихъ произведеній. А до тѣхъ поръ, пока не найдены эти пріемы, нужно сказать, что мы не достигаемъ цѣли преподаванія.... Понятно, въ неудачной постановкѣ дѣла преподаванія словесности виноваты не одни преподаватели... Ограниченное число уроковъ по словесности (3 урока въ недѣлю), малоразвитость учениковъ (словесность преподается только въ двухъ первыхъ классахъ), множество письменныхъ упражненій, которыми буквально заваленъ преподаватель словесности: все это причины, тормозящія и даже препятствующія правильной постановкѣ и успѣшному веденію дѣла. Поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ мы читали извѣстіе газетъ («Новости»), что, въ виду замѣченнаго въ послѣднее время значительнаго упадка преподаванія русскаго языка и словесности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, въ принципѣ уже рѣшено измѣнить программу преподаванія въ этихъ заведеніяхъ такимъ образомъ, чтобы число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку и словесности было увеличено на счетъ древнихъ языковъ, по которымъ число недѣльныхъ уроковъ будетъ уменьшено. Это вниманіе начальства къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ въ общемъ образовательномъ курсѣ несомнѣнно повліяетъ и на самое преподаваніе, на болѣе правильное и цѣлесообразное веденіе преподаванія.

Владиміръ Сахаровъ.

[1]) Словн. О преп. русск. литер. 5 стр.
[2]) Ibid

Матеріалы для исторіи Русской церкви.

Донесеніе Московскаго митрополита Филарета Св. Синоду по вопросу о надписяхъ и рисункахъ на антиминсахъ.

По открывшейся надобности исправить или перемѣнить доску печатанія антиминсовъ, г. управляющій синодальною типографіею Гиляровъ-Платоновъ собралъ археологическія свѣдѣнія и составилъ соображенія о надписяхъ на антиминсахъ, которыя при отношеніи отъ 17 дня сего октября (№ 2) представилъ мнѣ въ особой запискѣ.

Должно отдать справедливость заботливости г. управляющаго о возможномъ совершенствѣ сего церковнаго предмета не только въ матеріальномъ или искусственномъ отношеніи, но и въ отношеніи къ высшимъ соображеніямъ. Есть потребность воззрѣнія на сей предметъ даже съ догматической точки зрѣнія.

Принимая въ разсужденіе, что вопросъ о содержаніи и формѣ надписей на антиминсахъ требуетъ не церковно-хозяйственнаго, но церковно-іерархическаго разсмотрѣнія, долгомъ поставляю записку г. управляющаго представить на благоусмотрѣніе Св. Синода, дополняя оную моими соображеніями.

Разность надписей на антиминсахъ прошедшихъ временъ происходила не всегда отъ произвола, но частію отъ существа и обстельствъ дѣла.

Въ ризницѣ Сергіевой Лавры есть антиминсъ, на льняной ткани, въ квадратную четверть аршина, съ частицею св. мощей вверху, на которомъ находится слѣдующая надпись: «положенъ антиминсъ на престолъ въ лѣто 7161 (1653) года марта въ 7 день». Это значитъ, что сей антиминсъ былъ освященъ архіереемъ, и безъ надписи отданъ архимандриту или священнику для освященія храма, и уже симъ по совершеніи освященія, или какъ выражается требникъ великій, по положеніи священнаго антиминса, въ новосозданномъ храмѣ, положена на немъ надпись.

Сей примѣръ показываетъ, что надпись на антиминсахъ предоставлялась иногда произволу совершающаго освященіе, безъ обязательства означать, кѣмъ онъ освященъ и въ чье царствованіе.

Въ той же ризницѣ, на печатномъ антиминсѣ 1678 года въ надписи сказано: «священнодѣйствованъ (жертвенникъ) великимъ господиномъ святѣйшимъ киръ-Іакимомъ патріархомъ». Это значитъ, что освящалъ самъ патріархъ.

На печатномъ антиминсѣ 1678 года въ надписи сказано: «при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іоакимѣ патріархѣ». Это значитъ, что не самъ патріархъ освящалъ, а въ его время другой архіерей. Внизу перомъ написано: «положенъ въ храмѣ преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго чудотворца». Это приписка освящавшаго храмъ, съ положеніемъ антиминса освященнаго прежде.

Одна изъ наиболѣе правильныхъ древнихъ надписей на рукописномъ антиминсѣ, есть слѣдующая: «освятися олтарь великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ церкви святыя мученици Ірины, пресвященнымъ Діонисіемъ мітрополитомъ всея Роусі, при державѣ благовѣрнаго и Хрпстолюбиваго царя і великаго князя Феодора Ивановича, государя и самодержца всея Роуси, въ лѣто 7093 (1585), индикта 13-го, мѣсяца августа 15 день, на память Успеніа Владычиці нашея Богородици и Приснодѣвы Марія». Изъ сей надписи открывается между прочимъ, что упоминаніе имени священнодѣйствовавшаго не принадлежитъ исключительно новому образцу надписей временъ послѣднихъ патріарховъ (какъ полагалъ составитель записки о надписяхъ антиминсовъ, по бывшимъ у него въ виду источникамъ), но было въ употребленіи еще прежде періода патріарховъ, во времена всероссійскихъ митрополитовъ. И это нужно и нынѣ, чтобы не вкрались антиминсы, освященные неправославными епископами.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что надписи на антиминсахъ югозападныхъ церквей конца XVII и начала XVIII вѣка суть наиболѣе правильныя. Въ нихъ писано: «освященъ благодатію Всесвятаго и Животворящаго Духа, рукодѣйствованъ и благословенъ преосвященнымъ». Страннымъ образомъ представлены здѣсь какъ будто два отдѣльныя дѣйствія: освященіе, которое приписывается благодати Святаго Духа, и благословеніе, которое приписывается архіерею. Слово: «рукодѣйствованъ» неприлично предмету. Существенное участіе архіерея въ освященіи антиминса составляетъ преданная церковнымъ чиноположеніемъ молитва, а не дѣйствова-

ніе руками. Нельзя въ сихъ надписяхъ одобрить и того, что нѣкоторыя изъ нихъ не усвояютъ антиминса извѣстной церкви, а предоставляютъ священнодѣйствовать «на всякомъ мѣстѣ владычествія Господня». Такая неопредѣленность вела-бы къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ.

Если съ помощію собранныхъ свѣдѣній и сдѣланныхъ замѣчаній разсмотрѣть надпись на антиминсахъ, употребляемую въ настоящее время: то съ достаточнымъ основаніемъ могутъ, и должны быть произнесены слѣдующія сужденія и заключенія.

1. Сія надпись не можетъ почитаться неприкосновенною; потому что надпись на антиминсахъ въ разныя времена имѣла разные виды; потому что нѣтъ въ виду никакого законодательнаго акта, которымъ была бы утверждена нынѣшняя надпись; потому что она, явясь послѣ другихъ, не вдругъ сдѣлалась постоянною и общею.

2. Есть уважительныя причины подвергнуть оную пересмотру и исправленію.

3. Въ верхней части надписи слова: сего ради преподается власть священнодѣйствовать на немъ» *) не представляютъ достаточной ясности и точности. Власть свойственна не антиминсу, а лицу: но о лицѣ здѣсь не упомянуто. Кромѣ сего выраженіе имѣетъ такой видъ, какъ будто священнодѣйствующій получаетъ власть священнодѣйствовать, съ полученіемъ антиминса. Но онъ получилъ сію власть прежде, чрезъ архіерейское рукоположеніе.

4. Есть значительное неудобство въ томъ, что къ верхней части надписи приписывается названіе церкви, въ которую дается антиминсъ. Посему дѣлающій сію приписку ризничій, по необходимости, касается муропомазанныхъ мѣстъ антиминса. Лучше было бы помѣщать сію приписку въ нижней части надписи, причемъ приписывающій касался бы только нижняго края антиминса.

5. Въ нижней части надписи, слово: «повелѣніемъ», есть нововведеніе, вмѣсто древняго выраженія: «при благовѣрномъ великомъ князѣ», или: «при державѣ».

6. Слово: «повелѣніемъ» въ надписи на антиминсѣ не имѣетъ

---

*) Далѣе первоначально написано было: (эти слова) не имѣютъ надлежащей правильности: потому что составъ рѣчи требовалъ бы дополненія: отъ кого и кому преподается власть".

правильнаго значенія: потому что для освященія антиминса не дается и не требуется Высочайшаго Императорскаго повелѣнія, а совершается сіе благодатію Святаго Духа чрезъ церковную іерархію.

7. Православная церковь, по ученію Апостольскому *), признаетъ надъ собою единую невидимую главу, Господа нашего Іисуса Христа, въ противоположность церкви западной. Но изъ слова: «повелѣніемъ» приложеннаго къ освященію антиминса, противники православной церкви могутъ извлекать возраженіе, что она, догматствуя о невидимой Главѣ, на дѣлѣ выражаетъ ученіе о главѣ видимой.

8. Посему справедливость требуетъ отложить нововведеніе, и возвратиться къ древнему выраженію: «при державѣ Благочестивѣйшаго Государя».

9. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ надпись на антиминсѣ могла бы имѣть слѣдующій видъ:

Въ верхней части антиминса:

«Благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа освятися сей антиминсъ, еже есть священная трапеза, ради приношенія на немъ Божественныя Жертвы тѣла и крови Господни во святѣй литургіи.»

Въ нижней части антиминса:

«При державѣ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, священнодѣйствованъ преосвященнымъ... лѣта отъ созданія міра ,ζ..., отъ Рождества же Христова ,αω..., мѣсяца... въ... день.»

«Преподанъ для священнодѣйствованія во храмѣ».

10. Выраженіе: «по благословенію Святѣйшаго Сунода» имѣетъ здѣсь правильное значеніе: потому что всякій епископъ, по благословенію Св. Сунода получаетъ благодать епископскаго священнодѣйствія; а потому и священнодѣйствіе епископское совершаетъ въ слѣдствіе благословенія Св. Сунода.

11. Какъ употребляемая до нынѣ надпись на антиминсахъ не усматривается утвержденною какимъ-либо законодательнымъ актомъ: то и предполагаемое исправленіе оной, если Св. Сунодъ признаетъ оное нужнымъ, не потребуетъ болѣе, какъ предписанія духовно-хозяйственному управленію синодальной типографіи.

---

*) Ефес. 5, 23. Кол. 1, 18.

12. При открывшемся случаѣ неизлишне обратить вниманіе и на тѣ предметы помѣщенные въ антиминсѣ въ качествѣ украшеній. Прилично помѣщены здѣсь орудія и знаменія страданій Христа Спасителя: крестъ, копіе, губа на трости, столпъ и орудія біенія, сосудъ смирною растворенная вина. Но не помѣщены: терновый вѣнецъ и гвозди распятія Господня.

Напротивъ того неблагообразно помѣщена здѣсь лѣстница, которая не имѣетъ отношенія къ страданіямъ Христовымъ, и даже неизвѣстно, была-ли употреблена при снятіи тѣла Господня со креста.

Не довольно прилично помѣщена здѣсь умывальница, неимѣющая близкаго отношенія и къ страданіямъ Христовымъ, и къ таинству Евхаристіи. И это тѣмъ неблагопріятнѣе, что неразборчивый можетъ принять оную за нечистую умывальницу беззаконнаго Пилатова умовенія рукъ.

Безъ должнаго приличія помѣщенъ здѣсь пѣтухъ,—знаменіе не чего либо священнаго и относящагося ко Христу, а только знаменіе Петрова грѣха и раскаянія. И нѣкоторые зрители антиминса спрашиваютъ, для чего здѣсь пѣтухъ, котораго протестанты сдѣлали знаменіемъ своихъ церквей?

Смиренно представляю все сіе на благоусмотрѣніе Св. Сунода.

23 октября 1863.

Мнѣніе митрополита Филарета по дѣлу новокрещеннаго изъ евреевъ, желавшаго вступить въ новый бракъ.

Указомъ Св. Сунода отъ 21 декабря прошедшаго 1847 года, № 14399, требуются отъ меня соображенія и мнѣніе по дѣлу новокрещеннаго изъ евреевъ рядоваго Завелевича, который со второю въ іудейскомъ законѣ женою Рассою развелся; потомъ по вступленіи въ христіанство былъ женатъ на Акилинѣ и, по смерти ея, проситъ разрѣшенія на вступленіе въ новый бракъ.

Основаніе требуемаго соображенія можно найти въ 17 правилѣ святыхъ Апостолъ, которое есть слѣдующее: *кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, или наложницу имѣлъ: тотъ не можетъ быти епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ, ниже вообще въ списокъ священнаго чина.* Священное Писаніе повелѣваетъ вступающему въ священство быть *единыя жены мужу* (1 Тим.

3, 2); слѣдственно второбрачнаго признаетъ неспособнымъ къ священству. Правиломъ Апостольскимъ сіе объясняется и ограничивается, и признается неспособнымъ къ священству тотъ, кто сдѣлался второбрачнымъ *по крещеніи*. По сему положимъ, что кто нибудь былъ бы въ первомъ и второмъ бракѣ въ іудействѣ или язычествѣ, и браки сіи прекратились; и что потомъ, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ былъ бы въ первомъ бракѣ христіанскомъ. По вышеозначенному правилу Апостостольскому, онъ какъ обязанный *по крещеніи однимъ* только бракомъ, имѣлъ бы право вступить въ клиръ, слѣдственно имѣлъ бы такое право, которое имѣютъ только первобрачные. Посему при подобныхъ брачныхъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія отказать въ правѣ первобрачнаго и тому, кто проситъ не вступленія въ клиръ, а вступленія во вторый бракъ, что первобрачному обыкновенно разрѣшается.

Еслибы предложенъ былъ вопросъ: почему браки іудейскіе и языческіе, предшествовавшіе браку христіанскому, правило Апостольское оставляетъ безъ вниманія? На сіе можно было бы отвѣтствовать.

Во-первыхъ, потому что если святымъ крещеніемъ покрываются всѣ прежніе грѣхи, то прилично полагать, что имъ покрываются и прежнія не совершенства, каково есть второбрачіе.

Во-вторыхъ, что важность единобрачія и существуетъ и постигается только въ христіанствѣ. Почему церковь только первый бракъ признаетъ совершеннымъ, а второй уже несовершеннымъ? Безъ сомнѣнія, на основаніи словъ Апостола о бракѣ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 32). Поелику брачный союзъ христіанскій есть таинство и образъ союза Христа съ церковію; то совершенный брачный союзъ можетъ быть только одинъ, такъ какъ Христосъ имѣетъ единую только невѣсту церковь, и церковь только единаго Жениха Христа.

По таковымъ соображеніямъ, полагаю, что Завелевичу можно разрѣшить вступленіе во вторый христіанскій бракъ.

7 января 1848.

Мнѣніе митрополита Филарета по дѣлу о внесенной въ Ржевскій соборъ, Тверской епархіи, главѣ (будто-бы) Саввы Освященнаго.

Секретнымъ указомъ Св. Сунода отъ 12 сентября сего 1853 года № 9101, предписано мнѣ, по дѣлу о внесенной въ Ржевскій соборъ главѣ подъ именемъ Саввы Освященнаго, собрать дополнительныя свѣдѣнія по Андроніеву монастырю и представить съ моимъ заключеніемъ.

Посему отъ архимандрита Андроніева монастыря Платона требованы мною свѣдѣнія, и получены слѣдующія:

1. По случаю распространенія въ семъ монастырѣ соборной церкви Нерукотвореннаго образа Господня, въ которой почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобныхъ Андроника и Саввы [1]), имѣвъ нужду исправить устроенную надъ ними закрытую раку, имѣлъ онъ случай усмотрѣть состояніе мощей, и усмотрѣлъ, что главы преподобнаго Саввы нѣтъ.

2. Старожиловъ, которые бы могли сказать о состояніи сего монастыря въ 1812 году, въ настоящее время въ монастырѣ нѣтъ. А живущій въ сосѣдствѣ преклонныхъ лѣтъ ямщикъ Бакулинъ сказалъ, что въ 1812 году иконостасъ вышеозначенной Спасской церкви былъ сожженъ, и куполъ упалъ, и церковныя двери не запирались; что монашествующихъ въ монастырѣ въ то время онъ не видалъ, а слышалъ, что приходской Сергіевской [2]), въ то время сожженной церкви протоіерей Евѳимій (Никитинъ) въ теплой церкви Андроніева монастыря служеніе совершалъ.

По соображеніи сихъ свѣдѣній съ тѣми, которыя заключаются въ присланномъ ко мнѣ дѣлѣ, основаніемъ къ рѣшенію его должны служить слѣдующія обстоятельства:

1. Сказываютъ, что главу, о которой производится дѣло, въ 1812 году досталъ въ Москвѣ раскольникъ Образцовъ [3]), подъ именемъ главы преподобнаго Саввы почивающаго подъ спудомъ въ

---

[1]) Св. Андроникъ изъ учениковъ прп. Сергія, а св. Савва былъ ученикъ прп. Андроника.

[2]) Что въ Рогожской.

[3]) Ржевскій купецъ, дѣти котораго пожертвовали оную въ соборную церковь, а до того времени она хранилась въ домѣ.

Андроніевѣ монастырѣ: но чтобы глава сія дѣйствительно была преподобнаго Саввы, на то доказателества нѣтъ.

2. Законнымъ образомъ не могла истинная глава преподобнаго Саввы выйти изъ монастыря въ чуждыя руки. Если же, по показанію протоіерея [1]), предположить, что ее, можетъ быть, кто нибудь похитилъ и продалъ раскольнику: то безсовѣстный святотатецъ и святопродавецъ заслуживаетъ ли довѣріе въ томъ, что онъ продалъ истинную главу святаго?

3. Ямщиковъ [2]) показалъ, что и Образцовъ сомнѣвался о подлинности сей главы, и доходилъ до заключенія, что онъ обманутъ.

4. Глава сія сорокъ лѣтъ была въ рукахъ раскольниковъ, и изъ ихъ рукъ пришла въ церковь. Посему нельзя имѣть достаточной увѣренности даже въ томъ, что это та глава, которую въ 1812 году достали въ Москвѣ. Когда бѣглый попъ Василій не согласился принять предлагаемую главу въ часовню, по опасенію бѣды отъ могущаго послѣдовать розыска: въ слѣдствіе сего могло случиться; что для устраненія сей опасности, хранившуюся у Образцовыхъ главу скрыли, а другую отдали въ церковь, дабы не оставалось повода къ дальнѣйшему розыску.

5. Осмотръ, сдѣланный преосвященнымъ архіепископомъ Тверскимъ (Гавріиломъ), не ведетъ къ заключенію, что это истинная глава преподобнаго.

6. Отъ провидѣнія Божія не явлено никакого знаменія, что сія глава есть истинная святыня.

Разсмотрѣніе сихъ обстоятельствъ должно, по моему мнѣнію, привести къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Главу, о которой производится дѣло, признать неизвѣстною.

2. Поелику при неизвѣстности, если и истинной святынѣ не будетъ воздано почтенія, сіе не будетъ осудительно; а если не истинно святому предмету воздана будетъ почтеніе, сіе будетъ несправедливо и вредно: то безопаснѣе не предлагать означенной главы къ почитанію въ церкви, доколѣ провидѣнію Божію угодно будетъ явить о ней что либо ясное и несомнительное.

3. Слѣдственно надобно оставить сію главу тамъ, гдѣ она находится, въ Тверской соборной ризницѣ подъ печатью мѣстнаго преосвященнаго.

---

[1]) Ржевскаго соборнаго М. А. Константиновскаго.

[2]) Вѣроятно, одинъ изъ жителей г. Ржева.

О семъ Св. Суноду благопочтеннѣйше доношу съ возвращеніемъ дѣла.

Октября 11-го 1853.

Резолюція митрополита отъ 18 сентября: «какъ мощи преподобныхъ Андроника и Саввы почиваютъ подъ спудомъ: то потребовать отъ настоятеля Андроніева монастыря, который есть и благочинный, свѣдѣнія, можно-ли безъ затрудненія достигнуть того, чтобы осмотрѣть оныя; и буде сіе возможно, то въ какомъ оныя положеніи, и въ цѣлости ли глава преподобнаго Саввы. Потребовать отъ него также свѣдѣнія, нѣтъ ли въ монастырѣ старожила, который бы могъ показать, въ какомъ положеніи въ 1812 году была церковь, въ которой сіи мощи почиваютъ, и была ли въ такомъ оставленіи, чтобы мощей могла коснуться рука похитителя, или же напротивъ, какъ показываетъ Ямщиковъ, во всю бытность французовъ въ Москвѣ совершалась въ ней каждый день литургія, только безъ звона, и никто мощей преподобныхъ Андроника и Саввы не касался, и никакая часть ихъ не похищена».

Мнѣніе митрополита Филарета о томъ, какъ поступать съ лишенными священнаго сана

Въ указѣ Св. Сунода отъ 23 декабря изложено, что Высочайше повелѣно принять за правило, никакихъ лишенныхъ духовнаго званія, въ Саратовской губерніи не терпѣть, а нынѣ же отыскавъ выслать въ другія безвредныя мѣста, что въ слѣдствіе сего г. министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій) представлялъ на благоусмотрѣніе Государя Императора, чтобы таковыхъ ссылать въ Закавказскій край для водворенія; что по сему предмету Высочайше повелѣно ему войти въ сношеніе съ намѣстникомъ Кавказскимъ (княземъ М. С. Воронцевымъ), и что при семъ на докладѣ г. министра Его Императорскому Величеству благоугодно было положить Высочайшую резолюцію: «во всякомъ случаѣ лишенныхъ священства лучше отдавать въ монастыри»: и посему предписано, въ числѣ прочихъ (митрополитовъ) и мнѣ, представить мнѣніе о способахъ къ исполненію вышеизъясненнаго Высочайшаго повелѣнія.

Прежде приступленія къ разрѣшенію вопроса должнымъ представляется съ точностію вникнуть въ разумъ двухъ вышеизложенныхъ Высочайшихъ повелѣній, дабы посредствомъ уразумѣнія оныхъ съ тою опредѣлительною точностію, съ какою оныя выражены, положить предѣлы вопросу, и открыть руководство къ согласному съ Высочайшимъ намѣреніемъ разрѣшенію.

Первое Высочайшее повелѣніе, чтобы не терпѣть въ Саратовской губерніи, а выслать въ безопасныя мѣста, Его Императорскому Величеству благоугодно было распространить на всѣхъ лишенныхъ духовнаго званія, то есть, какъ на священнослужителей, такъ и на церковнослужителей. Второе Высочайшее повелѣніе, чтобы всего лучше отсылать въ монастыри, изречено не о всѣхъ лишенныхъ духовнаго званія, но частно о лишенныхъ священства. Нельзя усомниться, что въ семъ разграниченіи есть особое Высочайшее намѣреніе: потому что лишенные священства, болѣе могутъ быть вредны въ обществѣ, особенно гдѣ есть наклонность къ расколу, нежели лишенные причетническаго званія. Изъ сего надлежитъ заключить, что лишенные причетническаго званія оставаться должны подъ дѣйствіемъ перваго Высочайшаго повелѣнія, чтобы не терпѣть ихъ въ Саратовской губерніи, а отослать и отсылать въ другія безопасныя мѣста, которыхъ назначеніе предлежитъ соображенію свѣтскихъ начальствъ; и что духовному начальству, по второму Высочайшему повелѣнію, предлежитъ разсужденіе о способахъ къ исполненію Высочайшаго повелѣнія собственно о лишенныхъ священства. Разсужденію сему открываетъ путь самый образъ выраженія, употребленный въ Высочайшемъ повелѣніи, что таковыхъ всего лучше отсылать въ монастырь, то есть, что симъ всего лучше достигается та цѣль, чтобы сдѣлать сихъ людей безвредными.

Но чтобы рѣшительно, и всѣхъ, отсылать въ монастыри, сего Его Императорскому Величеству неблагоугодно было произнести, безъ сомнѣнія, по предусмотрѣнію, разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ при семъ открыться.

Мысль, заключающаяся въ семъ Высочайшемъ повелѣніи, поколику удобоприменима, была уже употреблена, и Высочайше утверждена. Въ 187 статьѣ устава (духовныхъ консисторій), между мѣрами наказанія, положено лишеніе священно-монашествующихъ сана, съ оставленіемъ въ одномъ монашествѣ на покаяніи; и допущено лишеннаго сана немонашествующаго священнослужителя

принятіе въ монастырь безъ возвращенія священнослужительскаго званія. Но сіи мѣры допущены, какъ уменьшенная степень наказанія для людей, послѣ виновности и осужденія не совсѣмъ безнадежныхъ, а крайнею мѣрою наказанія для безнадежныхъ положено совершенное исключеніе изъ духовнаго званія. Сіи степени наказанія соображены были со степенями нравственнаго поврежденія, и опредѣлены, сколько по соображеніямъ, столько же и по наблюденіямъ и опытамъ.

Нѣкоторые изъ лишенныхъ сана оказываются до такой степени поврежденными въ нравственности, что для удержанія ихъ отъ порочныхъ и неприличныхъ дѣйствій, нужно было-бы поставить ихъ почти въ непрерывное арестантское положеніе [1]): но монастыри не имѣютъ для сего способовъ, и не было-бы сіе сообразно съ характеромъ православныхъ монастырей, которые водятся духомъ религіозно-нравственнаго руководства, и которыхъ отъ ихъ начала донынѣ, коренное благоустрояющее и охраняющее правило есть сіе: живи монастырски въ благочестіи и послушаніи, или, если не склоненъ, иди въ другое званіе по склонности и опасности.

Неоднократно замѣчено, что братства монастырей, въ которые часто посылаются осужденные для исправленія, становятся слабѣе въ нравственномъ отношеніи: и настоятели, чѣмъ попечительнѣе бываютъ о братствѣ, тѣмъ сильнѣе умоляютъ начальство, не обременять ихъ сею неудобоносимою тягостію. Дѣйствительно трудно настоятелю охранять свое стадо, когда нѣсколько заключенныхъ въ монастырѣ порочныхъ людей, кромѣ того, что и здѣсь иногда представляютъ соблазнительные примѣры порока, будучи нерѣдко забавными празднословами, хулителями, разсказчиками злыхъ повѣстей; ежедневно болѣе или менѣе сѣютъ плевелы въ уши и сердца простодушныхъ монаховъ.

Кромѣ сего есть разрядъ лишенныхъ священства, которыхъ опредѣлять въ монастыри неудобно по самому закону: это имѣющіе женъ и дѣтей. Лишеніемъ священства не расторгается бракъ; они не лишаются права жить съ женами, и отторженіе отъ женъ, людей нерасположенныхъ къ безбрачной жизни и неблагонрав-

---

[1]) „Нужна почти непрерывная стража", какъ первоначально написалъ владыка.

ныхъ, приводило-бы ихъ въ болѣе тревожное и ожесточенное расположеніе духа, отъ котораго нельзя ожидать добраго ни для монастыря, ни для такихъ заключенныхъ въ немъ. Для таковыхъ, чтобы жены и дѣти ихъ не оставались безпомощными, и чтобы семейство ихъ занимало и сколько нибудь побуждало къ порядку и благоустроенію ихъ состоянія, нужно изыскать какое-либо положеніе не въ монастырѣ.

Особенно могущій произойти отъ лишенныхъ священства, и требующій предусмотрѣнія и осторожности вредъ можетъ быть тотъ, что они, имѣя нѣкоторыя пріобрѣтенныя познанія, а совѣсть попранную, легко поддаются корыстнымъ прельщеніямъ раскольниковъ, и становятся ихъ орудіями. Монастырь не охранитъ отъ сего, при близости раскольниковъ: потому что крѣпкой стражи у него нѣтъ, и ворота его днемъ обыкновенно отворены для богомольцевъ.

Вышеизложенныя соображенія ведутъ, по мѣрѣ моего разумѣнія, къ слѣдующему мнѣнію:

1. Лишенныхъ по суду священства, монашествовавшихъ или вдовыхъ, не совсѣмъ нетерпимыхъ въ поведеніи отсылать въ монастыри, по близости которыхъ не замѣчается раскольниковъ, не въ штатное число братства, но для надзора и исправленія епитиміями и трудами, по примѣру присылаемыхъ изъ судовъ арестантовъ, и на арестанское содержаніе.

2. Если по времени окажутъ признаки исправленія и благонадежность, дозволить принимать ихъ въ число братства согласно съ 187 статьею устава консисторій; и тогда арестантское имъ содержаніе прекращать.

3. Для тѣхъ, которые окажутся нетерпимыми на одномъ изъ положеній, означенныхъ въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, по необходимости требуется положеніе болѣе строгое. Способныхъ по физическимъ качествамъ не безполезно было-бы обращать въ военную службу, которой строгая и точная дисциплина можетъ и эксцентрическіе [1]) характеры обращать къ порядку. А для неспособныхъ къ военной службѣ, или если допущеніе въ оную окажется невозможнымъ, и для всѣхъ сего разряда людей остается образовать одинъ или нѣсколько исправительныхъ монастырей. Для сего монастырь долженъ быть избранъ находящійся не въ

[1]) Странные.

людномъ мѣстѣ, не много посѣщаемый. Для разряда исправляемыхъ должно быть устроено особое отдѣленіе съ закрытою преградою, отдѣляющею отъ открытаго монастыря. Для содержанія исправляемыхъ въ повиновеніи и порядкѣ, особенно, если ихъ будетъ не мало, нужна военная изъ инвалидовъ стража, по примѣру существующей въ Соловецкомъ монастырѣ. Для сего назначенія могутъ быть указаны Сійскій и Крестный монастырь, Архангельской епархіи.

4. Что касается до лишенныхъ священства, имѣющихъ женъ и дѣтей, по сему обстоятельству они должны оставаться подъ дѣйствіемъ общаго Высочайшаго повелѣнія о лишенныхъ духовнаго званія. Если же замѣчены будутъ во вредныхъ связяхъ съ раскольниками, или въ распространеніи вредныхъ мнѣній въ народѣ: то по необходимости должны быть заключаемы въ исправительный монастырь, предположенный въ предыдущемъ третьемъ пунктѣ [1]).

О чемъ Св. Сѵноду благопочтительнѣйше доношу.

Января 12-го 1848.

Письма Московскаго митрополита Филарета.

1. Къ министру Императорскаго двора, графу В. Ѳ. Адлерберу.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, отношеніемъ в. с—ва отъ 18 декабря, № 5659, о серебряномъ крестѣ съ частицею честнаго древа и разными украшеніями, представляемомъ (*для поднесенія Его Величеству*) художникомъ Кудринымъ, доставшемся (*ему*) отъ маіора Подгорнаго, требуется отъ меня мнѣніе о дѣйствительности онаго въ значеніи святыни.

Серебряный составъ и узоры сего креста представляютъ признаки работы константинопольской, а внутреннія рѣзныя изъ дерева изображенія—работы аѳонской, не глубокой древности.

Внутри, при подножіи распятія Господня видна тонкая частица дерева, колеромъ не совсѣмъ похожая на частицу древа креста Господня.

---

[1]) То есть въ Сійскій монастырь, а другой — Крестный послѣ вписанъ владыкою-митрополитомъ.

Въ свидѣтельствѣ маіора Подгорнаго сказано, что дѣйствительность этого креста подтверждена мною при представленіи онаго мнѣ ваганьковскимъ священникомъ. Сіе показаніе невѣрно. Священникъ Николаевской, что на Ваганьковѣ, церкви представлялъ мнѣ сей крестъ отъ имени Подгорнаго, который имѣлъ въ виду получить за него денежное вознагражденіе. Я отвѣчалъ, что дѣйствительность сего креста въ качествѣ особенной святыни, сомнительна: что какъ должно благоговѣйно принимать достовѣрную святыню, такъ осторожно относиться должно къ сомнительнымъ предметамъ, выдаваемымъ за святыню; что святыня выше всякой цѣнности, и что пріобрѣтать ее за деньги сомнительно, чтобы не благопріятствовать святопродавству и даже подлогамъ.

Не представляется вполнѣ вѣроятнымъ и то, что въ Константинополѣ неизвѣстный монахъ, котораго маіоръ Подгорный только что «имѣлъ случай навѣстить» (*въ 1823 г.*), тотчасъ благословилъ его крестомъ, заключающимъ въ себѣ, какъ онъ полагаетъ, особенную святыню.

Итакъ я остаюсь при изъясненномъ уже мною прежде мнѣніи, что вышеозначенный крестъ въ значеніи дѣйствительной святыни, не освобожденъ отъ сомнѣнія.

Достовѣрно истинная святыня должна быть близъ Благочестивѣйшаго Государя Императора, и благодатію Божію охранять Его:

Препровожденный ко мнѣ крестъ при семъ возвращается.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

19 декабря 1862.

II. Къ синодальному оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову.

1.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Еврей Янкель Хайновичъ Гейманъ, содержащійся въ Московскомъ пересыльномъ замкѣ, неоднократно открывалъ члену Попечительнаго о тюрьмахъ комитета Николоямскому священнику Василію Благовѣщенскому, что желаетъ открыть мнѣ тайну, касающуюся до государственной безопасности. На сіе мною сказано было, что ему надлежитъ обратиться съ симъ къ г. Московскому военному генералъ-губератору,

или довѣреннымъ отъ него лицамъ посѣщающимъ замокъ. Несмотря на то еврей написалъ о семъ, и вручилъ священнику записку на еврейскомъ языкѣ, присовокупивъ къ ней прошеніе на русскомъ, въ которомъ онъ представляетъ себя невинно страждущимъ отъ единоплеменниковъ своихъ за открытіе ихъ злоупотребленій правительству.

Не входя по сему ни въ какое сужденіе, не рѣшился я однако оставить сіе въ безгласности, по долгу вѣрноподданнической присяги: и потому препровождаю при семъ на усмотрѣніе в. с—ва.

1) записку еврея на двухъ листахъ, на еврейскомъ;

2) двѣ записки на русскомъ, писанныя со словъ еврея вышеименованнымъ священникомъ, въ которыхъ излагается содержаніе записки еврейской, и

3) прошеніе еврея на мое имя съ изложеніемъ претерпѣнныхъ имъ, какъ онъ представляетъ, притѣсненій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

28 октября 1844 года.

2.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Отъ 7 ноября, № 8253, в. с—во требовали отъ меня свѣдѣнія, сдѣлано-ли какое распоряженіе по изъявленному евреемъ Гейманомъ желанію принять святое крещеніе.

На сіе имѣю честь отвѣтствовать, что, какъ Гейманъ изъявленіе желанія принять святое крещеніе соединилъ съ нѣкоторыми доносами и жалобами [1]): то священнику Никольскому, что на Ямахъ, и священнику церкви тюремнаго замка, поручено вмѣстѣ съ наставленіемъ еврея въ истинахъ христіанскія вѣры удостовѣриться въ чистотѣ его намѣренія принять святое крещеніе, и представить о семъ по достаточномъ наставленіи и дознаніи. Но по сему удовлетворительнаго донесенія еще не послѣдовало.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

14 декабря 1844.

---

[1]) Бумаги еврея съ изъясненіемъ доносовъ и жалобъ его на разныхъ лицъ препровождены были графомъ Протасовымъ къ шефу жандармовъ. Но по сдѣланнымъ розысканіямъ, наиболѣе важный доносъ его рѣшительно ничѣмъ не подтвердился.

III. Къ ному управляющему канцеляріею оберъ-прокурора Св. Сѵнода К. С. Сербиновичу.

Ваше превосходительство, милостивый государь! Отъ 27 дня сего января препроводивъ ко мнѣ записку и проэктъ резолюціи по Самарскому дѣлу (тамошняго преосвященнаго?) о бракахъ и семействахъ сосланныхъ (въ Закавказскій край) молоканъ, в. п—во требовали [1]) моего отзыва.

Первоначальные вопросы сего дѣла суть, частные.

I. Надобно-ли удовлетворить просьбу сосланнаго молокана о высылкѣ къ нему жены его Матроны и сына состоящихъ въ православіи?

II. Можно ли позволить Матронѣ, за ссылкою мужа, вступить въ новый бракъ?

Но сіи вопросы необходимо должны превратиться въ общіе, для разрѣшенія случаевъ сего рода.

I. Разрѣшеніе перваго вопроса менѣе трудно. Послать православную жену къ мужу сосланному за упорное молоканство, и въ общество подобныхъ ему, значило бы подвергать ее сильной опасности совращенія въ ересь; а послать и малолѣтнаго сына значило бы подвергнуть его неизбѣжному совращенію. На семъ основаніи должно быть утверждено правило:

Если молоканъ, за упорство въ сей ереси посылается въ ссылку временно или навсегда: жена и дѣти, состоящіе въ православіи не могутъ за нимъ слѣдовать.

По сему правилу должно поступать и съ Матроною и сыномъ ея.

II. Болѣе трудно разрѣшить второй вопросъ.

Съ одной стороны уваженіе къ святости брачнаго союза заключеннаго въ православной церкви требуетъ, чтобы, сколько возможно, избѣгать расторженія онаго. Но съ другой стороны, православную жену, которой мужъ сосланъ за упорное молоканство, лишить правъ брака на всегда, или на долго, было бы, во первыхъ, несправедливо, потому что она лице невинное, а невиннаго не должно подвергать лишенію или затрудненію за виновнаго; во вто-

---

[1]) По порученію и. д. оберъ-прокурора А. И. Карасевскаго, который не могъ писать ко владыкѣ по болѣзни.

рыхъ, это было бы не безопасно, какъ видно изъ примѣра Матроны, которая, если не будетъ ей дозволенъ новый бракъ, покушается идти къ сосланному мужу, и, по всей, вѣроятности погрязнуть въ молоканствѣ.

Самарское епархіальное начальство, не находя церковнаго правила, близкаго къ разсматриваемому теперь случаю, старается приспособить къ нему правила о пятилѣтнемъ срокѣ для расторженія брака и вступленія въ новый по причинѣ безызвѣстности одного изъ супруговъ, и о трехлѣтнемъ по причинѣ неспособности. Но сіи случаи весьма различны отъ предлежащаго настоящему разсмотрѣнію. Супругъ безвѣстный, можетъ быть, находится въ безвѣстности не по своей винѣ, а по какимъ либо непредвидимымъ обстоятельствамъ: слѣдственно оставшійся не можетъ сказать, что терпитъ за виновнаго, и не можетъ жаловаться на несправедливость. Трехлѣтній срокъ для испытанія неспособности есть ожиданіе могущаго открыться дѣйствія природы: и потому здѣсь также нѣтъ явной несправедливости. Но сосланный молоканъ явно виноватъ; православная жена его явно невинна: слѣдственно она будетъ не по справедливости терпѣть затрудненія въ жизни и бѣдность, если ей не дозволено будетъ устроиться въ новое супружество.

Святый апостолъ Павелъ велитъ терпѣть супружество лица вѣрнаго съ невѣрнымъ (1 Кор. VII. 12, 13): но это въ томъ случаѣ, когда бракъ заключенъ прежде вступленія въ христіанскую церковь, и въ томъ предположеніи, что достоинствомъ лица вѣрнаго можетъ быть привлечено къ вѣрѣ и другое лице (ст. 16). Конечно не такъ снисходителенъ былъ бы онъ, если бы ему предложенъ былъ вопросъ о бракѣ, который заключенъ въ православной церкви, но котораго одно лице отпало въ ересь, тяжкую въ церковномъ отношеніи, и вредную въ гражданскомъ, и которое угрожаетъ вѣрному лицу, хитрымъ и насильственнымъ совращеніемъ отъ православія.

Изложенными теперь соображеніями могутъ быть оправданы слѣдующія правила:

1. Жена осужденнаго за упорное молоканство въ ссылку навсегда, можетъ просить расторженія съ нимъ брака и вступленія въ новый, по исполненіи надъ нимъ означеннаго рѣшенія, и дѣло (о бракѣ) совершается обыкновеннымъ порядкомъ дѣлъ о сосланныхъ преступникахъ.

2. Жена молокана сосланнаго на нѣсколько лѣтъ можетъ про-

сить расторженія съ нимъ брака чрезъ шесть мѣсяцевъ по отправленіи его въ назначенное ему мѣсто.

3. За симъ епархіальное начальство сносится съ начальствомъ той епархіи, въ предѣлы которой онъ сосланъ, чтобы по сему случаю сдѣлано было ему новое увѣщаніе о возвращеніи въ православную церковь; при чемъ объявляется ему и то, что если онъ останется въ ереси, бракъ его будетъ расторженъ, и жена его получитъ разрѣшеніе вступить въ новый.

4. Если онъ и при семъ увѣщаніи останется упорнымъ въ ереси: дѣло о бракѣ рѣшается, какъ сказано выше въ первомъ пунктѣ.

5. Если онъ изъявитъ желаніе обратиться въ православіе; то, по достаточномъ удостовѣреніи въ чистотѣ его намѣренія, и по присоединеніи его къ православной церкви, епархіальное начальство входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ о соединеніи сихъ супруговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ объ устраненіи ихъ отъ общества молоканскаго.

Сіе посильное мнѣніе мое передаю на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Выписку и проектъ резолюціи при семъ возвращаю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

31-го января 1856 г.

IV. Къ синодальному оберъ прокурору графу А. П. Толстому.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Преосвященный Оренбургскій [1]) пишетъ о дошедшемъ до него свѣдѣніи, что въ домѣ урядника М — ва икона святителя Николая начала источать мyро изъ очей: и оговаривается, что не доноситъ о семъ Св. Синоду, опасаясь быть легкомысленнымъ и легковѣрнымъ. Оговорка напрасная: потому что о происшествіи необычайномъ и гласномъ прилично было донести Св. Синоду не только по дознаніи, но и прежде дознанія, съ свѣдѣніемъ, какое онъ сдѣлалъ распоряженіе, и въ надеждѣ нужнаго наставленія отъ Св. Синода, для необыкновеннаго дѣла.

---

[1]) Преосвящ. Антоній скончался.

Преосвященный послалъ ключаря для дознанія «глубоко-секретнаго», и въ тоже время просилъ г. наказнаго атамана (Столыпина), «чтобы дѣло было разъяснено, и составленъ былъ законный актъ, за подписомъ очевидцевъ» и представленъ былъ ему, преосвященному. Между сими двумя распоряженіями нѣтъ единства, и частію есть противорѣчіе: а не достаетъ необходимо требуемаго закономъ, чтобы при дознаніи или слѣдствіи по дѣлу, котораго предметъ церковный, былъ депутатъ съ духовной стороны, котораго и должно было преосвященному назначить вмѣстѣ съ требованіемъ дознанія. Что сдѣлано будетъ однимъ свѣтскимъ начальствомъ: то неудовлетворительно будетъ для духовнаго: ибо не свѣтскому, а духовному начальству принадлежитъ разсмотрѣть, чудесно происшествіе, или нѣтъ.

Кромѣ сего прилично было требовать, чтобы икона поставлена была въ церкви, подъ надзоромъ болѣе бдительнымъ, нежели какой возможенъ въ домѣ.

Неосторожно поступилъ преосвященный, что преждевременно просилъ наказнаго атамана, въ случаѣ оправданія событія, купить домъ [1]) и обратить сперва въ молитвенный домъ, а потомъ въ церковь. Свѣтское начальство можетъ погрѣшить въ опредѣленіи чуда, и сдѣлать о домѣ такое распоряженіе, котораго послѣ Св. Синоду не можно будетъ утвердить. Даже въ случаѣ удостовѣренія о чудѣ домъ по своимъ обстоятельствамъ или смежностямъ можетъ оказаться неспособнымъ къ обращенію въ церковь; и гораздо удобнѣе поставить икону въ одной изъ существующихъ церквей.

До сихъ поръ не видно, чтобы отъ иконы святителя Николая въ домѣ М — ва оказалось надъ кѣмъ-либо какое либо благотворное дѣйствіе, что было бы признакомъ присутствующей благодати Божіей. Слѣдственно до сихъ поръ въ виду только необъясненное явленіе.

Въ Москвѣ въ продолженіи болѣе 25 лѣтъ моего управленія епархіею не открывалось подобнаго явленія на иконахъ. Въ 1848 году, во время губительной болѣзни, подполковникъ Бонческуло сдѣлалъ гласнымъ, что въ домѣ его икона Божіей Матери [2]) источаетъ мyро по каплямъ, и что надъ молящимися предъ нею и

[1]) Домъ урядника М — ва.

[2]) Икона Споручницы грѣшныхъ.

пріемлющими сіе мvро, совершаются благотворныя дѣйствія. Когда икона поставлена была въ церкви: явленіе сіе было сперва мало примѣтно, потомъ совсѣмъ не оказывалось. Но народное благоговѣніе къ сей иконѣ возбудилось, и были дознанные случаи, что молящіеся предъ нею получали исцѣленія.

Послѣ сего неоднократно появлялись оглашенія иконъ мvроточивыми.

Въ Златоустовѣ монастырѣ въ зимнее время въ теплой (Троицкой) церкви на иконѣ святителя Митрофана, усматриваемы были капли, по временамъ, особенно послѣ многолюдныхъ собраній въ церкви. Наблюденіе не открыло ничего, кромѣ догадки, не происходитъ-ли сіе, отъ дѣйствія неугасимой предъ оною иконою лампады, и отъ дѣйствія испареній въ воздухѣ послѣ многолюдства. Сіе осталось безъ послѣдствій.

Въ одномъ обывательскомъ домѣ оглашались нѣкоторыя иконы мvроточивыми; и народъ началъ притекать къ нимъ, и брать влажность на хлопчатую бумагу. По сдѣланному мною распоряженію, тщательное наблюденіе открыло, что хозяинъ [1]) скрытно подливалъ деревянное масло на тарелку, на которой стояла икона, оглашенная мvроточивою. Въ слѣдствіе сего, по сношенію моему съ г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, оглашаемыя мvроточивыми иконы перенесены были въ Срѣтенскій монастырь, и поставлены въ церкви, подъ бдительнымъ надзоромъ. Не оказалось ни малѣйшаго знака мvроточенія, и ничего чудеснаго; и иконы, въ предупрежденіе не основательныхъ разглашеній, отданы для храненія въ Чудовскую ризницу.

По симъ примѣрамъ изволите разсудить, такъ-ли поспѣшно надлежало дѣйствовать преосвященному Оренбургскому, какъ онъ дѣйствовалъ.

По моему мнѣнію, нужно, чтобы ваше сіятельство предложили о семъ дѣлѣ Св. Синоду, дабы истребовать отъ преосвященнаго Оренбургскаго свѣдѣнія, и дать ему наставленіе, чтобы онъ далѣе не далъ невѣрнаго движенія дѣлу.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Февраля 26-го 1859 г.

---

[1]) Мѣщанинъ.

Примѣчаніе. Отъ 20 февраля преосвященный Оренбургскій писалъ къ графу, что, по тщательномъ изслѣдованіи, икона, яко-бы мироточивая, не могла быть признана таковою, и затѣмъ, какъ предметъ противорѣчій, поставлена въ укромное мѣсто.

Объ открытіи Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Къ г-ну синодальному оберъ-прокурору Алексѣю Петровичу Ахматову.

Ваше превосходительство, милостивый государь! Отношеніемъ вашего превосходительства отъ 23 дня прошедшаго іюня № 4118, и указомъ Св. Синода отъ 1 сего іюля № 2067, извѣщенъ я о Высочайшемъ, по представленію Св. Синода, разрѣшеніи учредить въ Москвѣ Общество любителей духовнаго просвѣщенія.

Московское духовенство, участвующее въ семъ предпріятіи, пріемля сіе разрѣшеніе съ глубочайшею благодарностію, всемѣрно потщится оправдать изъявленное ему довѣріе къ его духовному и нравственному направленію.

Но какъ представленное Святѣйшему Синоду положеніе о семъ Обществѣ, не возвращено ни въ подлинникѣ, ни въ спискѣ: то долгомъ поставляю покорнѣйше просить распоряженія, чтобы доставленъ былъ засвидѣтельствованный списокъ съ означеннаго положенія, дабы онъ служилъ обществу кореннымъ оффиціальнымъ документомъ для управленія дѣйствіями онаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Іюля 14 го 1863.

Къ президенту Императорскаго археологическаго Общества, барону Модесту Андреевичу Корфу.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Изъ отношенія вашего высокопревосходительства, съ особеннымъ утѣшеніемъ усмотрѣлъ я вниманіе Императорскаго археологическаго Общества къ новоучрежденному въ Москвѣ Обществу любителей духовнаго просвѣщенія, ознаменованное даромъ епархіальной библі-

отекѣ изданій археологическаго Общества. Книги внесены по назначенію въ библіотеку, и отношеніе вашего высокопревосходительства прочитано 17 сентября въ собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Сіе Общество пріемлетъ благосклонное сочувствіе Императорскаго археологическаго Общества, какъ одобреніе для своей начинающейся дѣятельности, и какъ оно, такъ и я, вмѣстѣ, приносимъ археологическому Обществу признательнѣйшую благодарность.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Октября 4-го 1863

Къ Арсенію митрополиту Кіевскому и Галицкому.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и отецъ! Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія, чрезъ меня, смиренно представляетъ вашему высокопреосвященству первый плодъ [1]) своихъ занятій: «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія».

Ваше благосклонное воззрѣніе на сей малый трудъ да будетъ Обществу поощреніемъ къ возрастающей дѣятельности на пользу общую.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю и проч

Января 7-го 1864.

Резолюціи на докладахъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

1863 г. мая 20. Консисторія допуститъ сіе (*перенести въ открытую епархіальную библіотеку, для общаго пользованія, рукописи нѣсколькихъ монастырей и церквей*): но при семъ принять во вниманіе слѣдующее: 1) рукописи, составляющія достопамятность монастыря или церкви, которымъ принадлежатъ, должны

[1]) «Первый, но зрѣлый плодъ», какъ благосклонно владыка Кіевскій выразился въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

быть оставлены на своихъ мѣстахъ; 2) о нѣкоторыхъ рукописяхъ (*а всѣхъ 509*) надлежитъ разсудить, полезно-ли взять ихъ, чтобы безполезными не занять напрасно мѣста въ библіотекѣ, и не обременить хранителей. Не таковы-ли, напримѣръ, многочисленные сборники Іосифовской (*волоколамской*) библіотеки, писанные на небольшомъ пространствѣ времени, и вѣроятно большею частію повторяющіе одно и тоже».

1866 г. сентября 26. «Соглашаюсь съ избраніемъ (предсѣдателя, товарища предсѣдателя, библіотекаря, помощника библіотекаря, казначея, секретаря и временнаго секретаря), произведеннымъ 27 членами Общества, хотя по числу подписавшихъ учрежденіе онаго, кажется, могло быть большее число дѣйствующихъ, въ настоящемъ довольно значительномъ для Общества дѣлѣ. Прошедшіе три года были началомъ жизни Общества любителей духовнаго просвѣщенія. При возрастаніи Общества временемъ существованія, естественно желать, чтобы возрастала и расширялась его дѣятельность, соотвѣтственно цѣли его учрежденія и особеннымъ потребностямъ времени. Уже самъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ усмотрѣлъ нужнымъ изрещи слово увѣщанія къ дѣйствователямъ на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія, возбуждая ихъ ревность къ охраненію здравыхъ началъ жизни общественной и частной, и проницательность противъ ложныхъ и вредныхъ направленій ученія и жизни. Наше званіе въ самомъ наименованіи своемъ носитъ такое увѣщаніе, побуждающее быть дѣятельными орудіями духа истины и благочестія, ревностными распространителями свѣта Христова во мглѣ невѣдѣнія человѣческаго.

Полагаю, что Общество имѣетъ нужду въ вещественныхъ средствахъ. Вслѣдъ за симъ оно получитъ въ свое распоряженіе три тысячи рублей. Время и опытъ покажетъ, что можно и должно будетъ сдѣлать далѣе».

Сообщилъ архимандритъ Григорій.

Извлеченіе изъ архива министерства юстиціи по патріаршему приказу о Московскихъ церквахъ.

А.

Алексія митрополита, Ивановскаго сорока, о выдачѣ освященаго антиминса 1728 г. связка 455, № 70.

Архангела Гавріила, на Чистыхъ прудахъ, о построеніи церкви 1725 г. св. 452 № 43.

Архидіакона Стефана, за Яузою, о построеніи при церкви придѣла 1720 г. св. 446 № 96.

Б.

Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Пречистенскаго сорока, за Арбатскими воротами, о построеніи придѣла 1732 г. св. 463 № 52.

Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, за Тверскими воротами, объ освященіи храма 1731 г. св. 462, № 90.

Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Никитскаго сорока объ освященіи храма 1734 г, св. 466, № 111.

Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, за Тверскими воротами, о построеніи придѣла 1735 г. св. 469, № 80.

Богоявленія Господня, въ Стрѣлецкой слободѣ, о построеніи церкви 1731 г. св. 461, № 3.

Борисоглѣбскаго монастыря, объ отдачѣ Воскресенской земли порожней и сѣнныхъ покосовъ во владѣніе монастыря 1734 г. св. 466, № 8.

Борисоглѣбскаго монастыря, о построеніи церкви 1734 г. св. 466, № 62.

В.

Введенія Богородицы, въ Семеновской слободѣ, о построеніи церкви 1729 г. св. 457, № 37.

Владиміра князя, что въ Садѣхъ, объ освященіи придѣла 1735 г. св. 470, № 74.

Владиміра князя, что въ Садѣхъ, о построеніи церкви 1737 г. св. 477, № 17.

Воскресенія Христова, въ Барашахъ, о построеніи церкви 1731 г. св. 462, №. 41.

Воздвиженскаго монастыря, что на Арбатѣ, о построеніи церкви 1734 г. св. 467, № 15.

Всѣхъ святыхъ, на Кулишкахъ, о построеніи церкви 1738 г. св. 483, № 21.

Г.

Георгія, на Варваркѣ, о построеніи церкви 1737 г. св. 477, № 9.

Д.

Даніилова монастыря, объ отдачѣ церковной пустовой земли крестьянину Игнату Логинову 1724 г. св. 451, № 63.

Девяти мучениковъ, за синодальнымъ житнымъ дворомъ, о построеніи церкви 1731 г. св. 462, № 76.

З.

Знаменія Богородицы, Ивановскаго сорока, о построеніи придѣла во имя Петра и Павла 1731 г. св. 461, № 69.

И.

Иліи Пророка, на Воронцовомъ полѣ, по мало приходству быть одному священнику 1719 г. св. 445, № 97.

Иліи Пророка, о построеніи церкви въ Сергіевомъпосадѣ 1726 г. св. 453, № 57.

І.

Іакова Апостола, въ казенной слободѣ, о переносѣ престола 1722 г. св. 448, № 71.

Іоанна Предтечи, за Прѣснею, о построеніи придѣла во имя Іоанна Воина 1730 г. св. 459, № 53.

К.

Казанскія Божія Матери, въ Сущевѣ, о построеніи церкви 1738 г. св. 483, № 54.

Косьмы и Даміана, за Яузою, въ Таганской слободѣ, о перестройкѣ церкви 1731 г. св. 462, № 80.

Косьмы и Даміана, о перестройкѣ престола 1737 г. св. 477, № 26.

М.

Максима Исповѣдника, на Варваркѣ, о построеніи престола 1737 г. св. 477, № 20.

Н.

Николая Чудотворца, у Пречистенскихъ воротъ
о возобновленіи церкви 1726 г. св. 453, № 50.

Николая Чудотворца, Пречистенскаго сорока, что въ К. о перестройкѣ теплой церкви 1726 г. св. 453, № 85.

Николая Чудотворца, на Курьихъ ножкахъ, объ утвержденіи новаго престола 1729 г. св. 458, № 11.

Николая Чудотворца, близъ Яузскихъ воротъ, о построеніи храма 1731 г. св. 461, № 75.

Николая Чудотворца, Ивановскаго сорока, о построеніи церкви на Гостинной горѣ 1731 г. св. 462, № 60.

Николая Чудотворца, въ Гнѣздникахъ, о построеніи престола 1736 г. св. 471, № 77.

Новодѣвичьяго монастыря, объ освященіи храма во имя Сошествія Св. Духа 1731 г. св. 461, № 100.

П.

Параскевы преподобной мученицы, на Пречистенкѣ, о построеніи церкви 1729 г. св. 457, № 35.

Параскевы преподобной мученицы, за мучнымъ рядомъ, о построеніи придѣла, 1731 г. св. 462, № 38.

Петровскаго монастыря, объ освященіи церкви, 1714 г., св. 440, № 4.

Петровскаго монастыря, іеродіакону Герасиму быть въ домѣ святѣйшаго патріарха 1720 г. св. 446, № 13.

Петра и Павла, за Москвой рѣкою, объ освященіи церкви 1737 г. св. 476, № 61.

Покровскаго погоста, на рѣкѣ Парѣ, о построеніи церкви 1714 г. св. 440. № 18.

Преображенія Господня, въ Наливкахъ, объ освященіи церкви 1738 г. св. 482, № 59.

Р.

Ржевскія Божіея Матери, о перестройкѣ вновь придѣла во имя Св. Николая Чудотворца 1723 г. св. 450, № 75.

Ризъ положенія и Саввы Стратилата, что на Знаменкѣ, о перестройкѣ церкви 1728 г. св. 455, № 89.

Рождества Богородицы, въ Старой басманной слободѣ, о построеніи церкви 1730 г. св. 459, № 33.

С.

Симеона Столпника, на Поварской, о построеніи придѣла 1735 г. св. 470, № 75.

Симеона Столпника, Пречистенскаго сорока, о построеніи вновь церкви 1738 г. св. 482, № 39.

Синодальной ризницы, о пріемѣ послѣ смерти Вятскаго архіепископа Діонисія шапки и посоха 1722 г. св. 448, № 85.

Смоленскія Божіея Матери, за Пречистенскими воротами, въ Конюшенной, объ освященіи церкви 1730 г, св. 459, № 55.

Спиридонія, на Козьемъ болотѣ, о бытіи священникомъ Андрею Гаврилову 1723 г. св. 450, № 16.

Страстнаго монастыря, о выдачѣ антиминса попу Стефану Никифорову 1724 г. св. 451, № 54.

Софіи Премудрости, что на Лубянкѣ, о построеніи церкви 1729 г. св. 456, № 19.

Смоленскія Божіея Матери, за Никитскими воротами, объ описи палатокъ и отдачѣ попу Симеону Иванову 1722 г. св. 448, № 66.

Т.

Троицкой, въ большихъ лужникахъ, о пріемѣ прихожанами той церкви попа Матвѣя Силина 1712 г. св. 438, № 18.

Троицы, въ Троицкомъ, о сдѣланіи главы надъ церковью 1726 г. св. 453, № 64.

У.

Успенія Богородицы, за Срѣтенскими воротами, о построеніи церкви 1725 г. св. 452, № 70.

Высокопетровскаго монастыря казначей
І. Даніилъ.

Пожары въ Москвѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ дѣлѣ по Богородице-Рождественской, на Кулишкахъ, церкви за 1786 г. за № 41, хранящемся въ Арх. М. Д. консисторіи находится указаніе, что въ 1747 году, въ приходѣ оной церкви, былъ пожаръ [1]. Найдя такое извѣстіе, я пожелалъ найти болѣе подробныя свѣдѣнія о означенномъ пожарѣ. Продолжая поиски свѣдѣній объ этомъ пожарѣ въ документахъ, хранящихся въ Арх. М. Ю., я нашелъ дѣло «о случившихся въ Москвѣ пожарахъ», но не въ 1747 году, какъ говоритъ указанное извѣстіе, а въ 1748 году [2]).

[1]) См. дѣло 1786 г. окт. 9 № 41 «по прошенію Рождественск. что на Кулишкахъ, церкви священника Михаила Матѳеева съ представленіемъ, что Опекунскій Совѣтъ, вмѣсто его строенія, желаетъ построить ему на другой землѣ строеніе».—Въ этомъ дѣлѣ находится слѣдующее показаніе: — «Бывшая, Ивановскаго сорока, церкви Рождества Богородицы священника Дмитрія Іоаннова жена вдова Агриппина Ѳеодотова объявляю, что свекоръ мой, тоя церкви священникъ Иванъ Яковлевъ (до 1728 г. былъ дьячкомъ при церкви Петра и Павла, въ Лефортовѣ) дворомъ своимъ на церковной землѣ жилъ, при коемъ жили и мы съ мужемъ моимъ на мостовую каменную дорогу, что къ Ивановскому монастырю, противъ Рождественской церкви, до тѣхъ поръ, какъ большимъ случившимся пожаромъ въ 1747 году всѣ дворы, съ коими и наше строеніе выгорѣло; а потомъ жившій по сосѣдству графъ генералъ-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, строя себѣ домъ, и нашу землю подъ свои конюшни отнялъ, и по многимъ просьбамъ свекора моего приказалъ купить, вмѣсто отнятой земли, землю съ строеніемъ у канцеляриста, а потомъ рязанскаго секретаря Димитрія Львова сына Невѣжина, по другую сторону церкви, на мостовую, что къ городу, гдѣ послѣ свекра прочіе священники и нынѣшній живетъ, на которую землю и купчая отъ Невѣжина дана».

[2]) Не погрѣшаетъ ли это преданіе, бывшее около сорока лѣтъ послѣ пожара, въ означеніи времени пожара? — Изъ перечня погорѣвшихъ

Изъ дѣла «о случившихся въ Москвѣ пожарахъ» видно, что 1748 году пожаровъ были не одинъ, а пять, изъ коихъ четыре были обширные, отъ которыхъ пострадали многіе Московскіе храмы съ своими причтами и прихожанами. Въ этомъ же дѣлѣ еще имѣется обширный перечень погорѣвшихъ Московскихъ строеній, но въ какое время погорѣвшихъ, неизвѣстно.

Такъ какъ въ настоящее время признано за полезное собирать историческія свѣдѣнія какъ по всей Москвѣ, такъ равно и духовенствомъ Московскимъ признано за полезное имѣть историческое описаніе каждаго храма и прихода, то найденныя о пожарахъ свѣдѣнія имѣютъ интересъ. Интересъ въ нихъ главнымъ образомъ для составителей лѣтописей храмовъ и приходовъ, такъ какъ значительный пожаръ въ приходѣ можетъ иногда принадлежать къ числу такихъ событій, которыя имѣютъ большое вліяніе на послѣдующую послѣ нихъ судьбу прихода и храма. Приходъ вслѣдствіе пожара могъ заселяться нѣкоторыми другими прихожанами, болѣе богатыми или бѣдными, чѣмъ прежніе, православными, или неправославными; число живущихъ въ приходѣ могло измѣняться, сообразно съ количествомъ и обширностью построенныхъ послѣ пожара домовъ. Причтъ и храмъ могли, вслѣдствіе пожара и измѣненія послѣ пожара прихода, бѣдствовать, или же съ улучшеніемъ послѣ пожара прихода имѣть лучшее положеніе и т. п. Словомъ для погорѣвшихъ приходовъ пожары составляютъ важную эпоху и по своему значенію могутъ стоять въ ряду съ непріятельскимъ на-

строеній въ 1748 году мая 10 (см. по 1-й командѣ заголовокъ подъ литт. I по Яузской улицѣ) видно, что въ *этотъ* 1748 г. пожаръ погорѣло строеніе А. Б. Бутурлина, рядомъ съ которымъ означены въ перечнѣ погорѣвшіе и церковническіе дворы. Думать, что указанное преданіе погрѣшаетъ въ означеніи времени пожара есть и другое, хотя и слабое, основаніе. — Въ (см. дѣло указанное въ 1-мъ подстрочн. прим. подъ этимъ предисловіемъ) рапортѣ ѳ. благочиннаго въ М. Д. К. въ 1787 году, марта 2, говорится, что онъ получилъ чрезъ попадью А. Ѳ. извѣстіе, что «лѣтъ сорокъ назадъ отъ учинившагося въ той сторонѣ великаго пожара».... и пр. Выраженіе «лѣтъ сорокъ назадъ» можетъ наводить на предположеніе, что въ показаніи года пожара А. Ѳ. нѣсколько колебалась, не желая погрѣшить, означала время пожара сперва приблизительно, и только въ письменномъ ея показаніи время пожара отнесено ею къ 1747 г. Но сказать утвердительно, что въ 1747 году въ Богородице-Рождественскомъ приходѣ пожара не было, не смѣемъ.

шествіемъ 1812 г. и съ моровымъ повѣтріемъ. Такое значеніе пожаровъ обязываетъ насъ по историческому долгу предать найденныя о пожарахъ свѣдѣнія печати [1], въ надеждѣ, что они укажутъ, или доставятъ матеріалъ не для одной свѣтлой страницы въ каждомъ описаніи погорѣвшихъ приходовъ. Въ такой же надеждѣ, намъ желательно предать въ послѣдствіи времени печати собираемыя свѣдѣнія по моровому повѣтрію.

Быть можетъ нѣкоторые изъ читателей скажутъ, что предложенное нами описаніе пожаровъ есть сухой и не обработанный исторический матеріалъ. Правда, но не забудьте читатели, что историческая польза болѣе часто достигается чрезъ сухое добросовѣстное изложеніе факта, чѣмъ чрезъ витіеватыя историческія статьи, щеголяющія краснорѣчіемъ и формою, но и вмѣстѣ съ этимъ отличающіяся исторической пустотой. Въ нашъ вѣкъ является потребность, чтобы всѣ архивныя дѣла, заключающія въ себѣ достаточный историческій интересъ были цѣликомъ предаваемы печати, какъ для предохраненія ихъ отъ порчи временемъ, такъ и для того, что бы всякій желающій могъ ихъ имѣть у себя дома, или по крайней мѣрѣ находить во всякой библіотекѣ, вмѣсто того, чтобы отыскивать ихъ въ архивахъ, убивая на что иногда не производительно и время и силы.

Въ описаніи пожара мая 10 приводимъ полный перечень погорѣвшихъ строеній, а въ описаніи другихъ пожаровъ указываемъ только пострадавшіе отъ огня церкви и дворы причтовъ (имѣя главнымъ образомъ въ виду читателей изъ духовныхъ), а о другихъ строеніяхъ погорѣвшихъ умалчиваемъ. Поступаемъ такъ потому, что не многими страницами перечня погорѣвшихъ строеній 10 мая доставляются подробныя свѣдѣнія о пожарѣ для исторіи многихъ приходовъ и храмовъ; тогда какъ подробные перечни погорѣвшихъ строеній въ другіе пожары заняли-бы много листовъ и доставили бы свѣдѣнія для исторіи не многихъ приходовъ и храмовъ.

[1]) Объ этихъ пожарахъ въ печати мы не нашли никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что пѣвчая крутицкая сгорѣла въ пожарѣ 1748 года, мая 10, «истребившій много зданій въ Бѣломъ городѣ». (См. Москва, подробное историч. и археолог. описаніе города, Снегир. изд Мартынова, 1865 г.).

Пожары въ маѣ мѣсяцѣ 1748 года [1]).

Въ маѣ 1748 года было пять пожаровъ: 10, 15, 23, 24 и 25 чиселъ. Начнемъ описаніе пожаровъ съ пожара мая 15, а о пожарѣ мая 10 находимъ удобнѣе сообщить послѣ описанія другихъ означенныхъ пожаровъ.

Мая 15 числа 1748 года по полуночи въ 1-мъ часу, въ 10-й пожарной командѣ, въ домѣ 1 гильдіи купца Владиміра Русинова, въ приходѣ церкви Воскресенія Христова, что въ Гончарахъ, въ калачной избѣ, во время топленія печи, выкинуло изъ трубы на драничную кровлю, отчего и произошелъ пожаръ, отъ котораго погорѣло 25 дворовъ, покоевъ 30.

Мая 23 числа 1748 года въ селѣ Покровскомъ, во дворѣ крестьянки Вѣры Евдокимовой, отъ какой причины, изъ дѣла не видно, произошелъ пожаръ. Предъ благовѣстомъ къ обѣднѣ, въ 8 часу, усмотрѣно въ означенномъ дворѣ пламя: горѣло на напогребицѣ, на которой лежало сѣно, съ сѣнями кровля. Отчасти отъ сильнаго вѣтра, отчасти отъ того, что въ селѣ Покровскомъ многія строенія были крыты скалою, пожаръ истребилъ множество строеній не только въ селѣ Покровскомъ, но даже пламя «бросило изъ того села въ Нѣмецкую слободу, и та Нѣмецкая слобода горѣла подъ дворъ Петра да Варѳоломея Келлеровъ, и по Яузу, по Гороховое поле, и до Елоховскаго моста и окончилося пополудни въ 4-мъ часу; и отъ начатія того пожара такой гнѣвъ Божій воспослѣдовалъ сильнымъ вѣтромъ, что не токмо унести можно было свое иждивеніе, но желали только спасаться животомъ здравія; а домъ Ея Императорскаго Величества, что называется Головинской въ Лефортовѣ, какъ возможно, отъ того чрезвычайнаго пожара горѣть не допущено» [2]).

[1]) Описаніе пожаровъ заимствовано изъ дѣлъ Управы Благочинія, хранящихся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, вяз. 73, № дѣла 2311 «о случившихся въ Москвѣ пожарахъ», на 409 лист. Чтобы провѣрить сообщаемыя о пожарахъ свѣдѣнія, достаточно прочитать, не читая всей вязки, одинъ экстрактъ изъ дѣла о 5 пожарахъ съ 81—88 листахъ. Гдѣ же описываются пожары болѣе подробно, чѣмъ въ экстрактѣ, тамъ будутъ указаны листы.

[2]) См. лист. 191.

Въ вѣдомости отъ 9 пожарной команды [1]) о томъ, «коликое число на случившемся пожарѣ мая 23 числа сгорѣло, и чьи именно и сколько покоевъ», показано, что въ домовой каменной церкви рейсъ-графа и кавалера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сгорѣла внутренность и надъ церковью крышка. Дворовъ по вѣдомости показано погорѣвшихъ 196, покоевъ 760, 1 аршинная изба и 1 бани торговыя.

Въ вѣдомости [2]) о томъ, сколько «во время случившагося пожару въ селѣ Покровскомъ, и въ Ѣхаловой, и въ Нѣмецкой слободахъ, мая 23 дня сего 1748 года погорѣло на землѣ села Покровскаго, показано, что погорѣло села Покровскаго оброчныхъ и пахатныхъ крестьянъ 91 дворъ, дворовъ купецкихъ 59, разночинцовскихъ 83, иноземческихъ 27, всего 260 дворовъ, въ нихъ жилыхъ покоевъ 614; при дворахъ и на Нѣмецкомъ рынкѣ торговыхъ лавокъ и шелашей 117, кузницъ 16, цирюленъ 3, харчевенныхъ избъ 13, вѣтреныхъ мельницъ 1; въ лѣсномъ ряду со всякимъ строевымъ лѣсомъ лавокъ 10, пивоваренныхъ заводовъ 11, Богоявленской церкви поповъ и причетниковъ 3 двора, ѳартенныхъ съ ледниками 3. Въ подробной поименной вѣдомости погорѣвшихъ строеній [3]) сказано, что церкви Богоявленія Господня погорѣло причетниковыхъ три двора: священника Никиты Иванова, церковнаго сторожа Ивана Иванова, просвирни, да богадѣльня и показана погорѣвшей на Нѣмецкомъ рынкѣ часовня.

Мая 24 дня 1748 года случился пожаръ въ 3-й пожарной командѣ, въ домѣ бригадира стат. совѣтн. Сергѣя Чебышева жены, вдовы Анны Григорьевны, за Пречистенскими воротами, въ приходѣ Зачатіевскаго монастыря. Загорѣлась на каменныхъ палатахъ кровля, со стороны сосѣдняго двора вдовы Грековой, отъ какой причины, неизвѣстно. Пожаръ начался въ 5-мъ часу пополудни [4]) въ которое время весьма сильно и ужасно вѣтеръ происходилъ, и отъ того двора, который состоитъ у Зачатіевскаго монастыря, горѣло по состоящей Остоженкой улицѣ, по обѣ стороны, до Пречистенскихъ воротъ, по Москву рѣку, и перекинуло

---

[1]) См. лист. 181—184.
[2]) См. лист. 194.
[3]) См. лист. 201—214.
[4]) См. лист. 134.

въ Бѣлой городъ и зачался въ домѣ Леонтьева [1]), а отъ того дому Алексѣевской монастырь, а отъ того монастыря Пречистенскою улицею, по обѣ стороны, и Лебяжій переулокъ, даже до Каменнаго моста и до двора покойной статсъ-дамы, княгини Маріи Юрьевной Черкасской, который окончился пополудни въ 4 мъ часу».

Въ вѣдомости отъ 3 команды о томъ, сколько сгорѣло въ сей пожаръ церквей и обывательскихъ дворовъ [2]) показано, что на церкви Воскресенія Христова, что слыветъ Старое, сломана кровля, на церкви Ильи Пророка, что слыветъ Обыденнаго, какъ на церкви, такъ и на колокольнѣ, сгорѣли кровли, такъ же сгорѣла кровля на церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Грязяхъ, близь Пречистенскихъ воротъ. — Церковническихъ дворовъ погорѣло: дворъ церкви Ильи Пророка, что слыветъ Обыденнаго, пономаря Ивана Кириллова (1 дворъ, 1 дерев. покой), попа Кирилла Силуанова (3 дерев. 1 дворъ), дьячка Стефана Алексѣева (1 дворъ, 1 дер. пок.), просвирни Матроны Тихоновой (1 дворъ, 1 покой дерев.).—Разломаны дворы: идя съ Остоженки въ переулокъ Стараго Воскресенія, къ Москвѣ рѣкѣ, дворъ просвирни (Воскресенской церкви) Евфиміи Алексѣевой (1 дворъ, 1 покой), попа Василія Леонтьева (1 дворъ, 2 покоя), діакона Михаила Иванова (1 дворъ, 1 пок.); на монастырѣ церкви Покрова Богородицы, что близь Пречистенскихъ воротъ, дворъ дворцоваго крестьянина Попа Никитина (1 дворъ, 1 пок.). Кромѣ означенныхъ дворовъ разломаны еще дома: 1) у Зачатіевскаго монастыря, въ переулкѣ Стараго Воскресенія разломано всѣхъ дворовъ 6 и на Остоженкѣ, идя къ Пречистенскимъ воротамъ, по лѣвой сторонѣ 1. Всего сгорѣло и сломано по 3 командѣ: дворовъ 72, покоевъ каменныхъ и деревянныхъ 251, 1 фартина у Пречистенскихъ воротъ, 14 круглыхъ качелей, которыя стояли у Алексѣевской башни.

Въ сей вѣдомости находится перечень съ показаніемъ владѣльцевъ погорѣвшихъ домовъ по слѣдующимъ направленіямъ: по Остоженкѣ, по лѣвой сторонѣ, къ городу; отъ Пречистенскихъ воротъ, по той же Остоженкѣ, по лѣвой сторонѣ; со Остоженки, поворотя въ переулокъ около Зачатіевскаго монастыря; идя съ Остоженки въ переулокъ Стараго Воскресенія, къ Москвѣ рѣкѣ;

---

[1]) Въ домѣ конной гвардіи ротмистра Андрея Ѳеодоровича Леонтьева пожаръ былъ уже 25 числа. См. лист. 226.

[2]) См. листъ 223 — 225.

идя съ Остоженки въ переулокъ Ильинскій; идя съ Остоженки въ переулокъ, къ церкви Ильи Пророка, что Обыденнаго, идя съ Остоженки въ Лѣсной переулокъ, къ Москвѣ рѣкѣ; на Пречистенкѣ, идя къ Пречистенскимъ воротамъ, по правую руку, и идя отъ Пречистенскихъ воротъ по правую руку.

Въ вѣдомости [1]) отъ 2 пожарной команды, о томъ, что въ этотъ пожаръ, продолжавшійся и 25 мая, сгорѣло по Пречистенской улицѣ до Боровицкаго моста съ переулками, показано:

На церкви Іоанна Предтечи, что на Лѣнивкѣ сгорѣла крышка, а внутри цѣло. Сгорѣли церковническіе дворы: сей церкви дьячка Петра Алексѣева (1 дв., 1 пок.), діакона Алексѣя Иванова (1 дв., 1 покой), и просвирни Вассы Ивановой (1 дв., 1 покой).

На церкви Антипія чудотворца крышка сгорѣла, а внутри церкви цѣло. Сгорѣли дворы: сей церкви дьячка Ивана Васильева (1 дв., 1 пок.), діакона Ивана Петрова (1 дв., 1 пок.), и попа Льва Васильева (1 дв., 1 пок.).

Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря—на церквахъ кровли погорѣли, равно сгорѣли монастырскія келліи, двѣ конюшни и дворы: пономаря Ѳеодора Васильева (1 дв., 1 пок.), сторожа Якова Герасимова (1 дв., 1 пок.), сторожа Артемона Степанова (1 дв., 1 пок.), сторожа Леонтія Давыдова (1 дв., 1 пок.) и дьячка Алексѣя Григорьева (1 дв., 1 пок.).

На церкви Всѣхъ Святыхъ, что въ Валу, кровля сгорѣла, а внутри церкви цѣло. Дворы погорѣли: той церкви попа Димитрія

---

[1]) См. лист. 226 — 229. — Дворы погорѣвшіе перечисляются поименно, съ означеніемъ владѣльцевъ. Такъ какъ въ данномъ, такъ равно и другихъ приведенныхъ перечняхъ иногда не указывается въ подлинникѣ, къ какой церкви принадлежали нѣкоторые священно-церковно-служители, то можетъ случиться, что эти священно-церковно-служители на основаніи перечня будутъ означены какъ бы въ другихъ приходахъ. «Предтечевская, на Лѣнивкѣ, церковь находилась въ Пречистенскомъ сорокѣ, у Кисловской рѣшетки, у большихъ Колымажныхъ конюшенъ; при ней были придѣлы Покрова Божіей Матери и св. Матѳея; упразднена въ 1794 г., приходъ приписанъ къ св. Антипію». См. Москов. Космо-Даміанская, что въ Старой Кузнецкой, церковь свящ. В. Руднева. стр. 59, подстроч. прим. 48. Церковь Всѣхъ Святыхъ, какъ надо полагать, находилась близъ большаго Каменнаго моста, гдѣ были Тресвятскія ворота, въ послѣдствіи называвшіеся Всесвятскими по церкви Всѣхъ Святыхъ. См. Николаев. въ Толмачахъ церковь діакона Ѳ. Соловьева стр. 45 подстроч. прим. под. лит. в.

Григорьева (1 дв., 3 пок.), попа Василія Данилова (1 дв., 2 пок.), діакона Михаила Яковлева (1 дв., 2 пок.), діакона Ивана Тихонова (1 дв., 2 пок.), попа Василія Тихонова (1 дв., 1 пок.), попа Григорія Иванова (1 дв., 2 пок.), пономаря Ѳеодора Васильева (1 дв., 1 пок.), дьячка Петра Яковлева (1 дв., 1 пок.), дьячка Михаила Данилова (1 дв., 1 пок.), сторожа Василія Ѳедорова (1 дв., 1 пок.), и попа Григорія Алексѣева (1 дв., 1 пок.).

Церкви Николая Чудотворца, что Старая Проща, попа Михаила Данилова сгорѣлъ 1 дворъ (2 покоя).

Разломаны: церкви Антипія Чудотворца у діякона съ причетниками на избахъ кровли, церкви Уара мученика на избѣ попа Прокопія Михайлова кровля и на Черкасской землѣ, на дворѣ попа Тимоѳея Ипатова, кровля.

Всего дворовъ во второй командѣ погорѣло 72, покоевъ 237, одна ѳартина, 1 цирюлня, 3 колодца; сломано отъ пожара дворовъ 14, ѳартина 1, горѣлыхъ людей не было.

Мая 25 дня, 1748 года, въ четыре часа [1]) по полудни, въ 7 командѣ, въ Земляномъ городѣ, идя изъ города, не доѣхавъ до Красныхъ воротъ, на Мясницкой улицѣ, въ домѣ князя Михаила Мещерскаго, произошелъ пожаръ по слѣдующему случаю.—Служитель князя Мещерскаго Иванъ Ищутинъ, по приказанію своего господина, пошелъ въ погребъ за квасомъ и, такъ какъ въ погребѣ было темно, взялъ съ собою зажженную свѣчу, на погребѣ по нечаянности онъ зажегъ висящій надъ твориломъ ленъ. Потушить ленъ самъ Ищутинъ не могъ, равно прекратить пожара не могли и дворовые Мещерскаго люди, отъ сильнаго вѣтра пожаръ быстро разросся, «и горѣло по обѣ стороны къ Покровской улицѣ до двора тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера князя Бориса Григорьевича Юсупова и до двора статскаго совѣтника Василія Демидова, да отъ оного-жъ Мещерскаго двора перекинуло за Земляной городъ на построенный дворъ отъ магистрата, и на Красныя ворота, и на построенныя лавки, и на камедію, и къ церкви Петра и Павла, и горѣло по обѣ стороны до двора полковника Ивана Игнатьева и окончился по полудни въ 9 часу».

---

[1]) Въ дѣлѣ о пожарахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ экстрактѣ, говорится, что пожаръ начался въ 5-мъ часу, а на листѣ 234, что въ 4-мъ часу: поэтому лучше сказать, что пожаръ начался около четырехъ часовъ, или въ четыре часа.

Въ этотъ пожаръ погорѣло [1]) по 7 командѣ: дворовъ 13, покоевъ 28, цирюльня 1, богадѣльня 1, будка 1. По 8 командѣ—дворъ построенный отъ купечества 1 (покоевъ 2), вартина, что у Красныхъ воротъ съ погребами 1, харчевая изба 1 (покой 1), да разломано дворовъ 4 (покоя 11). По 9 командѣ: дворовъ 48 (покоевъ 168), церкви Петра и Павла богадѣльня 1, Тріумфальныя Красныя ворота 1, вольно-камедіанскій дворъ 1, житной дворъ, что у Красныхъ воротъ, каменный: крышка деревянная сгорѣла.

Въ вязкѣ дѣлъ о случившихся въ Москвѣ пожарахъ находится еще (съ 2—42 листы) поименный перечень погорѣлыхъ строеній. Но въ какое время, въ маѣ-ли, или другомъ какомъ мѣсяцѣ 1748 года, или быть можетъ и не въ 1748, а въ другомъ какомъ либо году, погорѣли эти строенія, не извѣстно. Но такъ какъ, при помощи другихъ историческихъ документовъ, можетъ явиться возможность опредѣлить время и сего пожара, то долгомъ считаемъ извлечь изъ показаннаго перечня погорѣвшіе дворы причтовъ церковныхъ (по которымъ дворамъ легко опредѣлить мѣстность пожара) и означить количество всѣхъ погорѣвшихъ дворовъ въ сей пожаръ по разнымъ пожарнымъ командамъ.

По 4-й командѣ:

Церкви Смоленскія Божіей Матери священника Михаила Давыдова, церкви Николая Чудотворца, что на Щепахъ: просвирни Гликеріи Митрофановой (1 покой), попа Петра Стефанова (1 пок.), діакона Георгія Иванова (1 пок.); церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: просвирни Акилины Козминой (2 пок.), діакона Тимоѳея Иванова (1 пок.), дьячка Даніила Александрова (1 пок.), попа Ильи Михайлова (1 пок.); церкви Воздвиженія Креста Господня, что на Пометномъ вражкѣ, просвирни Маріи Алексѣевой (1 пок.), попа Василія Миронова (2 пок.), дьячка Василія Самойлова (1 пок.), сторожа Герасима Васильева (1 пок.), дьячка Алексѣя Васильева (1 пок.); церкви Неопалимыя Купины просвирни Наталіи Ивановой (1 пок.), діакона Ѳеодора Ѳедорова (2 пок.), дьячка Андрея Андреева (1 пок.), пономаря Никиты Миняева (1 пок.), попа Артемія Петрова (1 пок.); церкви Знаменія Богородицы, что на Дѣвичьемъ полѣ, попа Якова Никитина (1 пок.), діакона Никифора Ѳомина (1 пок.), дьячка Димитрія Герасимова (1 пок.),

[1]) См. лист. 235—236.

сторожа Ивана Васильева (1 пок.), просвирни Неопилы Ивановой (1 пок.); церкви Знаменія Богородицы, что въ Зубовѣ, попа Василія Андреева (1 пок.); церкви Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ, священ. Димитрія Петрова (1 пок.), діакона Георгія Леонтьева (1 пок.), просвирни Матроны Алексѣевой (1 пок.), дьячка Ѳеодора Семеонова (1 пок.) и пономаря Ѳеодора Аѳанасьева. Всего дворовъ по 4 командѣ погорѣло 668.

По 5 командѣ: дьячка (какой церкви не показано, но изъ вѣдомости видно, что какъ сей домъ такъ и другихъ членовъ причта, которые къ какой церкви принадлежали не показано, дворъ находился въ мѣстности населенной ямщиками; не въ Тверской ли ямской?) Александра Екимова (1 пок.), просвирни Варвары Екимовой (1 пок.), сторожа Филиппа Иванова (1 пок.), діакона Ѳеодора Иванова (1 пок.), священника Константина Иванова (2 пок.); церкви Девятимучениковъ, что на Девятинскомъ полѣ: діакона Петра Васильева (1 пок.) и священника Матѳея Матѳеева (1 пок.). Всего дворовъ по 5 командѣ погорѣли 219.

По 6 командѣ: церкви священно мученика Георгія сторожа Осипа Васильева (1 пок.), діакона Петра Анисимова (1 пок.), просвирни Акилины Васильевой (1 пок.). священника Алексѣя Семенова (1 пок.), церкви священно-мученика Георгія, что на Вспольи, діакона Ивана Сергѣева (1 пок.); церкви Спиридонія Чудотворца діакона Никиты Иванова (2 пок.), попа Степана Семенова (2 пок.), сторожа Мины Иванова (1 пок.), пономаря Ивана Дмитріева (1 пок.) и просвирни Маріи Игнатьевой (1 пок.). Всего по 6 командѣ сгорѣло дворовъ 101. Этотъ же пожаръ истребилъ въ 9 командѣ 5 дворовъ, въ 10 командѣ 1, въ 11 командѣ 8 и 12 командѣ 20 дворовъ. Всего погорѣло въ сей пожаръ 1022 двора во всѣхъ выше показанныхъ командахъ.

Изъ всѣхъ пожаровъ въ маѣ 1748 года самый опустошительный былъ 10 числа, въ который пострадало отъ огня 1202 двора, 26 церквей сгорѣло 96 человѣкъ. Сей пожаръ начался въ 2 часу по полудни, въ Бѣломъ городѣ, между Ильинскими и Никольскими воротами, въ домѣ княжны дѣвицы Параскевы Михайловны Куракиной, которой домъ находился въ приходѣ Гребенской Божіей Матери, что на Лубянкѣ. Въ кузницѣ, находящейся въ домѣ княжны, выкинуло въ трубу, и искры попали прямо подъ конюшенную крышку, на которой лежало сѣно, отъ чего и произошелъ пожаръ. Во время пожара «весьма сильно и ужасно вѣтръ происходилъ, и

бросило къ Златоустовскому монастырю на обывательскіе дворы, и ко Всѣмъ Святымъ, что на Кулишкахъ, и потомъ къ Яузскимъ воротамъ, а отъ Яузскихъ воротъ на Яускій мостъ, и по Николоямской улицѣ даже и до Андроніева монастыря и Ямской слободы; а по другую сторону, во первыхъ отъ церкви Всѣхъ Святыхъ къ городовой стѣнѣ на обывательскіе дворы, а чрезъ городовую стѣну на домъ президента Кисловскаго, и происходилъ до церкви Ильи Пророка, что на Воронцовскомъ полѣ, а потомъ уже отнятая города правая сторона, и по Покровской улицѣ по Яузскія вороты, и Алексѣевская слобода, и Андроніевъ монастырь, гдѣ тотъ пожаръ, по сгорѣніи того монастыря, и окончился, по полуночи въ 1 часу. А отъ начатія того пожару такой гнѣвъ Божій воспослѣдовалъ сильнымъ вѣтромъ, что не токмо обывателямъ унести можно было свое имѣніе, но желали только спасаться животомъ здравія своего» [1]. Вотъ перечень погорѣвшихъ церквей, обывательскихъ дворовъ, покоевъ, людей, заимствованный изъ вѣдомостей о пожарѣ отъ 1, 7, 9 и 10 командъ [2]

По 1 команде.

Церковь Николая Чуд., что въ Блинникахъ. Приходскихъ церквей, у которыхъ обгорѣли однѣ кровли, 12.

Погорѣли дворы слѣдующіе [3].

А) По Лубянской улицѣ [4]:

Секретаря Сущева (3 покоевъ), церкви Никол. Чуд., что у старыхъ тюремъ отдаточные покои (3) и церковничьи дворы [5] (4 дв. и 4 пок.), монетчика Димит. Ѳедорова (1 пок.), крестьян. Космы Михайлова (1 пок.), церковническій (1 пок.), канцеляр.

---

[1]) См. 166 лист.

[2]) См. листы 118—123 срав. 167—172.

[3]) Гдѣ нами для краткости не показано число дворовъ, тамъ надо разумѣть, что было одинъ дворъ.

[4]) Этотъ заголовокъ, поставленный какъ на листѣ 167, по другому списку вѣдомости (лист. 118—123) читается: по Лубянской улицѣ и по Златоустовскому переулку, по Покровскую улицу.

[5]) Вмѣсто двора дворы, холодные холодныхъ, ветхихъ ветхія и т. п. для краткости будемъ писать дв., пок. хол. вет.

Ивана Бѣлова (1 пок.), крестьян. жены Евдокіи Васильевой (1 пок.), церковническихъ (4 дв. и 4 пок.), Вознесен. монастыря служителя Петра Димитріева (1 пк.), церковническихъ (2 дв. и 2 пк.), канцеляр. Якова Иванова (2 пк.), церковническихъ (4 дв. и 4 пк.). церковническихъ (4 дв. 4 пк.), церковническихъ (4 дв. 4 пк.), купца Клима Константинова (1 пк.), церковническихъ (2 дв., 3 пк.), подпоруч. Ивана Магницкаго (5 пк.), княжны Параск. Михайл. Куракиной (13 пк.), сержанта Александра Зыбина (8 пк.), княжны Маріи Серг. Голицыной (8 пк.), солдата Сумеона Кобелева (1 пк.), канцеляр. Александра Зубова (3 пк.), армянина Димитрія Иванова (2 пк.), суконщика Андрея Васильева (1 пк.), служителя Ивана Аѳанасьева (1 пк.), солдата Ѳеодора Гробышева (1 пк.), церковническій (1 пк.), фабриканта Ивана Петрова (3 пк., изъ нихъ 2 холод.), генер.—лейт. Александ. Иван. Головина (6 пк.), вдовы Матроны Артемьевой Синявиной (4 пк.).

Б) По большой Покровской улицѣ.

Краксъ-коммисара Влад. Михайл. Грушецкаго (11 пк.), Сибирскаго приказу копіис. Ѳеодора Морозова (4 пк.), отстав. прапор. Василія Васильева Стефанова (7 пк.), морскаго флота лейтен. и князя Василія Урусова (14 пк. 2 хол.), солдата князя Михаила Урусова (11 пк.), князя Сумеона Щербатова (6 пк.), копіис. Димитрія Ѳеодорова (1 пк.), церкви Никол. Чуд., что въ Блинникахъ свящ. Михаила Петрова (1 пк.), подворье Николо-Угрѣшскаго монастыря (6 пк.).

В) Въ приходѣ Спаса на Глинищахъ.

Генералъ лейт. и кавал. Иван. Петр. Измайлова (11 пк.), ассес. Ивана Глѣбова (13 пк.), поруч. Алексѣя [1]) Акинѣева (12 пк., 2 хол.), церкви Спаса, что на Глинищахъ церковническихъ (4 дв., 4 пк.), секрет. Тихомірова (1 пк.), ассесора Дурасова (6 пк.), покойнаго адмирала Головина (3 пк.), крест. Алексѣя Евдокимова

[1]) Симъ домомъ по списку вѣдомости лист. 167—172, въ отличіе отъ вѣдомости съ 118—123 лист., оканчивается заголовокъ «по большой Покровской улицѣ», за которымъ стоитъ показанный заголовокъ «въ приходѣ Спаса, на Глинищахъ»,

(1 пк.), москов. типограф. тередарщ. Никол. Иванова (1 пк.), церкви Покрова Богородицы церковническіе (2 дв. 2 пк.), отстав. матроса Сумеон. Иванова (1 пк.), солдата Алексѣя Гусева (2 пк.), канцеляр. Петра Михайлова (1 пк.), крест. Никол. Никифорова (1 пк.).

Г) По Покровской большой улицѣ.

Купца Никиф. Прокофьева (1 пк.), ратмана Квасникова (3 пк.), купца Кодрата Иванова (1 пк.), армянина Антона Аѳанасьева (4 пк.), генералъ-лейтен, [1]) и кавал. Ивана Петр. Измайлова (4 пк.), фабричнаго Матв. Никитина (1 пк.), генералъ-лейт. и кавал. Петра Васильев. Измайлова (6 пк.). генералъ-лейт. графа Евфим. Иван. Рагузинскаго (2 пк.), дѣйствит. гофмаршала и кав. князя Александ. Андреев. Черкасскаго (28 пк.), церковническихъ (5 дв., 6 пк.), отст. поруч. князя Петра Алексѣев. Гагарина (8 пк.), дворцоваго портнаго мастера Панкратія Мальцова (сломанъ 1 пк.), примеръ-маіора Петра Иван. Лопухина (7 пк.), капит. князя Александра Алексѣев. Долгорукова (18 пк.), подворье Вяземскаго Предтечева монастыря (1 пк.), крестьян. Саввы Онуфріева (1 пк.), служителя Алексѣя Петрова (1 пк. сломанъ).

Д) Въ Колпачномъ переулкѣ.

Вдовы Елены Крестьяновой (6 пк.), ассес. Михайловскаго (4 пк.), вдовы Ѳеодосіи Петр. Хрущовой (3 пк.), вдовы Екатерины Григорьевой (5 пк.), подъячаго Петра Павлова (5 пк., 2 хол.), вдовы Ѳеодос. Петра Хрущевой (9 пк.), вдовы Анисіи Астафьевой (1 пк.), корнета Алексѣя Васильева Исленьева (6 пк.), бригадира Ивана Глѣбова (8 пк.), ст. сов. Григорія Постельникова (3 пк.), лекаря Димитрія Тверитинова (4 пк.).

[1]) До сего дома, или по сей домъ, въ вѣдомости съ 167—172 листы, оканчивается заголовокъ «въ приходѣ Спаса, на Глинищахъ», поставленный набоку, сверху, внизъ, вдоль страницы, а въ томъ видѣ, въ какомъ нами поставлены заголовки: «въ приходѣ Спаса, на Глинищахъ» и «по Покровской большой улицѣ», находятся въ вѣдомости съ 118—123 листы.

Е) Возлѣ Бѣлаго города.

Поруч. Никол. Матова (1 пк.), полковн. Василія Новикова (4 пк.), князя Михаила Волконскаго (1 хол. пк.), церковническихъ (3 дв., 3 пк.), ассес. Аѳанас. Сытина (7 пк.), княжны Маріи Димитр. Кантемировой (8 пк.), капит. князя Сергѣя Волоцкаго (11 пк.), генер. Ивана Аѳан. Шипова (11 пк.), полковн. Петра Ладыженскаго (1 пк.), сержанта Александра Нарбекова (15 пк.), оберъ-гофмейстерши княгини Татіаны Борис. Голицыной (35 пк.), капит. Алексѣя Татищева (7 пк.), генералъ-маіора Петра Васильева Чебышева (5 пк.), церковническихъ (2 дв., 2 пк.), подъячаго Алексѣя Иванова (2 пк.), вдовы Маріи Артеміев. Исленьевой (8 пк.), капит. Михаила Петров. Измайлова (13 пк.).

Ж) У церкви Петра и Вериг [1]).

Бригад. Ивана Михайл. Волынскаго (16 пк., 2 хол.), церковническихъ (4 дв., 4 пк.), секрет. Василія Иванова (4 пк.), вдовы Агрипп. Петров. Бухвастовой (8 пк.), церковническій (1 пк.), портнаго мастера Карпа Васильева (1 пк.), церковническихъ (5 дв., 5 пк.), вдовы Елены Васильев. Вердлинской (5 пк.), вдовы полковн. Татіаны Петр. Еропкиной (9 пк.), капит. Петра Леонт. Глѣбова (16 пк.), церковническихъ (4 дв., 4 пк.), ассес. Петра Лукина (3 пк.), канцеляр. Попова (1 пк.), прокурора Аврама Ѳеод. Лопухина (9 пк., 1 хол.), церковническій (1 дв.; 2 пк.), полковн. Ивана Сѵм. Чебышева (9 пк.), оберъ-криксъ коммисара Ивана Михайл. Орлова (7 пк.), прапор. Василія Ступишина (5 пк., 1 ветх.), маіора Сѵм. Андреев. Загрецкаго (8 пк.), солдат. жены вдовы Гликеріи Іевлевой (1 пк.) (т. е. Іовлевой), церковническихъ (3 дв. 3 пк.).

---

[1]) Сего заголовка, стоящаго въ вѣдомости на лист. 118—123, нѣтъ въ вѣдомости на лист. 167—172, а дворы подъ симъ означеннымъ заголовкомъ и у церкви Петра и Веригъ въ вѣдомости на лист. 167—172 показаны подъ заголовкомъ «въ колпачномъ переулкѣ», идущимъ на боку вдоль страницы, среди котораго заголовка поперегъ страницы передъ домомъ Матова поставленъ заголовокъ «возлѣ Бѣлаго города».

З) У церкви Петра и Павла:

Прапор. Петра Огарева (1 пк.), купца Якова Григорьева (1 пк.), слесаря Панкратія Васильева (1 пк.), поруч. Петра Иван. Головина (12 пк.), полковн. Михаила Иван. Пушкина (6 пк.), тит. сов. Аврама Кречетникова (4 пк., 1 ветх.); вдовы Агрипп. Петр. Протасьевой (4 пк., 2 хол.), ассес. Герасима Домашнева (5 пк. 1 хол.), князя Алексѣя Крапоткина (5 пк.), стряпч. Михаила Флорова (3 пк.), церковническихъ (1 дв., 3 пк.), секрет. Петра Зеленого (3 пк.), прапор. Никол. Яковлева (5 пк.), Крутицкаго архіерея (4 пк.), пѣвчая Крутицкая (25 пк.), капрала Василія Толстаго (12 пк. 1 хол.), генералъ-маіора Ѳеодора Иван. Ушанова (14 пк.), вдовы Анны Васильев. Глѣбовой (6 пк.), отстав. солд. Алексѣя Макишева (1 пк.), церковническихъ (3 дв., 3 пк.).

И) Близъ церкви Никол. чуд. Подкопаева:

Купца Ильи Иванова (1 пк.), купца Андрея Лупиндина (1 пк.), бригад. Ивана Михайл. Волынскаго (3 пк.), церковническихъ (2 дв., 2 пк.), поруч. Александ. Григор. Воейкова (6 пк., 1 хол.), церковническій (1 дв., 8 пк.), купца Димитрія Игнатьева (1 пк.), ученика Никиты Васильева (1 пк.), купцовъ: Алексѣя Семенова (1 пк.) и Ивана Михайлова (1 пк.), крест. Ивана Васильева (1 пк.), мастерской и оружейной палаты мастера Стефана Панкратова (1 пк.), церковническихъ (3 дв.. 3 пк.), вдовы Маріи Ѳеод. Воронпной (5 пк.), генер. и кавал. Александра Борис. Бутурлина (2 пк.), капит. Петра Колычева (10 пк., 1 хол.), купца Димитрія Семенова (2 пк.), маіора Гавріила Воейкова (4 пк., 2 вет.), вдовы Параскевы Юрьевой (1 дв., 11 пк., 2 хол. 1 ветх.), вдовы Софіи Александ. Волконской (1 пк.), капитан. Маріи Серг. Ермолаевой (6 пк.), капит. князя Тимоѳ. Щербатова (10 пк., 1 вет.), капит. Андрея Клементьева (7 пк., 2 хол., 1 вет.).

І) По Яузской улицѣ:

Церковническихъ (3 дв., 4 пк.), генер.-аншефа и кавал. дѣйст. каммергера Александра Борис. Бутурлина (16 пк.), крест. Василія Дмитріева (1 пк.).

К) По Варварской улицѣ.

Секрет. Алексѣя Васильева (3 пк.), сержан. Алексѣя Верещагина (2 пк.), вдовы Іустиніи Иван. Аничковой (8 пк.), купца Василія Чирьева (3 пк.), подворье Аврамієва монастыря (2 пк.), купца Ѳеодора Андреева (1 пк.), князя Якова Петр. Борятинскаго (8 пк.), капрала Николая Нащокина (10 пк.), поруч. Михаила Чирикова (15 пк.), Вознесен. монастыря канцеляриста Матѳ. Васильева (1 пк.), купца Димитрія Ѳеодорова (2 пк.), коллегіи экономіи канцелярис. Симеона Леонтьева (3 пк.), того-жъ монастыря слуги Ивана Васильева (1 пк.), подворье Вознесенск. монастыря (2 пк.), того-жъ монастыря: конюха Серг. Яковлева (1 пк.), и подъяч. Димитрія Иванова (2 пк.), купца Григорія Васильева (1 пк.), купца Василія Семенова (1 пк.), копіиста Андрея Борисова (2 пк.), церковническій (1 дв., 1 пк.), солдата Евфим. Дмитріева (1 пк.), церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, отдаточные (3 пк.) и церковническіе (3 дв., 6 пк.) покои.

Л) По Яузской улицѣ.

Купца Котельникова (5 пк., 1 вотх.), церковническихъ (3 дв., 6 пк.), генерала и кавал. Михаил. Яковл. Волкова (12 пк.), секрет. Невѣжина (2 пк.), генерала и кав. дѣйств. каммергера Александ. Борисов. Бутурлина (1 пк.), ассес. Богдана Ладыжинскаго (2 пк.), секретаря Горянкова (3 пк.), капрала Никол. Дырева (11 пк., 2 хол.), поруч. Никол. Волхонскаго (10 пк.), Ивана Грязнова (4 пк.), придворнаго пажа Ивана Иванов. Нарышкина (12 пк.).

М) По переулку у Васильевскаго саду: [1]).

Подворье Голутвеннаго монастыря (2 пк.).

[1]) Сего заголовка въ вѣдомости на лист. 167 — 172 нѣтъ, а подворье Голутвеннаго монастыря значится подъ заголовкомъ предшествующимъ, «по Яузской улицѣ», а въ вѣдомости на лист. 118 — 123 заголовокъ» по переулку у Васильевскаго саду» имѣется.

Н) Кромѣ того погорѣло:

Ивановскаго монастыря келліи всѣ, будокъ 7, 2 кабака,—одинъ на Покровкѣ, Малороссійскій, другой на Солянкѣ, по Яузской улицѣ, 2 богадѣльни, — одна женская у Иванов. монастыря, другая мужская, на Покровѣ, у церкви Николы въ Блинникахъ.

Всего обывательскихъ дворовъ по 1 командѣ погорѣло 244, въ нихъ покоевъ 995, въ томъ числѣ два кобака и двѣ богадѣльни.

Въ ниже-писанныхъ дворахъ людей погорѣло: во дворѣ канцеляриста Якова Иванова (1 жен.), во дворѣ генералъ-лейт. Александра Иванов. Головина (1 жен.), во дворѣ морскаго флота лейтенанта князя Василія Урусова (1 муж.), церкви Никол. Чуд., что въ Блинникахъ дьячекъ, во дворѣ купца Якова Григорьева (1 жен.), во дворѣ князя Алексѣя Кропоткина (1 жен.), во дворѣ Крутицкой епархіи архіерея (4 муж., 3 женщ.), во дворѣ капитана Андрея Клементьева (1 муж.), во дворѣ генерала и кавал. Михаила Яков. Волкова (1 жен.), Новгородскаго баталліона барабанщиковъ 2 и въ Ивановскомъ монастырѣ (2 женщ.). Всего сгорѣло мужчинъ 9, женщинъ 10.

По 7 командѣ.

Церковь св. пр. Иліи, что на Воронцовомъ полѣ, у которой надъ папертью разломана крышка деревянная, а горенія внутри ея (церкви) не имѣлось; церковь Грузинскія Богородицы, что на Воронцовскомъ полѣ: надъ трапезою сгорѣла деревянная крышка, а внутри ея (церкви) горѣнія не имѣлось; церкви Никол. Чуд., что въ Воробинѣ главы и крышка деревянная сгорѣли, а внутри ея горѣнія не имѣлось; церковь Живоначальныя Троицы, что въ Серебренникахъ: надъ трапезой и надъ предѣломъ сгорѣли крышки, внутри ея горѣнія не имѣлось; церковь Никол. Чуд., что въ Кошеляхъ, близъ Яузскихъ воротъ, на которой кругомъ крышки обгорѣли, внутри ея горѣнія не имѣлось.

Погорѣли дворы и покои:

А) По Ильинской улицѣ, въ приходѣ церкви Ильи Прор., что на Воронцовомъ полѣ:

Примеръ-маіора Ивана Сем. Языкова (2 пк.), бригадира Ивана

Бахметева (5 пк.), 2 гил. купца Ивана Ѳеодор. Рѣщикова (3 пк.), церкви Ильи Пр. попа Дометія Васильева (4 пк.), 2 г. купца Никиты Луковникова (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка солд. Ѳеодора Трунова (1 пк.) вдовы купецк. жены Евдокіи Ѳеодоровой (1 пк.), церкви Ильи Пр. діакона Ѳеодора Карпова (3 пк.), 3 г. купца Ивана Ефимова (3 пк.), 2 г. купцовъ: Георгія Макарова (1 пк.), Михаила Григорьева (1 пк.) и 1 г. Ивана Констан. Венчишкина (6 пк.). стат. сов. Аврама Стефан. Сверчкова (9 пк.), 3 г. купцовъ: Ивана Васильева (1 пк.) и Якова Васильева (1 пк.), соборнаго сторожа Трофима Лаврентьева (1 пк.), суконной фабрики содержателя Ивана Полу-Ярославцева (4 пк.).

Б. По той же улицѣ [1]):

Купцовъ: 1 гил. Петра Васильева Расторгуева (2 пк.) и Василія Расторгуева (4 пк.), 2 гил. Михаила Иванова (1 пк.), 3 гил Евфим. Савельева (1 пк.), отстав. матроса Димитр. Естаѳьева (1 пк.), купцовъ: 1 гильд. Прокопія Васильева Красильникова (3 пк.) и 3 гил. Андрея Гаврилова (1 пк.), секретаря Василія Протопопова (1 пк.).

В. У церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, по той же улицѣ [2])

3 гильд. купца Андрея Петрова (1 пк.), корчемной конторы

---

[1]) Сего заголовка въ вѣдомости на лист. 124—130 нѣтъ, и дворы значущіеся подъ этимъ заголовкомъ показаны подъ предъидущимъ, означенномъ нами подъ лит. А.

[2]) Заголовки погорѣвшихъ строеній по 7 командѣ представляютъ при пониманіи ихъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ всѣ писаны вдоль листа, сверху внизъ, на боку страницъ, и безъ знаковъ препинанія. Такъ и заголовки, поставленные нами подъ литт. В. и Г. въ подлинникѣ написаны: «въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ по той же Ильинской улицѣ близъ къ Серебренницкому переулку даже и до Земленаго города». Затрудненіе въ пониманіи сего подлиннаго заглавія еще болѣе увеличивается отъ того, что два списка подлинной вѣдомости, которые въ иныхъ случаяхъ взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ-друга, въ данномъ случаѣ не могутъ объяснять другъ друга, такъ какъ въ одномъ спискѣ заголовокъ написанъ не весь, а

поруч. Юрія Хрунова (2 пк.), совѣт. Ѳедора Григорьева Шишкина (2 пк.), Владимір. полка солд. Патапа Борисова (1 пк.), камеръ-коллег. канцеляр. Ѳеодора Никиф. Сахарова (1 пк.), церкви

только «у церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ по той же Ильи». Какъ же понять, разграничить, заглавіе? Этотъ вопросъ лучше рѣшается отрицательнымъ путемъ, чѣмъ положительнымъ. Нельзя понимать, разграничивать заглавіе такъ: 1) у церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, 2) по той же Ильинской улицѣ, 3) близъ къ Серебреницкому переулку, 4) даже и до Земленаго города. Нельзя раздѣлять такъ потому, что противъ признанія предполагаемаго 2 пункта за отдѣльный и за соединеніе 1 и 2 пунктовъ въ одинъ говоритъ то, что предполагаемый 1 пунктъ будетъ кончаться дворомъ шелковой фабрики ученика Ивана Матѳеева, тогда какъ много ниже двора сего Матѳеева означены погорѣвшими дворы причта Николо Воробинской церкви;—выходитъ, что дворы приходскаго причта будутъ значиться внѣ ихъ прихода. Противъ признанія предполагаемаго 4 пункта за отдѣльный говоритъ выраженіе «даже и до». Такимъ образомъ изъ предполагаемыхъ 4 пунктовъ остаются два, противъ дѣленія на которыя (что нами и сдѣлано) не находится существенныхъ возраженій.—Касательно того, что дворы причта Покровской церкви означены подъ заголовкомъ «у церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ, по той же улицѣ», т. е. какъ бы въ Николо-Воробинскомъ приходѣ нужно замѣтить, что это, быть можетъ, сдѣлано потому, что дворы Покровскаго причта находились, быть можетъ, на Ильинской улицѣ и изъ Покровскаго прихода погорѣли только они одни изъ стоявшихъ на Ильинской улицѣ, или въ смежности съ Ильинской улицей, и для нихъ составители вѣдомости, какъ для не многихъ строеній, не сочли нужнымъ сдѣлать особаго заглавія. Возможно и то объясненіе, что составители вѣдомости въ семъ заголовкѣ, означенномъ нами подъ литт. В, не поставили соединительной буквы *и*, то-есть заголовокъ должно читать «въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ *и* по той же Ильинской улицѣ». При такомъ чтеніи будетъ понятно, почему подъ симъ заголовкомъ перечисляются дворы причта, а быть можетъ и прихожанъ Покровской церкви. Но чѣмъ гадать касательно сего заглавія, равно и другихъ заголовковъ, лучше сопоставлять весь перечень погорѣвшихъ дворовъ по всѣмъ показаннымъ командамъ съ исповѣдными вѣдомостями современными пожару. Только при такомъ сопоставленіи перечень можетъ получить должную оцѣнку. Въ немъ по всей вѣроятности найдутся, хотя не большія, не точности, потому, что составители подлиннаго перечня, какъ можно предполагать, не имѣли подъ руками точныхъ письменныхъ свѣдѣній касательно приходовъ и дворовъ. При не имѣніи же точныхъ свѣдѣній, составить перечень значительнаго числа погорѣвшихъ строеній и въ короткій срокъ, безъ всякихъ малѣйшихъ ошибокъ, едва-ли возможно.

Покрова Богородицы: сторожа Димитр. Иванова (2 пк.) и священ. Сем. Иванова (4 пк.), отставн. капрала Ѳеодора Яковлева (1 пк.), Покровскаго пономаря Григорія Иванова (2 пк.), крестьян. Алексѣя Дмитріева (1 пк.), вдовы купецкой жены Анны Михайловой (1 пк.), Покровской просвирни Іулитты Сидоровой (1 пк.), купца Исаіи Максимова (1 пк.), Покровской церкви діакона Гаврінла Степанова (1 пк.), 3 гил. купца Ивана Гаврилова (1 пк.), вдовы куп. жены Евдокіи Ивановой (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преображ. полка солдата Ивана Рыкунова (1 пк.), карчемной конторы солдата Ивана Тимоѳеева (1 пк.), солд. Григорія Макѣева (1 пк.), купца Мато. Иванова (1 пк.), шелковой фабрики ученика Ивана Матѳеева (1 пк.), крестьян. Алексѣя Никит. Коробкина (1 пк.), вдовы куп. жены Параск. Яковлевой (1 пк.), дворцоваго оброч. крестьян. Гаврінла Игнатіева (1 пк.), дворцоваго портнаго мастера Василія Мартьянова (вѣроятно Мартиніанова) (1 пк.), крест. Аѳанасія Наумова (1 пк.), дворъ компанейщиковъ (показанъ только въ одномъ спискѣ вѣдомости) питейной компаніи, на которомъ имѣются пивоварни бывшихъ компанейщиковъ Андрея Семенова съ товарищи, да жилыхъ покоевъ 3, купца Ильи Иванова (1 пк.), Покровск. собора, что на Рву, придѣльнаго попа Григорія Степанова (1 пк.).

Г. Близъ къ Серебренцкому переулку даже и до Земляного города:

2 гил. купца Димитрія Васильева (1 пк.), подъяч. Михаила Дмитріева (1 пк.), дворц. крест. Ѳеодора Устинова (1 пк.), купца Ивана Захарова (1 пк.), губерн. канц. сторожа Ивана Савельева (1 пк.), вдовы куп. жены Анны Мартьяновой (Мартиніановой) (1 пк.), лейбъ-гвард. Преображ. полка солд. Евстаѳ. Стефан. Ракунова (1 пк.), Коломенск. полка солд. Сим. Любовскаго (1 пк.), отст. солд. Сергѣя Купреянова (т. е. Кипріанова) (1 пк.), 2 гил. купца Алексѣя Григорьева (1 пк.), дворцов. закройщика Алексѣя Аѳанасьева (1 пк.), адмирала Никол. Ѳеодор. Головина (5 пк.), Коломенск. полка солд. Софон. Иван. Полякова (2 дв., 3 пк.), у него-жъ на дворѣ (какъ значится въ одномъ спискѣ вѣдомости) жилъ 2 гил. куп. Георгій Ивановъ (2 пк. изъ означенныхъ), дворцоваго оброчн. крестьян. Ивана Ѳедотова (1 пк.), Ипатскаго монастыря крест. Ивана Минлева (1 пк.), маіора Ивана Иван. Засѣцкаго (1 пк.), вдовы секрет. жены Татіаны Павловой Щукиной (1 пк.), секр. Стеф. Иванова Патакина (1 пк.), камеръ-коллегіи президента Григорія Стефанова

Кисловскаго (сгорѣли конюшни), церкви Николая Чудотворца, что въ Воробинѣ дьячка Никиты Андреева (1 пк.), золотой фабрики ученика Ивана Космина (1 пк.), Ипатск. монастыря крест. Ивана Ѳедорова (1 пк.), тоя-жъ церкви сторожа Сим. Андреева (1 пк.), купца Прохора Степанова (1 пк.), суконной фабрики ученика Никифора Иванова (1 пк.), тоя-жъ церкви діакона Михаила Давыдова (1 пк.), помѣрной таможни ходака Григорія Петрова (1 пк.), тоя-жъ церкви священ. Алексѣя Данилова (1 пк.), соляной конт. подканцел. Ивана Алексѣева (1 пк.), Барашевской слободы Василія Данилова (1 пк.), подъяч. Марка Панова (1 пк.), на половинѣ земли), Сунодальн. крест. Петра Гаврилова (1 пк.), шелковой фабрики ученика Андрея Ѳедорова (1 пк.), крест. Космы Андреева (1 пк.), гвардіи Преобр. полка солдата Ивана Тарасова (1 пк.), шорника Ивана Петрова (1 пк.), Никольской просвирни Параскевы Даниловой (1 пк.), дворника Головина, на землѣ Головина, Андрея Русскаго (1 пк.), Ипатск. монастыря крест. Ѳеодора Дмитріева (1 пк.), того-жъ монастыря крест. Ивана Степанова (1 пк.), солд. жены вдовы Ѳеодосіи Ѳедоровой (1 пк.), подъячаго Космы Лукашева (1 пк.), отставн. солд. Алексѣя Лукьянова (1 пк.), губерн. канц. подканц. Ивана Ефим. Чертомова (1 пк.), отставн. матроса Ѳеодора Ѳедорова (1 пк.), Чудова монастыря слуги Ѳеодота Данилова (1 пк.), главной полиціи подканц. Аѳанасія Львова (2 пк.), корчемной конторы сержанта Андрея Молодова (1 пк.), отставн. солд. Ѳеодора Бисерова (и нынѣ владѣетъ 3 гил. купецъ Михаилъ Ивановъ) (1 пк.), суконной фабрики Ивана Ѳеодорова (1 пк.).

Д) Приходу церкви Живоначальныя Троицы, что въ Серебренникахъ, по Серебренницкому до Яуз кмъ воротъ

[1]) Бутырск. полка солд. Савелія Шихова (1 пк.), лейбъ-гвардіи Семенов. полка солд. Тимоѳ. Аѳанасьева (1 пк.), Чудова монастыря служителя сына Георгія Семенова (1 пк.), харчевени. покой 2 гил. куп. Прокопія Васильева (1 пк.), парусной и бумажной фабр. содержат. Аѳанасія Гончарова (16 пк.), 1 гил. куц. Василія

[1]) Дворы, съ Шихова по дворъ діакона Ѳеод. Васильева, въ одномъ спискѣ вѣдомости означены ниже, послѣ двора дворцоваго источника Карпа Агаѳонова, и сей перечень начинается съ двора викарн. попа Тимоѳ. Аѳанасьева.

Коптягина жены его вдовы Анны Ѳедоровой (2 пк.), свящ. Родіона Андреева (4 пк.), просвирни Анны Григорьевой (1 пк.), дьячка Ивана Петрова (1 пк.), діакона Ѳеодора Васильева (1 пк.), викарнаго попа Тимоѳ. Аѳанасьева (1 пк.), полковн. Ивана Макар. Полянскаго жены его вдовы Анны Ивановой (4 пк.), полотняной фабрики содержателей Георгія и Ивана Овошниковыхъ (7 пк.), полковницы вдовы Анны Ивановой Пущиной (2 пк.), 1 гил. купцовъ: Василія Суроженникова (3 пк.) и Сем. Юрьева (4 пк.), артиллеріи школьника Алексѣя Григорьева Хрущова (2 пк.), 1 г. купца Аѳанасія Пономарева (4 пк.), дворцоваго истопника Карпа Агаѳонова (3 пк.), Карчемной конторы солд. Василія Хохолкова (1 пк.) Выборгск. полка солд. Григорія Григорьева (2 пк.), 2 гил. куп. Якова Моисеева (2 дв., 6 пк.) (одинъ дворъ, въ которомъ имѣется его жъ харчевня), вдовы купецк. жены Евдок. Ѳедоровой (2 пк.), Борисо-Глѣбск. монастыря крест. Гавріила Михайлова (1 пк.), Ковлова полка отст. солд. Ивана Ѳедорова (1 пк.), оберъ-комиссара Стефана Петр. Корницкаго (1 пк.), 2 г. куп. Мирона Григорьева (1 пк.) и Ѳеодора Дмитріева (1 пк.), суконн. фабрики учениковъ: Петр. Иванова (1 пк.) и Ивана Артеміева (1 пк.), вдовы солд. жены Даріи Ивановой (1 пк.), отставн. солд. Ѳомы Ильина (1 пк.), вдовы солдата жены Параскевы Лаврентьевой (1 пк.), отстав. Серж. Василія Венедиктова (3 пк.), отст. солд. Стеф. Сченкина (вѣроятно Щенкина) (1 пк.), гвард. серж. Василія Корякова (1 пк.).

Е) По приходу церкви Николая Чуд., что въ Кошеляхъ:

Попа Петра Аѳанасьева (1 пк.), пономаря Ивана Борисова (1 пк.), всенн. конторы подканцеляр. Максима Иванова (1 пк.), діакона Леонтія Леонтьева (1 пк.), попа Ѳеод. Дмитріева (2 пк.), Троице-Сергіева монастыря крест. Ѳеодора Степанова (1 пк.), 3 гил. куп. Никиф. Тимоѳеева (1 пк.), просвирни Стефан. Семеновой (1 пк.), дворцов. каменщика Андрея Васильева (1 пк.), 2 гил. куп. Ивана Иван. Кривошеина (1 пк.), сунод. крест. Ивана Петрова (1 пк.), 3 гил. куп. Семеона Васильева (1 пк.), Дашкова служителя Петра Иванова (1 пк.), бывшаго компанейщика Андрея Семенова пивоварня (3 пк.), 2 ѳартины, одна въ Серебрен., другая у Яузск. воротъ, 2 бани, мужская да женская, въ Серебрениках, да сгорѣлъ Яузскій мостъ, да у казенныхъ 4 колодцевъ выгорѣли срубы, да сгорѣло людей, мужеска 5, женска 2, 7 человѣкъ.

Всего дворовъ по 7 командѣ сгорѣло 156, въ нихъ покоевъ 257, въ томъ числѣ двѣ бани, двѣ ѳартины и три пивоварни.

По 9 командѣ.

Въ Сыромятной слободѣ:

Дворъ бывшаго каммергера и кавалера Стефана Васильева Лопухина (7 пк.), Конюшенной слободы куп. Александр. Васильева (1 пк.), вдовы Параск. Петр. дочери Ивановской. жены Матюшкиной (8 пк., теплыхъ 4), Воздвиженс. дѣвичьяго монаст., что въ Костромѣ, крест. Сим. Максимова (1 пк.), стат. сов. Петра Михайл. Салтыкова крестьян. Никиф. Логинова (1 пк.), Николо-Озерскаго монаст. крест. Василія Иванова (1 пк.), 2 гил. куп. Ивана Григорьева (1 пк.), лейбъ-гвард. Семенов. полка солд. Ѳеодора Сорокина (1 пк.), дворового оброчнаго крестьянина Ѳеодора Никитина (1 пк.), Ивана Полуярославцева фабрика и покои (4 пк.), придворнаго скатертника Прохора Андреянова (1 пк.), Спаса Новаго монаст. крестьян. Ивана Ѳедотова (1 пк.), 2 гил. куп. Ѳеодора Губина (1 пк.), Садовой набережной слободы куп. Михаила Давыдова (2 пк.), дѣвицы Іуліан. Васильевой Головленковой (теплыхъ покоевъ 4, да холодныхъ 1, изъ которыхъ сгорѣлъ 1 покой, конюшня 1, да 1 погребъ). Подпоруч. Ѳеодора Сѣченева (1 пк.), дворянина Ивана Аникіева (1 пк.), торговыя Самотецкія бани (2 пк.) мужская да женская, и ѳартинная изба (1 пк.).

Всего по 9 командѣ обывательскихъ дворовъ погорѣло 17, въ нихъ покоевъ 37.

По 10 командѣ

«На церкви Архидіакона Стефана крышки сгорѣли, да колоколъ одинъ оборвался, а внутри тоя церкви цѣло, да при той церкви богадѣленныхъ два покоя сгорѣли. На церкви Симеона Столпника крыша, а такожъ двери и окны сгорѣли, а внутри цѣло, богадѣленныхъ два покоя сгорѣло. На церкви Покрова Богородицы кровля сгорѣла, да два колокола растопились, крестъ покривился, а внутри цѣло. На церкви Николая Чудотворца, что на Ямахъ, кровля сгорѣла, большой колоколъ оборвался, а внутри цѣло, богадѣленныхъ два покоя сгорѣло. На церкви Мартина Исповѣдника, что въ большой Алексѣевской, два креста, такожъ и кровли, сгорѣли, а внутри цѣло; при оной церкви богадѣленный одинъ покой сгорѣлъ. На

церкви Алексія Митрополита, что въ Малой Алексѣевской, кресты и кровля сгорѣли, а внутри въ цѣлости. На церкви Сергія Чудотворца, что въ Рогожской, крестъ и крышки сгорѣли, а внутри цѣло, да при оной церкви богадѣленныхъ два покоя сгорѣло. Въ Андроніевомъ монастырѣ въ церкви Алексѣя Митрополита иконостасъ и протчее, такожъ и на протчихъ церквахъ крышки, и на келліяхъ крышки-жъ, и двери, и въ нихъ окна, и житницы съ хлѣбомъ сгорѣли.»

Сколько погорѣло людей и погребено:

«У церкви Сергія Чудотворца, что въ Рогожской мужеска 9, женска 15, итого 24 человѣка; у церкви Алексія Митрополита мужеска 12, женска 13, итого 25 чловѣкъ; у церкви Николая Чудотворца, что на Ямахъ, мужеска 7, женска 5, итого 12; у Земляного города мужеска полу одинъ человѣкъ усмотрѣнъ нами; у церкви Мартина Исповѣдника мужеска 1 человѣкъ; въ Покровскомъ монастырѣ погребено мужеска 3, женска 2, итого 5 человѣкъ; у Новаго Космы и Даміана погребено мужеска полу 2 человѣка. Всего 70 человѣкъ.»

Погорѣли дворы и покои [24]:

А) Идя отъ Яузскаго моста на правую сторону, (у) церкви Христова муч. Никиты, на Никитской улицѣ:

2 гил. куп. Трофима Захарьева (3 пк.), при тожъ же дворѣ поваренный и солодовый заводъ 3 гил. куп. Андрея Филатова (т. е. Ѳеофилактова) (1 пк.), дворцовой капц. копіиста Андрея Баскакова (1 пк.), юстицъ коллег. канцеляр. Гавріила Васильева (1 пк.), крестьянина Василія Никитина (1 пок.), суконнаго большаго двора ученика Ивана Тарасова (1 пок.), купцовъ: 3 гильдіи Евдокія Прокофьева (1 пок.), 3 гильдіи Ивана Шапошникова (1 пок.), 2 гильдія Игнат. Яковлева (1 пок.), 2 гильдіи Сем. Елисеева (1 пк.), 2 гил. Максима Ѳедорова (1 пк.), 3 гил. Стеф. Сергѣева (1 пк.), 2 гил. Алексія Григорьева (1 пк.), 1 гил. Якова. Ильина (2 пк.), камеръ колл. секрет. Алексѣя Протодьяконова (3 пк.).

[24] Вѣдомость отъ 10 команды имѣется въ дѣлѣ только въ одномъ спискѣ, въ ней не показано сколько было дворовъ погорѣвшихъ у извѣстнаго домовладѣльца, а показано только количество погорѣвшихъ покоевъ.

Б) Идя со Вшивой (т. е. Швивой) горки къ Яузскому мосту съ переулками:

Стольника Василія Беклемишева (6 пк.), гг. барон. Строгоновыхъ соляной дворъ (2 пок. сгорѣли, и 2 пок. сломаны), капитана Ивана Рагулскаго (3 пок.), вдовы совѣтника жены Елисав. Никитиной Волковой (5 пк.), 2 гил. куп. Ивана Филиппова (1 пк.), лейбъ-гвардіи преобр. полка адъют. Ивана Михайл. Озно-бишина (5 пк.), бригадира Алексан. Вукина (5 пк.), 2 гил. купцовъ: Якова Алексѣева (1 пк.) и Димитрія Ѳедорова (1 пк.), вдовы купец. жены Маріи Яковлевой (1 пк.), лейбъ-кампаніи капенармуса Григорія Кильдишева (4 пк.), главной артил. цехвахтера Михаила Селиванова (2 пк.), лейбъ-гвардіи преобр. полка отст. солд. Ивана Яков. Соловова (2 пк.), 1 гил. куп. Ѳеодора Свѣшникова (2 пк.), Москов. большой таможни канцел. Спирид. Кавыршина (2 пк.), фабриканта Максима Демидова (4 пк.), 3 гил. куп. Петра Иванова (1 пк.), церкви Архидіакона Стеф. попа Ивана Васильева (2 пк.), 2 гил. куп. Ивана Филатова (т. е. Ѳеофилактова), крест. Стеф. Васильева (1 пк.), крест. Ивана Обросимова (т. е. Амвросіева) (1 пк.), отставнаго подпоручика Петра Закусихина (1 пок.) выше писанной церкви: діакона Ивана Иларіонова (1 пок.), дьячка Петра Леонтьева (1 пк.), просвирни Татіаны Емельяновой (1 пк.) и сторожа Ивана Алексѣева (1 пк.), 2 гил. куп. Іова Иван. Свѣшникова (1 пк.), вдовы купец. жены Евфиміи Матѳеевой (1 пк.), 2 гил. купцовъ: Василія Иван. Чукина (1 пк.) и Ивана Кузьмина (1 пк.) (при томъ же дворѣ поваренный и солодовый заводъ), Моск. большой таможни подъ канцел. Сем. Шурлова (1 пк.), 2 гил. куп. Михаил. Иван. Уксусникова (1 пк.) (при томъ же дворѣ поваренный и солодовый заводъ).

В) Идя отъ Яузскаго моста на лѣвую сторону, и по обѣ стороны съ переулками:

Крест. Никиты Архиппова (2 пк.), дѣйст. каммергера и кав. графа Петра Борис. Шереметева (1 пк.), главной дворцовой канцеляріи конц. Алексѣя Прохор. Ѳедулова (1 пк.), крест. Никиф. Никитина (1 пк.), гвард. капрала Петра Тапилскаго (14 пк.), герольдмейстер. конторы секрет. Ивана Бушуева (2 пк.), гвардіи

Преоб. полка солд. Димитр. Рылева (1 пк.), 2 гил. куп. Михаила Степанова (1 пк.), Москов. полиц. капит. Сум. Никит. Маслова (3 пк.), церкви Сум. Столпн.: дьячка Дометія Васильева (1 пк.), пономаря Никиф. Васильева (1 пк.), діакона Григор. Игнатьева (3 пк.), попа Василія Петрова (2 пк.) и просвирни Пелаг. Степановой (1 пк.), маіора Иван. Иван. Буруева (4 пк.), каммеръ-лакея Ивана Барыбина (1 пк.), ревизіонъ-коллегіи канцеляр. Ильи Панкратьева (1 пк.), колл. экономіи коммис. Лаврен. Денисова (2 пк.), Вознесен. дѣвичьяго монаст. приказн. Василія Некрасова (2 пк.), вотчин. коллегіи канцеляр. Ивана Ларіонова (1 пк.), гофъ-курьера Сум. Алексѣева Носова жены его вдовы Пар. Ивановой (3 пк.), отст. солд. Ермила Увядова (1 пк.), Ново-Троицкаго драгунск. полка драг. Ѳеодора Савельева (1 пк.), Арханг. собора сторожа Ѳеодора Аникіева (1 пк.), куп. Мато. Иванова (1 пк.).

Г) По Семеновской улицѣ:

Шляпнаго двора содержат. Михаила Гусятникова (10 пк.), лейбъ-гвардіи Измайл. капрала Василія Иван. Чиркова (2 пк.), лейбъ-гвард. Преобр. полка капрала князя Ивана Иван. Бабичева (3 пк.), мундирной конт. солд. Григорія Окунева (1 пк.), маіора Петра Влад. Лихарева (1 пк.), шляпнаго двора ученика Никиты Дмитріева (1 пк.), подворье Спасо-Рязанскаго монастыря (1 пк.), лейбъ-гвард. Преобр. полка сержан. Михаила Любовскаго (4 пк.), вотчинной колл. канц. Трофима Иванова (2 пк.), 2 гил. купцовъ: Якова Васильева (3 пк.) и Григор. Никифорова (2 пк.), вотчин. конторы канц. жены Анаст. Ѳедоровой (1 пк.), дворцов. служителя Ѳеодора Разумова (2 пк.), той же конторы подканцел. Петр. Шурлова (2 пк.), губернс. канд. подконцел. Ѳеодора Иванова (2 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка солд. Ивана Аѳанасьева (2 пк.), 3 гил. купецк. жены вдовы Маѳы Тимоѳеевой (1 пк.), губ. канцел. подъяч. Петр. Павлова (1 пк.), дѣйст. стат. сов. Ивана Мартин. Пырскаго (4 пк.), Измайл. полка капрала Никол. Патап. Колокольцева (5 пк.), 2 гил. куп. Петр. Степанова (1 пк.), Влад. полка солд. Кос. Павлова (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка солд. Василія Димитр. Крюкова (1 пк.), 3 гил. куп. Михаила Иван. Буховцова (1 пк.), 2 гил. Ивана Иванова (1 пк.), 1 гил. куп. Герас. Андреева (2 пк.), Ново-Троиц. драг. полка драг. Аѳан. Павлова (1 пк.), 2 гил. купц. Михаила Тимоѳеева (1 пк.), Никиф.

Космина (1 пк.) и Андрея Губкина жены его вдовы Евд. Осиповой (1 пк.), вотчинн. колл. секрет. Сум. Шурлова (2 пк.), фабриканта Максима Демидова (16 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка сержан. Петр.Ознобишина (4 пк.), Правител. Сената оберъ-секрет. Іосифа Дудина (5 пк.), стат. сов. Алексѣя Лихарева (5 пк.), вдовы маіора жены Анны Адріан. Засоновой (2 пк.), царедворца Петра Васильева Даудова (1 пк.), лейбъ-гвард. Измайл. полка полковаго квартермейстера Михаила Селявина (3 пк.), стат. сов. Алексѣя Кирилл. Лихарева (2 пк.), церкви Покрова Богор.: пономаря Михаила Степанова (1 пк.), дьячка Михаила Никитина (1 пк.), попа Василія Иванова (3 пк.) и просвир. Ирины Степановой (1 пк.), стат. сов. Алексѣя Кирилл. Лихарева (9 пк.), коммис. Кипр. Лукина (3 пк.), губерн. канц. солд. Григорія Васильева Обухова (1 пк.), 1 Моск. полка серж. Онис. Иванова (1 пк.), отстав. солд. Матѳ. Яковлева (1 пк.), крест. Емил. Иванова (1 пк.), печатнаго двора батыр. Ивана Иванова (1 пк.), генер. штабъ-квартермистра Сум. Ѳеодор. Казакова (3 пк.), Преобр. полка солд. Ѳеодора Васильева Брылкова (2 пк.), отст. солд. Демида Грушевскаго (1 пк.), Ямской Рогожской слободы ямщ. Аѳан. Михайлова (1 пк.), полковн. вдовы Іуст. Иван. Глѣбовой (2 пк.), Никол. Алексѣева Желубова (4 пк.).

Д) Выше, за Земляной горой:

Оружейн. палаты слесаря Иван. Тимоѳ. Мекоткина (1 пк.) 2 гил. куп. Якова Трофимова (1 пк.), каменщика Андр. Ильина (1 пк.), дворцов. подключника Матѳ. Турчанинова (2 пк.), каменщ. Григорія Яковлева (1 пк.), морскаго флота поруч. Григ. Ѳеодор. Корондѣева (3 пк.), отст. солд. Якова Аникіева (1 пк.), артил. фурлета Ѳеодота Григорьева (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка капит. Ивана Иван. Ильина (2 пк.), Полу-Ярославцевой фабрики ученика Евф. Григорьева (1 пк.), суконной фабрики ученика Ив. Григорьева (1 пк.) Кіевск. полка фурьера Аѳан. Хлѣбникова (1 пк.), оружейной палаты слесаря Емил. Михайлова (1 пк.), 3 гил. куп. Марка Петрова (1 пк.), камерцколлегіи сторожа Максима Безсонова (1 пк.), артил. пушечн. двора порохов. мастера Пет. Григор. Воронова (1 пк.), 2 гилд. куп. Сум. Екимова (1 пк.), маіора Василія Иван. Толстова (8 пк.), совѣт. Алексѣя Кирилл. Лихарева (2 пк.), крест. Изота Матѳеева (1 пк.), крест. Григор. Петрова (1 пк.), артил. служителя Стеф. Анисимова (1 пк.), крест. Григор.

Михайлова (1 пк.), 3 гил. куп. Якова Григорьева (1 пк.), оружейной палаты Василія Иванова (1 пк.), крест. Варл. Гаврилова (1 пк.), отст. солд. Сум. Иванова (1 пк.), 3 гил. куп. Ивана Алексѣева (1 пк.), крест. Василія Володимерова (1 пк.), крест. Бориса Алексѣева (1 пк.), и Димитр. Тимоѳеева (1 пк.), посадскаго челов. Бориса Петрова (1 пк.), купца Григорія Иванова (1 пк.), вдовы купецк. жены Елены Лукьяновой (1 пк.) 2 гил. купца Алексѣя Ильина (1 пк.), купца Игнат. Михайлова (1 пк.). Преобр. полка сержан. Аѳан. Густошева (6 пк.), инженера Павла Ѳрафова (вѣроятно Евграфова) (3 пк.), 2 гил. куп. Петра Максимова (2 пк.), города Углича купца Гаврінла Иванова (1 пк.), прапорщ. Петра Багренева (3 пк.), отстав. капрала Никол. Лукина (1 пк.), села Покровс. оброчн. крестьян. Петра Максимова (1 пк.), купц. Василія Ѳомина (1 пк.) и 1 гил. Якова Малыгина (6 пк.), секретаря Тимоѳ. Безборова (6 пк.), Протоколис. Василія Григорьева Вараксина (3 пк.).

Е) Идя съ Николоямской улицы къ Полуярославцевой вартинѣ:

Купца Ивана Семенова (1 пк.), крест. Луки Игнатьева (1 пк.), канцеляр. Ѳеодора Васильева (1 пк.), крест. Михаила Петрова (1 пк.), куп. Филиппа Иванова (1 пк.), отстав. матроса Космы Максимова (1 пк.), куп. Григор. Иванова (1 пк.), отстав. солд. Родіона Петрова (1 пк.), куп. Ивана Иванова (1 пк.) и 3 гил. Ивана Антонова (1 пк.), Третьяковой фабрики приказчик. Алексѣя Иванова (1 пк.), монетчика Онис. Иванова (1 пк.), мишурной фабрики ученика Петра Иванова (1 пк.), 3 гил. куп. Матѳ. Григорьева (1 пк.), вотчинной коллегіи копіиста Ивана Игнатьева (1 пк.), 2 гил. куп. Савелія Яковлева (1 пк.), 2 Москов. полка солд. Ивана Еремѣева (1 пк.), каменныхъ дѣлъ подвязчика Карпа Игнатьева (1 пк.), Полу-Ярославцевой фабрики ученика Димитр. Никитина (1 пк.), 3 гил. куп. Андрея Черного (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преображ. полка капрала Михаила Кирилова (1 пк.), 2 гил. куп Петра Степанова (1 пк.), консисторіи канцеляр. Михаила Колманскаго (1 пк.), церкви Никол. Чудот., что на Ямахъ, попа Петра Алексѣева (2 пк.), 1 гил. куп. и пороховаго забодчика Ильи Яковлева (покой въ дѣлости, токмо погорѣло: сараи, конюшни, погреба и прочее), гвардіи капрала Михаила Кирилл. Гвоздева (2 пк.), вдовы солдат. жены Марѳы Ивановой (1 пк.), 2 Московск. полка

солд. Созон. Никитина (1 пк.), главной дворцовой канцеляріи Александра Васильева (1п к.), куп. Сум. Терентьева (2 пк.), крест. Петра Иванова (1 пк.), куп. Ивана Кирилова (1 пк.), сержанта Аоан. Жадолскаго (1 пк.), купцовъ: Сергѣя Ѳедулова (2 пк.), Стеф. Букова (1 пк.) и Петра Семенова (1 пк.), фабричнаго Кос. Яковлева (1 пк.), крестьян. Василія Петрова (1 пк.), маіора Аоан. Лаврент. Скобѣлцына (2 пк.), церкви Никол. Чуд., что на Ямахъ, просвир. Ирины Ѳеодоровой (1 пк.), монетчика Аоан. Иванова (1 пк.), тоя церкви діакона Ѳеодора Григорьева (2 пк.), Измайлов. полка солд. Димитр. Лукьянова (1 пк.), купца Петра Дороѳеева падчерицы дѣвицы Матр. Осиповой (2 пк.), купца Сум. Никифорова (1 пк.), церкви Никол. Чуд., что на Ямахъ: пономаря Ивана Васильева (2 пк.), и дьячка Прохора Алексѣева (2 пк.), прапорщ. Ивана Конопліна (1 пк.), секрет. Никиты Горянкова (2 пк.), крест. Димит. Семенова (1 пк.), денежнаго двора плотника Якова Ѳедорова (1 пк.), крестьян. Тимоѳ. Александрова (1 пк.), вдовы Ирины Ивановой (1 пк.), купцовъ: Стеф. Терентьева (1 пк.), Пимена Семенова (1 пк.), Ивана Дмитріева (1 пк.), Якова Михайлова (2 пк.), Тимоѳ. Трофимова (1 пк.), Космы Семенова (1 пк.), Наума Герасимова (1 пк.), и Никиты Семенова (1 пк.), купецкой жены Евдок. Ѳеодоровой (1 пк.), канцеляриста Григор. Степанова (1 пк.), куп. Михаила Васильева (1 пк.), вдовы Натал. Михайловой (1 пк.), прапорщ. Ивана Холодова (1 пк.), купцовъ: Стеф. Иванова (1 пк.) и Якова Едронкина (1 пк.), канцел. Алексѣя Хрипунова (1 пк.), куп.: Михаила Резанова (2 пк.) и Алексѣя Васильева (1 пк.), вдовы Параск. Алексѣевой (4 пк.), архитектора ученика Стеф. Дудинскаго (1 пк.), канцеляр. Пет. Красовскаго (1 пк.), вдовы секретар. жены Маріи Васильевой (2 пк.), дворцоваго лекаря Павла Харламова (3 пк.), купцовъ: Сум. Екимова (3 пк.), Ивана Иванова (1 пк.) и Ѳеодора Птицына (1 пк.), крестьян. Павла Кондратьева (т. е. Кодратьева) (1 пк.), купцовъ: Сум. Прокофьева (2 пк.), Ивана Володимерова (1 пк.), Павла Дементьева (1 пк.), (и пивоваренный заводъ) и Якова Иванова (2 пк.), дворцов. служителя Андрея Нестерова (1 пк.), купцовъ: Павла Моисеева (1 пк.), Ѳеодора Григорьева (1 пк.) и Пет. Ѳадеева (1 пк.), церкви Алексѣя Митрополита: дьячка Петра Алексѣева (1 пк.), пономаря Ивана Гаврилова (1 пк.), попа Григор. Павлова (1 пк.), просвирни Евдок. Павловой (1 пк.), и діакона Ивана Иванова (2 пк.), куп. Ивана Некрасова (2 пк.), 2 Москов. полка капитенармуса Исидора

Голыщева (1 пк.), Полу-Ярославцевой фабрики ученика Ивана Михайлова (1 пк.), купцовъ: Сем. Аѳанасьева (1 пк.), Сем. Корнилова (1 пк.) и Василія Анагнина (1 пк.), солд.: Прохора Астафьева (1 пк.) и Ивана Григорьева (1 пк.), купцовъ: Ѳеодора Ѳедорова (1 пк.), 2 гил. Андр. Лукьянова (1 пк.), 3 гил. Андр. Дмитріева (1 пк.), 2 гил. Ивана Климова (1 пк.), 1 гил. Никиты Егорова (1 пк.), 3 гил. Алексан. Ѳедорова (1 пк.) и 3 гил. Аѳан. Иванова (2 пк.), дворцов. крестьян. Лаврен. Иванова (1 пк.), купцовъ: 1 гил. Алексѣя Иван. Шошина (2 пк.), 2 гил. Саввы Максимова (2 пк.), 2 гил. Прокоп. Степанова (1 пк.) и 2 гил. Тимоѳ. Рогова (1 пк.), вдовы купецкой жены Ксен. Михайловой (1 пк.), купцовъ: 2 гил. Аѳнима Максимова (2 пк.), Кадашевской слободы Михаила Ѳедорова (1 пк.) и 3 гил. Ивана Васильева (1 пк.), отстав. солд. Ивана Аѳерьева (вѣроятно Алѳеева) (1 пк.), 3 гил. куп. Прокоп. Козмина (1 пк.), церкви Мартина исповѣдника: попа Космы Петрова (2 пк.), дьячка Ѳеодора Аѳанасьева (1 пк.), просвирни Іуліаніи Алексѣевой (1 пк.), и сторожа Конона Аѳанасьева (2 пк.), Ямской Рогожской слободы ямщика Ивана Емельянова (1 пк.), (на его землѣ живетъ купецъ Пет. Алексѣевъ (1 пк.), отстав. прапорщ. Космы Мизгирева (2 пк.),

Ж) Вышедъ изъ Малой Алексѣевской слободы въ Глухой переулокъ:

Чудова монаст. крестьян. Алексѣя Алипьева (т. е. Олимпіева) (1 пк.), Ново-Троицкаго Драгунск. полка драгуна Романа Евсевьева (1 пк.), 3 гил. куп. Іоакима Сергѣева (1 пк.), большой таможни сторожа Алексѣя Савельева (1 пк.), Рождествен. монаст. крестьян. Михея Климова (1 пк.), печатнаго двора батырщика Ивана Максимова (1 к.), купцовъ: 2 гил. Каллин. Лукьянова (1 пк.), 2 гил. Ивана Иванова (1 пк.) и 3 гил. Ѳеодора Иванова (1 пк.), отстав. солд. Іоакима Никитина (1 пк.), 2 гил. купца Никиты Филиппова (1 пк.), батырщика Василія Яковлева (1 пк.), города Мурома куп. Василія Тимоѳеева (1 пк.), 3 гил. куп. Ив. Дементьева (1 пк.), вдовы сторожевской жены Анны Ивановой (1 пк.), суконной фабрики ученика Ѳеодора Дмитріева (1 пк.), вдовы сторожены Евдокіи Степановой (1 пк.), крестьян. Лаврент. Юдина (1 пк.), крест. Ивана Иванова (1 пк.), вотчинной коллегіи подканцел. Алексѣя Михайлова (1 пк.), 2 гил. купцовъ: Никиты Поликарпова (1 пк.) и Прохора Андреева (1 пк.), вдовы монет-

чиновой жены Іуст. Ивановой (1 пк.), 2 гил. куп. Ивана Иванова 1 пк), дворцов крестян. Кирилла Никулина (1 пк) 2 гил. куп. Ивана Иванова (п к.), Малыхъ Нужниковъ куп. Луки Григорьева (1 пк.), 3 гил. куп. Стеф. Кирилова (1 пк.), крестьян. Ив. Юрьева (1 пк.), 2 гил. куп. Кирилла Тимоѳеева (1 пк.), Гончарной слободы Стеф. Дмитріева (1 пк.), города Зарайска купца Ивана Кузмина (1 пк.), сенат. Геодезиста Якова Григорьева (2 пк.), вдовы куп. жены Евдокіи Семеновой (1 пк.), печатн. двора тередорщика Алекс. Васильева (1 пк.), канительной и золотой фабрики ученика Аѳан. Гаврилова (1 пк.), вдовы капитан. жены Анны Ѳеодор. Бабаѣдовой (3 пк.), вдовы крест. жены Натал. Сафроновой (1 пк.). Рязанскаго драгунск. полка Сержанта Якова Чистова (1 пк.), села Покровск. оброчн. крест. Савел. Матѳеева (1 пк.), купцовъ: 2 гил. Александр. Ѳедорова (2 пк.), и 3 гил. Ивана Иванова (1 пк.), маіора Ивана Поливанова (1 пк.), 2 гил. куп. Аѳанас. Дмитріева (1 пк.), Овчинной слободы куп. Ѳеодора Семенова (1 пк.), 2 гил. куп. Ѳаддея Григорьева (1 пк.), Москов. Ратуши сержан. Аѳанас. Забѣгаева (1 пк.), дворцоваго медовщика Петра Семенова (1 пк.), 2 гил. купцовъ: Луки Михеева (2 пк.), и Андр. Иванова (2 пк.), Вознесенск. монаст. крест. Григор. Никифорова (1 пк.), 2 гил. купцовъ: Василія Григорьева (1 пк.), Василія Кузмина (1 пк.), Ивана Климова (1 пк.), и 1 гил. Стеф. Семенова (1 пк.), вдовы секрет. жены Натал. Шестаковой (1 пк.), отстав. артиллерійскаго извозчика Аѳанас. Кобылина (1 пк.), 1 гил. куп. Алексѣя Кондратьева (1 пк.), Кашельной слободы куп. Матѳ. Иванова (4 пк.), отстав. прапорщ. Дан. Шиловцсова (2 пк.), вдовы купец. жены Анны Сидоровой (1 пк.), вдовы солд. жены Васы Степановой (1 пк.), солд. жены Евд. Алексѣевой (1 пк.), 2 гил. куп. Аѳан. Егорова (1 пк.), 2 гил. куп. Павла Козмина (1 пк.), камеръ коллегіи копіис. Василія Михина (1 пк.), Мясницкой полусотни куп. Ѳеодора Юдина (1 пк.), отстав. солд. Ѳеодосія Борисова (1 пк.), купцовъ 2 гил. Аѳанас. Григорьева (1 пк.), 3 гил. Петр. Матѳеева (1 пк.), 2 гил. Аѳанас. Евсевіева (1 пк.), и 2 гил. Стеф. Ѳедорова (1 пк.), каменныхъ дѣлъ подвязчика Прох. Петрова (1 пк.), Сыромятной слободы куп. Тих. Ѳедорова (1 пк.), шляпнаго двора ученика Терен. Максимова (1 пк.), артиллерійской школы ученика Александр. Селиверстова (1 пк.), дворцов. канцеляр. солд. Олимп. Меркулова (1 пк.), 3 гил. куп. Евдокія Артемьева (1 пк.), крест. Григор. Васильева (1 пк.), 2 гил. куп.

Андр. Андреянова (1 пк.), Измайл. полка солд. Осипа Паникова (1 пк.), крест. Стеф. Дементьева (1 пк.), Вороховыхъ дѣлъ мастера Петр. Воронова (1 пк.), Полу-Ярославцевой фабрики ученика Никиты Иванова (1 пк.), князя Романа Горчакова крестьян. Василія Родіонова (1 пк.), 3 гил. куп. Спирид. Степанова (1 пк.), крестьян. Тимоѳ. Семенова (1 пк.), дворцов. служителя Григорія Никитина (1 пк.), вдовы Агрипп. Антоновой (1 пк.), отстав. солд. Аѳан. Ѳадеева (1 цк.), каменщика Василія Осипова (1 пк.), вдовы купецк. жены Ксен. Ивановой (1 пк.), маіора Емиліана Бобрищева крест. Петр. Прокофьева (1 пк), дворцов. крест. Михаила Алексѣева (1 пк.), отстав. солд. Ѳеодора Петрова (1 пк.), каменщика Василія Семенова (1 пк.), Варварской школы ученика Евф. Лебедева (1 пк.), Алексѣевск. монаст. крестьян. Михаила Яковлева (1 пк), вдовы купец. жены Даріи Петровой (2 пк.), вдовы крест. жены Маріи Самойловой (1 пк.), князя Алексѣя Матѳ. Гагарина крест. Космы Осипова (1 пк.), лейбъ-гвардіи Преобр. полка капрала Алексѣя Христофорова (5 пк.), дворцоваго крестьян. Леонт. Петрова (1 пк.), 2 гил. куп. Никиты Иванова (1 цк.), дворцов. крестьян. Кир. Сергѣева (1 пк.), купца Ѳеодос. Богомолова (1 пк.), куп. Никиф. Андреева (3 пк.), интенданта Андр. Боброва (4 пк.), вдовы купец. жены Ксен. Ивановой (1 пк.), куп) Андр. Дементьева (2 пк.), купца Самуила Ѳедорова (1 пк.), вдовы купец. жены Евд. Сахаровой (1 пк.), куп. жены Вассы Аѳанасьевой (1 пк.), купц.: Никиф. Никифорова (1 пк.), и Ив. Евдокимова (3 пк), крест. Василія Иванова (1 пк.), вдовы купец. жены Анны Ивановой (1 пк.), куп. Стеф. Иванова (1 пк.), дворцов. конюха Антон. Иванова (1 пк.), бергъ-коллегіи математическихъ наукъ ученика Василія Филиппова (2 пк.), вдовы солд. жены Екат. Тимоѳеевой (1 пк), церкви Мартина Исповѣдника діакона Алексѣя Григорьева (2 пк.), купцовъ: Михаила Иванова (2 пк), Ивана Митрофанова (1 пк.), Аѳан. Алимпіева (2 пк.), Василія Некрасова (1 пк.), 1 гил. цѣнинной фабрики содержат. Аѳан. Гребенщикова (12 пк.), Михаила Ѳедорова (3 пк.) и Ивана Мартинова (1 пк.), вдовы купец. жены Маріи Ивановой (1 пк.), купцовъ: Пет. Михайлова (1 пк.), Никол. Сидорова (1 пк.), Гавр. Мартьянова (т. е. Мартиніанова) (2 пк), Никона Ѳедорова (2 пк.), Якова Иванова (2 пк.), Герасима Васильева (2 пк.) и Михаила Филипова (3 пк.), вдовы купец жены Ѳеодос. Степановой (1 пк.), купцовъ: Петра Васильева (1 пк.) и Ивана Елизарова (1 пк.), монетн. двора ассесора Ив. Макѣева

(6 пк.), купца Саввы Дѣева (1 пк.), куп. Ив. Яковлева (1 пк.), вдовы крестьян. жены Татіаны Михайловой (1 пк.), куп. Ѳеодора Давыдова (1 пк.), надсмотрщика Игнат. Топильскаго (1 пк.), купца Анд. Товарова жены вдовы Евд. Васильевой (4 пк.), купцовъ: Сѵм. Иванова (2 пк.), Ѳеодора Иванова (1 пк.), Михаила Тимоѳеева (1 пк.) и Якова Матѳеева (2 пк.), вдовы купецк. жены Евдок. Ѳедоровой (2 пк.), купцовъ: Насона (?) Иванова (1 пк.) и Ив. Борисова (1 пк.), крест. Ивана Еремѣева (2 пк.), куп. Артемія Дементьева (1 пк.), вдовы купец. жены Евдок. Григорьевой (1 пк.), купцовъ: Архипа Семенова (3 пк.) и Ив. Тихонова (1 пк.), крест. Ѳеодора Алексѣева (1 пк.), купцовъ: Гавр. Константинова (1 пк.), Филип. Матѳеева (1 пк.) и Тимоѳ. Матѳеева (2 пк.), секретаря Аѳан Свищева (4 пк.), вдовы солд. жены Анны Родіоновой (1 пк.), ямщ. Дан. Ѳедорова (1 пк.), купца Ѳеодота Максимова (2 пк.), вдовы солд. жены Анны Игнатьевой (1 пк.), отст. солд. Алексѣя Негольчина (1 пк.), солд. жены Параск. Ивановой (1 пк.), крест.: Сѵм. Степанова (1 пк.) и Амврос. Абрамова (1 пк.), купцовъ: Ѳеодора Кузмина (1 пк.) и Ивана Ларіонова (1 пк.), ямщиковъ: Сет. Волкова (1 пк.) и Стеф. Волкова (2 пк.), солд. Максима Русинова (1 пк.), купца Патап. Тихонова (1 пк.), церкви Серг. Чудот., что Роложской, попа Димитр. Ѳедорова (2 пк.), крест. Ивана Козмина (1 пк.), тоя-жъ церкви: пономаря Ив. Иванова (3 пк.), просвирни Агаѳіи Ѳедоровой (1 пк.) и попа Димитр. Ѳедорова (2 пк.), купцовъ: Василія Ѳедорова (1 пк.) и Алексѣя Леонтьева (1 пк.), тоя-жъ церкви діакона Василія Андреева (1 пк.), купцовъ: Тимоѳ. Павлова (1 пк.) Тимоѳ. Ѳедорова (1 пк.) и Ив. Ѳедорова (1 пк.), тоя-жъ церкви сторожа Андр. Петрова (1 пк.), куп. Серг. Егорова (1 пк.), кофенщика Ѳеодора Игнатьева (1 пк.), крест. Алексѣя Тарасова (1 пк.), куп. Никиф. Родіонова (1 пк.), крест. Кодр. Яковлева (1 пк.), куп. Алексѣя Иванова (1 пк.), крест. Григор. Гаврилова (1 пк.), фабричнаго Димитр. Никонова (1 пк.), куп. Леонт. Панфилова (1 пк.), крестьянъ: Петра Клементьева (1 пк.) и Алексѣя Данилова (1 пк.).

3) Вышедъ отъ монастыря въ переулокъ, къ Яузѣ рѣкѣ, къ банямъ, по лѣвой сторонѣ:

Крест. Ѳеодора Осипова (1 пк.), каменщика Леонт. Петрова (1 пк.), фабричнаго Ивана Иванова (1 пк.), солд. Сѵм. Бурова

(1 пк.), куп. Ѳеодора Иванова (1 пк.), крестьян. Стеф. Иванова (1 пк.), фабричнаго Артемія Михайлова (1 пк.), крестьянъ: Сергѣя Иванова (1 пк.) и Патап. Михайлова (1 пк.), фабричнаго Ив. Борисова (1 пк.), куп. Алексѣя Иванова (1 пк.), фабричнаго Василія Иванова (1 пк.), куп. Стеф. Иванова (1 пк.), монетчика Артемія Михайлова (1 пк.), отст. солд. Якова Андреева (1 пк.), крестьянъ: Василія Васильева (1 пк.) и Стеф. Петрова (1 пк.), куп. Василія Страшинина (1 пк.), вдовы крестьян. Натал. Ивановой (1 пк.), фабричнаго Стефана Терентьева (1 пк.), отставн. солд. Анѳ. Шаркина (1 пк.), фабричныхъ Стеф. Степанова (1 пк.) и Ѳеодора Гаврилова (1 пк.), вдовы крест. жены Ирины Елисеевой (1 пк.), фурьера Стеф. Дражакова (1 пк.), крестьянъ: Патап. Яковлева (1 пк.), Констан. Кузмина (1 пк.) и Іереміи Иванова (1 пк.), ямщиковъ: Космы Васильева (2 пк.) и Сем Трубникова (1 пк.), крестьянъ: Евдокія Игнатьева (1 пк.) и Григор. Гаврилова (1 пк.), ямщ. Якова Васильева (1 пк.), фабричнаго Ѳеодора Исаева (1 пк.), купцовъ: Петра Самойлова (1 пк.), Ѳеодора Иванова (1 пк.) и Сем. Васильева (1 пк.), крест. Ивана Андреева (1 пк.), солд. Александр. Скорнякова (1 пк.), сторожа Михаила Елисеева (1 пк.), солд. жены Параск. Елистратовой (1 пк.), крестьянъ: Евд. Гаврилова (1 пк.), Ив. Борисова (2 пк.), и Флора Ив. (1 пк.), фабричнаго Андр. Алексѣева (1 пк.), куп. Михаила Дмитріева (1 пк.), монетчика Ив. Михайлова (1 пк.), куп. Ѳеодора Григорьева (1 пк.), поруч. Алексѣя Аргамакова (2 пк.), купцовъ: Антон. Павлова (1 пк.) и Григор. Некрасова (1 пк.), подканцел. Ѳеодора Селунскаго (1 пк.), монетчика Ив. Харитонова (1 пк.), куп. Ив. Григорьева (2 пк.), слуги Стеф. Иванова (1 пк.), купцовъ: Сем. Патапова (1 пк.), Василія Ѳедорова (1 пк.), Сергѣя Култыгина (2пк.), и Аверкія Иванова (1 пк.), Андроніева монастыря конюшеннаго слуги Варѳ. Михайлова (1 пк.), сержант. жены Маріи Козминой (1 пк.), слуги Алексѣя Петрова (1 пк.), отст. солд. Пет. Лукова (1 пк.), сторожа Никиты Григорьева (1 пк.), крест. Антонія Иванова (1 пк.), куп. Григор. Некрасова (1 пк.), солд.: Льва Евстигнеева (1 пк.), и Антона Иванова (1 пк.), маіора Ив. Иван. Гагина (1 пк.), каменщика Ив. Никитина (1 пк.), фабричныхъ: Самуила Никитина (1 пк.), и Алексѣя Никитина (1 пк.), крестьянъ: Савелія Михайлова (1 пк.) и Ив. Семенова (1 пк.), куп. Василія Харламова (1 пк.), купецк. жены Даріи Евдокимовой (1 пк.), крестьянъ: Тимоѳ. Васильева (1 пк.) и Алексѣя Васильева (1 пк.), солд. Герас. Яковлева (1 пк.),

крест. Бориса Трофимова (1 пк.), солд. Θадд. Андреева (1 пк.), крест. Аѳан. Васильева (1 пк.), фабричн. Василія Иванова (1 пк.), крест. Неет. Тимоѳеева (1 пк.), крест. жены Елены Симоновой (1 пк.), ученика Ив. Петрова (1 пк.), крестьянъ: Петра Егорова (1 пк.) и Саввы Алексѣева (1 пк.), куп. Ив Анисимова (1 пк.), фабричныхъ: Алексѣя Авдѣева (1 пк.), и Серг. Степанова (1 пк.), каменщика Гавр. Ѳедорова (1 пк.), крест. Ивана Еремѣева (1 пк.), гренадера Алексѣя Рагулева (2 пк.), фабричныхъ: Ив. Иванова (1 пк.), Серг. Петрова (1 пк.) и Алексѣя Васильева (1 пк.), куп. Георгія Иванова (1 пк.), фабричн. Андр. Никитина (1 пк.), крест Романа Евсевьева (1 пк.), капитана Якова Щедрина (1 пк.), крестьянъ: Ѳедора Логинова (1 пк.), Ильи Сергѣева (1 пк.) и Гур. Евсевьева (1 пк.), прапор. Авр. Любавскова (2 пк.), сторожа Василія Алексѣева (1 пк.), крест. жены Нат. Ивановой (1 пк.), фабричн.: Ивана Константинова (1 пк.) и Ѳеодора Лукьянова (1 пк.), крест. Исид. Елистратова (1 пк.), крест. жены Ирины Ильиной (1 пк.), солд. Гавр. Попова (1 пк.), купец. жены Вассы Ивановой (1 пк.), посадск. человѣка Терент. Никифорова (1 пк.), солд. Григорія Гусева (1 пк.), вдовы Акил. Григорьевой (1 пк.), каменщика Георг. Ѳедорова (1 пк.), отст. солд. Ивана Алосова (1 пк.), крест. Никиты Аѳанасьева (1 пк.), куп. Стеф. Максимова (1 пк.), отст. солд. Ѳеодора Кудрявцева (1 пк.); ямщик.: Нет. Емельянова (1 пк) и Максима Екимова (1 пк.), фабричн. Василія Аѳанасьева (1 пк.), крест. Василія Иванова (1 пк.), ямщ Якова Васильева (1 пк.), фабричн. Никиф. Андреева (1 пк.), конюха Дан. Иванова (1 пк.), крестьянъ: Онуфр. Дмитріева (1 пк.) и Алексѣя Данилова (1 пк.), солд. Елисея Васильева (1 пк.), крест. Дмитр. Дмитріева (1 пк.), ямщ. Гур. Яковлева (1 пк.), солд. жены Ирины Макаровой (1 пк.), ямщ. Павла Иванова (1 пк.), пушкаря Ив. Дмитріева (1 пк.), куп. Прох. Максимова (1 пк.), ямщ. жены Мелан. Ивановой (1 пк.), бобыля Елисея Васильева (1 пк.), крест.: Ананіи Иванова (1 пк.), Натап. Матѳеева (1 пк.), и Михаила Гаврилова (1 пк.), солд. Космы Ѳедорова (1 пк.), крест. Матѳ. Никитина (1 пк.), куп. Василія Лу янова (1 пк.), ямщ. Матѳ. Яковлева (1 пк.), крест.: Давыда Панкратова (1 пк.) и Пимена Тимоѳеева (1 пк.), фабричн. Лонгина Ф рнилова (1 пк.), солд. дочери Тат. Алексѣевой (1 пк.), драгунской жены Параск. Яковлевой (1 пк.), солд. жены Ксеніи Елисеев (1 пк.), крест. жены Анны Матѳеевой (1 пк.), ямщ. Димит. Михайлова

(1 пк.), крестьянъ: Род. Нестерова (1 пк.) и Ив. Степанова (1 пк.), конюха Михаила Крылова (1 пк.), отст. солд. Василія Кузмина (1 пк.), солдатъ: Исидора Чулкова (1 пк.) и Ив. Козлова (1 пк.), фабричн. Димитр. Матѳеева (1 пк.), ямщ. Артемона Никитина (1 пк.), фабричн. Антона Алексѣева (1 пк.), бобыля Евдок. Евдокимова (1 пк.), куп. Родіона Мартынова (1 пк.), купец. жены Евд. Васильевой (1 пк.), купцовъ: Сем. Гаврилова (1 пк.), Георг. Матвѣева (1 пк.), Ѳеодора Ѳедорова (1 пк.), конюха Василія Иванова, вдовы Тат. Матѳѣевой, купцовъ: Діон. Антонова (1 пк.) и Як. Михайлова (1 пк.), крест. Мартиніана Максимова (1 пк.), Андроніева монастыря скотный дворъ (2 пк.), ямщиковъ: Космы Иванова (1 пк.), Петра Ѳедорова (1 пк.), Михаила Иванова (1 пк.), Захара Михайлова (1 пк.), Кос. Прокофьева (1 пк.), Ив. Прокофьева (1 пк.), Матѳ. Васильева (1 пк.), Ив. Григорьева (1 пк.) и Ив. Никитина (2 пк.), фабричнаго Григ. Михайлова (1 пк.), ямщ. Ѳеодора Васильева (1 пк.), крестьянъ: Тимоѳ. Иванова (1 пк.), Ѳеод. Левонтьева (1 пк.), Максима Ефремова (1 пк.), ямщиковъ: Стеф. Петрова (2 пк.), Стеф. Ильина (2 пк.), Іосифа Васильева (1 пк.), Никиты Ларіонова (2 пк.), Тимоф. Васильева (2 пк.), Григ. Тихонова (2 пк.), Ив. Кудашева (1 пк.), Анд. Борисова (2 пк.) и Дан. Семенова (2 пк.), вдовы ямщик. жены Ѳеодос. Яковлевой (2 пк.), ямщиковъ: Стеф. Лукьянова (2 пк.), Андр. Алексѣева (1 пк.) и Андр. Скуды (1 пк.), вдовы ямщ. жены Ѳеодос. Леонтьевой (1 пк.), ямщиковъ: Якова Григорьева (2 пк.), Семена Васильева (1 пк.), Филиппа Пашехонова (2 пк.), Григ. Иванова (2 пк.), Ив. Васильева (2 пк.), Давыда Петрова (2 пк.), Тимоѳ. Алексѣева (2 пк.), Игн. Максимова (2 пк.), Якова Сергѣева (1 пк.), Петра Павлова (2 пк.), Іева (т. е. Іова) Васильева (1 пк.), Стеф. Герасимова (1 пк.), Потапа Лѣпихина (1 пк.), Ѳадд. Шиколова (2 пк.), Василія Яковлева (2 пк.), Ив. Шамшина (1 пк.), Ильи Иванова (2 пк.), Якова Ершова (2 пк.), Василія Степанова (1 пк.), Мих. Кленикова (1 пк.), Алек. Тарасова (2 пк.), Митроф. Иванова (2 пк.), Михаила Алексѣева (2 пк.), Никиты Савельева (2 пк.), Василія Ильина (1 пк.), Спиридона Степанова (1 пк.), Серг. Ефимова (2 пк.), Леонт. Никифорова (2 пк.), Сем. Чурилы (2 пк.), Серг. Степанова (1 пк.), Василія Бородина (1 пк.), Ильи Арѣшкова (2 пк.), Онисима Купреянова (2 пк.), Михаила Леонтьева (2 пк.), Алекс. Костентинова (т. е. Константинова, (2 пк.), Серг. Григорьева (2 пк.), Ив. Григорьева (1 пк.), Андр. Юрилы (2 пк.), Ив. Алексѣева (2 пк.), Михаила Мазанки (2 пк.), Ив. Мартынова (2 пк.), Іоакима Герасимова (1

пк.), Алексѣя Филипова (1 пк.), пв. Трубникова (1 пк.), Космы Плаксенка (1 пк.), Василія Максимова (2 пк.), Сум. Ламакина (1 пк.), Стеф. Аѳанасьева (1 пк.), Гавр. Васильева (1 пк.), Георг. Васильева (1 пк.), Тимоф. Бирматова (1 пк.), Пет. Павлова (1 пк.), Леонт. Иванова (1 пк.), Пет. Степанова (1 пк.), Гер. Іевлева (1 пк.) и Пет. Алексѣева (1 пк.), отстав. капит. Троф. Васильева Мельгунова (2 пк.), Воскресен. монастыря крест. Василія Иванова (1 пк.), Гжельской волости крест. Космы Григорьева (4 пк.), Малютина фабрики ученика Андрея Герасимова (1 пк.), крест. Якова Фролова (2 пк.), куп. Ив. Ѳомина (1 пк.), Троице-Сергіевой лавры крест. Серг. Аѳанасьева (1 пк.), крест. Михаила Тимоѳеева (2 пк.), 2 гил. куп. Ив. Ѳомина (1 пк.), Троице-Сергіевой лавры крест, Василія Петрова (1 пк.), куп. Матѳ. Матѳеева (1 пк.), вдовы полковн. Глик. Васильевой Чечериной (4 пк.), совѣтн. Алексѣя Андреева Оболенскаго (6 пк.), крест. Ильи Іевлева (1 пк.), куп. Стеф. Андреева (1 пк.), дворц. крест. Серг. Михайлова (1 пк.) и Василія Антонова (1 пк.), монетч. Даніила Васильева (1 пк.), монетч. Дмитрія Васильева (1 пк.), крест. Нефеда Васильева (1 пк.), Ивана Сидорова (1 пк.) и Прокоп. Герасимова (1 пк.), шелковой фабрики содерж. Дан. Земского (деревн. 2 пок. сгорѣли, а на 2 пок. крыши сломаны).

Всего погорѣло дворовъ по 10 командѣ 785, въ нихъ покоевъ 1128. Сверхъ сего сломано:

Лейбъ-гвардіи Преобр. полка поруч. Василія Артемон. Свищова, Капорскаго пѣх. полка сержанта Алексѣя Беклемишева (крышки сломаны), бывшаго ассесора Ив. Ив. Макѣева (крышки сломаны), 1 гил. куп. Григор. Максимова Сѣрова, крест. Стеф. Васильева, оружейной палаты мѣдныхъ дѣлъ мастера Михаила Ѳедорова, монетч. Гавр. Дмитріева, крест. Стеф. Михайлова, каменщ. Василія Осипова и монастырскій съѣзжій дворъ [1]).

Діаконъ Николай Смирновъ.

[1]) Послѣ сего пожара въ мѣстности близъ Рогожской ямской слободы было предпринято уравненіе и разширеніе улицъ, о чемъ имѣется дѣло въ той же 73 вяз. дѣлъ упр. благ., хранящихся въ Арх. М. Ю. № дѣла 2311 съ 505—552 лист

Только что отпечатаны и поступили въ продажу новыя книги:

1) Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики. Изд. 4-е, 1880 года.

Въ «Сводъ» вошли разнообразные источники, руководящіе пастырской практикой и разъясняющіе ея недоумѣнія, какъ то: указы Св. Синода, архипастырскія наставленія, распоряженія епархіальной власти, указанія на общепринятую практику и отзывы духовной печати на тѣ недоумѣнные вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ сами пастыри обращались къ редакціямъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. Все содержаніе книги при значительныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ сравнительно съ прежними изданіями расположено по слѣдующимъ шести отдѣламъ: 1) Общіе вопросы 2) Крещеніе. 3) Причащеніе. 4) Исповѣдь. 5) Бракъ. 6) Погребеніе. Въ приложеніи помѣщены двѣ обширныя замѣтки—а) о метрическихъ выпискахъ, требуемыхъ уставомъ о всеобщей воинской повинности; б) о гербовыхъ маркахъ на церковно-приходскихъ документахъ.

Цѣна 1 р 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

2) Воскресныя и праздничныя внѣбогослужебныя собесѣдованія, какъ особый видъ церковно-народной проповѣди.

Въ названной книгѣ сообщаются и подробные разсказы, и краткія извѣстія касательно того, гдѣ и какъ ведутся внѣбогослужебныя собесѣдованія, чтобы такимъ образомъ изъ самыхъ опытовъ собесѣдованія могли быть извлекаемы руководящія начала для наиболѣе правильнаго и успѣшнаго веденія ихъ.

Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

3) Сѣятель. Сборникъ проповѣдей, приспособленныхъ къ пониманію и жизни простаго народа. Москва, 1880 года (433 стр.). Изд. пятое.

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Требованія адресовать: въ г. *Воронежъ* преподавателю семинаріи Василію Абрамовичу *Мавринскому*.

По тому-же адресу можно выписывать и книгу.

4) Инструкція церковнымъ старостамъ дополненная послѣдующими указами Св. Синода и разъяснительными распоряженіями епархіальнаго начальства. 1878 г. цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 50 к.

При требованіи четырехъ и болѣе экземпляровъ пересылка даромъ.

Зонара. И разныя другія правила опредѣляютъ, чтобы епископамъ не дозволялось удаляться къ царю, безъ увольнительныхъ писемъ первенствующихъ надъ ними и собора той области. А настоящій соборъ опредѣляетъ и нѣчто болѣе, именно — чтобы увольнительныя письма были предъявляемы римскому папѣ; и это, кажется, предписывается живущимъ въ Африкѣ для того, чтобы они, по предъявленіи увольнительныхъ писемъ папѣ, получали отъ него рекомендательное письмо въ комитатъ. И такъ если, говоритъ (правило), получившій увольнительное письмо отъ своего собора, придя въ Римъ, не скажетъ тамъ о причинѣ, по которой является къ царю, но явится, не сказавшись, то долженъ быть отлученъ. Если же кто, пребывая въ Римѣ, возымѣетъ нужду по какой нибудь непредвидѣнной причинѣ явиться въ комитатъ, то долженъ объявить эту причину римскому архіерею и получить отъ него увольнительное письмо. А въ увольнительныхъ письмахъ, говоритъ правило, выдаваемыхъ отъ первенствующаго епископамъ, или отъ какихъ нибудь епископовъ своимъ клирикамъ, долженъ быть означенъ день Пасхи; если же день Пасхи того года еще неизвѣстенъ, то пусть будетъ написанъ день прошедшей Пасхи. А это, думаю, положено такъ дѣлать для того, чтобы предвозвѣщаемъ былъ день Пасхи того года (ибо и въ предыдущихъ правилахъ соборъ находилъ нужнымъ, чтобы впередъ былъ извѣстенъ день Пасхи того года), или для того, чтобы извѣстно было время, въ которое уходящій отправляется къ царю: такъ, говоритъ, обыкновенно бываетъ и въ публичныхъ актахъ. И въ 22-й книгѣ Василикъ въ 10-мъ титулѣ написано, что публичныя совѣщанія должны имѣть протоколы, въ которыхъ бы написаны были имена царствующихъ въ то время императоровъ, консульства и все, что тамъ требуется: въ другихъ случаяхъ это вышло у насъ изъ употребленія, но въ арендныхъ письменныхъ условіяхъ еще сохранилось. Тѣмъ, которые посылались къ царю, предоставлено было право просить у державнаго, что они найдутъ пригоднымъ (χρήσιμον), т. е. полезнымъ для вѣрныхъ, противъ донатистовъ и эллиновъ.

Аристинъ. Имѣющій идти по какой либо причинѣ въ комитатъ долженъ объявлять о томъ архіерею Карѳагена и

Рима и получать (отъ нихъ) увольнительное письмо, иначе да будетъ внѣ общенія. Все, что бы ни показалось мѣстоблюстителямъ полезнымъ противъ донатистовъ и эллиновъ и ихъ религій, да просятъ у царя.

Намѣревающійся по какой нибудь нуждѣ отправиться изъ Африки въ комитатъ, т. е. туда, гдѣ находится царь, будетъ ли то клирикъ, или епископъ, долженъ объявлять о томъ карѳагенскому епископу и, получивъ отъ него грамату, явиться къ римскому епископу, сказать ему причину, по которой онъ идетъ къ царю, и, когда римскій епископъ найдетъ эту причину благословною, получить и отъ него грамату, которая дастъ ему доступъ къ царю. А кто изъ епископовъ, или изъ клириковъ, явится къ царю иначе, долженъ быть лишенъ общенія. Ищи также 11-е правило антіохійскаго собора и 9-е правило сардикійскаго собора. Епископы, посланные отъ собора къ царю въ качествѣ пословъ противъ эллиновъ и еретиковъ, получили право просить у царя всего, что они признаютъ полезнымъ для каѳолической церкви, противъ религіи еллиновъ и донатистовъ, хотя бы это и не было имъ прямо поручено.

Вальсамонъ. Настоящее правило опредѣляетъ, что епископы должны отлучаться въ комитатъ, т. е. гдѣ находится κόμης, т. е. царь, съ увольнительнымъ письмомъ отъ первенствующаго, т. е. митрополита; опредѣляетъ еще нѣчто частное и не относящееся къ общей пользѣ, что поэтому и не истолковано.

Славянская кормчая. *Правило 106. Епископу безвременно къ царю не приходити и безъ посланіа перваго святителя.* Нѣкія ради нужды хотя къ цареви отъити, да явѣ сія сотворитъ кархидонскому епископу, и римскому, и отпустное посланіе да возметъ. Аще ли ни, безъ общенія есть.

Толкованіе. Епископъ, или причетникъ, аще восхощетъ поити къ цареви, да скажетъ первое вину кархидонскому епископу, еяже ради идетъ, и возметъ отъ него грамоту отпустную, и въ Римъ пришедъ покажетъ ю епископу римскому, и да явитъ ему вину, еяже ради идетъ къ цареви, и той да разсудитъ. И аще будетъ подобна вина, да возметъ и отъ того грамоту, еюже отъ царя пріиметъ помощь. Аще же кто отъ епископъ, или отъ причетникъ инако

къ цареви отъидетъ, да будетъ безъ общенiа, сирѣчь да отлучится. И о семъ ищи правило, 11, антiохiйскаго собора. И, 9, правило въ Средцѣ собора.

Правило 107. Все убо еже помѣстнiи блюстители потребно изволятъ на донатiаны и на еллины, и на вѣру ихъ, да просятъ отъ царя.

Толкованiе. Посолници епископи, отъ собора послани быша къ царю, и бесѣдовавше вины, о нихже бяху послани, испросиша на едины донатiаны власть отъ царя, яко да ими же винами хотятъ обратити я отъ невѣрства ихъ, аще и не бѣ имъ особю поручено о томъ.

Κανὼν ρκα'.

Εἰς ταύτην τὴν Σύνοδον ἤρεσεν, ὥςε ἕνα Ἐπίσκοπον μὴ ἐκδικεῖν ἑαυτῷ διάγνωσιν.

Τὰ πεπραγμένα τῆς παρούσης Συνόδου διὰ τοῦτο οὐκ ἐγράφη, ἐπειδὴ ἐπιχωρίως καὶ οὐ κατὰ κοινοῦ ἐπετελέσθησαν.

Пра́вило ρ҃к҃а.

На се́мъ Собо́рѣ положено́, да не настои́тъ е҆ди́нъ є҆пи́скопъ на рѣше́нiе своего́ сꙋда́.

Дѣ҃нiѧ сего́ Собо́ра не напи́саны потомꙋ, что́ разсмо́трены бы́ли дѣ҃ла мѣ́стныѧ, а҆ не о҆бщыѧ.

Зонара. 9-е правило Четвертаго собора опредѣляетъ, что клирики должны судиться у своихъ епископовъ. А если клирикъ имѣетъ дѣло съ своимъ епископомъ, или епископъ съ епископомъ, то должны судиться предъ областнымъ соборомъ. Тоже, повидимому, предписываетъ и настоящее правило, именно—чтобы, когда два епископа имѣютъ тяжбу между собою, или клирикъ обвиняетъ епископа, одинъ епископъ не принималъ на себя производить изслѣдованiе объ нихъ, но долженъ судить соборъ области.

Аристинъ. Одинъ епископъ да не присвояетъ себѣ рѣшенiя. Для изверженiя пресвитера или дiакона не достаточно суда не только одного епископа, но и двухъ; но если обвиняемый есть епископъ, то въ случаѣ невозможности собраться мно-

гимъ епископамъ, онъ долженъ быть судимъ по меньшей мѣрѣ 12-ю епископами; если пресвитеръ, 6-ю епископами и своимъ; если діаконъ, — тремя и своимъ, какъ говорятъ 12-е и 19-е правила настоящаго собора. Итакъ епископъ не долженъ поставлять себя судьею по преступленію пресвитера или діакона, ни присвоять себѣ рѣшеніе, ни приводить оное въ исполненіе, если только подсудимые не принадлежатъ къ числу прочихъ клириковъ, низшихъ діакона; ибо объ этихъ и одинъ мѣстный епископъ можетъ произнести рѣшеніе, какъ показано въ концѣ 29 правила настоящаго собора.

Вальсамонъ. Сказанное относительно того, чтобы одинъ епископъ не присвоялъ себѣ рѣшенія, должно быть понимаемо согласно съ 11-мъ правиломъ настоящаго собора.

Славянская кормчая. *Правило 108. Двумъ епископомъ презвитера и діакона изъ сана не изврещи.* Единъ епископъ своимъ судомъ да не отмститъ.

Толкованіе. Не токмо единаго епископа судъ не довлѣетъ, но и двою не довлѣетъ на изверженіе презвитера и діакона. Но аще убо есть епископъ оклеветаемыи, аще нѣсть мощно всѣмъ снитися епископомъ, не менше отъ двунадесяти епископовъ да судится. Аще же презвитеръ, отъ шести епископовъ, и седмыи свой ему. Аще ли діаконъ, отъ трехъ епископъ, и четвертыи свой ему, и тако о изверженіи судими да бываютъ: яко же, 12, правило, и 20, сего собора повелѣваетъ. Да не поставитъ убо себе судію единъ епископъ на изверженіе презвитера, или діакона, и своего суда разумомъ въ дѣло се да не изведетъ; рекше самъ единъ да не извержетъ. Аще же есть ины причетники судими, мніи честію суще отъ діакона, на таковыхъ власть имать судити единъ, мѣста того епископъ, якоже на концѣ 20-го правила сего собора повелѣваетъ.

Книга правилъ. Карѳагенскій Соборъ, котораго правила здѣсь совокуплены, не есть единовременный Соборъ, но цѣпь ежегодныхъ Соборовъ Африканскихъ Епископовъ, державныхъ подъ предсѣдательствомъ Карѳагенскаго Епископа. Въ семъ правилѣ указаніе на сей Соборъ относится къ годовому Собору, бывшему въ седмое консульство Императора Онорія. По краткости записи правило сіе не довольно ясно. Вал-

самонъ полагаетъ, что оно должно быть понимаемо согласно съ 11 правиломъ сего же Карѳагенскаго Собора, то есть, когда пресвитеръ осужденный Епископомъ жалуется на сіе осужденіе: тогда Епископъ не долженъ одинъ настоять на свое рѣшеніе и усиливаться исполнить оное, а долженъ предоставить дѣло разсмотрѣнію полнаго Собора, или опредѣленнаго въ правилахъ числа Епископовъ.

Κανὼν ρκβ'.

Ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ νόμος ἐδόθη, ἵνα ἐλευθέρᾳ προαιρέσει ἕκαστος τῆς Χριστιανότητος τὴν ἄσκησιν ἀναδέξηται.

Правило ркв.

Въ сіе время (*) изданъ законъ, да по свободномъ произволенію, каждый воспріемлетъ подвигъ Христіанства.

(*) Годомъ или двумя позже времени предъидущаго правила.

Зонара. Добродѣтель должна быть избранною, а не вынужденною, не невольною, а добровольною. Почему и поставлено въ законъ, чтобы принимающіе христіанство приступали къ вѣрѣ по свободному произволенію и добровольно, а не по насилію и не по необходимости; ибо то, что бываетъ по необходимости и по насилію, не твердо и непостоянно. Посему и неокесарійскій соборъ въ 12-мъ правилѣ говоритъ, что бывшій въ опасности и такимъ образомъ крещенный не производится въ священство. А о подвигѣ христіанства правило говоритъ въ томъ смыслѣ, что христіанинъ долженъ исполнять всякую добродѣтель, быть воздержнымъ, скромнымъ, правдивымъ, смиренномудрымъ и, прежде всего, показывать любовь ко всѣмъ, такъ что кто не подвизается въ этомъ, тотъ по имени только христіанинъ, а не на самомъ дѣлѣ.

Аристинъ, По свободному произволенію каждый да принимаетъ подвигъ.

Все благое творится добровольно, а не принужденно. Поэтому отъ каждаго должно требовать, чтобы и подвигъ

и христіанство принималъ не по принужденію, а по самопроизвольному и свободному рѣшенію.

Вальсамонъ. 12-е правило неокесарійскаго собора говоритъ, что бывшій въ опасности и такимъ образомъ крещенный не производится въ священство. И отцы настоящаго собора опредѣляютъ, что обращаться къ вѣрѣ должно по свободному произволенію, а не по принужденію, или по необходимости. А о подвигѣ христіанства сказали они въ томъ смыслѣ, что христіанинъ, который не исполнитъ всякой добродѣтели, только по имени христіанинъ, а не на самомъ дѣлѣ.

Славянская кормчая. *Правило 109.* Свободнымъ изволеніемъ кождо воздержаніе да пріиметъ.

Толкованіе. Своею волею кійждо человѣкъ благое да дѣлаетъ, а не по нужди. Сего ради никто же по нужди не приводится къ воздержанію и къ христіанству, но своимъ изволеніемъ, и свободною волею и хотѣніемъ.

Κανὼν ρκγ'.

Σύνοδος κατὰ τῆς αἱρέσεως Πελαγίου καὶ Κελεστίου.

Ἤρεσεν πᾶσι τοῖς Ἐπισκόποις τῆς ἐν Καρχηδόνι Ἐκκλησίας, ἁγίᾳ Συνόδῳ καθεζῶσιν, ὧν τὰ ὀνόματα καὶ αἱ ὑπογραφαὶ ἐνετέθησαν, ὅτι Ἀδὰμ θνητὸς ἀπὸ τοῦ Θεοῦ οὐκ ἐγένετο· ἵνα ὅστις δήποτε λέγῃ τὸν Ἀδὰμ τὸν πρωτόπλαστον ἄνθρωπον θνητὸν γενόμενον οὕτως, ὡς εἴτε ἁμαρτήσει, εἴτε μὴ ἁμαρτήσει, τεθνήξασθαι ἐν τῷ σώματι, τοῦτ' ἔστιν ἐξελθεῖν

Правило ркг.

Соборъ противъ ереси Пелагіа и Келестіа.

Признано всѣми епископами Карѳагенскія Церкви, предстабшими на святый соборъ, которыхъ имена и подписанія внесены въ дѣянія, яко Адамъ не смертнымъ отъ Бга сотворенъ. Аще же кто речетъ, яко Адамъ, первозданный человѣкъ, сотворенъ смертнымъ, такъ что, хотя бы согрѣшилъ, хотя бы не

ἐκ τοῦ σώματος, μὴ τῇ ἀξίᾳ τῆς ἁμαρτίας, ἀλλὰ τῇ ἀνάγκῃ τῆς φύσεως, ἀνάθεμα ἔσω.

согрѣшилъ, оумеръ бы тѣломъ, то єсть вышелъ бы изъ тѣла не къ наказанїє за грѣхъ, но по нєобходимости єстества: да будетъ анаѳема.

Зонара и Вальсамонъ. Богъ сотворилъ Адама не смертнымъ, однакоже и не безсмертнымъ, но въ среднемъ состоянїи между величіемъ и смиреніемъ, и, сдѣлавъ его самовластнымъ, дозволилъ, чтобы онъ смотря потому, въ которую сторону наклонится—къ добродѣтели, или къ пороку, унаслѣдовалъ себѣ или безсмертіе, или смертность. Ибо хотя и тогда человѣкъ имѣлъ плоть, но не такую, какую имѣетъ нынѣ; объ этомъ такъ говоритъ Григорій Богословъ: „въ кожаныя ризы облекаетъ, можетъ быть, грубѣйшую плоть, смертную и противуобразную (ея прежнему состоянію); такъ какъ до преступленія плоть у Адама была и не грубая и не смертная по естеству". Были и такіе, которые говорили, что онъ изначала былъ сотворенъ смертнымъ и долженъ былъ умереть, хотя бы и не преступилъ заповѣди, и что смерть вошла не по причинѣ грѣха, но по причинѣ естества, бывшаго таковымъ изъ начала. Тѣхъ-то, которые такъ мыслятъ, отцы сего собора и присудили къ анаѳемѣ.

Аристинъ. Учащій, что первозданный человѣкъ и безъ грѣха имѣлъ умереть по необходимости естества, да будетъ анаѳема.

Славянская кормчая. *Правило 110.* Иже первозданнаго человѣка глаголютъ, и безъ творенія грѣховнаго умрети хотяща, нуждею естественою, да будутъ прокляти.

Толкованіе. Пелагіа и Келестина, иже бѣста единомыслена Несторію суемудреному, но и нечестивыхъ манихей, таковая суть мудрованія и повелѣнія, и вся яже по сихъ, сей соборъ проклинаетъ. Никто же убо таковая смысляи, съ христіяны не причтется, но отъ соборныя церкве извержется. Рѣша же нѣцыи о сею окаянною ере-

тику, о Келестинѣ и о Пелагіи, яко не бѣста ни епископа ни презвитера, и отнюдъ ничтоже священническаго чина не имѣста: но якоже се мниха суща прехождаста грады и села, учаща злѣ, и развращающа истину. Востаста же на церковь при Θеофилѣ епископѣ александрьстѣмъ, и при Инокентіи римстѣмъ, и по мнозѣхъ подвизѣхъ и трудѣхъ, отъ тою епископу осуждена и проклята быста. Адама убо не смертна Богъ сотвори, ни безсмертна же, но посредѣ величества и смиренія: и самовластна того сотворивъ остави, якоже камо хощетъ обратитися: аще на добродѣтель, наслѣдитъ безсмертіе: аще ли на злобу, смерть да пріиметъ. Аще бо и плоть имяше тогда человѣкъ, рече, но не такову, якоже нынѣ. И се рече богословецъ Григоріи (на пасху 2-е слово) глаголя, еже въ кожныя риза облещися ему, единаче въ дебелѣйшую плоть и мертвеную, и не таку, якоже прежде преступленіа,не дебела бо бяше плоть Адамова, ни естествомъ смертна. Бяху же нѣціи глаголюще, яко смертенъ исперва созданъ бысть Адамъ, и умрети хотяше, аще не бы и заповѣдь преступилъ. Сего ради убо иже глаголютъ, яко Адамъ смертенъ исперва отъ Бога созданъ бысть, и нуждею естества аще согрѣши, аще не согрѣши, умрети хотяше; или глаголютъ, яко младенци не во оставленіе грѣховъ крещаются, яко ничто же отъ Адамова прародителнаго грѣха имуще. И о семъ ясно апостолу вопіющу, яко единаго ради человѣка въ весь миръ вниде, и грѣха ради смерть; или паки мудръствуетъ нѣкто, яко крещеніе первымъ убо грѣхомъ даетъ отпущеніе, помощи же не дастъ ктому не согрѣшати, но токмо отъ нашего потщаніа се исправляется. Аще ли убо кто се пріемлетъ, и благодать Божію не славитъ, укрѣпляющую насъ на твореніе заповѣдей: учитъ же яко кромѣ благодати Божіи, исправити заповѣди его можемъ, обаче съ трудомъ, да будетъ проклятъ. Рече бо Господь, яко безъ Мене не можете творити ничесоже (Іоан. 50).

Καγὼν ρκδ΄.	Пра́вило ρ҃кд.
Ὅμοίως πρεσεν, ἵνα ὁστις	Ѡпредѣлено́ та́кожде:
δήποτε τὰ μικρὰ καὶ νεο-	кто́ ѡберга́етъ нѣ́ждѣ

γέννητα ἐκ τῶν γαστέρων τῶν μητέρων βαπτιζόμενα ἀρνεῖται, ἢ λέγει εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν αὐτὰ βαπτίζεσθαι, μηδὲν δὲ ἐκ τῆς τοῦ Ἀδὰμ ἔλκειν προγονικῆς ἁμαρτίας τὸ ὀφεῖλον καθαρθῆναι τῷ λυτρῷ τῆς παλιγγενεσίας, (ὅθεν γίνεται ἀκόλουθον, ὅτι ἐν τούτοις ὁ τύπος τοῦ εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν βαπτίσματος οὐκ ἀληθὴς, ἀλλὰ πλαστὸς νοεῖται), ἀνάθεμα εἴη. Ἐπειδὴ οὐκ ἄλλως δεῖ νοῆσαι τὸ εἰρημένον τῷ Ἀποστόλῳ· δι' ἑνὸς ἀνθρώπου ἡ ἁμαρτία εἰσῆλθεν εἰς τὸν κόσμον, καὶ διὰ τῆς ἁμαρτίας ὁ θάνατος· καὶ οὕτως εἰς πάντας ἀνθρώπους διῆλθεν, ἐφ' ᾧ πάντες ἥμαρτον, εἰ μὴ ὃν τρόπον ἡ Καθολικὴ Ἐκκλησία ἡ πανταχοῦ διακεχυμένη τε καὶ ἁπλωμένη ἀεὶ ἐνόησε. Διὰ γὰρ τὸν κανόνα τοῦτον τῆς πίστεως καὶ οἱ μικροὶ, οἱ μηδὲν ἁμαρτημάτων εἰς ἑαυτοὺς ἔτι μὴν πλημμελεῖν δυνάμενοι, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν ἀληкрещéнїѧ мáлыхъ и̑ новорождéнныхъ ѿ мáтернeй ѹ̑трóбы дк҃тей, и̑лѝ говорúтъ, что̀ хотѧ о҆нѝ и̑ крещáются во ѿпѹщéнїе грѣхóвъ, но ѿ прародúтельскагѡ а̑дáмова грѣхá не зáймствютъ ничегѡ, что надлежáло бы ѡ҆мы́ти бáнею пакибытїѧ (и̑з чегѡ̀ слѣдовало бы, что̀ о҆́бразъ крещéнїѧ ко ѿпѹщéнїе грѣхóвъ ѹ̑потребля́ется над ни́ми не въ и̑стиннóмъ, но въ лóжномъ знaчéнїи), тóгъ да бѹ́детъ а҆на́ѳема. И̑́бо рече́нное а̑пóстоломъ: е҆дúнѣмъ человѣ́комъ грѣ́хъ въ мíръ кни́де, и̑ грѣхóмъ смéрть: и̑ та́кω (смéрть) во вс҃ѧ человѣ́ки кни́де, въ не́мъ же вси̑ согрѣши́ша (*), подоба́етъ разѹмѣ́ти не ина́кω, ра́зънѣ ка́къ

(*) Рим. 5, 12.

θινῶς βαπτίζονται, ἵνα καθαρθῇ ἐν αὐτοῖς διὰ τῆς παλιγγενεσίας, ὅπερ ἤλχυσαν ἐκ τῆς ἀρχαιογονίας.

всегда́ разꙋмѣ́ла Кафоли́ческая Цр҃ковь, повсю́ду разліи́нная и̑ распростране́нная. Ибо по семꙋ́ пра́вилꙋ вѣ́ры и̑ младе́нцы, никаки́хъ гр҃ѣхо́въ са́ми собо́ю содѣ́ва́ти е̑щі́е не могꙋ́щіе, креща́ются и̑стинно во ѡ҃пꙋще́нїе гр҃ѣхо́въ, да чре́зъ пакирожде́нїе ѡ҃чи́стится въ ни́хъ что́, что́ о҆ни́ за́няли ѡ҃ ве́тхаго рожде́нїа.

Зонара и Вальсамонъ. Нѣкоторые говорили, что новорожденные младенцы крещаются не во оставленіе грѣховъ, ибо они не имѣютъ грѣховъ, потому что и не могутъ грѣшить, не имѣя еще способности различать добро и зло. Соборъ отвергаетъ сіе и тѣхъ, которые такъ мыслятъ и говорятъ, будто отъ прародительскаго грѣха Адама потомки его не заимствованы ничего, почему бы дѣти имѣли нужду въ очищеніи божественною банею крещенія, подвергаетъ анаѳемѣ, говоря, что отсюда слѣдовала бы мысль, что образъ крещенія во оставленіе грѣховъ по отношенію къ таковымъ, т. е. къ новорожденнымъ дѣтямъ, не истиненъ, но ложенъ; затѣмъ подтверждаетъ свое слово, приводя изреченія изъ великаго Павла. Ибо, говоритъ, какъ иначе понимать сіи слова: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим. 5, 12), если не такъ, какъ понимаетъ ихъ вселенская церковь, повсюду разліянная и распространенная, т. е. народъ вѣрныхъ разсѣянный въ цѣломъ мірѣ?

Аристинъ. Говорящій, что новорожденные и крещаемые не заимствуютъ ничего отъ грѣха Адама, что бы долженствовало быть очищено крещеніемъ, подлежитъ проклятію; ибо чрезъ одного и смерть и грѣхъ стали всемірными.

Славянская кормчая. *Правило 111.* Иже глаголетъ, яко младенци крещаеміи, не имутъ ничто же отъ Адамскаго грѣха, и не глаголетъ крещеніемъ быти оставленію грѣховъ, да будетъ проклятъ. Единого бо ради человѣка грѣхъ въ весь миръ вниде, и грѣха ради смерть (крим. 89).

Κανὼν ρκέ.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὁστις-δήποτε εἴποι τὴν χάριν τοῦ Θεοῦ, ἢ τινι δικαιοῦται διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Κυρίου ἡμῶν, πρὸς μόνην ἄφεσιν ἁμαρτιῶν ἰσχύειν τῶν ἤδη πεπλημμελημένων, καὶ μὴ παρέχειν ἔτι μὴν βοήθειαν πρὸς τὸ μὴ ἕτερα πλημμελεῖσθαι, ἀνάθεμα εἴη. Ὅτι ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ οὐ μόνον γνῶσιν παρέχει, ὧν δεῖ πράττειν, ἀλλὰ καὶ ἀγάπην ἔτι μὴν ἐμπνέει ἡμῖν, ἵνα ὁ ἐὰν ἐπιγινώσκωμεν, καὶ πληρῶσαι ἰσχύσωμεν.

Правило рк҃е.

Ѡпредѣлено́ та́кожде: а҆́ще кто́ рече́тъ, а҆́кѡ благода́ть Бж҃їа, кото́рою ѡправдываю́тсѧ въ Їс҃ѣ Хр҃тѣ Гд҃ѣ на́шемъ, дѣ́йствѝтельна къ є҆ди́номꙋ то́кмѡ ѿпꙋще́нію грѣхѡ́въ ѹ҆жѐ содѣ́янныхъ, а҆ не подае́тъ све́рхъ того́ по́мощи, да не содѣ́ваю́тсѧ и҆ны́е грѣ́хи, таково́й да бꙋ́детъ а҆на́ѳема. А҆́кѡ благода́ть Бж҃їа не то́кмѡ подае́тъ зна́нїе, что́ подоба́етъ твори́ти, но е҆́ще вдыха́етъ въ на́съ любо́вь, да возмо́жемъ и҆ и҆спо́лнити, что́ познае́мъ.

Канѡ́н рхѕ'.

Ὁμοίως, ὁστισδήποτε εἴποι τὴν αὐτὴν χάριν τοῦ Θεοῦ, τὴν διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Κυρίου ἡμῶν, εἰς τοῦτο μόνον ἡμῖν βοηθεῖν, πρὸς τὸ μὴ ἁμαρτάνειν, ὅτι διὰ ταύτης ἡμῖν ἀποκαλύπτεται καὶ φανεροῦται ἡ γνῶσις τῶν ἁμαρτημάτων, ὥστε γινώσκειν, ἃ δεῖ ἐπιζητεῖν καὶ ἃ δεῖ ἐκκλίνειν, οὐ μὴν δι' αὐτῆς ἡμῖν παρέχεσθαι, ἵνα ὅπερ γνῶμεν ποιητέον, καὶ ποιῆσαι ἔτι μὴν ἀγαπήσωμεν καὶ ἰσχύσωμεν, ἀνάθεμα εἴη. Τοῦ γὰρ Ἀποστόλου λέγοντος· ἡ γνῶσις φυσιοῖ, ἡ δὲ ἀγάπη οἰκοδομεῖ, ἀσεβές πάνυ ἐστὶ πιστεύειν, πρὸς μὲν τὸ φυσιοῦν ἡμᾶς ἔχειν τὴν χάριν τοῦ Θεοῦ, πρὸς δὲ τὸ οἰκοδομεῖν μὴ ἔχειν· ὁπόταν ἑκάτερον δῶρόν ἐστι τοῦ Θεοῦ, καὶ τὸ εἰδέναι τί ποιεῖν δεῖ, καὶ τὸ ἀγαπᾶν τὸ ἀγαθόν, ὃ δεῖ ποιεῖν, ἵνα τῆς ἀγάπης οἰκοδομούσης, ἡ γνῶσις φυσιοῦν μὴ δυνηθῇ.

Пра́вило ρ҃кѕ.

Та́кожде, а҆́ціе кто́ рече́тъ, я҆́кω та́же благода́ть Бж҃їѧ, я҆́же ѡ҆̑ І҃сѣ Хр҃тѣ Гд҃ѣ на́шемъ, вспомоществу́етъ на́мъ, къ тому́ то́кмω, что́бы не согрѣшѧ́ти, поелику́ ею҆̑ ѡ҆́крыва́ется и҆̑ я҆́вля́ется на́мъ позна́нїе гр҃хѡ́въ, да зна́емъ, чегѡ́ до́лжно и҆ска́ти, и҆̑ ѿ чегѡ́ оу҆клоня́тися, но что́ ею҆̑ не пода́ется на́мъ любо́вь и҆̑ си́ла къ дѣ́ланїю того́ѡ, что́ мы позна́ли до́лжнымъ твори́ти: таковы́й да бу́детъ а҆на́ѳема. Я҆́ко когда́ а҆́постолъ глаго́летъ: ра́зумъ кичи́тъ, а҆̑ любы́ созида́етъ (✡): то́ весьма́ нечести́во бы́ло бы вѣ́рити, я҆́кω къ кичє́нїю на́шему и҆̑мѣ́емъ благода́ть Бж҃їю, а҆̑ къ созида́нїю не и҆̑мѣ́-

(✡) 1 Кор. гл. 8, ст. 1.

Ωσπερ γὰρ ἐκ τοῦ Θεοῦ γέγραπται· ὁ διδάσκων ἄνθρωπον γνῶσιν· οὕτως ἔτι μὴν γέγραπται· ἡ ἀγάπη ἐκ τοῦ Θεοῦ ἐστιν.

емъ: тогда́ ка́къ и̂ то́ и̂ дрꙋго́е е̏сть да́ръ Бж̃ій, и̂ зна́нїе, что́ подоба́етъ твори́ти, и̂ любо́вь къ добрѹ̀, кото́рое подоба́етъ твори́ти, дабы́ при созида́ющей любви́ не мо́гъ кичи́ти ра́зѹмъ. Ѝбо ка́къ ѿ Бг̃а напи́сано: оу҃чи́й челове́ка ра́зѹмѹ (**): та́кожде напи́сано и̂ сі́е: любы́ ѿ Бг̃а е̏сть (***).

(**) Псал. 93, ст. 10.
(***) 1 Іоан. гл. 4, ст. 7.

Зонара и Вальсамонъ. Мы вѣруемъ, что благодать, даруемая намъ въ святомъ крещеніи чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, подаетъ отпущеніе не только сдѣланныхъ уже нами грѣховъ, но и силу къ тому, чтобы не грѣшить намъ снова, если только мы не предадимся грѣхамъ по безпечности; а тѣхъ, которые не такъ мыслятъ, но говорятъ, что божественная купель даетъ отпущеніе только прежнихъ грѣховъ, а не подаетъ помощи для будущаго, отцы присудили къ анаѳемѣ. Нѣкоторые говорили еще, что благодать Божія вспомоществуетъ намъ въ томъ, чтобы не грѣшить; ибо чрезъ нее мы получаемъ познаніе того, что должно дѣлать, и чего избѣгать, а не и въ томъ, чтобы вдохнуть въ насъ любовь къ добру и добродѣтели, дабы мы, признавъ что либо добрымъ, возлюбили сіе и тщились осуществить. Такъ мыслящихъ соборъ предаетъ анаѳемѣ говоря, что и то и другое есть даръ Божій, и знаніе и любовь, какъ написано: *учай человѣка разуму* (Пс. 93, 10), и еще: *любы отъ Бога есть* (1 Іоан. 4, 7). И въ другомъ

отношеніи нечестиво говорить, что божественная благодать даетъ намъ знаніе добра, а не влагаетъ любви къ нему и не подаетъ въ любви къ добру силы содѣлывать оное; въ подтвержденіе сего слова (соборъ) представляетъ апостольскія изреченія, говорящія: *знаніе кичитъ, а любы созидаетъ* (1 Кор. 8, 1). Итакъ не нечестиво ли говорить, что божественная благодать содѣйствуетъ тому, чтобы кичить, т. е. внушать мнѣніе, а не вспомоществуетъ тому, чтобы созидать?

Аристинъ. Мыслящій, что божественная благодать подаетъ только отпущеніе уже сдѣланныхъ грѣховъ, а и не вспомоществованіе для будущаго, дважды подлежитъ проклятію.

Говорящій, что божественная благодать вспомоществуетъ намъ только въ томъ, чтобы знать, что должно дѣлать, и отъ чего уклоняться, а не и въ томъ, чтобы любить то, что узнали, и имѣть возможность исполнять, да будетъ анаѳема.

Славянская кормчая. *Правило 112.* Иже глаголетъ, яко благодать Божіа, юже пріемлемъ въ крещеніи, токмо прежнимъ грѣхомъ даетъ прощеніе, потомже не даетъ намъ помощи, на возбраненіе грѣха, да будетъ проклятъ.

Правило 113. Иже глаголетъ, яко благодать Божіа на се токмо помогаетъ намъ, еже вѣдѣти, что подобаетъ творити намъ, и отъ чесото уклонятися: не даетъ же силы, яко любити намъ, еже познахомъ доброе и творити е, да будетъ проклятъ.

Κανὼν ρκζ'.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὅστις-δήποτε εἴποι, διὰ τοῦτο τὴν χάριν ἡμῖν τῆς δικαιοσύνης δεδόσθαι, ἵνα ὅπερ ποιεῖν διὰ τοῦ αὐτεξουσίου δυνάμεθα, εὐχερεστέρως πληρῶμεν διὰ τῆς χάριτος, ὡσανεὶ καὶ εἰ ἡ χάρις μὴ ἐδίδοτο, οὐκ

Пра́вило рк҃з.

Ѡпредѣлено́ та́кожде: а҆́ще кто́ рече́тъ, я҆́кѡ благода́ть ѡ҆правда́нїѧ на́мъ дана́ ра́ди того́, дабы́ возмо́жное къ и҆сполне́нїю по свобо́дномꙋ произволе́нїю, ꙋ҆до́бнѣе и҆сполня́ли мы́ чре́з бла-

εὐχερῶς μὲν, ἀλλ' ὅμως ἠδυνάμεθα καὶ δίχα ἐκείνης ἔτι μὴν πληρῶσαι τὰς θείας ἐντολὰς, ἀνάθεμα εἴη. Περὶ γὰρ τῶν χαρπῶν τῶν ἐντολῶν ὁ Κύριος οὐκ εἶπεν· χωρὶς ἐμοῦ δυσχερῶς δύνασθε ποιεῖν, ἀλλ' εἶπεν· χωρὶς ἐμοῦ οὐ δύνασθε ποιεῖν οὐδέν.

годáть, тáкъ кáкъ бы й не прїáкъ блгодáти Б҃їей, мы хотѧ сѧ нeвдóбствомъ, ѻднáкω моглú й бeз нeѧ йспóлнити Б҃жéственным҃ зáпwвѣди: тáковый да бýдетъ ѧнáѳема. Йко ѿ плодáхъ зáповѣдей нe рeкъ Гдь, бeз менѐ нeвдóбнω мóжете твори́ти, но рeкъ: бeз менѐ нe мóжете твори́ти нлчесѡ́же (✡).

(*) Іоан. гл. 15, ст. 5.

Зонара. Было множество извращенныхъ мнѣній, изъ коихъ одно состояло въ томъ, что Богъ сотворилъ насъ самовластными, дабы мы могли и безъ божественной благодати исполнять заповѣди, а божественная благодать содѣйствуетъ только тому, чтобы мы выполняли ихъ легче; ибо мы могли бы и безъ содѣйствія божественной благодати выполнять ихъ только съ большею трудностію. Тѣхъ, которые говорятъ это, соборъ подвергаетъ анаѳемѣ, говоря, что все принадлежитъ божественной благодати и безъ нея мы не исполняемъ ничего. Представляетъ и свидѣтельство отъ Господа, Который говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5.), и не сказалъ (прибавляетъ соборъ): не можете творить легко, но: ничего не можете творить.

Аристинъ. Проповѣдующій, что мы и безъ благодати хотя съ большею трудностію, но все же исполняемъ заповѣди, треклятъ; ибо *безъ Мене*, говоритъ Господь, *не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5.).

Такъ какъ Пелагій и Целестинъ были единомысленны суемудрому Несторію и, кромѣ того, раздѣляли мнѣнія и ученія нечестивыхъ манихеянъ; то никто, держащійся мнѣній, которыя соборъ анаѳематствуетъ, не долженъ быть сопричисляемъ къ христіанамъ, но, какъ чуждый, долженъ быть изгнанъ изъ церкви и принять въ удѣлъ отлученіе отъ нея и отъ Бога. Нѣкоторые говорятъ, что эти несчастные, то есть Целестинъ и Пелагій, не были ни епископами, ни пресвитерами, ни вообще изъ священническаго чина, но были будто бы монахами и обходили города, соумышляли противъ истины; а возстали они противъ церкви при Ѳеофилѣ, александрійскомъ епископѣ, и Иннокентіѣ римскомъ, и, послѣ многихъ споровъ, этими же епископами были осуждены письменно. Итакъ кто учитъ, что Адамъ былъ смертнымъ изначала и долженъ былъ умереть по необходимости естества, хотя бы согрѣшилъ, хотя бы нѣтъ; или кто говоритъ, что младенцы крещаются не въ отпущеніе грѣховъ, такъ какъ они не заимствуютъ ничего отъ первороднаго грѣха Адама, и говоритъ это, не смотря на слова Апостола: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть*; или кто мудрствуетъ, что крещеніе даруетъ отпущеніе уже сдѣланныхъ грѣховъ, а не доставляетъ помощи, чтобы не грѣшить снова, чего мы будто бы достигаемъ единственно своимъ стараніемъ; или кто принимаетъ и учитъ, что хотя благодать Божія даетъ намъ силу къ исполненію заповѣдей, но мы можемъ и безъ благодати исполнять ихъ, только съ большимъ трудомъ, да будетъ анаѳема. Ибо не сказалъ Господь, что безъ Меня вы съ трудомъ можете творить заповѣди, но что *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5.).

Вальсамонъ. Было множество развращенныхъ мнѣній, изъ коихъ одно состояло въ томъ, что Богъ сотворилъ насъ самовластными, дабы мы могли и безъ божественной благодати выполнять заповѣди; а божественная благодать содѣйствуетъ только тому, чтобы мы исполняли ихъ легче; ибо мы могли бы и безъ содѣйствія божественной благодати исполнять ихъ, только съ большею трудностію. Говорящихъ это соборъ подвергаетъ анаѳемѣ.

Церковное право

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ НАУКИ.

(Опытъ общедоступнаго изложенія понятій обыкновенно раскрываемыхъ во введеніи въ науку церковнаго права).

Представимъ, читатель, что мы съ вами задумали методически изучать церковное право. (Отчего же въ самомъ дѣлѣ не представить этого? Вѣдь въ настоящее время чѣмъ-чѣмъ не занимаются читатели? Неужели же церковное право такъ не интересно, что ужъ имъ ни одинъ читатель не захочетъ заниматься?!). Итакъ мы задумали и рѣшили заниматься церковнымъ правомъ *методически*. Въ такомъ случаѣ намъ прежде всего слѣдуетъ обратиться къ названію, заглавія предпринимаемаго занятія: но какъ же иначе назвать это занятіе какъ не *наукою церковнаго права* „или наукою о церковномъ правѣ?“ Такимъ образомъ вниманію нашему тотчасъ же, какъ только мы приняли это благое рѣшеніе, представляются два предмета: само *церковное право* и *наука о немъ*, или *наука, имѣющая своимъ предметомъ церковное право*. На этихъ предметахъ и остановимъ пока свое вниманіе и будемъ разсматривать ихъ тщательно и всесторонне, хотя бы для этого потребовалось времени и болѣе, чѣмъ сколько, по видимому, слѣдуетъ удѣлять простому надписанію, заглавію: потому что только при этомъ условіи мы разрѣшимъ правильно вопросъ объ отношеніи нашей науки къ ея предмету, а это необходимо сдѣлать, чтобы представить себѣ въ совершенной ясности—въ чемъ состоитъ все дѣло наше, въ чемъ суть его.

Причина продолжительнаго стоянія предъ этимъ заглавіемъ та, что въ немъ употреблено слово, которое въ разговор-

ной обыденной рѣчи имѣетъ смыслъ нѣсколько иной, чѣмъ какой оно имѣетъ въ наукѣ: отсюда для человѣка, незнакомаго съ наукою, не совсѣмъ понятно это заглавіе, то есть, онъ поймете его по своему, растолкуя себѣ дѣло такъ, что эта наука занимается такимъ предметомъ, между тѣмъ какъ она на самомъ дѣлѣ занимается совершенно другимъ. А именно: въ обыденномъ употребленіи „право“ означаетъ иногда то же, что означаетъ слово *правильно*, *справедливо*, *согласно съ совѣстью*, *съ закономъ*, или *согласно съ природою вещи*, если до нея дѣло касается, иногда это слово употребляется какъ существительное: напр. я имѣю на это *право*, а онъ не имѣетъ *права* такъ дѣлать т. е. въ смыслѣ власти что нибудь дѣлать по отношенію къ другому или что нибудь присвоять себѣ, напр. какую нибудь вещь употреблять какъ свою. Въ послѣднемъ случаѣ словомъ право, очевидно, обозначается какое-то *чисто субъективное* состояніе человѣка, состояніе, въ которомъ онъ можетъ быть и не быть. Ясно, что соединяя *этотъ* смыслъ со словомъ право, мы скажемъ совершенно понятную вещь, если выразимся такъ: это ваше право, это — ихъ или его право; этимъ мы обозначимъ чье нибудь *субъективное* состояніе, *субъективную* принадлежность; но будутъ ли понятны выраженія „церковное право“, „государственное право“ и т. д., если соединять со словомъ *право* этотъ субъективный смыслъ? Будутъ понятны — это правда; но будутъ въ такомъ случаѣ обозначать нѣчто совершенно иное, чѣмъ что будетъ понимать подъ ними каждый образованный человѣкъ, особенно увидя эти выраженія въ качествѣ (книжныхъ) заглавій. Подъ этими заглавіями онъ будетъ разумѣть то, что на языкѣ обыкновенномъ называется *законами*, которые должны быть соблюдаемы подданными государства или христіанами извѣстнаго вѣроисповѣданія и которые предписываетъ имъ государственная или церковная власть, короче, — *государство* или *церковь*. Выраженіе — *церковное право* — въ научномъ смыслѣ означаетъ: законы, которые соблюдаются христіанами, принадлежащими къ церкви и которые предписываетъ или сама церковь т. е. церковная власть, или государство, правительство отъ имени церкви. Между тѣмъ употребляя выраженіе „церковное право“ въ вышеуказанномъ субъ-

ективномъ смыслѣ, мы обозначимъ какое-то ея собственное состояніе, представимъ ее самое какъ бы *лицомъ* дѣйствующимъ, или такъ или иначе относящимся къ другому лицу. Такъ въ книгахъ говорится напр., церковь нарушила право государства, или поступилась своимъ естественнымъ правомъ въ пользу государства, въ пользу другой церкви и т. под.

Итакъ выраженіе „церковное право“ должно въ сознаніе наше вызвать съ совершенною ясностію слѣдующія представленія: а) съ одной стороны мы должны представить себѣ *церковь* какъ совокупность христіанъ, которые живутъ по законамъ, для нихъ только обязательнымъ и ими только исполняемымъ и неимѣющимъ такого значенія внѣ этой совокупности христіанъ, или внѣ этой церкви — эти *„законы“* называются *правомъ* церкви или *церковнымъ правомъ* б) Съ другой стороны мы должны представить *церковь* какъ нѣчто единое, цѣльное, какъ бы отдѣльное лицо (субъектъ), могущее вступать въ извѣстныя отношенія съ подобнымъ же ей цѣлымъ, напр., государствомъ. Какъ такое цѣлое она можетъ дѣйствовать всѣми своими средствами, такъ что ничто изъ принадлежащаго къ ней у нея не отнимается: о такомъ состояніи ея можно выразиться, что она дѣйствуетъ всѣми своими правами. Но также возможно, что она присвоитъ себѣ нѣчто государству принадлежащее, что слѣд. причинитъ послѣднему лишеніе; въ такомъ случаѣ ея собственное субъективное состояніе, увеличится на счетъ уменьшенія состоянія государства: о такомъ случаѣ можно сказать, что церковь присвоила себѣ право, принадлежащее государству. Поэтому и со словомъ право мы должны вызвать въ сознаніе представленія о двухъ предметахъ: во 1-хъ, представленіе о совокупности законовъ, которые дѣйствуютъ внутри церкви между ея приверженцами; ибо эту совокупность законовъ принято называть въ наукѣ словомъ *право;* во 2-хъ, представленіе о субъективномъ состояніи самой церкви какъ цѣлаго, какъ бы отдѣльно существующаго на ряду съ подобными же цѣлыми: ибо и это субъективное состояніе называется *правомъ*.

Итакъ, чтобы быть понятнѣе, не замѣнить ли намъ не всѣмъ понятное заглавіе нашей науки — церковное право — другимъ, общепонятнымъ: наука о законахъ церкви или

наука о церковныхъ законахъ. Если бы мы дѣйствительно сдѣлали это, то не сдѣлали бы въ сущности не только ничего хорошаго, но даже и ничего новаго; ибо въ старое время наша наука именно и называлась наукою церковнаго законовѣдѣнія, т. е., значитъ мы со своею реформою вмѣсто движенія впередъ сдѣлали бы шагъ назадъ. Въ чемъ же однако дѣло? Почему мы непремѣнно должны настаивать на словѣ *право* какъ болѣе совершенномъ выразителѣ того предмета, который составляетъ сущность нашей науки и отвергнуть слово „законовѣдѣніе", какъ выразитель менѣе совершенный, чѣмъ слово „право"? Или иначе сказать: чѣмъ совершеннѣе слово „право" выражаетъ предметъ нашей науки? — Отвѣтъ простой: *оно выражаетъ предметъ полнѣе т. е. выражаетъ именно всесторонне, весь предметъ, цѣликомъ: тогда какъ выраженіе «церковные законы, или законовѣдѣніе обозначаетъ только часть нашей науки, или въ отношеніи къ методу ея только нѣкоторыя стороны его и не обозначаетъ другихъ. Такимъ образомъ, если бы мы остановились, на церковномъ законовѣдѣніи, какъ на предметѣ своей науки, и въ изложеніи ея строго сохранили тѣ предѣлы, которые предписываетъ это выраженіе, мы изложили бы свою науку не сполна.*

Какъ видите, заглавіе нашей науки требуетъ еще нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ поясненій для того, чтобы быть понятнымъ со всею ясностію. Выше мы указали, что слово „*право*" имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ принято и въ обыкновенномъ словоупотребленіи и въ наукѣ право въ *субъективномъ смыслѣ;* другое значеніе придается слову право только въ наукѣ и обозначаетъ совокупность законовъ, которые дѣйствуютъ внутри церкви (или государства) и которыми опредѣляется собственно *право* (въ субъективномъ смыслѣ каждаго отдѣльнаго лица, входящаго въ составъ церкви (или государства), значитъ, принятое въ этомъ послѣднемъ значеніи слово право обозначаетъ не субъективное состояніе самой церкви какъ цѣлаго, а только нѣкоторую часть ея дѣятельности (законодательной, обращенной на извѣстные предметы или *объекты:* посему совокупность церковныхъ законовъ и называется *правомъ* церкви *въ объективномъ смыслѣ.* Представьте теперь, что мы ог-

раничиваемъ объемъ нашей науки только изученіемъ законовъ церкви, или-что тоже, объективнаго ея права будетъ ли мы въ такомъ случаѣ, по окончаніи своихъ трудовъ, въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ: что же такое сама церковь какъ самостоятельное цѣлое по сравненію съ подобными ей цѣлыми — государствомъ, церквами другихъ вѣроисповѣданій и т. п. союзами или обществами человѣческими, т. е. будемъ ли мы въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ: что же составляетъ право самой церкви, право ея въ субъективномъ смыслѣ? Очевидно на этотъ вопросъ мы не отвѣтимъ, потому что онъ и не входилъ въ предѣлы той области, которою мы хотѣли бы заниматься, Другое дѣло, если мы обозначимъ предметъ своихъ занятій выраженіемъ „церковное право“. Тогда мы будемъ уже обязаны заниматься изученіемъ и этого вопроса, вопроса о правѣ самой церкви и ея отношеніяхъ другимъ союзамъи обществамъ человѣческимъ, словомъ— изученіемъ всего церковнаго права и въ его объективномъ и въ его субъективномъ смыслѣ. Тогда заглавіе нашей науки для непосвященнаго въ ея тайны не будетъ тѣмъ загадочнымъ сфинксомъ, какимъ оно вырисовывалось предъ нами нѣсколько минутъ прежде, т. е., тогда въ наукѣ нашей и этотъ непосвященный найдетъ свѣдѣнія о томъ предметѣ, который онъ обозначаетъ словомъ право, держась при этомъ только обычнаго значенія его т. е. такого, которое соединяется съ нимъ въ обыкновенномъ словоупотребленіи.

Но можетъ быть для *самой науки* нашей и нѣтъ *никакого интереса* въ этой полнотѣ? Можетъ быть она даже выглянетъ нѣсколько привлекательнѣе: ибо будетъ въ такомъ случаѣ меньше по объему, а въ тоже время для простаго смертнаго останется именно сфинксомъ, обморачивающимъ вышеупомянутымъ образомъ его простой здравый смыслъ?— Но въ томъ то и дѣло, что именно полнота составляетъ интересъ самой науки.—Даже болѣе: именно та часть ея, которая составляла бы только изложеніе объективнаго права ея будетъ находиться въ положеніи обрывка, клочка, хотя и гигантскаго, не имѣющаго подъ собой никакой почвы и никакой связи съ чѣмъ нибудь, или, выражаясь по ученому, не будетъ имѣть основанія или будетъ отличаться совер-

шенною не основательностію. Почему и какъ это выходитъ—объяснить весьма не трудно.—Предположимъ, что мы ограничимся изученіемъ только однихъ законовъ, которые обязаны исполнять всѣ тѣ люди, которые почитаются входящими въ составъ церкви. Такимъ образомъ все наше дѣло ограничится очень простымъ, хотя и очень продолжительнымъ, если только не безконечнымъ чтеніемъ каждаго въ отдѣльности церковнаго правила, устава церковнаго или монашескаго, Высочайшаго указа, разныхъ инструкцій и т. под. вещей. Этихъ вещей такое множество, что еслибы кто нибудь отважился издать ихъ въ одной книгѣ, каковая бы и составила то, что называется церковнымъ законовѣдѣніемъ, то онъ выпустилъ бы на свѣтъ Божій такую огромную книгу, которая по величинѣ своей уступила бы развѣ только знаменитой „голубиной книгѣ", мѣра которой по народному представленію—сорокъ саженъ, а вѣсъ такой большой, что 40 царей со столькими же царевичами не могли переворачивать листовъ ея. И все таки, при такомъ объемѣ, этотъ гигантъ оставался бы висящимъ на воздухѣ т. е. въ соціальной жизни не имѣлъ бы никакой силы. А именно: эта наука-гигантъ осталась бы безпомощною предъ слѣдующими простыми вопросами: на какомъ основаніи эта масса законовъ и правилъ выдается мнѣ, какъ члену церкви, за законъ, который я долженъ исполнять? На какомъ основаніи моя жизнь связывается такими крѣпкими сѣтями, что для одного только разсмотрѣнія ихъ мало моей человѣческой жизни? На какомъ основаніи эти церковные законовѣды выдаютъ эту гигантскую книгу за обязательные церковные законы?—Какъ видите, вопросъ о церковномъ правѣ субъективномъ не только не устраняется изученіемъ ея объективнаго права, но еще сильнѣе напрашивается. Почему же это?—Ясно, потому, что и самые законы, составляющіе ея объективное право, въ сущности своей есть одно изъ правъ церкви въ субъективномъ смыслѣ. Вѣдь право издавать законы принадлежитъ не всякому обществу: одни изъ обществъ стоятъ именно въ такомъ отношеніи къ своимъ отдѣльнымъ членамъ, а другія общества стоятъ въ другомъ къ нимъ отношеніи. Слѣд., власть церкви издавать законы (или правила—это пока все одно) есть ея субъективное право. Но

принадлежитъ ли ей это право? Это вопросъ; и само собою разумѣется, что если кто берется за изложеніе содержанія самыхъ законовъ ея, тотъ долженъ или дать рѣшеніе этого вопроса и рѣшеніе удовлетворительное — или же предположить, что это право законодательства всѣми предполагается неоспоримымъ. Такимъ образомъ наукѣ, поставившей задачею только церковное законовѣдѣніе, т. е., изложеніе ея объективнаго права нельзя никакъ обойти и изученія ея субъективнаго права, хотя бы только для рѣшенія вопроса; на чемъ основывается власть церкви издавать законы? Но этого недостаточно. Въ этой громадной массѣ законовъ, которые издавала сама она или государство отъ ея имени есть съ одной стороны такіе, право издавать которые признается всѣми, по крайней мѣрѣ вѣрующими, безспорнымъ ея правомъ, но съ другой есть и такіе, право издавать которые отрицается у ней даже и вѣрующими. Опять слѣдов., возникаетъ вопросъ: какіе же изъ ея законовъ обязательны для вѣрующаго и какіе нѣтъ? Но этотъ вопросъ опять таки можетъ быть разрѣшенъ только изученіемъ ея субъективныхъ правъ. Предположимъ на минуту, что это само собою ясно, а именно: церковь имѣетъ право издавать законы очевидно только по тѣмъ предметамъ и явленіямъ жизни человѣческой, которыя такъ или иначе относятся къ существу ея самой, но нѣкоторымъ слѣд., только она одна и можетъ почитаться способною быть законодательницею. Но вопросъ, въ чемъ же состоитъ именно сущность ея и какіе-такіе предметы и явленія человѣческой жизни относятся къ ея существу и какіе не относятся уже совсѣмъ не такъ очевиденъ, чтобы его можно было порѣшить сразу; для рѣшенія его необходимо обратиться къ изученію церкви именно какъ цѣлаго, какъ субъекта т. е. къ изученію ея субъективнаго права, или правъ. Ибо только при этомъ условіи мыслимо разрѣшеніе вопроса о томъ: принадлежитъ ли извѣстное явленіе человѣческой жизни къ числу тѣхъ, законодательство по которымъ составляетъ истинное право церкви, или же по этому предмету компетентно издавать законы только государство или иной какой органъ общественно-человѣческой дѣятельности?

Послѣ этого я полагаю, стало совершенно яснымъ, по-

чему предметъ науки нашей точно и вполнѣ обозначается выраженіемъ *церковное право*, а не выраженіемъ *церковное законовѣдѣніе*; полагаю также, что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько прояснился и самый предметъ науки нашей. Ибо и теперь мы уже положительно можемъ сказать, что предметомъ нашего изученія служамъ не одни только правила, законы, указы, инструкціи и т. п. вещи (и какъ увидимъ ниже собственно и не они сами по себѣ, или объективное церковное право, но и право церкви субъективное. Наша наука должна такимъ образомъ взять на себя рѣшеніе такихъ вопросовъ: а) *какіе законы обязаны исполнять тѣ люди, которые почитаются принадлежащими къ церкви, сынами ея?* б) *Какія права принадлежатъ самой церкви, взятой въ цѣломъ ея составѣ, какъ обществу существующему вмѣстѣ и среди другихъ обществъ ей подобныхъ?*

Положимъ, что это такъ; но вотъ вопросъ: возможную ли для осуществленія своего задачу беретъ на себя наша наука, когда она обѣщается въ точности опредѣлить субъективное право церкви? Чѣмъ она тутъ будетъ руководствоваться, и гдѣ, въ чемъ она имѣетъ матеріалъ, на основаніи котораго будетъ рѣшать этотъ важный и трудный вопросъ?—Дѣло, повидимому, весьма трудное въ дѣйствительности разрѣшается весьма легко: этотъ матеріалъ и это руководство наша наука находитъ именно въ самомъ этомъ объективномъ правѣ т. е. въ церковныхъ правилахъ, законахъ, указахъ и т. п. вещахъ, но она въ этомъ случаѣ не ограничивается только тѣми правилами, указами и проч., которыя признаются законами въ *настоящее* время, но изучаетъ и тѣ, которыя издаваемы были прежде, во все время ея существованія и многія изъ которыхъ въ настоящее время служатъ только *памятниками* т. е. историческими или археологическими предметами, но не могутъ уже служить *документами*, какъ служили прежде. Какимъ же образомъ это возможно однакоже? Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дается только тому, кто уже самъ изучалъ это объективное право. Но тѣмъ не менѣе отчасти можно объяснить это и тѣмъ, кто только принимается за дѣло изученія церковнаго права. А именно: историче-

ское изученіе объективнаго права показываетъ, что церковь пережила на столько различныя состоянія, издавала такія разнообразныя правила и законы, что въ настоящее время уже можно дать вполнѣ категорическій отвѣтъ на вопросъ— какія изъ сторонъ человѣческой жизни составляютъ предметъ ея безспорнаго права на законодательство; какія безусловно ей не подлежатъ и какія могутъ быть предметомъ ея законодательства только при извѣстныхъ условіяхъ въ ея положеніи среди государствъ и народовъ; я говорю, что можно дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ — ибо законы и правила ея пережили разныя эпохи и разную судьбу: одни изъ нихъ отъ глубокой древности, почти съ самаго основанія ея не только не прекращали своего дѣйствованія внутри ея самой, но и признавались за таковыя, государствами какъ христіанскими, такъ и не христіанскими. Другіе, дѣйствовавъ нѣкоторый періодъ времени, потомъ утрачивали свое значеніе или сами собою, какъ бы постепенно замирая и забываясь, или же были отмѣняемы властью самой церкви или государства; но потомъ, по прошествіи болѣе или или менѣе долгаго времени оживали вновь, получали всю силу законовъ и таковыми продолжаютъ быть, хотя и съ нѣкоторою модификаціею въ настоящее время. Третьи изъ законовъ церковныхъ, дѣйствуя нѣкоторое время, или даже бывъ только опубликованы, не привились къ жизни и давно ею забыты, оставаясь только архивнымъ матеріаломъ. Это явленіе убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что первые два вида законовъ церковныхъ принадлежатъ къ числу такихъ, которые составляютъ не отъемлемое, естественное право церкви, а третій—что въ этихъ предметахъ церковь выходила изъ предѣловъ своихъ правъ принимала на себя власть законодательства, ей не принадлежащую. Такимъ образомъ въ настоящее время для церковнаго юриста есть полная возможность и положительнымъ и отрицательнымъ путемъ нарисовать себѣ умственный, идеальный образъ церкви какъ *цѣлаго* именно какъ субъекта, имѣющаго извѣстныя права и сказать, что этотъ *субъектъ-церковь* имѣетъ своимъ не отъемлемымъ правомъ то-то и то-то. Этотъ образъ хотя и идеальный, имѣетъ однако же весьма твердое, вполнѣ реальное для себя основаніе, т. е.

въ отношеніи ученой цѣнности этотъ образъ или эта *теорія* права не уступаетъ какой угодно научной теоріи вообще.

Итакъ этимъ объясненіемъ вопроса — какъ и гдѣ найти матеріалъ для опредѣленія субъективнаго права церкви, какъ цѣлаго—мы пришли къ тому, что внимательное историческое изученіе памятниковъ церковнаго законодательства и дѣйствующихъ ея законовъ въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ: *какія права принадлежатъ самой церкви какъ цѣлому, какъ обществу существующему вмѣстѣ и среди другихъ обществъ, ей подобныхъ.*

Но рѣшивъ пока вопросъ этотъ такимъ образомъ, не высказали ли мы тутъ слова въ защиту стариннаго наименованія нашей науки — *законовѣдѣніемъ?* Вѣдь въ сущности матеріалъ науки именующейся *правомъ* остается тотъ же— объективное право; различіе значитъ только формальное: наука права кромѣ положительнаго изученія текста законовъ извлекаетъ изъ этого изученія еще теорію субъективнаго права церкви; но вѣдь и законовѣдѣніе, правда не преслѣдовало этой второй задачи, но въ дѣйствительности законовѣдъ невольно и безсознательно приводился къ этой дѣятельности т. е. невольно онъ самъ становился теоретикомъ? Да, это совершено вѣрно: различіе между задачами стараго *законовѣдѣнія* и новаго *правовѣдѣнія* только формальное или даже только методическое; и однако же, несмотря на то, различіе между ними—громадное. Методъ въ знаніи—дѣло великое: это подтвердитъ исторія каждой науки, подтверждаетъ и исторія науки права. Ибо при старомъ ограниченіи предмета науки нашей объективнымъ только правомъ происходило то, что дѣльными теоретиками выходили только рѣдкія недюжинныя натуры, имѣвшія дѣло съ законами: большинство же изъ занимавшихся законовѣдѣніемъ не возвышалось далѣе механическаго усвоенія текста законовъ, правилъ, инструкцій и т. п. вещей; какъ вредно отзывается это въ самой юридической практикѣ—ясно само само собою; въ научномъ же отношеніи недостатокъ такого изученія права объясненъ нами прежде, — такое изученіе не даетъ отвѣта на существенно важный вопросъ: на какомъ основаніи масса законовъ, издаваемыхъ церковію обязательна для отдѣльнаго лица? — Между тѣмъ, при но-

вой постановкѣ юридической науки т. е. когда она сдѣлалась не законовѣдѣніемъ только, но вѣдѣніемъ права вообще — каждый занимающійся этою наукою легко усвоитъ теорію ея и такимъ образомъ внесетъ въ заучиваніе текста закона смыслъ и духъ, а не ограничится однимъ только мертвящимъ буквоѣдствомъ: а какъ много это значитъ въ наукѣ и жизни—доказывать излишне.

Итакъ мы должны настаивать на томъ, что точное обозначеніе предмета нашей науки есть *право* церкви вообще— право и субъективное и объективное, а не одни только *законы* церковные. Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ своихъ, я надѣюсь, мы найдемъ и еще новое тому подтвержденіе.

Доселѣ, трактуя о правѣ субъективномъ и о законахъ, указахъ и т. п. или правѣ объективномъ, мы разсматривали то и другое съ ихъ наружной стороны, не углубляясь въ самое существо этихъ предметовъ т. е. не давая себѣ яснаго отчета въ тѣхъ представленіяхъ, какія, мы ощущаемъ въ своемъ сознаніи при словахъ: право, законъ, указъ, уставъ и т. п. Теперь именно — самая удобная минута направить свое вниманіе на этотъ предметъ.

Мы уже знаемъ, что въ наукѣ принято называть словомъ право не только то, что этимъ же словомъ называется и въ обычномъ словоупотребленіи, но и ту совокупность законовъ, правилъ и т. п. вещей, которыя составляютъ объективное право (церкви или государства). Естественно спросить теперь: почему же, на какомъ основаніи наука называетъ и эти вещи правомъ? Что сходнаго замѣтила она въ этихъ вещахъ съ тѣмъ, что обыкновенный простой здравый смыслъ назвалъ правомъ? — этотъ вопросъ, а равно много другое, выяснится предъ нами совершенно, когда мы дадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое право по самой сущности своей?

Простой здравый смыслъ съ совершенною точностію указалъ на сущность и источное начало того факта въ человѣческой жизни, который называется правомъ, когда усвоилъ этотъ фактъ именно отдѣльному лицу, а не цѣлому ихъ обществу. Право есть дѣйствительно, прежде всего, извѣстное состояніе жизни индивидуума — человѣка, частнѣе — жизни *дѣятельной*. Въ самомъ дѣлѣ — вопросъ о правѣ

чаще всего возникаетъ тогда, когда какой либо человѣкъ совершилъ какое либо *дѣяніе*, когда слѣдов., онъ явился существомъ *активнымъ*. Но мы знаемъ, что психологическою основою человѣческой дѣятельности — служитъ личная воля человѣка. Слѣдов., вопросъ о правѣ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ вопросомъ объ условіяхъ проявленія во внѣ — въ дѣятельности личной человѣческой воли. Мы знаемъ далѣе, что по природѣ своей человѣкъ обращаетъ свою дѣятельность именно къ тѣмъ вещамъ міра, которыя необходимы, полезны и пріятны для жизни земной и которыя называются по этому земными благами. Здѣсь прежде всего воля личная вступаетъ въ такія соприкосновенія, которыя тотчасъ же и вызываютъ въ наблюдателѣ — добровольно или непроизвольно — вопросъ: справедливо или нѣтъ поступаетъ человѣкъ, такъ именно обнаруживъ свою волю? Представимъ случай (въ дѣйствительности невозможный конечно въ настоящее время), что на всей землѣ существуетъ только одинъ человѣческій индивидуумъ, одна человѣческая личность или по крайней мѣрѣ одна человѣческая пара (ибо по выраженію Гете—холостой только въ половину человѣкъ) и поставимъ такой вопросъ: можно ли объ этомъ единственномъ человѣкѣ — обитателѣ земли и обладателѣ всѣхъ благъ ея — сказать, что онъ имѣетъ какія либо права? По аналогіи съ человѣкомъ въ его теперешнемъ состояніи, конечно, нисколько не задумываясь можно сказать, что этотъ идеальный человѣкъ имѣетъ одно безпримѣрное *право*, право собственности. Въ чемъ же обнаруживается это право идеальнаго человѣка? — Очевидно въ томъ, что онъ *можетъ* пользоваться всѣми благами міра *какъ ему угодно*, можетъ пользоваться и хорошо и худо: *можетъ* разрушать, истреблять безъ толку, безъ смысла, безъ цѣли. Если же это такъ, то не ясно ли представляется теперь и отвѣтъ на вопросъ: что же такое *право* этого идеальнаго человѣка? — Не есть ли именно это — *свобода его въ выборѣ предметовъ для своихъ желаній?* Или короче сказать—не есть ли это свобода воли его поступать съ внѣшними предметами, какъ ему угодно — хорошо или худо! — Да, право есть полная *власть* надъ вещью или что тоже *право есть свобода воли*.

Отвѣчая такъ категорически на этотъ вопросъ мы конеч-

но не должны считать этотъ отвѣтъ опредѣленіемъ понятія права: ибо мы имѣемъ въ виду человѣка идеальнаго. Но вглядимся пристальнѣе въ прошлую и настоящую жизнь отдѣльнаго человѣка, именно въ его отношеніяхъ къ внѣшней природѣ: не увидимъ ли мы и тутъ чего либо аналогичнаго съ дѣйствіями идеальнаго человѣка? Припомнимъ нашу русскую старину, когда славяне селились на обширной территоріи нашего теперешняго государства: не поступали ли они съ лѣсами, рѣками и всякимъ добромъ земнымъ такъ, какъ имъ *хотѣлось* поступать. Разумѣется такъ; и теперь произнося судъ объ ихъ дѣятельности, можемъ ли мы сказать, что они поступали несправедливо, не по *праву?* Конечно нѣтъ. Права за ними никто не будетъ отрицать, хотя найдутся многіе, особенно экономисты, которые скажутъ, что предки наши худо обходились съ благами земли, худо *пользовались своимъ правомъ*. Возьмемъ примѣръ и изъ настоящаго времени. Что такое и въ настоящее время право собственности, какъ не *личная власть* человѣка надъ опредѣленными пространствомъ и временемъ вещами. Или иначе сказать, что такое это *право* какъ не эта полная свобода воли даннаго лица (собственника) въ точно опредѣленной сферѣ или совокупности вещей?—И такъ, въ чемъ же различіе права современнаго человѣка отъ права вышеупомянутаго — идеальнаго? — Очевидно, различіе въ томъ, что *внутренно неограниченная* воля или свобода воли по отношенію къ вещамъ у перваго не была ограничена никакими *внѣшними предѣлами*, у втораго же эта внутренно неограниченная свобода ограничена внѣшними предѣлами... Такимъ образомъ мы имѣемъ основаніе теперь же сказать, что право есть ограниченная извѣстными внѣшними предѣлами *воля;* получить право или *отыскать* право свое значитъ не что иное, какъ получить точно и ясно очерченные предѣлы или границы, внутри которыхъ отдѣльный человѣкъ можетъ дѣйствовать по всей своей волѣ—хорошо или худо; внутри которыхъ онъ свободно можетъ направлять свою дѣятельность и на добро и на зло. Слѣдов., право есть не что иное, какъ *опредѣленіе свободы лица.*

Но если это такъ, то не трудно отвѣтить и на слѣдующіе вопросы: кто можетъ быть признанъ лицомъ способнымъ

имѣть право? Затѣмъ, кто и какъ опредѣляетъ право даннаго лица? Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ является способнымъ обладать правомъ—то именно потому, что онъ имѣетъ волю, способность опредѣлять свою дѣятельность на то и на другое, то очевидно, что низшія его существа, напр., животныя не могутъ быть признаны субъектами права. Съ другой стороны и прошлое человѣчества и современная жизнь ясно свидѣтельствуютъ о фактѣ обнаруженія единой *воли цѣлой совокупности* отдѣльныхъ людей, о волѣ коллективной или *общей волѣ*; эта коллективная воля есть очевидно также *право* и притомъ право высшее, чѣмъ воля отдѣльнаго лица. Она-то ближайшимъ образомъ и служитъ факторомъ *права* каждаго частнаго лица. Послѣднее (частное лицо) въ этой общей волѣ и находитъ опредѣленіе и защиту своего права. Отсюда и право частнаго лица есть потому только право, что оно согласуется съ общею *волею*, или лучше сказать, частный человѣкъ въ той мѣрѣ субъектъ права, въ какой его частная индивидуальная воля признается *волею* цѣлой совокупности, союза людей. Исторія свидѣтельствуетъ, что съ незапамятныхъ временъ, многоразличныя условія служили причиною того, что люди составляли изъ себя цѣлыя общества и что въ числѣ этихъ условій не послѣднее мѣсто занимаетъ любовь къ родинѣ, взаимный экономическій интересъ и—способность человѣка не только пользоваться правомъ своимъ, но и относиться къ другому, какъ лицу, личности т. е. существу, имѣющему свою волю. Таковыми союзами служатъ: народъ, государство и церковь. Каждый изъ этихъ союзовъ обладаетъ волею, которая и составляетъ его право; отсюда каждый отдѣльный человѣкъ, какъ лицо, разсматривается въ отношеніи своей правовой свободы (т. е. свободы, опредѣленной высшею его свободою), какъ членъ народа, государства и церкви: ибо отъ каждаго изъ нихъ онъ получаетъ опредѣленіе своего права и его защиту. Далѣе, субъектъ права, и права наивысшаго, неограниченнаго — есть Высочайшее Существо, Богъ, какъ основаніе и источникъ всякаго права: ибо Онъ одинъ имѣетъ волю и власть надъ всѣмъ, ни кѣмъ и ни чѣмъ неограниченную.

Итакъ право есть опредѣленіе свободы *лица*. Субъектами его служатъ: а) каждый отдѣльный индивидуумъ человѣческаго рода; б) общая воля союза или общества людей; надъ ними стоитъ Высочайшее Существо, которое должно быть разсматриваемо какъ субъектъ права потому, что Оно имѣетъ неограниченную волю, слѣдов., наивысшее изъ правъ по сравненію съ правомъ остальныхъ двухъ субъектовъ. *Задача и жизнь права и состоитъ въ такомъ установленіи единичныхъ человѣческихъ волей между собою, въ отношеніи къ общей волѣ цѣлаго союза и всѣхъ ихъ въ отношеніи къ волѣ Божіей, при которомъ бы дѣйствовала каждая воля и могла осуществляться не стѣсняя другой.* На этихъ подчеркнутыхъ строкахъ не мѣшаетъ нѣсколько пріостановиться и хорошенько подумать; подумать напр. о той отрасли дѣятельности человѣческой воли, которая называется нравственностію, а потомъ уже перейти и къ дальнѣйшему анализу понятія права.

Нравственность и право съ одной стороны такъ близко соприкасаются между собою и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживаются въ дѣйствительности такъ сходно, что въ сужденіяхъ людскихъ сплошь и рядомъ смѣшиваются: но это въ существѣ своемъ два совершенно разнородные факта въ человѣческой жизни и потому смѣшивать ихъ по крайней мѣрѣ юристамъ тяжкій грѣхъ.

Сходство ихъ въ томъ, что корень ихъ въ природѣ человѣка именно въ волѣ его и во 2-хъ въ томъ, что возможность осуществленія ихъ состоитъ въ *свободѣ* этой воли. Но *воля правовая* или юридическая не тоже, что *воля нравственная*, также точно и *свобода* юридическая—вещь различная отъ свободы нравственной.

Воля правовая есть безусловный выборъ между личными желаніями, въ предѣлахъ опредѣленныхъ мнѣ правомъ я, по пословицѣ, „какъ хочу, такъ и ворочу.“ Никто, ни частный человѣкъ, ни судъ, ни полиція не можетъ остановить меня въ моихъ дѣйствіяхъ, хотя бы они были нелѣпы, хотя бы даже я оказывался въ нихъ злымъ, негодяемъ и т. п. Но воля нравственная есть *рѣшеніе человѣка на одно только доброе и борьба со зломъ*. Отсюда—эпитетъ „безнравственный“, которымъ мы такъ часто даримъ другъ друга въ

дѣйствительности долженъ быть употребляемъ какъ можно рѣже и съ строгою разборчивостію: ибо абсолютно безнравственныхъ людей должно быть вовсе нѣтъ: таковъ, должно быть, только одинъ дьяволъ. Между людьми есть только разныя степени *нравственныхъ личностей* и эти степени нравственности суть не что иное, какъ степени успѣха борьбы со зломъ, которую ведетъ каждый человѣкъ: ибо каждый по природѣ любитъ и хочетъ добра; но зло такъ сильно, что глубоко нравственный человѣкъ, по слову апостола, долженъ сознаться: добра, котораго хочу, (я) не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю (Римл. VII, 19). Но если этотъ великій святый апостолъ не усомнился высказать эту истину отъ своего лица, то что же долженъ сказать о себѣ простой обыкновенный человѣкъ? Какъ же много зла дѣлаетъ этотъ обыкновенный человѣкъ? Но потому ли это зло выходитъ въ дѣятельности человѣка, что онъ хочетъ зла? Вовсе нѣтъ: въ большинствѣ злыхъ случаевъ—человѣкъ дѣлаетъ зло нехотя, противъ воли, ненавидя его, предается напр. разврату, пьянству, проливая при этомъ горькія слезы. Значитъ, оцѣнка нравственной дѣятельности лица—вещь въ высшей степени трудная и опасная: по дѣламъ человѣка еще нельзя вѣрно оцѣнить его нравственныхъ качествъ; ибо бываетъ такъ, что и на видъ доброе дѣло по намѣренію его совершившаго вовсе не имѣетъ такой цѣны и наоборотъ—злое по видимому—въ сущности вытекаетъ изъ добраго намѣренія.

Въ чемъ же состоитъ послѣ этого нравственная свобода? Она состоитъ очевидно не въ степени проявленія во внѣ успѣховъ борьбы со зломъ—не въ количествѣ добрыхъ и злыхъ *дѣлъ*, а въ степени твердости воли въ рѣшеніи ея на добро, въ степени любви человѣка къ добру и ненависти къ злу. Если эта воля настолько утвердилась въ рѣшеніи на добро, что всякое зло, въ какихъ бы привлекательныхъ образахъ ни представлялось ему—для него ненавистно, не обаятельно на него дѣйствуетъ, не плѣняетъ его, словомъ *не подчиняетъ его себѣ*: то это—*твердый нравственный характеръ* высокая нравственная личность. Если же при любви къ добру у человѣка мало силъ противъ искушеній на зло, если слѣдов., оно способно обаятельно на него дѣй-

ствовать—и онъ начинаетъ симпатизировать ему—значитъ онъ хотя и хорошій человѣкъ, но онъ слабый нравственный характеръ. Отсюда нравственная свобода есть степень твердости воли въ ея борьбѣ со зломъ: собственно элементы свободы здѣсь суть: а) твердость *добровольнаго* рѣшенія на добро и б) твердость *воли* противъ искушеній къ злу. По степени этой твердости люди и раздѣляются на болѣе и менѣе нравственно-свободныхъ личностей.

Таковы воля и свобода нравственная. Воля же юридическая есть просто способность человѣка опредѣлять себя на какія угодно дѣйствія, какія ему необходимы или не нужны, полезны или вредны, хороши или злы. Свобода юридическая есть власть пользоваться въ жизни и дѣятельности такою волею.

Изъ этого различія права и нравственности вытекаютъ слѣдующія явленія. Одно и тоже дѣйствіе человѣка можетъ быть справедливо и съ точки зрѣнія права и съ точки зрѣнія нравственности или точнѣе—можетъ быть и справедливымъ и добрымъ; другое можетъ быть справедливымъ юридически и глубоко злымъ нравственно; третье—можетъ быть несправедливымъ юридически и въ высшей степени добрымъ нравственно. Т. е. короче сказать—нравственность и право въ своихъ требованіяхъ иногда совпадаютъ, а иногда далеко расходятся въ разныя стороны... Но перейдемъ къ дальнѣйшему анализу понятія права.

„*Право есть опредѣленіе свободы лица:*“ это мы должны принять за опредѣленіе лучшее изъ всѣхъ существующихъ въ наукѣ опредѣленій [1]) и не выпускать его изъ своихъ рукъ, хотя бы у насъ и старались отнимать его кто бы и чтобы то ни было. *Право* есть именно власть лица—власть полная неограниченная до тѣхъ поръ, пока она—право. Никакія внѣшнія силы не имѣютъ права отнять этой власти у

1) Ихъ можно найти напр. у Schöpf'a въ его: „Handbuch des katholischen Kirchen rechts B. 1. S. 2—3. 3 Aufl. Schaffhausen 1863. Въ развиваемой теоріи права мы слѣдуемъ Пухтѣ и нѣкоторымъ другимъ ученымъ. См. его: „Geschichte des Kechts bei dem Römischen Volk. S. 1—108. Leipzig. 1856 Первая книга перваго тома этой исторіи, составляющая „Курсъ институтовъ“ переведена на русс. языкъ.

лица. Право далѣе есть *сила* и должно быть такою силою, для которой не должно существовать никакихъ препятствій во внѣ—ибо что это будетъ за право, которое существуетъ только на бумагѣ или вообще только въ *помышленіи* какъ таковое? Оба эти предиката права т. е. *власть* и *сила* прямо вытекаютъ изъ вышепредставленнаго нами понятія о *правѣ*, по различію его отъ нравственности. На семъ основаніи самымъ *солиднымъ* гражданиномъ и самымъ солиднымъ членомъ церкви мы назовемъ того, который готовъ даже до крови стоять за свое право, если у него кто бы то ни было задумалъ отнять или умалить его право и самымъ *честнѣйшимъ* и *глубоконравственнымъ* гражданиномъ и сыномъ церкви того, кто изъ любви къ ближнему или вообще меньшей братіи своей отказывается отъ своего права, отъ этой его власти и силы, отъ этой широкой правовой воли, но который въ тоже время постоитъ за свое право предъ безсовѣстными эксплуататорами чужихъ правъ. Этимъ замѣчаніемъ мы только и ограничимся въ вопросѣ о томъ, что лучше: право или нравственность? Или: какая наука важнѣе и человѣчнѣе: правовѣдѣніе или мораль хотя бы и христіанская? Хорошо и то и другое. Дай Богъ чтобы шире и глубже каждый сознавалъ и свое jus и требованія своей совѣсти. Только при этомъ условіи можно надѣяться, что справедливое всегда будетъ добрымъ, а несправедливое всегда будетъ злымъ. Эта гармонія права и нравственности есть идеалъ всего человѣчества, къ нему оно и стремится—но пока еще только стремится и то и другое т. е. нравственность и право одинаково почтенны и одинаковы необходимы для блага человѣчества.

Но обратимся къ вопросамъ, которые ближе стоятъ къ цѣли нашихъ объясненій, чѣмъ эти общіе и безполезные вопросы о томъ, что лучше.

Дѣло въ томъ, что нашему опредѣленію права грозитъ большая опасность по видимому отъ слѣдующаго пытливаго вопроса: вѣдь мы выводили это опредѣленіе изъ фактовъ разныхъ отношеній человѣка и человѣчества только къ вещамъ: и такъ не будетъ ли наше опредѣленіе понятія права точнымъ только по отношенію къ праву собственности? Между тѣмъ сколько остается еще разныхъ родовъ и видовъ

права? Оправдаетъ ли себя наше опредѣленіе и по отношенію ко всѣмъ этимъ родамъ и видамъ права?—Дѣйствительно, право развѣтвляется чрезвычайно раскидисто въ разныя стороны, какъ дубъ развѣсистый, объ этомъ его развѣтвленіи мы и будемъ говорить далѣе. И прежде всего начнемъ съ отвѣта на поставленное противъ нашего опредѣленія права вообще возраженіе.

Дѣйствительно, мы имѣли въ виду только одни отношенія человѣка къ вещамъ, когда опредѣляли сущность права вообще, но это означаетъ не иное что, а только то, что въ этомъ правѣ собственности эта именно сущность права, этой правовой воли и этой правовой свободы выражается особенно пластично и рельефно, но вообще говоря эта сущность права составляетъ именно сущность всѣхъ сколько бы и какіе бы то ни были взяты для провѣрки правъ, хотя эта сущность въ нѣкоторыхъ изъ правъ и не сказывается съ такою рельефностію.

Мы сказали, что право есть опредѣленіе свободы лица. Съ этого лица и начнемъ дѣлать обзоръ всего многоразличнаго развѣтвленія общаго понятія права на его роды и виды. Что такое *лицо?* — Лицо есть субъектъ права т. е. такое именно существо, которое имѣетъ правовую волю и свободу. Прежде всего такой субъектъ есть человѣкъ, стало быть, человѣкъ прежде всего и есть лицо; однако же каждый ли человѣкъ есть лицо? Повидимому даже глупо и ставить такой вопросъ; здравый смыслъ говоритъ, конечно, что всякій человѣкъ есть лицо. Но съ точки зрѣнія права этотъ вопросъ не представляетъ не только ничего страннаго, а есть даже очень умный вопросъ. А именно (обратимся къ фактамъ): въ римскомъ государствѣ и въ римскомъ правѣ въ цвѣтущія и не въ цвѣтущія эпохи только меньшинство человѣческихъ индивидуумовъ признавалось лицами; большинство же или прямо вещами или какими то полулицами. Такъ каждый рабъ по этому праву вещь, безусловно вещь: хозяинъ или господинъ раба, какой бы націи послѣдній ни былъ, хоть изящный и умный эллинъ, хоть чумазый негръ— имѣлъ право обращаться съ нимъ по всей своей волѣ, какъ съ вещью, какъ съ скотомъ, съ домашней рухлядью. А сколько въ римскомъ государствѣ было рабовъ? Очень много, не-

сравненно больше, чѣмъ господъ. Далѣе, полулицами признавались женщины, дѣти и всѣ тѣ домашнія человѣческія существа, которыя составляли familia, familiares и находились подъ властью paterfamilias. Въ каноническомъ правѣ есть слѣдующее правило: отроковицы безъ соизволенія отца посягшія (т. е. вступившія въ бракъ) блудодѣйствуютъ. (В. В. пр. 38). Вотъ вамъ и личныя права или лучше сказать, личное безправіе отроковицъ. Но это положимъ прошлое. А вотъ фактъ и изъ настоящаго: мужъ и жена составляютъ ли въ полномъ смыслѣ два лица? Лучше всѣхъ юристовъ рѣшаетъ этотъ вопросъ великій апостолъ Павелъ, когда говорита такъ просто и ясно, какъ только онъ можетъ говорить: *жена невластна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ невластенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена* [1]). Это глубокая вѣчная истина, которая будетъ всегда жить, пока будутъ являться въ жизни мужья и жены, а между, тѣмъ она устанавливаетъ такія отношенія, при которыхъ личная свобода подвергается строгому ограниченію.

Итакъ, нужно сказать вообще, что имѣть право т. е. быть субъектомъ права одно только это уже составляетъ *особое право*. Т. е. быть лицомъ есть уже право. Дѣло въ томъ, что въ правѣ понятіе *лица* допускаетъ разнообразіе, степени: онѣ, эти степени и составляютъ группу правъ, которыя называются *личными* правами; къ этимъ личнымъ правамъ близко примыкаютъ права *собственности*, которыя разнообразятся въ высшей степени; далѣе, каждый индивидуумъ есть непремѣнно членъ какой нибудь *семьи*, въ какомъ бы то ни было отношеніи онъ стоитъ къ семьѣ: отсюда есть особый классъ правъ семейныхъ или семейственныхъ. Всѣ эти различныя права, именно: право *личности*, *собственности*, *семейственное право* и т. под. представляютъ разновиды и подвиды одного общаго рода: *права частнаго* или приватнаго (jus privatum). Сюда же къ этому роду права принадлежатъ и права разныхъ частныхъ обществъ, компаній, товариществъ и т. под. союзовъ составляемыхъ частными лицами въ видахъ преслѣдованія одного какого либо

---

1) 1 Кор. VII. 4.

интереса, которымъ всѣ эти лица заняты: напр. общества желѣзнодорожныя, цехи, ученыя и литературныя общества, братства, клубы и т. под. вещи. Вообще подъ этотъ родъ права подходятъ опредѣленія всѣхъ тѣхъ отношеній, въ какія входятъ частныя лица между собою. Взятый въ наиобширнѣйшемъ объемѣ своемъ этотъ родъ права называется также *гражданскимъ правомъ* (jus civile). Что этотъ родъ правъ вполнѣ обнимается нашимъ опредѣленіемъ понятія права вообще какъ опредѣленія свободы лица противъ этого не будетъ спорить никто, мало-мальски знакомый съ этимъ родомъ права и отношеніями лицъ, которыя тутъ опредѣляются.

Вторымъ субъектомъ права или лицомъ служитъ *воля цѣлаго общества* людей (общество здѣсь разумѣемъ какъ самое высшее родовое понятіе). Выше мы разчленяли это родовое понятіе на три вида: народъ, государство и церковь. Эти три вида будемъ имѣть и здѣсь, говоря о второмъ субъектѣ права и правовой воли. Что народъ можетъ имѣть одну общую волю, которой необходимо должна подчиниться единичная воля, и отъ нея получать опредѣленіе своихъ границъ — это не можетъ подлежать сомнѣнію. Съ особенною рѣзкостію эта общая народная воля обнаруживаетъ себя въ тѣхъ исключительныхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ народныхъ правъ предъ врагомъ или (на низшей ступени развитія) предпринимается война съ цѣлію обогащенія на счетъ сосѣдняго слабаго народа. Что въ этихъ чрезвычайныхъ фактахъ со всею силою обнаруживается именно правовая воля народа — въ смыслѣ свободы на дурное и доброе — это очевидно; что эта свобода не фиктивная, идеальная, а самая дѣйствительная и реальная—это также очевидно: кто пойдетъ противъ такого общаго рѣшенія — тому расправа короткая въ этихъ случаяхъ. Тутъ стало быть *право* обнаруживается именно какъ свобода, какъ власть, какъ сила. Но такая же точно *общая воля народа есть* фактъ постоянный, непрерывный и она есть прежде всего по отношенію къ частному лицу опредѣлитель его частнаго права. Въ первичныя эпохи народной жизни это весьма очевидно. Обратимся опять къ нашей русской старинѣ: по „Русской правдѣ“ частное лицо, чтобы

узнать свою правду (тоже что право) идетъ на *міръ* или позже на *торгъ* [1]) и станетъ здѣсь съ своимъ противникомъ предъ 12 послухами или свободными мужами, которыхъ должны привести съ собою [2]). Здѣсь на міру или на торгу онъ и узнаетъ свою правду т. е. въ общественномъ публичномъ мѣстѣ. Этотъ міръ такимъ образомъ есть нашъ національный форумъ — и это учрежденіе форумъ какъ источникъ и покровитель правды или права т. е. опредѣленія частнаго права правомъ общимъ т. е. общею волею народа есть всеобщее учрежденіе, оно встрѣчается въ исторіи всѣхъ народовъ; съ него, съ этого учрежденія у всѣхъ народовъ начинается и подъ его руководствомъ совершается развитіе права. Такимъ образомъ первое проявленіе или первый видъ этого *втораго рода права*, который—понятно почему—называется правомъ общественнымъ (jus publicum) или публичнымъ есть *законодательство* или право законодательное. Не ясно ли теперь разрѣшается и вопросъ, который мы обѣщали разрѣшить, а именно: что такое *законъ* или *законы*? — Это есть прежде всего не что иное, какъ отдѣльный актъ или акты выраженія общей воли, или рѣшенія этой общей воли касательно свободы или правъ *частнаго лица* [3])? Не ясно ли отсюда, что и вѣдѣніе законовъ

---

[1]) Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи. Стр. 95.

[2]) Тамъ же.

[3]) Историческимъ свидѣтельствомъ такого именно понятія о законѣ служитъ и самое филологическое значеніе нашего слова законъ. По мнѣнію барона Розенкампфа наше слово законъ или по древнѣйшему конъ означало въ старину и законъ и міръ или общество. Такое же обоюдное значеніе имѣетъ и шведское слово лагъ (lagh). Вотъ его подлинныя слова: „По общимъ древнимъ обыкновеніямъ всѣхъ сѣверныхъ народовъ владѣльцы и граждане, принадлежавшіе каждому разряду, составляли міръ, или общество, какъ для внутренняго управленія, такъ и для раздѣленія общественныхъ повинностей. Сія общества служили главнымъ основаніемъ устройства судныхъ установленій. Міръ или общество по шведски называется лагъ, также и законъ именуется лагъ; такъ какъ и словенское конъ (докончаніе) или по нынѣшнему законъ значитъ то и другое“ (Обозр. кор. кн. стр. 249. Дювернуа, стр. 30). Но что Розенкампфъ говоритъ о сѣверныхъ народахъ Европы, тоже самое свидѣтельствуетъ древность и о народахъ южныхъ (европейскихъ). Римское слово lex (законъ) по древнѣйшему праву означало только то, что populus постановлялъ по предложенію сенатскаго чиновника, напр. консула lex est, quod populus jubet atque constituit (Gajus). Проскурнякова: Институты Имп. Юстиніана. Тит. 2 § 4, стр. 9. Спб. 1859.

въ существѣ своемъ необходимо должно привести, и на самомъ дѣлѣ состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ вѣдѣніи, изученіи и познаніи *права*? Но пойдемъ далѣе по пути, который мы избрали въ обозрѣніи разчлененія, или развѣтвленія общаго понятія *права*. Итакъ второй родъ этого понятія есть jus publicum или право публичное, общественное. Первый изъ видовъ его есть право *законодательное*. Этотъ видъ общаго права такъ однако же важенъ въ разъясненіи сущности нашей науки, что мы позволимъ себѣ нѣсколько далѣе постоять на этомъ пунктѣ нашего пути этихъ разъясненій. Въ какомъ состояніи и какія средства и внѣшнія формы употребляетъ народъ какъ законодатель, пока онъ существуетъ именно только *какъ народъ* т. е. совокупность семей, родовъ, племенъ на одномъ опредѣленномъ пространствѣ или территоріи? Эти вопросы разрѣшастъ намъ наша русская старина и потому вмѣсто отвлеченныхъ положеній мы прямо и представимъ факты изъ нея въ отвѣтъ на эти вопросы: а) Новгородцы въ своихъ договорахъ съ княземъ, ими избраннымъ, часто ставили такое условіе, чтобы онъ правилъ ими *по старой пошлинѣ* т. е. такимъ порядкомъ, какой пошелъ у нихъ, завелся изстари, со временъ такъ давнихъ, что о нихъ только и можно сказать, что они времена *старыя*. Итакъ *старая пошлина*—давній *обычай*, законъ отцевъ и дѣдовъ. б) Князь Владиміръ, красное солнышко русской земли, когда отдыхалъ отъ своихъ законодательныхъ реформъ т. е. оставлялъ какую-либо часть права въ томъ видѣ, въ какомъ она до него была, то это значило на языкѣ лѣтописи, что онъ „живяше по устроенію дѣдню и отчю. Значитъ до Владиміра *право* существовало въ видѣ *старой пошлины*—обычая и *устроеныя дѣдьня и отча*. Послѣднее можно толковать и какъ синонимъ пошлины, и въ буквальномъ смыслѣ. Ибо кровные отцы и дѣды Владиміра тоже немало трудились въ дѣлѣ законодательства. Олегъ—князь въ 882 г. началъ городы ставити и *уставы* дань платити, Древляне говорятъ Игорю — князю: поималъ еси свой *урокъ;* Ольга — княгиня — жена Святослава отца Владиміра идетъ по Деревской землѣ уставляющи *уставы* и *уроки* [1]). Значитъ до Владиміра кромѣ *старой пошлины*,

[1]) Дювернуа, стр. 30.

обычая, существовали уже установленія княжеской воли т. е. какъ власти и силы—это уставы и уроки (и разумѣется не въ разрѣзъ съ старой пошлиной и волею народа) и еще значитъ, что до *Олега* — князя — право являлось въ одной только формѣ—*старой пошлины*—обычая. Глубоко содержательны эти факты нашей сѣдой старины! Многое они объясняютъ намъ изъ того, что теперь занимаетъ насъ и объясняютъ рельефно, картинно! Въ дѣлѣ законодательства народъ самъ по себѣ, какъ народъ, можетъ создать только *старую пошлину*. Князь его, котораго онъ выбираетъ самъ, съ которымъ договаривается, дѣлаетъ нѣчто другое, предоставляя самому народу трудиться надъ его старой пошлиной, не смѣя прикасаться къ ней своей властью. Онъ устанавляетъ *уставы* и *уроки* и въ этомъ состоятъ его реформы въ правѣ, въ законодательствѣ. „Бѣ бо Володимеръ любя *дружину* и съ ними думая о *строи* земленѣмъ и о ратѣхъ и *уставѣ земленѣмъ* и бѣ жива съ князи окольничьи миромъ [1])". Вотъ куда направлены были эти думы и реформы любимаго народомъ князя, вотъ куда направлялись эти уставы и уроки князя вообще! къ *строю* земляному, къ ратямъ, къ сохраненію міра съ окольными князьями. Значитъ, народъ самъ при своей старой пошлинѣ, *безъ князя* жилъ безъ *строя* земляного, безъ войска, не имѣлъ никакихъ правильныхъ отношеній къ окольнымъ народамъ и могъ сказать о себѣ только слѣдующее: земля наша велика и богата, но *порядка* нѣтъ въ ней. Идите княжить и *править* нами. Итакъ народъ безъ князя есть просто народъ, нарожденіе новыхъ индивидовъ, народъ съ княземъ есть *государство* т. е. такое общество лицъ, въ которомъ внутри господствуетъ строй и порядокъ, которое имѣетъ настоящую защиту въ войскѣ и имѣетъ, какъ цѣлое, свои правильныя отношенія къ другимъ государствамъ. Короче сказать, то, чего народъ не могъ сдѣлать одинъ безъ князя и что онъ создаетъ съ княземъ есть *право государственое* и *право народное*. Постоимъ еще нѣсколько минутъ предъ этими картинами нашей старины. Рождается вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ къ праву народъ и государство? Первый оче-

[1]) Такъ же.

видно есть творецъ права. Государство—князь съ дружиною, уставами и уроками не создалъ для народа старой пошлины, а пришелъ къ народу тогда, когда онъ уже имѣлъ эту пошлину, но никакъ не могъ ни оберечь ее, какъ хотѣлось ему, ни развивать ее далѣе, такъ какъ не было порядка и строя внутри: каждый родъ жилъ отдѣльно и стоило большихъ усилій этимъ родамъ соединиться вмѣстѣ для общаго дѣла, для защиты, общаго интереса—хотя сознаніе того, что это бы нужно сдѣлать, это было бы хорошо—было общенародное сознаніе. Итакъ задача и призваніе государства по отношенію къ праву: давать ему силу, власть, дѣлать его именно правомъ, охранять его внутри и отвнѣ: короче сказать, государство служитъ органомъ права народнаго—органомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ передаетъ ему всю свою общую волю, всю свою власть и самъ добровольно подчиняется волѣ государственной—которая и есть источникъ и основаніе новаго очень обширнаго вида общественнаго права, права государственнаго. Предметы этого государственнаго права такъ разнообразны, что оно само развѣтвляется на разные подвиды. А именно: *право законодательное*—власть объявлять во всеобщее свѣдѣніе то, что должно быть обязательно для всѣхъ гражданъ государства—издавать законы, уставы и уроки и т. д. Эти законы, уставы и пр. въ государствахъ для *очевиднаго удобства* выдаются въ формѣ письменныхъ актовъ и составляютъ *писанное и опубликованное право* (въ отличіе отъ неписаннаго *обычнаго* старой пошлины). Далѣе, право *административное*—его задача установить *строй* въ землѣ или государствѣ т. е. установить по разнымъ пунктамъ территоріи, составляющей почву и предѣлы государства—разные органы, чрезъ которые бы осуществлялась центральная государственная власть по всѣмъ своимъ отраслямъ, словомъ—предметъ административнаго права есть установленіе разныхъ начальствъ и властей и опредѣленіе круга ихъ дѣятельности. Эта дѣятельность отличается активнымъ, положительнымъ характеромъ, она дѣйствуетъ постоянно въ охраненіи т. е. поддержаніи господства права—какъ единаго регулятора частныхъ и общественныхъ отношеній между членами государства и народа; сущность ея мѣропріятія противъ возможности *нарушенія установленнаго права* и изы-

сканіе лучшихъ и новыхъ мѣръ къ возможно полному и широкому его развитію. Рядомъ съ этой отраслью государственной дѣятельности опредѣляемой вѣтвью государственнаго права—административнымъ правомъ стоитъ другая—отрасль судебная, право ее опредѣляющее есть судебное право. Дѣятельность этой отрасли государственной власти отличается въ противоположность административной въ нѣкоторомъ родѣ пассивнымъ, отрицательнымъ характеромъ и по теоріи должна быть не постоянною, а періодически появляющеюся. Ея задача—сопоставить фактическое состояніе отношеній между лицами съ тѣми отношеніями, какія предписываетъ право, иначе сказать—съ юридическими и притомъ сопоставить въ томъ только случаѣ, когда это фактическое состояніе даетъ поводъ къ этому сопоставленію, т. е. когда оно въ спокойномъ и обыкновенномъ своемъ состояніи измѣняется дѣятельностію частнаго лица или лицъ. Ибо въ этомъ случаѣ прямо представляется вопросъ: право, правильно т. е. въ предѣлахъ своихъ правъ дѣйствовало *это* лицо или же выступило изъ своихъ предѣловъ? Задача разрѣшить этотъ вопросъ есть задача *судебной* власти или *суда*. Но это нарушеніе фактическаго состоянія отношеній можетъ имѣть двоякій характеръ: а) частное лицо, производя измѣненіе существующихъ отношеній напр. между нимъ и другимъ — можетъ дѣлать это съ полнымъ сознаніемъ соотвѣтствія своей дѣятельности праву т. е. истолковавъ это право такъ, что оно именно предписываетъ сдѣлать это измѣненіе: между тѣмъ другое лицо толкуетъ это же право такъ, что оно или не требуетъ никакого измѣненія въ доселѣ существовавшихъ отношеніяхъ, или же хотя и требуетъ измѣненія, но нѣсколько инаго, чѣмъ какое произведено. Такимъ образомъ здѣсь идетъ вопросъ о томъ: какое толкованіе дать праву обѣими заинтересованными сторонами вполнѣ уважаемому? Судъ такимъ образомъ въ этомъ случаѣ имѣетъ дѣло собственно не съ противниками права, не съ людьми, которые стараются нарушить существующее право, а съ людьми, которые стараются исполнить его, но исполняютъ различно. Судъ такимъ образомъ имѣетъ дѣло съ двумя гражданами, спорящими *о правѣ*. Судъ, разрѣшающій эту задачу, называется *гражданскимъ* судомъ; б) но частное лицо можетъ на-

рушить фактическое состояніе отношеній, становясь прямо въ оппозицію, во враждебное отношеніе къ праву. Задача суда въ этомъ случаѣ состоитъ очевидно въ опредѣленіи того отношенія, въ какое единичная воля стала къ общей волѣ или закону и какія причины вызвали эту частную волю къ разрушенію общей, если таковое оказывается. Если обнаруживается, что нарушеніе общей воли произошло, то частное лицо подвергается *отмщенію*, наказанію, въ той мѣрѣ, сильному, въ какой велико нарушеніе общей воли *преступленіе* закона, или въ какой мѣрѣ при этомъ воля была свободна въ своемъ рѣшеніи причинить именно *зло*. Если же окажется, что частное лицо вовсе не совершило преступленія—что можетъ случиться въ томъ случаѣ, когда неправильно истолковывается фактическое измѣненіе, произведенное подсудимымъ—или когда по судебному изслѣдованію откроется, что подсудимый хотя и дѣйствительно совершилъ преступленіе т. е. волю *свою* противопоставилъ *общей* волѣ, но дѣйствовалъ такъ потому, что въ данныхъ обстоятельствахъ воля его находилась въ такомъ зависимомъ положеніи отъ нихъ, что инаго рѣшенія принять не могла: въ такихъ случаяхъ преступникъ (мнимый въ первомъ случаѣ) и дѣйствительный (во второмъ) оправдывается. Судъ разрѣшающій эту задачу, называется *уголовнымъ* судомъ. Отсюда право, обнимающее собою случаи перваго рода суда, способъ изслѣдованія и послѣдствія, судомъ опредѣляемыя — называется гражданскимъ правомъ; а право, содержащее тѣже предметы относительно втораго рода суда—*уголовнымъ правомъ*.

Такимъ образомъ государственная власть, проявляясь въ дѣятельности какъ положительно, такъ и отрицательно, поддерживаетъ *существующій* строй цѣлаго, охраняетъ силу права, охраняетъ его statu quo т. е. въ какомъ видѣ этотъ строй и это право существуетъ въ данный моментъ. Но если бы она дѣйствовала только въ этихъ двухъ направленіяхъ: то въ концѣ концовъ эта дѣятельность его привела бы къ тому, что и этотъ строй и это право не развивались бы далѣе, а замирали бы, постепенно окаменѣвали въ тѣхъ формахъ, въ какихъ образовались они въ тотъ моментъ, въ который начала дѣйствовать эта государственная власть. Но это въ дѣйствительности едва ли возможно, во всякомъ слу-

чаѣ продолжительное существованіе такого положенія грозитъ разложеніемъ, смертью государству. И народъ и право ростутъ и осложняются и совершенствуются прогрессивно. Отсюда для государственной дѣятельности — забота о будущемъ благосостояніи государства. Эту заботу оно выражаетъ во первыхъ *охранительно*, пассивно, поддерживая благоустройство настоящее *какъ основу будущаго*, и во вторыхъ *дѣятельно* поддерживая, на сколько это возможно, въ гражданахъ духъ совершенствованія въ умственномъ, нравственномъ, промышленномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, то субсидіями, то правильнымъ устроеніемъ школъ, торговыхъ обществъ и иныхъ корпорацій. Часть государственнаго права, опредѣляющая возможныя здѣсь отношенія называется *полицейскимъ* правомъ (отъ греч. πολειτία — благоустройство, собств. надзоръ за благоустройствомъ).

Таковы главнѣйшія отрасли государственнаго права. Относительно всѣхъ ихъ и даже всего общаго права (jus publicum) нужно замѣтить, что задача его установить отношеніе не индивидуума къ индивидууму какъ въ приватномъ или частномъ правѣ, а отношеніе индивида къ обществу или — установить отношенія права частнаго къ праву общему: единичной воли къ общей волѣ. Затѣмъ, относительно всѣхъ отраслей государственнаго права должно замѣтить то еще, что *понятіе права* вообще здѣсь принимаетъ нѣкоторый новый оттѣнокъ, котораго незамѣтно въ правѣ частномъ. Въ послѣднемъ крайняя задача и основной принципъ права состоитъ въ установленіи такихъ отношеній между индивидуумами, какія соотвѣтствуютъ понятію лица т. е. чтобы эти отношенія были по возможности отношеніями равнаго къ равному, лица къ лицу: но государственное право, удерживая и поддерживая этотъ принципъ (ибо въ томъ одна изъ его задачъ) можетъ выполнить эту обязанность поддержанія не иначе, какъ давъ твердое укрѣпленіе въ общественной жизни и отношеніяхъ противоположному принципу, т. е. принципу послушанія и подчиненія однихъ въ отношеніи къ другимъ. Какъ же уживается такой дуализмъ? Понятно, что эти два противоположные принципа дѣйствуютъ и могутъ дѣйствовать въ *двухъ разныхъ* сферахъ отношеній членовъ государства. Послѣдній принципъ

дѣйствуетъ исключительно въ сферѣ отношеній индивида къ обществу, или лучше сказать, государству. Воля личная должна быть зависимой, послушной волѣ общей; но представителями этой общей воли служатъ также частныя лица, какъ органы ея. Отсюда въ государствѣ необходимо существуетъ классъ гражданъ, которые, кромѣ своихъ гражданскихъ правъ, общихъ со всѣми гражданами вообще, надѣляются еще другими правами, т. е. большею или меньшею степенью той власти и той свободы дѣйствій, которая присуща только общей волѣ или государству. Государство даетъ имъ какъ бы часть своей власти и эта часть по внутреннему своему характеру должна быть на столько сильною и дѣйственною, на сколько право общее вообще сильнѣе права частнаго. Отсюда, какъ бы ни мала была крупица этой общей воли, какою надѣленъ самый мелкій чиновникъ, т. е. самый низкій органъ государственной власти, эта крупица по внутреннему своему характеру неприкосновенна для какого угодно частнаго лица, хотя бы у него были милліоны, хотя бы у него недвижимое имущество составляло территорію, равную по объему и цѣнности государству. Эта крупица государственнаго права сильнѣе всякаго частнаго права. Внутри этой микроскопической области своихъ государственныхъ правъ, мелкій чиновникъ сильнѣе, чѣмъ милліонеръ— частное лицо въ своихъ владѣніяхъ. Ибо эта микроскопическая область, составляющая государственное право или преимущество чиновника предъ частнымъ лицомъ, содержитъ въ себѣ часть власти или могущества, которое имѣетъ только коллективная воля: оттого эти государственныя права на русскомъ языкѣ весьма выразительно называются *полномочіями.* Объ этихъ полномочіяхъ нужно сдѣлать еще маленькую замѣтку. Если съ этой стороны, съ которой ихъ разсматривали мы, они кажутся очень привлекательными, привлекательными даже, пожалуй, до того, что возбуждаютъ нѣкоторое негодованіе своей привлекательностью, ибо они повидимому—просто обида для права частнаго: то съ другой стороны эти *полномочія* суть *бремя*, которое дѣлаетъ ихъ на столько непривлекательными по сравненію съ частнымъ правомъ, что свѣтлая ихъ сторона, составляющая преимущество предъ частнымъ правомъ — развѣ едва-едва

вознаграждаетъ носителя этихъ полномочій за то время, которымъ онъ покупаетъ это свое преимущество. Это время составляется изъ двухъ элементовъ: а) полномочіе есть не *право* только, но *право—обязанность*, а это означаетъ то, что обладающій имъ не имѣетъ той свободы—пользоваться и не пользоваться своимъ правомъ, какую имѣетъ гражданинъ въ своемъ правѣ. Онъ, напротивъ, обязанъ непремѣнно пользоваться, употреблять въ дѣло эту власть, эту силу, хотя бы и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его совѣсть, выгода, даже благополучіе, требовали именно не употребленія этой силы. Какъ часто приходится слышать отъ чиновника заявленіе: „что дѣлать—это моя обязанность!“—думаю, это не требуетъ поясненій. Въ противномъ случаѣ, если бы такой чиновникъ не употребилъ своей силы или полномочія въ дѣло — хотя бы изъ вполнѣ гуманныхъ соображеній—онъ, очевидно, сталъ бы въ оппозицію общей волѣ, т. е. совершилъ бы преступленіе по должности или противъ должности (обязанности тожъ). Какъ видите, уполномочіе представляетъ въ перспективѣ для уполномоченнаго и радужную сторону—почесть, и мрачную—жертву. б) Полномочіе необходимо соединяется *субординаціею* низшаго къ высшему—подчиненіемъ; сущность этого отношенія мѣтко характеризуетъ пословица — чинъ чина почитаетъ—и намъ не видится нужды прибавлять что-нибудь къ этой характеристикѣ отношеній, образуемыхъ *службою*.

Таково право государственное съ отрослями своими; далѣе, какъ разновидность его въ отношеніи къ родовому jus publicum стоитъ право народное: но не сливается-ли оно съ правомъ государственнымъ? Какое напримѣръ у насъ въ Россіи можетъ быть право народное какъ отдѣльный видъ отъ права государственнаго? — Въ отвѣтъ, очевидно, необходимы нѣкоторыя поясненія. Дѣло въ томъ, что не всегда случается такъ, что народъ и государство составляютъ такое органически цѣлое, какъ это у насъ (и то нельзя этого, впрочемъ, сдѣлать безусловно). Но также естественъ и другой фактъ, что одно государство обнимаетъ собою нѣсколько народовъ или національностей. Бываетъ и такъ, что одинъ народъ дробится на нѣсколько государствъ. Въ такихъ случаяхъ вопросъ о правѣ народа какъ цѣлаго отлич-

наго отъ государства, какъ видите, имѣетъ весьма важный смыслъ. Предметъ этого права установленіе отношеній государства къ народамъ [1]). Тѣмъ не менѣе значеніе этого народнаго права сказывается и въ государственномъ правѣ такихъ государствъ, гдѣ народъ и государство составляютъ одно цѣлое. Значеніе это состоитъ въ томъ, что государство дѣлаетъ исключенія изъ своихъ законовъ, которые по идеѣ должны быть общими для всѣхъ его подданныхъ въ пользу иноплеменныхъ или инородцевъ, особенно же въ пользу своихъ окраинъ. Отсюда само право государственное *дѣлится на общее* и *особенное*.

Таково развѣтвленіе общаго понятія права на его роды и виды. Схема его такова: право, право частное и публичное; виды частнаго: а) личныя права, семейственныя, права собственности. Виды публичнаго: государственное съ своими подвигами: законодательное, административное, судебное, полицейское, и b) народное.—Но гдѣ же наше церковное право?—Надобно сказать, что этотъ вопросъ въ наукѣ и жизни разрѣшается различно: право церковное одни относятъ къ первому изъ родовъ права — частному праву, другіе—къ публичному, а третьи на томъ основаніи, что въ немъ есть характерные элементы и частнаго, и публичнаго—взводятъ его на степень особаго рода на ряду съ частнымъ и публичнымъ. Это послѣднее воззрѣніе находитъ сильное для себя основаніе и въ томъ, что понятіе «церковь», взятое въ обширномъ смыслѣ, можетъ быть мыслимо какъ одинъ изъ родовъ понятія общества и въ этомъ отношеніи представляетъ собою разновидность съ понятіями: народъ, государство. Это воззрѣніе должно быть признано какъ единственно пригодное къ праву именно нашей греко-россійской и вообще восточной церкви. Но полнѣе объ этомъ мы скажемъ нѣсколько послѣ, а теперь на очереди у насъ остается раз-

---

*) Надобно замѣтить, что это народное право только въ новѣйшее время пріобрѣло особенно важное значеніе. Въ древности государство почиталось полнымъ хозяиномъ народа, а особенно завоеваннаго, порабощеннаго и предписывало ему право на правахъ побѣдителя. Въ новѣйшее время это народное право выдѣлено въ особый видъ права публичнаго и чаще именуется международнымъ правомъ.

смотрѣть *третій субъектъ права* — волю Высочайшаго существа—Бога.

Если относительно общей коллективной воли человѣческой мы выражались, что она есть необходимый и одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ человѣческаго права вообще, то прямое слѣдствіе отсюда то, что это значеніе и тѣмъ болѣе мы должны усвоить волѣ Высочайшаго Существа. Воля Божія всѣмъ управляетъ: вотъ идея, которую проповѣдуетъ христіанство, которая сознавалась и сознается каждымъ народомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ общее всѣмъ народамъ преданіе, что первые законы людямъ продиктовали боги. Книга Бытія передастъ намъ фактъ, что воля Божія есть основаніе и послѣдній источникъ не только права общественнаго, но частнаго: право собственности человѣкъ получилъ отъ Бога непосредственно [1]): въ Немъ, въ Его волѣ находитъ себѣ ограниченіе и правовая воля человѣка. Итакъ, воля Божія есть основаніе и первый источникъ всякаго права. Но это положеніе можно толковать неодинаково. Это значеніе воли Божіей въ правѣ можно понимать какъ непосредственное вліяніе на право или только какъ посредственное. Послѣднее происходитъ такъ, что воля Божія дѣйствуетъ на правовый строй, невидимо вліяя на волю отдѣльныхъ частныхъ лицъ и на волю правителей или на общую волю: такъ что видимымъ источникомъ права служитъ эта послѣдняя, слѣдов., чрезъ нее или посредствомъ ея воля Божія невидимо управляетъ человѣчествомъ. Такое отношеніе и должно признать въ сферѣ права частнаго и публичнаго [2]). Но вліяніе Божества на право мо-

---

[1]) И благослови ихъ (мужа и жену) Богъ глаголя: раститеся и множитеся и наполните землю и господствуйте ею и обладайте рыбами морскими... и всею землею. И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву сѣменную... Быт. 1, 28—31.

[2]) Т. е. въ смыслѣ нравственнаго вліянія у римлянъ законъ нравственный или естественный называется и jus naturale и jus divinum. Согласно съ этимъ и ап. Павелъ говоритъ о язычникахъ, что они естествомъ законная творятъ, разумѣя подъ закономъ нравственный или что тоже Божественный законъ; этому нисколько не противорѣчитъ и то христіанское воззрѣніе, что всѣ сущія власти—отъ Бога: но нельзя представлять дѣло такъ, чтобы каждое начальство, каждое гражданское учрежденіе было непосредственно

жетъ быть и непосредственнымъ и такимъ образомъ jus divinum будетъ не просто нравственнымъ или естественнымъ закономъ, но и правомъ въ собственномъ юридическомъ смыслѣ. Теократія ветхозавѣтная даетъ образецъ права публичнаго и частнаго, которое было продиктовано Богомъ Моисею. Это—и единственный примѣръ непосредственнаго вліянія Божества на право частное и публичное, имѣющее предметомъ обыкновенныя человѣческія отношенія.—Но есть однакоже другая сфера отношеній человѣка и человѣчества, гдѣ воля Божія дѣйствуетъ непосредственно на право—это сфера отношеній христіанина къ Богу, развивающихся и возможныхъ только въ церкви. Церковь сама есть институтъ, учрежденіе Божественное; она есть и хранительница и субъектъ правъ, дарованныхъ не волею человѣческою, но Божіею; это Божественное право впрочемъ не стѣсняетъ церковной жизни и развитія права и правовыхъ учрежденій и естественнымъ путемъ.

Итакъ элементы церковнаго права суть слѣдующіе: а) право Божественное, сверхъестественное и б) право церковное, естественно образовавшееся въ церкви какъ одномъ изъ видовъ общества человѣческаго т. е. со внѣшней стороны разсматриваемая, церковь можетъ быть поставлена въ рядъ съ государствомъ и народомъ. Правообразующій органъ ея есть *общая воля* церкви. Короче—источники права церкви суть: а) непосредственная воля Божія; б) воля церкви какъ видимаго человѣческаго общества; но эта воля церкви въ свою очередь можетъ быть раздѣлена на два вида: волю въ стро-

---

установлено Богомъ. Какое великое однако же значеніе имѣетъ это непосредственное вліяніе Божества на право, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто вникнетъ въ сущность понятія права и посмотритъ на приложеніе права къ дѣйствительности. Если бы у человѣка, особенно на низшей ступени его развитія, не было сознанія, что право его т. е. его внутренно-неограниченная воля—отъ Бога, есть даръ Божій, что, слѣдов., она и внутренно не неограничена, а ограничена волею Божіею: то что же бы иначе въ состояніи было ограничить эту правовую волю? — Чѣмъ унять было бы тогда разгулявшагося кита-китыча, который при богатствѣ и связяхъ своихъ можетъ сухъ выйти изъ всякой воды! —Прекрасное разъясненіе этого значенія воли Божіей можно найти у Пухты въ его „Курсѣ институтовъ“ или въ „Geschichte des Rechts bey dem römischen Volk“ Leipzig. 1826 S. 7—8.

гомъ смыслѣ *церкви* и волю чисто-*человѣческую*; ибо въ составъ церкви входятъ тѣже лица, какія въ тоже время входятъ въ составъ народа и государства.

Чувствую, что это послѣднее подраздѣленіе воли церкви не совсѣмъ ясно, если только не положительно темно: но это происходитъ отъ того, что мы поторопились предрѣшить нѣкоторые вопросы, не уяснивъ самаго представленія о церкви, какъ субъектѣ права или—какъ это недавно стало говориться—о *церкви въ юридическомъ смыслѣ*.

Что такое церковь въ юридическомъ смыслѣ? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ такъ: церковь есть общество, а иные въ дополненіе присоединяютъ: видимое, человѣческое общество (какъ будто это дополненіе сколько нибудь объясняетъ дѣло!), и какъ общество есть то-то и то-то, то есть громоздятъ одно на другое категорическія положенія, сюда относящіяся и не относящіяся и такимъ образомъ являются на свѣтъ разныя опредѣленія понятія церкви въ юридическомъ смыслѣ и на нихъ построенныя системы церковнаго права, которыхъ тьмы темъ. Но дѣло въ томъ, что въ основаніи такихъ разсужденій, имѣющихъ претензіи на юридическія опредѣленія, лежитъ весьма неудачное въ логическомъ отношеніи сужденіе. *Церковь есть общество видимое, человѣческое*: но вѣдь по своей логичной цѣнности такое сужденіе нисколько не уступаетъ, напр. такому: профессоръ есть человѣкъ видимый, смертный и т. д. что угодно; и какъ человѣкъ есть слѣдов., и то-то и то-то,—т. е. далѣе могутъ слѣдовать безконечныя сужденія...

Церковь, разумѣется, есть *общество*, но понятіе общества слишкомъ эластично, обще. Подъ это попятіе подходитъ и желѣзнодорожная компанія и приходская община, и обширный классъ образованныхъ людей и еще обширнѣйшій—народъ, государство. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что разные систематики, опираясь на это эластичное основаніе, въ дальнѣйшемъ построеніи системы расходились и расходятся въ самыя отдаленныя крайности. Было бы слишкомъ утомительно разсматривать подробно эти теоріи, ихъ такъ много и различіе между ними иногда такое тонкое, что это разсмотрѣніе задало бы нашему вниманію чрезвычайно много трудныхъ и скучныхъ уроковъ, а въ резуль-

татѣ можетъ быть не дало бы ничего, кромѣ туманныхъ и ни къ какому твердому и единому принципу не приводящихъ опредѣленій церкви въ юридическомъ смыслѣ. Поэтому станемъ на такую точку зрѣнія, что какъ будто мы уже разсмотрѣли эти системы, тѣмъ болѣе, что, какъ сказали мы, и въ результатѣ дѣйствительнаго ихъ разсмотрѣнія у насъ получились бы одни туманныя опредѣленія и смутныя представленія о церкви какъ о какомъ то обществѣ. Но вѣдь мы уже и теперь имѣемъ эти смутныя представленія. Прежде, напр., мы упоминали, что одни изъ юристовъ относили церковному праву въ общей классификаціи правъ мѣсто въ правѣ частномъ, другіе—въ правѣ публичномъ, третьи выдѣляютъ его въ особый родъ права. Что изъ этого обстоятельства можно извлечь для уясненія смутнаго представленія о церкви въ юридическомъ смыслѣ покажетъ нѣсколько слѣдующее разграниченіе формъ юридическихъ союзовъ, обществъ людей, составляемыхъ для какой нибудь одной цѣли. Въ римскомъ правѣ рѣзко различаемы были двѣ формы такихъ союзовъ: корпоративное учрежденіе (universitas) и общество (societas). Различіе между ними было существенное. Въ первомъ случаѣ союзу придавалась идеальная или юридическая личность, которая и считалась субъектомъ правъ и обязанностей, независимо отъ отдѣльныхъ физическихъ лицъ [1]), составляв-

[1]) Выраженія: физическое и юридическое лицо встрѣчаются въ юридическихъ книгахъ очень часто. Подъ именемъ физическаго лица разумѣется въ дѣйствительности существующее лицо, реальное, напр. каждый человѣческій индивидуумъ, пользующійся какими либо личными правами; а подъ именемъ юридическаго — нѣчто, несуществующее въ дѣйствительности, а фиктивное, воображаемое, въ дѣйствительной жизни дающее однако-же знать о себѣ, какъ физическая личность. Таково, напр., то, что называется словами: наслѣдство, казна и т. под. Представимъ, что послѣ богатаго лица остались несовершеннолѣтнія дѣти—наслѣдники богатаго имущества; спрашивается теперь: кому до совершеннолѣтія ихъ принадлежитъ полное право собственности на это имущество? Дѣтямъ оно не принадлежитъ до совершеннолѣтія ихъ, родственникамъ и опекунамъ тоже. Оно принадлежитъ чему то не существующему въ дѣйствительности — волѣ умершаго уже отца. Самое справедливое отношеніе къ наслѣдству есть самое точное исполненіе этой воли — она и есть юридическое лицо. Тотъ же смыслъ соединяется и со словомъ казна: кто владѣетъ казной? Никто въ отдѣльности; она сама себѣ хозяинъ — собственникъ. Въ цѣлыхъ обществахъ ихъ юридическимъ лицомъ служитъ цѣль общества. Напр. Духов-

шихъ корпорацію, такъ что и дѣятельность ея управлялась не коллективною волею членовъ, но установленнымъ органомъ управленія и имущество ея никто не могъ считать своимъ ни въ какой долѣ. Напротивъ того, въ послѣднемъ случаѣ союзъ состоитъ не иначе, какъ изъ отдѣльныхъ членовъ, не имѣя юридической личности и дѣятельность его управляется не иначе, какъ коллективною волею членовъ, между коими происходитъ общеніе (communio) по имуществу, составляющему совокупную ихъ принадлежность въ составѣ общества [1]). Замѣните только цѣль общества — иною т. е. вмѣсто матеріальной денежной духовно-нравственною и вы увидите, что и о церкви какъ союзѣ или обществѣ людей можно разсуждать или какъ о *корпораціи* т. е. союзѣ, у котораго есть свой органъ управленія, на котораго и возлагается вся отвѣтственность за его состояніе, или же какъ объ *общинѣ*, гдѣ все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія единицъ, ее составляющихъ, и представьте, что два ученые мужа взяли за основаніе своихъ системъ для церковнаго права именно это юридическое понятіе о церкви, какъ видимомъ человѣческомъ обществѣ: не ясно ли, какъ глубоко разойдутся эти системы въ своемъ развитіи? Не ясно ли, какъ, ставъ на одномъ общемъ пунктѣ отправленія своего, они, по мѣрѣ углубленія въ свое дѣло, будутъ отдаляться одинъ отъ другаго? Въ дѣйствительности это именно и произошло... и создало то разнообразіе и множество системъ церковнаго права съ одной стороны, и то смутное и туманное представленіе о церкви, какъ юридическомъ субъектѣ съ другой, — какія теперь составляютъ то, что называется ученой литературой нашего предмета. Въ этой ученой литературѣ именно и господствуютъ прежде всего эти два на-

---

ная академія владѣетъ капиталами и недвижимымъ имуществомъ. Это значитъ, что эти капиталы и недвижимыя имущества не принадлежатъ въ частности ни профессорамъ, ни студентамъ, ими пользующимся, но принадлежатъ идеѣ, цѣли, которой служитъ эта совокупность лицъ, составляющихъ академію. Въ такомъ же смыслѣ въ качествѣ собственниковъ почитаются: монастырь, соборъ, приходская церковь, часовня и т. п.

[1]) К. П. Побѣдоносцевъ: Курсъ гражданскаго права. Ч. III, стр. 501. СПБ. 1880 г.

правленія, изъ которыхъ одно, а именно католическое беретъ за основаніе понятіе о церкви, какъ о корпораціи съ своимъ независимымъ ни отъ государства, ни отъ отдѣльныхъ членовъ церкви органомъ Божественнаго управленія — папою и его чиновниками (такъ назыв. учащею, правящею церковію), другое, а именно протестантское беретъ за основаніе системы понятіе о церкви, какъ о простой общинѣ, имѣющей задачею духовно-нравственную цѣль и развиваетъ это понятіе до крайности. Между этими двумя основными направленіями существуетъ множество промежуточныхъ, среднихъ направленій. Какое же изъ этихъ направленій лучше? Какое намъ нужно выбрать и принять для построенія системы права православной церкви? По нашему твердому убѣжденію ни одно изъ этихъ направленій не удовлетворительно и ни одного принять нельзя.... Но высказавъ такое рѣшительное сужденіе о всей этой громадной литературѣ, на полѣ которой дѣйствовало не мало талантливыхъ и ученыхъ головъ, не обрекаемъ ли мы съ такимъ своеобразнымъ направленіемъ самихъ себя на погибель, на первыхъ же порахъ своего предпріятія, именно въ нескончаемой полемикѣ или по русски нескончаемой брани со всею этою литературою, брани, которая, по видимому, неизбѣжна и которая, по видимому, такъ не равна? Но вопросъ этотъ страшенъ именно *по видимому* только: потому что *по видимому* только намъ неизбѣжна нескончаемая война, въ дѣйствительности же этотъ вопросъ нисколько не страшенъ: потому что намъ нѣтъ никакой нужды объявлять нескончаемую войну литературѣ нашего предмета. Мы будемъ съ нею напротивъ *искренними* друзьями но только именно въ силу этой искренности, дружеской откровенности, на первыхъ же сношеніяхъ съ нею заявимъ ей, что при всѣхъ ея достоинствахъ, предъ которыми мы преклоняемся, у ней есть слабыя мѣста, для пораженія которыхъ достаточно будетъ и нашего слабаго удара, а потому въ случаѣ, если что... мы и направимъ этотъ ударъ. Итакъ во имя этой искренней дружбы мы и укажемъ теперь же на одно изъ слабыхъ мѣстъ этой литературы. Принявъ за основаніе системы церковнаго права юридическую сторону церкви, какъ видимаго человѣческаго общества, именно, какъ корпораціи или общины, наука церков-

наго права многаго или совсѣмъ не объясняетъ изъ несомнѣнныхъ правъ церкви, или же объясняетъ неудовлетворительно, то извращая мѣста Св. Писанія и историческіе факты, то возмущая простой здравый смыслъ, становясь ему въ оппозицію, то возмущая простое, но искреннее религіозное чувство. Она т. е. наука церковнаго права въ такомъ видѣ именно становится сфинксомъ, морочащимъ и простой смыслъ и искреннее чувство. Но истинная наука должна стоять къ нимъ какъ разъ въ обратномъ отношеніи. Первое изъ этихъ направленій до послѣдней крайности развивая тотъ принципъ въ ученіи о церкви, что она есть какъ корпорація—созданіе Самого Бога, въ ней, церкви, основавшаго свое земное царство и поставившаго намѣстникомъ Бога — царя этого царства—римскаго папу, возмущаетъ и здравый смыслъ и истинно-религіозное чувство не только этимъ догматомъ или догмою, но и тѣми искаженіями Христова ученія и историческихъ фактовъ, которые необходимы наукѣ, принявшей такое направленіе. Кто, напр., согласится съ мнѣніемъ, будто Христосъ между самими апостолами поставилъ Петра княземъ надъ всею церковію и надъ самими апостолами? А это нужно доказать юристу—католику, иначе вся система его права рухнетъ всею своею массою. Какой здравый смыслъ не возмутится тою аналогіею съ солнцемъ и луной, какую паписты приводили въ доказательство земнаго всемогущества римскаго папы по отношенію къ земнымъ, несомнѣнно богопоставленнымъ царямъ, князьямъ и др. верховнымъ органамъ власти народовъ? А между тѣмъ и въ средніе вѣка, да и теперь паписты не брезгуютъ этой аналогіей, утверждая, что въ православномъ мірѣ папа есть солнце, а каждый изъ царей — луна. Сколько искаженій историческихъ документовъ, сколько подлоговъ, сколько брани и кровопролитія въ человѣчествѣ произведено изъ за этого ложнаго принципа—объ этомъ знаетъ каждый мало мальски свѣдущій въ церковной и гражданской европейской исторіи: ибо эти кровавые факты замѣчательнѣйшіе и крупнѣйшіе изъ помѣщаемыхъ на страницахъ ея. Не менѣе возмущаютъ здравый смыслъ и искреннее религіозное чувство (мы не говоримъ о людяхъ не признающихъ разумной законности этого религіознаго чувства) тѣмъ принципомъ въ ученіи о церкви,

по которому она представляется только видимымъ человѣческимъ или точнѣе—видимою человѣческою общиною, связующимъ цементомъ для единицъ которой служитъ Евангеліе—каковой принципъ полагаютъ въ основу своихъ системъ церкви какъ юридическаго субъекта протестантскіе юристы. Ибо проведенный послѣдовательно этотъ принципъ приводитъ къ тому выводу, что церковь, какъ юридическій субъектъ есть совокупность отдѣльныхъ общинъ, разсѣянныхъ по всей вселенной, общинъ, управленій и вообще судьба которыхъ находится въ соглашеніи единичныхъ воль, составляющихъ общину, общинъ quasi—самостоятельныхъ и свободныхъ, но въ дѣйствительности неизбѣжно и по всей справедливости подпадающихъ свѣтской власти того князя или царя, въ предѣлахъ котораго живетъ община: отсюда выработался принципъ такъ называемой территоріальной системы церковно-государственнаго права, по которому церковь есть собственность мѣстнаго государя: cujus regio, ejus religio. Въ дѣйствительности этотъ принципъ приводитъ къ тому нелѣпому индифферентизму, по которому и истинная церковь, и еретическая и раскольническая община, или еврейскій и даже языческій культъ долженъ пользоваться въ государствѣ не только равною и полною свободою, но и совершенно равными государственными и гражданскими правами. Какое самое слабое религіозное чувство и какой здравый смыслъ не возмутится этимъ принципомъ? а между тѣмъ этотъ принципъ пріобрѣлъ значеніе моднаго, истиннаго принципа (подъ именемъ вѣротерпимости) и въ литературѣ и политикѣ западно-европейскихъ цивилизованныхъ государствъ [1]).

---

[1]) Вѣротерпимость и индифферентизмъ должно точно различать, особенно когда идетъ о нихъ дѣло, какъ о принципахъ, полагаемыхъ въ основу политическихъ отношеній между государствомъ и церковію. Вѣротерпимость, въ силу которой христіанское государство, содѣйствуя успѣхамъ вѣроисповѣданія, которое оно само раздѣляетъ (государственнаго) и снисходительно относится, терпитъ иныя вѣроисповѣданія, основывается на *искреннемъ уваженіи* къ истинѣ и снисхожденіи къ заблужденію. Индифферентизмъ, дающій равное право дѣйствовать каждому вѣроисповѣданію въ основѣ своей имѣетъ *неуваженіе и къ истинной, и къ ложной религіи*. Ибо совершенно уравнивая и истинную и ложную религіи правительство обнаружило бы этимъ, что оно одинаково почитаетъ заблужденіемъ и терпитъ какъ заблужденіе и рас-

Насколько добросовѣстно отношеніе такихъ систематиковъ къ Св. Писанію и историческимъ фактамъ, можно заключить изъ того, что они всѣ безъ изъятія единодушно отвергаютъ всѣ постановленія соборовъ, всѣ церковныя учрежденія, существовавшія до Лютера, то какъ ненамѣренное искаженіе евангельскаго и апостольскаго ученія, то какъ намѣренный подлогъ и захватъ церковной власти деспотами и бюрократами, являвшимися изъ среды церковныхъ членовъ подъ именемъ епископовъ, митрополитовъ, патріарховъ, папъ, византійскихъ царей и т. п.

Послѣ этого, кто же не согласится, что системы церковнаго права, выходящія изъ этого пресловутаго принципа, что церковь есть видимое человѣческое общество въ этомъ пунктѣ системы слабыя, и что разумное къ нимъ отношеніе должно быть не иное, какъ указавъ на этотъ недостатокъ ихъ, признать ихъ неудовлетворительными и безъ всякой дальнѣйшей полемики или войны, избрать какой-нибудь другой принципъ и его положить въ основаніе системы церковнаго права.

Что это за принципъ и гдѣ найти его? Отвѣтъ одинъ: въ Св. Писаніи и въ фактахъ всей церковной и гражданской исторіи, или короче: въ фактахъ, въ фактахъ и нигдѣ болѣе!

Эти факты такъ многочисленны и такъ они просты и общеизвѣстны, что намъ остается только черпать ихъ обѣими руками, безъ всякаго разбора и боязни брать всякій попавшійся подъ руку и всякій будетъ годенъ.

Начнемъ же эту легкую и веселую работу съ самаго начала, какъ вообще и слѣдуетъ начинать всякую работу.

Однажды Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *созижду церковь* Мою и врата адова не одолѣютъ ю. Церковь есть не буквальный переводъ термина, вышедшаго изъ устъ Господа: ибо это слово есть переводъ ἐκκλησία (собраніе). По воскресеніи Своемъ Господь многократно бесѣдовалъ съ

кольническую напр. общину и православную церковь. Отъ сего индифферентизма или отъ сей вѣротерпимости конечно избави Богъ.

Разныя воззрѣнія на сей предметъ можно найти у Bluntschli въ Algemeines Staatsrecht. B. II, S 250 и слѣд. München. 1857.

учениками Своими, многое имъ обѣщалъ... Затѣмъ Онъ торжественно поручилъ имъ миссію: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари. Иже вѣру имѣетъ и крестится, спасенъ будетъ.* [1]). Или *шедше научите вся языки, крестяще ихъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа... и се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка аминь* [2]). Этимъ и закончилось Евангеліе. Спрашивается теперь: создалъ-ли Господь Свою церковь, о которой сказалъ: *созижду?* И если создалъ: что такое была эта церковь? — Замѣчательна въ этомъ отношеніи метафора или аллегорія, которую Господь неоднократно употреблялъ, объясняя сущность этого великаго учрежденія, названнаго Имъ церковію. Припомните, какъ Онъ любилъ называть себя добрымъ пастыремъ и Своихъ учениковъ паствою, овцами, стадомъ [3]). При этомъ въ далекомъ будущемъ результатъ такого Своего отношенія къ нимъ и ко всѣмъ людямъ Онъ выразилъ такъ: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь.* Это—въ отдаленномъ будущемъ. А въ настоящемъ, т. е. въ теченіи земной жизни Христа и притомъ, выражаясь по-человѣчески, въ самыя критическія минуты объ этомъ стадѣ Своемъ Христосъ прилагалъ самое внимательное отеческое, любящее попеченіе, какъ о слабомъ безпомощномъ обществѣ послѣдователей, которые въ семъ мірѣ должны жить какъ овцы посреди волковъ [4]). *Чадца, еще съ вами мало есмь.... не оставлю васъ сиры; пріиду къ вамъ....* утѣшалъ Онъ учениковъ Своихъ на пути къ крестнымъ страданіямъ [5]). Мало того, объ этомъ маломъ стадѣ Онъ говорилъ Петру: *Симоне, Симоне! Се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу* [6]) и потомъ: *се грядетъ часъ и нынѣ пріиде, да разыдется кійждо во своя и Мене единаго оставите* [7]). Такъ слабо, мало, малосильно было это стадо! А между тѣмъ это и

---

[1]) Марк. XVI, 15. 16.
[2]) Мѳ. XXVIII, 19. 20.
[3]) Іоан. X, 1—16; Мѳ. XXVI, 31.
[4]) Мѳ. X, 16.
[5]) Іоан. XIII, 33; XIV, 18.
[6]) Лук. XXII, 31.
[7]) Іоан. XVI, 32.

была въ зародышѣ та великая церковь, которой и врата адова не въ состояніи одолѣть: ибо это малое, слабое стадо состояло изъ *собранныхъ* Господомъ въ одно общество приверженцевъ, учениковъ Его, изъ всего громаднаго числа людей, слышавшихъ зовъ Господа. Это и была Его ἐκκλησία. По воскресеніи и вознесеніи Господа, это общество званныхъ Самимъ Господомъ въ количественномъ отношеніи стало нѣсколько болѣе: но въ качественномъ—та же слабосильная, какъ стадо пугливыхъ, робкихъ овецъ. Человѣкъ 120, страха ради іудейска, укрывались въ одномъ домѣ: но у всѣхъ этихъ 120 существъ была горячая преданная любовь къ оставившему ихъ Учителю [1]). Но потомъ вскорѣ произошло одно событіе, которое мгновенно и сошенно измѣнило характеръ этого пугливаго малаго стада. Въ день Пятидесятницы, домъ, въ которомъ пребывала эта ἐκκλησία, сталъ центромъ, около котораго сошлись критяне и аравитяне, персы и мидяне, жители Месопотаміи, іудеи и еллины. Изъ этихъ робкихъ учениковъ Христа, изъ Назарета явился цѣлый сонмъ ораторовъ-проповѣдниковъ, заговорившихъ на разныхъ языкахъ и послѣдствіемъ этой первой церковной проповѣди явилось новыхъ три тысячи приверженцевъ Христа, *званныхъ* Имъ же чрезъ этихъ внезапныхъ проповѣдниковъ [2]). Спустя еще нѣсколько лѣтъ эта церковь или эти *призванные* въ число послѣдователей Христа уже находились едва не во всѣхъ точкахъ тогда извѣстнаго земнаго міра. Апостолы и другіе изъ самовидцевъ и непосредственно Самимъ Христомъ *призванныхъ*, составляли уже въ количественномъ отношеніи весьма малую часть въ огромной массѣ *призванныхъ* или церкви; такъ что въ этотъ моментъ времени о проповѣди ихъ можно было выразиться буквально такъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ*. Затѣмъ съ этого момента и до нашихъ дней церковь Христова такъ и остается въ этомъ положеніи. Званные или церковь теперь находятся во всемъ мірѣ. Такъ представляется это учреж-

[1]) Іоан. XX, 19. Дѣян. 1, 16.
[2]) Дѣян. II, 41.

деніе Христа—церковь или этотъ Божественный институтъ съ внѣшней стороны. Какъ видите, разсматривая церковь съ этой наружной стороны ее нельзя назвать *обществомъ*, держась точнаго значенія этого слова, а тѣмъ болѣе, держась того значенія, какое придается ему правомъ. А если бы мы такъ называли церковь, то произошло бы одно изъ двухъ: или мы придали бы понятію общества совершенно особое значеніе, въ силу котораго оно стало бы несравнимымъ, несоизмѣримымъ ни съ понятіями государства, народа, корпораціи, товарищества и т. под. родовыми и видовыми понятіями, мыслимыми подъ всеобщимъ понятіемъ видимое человѣческое *общество;* или же мы придали бы понятію *церковь* которое-нибудь изъ вышеуказанныхъ родовыхъ и видовыхъ понятій общества—въ какомъ случаѣ мы съузили бы т. е. непремѣнно извратили бы универсальный, величественный характеръ Божественнаго учрежденія, называемаго *церквію*. Какъ видите, взятое съ этой наружной стороны это учрежденіе никакъ не укладывается въ тѣсныя юридическія рамки, называемыя обществомъ и его родовыми и видовыми понятіями. Слѣдовательно, quasi—юридическое опредѣленіе: *церковь есть видимое человѣческое общество*, вмѣсто яснаго и отчетливаго представленія, производитъ въ умѣ нашемъ что-то такое смутное, чего никакъ нельзя точно и опредѣленно представить себѣ, точно также, какъ опредѣленіе: профессоръ есть человѣкъ видимый, смертный и т. д.

Но посмотримъ на дѣло съ внутренней его стороны. Что такое церковь или эти призванные ко Христу по ихъ внутренней жизни и дѣятельности? Чѣмъ они отличаются отъ всѣхъ остальныхъ людей, которые—не церковь, не призваны ко Христу?— Обратимся опять къ фактамъ и начнемъ опять съ самаго начала. Еще при жизни Господа нѣкоторые изъ учениковъ Его были Имъ Самимъ спеціально выдѣлены для проповѣди [1]); по временамъ болѣе близкіе, болѣе преданные Христу съ Нимъ вмѣстѣ составляли *собранія*, на которыхъ пѣлись псалмы, возносились молитвы [2]). Предъ

[1]) Мѳ. X, 1—15.

[2]) Мѳ. XXVI, 30 и воспѣвше изыдоша.....

самымъ страданіемъ—было одно въ высшей степени знаменательное *собраніе*: это Тайная вечеря съ событіями, которыя произошли на ней. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ безъ сомнѣнія преломленіе хлѣба и освященіе вина; другое—выдѣленіе одного изъ ближайшихъ учениковъ изъ ихъ сонма [1]). Къ концу земной жизни Господа эта ἐκκλησία представляла уже небольшую *общину*, у которой было даже свое общее имущество—деньги, находившіяся въ завѣдованіи у апостола Іуды [2]).

По вознесеніи Господа, характеръ жизни и дѣятельности званныхъ или церкви существенно не измѣняется: .но только эта дѣятельность быстро, хотя и постепенно, расширяется и проявляется въ нѣкоторыхъ новыхъ формахъ. Проповѣдь евангелія рѣзче всего выдается какъ главная форма дѣятельности этихъ званныхъ, ей посвятили свои силы лучшіе, авторитетнѣйшіе между званными. Въ обыденной жизни, они часто составляютъ *собранія*, въ которыхъ происходитъ тоже, что и на Тайной вечери: т. е. пѣснопѣнія, молитвы, преломленіе хлѣба, благословеніе вина и всюду неизмѣнная проповѣдь или назиданіе въ Божественномъ Писаніи. Въ этихъ *собраніяхъ* иногда бываютъ случаи, подобные и произшедшему на Тайной вечери—случаи выдѣленія изъ числа званныхъ нѣкоторыхъ лицъ (Ананія и Сапфира, Кориноскій кровосмѣсникъ) [3]). Есть сходство по крайней мѣрѣ званныхъ, жившихъ въ Іерусалимѣ, съ первичною общиною Христовыхъ учениковъ и въ экономическомъ отношеніи: ибо вскорѣ по торжественномъ сошествіи Св. Духа Іерусалимскіе христіане сознали потребность въ образованіи общей кассы, которая бы служила источникомъ для постояннаго удовлетворенія нуждающихся и бѣдныхъ, бывшихъ между званными и для нѣкоторыхъ экстренныхъ нуждъ. И вотъ къ ногамъ апостоловъ каждый званный приноситъ то, что онъ имѣетъ изъ своего стяжанія; конечно, это было нѣчто совсѣмъ не похожее на наши эмиритальныя и др. кассы; это было простое пожертвованіе того, что хотѣлось кому

---

[1]) Іоан. XXIII, 30: пріимъ же онъ хлѣбъ абіе изыде.

[2]) Іоан. XIII, 29.

[3]) Дѣян. V, 1–10; 1 Кор. 1, 5.

пожертвовать и сколько хотѣлось: *имяху вся обща*—говоритъ книга Дѣяній Вотъ еще новый фактъ, что изъ званныхъ составилась и существовала отдѣльная община въ Іерусалимѣ. Все это сходныя черты съ примитивною церквію. Но уже въ этотъ періодъ въ жизни и дѣятельности ея являются и нѣкоторыя новыя формы. Проповѣдь евангелія, обращенная ко внѣ церкви живущимъ уже неизмѣнно сопровождается крещеніемъ ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа и *возложеніемъ рукъ*, которое служитъ и символомъ и видимымъ средствомъ невидимаго тайнаго сошествія Св. Духа на новаго званнаго. Мы видимъ далѣе, что для этой проповѣди посвящаютъ себя особенныя лица между самыми званными по преимуществу сами апостолы, и, что особенно замѣчательно, они *одни только* употребляютъ *возложеніе рукъ*, такъ что просвѣщенные и крещенные не—апостолами нѣкоторое время остаются какъ бы не вполнѣ званными въ ожиданіи, когда придетъ кто либо изъ апостоловъ и возложитъ на нихъ руки [1]). Но эти факты, важные сами по себѣ, много уступаютъ конечно въ значеніи своемъ предъ т н. апостольскимъ соборомъ въ Іерусалимѣ. Здѣсь разсматриваемъ былъ и рѣшенъ вопросъ о значеніи закона Моисеева для избранныхъ или просто о значеніи его въ церкви. Какъ иначе смотрѣть на этотъ соборъ, какъ не на своего рода законодательное собраніе [2]). Въ церкви за все послѣдующее время ея существованія до настоящаго времени этотъ соборъ дѣйствительно и имѣетъ такое значеніе. Затѣмъ въ этотъ же апостольскій періодъ церковной исторіи совершается учрежденіе различныхъ должностей, какъ то: діаконовъ, пресвитеровъ, епископовъ съ опредѣленіемъ личныхъ качествъ и условій дѣятельности носителя каждой изъ этихъ должностей называемыхъ *служеніемъ*, и самые званные получаютъ какъ бы оффиціальное имя *христіанъ*. Итакъ теперь въ апостольскій періодъ церковь Христова представ-

---

[1]) „Яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый. Дѣян. VIII, 18.

[2]) Изолися бо Святому Духу и намъ ничтоже множае возложити вамъ... и собраевше народъ, вдаша посланіе. Дѣян. XV, 28—33.

лялась въ видѣ христіанъ, разсѣянныхъ по всему міру и мѣстами составлявшихъ общины. Внутреннее отношеніе между ними всѣми была любовь и соревнованіе въ подвигахъ и благодатныхъ дарахъ, не смотря на дальность внѣшняго разстоянія, ихъ раздѣлявшаго: между собою христіане относились одинъ къ другому какъ *братья*. Что же касается до отношеній къ людямъ, внѣ церкви стоящимъ—не христіанамъ, то и въ этихъ отношеніяхъ господствовалъ полный духъ любви и состраданія къ ближнему. Къ нимъ при всякомъ удобномъ случаѣ званные обращались съ проповѣдію, гдѣ нужно было, исцѣляли больныхъ и служили имъ, помогая въ несчастіяхъ, чѣмъ могли. Ко всему этому для характеристики внутреннихъ отношеній этой апостольской церкви слѣдуетъ прибавить полную *свободу* и въ отношеніяхъ и въ дѣятельности, хотя эта свобода здѣсь вполнѣ уживалась съ признаніемъ авторитета апостоловъ и ими поставленныхъ или подъ ихъ руководствомъ и въ ихъ присутствіи избранныхъ христіанами должностныхъ лицъ. Но въ этомъ отношеніи въ апост. Посланіяхъ сохранился на столько замѣчательный фактъ, что не остановиться предъ нимъ съ глубокимъ вниманіемъ рѣшительно нельзя: это—фактъ нѣкотораго *нестроенія*, происшедшаго въ Коринѳской церкви. Исполненные Духа Св. здѣсь въ общихъ *собраніяхъ* христіане старались превзойти одинъ другаго въ дѣлѣ проповѣди. И что же оказалось въ дѣйствительности?—Обнаружилось явленіе, представляющее нѣкоторыя аналогичныя черты съ тѣмъ, какое мы отмѣтили въ жизни народа нашего предъ призваніемъ князей. Обиліе даровъ и силъ произвело нестроеніе: и вотъ является ап. Павелъ, своими Посланіями къ Коринѳянамъ развивающій идею необходимости строя и порядка въ употребленіи свободы и духовныхъ дарованій: еда вси апостоли? еда вси пророки и т. д. вопрошаетъ онъ—и въ разъясненіи этой необходимости внутренняго порядка въ дѣятельности членовъ церкви сравниваетъ ее то съ организмомъ, въ которомъ каждый членъ отправляетъ свою функцію [1]), то съ величественнымъ зданіемъ (въ по-

[1]) Кор. 12, 12—13.

сланіи къ Ефесеямъ), основаніе которому положено Христомъ и апостолами и которое производится затѣмъ дѣятельностію преемниковъ апостоловъ и сотрудниковъ ихъ въ служеніи церкви [1]).

Таковы факты изъ исторіи апостольской церкви. Въ нихъ со всею ясностію открывается, что церковь есть Божественное установленіе прежде всего какъ собраніе *подъ главенство единаго пастыря* вѣрующихъ, крещенныхъ во имя Отца и Сына и св. Духа и получившихъ чрезъ руковозложеніе Св. Духа. Во 2-хъ избранные и собранные ко Христу во внѣшней жизни иногда живутъ общинами, иногда отдѣльно, но живущіе по близости сходятся и составляютъ собранія, на которыхъ происходятъ: преломленіе хлѣба, пѣснопѣнія и молитвы. Въ 3-хъ внутри христіанъ или церкви существуютъ особыя должности или виды служенія, какъ-то апостольства, учительства, епископства, пресвитерства и т. д. Но замѣчательно, что во всѣхъ Посланіяхъ апостольскихъ нигдѣ не встрѣчается вовсе термина общество или община, гдѣ рѣчь идетъ о собраніи христіанъ въ одномъ мѣстѣ, всюду въ этихъ случаяхъ употребляется одинъ терминъ ἐκκλησά [2]).

Въ послѣдующія времена исторія церкви представляетъ развитіе всѣхъ этихъ сторонъ апостольской церкви; но замѣчательно, что измѣнившаяся вслѣдствіе этого развитія внѣшность ея въ существѣ своемъ удержала тотъ же образъ, съ какимъ она жила во времена апостольскія. Историкъ можетъ прослѣдить наслоенія постепенно образовывавшіяся и составлявшія ея ростъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда въ состояніи видѣть въ основаніи этихъ наслоеній Божественное установленіе—церковь, которой, по слову Спасителя, не одолѣютъ и силы ада. Сколько бы разнообразны и разнохарактерны, напр. ни казались по внѣшности церковь римско-католическая, наша руская и какая либо изъ греческихъ и славянскихъ церквей въ каждой изъ нихъ и въ настоя-

---

1) Ефес. 2, 20, 21, 22.

2) Это особенно видно изъ адресовъ, которыми намѣчены посланія апостоловъ, такъ ап. равно начинаетъ посланіе къ Коринѳянамъ: церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ, освященнымъ о Христѣ іереѣ, званнымъ святымъ... вѣренъ Богъ, имъ же з в а н и бысте въ общеніе Сына Его Іисуса Христа 1 Кор. I, 9.

щее время легко отмѣтить какъ существенную черту, съ которою она жила ея религіозныя *собранія*. Церковное *собраніе*, въ которомъ происходитъ преломленіе хлѣба и благословеніе чаши во всѣхъ этихъ церквахъ всегда неизмѣнно существовало и существововало именно какъ главный средоточный актъ всей церковной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и въ чемъ иначе естественнѣе всего искать отображенія всей сущности и всего строя церкви какъ не въ этомъ религіозномъ церковномъ *собраніи?* Разрѣшеніемъ вопроса: кто и какое участіе можетъ принимать и принимаетъ въ этомъ собраніи? разрѣшается едва ли не весь вопросъ о томъ, что такое та или другая церковь вообще. Это *собраніе* есть именно средоточіе и исходный пунктъ всего церковнаго права всякой церкви. Такъ, исходя отсюда прежде всего можно рѣшить вопросъ о составѣ собранія церковнаго. Ибо здѣсь рѣзко бросается въ глаза различіе церковной іерархіи и мірянъ членовъ церкви. Условія вступленія въ церковь и участія въ ея собраніяхъ въ теченіи тысячелѣтняго существованія церкви подвергались многократнымъ опредѣленіямъ, регламентаціямъ, составляющимъ матеріалъ церковнаго права: но въ основѣ этихъ опредѣленій и регламентацій лежатъ опредѣленія и заповѣди Христа и апостоловъ. Тѣмъ болѣе это нужно сказать объ условіяхъ вступленія въ церковную іерархію. Какъ обильно и въ этомъ отношеніи церковное право разнообразнѣйшими опредѣленіями качествъ лицъ, способныхъ къ служенію церковному, условій приготовленія къ этому званію, способамъ производства въ разныя степени ея и т. п.! Одинъ этотъ церковный актъ — *общественное собраніе церковное*—какой обильный источникъ для разнообразія и множества законовъ и цѣлыхъ учрежденій! Пока мы оставимъ другія указанныя выше стороны въ понятіи церкви и займемся на нѣсколько мунутъ вопросомъ: отчего же происходила такая перемѣна и такое разнообразіе во внѣшнемъ строѣ церкви при ея основныхъ одинаковыхъ чертахъ и существенныхъ признакахъ, какъ Божественнаго установленія? — Отвѣтъ дается легко: вслѣдствіе разнообразія элементовъ, входившихъ въ составъ членовъ церкви, вслѣдствіе разности эпохъ и мѣста жительства тѣхъ, кто вступалъ въ церковь какъ членъ ея.—Представимъ напр. фактъ

вступленія въ церковь въ качествѣ ея члена главы какого либо народа, даже государства: какія важныя послѣдствія долженъ имѣть этотъ фактъ на всемъ дотолѣ, положимъ, весьма простомъ строѣ церкви. Если и простой вѣрующій съ радостію отдавалъ свое имущество на пользу церковную: то развѣ не естественно предположить, что князь народа, государь *по своему* также выразитъ свое усердіе къ церкви?—Но кто же можетъ отказать ему въ его усердіи? И вотъ въ той части церкви, которая образовалась среди народа, глава котораго сталъ сыномъ ея, іерархія получаетъ особыя гражданскія права и преимущества, ея служебныя дѣйствія находятъ себѣ поддержку и гарантіи въ свѣтской помощи и силѣ; церковное имущество ея растетъ въ видѣ недвижимыхъ имуществъ и капиталовъ; охраненіе цѣлости внѣшнихъ предѣловъ этой *мѣстной* церкви опять становится предметомъ особаго попеченія гражданской власти и т. п. Естественно, что эта мѣстная церковь будетъ уже далеко не то, что представляетъ другая помѣстная церковь, стоящая въ иномъ отношеніи къ государству, среди котораго или въ которомъ живетъ. И если въ одномъ мѣстѣ (въ первомъ случаѣ) ея внутреннія отношенія—между іерархіей и мірянами и внѣшнія къ иновѣрцамъ, вслѣдствіе этихъ привиллегій и вообще благосклонности государства такъ правильно и прочно установлены, что церковь получаетъ видъ строго опредѣленнаго организма, напоминающаго по внѣшности цѣлое *государство* или отдѣльное вѣдомство въ системѣ его управленія: то не естественно ли ожидать, что напротивъ другая церковь, не пользующаяся такою благосклонностію, свой внутренній бытъ сформируетъ въ видѣ отдѣльныхъ *частныхъ общинъ*, вся сила которыхъ будетъ состоять и зависѣть отъ глубины преданности церкви къ ея интересамъ единицъ, составляющихъ эту помѣстную церковь? Спрашивается, однако же, при этомъ: будутъ ли эти двѣ, такъ по внѣшности разнящіяся, частныя церкви составлять двѣ однородныя части единой церкви святой Апостольской соборной, какъ единаго Божественнаго Учрежденія?—Отвѣтъ на вопросъ этотъ будетъ опредѣляться (частію) конечно не тою видимою разностію, по которой одна представляется на столько стройнымъ организмомъ, что сама

получаетъ видъ *государства,* другая же напротивъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ продолжаетъ по простотѣ и бѣдности организаціи представлять форму примитивной общины или общинъ, но тѣмъ на сколько и та и другая сохранили въ своей сущности и въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ тѣ свойства, по которымъ мы узнаемъ этотъ именно Божественный институтъ, каковымъ явилась въ міръ церковь основанная Христомъ и устроенная апостолами. Ясно отсюда, что въ понятіи о церкви, какъ о цѣломъ, какъ институтѣ, непремѣнно должно различать постоянное, существенное и неизмѣнное отъ измѣняющагося, несущественнаго и случайнаго: къ какой изъ этихъ двухъ категорій принадлежитъ понятіе о ней какъ о видимомъ *человѣческомъ обществѣ?* Вопросъ, надѣемся, разрѣшается теперь вполнѣ ясно. Это есть случайная и не постоянная, но измѣняющаяся черта въ понятіи церкви. Церковь не потому есть церковь, что она есть общество: она можетъ существовать и быть церквію и тамъ, гдѣ члены ея не образуютъ вовсе общинъ или общества [1]) гдѣ есть напр. только благочестивая семья, хотя церковь и можетъ служить основаніемъ разныхъ обществъ. Это разнообразіе обществъ и общинъ, которое дѣйствительно представляетъ жизнь церкви, наприм. въ настоящее время, есть не Божественное учрежденіе, какова есть церковь, а есть именно наростъ, созданіе человѣческой воли и дѣятельности, руководимой въ этомъ случаѣ высокими, религіозными и церковными побужденіями и интересами подъ всегдашнимъ управленіемъ Св. Духа въ истинной церкви. Итакъ совокупимъ теперь существенныя черты въ понятіи церкви какъ предмета или субъекта права.

а) Церковь есть Божественное Учрежденіе, единое и всеобщее для человѣческаго рода. Его послѣдняя конечная цѣль — призваніе всѣхъ людей, безразлично ко времени, мѣсту и расѣ, въ общеніе со Христомъ чрезъ установлен-

---

[1]) Напр. иноки пустынножители по идеѣ прямо должны проводить жизнь изолированно одинъ индивидуумъ отъ другаго, изолированно во всемъ, въ противоположность монахамъ общежительныхъ монастырей: тѣмъ не менѣе и та и другая формы отношеній внутри церкви одинаково церковны: монахъ скитникъ и монахъ киновіатъ одинаково по идеѣ цвѣтъ и украшеніе церкви.

ные догматы вѣроученія, крещеніе и руковозложеніе или муропомазаніе и въ непрерывное пребываніе въ этомъ общеніи.

б) Эта цѣль осуществляется чрезъ особенныя учрежденія въ самой церкви, установленныя Христомъ и апостолами, а именно чрезъ іерархію и общественныя собранія для проповѣди, молитвъ и св. евхаристіи и дѣйствующія подъ невидимымъ управленіемъ Св. Духа.

в) Но этотъ Божественный институтъ живетъ и дѣйствуетъ среди человѣчества и стоитъ въ самой глубокой и неразрывной связи съ нимъ, судьба его тѣсно соединена съ судьбою этого человѣчества, такъ что *по внѣшности* онъ такъ или иначе измѣняется, принимая разные образы, получая въ немъ какъ бы отображеніе свое то болѣе, то менѣе совершенное; то ясное и опредѣленное, то наоборотъ — столько смутное и неопредѣленное, что въ немъ иногда трудно бываетъ и усиленному вниманію разсмотрѣть черты первообраза т. е. Божественной церкви Христовой. Первое даетъ истинная, православная каѳолическая церковь, второе же христіанскія, но не православныя церкви и разныя христіанскія религіозныя общества. Но это внѣшнее видоизмѣненіе происходитъ въ истинной церкви не случайно, подчиняясь прихоти или произволу единичныхъ воль, а по требованіямъ законной правовой или юридической необходимости т. е. чисто въ церковныя отношенія и въ чисто церковныя учрежденія вноситъ воля церкви или званныхъ соотвѣтственныя мѣсту и времени постановленія и общеобязательныя правила (какъ напр. соборъ апостоловъ и старцевъ въ Іерусалимѣ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ воли Божественной, Св. Духа). Эта *воля* можетъ опять видоизмѣняться по своему значенію: ибо въ одномъ случаѣ она является волею всей церкви, въ другихъ—волею частей ея болѣе или менѣе крупныхъ (обыкновенно эта воля церкви выражается въ постановленіяхъ или правилахъ соборовъ, синодахъ, и другихъ церковно-законодательныхъ учрежденіяхъ).

г) Но изъ состава званныхъ не исключаются и представители и органы общаго источника человѣческаго права— государства и народы. Въ качествѣ званныхъ имъ, конечно, нельзя было бы отказывать и отказываться отъ правообра-

зовательнаго въ ней значенія [1]). Такъ являются учрежденія и постановленія—конечно—имѣющія значеніе для какой нибудь части церкви или званныхъ, касающіяся дѣятельности, жизни и вообще отношеній подданныхъ не просто какъ подданныхъ а какъ именно избранныхъ—христіанъ извѣстнаго вѣроисповѣданія и государства.

Итакъ въ юридическомъ понятіи церкви легко различить три момента, которые съ одной стороны дѣлаютъ церковь объектомъ, предметомъ права т. е. предметомъ разнообразныхъ законовъ, опредѣляющихъ ея частныя отдѣльныя учрежденія и жизнь ея вообще,—съ другой—дѣлаютъ ее субъектомъ права т. е. источникомъ и творцомъ разныхъ правоопредѣленій—законовъ и правилъ. Таковъ смыслъ имѣетъ и слѣдующая основная статья Дух. Регламента доселѣ остающаяся основнымъ дѣйствующимъ закономъ: А управленія основаніе—есть законъ Божій въ Св. писаніи предложенный, также каноны или правила соборныя, св. отецъ и уставы гражданскіе, Слову Божію согласные [2]).

Выше мы сказали, что *церковное собраніе* съ происходящими на немъ молитвословіями, пѣснопѣніями и преломленіемъ хлѣба, есть средоточіе и исходный пунктъ всего церковнаго права каждой церкви: ибо всѣ прочія учрежденія церкви въ той мѣрѣ имѣютъ силу свою, въ какой они служатъ хотя бы и самымъ отдаленнымъ образомъ—чрезъ множество посредствующихъ ступеней—этому основному Божественному установленію. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что это же чисто церковное учрежденіе должно занять такое значеніе и въ самой системѣ церковнаго права? От-

---

[1]) Но это значеніе или эта правообразовательная дѣятельность находитъ себѣ границы въ основныхъ установленіяхъ церкви какъ Божественнаго института. Отсюда только тѣ законы государства могутъ имѣть значеніе церковное, которые не идутъ въ разрѣзъ съ требованіями законовъ Божественныхъ или Божественнаго церковнаго права. Вообще вмѣшательство чисто человѣческой дѣятельности въ созиданіе тѣла церкви можно разсматривать съ точки зрѣнія прекрасной метафоры, которою изображаетъ эту созидающую дѣятельность ап. Павелъ, сравнивая матеріалъ разнообразныхъ дѣятелей то съ золотомъ и серебромъ, то съ сѣномъ, дровами и т. п. 1 Кор. 3, 9. 12.

[2]) Дух. Регл. введ. Пол. Собр. Пост. Т. 1 стр. 3 Устав. Д. консист. Разд. I. Общ. Пол. § 6.

вѣтъ долженъ быть категорически отрицательный. Было время, когда жизнь церкви дѣйствительно была такъ проста и не сложна, что она со всѣми своими отношеніями почти непосредственно сосредоточивалась какъ въ своемъ главномъ фокусѣ — въ *церковномъ собраніи*. Это было время примитивной патріархальной эпохи жизни церкви, когда опредѣленіе всѣхъ юридическихъ церковныхъ отношеній достаточно выражалось тремя-четырьмя терминами: вѣрный церкви и не вѣрный. Вѣрный—т. е. имѣющій право присутствовать въ церковныхъ собраніяхъ (въ качествѣ ли просто вѣрнаго, или клирика или оглашеннаго); невѣрный т. е. не имѣющій никакого права присутствовать въ церковныхъ собраніяхъ, а именно: язычникъ, еретикъ, іудей. Этимъ и опредѣлялась вся сфера юридическихъ отношеній, находившихъ себѣ мѣсто или возможныхъ въ жизни званныхъ. Совсѣмъ не то конечно въ настоящее время. Возьмите напр. учрежденіе, называемое архиваріусомъ духовной консисторіи и попробуйте прослѣдить связь и отношеніе, въ которыхъ онъ стоитъ къ церковному собранію, если послѣднее принять за центръ всей системы нашего русскаго церковнаго права? Сколько пришлось бы пересчитать ступеней и внизъ и вверхъ и въ стороны идущихъ отъ этого центра къ этой его окраинѣ? Связь между ними едва уловимая и познать или лучше — доказать эту связь только и возможно, предположивъ такъ: сохранилось ли бы существованіе этой должности, если бы прекратили свое существованіе эти *церковныя собранія?* Конечно, нѣтъ: значитъ въ какой то связи и именно зависимости первое находится отъ послѣдняго. Т. е. говоря короче и точнѣе, система церковнаго права, построенная такимъ образомъ была бы въ высшей степени искуственная система. А недостаточность искуственныхъ системъ состоитъ не только въ формальномъ неудобствѣ, вслѣдствіе котораго нарушается естественная логическая связь и отношеніе между членами ея дѣленій и подраздѣленій, но и въ *матеріальномъ* — ибо въ искуственной системѣ отдѣльный ея членъ получаетъ значеніе не то, которое онъ занимаетъ въ дѣйствительности. Напр., въ предположенной системѣ церковнаго права, средоточіемъ которой служило бы церковное собраніе, нынѣ дѣйствующія церковныя учрежденія и долж-

ности по своей важности разгруппировались бы какъ разъ обратно тому положенію, которое они занимаютъ въ дѣйствительности. Напр. архиваріусъ или даже секретарь консисторіи заняли бы въ ней положеніе низшее, чѣмъ напр. ц. просвирница или церковный сторожъ. Отношенія жизни человѣчества, а съ ними и отношенія жизни церковной настолько въ настоящее время осложнились и измѣнились, что извѣстный церковный актъ совершавшійся прежде съ чрезвычайною простотою, не требуя для себя особыхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій, въ настоящее время тотъ же самый актъ невозможенъ безъ существованія и дѣйствованія многихъ учрежденій и органовъ, прежде совершенно неизвѣстныхъ и совершенно не нужныхъ. Актъ рукоположенія во священника напр. въ патріархальную эпоху церкви не требовалъ никакихъ другихъ прецедентовъ, кромѣ выбора лицъ, угоднаго общинѣ или приходу и согласія рукополагавшаго: теперь же требуется предварительно точное опредѣленіе личныхъ правъ и всѣхъ юридическихъ отношеній кандидата, опредѣленіе, котораго не возможно получить въ надлежащей скорости и точности безъ правильно организованнаго присутственнаго мѣста напр. мѣстной духовной консисторіи. При такомъ положеніи вещей очевидно, что и каждый изъ служащихъ въ этомъ присутственномъ мѣстѣ получаетъ неоспоримое значеніе въ осуществленіи Богоустановленнаго института—священства, въ прежнее время такъ легко осуществлявшагося безъ всякихъ присутственныхъ мѣстъ. Отсюда ясно, что многія изъ дѣйствующихъ теперь въ церкви учрежденій, хотя и не имѣютъ, по видимому, непосредственнаго отношенія къ основнымъ кореннымъ задачамъ церкви, въ дѣйствительности имѣютъ для нихъ болѣе важное значеніе, чѣмъ стоящія повидимому въ самомъ непосредственномъ къ нимъ отношеніи. Вслѣдствіе этого осложненія отношеній и право ихъ опредѣляющее въ частномъ своемъ развитіи получаетъ совершенно новое развѣтвленіе, отдѣльныя его предписанія группируются около новыхъ центровъ и цѣлая система представляетъ иной видъ: но вслѣдствіе этого ни существо церкви какъ Божественнаго института, ни ея задачи нисколько, конечно, не измѣняются.

Гдѣ же послѣ этого искать исходной точки для систематизаціи всей совокупности церковнаго права? Изъ прежде раскрытаго нами понятія о сущности права легко опредѣляется и исходный пунктъ для построенія всей системы права церковнаго. Это послѣднее обнимаетъ собою цѣлое учрежденіе—церковь, съ одной стороны, какъ Божественное установленіе, съ другой—какъ созданіе человѣческой воли, вытекающее изъ ея отношеній къ волѣ Божественной. Слѣдовательно, это право опредѣляетъ и внѣшнее устройство этого института и отношенія частныхъ лицъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому учрежденію. Далѣе церковное право, какъ уже было выяснено, составляетъ особый родъ права; изъ этихъ двухъ посылокъ вытекаетъ прямое заключеніе, что церковное право прежде всего подраздѣляется на право общественное или публичное и право частное. Предметомъ перваго служитъ опредѣленіе *устройства церкви*, какъ цѣлаго, какъ учрежденія, т. е. изображеніе различныхъ органовъ общественно-церковной дѣятельности: ихъ сущности, состава и круга дѣятельности—короче: изображеніе тѣхъ отношеній въ церковной жизни, которыя обозначаются выраженіями: правообязанность, полномочіе. Право церковное частное опредѣляетъ положеніе въ церкви частнаго лица, какъ христіанина, опредѣляя условія пребыванія его въ ней касательно отношеній къ церкви, семьѣ, обществу и стоящимъ внѣ церкви.—Но что же можетъ быть содержаніемъ права церковнаго публичнаго? Изъ опредѣленія церкви, какъ юридическаго субъекта, мы видѣли, что ей принадлежитъ прежде всего свойство *правоопредѣляющаго* субъекта или что тоже власть законодательная въ той мѣрѣ, какъ отношенія между ея членами требуютъ правоваго или юридическаго опредѣленія; мы видѣли, что церковь можетъ быть законодательницею, органомъ или источникомъ законовъ въ трехъ отношеніяхъ: какъ хранитель и исполнитель Божественнаго права или заповѣдей, ей порученныхъ Самимъ Основателемъ церкви, какъ Творецъ самобытнаго церковнаго права (правилъ или каноновъ) и какъ учрежденіе, служащее предметомъ свѣтскаго, т. е. государственнаго законодательства. Такимъ образомъ общественное право церкви можетъ быть подраздѣлено далѣе на право *законодатель-*

ное. Кромѣ того, въ ней также какъ и вообще въ юридическомъ учрежденіи существуютъ особыя установленія и должностныя лица, прямо получающія опредѣленіе круга своей дѣятельности или своихъ полномочій внутри ея самой; такимъ образомъ вторая отрасль ея общественнаго права будетъ составлять ея *административное* право. Такимъ же образомъ возникаютъ въ ней и остальныя двѣ отрасли общественнаго права—судебное и право надзора или полицейское право [1]).

Въ этомъ общественномъ церковномъ правѣ должно замѣтить, что въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ оно можетъ разнообразиться въ той мѣрѣ, въ какой различны государства и народы, среди которыхъ находится мѣстная или помѣстная церковь и въ какой мѣрѣ слѣдовательно различны ихъ къ ней отношенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, напримѣръ, что такое священникъ нашъ русскій, и что такое священникъ церкви греческой, сербской, болгарской и т. д. Общаго между ними только тѣ именно основныя черты священника, которыя преподаны правомъ Божественнымъ, вселенскими соборами; все же остальное въ понятіи священника уже составляетъ особенности мѣстнаго общественно-церковнаго права. Мы уже не говоримъ о священникѣ и вообще о другихъ учрежденіяхъ инославныхъ вѣроисповѣданій: здѣсь разность касается даже и основнаго типа священства вообще. На этомъ основаніи право церковно-общественное необходимо подраздѣляется на право *общее* и право *особенное*.

---

[1]) Для свѣдущаго въ правѣ читателя этотъ терминъ не будетъ, конечно, соблазнительнымъ, а не свѣдущему замѣтить должно, что и на языкѣ церковныхъ правилъ и на языкѣ эллиновъ слово πολιτεία (полиція) вовсе не заключало въ себѣ такого спеціальнаго смысла, съ какимъ употребляется это слово нынѣ, въ особенности — когда говорящій иронизируетъ или, выражаясь вульгарно,—прохаживается на счетъ этого термина. У грековъ и римлянъ, словомъ πολιτεία вообще обозначалось государственное благоустройство, все государственное право. На языкѣ церковныхъ правилъ слово πολιτεία обозначаетъ вообще образъ жизни. Напримѣръ εἰ..... εὑρίσκοιτο ὀρθὴ βίου πολιτεία (аще обрящется образъ житія правымъ Анкир. соб. 1 пр.). Вообще это слово politia у канонистовъ встрѣчается также часто, какъ и слово disciplina.

Далеко нельзя вполнѣ сказать этого о церковно-частномъ правѣ. По многимъ сторонамъ это право не допускаетъ никакого различія, опредѣляющагося мѣстною церковію: и это совершенно понятно. Ибо основною задачею этой вѣтви церковнаго права служитъ опредѣленіе христіанина, какъ лица или члена церкви. Но странно было бы различать русскаго христіанина отъ греческаго христіанина, когда отсутствіе всякаго значенія расовыхъ отличій есть основной принципъ всего христіанства. Странно было бы, напримѣръ, иначе опредѣлять отношеніе христіанина къ женѣ, къ дѣтямъ въ Россіи и иначе въ Болгаріи и т. п. мѣстахъ. Или странно было бы, если для русскихъ супруговъ рѣшительно воспрещенъ былъ разводъ, кромѣ одной причины—прелюбодѣянія, а для греческихъ, болгарскихъ и др. супруговъ допускался болѣе свободный разводъ. А именно такое явленіе и существуетъ на западѣ: супруги—католики не могутъ получить разводъ, пока они католики, но стоитъ одному изъ нихъ или обоимъ обратиться въ протестантство и тогда они могутъ развестись очень свободно. Различіе однако же можетъ быть допущено и здѣсь, хотя и не столь существенное, какъ въ области общественнаго права церкви, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда природная разность расы дѣлаетъ необходимымъ нѣкоторыя исключенія: напримѣръ, общій законъ, что въ бракъ церковный могутъ вступать лица только совершеннолѣтнія, варьируется въ опредѣленіи самаго термина совершеннолѣтія для южныхъ и сѣверныхъ народовъ и т. п. вещи (напримѣръ въ опредѣленіи качества постной пищи). Допускается иногда различіе въ виду крѣпко укоренившагося какого-либо національнаго обычая, близко соприкасающагося съ частнымъ церковнымъ правомъ (примѣрами богато такъ-называемое, брачное право): но эти исключенія имѣютъ во всякомъ случаѣ характеръ временныхъ и церковная власть ни въ какомъ случаѣ не освобождается отъ обязанности всячески стараться объ искорененіи такихъ обычаевъ. Вообще—на сколько въ правѣ общественномъ, церковномъ естественно разнообразіе, на столько въ правѣ частномъ, церковномъ почитается основною задачею стремленіе къ единообразію.

Право общественное и частное (церковное) опредѣляютъ *внутреннюю* жизнь церкви и ея членовъ. Но кромѣ отношеній здѣсь развивающихся и для самой церкви какъ цѣлаго и для отдѣльныхъ ея членовъ возможны и другаго рода отношенія — посему право церковное, опредѣляющее отношенія этого втораго рода или отношенія внѣшнія называется церковнымъ правомъ (jus externum ecclesiasticum) въ отличіе отъ права внутренняго (jus internum ecclesiasticum), которое составляютъ право общественное и право частное. Отношенія, опредѣляемыя этимъ внѣшнимъ церковнымъ правомъ, могутъ быть слѣдующихъ видовъ:

а). Каждая часть церкви или каждая мѣстная церковь состоитъ въ неодинаковыхъ отношеніяхъ къ другой части или другой мѣстной церкви. Одна можетъ относиться къ другой, какъ равная къ равной: это отношеніе между такъ называемыми автокефальными или самостоятельными въ управленіи церквами. Другая напротивъ можетъ быть въ нѣкоторой зависимости отъ сосѣдней и есть по отношенію къ ней какъ бы дочь ея — ecclisia filialis. Такія филіальныя отношенія устанавливаются обыкновенно между церковью старшею и младшею по времени ихъ образованія. Въ такихъ отношеніяхъ стояла до XV вѣка наша русская церковь къ церкви константинопольской.

Далѣе каждая изъ церквей должна необходимо такъ или иначе относиться къ отдѣляющимся отъ нея или прежде отдѣлившимся христіанамъ и продолжающимъ существовать внѣ ея въ видѣ *церквей инославныхъ исповѣданій*, въ видѣ *общинъ* еретическихъ и раскольническихъ или живущихъ одиночно, а также ко всѣмъ иновѣрцамъ: евреямъ, магометанамъ и язычникамъ. Матерія, здѣсь обработываемая, можетъ быть сгруппирована около слѣдующихъ двухъ вопросовъ: а) какія мѣры церковь можетъ принимать въ видахъ *охраненія* своихъ учрежденій и чистоты вѣры своихъ послѣдователей противъ такъ или иначе могущаго послѣдовать вліянія со стороны обществъ и лицъ, живущихъ внѣ церкви; в) какія мѣры можетъ принимать церковь въ видахъ положительнаго воздѣйствія на умы внѣ церкви живущихъ, исполняя великую свою миссію привести въ общеніе со Христомъ всѣ народы? — Внѣшнее церковное право этого

вида можетъ имѣть въ себѣ и елементы общественнаго и элементы частнаго церковнаго права. Первые очевидно являются тогда, когда опредѣляется кругъ дѣятельности должностныхъ церковныхъ лицъ въ отношеніи ихъ къ иновѣрцамъ или лицамъ инославныхъ исповѣданій; вторые — когда частныя лица церкви вступаютъ въ болѣе или менѣе близкія частныя отношенія (напр. супружескія съ лицами иновѣрными или инославныхъ исповѣданій).

Наконецъ каждая частная церковь можетъ состоять въ точно-опредѣленныхъ отношеніяхъ къ государству и народу, среди котораго существуетъ. Отношенія здѣсь опредѣляемыя могутъ въ свою очередь разнообразиться въ высшей степени. Церковь можетъ быть въ средѣ государства и народа, составляющихъ органическое цѣлое не только между собою, но и вмѣстѣ съ нею (какъ напр. наша русская церковь, государство и народъ) можетъ существовать въ государствѣ какъ одна изъ религій на ряду съ другими религіями, какъ напр. церкви греческая, болгарская, сербская въ Турціи и Австро-Венгріи можетъ далѣе существовать какъ церковь-народъ въ средѣ другихъ такихъ же церквей-народовъ (какъ Румынская и Карловицкая въ Австро-Венгріи и Болгарская и Сербская въ Турціи). Въ отношеніяхъ всѣхъ этихъ церквей къ государству и народу (націи) могутъ быть различія, которыя и служатъ предметомъ внѣшняго церковнаго права иначе называемаго *церковно-государственнымъ правомъ* (по главнымъ объектамъ отношенія, между которыми опредѣляется это право).

Такова общая схема права церковнаго. Ея значеніе очевидно состоитъ въ томъ, чтобы по ея рубрикамъ, какъ живописецъ по контурамъ, мы представили точный образъ церкви какъ правоваго цѣлаго, какъ правоваго субъекта. Гдѣ мы возьмемъ матеріалъ для этой дальнѣйшей работы, сущность которой, полагаемъ, теперь ясна? Это мы также знаемъ: обильный источникъ даетъ намъ такъ называемое объективное церковное право т. е. Св. Писаніе, каноны или правила соборовъ, постановленія императоровъ и князей, Высочайшіе указы, уставы, инструкціи и т. д. Итакъ, не приняться ли теперь же за эту работу по представленной схемѣ?—Если-бы, однако же, мы на самомъ дѣлѣ поступили

такъ... поспѣшно, то сразу, сейчасъ же почувствовали бы, что у насъ просто опускаются руки при видѣ необъятной массы матеріала, которую мы пока не иначе можемъ себѣ представить какъ въ видѣ необъятнаго хаоса, необъятной матеріи, притомъ разбросанной кучами по разнымъ мѣстамъ т. е. по разнымъ фолліантамъ печатнымъ и рукописнымъ. Нѣтъ! Одной схемы еще недостаточно для того, чтобы съ успѣхомъ методически производить работу живописца—нужно сначала обозрѣть по крайней мѣрѣ свой громадный матеріалъ, вѣдь онъ составлялся и накоплялся въ теченіи по крайней мѣрѣ 1800 лѣтъ [1])! Значитъ многое изъ него прямо можно опустить, многое только принять къ свѣдѣнію, многое переработать на свой языкъ и только весьма немногое можно цѣликомъ влагать въ предпринимаемое зданіе. — Это обозрѣніе матеріала составитъ новую предварительную работу въ цѣломъ курсѣ церковнаго права—ученіе объ источникахъ церковнаго права (do fontibus juris ecclesiastici) или просто *исторію источниковъ церковнаго права.*

Представленная нами схема въ ея осуществленіи можетъ быть разширяема и уменьшаема въ своемъ объемѣ, не измѣняясь однако въ своей сущности. Такъ изъ раздѣленія церковнаго права на общее и особенное легко видѣть, что эти понятія — очень относительныя. Имъ можно дать такой обширный смыслъ: право общее церковное есть то, которое составляетъ—право Божественное и право вселенско-каноническое, затѣмъ право частное есть то, которое дѣйствуетъ въ церквахъ восточныхъ и западныхъ-православныхъ, католической и евангелико-лютеранскихъ. Система права въ такомъ объемѣ, принявшая понятія общее и особенное церковное право и соотвѣтственно такому пониманію излагающая это

---

[1]) Говоримъ по крайней мѣрѣ: Ибо если взять во вниманіе многія положенія древнеримскаго права, сложившіяся еще до Р. Хр. и принятыя въ каноническое право, затѣмъ многія положенія ветхозавѣтнаго Моусеева права, также усвоенныя каноническимъ правомъ: то намъ придется накинуть и еще не одну тысячу лѣтъ для опредѣленія всего пространства времени, въ которое слагался матеріалъ нынѣ дѣйствующаго церковнаго права. Это однакоже не должно представляться страшнымъ, ибо старая истина: чѣмъ древнѣе и долговѣчнѣе законъ, тѣмъ онъ лучше.

право — будетъ системою права историко-сравнительнаго. Подъ это же названіе подходитъ и система меньшая по объему, если напр. подъ именемъ особеннаго церковнаго права разумѣть только право частныхъ восточныхъ церквей, въ совокупности своей составляющихъ греко-восточную или православную церковь. Можно наконецъ и еще болѣе ограничить объемъ понятія особенное право церкви, разумѣя подъ нимъ только право нашей отечественной церкви.

Далѣе, держась начертанной нами схемы церковнаго права и, имѣя въ виду продолжительный періодъ времени образованія церковнаго права, можно излагать или цѣлую исторію его, при чемъ дѣйствующее нынѣ право составитъ только послѣдній, слѣдов. одинъ періодъ ея, или же ограничится изложеніемъ только дѣйствующаго нынѣ церковнаго права общаго и особеннаго.

Но какую бы изъ представленныхъ здѣсь схемъ вы, благосклонный читатель, ни избрали для своихъ занятій церковнымъ правомъ, результатъ по своему качеству будетъ одинаковый: вы легко овладѣете громадною массою юридико-каноническаго матеріала, составляющаго объективное право церкви и въ своихъ работахъ по выполненію избранной схемы въ каждый моментъ ясно будете представлять, что вами сдѣлано и что остается еще сдѣлать—для того чтобы пріобрѣсти точный и полный юридическій образъ Божественнаго на землѣ установленія, названнаго Основателемъ Его Церковію. Объективное право церкви — церковное право есть *матеріалъ и* твердое *основаніе* для теоретическаго начертанія этого образа, который составляетъ *сущность* и конечную цѣль *науки церковнаго права*.

Н. Заозерскій.

Реформація въ Англіи *).

ГЛАВА X.

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, въ средѣ прелатовъ и государственныхъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ Генриха, не мало было и искреннихъ приверженцевъ старины и ревностныхъ сторонниковъ реформы. Представители этихъ двухъ противоположныхъ направленій, конечно, враждавали между собою, строили козни другъ другу и всѣми силами старались о томъ, чтобы политику правительства во всѣхъ отношеніяхъ подчинить своему вліянію, т. е. сдѣлать ее католическою или протестантскою и заставить руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ интересами католицизма или реформы. Но пока бразды правленія находились въ крѣпкихъ рукахъ короля, отличавшагося настойчивымъ, самовластнымъ характеромъ и пользовавшагося широкою популярностію въ средѣ подданныхъ, всякія вліянія партій были безсильны, чтобы подчинить себѣ вполнѣ политику правительства. Ни та ни другая партія при Генрихѣ не могла добиться рѣшительнаго преобладанія въ дѣлахъ правленія; онъ поощрялъ и ограничивалъ одинаково каждую изъ нихъ, допуская иногда временныя уклоненія въ ту или другую сторону, но вообще держа ихъ въ приблизительномъ равновѣсіи. Со смертію Генриха положеніе дѣлъ повидимому должно было существенно измѣниться. Престолъ Англіи переходилъ теперь къ сыну Генриха отъ третьей жены его, Эдуарду, которому въ то время не было еще и десяти лѣтъ отъ роду. Малолѣтокъ-король, конечно, не былъ способенъ самостоятельно руко-

*) Продолженіе. См. февральскую книж. „Чтеній".

водить дѣлами государства, а потому являлась необходимость учредить опеку надъ нимъ и передать управленіе страною въ руки временнаго регентства, узаконеннаго въ какой бы то ни было формѣ. При такомъ оборотѣ событій, правительственнымъ партіямъ, враждовавшимъ доселѣ при дворѣ, открывался, очевидно, полный просторъ. Надъ ними уже не было той власти, которая бы стояла выше ихъ и способна была сдерживать ихъ стремленія. Рѣшеніе спора о преобладаніи предоставлялось такимъ образомъ собственнымъ силамъ и искусству обѣихъ партій и вопросъ сводился къ тому, какая изъ нихъ съумѣетъ захватить въ свои руки бразды правленія на время малолѣтства короля.

Оставляя престолъ своему маленькому сыну, Генрихъ очень хорошо предвидѣлъ, конечно, что враждующія партіи воспользуются удобнымъ случаемъ и постараются подавить одна другую, присвоивъ себѣ полное господство въ управленіи. Но такой исходъ едва-ли могъ быть желателенъ для короля, который не былъ ни католикомъ ни протестантомъ и который во все время своего правленія поставлялъ для себя задачей обѣ партіи держать въ равновѣсіи. Есть нѣкоторое основаніе думать, что такое именно равновѣсіе между партіями Генриху хотѣлось бы по возможности соблюсти и послѣ своей смерти въ томъ временномъ правительствѣ, которое должно было замѣнять малолѣтнаго Эдуарда. Въ 1544 году, т. е. за два года до смерти своей, Генрихъ отправлялся во Францію, чтобы тамъ лично принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и руководить осадою Булони. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ назначалъ шестнадцать высшихъ государственныхъ сановниковъ своими душеприкащиками и поручалъ имъ, въ случаѣ его смерти, коллективно завѣдывать управленіемъ страною до совершеннолѣтія Эдуарда. Въ этомъ временномъ правительствѣ обѣ враждебныя партіи, конечно не случайно и не безъ мысли со стороны Генриха, представлены были съ одинаковою силой. Въ числѣ уполномоченныхъ душеприкащиковъ мы находимъ и такихъ ревностныхъ сторонниковъ реформы, какъ графъ Гертфордъ или Крамэръ, архіепископъ Кантерберійскій, и вмѣстѣ такихъ искреннихъ приверженцевъ старины, какъ напр. Гардинеръ, еп. Уинчестерскій, герцогъ Норфолькъ

или лордъ канцлеръ Райотсли. Цѣль, руководившая въ данномъ случаѣ Генрихомъ, состояла, какъ видится, въ томъ, чтобы поставить во главѣ Англіи такое правительство, которое не было-бы одностороннимъ; но, вмѣщая въ себѣ представителей обѣихъ враждующихъ партій, тѣмъ самымъ уравновѣшивало бы ихъ противуположныя стремленія. Этотъ планъ, можетъ быть, и сопровождался-бы дѣйствительно ожидавшимися отъ него послѣдствіями, если бы нѣкоторыя обстоятельства не воспрепятствовали его осуществленію и не побудили самого Генриха въ значительной степени измѣнить свои первоначальныя намѣренія. Въ послѣдніе два года своей жизни король, сильно удрученный болѣзнію и притомъ озабоченный будущностію своего малолѣтнаго сына, сталъ крайне раздражительнымъ и подозрительнымъ ко всему, въ чемъ только можно было видѣть что-либо, несогласное съ его намѣреніями. Вотъ въ это-то время самые вліятельные вожди католической партіи своимъ неосторожнымъ поведеніемъ успѣли до такой степени скомпрометировать себя въ глазахъ Генриха, что онъ, подозрѣвая и обвиняя ихъ въ разныхъ каварныхъ замыслахъ, сталъ оказывать гораздо болѣе вниманія и довѣрія сторонникамъ реформы. Протестантскіе свидѣтели увѣряютъ, что вниманіе это простелось даже до того, что Генрихъ будто-бы задумывалъ еще новыя, довольно существенныя мѣропріятія въ духѣ реформы и не намѣренъ былъ останавливаться на тѣхъ несущественныхъ религіозныхъ нововведеніяхъ, какія сдѣланы были до этого времени [1]). Этимъ увѣреніямъ мы не можемъ придавать безусловной вѣры, тѣмъ болѣе, что писатели-католики разсказываютъ совершенно противное, а именно, что будто-бы Генрихъ предъ смертію раскаялся въ своихъ прежнихъ дѣяніяхъ и думалъ возвратиться къ союзу съ Римомъ, прося въ этомъ случаѣ совѣта у своихъ епископовъ [2]). Оставляя въ сторонѣ

[1]) Объ этомъ говорится напр. въ письмѣ лорда—протектора къ принцессѣ Маріи. См. Burnet. v. II. Recor. p. 1. b. II. № XV.—У Фокса разсказывается, что въ 1546 г. Генрихъ переговаривался съ Французскимъ посланникомъ о томъ, чтобы, вмѣстѣ съ Франціей, предпринять нѣкоторыя церковныя реформы, напр. уничтоженіе католической мессы p. 617—618.

[2]) Это утверждаетъ Sanderus. 1, 174 -175.

вопросъ о томъ, что намѣренъ былъ сдѣлать Генрихъ въ послѣднее время своей жизни, мы укажемъ лишь на то, что дѣйствительно было имъ сдѣлано. Въ концѣ декабря 1546 года, когда Генрихъ былъ уже на своемъ смертномъ одрѣ, онъ велѣлъ принести себѣ свое завѣщаніе и, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя поправки. Изъ числа шестнадцати прежде имъ назначенныхъ душеприкащиковъ онъ вычеркнулъ теперь герцога Норфолька, который въ то время заключенъ былъ въ Тоуэрѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, епископа Уинчестерскаго Гардинера „за его своенравіе“ и Уэстминстерскаго епископа Турльби, потому что онъ „вышколенъ Гардинеромъ“. Какъ ни упрашивалъ Генриха сэръ Антони Браунъ измѣнить рѣшеніе относительно Гардинера, напоминая его заслуги королю и странѣ, всѣ его просьбы были напрасны. Генрихъ отвѣчалъ Брауну, что онъ хорошо знаетъ характеръ Гардинера, при которомъ онъ неминуемо внесетъ раздоръ въ среду правителей, такъ какъ никто изъ нихъ не въ состояніи будетъ держать его въ рукахъ такъ, какъ это способенъ былъ дѣлать король. Когда же Браунъ еще разъ повторилъ свое ходатайство, Генрихъ пригрозилъ, что и его самого онъ вычеркнетъ изъ числа правителей, если онъ будетъ настаивать на своей просьбѣ [1]).

Перемѣна, произведенная умирающимъ Генрихомъ въ его завѣщаніи, должна была сопровождаться весьма важными послѣдствіями, она устраняла изъ числа правителей самыхъ вліятельныхъ и дѣятельныхъ вождей католической партіи, а тѣмъ самымъ давала, конечно, замѣтный перевѣсъ сторонникамъ реформы. Нужно было только съ умѣньемъ воспользоваться этимъ перевѣсомъ, чтобы обратить его въ рѣшительное преобладаніе.

Двадцать восьмаго января 1547 года Генриха не стало. Три дня спустя, Эдуардъ VI провозглашенъ былъ королемъ Англіи и затѣмъ торжественно вскрыто было завѣщаніе покойнаго монарха, чтобы узнать его послѣднюю волю относительно порядка государственнаго правленія въ періодъ малолѣтства новаго короля. По смыслу Генрихова завѣща-

[1]) Burnet I, 254—255; — Lingard IV, 210, — Weber I, 573 574.

нія, все управленіе государственными дѣлами предоставлялось шестнадцати душеприкащикамъ правителямъ (executors), во главѣ которыхъ стояли: Крамэръ, архіеп. Кентерберійскій, лордъ-канцлеръ Райтсли, лордъ Ст. Джонъ, графъ Гертфордтъ, лордъ Руссель, виконтъ Ляйль и др. Всѣ эти правители облечены были совершенно равными правами и во всемъ должны были дѣйствовать сообща, при чемъ никто изъ нихъ не имѣлъ никакого преимущества предъ другими. Кромѣ правителей, завѣщаніе назначало еще двѣнадцать совѣтниковъ; но этимъ совѣтникамъ не давалось никакой власти; они должны были только помогать правителямъ своимъ совѣтомъ, если отъ нихъ потребована будетъ такая помощь въ какихъ-либо особенно важныхъ или затруднительныхъ дѣлахъ. По прочтеніи завѣщанія, поименованныя въ немъ лица дали клятву въ томъ, что они будутъ въ точности соблюдать установленный Генрихомъ порядокъ, но эта клятва нимало не помѣшала имъ тотчасъ-же поднять вопросъ объ его нарушеніи. Правители находили неудобнымъ то обстоятельство, что между ними не было ни одного такого, который бы стоялъ выше остальныхъ и былъ бы имъ главою, а потому захотѣли избрать кого-либо изъ своей среды, который бы принялъ на себя титулъ протектора государства и воспитателя короля. Въ лицѣ протектора, по ихъ мнѣнію, государство представлялось бы съ гораздо большимъ удобствомъ, чѣмъ въ коллегіальномъ учрежденіи совѣта. Протекторъ былъ-бы представителемъ короля въ разныхъ торжествахъ и парадахъ; его имя употреблялось-бы въ приказахъ и прокламаціяхъ; съ нимъ-бы имѣли дѣло посланники иностранныхъ государствъ; къ нему-бы обращались съ своими депешами и англійскіе повѣренные, находящіеся за границей. Впрочемъ, какой-либо особенной власти протектору не предполагалось давать сравнительно съ остальными правителями и онъ не долженъ былъ ничего предпринимать безъ совѣта съ ними и безъ ихъ соизволенія. Противъ мысли объ избраніи протектора горячо возсталъ лордъ-канцлеръ, Райотсли, — послѣдній изъ видныхъ представителей католической партіи, уцѣлѣвшій еще пока въ числѣ членовъ правительственнаго совѣта; но онъ оказался одинокимъ въ своей оппозиціи и потому долженъ былъ усту-

пить общему желанію. Выборъ лица, которое бы достойно было занять высокій постъ протектора, не возбудилъ никакихъ разногласій; по рѣшенію большинства всего болѣе правъ на это имѣлъ графъ Гертфордъ, какъ родной дядя короля, такъ какъ онъ былъ братъ Джэни Сеймуръ, матери Эдуарда. Избраніе состоялось и Гертфордъ сталъ протекторомъ и воспитателемъ короля. Его возвышеніе было торжествомъ и для всей реформаторской партіи, такъ какъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ Кантерберійскимъ и давно былъ извѣстенъ за усерднаго сторонника церковныхъ нововведеній.

Новоучрежденное правительство прежде всего позаботилось о своихъ собственныхъ интересахъ. Основываясь на показаніяхъ нѣкоторыхъ нобльмэновъ, близко стоявшихъ къ Генриху и пользовавшихся его довѣріемъ, протекторъ и правители поспѣшили привести въ исполненіе тѣ обѣщанія, которыя будто-бы высказывалъ умирающій король относительно вознагражденія высшихъ государственныхъ дѣятелей за ихъ ревностную службу. Во исполненіе этихъ обѣщаній члены настоящаго правительства въ изобиліи получили теперь высокіе титулы, большія имѣнія и денежныя награды, послѣ чего протекторъ сталъ именоваться герцогомъ Соммерсэтомъ, Райотсли—графомъ Саутгэмптономъ, Ляйль—графомъ Варвикомъ и т. д. Впрочемъ, лорду-канцлеру, графу Саутгэмптону очень не долго пришлось пользоваться почетомъ и вліяніемъ въ правительствѣ. Какъ послѣдній въ немъ видный представитель католической партіи, онъ естественно не былъ пріятенъ для реформаторскаго большинства, которое всегда имѣло основаніе ожидать отъ него сопротивленія своимъ предпріятіямъ въ духѣ нововведеній Всего нѣсколько дней существовало новое правительство, а лордъ-канцлеръ уже успѣлъ, какъ мы видѣли, заявить себя горячимъ оппонентомъ по дѣлу объ избраніи протектора. Еще болѣе упорнаго сопротивленія можно было ожидать отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захотѣло-бы коснуться вопросовъ религіи. Со стороны протектора и всѣхъ вообще правителей, расположенныхъ къ дѣлу реформы, весьма естественно было желаніе какимъ либо способомъ отдѣлаться отъ Саутгэмптона и устранить его изъ числа членовъ пра-

вительства. Возможность къ исполненію этого желанія имъ подалъ самъ канцлеръ своею собственною неосторожностію. Какъ членъ правительства, онъ до такой степени увлекся его дѣлами, что не находилъ уже достаточно времени для исполненія своихъ обязанностей по должности лорда-канцлера и чтобы облегчить себя въ этомъ отношеніи, учредилъ коммиссію изъ нѣсколькихъ лицъ, которымъ передалъ государственную печать и поручилъ разбирать дѣла и произносить приговоры по нимъ отъ его имени. Такая мѣра, предпринятая безъ согласія остальныхъ правителей, подала поводъ къ жалобѣ, вслѣдствіе которой назначено было судебное изслѣдованіе. По приговору судей Саутгэмптонъ найденъ былъ виновнымъ въ превышеніи своихъ правъ и, несмотря на всѣ его возраженія и оправданія, лишенъ былъ должности лорда-канцлера и устраненъ изъ числа членовъ правительственнаго совѣта. Не стало такимъ образомъ въ этомъ совѣтѣ и послѣдняго виднаго представителя католической партіи. Но этимъ еще не ограничились перемѣны, произведенныя послѣ смерти Генриха въ установленномъ имъ учрежденіи. Совершился наконецъ такой переворотъ, послѣ котораго въ правительствѣ малолѣтняго Эдуарда не осталось уже почти никакого слѣда того, что было въ намѣреніяхъ Генриха.

Тринадцатаго марта 1547 года, отъ имени короля Эдуарда изданъ былъ документъ, въ силу котораго протектору—Соммерсэту предоставлялась въ Англіи почти полная королевская власть до тѣхъ поръ, пока малолѣтный Эдуардъ не достигнетъ восемнадцатилѣтняго возраста. Въ этомъ документѣ прежде всего утверждается необходимость учрежденія протектората и дается санкція избранію герцога Соммерсэта въ должность протектора и воспитателя короля. Затѣмъ, протектору предоставляется право распоряжаться, по своему усмотрѣнію, всѣми иностранными и внутренними дѣлами государства и направлять ихъ такъ, какъ ему покажется лучшимъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ только собственною мудростію и благоразуміемъ. Въ помощь протектору при управленіи государствомъ назначаются прежніе совѣтники, за исключеніемъ Саутгэмптона: но ихъ значеніе теперь существенно измѣняется. Никакого различія между

правителями и совѣтниками, какъ это было въ завѣщаніи Генриха, теперь уже не оказывается; всѣ эти лица смѣшиваются вмѣстѣ подъ общимъ наименованіемъ совѣтниковъ и съ совершенно одинаковыми правами. Составъ этого совѣта поставляется въ полную зависимость отъ протектора; онъ можетъ измѣнять его въ какое угодно время и такъ, какъ сочтетъ за лучшее; можетъ присоединять къ нему новыхъ совѣтниковъ по своему усмотрѣнію и въ какомъ угодно количествѣ; можетъ выдѣлять изъ него нѣсколькихъ, наиболѣе способныхъ лицъ и организовать изъ нихъ особый тайный совѣтъ, если найдетъ это нужнымъ для блага государства. Никакой власти этимъ совѣтникамъ не предоставляется. Государственными дѣлами руководитъ протекторъ, который обращается къ совѣтникамъ за помощію только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ сочтетъ это нужнымъ. Мало того,—даже и, выслушавъ мнѣніе совѣтниковъ, онъ вовсе не обязанъ непремѣнно сообразоваться съ нимъ, но можетъ дѣйствовать по своему собственному произволу. Равноправности правителей, установленной Генрихомъ, не осталось теперь, такимъ образомъ, ни малѣйшаго слѣда и почти полная королевская власть сосредоточена была въ рукахъ протектора [1]). Съ точки зрѣнія права этотъ переворотъ [2]) заслуживалъ безусловнаго порицанія; онъ не имѣлъ за себя никакихъ законныхъ основаній, но для дѣла реформы онъ представлялъ несомнѣнныя выгоды. Верховная государственная власть предоставлена была теперь сторонникуреліпіозныхъ нововведеній и онъ снабженъ былъ такими широкими полномочіями, предъ которыми должна была смолкнуть всякая оппозиція. Правда, герцогъ Соммерсэтъ не долго пользовался своими правами; въ концѣ 1549 года онъ низверженъ былъ

---

[1]) Документъ этотъ за подписью Соммерсэта, Крамэра, Ст. Джона, Рассела, Нотгэмптона, Чэйни, Паджета и Брауна см. Burnet v. II. Records. p. II, b. I. № VI.

[2]) Подробный разсказъ о всѣхъ правительственныхъ перемѣнахъ, произведенныхъ въ первые мѣсяцы послѣ смерти Генриха, до окончательнаго утвержденія протектората, см. Burnet v. I, 291—302; Lingard IV, 222—228;—Collier V, 176—188;—Hume V, 73—82;—Weber II, 7—12;—Froude IV, 244—256;—и др.

съ высоты своей власти другимъ честолюбцемъ — графомъ Варвикомъ, который и занялъ мѣсто протектора съ титуломъ герцога Нортумберлэнда. Но этотъ переворотъ не оказалъ никакого вліянія на положеніе церковныхъ партій, такъ какъ Нортумберлэндъ въ этомъ отношеніи шелъ по стопамъ своего низверженнаго предшественника и держалъ сторону реформы.

Итакъ, на время малолѣтства короля установилось въ Англіи правительство въ формѣ единоличнаго протектората, снабженнаго весьма широкими полномочіями. Для реформаторской партіи такой оборотъ событій былъ рѣшительнымъ торжествомъ, потому что и протекторъ и большинство его совѣтниковъ, занявшихъ теперь высшія должности въ государствѣ, были сторонниками реформы. Вопросъ о преобладаніи былъ такимъ образомъ рѣшенъ не въ пользу католицизма и восторжествовавшая партія, забравъ въ свои руки бразды правленія, подъ главнымъ руководствомъ архіепископа Кантерберійскаго, тотчасъ же взялась за дѣло продолженія и дальнѣйшаго развитія религіозной реформы.

Предшествовавшее царствованіе, какъ мы видѣли, для религіозной реформы въ значительной степени расчистило путь и подготовило почву. Правительству Эдуарда выпадала теперь на долю задача не сначала начинать какое-либо новое дѣло, а продолжать и развивать то, что было уже начато прежде него, созидать на томъ основаніи, которое заложено было при Генрихѣ. Но новые строители могли, конечно, если не въ общемъ планѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, не сочувствовать взглядамъ и намѣреніямъ того, кто былъ первоначальнымъ основателемъ зданія. Принимаясь потому за продолженіе прежде начатаго дѣла, они не прямо приступаютъ къ дальнѣйшей постройкѣ; но предварительно возвращаются на нѣкоторое время назадъ и бросаютъ общій, критическій взглядъ на все то, что было сдѣлано прежними строителями. Въ этомъ общемъ взглядѣ они примѣчаютъ нѣчто такое, что оказывается не согласнымъ съ ихъ намѣреніями, а потому предполагается ими къ уничтоженію. То, что сходится съ ихъ собственнымъ планомъ, получаетъ новое подтвержденіе; отмѣчаются

наконецъ и тѣ пункты, опираясь на которые, должна будетъ возводиться дальнѣйшая постройка.

Въ законодательствѣ Генрихова царствованія было нѣсколько статутовъ, существованіе которыхъ совершенно не соотвѣтствовало духу и цѣлямъ настоящаго правительства; въ первомъ-же парламентѣ собравшемся при Эдуардѣ, всѣ эти статуты были уничтожены. Новое правительство заявляло, что наилучшія отношенія, какія желательны между королемъ и подданными, должны состоять въ томъ, чтобы король руководствовался болѣе всего милосердіемъ и снисходительностію, а подданные повиновались ему по любви а не по страху. Бываютъ впрочемъ такія времена и обстоятельства, когда, по Божію попущенію, возникаютъ разные безпорядки и мятежи, разрушающіе благосостояніе государства, и для пресѣченія такихъ вредныхъ явленій оказывается необходимость въ крайнихъ и суровыхъ мѣрахъ. Въ силу этого, именно, блаженной памяти покойный король Генрихъ 8-й, съ согласія дворянства и общинъ парламента, не одинъ разъ вынуждаемъ былъ издавать такіе статуты, которые представляются крайне-суровыми и жестокими, но которые для своего времени были вполнѣ благоразумными, пригодными и даже необходимыми. Но что прилично и удобно во время бури и вѣтра, то не годится при тихой и теплой погодѣ: а потому суровые законы, постановлявшіеся иногда по требованію времени, при болѣе спокойныхъ царствованіяхъ другихъ государей отмѣнялись нерѣдко тѣмъ-же авторитетомъ парламента. Руководствуясь такими примѣрами своихъ предшественниковъ, и настоящій король, нѣжный и по природѣ и по возрасту, считаетъ нужнымъ отмѣнить, по соглашенію съ сословіями парламента, нѣкоторые прежніе суровые статуты. — Послѣ этого предисловія слѣдуетъ перечень уничтожаемыхъ статутовъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ и цѣлый рядъ такихъ, кои имѣютъ своимъ предметомъ дѣла религіи [1]).

Царствованіе Генриха, какъ извѣстно, съ чрезвычайною строгостію относилось ко всякаго рода еретическимъ уче-

[1]) Statute 1 Edwar. VI. chapt. 12, I—II.

ніямъ и плодомъ такой строгости былъ напр. статутъ 25-го года, въ которомъ подтвердились и развивались прежнія постановленія изъ временъ Ричарда 2-го и Генриха 5-го, противъ еретиковъ-лоллардовъ. Въ силу этого статута, лица, уличенныя въ еретическихъ мнѣніяхъ, должны были публично отречься отъ нихъ, а въ случаѣ упорства, или вторичнаго отпаденія, подлежали смертной казни чрезъ сожженіе на кострѣ. — Парламентъ Эдуарда VI отмѣнилъ теперь этотъ статутъ Генриха, вмѣстѣ и съ тѣми двумя прежними, которыхъ онъ былъ подтвержденіемъ. Такая-же участь постигла и знаменитый статутъ 31 года Генрихова правленія, уже извѣстный намъ подъ именемъ статута шести членовъ и предписывавшій, подъ угрозою жестокой кары, строгое слѣдованіе ученіямъ и обычаямъ католической церкви. Вмѣстѣ съ нимъ отмѣненъ былъ и статутъ 35 года, служившій ему дополненіемъ. Не нужно, кажется, особенной проницательности для того, чтобы понять ту цѣль, которая имѣлась въ виду при этихъ отмѣнахъ. Всякое дальнѣйшее движеніе въ духѣ реформы было, конечно, не возможно до тѣхъ поръ, пока были въ силѣ статуты, угрожавшіе суровыми наказаніями и даже смертію за малѣйшее уклоненіе отъ установленныхъ вѣроученій и обычаевъ, остававшихся пока, какъ мы знаемъ, почти вполнѣ еще католическими. Если новое царствованіе спѣшило отмѣнить стѣснительные статуты, то этимъ оно свидѣтельствовало о своемъ намѣреніи не останавливаться на той религіозной системѣ, которая была выработана при Генрихѣ и которую эти статуты охраняли, но идти далѣе въ смыслѣ нововведеній. — О такомъ же настроеніи новаго правленія свидѣтельствовала наконецъ и отмѣна статута 34 — 35 г. Генрихова царствованія, въ которомъ, какъ мы знаемъ, положительно запрещался Тиндалевъ переводъ Священнаго Писанія, а также всѣ произведенія, противныя по своему содержанію тѣмъ ученіямъ, которыя утверждены были уже выработанными въ то время членами вѣры; не дозволялось никому публично читать и изъяснять Слово Божіе, не имѣя на то особеннаго разрѣшенія отъ высшей власти; совершенно запрещалось употребленіе англійской Библіи низшимъ классамъ общества, — однимъ словомъ представлялся цѣлый рядъ ограниченій относительно

свободнаго употребленія средствъ, служащихъ къ религіозному назиданію. Этотъ статутъ былъ шагомъ назадъ въ ряду тѣхъ мѣръ, какія предпринимались при Генрихѣ для религіознаго просвѣщенія народа, и обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ католической реакціи, имѣвшей мѣсто въ началѣ сороковыхъ годовъ; его уничтоженіемъ новое правленіе заявляло, что и въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія народной массы оно не намѣрено останавливаться на той полу-свободѣ, какая была дозволена Генрихомъ.

Въ ряду мѣропріятій прежняго царствованія не мало было и такихъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали намѣреніямъ новаго правительства. Относительно таковыхъ, ему оставалось только дать свое подтвержденіе, или-же довершить ихъ и развить до желаемой полноты. Въ такомъ именно смыслѣ отнеслось оно къ вопросу о секуляризаціи церковныхъ имѣній.

При Генрихѣ большая часть имѣній, принадлежавшихъ церкви, была уже, какъ мы видѣли, отобрана; и большіе и малые монастыри прекратили свое существованіе; но въ этомъ великомъ разрушеніи уцѣлѣло еще нѣчто, оставшееся теперь въ добычу новому царствованію. Въ послѣдній годъ Генрихова правленія парламентъ предоставилъ въ полное распоряженіе короля всѣ мелкія религіозныя учрежденія, какъ напр. колледжи, канторіи, капеллы, госпитали, гильдіи и тпд. со всѣми принадлежащими имъ движимыми и недвижимыми имѣніями. Въ силу этого статута [1]), король имѣлъ право во все продолженіе своей жизни назначать отъ себя комиссіонеровъ съ надлежащими полномочіями и посылать ихъ въ то или другое изъ мелкихъ религіозныхъ учрежденій для присвоенія ихъ въ собственность короны. Но скоро послѣдовавшая за тѣмъ смерть Генриха помѣшала ему должнымъ образомъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, а потому большая часть мелкихъ учрежденій, предназначенныхъ къ уничтоженію, оставалась еще не тронутою и при вступленіи на престолъ Эдуарда. Вотъ это то неоконченное дѣло и постарался довершить первый парламентъ новаго царствованія. Въ предисловіи къ одному изъ его

[1]) Statute 37 Henr. VIII. chapt. 4

статутовъ говорилось, что большая часть суевѣрій и заблужденій въ христіанской религіи происходитъ отъ того, что люди не знаютъ и не понимаютъ должнымъ образомъ совершеннаго искупительнаго значенія смерти Христовой для нашего спасенія и предаются суетнымъ, фантастическимъ мнѣніямъ относительно чистилища или жертвеннаго значенія мессы, совершаемой за умершихъ. А распространенію и поддержанію въ народѣ подобныхъ фантазій ничто столько не содѣйствуетъ, какъ канторіи и другія однородныя съ ними учрежденія [1]). Имѣнія, служащія обезпеченіемъ этихъ учрежденій съ гораздо большею пользою могутъ быть употреблены на увеличеніе средствъ университетовъ, на учрежденіе школъ и на благотворительность бѣднымъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ видахъ канторіи, капеллы и другія мелкія учрежденія уже были опредѣлены къ уничтоженію парламентомъ минувшаго царствованія. — Руководствуясь всѣми этими соображеніями настоящій статутъ и опредѣляетъ секуляризацію канторій, капеллъ, госпиталей, колледжей и тпд. мелкихъ религіозныхъ учрежденій въ пользу короля, предоставляя ему право вступить въ обладаніе или посредствомъ особо-уполномоченныхъ комиссаровъ. Лицамъ, которыя должны были пострадать при уничтоженіи канторій и др. учрежденій, т. е. членамъ клира, лишавшимся при этомъ своихъ должностей и средствъ къ существованію, статутъ предполагаетъ дать пожизненныя пенсіи, назначеніе коихъ и опредѣленіе размѣра ихъ предоставляется усмотрѣнію комиссаровъ [2]). Когда проэктъ этого статута предложенъ былъ

[1]) Въ объясненіе этого нужно имѣть въ виду, что канторіи или свободныя капеллы напр. были не иное что, какъ маленькія церкви, существовавшія или въ качествѣ придѣловъ при приходскихъ и др. церквахъ, или отдѣльно отъ нихъ. Эти маленькія церкви устроялись какими-либо благочестивыми людьми и снабжались имѣніями, достаточными для того, чтобы при нихъ могъ состоять вполнѣ обезпеченный священникъ. Цѣль такихъ учрежденій состояла въ томъ, чтобы въ нихъ ежедневно совершалась месса за души ихъ основателей и ихъ родственниковъ. Вѣра въ чистилище и въ жертвенное значеніе мессы лежала такимъ образомъ въ самой основѣ существованія этихъ учрежденій. Желающій уяснить себѣ смыслъ всѣхъ упоминаемыхъ въ статутѣ названій можетъ посмотрѣть напр. Cutts. p. 23—25, 204—207 и др. или Blount. Nomo-lexicon. A Law—Sictionary. 1670. на слова: chapel, chauntry, Free chappel и тпд.

[2]) Stat 1. Edw. VI. chapt. 14.

на обсужденіе верхней палаты парламента, онъ встрѣтилъ здѣсь энергическую оппозицію со стороны нѣсколькихъ духовныхъ лордовъ, а именно: архіепископа Кантерберійскаго, епископовъ Лондонскаго, Дургэмскаго, Элійскаго, Наруичскаго, Герефордскаго, Уорчестерскаго и Чичестерскаго. Нисколько, конечно, не удивительно, что епископы католики возставали противъ уничтоженія религіозныхъ учрежденій; но если вождемъ оппозиціи въ настоящемъ случаѣ былъ архіепископъ Кантерберійскій, то изъ этого ясно слѣдуетъ, что продолженіе секуляризаціи не было желательно и для сторонниковъ реформы. Возражая противъ билля, Крамэръ настаивалъ, чтобы довершеніе секуляризаціи отложено было до того времени, когда король достигнетъ совершеннаго возраста. Такою отсрочкою, по его мнѣнію, вѣрнѣе можетъ быть достигнута та цѣль, которая имѣется въ виду при секуляризаціи, такъ какъ, при малолѣтствѣ короля, церковныя имѣнія по всей вѣроятности подвергнутся расхищенію и не увеличатъ средствъ короны. Архіепископъ предвидѣлъ такимъ образомъ, что отбираемыя теперь церковныя имѣнія точно также сдѣлаются добычею дворянства, какъ это было и при Генрихѣ, и также мало будутъ онѣ употреблены на осуществленіе тѣхъ благихъ намѣреній, которыя выставлялись въ статутѣ. Но оппоненты-епископы составляли въ палатѣ слабое меньшинство и не могли воспрепятствовать принятію билля. Не безъ оппозиціи прошелъ онъ и въ нижней палатѣ, гдѣ представители нѣкоторыхъ городскихъ общинъ возражали, что имъ не чѣмъ будетъ содержать свои церкви, если обезпечивающія ихъ имѣнія будутъ отбираемы; но получивъ частныя успокоительныя обѣщанія отъ короны, они прекратили свою оппозицію и билль получилъ наконецъ утвержденіе [1]).

Парламентъ, узаконившій довершеніе секуляризаціи, имѣлъ свои засѣданія въ ноябрѣ и декабрѣ 1547 года, а въ началѣ марта 1548 г. по всѣмъ графствамъ Англіи отправляются уже королевскіе коммиссіонеры для осмотра колледжей, свободныхъ капеллъ [2]) и тп. Изъ внушеній, изданныхъ ком-

[1]) Collier V, 233—234;—Burnet I, 322;—Lingard IV, 235—236, Note 1; — Froude IV, 313;—Dodd, Church history of England, ed. Tierney, v. II, p. 13, Note.—London 1839.

[2]) Stow, p. 595.

миссіонерами визитаторами, мы можемъ составить себѣ понятіе и о томъ, на что собственно обращаемо было вниманіе при этомъ осмотрѣ. Визитаторы требовали, чтобы инкумбенты — члены клира, церковные старосты и достойнѣйшіе изъ прихожанъ того или другаго прихода доставили имъ къ извѣстному сроку подробныя письменныя свѣдѣнія о томъ, — сколько и какихъ мелкихъ религіозныхъ учрежденій имѣется въ ихъ приходѣ, на какихъ условіяхъ и съ какими цѣлями онѣ основаны, какіе документы у нихъ имѣются, каковы ихъ недвижимыя владѣнія и какой годовой доходъ съ нихъ, въ какомъ разстояніи находятся эти учрежденія отъ приходской церкви, каковы ихъ движимыя имущества, какъ напр. утварь, драгоцѣнныя украшенія и тпд. Обо всемъ этомъ визитаторамъ должны быть доставлены точныя свѣдѣнія и подробныя описи, за печатями и подписями тѣхъ лицъ, къ которымъ требованіе обращается [1]). Собравъ нужныя свѣдѣнія, правительство не замедлило и воспользоваться ими; съ того-же марта 1548 года лѣтопись начинаетъ уже сообщать извѣстія объ упраздненіи тѣхъ или другихъ религіозныхъ учрежденій [2]).

Хотя въ дѣлѣ секуляризаціи главное уже совершено было Генрихомъ, но и тѣ остатки, которые достались въ добычу правительству Эдуарда, имѣли почтенные размѣры. Однихъ канторій и свободныхъ капеллъ насчитывалось 2,374, не включая сюда госпиталей, колледжей и гильдій; число же всѣхъ подлежавшихъ секуляризаціи учрежденій простиралось до трехъ тысячъ. Годовой доходъ только части владѣній, отобранной у колледжей, капеллъ и канторій въ одномъ 1548 году, опредѣляется въ 2,307 или 2,593 фунта. Эти владѣнія проданы были за 46,249 ф. Продажи произведенныя еще въ 1552 и 1553 г., дали правительству добычу въ 138,765 фунтовъ [3]).

Съ точки зрѣнія интересовъ реформы довершеніе секуляризаціи при Эдуардѣ не имѣетъ для себя достаточныхъ

---

[1]) Burnet v. II. Records p. II. b. I. № XXVII.

[2]) Stow p. 595, 596 и др.

[3]) Dodd. II, 12 — 13. Not. 1; Lingard IV, 236. Not. 2; — Weber II, 29; — Collier V, 234.

оправданій. Противъ монастырей и монаховъ можно было вооружаться, какъ противъ вредной общественной силы, какъ противъ учрежденій и класса, которые служили могущественнымъ оплотомъ папской власти въ Англіи и при существованіи которыхъ утвержденіе королевскаго главенства надъ церковію оказывалось почти невозможнымъ. Ничего подобнаго не можетъ быть сказано противъ капеллъ и канторій. Эти мелкія учрежденія, разбросанныя въ одиночку по всѣмъ предѣламъ Англіи, въ общественномъ отношеніи не представляли собою никакой силы, которая вредила бы предпріятіямъ реформаторовъ, ни борьба противъ папства, ни интересы королевской супрематіи вовсе не требовали ихъ уничтоженія. Противъ монастырей реформаторы могли возражать и съ чисто-религіозной точки зрѣнія; въ нихъ они могли видѣть разсадники суевѣрія, такъ какъ тамъ были и мощи, и чудотворныя иконы, туда совершались пилигримства, тамъ монахи разсказывали народу разныя легенды, прямо противныя вѣроученіямъ протестантизма. Громадное большинство капеллъ и канторій не было повинно ни въ чемъ подобномъ. Ни взору ни слуху народному въ нихъ не представлялось ничего такого, что вооружало-бы съ особенною силою противъ протестантскихъ нововведеній, въ нихъ совершалась литургія, къ усердному посѣщенію которой желали пріучить народъ и реформаторы. Правда, за этой литургіей въ нихъ приносились моленія о душахъ тѣхъ людей, которые были ихъ основателями, что реформаторы считали суевѣріемъ; но, конечно, это обстоятельство вовсе не могло еще служить достаточною причиной къ тому, чтобы уничтожать самыя учрежденія, такъ какъ въ нихъ могло совершаться богослуженіе и очищенное отъ всего того, что было не согласно съ протестантскими воззрѣніями. Стоило только запретить совершеніе непріятныхъ для реформаторовъ заупокойныхъ мессъ и тогда капеллы и канторіи не представляли-бы болѣе въ себѣ ничего соблазнительнаго и съ протестантской точки зрѣнія. Секуляризація, совершавшаяся при Эдуардѣ, не имѣла такимъ образомъ въ основѣ своей никакихъ высшихъ соображеній, которыя могли-бы служить для нея оправданіемъ; она ссылалась только на религіозные интересы, чтобы прикрыть тѣмъ свои дѣйствитель-

ныя побужденія, не имѣвшія ничего общаго съ религіей. Нисколько не странно потому видѣть и ту перемѣну, которая произошла въ отношеніяхъ архіепископа Кантерберійскаго къ вопросу о секуляризаціи. При Генрихѣ Крамэръ былъ ея ревностнымъ сторонникомъ, а теперь сталъ такимъ-же оппонентомъ. Причина такой перемѣны заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что монастыри архіепископъ считалъ серьезнымъ препятствіемъ для церковной реформы, а существованіе капеллъ и канторій такимъ препятствіемъ вовсе не представлялось.

Настоящую причину, вызвавшую при Эдуардѣ уничтоженіе мелкихъ религіозныхъ учрежденій, нужно, кажется, видѣть въ томъ, что дворянство, уже пожившееся церковними мнѣніями въ прежнее царствованіе, захвативъ теперь власть въ свои руки, не хотѣло опускать удобнаго случая, чтобы еще болѣе увеличить свою добычу. Если такъ, то и результаты новой секуляризаціи предвидѣть было не трудно. Опасенія, высказанныя Крамэромъ при его возраженіяхъ противъ билля, оказались вполнѣ основательными. Изъ суммъ, добытыхъ при секуляризаціи, весьма немного досталось на пользу народнаго просвѣщенія и благотворительности. Два-три пріюта для бѣдныхъ и больныхъ да десятка два школъ для первоначальнаго обученія—вотъ все, что было сдѣлано на средства, прежде поддерживавшія тысячи учрежденій. Большая-же часть секуляризованныхъ имѣній досталась въ добычу придворнымъ и протекторъ Соммерсэтъ, разрушавшій церкви и изъ добытаго такимъ путемъ строительнаго матеріала создававшій себѣ великолѣпный дворецъ въ Лондонѣ, не представлялъ въ своемъ поступкѣ какого-либо уродливаго исключенія; это былъ лишь характеристичный образецъ того, что, такъ или иначе, дѣлалось и всѣми другими участниками секуляризаціи [1]).

Руководствуясь одною жаждою наживы, правители не обнаруживали особенной разборчивости и осторожности въ выборѣ добычи; они брали все, что только можно было

---

[1]) Dtow p. 608;—Burnet v. II, King Edward's journal. May 10, 1551;—Lingard IV, 255;—Dodd II, 13—14. Notes;—Burnet I, 453;—Collier V, 514—515, 323—324;—Weber II, 29;—Pictorial history II. 467;—и др.

взять, а потому секуляризація въ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ все болѣе и болѣе теряла свой первоначальный характеръ и выродилась наконецъ въ простой, и ничѣмъ почти не прикрываемый грабежъ.

Въ февралѣ 1550 года, изданъ былъ королевскій приказъ, въ силу котораго особо назначенные агенты отправились въ Уэстминстерскую, Оксфордскія и др. библіотеки, чтобы очистить ихъ отъ суевѣрія. Исполняя возложенное на нихъ порученіе, агенты начали войну противъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, отеческихъ твореній, сочиненій схоластическихъ богослововъ и даже вообще всѣхъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ встрѣчались красныя буквы или какія-либо математическія фигуры, такъ какъ эти признаки считались достаточными для того, чтобы утвердить обвиненіе въ папизмѣ или магіи. Истинная причина, возбудившая правительство къ насилію относительно библіотекъ, заключалось въ томъ, что очень многія книги украшены были массивнымъ золотомъ или серебромъ и изящною чеканною работой. Вотъ на эти-то драгоцѣнныя украшенія агенты и должны были обратить особенное вниманіе, отрывая ихъ отъ книгъ и передавая спеціально-назначенному для того уполномоченному правительства [1]).

Въ апрѣлѣ 1551 года и затѣмъ въ 1552 и 1553 году на церковную собственность сдѣлано было новое нападеніе. Правительственные агенты отправились по всѣмъ концамъ Англіи съ порученіемъ произвести подробный осмотръ и перепись всему движимому имуществу каѳедральныхъ и приходскихъ церквей. Драгоцѣнная утварь, разнаго рода украшенія, кресты, чаши, подсвѣчники, колокола, облаченія и даже деньги церковныя,—все это предписывалось теперь отобрать и передать въ вѣдѣніе королевскихъ чиновниковъ, завѣдующихъ драгоцѣнностями и гардеробомъ короля. Агенты должны были оставить въ церквахъ только по одной или по двѣ чаши, по нѣскольку облаченій и вообще только то, что, по ихъ усмотрѣнію, признано будетъ необходимымъ для совершенія Богослуженія. Никакими религіозными соображеніями правители въ настоящемъ случаѣ не прикрывались;

[1]) Collier V, 427—428;—Dodd II, 15—16;—Froude IV, 524.

они выставляли на видъ только то, что отбираемое ими у церквей имущество представляетъ собою излишекъ, которому можетъ быть дано лучшее употребленіе [1]).

Алчность правителей прибѣгала наконецъ и къ такимъ средствамъ, для которыхъ уже не возможно было придумать никакихъ приличныхъ основаній, и гдѣ объ интересахъ религіи не могло быть и рѣчи. Правительство этого царствованія усвоило себѣ обыкновеніе пользоваться вакантностію епископскихъ каѳедръ, чтобы, прежде назначенія новаго епископа, отбирать значительную часть имѣній каѳедры въ пользу короны. Благодаря систематическому примѣненію этого средства, доходы многихъ епархій уменьшены были на половину и даже на двѣ трети, противъ прежняго, и епископы доведены были до такого жалкаго положенія, что иногда съ трудомъ могли поддерживать свое существованіе. Никакихъ благочестивыхъ и похвальныхъ претензій при этомъ не заявлялось; отбираемыя у епархій владѣнія становились добычею придворныхъ. Это былъ простой грабежъ, при которомъ о пользахъ религіи не могло быть и рѣчи [2]).

Такимъ образомъ, довершеніе секуляризаціи, произведенное правительствомъ Эдуарда, не можетъ быть поставляемо въ ряду такихъ явленій, которыя могутъ по праву занимать видное мѣсто въ исторіи англійской реформаціи.

Въ церковномъ переворотѣ Генрихова царствованія главнымъ пунктомъ, на который обращено было преимущественное вниманіе, былъ какъ мы видѣли, вопросъ о церковной власти, объ отношеніяхъ англійской церкви къ папству и къ королю и о положеніи въ ней духовенства. Въ этомъ отношеніи при Генрихѣ сдѣлано было такъ много, что новому правительству оставалось лишь подтвердить установленный порядокъ, или сдѣлать въ немъ нѣкоторыя дополненія, которыя-бы упрочили его существованіе.

Уничтоженіе папской власти въ Англіи и королевское главенство надъ церковію получили рѣшительное подтвержденіе. Въ одномъ изъ статутовъ перваго Эдуардова парла-

---

[1]) King Edward's journal. April 21, 1551;—Stow. p. 609,—Sanderus II, 235—236;—Collier V, 503—505;—Burnet I, 450;—Dodd II, 17;—и др.

[2]) Burnet I, 440;—Collier V, 497;—Lingard IV, 293.

мента было постановлено, что кто въ разговорѣ или въ проповѣди будетъ, съ перваго числа наступающаго марта мѣсяца, ясно высказывать и утверждать, что король Англіи, вмѣстѣ со всѣми своими преемниками, не есть и не долженъ быть признаваемъ верховнымъ, послѣ Бога, главою на землѣ церкви англійской, или что, по закону Божію, епископъ Римскій или другой-кто-либо долженъ быть признаваемъ ея главою;—тотъ подлежитъ конфискаціи всего его движимаго имущества и тюремному заключенію на срокъ, опредѣляемый усмотрѣніемъ короля. Если виновный вторично уличенъ будетъ въ такомъ-же преступленіи, онъ подвергается конфискаціи всего имѣнія, какъ движимаго такъ и недвижимаго, и тюремному заключенію на все продолженіе жизни. Совершенное въ третій разъ, преступленіе это признается государственною измѣной и влечетъ за собою смертную казнь. Если то же преступленіе совершено будетъ не въ словѣ, а въ письмѣ, печати или дѣйствіи, виновный за первый-же разъ подвергается смертной казни, какъ государственный измѣнникъ. Сила этихъ постановленій простирается не только на самого преступника, но и на всѣхъ его совѣтниковъ, укрывателей [1]) и т. д.—Но простымъ парламентскимъ подтвержденіемъ королевской супрематіи дѣло въ настоящемъ случаѣ не ограничилось. По примѣру прошедшаго царствованія, и новое правительство хотѣло придать этой супрематіи возможно болѣе широкое значеніе, поставивъ англійское духовенство въ самую тѣсную зависимость отъ короны. — При Генрихѣ епископы должны были признать, что ихъ власть основывается только на томъ полномочіи, которое они получаютъ отъ короля, какъ отъ верховнаго главы церкви. Такого-же точно признанія потребовало теперь отъ нихъ и новое правительство. Исходя изъ той мысли, что епископы пользовались доселѣ своею властію по полномочію, данному имъ покойнымъ королемъ, правительство пришло къ тому выводу, что со смертію Генриха прекращается сама собою и юрисдикція уполномоченныхъ имъ епископовъ. Въ силу этого имъ было предложено обратиться къ новому королю съ просьбою о возобновленіи

[1]) Statute 1 Edw. VI, chap. 12, V—VI.

ихъ полномочій и только по полученіи отъ него патентовъ пользоваться своими правами. Какъ и слѣдовало ожидать, передовымъ въ этомъ случаѣ выступилъ архіепископъ Кантерберійскій, подавая примѣръ всѣмъ своимъ собратіямъ. Онъ первый обратился къ королю съ петиціей о томъ, чтобы новое правительство подтвердило его прежнія полномочія, и въ отвѣтъ на это получилъ себѣ новый патентъ. Въ этомъ документѣ [1]), написанномъ отъ имени Эдуарда VI, верховнаго на землѣ главы церкви англійской, прежде всего рѣшительно утверждалось то положеніе, что всякая власть и юрисдикція, какъ церковная такъ и свѣтская, истекаетъ отъ королевской власти, какъ отъ главы и источника. Затѣмъ король заявлялъ, что, склоняясь на смиренныя прошенія архіепископа и соображая интересы своихъ подданныхъ, онъ предоставляетъ ему всѣ полномочія, свойственныя его сану, а именно: право посвящать достойныхъ людей въ священныя степени, раздавать церковныя бенефиціи, утверждать завѣщанія, рѣшать дѣла, подлежащія вѣдѣнію церковнаго суда и т. пд. Всѣ эти полномочія даются архіепископу въ силу того, что король увѣренъ въ его религіозномъ здравомысліи и въ его нравственной чистотѣ.—Примѣру Крамэра послѣдовали и всѣ остальные епископы и всѣ они, въ отвѣтъ на свои прошенія, получили патенты отъ новаго короля, при чемъ ихъ полномочія возобновлялись не на всегда и не безусловно, а лишь „durante bene placito" и „quamdiu se bene gesserint", т. е. пока это угодно королю и пока они своимъ добрымъ поведеніемъ будутъ оправдывать оказанное имъ довѣріе [2]).

При вступленіи на престолъ новаго короля, англійскіе епископы вынуждены были такимъ образомъ еще разъ признать себя только уполномоченными чиновниками, вполнѣ зависящими отъ произвола свѣтской королевской власти.

Подчиненіе духовенства коронѣ и превращеніе высшихъ его представителей въ простыхъ королевскихъ чиновниковъ

---

[1]) Burnet v. II. Records p. II. b. I. № II.

[2]) Edw. journal. May 22, 1551;—Sanderus II, 190—191;—Collier V, 179—180,—Burnet I, 292;—Lingard IV, 333;—Dodd II, 3—4;—Froude IV, 252—253;—Weber. II, 21, 660—661.

довершено было наконецъ однимъ изъ статутовъ перваго Эдуардова парламента. Въ предисловіи къ этому статуту [1]) говорилось, что существующій порядокъ замѣщенія архіепископскихъ и епископскихъ каѳедръ, т. е. избраніе кандидатовъ деканами и капитулами, необходимо связанъ съ проволочками и большими издержками для тѣхъ лицъ, которыя предназначаются на каѳедры. Въ существѣ дѣла, эти избранія вовсе не суть дѣйствительныя избранія, а только ихъ подобія [2]), а потому они не имѣютъ никакого смысла, оскорбляя только прерогативу короля, которому принадлежитъ право назначать на епископскія каѳедры. Принимая всё это во вниманіе, парламентъ теперь постановляетъ, чтобы отнынѣ не посылалось деканамъ и капитуламъ вакантныхъ каѳедръ никакого предписанія отъ короля объ избраніи новаго епископа (congé d'élire) и чтобы не производилось ими никакого избранія. Предположенный королемъ кандидатъ на вакантную каѳедру пусть теперь прямо назначается его королевскою властію посредствомъ патента. Какъ скоро такой патентъ вручается по назначенію, получившее его лице вступаетъ во всѣ права своего сана и принимаетъ посвященіе.—Архіепископы и епископы, говорилось далѣе въ томъ же статутѣ, имѣютъ доселѣ обыкновеніе посылать отъ себя повѣстки, призывы и другія бумаги своимъ собственнымъ именемъ и въ той же формѣ, какая употреблялась въ этихъ случаяхъ при узурпаторской власти римскаго епископа, а не въ той, какая употребляется при процессахъ по общему праву страны. Принимая въ соображеніе, что всякая власть и юрисдикція, духовная и свѣтская, исходитъ отъ королевскаго величества, какъ отъ верховнаго главы и церкви и государства, и что суды церковные дѣйствуютъ не иною какою-либо властію, а властію короля,—парламентъ опредѣляетъ, чтобы отнынѣ всѣ бумаги церковныхъ судовъ писались отъ имени короля по образцу тѣхъ, которыя употребляются въ учрежденіяхъ и процессахъ общаго права.—Наконецъ, тѣмъ же статутомъ парламентъ опредѣляетъ, чтобы отнынѣ всѣ лица, осущест-

[1]) Statute 1 Edw. VI. chap. 2.

[2]) См. Statute 25 Henr VIII. ch 20. III V, содержаніе коего изложено въ 4-й главѣ настоящаго изслѣдованія.

вляющія такъ или иначе церковную юрисдикцію употребляли печать непремѣнно съ гербомъ короля. За нарушеніе этихъ постановленій виновному угрожается тюремнымъ заключеніемъ на срокъ, по усмотрѣнію короля.—Такимъ образомъ и послѣдніе, доселѣ еще уцѣлѣвшіе, слѣды независимости церковной власти были теперь уничтожены.

Въ совершавшемся доселѣ въ Англіи церковномъ переворотѣ всѣ тѣ мѣры, которыя были предпринимаемы относительно духовенства, имѣли всегда характеръ стѣснительный, ограничительный и иногда даже оскорбительный для него и унизительный. Все направлено было къ тому, чтобы уничтожить прежнія вольности и привиллегіи духовенства, отобрать у него его имѣнія и, насколько возможно, лишить его всякаго самостоятельнаго значенія. При такомъ характерѣ переворота естественно было ожидать, что въ членахъ клира онъ всегда будетъ имѣть себѣ рѣшительныхъ и многочисленныхъ враговъ. Чтобы избавиться отъ этой постоянной вражды со стороны духовенства и тѣмъ по возможности обезпечить прочность переворота, реформаторское правительство должно было или совсѣмъ пересоздать это сословіе, замѣнивъ всѣхъ его прежнихъ членовъ новыми, или-же совершить нѣчто такое, что могло бы примирить, болѣе или менѣе, существующихъ членовъ клира съ совершившимся переворотомъ, – что заставило бы и ихъ дорожить этимъ переворотомъ, какъ явленіемъ, имѣющимъ несомнѣнное преимущество, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ. При томъ уровнѣ просвѣщенія, на которомъ стояла тогдашняя Англія, первый исходъ оказывался не возможнымъ; что же касается втораго, то нѣкоторую не безуспѣшную попытку въ этомъ отношеніи мы думаемъ видѣть въ тѣхъ перламентскихъ постановленіяхъ, которыя сдѣланы были при Эдуардѣ по вопросу о бракѣ духовенства.

Вопросъ о дозволеніи брака лицамъ духовнымъ предложенъ былъ на обсужденіе первой же конвокаціи, собравшейся въ царствованіе новаго короля. Большинствомъ почти двухъ третей собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что всѣ дѣйствующія доселѣ постановленія противъ брака духовенства должны быть уничтожены. Это рѣшеніе принято было 53-мя

голосами противъ 22-хъ, отстаивавшихъ старый порядокъ [1]). Въ слѣдующемъ, 1548 году мысль конвокаціи, хотя и не безъ сильной оппозиціи [2]), получила законодательное подтвержденіе въ парламентскомъ статутѣ.—Гораздо болѣе уваженія, говорилось въ этомъ статутѣ [3]), заслуживаютъ священники и другіе служители церкви Божіей, если они ведутъ жизнь цѣломудренную, удаляясь отъ общенія съ женщинами и отъ узъ брачныхъ, ибо въ этомъ случаѣ, свободные отъ хозяйственныхъ и семейныхъ заботъ, они лучше могутъ прилежать своему евангельскому служенію. Желательно было бы потому, чтобы они по собственному произволенію предпочитали жизнь цѣломудренную; но такъ какъ принудительное цѣломудріе и законы, запрещавшіе духовнымъ лицамъ благочестивое пользованіе бракомъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ такую нечистоту жизни и такіе великіе безпорядки, о которыхъ и повторять неудобно; то лучше и сообразнѣе съ интересами блага общественнаго, по совѣту предлагаемому Писаніемъ, лицамъ, которыя не могутъ воздержаться, дозволить вступленіе въ бракъ, чѣмъ безпорядочную жизнь, прикрываемую личиною цѣломудрія. Руководствуясь такими соображеніями, король, лорды и общины отмѣняютъ теперь всѣ законы, каноническія постановленія и указы, изданные доселѣ человѣческою только властію и запрещающіе лицамъ духовнымъ бракъ, на который, по Божественному закону, они имѣютъ полное право.—Черезъ три года, бракъ духовенства еще разъ получилъ законодательное подтвержденіе. Въ новомъ статутѣ [4]), изданномъ по этому поводу, говорилось, что всѣ постановленія, запрещавшія бракъ лицамъ духовнымъ, уже отмѣнены были парламентомъ 2 года Эдуардова правленія; но, не смотря на эту отмѣну, находятся злые люди, которые, извращая смыслъ нѣкоторыхъ словъ прежняго статута, презрительно отзываются о бракѣ духовенства

---

[1]) Lathbury p. 135,—Collier V, 224,—Lingard IV, 237, Burnet II, 751,—Dodd II, 8. Note 3.

[2]) Dodd. ibid;—Collier V, 304;—Lingard IV, 241—242;—Burnet I, 354—357; II, 751.

[3]) Statute 2—3. Edw. VI. chap. 21.

[4]) Statute 5—6 Edw. VI. chapt. 12.

и говорятъ, что онъ дозволенъ парламентомъ только лишь какъ необходимое зло, во избѣжаніе золъ гораздо большихъ. Вслѣдствіе этого, большинство подданныхъ короля не считаетъ бракъ духовныхъ лицъ законнымъ, а на дѣтей, рожденныхъ отъ этого брака, смотритъ какъ на незаконнорожденныхъ. Такіе упреки оскорбительны для Бога, такъ какъ унижаютъ значеніе святаго брака; оскорбительны и для чести короля, парламента и конвокаціи, давшихъ на бракъ духовенства свое утвержденіе; они подрываютъ уваженіе къ Слову Божію и къ дѣйствіямъ королевскаго величества. Настоящій парламентъ постановляетъ потому, чтобы бракъ духовныхъ лицъ, совершенный должнымъ образомъ, признаваемъ былъ законнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣти, происшедшія отъ этого брака, должны также признаваться законными и пользоваться всѣми принадлежащими имъ гражданскими правами [1]).

Эти статуты, производившіе, очевидно, громадную перемѣну въ общественномъ положеніи духовнаго сословія, должны были имѣть весьма существенныя послѣдствія и въ исторіи англійской реформаціи. Какъ скоро многіе изъ членовъ клира обзавелись семьями, можно было надѣяться, что съ этого времени они станутъ вѣрными сторонниками произведеннаго въ Англіи церковнаго переворота. Возвращеніе къ союзу съ Римомъ должно было теперь казаться имъ страшнымъ бѣдствіемъ, которое неизбѣжно влечетъ за собою насильственный разрывъ съ людьми, дорогими ихъ сердцу. Реформація дала имъ семью, а тѣмъ самымъ заставила ихъ дорожить и собою, какъ такимъ порядкомъ, при которомъ только и возможно сохраненіе этой семьи.

Не въ подтвержденіи только и не въ дополненіи того, что въ сущности уже сдѣлано было при Генрихѣ, состояла та задача, которая выпала на долю Эдуардова царствованія. Во главѣ Англіи стало теперь правительство, въ которомъ протестантскія наклонности имѣли замѣтное преобладаніе, а такое правительство, конечно, не могло удовлетвориться вполнѣ тою религіозно-церковною системой, какая досталась ему въ наслѣдство отъ прежняго царствованія. Въ этой системѣ, хотя во многомъ далеко ушедшей отъ католицизма, была

[1]) Collier V, 472—473; — Burnet I, 432; — Weber II, 42.

одна сторона, и притомъ наиболѣе важная, оставшаяся почти неприкосновенною въ томъ самомъ видѣ, какъ она существовала и при господствѣ Рима. Въ сферѣ вѣроученія и обрядовъ, церковнымъ переворотомъ Генрихова царствованія сдѣлано было такъ мало, что англиканскую церковь и доселѣ можно еще было назвать почти католическою. Переворотъ этотъ не принималъ на себя задачу производить коренную реформу догматовъ и культа; расчищая только путь и подготовляя почву для такой реформы, самъ онъ ограничился лишь незначительными попытками и предоставилъ послѣдующему времени созидать на подготовленной имъ почвѣ. Это было, такъ сказать, неписанное завѣщаніе, можетъ быть даже противъ собственной воли, оставленное Генрихомъ Эдуарду и тѣмъ правителямъ, которые должны были стоять во главѣ Англіи въ періодъ его малолѣтства. Уничтожая, какъ мы видѣли, прежніе статуты, запрещавшіе всякія уклоненія отъ католическихъ вѣроученій, Эдуардово правительство ясно свидѣтельствовало о томъ, что дальнѣйшее развитіе религіозной реформы оно считало своей задачей. При первой-же возможности оно и приступаетъ теперь къ осуществленію этой задачи.

Не легко было то дѣло, за которое принималось правительство Эдуарда. Неоднократные предшествовавшіе опыты показали, что если гдѣ, то именно въ сферѣ догматовъ и культа, народъ англійскій въ большинствѣ своемъ оставался еще искренно приверженнымъ къ вѣрѣ своихъ отцевъ. Весьма опасно было потому, съ реформаторскими притязаніями затрогивать эту сферу, такъ какъ тѣмъ самымъ можно было возбудить такую бурю, которая погубила бы и всѣ то, что доселѣ сдѣлано было въ интересахъ реформы, да и самыхъ дѣятелей. Правительство сознавало такую опасность, а потому начинало и совершало свое дѣло съ чрезвычайною осторожностію. Прежде чѣмъ приступить къ самой реформѣ, оно цѣлымъ рядомъ предварительныхъ мѣръ постаралось приготовить мысль народа къ предстоящимъ нововведеніямъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1547 года назначена была по всей Англіи всеобщая церковная визитація. Для большаго удобства вся страна раздѣлена была на шесть округовъ, изъ коихъ каждый предоставленъ былъ вѣдѣнію особыхъ визитаторовъ. Ко-

личество этихъ визитаторовъ не было опредѣленнымъ; въ нѣкоторые округи ихъ посылалось по четыре человѣка, а въ другіе и по шести. Не одинаковы были визитаціонныя коммиссіи и по своему составу; въ числѣ визитаторовъ были и члены клира и свѣтскіе джэнтльмены, и богословы и правовѣды, при чемъ въ одномъ округѣ являлся преобладающимъ одинъ изъ этихъ элементовъ, а въ другомъ другой [1]). По примѣру прежняго царствованія, и настоящая визитація прежде всего заявляла о себѣ прекращеніемъ всякой мѣстной церковной юрисдикціи. Объ этомъ мы узнаемъ напр. изъ граматы, адресованной на имя архіепископа Іоркскаго, 4-го мая 1547 года. Отъ лица короля въ этой граматѣ заявляется, что онъ, въ силу своей верховной власти, намѣревается въ скоромъ времени произвести визитацію всѣхъ церковныхъ учрежденій и всего клира Англіи, а потому налагаетъ запрещеніе на архіепископа и чрезъ него на всѣхъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, архидіаконовъ и вообще всѣхъ тѣхъ членовъ клира, которые такъ или иначе осуществляютъ церковную юрисдикцію. Запрещеніе должно имѣть силу до тѣхъ поръ, пока верховной власти не будетъ угодно снять его [2]). Можно думать, что епископская юрисдикція прекращалась именно съ того времени, когда визитаторы являлись въ тотъ или другой округъ и приступали къ своему дѣлу. Явившись въ Лондонъ напр. визитаторы издали отъ своего имени грамату къ Лондонскому епископу, въ которой, властію данной имъ отъ короля, объявляли о налагаемомъ ими запрещеніи на епископа и всѣхъ подчиненныхъ ему церковныхъ властей [3]). Приступая къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, визитаторы формально призывали къ себѣ мѣстнаго епископа и клиръ каѳедральныхъ церквей, а чрезъ

---

[1]) Въ составъ перваго округа входили слѣдующія епархіи: Лондонъ, Уэстминстеръ; Норуичъ и Эли; втораго — Рочестеръ, Кантербери, Чичестеръ и Уинчестеръ; третьяго — Сальсбери, Экзетеръ, Батъ, Бристоль и Глочестеръ; четвертаго—Іоркъ, Дургэмъ, Карляйль и Честеръ; пятаго—Питерборо, Линкольнъ, Оксфордъ, Ковентри и Литчфильдъ; шестаго — Уэльсъ, Уорчестеръ и Герефордъ—Burnet I, 307;—Froude IV, 280;—Lingard IV, 233;—Collier V, 188 и др.

[2]) Burnet v. II. Recor. p. II. b. I. № VII.

[3]) Collier v. IX. Recor. v. II. № LIII.

нихъ и клиръ церквей приходскихъ и по нѣскольку человѣкъ избранныхъ мірянъ отъ каждаго прихода. Этимъ лицамъ они предлагали принять присягу на вѣрность королю и на признаніе его церковной супрематіи съ клятвеннымъ-же отреченіемъ отъ папской власти. Затѣмъ эти лица подъ присягою-же должны были дать визитаторамъ обязательство въ томъ, что они будутъ вѣрно отвѣчать на всѣ вопросы, которые имъ будутъ предложены, и въ точности станутъ исполнять все то, что отъ нихъ потребуется при визитаціи [1]). По примѣру прежняго царствованія, визитаторы снабжены были особыми внушеніями, содержавшими въ себѣ тѣ требованія, съ которыми они должны были обращаться къ клиру и мірянамъ во время своихъ объѣздовъ. Такъ какъ центръ тяжести всего предпріятія утверждается именно на этомъ документѣ, то съ его содержаніемъ намъ нужно познакомиться съ возможно большею подробностію.

Королевское величество, говорится въ этомъ документѣ [2]), издаетъ настоящія внушенія по совѣщанію съ лордомъ-протекторомъ и всѣми другими членами совѣта, имѣя въ виду славу Божію, уничтоженіе идолослуженія и суевѣрія во всѣхъ предѣлахъ королевства, насажденіе истинной религіи и истребленіе всякихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Часть этихъ внушеній и прежде уже издана была покойнымъ королемъ Генрихомъ, а часть составлена вновь и прибавлена нынѣ царствующимъ государемъ, который, въ силу своей верховной власти, требуетъ, чтобы любезные его подданные покорно приняли ихъ и исполняли въ точности, если не желаютъ навлечь на себя его гнѣвъ и опредѣленныя властію наказанія. — Послѣ такого вступленія слѣдуютъ самыя внушенія. Члены клира должны, прежде всего, строго соблюдать и стараться о томъ, чтобы и другіе строго соблюдали всѣ тѣ статуты, которые были доселѣ постановлены относительно уничтоженія въ Англіи власти римскаго епископа

---

[1]) Объ этомъ см. вышеупомянутую запретительную грамату на имя епископа Лондонскаго, а также: Sanderus II, 213; — Dodd II, 5. Not. 3; — Lingard IV, 333; — и др.

[2]) Внушенія эти см. Dodd. II. Appendix № III; — Foxe p. 637 — 638; — Collier V, 199 — 204; — Burnet I, 309 — 310.

и утвержденія королевскаго главенства надъ церковію. По крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ каждый членъ клира долженъ старательно проповѣдывать народу, что папа не имѣетъ никакой власти въ Англіи и что королю должно быть оказываемо все то повиновеніе, какое слѣдуетъ, по закону Божественному, высшей власти на землѣ. — Члены клира не должны выставлять на показъ и восхвалять никакихъ иконъ и мощей; не должны возбуждать народъ къ пилигримству для поклоненія иконѣ какого-либо святаго, но, осуждая это, обязаны учить, что всякихъ благъ мы должны просить и ожидать только отъ Бога, а не отъ кого другаго. — Четыре раза въ годъ члены клира должны поучать народъ на основаніи Слова Божія, убѣждая его къ дѣламъ вѣры, милосердія и любви; они должны разъяснять ему, что дѣла, измышленныя человѣческою фантазіей, какъ напр. пилигримства, пожертвованія деньгами или свѣчами иконамъ и мощамъ, цѣлованія этихъ предметовъ и т. под. суевѣрія не только не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ, но даже скорѣе оскорбляютъ Его, приближаясь къ идолослуженію. — Если въ какомъ-либо приходѣ имѣются иконы, къ которымъ совершаются пилигримства и приносятся разныя пожертвованія, члены клира этого прихода, для устраненія такого идолослуженія, должны удалить эти иконы и уничтожить ихъ. Они не должны допускать того, чтобы къ иконамъ становились свѣчи или привѣшивались восковыя фигуры [1]). Свѣчи должны быть оставлены только на алтарѣ, предъ дарами, въ знакъ того, что Христосъ есть свѣтъ міру. Относительно иконъ народъ слѣдуетъ убѣждать, что онѣ служатъ только для напоминанія и для возбужденія къ подражанію жизни тѣхъ, кои изображены на нихъ. Употребленіе же ихъ съ какою-либо иною цѣлію есть идолослуженіе, весьма опасное для души.

Каждый праздникъ, когда нѣтъ проповѣди, священникъ долженъ, послѣ евангелія, отчетливо и ясно прочитывать

---

[1]) Вѣроятно, нѣчто подобное тому, что можно видѣть и на многихъ нашихъ иконахъ, въ которымъ напр. привѣшиваются металлическія фигуры, изображающія разные члены тѣла и служащія благодарнымъ воспоминаніемъ и свидѣтельствомъ исцѣленій, полученныхъ жертвователями.

съ каѳедры народу молитву Господню, символъ вѣры и десять заповѣдей на англійскомъ языкѣ, чтобы народъ сердцемъ могъ усвоить ихъ. При этомъ онъ долженъ убѣждать родителей и домохозяевъ, чтобы они учили тому же своихъ дѣтей и прислугу. — Члены клира должны убѣждать и побуждать всѣми средствами родителей и домохозяевъ, чтобы они пріучали своихъ дѣтей и прислугу къ ученію и къ работѣ, не допуская ихъ до вредной праздности, которая порождаетъ всякія преступленія и бѣдствія. — Приходскіе священники должны прилежно стараться о томъ, чтобы таинства совершались въ ихъ приходахъ должнымъ образомъ. Если имъ приходится по уважительнымъ причинамъ отсутствовать изъ своего прихода, они должны поручать его викаріямъ ученымъ и благонравнымъ, которые могли бы назидать прихожанъ и ученіемъ и примѣромъ жизни. Приходскіе священники и викаріи не должны заботиться о своихъ выгодахъ болѣе, чѣмъ о пользѣ душъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. — Въ трехмѣсячный срокъ, въ каждой церкви должна быть пріобрѣтена большая Библія на англійскомъ языкѣ, а въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ и парафразъ на Евангелія, составленный Эразмомъ и переведенный на англійскій языкъ. Эти книги, пріобрѣтенныя на счетъ клира, патрона и прихожанъ, должны быть положены въ церквахъ на удобномъ мѣстѣ, чтобы прихожане могли видѣть и читать ихъ. Священникъ не долженъ никого отговаривать отъ чтенія Библіи, а напротивъ убѣждать народъ, что это есть истинное и животворное Слово Божіе и пища для человѣческой души, а потому всякій христіанинъ долженъ читать Библію, чтобы лучше узнать изъ нея о своихъ обязанностяхъ къ Богу, государю и ближнимъ. Не разсуждать и не спорить долженъ онъ подлѣ Библіи, а спокойно слушать читающаго. — Члены клира не должны проводить время въ тавернахъ и распивочныхъ, предаваться пиршествамъ, пьянству, картамъ и др. предосудительнымъ играмъ; но при всякомъ досугѣ должны читать Священные Писаніе или заниматься другими какими-либо честными занятіями, памятуя непрестанно, что они должны превосходить всѣхъ другихъ чистотою жизни и служить примѣромъ.

Приходящихъ на исповѣдь священникъ долженъ спрашивать, знаютъ ли они члены вѣры, молитву Господню и заповѣди на англійскомъ языкѣ. Незнающихъ онъ долженъ убѣждать, чтобы они непремѣнно выучили ихъ, такъ какъ это обязанность всякаго христіанина, безъ соблюденія коей не должно и опасно для души приступать къ принятію таинства.

Члены клира не должны дозволять проповѣдывать въ своихъ приходахъ никому, кромѣ тѣхъ лицъ, кои имѣютъ на то разрѣшеніе отъ короля, лорда-протектора, архіепископа Кантерберійскаго, архіепископа Іоркскаго въ его провинціи, или мѣстнаго епископа. Имѣющихъ разрѣшеніе они должны принимать съ радостію и безъ противорѣчія. — Если члены клира гдѣ-либо прежде прославляли пилигримства, мощи, иконы, поставленіе свѣчъ предъ ними, украшеніе ихъ, цѣлованіе и колѣнопреклоненіе предъ ними, то они должны теперь открыто отказаться предъ тѣми же слушателями отъ своихъ прежнихъ рѣчей, сознаваясь, что они поступали въ этомъ случаѣ, не имѣя основаній въ Священномъ Писаніи, и вовлечены были въ обманъ, благодаря общему заблужденію, вкравшемуся въ церковь по попущенію и корыстолюбію тѣхъ, кои видѣли въ немъ для себя выгоду. — Если члены клира знаютъ въ своемъ приходѣ человѣка, который противодѣйствуетъ распространенію Священнаго Писанія на англійскомъ языкѣ, или проповѣди его, или исполненію настоящихъ королевскихъ внушеній, или держитъ сторону папской власти; они должны донести о таковомъ совѣту или мировому судьѣ. — Въ каждой церкви должны быть заведены регистры, въ которыхъ аккуратно должны записываться всѣ свадьбы, крестины и похороны за каждую недѣлю. — Члены клира должны употреблять сороковую часть своего дохода на благотворительность бѣднымъ. — Подобныя же предписанія дѣлаются далѣе клиру, старостамъ и патронамъ относительно того, чтобы они употребляли часть дохода на содержаніе стипендіатовъ въ университетахъ и школахъ и на ремонтъ своихъ приходскихъ церквей. — Четыре раза въ годъ члены клира должны прочитывать настоящія королевскія внушенія предъ всѣми прихожанами. — Никто изъ прихожанъ не долженъ уклоняться отъ взноса десятинъ, но

обязанъ соблюдать этотъ долгъ свой съ аккуратностію. — Никто не долженъ самовольно дѣлать измѣненій въ постахъ, молитвахъ и богослуженіи, если эти измѣненія не будутъ предписаны королевскою властію. — Члены клира, получившіе санъ священника, но не имѣющіе ученой богословской степени, должны въ трехмѣсячный срокъ пріобрѣсти себѣ Новый Завѣтъ и парафразъ Эразма и изучать ихъ, сличая между собою. Епископы должны спрашивать у нихъ отчета въ ихъ занятіяхъ. При совершеніи мессы, въ каждой церкви должно быть чтеніе Апостола и Евангелія на англійскомъ языкѣ съ каѳедры или съ другаго удобнаго мѣста, чтобы народъ могъ слышать читаемое. Каждый праздникъ, на утренней молитвѣ должна быть прочитываема одна глава Н. Завѣта, а на вечерней— Ветхаго. —Для утѣшенія умирающихъ, часто впадающихъ въ отчаяніе, священникъ долженъ знать нѣсколько текстовъ изъ Свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о милосердіи Божіемъ къ людямъ, умирающимъ въ вѣрѣ и покаяніи, и назидать ими въ случаѣ надобности. Во избѣжаніе разныхъ споровъ и безпорядковъ, происходящихъ при процессіяхъ, всякія процессіи вокругъ церквей и церковныхъ дворовъ отмѣняются. Вмѣстѣ того, предъ мессою должны быть употребляемы литаніи на англійскомъ языкѣ, пѣніе коихъ должно происходить внутри церкви. Во время богослуженія и проповѣди никто не долженъ выходить изъ церкви, безъ уважительной причины, не должно также производиться и колокольнаго звона. Праздники, установленные для того, чтобы люди, занятые обыкновенно работою, могли въ эти дни предаваться всецѣло Богу, должны быть проводимы не въ праздности, пьянствѣ и буйствѣ, а въ чтеніи и слушаніи Слова Божія, въ молитвѣ, въ примиреніи съ ближними, въ пріобщеніи тѣла и крови Христовыхъ, въ посѣщеніи бѣдныхъ и больныхъ. При этомъ священники должны внушать своимъ прихожанамъ, что во время жатвы напр. они безъ грѣха могутъ работать и по праздникамъ, ибо праздность въ такое время только оскорбляетъ Бога. Людей, явно враждующихъ съ своими ближними, священники не должны допускать къ пріобщенію до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ примиренія Каждый деканъ, архидіаконъ, пребендарій и

т. пд. долженъ непремѣнно проповѣдывать дважды въ годъ въ какой-либо изъ подвѣдомственныхъ ему церквей. Члены клира должны внушать прихожанамъ, что никто не долженъ самовольно нарушать тѣхъ церемоній и обрядовъ, которые предписывается соблюдать; но съ другой стороны, не слѣдуетъ и злоупотреблять ими, какъ напр. кропить святою водой постели, иконы и др. неодушевленные предметы, носить кругомъ чего-либо освященный хлѣбъ или Евангеліе Іоанна, дѣлать кресты изъ вербы во время чтенія о страданіи Христовомъ, соблюдать свои праздники для булочниковъ, кузнецовъ, сапожниковъ и т. д., отгонять злыхъ духовъ освященными свѣчами и вообще придавать церемоніямъ, установленнымъ только для воспоминанія благодѣяній, полученныхъ нами отъ Бога, какое-либо спасительное значеніе. Раки, украшенія на нихъ, подсвѣчники, восковыя фигуры, рисунки на стенахъ и оконныхъ стеклахъ, вообще всѣ слѣды чудесъ, суевѣрій и идолослуженія, должны быть удалены изъ церквей и священники должны убѣждать прихожанъ, чтобы они сдѣлали тоже и въ домахъ своихъ. На приходскія средства должна быть устроена церковная каѳедра и поставлена на приличномъ мѣстѣ для проповѣди Слова Божія. Въ каждой церкви долженъ быть заведенъ особый ящикъ для сбора пожертвованій въ пользу бѣдныхъ. Священники должны внушать народу, что благотворительность гораздо полезнѣе для души, чѣмъ старыя суевѣрія, въ родѣ пилигримствъ, украшенія иконъ и т. пд. Суммы, собираемыя въ ящикѣ должны быть употребляемы на поддержку бѣднымъ и отчасти на церковныя нужды. Люди, получившіе церковную бенефицію за деньги, должны быть лишаемы ея, а патронъ, продавшій бенефицію, теряетъ свое право на нее. Такъ какъ по недостатку проповѣдниковъ во многихъ мѣстахъ народъ пребываетъ въ невѣжествѣ, то священники должны каждый праздникъ читать въ церквахъ одну изъ проповѣдей (homilies), издаваемыхъ съ этою цѣлію королевскою властію, поступая въ данномъ случаѣ такъ, какъ указывается въ предисловіи къ изданію гомилій. Никто не долженъ презрительно относиться къ служителямъ церкви ради того, что они, по недостатку просвѣщенія, благопріятствовали доселѣ болѣе заблужденіямъ, чѣмъ истинѣ. Нужно

относиться къ нимъ съ уваженіемъ ради ихъ высокаго служенія, а особенно въ томъ случаѣ, если они трудятся надъ распространеніямъ святаго Слова Божія. Никто не долженъ употреблять особенно въ школахъ, молитвенниковъ и руководствъ иныхъ, кромѣ изданныхъ по дозволенію покойнаго короля Генриха. При употребленіи пищи молитвы должны быть употребляемы на англійскомъ языкѣ. Ко внушеніямъ приложено было наставленіе о томъ, какъ нужно молиться, а именно, предписывалось возносить молитву, прежде всего, за всю христіанскую церковь и особенно за церковь Англіи; затѣмъ, за короля и его семейство, за протектора и совѣтъ, за лордовъ, духовенство и общины, и наконецъ за всѣхъ умершихъ въ вѣрѣ Христовой.—За неповиновеніе внушеніямъ король угрожалъ лишеніемъ бенефицій, запрещеніемъ, отлученіемъ отъ церкви и другими наказаніями, которыя назначены будутъ по опредѣленію церковной власти.

Вмѣстѣ съ общими внушеніями, адресованными всему клиру и мірянамъ, изданы были еще отъ короля и даны визитаторамъ особыя внушенія къ епископамъ, гдѣ послѣднимъ предписывалось: наблюдать и всѣми силами стараться о томъ, чтобы королевскія внушенія въ точности соблюдаемы были во всемъ ихъ діоцезѣ; проповѣдывать лично по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ; не давать посвященія лицамъ, не достаточно слѣдущимъ въ Священномъ Писаніи, и не отказывать въ немъ тѣмъ, кои и по знаніямъ и по поведенію заслуживаютъ того; не проповѣдывать ничего такого, что было бы несогласно съ ученіемъ содержащимся въ гомиліяхъ; не давать разрѣшенія на проповѣдь тѣмъ лицамъ, которыхъ можно подозрѣвать въ такомъ несогласіи; у тѣхъ проповѣдниковъ, которые станутъ нарушать свои первоначальныя обязательства и уклоняться отъ данныхъ имъ предписаній, отнимать дозволеніе на проповѣдь [1]).

Королевскимъ визитаторамъ предоставлена была власть издавать и особыя внушенія въ тѣхъ округахъ, куда они являлись для визитаціи, и такія частныя внушенія не имѣли уже, конечно, того общеобязательнаго для всей Англіи

---

1) Внушенія епископамъ, вслѣдъ за общими, приводятся у Колльера, Фокса и Бурнета.

значенія, какимъ пользовались общія внушенія, изданныя королемъ. Одинъ изъ такихъ документовъ изданъ былъ напримѣръ визитаторами къ клиру и мірянамъ Дункастера [1]). Кромѣ такихъ пунктовъ, которые сходны болѣе или менѣе съ подобными же въ общихъ королевскихъ внушеніяхъ, какъ напримѣръ относительно праздниковъ, благотворительности къ бѣднымъ, занятій клира Священнымъ Писаніемъ, — мы находимъ въ этомъ документѣ и нѣчто, заслуживающее вниманія по своей новизнѣ и интересу. По предписанію визитаторовъ, священники должны напримѣръ поучать своихъ прихожанъ, что посты есть не болѣе, какъ человѣческое учрежденіе, которое, по извѣстнымъ соображеніямъ, можетъ быть измѣняемо и даже отмѣнено властію; а потому, по уважительной причинѣ, по болѣзни, или по дозволенію властей, люди могутъ со спокойною совѣстію ѣсть все, что имъ угодно.—Интересны также визитаторскія предписанія относительно разъясненія народу церемоній, употребляемыхъ въ церкви. Каждый праздникъ, проходя по церкви для кропленія святою водою, священникъ долженъ останавливаться въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, гдѣ больше народа, и ясно и отчетливо произносить слѣдующія слова: „вспоминайте пролитіе Христовой крови, святѣйшимъ кропленіемъ которой мы получаемъ прощеніе всѣхъ нашихъ грѣховъ“. При раздаяніи освященнаго хлѣба, священникъ долженъ говорить: „это символъ тѣла Христова, за грѣхи наши ломимаго на крестѣ. Если хотите быть участниками смерти Христовой, вы должны отказаться отъ пороковъ и грѣховъ“.—Взявъ въ руки „рах“ (миръ) [2]) и стоя у церковныхъ дверей, клирикъ долженъ говорить: „это символъ радостнаго мира между Богомъ и человѣческою совѣстію; Христосъ есть единый миротворецъ, который строго предписываетъ миръ между братьями“,

Всматриваясь въ содержаніе всѣхъ этихъ внушеній, не

---

[1]) Burnet v. II, Recor. p. II. b. I. № XXI;—Collier V, 243—244.

[2]) Рах'омъ назывался небольшой кусокъ дерева или металла съ изображеніемъ на немъ Спасителя. Когда „святое лобзаніе мира“ молящихся между собою во время богослуженія было отмѣнено, стали употреблять этотъ Рах, который носился по церкви и предлагался народу для цѣлованія.

трудно замѣтить, что онѣ сильно проникнуты реформаторскимъ настроеніемъ. Рѣшительно подтверждая уничтоженіе въ Англіи папской власти и утвержденіе королевскаго главенства надъ церковію, онѣ главное вниманіе свое сосредоточиваютъ на томъ, чтобы отвратить народъ отъ слѣпой приверженности къ одной только внѣшней, обрядовой сторонѣ религіи, къ чему въ особенности пріучили его католическіе наставники; онѣ всѣми силами стараются внушить и разъяснить ему, что внѣшнія дѣла благочестія, сами по себѣ, не имѣютъ никакого значенія въ дѣлѣ нашего спасенія, но служатъ только средствами для возбужденія въ душѣ истиннаго религіознаго настроенія. Считая главнымъ источникомъ всѣхъ заблужденій народа въ дѣлахъ вѣры его невѣжество, онѣ предлагаютъ рядъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ онъ долженъ будетъ просвѣтиться на столько, чтобы сознательно относиться къ вопросамъ религіи; онѣ желаютъ, чтобы онъ читалъ и слушалъ Слово Божіе на понятномъ для него языкѣ, чтобы онъ присутствовалъ при богослуженіи, смыслъ коего былъ бы ему доступенъ, чтобы онъ молился Богу, понимая, объ чемъ онъ возноситъ свои молитвы, и вѣровалъ, сознавая, во что онъ вѣруетъ. Отсюда понятною становится и цѣль той визитаціи, которая распространяетъ подобныя внушенія. Цѣль эта состояла, очевидно, въ томъ, чтобы возвысить, по возможности, уровень религіознаго просвѣщенія народа. Правительство Эдуарда сознавало, что мало просвѣщенная масса враждебно относится ко всякимъ нововведеніямъ въ дѣлахъ религіи. Чтобы хотя нѣсколько умепьшить эту враждебность, нужно было прежде всего приложить стараніе къ тому, чтобы ослабить ея причину, т. е. сколько-нибудь вывести массу изъ ея религіозной слѣпоты. Плодомъ именно такого стремленія со стороны правительства и является настоящая визитація. Подъ ея вліяніемъ, во всѣхъ концахъ Англіи одновременно должна была раздаться съ церковной каѳедры одна и та же рѣчь къ народу—рѣчь, которая должна была вразумить его и примирить съ намѣреніями правительства. Но кто могъ поручиться за то, что всѣ проповѣдники Англіи окажутся въ этомъ случаѣ послушными орудіями въ рукахъ правительства? Гораздо естественнѣе было, напро-

тивъ, предполагать, что въ духовенствѣ найдется очень не мало такихъ лицъ, которыя не только не станутъ содѣйствовать цѣлямъ правительства, но даже постараются возбудить народъ противъ всякихъ церковныхъ нововведеній. Правительство, какъ видно, не заблуждалось въ этомъ отношеніи и вовсе не намѣрено было довѣрять свое дѣло такимъ дѣятелямъ, на которыхъ нельзя было бы положиться. Въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ мѣры, которыя приняты были относительно церковной проповѣди.

Одновременно съ прекращеніемъ епископской юрисдикціи, при началѣ визитаціи и на свободу церковной проповѣди наложены были нѣкоторыя ограниченія. Въ запретительной грамотѣ на имя архіепископа Іоркскаго, король, ради сохраненія мира въ средѣ своихъ подданныхъ и прекращенія всякихъ несогласій и пререканій, предписываетъ, чтобы епископы, а равно и другіе члены клира, проповѣдывали не иначе, какъ только въ своихъ каѳедральныхъ, коллегіальныхъ или приходскихъ церквахъ. Внѣ своихъ церквей дозволяется проповѣдывать только тѣмъ лицамъ, которыя получатъ на то особенное разрѣшеніе. Разсмотрѣнныя нами внушенія, а также прокламація, изданная въ февралѣ 1548-го года [1]), неоднократно указываютъ на это запрещеніе, при чемъ послѣдняя угрожаетъ нарушителямъ его тюремнымъ заключеніемъ и дальнѣйшимъ наказаніемъ по усмотрѣнію короля. Разрѣшеніе на проповѣдь внѣ своихъ церквей могло быть получаемо отъ короля, отъ протектора, отъ визитаторовъ, отъ архіепископовъ и мѣстныхъ епископовъ. Проповѣдническая дѣятельность, по крайней мѣрѣ приходскаго духовенства, этими предписаніями конечно нисколько не стѣснялась. Напротивъ, внушенія стараются побудить духовенство проповѣдывать сколько возможно чаще, указывая лишь ему тѣ предметы, о которыхъ оно должно поучать народъ, и тѣ границы, которыхъ оно не должно преступать при своихъ поученіяхъ. Но въ системѣ особыхъ дозволеній, введенной теперь правительствомъ, нельзя всетаки не видѣть съ его стороны нѣкотораго недовѣрія къ духовенству. Правительство не хотѣло давать полную свободу проповѣди всѣмъ

[1]) Burnet. v. II Recor. p. II. b. I. № XXII.

членамъ клира, гдѣ-бы ни захотѣли они выступить со своими поученіями. Такую свободу оно предоставляло особыми дозволеніями только тѣмъ лицамъ, способности и благонадежность которыхъ были засвидѣтельствованы властями. При такой постановкѣ дѣла, если-бы и нашелся какой-либо проповѣдникъ, враждебно относящійся къ намѣреніямъ правительства, его дѣятельность была бы ограничена узкою сферою его прихода и, привязанная къ одному мѣсту, легче могла быть замѣчена и подвергнуться контролю.

Послѣдствія очень скоро показали, что недовѣріе къ духовенству правительства не было безъосновательнымъ. Весною 1548-го года уже признано было нужнымъ запретить проповѣдь всѣмъ членамъ клира, кромѣ тѣхъ, кто получитъ разрѣшеніе. Въ силу такого запрещенія даже и сами епископы не могли проповѣдывать въ своемъ собственномъ діоцезѣ, не получивъ на то особаго дозволенія отъ высшей власти [1]). Смыслъ этой мѣры ясно раскрывается въ посланіи протектора и совѣта къ проповѣдникамъ, снабженнымъ полномочіемъ [2]). Запрещеніе проповѣди, по словамъ этого посланія, вызвано со стороны правительства не желаніемъ истребить совсѣмъ животворное ученіе Слова Божія, а лишь положить предѣлъ дѣятельности проповѣдниковъ неспособныхъ и злонамѣренныхъ; оно имѣетъ въ виду не разрѣшеніе, а созиданіе, и желаетъ предоставить дѣло проповѣди только избраннымъ людямъ, способнымъ и благонадежнымъ Адресуясь къ уполномоченнымъ проповѣдникамъ, т. е. къ лицамъ, признаннымъ именно такими способными и благонадежными людьми, посланіе выражаетъ имъ свое особое довѣріе и обращается далѣе къ нимъ съ нѣкоторыми увѣщаніями, изъ коихъ можно видѣть, чего именно желало правительство отъ своихъ проповѣдниковъ и какими они должны были быть, если желали получить дозволеніе на проповѣдь. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ они должны были строго сообразоваться съ внушеніями, прокламаціями и гомиліями, изданными отъ правительства. Къ такому же строгому подчиненію правительственнымъ постановленіямъ они должны убѣждать и

[1]) Lingard IV, 234;—Weber II, 22;—и др.
[2]) Burnet v. II. Rec. p. II. b. I. № XXIV.

своихъ слушателей. Они должны ревностно отвращать народъ отъ старыхъ суевѣрій; но въ тоже время внушать ему, что дѣло реформы можетъ быть производимо только королевскою властію, отъ которой и нужно ожидать ее съ покорностію и терпѣніемъ. Уполномоченные правительствомъ, проповѣдники должны были такимъ образомъ служить проводниками въ народъ реформаторскихъ идей правительства, подготовителями и примирителями народа съ мыслію о предполагаемой реформѣ со стороны правительства.

Но и въ ряду этихъ особо излюбленныхъ властію дѣятелей нашлись все-таки такіе, которые обманули ея довѣріе къ нимъ. Въ сентябрѣ 1548 года издана была королевская прокламація, въ которой говорилось, что между избранными проповѣдниками оказались такіе, которые злоупотребили даннымъ имъ правомъ и проповѣдывали не согласно съ предписаніями правительства. Въ виду этого, король признаетъ теперь за нужное, хотя многіе проповѣдники дѣйствовали и безукоризненно, совсѣмъ пріостановить всякую проповѣдь, до той поры, когда введено будетъ по всей странѣ религіозное единообразіе, форма котораго уже вырабатывается собраніемъ епископовъ и ученыхъ мужей. Пусть пока народъ слушаетъ данныя ему гомиліи и вмѣстѣ съ духовенствомъ возноситъ къ Богу молитвы объ успѣхѣ королевскихъ намѣреній, приготовляясь покорно принять предназначаемую и вырабатываемую для него религіозную форму [1]). Вліяніе устной проповѣди было такимъ образомъ замѣнено на время печатными гомиліями; но сущность дѣла отъ этого ни мало не видоизмѣнялась. Книга гомилій заключала въ себѣ двѣнадцать проповѣдей, которыя разсуждали о слѣдующихъ предметахъ: о пользѣ употребленія Свящ. Писанія, о бѣдствіи рода человѣческаго, происшедшемъ отъ грѣха, о спасеніи чрезъ Христа, объ истинной и живой вѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ, о христіанской любви и благотворительности, противъ клятвы и клятвопреступленія, противъ отступничества, противъ страха смерти, увѣщаніе къ послушанію, противъ блуда и прелюбодѣянія, противъ ссоръ и пререка-

[1]) Dodd v. II. App. № II;—Burnet v. I, 348.

ній по вопросамъ религіи [1]). Какимъ духомъ проникнуты были гомиліи, объ этомъ догадаться не трудно, если припомнить, что правительство настойчиво рекомендовало ихъ употребленіе, и если принять во вниманіе, что архіепископъ Крамэръ, передовой вождь реформаторовъ, принималъ главное участіе въ ихъ изданіи и даже составленіи [2]). Печатная книга должна была производить на народъ то-же вліяніе, какого желало правительство и отъ уполномоченныхъ проповѣдниковъ, т. е. она должна была подготовлять мысль народа къ преднамѣреваемой религіозной реформѣ.

Только тогда, когда въ теченіи многихъ мѣсяцевъ со всѣхъ церковныхъ каѳедръ Англіи раздавались уже однѣ и тѣ-же рѣчи проповѣдниковъ, когда прокламаціи, внушенія и гомиліи распространялись и читались во всѣхъ концахъ королевства, — правительство сочло возможнымъ приступить къ осуществленію своей главной задачи и приняться за коренную религіозную реформу.

Василій Соколовъ.

---

[1]) Burnet I, 308:—Collier V, 188;—Weber II. Anhang № 5, s. 661.

[2]) Самому Крамэру приписывается составленіе четырехъ гомилій: о спасеніи, о вѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ, объ употребленіи Священнаго Писанія.—The Encyclopaedia Britannica. A Dictonary of arts, sciences and general literature. Ninth edition. Vol. VI, p. 550.—Edinburgh 1877.

Объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его [1]).

По поводу мыслей о русскомъ иночествѣ, въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго: «Братья Карамазовы».

Большинству нашихъ свѣтскихъ образованныхъ читателей романъ Ѳ. Достоевскаго „Братья Карамазовы безъ сомнѣнія болѣе или менѣе извѣстенъ, тогда какъ далеко нельзя того сказать даже о болѣе просвѣщенныхъ служителяхъ церкви, напр. городскихъ, тѣмъ менѣе—о сельскихъ священникахъ и со всѣмъ — объ инокахъ. Причина тому понятна, — ибо съ одной стороны „Братья Карамазовы“ печатаются въ свѣтскомъ журналѣ, а съ другой—это романъ т. е. книга для иноковъ запретная, а для остальныхъ если и не запретная, то во всякомъ случаѣ такая, отъ которой менѣе, чѣмъ отъ другихъ литературныхъ произведеній можно ждать душеспасительныхъ поученій. Въ этомъ отношеніи „Братья Карамазовы“ составляютъ замѣчательное исключеніе изъ общаго правила. Въ этомъ романѣ въ такихъ яркихъ контрастахъ представляется мірская жизнь и жизнь иноческая, воплощеніе грѣха и добродѣтели въ дѣйствующихъ лицахъ, равно какъ здѣсь же заключается и такое обиліе религіозно-нравственныхъ поученій, что въ общемъ отъ чтенія его получается гораздо сильнѣйшее и благотворнѣйшее впечатлѣніе въ читателѣ, чѣмъ отъ многихъ произведеній нашей собственно духовной литературы. Особенно же хорошо раскрывается здѣсь идеалъ иноческой жизни. Строгій ревнитель древняго старчества, инокъ Зосима представленъ авторомъ

[1]) Читано въ засѣданіи общества люб. дух. просвѣщенія.

въ такомъ нравственномъ величіи, при замѣчательной художественной отдѣлкѣ, что, сравнивая современное состояніе монашества съ этимъ свѣтлымъ и достойнымъ образцемъ иночества, приходится горько сожалѣть о томъ, какъ мало похожи современные намъ иноки на этотъ чистый и привлекательный образъ Зосимы. Быть можетъ даже, что это-то нормальное и низкое положеніе современнаго монашества, на которое злобно смотрятъ образованные свѣтскіе люди; и требуютъ немедленнаго уничтоженія его, какъ учрежденія вреднаго, и послужило поводомъ нашему автору создать привлекательный и величественный типъ инока Зосимы. Въ отвѣтъ на вопросъ: „что есть инокъ?“ — авторъ между прочимъ влагаетъ въ уста Зосимы слѣдующія слова: „въ просвѣщенномъ мірѣ слово сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, а у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: „вы дескать лѣнтяи и безполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные нищіе“. Но какъ-бы то ни было, это или другое что послужило поводомъ къ созданію такого типа, для насъ важно лишь то, что въ этомъ почти идеально-созданномъ типѣ Зосимы выразилось со стороны передоваго человѣка желаніе возвысить иноческое званіе въ людскомъ мнѣніи, одухотворивъ его высокими религіозно-нравственными идеями, и обновить его введеніемъ лучшей обстановки или лучшихъ условій этой жизни, основанныхъ на началахъ древняго старчества, сохранившагося лишь въ очень немногихъ монастыряхъ русскихъ. Въ настоящемъ случаѣ, въ виду того, что современною прессою поднятъ уже вопросъ о реформѣ монастырей [1]), мы отъ души желали бы, чтобы было обращено болѣе или менѣе серьезное вниманіе на воззрѣнія Ѳ. Достоевскаго на монашество. Нужды нѣтъ, что эти воззрѣнія проводятся имъ въ романѣ, а старецъ Зосима, какъ человѣкъ, представляется съ нѣкоторыми, какъ кажется, на-

[1]) См. напр. № 124 „Церк.-Общ. Вѣстн.“ гдѣ помѣщена статья: „къ вопросу о реформѣ монастырей“.

рочно придуманными слабостями и недостатками. Ни тѣмъ, ни другимъ нисколько вѣдь не умаляется тотъ иноческій идеалъ, который старался воплотить въ своей жизни Зосима и который созданъ авторомъ, какъ увидимъ, на строго христіанскихъ началахъ любви и совершенства въ святости и добрѣ. Для тѣхъ же любителей религіозно-нравственнаго чтенія и для скромныхъ инововъ, которые не читали послѣдняго произведенія нашего романиста, и даже не могутъ читать его по самому своему положенію, мы и предлагаемъ краткій обзоръ воззрѣній автора на монашество и возможное значеніе его для церкви и народа русскаго.

Мы уже упомянули о томъ, что иноческая жизнь представляется авторомъ, какъ временный контрастъ жизни мірской. Поэтому, чтобы яснѣе понять созданный авторомъ идеалъ иноческаго житія, какъ противоположнаго жизни мірской, и указать возможное значеніе иночества для церкви и государства, намъ кажется не только не лишнимъ, но и вполнѣ необходимымъ предварительно такъ охарактеризовать мірскую жизнь, какъ характеризуетъ ее нашъ авторъ.

Такъ мы и дѣлаемъ.

Въ мірѣ житейскомъ, по мнѣнію автора, *разъединенность* беретъ перевѣсъ надъ *братолюбіемъ*. Здѣсь „всякій стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изъ всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе". Такъ, напр., богачъ, скопившій полное для себя обезпеченіе и думающій только о своей силѣ, естественно прячется отъ людей самъ и прячетъ то, что имѣетъ, почти не замѣчая того, что самъ онъ отъ людей отталкивается и людей отъ себя отталкиваетъ. И вотъ такой человѣкъ „привыкаетъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣляется единицей, пріучаетъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь, въ людей и человѣчество и только трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его" (Рус. Вѣст. 1879, VIII кн. 674 ст.). И такъ уединяются не одни лишь богатые, но и всѣ тѣ, которые слишкомъ много надѣются на себя и свои силы. Такая излишняя забота о мірѣ матеріальномъ и

пустое самопревозношеніе естественно изгоняютъ заботу о мірѣ духовномъ и ведутъ къ нравственному самоубійству, которое состоитъ въ томъ, что высшая половина человѣческаго существа отвергается вовсе и изгоняется даже съ ненавистію. Очевидно, что при такомъ разъединеніи людей не можетъ существовать ни истинное братство, ни равенство, ибо не можетъ быть истинныхъ братьевъ. Но нѣтъ въ мірѣ и истинной свободы. Правда, міръ и провозгласилъ свободу, но ложно понятая свобода его, прилагаемая къ жизни, приводитъ людей опять лишь къ тому же разъединенію, а затѣмъ къ рабству и духовному самоубійству. Міръ говоритъ: „имѣешь потребности, а потому и насыщай ихъ и даже пріумножай, ибо имѣешь права такія же какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей". Это и есть мірская свобода. „И что же выходитъ, спрашиваетъ Зосима, изъ сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ уединеніе и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ зависть и убійство", потому что права то дали, страсти разожгли, а средствъ насытить потребности еще не указали. Понимая свободу, какъ пріумноженіе и скорое утоленіе потребностей, эти люди только искажаютъ человѣческую природу и вмѣсто свободы подпадаютъ въ рабство часто безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, плотскихъ страстей, разнаго рода привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ, что и замѣчается у людей богатыхъ. (Старикъ Карамазовъ и его сынъ Дмитрій являются рѣзко очерченными въ романѣ типами этого сорта людей). Люди небогатые стараются подражать богатымъ, а вовсе бѣдные свою зависть и неутоленіе потребностей заглушаютъ пьянствомъ. „Народъ такъ загноился отъ пьянства, что не можетъ уже отстать отъ него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, дѣтямъ даже, отъ пьянства все, говоритъ Зосима. Видалъ я, продолжаетъ онъ, на фабрикахъ девятилѣтнихъ даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина, весь Божій день работы, развратныя слова и вино, вино, а то-ли надо душѣ такого малаго еще дитяти"?... Не въ такой формѣ проявляется разъединенность и свобода у людей образованныхъ и высшихъ. „Тѣ въ слѣдъ наукъ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа,

какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихнему: ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое же тогда преступленіе?" Дѣлая, такимъ образомъ, для себя все позволительнымъ, эти люди впадаютъ въ полную разнузданность и оттого становятся неспособными ни на какой серьезный поступокъ (стр. 686, 688 и др.). (Типъ этого рода людей мы видимъ въ Иванѣ Карамазовѣ). За то изъ нихъ и выходятъ обыкновенно или только мечтатели, или люди нетерпѣливые, нестойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ. Первыхъ можно уподобить тому доктору, который, признаваясь Зосимѣ, говорилъ: „я люблю человѣчество, но дивлюсь на самого себя: чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, т. е. порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я нерѣдко, говоритъ, доходилъ до странныхъ помысловъ о служеніи человѣчеству и можетъ быть, дѣйствительно, пошелъ бы на крестъ за людей, если бы это вдругъ какъ нибудь потребовалось, а между тѣмъ и двухъ дней не въ состояніи прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть онъ близко отъ меня и вотъ уже его личность давитъ мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу, такъ что я въ одни сутки могу возненавидѣть лучшаго человѣка" (1879 г. I, 165—166). Вторые же похожи на того борца, который самъ разсказывалъ Зосимѣ про себя, что „когда его лишили въ тюрьмѣ табаку, то онъ до того былъ измученъ мученіемъ, что чуть не пошелъ и не продалъ свою „идею", чтобы только дали ему табаку. А вѣдь такой, говоритъ: „за человѣчество бороться иду". Ну куда такой пойдетъ и на что онъ способенъ? На скорый поступокъ развѣ, а долго не вытерпитъ". Такимъ образомъ, мнимая мірская свобода не только не даетъ человѣку простора и силы для совершенія великихъ подвиговъ любви, но и прямо ослабляетъ его стремленія къ этимъ подвигамъ, дѣлая его жалкимъ рабомъ нажитыхъ потребностей и привычекъ, коимъ конца краю нѣтъ. Такіе люди способны лишь развѣ на то, чтобы въ страстныхъ порывахъ проливать кровь, да вызывать другихъ на такое же пролитіе крови, чтобы залить весь міръ кровію. „И если бы не обѣтованіе Христово, говоритъ Зосима, то такъ истребили бы другъ

друга даже до послѣднихъ двухъ человѣкъ на землѣ. Да и сіи два послѣдніе не сумѣли бы въ гордости своей удержать другъ друга, такъ что послѣдній истребилъ бы предпослѣдняго, а потомъ и себя самого" (1879 г. VIII, 686—691). Вотъ возможный конечный результатъ того продолжающагося отъ единенія людей, которое страшитъ учителя старца при видѣ все болѣе и болѣе угасающей мысли о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей и заставляетъ его видѣть спасеніе человѣчества лишь тамъ, гдѣ возможно истинное братство, равенство и свобода, отъ которыхъ міръ удаляется.

Изъ предыдущаго уже открывается, какое великое значеніе можетъ имѣть для человѣчества *дѣятельная любовь*, но немечтательная, а равно и тѣ люди, которые окажутся способными къ этой любви. „Никогда, говоритъ таинственный гость, люди никакою наукою и никакою выгодою не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало, и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга". Всеобщее истинное братство возможно лишь тогда, когда всѣ люди будутъ истинные братья и когда періодъ человѣческаго уединенія закончится. „Но до тѣхъ поръ надо все-таки знамя беречь и нѣтъ-нѣтъ, хоть единично, долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ уединенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это, чтобы не умирала великая мысль" (674 — 5). Твердый же оплотъ и надежное храненіе эта идея имѣетъ лишь въ *истинномъ* только *иночествѣ*, которое понимаетъ свободу такъ, что, держась ея, иноки приходятъ не къ разъединенію и рабству грѣха, а къ истинному братолюбію и равенству. „Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвою, говоритъ старецъ, даже смѣются, а между тѣмъ лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей истинной свободѣ: отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ и достигаю тѣмъ, съ помощію Божіею, свободы духа и веселія духовнаго!... Инока корятъ: „уединился ты, чтобъ себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а братское служеніе человѣчеству забылъ". „Но уединеніе не у насъ,

а у нихъ", утверждаетъ старецъ, а потому вопросъ: кто болѣе поусердствуетъ братолюбію,—уединенный ли богачъ, или *освобожденный* отъ тиранства вещей и привычекъ смиренный инокъ? — долженъ быть рѣшенъ въ пользу послѣдняго. И дѣйствительно, кто можетъ легче и скорѣе рѣшиться на подвигъ любви и самоотверженія и крѣпче полюбить грѣховнаго человѣка ради его спасенія какъ не истинный инокъ, т. е. человѣкъ, уже раньше того взявшій тяжелый крестъ на себя и пріучившій себя къ строгимъ подвигамъ жизни? Не даромъ дѣятели народные издревле выходили изъ монастырей, потому что они были сильны и крѣпки вѣрою и ученіемъ Христа. И впредь можетъ выйти еще не разъ спасеніе земли русской изъ монастырей, если только въ цѣлости сохранятъ они вѣру. „Ибо воистинну, говоритъ старецъ про иноковъ, приготовлены они въ тишинѣ „на день и часъ, и мѣсяцъ и годъ". Образъ Христовъ хранятъ они въ своемъ уединеніи боголѣпно и неискаженно и, когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра". Русскій монастырь, крѣпкій вѣрою Христовой, такъ силенъ и могучъ у насъ еще и потому, что онъ искони былъ съ народомъ. „Народъ же, говоритъ Зосима, вѣритъ по нашему, а невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ" (685 и 687). Но чтобы и впредь свое спасеніе Россія находила въ силѣ народа, нужно, чтобы народъ вѣрилъ въ Бога и Христа и чтобы его вѣра всегда находила твердый оплотъ въ истинномъ монашествѣ. Если же монашество перестанетъ служить цвѣтомъ христіанства и потеряетъ, или исказитъ „образъ Христовъ" т. е. Его ученіе, а съ нимъ, прибавимъ и наше бѣлое духовенство, тогда уже не будетъ и спасающей силы для Россіи, ибо весь народъ тогда пойдетъ въ разъединеніе. — Такъ важно сохраненіе истиннаго монашества для православной Россіи, по мнѣнію Ѳ. Достоевскаго.

Разсматривая данныя для характеристики истиннаго инока, содержащіяся въ романѣ „Братья Карамазовы", мы находимъ, что одни изъ этихъ данныхъ — отрицательнаго свойства, т. е. показываютъ, чего въ инокѣ не должно быть,

а другія — положительныя, показывающія прямо то, чѣмъ долженъ быть истинный инокъ. Къ даннымъ перваго рода относятся всѣ тѣ укоризны монашеству за недоброе поведеніе нѣкоторыхъ лицъ его и тѣ неблагопріятные слухи, которые съ охотою и наслажденіемъ разсказываются многими свѣтскими людьми, выведенными въ романѣ. Такъ здѣсь подвергаются осужденію такіе пороки, какъ плотоугодіе съ различными его видами: сладострастіемъ (1879 г. II кн. 654), блудодѣяніемъ (I, 126), лакомствомъ и винопитіемъ (I, 199, 205), фарисейство, самообольщеніе обрядностію и внѣшнимъ исполненіемъ устава (I, 404—5), даже слабая вѣра въ Бога у нѣкоторыхъ, иногда равная почти невѣрію (II, 654) и пр. Эти указанія постороннихъ лицъ на существующіе пороки между монашествующими подтверждаются какъ съ одной стороны прямымъ признаніемъ самого Зосимы, что дѣйствительно „есть много въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ (VIII, 685), такъ съ другой стороны — многочисленными съ его стороны предостереженіями иноковъ отъ различныхъ пороковъ, особенно отъ гордости, ненависти, корыстолюбія, лѣни и др. (IV, 680; VIII, 695.). Но такъ какъ на основаніи этихъ отрицательныхъ данныхъ мы никогда бы не могли составить болѣе или менѣе опредѣленнаго понятія объ истинномъ инокѣ, сколько бы ни разсуждали съ этой точки зрѣнія, то мы и спѣшимъ перейти къ тѣмъ положительнымъ даннымъ романа, которыя относятся къ прямой характеристикѣ истиннаго монашества.

Извѣстно, что всякое званіе возвышается и облагораживается, или же падаетъ и безчестится въ общественномъ мнѣніи, смотря по тому, насколько лица, принадлежащія къ извѣстному званію, искренно принимаютъ и добросовѣстно выполняютъ возлагаемыя на нихъ обязанности званія. Добросовѣстный и трудолюбивый человѣкъ всегда и вездѣ служитъ лучшимъ украшеніемъ званія, къ какому бы онъ ни принадлежалъ, тогда какъ человѣкъ не добросовѣстный, вздорный и лѣнивый всегда лишь порочитъ себя и свое званіе. Большинство неутѣшительныхъ явленій и въ монашествѣ, безъ сомнѣнія, объясняется именно тѣмъ, что мно-

гія лица вступаютъ въ него неискренно, т. е. имѣя въ виду не спасеніе и нравственное воспитаніе духа, для какой цѣли и существуетъ монашество, а какія-либо другія частныя, подставныя цѣли, напр. спокойную жизнь, даровое питаніе и прочее. Такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ и необходимыхъ условій, для того, чтобы быть истиннымъ инокомъ, нужно поставить *ясное сознаніе цѣли иноческаго житія и искреннее желаніе спасенія со стороны поступающаго.* Спасеніе же состоитъ съ одной стороны какъ въ обузданіи самолюбивой и гордой воли и отсѣченіи лишнихъ, а особенно грѣховныхъ потребностей и привычекъ, такъ съ другой стороны въ воспитаніи религіознаго чувства и нравственной свободы до такой степени чистоты и силы, чтобы человѣкъ съ большею безопасностію отъ грѣха могъ вращаться въ сферѣ религіозно-нравственной дѣятельности (1879, VIII, 687). На эти-то первоначальныя и необходимыя требованія для истиннаго прохожденія иноческихъ подвиговъ особенно и настаиваетъ нашъ авторъ, говоря, что кто искренно вошелъ въ монастырскія стѣны, чтобы спастись, для того всѣ (послѣдующія) подвиги и послушанія окажутся несомнѣнно спасительными и принесутъ великую пользу; кто же, напротивъ, тяготится и ропщетъ, тотъ все-равно какъ бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь, такому мѣсто въ міру. Отъ грѣха же и отъ діавола не только въ міру но и во храмѣ не убережешься (и совершенно вѣрно), а стало быть и нечего грѣху потакать", т. е. и не зачѣмъ идти въ монастырь тому, кто искренно не хочетъ своего спасенія и не думаетъ добросовѣстно заняться своимъ самовоспитаніемъ, подчиняясь всѣмъ правиламъ и уставамъ иноческаго житія (II, 681).

Затѣмъ, чтобы, послѣ искренняго принятія монашества, инока не обуяла нравственная лѣнь и чтобы онъ не остановился на какой либо ступени духовнаго возрастанія, опытный въ духовной жизни старецъ Зосима совѣтуетъ каждому подвижнику *анализировать себя и открывать въ своей душѣ всегда возможные въ дѣйствительности недостатки и грѣхи* и чрезъ это самое побуждать себя къ раскаянію и

порываться къ достиженію высшихъ и высшихъ степеней совершенства при братскомъ единеніи и взаимной другъ другу помощи. „Не святѣе же мы мірскихъ за то, говоритъ Зосима инокамъ, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ затворились, а напротивъ, всякій пришедшій сюда, уже тѣмъ самымъ, что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже всѣхъ мірскихъ и всѣхъ и вся на землѣ. И чѣмъ долѣе будетъ жить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе долженъ и сознавать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ ему было и приходить сюда“ (IV 679). Дѣйствительно, нельзя не признать этого требованія старца однимъ изъ существенныхъ и необходимыхъ требованій для должнаго прохожденія иноческаго званія. Конечно, сознаніе грѣховности въ устахъ человѣка нисколько не заботящагося о своемъ совершенствѣ, равно какъ и признаніе невѣжды въ своемъ кругломъ невѣжествѣ по большей части не имѣетъ ровно никакого смысла; но другое дѣло, когда сознаются въ своей грѣховности и въ своемъ невѣденіи люди, заботящіеся о своемъ совершенствѣ. Здѣсь подобныя сужденія, какъ напр. „я человѣкъ грѣшенъ“, или „я знаю то, что ничего незнаю“ имѣютъ глубокій и имѣющій важное для нихъ значеніе смыслъ. Какъ ученый, только выходя изъ сознанія недостаточности своихъ познаній въ извѣстной области, можетъ разумно восполнять свои пробѣлы и пропуски, такъ и инокъ только изъ дѣйствительнаго и глубокаго сознанія наблюдаемыхъ въ себѣ недостатковъ можетъ какъ направлять дѣятельность своей свободы на искорененіе этихъ недостатковъ, такъ и возвышаться мыслію до большей и большей возможности осуществить дальнѣйшія требованія иноческаго идеала. Важность и необходимость этого требованія для иноческихъ подвиговъ тѣмъ яснѣе открывается еще и изъ того, что сознаніе своей грѣховности, ничтожества и безсилія съ такою силою убиваетъ гордость (главный источникъ грѣха) и воспитываетъ въ душѣ христ. смиреніе,— для инока особенно необходимое, какъ ничто болѣе. Въ этомъ отношеніи оно въ сильнѣйшей мѣрѣ способствуетъ достиженію главной его цѣли, т. е. спасенія, которое, какъ мы уже сказали, и состоитъ именно въ умерщвленіи источ-

никовъ грѣха и въ воспитаніи и укрѣпленіи добродѣтелей. „Когда же познаетъ (инокъ), что онъ хуже всѣхъ мірскихъ, говоритъ старецъ, тогда лишь *цѣль* нашего единенія достигается". (IV, 679). Наконецъ, отъ сознанія собственныхъ грѣховъ человѣкъ можетъ возвышаться и до сознанія своей виновности въ грѣхахъ другихъ людей, а это иноку опять необходимо какъ для заглажденія дѣйствительной виновности своей предъ Богомъ и людьми, такъ и особенно для воспитанія христіанскаго смиренія, снисходительности и любви къ людямъ. Берегись даже „быть судьею чьимъ-либо, говоритъ старецъ. Ибо не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ судья не познаетъ, что и онъ такой же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступленіе стоящаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ. Когда же постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судьею. Ибо если былъ бы я самъ праведенъ, можетъ и преступника стоящаго предо мною не было бы... Если можешь, совѣтуетъ старецъ, то по христіанскому смиренію и братолюбію, даже прими на себя преступленіе и пострадай за него самъ, его же безъ укора отпусти" (VIII, 695).

Но давая совѣтъ носить въ своей душѣ постоянное чувство своего несовершенства и грѣховности, старецъ и *предохраняетъ* отъ могущаго развиться отсюда *унынія*,—именно, тѣмъ, чтобы иноки одновременно съ сознаніемъ грѣховности воспитывали и чувство раскаянія, которое приводило бы ихъ къ искреннему церковному покаянію, съ которымъ, какъ извѣстно, соединяется таинственное прощеніе грѣховъ,—это необходимое для слабаго и грѣшнаго человѣка облегченіе совѣсти. „Грѣха не бойтеся, лишь бы было покаяніе" (IV, 680) и проч. Указываются также и другія испытанныя мѣры и средства какъ противъ грѣховнаго унынія, такъ и другихъ состояній, могущихъ вести ко грѣху. „Не говорите дѣти, взываетъ старецъ, — силенъ грѣхъ, сильно несчастіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны и пр. — Бѣгите, дѣти, сего уныния!.. Просите, други мои, у Бога *веселія*... Если самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о грѣхахъ твоихъ, или о грѣхѣ твоемъ внезапномъ, то возрадуйся за другаго, за

праведнаго, возрадуйся тому, что если ты согрѣшилъ, то онъ за то праведенъ и не согрѣшилъ". Если же по негодованію къ людскому злодѣйству „явится въ тебѣ желаніе *отмщенія* злодѣямъ, то болѣе всего страшись сего чувства, продолжаетъ онъ; тотчасъ же иди и ищи себѣ мукъ, какъ бы самъ былъ виновенъ въ семъ злодѣйствѣ людей" (VIII, 694, 696 и др.). Великое воспитательное и ободряющее значеніе приписывается также молитвѣ (692 и др.).

Но какъ ни важенъ внутренній и постоянный анализъ души при смиренномъ и искреннемъ сознаніи собственной грѣховности, однако собственное единичное руководство безъ всякой чужой помощи и содѣйствія должно быть признано весьма недостаточнымъ. Ибо при немъ возможны и различныя крайности, и односторонности, и остановки въ развитіи и даже прямыя уклоненія на сторону грѣха, часто для исправленія требующія чужихъ и при томъ опытныхъ рукъ. Необходимость, такимъ образомъ, опытныхъ руководителей въ подвигахъ иноческихъ не подлежитъ сомнѣнію. Не забываетъ этого и нашъ авторъ. Своимъ наглядным представленіемъ въ дѣйствіяхъ и лицахъ древняго обычая „старчества", занесеннаго къ намъ съ Востока и еще тамъ провѣреннаго 1000-лѣтнимъ опытомъ, онъ даетъ намъ прекрасный образецъ возможнаго, наилучшаго устройства иноческой жизни съ ея руководителями и скромными послушниками ихъ. Самымъ главнымъ лицемъ при такомъ устройствѣ иноческой жизни является „старецъ", избираемый изъ пожилыхъ и опытнѣйшихъ въ духовной жизни иноковъ, каковымъ и представляется въ романѣ инокъ Зосима. Въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ: „что есть старецъ"? — авторъ очень мѣтко и характерно говоритъ: „старецъ это — берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и въ свою волю". Это значитъ, что инокъ, избравшій себѣ старца, отрѣшается отъ своей воли и отдается ему въ полное послушаніе въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, чтобы наконецъ достичь путемъ послушанія совершеннѣйшей свободы. Но обязанности иноковъ къ старцу не ограничиваются однимъ только „послушаніемъ", которое всегда было и есть въ нашихъ монастыряхъ. „Тутъ, говоритъ авторъ, признается вѣчная исповѣдь всѣхъ подвизаю-

щихся старцу и не разрушимая связь между связавшимъ и связаннымъ" (I, 130—1). Постоянная и откровенная исповѣдь своихъ поступковъ и различныхъ душевныхъ состояній, простосердечіе и искренность, полная вѣра въ справедливость замѣчаній и совѣтовъ старца и строгое ихъ исполненіе въ жизни—вотъ въ чемъ должны состоять и чѣмъ опредѣляться отношенія иноковъ къ своему старцу. Для этой исповѣди и для полученія совѣтовъ и благословенія всѣ иноки, по описанію автора, каждый день „на сонъ грядущій стекались въ келью старца, гдѣ всякій вслухъ исповѣдывалъ ему сегодняшнія прегрѣшенія свои, грѣшныя мечты, мысли, соблазны, даже ссоры между собой, если таковыя случались. Иные исповѣдывались на колѣняхъ. Старецъ разрѣшалъ, мирилъ, наставлялъ, налагалъ покаяніе, благословлялъ и отпускалъ" (II, 680). — Таковымъ представляется старчество по устройству своей жизни.

Кратко касаясь вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ этого древняго обычая, нельзя не отмѣтить того, что со стороны теоретической старчество съ его опытными руководителями, которымъ чрезъ исповѣдь могутъ быть извѣстны всѣ тайны душевной жизни подвижниковъ не заставляетъ ожидать ничего лучшаго. И самое руководительство, и домашняя задушевная исповѣдь старцу, сопровождаемая замѣчаніями, совѣтами и ободреніями со стороны послѣдняго не только не противны основнымъ христіанскимъ началамъ, но служатъ даже прямыми средствами для совершенія тѣхъ высшихъ и труднѣйшихъ подвиговъ христіанской жизни, къ которымъ собственно и призвано монашество. Со стороны же практической здѣсь всегда умѣстно желаніе, чтобы въ старцы избирались одни изъ опытнѣйшихъ въ душевной жизни иноковъ, а главное не крайне строптивые и особенно не горделивые и чтобы въ отношеніяхъ иноковъ къ старцу господствовали искренность, душевная открытость, любовь, уваженіе, смиреніе и довѣрчивость, ибо только при этихъ условіяхъ и можетъ достигаться цѣль иноческаго житія. Не забылъ нашъ авторъ выставить и разсѣять нѣкоторыя возраженія, направленныя къ осужденію старчества. Такъ, возраженія, что „братскія исповѣди" суть ничто иное, какъ профанація и почти кощунство надъ таинствомъ покаянія,

онъ опровергаетъ самымъ описаніемъ этихъ исповѣдей, показывающимъ, какъ мы уже знаемъ, что онѣ имѣютъ цѣль чисто педагогическую, да и производятся совсѣмъ не такъ, какъ таинство (II,681). Въ другомъ мѣстѣ авторъ выставляетъ и другое возраженіе, состоящее въ томъ, что будто бы „эти исповѣди не только не достигаютъ доброй цѣли, но дѣйствительно и нарочито вводятъ въ грѣхъ и обманъ". Ибо „многіе изъ братіи, говорятъ противники старчества, тяготятся ходить къ старцу, а приходятъ по неволѣ, чтобы только не приняли ихъ за гордыхъ и бунтующихся. Разсказывали, что нѣкоторые изъ братій, отправляясь на вечернюю исповѣдь, условливались между собою заранѣе: „я, дескать, скажу, что я на тебя утромъ озлился, а ты подтверди",—это, чтобы было что сказать, чтобы только отдѣлаться".—„Правда, отвѣчаетъ авторъ, пожалуй и то, что это испытаннее и уже 1000-лѣтнее орудіе для нравственнаго перерожденія человѣка отъ рабства къ свободѣ ихъ нравственному совершенствованію можетъ обратиться въ обоюдуострое орудіе, такъ что иногда, пожалуй, приведетъ вмѣсто смиренія и окончательнаго самообладанія напротивъ къ сатанинской гордости, т. е. къ цѣпямъ, а не къ свободѣ". Предполагалось, разумѣется, что все это должно совершаться свободно и искренно, во имя вольнаго смиренія и спасительнаго назиданія, но если на дѣлѣ, какъ оказывается, можетъ происходить иногда и весьма неискренно, а напротивъ, выдѣланно и фальшиво, то вина тому, по мнѣнію автора, не въ старчествѣ и не въ исповѣди, а въ чемъ-либо другомъ, напримѣръ, въ неискренности принятія иноками иноческихъ обѣтовъ. Поэтому-то „старшіе и опытнѣйшіе изъ братіи, заключаетъ авторъ, и стояли на своемъ, разсуждая, что кто искренно вошелъ въ эти стѣны, чтобы спастись, для тѣхъ всѣ эти послушанія и подвиги окажутся несомнѣнно спасительными и принесутъ имъ великую пользу; кто же напротивъ тяготится и ропщетъ, тотъ все равно, какъ бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь, такому мѣсто въ міру" (1,132 и II,681).—Такимъ образомъ, старческій уставъ монастырской жизни, не взирая на могущія произойти злоупотребленія, возможныя вездѣ, сохраняетъ свое полное достоинство и можетъ быть осо-

венно полезнымъ для тѣхъ, которые, искренно возжелавъ собственнаго спасенія, искренно же и съ самоотверженіемъ избрали себѣ высокій и многотрудный путь иноческой жизни.

Обзываютъ нынѣ иночество званіемъ безполезнымъ, потому что оно, говорятъ, по самому своему положенію не оказываетъ и не способно оказывать никакого нравственно-улучшающаго вліянія на народъ. То правда, что большинство нашихъ иноковъ, кромѣ такъ-называемаго ученаго монашества, не занимаетъ никакихъ общественныхъ должностей, однако судить по этому о безвліятельности безполезности и неспособности иноковъ стоять въ тѣсныхъ нравственныхъ отношеніяхъ съ міромъ было бы большою ошибкою. Ибо не одни общественныя должности и жизнь въ міру сближаютъ людей другъ съ другомъ. Помимо этого есть нѣчто такое, именно нравственное превосходство съ благожелательностію, что возбуждаетъ въ людяхъ большее сочувствіе и уваженіе и дѣлаетъ обладателя этихъ нравственныхъ совершенствъ выше, чѣмъ жизнь въ міру и всѣ внѣшнія отличія, должности и чины. Исторія церкви показываетъ, что многіе иноки, смиренные и нищіе съ виду, но сильные духомъ и богатые нравственными качествами имѣли въ свое время гораздо большее нравственное вліяніе на народъ и его историческую жизнь, чѣмъ сильные воеводы, правители и сами цари. Это значитъ, что сильное и благотворное нравственное вліяніе на общество можетъ исходить только отъ лицъ нравственно выше стоящихъ своихъ современниковъ и что если современное намъ монашество не оказываетъ замѣтнаго нравственнаго вліянія, то оно, слѣдовательно, само находится нѣсколько внѣ благопріятныхъ условій къ достиженію своего нравственнаго совершенства. Доставить нашему монашеству лучшія условія для достиженія имъ нравственнаго совершенства значитъ и увеличить его нравственное вліяніе на жизнь и людей. Эти два одно за другимъ слѣдующія явленія совершенно вѣрно подмѣчены нашимъ романистомъ и представлены въ лицѣ Зосимы въ яркихъ краскахъ. Начертаніемъ этого типа авторъ какъ будто хотѣлъ наглядно явить и доказать міру, что нѣтъ-де, не только небезполезно истинное монашество, но что на-

противъ отъ истиннаго-то инока болѣе, чѣмъ отъ кого-либо и естественно слышать такія хорошія рѣчи и видѣть такія хорошія дѣла, какія рѣдко приходится встрѣчать въ міру. Какъ *городъ наверху горы стоящій не можетъ укрыться* и какъ *зажженный свѣтильникъ свѣтитъ въ домѣ всѣмъ* (Мѳ. V, 14—15), такъ и нравственное вліяніе выводимаго имъ старца Зосимы не ограничивается однимъ монастыремъ, оно переходитъ и за предѣлы стѣнъ. Какъ устроитель истиннаго братства на началахъ старчества и какъ истинный учитель христіанской любви въ монастырѣ, будучи самъ нѣкогда міряниномъ и, зная мірскую жизнь съ преобладающимъ вліяніемъ въ ней „разъединяющихъ“ началъ, Зосима—инокъ, по мѣрѣ возможности, и для міра является учителемъ любви и братолюбія, дѣйствуя въ этомъ случаѣ двумя способами: то научая иноковъ, какъ учиться и учить любви и вести себя по отношенію къ міранамъ, то непосредственно бесѣдуя съ этими послѣдними.

Въ своихъ бесѣдахъ и поученіяхъ Зосима многократно, иногда даже слезно проситъ и умоляетъ иноковъ любить народъ и беречь его вѣру, ибо „изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія“ (Русск. В. 1879, VIII, 688). Но любить нужно не нѣкоторыхъ изъ народа, не случайно и не на мгновеніе, но всѣхъ постоянно. „Случайно-то, говоритъ онъ, и всякій полюбить можетъ, и злодѣй полюбитъ. Юноша, братъ мой, продолжаетъ онъ, у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ бы и безсмысленно, а вѣдь правда, ибо все, какъ океанъ, все течетъ и соприкасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается“ (—693). Поэтому восторгами должно дорожить, чтобы воспитать въ себѣ постоянную любовь. „Любите все созданіе Божіе и каждую песчинку, любите животныхъ, растенія и всякую вещь особенно дѣтокъ. Паче же всего, умоляетъ старецъ, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужь подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ (—692). Самъ въ этомъ случаѣ Зосима былъ примѣромъ для всѣхъ. Про него монахи говорили Алексѣю Карамазову, который потомъ и самъ убѣдился, что „онъ именно привязывался душой къ тому, кто грѣшнѣе и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и любитъ“ (I, 133). Понялъ потомъ

эту заповѣдь и Алексѣй, когда, по выходѣ изъ монастыря, онъ привелъ въ восторгъ одну особу, сказавъ, что „за людьми сплошь надо какъ за дѣтьми ходить, а за иными, какъ за больными въ больницахъ“ (V, 394). Презрѣніе къ кому бы то ни было, даже людямъ недостойнымъ и злодѣямъ совершенно изгонялось старцемъ. Любовь должна быть открыта не для нѣкоторыхъ только, напр., достойныхъ ея, но напротивъ она должна быть тѣмъ выше и святѣе, чѣмъ извѣстный человѣкъ ниже и грѣшнѣе и чѣмъ меньше онъ располагаетъ насъ къ естественному уваженію и любви къ себѣ. Вотъ здѣсь-то и есть истинная любовь, чуждая всякаго самопревозношенія и гордости. „Не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великими... Не ненавидьте атеистовъ, злоучителей, матеріалистовъ, даже злыхъ изъ нихъ, не токмо добрыхъ, ибо и изъ нихъ много добрыхъ. Поминайте ихъ пока на молитвѣ: спаси всѣхъ, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться и пр. (IV, 680). „Молитесь также каждый день всегда, когда можно, о всѣхъ днѣсь преставльшихся. Ибо между тысячами людей, покидающихъ жизнь ежедневно, многіе разстаются съ землею невѣдомо ни для кого, такъ что никто не желаетъ и не знаетъ: жили ли они, или нѣтъ. И вотъ, быть можетъ, за упокой такого вознесется и твоя молитва. Умилительно будетъ душѣ усопшаго почувствовать въ тотъ моментъ, что и за него есть молельщикъ, да и Богъ милостивѣе воззритъ на обоихъ васъ“ (VIII, 692). Только при такого рода любви, основанной на уваженіи человѣческой личности и чуждой всякаго презрѣнія къ меньшимъ и низшимъ изъ братіи возможно истинное братство. Въ этой-то любви, смягчающей отношенія между господиномъ и слугой, начальникомъ и подчиненнымъ, и нуждается современный міръ, въ которомъ сплошь да рядомъ встрѣчаются нечеловѣческія отношенія высшихъ къ низшимъ, а оттого нѣтъ тамъ и братства. Съ сердечнымъ умиленіемъ и восторгомъ старецъ вспоминаетъ глубоко запавшія въ его душу слова своего брата-юноши: „стою ли я того весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а чтобы я за нищету и темноту его имъ помыкалъ“? Ужъ если въ міру не возможно безъ слугъ, говоритъ старецъ, то всегда возможно держать себя такъ,

„чтобы былъ у тебя твой слуга свободнѣе духомъ, чѣмъ если-бы былъ не слугой. И почему я не могу быть слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это и ужь безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его невѣрія? Почему не быть слугѣ моему какъ бы мнѣ роднымъ, такъ что приму его наконецъ въ семью свою и возрадуюсь сему? Даже и теперь это еще такъ исполнимо, но послужитъ основаніемъ къ будущему уже великолѣпному единенію людей, когда не слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугъ пожелаетъ обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а напротивъ изо всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугою по Евангелію“ (VIII, 690). Таковы совѣты и наставленія старца о любви и братствѣ по отношенію къ міру.

Но всего яснѣе о характерѣ отношеній инока къ міранамъ говоритъ самая жизнь,—поступки и непосредственныя бесѣды Зосимы съ приходящими къ нему богомольцами. Такъ Зосима не только не пренебрегаетъ мірскими, но и удѣляетъ значительную часть времени для бесѣды съ ними, и даже болѣе готовитъ изъ Алексѣя Карамазова въ нѣкоторомъ смыслѣ миссіонера въ мірѣ, воспитавъ его сначала подъ непосредственнымъ своимъ вліяніемъ и научивъ его вѣрѣ въ Бога и дѣятельной любви къ ближнимъ. Когда уже стало извѣстнымъ въ монастырѣ, что Алексѣй назначается Зосимою къ выходу въ міръ, то кромѣ этого старца даютъ ему напутственные совѣты и другіе иноки. Такъ библіотекарь о. Паисій говоритъ ему: „мірская наука разобрала все, что завѣщано въ книгахъ святыхъ намъ небеснаго и послѣ жестокаго анализа у ученыхъ міра сего не осталось изо всей прежней святыни рѣшительно ничего. Разбирали они по частямъ, а цѣлое просмотрѣли... Ибо отрекшіеся отъ христіанства и бунтующіе противъ него въ существѣ своемъ сами того же самаго Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ не въ силахъ были *создать* высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ указанный древле Христомъ. А что было попытокъ, выходили однѣ лишь уродливости. Запомни сіе особенно, ибо въ міръ назначаешься отходящимъ“ (IV, 688). О необыкновенно сильномъ нравственномъ вліяніи старца на народъ свидѣтельствуетъ уже одно необыкновенное число по-

сѣтителей, притекавшихъ къ Зосимѣ за совѣтами, наставленіями. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что Зосима, вовсе не желая быть народнымъ дѣятелемъ, мало по малу становится сильнымъ и авторитетнымъ лицомъ въ нравственно-религіозной жизни цѣлаго округа. Онъ не хочетъ идти и не идетъ въ народъ, чтобы опроститься, слиться съ нимъ и потомъ управлять имъ, какъ дѣлаютъ наши соціалъ-демократы, но самъ народъ, наслышавшись о его иноческихъ подвигахъ и прекрасныхъ качествахъ его души толпами устремляется къ вратамъ монастырскимъ и цѣлые часы съ нетерпѣніемъ ждетъ выхода маститаго старца. Таково дѣйствіе на людей истинно и высоко нравственныхъ лицъ. Къ старцу Зосимѣ стекались напр. и простолюдины и самые знатные люди съ тѣмъ, чтобы, повергаясь предъ нимъ, исповѣдывать ему свои сомнѣнія, свои грѣхи, свои страданія и испросить совѣта и наставленія. Особенно умилительно было видѣть, когда старецъ выходилъ къ толпѣ простаго народа, ожидавшаго его выхода у вратъ скита. Эти выходы, наполняя душу молодаго Карамазова духовнымъ веселіемъ и спокойствіемъ, всегда приводили его къ той отрадной увѣренности, что есть „на землѣ праведникъ“ а иногда трогали его и до слезъ, особенно когда ему приходилось въ подробности видѣть, „какъ приходящіе повергались предъ старцемъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоялъ, вопили и пр., какъ бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ, кликушъ и проч... Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ“ (I, 132 — 134). Авторъ даже весьма подробно и художественно описываетъ одинъ изъ такихъ его выходовъ, въ которомъ старецъ то утѣшаетъ скорбящую по умершемъ сынѣ мать, то разувѣряетъ простую старушку въ той суевѣрной мысли, что если она отслужитъ по пропавшемъ сынѣ панихиду, такъ онъ непремѣнно затоскуетъ и напишетъ ей письмо, то убѣждаетъ великихъ грѣшницъ въ милосердіи и любви Божіей, то увѣряетъ одну благородную даму въ безсмертіи души, предлагая ей дѣятельную любовь къ Богу и ближнимъ, то наконецъ получаетъ порученіе отъ одной бѣдной крестьянки отдать шесть гривенъ той, которая бѣднѣе ея (I, 152—168). Такъ

много содержательны, плодотворны и по истинѣ умилительны и трогательны до слезъ бывали эти выходы старца къ народу.

Не менѣе содержательны, хотя и не такъ умилительны бывали бесѣды Зосимы и съ людьми знатными и образованными. Замѣчательна въ этомъ отношеніи его бесѣда съ Карамазовыми. Правда, устроенное здѣсь свиданіе съ цѣлію примиренія Дмитрія Карамазова съ своимъ отцемъ и не оправдало своего назначенія, однако оно замѣчательно тѣмъ, что присутствующіе даютъ здѣсь оригинальное рѣшеніе и разъясненіе вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Въ будущемъ не церковь должна искать себѣ опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ всякій общественный союзъ или союзъ для религіозныхъ цѣлей, равнымъ образомъ и не церковь должна превратиться въ государство, какъ въ католичествѣ, а напротивъ земное государство должно бы въ послѣдствіи обратиться въ церковь вполнѣ и сжать ничѣмъ инымъ, какъ лишь церковію и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковными свои цѣли. Это желательная замѣна прежнихъ стихійныхъ началъ жизни началами истинно христіанскими и превращеніе общества въ церковь и есть идеалъ будущаго исторіи, скорѣйшее исполненіе его, заключаетъ Зосима „буди и буди!“(I, 171—176).

Отсюда открывается, что и на монашествѣ, какъ и на бѣломъ духовенствѣ, лежитъ одна и таже обязанность, именно, какъ можно болѣе способствовать тому, чтобы мірское государство стало церковію. Разница между ними заключается только въ употребленіи различныхъ способовъ и средствъ для достиженія этой цѣли. Тогда какъ иноки обязаны быть образцовыми хранителями и образцовыми устроителями братской и подвижнической жизни въ своей средѣ, такъ чтобы ихъ братская жизнь представлялась святымъ идеаломъ и живымъ примѣромъ людямъ мірскимъ, бѣлое духовенство призвано къ непосредственной борьбѣ съ міромъ, къ служенію на пользу церкви въ самомъ мірѣ, къ открытой проповѣди людямъ и непосредственному руководству ими.

Опечатки въ статьяхъ: «Сверхъестественное откровеніе»—въ январьской книжкѣ.

Напечатано:			Должно быть:
Стр.	*строк.*		
9	1	сн. на духъ	на даръ
17	18	св. такъ называемой, религіи,	такъ называемой, *раціональной* религіи,
19	6	сн. и непоколебимое	и непоколебимое убѣжденіе
29	14	сн. условіями	усиліями

Въ февральской книжкѣ.

Напечатано:			Должно быть:
Стр.	*строк.*		
154	2	сн. однообразіе	разнообразіе
155	1	св. обсютно	абсолютно
—	15	сн. промышленная сила	промыслительная сила
161	2	св. въ особенную	въ собственную
—	15	» оружіекъ	орудіемъ
—	19	» въ Божественномъ	въ богодухновенномъ
164	11	чуждаго	чуднаго
174	15	» сложными	ложными
179	16	сн. внутри его разума	внутри разума

Внутреннее обозрѣніе.

Вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Первоначальная форма его. Перерожденіе вопроса и стадіи его развитія. Послѣдняя стадія, какъ самая рѣшительная. Вопросъ о расформированіи духовенства. Проэктъ „Отечеств. Записокъ". Постановленіе Московскаго губернскаго земскаго собранія. Благовѣстъ „Руси".

Въ послѣднее время вопросъ объ улучшеніи быта православнаго русскаго приходскаго духовенства, усиліями русской и quasi—русской православной и неправославной интеллигенціи, введенъ въ новый и довольно знаменательный фазисъ. — Припомнимъ кое-что изъ недалекаго прошлаго. Явившись первоначально въ скромной формѣ вопроса о средствахъ содержанія духовенства приходскаго и источникахъ, откуда ихъ черпать, данный вопросъ очень скоро воспринялъ звонкую форму вопроса *объ улучшеніи матеріальнаго и моральнаго быта духовенства*. И нужно признать, что въ первоначальной своей формѣ вопросъ трактовался съ живостію и искренностію, можетъ быть, даже излишними. Признавалось по крайней мѣрѣ, что духовенство имѣетъ естественное право и способность *кушать*, а такъ какъ времена оказывались такими, что невозможно было пойти и *бросить удицу въ чужой прудъ или озеро*, то признавалось далѣе справедливымъ подумать о средствахъ содержанія приходскаго духовенства. — Этотъ-то излишекъ живости и искренности и былъ, по видимому, причиною того, что простой сравнительно вопросъ переродился въ вопросъ формы сложной и искусственной, до извѣстной степени. Говоримъ такъ потому, что есть серьезныя основанія думать, что такая (искусственная) форма обязана своимъ происхожденіемъ не точному обслѣдованію дѣйствительности, а какимъ-то инымъ причинамъ. Припомнимъ тѣ рѣшенія, какія давались вопросу первоначальной формы. Говорили прежде всего, что государство должно принять православное духовенство на свое содержаніе, какъ оно приняло уже на свое содержаніе иныя

разныя духовенства. Но оказалось, что государственное казначейство не можетъ принять на себя такого значительнаго расхода. Здѣсь бы и остановиться. Однако всевозможные языки расходились настолько, что со всѣхъ сторонъ прибавлялось: да и не согласенъ былъ бы такой способъ содержанія съ апостольскимъ духомъ служенія духовенства православнаго, ибо такой способъ обратилъ бы духовенство въ сословіе чиновниковъ, которыхъ не захотѣлъ бы знать народъ. Такъ впервые столкнулись бытъ матеріальный и бытъ моральный! Оказалось такимъ образомъ, что нищенствующее духовенство несетъ на своихъ плечахъ апостольское служеніе. Здѣсь важно признаніе не того только, что духовенство нищенствуетъ и что поэтому оно должно быть матеріально обезпечено; но особенно важно признаніе того, что,—по смыслу прибавки къ отказу государственнаго казначейства выдавать духовенству опредѣленное жалованье,—моральный бытъ духовенства представляется удовлетворительнымъ: оно несетъ апостольское служеніе—что можетъ быть выше этого?—и представляется таковымъ, на чемъ особенно можно настаивать, не de jure только, но и de facto. Даже сочли невозможнымъ приравнять духовенство къ чиновничеству, хотя бы родному ему—консисторскому, — это ли не лучшій, съ точки зрѣнія современныхъ понятій, похвальный отзывъ, данный когда либо духовенству за его благоприлежаніе и благоповеденіе?—Стали указывать на земства разныхъ наименованій. Да и кому же ближе къ сердцу могъ бы лежать по истинѣ земскій вопросъ объ обезпеченіи духовенства, какъ не излюбленнымъ людямъ земли и сердца русскаго, призваннымъ блюсти земскіе интересы, въ числѣ которыхъ *церковность* занимаетъ самое видное мѣсто? Появились даже извѣстія, помѣщавшіяся въ отдѣлѣ утѣшительныхъ и многознаменательныхъ, о первыхъ шагахъ нѣкоторыхъ земствъ въ данномъ направленіи. Однако утѣшительнаго и многознаменательнаго смысла этихъ шаговъ стало на весьма немногіе факты. Вообще же оказалось, что земства, по разнымъ причинамъ, страдаютъ безденежьемъ, такъ что даже народнымъ учителямъ, этой силѣ, на которой почиваютъ лучшія надежды, такъ называемыхъ, лучшихъ современныхъ русскихъ людей, выдаютъ ихъ скудные заработки до крайности неряшливо. Однако и здѣсь вопросъ не остановился на безденежьи. Стали разбирать нравственную подкладку такого способа обезпеченія духовенства и нашли, что этотъ способъ, немногимъ отличаясь отъ способа сбора, такъ называемыхъ, доброхотныхъ даяній, представ-

ляетъ то главнѣйшее неудобство, что онъ закабалилъ бы духовенство,—не могъ нравиться и народу, какъ лишняя повинность. Такимъ образомъ опять подвернулся моральный бытъ духовенства и представился и de jure и de facto на столько удовлетворительнымъ, что оказывался достойнымъ охраны даже отъ излюбленныхъ людей земли и сердца русскаго.—Приходилось вернуться такимъ образомъ къ способу сбора доброхотныхъ даяній. Это былъ старый способъ, изъ-за котораго возникъ и самый вопросъ объ обезпеченіи духовенства. Однако это обстоятельство какъ-то забылось. Во всякомъ случаѣ явились мастера печатнаго дѣла, которые приняли на себя задачу обновить и обновили старый способъ такъ, что изъ ихъ рукъ онъ вышелъ новымъ, какъ монета самаго послѣдняго чекана. Указали по обычаю на служеніе апостольское, припомнили совѣтъ апостола Павла, служителямъ алтаря питаться отъ алтаря и отъ дѣлъ рукъ своихъ, изслѣдовали исконность такого способа содержанія духовенства въ русской собственно церкви, доказали особую угодность такого способа русскому народу,—однимъ словомъ потратили много мудрости и краснорѣчія, какъ будто бы такой способъ содержанія духовенства прилагался къ дѣлу въ первый разъ. При этомъ прибавлялось, что только такимъ путемъ будетъ охранена близость духовенства къ народу, изъ каковаго обстоятельства предполагалось сдѣлать весьма возвышенное употребленіе, и что только такъ духовенство исполнитъ свою миссію — быть всегда роднымъ для народа, и неуклонно стоять на стражѣ его нравственно-религіозной жизни, даже до забвенія своихъ интересовъ, какъ коллективной личности, или, по болѣе современному словоупотребленію, какъ корпораціи или даже касты. Тогда-то, снабдивъ духовенство разными благожеланіями, между которыми едва ли не первое мѣсто занимало благожеланіе, чтобы духовенство не проявляло излишней необузданности въ сборѣ доброхотныхъ даяній и даже установило нѣчто въ родѣ таксы на эти доброхотныя даянія, нашли возможнымъ пустить его снова по міру. Такимъ образомъ и въ послѣдней инстанціи матеріальный бытъ былъ заслоненъ моральнымъ до такой степени, что самый вопросъ объ обезпеченіи духовенства какъ бы и не существовалъ никогда. И огорченія, которыя причиняла матеріальная необезпеченность духовенства, были уравновѣшены удовольствіемъ, проистекавшимъ отъ созерцанія, если не самаго матеріальнаго быта духовенства, то по крайней мѣрѣ крѣпкихъ устоевъ его.

Въ чувствѣ такого-то равновѣсія сдѣланы были нѣкоторые шаги впередъ. Такъ, чтобы съ одной стороны умножить доброхотныя даянія, съ другой — предоставить такому плодоносящему и многодѣющему духовенству, какъ наше, обширнѣйшее поле дѣятельности, найдено было возможнымъ сократить число причтовъ и членовъ причтовъ. Такимъ образомъ оказалось, что тамъ, гдѣ собирали доброхотныя дѣянія и дѣйствовали двое, трое, теперь обработываетъ ниву одинъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ для духовенства открылись обширныя, а иногда и необозримыя перспективы (не умственной и нравственно-религіозной дѣятельности, — нѣтъ!), то приложены были заботы, чтобы ничто не затрудняло духовенство въ обозрѣніи имъ открывшихся перспективъ. Такъ церковно-приходскія школы, на которыя дѣйствительно, какъ это нужно признать, уходило много силъ духовенства, были разбросаны въ немногіе годы; могло оно считать себя свободнымъ отъ обязанностей законоучительства въ народной школѣ; по мѣстамъ было внушаемо ему, что онъ освобождается и отъ обязанностей проповѣдничества и пр. и пр.

Замѣчательно, что само духовенство въ ту пору, какъ вопросъ о способахъ обезпеченія его протаскивали чрезъ государственное казначейство, земство и приходъ, обнаружило весьма много спокойствія. Только разъ оно заволновалось замѣтнѣе, именно, когда угрожала ему опасность быть отданнымъ въ руки земства. Отъ чего такъ случилось? — рѣшить трудно; — можетъ быть, отъ того, что духовенству, неразборчивому, какъ говорятъ, въ средствахъ содержанія, не чужда разборчивость въ способахъ собиранія средствъ. Вообще же говоря, духовенство во всю данную пору обнаруживало, достойное уваженія, смиренномудріе.

Такимъ образомъ въ пору наибольшаго вниманія къ матеріальному быту духовенства вопросъ идетъ не объ обезпеченіи духовенства, а объ его моральномъ бытѣ и его устояхъ. Правда, и въ эту пору иногда обнаруживалось обратное отношеніе къ дѣлу т. е. не то, по которому выходило такъ: духовенство исполняетъ возвышенное служеніе и потому должно бѣдствовать матеріально, такъ какъ это входитъ въ программу возвышеннаго служенія,—но такое: духовенство бѣдствуетъ и потому не можетъ успѣшно выполнять свое служеніе. Однако второе отношеніе не возобладало надъ первымъ, можетъ быть, потому, что начертывало программу служенія духовенства не ту, какую имѣло въ виду первое. Во всякомъ же

случаѣ изъ подмѣси втораго отношенія къ первому получилось только, въ видѣ дряннаго осадка, убѣжденіе, которое, выражаясь вообще въ формулѣ: *духовенство нищенствуетъ*!—пропитываетъ ее горечью и ѣдкостію въ большей или меньшей пропорціи.

Такъ прошелъ вопросъ первую стадію своего развитія.

Но вотъ кому-то пришла мысль, которую мы не называемъ здѣсь счастливою только потому, что такое названіе, въ виду современныхъ толковъ, не можетъ быть голословнымъ, а между тѣмъ мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду сейчасъ доказывать, что мысль дѣйствительно была счастлива,—пришла мысль обратиться къ самому духовенству и заставить его самого подумать объ удовлетвореніи на первый разъ по крайней мѣрѣ насущнѣйшимъ потребностямъ своего матеріальнаго быта. Нужно знать, что до сей поры духовенство стояло въ сторонѣ отъ вопроса о немъ же самомъ,—стояло, такъ сказать, въ передней, въ то время, какъ господа и слуги разныхъ наименованій договаривались, какъ бы половчѣе спровадить его съ рукъ. Но обратиться къ духовенству значило обратиться къ нему, какъ къ *личности*, и заставить его подумать о своихъ нуждахъ значило разбудить въ немъ сознаніе, которое въ немъ жило и дѣйствовало. Первое было дѣломъ простой только справедливости, ибо нельзя же было долѣе представлять духовенство, исчисляемое десятками тысячъ, въ видѣ отдѣльныхъ атомовъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ и совершающихъ свое, независимое другъ отъ друга, движеніе,—нельзя было именно потому, что рѣчь о возвышенныхъ задачахъ, исполняемыхъ или неисполняемыхъ духовенствомъ, никогда не прекращавшаяся, теперь усиливалась и ей стала грозить серьезная опасность оказаться безсмысленной, если она не будетъ имѣть предъ собой живой и опредѣленной личности. Такъ едва ли не въ первый разъ, по крайней мѣрѣ такъ рѣшительно, дали духовенству личность. Что же касается сознанія личности, которое хотѣли вызвать къ жизни и дѣятельности, то оно оказалось, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, самой неопредѣленной формы: самое лучшее, что можно было сказать о немъ, это—то, что оно обиловало, хотя разрозненными и отрывочными, отвлеченными ортодоксально—теологическими элементами; самое худшее—это то, что оно поражало почти полнымъ отсутствіемъ общественно-практическихъ началъ даже относительно непосредственной области дѣятельности и быта духовенства, какъ коллективной личности. Что дѣлать?—практики исторической не было. Такой-то лич-

ности и такому-то сознанію предоставлено было разбираться въ своихъ самонужнѣйшихъ дѣлахъ. Указаны были и формы проявленія и дѣятельности этой личности и сознанія. Открылись съѣзды разныхъ видовъ и наименованій. Нечего и говорить, что въ началѣ дѣла пошли дурно, впрочемъ мирно и тихо. Однако очень скоро духовенство освоилось съ своимъ новымъ положеніемъ и съ ловкостію и умѣньемъ человѣка, наученнаго нуждою калачи ѣсть, повело свои дѣла. Были кое-какіе привиллегіи, которыя оказалось возможнымъ капитализировать. Принялись за капитализацію. Разработали свѣчную операцію, открыли свѣчныя лавки, склады и заводы, попробовали эмеритуры, завели кассы разныхъ назначеній, подняли вопросъ о страхованіи и пр. и пр. Стали заводиться у духовенства деньги общественныя.... Однимъ словомъ духовенство въ довольно значительной степени воспользовалось мудростію и опытностію ходкой современности, исключая, кажется, и, конечно, къ счастію, опытности и мудрости по части моментальнаго очищенія общественнаго сундука.... Стали покрываться нѣкоторыя неотложныя нужды, нѣкоторые вопросы стали сходить съ очереди, стали открываться вопросы высшаго порядка. Сдѣлалось почти возможнымъ ожидать, что нѣкоторые вопросы, теперь усердно поливаемые *иными* дѣятелями ядомъ гнилой любви къ народу безъ надежды на рѣшеніе ихъ, будутъ рѣшены духовенствомъ..... Но, стопъ машина!

Случилось нѣчто, можно сказать, совершенно неожиданное.—Едва ли нужно доказывать, что та дѣятельность, за которую принялось, пробужденное къ дѣятельности духовенство, не представляло собою ничего ненормальнаго, ничего выходящаго изъ ряда. Развѣ и всякій другой союзъ, даже исчисляющій своихъ членовъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ духовенство, разъ онъ вызванъ къ жизни и дѣятельности и поставленъ какъ совокупная личность, дѣлаетъ не то же самое—управляется прежде всего не съ своими неотложными дѣлами? Развѣ совокупная дѣятельность по устройству дѣлъ низшаго порядка не есть путь къ сознанію потребностей высшаго порядка и практическая школа этого сознанія? Да и наконецъ развѣ совокупная дѣятельность духовенства пошла въ чемъ нибудь въ разрѣзъ съ тѣми пожеланіями, которыми мы снабдили его въ путь за доброхотными даяніями?— И однако эта дѣятельность, простая и обыкновенная, заволновала умы, имѣющіе притязанія быть проницательными и стоять на сторожѣ всевозможныхъ интересовъ отечества. Нѣтъ, ко-

нечно, надобности, впрочемъ нѣтъ и возможности, перечислять тѣ претензіи, которыя были со всѣхъ сторонъ предъявлены къ духовенству на почвѣ его совокупной дѣятельности. Однако не безполезно условиться относительно основнаго пункта, около котораго сосредоточиваются эти претензіи,—и намъ думается, что его безпошибочно можно указать не въ совокупной дѣятельности духовенства собственно,—это только почва произрастанія притязаній къ духовенству,—а въ томъ, что скрывается за этою дѣятельностію и что даетъ ей начало,—однимъ словомъ *въ личности* духовенства. Дѣятельность во всякомъ случаѣ—явленіе условное, способное выражаться въ такой или иной формѣ и принимать то или другое направленіе, такъ что даже мало проницательному уму должно быть ясно, что если она односторонняя, то можетъ быть и многосторонней, если она низменна, то можетъ быть и возвышенна, и что такимъ образомъ нѣтъ особенно побудительныхъ причинъ надсѣдаться и надрываться надъ ней. Иное дѣло—личность. Это—сила, съ которой нужно считаться, что особенно неудобно въ ту пору, когда каждый чувствуетъ въ себѣ способность сказать свое вѣщее слово и спасти отечество. А духовенство—сила историческая, какова бы она ни была. И этой-то силѣ, разбросанной и затерянной среди народа въ продолженіе вѣковъ, пришлось собираться и слагаться въ личность именно въ наши времена, такъ ревниво въ дѣлѣ служенія народу! Не мудрено по этому, что мы, изощряя всякое остроуміе отъ пошлаго до ѣдкаго надъ совокупною дѣятельностію духовенства, всею тяжестію гнѣва обрушиваемся на духовенство, какъ личность. По крайней мѣрѣ мы или никакъ не можемъ согласиться между собою или начинаемъ разочаровываться въ томъ, что духовенство имѣетъ право собираться для обсужденія своихъ дѣлъ и такимъ образомъ отъ времени до времени свидѣтельствовать православному міру, что оно не только существуетъ, но и солидарно между собою. Мы готовы въ нѣкоторыхъ случаяхъ признать великодушно, что если существуетъ личность опредѣленная, хотя бы и коллективная, то она должна имѣть опредѣленный кругъ своихъ интересовъ; но когда идетъ рѣчь о духовенствѣ, то его интересы мы разумѣемъ какъ корпоративные и *потому* нетерпимые. Изъять же ихъ изъ обращенія можно не иначе, какъ изъявши изъ обращенія личность духовенства. Самый, такъ называемый, духъ, во имя котораго люди собираются въ союзы и который обязывается вѣять въ каждомъ такомъ союзѣ, въ духовенствѣ представляется

нестерпимымъ,—и какъ же бы онъ могъ быть выкуренъ, какъ не путемъ уничтоженія личности духовенства?—Однимъ словомъ ничто болѣе, какъ только личность духовенства,—та самая личность, объ отсутствіи которой мы нѣкогда плакали и надъ созданіемъ которой для дружной дѣятельности трудились,—по настоящему времени оказывается ненужной. И вотъ вторая стадія развитія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго и моральнаго бытя духовенства! Здѣсь вопросъ трактуется уже во всей своей полнотѣ,—не такъ, какъ въ первой стадіи, и люди взимаются на ту самую личность духовенства, собраніемъ и созданіемъ которой заключалась первая стадія.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что теперь вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго и моральнаго быта духовенства переродился въ вопросъ объ упрощенномъ способѣ уничтоженія личности духовенства или расформированія его и о наиболѣе удобномъ и выгодномъ расходованіи тѣхъ обломковъ, которые должны остаться послѣ таковаго крушенія въ видѣ поповъ (по современной терминологіи), дьяконовъ, старомодныхъ дьячковъ и пономарей и новомодныхъ псаломщиковъ. Надъ этимъ-то новымъ вопросомъ и раздумываютъ лучшіе современные мыслители русскаго общества. До сихъ поръ, если не считать межеумочныхъ мнѣній, дано два проэкта рѣшенія означеннаго вопроса, особенно замѣчательные въ томъ отношеніи, что, исходя изъ двухъ совершенно противоположныхъ лагерей, они до извѣстной степени однородны между собою.

Проэктъ № 1-й данъ «Отечественными Записками»—и читатели могутъ уже догадываться, подъ какими вѣяніями онъ сложился. Вотъ какъ именно разсуждаютъ «Отечественныя Записки», ставя вопросъ объ уничтоженіи духовенства, какъ личности, въ связи съ уничтоженіемъ духовной школы: «главный недостатокъ духовной школы, по ихъ мнѣнію, тотъ, что она существуетъ. Священникъ долженъ быть, по постановленію церкви, (NB подобныя ссылки на постановленія церкви у современныхъ мыслителей по дѣламъ церкви и духовенства имѣютъ вообще весьма широкое употребленіе и въ большинствѣ случаевъ бываютъ обязаны своимъ происхожденіемъ малому знакомству съ дѣйствительными постановленіями церкви. Такъ и въ данномъ случаѣ. Никакого постановленія церкви, нужнаго автору, нѣтъ, да оно и невозможно, ибо церковь вообще не тратитъ своего законодательнаго творчества тамъ, гдѣ законодатель-

ствуетъ простой здравый смыслъ), членомъ общества; обществу *по этому* (почему же?), а никому болѣе (будто?) принадлежитъ его избраніе, а слѣдовательно и разсмотрѣніе, насколько онъ соотвѣтствуетъ *его* желаніямъ и потребностямъ (sic!). Слѣдовательно (?) самому же обществу, а никому болѣе, принадлежитъ воспитаніе лицъ, пригодныхъ для этого сана, *если бы оно признало это нужнымъ*. Но будь это дѣло въ рукахъ общества, оно никогда не отдѣляло бы школъ духовныхъ отъ общихъ. Ибо нѣтъ смысла приготовлять священниковъ для дѣйствія въ семъ грѣшномъ мірѣ и съ дѣтства воспитывать ихъ въ полномъ уединеніи отъ этого міра. Тѣмъ болѣе оно не могло бы никогда создать духовной школы чисто кастоваго характера. Говоря другими словами, если духовная школа существуетъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, то единственно по ошибкѣ, потому, что она въ рукахъ не настоящаго своего хозяина — общества. Основали ее высшіе представители духовенства, въ то время, когда послѣднее уже выдѣлялось изъ общества и сложилось въ отдѣльную касту. Въ руки тѣхъ же лицъ поступило и управленіе духовной школой, запечатлѣнное всегда духомъ аскетическаго отчужденія отъ общества». «Въ качествѣ приготовительной школы для академіи, семинаріи, равно какъ и низшія духовныя училища оказываются не нужными, ибо и сейчасъ право поступить въ д академіи, наравнѣ съ семинаристами, принадлежитъ и воспитанникамъ гимназій. А для приготовленія тѣхъ, которые немедленно по окончаніи семинарскаго курса готовятся въ пастыри сельскіе, духовныя семинаріи нисколько не приспособлены, какъ во все время своего существованія, такъ и до сихъ поръ продолжаютъ давать плохихъ пастырей. Поэтому, самое лучшее, что съ ними можно сдѣлать — это ихъ уничтожить, предоставивъ самому обществу заботиться о приготовленіи для себя «духовенства». «Пусть государство уничтожитъ духовенство, какъ касту, пусть уничтожитъ духовныя школы — низшія и среднія — и предоставитъ, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть само общество и приготовляетъ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства, которое за приготовленными школами этого рода должно имѣть такой же надзоръ, какъ и за всѣми свѣтскими мѣстами—не болѣе. Для лучшаго устройства этихъ школъ и попеченія о нихъ, всѣ приходы, находящіеся въ районѣ земства, соединяются вмѣстѣ въ лицѣ зем-

ства. Каждый прошедшій чрезъ эти школы воспитанникъ, выбранный въ священники и посвященный въ этотъ санъ, состоитъ подъ попеченіемъ и защитой избравшаго его общества и земства. Отъ нихъ получаетъ онъ свое содержаніе; безъ ихъ согласія онъ не можетъ быть ни перемѣщенъ, ни уволенъ, ни подвергнуться какому бы то ни было взысканію въ случаѣ вины, прежде чѣмъ вина эта будетъ разобрана епархіальнымъ начальствомъ, совокупно съ избранными членами отъ общества, гдѣ онъ служитъ, и земства. Поставленное такимъ образомъ, духовенство быстро перемѣнитъ свой видъ. Оно снова войдетъ въ составъ общества и будетъ для всѣхъ свое; духовное званіе не будетъ никого пугать и въ него будутъ охотно поступать лица всѣхъ сословій. Школа, приспособленная къ потребностямъ общества (?), дастъ духовенству возможность оказывать тѣ или другія услуги обществу помимо своего прямаго служенія. Это дастъ ему почетное положеніе въ обществѣ, а сознавая это, священникъ не будетъ предаваться отъ скуки, горя и безденежья пьянству, какъ теперь, и т. д. и т. д.»

Представленный проэктъ, какъ легко замѣтить, отличается крайнею простотою и несложностію, хотя и набросанъ чрезвычайно смѣлою рукою. Если выбросить изъ него все то, въ чемъ выразилось такъ излюбленное современными публицистами стремленіе, какъ говорится, создать обстановку, на которую обыкновенно и возлагаются всѣ надежды и для созданія которой пускаются въ дѣло всѣ средства отъ прекрасныхъ до пошлыхъ, то суть проэкта выразится въ такихъ голыхъ положеніяхъ: теперешнее духовенство должно быть распущено; образованіе новаго духовенства на мѣсто упраздненнаго должно быть всецѣло предоставлено обществу и земству; новому духовенству гарантируется полное уваженіе со стороны общества. И вотъ матеріальный и моральный бытъ духовенства благоустроенъ нѣсколькими взмахами.... пера.... И этотъ-то легковѣсный проэктъ трактуется съ серьезностію авгура!

Если бы требовалось самымъ существомъ дѣла, то весьма и весьма можно было бы утверждать полную несочетаваемость указанныхъ положеній. Въ той же обстановкѣ, въ какой высказанъ проэктъ, достаточно ограничиться только нѣсколькими замѣчаніями. Итакъ первое положеніе—о распущеніи наличнаго духовенства, какъ касты. Признаться сказать,—трудно было бы выразумѣть истинный смыслъ этого положенія, если бы онъ не иллюстрировался все болѣе и болѣе ясно выражающимися поползновеніями извѣстной части пе-

чати установить и пропагандировать въ средѣ много читающей, но еще мало понимающей публики извѣстный взглядъ на духовенство Зерномъ же этого взгляда служитъ не убѣжденіе, — ибо для таковаго рѣшительно въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста, — но опасеніе, что совокупная дѣятельность духовенства можетъ обратиться въ разсадникъ клерикализма и что духовенство, все болѣе собираясь въ коллективную личность и все болѣе опредѣляясь, дастъ готовую клерикальную партію. Насколько несправедливо подобное опасеніе и насколько неосновательны рождающіеся подъ давленіемъ его толки объ угрожающемъ будто бы нашествіи на русскую жизнь клерикализма, — мы считаемъ даже излишнимъ и говорить. Это то опасеніе и заставляетъ желать распущенія наличнаго духовенства, и не юридическаго только. Ибо есть ли мѣсто для такого акта, если даже и признать, что въ основаніи его была бы положена хоть какая-бы то ни было разумная цѣль? Правда, предъ нами ставятъ призракъ касты. Но вѣдь юридически духовенство никакъ не болѣе каста, нежели любая каста—чиновниковъ, ремесленниковъ, солдатъ и пр. и пр. Такъ, можетъ быть, многіе болѣе склонны желать распущенія наличнаго духовенства фактическаго. И такое желаніе даже пожалуй послѣдовательно; такъ какъ наличное духовенство все-таки уже сознало свое личное. бытіе, вкусило, хотя и скудныхъ, плодовъ его,—и потому трудно предположить, чтобы юридическое только распущеніе не имѣло для наличнаго духовенства значенія раздражающаго компромиса. А къ чему же дразнить хотя бы и гусей? На ряду съ положеніемъ о распущеніи духовенства вопросъ объ уничтоженіи духовной школы рѣшается самъ собой. Такъ какъ доселѣ духовная школа связывала интересы духовенства въ одинъ узелъ не только потому, что она снабжала духовенство кое-какими задачами, но и потому, что и потомъ объединяла фактически коллективную дѣятельность духовенства,—то стоитъ ли жалѣть о ней, какъ скоро констатировано первое положеніе?— стоитъ ли жалѣть о ней, если бы даже она, вопреки своей удостовѣренной кастичности, всегда отличалась тѣмъ услужливымъ свойствомъ (*служила мебелью*, по выраженію «Отечеств. Запис.), по которому она выдѣлила изъ себя когда-то и образовала свѣтскую школу, всегда (за исключеніемъ самаго послѣдняго времени) питала ее, постоянно дѣлала отъ себя вклады въ общую сокровищницу народной жизни,— однимъ словомъ всегда обнаруживала поползновеніе служить болѣе всѣмъ, кому угодно (не даромъ служила мебелью), нежели кастѣ?

Но вотъ духовенство наличное такъ или иначе распущено и духовная школа уничтожена. Что же затѣмъ? Общество, *если оно признаетъ то нужнымъ*, воспитаетъ для себя духовенство, какое ему нужно. Если не придавать особеннаго значенія замѣчанію: *если оно признаетъ то нужнымъ*, — тогда предполагается, общество возвратится къ старинному порядку образованія для себя новаго духовенства, порядку, провѣренному исторіей, но и покрытому вмѣстѣ съ тѣмъ достаточнымъ слоемъ плѣсени. Идеалъ этого грядущаго духовенства покоится вообще во временахъ до Іоанна Грознаго, такъ какъ «со временъ Іоанна Грознаго духовенство начало мало по малу выдѣляться изъ общества и вырабатываться въ особое сословіе. Также, какъ и идеалъ, старъ и испытанъ процессъ, которымъ на мѣсто упраздненнаго духовенства обращается новое сословіе. Крестьянинъ, успѣвшій пробиться на мѣсто священника, дьякона, находилъ выгоднымъ передать свое мѣсто своему сыну и вообще приготовить его къ духовному званію. Крестьянскія общества, какъ то, въ которомъ жилъ крестьянинъ-священникъ и среди котораго росли его дѣти, такъ и другія сосѣднія, знавшія ихъ, охотно представляли ихъ кандидатами въ священство, тѣмъ болѣе, что при безграмотности народа отыскать людей, годныхъ для священства, которые болѣе или менѣе были знакомы обществу, было трудно. То же дѣлали и дѣти крестьянина, попадавшіе въ духовное званіе, съ своими дѣтьми, т. е. приготовляли ихъ себѣ преемниками. Такимъ образомъ, мало по малу духовное званіе стало становиться наслѣдственнымъ». А чтобы дополнить картину возсозданія духовенства по старинному образцу предлагается припомнить и другіе факты изъ скорбной исторіи нашего духовенства. Такъ къ Геннадію Новгородскому приводятъ неуча, который и по псалтири едва бредетъ, а въ апостолѣ и ступить не умѣетъ, и требуютъ его поставленія. Геннадій, предположимъ, отказываетъ, — и вотъ избиратели, въ сознаніи своего права представлять къ рукоположенію излюбленныхъ, требуютъ отъ Геннадія, чтобы онъ самъ доучивалъ приведеннаго неуча. Вѣроятно, тутъ-то Геннадій и *выкралъ* у общества право избирать неучей и требовать ихъ поставленія, какъ на это любятъ жаловаться современныя публицисты. Такимъ образомъ на современное духовенство и духовную школу поднимаютъ старый ржавый обухъ и думаютъ такимъ путемъ основать уваженіе къ духовенству, которое только еще имѣетъ возникнуть на развалинахъ теперешняго, съ долго-

срочнымъ впрочемъ обязательствомъ, что уваженіе къ новому духовенству *будетъ*. И особенно замѣчательно то, что это уваженіе явится потому, что общество будетъ имѣть тогда возможность и право сказать: духовенство — *мое достояніе!* т. е. сказать нѣчто такое, что не гарантируетъ, судя по опыту, ни малѣйшаго уваженія къ духовенству. Такъ не гораздо ли проще постараться запастись уваженіемъ къ духовенству! Вѣдь какъ хотите, а уваженіе есть отношеніе, которое достигается только обоюдными усиліями. И можно быть увѣреннымъ, что если духовенство не извѣрилось окончательно въ возможности заслужить уваженіе, то только потому, что еще не извелись тѣ немногіе люди, которые способны уважать его.

Наконецъ можно и прямо утверждать, что современное общество совсѣмъ не можетъ быть представляемо какъ пелицепріятный носитель выборнаго начала въ примѣненіи къ выбору пастырей. Мы привыкли думать, что по идеѣ пастыри должны быть *избранные* люди т. е. лучшіе въ извѣстномъ смыслѣ, годные къ своему служенію и приспособленные къ нему. Тоже самое впрочемъ наблюдается и относительно другихъ общественныхъ дѣятелей. Мы не хотимъ сказать, что современные пастыри—лучшіе люди для своего служенія, но мы позволяемъ себѣ спросить, какихъ же лучшихъ людей на поприще пастырскаго служенія выдѣлитъ современное разрозненное, полусонное общество? Во имя какихъ интересовъ сойдется современное общество для выбора себѣ пастыря при несомнѣнной слабости интересовъ церковно-религіозныхъ, представителемъ которыхъ долженъ быть пастырь? Вотъ остроумные и правдивые выводы одного сельскаго священника — по вопросу о томъ, чѣмъ долженъ быть священникъ? (Русск. Стар. 1880 г. т. 2 стр. 268—288)--священникъ долженъ быть мужикомъ; священникъ долженъ быть бариномъ; священникъ долженъ сдѣлаться псаремъ; священникъ долженъ быть солопницей; священникъ долженъ быть модисткой; священникъ долженъ быть чиновникомъ; священникъ долженъ много читать; священникъ долженъ быть картежникомъ; священникъ долженъ быть торгашомъ; священникъ долженъ считать себя недостойнымъ и нестоющимъ расположенія и уваженія лица, считающаго себя высокопоставленнымъ; священникъ долженъ строго держаться *древняго благочестія*, церковную службу отправлять продолжительно, не торопясь, все пѣть и вычитывать по уставу церкви; священникъ долженъ служить скоро и быть на-

рушителемъ устава церкви; священнику необходимо, насколько это возможно, изучать медицину и имѣть маленькую аптечку, чтобы оказывать хоть какую нибудь помощь нуждающимся; священникъ долженъ быть попечителемъ и учителемъ народной школы; священникъ долженъ быть умиротворителемъ семейныхъ непріятностей; священникъ долженъ быть наставникомъ и блюстителемъ народной нравственности; священникъ долженъ быть руководителемъ въ дѣлахъ общественныхъ; священникъ есть блюститель благосостоянія народа; на священникѣ лежитъ обязанность истреблять суевѣріе народа и быть охранителемъ народнаго здравія; священникъ долженъ (иногда) попусту тратить дорогое время, сидѣть и слушать всякую глупость; во всякое время дня и ночи и во всякую погоду священникъ долженъ быть готовымъ для требоисправленій, не смотря на собственную болѣзнь; священникъ долженъ быть на мѣстѣ службы неотлучно весь свой вѣкъ; священнику и хворать не полагается; священникъ долженъ быть въ высшей степени строгъ къ себѣ, ни на минуту не забывать, что онъ священникъ, и не увлекаться добродушіемъ каждаго; священникъ долженъ имѣть и барометры, и термометры, и дождемѣры, и пр.; наблюдать, вести журналы и сообщать свѣдѣнія; священникъ долженъ бросать (иногда) всѣ свои и служебныя, и домашнія дѣла и заниматься статистикой, этнографіей, исторіей, археологіей и пр.; государство возлагаетъ на священниковъ большія надежды и увѣрено, что они могутъ принести большія заслуги государству; представители и служители церкви предъ правительствомъ и народомъ имѣютъ великое значеніе въ дѣлахъ государственныхъ первой важности; священникъ долженъ быть и инженеромъ, и техникомъ, знать работы: каменныя, плотничныя, столярныя, малярныя и пр.; онъ долженъ быть землемѣромъ; долженъ основательно изучить слѣдственную часть и вообще законы. Вотъ и требованія современнаго общества, и обязанности пастырскаго служенія, при чемъ перечень тѣхъ и другихъ самъ авторъ считаетъ далеко еще неполнымъ! Такимъ образомъ въ общественномъ сознаніи священникъ и его служеніе то поднимается на изумительную высоту, то также изумительно низко опускается; ибо въ самомъ перечнѣ содержатся требованія и весьма высокаго, и весьма низменнаго (быть салоппицей!?) порядка. Понятно прежде всего, что при такомъ порядкѣ вещей священникъ никогда не займетъ твердаго общественнаго положенія. А потомъ если даже не принимать въ разсчетъ того, что такимъ образомъ общество будетъ из-

бирать только личность, но не давать ей положеніе, вслѣдствіе чего самое избраніе будетъ являться только простымъ абсурдомъ,— спрашивается, во имя чего же соберется общество для избранія себѣ пастыря при томъ рѣшительномъ противорѣчіи требованій, которое явно выражено въ перечнѣ? Или еслибы даже оно и собралось, и избрало, чѣмъ же будетъ этотъ избранный и, значитъ, излюбленный пастырь, какъ опять не всѣмъ тѣмъ же, что обозначено въ перечнѣ? Такъ не обинуясь можно сказать, что грядущее духовенство будетъ тоже самое, что и настоящее. А между тѣмъ для созданія его требуется такъ много усилій, такъ много ломки! Такъ не лучше ли держаться того пути, на который сталъ вопросъ, трактовать духовенство какъ коллективную личность, которая сама, силой присущей ей жизни, благоустроитъ свой бытъ моральный и матеріальный, вмѣсто того, чтобы усиливаться разрознить духовенство, обратить священниковъ только и единственно въ членовъ общества и поглотить ихъ въ этомъ обществѣ?

Проэктъ № 2. Московское очередное губернское земское собраніе, состоявшееся 18 декабря, выслушавъ произнесенную гласнымъ Д. Ѳ. Самаринымъ рѣчь, согласно его предложенію, постановило: ходатайствовать о томъ: 1) чтобы приходы, въ смыслѣ церковныхъ обществъ, были признаны за юридическія лица; 2) чтобы было возстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ на должность священниковъ и настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; 3) чтобы за приходами было признано право всякими, закономъ дозволенными, средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества, какъ движимыя, такъ и недвижимыя; 4) чтобы имущества каждой приходской церкви были признаны за неотъемлемую ея собственность и чтобы они находились въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества; 5) чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ, какъ городскимъ такъ и сельскимъ, при чемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники, живущіе въ приходѣ, хотя бы они оффиціально въ немъ и числились».

Основная мысль постановленія есть мысль о такой организаціи приходовъ или приходскихъ общинъ, при которой они послужили бы ячейками или клѣтчатками, изъ которыхъ бы органически устроилась и развилась православно-русская церковная жизнь. Та-

кимъ образомъ единственное спасеніе наше въ области церковной жизни должно придти отъ прихода путемъ прилива народной церковной стихіи. Отсюда предполагается, какъ дѣло само по себѣ ясное, что современному духовенству in corpore дѣлать при такой клѣтчаткѣ или ячейкѣ рѣшительно нечего. Поэтому оно вообще подлежитъ упраздненію, какъ безнадежное. Вмѣстѣ съ нимъ должна быть упразднена духовная (низшая и средняя) школа. Новое духовенство должно быть выдѣлено основною клѣтчаткою церковной жизни — приходскою общиною, почему она и снабжается правомъ избранія себѣ пастырей; потомъ оно должно возрастать пропорціонально возрастанію самой клѣтчатки. И вотъ оно вообще будетъ почтенно. Таковыя дополнительныя къ изложенному постановленію объясненія и были даны дѣйствительно. Такимъ образомъ этотъ проэктъ въ основныхъ положеніяхъ сходенъ съ первымъ. И здѣсь идетъ рѣчь объ упраздненіи наличнаго духовенства, объ образованіи новаго, при чемъ, такъ называемое, улучшеніе матеріальнаго и моральнаго быта духовенства достигается само собою. Но онъ, сравнительно съ первымъ, несомнѣнно отличается большею опредѣленностію, и, конечно, потому, что онъ есть раскрытіе извѣстной опредѣленной *идеи*. И духовенству онъ, можетъ быть, будетъ болѣе по душѣ, чѣмъ первый, не потому только, что онъ предполагаетъ для духовенства совершенно твердое положеніе: духовенство зарождается къ жизни и ростетъ вмѣстѣ съ приходомъ, но и по своей идеѣ, которая хотя и туманно, однако опредѣляется какъ залогъ воскрешенія «духа жизни и жизни духа» и которая по силѣ такого опредѣленія никакъ не можетъ быть чужда даже и современному духовенству.

Но ни основная мысль постановленія ни самое постановленіе немогутъ считаться безспорными. — Начнемъ съ постановленія. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ — проэктъ имѣетъ своею задачею уврачеваніе нѣкоторыхъ язвъ современной православно-русской церковной жизни. Такимъ образомъ предполагаются съ одной стороны язвы, съ другой — врачевства, заключенныя въ проэктѣ. Во вторыхъ — проэктъ принятъ Московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ *единогласно*. Такимъ образомъ предполагаемыя язвы доподлинно язвы и предполагаемыя врачества доподлинно врачества. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла и разсуждать нечего (вотъ оно *единогласное* — то рѣшеніе!): прилагай къ язвамъ врачевства! И однако *вѣтры ученій*, которыми колеблятся

разные современные интеллигенты,—и прибавимъ, вѣроятно, тѣ самые которые *единогласно* рѣшали,—чуть не дочиста разносятъ московскій проэктъ! Какъ именно можетъ быть совершено это разнесеніе, показываетъ «Русь», которая оказалась и была признана лучшей и самой горячей благовѣстницей и истолкователь ницей постановленія московскаго губернскаго земскаго собранія. — Думая, что «ходатайство земскаго собранія будетъ встрѣчено сочувственно всѣми органами нашей печати», «Русь» тѣмъ не менѣе предполагаетъ, что нѣкоторыми и даже многими оно можетъ быть встрѣчено и несочувственно. Такимъ образомъ на первомъ же шагу получается нѣчто странное: съ одной стороны *всѣ органы печати* сочувствуютъ, съ другой—*многіе* (и конечно ужъ, не органы печати?!) не сочувствуютъ. Именно «между нашими либералами», начинаетъ «Русь» перечислять вѣроятныхъ и несомнѣнныхъ враговъ постановленія, найдутся и такіе, которые, начитавшись въ разныхъ книжкахъ о властолюбіи духовенства, объ его значеніи, какъ цѣлой общественной, нравственно-господствующей стихіи, словомъ «о клерикализмѣ» въ Испаніи и Франціи и «о культурной борьбѣ» въ Германіи, сочтутъ непремѣннымъ долгомъ «почти» передоваго человѣка выступить въ бой съ новою грозящею у насъ опасностью «для культуры». Не безъ нѣкотораго даже наивнаго національнаго самодовольства, согрѣтаго въ то же время нѣкоторымъ искреннимъ либеральнымъ жаромъ, они присосѣдятъ пожалуй къ « аграрному» и «рабочему» вопросамъ также и «клерикальный вопросъ въ Россіи»: точь въ точь какъ въ Европѣ!!» Такъ мы получаемъ уже нѣкоторое удостовѣреніе, что клерикализма у насъ нѣтъ, что не для борьбы съ нимъ благословляется вызываемая къ жизни церковно-приходская община и что тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы когда нибудь явился у насъ клерикализмъ съ реорганизаціей церковно-приходской общины въ предположенномъ смыслѣ. Такъ одной изъ *современныхъ язвъ* нѣтъ и не предвидится она,—значитъ, нѣтъ надобности и во врачествѣ. Высшее удостовѣреніе въ томъ же мы можемъ получить изъ того обстоятелства, что нашъ умопредставляемый, витающій въ умахъ нашихъ либераловъ по требованію наивнаго національнаго самодовольства, клерикализмъ смолчалъ и, по видимому, мало расположенъ распорядиться съ клерикальнымъ вопросомъ такъ, какъ предполагаетъ «Русь», т. е. *присосѣдить*. Явленіе весьма знаменательное! Вѣдь умопредставляемый клерикализмъ былъ и до постановленія, благо-

вѣствуемаго «Русью», и при томъ же самомъ условіи, т. е. при полномъ отсутствіи клерикализма in re. Такъ какъ же онъ смолчалъ?—было бы въ высшей степени наивно думать, что онъ смолчалъ потому, что «Русь» даетъ ему нѣкоторое *противопостановленіе* (которое мы и изложимъ потомъ); вѣдь это противостояло и прежде! Такое странное положеніе, по нашему крайнему разумѣнію, только и можетъ быть объяснено такъ: умопредставляемый клерикализмъ и «Русь» — два пѣшехода, которые, будучи заняты каждый, въ данномъ случаѣ, однимъ и тѣмъ же дѣломъ, нечаянно столкнулись и, не зная кому какое принять направленіе, пока топчутся на одномъ мѣстѣ въ недоумѣніи. Ясно въ высшей степени и мѣсто, на которомъ они столкнулись и недоумѣваютъ; а «Русь» кромѣ того возводитъ услужливо эту ясность до степени непреложной достовѣрности. Видите ли, въ чувствѣ опасенія за судьбу реорганизаціи церковно-приходской общины, «Русь» боится именно того, что въ бой съ этой силой вступитъ умопредставляемый клерикализмъ—тотъ самый, который и самъ боится, какъ бы современное духовенство не сдѣлалось общественной, нравственно-господствующей стихіей. Такъ этотъ пунктъ столкновенія и недоумѣнія — есть современное духовенство. Самъ клерикализмъ уже рѣшилъ, собственно говоря, это недоумѣніе: онъ поставилъ крестъ и написалъ: на семъ мѣстѣ погребено современное духовенство безъ надежды воскресенія. Но онъ смотритъ, какую процедуру еще продѣлаетъ «Русь» надъ тѣмъ же духовенствомъ? и можно ли что нибудь продѣлать? Но такъ какъ эта процедура пока не представляетъ существеннаго отличія отъ той, которую продѣлываетъ надъ духовенствомъ умопредставляемый клерикализмъ, то этому послѣднему нѣтъ пока причинъ волноваться: онъ вообще можетъ успокоиваться на 2-мъ пунктѣ постановленія.

Однако—какъ это впрочемъ ни не лестно, въ виду отзыва «Руси» объ умопредставляемомъ клерикализмѣ,—попробуемъ стать на мѣсто этихъ господъ, «которыхъ странному національному самолюбію лестно можетъ быть и то, что въ Россіи водится даже англійская болѣзнь». Въ такомъ случаѣ «Русь» противупоставляетъ намъ «мнѣніе не иностранцевъ—*вообще* (каковыми могутъ быть сочтены всѣ русскіе западники, которые, вопреки увѣреніямъ г. Градовскаго, вовсе у насъ не перевелись, но только видоизмѣнились), а настоящаго иностранца, истиннаго сына своей страны, умнаго французскаго публициста Леруа-Болье. Въ своихъ замѣчательныхъ

изслѣдованіяхъ русскаго общественнаго строя онъ былъ пораженъ совершеннымъ отсутствіемъ клерикализма какъ въ клирѣ, такъ и въ народѣ. Въ русскомъ народѣ, вмѣсто западнаго клерикализма, оговоритъ онъ, живо ощущается присутствіе другаго начала — *церковности* т. е. чувства и сознанія принадлежности каждаго и всѣхъ къ общему церковному союзу: ни священникъ, ни епископъ (тѣмъ менѣе Синодъ) не заслоняютъ ни для кого изъ насъ (по его замѣчанію) высшаго понятія и представленія о церкви. Особенную жизненность этого начала, въ смыслѣ дѣятельнаго отношенія вѣрующаго къ церкви, какъ ея сына и члена, Леруа-Болье усматриваетъ у старообрядцевъ. Онъ не правъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что старообрядцы, не только безпоповцы, но и уставившіе самочинную іерархію, никакой правильной церкви не представляютъ и не приняты въ общеніе ни съ одною православною церковію. Но его отзывъ не лишенъ основанія въ томъ отношеніи, что у старообрядцевъ, не исключая и благословенныхъ, признанныхъ нашею церковію, дѣйствительно духъ церковный живѣе и дѣйственнѣе, интересы церковные имъ ближе; обязанности,—а равно и права,—налагаемыя званіемъ члена церкви, сознаются ими сильнѣе, не только вслѣдствіе долгой замкнутости и сплоченности ихъ религіозныхъ общинъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе живущихъ у нихъ могущественныхъ преданій давней, еще цѣльной русской старины. Но и тамъ, гдѣ эти преданія уже не властвуютъ съ прежнею силою,—во всемъ остальномъ русскомъ крещеномъ мірѣ не клерикализмъ мертвитъ дѣятельность церковнаго начала, а вторженіе въ церковный внутренній строй враждебныхъ мертвящихъ началъ—казенщины, бюрократизма, чиновничества. Вотъ для борьбы-то съ этими мертвящими началами и благословляемъ мы возстановленіе самостоятельныхъ приходскихъ общинъ, видя въ нихъ залогъ воскресенія — «духа жизни и жизни духа». Такъ церковность — вотъ основное начало русской церковной жизни. Этимъ началомъ рѣшительно исключается—мы согласны—самая возможность русскаго клерикализма, хотя съ другой стороны оно нисколько не предохраняетъ отъ чиновничества, казенщины. Пусть такъ,—но, въ качествѣ клерикаловъ съ птичьяго полета, мы нисколько не утѣшены тѣмъ, что церковность такъ рѣшительно проникаетъ собою русскую жизнь. Ибо мы, конечно, по смутности перцепціи вообще, можетъ быть, склонны отождествлять церковность и клерикализмъ (вѣдь называемъ же мы клириковъ церковниками!). Кромѣ

того и, можетъ быть, главнѣе всего мы не можемъ опустить изъ виду того, что церковность одинаково проникаетъ собою и клиръ, и народъ и притомъ въ такой, безъ сомнѣнія, исторической послѣдовательности: клиръ износитъ эту церковность въ народъ и является носителемъ ея среди народа. Церковность народной жизни есть сумма вѣковаго служенія духовенства. Вы же хотите сдѣлать источникомъ, разсадникомъ и носителемъ церковности даже для самаго духовенства церковно-приходскую общину. Такимъ образомъ вы выбиваете изъ рукъ духовенства не только вѣковые плоды его служенія, но и самое служеніе съ его задачами, по вашему же признанію, единственными живыми и дѣйственными,—и что же остается отъ духовенства, какъ не безмѣрно узкая оффиція, пустая формальность? И эта оффиція должна послужить язвой, которая имѣетъ растлѣвать, по вашему же признанію, церковность жизни церковно-приходской общины. Правда вы разсчитываете вывести духовенство изъ среды народа въ надеждѣ, что приливомъ свѣжей народной стихіи будетъ затянута и самая язва. Но ваше духовенство остается безъ задачъ, безъ тѣхъ задачъ, которыя вы называете единственными, живыми и дѣйственными. И надолго ли же станетъ этого кругообращенія народной стихіи для поддержанія вожделѣнной церковности? — Наконецъ мы склонны думать, что то пустое понятіе, которое остается въ распоряженіи «Руси» на мѣсто духовенства, способно, конечно, къ формальному развитію,—а если такъ, то почему же не думать далѣе, что это понятіе есть зародышъ, изъ котораго съ удобствомъ можетъ развиться не общественная, нравственно-господствующая стихія, а оставшаяся не у дѣлъ народной жизни и ея интересовъ и потому интригующая партія? И въ силахъ ли будетъ обуздать такую партію церковно-приходская община?—На этомъ пунктѣ мы не прочь пожелать, чтобы нашему старообрядству было предоставлено устроиться по идеямъ «Руси»: вѣдь оно какъ разъ приспособлено къ этимъ идеямъ. Это могло бы имѣть значеніе опыта, способнаго умирить и насъ, клерикаловъ съ птичьяго полета, и «Русь» окончательно.

Нельзя не обратить вниманія и еще на одну сторону. Леруа-Больё подмѣтилъ вѣянія одного и того же духа церковности, какъ въ клирѣ, такъ и въ народѣ. Мы увѣрены, что этотъ духъ есть произведеніе Того Духа, Который дышетъ, гдѣ хочетъ, и никто не

знаетъ, откуда Онъ приходитъ и куда уходитъ. Во всякомъ же случаѣ по силѣ этого духа церковности православно-русскій церковный союзъ представляется живымъ организмомъ, къ которому нельзя насильно приростить что нибудь, но у котораго также нельзя и отнять что нибудь — безъ ущерба для общей экономіи жизни. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла о клѣткахъ или ячейкѣ и помышлять нечего; ибо такой помыслъ никакого другаго поползновенія, по самому существу дѣла, не можетъ имѣть, кромѣ поползновенія распластать организмъ на клѣтчатки и доставить себѣ удовольствіе выращивать изъ клѣтчатокъ новые организмы. Вѣдь какъ хотите, а собирать духъ, оживляющій цѣлое тѣло, въ отдѣльныя клѣтчатки и назначать ему функціей оживлять ихъ, скорѣе значитъ безъ-толку расходовать духъ, нежели содѣйствовать оживленію тѣла. Имѣетъ силу общее напряженіе вѣянія духа, а отсюда уже существенный интересъ представляетъ общій подъемъ или даже общее паденіе духа. Весьма важное значеніе имѣетъ при этомъ и то, что въ клирѣ духъ церковности вообще чище и живѣе; въ народѣ этотъ духъ также прекрасенъ, но за то онъ представляетъ собою и безконечную, трагическую подчасъ, цѣпь раздвоенія. Всякому извѣстно, что въ народномъ духѣ самая возвышенная дѣвственность уживается иногда съ самымъ отвратительнымъ—извините за выраженіе — паскудствомъ. И что же будетъ, если въ иной клѣтчаткѣ не окажется ничего кромѣ этого послѣдняго продукта народнаго духа? При общемъ вѣяніи духа, жизнію цѣлаго организма такая клѣтчатка можетъ быть затянута; наоборотъ,—если одна, другая клѣтчатка поражены гангреной, то было бы слишкомъ самонадѣянно легкомысленно ожидать, что къ нимъ приростутъ другія и что такъ разовьется органическая жизнь. Тутъ можно ожидать только разложенія и самыхъ клѣтчатокъ. Развѣ надъ нашимъ расколомъ не тяготѣетъ такая участь?! Наконецъ оформливать духъ, оживляющій цѣлый организмъ, хотя бы въ формѣ, признанной церковію, каковою (формою) служитъ безъ сомнѣнія церковно-приходская община, едва ли и вообще благоразумно, если бы даже указанная форма и не была односторонняя. Оформить духъ, установить извѣстные предѣлы для обнаруженія его жизни и дѣятельности, значитъ замкнуть его и обречь на всѣ послѣдствія такой замкнутости, — а гдѣ же гарантія, что эти послѣдствія будутъ непремѣнно благопріятны? Но односторонняя и самая форма, какъ она понимается «Русью». Приходъ, конечно,

не церковь, и церковь—не приходъ. Иначе мы создадимъ сами для себя опасность крайне матеріализовать православное понятіе о церкви. Приходъ есть только форма церковной жизни, которая притомъ рискуетъ остаться безъ содержанія, если не отобразитъ въ себѣ основное понятіе о церкви и не представитъ въ своемъ составѣ полномочныхъ (въ дѣлахъ, конечно, церкви) пастырей и послушныхъ пасомыхъ, а не наоборотъ полномочныхъ пасомыхъ и послушныхъ пастырей. Приходъ есть поэтому, далѣе, не клѣтчатка и не ячейка, которая имѣетъ хотя прекрасную, но неопредѣленную функцію вмѣщать въ себѣ церковность, а совершенно реальная, конкретная и практическая форма осуществленія основной задачи церкви—пасенія стада Христова, почему и самая жизнь и структура этой формы будутъ правильны только тогда, когда въ ней станутъ, какъ двѣ самостоятельныя личности, пастырь и паства и когда взаимныя отношенія ихъ будутъ упорядочены опредѣленно и правильно. Вотъ почему намъ думается, что поставить вопросъ о реорганизаціи церковно-приходской общины въ данномъ смыслѣ вовсе не значитъ «коснуть заступомъ глубоко въ самую подпочву» или, какъ говоритъ нѣмцы, ins Leben greifen, какъ это полагаетъ «Русь», но именно значитъ съ заступомъ пройти по поверхности почвы. Вотъ почему намъ думается далѣе, что стереть чиновничье, казенное (sic!) духовенство и вырастить на его мѣсто иное, путемъ якобы органическаго роста самой церковно-приходской общины, вовсе не значитъ благословить церковно-приходскую общину на борьбу съ мертвящими началами бюрократизма, чиновничества, а именно значитъ путемъ созданія уродливой односторонней формы заслонить для клира и народа высшее понятіе о церкви, чего, по признанію Леруа-Болье и по авторизованному увѣренію Руси, не дѣлаетъ и для народа ни одинъ священникъ, ни одинъ епископъ и тѣмъ менѣе синодъ.—Такъ намъ думается, что реорганизовать церковно-приходскую общину по идеямъ «Руси» значитъ создать внѣшность, форму, по крайней мѣрѣ сомнительнаго достоинства и во всякомъ случаѣ искуственную.

Съ тройственнымъ запасомъ, состоящимъ изъ совершенно здраваго понятія о церковности, изъ пустаго понятія о духовенствѣ и смутнаго стремленія усадить церковность по ячейкамъ, именуемымъ церковно-приходскими общинами, «Русь» вступаетъ въ борьбу съ другимъ врагомъ и, можетъ быть, самымъ злымъ, хотя также смолчавшимъ. «Устранимъ, говоритъ «Русь», и другое возраженіе

противъ ходатайства московскаго земства. Оно имѣетъ также въ своемъ основаніи совершенное неразумѣніе смысла церкви, какъ духовно-нравственнаго организма, какъ братскаго союза, какъ единства любви и вѣры; оно держится вообще извѣстнаго воззрѣнія на религію только какъ на «субъективное», какое-то произвольное чувство, въ родѣ личнаго вкуса, лишенное серьезнаго значенія въ общественной жизни. Но опасенія свои оно предъявляетъ уже въ другой формѣ. Именно выражается боязнь, чтобъ приходская община не упразднила и не замѣстила собою крестьянской общины и самоуправленія и не обратилась сама въ нѣмецкій кирхшпиль. На это замѣтимъ, что приходская община существовала у насъ искони, также какъ и крестьянская община, и никогда онѣ другъ друга не замѣщали и другъ съ другомъ не смѣшивались, хотя и жили дружно, въ духѣ единомъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ это опасеніе лишено было уже всякаго основанія, въ виду подражательныхъ наклонностей нашихъ высшихъ бюрократическихъ сферъ и вообще нѣкоторой путаницы въ господствующихъ у насъ понятіяхъ. Пожалуй и въ самомъ дѣлѣ можетъ у кого нибудь родиться мысль объ искусственномъ совмѣщеніи у насъ сельской общины или волости съ приходомъ,—и притомъ въ такомъ видѣ, что не получится ни прихода, ни волости или общины, какъ живыхъ самостоятельныхъ единицъ. Но опасность такого искаженія именно и оговорена въ томъ предложеніи, которое послужило поводомъ къ постановленію московскаго губернскаго земскаго собранія. «Этимъ словомъ, сказалъ въ своей рѣчи Д. Ѳ. Самаринъ, злоупотребляли въ послѣднее время. Недавно высказана была мысль пріурочить къ приходу волостной судъ», и т. д. Само собою разумѣется, что обращать волостныя учрежденія въ приходскія, т. е. смѣшивать объ функціи, налагать напр. на волостной судъ властію закона характеръ какого-то церковнаго суда, съ участіемъ священника, или наоборотъ заставлять приходское учрежденіе взыскивать подати, дѣлить землю, вести бюрократическую переписку со властями, и т. п., это значило бы исказить и подкосить на первыхъ же порахъ жизненность чистаго церковнаго элемента. Съ другой стороны, если приходъ совпадаетъ съ предѣлами волостнаго или сельскаго общества, такъ это совпаденіе можетъ быть только на пользу и приходу и обществу, а для крестьянъ великимъ удобствомъ. Крестьянамъ разныхъ деревень не за чѣмъ было бы предпринимать особое путешествіе на общественный сходъ: сходясь

вмѣстѣ къ обѣднѣ, они могли бы, по окончаніи обѣдни, вершить и общественныя свои дѣла. Это отняло бы, напр., у волостнаго схода его настоящій, нѣсколько искусственный, принудительный характеръ, придало бы ему болѣе естественности и жизни, стало быть правды и силы. Ибо гдѣ органическая жизнь, тамъ и правда, гдѣ правда, тамъ и сила. Тамъ и свобода. Общинный союзъ, съ подкладкой стариннаго, привычнаго, бытоваго и къ тому же духовно-нравственнаго, приходскаго союза, сталъ-бы только отъ того сильнѣе и плодотворнѣе. И теперь территоріальные предѣлы многихъ сельскихъ общинъ, а мѣстами и придѣлы волости совпадаютъ съ предѣлами прихода. Конечно, приходъ теперь не имѣетъ еще того значенія, которое предполагается ему дать, но какое бы значеніе ему ни дали, общинный міръ, какъ вѣка тому назадъ, такъ и теперь, судилъ и рядилъ бы всегда независимо отъ церковнаго причта, и *никогда бы не дозволилъ ему* вступаться въ свои мірскія дѣла. Да и причту, можно навѣрное поручиться, такого притязанія никогда и въ голову не входило».

Такимъ образомъ опять именно церковность есть начало, которое проникаетъ собою православно-церковную русскую жизнь, но не какое-то произвольное субъективное чувство. И если церковность и основанная на ней церковно-приходская община должны бы были спасти насъ отъ нашествія клерикализма, то тѣже самыя церковность и община должны послужить оплотомъ противъ водворенія у насъ нѣмецкаго кирхтиля. И однако — чтоже такое православно-церковная русская община? Прежде «Русь» насъ предупреждала: если вы, дескать, сотрете *мое* пустое понятіе о духовенствѣ, какъ оффиціи, дѣйствующей только во имя juris divini и чуждой народной жизни и ея интересовъ, въ порошокъ и неумѣренно подсыпете его въ *мою* народную церковно-приходскую общину, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что вы получите заправскій клерикакализмъ или вообще партію. Теперь «Русь» говоритъ намъ: если вы также поступите съ *моей* церковно-приходской общиной, какъ формой, заслоняющей высшее православное понятіе о церкви, и неумѣренно подсыпете ее въ мое пустое понятіе о духовенствѣ, то я не ручаюсь за то, что вы дѣйствительно и получите нѣмецкій кирхтиль. Оказывается такимъ образомъ, что того и другаго нужно взять въ умѣренной, извѣстной только одной «Руси», дозѣ, и та амальгама, которая изъ сего получится, и будетъ именно православно-церковная русская община. И эта амальгама порож-

дена разумѣніемъ смысла православной церкви, какъ духовно-нравственнаго организма, какъ братскаго союза, какъ единства вѣры и любви?! Какъ хотите, а вѣрится съ трудомъ!

«Русь» увѣряетъ насъ далѣе, что составленная ею амальгама, называемая церковно-приходскою православною общиною, не поглотитъ крестьянскую общину, ни сама не будетъ поглощена этою послѣднею; мечтать же объ искусственномъ совмѣщеніи той и другой было бы вообще абсурдомъ. Отъ чего же такъ? Если принялись за реорганизацію церковно-приходской общины, какъ жизненнаго и имѣющаго серьезное значеніе организма, то можно считать себя обязаннымъ смотрѣть нѣсколько дальше, нежели сколько позволяетъ предзанятая идея. Если церковно-приходская община, по проэкту «Руси», имѣетъ значеніе только формы, закрывающей высшее православное понятіе о церкви, то гдѣ же прочное ручательство въ томъ, что она, оставшись по ту сторону высшаго понятія о церкви, не пойдетъ въ своемъ развитіи къ упраздненію себя въ крестьянской общинѣ или къ упраздненію этой послѣдней? И этого тѣмъ легче можно ожидать, что той и другой общинѣ обезпечивается свобода и саможизненность. Или развитіе той и другой общины должно идти по шаблонамъ, которые обязательно предложитъ «Русь»? Но почему же тогда искусственное совмѣщеніе двухъ общинъ есть абсурдъ, который вы заносите въ счетъ не себѣ, какому-то другому? Или опять и въ данномъ случаѣ вся надежда на животворное дѣйствіе церковности? Но вѣдь по вашему исключительно церковно-приходской общинѣ принадлежитъ право насыщать самое духовенство духомъ церковности,—и значитъ, съ первымъ же выпускомъ новаго духовенства, воспитаннаго въ нѣдрахъ «Руси», непрерывное кругообращеніе церковности, которое одно, безъ сомнѣнія, и даетъ опредѣленную физіономію церковно-приходской общинѣ, прерывается,—и чѣмъ же вы опять поручитесь, что чрезъ образовавшуюся такимъ образомъ прорву не улетучится излюбленная вами церковность и не привзойдутъ новыя начала, и такимъ образомъ не получится ни прихода, ни волости?.... Впрочемъ «Руси» вольно увѣрять, что все устроится въ наилучшемъ видѣ. Она видите-ли, указываетъ на то, что у насъ церковно-приходская и крестьянская община существовали искони и жили дружно. Такъ «Русь» не полѣнилась забыть, что наша исконная церковно-приходская община совсѣмъ не та амальгама, которую проектируетъ «Русь», и, значитъ, призывать ее въ

свидѣтели совсѣмъ не слѣдовало. А потомъ «Русь» не потрудилась сообразить, что если у насъ церковно-приходская и крестьянская община сохранились каждая въ полной неприкосновенности (и проэктировать бы нечего, а только подчистить, да подрѣзать кое-что!), то совсѣмъ не въ силу того, что наше чиновничье духовенство вѣрило въ возможность и удобство собираться народу, какъ мечтаетъ «Русь», по воскреснымъ днямъ послѣ обѣдни на сходки и выпивки, а въ силу того, что оно, находя возможнымъ и удобнымъ народу сдѣлать это совсѣмъ въ другихъ условіяхъ мѣста и времени, само всегда служило идеѣ, выраженной и въ постановленіяхъ церкви (IV всел. соб. 17 пр. VI всел. соб. 38 пр.), чтобы приходъ помѣщался въ гражданскихъ и земскихъ единицахъ — безъ того, конечно, чтобы тотъ и другая мѣшали другъ другу въ своихъ для каждаго цѣляхъ. Отсюда уже можно догадываться, что «Русь» совсѣмъ не по надлежащему адресу (вѣрнѣе: совсѣмъ безъ адреса) обращаетъ пожеланіе, чтобы общинный міръ судилъ и рядилъ всегда независимо отъ церковнаго причта и *никогда не дозволилъ ему* вмѣшиваться въ свои мірскія дѣла. Чиновничье духовенство такихъ поползновеній даже не знаетъ. Даже болѣе: ему ставятъ въ упрекъ (трудно угодить на всѣхъ!) ту холодность, съ которою оно относится и къ тѣмъ мірскимъ дѣламъ, которыя несомнѣнно подложены церковно-приходскою подкладкою. Странно было бы заносить это пожеланіе и на счетъ будущаго духовенства: вѣдь оно является изъ нѣдръ церковно-приходской общины, есть членъ ея прежде всего,— и какъ же можно ожидать, чтобы будущее духовенство, едва вылупившись изъ общины, повело свои собственныя, а не мірскія дѣла,—да и какія-такія *собственныя* дѣла оно поведетъ, если его собственный raison d'être установить невозможно, за закрытіемъ высшаго понятія о церкви?—и какъ поведетъ, когда та община, которая породила его, постоянно мѣняетъ свою шкуру — и когда стоитъ у обѣдни, то является церковно-приходскою, а когда возсѣдаетъ послѣ обѣдни въ кабакѣ, то превращается въ крестьянскую? Хитро что то, чтобы при такомъ положеніи дѣла духовенству будущаго не пришло въ голову заняться мірскими дѣлами. Обузданіе и здѣсь, конечно, возможно, — но чѣмъ больше искусственно созданныхъ случаевъ для обузданія, тѣмъ разумѣется, хуже.

Послѣ такого-то задорнаго трезвону «Русь» оглашаетъ насъ (но

не оглушаетъ, хотя индѣ мы и воспринимали на себя гнѣвъ «Руси» истиннымъ благовѣстомъ, и мы, перекрестясь по русскому обычаю, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи отдохнуть душой. «Вообще, говоритъ «Русь», нѣтъ ничего ошибочнѣе предположенія, которое, можетъ быть, витаетъ въ умѣ нѣкоторыхъ «представителей русской національной интеллигенціи», какъ они себя величаютъ, будто стихія церковная въ православной церкви вообще, а въ русской въ особенности, таитъ въ себѣ начало антагонизма съ жизнью мірскою, земскою и даже государственною, и въ своихъ властолюбивыхъ захватахъ сдерживается только внѣшнею силою государства. Такого рода мнѣніе сихъ интеллигентовъ обличаетъ только, что они не разумѣютъ существеннаго духа православной церкви и смотрятъ на нее съ католической точки зрѣнія. Они дѣйствительно полагаютъ, что нужно и у насъ, какъ на Западѣ или вообще въ католическихъ странахъ, учредить особый modus vivendi, порядокъ сожительства общественнаго организма съ тѣмъ «необходимымъ зломъ», которое выражается тамъ въ элементѣ клерикальномъ. Они именно забываютъ, что стихія церковности, объемлющая не одну іерархію, но и мірянъ или народъ, и есть именно самое сильное противодѣйствіе вредному преобладанію начала клерикальнаго, отвѣчая въ то же время требованіямъ самой истины, зиждущей церковь. Именно ее, эту стихію, и слѣдуетъ оживить въ народномъ сознаніи, въ которомъ она никогда и не угасала, но была лишь придавлена, стѣснена въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Забываютъ, что на Святой Руси массы народа иначе и не называютъ себя, какъ «православные» или какъ «христіане» (крестьяне), т. е. живые члены церкви, живущіе и дѣйствующіе въ то же время въ союзѣ общинномъ и земскомъ. Въ самой природѣ православной церковности нѣтъ никакихъ началъ антагонизма и раздора между пастырями и паствой, между клиромъ и мірянами,—и если этотъ антагонизмъ, не какъ случайное, частное явленіе, а какъ начало, и внѣдряется въ послѣднее время, такъ опять-таки, благодаря вторженію иноземныхъ началъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ». «Вотъ прекрасная защита православной церковности. Дай Богъ болѣе такихъ защитниковъ,—и пусть не будутъ имъ вмѣнены тѣ прегрѣшенія, вольныя и невольныя, въ которыя они могутъ впадать: ибо они люди и ничто человѣческое имъ не чуждо.

Доселѣ «Русь» защищала *свое созданіе* отъ поползновеній умопредставляемаго клерикализма и такого же нѣмецкаго кирхшпиля. Впрочемъ она увѣрена, что *успѣху ходатайства* московскаго земскаго собранія помѣшаютъ вообще не указанные враги. Мы думаемъ также. Но мы просимъ позволенія сдѣлать нѣкоторое различеніе. Намъ думается, что отождествлять церковно-приходскую общину, проэктированную «Русью», съ постановленіемъ земскаго собранія вообще преждевременно. Повидимому, наиболѣе безпристрастная и объективная точка зрѣнія на постановленіе собранія будетъ та, которая дастъ возможность смотрѣть на постановленіе только, какъ на скелетъ будущей церковно-приходской общины, въ который душа жива только еще имѣетъ быть вдунута. Не даромъ же въ постановленіе собранія вошли положенія, предъявляемыя съ большею или меньшею силою съ разныхъ сторонъ; не даромъ и самое постановленіе принято единогласно московскимъ собраніемъ и, по призыванію «Руси», имѣетъ быть принято также и земствами всей Россіи. «Русь» представила попытку создать свою церковно-приходскую общину и вдохнуть въ нее свою душу — не болѣе! Но этою попыткою не отстранена возможность попытокъ съ разныхъ сторонъ. Поэтому-то намъ думается, что помѣшать попыткѣ «Руси» и успѣху ходатайства московскаго земскаго собранія—не одно и тоже. Можно мѣшать «Руси», хотя бы ея душа жива оказалась и чище другихъ, и не мѣшать успѣху ходатайства—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. И на оборотъ,—если только «Русь» не срослила уже намертво свою душу съ постановленіемъ земства. Такимъ образомъ вопросъ сводится собственно къ тому, кто ближе другихъ станетъ къ вызываемой къ жизни церковно-приходской общинѣ и скорѣе другихъ вдохнетъ въ нее свою душу живу? Съ этой точки зрѣнія мы признаемъ справедливою мысль «Руси», что вышеприведенныя «Русью» возраженія со стороны умопредставляемаго клерикализма и нѣмецкаго кирхшпиля не помѣшаютъ успѣху ходатайства московскаго земства. Иное дѣло—духовенство, въ смыслѣ представителя церковно-приходской общины и выразителя ея жизни. «Если отъ кого можно ожидать *нѣкоторой* оппозиціи, такъ развѣ отъ той части духовенства, которая уже заразилась — не клерикализмомъ, нѣтъ! а духомъ и вкусомъ бюрократизма, казенщины и чиновничества. Мы даже думаемъ, что собственно такъ называемое «бѣлое духовенство» не воздвигнетъ съ своей стороны никакихъ серьезныхъ пре-

пятствій, *особенно же сельское, самое многочисленное*. Въ средѣ столичнаго бѣлаго духовенства найдутся, быть можетъ, и оппоненты — подъ воздѣйствіемъ «новыхъ вѣяній». Нѣтъ сомнѣнія, что вредный духъ «корпораціи», который съ нѣкотораго времени сталъ довольно сильно развиваться въ нашемъ духовенствѣ, долженъ значительно ослабѣть съ воскрешеніемъ церковной жизни въ приходахъ. Всѣ эти съѣзды священниковъ для избранія благочинныхъ, для устроенія и обезпеченія духовныхъ училищъ—все это теперь носитъ исключительно сословный характеръ. Но едва ли не всѣ предметы вѣдѣнія этой духовной, хотя бы и на «либеральномъ основаніи» сложившейся корпораціи, подлежатъ вѣдѣнію, наравнѣ съ причтомъ, и прочихъ членовъ церкви—мірянъ, въ одинаковой съ нимъ степени заинтересованныхъ и въ избраніи добрыхъ благочинныхъ, и въ процвѣтаніи духовныхъ учебныхъ учрежденій. Впрочемъ, надобно сказать правду, всетаки наше бѣлое духовенство, даже и столичное, такъ тѣсно связано съ нашею общественною и земскою жизнью, что конечно не станетъ слишкомъ сильно ревновать о сохраненіи той особенности, которою вздумали было его надѣлить въ послѣднюю пору и которая уже привела къ такимъ печальнымъ столкновеніямъ между церковными старостами, прихожанами и священниками, какія мы видѣли и съ истиннымъ прискорбіемъ еще продолжаемъ видѣть здѣсь въ Москвѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ не уразумѣть, что *правильное* разрѣшеніе трудной задачи объ обезпеченіи бѣлаго духовенства въ Россіи, вмѣстѣ съ устраненіемъ тѣхъ формъ обезпеченія, которыми тяготятся и лучшіе священники и прихожане, — задачи, ради которой тысячи храмовъ закрыто и сотнямъ тысячъ людей затруднено посѣщеніе церковной службы,—что разрѣшеніе этой задачи возможно только съ возрожденіемъ жизни приходовъ, какъ самостоятельныхъ, юридически признанныхъ общинъ. Само собою понятно также, что тѣ дѣла, гдѣ необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ приходовъ какой либо епархіи, могутъ и должны быть разсматриваемы и вершаемы на *епархіальномъ съѣздѣ или соборѣ* представителей всѣхъ приходовъ какъ причта, такъ и мірянъ».

Такимъ образомъ прежде всего оказывается, что со стороны духовенства какъ будто *можно ожидать* оппозиціи и какъ будто *можно не ожидать* ея,—что этой оппозиціи какъ будто *можно ожидать* со стороны духовенства самаго послѣдняго фасона, то какъ будто она можетъ разразиться со стороны духовенства какого

нибудь села Муринова. Не свидѣтельствуютъ ли такія странныя надежды и опасенія о полномъ незнаніи того, что изображаетъ изъ себя наше духовенство? Неужели между шелковой рясой столичнаго священника и сермяжной рясой священника села Муринова такъ таки и нѣтъ ничего общаго, до такой степени нѣтъ, что невозможно мало-мальски точно вычислить ихъ общія симпатіи и антипатіи? Какъ хотите, а вести рѣчь при такихъ условіяхъ рѣшительно невозможно. И вотъ намъ указываютъ на духъ бюрократизма, духъ корпораціи. Конечно, вещи не прекрасныя. Но вѣдь возможно видоизмѣненіе точки зрѣнія, возможно смотрѣть на дѣло съ нѣсколько высшей точки зрѣнія. Духъ бюрократизма? но онъ, по вашему же признанію, не заслоняетъ высшаго понятія о церкви ни для кого, если даже не принимать въ разсчетъ того, что, выкуривая этотъ духъ, вы напускаете другаго духа — духа формализма, — и чѣмъ этотъ послѣдній преимуществуетъ предъ первымъ? совершенно непонятно. Духъ корпораціи? Но почему же вамъ не нравится это слово? Вѣдь эта корпорація (по вашей терминологіи) вызвана къ жизни и дѣятельности послѣ того, какъ оказалось, что устроить ея дѣла неотложныя — тѣ самыя, о которыхъ и вы радѣете — нѣтъ средствъ ни въ казначействѣ, ни тѣмъ менѣе въ земствѣ. Въ этихъ же видахъ терпятъ существованіе съѣздовъ духовенства, хотя по видимому, только какъ необходимаго зла. Такъ въ «Новостяхъ» пишутъ: «Въ нѣкоторыхъ газетахъ упорно держится слухъ о томъ, что въ духовномъ вѣдомствѣ возникло и вырабатывается предположеніе объ отмѣнѣ съѣздовъ духовенства, введенныхъ въ 1867 году, по дѣламъ о благоустройствѣ учебныхъ заведеній этого вѣдомства. Нынѣ,—говоритъ газета,—мы узнали изъ вѣрнаго источника, что хотя и возбуждался по почину нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ вопросъ объ отмѣнѣ съѣздовъ духовенства, но, тѣмъ не менѣе, этому вопросу не дано дальнѣйшаго движенія. Съѣзды эти являются совершенно незамѣнимыми съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ духовнаго вѣдомства. Многочисленное духовное сословіе, въ которомъ стремленіе къ образованію проявлялось всегда съ особенной силой, въ послѣднее время, благодаря съѣздамъ, нашло возможность открыть и содержать на свои средства значительное число мужскихъ и женскихъ училищъ, въ которыхъ обучаются дѣти не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ. Съ отмѣной съѣздовъ православное духовное вѣдомство не имѣло бы возможности содержать эти учи-

лища на свой счетъ по неимѣнію кредита. Въ свою очередь, и государственное казначейство затруднилось-бы принять на себя содержаніе означенныхъ училищъ, ежегодный бюджетъ которыхъ простирается до 3.000,000 рублей. Правда, что средства эти берутся не столько съ духовенства лично, сколько съ самихъ церквей въ каждой епархіи, но, тѣмъ не менѣе, только само духовенство, благодаря съѣздамъ, могло изыскать столь значительныя средства на содержаніе своихъ учебныхъ заведеній. Въ виду такого значенія съѣздовъ мысль объ отмѣнѣ ихъ оказалась преждевременной». Но это не единственный резонъ *корпоративной* дѣятельности духовенства и даже не лучшій. Желательно было бы, чтобы на духовенство смотрѣли не какъ на корпорацію, а какъ на *личность*. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ упорствовать во взглядѣ на духовенство только, какъ на отдѣльныхъ поповъ, дьяконовъ и пр., хотя бы разсаженныхъ въ превосходныхъ ячейкахъ. Оно должно быть лично: этого требуютъ высшіе интересы его служенія, этого же требуютъ интересы и всей православной церкви. Уничтожить личность духовенства, значитъ убить духовенство; убить духовенство значитъ убить православно-церковную приходскую общину. И не мудрено, что эта послѣдняя въ рукахъ разныхъ радѣтелей постоянно мѣняетъ свою физіономію — и не къ лучшему, какъ мы видѣли. Правда, «Русь» подслащиваетъ пилюлю указаніемъ на то, что наше духовенство вообще тѣсно связано съ общественною и земскою жизнію, и обѣщаніемъ, что при предполагаемой ею организаціи церковно-приходской общины *правильно* разрѣшается вопросъ объ обезпеченіи духовенства. Что касается перваго, то оно даетъ почву, которую слѣдовало бы тщательно изучить и на которой, съ Божіею помощію, можно было бы строить церковно-приходскую общину; но оно никакъ не даетъ права ожидать, что духовенство, во имя своей тѣсной связи съ общественною и земскою жизнію, будетъ равнодушно смотрѣть на собственное исчезновеніе въ церковно-приходской общинѣ. Что касается втораго, то хотя съ одной стороны *нельзя не разумѣть*, однако съ другой стороны можно совершенно не догадываться, какъ съ возрожденіемъ жизни въ приходахъ *правильно* разрѣшится вопросъ объ обезпеченіи духовенства? Вопросъ ясно различаетъ двѣ стороны—нравственную и матеріальную. Пусть первой стороной онъ вполнѣ обопрется на возрожденіе жизни въ приходахъ, но опирать его и второй стороной на ту же подставку невозможно; нравственная же сторона, конечно, не воз-

высить покупную силу гроша или рубля. Или церковно-приходскія общины обойдутся путемъ реализаціи предполагаемаго права отчуждать и укрѣплять движимыя и недвижимыя имущества? — конечно, въ высшей степени было-бы желательно, чтобы церковно-приходская община того-же напр. села Мурикова стала отчуждать и пріобрѣтать напр. какой либо доходный домъ въ Москвѣ, принадлежащій теперь тому или другому церковному институту, — но возможно ли это? Или земство, какъ совокупная церковно-приходская община (ужъ не какъ ли *церковь* въ помѣстномъ предѣлѣ русскомъ, именуемомъ *губерніей?*) объединяло бы доходныя статьи отдѣльныхъ общинъ для равномѣрнаго распредѣленія содержанія духовенству? Но, — особенно намъ думается, — самая идея *церковно-приходскаго имущества* со всѣми истекающими изъ нея послѣдствіями не совершенно ли чужда православной церкви, которая всегда знала имущество просто *церковное*. Наконецъ, намъ думается, что духовенство не можетъ сочувствовать успѣху ходатайства московскаго земскаго собранія и идеямъ «Руси» не потому, чтобы оно не привыкло жертвовать своими, такъ называемыми, корпоративными интересами интересамъ церковно-народной жизни, но главнымъ образомъ потому, что принципы его служенія скрыты не въ условіяхъ и потребностяхъ церковно-народной жизни, какъ это полагаетъ «Русь» и др. а прежде всего въ основоположеніяхъ православно-христіанской религіи, которыя, не заключая въ себѣ ни малѣйшаго антагонизма съ народною жизнію, всегда предшествуютъ образованію церковно-народной жизни — и образуютъ ее. Разница между двумя такими постановками, предполагаемъ, очевидна.

Наконецъ «Русь» притягиваетъ къ отвѣту послѣдняго изъ предположенныхъ ею враговъ. «Ожидать ли противодѣйствія со стороны нашего высшаго духовнаго правительства? Да, конечно, если оно, забывъ инструкцію благочинным, сочиненную митрополитомъ Платономъ и изданную Синодомъ въ 1806 г., но почему-то, безъ объясненій измѣненную въ новомъ изданіи (съ опущеніемъ правилъ объ избраніи священниковъ прихожанами), будетъ упорно держаться точки зрѣнія, выразившейся въ уставѣ о духовныхъ консисторіяхъ. Да, если чуждаясь соборной стихіи, составляющей неотъемлемое свойство нашей церкви, а «прилѣпившись къ Западу», не перестанетъ оно на отношенія пастырей къ паствѣ смотрѣть съ ревнивой точки зрѣнія, какъ на отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ. Не даромъ же въ вышеупомянутомъ *новомъ* изданіи Пла-

тоновской инструкціи благочинными епископы переименованы уже въ епархіальныхъ *начальниковъ*. Но будемъ вѣрить, что духъ истиннаго православія осѣнитъ и нашихъ церковныхъ сановниковъ, воздвигнувъ въ нихъ смиренныхъ пастырей Христова стада, т. е. съ низшей теперь чреды возведетъ ихъ на истинно-высшую, выше которой ничего и нѣтъ на землѣ». При чемъ тутъ инструкція митрополита Платона? При чемъ тутъ Западъ? Неужели на инструкціи митрополита Платона весь православный міръ клиномъ сошелся? Неужели такъ-таки и не нашлось упрека лучшаго, чѣмъ упрекъ Западомъ, упрекъ до невѣроятности затасканный вами же самими?... Да, вѣроятно ожидать противодѣйствія, если вы призваны быть организаторами формъ церковной жизни; нѣтъ, вѣроятно, если вы поступитесь кое-чѣмъ и немаловажнымъ изъ правъ, усвояемыхъ вами себѣ на основаніи соборнаго строя православной церкви. Иначе на мѣстѣ святѣ возгнѣздится уже не облыжная мерзость запустѣнія, а заправская въ какой бы то ни было формѣ. И можетъ быть самая страшная изъ нихъ—это система клѣтчатокъ съ разнообразнымъ содержаніемъ на мѣсто единой истинно соборной церкви. Ибо чѣмъ же тогда поправить дѣло?—вѣдь церковно-приходская община послѣдній ресурсъ!

Наконецъ, какъ намъ думается, «Русь» не приняла въ разсчетъ и еще одинъ разрядъ людей, достаточно серьезныхъ, во всякомъ случаѣ не безотвѣтныхъ и всегда готовыхъ отдать свое сочувствіе если не самому духовенству, то возвышенному служенію его. Это — разрядъ людей, которыхъ можно назвать *ревнителями православія въ его современныхъ формахъ*. Трудно, конечно, рѣшить, около чего собственно сосредоточиваются ихъ симпатіи и надежды. Созерцаютъ ли они самую силу православія, непобѣдимую и неразрушимую, настолько животворную и свободно-производительную, что за ней можно быть совершенно спокойнымъ за формы ея обнаруженія въ томъ смыслѣ, что онѣ никогда не станутъ выше силы, въ нихъ выражающейся? — или они просто питаютъ несумнительное, но и вполнѣ сознательное уваженіе ко всему тому, что получило печать православія и освящено имъ? Во всякомъ случаѣ такой разрядъ людей есть и немалочисленный. Въ ихъ душѣ идеи «Руси», хотя онѣ исходятъ отъ вполнѣ добросовѣстной и симпатичной среды, и способъ трактованія вопроса, хотя онъ подложенъ несомнѣнно благороднымъ чувствомъ, ничего кромѣ горькаго чувства неудовлетворенности не отложатъ.

Въ заключеніе два слова. Во что бы то ни стало, желаютъ, чтобы православное духовенство вышло изъ общества, изъ народа и т. д., и думаютъ, что это цѣлая программа. Но вѣдь пора наконецъ сознаться, что, въ интересахъ церковно-народной жизни, намъ нужно не столько то, чтобы духовенство вышло изъ общества или народа, сколько то, чтобы оно достаточно сильно, свободно и плодотворно воздѣйствовало на церковно-народную жизнь. Сама исходная точка всевозможныхъ рѣчей *за* и *противъ* духовенства должна бы убѣдить въ томъ. Жалуются, что духовенство не воздѣйствуетъ на общественно-церковную жизнь, — какъ же такъ въ дальнѣйшемъ развитіи вопросъ приходитъ къ формулѣ: *такъ оно и не должно воздѣйствовать*, вмѣсто того, чтобы придти къ противоположной: *такъ оно должно воздѣйствовать?* Но для такого воздѣйствія нужна полная конкретная личность духовенства, а не компромиссы. Такъ поощрите личность паствы, но въ равной степени поощрите и личность пастырей, — и тогда церковно-приходская община войдетъ свободно и органически въ высшее понятіе о церкви. Поощрите церковно-народную жизнь, но *въ высшей степени* поощрите личное бытіе духовенства не какъ касты, сословія, корпораціи,—бросьте эти слова, — а какъ служителя возвышеннѣйшимъ и чистѣйшимъ интересамъ жизни. Ибо чѣмъ шире задачи, тѣмъ большія и лучшія средства должны быть даны служителямъ этихъ задачъ. А остальное, будемъ надѣяться, приложится.

N. N.

Библіографія.

Антиподы русской мысли въ области церковныхъ вопросовъ. Газета «Русь» № 3. «Бѣлое духовенство и его интересы». Составлено подъ редакціею Н. В. Елпина 1881 г.

Въ годины политическихъ усложненій, гражданскихъ и соціальныхъ переворотовъ и нестроеній, общественныхъ и народныхъ бѣдствій разшатавшаяся, измучившая себя, изнемогшая мысль человѣка неудержимо стремится туда, гдѣ отъ начала своего бытія она привыкла находить для себя тихую безопасную пристань; она, именно, ищетъ себѣ успокоенія, помощи и подкрѣпленія въ области религіознаго чувства и вѣры. Такъ было во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества, у всѣхъ народовъ, какъ самыхъ дикихъ, такъ и достигшихъ наибольшаго умственнаго развитія. Исторія нашего народа особенно полна примѣрами подобнаго рода. Случилось ли какое либо общественное бѣдствіе, въ родѣ чумы, голода, бездождія и т. под., или приходится бороться съ силою внѣшняго врага, — нашъ народъ всюду и постоянно ищетъ себѣ поддержки въ религіозномъ чувствѣ.

Но тогда какъ въ низшихъ народныхъ массахъ этотъ порывъ въ область вѣры совершается болѣе или менѣе безсознательно, скорѣе инстинктивно, чѣмъ обдуманно и выражается въ искренней, безпредѣльной преданности волѣ Высшаго Существа, въ классахъ, стоящихъ во главѣ управленія народною жизнію, тоже самое ощущеніе религіозной потребности выражается инымъ способомъ. Въ послѣднемъ случаѣ уже не довольствуются простымъ удовлетвореніемъ *личной* потребности духа, но стараются тѣмъ или инымъ способомъ распространить *сознательное*, *разумное* отношеніе къ предметамъ вѣры и въ народныя массы. Руководители и заправители народной жизни чувствуютъ, что на нихъ лежитъ самая священная и неотложная обязанность принимать всевозможныя мѣры,

чтобы религіозное чувство народной массы изъ области безотчетной вѣры перешло въ сознательно-религіозное отношеніе къ объекту религіозной вѣры, чтобы изъ инстинктивнаго порыва, вызываемаго часто только внѣшними, случайными несчастными обстоятельствами, оно развилось въ постоянно, спокойно бьющій источникъ живой воды, который бы былъ способенъ освѣжать, очищать и укрѣплять весь государственный организмъ. И чѣмъ удушливѣе и недоброкачественнѣе становится воздухъ въ атмосферѣ государственной жизни, вслѣдствіе разнаго рода внутреннихъ нестроеній и безпорядковъ, тѣмъ ощутительнѣе чувствуютъ государственные, общественные, публицистическіе дѣятели потребность прибѣгать къ этому освѣжающему и укрѣпляющему источнику живой воды. Въ послѣднее время, когда соціалистическая, революціонная пропаганда, не смотря на все свое внутреннее ничтожество, своею безпримѣрною дерзостію однако успѣла возмутить правильное теченіе государственной жизни,—взоры всѣхъ людей благомыслящихъ, которые чувствуютъ себя въ положеніи людей, обязанныхъ такъ или иначе заботиться объ охраненіи интересовъ своего достолюбезнаго отечества, обратились невольно къ церкви, какъ къ единственному оплоту государственной жизни, какъ къ главному цѣлебному источнику, откуда всего вѣрнѣе можно получить исцѣленіе отъ распространившейся отравы. Періодическая пресса, сознавая на себѣ обязанность руководить общественнымъ мнѣніемъ и давать умамъ современнаго общества должное направленіе, тоже въ свою очередь заголосила о необходимости усиленія и правильной постановки въ нашихъ школахъ религіознаго образованія. И вотъ естественно возникъ вопросъ — положимъ, не новый — о тѣхъ, кто призванъ быть стражемъ и охранителемъ самаго источника *живой воды*, заправителемъ и устроителемъ религіозной жизни общества. Вопросъ, говоримъ мы, не новый; но едва ли когда онъ былъ такъ часто затрогиваемъ, съ такихъ различныхъ точекъ и сторонъ разсматриваемъ, какъ въ послѣднее время.

Прежде всего обыкновенно спрашиваютъ: стоитъ ли дѣйствительно духовенство на высотѣ своего призванія? Въ достаточной ли степени оно выполняетъ тѣ задачи, которыя намѣчены ему самымъ его служеніемъ? Можетъ ли государство расчитывать на него, какъ на силу, способную помогать ему въ дѣлѣ благоустроенія гражданскаго и общественнаго порядка? На всѣ эти и подобные имъ вопросы слышится отовсюду отвѣтъ отрицательный. Духовенство

обвиняется въ грубости, тупости, забитости, глупости; что оно на столько низко по своему умственному развитію, что рѣшительно не въ состояніи удовлетворить сколько нибудь требованіямъ современнаго общества, и отъ него напрасно было бы ожидать чего нибудь полезнаго для государства. Сельское духовенство исключительно занято обезпеченіемъ своего матеріальнаго быта, ограничивается механическимъ отправленіемъ требъ и дѣлается совершенно неспособнымъ дѣйствовать духовно-просвѣтительнымъ образомъ на свою паству. Пороки, въ видѣ пьянства, составляютъ неотъемлемую принадлежность этого сословія, а городскіе священники достигшіе наибольшаго матеріальнаго обезпеченія обращаются въ сибаритовъ, эпикурейскія наклонности которыхъ слишкомъ мало отвѣчаютъ ихъ пастырскимъ обязанностямъ, и потому послѣднія обыкновенно забываются ими. Но тогда какъ одни изъ публицистовъ съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ и идеальнаго пастырскаго служенія изливаютъ на духовенство всю желчь своего пера, другіе относятся къ нему съ болѣе человѣческой точки зрѣнія: они вникаютъ въ существующія условія, въ которыя поставлено въ настоящее время духовенство, находятъ ихъ крайне неблагопріятными для его правильной дѣятельности и съ своей стороны предлагаютъ разнаго рода проэкты улучшенія быта духовнаго сословія. Во взглядахъ тѣхъ и другихъ встрѣчается иногда такая путаница понятій, такъ много страннаго и противорѣчиваго, имѣющаго своимъ основаніемъ очевидное непониманіе сущности дѣла, такъ много иногда неправды, намѣренной или ненамѣренной клеветы, что мы съ своей стороны не можемъ быть равнодушными ко всѣмъ этимъ толкамъ и постараемся разобрать ихъ, насколько они будутъ состоятельны предъ судомъ здраваго смысла и дѣйствительнаго положенія дѣла, ограничивая впрочемъ свой разборъ только тѣми изъ нихъ, которые мы считаемъ наиболѣе заслуживающими вниманія, какъ высказанными наиболѣе выдающимися органами и лицами свѣтской печати.

Всѣ болѣе или менѣе согласны въ томъ, что духовное сословіе, въ общей своей совокупности, не можетъ стоять на высотѣ своего призванія главнымъ образомъ потому, что матеріальное его положеніе слишкомъ необезпеченно и крайне бѣдно, что оно по необходимости должно быть занято почти исключительно удовлетвореніемъ своихъ насущныхъ физическихъ нуждъ и потому не имѣетъ совершенно никакой возможности выполнить настоящимъ образомъ

лежащихъ на немъ обязанностей, что наконецъ и самый способъ добыванія имъ денегъ унизителенъ и ставитъ его чуть не въ рабскую зависимость отъ прихожанъ и всего общества, что поэтому всѣ усилія духовной административной власти должны быть направлены къ тому, чтобы сколько возможно возвысить матеріальное и общественное положеніе духовнаго сословія. Тогда только можно надѣяться, что оно образуетъ собою силу, способную мощно и благодѣтельно вліять на духовно-нравственное развитіе народа и сообщать ему прочное и религіозное воспитаніе. Поэтому съ этой точки зрѣнія ничего не будетъ предосудительнаго въ томъ, если духовная власть въ настоящее время направляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы какими либо способами обезпечить матеріальное положеніе духовенства.

Но противъ, именно, этого стремленія духовно-административной власти въ послѣднее время раздаются нѣкоторые голоса нашей свѣтской печати. Такъ, появившаяся съ половины ноября прошедшаго года газета «Русь», авторитетная по одному имени своего редактора—издателя, какъ лица, пользующагося общимъ уваженіемъ за свои строго-опредѣленныя, твердыя, православно-національныя убѣжденія, очень рѣзко высказалась противъ современнаго направленія вообще церковной жизни, и въ частности — противъ дѣятельности церковной администраціи и нашего бѣлаго духовенства. Проводя въ своихъ первыхъ №№ ту мысль, что вообще въ нашей государственной жизни со временъ реформъ Петра Великаго вмѣсто внутренней правды стало все болѣе и болѣе утверждаться начало сухаго формализма, бюрократіи, *казенщины*, «Русь» утверждаетъ, что то же начало проникло и въ область церковной жизни, производя въ ней самыя уродливыя явленія. «Результатомъ, говоритъ она въ 3-мъ №, — настоящее состояніе церкви, при мысли о которомъ болѣзненно сжимается сердце. Мы разумѣемъ, конечно, не ту церковь, которая зиждется въ душахъ вѣрующихъ, которую не только врата адовы, но и бюрократія не одолѣютъ. Мы говоримъ о томъ внѣшнемъ, какъ бы тѣлесномъ покровѣ церкви внутренней, безъ котораго не можетъ быть нормальной цѣльной жизни всего организма, и который, своимъ непомѣрнымъ, неправильнымъ развитіемъ гнететъ самое начало жизни, мертвитъ дѣятельность духа, обезсиливаетъ самую соль. Понятіе *церкви* подмѣнено понятіемъ *вѣдомства*... Начало государственное въ самомъ худшемъ своемъ перерожденіи, при которомъ оно утрачиваетъ свою

искренность, свою правду и становится чисто внѣшнимъ, формальнымъ, однимъ словомъ—казенностью и казенщиной, способно обездушить не только церковь, но даже и всякое гражданское учрежденіе. Тѣмъ сильнѣе чувствуется дѣйствіе этого искаженнаго начала въ «вѣдомствѣ духовномъ», представляющемъ такимъ образомъ сугубое отрицаніе: чуждое духа церковнаго, оно чуждо и жизненности государственнаго принципа».

«Если обратиться къ дѣятельности этого вѣдомства, къ движенію, совершавшемуся въ его нѣдрахъ за послѣдніе десять, пятнадцать лѣтъ, мы увидимъ, что всѣ заботы, всѣ мысли устремлены почти исключительно на внѣшнюю, формальную сторону церковнаго бытія, и притомъ въ совершенный разладъ съ его дѣйствительными духовными потребностями. Забыто повидимому, что въ церкви истинно *реально* только духовное, и что безъ него «ничто же бысть». — Такъ главною задачею «православнаго вѣдомства» было «обезпеченіе сельскаго духовенства», для чего тысячи православныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на средства народа, вѣдомство признало нужнымъ закрыть и приходы упразднить, вопреки просьбамъ, мольбамъ и нуждамъ народнымъ,—не облегчая, стало-быть, а только *затрудняя* народу посѣщеніе Божіихъ храмовъ и молитвенное участіе въ богослуженіи. «Либеральное» и «прогрессивное» духовенство (есть и такая, и очень сильная «фракція») конечно стояло за эту мѣру (въ нынѣшнемъ году, слава Богу, пріостановленную). Съ чиновнической точки зрѣнія оно совершенно право. Это пастырь думаетъ прежде всего объ овцахъ, а чиновнику вполнѣ естественно прежде всего заботиться о себѣ и о своемъ содержаніи. Съ чиновнической точки зрѣнія народная вѣра, народное богомольное усердіе—только доходная статья. Чиновники, впрочемъ, лишь одно упускаютъ при этомъ изъ виду: при оскудѣніи вѣры, можетъ вѣдь оскудѣть и доходъ! Но и тутъ есть утѣшеніе для чиновниковъ: большая часть требъ вѣдь обязательна! А если бы народъ, оскорбленный въ своемъ чувствѣ вѣры, вздумалъ искать ему удовлетворенія гдѣ-нибудь на сторонѣ и уклоняться изъ православной церкви въ расколъ или какую либо секту, то на это вѣдь есть полиція, къ которой чиновники усердно и прибѣгаютъ: оно бичемъ и дубиной загонитъ бѣглую овцу въ ограду!—Точно также правы чиновники, съ своей точки зрѣнія, и въ отношеніи къ эксплуатаціи другой доходной статьи, народнаго поэтическаго и умилительнаго обычая: затеплять предъ ико-

нами свѣчу чистаго воска. Чиновники учреждаютъ заводы, подмѣшиваютъ къ воску постороннія вещества, устанавливаютъ монополію торговли; практики—пастыри даже съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относятся къ нравственному чувству «идеалистовъ мірянъ», которому претитъ такое вторженіе въ область церкви грубаго коммерческаго и утилитарнаго начала. Чиновникамъ, да кажется и сановникамъ, не претитъ».

Все это, замѣтимъ мы съ своей стороны, прекрасно, возвышенно, вполнѣ православно и даже весьма назидательно; святая истина звучитъ въ словахъ этихъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что церковь есть *духовный* союзъ людей, одушевленный религіозно-нравственными интересами, что поэтому привнесеніе въ ея жизнь всякаго инаго, чуждаго ея духу элемента, составитъ въ ней очень уродливое явленіе, что «въ церкви истинно *реально* только духовное, и безъ него «ничто же бысть». Но въ тоже время нельзя оспаривать и того, что этотъ духовный союзъ заключенъ въ условія пространства и времени, что находится не на небѣ, а на землѣ, и потому вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, существующимъ здѣсь, несмотря на свои абсолютныя, Божественныя начала, подчиненъ относительнымъ, конечнымъ формамъ всякаго вообще земнаго бытія. Разумѣется, задача существованія церкви на землѣ и заключается, именно, въ томъ, чтобы, сколько возможно, одухотворять матеріальныя начала земныхъ явленій, низменныя пространства земной юдоли постепенно приближать къ свѣтлымъ областямъ небесныхъ круговъ; но несомнѣнно и то, что эти матеріальныя начала будутъ существовать въ церкви, пока она сама существуетъ на землѣ, или—пока наконецъ будутъ новое небо и новая земля, какъ обѣщалъ Спаситель. Положимъ, что и охранители церковныхъ интересовъ—члены духовенства—своею жизнію и дѣятельностію, по самому званію своему, должны исключительно посвятить себя служенію общимъ задачамъ и цѣлямъ церкви, и поэтому—стараться, сколько возможно, внѣшнія условія и формы ея бытія приводить въ соотвѣтствіе съ духовными и единственно реальными отправленіями ея внутренней жизни; но нельзя также забывать и того, что эти охранители церковныхъ интересовъ сами въ свою очередь подчинены внѣшнимъ условіямъ и формамъ матеріальнаго бытія, что они не небесные человѣки, но обыкновенные люди, занимающіе опредѣленное мѣсто въ средѣ существъ конечныхъ, принужденные вести постоянную борьбу съ разнаго рода препятствіями,

стоящими на пути ихъ высшимъ, духовнымъ стремленіямъ. Очевидно, чтобы явиться дѣйствительно мощными служителями общимъ церковнымъ интересамъ, члены духовнаго сословія сами еще сперва должны выползти изъ грязной тины окружающей ихъ матеріальной среды на твердую, незыблемую почву, на которой бы чувствовали себя сильными и ничѣмъ не стѣсняемыми дѣйствовать во имя общихъ духовныхъ интересовъ: вѣдь не совсѣмъ было бы естественно погрязающему въ болотѣ заботиться о спасеніи другихъ. Теперь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ служители церкви могутъ создать себѣ такую обстановку, которая бы дозволяла имъ свободно и безпрепятственно дѣйствовать согласно принятымъ ими на себя обязанностямъ. Есть путь высокій, благородный и самый дѣйствительный, которымъ они могутъ достигнуть истинной свободы духа, не стѣсняющагося уже никакими внѣшними обстоятельствами и вліяніями. Это путь — самоотреченія, упорной борьбы съ окружающимъ зломъ, съ своими собственными нечистыми, своекорыстными влеченіями плоти; только этимъ путемъ дѣйствительно могутъ вырабатываться тѣ высокіе, нравственные, твердые характеры, о которые, какъ о несокрушимую скалу, разбивается вся ярость волнъ житейскаго моря. Это по истинѣ есть настоящая, жизненная школа духа, требующая отъ него самодѣятельности и самовоспитанія, изъ которой только и могутъ выходить на трудную арену нравственнаго служенія дѣйствительные борцы, безстрашно идущіе на встрѣчу всякимъ препятствіямъ. Это въ собственномъ смыслѣ есть *духовная* школа, закаляющая духъ человѣческій, заковывающая его въ броню правды. Но вопросъ— всѣ ли въ силахъ быть учениками этой школы? Много ли найдется такихъ, которые бы, подобно, напр., великому Іоанну Предтечѣ, оставили свои дома и семейства, ушли въ пустыню, чтобы посвятить себя строго-подвижнической жизни, и потомъ уже, достигнувши путемъ самовоспитанія, борьбы и всякаго лишенія, истинной зрѣлости духа, выйдти на поприще общественнаго служенія съ проповѣдію: «покайтеся!»? Очевидно, нѣтъ: нужно бы было заразиться черезъ чуръ ложными утопическими воззрѣніями и вообразить всѣхъ людей способными быть великими героями и гигантами въ духовно-нравственной жизни, чтобы счесть подобные примѣры заурядными явленіями. Людей всегда должно представлять людьми, между которыми всегда найдется болѣе слабыхъ, чѣмъ сильныхъ. А между тѣмъ въ разсужденіяхъ о духовенствѣ

очень и очень часто забываютъ, именно, это обстоятельство и служителей церкви воображаютъ людьми какъ бы не отъ міра сего. Обыкновенно переносятся своею мыслію къ первымъ временамъ христіанства, и когда со стороны духовенства слышатся возгласы и жалобы на свою внѣшнюю матеріальную безпомощность, ему указываютъ на примѣры Христа и апостоловъ, которые, не смотря на всѣ труды и лишенія, неустанно и безропотно трудились въ пользу благовѣствованія, не заботясь о томъ, что имъ ѣсть и что пить. Вотъ, говорятъ, какъ описываетъ апостолъ Павелъ внѣшнее положеніе и свое собственное и вмѣстѣ своихъ сотрудниковъ по апостольству: «мы терпимъ голодъ и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ, гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимся; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донынѣ» (1 Кор. 4, 11—13). Разсуждающіе подобнымъ образомъ забываютъ о той великой разницѣ, какая существуетъ между первоначальнымъ положеніемъ церкви и настоящимъ; они не принимаютъ въ разсчетъ, что апостолы не были людьми обыкновенными, но что они обладали чрезвычайными дарованіями Духа, подкрѣплявшаго ихъ во всякомъ подвигѣ; что и само христіанское первоначальное общество, полное еще религіознаго одушевленія, члены котораго сносили *все свое* въ общее достояніе, относилось къ представителямъ апостольскаго служенія совершенно иначе, чѣмъ современное общество къ своимъ пастырямъ церкви; забываютъ они и то, что апостолы дѣйствовали въ Палестинѣ, благодатной странѣ, текущей медомъ и млекомъ, а не на безотрадномъ сѣверѣ, гдѣ борьба съ холодомъ и голодомъ принимаетъ болѣе острый, ожесточенный характеръ; не хотятъ обратить вниманія и на то, что апостолы не связаны были семейными обязанностями, заботами о женахъ и дѣтяхъ, подобно настоящимъ продолжателямъ ихъ дѣла, естественное родительское чувство которыхъ не дозволитъ же имъ отправить своихъ дѣтей, напр., хоть въ воспитательный домъ, на попеченіе государства, для того только, чтобы развязать себѣ отъ нихъ руки для болѣе свободнаго и безпрепятственнаго общественнаго служенія; забываютъ наконецъ и то, что и потребности духовенства, въ силу общаго государственнаго и соціальнаго развитія, чрезвычайно усложнились, такъ что для удовлетворенія ихъ теперь требуется гораздо больше, чѣмъ сколько нужно было во времена первобытныя. Все это показываетъ, какъ

мало основаній въ своихъ разсужденіяхъ имѣютъ тѣ, которые смотрятъ на членовъ духовнаго сословія какъ на людей, по самому званію своему обязанныхъ явиться нравственными героями и побѣдителями въ борьбѣ съ матеріальною стороною жизни и требованіями плоти. Самъ апостолъ Павелъ, человѣкъ, искушенный въ борьбѣ съ этою стороною своего существа, одаренный особенными силами свыше, и тотъ чувствовалъ всю тяжесть этой борьбы, такъ что и изъ его груди вылеталъ такой скорбный вопль: «бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?» (Рим. 7, 24). Можно ли послѣ этого ожидать, что обыкновенные люди, изъ которыхъ состоитъ наше духовенство, будучи лишены всякой сторонней помощи и предоставлены лишь исключительно самимъ себѣ, не падутъ въ борьбѣ съ разнаго рода физическою нуждою, что для нихъ по силамъ будетъ школа самоотреченія, требующая отъ нихъ необычайныхъ духовныхъ подвиговъ? Кто сколько знаетъ, что такое обыкновенный человѣкъ, тотъ, разумѣется, пойметъ, насколько основательны подобныя и требованія отъ духовенства.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если члены духовенства, не будучи въ силахъ идти по пути великихъ героевъ духа и нравственныхъ подвиговъ, для освобожденія себя отъ матеріальной нужды избираютъ иной путь болѣе легкій и вмѣстѣ съ тѣмъ общій всѣмъ человѣческимъ корпораціямъ,—именно, они стараются создать себѣ такую жизненную обстановку, при которой бы они какъ можно менѣе чувствовали на себѣ гнетъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій и такимъ образомъ могли бы свободнѣе и безпрепятственнѣе отдаваться отправленію обязанностей своего служенія. Заботиться о своемъ матеріальномъ благоустроеніи духовенство имѣетъ тѣмъ болѣе правъ, что кромѣ него самого объ немъ никто не позаботится. Древній способъ содержанія духовенства — доброхотныя даянія вѣрующихъ,—который, какъ мы увидимъ, нѣкоторые называютъ единственно каноническимъ, и самъ по себѣ слишкомъ не регулированъ, и все больше и больше становится недостаточенъ, такъ что духовенство съ увеличеніемъ и усложненіемъ своихъ матеріальныхъ потребностей, вызываемымъ условіями времени, чувствуетъ все большій и большій гнетъ матеріальной нужды и по необходимости все напряженнѣе принуждено себя чувствовать въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба. Нѣтъ ничего удивительнаго и неестественнаго въ томъ обстоятельствѣ, что наша духовная администрація за послѣдніе десять, пятнадцать лѣтъ съ осо-

бенною энергіею направляла свои усилія на встрѣчу этимъ нуждамъ бѣдствующаго духовенства. Вѣдь что бы тамъ ни говорили о высокомъ служеніи духовенства, по существу своему исключающемъ всякіе матеріальные разсчеты и соображенія, но голодъ, бѣдность и всякія происходящія отъ нихъ болѣзненныя, физическія и нравственныя ощущенія вовсе не такого рода обстоятельства, чтобы къ нимъ всегда съ стоическимъ равнодушіемъ можно было относиться человѣку, облеченному плотію и кровію. И духовное правительство не могло, конечно, равнодушно относиться къ тяжелому положенію своихъ подчиненныхъ, такъ какъ съ нимъ связаны существеннѣйшіе интересы церкви, ея духовный ростъ и внутренняя крѣпость. Всякій, кто сколько нибудь присмотрѣлся къ событіямъ общественно-церковной жизни за послѣдене время, не могъ не замѣтить, что силы духовенства постепенно слабѣютъ, что выдающіеся по своимъ способностямъ и умственному развитію молодые люди все больше и больше исчезаютъ изъ рядовъ его, что сами отцы, не смотря на укоренившійся традиціонный обычай приготовлять своихъ дѣтей непремѣнно къ духовному званію, охотно начинаютъ поступаться въ этомъ отношеніи и не удерживаютъ ужъ болѣе своихъ дѣтей уходить изъ своего сословія, которое кромѣ высоты нравственнаго подвига, не сулитъ имъ ничего привлекательнаго. На долю духовенства такимъ образомъ остаются молодые люди со способностями болѣе или менѣе посредственными и слабыми, и нѣтъ нужды много говоритъ о томъ, какъ страдаютъ отъ этого интересы церкви. Недомысліе, непониманіе всегда являются главнымъ тормазомъ въ правильномъ теченіи и всякихъ другихъ сферъ жизни; но особенно темнымъ пятномъ они являются на ясномъ небѣ церковной жизни: чѣмъ внутреннѣе и духовнѣе интересы извѣстной сферы жизни, тѣмъ болѣе требуютъ они къ себѣ бережнаго отношенія и особеннаго умственнаго проникновенія со стороны человѣка. Намъ поэтому кажется чрезвычайно странною мысль «Страны», которую она высказала лѣтомъ прошлаго года, что будто бы для улучшенія быта духовенства нужно понизить его умственный цензъ, чтобы оно ближе подходило къ простому народу, и такимъ образомъ было менѣе требовательно въ своихъ запросахъ: какъ будто для большаго сближенія духовенства съ народомъ нужно сдѣлать его гораздо глупѣе, и какъ будто дружба двухъ глупцовъ можетъ быть основою православныхъ жизненныхъ отношеній!... Мы, признаться, удивляемся, какъ можно было до-

думаться до такихъ хитроумныхъ вещей въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ!... Не очень давнее распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, въ силу котораго семинаристы для поступленія въ университеты обязаны были сдать экзаменъ зрѣлости и которое естественно заградило имъ путь въ эти заведенія, задержало, конечно, этотъ отливъ молодыхъ силъ изъ духовенства на свѣтскую службу, но это обстоятельство, повидимому, благопріятное для поднятія ослабѣвавшихъ силъ духовнаго сословія, при продолжающейся его матеріальной необезпеченности, на самомъ дѣлѣ вовсе нельзя признать таковымъ. Съ раннихъ лѣтъ воспитавшіе въ себѣ чувство нерасположенія къ своему званію эти юноши, волей неволей принужденные однако же оставаться въ немъ, не могутъ быть надежными и полезными пастырями церкви; есть даже опасность, что такіе люди будутъ опасны и вредны для церкви, какъ озлобленные на свою судьбу и принужденные отправлять обязанности, несоотвѣтствующія ихъ внутреннимъ наклонностямъ и стремленіямъ.—Необходимо, слѣд., принять мѣры, чтобы духовенство не измельчало своими молодыми силами; а для этого нужно поставить его въ такія условія, чтобы оно было привлекательно не высотою только своего служенія, но и своимъ матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ. Никогда не слѣдуетъ, повторяемъ мы, расчитывать на героевъ духа, которые всѣмъ готовы пожертвовать ради осуществленія своей излюбленной идеи и обладаютъ такою крѣпостію нравственнаго характера, что способны выдержать всякую борьбу съ внѣшними препятствіями; но нужно всегда имѣть въ виду людей средняго уровня по своему нравственному развитію, которые могутъ съ пользою дѣйствовать и болѣе или менѣе добросовѣстно исполнять свои обязанности только тогда, когда внѣшнія условія и окружающая обстановка не представляютъ къ тому особенно чувствительныхъ препятствій. Поэтому, не слѣдуетъ, думаемъ мы, укорительно отзываться о нашей духовной администраціи, что въ числѣ главныхъ заботъ ея за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ былъ также и вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго быта духовенства: нельзя относиться къ этому вопросу болѣе или менѣе равнодушно, откладывать его въ дальній ящикъ, когда отъ разрѣшенія его зависитъ упроченіе существенныхъ интересовъ церковной жизни. Можно, безъ сомнѣнія, ратовать противъ того, что мѣры, принятыя нашимъ духовнымъ правительствомъ въ этомъ направленіи, были удачны, напр. указываемое «Русью» упраздне-

ніе бѣдныхъ приходовъ; но нельзя укорительно смотрѣть на эти мѣры въ ихъ принципѣ, какъ это и дѣлаетъ тоже «Русь». — Нѣтъ особенныхъ основаній возмущаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что наше передовое духовенство, заботясь о своихъ меньшихъ братіяхъ, измышляетъ всякія средства къ тому, чтобы, сколько возможно, облегчить его тяжелое положеніе, и съ этою цѣлію заводитъ, напр. церковные, епархіальные свѣчные заводы. «Русь» говоритъ, что практики-пастыри въ этомъ случаѣ «съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относятся къ нравственному чувству «идеалистовъ-мірянъ», которому претитъ такое вторженіе въ область церкви грубаго коммерческаго и утилитарнаго начала». Но мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ нравственное чувство мірянъ въ однихъ случахъ можетъ оскорбляться, въ другихъ— подобныхъ же—нѣтъ. Развѣ продажа свѣчей въ самомъ храмѣ у ящика, производимая церковными старостами не есть тоже своего рода коммерція? И однако же нравственное чувство прихожанъ не возмущается этимъ обстоятельствомъ. Съ точки зрѣнія идеальныхъ требованій, гораздо было бы приличнѣе усердствующимъ прихожанамъ покупать свѣчи въ лавочкѣ и приходить въ церковь съ купленными заранѣе. Но и въ этомъ случаѣ нельзя избѣжать «грубаго, коммерческаго, утилитарнаго начала». Спрашивается: куда должны поступать огарки отъ этихъ свѣчей? Разумѣется,—въ пользу церкви. Значитъ, въ церкви опять будетъ производиться продажа огарковъ, въ сферу церковной жизни опять неизбѣжно проникнетъ коммерческій духъ. Далѣе, усвоено же нашей церковной практикой производство и продажу просфоръ поручать лицамъ духовнаго званія, — и однако же совѣсть прихожанъ нисколько не смущается этимъ обстоятельствомъ и не видитъ въ немъ проявленій грубаго, утилитарнаго начала. Напротивъ, для христіанскаго чувства прихожанъ, пожалуй, было бы гораздо возмутительнѣе, если бы имъ пришлось покупать себѣ просфоры въ какой-нибудь пекарнѣ, да и вообще, какъ бы мы идеально ни представляли церковную общину, все же вѣдь въ ней мы должны предположить извѣстное церковное хозяйство, которое, какъ таковое, по самой сущности своей, должно подлежать обычнымъ условіямъ покупки и продажи до тѣхъ поръ, пока церковь существуетъ въ государствѣ и пока общая государственная и соціальная жизнь не приметъ иныхъ формъ, болѣе идеальныхъ, соотвѣтствующихъ духу христіанской любви. Впрочемъ, мы признаемъ и вполнѣ понимаемъ всю возвышенность разсужденій «Руси», и, конечно, было бы

весьма желательно, чтобы дѣятельность духовенства носила исключительно духовный характеръ, чтобы они не помышляли о томъ, что имъ ѣсть и что имъ пить, но исключительно отдавали себя въ пользу религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа; но при этомъ мы напоминаемъ достопочтенной газетѣ, что духовенство, принадлежа всѣми силами своего бытія церкви, занимаетъ въ то же время опредѣленное мѣсто въ государствѣ, что члены его должны, слѣдовательно, явиться *приличными* гражданами, такъ чтобы и самое ихъ внѣшнее положеніе не носило на себѣ ничего отталкивающаго, а возбуждало, напротивъ, и съ этой стороны уваженіе прихожанъ. А до тѣхъ поръ, пока церковь и государство будутъ представлять собою два различные института, съ различными, а подчасъ противоположными другъ другу направленіями, никогда нельзя ручаться, что само общество заботливо отнесется къ внѣшнему положенію духовенства. Только, когда чаянія и надежды Ѳ. М. Достоевскаго исполнятся, когда церковь и государство образуютъ собою одинъ нераздѣльный организмъ, одушевленный строго-нравственными христіанскими началами, тогда только вполнѣ можно ручаться, что общество отнесется къ положенію духовенства съ надлежащимъ сочувствіемъ, вполнѣ понимая, что оно есть главный руководитель въ его нравственной жизни. Въ настоящее же время, когда такъ-называемое общество въ довольно значительномъ большинствѣ своихъ членовъ страдаетъ религіознымъ индифферентизмомъ и совершенно равнодушно относится къ дѣламъ церкви, увлекаясь потокомъ чисто-житейскихъ интересовъ, а тѣ, на любовь и расположеніе къ себѣ которыхъ духовенство дѣйствительно можетъ разсчитывать—низшій православный людъ—сами терпятъ крайнюю нужду отъ разнаго рода бѣдъ—и случайныхъ, и постоянныхъ—органическихъ—наше духовенство лишено всякихъ основаній разсчитывать на сторонюю помощь и по необходимости должно позаботиться само о себѣ. Вотъ почему, повторяемъ мы, не основательно обвинять духовенство за его стремленія обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи, за его попытки отыскать средства, чтобы выйти изъ своего ничтожества и завоевать себѣ почетное положеніе въ государствѣ.—Правда, «Русь», хотя коритъ духовенство за то, что оно привноситъ въ жизнь церкви грубыя, узко-утилитарныя начала, не думаетъ однако «отвергать необходимости поставить духовенство, особенно сельское, въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы съ большимъ досугомъ пещись о своей

паствѣ и менѣе отвлекаться заботами о содержаніи себя и своихъ семействъ... Но, продолжаетъ она, ни чиновникамъ, ни сановникамъ, ни духовному вѣдомству не разрѣшить удовлетворительно этой задачи. Они не могутъ придумать инаго исхода, кромѣ принудительнаго и формальнаго». Поэтому «Русь» думаетъ разрѣшить этотъ вопросъ, руководясь инымъ принципомъ, который она полагаетъ въ основаніе и вообще государственнаго устройства. «Какъ въ дѣлѣ нашего государственнаго и общественнаго строя, говоритъ она, наше одно спасеніе въ приливѣ земской стихіи, такъ и въ строеніи церковномъ нуженъ приливъ народной же церковной стихіи. Какъ въ строѣ земскомъ органическая жизнь начинается съ ячейки или съ наименьшей единицы, въ которой соприкасаются вмѣстѣ всѣ земскіе элементы и которую въ данную минуту мы усматриваемъ въ уѣздѣ,—такъ и въ области церковной такою живою единицею представляется *приходъ*. Какъ необходимо вызвать къ жизни, создать цѣльное уѣздное самоуправленіе, такъ необходимо вызвать къ жизни и признать самоуправленіе и самостоятельность *приходской общины*—въ согласіи съ общимъ *соборнымъ* строемъ нашей церкви». Поэтому «Русь» съ восторженнымъ сочувствіемъ встрѣтила постановленія московскаго земскаго собранія о созданіи церковной общины и дарованіи ей права юридически самостоятельной единицы, по которому бы она была уполномочена выбирать себѣ пастырей церкви, пріобрѣтать въ пользу церкви движимыя и недвижимыя имущества и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, имѣя въ виду исключительно цѣли благотворительныя. Разумѣется, построенная на такихъ началахъ церковная община, въ числѣ первыхъ и главныхъ своихъ заботъ, должна имѣть и заботу объ обезпеченіи матеріальнаго положенія духовенства, объ образованіи и развитіи духовныхъ школъ для воспитанія и обученія будущихъ пастырей церкви, о вспомоществованіи членамъ духовнаго сословія въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что по идеѣ эта мысль прекрасная, но при этомъ всегда нужно имѣть въ виду и возможность дѣйствительнаго ея осуществленія. А между тѣмъ не много надеждъ имѣется на наступленіе этой возможности. Трудно создать *одну* церковную общину или *приходъ*, какъ «общество людей, связанныхъ между собою единствомъ мысли и убѣжденія и стремленіемъ къ одинаковой цѣли», но еще труднѣе образовать множество такихъ единицъ, связать ихъ единою органическою связью, такъ,

чтобы всѣ они въ совокупности представляли собою одно зданіе церкви. Для этого нужно передѣлать весь сословный, соціальный и гражданскій бытъ современнаго общества,—что далеко нельзя назвать дѣломъ легкимъ. И притомъ, какими средствами мы будемъ достигать здѣсь предположенной цѣли? Если мы пойдемъ путемъ обычнымъ, будемъ стремиться къ разрѣшенію своей задачи по способу принудительныхъ мѣръ, то это будетъ дѣломъ, въ настоящемъ случаѣ, очень неблаговидным, какою бы деликатною формою они, положимъ, ни были замаскированы; такъ какъ общество, образующееся во имя нравственныхъ интересовъ, должно и организоваться путемъ таковыхъ же средствъ. Но такія средства для огромнаго числа членовъ общества нашего просвѣщеннаго вѣка далеко не могутъ быть чувствительны. Только путемъ долгаго нравственнаго перевоспитанія общество можетъ достигнуть такого состоянія, чтобы находить живой интересъ въ дѣлахъ церковныхъ и проникнуться къ нимъ дѣятельнымъ сочувствіемъ. Въ настоящее же время никакъ нельзя сказать того, чтобы оно не было въ этомъ отношеніи индифферентно. Поэтому мысль «Руси», на основаніи которой можно строить проэкты улучшенія быта духовенства путемъ *не казенныхъ и не чиновническихъ* мѣропріятій, можно относить пока къ области благочестивыхъ мечтаній, въ существѣ своемъ, впрочемъ, благородныхъ и возвышенныхъ.

Теперь мы изъ за облачныхъ, горныхъ высей должны спуститься въ низменныя, земныя пространства. «Русь» держала насъ на высотѣ своего созерцанія, мы слышали ея величественные глаголы, поняли сладкозвучную прелесть ихъ, и только дебелая, скверная плоть наша заявляла намъ постоянно о себѣ и напоминала, что мы не можемъ еще въ настоящее время сдѣлаться дѣйствительными гражданами этихъ небесныхъ пространствъ, что мы можемъ пока только мечтать объ нихъ, имѣть ихъ въ виду, какъ завѣтную цѣль своего земнаго бытія, отъ котораго мы въ настоящій моментъ времени вовсе не можемъ отрѣшиться. И на сколько мысль наша очищалась, возвышалась и одухотворялась воззрѣніями «Руси», ея истинными, вполнѣ православными понятіями о церкви и ея внѣшнемъ обликѣ, который она должна носить на себѣ въ силу своего земнаго существованія, на столько же эта мысль оземленяется, оскверняется разнаго рода нечистотами при чтеніи другой книжки, занимающейся однако изслѣдованіемъ того же самаго предмета. И тогда какъ то, чѣмъ въ сферѣ церковной жизни справед-

ливо возмущается «Русь», обзывая это казенщиной, чиновничествомъ, бюрократизмомъ, — это возводится чуть ли не въ перлъ созданія въ предлагаемой нашимъ читателямъ книжкѣ. Мы видѣли, что по справедливому воззрѣнію «Руси» только *духовное* истинно *реально* въ церкви, что внѣшнее ея благоустроеніе, излеченіе ея отъ разнаго рода наростовъ, образовавшихся на ея организмѣ вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ условій, нужно начинать съ небольшой единицы — *прихода*, давши этой единицѣ все, что по праву она должна имѣть для своей самостоятельной внутренней жизни,—чтобы изъ нея, какъ изъ ячейки организовалась, развивалась и расширялась и общая жизнь церкви, но «Бѣлое духовенство и его интересы»—книжка, составленная подъ редакціей Н. В. Елагина, совершенно идетъ въ разрѣзъ этимъ воззрѣніямъ, хотя въ тоже время нельзя не видѣть того, что въ ней не извѣстный авторъ съ фанатическою религіозною нетерпимостію и ожесточеніемъ дѣйствуетъ во имя того же Духа Божія, въ защиту якобы тѣхъ же интересовъ церкви,—что, конечно, производитъ на читателя еще болѣе непріятное впечатлѣніе. Печально видѣть, какъ христіанское, религіозное чувство можетъ иногда самимъ чувствительнымъ образомъ оскорбляться тѣми, кто, повидимому, долженъ считаться преданнѣйшимъ сыномъ церкви и всѣ силы своего духа посвятить интересамъ религіи.

Книжка, заглавіе которой мы выше выписали, собственно говоря, можетъ свидѣтельствовать сама за себя и самъ читатель можетъ видѣть и сразу почувствовать, что имѣетъ дѣло съ авторомъ, примыкающимъ къ разряду такихъ, которые обладаютъ на столько счастливою прямолинейностію мышленія, что объ него, какъ о несокрушимую скалу, разбиваются всѣ доводы противниковъ.. Поэтому мы, если и поведемъ рѣчь объ его произведеніи, то не имѣя собственно его въ виду, но главнымъ образомъ тѣхъ простодушныхъ читателей, которымъ случится купить эту книжку и, прочитавши ее, неумѣренно увлечься религіозною ревностію ея составителя, силою и убѣдительностію его доводовъ и неотразимостію его полемики.

Составитель книжки желаетъ изобразить настоящее положеніе духовенства и показать, что оно далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію, хочетъ раскрыть внутреннія причины, которыя привели его къ этому печальному состоянію и самъ въ свою очередь предлагаетъ проэкты, какимъ образомъ можно поставить духовенство на надлежащую ему высоту, показывая ему въ тоже время, въ

чемъ должны заключаться его истинные интересы. «Русь» въ томъ же №, по поводу котораго мы съ ней бесѣдовали, признаетъ полныя историческіе заслуги за нашимъ духовенствомъ. «Мы высоко цѣнимъ, говоритъ она, заслуги нашего духовнаго сословія. Оно ближе всѣхъ стояло, отчасти стоитъ и теперь, къ Русской землѣ; оно вмѣстѣ съ народомъ вспахало нашу жесткую историческую тысячелѣтнюю ниву, участвуя наравнѣ, неразлучно, во всѣхъ скорбяхъ и трудахъ народнаго бытія. Только одна церковь помогла нашему страстотерпцу-народу уберечь въ своей душѣ образъ Христовъ и сквозь всѣ невзгоды и муки рабства соблюсти вѣру въ свою христіанскую свободу, въ свое человѣческое достоинство». То же, повидимому, говоритъ и нашъ авторъ. «Духовенство наше, по его словамъ безспорно имѣетъ всѣ права на глубокое къ нему уваженіе. Мы не колеблясь можемъ сказать, что наше духовенство есть самое лучшее во всемъ мірѣ... За его образованіе и степенность жизни мы воздаемъ ему должныя хвалы и уваженіе». Но пусть читатель изъ духовенства не увлекается этою хвалебною себѣ пѣснію: все дальнѣйшее содержаніе книжки представляетъ собою ужаснѣйшій диссонансъ ей. Уже слѣдующія строки показываютъ, что авторъ какъ бы спохватился и сталъ раскаяваться, что онъ такъ неумѣренно увлекся въ похвалахъ духовенству. «Но, говоритъ онъ тутъ же, это не духовенство въ истинномъ, церковномъ его значеніи; это тѣ же міряне, только приставленные къ алтарю и обязанные по своей профессіи совершать нѣкоторыя церковныя дѣйствія»... Выставивши на видъ, какъ мы видѣли, образованіе духовенства, за которое ему подобаетъ воздать полное уваженіе, авторъ тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько же строкъ не стѣсняется говорить въ такомъ родѣ: «Духовенство это не имѣло надлежащаго образованія и въ огромномъ большинствѣ своемъ было даже невѣжественно»... Образованнымъ стало становиться духовенство только со временъ Петра I. «Къ концу прошедшаго столѣтія, говоритъ авторъ, во многихъ епархіяхъ большинство священниковъ состояло уже изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ. Это были люди терпѣнія, труда и практической устойчивости въ жизни. Они владѣли секретомъ мыслить обо всемъ по научному и дѣлать все по церковному. Съ реформою духовныхъ училищъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, духовное образованіе пошло по широко расчищенной дорогѣ и стало давать блестящихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и церковной жизни... въ пяти-

десятыхъ годахъ духовенство представляло уже собою сословіе, высоко стоявшее въ общественномъ мнѣніи и имѣвшее всѣ задатки для развитія своей плодотворной дѣятельности въ будущемъ». Итакъ, какому же духовенству авторъ воздаетъ должныя хвалы и уваженіе за его образованіе и степенность: мірянамъ ли, приставленнымъ къ алтарю, въ огромномъ большинствѣ своемъ люду невѣжественному, или же духовенству изъ семинаристовъ начала нынѣшняго столѣтія и въ особенности духовному сословію пятидесятыхъ годовъ? Мы отказываемся съ своей стороны находить логическій смыслъ во всей этой путаницѣ, и по поводу ея считаемъ нужнымъ отмѣтить только тотъ фактъ, что составитель разбираемой книжки съ формальной, логической стороны обращается слишкомъ свободно: книжка состоитъ изъ восьми главъ, но всѣ они находятся въ такомъ свободномъ отношеніи другъ къ другу, что любую изъ нихъ можно выбросить и цѣлое не потерпитъ отъ этого никакого ущерба.

Восхваливши такимъ образомъ духовенство пятидесятыхъ годовъ, авторъ говоритъ, что ему «оставалось только держаться принятаго направленія, но... нежданно, негаданно явились обстоятельства, повернувшія дѣла въ противную сторону». Послѣ крымской компаніи подули и у насъ прогрессивныя вѣянія, появилась обличительная литература, находившая во всемъ недостатки, которая не замедлила коснуться и духовенства. Во средѣ самаго духовенства появились измѣнники, которые не стыдились выносить соръ изъ избы, печать ухватилась за это и вотъ такимъ образомъ, по мнѣнію автора, неожиданно было открыто, что существуетъ на свѣтѣ «загнанное и забитое сословіе». Начались броженія среди духовнаго сословія, стали создаваться въ немъ кружки,—и вотъ поднятъ и проведенъ былъ вопросъ «о выборномъ началѣ въ духовенствѣ» (стр. 3—6). Авторъ съ великимъ неудовольствіемъ смотритъ и на эти прогрессивныя вѣянія, и на появленіе у насъ обличительной литературы, раскрывающей наши общественныя язвы и на то, что поднялся говоръ о забитости и униженности духовнаго сословія и что среди самаго духовенства наконецъ стали возникать разные вопросы, какъ, напр., «о выборномъ началѣ духовенства, —томъ началѣ, о развитіи и расширеніи котораго во главѣ съ «Русью настойчиво говоритъ теперь вся печать, за исключеніемъ развѣ «Востока». Его желанія, клонятся къ тому, чтобы вездѣ и всегда были «тишь, да гладь, да Божья благодать». Конечно, это хорошо,

но вѣдь во всемъ должна быть мѣра, и неужели авторъ не понимаетъ, что съ тою степенью тишины и спокойствія, какую, очевидно, онъ рекомендуетъ, должно осудить не только духовенство, но и все человѣчество на повальное, безпробудное умственное и нравственное усыпленіе. Мы поэтому не понимаемъ, какъ можно негодовать на то, что находятся добрые люди, которые имѣютъ мужество выводить наружу болѣзни своей среды, и какъ можно называть ихъ измѣнниками? То, что требуетъ излеченія, должно быть обнаружено, выяснено, а не оставаться прикрытымъ и замаскированнымъ. Напротивъ, нужно относиться съ благодарностію къ людямъ, которые берутъ на себя починъ въ дѣлѣ раскрытія общественныхъ ранъ, которые будятъ общество и заставляютъ его осмотрѣться и по внимательнѣе отнестись къ самому себѣ.

Но составителю книжки г. Елагина не по душѣ нетолько вообще «свободное слово», наступленіе котораго такъ горячо желали у насъ уже давно, давно, какъ это видно изъ прекраснаго стихотворенія К. С. Аксакова, («Русь» № 1-й), ему противны не только вообще обнаруженія стремленій духовенства къ самостоятельной жизни и управленію, чего нынѣ желаетъ всякій разумный сынъ православной церкви, но что онъ самъ считаетъ лишь несправедливымъ пользованіемъ къ ограниченію архіерейской власти,—нѣтъ, онъ и самый вопросъ о духовенствѣ, какъ сословіи униженномъ и забитомъ, считаетъ совершенно фальшивымъ, который созданъ былъ такими нечестными личностями, каковы: Ростиславовъ, Морошкинъ, Помяловскій, Беллюстинъ, но къ появленію котораго сама дѣйствительность не подавала никакихъ поводовъ. «Вотъ уже двадцать лѣтъ, говоритъ авторъ, передовое наше духовенство возглашаетъ на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ: «мы умираемъ съ голоду, давайте намъ ѣсть, насъ мало уважаютъ, поставьте насъ въ лучшія отношенія къ обществу; мы забиты, загнаны, подавлены, давайте намъ самоуправленіе, сравняйте насъ по крайней мѣрѣ съ мужикомъ». Замѣтимъ мимоходомъ автору, что наше передовое духовенство, будучи само въ себѣ обезпечено матеріально, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ занимаетъ мѣста въ городахъ, возвышаетъ въ этомъ случаѣ голосъ не за себя лично, а за своихъ бѣдныхъ сельскихъ собратовъ, которые испытываютъ дѣйствительно часто крайнюю нужду и униженіе. Но авторъ, какъ увидимъ, этому не хочетъ вѣрить. «Во первыхъ, говоритъ онъ, это *очень смѣшно*. Указанные недуги излечиваются самыми простыми средствами по слѣ

дующимъ рецептамъ: кто не хочетъ умирать съ голоду, тому надо трудиться».... А между тѣмъ, «о настоящемъ *трудѣ* оно (духовенство) не имѣетъ понятія. Оно даже и представить себѣ не можетъ, какъ трудятся, напр., учители, чиновники и другія подобныя лица, обязанныя какою либо службою».... «обученіемъ дѣтей своихъ не занимаются.... занятія по сельскому хозяйству считаютъ для себя унизительнымъ, почему или вовсе оставляютъ церковную землю безъ обработки, или отдаютъ въ аренду. Въ старые годы почти каждый священникъ избиралъ для себя какую либо полезную въ сельскомъ быту спеціальность: одинъ занимался пчеловодствомъ, другой разводилъ въ большомъ количествѣ огородные овощи, третій собиралъ лекарственныя травы и лечилъ прихожанъ.... Нынѣ объ этомъ нѣтъ и помина у передовыхъ священниковъ!!» Тутъ опять замѣтимъ, что у автора передовые и сельскіе священники отождествляются, и выходитъ такимъ образомъ, что жизнь сельскаго духовенства получаетъ слѣдующій видъ у автора: «вставши по утру, пьетъ оно чай, затѣмъ упивается чтеніемъ «Церковно общественнаго Вѣстника».... и пр. «Во вторыхъ, по мнѣнію автора, приведенные выше возгласы не согласны съ *дѣйствительнымъ положеніемъ вещей*. Духовенство наше отнюдь не умираетъ съ голоду. Столичные приходскіе священники живутъ по барски.... Въ среднихъ (сельскихъ) приходахъ священники получаютъ всего содержанія и натурою, и деньгами, до 800—1000 рублей, въ бѣднѣйшихъ приходахъ—до 300—400 рублей. Духовенство наше, такимъ образомъ, весьма не богато, но и не бѣдно: умирать ему съ голоду нѣтъ еще поводовъ».... (стр. 125—133). Въ отвѣтъ на это намѣренное или ненамѣренное искаженіе дѣйствительныхъ фактовъ, мы попросили бы автора почитать «Записки сельскаго священника», помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»; но конечно въ глазахъ автора разбираемой книжки и этотъ священникъ относится къ категоріи Беллюстиныхъ, Морошкиныхъ, Ростиславовыхъ и т. подобныхъ безчестныхъ личностей, которымъ вѣрить ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но мы сами, да и всякій безпристрастный читатель этихъ «Записокъ» отнесется къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и ни на минуту не усумнится въ ихъ искренности: вѣдь нужно предположить слишкомъ много безчестности, чтобы беззастѣнчиво лгать на весь міръ Божій, когда, при сравнительно большой гласности, нынѣ существуетъ постоянная опасность для лгуна быть изобличеннымъ со

всѣхъ сторонъ. Поэтому, оставивши нашего автора, мы для иллюстраціи предмета сдѣлаемъ для нашихъ читателей нѣсколько выдержекъ изъ этихъ въ высшей степени интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ поучительныхъ «Записокъ» — читателей, которые почему либо не имѣютъ возможности читать «Русскую Старину.» Духовенство наше, по словамъ автора, не имѣетъ понятія о *трудѣ*. Но вотъ вамъ, читатели, небольшая картинка изъ жизни самого «Сельскаго священника.» «Пришелъ, говоритъ онъ, великій постъ. Всѣ семь недѣль я служилъ изо-дня-въ день и могу только сказать, что я каждый день промерзалъ до костей и мозговъ. Церковь каменная, холодная, сырая, въ окна и двери дуетъ вѣтеръ, — а ты стоишь и застываешь до окоченѣнія,—такъ и слышишь, какъ бьется у тебя въ груди и стынетъ! Приходишь изъ церкви,—руки и ноги ломятъ, голова горитъ, болишь и самъ весь, какъ изломанный..... На 1-й и 2 й недѣляхъ исповѣдывались человѣкъ 700—800; къ концу поста дошло до 100. Руки и ноги остынутъ, и вся кровь приливаетъ къ головѣ. Голова до того начинаетъ горѣть и болѣть, что силъ нѣтъ выносить. Единственное средство, которое, обыкновенно, употреблялъ я и теперь употребляю при этомъ, — это какъ можно чаще, прикладывать къ головѣ снѣгъ. Очень нерѣдко случается, что ты стоишь въ церкви и мерзнешь, а тебя уже дожидаются ѣхать въ деревню къ больному, и иногда въ страшную бурю. Это уже окончательно убиваетъ и душу и тѣло. О томъ, чтобы напиться чаю, закусить, отогрѣться, отдохнуть, — нечего и думать. Случается иногда и такъ: вечеромъ, только что ты успокоился, отогрѣлся и думаешь по отдохнуть ночку, — а тутъ: «батюшка, хозяйку причащать!» Да такъ до свѣту и проѣздишь. «Что ты, говоришь ему, не пріѣзжалъ днемъ? Я вѣдь только, было, легъ отдохнуть»!—«Знамо, мы не дадимъ отдохнуть; ужъ ваше дѣло такое». Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ». А какое вознагражденіе за эти труды? «Въ первый великій постъ, говоритъ авторъ, я за ежедневные семинедѣльные труды, какъ значится въ сохранившейся до сихъ поръ приходной моей тетрадкѣ, получилъ 9 р. 18 к. мѣдью (2 р. 62½ коп. сер.). А вотъ какъ достаются сельскому священнику доходы въ годовые праздники—Рождество, Крещенье и пр. «Послѣ того, говоритъ авторъ «Записокъ», я пошелъ по селу съ крестомъ *славить*. Идти въ одномъ тепломъ кафтанѣ было холодно, а шуба моя была хотя и очень теплая, но страшно тяжелая.... Я пошелъ въ шубѣ. Приш-

лось изъ двора во дворъ лазать по сугробамъ, мѣстами по колѣно. Я измаялся, шубу измочилъ, но къ вечеру прошелъ все-таки все село. Ходить было трудно, невыносимо.... Въ этотъ день я набралъ около полутора рубля мѣдью (43 к.). Домой пришелъ я поздно вечеромъ, совершенно обезсилѣвшій, голодный, изломанный, мокрый, и почти безъ памяти бросился на постель. Жена давно ждала меня съ чаемъ, и упросила поскорѣе выпить стаканъ. Я выпилъ и дѣйствительно освѣжился.... Отдохнувши немного, я рѣшился не ходить по деревнямъ, а ихъ у меня было десять. Думаю: моя шуба стоитъ дороже того, что я могу собрать, — не пойду! Но, потомъ: да чѣмъ же мы съ женой будемъ существовать?... Надобно идти! («Русск. Стар.», іюль, стр. 457—458). Подобнымъ же образомъ онъ описываетъ хожденіе въ Крещенье: «Входишь въ избу,—изба темная, мокрая, жаркая, полна народу, ягнятъ и телятъ; духота и атмосфера—что нѣтъ никакой возможности выдержать и пяти минутъ. Входишь,—тебя разомъ обдаетъ жаромъ и разомъ растаеваетъ на тебѣ весь снѣгъ и размокаетъ платье. Весь въ поту и мокромъ платьѣ, выходишь снова на морозъ, и все опять мгновенно мерзнетъ на тебѣ и лѣпитъ новаго снѣгу. Въ слѣдующемъ домѣ опять мгновенно дѣлаешься мокрымъ» (стр. 469). Такъ-то наше духовенство не имѣетъ понятія о *настоящемъ трудѣ*!... Кто же послѣ этого имѣетъ-то?!... Сосчитаемъ теперь, какъ велики были его доходы, въ продолженіе цѣлаго года при такихъ трудахъ. «По принятому обычаю, говоритъ священникъ, каждую субботу мы дѣлили братскую кружку, и каждый разъ мнѣ доставалось около рубля—иногда немного больше, иногда немного меньше» (475); потомъ онъ говоритъ, что въ Крещенье онъ всего набралъ 12 р. (170); положимъ, что въ Рождество ему досталось рублей 20, а въ Святую рублей 25; въ продолженіи всего Великаго поста онъ, какъ говорятъ, получилъ 9 руб. слишкомъ; положимъ далѣе, что онъ отъ другихъ требъ получалъ до 50 руб., да рублей также на 50 набиралъ различными произведеніями природы: рожью, овсомъ и т. под. Всего выйдетъ на долю священника 200 рубл. съ небольшимъ, и притомъ ассигнаціями; на серебро же выйдетъ около 60 рублей. Таково-то было нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатство сельскаго священника, у котораго на первыхъ двухъ недѣляхъ Великаго поста исповѣдывалось отъ 700 до 800 человѣкъ, который, слѣд., долженъ былъ считать свой приходъ далеко не изъ послѣднихъ!... Если мы предположимъ, что мужики

нынѣ стали щедрѣе (каковое предположеніе будетъ неосновательно, потому что на самомъ дѣлѣ мужики стали бѣднѣе) и увеличимъ цифру 60 въ три раза, то и въ этомъ случаѣ еще далеко до 300—400 рублей, которые назначаетъ священнику самаго бѣднаго сельскаго прихода составитель елагинской книжки. Изъ этого можно уразумѣть, на сколько правдоподобны его выкладки!... Не слѣдуетъ опускать изъ вниманія и того обстоятельства, что это было лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда деньги были дороги, а жизненные продукты дешевы.—какова же должна быть нужда въ настоящее время сельскаго священника, пользующагося подобными доходами! До чего можетъ доходить нужда сельскаго священника, мы позволимъ себѣ для болѣе наглядпаго изображенія дѣла выписать еще картинку изъ «Записокъ». «Мнѣ вздумалось, говоритъ авторъ, повидаться съ другомъ моимъ по семинаріи, Егоромъ Ѳедоровичемъ Б. Онъ былъ отъ меня въ 18 верстахъ.... Е. Ѳ. былъ славный, добрый, кроткій, умный товарищъ и одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи. Вхожу на дворъ и вижу: мой добрѣйшій Егоръ Ѳедоровичъ, въ одной сорочкѣ, разувшись, засучивши выше колѣна брюки, мнетъ ногами кучу мокраго навозу. Молодая и красавица жена его лопатою подгребаетъ ему навозъ и носитъ воду.—Что это ты, сосѣдъ, дѣлаешь, закричалъ я ему?—Видишь, дружище: насъ въ семинаріи обучали всякимъ премудростямъ, но не учили, какъ дѣлать кизики. Вотъ я съ женой теперь и практикуюсь. — Егоръ Ѳедоровичъ сейчасъ обмылся, умылся и одѣлся, я въ это время убралъ лошадь и мы вошли въ избу. Квартира его была простая мужицкая изба.—Неужто тебѣ,—спрашиваю я,—не на что купить дровъ и даже не на что нанять рабочихъ дѣлать кизикъ?—Хоть убей,—ни гроша. Вотъ тебѣ, братецъ, и ученье! Сидѣли-сидѣли въ семинаріи лѣтъ по 10 — 12. да и высѣдили. Тамъ намъ все толковали: пастырь, пастырь. — а выходитъ, что слово это нужно прикладывать къ намъ въ русскомъ переводѣ. Что я теперь? Я живу хуже всякаго пастуха. Тебѣ вотъ хорошо, — ты слышь, купилъ свои палаты, дровъ у васъ много, дастъ всякій. Пожилъ бы ты вотъ тутъ! Я уже почти рѣшилъ примѣнять къ жизни ариѳметическое правило: «Чѣмъ больше, тѣмъ меньше; чѣмъ меньше, тѣмъ больше», т. е. чѣмъ больше будетъ у меня совѣсти,—тѣмъ меньше буду имѣть доходу. Я почти рѣшилъ драть за каждую требу; но какъ-то не совладѣю съ собою,—стыдно, жалко! А когда пойдутъ дѣти, тогда что дѣлать-то? Теперь

вотъ хотѣлось бы почитать что нибудь, но нѣтъ ни единой книжки во всемъ околодкѣ.... Хотѣлось бы и пописать что нибудь, чтобы не разучиться писать; а тутъ говорятъ: «ступай-ка, подѣлай сперва на зиму кизиковъ»!—Ничего, хорошъ приходъ и у меня,— я только что не дѣлаю кизиковъ.—Егоръ Ѳедоровичъ захохоталъ звонкимъ, но болѣзненнымъ смѣхомъ: хорошъ, плохой! Мы, пастыри, раздѣлили свою паству на хорошую и плохую; но въ какомъ смыслѣ, — въ нравственномъ, какъ бы слѣдовало? Никто и никогда дѣлить ихъ такъ и не думалъ. Много даетъ доходу, — значитъ хорошъ приходъ; мало—значитъ плохъ. А будь всѣ прижане, хоть поголовно, Стеньки Разины, — все равно. При оцѣнкѣ прихода, никто не беретъ во вниманіе нравственное его состояніе. А отъ чего это? Отъ того, что намъ даются приходы безъ всякаго обезпеченія насъ въ нашемъ существованіи. Пріѣзжаешь, вотъ какъ я сюда, и видишь, что стараться-то приходится не о томъ, чтобы утвердить въ народѣ св. вѣру; а о томъ, чтобы самому не подохнуть съ голоду и не замерзнуть зимой безъ кизиковъ; думаешь не о народной нравственности, а о томъ, чтобы отъ нужды, сраму и горя самому не сдѣлаться пьяницей» (Русск. Стар. 1880 г. августъ. Стр. 678—680). Итакъ, вотъ откровенная исповѣдь двухъ священниковъ, которая, хотя принадлежитъ давнопрошедшему времени, но имѣетъ всю силу своего значенія и въ настоящее время. Для насъ она интересна не только въ томъ отношеніи, что рельефно намъ рисуетъ бытовую сторону жизни сельскаго духовенства, но и какъ наглядное, самое убѣдительное опроверженіе того, что такъ настойчиво утверждаетъ составитель книжки г. Елагина. Не полемическая литература создала вопросъ о бѣдности и приниженности сельскаго духовенства, не вслѣдствіе идей Ростиславовыхъ, Морошкиныхъ и т. под. личностей возникло въ немъ недовольство своимъ внѣшнимъ положеніемъ, но самый дѣйствительный порядокъ вещей порождалъ это недовольство, которое только въ силу разнаго рода внѣшнихъ вліяній не могло вырываться наружу, но безмолвно таилось, покорно уступая силѣ обстоятельствъ. И нужно еще благодарить Бога, что духовенство, не смотря на всю придавленность свою внѣшней обстановкой, сумѣло сохранить въ себѣ нравственное чутье, не заглушило въ себѣ стремленій вылѣсть изъ той грязи, въ какую посадила его судьба; нужно радоваться этому обстоятельству, а не негодовать на него, какъ дѣлаетъ составитель книжки Елагина. Вѣдь было бы печальнымъ явленіемъ, если бы

наше сельское духовенство, постепенно погрязая въ болотѣ, утратило въ себѣ всякую щекотливость нравственнаго чувства и замерло во всѣхъ стремленіяхъ сколько нибудь подняться въ глазахъ другихъ: это поистинѣ значило бы утратить въ себѣ всякое человѣческое достоинство.

Но послѣдуемъ за авторомъ книжки г. Елагина. Изъ предшествующаго выяснилось довольно общее его міросозерцаніе; намъ стало понятно, куда клонятся его личныя симпатіи и антипатіи. Отсутствіе свободнаго слова и литературной полемики, безмолвное подчиненіе архіерейской власти, исключающее всякое выраженіе недовольства составляли до крымской войны главное, можно сказать, единственное условіе цвѣтущаго состоянія бѣлаго духовенства, которому оставалось только идти по принятому имъ направленію. Мы видѣли, насколько дѣйствительно цвѣтуще было это состояніе. Но такъ или иначе мечты автора разлетѣ-

Беллюстинъ, Морошкинъ, Помяловскій и въ особенности Ростиславовъ, обрисовкѣ дѣятельности котораго авторъ не полѣнился посвятить даже цѣлую вторую главу, и наконецъ свѣтская печать, которая «состояла тогда изъ старыхъ крѣпостниковъ и нарождавшихся нигилистовъ» и въ интересахъ которой было произвесть въ духовенствѣ, «внутреннюю междоусобицу, оторвать его отъ вліянія архіереевъ и, если будетъ возможно,» вооружить противъ правительства,» (стр. 5)—сдѣлали свое дѣло. Поднятъ и проведенъ былъ вопросъ «о выборномъ началѣ въ духовенствѣ,» въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали придумывать мѣры къ улучшенію быта сельскаго духовенства, произведена была реформа духовно-учебныхъ заведеній, которая была отголоскомъ Ростиславовскихъ идей, проэктирована была *реформа духовнаго суда*, которая была отвѣтомъ на книгу того же Ростиславова: «о бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи,» и которая, по благому Промыслу, умерла тотчасъ же послѣ рожденія—и все это дѣлалось въ духѣ, совершенно противоположномъ міросозерцанію нашего автора, и было, по его мнѣнію, причиною послѣдующей затѣмъ деморализаціи духовнаго сословія. Главное зло всѣхъ этихъ осуществившихся и неосуществившихся предпріятій въ области церкви заключается, какъ онъ весьма настойчиво утверждаетъ, въ томъ, что всѣ они ведутъ и вели къ ограниченію архіерейской власти, къ умаленію круга дѣятельности консисторій. Духовенству предоставлено право составлять изъ себя съѣзды и самостоятельно

разсуждать и рѣшать дѣла въ извѣстной области, и при этомъ, не извѣстно, на какомъ для автора основаніи, члены консисторіи устранены духовно-учебнымъ комитетомъ отъ участія въ этихъ съѣздахъ духовенства. «Епархіальный съѣздъ можетъ обратить всѣ церковныя деньги на содержаніе своихъ дѣтей въ училищахъ, — и консисторіи, обязанныя по уставу заботиться объ удовлетвореніи церковныхъ нуждъ, должны будутъ безпрекословно подчиняться такому рѣшенію» (Стр. 85). Далѣе, когда въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ былъ вопросъ объ обезпеченіи сельскаго быта духовенства, то за свѣдѣніями о настоящемъ положеніи послѣдняго обратились не къ консисторіямъ, а къ самому духовенству, отзывы котораго архіереи обязаны были представить въ *подлинникахъ*, — чрезъ что, по словамъ автора, и консисторіи были оскорблены, и архіереи—унижены, такъ какъ и имъ не оказали надлежащаго довѣрія (стр. 18—19). — Сильно возмущаютъ составителя книжки и преобразованныя семинаріи и особенно построенная въ нихъ на новыхъ началахъ административная часть,—въ чемъ онъ видитъ центръ тяжести преобразованія. Предоставленіе семинаріямъ права самостоятельно разсуждать и дѣлать постановленія въ дѣлахъ какъ педагогическихъ, такъ и экономическихъ, приводитъ автора въ искреннее негодованіе. То обстоятельство, что семинаріи могутъ «раздѣляться съ архіереями во мнѣніяхъ», могутъ на своихъ собраніяхъ оставаться «непокорными» архіереямъ, вызываетъ у него слѣдующія до смѣшнаго злобныя и совершенно несправедливыя выраженія относительно семинарскихъ правленій: «Это, въ нѣкоторомъ родѣ, говоритъ онъ, «самочинныя сборища», или раскольничьи общества, о которыхъ говорится въ первомъ каноническомъ правилѣ св. Василія «(стр. 86). Благодаря всѣмъ этимъ преобразованіямъ, заключающимся преимущественно въ ограниченіи власти консисторій и архіереевъ «духъ церковности ослабѣлъ въ семинаріяхъ, и воспитанники бѣгутъ изъ нихъ во всѣ стороны, лишь бы только уклониться отъ поступленія на службу церкви» (тамъ же),—выводъ, признаться, особенно относительно послѣдняго обстоятельства, для насъ совершенно неожиданный! — Мы оставляемъ полемику составителя книжки противъ проэктированной *реформы духовнаго суда*, такъ какъ сущность этой полемики опять заключается въ томъ, что «высокоученые члены комитета приступили къ дѣлу, не составивъ никакихъ руководящихъ началъ,—а просто взяли основныя положенія новыхъ судебныхъ уставовъ и по нимъ вышивали свои

узоры, руководствуясь при этомъ исключительно книгою Ростиславова и газетными статьями объ архіереяхъ и консисторіяхъ» (стр. 87).—Изъ всего этого понятно дѣлается, какъ противоположны идеалы газеты «Русь» и г. Елагина. Въ чемъ одна видитъ жизнь Церкви, въ томъ другой усматриваетъ смерть; что одна считаетъ истиннымъ духомъ православія» то другой признаетъ не болѣе какъ за уступку вліяніямъ духа времени и Ростиславовскихъ идей въ ущербъ истиннымъ интересамъ церкви,—за уступку, которая была на руку нашимъ нигилистамъ: «не даромъ, говоритъ авторъ, радѣтели наши за границей, кричавшіе недавно «въ народъ» стали уже кричать: «въ духовенство, въ духовныя школы!» (гдѣ это авторъ подслушалъ такой крикъ?!..). Такъ, значитъ, близорука была наша духовная администрація, рѣшившаяся на разнаго рода преобразованія въ церкви!... «Русь» исцѣленіе отъ разнаго рода привившихся къ церкви недуговъ видитъ въ децентрализаціи церковной жизни, въ образованіи маленькихъ церковныхъ общинъ, единицъ, въ формѣ отдѣльныхъ *приходовъ*, и въ предоставленіи послѣднимъ права юридически-самостоятельной личности;—г. Елагинъ — врагъ всякаго подобнаго раздробленія власти и единственное спасеніе церкви видитъ въ полной централизаціи всей церковной жизни во власти архіереевъ. «Русь» искренно и совершенно справедливо негодуетъ отъ привнесенія въ жизнь церкви чиновническаго, бюрократическаго элемента, — г. Елагинъ изливаетъ всю свою желчь по поводу устраненія консисторій отъ участія въ дѣлахъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства и семинарскихъ правленій,—консисторій, которыхъ, благодаря извѣстному направленію своей дѣятельности, пріобрѣли себѣ историческую извѣстность и безсмертіе. «Русь» въ свободѣ слова видитъ залогъ процвѣтанія и правильной жизнедѣятельности всякаго общественнаго организма; г. Елагинъ идеалъ церковной жизни видитъ въ безусловномъ, безпрекословномъ подчиненіи членовъ церкви административной, или лучше, архіерейской власти и въ предоставленіи ей всѣхъ средствъ для стѣсненія личной свободы, такъ что онъ искренно недоумѣваетъ, какъ это «Церковно-Общественный Вѣстникъ», развивающій на своихъ страницахъ столь зловредныя идеи, «не подвергается въ своемъ мудрованіи никакимъ серьезнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ», и успокоиваетъ себя

мыслію, «что это происходитъ отъ недоразумѣнія» (стр. 117) [1]). Всѣ симпатіи «Руси», очевидно клонятся къ тому, чтобы церковь представляла собою обширный союзъ отдѣльныхъ братствъ, основанныхъ на началахъ свободной христіанской любви, но для г. Елагина совершенно немыслимо подобное начало: строгость, внушеніе страха,—вотъ главныя и единственныя орудія духовной администраціи, сосредоточивающейся въ лицѣ архіереевъ. По этому онъ бичуетъ словомъ своимъ тѣхъ архіереевъ, которые дозволяютъ себѣ *отеческое* обхожденіе съ своими подчиненными: «Отецъ и начальникъ, говоритъ онъ устами составителя своей книжки,—это два положенія, совершенно несовмѣстимыя между собою... Въ вѣдомствѣ этихъ отцовъ-начальниковъ неминуемо должны господствовать лицемѣріе, ханжество, пристрастіе, отсутствіе чувства законности, произволъ, распущенность и т. под.» (стр. 93). Вотъ до какихъ умопомрачительныхъ идей можно договориться, даже въ нашъ просвѣщенный XIX—вѣкъ человѣку, котораго обуяла извѣстная idee fixe... Такъ разительно противоположны между собою воззрѣнія «Руси» и г. Елагина относительно одного и того же предмета! И если мы воззрѣнія «Руси» должны признать за выраженіе истинно православнаго христіанскаго духа и чувства, то, очевидно, мы должны отказать въ этомъ г. Елагину, хотя мы твердо вѣримъ, что онъ опаляемъ ревностію по Бозѣ; но это говоритъ только за то, что ревность и въ этомъ случаѣ бываетъ иногда не по разуму. Скажемъ болѣе, что такого рода ревность гораздо непригляднѣе и зловреднѣе, чѣмъ всякая другая, такъ какъ легко переходитъ въ религіозный фанатизмъ, представляющій собою такое патологическое состояніе человѣческаго духа, съ которымъ уже нѣтъ никакихъ нравственныхъ средствъ бороться.

Подъ вліяніемъ такой, обуявшей нашего автора ложной религіозной ревности, онъ забываетъ, что, борясь съ своими противниками, онъ употребляетъ оружіе самаго сомнительнаго свойства, пользуется такими полемическими пріемами, которые въ литературѣ недозволительны. Обыкновенно считается правиломъ, что писатель, если онъ желаетъ сохранить свое литературное достоин-

[1]) При этомъ онъ конечно, забываетъ что съ словомъ можно бороться только тѣмъ же оружіемъ, или, быть можетъ, онъ проникся истинностію извѣстнаго латинскаго афоризма, который, насколько помнится, приблизительно читается такъ: baculinum argumentum est omniae eloquentae fundamentum.

ство, ратуя за истину, долженъ бороться съ *мнѣніями*, а не съ *личностями*, долженъ опровергать ложь и заблужденіе, а не поднимать брань съ тѣмъ, кто ихъ высказываетъ. И это имѣетъ свое основаніе. На свѣтѣ очень мало людей, у которыхъ душевныя силы находятся въ такомъ гармоническомъ согласіи между собою, что они во всякомъ актѣ дѣятельности своей не раздвояются, но являются цѣлостными личностями, — отъ чего подобные люди во всякомъ данномъ случаѣ являются всегда равными, тождественными себѣ. — противорѣчія въ ихъ дѣйствіяхъ мы не найдемъ. Такіе люди, говоримъ мы, рѣдки. По большей части, люди думаютъ и чувствуютъ одно, а дѣлаютъ другое. У однихъ это случается не намѣренно, — по слабости воли, безсильной бороться съ противоположными давленіями, у другихъ — намѣренно, вслѣдствіе извращенности понятій и самаго характера, привыкшаго дѣйствовать по принципу дуализма. Отъ этого происходитъ то, что обыкновенно *теоретически* усвояютъ и соглашаются съ разнаго рода гуманными и возвышенными идеями, *практически же* дѣйствуютъ эгоистично и низко. Мы знаемъ великихъ философовъ (Бэконъ), которые какъ теоретики, доходили до открытія важныхъ научныхъ истинъ, въ жизни же практической далеко не отличались честностію. Вотъ почему при полемикѣ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду только истину саму въ себѣ, не обращая вниманія на то, кто ее высказалъ и каковъ онъ въ своей нравственно-практической дѣятельности, такъ какъ истину можетъ высказать и человѣкъ очень сомнительной нравственности. Составителю книжки Елагина, кажется, совершенно незнакомы эти требованія. Его полемика направлена противъ *личностей* и потому является смѣшною до жалости. Ратуя противъ преобразованій, произведенныхъ въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ, вмѣсто того, чтобы исключительно остановиться на нихъ однихъ и выяснить дурныя и хорошія стороны ихъ, онъ ex abrupto высказываетъ мысль, что наши преобразователи въ возложенной на нихъ миссіи были только послушными учениками такихъ людей, каковы: Мерошкинъ, Беллюстинъ, Помяловскій, и въ особенности Ростиславовъ. Онъ задался совершенно ложною и стороннею въ этомъ случаѣ цѣлію доказать, что эти люди по своему нравственному направленію не могли высказать ничего путнаго и что по этому слушать ихъ было нельзя ни въ какомъ случаѣ. Поэтому онъ старается обнаружить всю грязь, какую онъ, очевидно, съ большимъ усердіемъ собиралъ объ этихъ личностяхъ и выставить

ихъ предъ читателемъ въ самомъ омерзительномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ онъ, непомѣрный *христіанинъ*, забываетъ даже правило, выработанное *языческою* нравственностію, что de mortuis aut bene, aut nihil. Напротивъ, его озлобленіе напр. противъ того же Ростиславова доходитъ, что называется, до Геркулесовыхъ столбовъ; полемизируя усвоеннымъ имъ способомъ противъ его книги о «монастыряхъ» нашъ авторъ, не думая много, говоритъ, что Ростиславовъ могъ написать такую книгу просто *по своему скудоумію* (стр. 51). Въ другой разъ характеризуя литературную дѣятельность того же писателя, онъ обзываетъ его ни много, ни мало какъ Московской салопницей (стр. 47). Пусть теперь сами читатели разсудятъ, къ какому цеху намъ нужно отнести самого автора нашего, не постѣснившагося собрать и представить намъ всю грязь о личностяхъ враждебнаго ему лагеря!... Мы нисколько не думаемъ этихъ личностей, которыхъ онъ тамъ чернитъ, брать подъ какое либо свое покровительство, такъ какъ вполнѣ понимаемъ, что сплетня въ ушахъ людей здравомыслящихъ всегда и останется сплетней; мы только хотимъ указать на способъ полемики автора. По нашему мнѣнію, если онъ въ реформахъ, произведенныхъ по духовному вѣдомству, дѣйствительно видитъ отображенія идей Ростиславова, или Помяловскаго, то онъ долженъ бы былъ, не касаясь *личности* ихъ, разобрать самыя ихъ сочиненія и доказать, что содержащіяся въ нихъ идеи дѣйствительно зловредны и что эти зловредныя идеи дѣйствительно легли въ основаніе нашихъ преобразованій. Авторъ же ничего этого не сдѣлалъ и, говоря, напр. о сочиненіяхъ Ростиславова, утверждаетъ голословно, что въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ сплетень. Чтобы ему потрудиться разобрать хоть нѣсколько такихъ сплетень и доказать фактически, что ничего подобнаго никогда не было?.. Невольно возникаетъ подозрѣніе, что авторъ чувствовалъ себя не въ силахъ доказывать свою мысль *настоящимъ* способомъ, а хотѣлъ достигнуть этого путемъ ругательствъ своихъ соперниковъ; но это значитъ не защищать истину, а унижать ее. Такимъ же характеромъ отличается его полемика и съ «Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ», которой онъ посвящаетъ цѣлую главу, какъ и Ростиславову. Вмѣсто того, чтобы направлять свои стрѣлы и поражать ими самыя идеи, господствующія на страницахъ этого журнала, онъ начинаетъ чернить редактора и разсказываетъ, кто онъ, съ кѣмъ онъ знается, какого рода его сотрудники и пр.; разумѣется, во всемъ этомъ

онъ не находитъ ничего хорошаго, и къ общему направленію дѣятельности редактора, сравниваетъ послѣдняго съ греческимъ богомъ Меркуріемъ, «крылатыя ноги котораго готовы на всякую послугу либеральнымъ русскимъ богамъ» (стр. 101—102).

Благодаря такимъ полемическимъ пріемамъ, книжка г. Елагина производитъ крайне непріятное впечатлѣніе на читателя. Авторъ нисколько не уважаетъ нравственнаго чувства послѣдняго и ослѣпленный какою то непонятною ненавистію противъ бѣлаго духовенства, наполняетъ свои произведенія крайне возмутительными пасквилями, клеветою и самыми злостными противъ него инсинуаціями (стр. 97—99). Характеризуя литературную дѣятельность Ростиславова, авторъ представляетъ его сплетникомъ, собирающимъ со всѣхъ концовъ Россіи разнаго рода скандалы; но при чтеніи его собственнаго произведенія невольно приходятъ на мысль слова Спасителя: «Врачу, исцѣлися самъ!»... По поводу его обвиненій духовенства о безнравственности мы не можемъ удержаться, чтобы не привести словъ того же «Сельскаго священника»,—словъ горячихъ, прочувствованныхъ, искреннихъ, правдивыхъ: «Священникъ, говоритъ онъ, отъ начала своей жизни до гробовой доски, есть полный рабъ общества; но общество не довольствуется этимъ: оно требуетъ, вдобавокъ ко всему, еще и совершенствъ чисто ангельскихъ. Общество знать не хочетъ, что священникъ есть такой же человѣкъ, вышедшій изъ того же общества и живущій среди общества, гдѣ на каждомъ шагу онъ видитъ не только обыкновенныя слабости, но и самые грубые пороки; что священникъ имѣетъ тѣже жизненныя потребности и, слѣдовательно, тѣже слабости, и потому всякій мало-мало предосудительный поступокъ караетъ безпощадно. За священникомъ наблюдаютъ каждый его шагъ: что онъ ѣстъ, что пьетъ, сколько времени и даже на чемъ онъ спитъ, чѣмъ занимается, какъ живетъ съ семействомъ, кто у него прислуга—словомъ въ его жизнь входятъ до мельчайшихъ подробностей. И все это служитъ темою къ самымъ безпощаднымъ пересудамъ. То, что дѣлаютъ всѣ, общество никакъ не хочетъ допустить, чтобъ это дѣлалъ и священникъ. Напримѣръ, очень многіе изъ православныхъ ѣдятъ въ постные дни скоромное; но попробуй ѣсть, хотя съ ними же только, священникъ,—и, Богъ мой, сколько пойдетъ пересудовъ! Какъ будто не тотъ же церковный законъ лежитъ на православномъ, какъ и на священникѣ. Нѣтъ, убѣждены всѣ: мнѣ можно, а тому нельзя. Или, мнѣ не очень давно пришлось быть

въ обществѣ дворянъ, гдѣ былъ одинъ изъ предводителей дворянства. Предводитель началъ говорить объ одномъ господинѣ: О! у него отличный выѣздъ, въ домѣ прекрасная мебель, красавица экономка, ну, вообще, онъ живетъ, какъ порядочный человѣкъ!» И это говоритъ предводитель дворянства—блюститель народной нравственности! Объ экономкѣ онъ говоритъ публично, нимало не стѣсняясь, хладнокровно, какъ будто онъ говоритъ, что у этого господина есть цилиндръ—шляпа или енотовая шуба. Держать у себя красавицу онъ считаетъ дѣломъ не только обыкновеннымъ, но и необходимымъ, чтобы считаться порядочнымъ человѣкомъ. Но впади въ несчастіе священникъ—овдовѣй и, Богъ мой, сколько вдругъ посыплется на него со всѣхъ сторонъ всевозможныхъ сплетень!... Живи онъ хоть ангеломъ, но отъ гадостей и сплетенъ не уйти. Но если онъ еще къ тому наймете кухарку, къ своему горю, не совсѣмъ урода и не старую, то, просто, отъ сплетень зарывайся живымъ въ землю» (Русск. Стар. 1880 г. Іюнь, стр. 276—277). Весьма назидательныя слова для составителя книжки г. Елагина!... Мы съ своей стороны можемъ присовокупить только желаніе, чтобы онъ, такъ какъ не въ малой степени обладаетъ слабостію языка, направленнаго исключительно къ охужденію лицъ, которымъ онъ почему либо не можетъ сочувствовать, почаще потворялъ и имѣлъ въ виду слова Псалмопѣвца: *положи, Господи, храненіе устомъ моимъ!...*

Познакомивши нашихъ читателей съ общимъ міросозерцаніемъ книжки г. Елагина, съ главными вопросами, которые онъ въ ней разсматриваетъ, съ полемическими пріемами, которыхъ онъ держится и съ общимъ направленіемъ всей книжки, намъ остается только коснуться нѣкоторыхъ частностей, которыя мы находимъ въ томъ или иномъ отношеніи заслуживающими вниманія. Въ этомъ случаѣ не все въ разбираемой нами книжкѣ можетъ быть подвержено охужденію: на общемъ темномъ фонѣ мелькаютъ иногда, хотя и весьма слабо, и свѣтлыя звѣздочки. Такъ, говоря, что ходъ рѣшенія вопроса «о расширеніи гражданскихъ правъ и улучшеніи матеріальнаго быта духовенства» совершался у насъ не тѣми путями, какими бы слѣдовало, авторъ совершенно справедливо думаетъ, что «судьба духовенства связана съ судьбою церкви. Находится церковь въ почетѣ—почитаютъ и духовенство. Нѣтъ къ церкви уваженія, не будутъ уважать и служителей ея, какими бы высокими правами ни были они награждены отъ государства. Гражданскія

права духовенства, въ сущности, суть только отраженіе гражданскихъ правъ самой церкви. Поставьте церковь по внѣшнимъ ея отношеніямъ въ возможность исполнять свои священныя обязанности безъ всякихъ стѣсненій. Чрезъ это вы «расширите гражданскія права» церкви, т. е. введете права эти въ ихъ естественныя границы. Но вмѣстѣ съ этимъ вы расширите и гражданскія права духовенства, расширите и способы его содержанія». (стр. 9—10). Прекрасныя слова! Автору оставалось бы только протянуть руку «Руси» и проникнуться ея началами. Но въ томъ-то и горе, что «Русь» и г. Елагинъ — это два антипода, обращенные лицомъ въ совершенно противуположныя стороны; пути ихъ такъ различны, что чѣмъ дальше они будутъ идти, тѣмъ болѣе будутъ удаляться другъ отъ друга. Вѣдь что такое эта самостоятельная церковь, пользующаяся безъ стѣсненія своими гражданскими правами, по воззрѣніямъ г. Елагина? Это ни болѣе ни менѣе какъ безграничная власть архіерея и консисторій, которой безпрекословно долженъ повиноваться всякій членъ церкви. Проведите послѣдовательно этотъ принципъ до послѣднихъ его результатовъ,—и вы очутитесь въ кровномъ родствѣ съ папствомъ и его вѣрными клевретами—служителями Лойолы, отъ которыхъ — спаси насъ, Господи!... Впрочемъ онъ и самъ очень опредѣленно высказывается, куда направлены его желанія. «Существующая нынѣ въ рукахъ бѣлаго духовенства монополія выборовъ, говоритъ онъ, на нѣкоторыя епархіальныя должности и въ особенности ожидаемая имъ, еще болѣе широкая монополія выборовъ въ члены консисторіи, духовные судьи и т. д., ничѣмъ не оправдываются и составляютъ вопіющее нарушеніе правильныхъ понятій о церкви, о правахъ мірянъ и о значеніи и характерѣ церковно-правительственныхъ должностей. Не развиваемъ, говоритъ онъ, этой мысли, потому что она и безъ того ясна какъ солнце, и только лица, омрачившія свое разсужденіе пристрастіемъ къ бѣлому духовенству и его «интересамъ», могутъ не соглашаться съ нею» (стр. 164). Не ясно ли читатели, какъ нашему автору желательно живые *камни* въ зданіи *Бога живаго* обратить въ мертвые бездушные кирпичи? Папство въ этомъ только и видитъ спасеніе!...

Справедливы его замѣчанія и противъ той мысли, что стоитъ только улучшить внѣшнее положеніе духовенства, и тогда церковныя дѣла исправятся сами собою. Эту мысль онъ опровергаетъ *безчисленными наблюденіями* и *исторіей* и наконецъ *Словомъ Бо-*

жгимъ. Но какъ бы ни были убѣдительны его возраженія,—необходимо во всякомъ случаѣ признать тотъ фактъ, что бѣдность духовенства особенно сельскаго служитъ ему несомнѣннымъ препятствіемъ быть на высотѣ своего призванія. По поводу его возраженій мы съ своей стороны можемъ сказать, что они указываютъ только на необходимость вмѣстѣ съ обезпеченіемъ матеріальнаго быта духовенства организовать и духовныя школы такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ выходили люди не только умственно-образованные, но и развитые нравственно, которые бы въ продолженіе своего образованія успѣли развить въ себѣ склонность и вкусъ къ гражданскимъ и соціальнымъ добродѣтелямъ. Нынѣшнія духовныя школы совершенно не удовлетворяютъ этому требованію, заботясь только объ обремененіи учениковъ разнаго рода научными свѣдѣніями; изъ нихъ могутъ выходить только всезнайки, но не честные практическіе дѣятели.

Что касается способа содержанія духовенства, то нашъ авторъ больше всего стоитъ за доброхотныя даянія прихожанъ, называетъ этотъ способъ *каноническимъ* и подкрѣпляетъ свои доказательства, разумѣется, примѣрами І. Христа и апостоловъ. И тутъ опять забываетъ, что первоначальное общество христіанское совершенно иначе относилось къ апостоламъ, чѣмъ нынѣшнее, начиная съ аристократа и кончая мужикомъ. Намъ лично самимъ случалось видѣть, съ какимъ презрѣніемъ относятся иногда лица аристократическія къ священнику, принужденному добывать себѣ кусокъ хлѣба извѣстнымъ способомъ. Не въ лучшія отношенія становится священникъ и къ своимъ прихожанамъ-крестьянамъ, когда дѣло коснется этихъ добровольныхъ подаяній. Вотъ, напр., какъ описываетъ свой сборъ хлѣбомъ тотъ же «Сельскій священникъ»: «Вхожу въ первый дворъ, встрѣчаю хозяина и говорю: «не уродилъ ли Богъ хлѣба какого и на мою долю?» Мужикъ скинулъ шапку, нехотя поглядѣлъ на меня; поглядѣлъ себѣ подъ ноги, надѣлъ шапку, сдѣлалъ шага два къ амбару, опять взглянулъ на меня и нехотя, проговорилъ:—Ты чѣмъ собираешься?—Все равно, что есть.—Можа ржи, ай овса?—Все равно, что есть. То-то!»... Въ четвертомъ домѣ мужикъ что-то рубилъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ: не уродилъ ли Богъ какого хлѣбца и на мою долю? Мужикъ поклонился. «Тебѣ хлѣбца? Новинки?» И опять сталъ рубить. Онъ рубитъ, а я стою. Отрубилъ, посмотрѣлъ на топоръ, поворочалъ его, воткнулъ въ отрубокъ и опять спросилъ: «Тебѣ но-

винки штоль? Ты побираешься?—Побираюсь.—Чево же тебѣ: ржи, аль еще чево? Все равно, чего нибудь, только, коль ужъ дашь, такъ поскорѣе, не мори.—Да молоченаго-то нѣтъ. Въ другo время приди, какъ помолотимся»..... Стоишь иногда, продолжаетъ онъ, 15—20 минутъ,—сердце ноетъ, ждешь—не дождешься конца этой тоски, теряешь всякое терпѣніе и, наконецъ, видишь, что тебѣ несутъ полрѣшетца ржицы... Увидишь это и отъ досады, кажется, провалился бы. Нехотя поклонишься и пойдешь въ слѣдующій дворъ...

«Нужно быть, заключаетъ авторъ, сельскимъ священникомъ, надобно испытать, чтобы понять то невиносимо-тяжелое, то убивающее душу состояніе, ту тоску, ту горечь, то униженіе, то леденящее кровь и жгущее сердце отчаяніе, ту одуряющую злобу, какія испытываетъ собирающій хлѣбомъ священникъ! Человѣкъ не испытавшій этого на себѣ понять этого не можетъ. Даже я,—видѣвшій сборы хлѣбомъ моего отца, дѣда и другихъ,—не понималъ этого вполнѣ. И понялъ ихъ вотъ только тутъ,—когда пришлось собирать самому. Много разъ я видѣлъ глубокіе вздохи моего родителя, какъ только рѣчь зайдетъ о сборахъ. «Охъ ужъ эти сборы,» говаривалъ, бывало, мой батюшка и при этомъ тяжело, всей грудью вздохнетъ, покойный; но я не понималъ этихъ вздоховъ... Теперь я понялъ, какихъ нравственныхъ жертвъ стоило ему наше воспитаніе!» «Будь, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, у молодаго священника тотчасъ по поступленіи его въ приходъ, отдѣльное и удобное помѣщеніе, и не находись онъ въ такой безусловной и невыносимой зависимости отъ каждаго міроѣда въ средствахъ къ своему существованію,—я увѣренъ, это дознано мною опытомъ, что онъ останется тѣмъ, чѣмъ ему должно быть,—и не падетъ. Теперь же состояніе священниковъ зависитъ отъ ихъ личнаго характера: съ твердымъ характеромъ беретъ за требы то, что ему дадутъ; но за то и онъ и дѣти его терпятъ страшную нужду; или тѣснитъ прихожанъ своихъ, на сколько возможно. Люди же съ характеромъ слабымъ... спиваются (Русск. Стар. 1880. Августъ. Стр. 697—700; іюль стр. 472). Конечно, ни г. Елагинъ, ни составитель его книжки всему этому не повѣрятъ, такъ какъ они и самое положеніе сельскаго духовенства, какъ мы видѣли, находятъ вовсе не такимъ безотраднымъ; но мы и не для такого закала людей сдѣлали эту выдержку.

Справедливо иногда говоритъ авторъ и о разныхъ недостаткахъ

нашихъ преобразованныхъ духовно-учебныхъ заведеній; но объ этомъ такъ много писалось и говорилось въ нашихъ духовныхъ журналахъ и при томъ гораздо болѣе компетентными и знающими это дѣло людьми, чѣмъ нашъ авторъ, что для читателей совершенно не будетъ никакого ущерба, если мы всѣ эти частности обойдемъ молчаніемъ. Не представляютъ интереса новизны и послѣднія главы книжки, и объ нихъ данъ справедливый отзывъ въ январской книжкѣ «Правосл. Обозрѣнія» (стр. 183).

Въ заключеніе мы не можемъ не повторить, что грустное впечатлѣніе остается послѣ чтенія этой книжки. Писана она была какъ будто ради славы Божіей, но путь избранъ совершенно безславный; защищая интересы православной церкви, являя себя сыномъ этой церкви, авторъ однако же совершенно не обнаружилъ въ себѣ того сыновняго свойства, по которому бы дѣйствительно можно было признать его ея чадомъ; въ немъ, именно, нѣтъ того духа христіанской любви, безъ котораго въ церкви *ничтоже бысть*, и каждая почти страница его произведенія составляетъ проявленіе непритворной злобы противъ своихъ ближнихъ. Пылая безумною религіозною ревностію, онъ, такъ сказать, извлекъ мечъ и крушитъ имъ на право и на лѣво, безъ разбора и разсужденій, забывая предостереженіе Господа, обращенное къ ап. Петру, что «извлекшіе мечъ, мечемъ и погибнутъ.»

С. Л.

Журнальное обозрѣніе.

Творенія святыхъ отцовъ. 1-я книга 1881 г. Христіанское чтеніе. *Январь—февраль*. Труды Кіевской духовн. Академіи. *Янв.*

Творенія св. отцовъ. «Евангельская исторія. А. В. Горскаго».— Авторъ разсматриваетъ событія послѣдняго времени служенія Господа. Съ того времени, какъ воскрешеніе Лазаря стало обращать на себя вниманіе народа, намѣреніе синедріона—погубить Іисуса—утвердилось. Рѣшено, чтобы исполнить это не въ самый праздникъ, но или послѣ праздника или до него. Послѣднее болѣе правилось и было избрано всѣми, когда одинъ изъ учениковъ Господа Іуда искаріотскій предложилъ имъ свои услуги. Тогда какъ прочіе ученики ничего этого не знали, Господу все это было извѣстно и Онъ спокойно ожидалъ, когда придетъ часъ Его. Тринадцатаго дня Низана Онъ находился вѣроятно въ Виѳаніи, чтобы вполнѣ посвятить послѣдніе часы Своимъ ученикамъ. Но утромъ того дня послалъ Петра и Іоанна въ Іерусалимъ, чтобы объявить хозяину того дома, гдѣ Господь намѣревался совершить сію послѣднюю вечерю—о семъ намѣреніи и приготовить, что нужно для Пасхи. Онъ не объявлялъ имъ имени его хозяина,—вѣроятно для того, чтобы не узналъ его Іуда и не передалъ его первосвященникамъ. Передъ вечеромъ Господь приходитъ въ этотъ домъ со всѣми учениками Своими. «Очень желалъ Я ѣсть съ вами сію пасху прежде Моего страданія»—были первыя Его слова. Потомъ по обыкновенію совершивъ благодареніе Отцу Своему, избавившему народъ Свой отъ работы египетской—надъ чашею съ виномъ,—подалъ сію чашу ученикамъ, приказалъ раздѣлить ее между собою, и сказалъ, что Онъ не будетъ пить отъ плода винограднаго, пока не пріидетъ царствіе Божіе.

Мысль о близости откровенія царства снова возбудила въ ученикахъ нетерпѣливыя мечты; снова родился между ними вопросъ

и споръ о томъ, кто между ними больше. Господь припомнилъ имъ свои наставленія о различіи Его царства отъ всѣхъ земныхъ царствъ и чтобы усилить наставленія примѣромъ изъ возлежащаго сталъ служащимъ. Онъ сложилъ съ Себя верхнюю одежду и опоясавшись полотенцемъ налилъ воду въ умывальницу, приготовляемую для умовенія рукъ, и сталъ омывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ. Окончивъ это дѣло служенія, Господь снова возлегъ на вечери съ учениками Своими и объяснилъ имъ намѣреніе этого поступка. «Если Я, Господь и Учитель, умылъ ваши ноги: такъ и вы должны умывать ноги другъ другу .. и блаженны вы, когда исполните то». Но мысль объ Іудѣ заставила Его присовокупить: блаженны, — но не о всѣхъ васъ говорю. Я знаю, кого избралъ.—Впрочемъ и въ этомъ случаѣ Слово Писанія не нарушается, а исполняется; сказано: ядущій со Мною хлѣбъ поднялъ на Меня пяту. Такіе намеки повторялъ Іисусъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ученики не поколебались въ вѣрѣ своей, когда одинъ изъ нихъ будетъ орудіемъ предательства.

Послѣ удаленія съ вечери Іуды для преданія Іисуса въ руки синедріона Іисусъ съ торжественностію произнесъ: «Нынѣ прославился Сынъ человѣческій и Богъ прославился въ Немъ». Теперь приноситъ Свою жизнь Сынъ человѣческій въ славу Бога Отца и Богъ Отецъ не оставитъ Его, прославитъ Его. Если Богъ прославился въ Немъ; то Богъ прославитъ Его въ Себѣ и вскорѣ прославитъ Его (Іоан. 13, 31, 32). Потомъ въ залогъ установленія Новаго Завѣта, который долженъ былъ заключиться пролитіемъ собственной крови Искупителя, въ залогъ Его всегдашняго общенія съ Своими учениками и со всѣми вѣрующими, Господь предложилъ новую чудную вечерю. Онъ взялъ круглый хлѣбъ, совершилъ надъ нимъ благодареніе Отцу и, разломивъ его на части, роздалъ сіи частицы ученикамъ, говоря: *пріимите ядите: сіе есть тѣло Мое.* Потомъ также благословивъ, подалъ чашу съ виномъ, говоря: *пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* Даровавъ имъ въ причащеніи залогъ Своего всегдашняго союза съ ними, Онъ возобновилъ Свою бесѣду съ ними, бесѣдуя какъ установитель Новаго Завѣта, прощаясь съ ними, какъ Отецъ съ дѣтьми. (Эту прощальную бесѣду авторъ передаетъ словами Евангелія. Только послѣднюю часть бесѣды—во время пути онъ передаетъ своими словами и поэтому мы обратимъ на нее вниманіе).

Ученики встали... Но мрачныя предсказанія тяжело гнетутъ ихъ. Они не идутъ, они тѣснѣе сближаются къ Іисусу. Они хотятъ еще наглядѣться на Него. И Іисусъ снова начинаетъ съ ними говорить. Онъ обращаетъ вниманіе на два предмета: во первыхъ на то, что отношенія, въ какихъ они доселѣ находились, должны продолжаться и впредь съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто внѣшняго союза съ Нимъ они будутъ соединены съ Нимъ союзомъ внутреннимъ. Во вторыхъ, призываетъ ихъ отселѣ быть самымъ дѣятельнымъ органомъ въ распространеніи Его царства. Чтобы это представить имъ очевиднѣе, Онъ употребляетъ притчу о виноградѣ . Отецъ виноградарь, Іисусъ—лоза виноградная, ученики—вѣтви. Какъ отъ лозы виноградной сокъ распространяется по всѣмъ вѣтвямъ, а вѣтви только по этому участію въ приливающейся къ нимъ производительной силѣ могутъ приносить плоды: такъ Его ученики только изъ неразлучнаго общенія съ Нимъ могутъ получать Божественную жизнь, которая содѣлаетъ ихъ способными ко всему, что нужно дѣлать для царства Божія. Какъ вѣтвь, отломленная отъ лозы, лишенная ея плодотворной силы, засыхаетъ: такъ Его ученики могутъ цвѣсти только въ непрерывномъ общеніи съ Нимъ. Но какъ участіе вѣтвей въ плодотворномъ сокѣ, приливающемъ къ нимъ отъ лозы, должно открываться въ изобиліи плодовъ: такъ и ученики свое участіе въ Божественной жизни должны выражать дѣйствіемъ въ пользу царства Божія. Соединенные между собою любовію, они должны вести общую борьбу противъ міра, отчуждившагося отъ царства Божія. Предъ ними открыта впереди борьба ихъ со всѣмъ существующимъ на землѣ, которую должно открыть и вести христіанство. Но въ этой борьбѣ Онъ обѣщалъ имъ помощь Духа Святаго. Все, что нужно для распространенія церкви Божіей, все это онъ совершитъ чрезъ нихъ. Его дѣйствія въ мірѣ Господь кратко заключаетъ въ томъ, что Духъ Св. приведетъ міръ къ сознанію своихъ грѣховъ и откроетъ въ этомъ причину невѣрія его; потомъ заставитъ міръ признать, что Іисусъ умеръ не какъ грѣшникъ за Свои грѣхи, но что Онъ умеръ какъ святой и какъ святой вознесся къ Отцу Своему на небо; въ Его смерти, воскресеніи и послѣдовавшемъ за нимъ вознесеніи на небо вполнѣ открылась Его святость,—наконецъ докажетъ міру, что князь его осужденъ, обезсиленъ, низверженъ съ своего престола; на мѣсто Его царства водворится царство Божіе.

Свою послѣднюю бесѣду съ учениками Господь окончилъ моли-

твою; тою же молитвою и приготовилъ Себя къ разлукѣ съ ними и къ послѣднему подвигу Своему. Онъ молится за тѣхъ, которые познали Отца чрезъ Него Самого, и которые должны быть орудіями въ распространеніи Богопознанія между людьми. Приготовляясь отойти изъ міра и оставить въ немъ учениковъ Своихъ, Онъ препоручаетъ ихъ покровительству Отца небеснаго, такъ какъ оставляетъ ихъ въ мірѣ среди борьбы. Не о томъ проситъ Онъ Отца Небеснаго, чтобы Онъ взялъ ихъ отъ міра, какъ и Его, но чтобы Онъ сохранилъ ихъ отъ внутреннихъ искушеній зла, чтобы они внутренно пребыли чужды міра, чтобы святая жизнь Его, которую онъ готовъ предать за нихъ, была основаніемъ ихъ освященія. Молитва Сына Божія расширяется, объемлетъ собою и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ приведены къ вѣрѣ проповѣдію Его учениковъ. Искупитель міра проситъ, чтобы всѣ они соединены были между собою въ общеніи Божественной жизни; чтобы этимъ житіемъ они свидѣтельствовали о славѣ внутренней жизни, дарованной имъ чрезъ Христа. Потомъ проситъ Онъ Отца Небеснаго, чтобы Онъ всѣхъ приведенныхъ къ Нему возвелъ туда, куда возносится теперь Самъ Сынъ, принимая ихъ въ совершенное общеніе съ Собою и къ созерцанію Божественной жизни.

«Очерки исторіи церковной исторіографіи въ протестантской Германіи. Ал. Лебедева».—Авторъ посвящаетъ настоящій очеркъ описанію личности и жизни творца новой эпохи въ исторіографіи—Неандера. Обозрѣвая письма о нѣмецкомъ богословіи, мы имѣли случай говорить о Неандерѣ. Но авторъ писемъ ставитъ внѣ своей задачи обзоръ церковной исторіи Неандера, что составляетъ главный предметъ изслѣдованія г. Лебедева.—Важнѣйшая заслуга Неандера для науки заключается въ слѣдующемъ: прежде всего Неандеръ возвысился до истинно научной объективности. До него даже лучшіе историки были настолько субъективны, что нерѣдко вовсе искажали истину въ угоду своимъ тенденціямъ. Неандеръ же показалъ истинное значеніе объективной исторической правды въ дѣлѣ церковной исторіографіи, что такъ мало понималось его предшественниками. Неандеръ показываетъ образецъ истинно-объективнаго историческаго метода, въ силу котораго историкъ долженъ судить о фактахъ не по своему личному вкусу и прихоти, а по чувству той справедливости, на какую указываетъ значеніе объективности. Далѣе, Неандеръ далъ новое направленіе церковно-историческому прагматизму. Прагматизмъ прежнихъ школъ былъ

не высокаго качества. Онъ не зналъ другихъ силъ, движущихъ исторію, кромѣ личныхъ силъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. О какой либо высшей причинности, господствующей надъ индивидуумами и знать не хотѣли, а если нѣкоторые изъ нихъ (супранатуралисты) и допускали такую причинность въ смыслѣ провидѣнія или Божественнаго плана, то все же эта причинность являлась безжизненною силою, движущеюся въ безконечной дали отъ міра человѣческаго. Неандеръ причины явленій всегда ищетъ въ человѣкѣ и его свойствахъ, но съ этимъ онъ всегда твердо помнилъ о томъ принципѣ историческаго развитія, какимъ есть само христіанство. Само христіанство, какъ опредѣленная и могучая сила, явившаяся въ міръ человѣческій, всегда является у него движущею силою въ исторіи, и при всемъ томъ эта сила у него никогда не переходитъ въ насиліе надъ человѣкомъ и человѣчествомъ. Наконецъ, Неандеръ возвратилъ церковной исторіи уваженіе, котораго она несправедливо была лишена. Подъ перомъ многихъ историковъ церковная исторія превратилась въ галлерею картинъ человѣческой глупости, если не зла, надъ которыми оставалось только смѣяться. Признавая, что рядомъ съ свѣтлыми сторонами исторіи церкви въ ней попадаются и темныя стороны, Неандеръ даетъ имъ настоящее мѣсто, не впадая въ утрировку. Все же свѣтлое въ исторіи онъ сгруппировалъ въ такія яркія картины, что церковная исторія стала не смѣшною, но глубоко знаменательною.

Церковная исторія Неандера задается разрѣшить слѣдующіе вопросы: a) въ какомъ отношеніи христіанство, какъ элементъ сверхъестественный, стоитъ къ человѣчеству какъ элементу естественному; b) въ какомъ отношеніи христіанство, какъ абсолютная истина стоитъ въ исторіи къ конечной природѣ человѣка, съ ея перемѣнчивостью и неустойчивостью въ истинѣ и добрѣ; c) въ какомъ отношеніи христіанство, какъ религія духа, стоитъ къ христіанству историческому, какъ совокупности всѣхъ церковныхъ формъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ Неандеръ прежде всего устанавливаетъ понятіе христіанства. Христіанство для него реальное жизненное начало, а не просто ученіе и притомъ начало не какое нибудь человѣческое, но эта жизнь Божественная, входящая въ жизнь человѣческую, чтобы преобразовать ее. Для уясненія этой истины Неандеръ пользуется притчей о закваскѣ.» Какъ небольшее количество закваски, брошенное въ массу муки, производитъ въ ней процессъ броженія, такъ и христіанство какъ небесный

ферментъ (закваска), чрезъ силу Божественной жизни вызываетъ процессъ броженія въ человѣческой природѣ,—этотъ процессъ начинается во внутреннѣйшей глубинѣ природы человѣческой, простираетъ свои дѣйствія какъ на мысль, такъ и на внѣшнюю жизнь, чтобы все преобразовать, перестроить». Таково по Неандеру дѣйствіе элемента сверхъестественнаго на человѣчество: но и человѣчество, будучи элементомъ низшимъ, второстепеннымъ, не остается при этомъ процессѣ въ положеніи мертвенной пассивности. Самое это вступленіе Божественнаго элемента въ человѣчество потому и возможно, что человѣческая природа по своему созданію способна къ принятію этого высшаго принципа, пріемлема въ отношеніи къ христіанству. Какъ же примиряется въ исторіи христіанство, какъ абсолютное совершенство съ конечною природою человѣка? Христіанство не уничтожаетъ естественныхъ свойствъ индивидуумовъ, а просвѣщаетъ и очищаетъ ихъ. Отсюда возникаютъ такія или другія формы христіанской жизни и каждая отображаетъ всецѣлую жизнь Христа. Каждая форма выражаетъ какую нибудь одну сторону христіанства, такъ что одна форма пополняетъ другую и въ свою очередь нуждается въ другой для своего пополненія. И только во всей совокупности явленій приходитъ къ своему выраженію всецѣлый и полный Христосъ. Наконецъ, вопросъ объ отношеніи христіанства какъ религіи духа и жизни въ духѣ къ христіанству, развившемуся въ опредѣленныя историческія формы церковности не совсѣмъ удачно рѣшается у Неандера. Онъ считаетъ непримиримыми понятія: христіанство и церковь. Для Неандера истинная церковь — это всѣ христіане, а церковь съ внѣшнимъ авторитетомъ, заправляющая христіанскимъ обществомъ — есть явленіе не нормальное. Всѣ христіане—церковь, всѣ они священство и другой церкви и другаго священства нѣтъ. Іерархическій элементъ въ церкви Неандеръ разсматриваетъ какъ явленіе не нормальное, антипатично относится къ богослуженію, какъ учрежденію внѣшнему насчетъ внутренняго служенія Богу, а на регламентированіе христіанской догмы на соборахъ голосомъ пастырей церкви, какъ на узурпацію правъ, принадлежащихъ каждому христіанину, какъ священнику. Этимъ объясняются его рѣзкіе отзывы о соборахъ вселенскихъ: онъ отказывается видѣть въ нихъ дѣйствительную силу церкви и отрицаетъ всякую авторитетность ихъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Такимъ образомъ, идеальная религія христіанская остается для Неандера безъ осязательнаго проявленія въ исторіи хри-

стіанства: она сама по себѣ, а церковь сама по себѣ. Его воззрѣнія на отношенія христіанства и церкви не удовлетворяютъ и протестантовъ. Протестантскіе критики Неандера прямо заявляютъ объ этомъ видномъ недостаткѣ его исторіи, потому что его воззрѣнія на отношеніе христіанства и церкви напоминаютъ скорѣе воззрѣнія квакеровъ, баптистовъ, чѣмъ доктрины болѣе строгаго протестанства.

Христіанское чтеніе. «Рожденіе человѣка по древнимъ религіознымъ славяно русскимъ воззрѣніямъ». Св. А. Н. Кудрявцева. Авторъ избралъ актъ рожденія человѣка, какъ самый важный въ жизни, отъ котораго зависѣла, по воззрѣніямъ славянина, вся его послѣдующая жизнь. Авторъ дѣлитъ свой трудъ на три части: въ 1-й онъ излагаетъ самыя вѣрованія, обычаи и обряды славянъ, предшествующіе и сопровождающіе актъ рожденія; во 2-й онъ опредѣляетъ, подъ вліяніемъ какихъ религіозныхъ языческихъ вѣрованій сложились тѣ или иные воззрѣнія и обычаи, и въ 3-й, наконецъ, указываетъ вліяніе этихъ языческихъ вѣрованій на сознаніе и жизнь славянина-христіанина. Для православнаго богослова не столько важны самыя воззрѣнія славянъ на рожденіе человѣка, сколько отраженіе этихъ вѣрованій и воззрѣній въ жизни славянъ, когда они стали христіанами. Въ этомъ отношеніи статья почтеннаго профессора представляетъ любопытныя данныя для характеристики народныхъ религіозныхъ представленій, сложившихся подъ вліяніемъ язычества и имѣющихъ мѣсто даже теперь, когда прошла чуть не цѣлая тысяча лѣтъ по принятіи христіанства. Авторъ говоритъ, что «одни изъ прежнихъ вѣрованій и обычаевъ вошли въ составъ новаго (христіанскаго) міросозерцанія совершенно въ томъ же видѣ, какъ были прежде, а другія въ видѣ нѣсколько измѣненномъ». Такъ, понятіе о Божествѣ, какое имѣютъ наши простолюдины, взято изъ прежняго вѣрованія въ судьбу: Божество представляется дѣйствующимъ также слѣпо и также необходимо, какъ и судьба. Хотя простолюдинъ и молится и этимъ признаетъ какъ бы свободно правящее Существо, но, если присмотрѣться къ характеру его молитвы, то окажется, что и въ молитвѣ онъ остался вѣренъ своимъ языческимъ воззрѣніямъ. Во всѣхъ особенныхъ случаяхъ жизни онъ молится особенными молитвами, частію церковными, частію измѣненными, которымъ придаетъ неотразимую силу, заставляющую какъ бы исполнить то, о чемъ онъ проситъ. Божество въ этомъ слу-

чаѣ поставляется въ зависимость отъ молитвы. Ясно, что не столько вѣра въ Промыслъ Божій, сколько вѣра въ слѣпую судьбу одушевляетъ нашъ простой народъ. — Еще менѣе правильное понятіе у простолюдиновъ объ ангелахъ. Какъ Божество смѣшивается ими съ судьбою, такъ и ангелы—съ тѣми силами, чрезъ которыя дѣйствовала судьба и которыя извѣстны были народу подъ именемъ долей, рожаницъ и т. п. Какъ эти послѣднія признавались живущими и дѣйствующими по преимуществу въ планетахъ и звѣздахъ, такъ и ангеламъ отводится тамъ же жилище и мѣсто дѣйствія. Они руководятъ теченіемъ ихъ, «зажигаютъ и тушатъ», что означаетъ рожденіе и смерть человѣка. Дѣятельность ангеловъ въ отношеніи къ человѣку простолюдинъ ограничиваетъ только борьбою, которую они ведутъ постоянно съ демонами. Такимъ образомъ въ понятіи простолюдина ангелы—не тѣ безплотныя, святыя, духовно-нравственныя существа, которыя руководятъ нами въ духовно-нравственной жизни и какими признаетъ ихъ Св. Церковь, а какія-то низшія языческія Божества.—Еще болѣе, чѣмъ ангелы, съ древними рожаницами сближаема была Пресвятая Богородица. Обстоятельствъ, способствовавшихъ этому сближенію, было много. Самое названіе Дѣва наводила на мысль о той красной дѣвицѣ, которая олицетворяла зарю; на ту же мысль наводили, вѣроятно, и нѣкоторыя изъ церковныхъ пѣснопѣній, гдѣ Богородица сравнивается съ зарею, звѣздою и т. п. Не безъ вліянія остались, наконецъ, и названія нѣкоторыхъ празднествъ, каковы: зачатіе св. Анны, Рождество Пресвятыя Богородицы, Покровъ Пресвятыя Богородицы и т. п. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ вѣра въ предстательство Богоматери получила особенный своеобразный характеръ, весьма близкій къ тому, какимъ отличалась древняя вѣра въ рожаницъ. Такъ, если та или другая дѣвица обращалась съ молитвою о замужествѣ, то обращалась къ Покрову Пресвятой Богородицы, наивно смѣшивая слово «Покровъ» съ древними представленіями о покровахъ зари и отсюда переносясь мыслью къ тому покрову, какой употребляется при отдачѣ въ замужество. Еще болѣе признается Богоматерь покровительницею при родахъ и не собственно Она Сама, а праздникъ Рождества Ея, почему онъ и называется «бабьимъ лѣтомъ». Поэтому же нѣкоторые священники допускали пѣніе тропаря въ честь этого праздника. Поставляя въ близкія отношенія къ женщинамъ, простой народъ поставляетъ Ее въ такія же

отношенія и къ дѣтямъ. По воззрѣніямъ народа, Она надѣляетъ ихъ въ раю яблоками, вишнями, земляникой и другими плодами и вообще покровительствуетъ.—Такое же отношеніе къ женщинамъ и дѣтямъ имѣютъ, по воззрѣніямъ славянъ, и нѣкоторые изъ святыхъ, какъ-то: святая Анна, Анастасія, свв. Іуліанъ, Никита, пророкъ Наумъ и др. Имъ приписывается особенное вліяніе на рожденіе и первоначальное воспитаніе дѣтей.

Обратимся теперь къ заключенію автора, которое мы признаемъ глубоко вѣрнымъ. Опредѣляя цѣль, руководившую имъ при изученіи взятаго предмета, авторъ говоритъ: «Мы намѣрены были указать, какъ во многомъ еще жизнь нашего народа стоитъ подъ вліяніемъ язычества и какое широкое поле дѣятельности открываетъ она въ этихъ случаяхъ для пастырей церкви. Если анализъ даже одного только акта жизни показалъ намъ, что при взглядѣ на него славянину не достаетъ ни понятія о Промыслѣ Божіемъ, ни понятія объ ангелахъ, ни понятія о Богоматери и святыхъ, то тѣмъ болѣе печальную картину должны представить собою всѣ акты жизни, взятые вмѣстѣ. Между тѣмъ слово пастырей бываетъ рѣдко направлено именно на эту сторону. Въ этомъ случаѣ проповѣдь наша стоитъ несравненно ниже проповѣди нашихъ предковъ». Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что пастыри церкви слишкомъ мало заботятся о чистотѣ религіозныхъ воззрѣній нашего темнаго простонародья. Нѣкоторые священники даже послабляютъ темной средѣ. Такъ, нѣкоторые отворяютъ царскія врата во время трудныхъ родовъ, поютъ во время крестильныхъ обѣдовъ тропарь въ честь Рождества Богородицы и т. п. Помнимъ мы такой случай. Покойный преосвященный Платонъ (Ѳивейскій), бывшій архіепископомъ Костромскимъ, человѣкъ во всякомъ случаѣ ученый и солидно образованный, издалъ списокъ святыхъ, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ жизни. Эти списки быстро разошлись, благодаря тому, что въ каждую церковь Костромской епархіи было обязательно выписывать по нѣскольку экземпляровъ, и простонародье поняло это такъ, что между святыми распредѣлены обязанности помогать людямъ. Если, напр., «св. Антипа излѣчиваетъ отъ зубной болѣзни», пророкъ Наумъ «наставляетъ на умъ», то они только и могутъ людямъ помочь въ этихъ случаяхъ и ни въ какихъ другихъ. Конечно, изданіе списка и обращеніе къ извѣстнымъ святымъ въ извѣстныхъ случаяхъ жизни, какъ особеннымъ помощникамъ, можетъ быть до нѣкоторой сте-

пени объяснено съ догматической точки зрѣнія. Но если подобныя изданія приводятъ къ неправильнымъ представленіямъ, то лучше бы ихъ совсѣмъ не было. Во всякомъ случаѣ священники обязаны внушать простому народу здравыя понятія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его религіозныя понятія уклоняются въ сторону язычества и когда онъ прибѣгаетъ къ извѣстнымъ языческимъ обрядамъ и молитвамъ въ различныхъ случаяхъ жизни.

Прекрасное впечатлѣніе производитъ статья г. А. Лопухина «Земля и собственность по законамъ Моисея», какъ и другія его статьи изъ области библейской исторіи.—Основная идея Моисеева законодательства—чисто теократическая. Вся земля принадлежитъ одному Іеговѣ, Который и распредѣляетъ ее, а іудеи только поселенцы на ней. Распредѣленіе этой земли исключаетъ всякій захватъ одного лица и водворяетъ самыя правильныя отношенія между землевладѣльцами, потому что раздѣлъ происходилъ «по числу именъ мужескаго пола». Это значитъ, что земля дѣлилась по колѣнамъ, поколѣніямъ, племенамъ и семействамъ сообразно съ числомъ лицъ мужескаго пола. На каждое мужское лицо полагалось извѣстное количество земли, для всѣхъ безъ исключенія равное. Но въ виду того, что не всѣ люди надѣлены одинаковыми способностями, одинаковымъ здоровьемъ, не всѣ одинаково бережливы, что существенно вліяетъ на равномѣрное распредѣленіе богатствъ, законъ Моисеевъ старается и въ этомъ случаѣ помочь равновѣсію въ экономическомъ положеніи лицъ. Таково узаконеніе о *неотчуждаемости* земельнаго владѣнія, по которому (узаконенію) никто не имѣетъ права ни продать, ни купить землю навсегда, но можетъ только на извѣстное время. Это законоположеніе практически осуществлялось въ знаменитомъ учрежденіи системы субботнихъ годовъ. Эта система должна была приводить въ первоначальную норму разстроившіяся соціальныя отношенія между людьми. Она состояла изъ двойной градаціи, которая, начинаясь седьмымъ годомъ, оканчивалась пятидесятымъ, завершавшимъ собою седьмицу седьмыхъ годовъ и служившимъ раздѣлительнымъ пунктомъ, послѣ котораго начиналась новая седьмица седьмыхъ годовъ. Каждый седьмой годъ носитъ названіе «субботняго» года, а каждый пятидесятый названіе «юбилейнаго». Главное назначеніе субботняго года—требованіе покоя для земли. Теократическій смыслъ этого постановленія есть воспоминаніе покоя Господа послѣ шестидневнаго творенія; но оно имѣло и экономическое значеніе: «покой земли» въ агрономическомъ

отношеніи имѣлъ тоже значеніе, какое имѣетъ у насъ «паръ»: Еще важнѣе въ законѣ о покоѣ земли то, что пользованіе плодами земли, выросшими безъ трудовъ человѣка, предоставлялось всѣмъ безъ исключенія. Это съ одной стороны не давало возможности богатымъ людямъ прилагать капиталъ къ капиталу, богатство къ богатству, а съ другой стороны поддерживало между іудеями чувство братства. Какихъ либо экономическихъ затрудненій не могло вытекать изъ того, что земля оставалась невоздѣланною цѣлый годъ, потому что почва Палестинская была въ высшей степени плодородна; это съ одной стороны. Съ другой стороны, Богъ обѣщалъ посылать землѣ Свое «благословеніе», т. е. давалъ ей особенную производительную силу.—Точно также устраняются экономическія затрудненія и въ отношеніи къ пятидесятому, юбилейному году. Учрежденіе юбилейнаго года должно было приводить въ первоначальную норму разстроившіяся экономическія и соціальныя отношенія между людьми. По смыслу закона всякій, кто лишился въ суровой житейской борьбѣ своей поземельной собственности и личной свободы, въ пятидесятый годъ получалъ ихъ снова. Такимъ образомъ институтъ юбилейнаго года регулировалъ человѣческія отношенія и препятствовалъ сильному развитію извѣстнаго соціальнаго зла—крайне неравномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ благъ, чрезмѣрнаго богатства съ одной стороны и крайней нищеты—съ другой; этимъ же самымъ онъ препятствовалъ дѣленію народа на различные классы по состоянію, на богатую знать и бѣдныхъ работниковъ. Основываясь на теократическомъ принципѣ, что вся земля принадлежитъ исключительно Іеговѣ, и въ немъ получая свою практическую силу, этотъ законъ всегда приходилъ на помощь бѣдняку и защищалъ его отъ эксплоатаціи богатыхъ. Эта помощь ясно проявляется въ двухъ фактахъ. Во 1-хъ, никто не имѣлъ права удерживать заложенную бѣднякомъ землю далѣе юбилейнаго года, въ который она обязательно переходила въ полную собственность прежняго владѣльца. Во 2-хъ, помощь эта выражается въ законодательствѣ объ широкомъ правѣ выкупа заложенной земли. Этимъ правомъ выкупа всегда пользовался какъ самъ заложившій, такъ и его ближайшій родственникъ, если не юридически, то, по крайней мѣрѣ, по чувству родства обязанный возвращать выкупленную землю ея прежнему владѣльцу. На равнѣ съ полемъ въ отношеніи къ праву выкупа и возвращенія въ юбилейный годъ законъ поставляетъ и сельскіе дома, не имѣющіе крѣпкой защиты. Но въ отношеніи къ «до-

мамъ, огражденнымъ стѣною», законъ ограничиваетъ право выкупа первымъ годомъ послѣ продажи, и въ юбилейный годъ такіе дома не отходятъ къ прежнимъ владѣльцамъ. — Что касается собственности левитовъ, то законъ не отнимаетъ у нихъ права выкупа во всякое время въ отношеніи къ городскимъ домамъ и въ юбилейный годъ заложенные, но не выкупленные дома левитовъ возвращаются владѣльцамъ. Левитамъ безусловно воспрещается только закладывать и продавать земли около ихъ городовъ, вѣроятно, потому, что эти земли принадлежали всей извѣстной общинѣ левитовъ, а не частнымъ лицамъ. Что касается права выкупа земель и домовъ, посвящаемыхъ Іеговѣ, то нужно замѣтить, что оно было ограничено: желавшій выкупить долженъ былъ доплатить пятую часть стоимости посвященнаго по разцѣнкѣ левитовъ. Такимъ образомъ Моисеево законодательство стремилось установить правильныя отношенія съ одной стороны каждой личности къ обществу, а съ другой стороны—одной личности къ другой. Такое отношеніе между личностями по Моисееву законодательству обусловливалось возможнымъ экономическимъ равенствомъ ихъ между собою, каковое поддерживалось узаконеніемъ, устранявшимъ возможность чрезмѣрнаго возвышенія или обогащенія одной личности на счетъ другой. Другихъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ христіанскаго чтенія, мы не помѣщаемъ отчасти по ихъ спеціальности, а отчасти по незначительности.

Труды Кіевской духовной академіи. «Происхожденіе человѣка Ѳ. Орнатскаго».—Тема статьи, хотя давно извѣстная и вслѣдствіе почти постояннаго круговращенія около нея ставшая какъ бы истасканною, не безъинтересна въ богословской литературѣ.—Происхожденіе человѣка—это одинъ изъ важнѣйшихъ апологетическихъ вопросовъ,—вопросъ вѣры, религіи и науки, который постоянно привлекалъ и будетъ привлекать вниманіе каждаго ученаго богослова, пока онъ не будетъ разрѣшенъ въ своихъ глубокихъ, внутреннихъ основаніяхъ. Авторъ вышеозначенной статьи стремится указать въ глубинѣ человѣческой природы искру Божественнаго разума, возвышающаго человѣка надъ всѣмъ конечнымъ и ограниченнымъ и чрезъ это указать на иное происхожденіе человѣка, отличное отъ происхожденія другихъ живыхъ существъ на землѣ; онъ доказываетъ вѣрность библейскаго сказанія о происхожденіи человѣка, т. е. что существо человѣческое, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ на землѣ, обязано происхожденіемъ своимъ не

общему, законосообразному, по возбужденію Божественной воли дѣйствовавшему, образовательному процессу земной природы, а нѣкоему особенному, непосредственному дѣйствію Самого Творца природы,—что начало духовной жизни есть дыханіе, исшедшее не изъ лона общей жизненной силы земной планеты, а изъ устъ Самаго Бога,—что самый тѣлесный организмъ человѣка образованъ особеннымъ нѣкіимъ творческимъ дѣйствіемъ Божіимъ по особенному плану, во многомъ отличному отъ общаго типа животныхъ организмовъ». — Указавъ основныя положенія матеріализма, ставящаго развитіе психическихъ особенностей въ человѣкѣ въ зависимость отъ особенностей его организаціи и чрезъ это разрушающаго «грани, существенно отдѣляющія человѣка отъ животныхъ», и уничтожающаго существенное, качественное отличіе перваго отъ послѣднихъ, — именно,—что духовная жизнь человѣка есть «проявленіе силы, свойственной нервной системѣ» и что человѣкъ свою настоящую форму получилъ путемъ постепеннаго развитія и усовершенствованія отъ «обезьяно-подобнаго существа» (теорія трансформаціи Дарвина), авторъ ставитъ вопросъ: можетъ-ли быть признано матеріалистическое ученіе научно доказанной истиной?— Отвѣтъ на него онъ ищетъ въ самой тѣлесной природѣ человѣка, которая хотя «принадлежитъ къ общей натуральной жизни и подчинена тѣмъ же общимъ натуральнымъ законамъ, которымъ подчинены и животныя, но при всемъ этомъ представляетъ много выдающихся особенностей, указывающихъ «на высшее достоинство человѣка, на его господственное положеніе въ природѣ». Къ числу этихъ особенностей тѣлесной организаціи человѣка относятся: устройство черепа и мозга (большій объемъ мозговаго вещества сравнительно съ объемомъ его у животныхъ; перевѣсъ сѣраго вещества,—органа сознательной жизни, надъ бѣлымъ; большее развитіе и углубленіе мозговыхъ извилинъ); срединное мѣсто, занимаемое человѣкомъ по тѣлесной организаціи между самыми громадными и самыми миніатюрными животными, дающее ему возможность совмѣщать въ себѣ выгоды и устранять недостатки тѣхъ и другихъ; способность его приспособляться ко всѣмъ климатамъ и перемѣнамъ ихъ, соединенная съ особеннымъ устройствомъ пищепріемныхъ и пищеварительныхъ органовъ, наконецъ самая важная особенность въ организаціи человѣка — прямой станъ его корпуса, который даетъ ему возможность, не только жить въ природѣ въ ряду другихъ существъ, но и возвышаться надъ нею,

преобразовывать и свободно пользоваться ею, употреблять ея матеріалъ и силы для осуществленія мыслей и цѣлей, — словомъ, культивировать природу». Но всѣ эти особенности тѣлесной организаціи человѣка, указывая только на высшее развитіе и полное проявленіе органической силы въ человѣкѣ, — на человѣка, какъ только на высшій организмъ въ ряду другихъ организмовъ, сами по себѣ еще не могутъ говорить ни объ иномъ происхожденіи его, ни о другой природѣ его существа; потому рѣшительныхъ признаковъ и доказательствъ иного происхожденія и иной природы человѣка, отличныхъ отъ происхожденія и природы животныхъ, нужно искать въ духовной природѣ человѣка; только самое тщательное и самое глубокое изученіе и пониманіе этой послѣдней можетъ открыть въ человѣкѣ «вышенатуральную область бытія и жизни, въ которой положено Божественное начало, выражается образъ и подобіе Божіе. Обращаясь къ внутренней жизни живыхъ существъ, конечно, каждый и въ животныхъ увидитъ какъ бы нѣкоторое проявленіе психической жизни, напоминающее духовную жизнь человѣка; но между проявленіями психической жизни у животныхъ и у человѣка громадная разница, сразу бросающаяся въ глаза,—разница не количественная и относительная, а качественная, свидѣтельствующая о присутствіи въ проявленіяхъ психической жизни у человѣка новаго начала и фактора. Эта разница замѣчается уже между самыми низшими проявленіями психической жизни—между такъ называемыми инстинктивными движеніями и дѣйствіями (у животныхъ напр. выбираніе пищи, соотвѣтствующей ихъ природѣ; устройство искусственныхъ строеній пчелами и бобрами; хватаніе хищными животными добычи «за самыя опасныя для ея жизни мѣста; у человѣка—ходьба безсознательная, но совершенно правильная во время глубокой думы и все то, что бываетъ слѣдствіемъ привычки и проч.). Въ то время, какъ всѣ инстинктивныя движенія и дѣйствія животныхъ «имѣютъ значеніе для физической жизни, изъ которой они и вытекаютъ», нѣкоторыя изъ инстинктивныхъ дѣйствій человѣка имѣютъ гораздо высшее значеніе. «Когда дитя, напримѣръ, тянется къ предметамъ, старается вертѣть и двигать ихъ, то это служитъ не потребностямъ только его жизни, но главнымъ образомъ духовному развитію; дитя научается чрезъ то познавать предметы, сравнивать и изслѣдовать ихъ, находить причину и дѣйствія» (Вайцъ).—Разница дѣлается еще замѣтнѣе при сравненіи явленія чисто интеллектуаль-

ныхъ; чрезъ эти явленія человѣкъ все выше и выше поднимается надъ животными.—Никто, конечно, не будетъ оспаривать замѣчательной иногда смышленности и сообразительности животныхъ, хотя теперь еще не вполнѣ изслѣдованы явленія умственной жизни ихъ. Память, представленіе и др.—все это иногда въ поражающихъ фактахъ проявляется у животныхъ, и подобно тому, какъ всѣ силы и способности человѣка, постепенно развивается. Но «въ основаніи смышленности животныхъ всегда лежитъ или мотивъ чувственно-эгоистическій, самосохраненіе, удовольствіе, опасность и т. п., или простое подражаніе человѣку, или же наконецъ служеніе человѣческимъ цѣлямъ»; человѣкъ въ своемъ мышленіи, кромѣ «непосредственной чувственной потребности» руководится главнымъ образомъ «присущимъ ему стремленіемъ къ знанію, которое бываетъ замѣтно уже и въ дѣтскомъ любопытствѣ». «Дитя напр. обращаетъ свое вниманіе на всѣ окружающіе предметы и отзывается такъ или иначе на всѣ получаемыя впечатлѣнія». Вмѣстѣ съ такимъ побужденіемъ къ мышленію замѣчается «другая черта человѣческаго мышленія, существенно отличающая его отъ проявленій животнаго мышленія,—именно самодѣятельность и производительность». «Животное воспринимаетъ вещи и явленія именно такъ, какъ они представляются его чувствамъ» т. е. въ послѣдовательномъ временномъ и пространственномъ порядкѣ; человѣкъ въ своемъ воспріятіи внѣшнихъ явленій идетъ дальше и глубже этой внѣшней механической связи: все разнообразіе внѣшнихъ впечатлѣній онъ стремится упорядочить въ своемъ мышленіи, многое, сходное по существеннымъ признакамъ, онъ соединяетъ въ одну группу, не смотря на то, рядомъ оно стоитъ въ пространствѣ или времени, или нѣтъ; многія явленія соединяетъ между собою не связію только послѣдовательности, но внутреннею, существенно-необходимою связію. Въ первомъ случаѣ у него являются понятія, во второмъ — причинная связь между вещами и явленіями. Въ томъ и другомъ случаѣ мышленіе человѣка является, какъ нѣчто самодѣятельное и производительное, которое свободно распоряжается богатымъ запасомъ внѣшнихъ впечатлѣній, на основаніи его производя новыя понятія и мысли.—«Но самое высшее въ человѣческомъ мышленіи — это изначала присущая ему идея истины, несомнѣнно указывающая на вышечувственное происхожденіе человѣческаго духа». Идея эта не могла, конечно, образоваться чрезъ чувственныя впечатлѣнія только, чрезъ ученіе и примѣръ, подъ условіемъ тѣлесной организаціи,

какъ думаетъ объяснить ее Бюхнеръ; она не можетъ быть абстракціей, получаемой отъ данныхъ единичныхъ явленій, потому что существуетъ раньше этихъ единичныхъ явленій; она «въ началѣ не ясная, не опредѣленная» предносится каждому процессу нашего мышленія, какъ это каждый непредубѣжденный умъ можетъ замѣтить при сколько нибудь внимательномъ отношеніи къ себѣ самому. Отсюда нужно заключать, что идея истины есть «имманентно-присущее человѣческому духу основоопредѣленіе къ познанію истины. Тотъ фактъ, что понятіе объ истинномъ у различныхъ народовъ и въ различныя времена было неодинаково, легко объясняется тѣмъ, что идея истины «присуща человѣческому духу не въ формѣ готоваго и яснаго понятія, а въ формѣ темнаго чувствованія или влеченія». Признавши такимъ образомъ идею истины имманентно-присущею человѣческому духу, авторъ ставитъ вопросъ: «откуда вообще нашъ мыслящій духъ»? — На этотъ вопросъ отвѣтила уже безпристрастная философская мысль, которая «видѣла въ человѣческомъ духѣ выраженіе *Божественнаго*»; а еще прямѣе отвѣчаетъ Библія, говоря намъ объ образѣ и подобіи Божіемъ.

О церковно-библейскомъ словарѣ прот. А. И. Невоструева.

Въ 1874 году достопочтенный о. протоіерей Михаилъ Симоновичъ Боголюбскій напечаталъ въ «Православномъ Обозрѣніи» статью о трудахъ покойнаго протоіерея Александра Ивановича Невоструева. Какъ хорошій знатокъ Богослужебныхъ книгъ и церковно-славянскаго языка онъ обратилъ особенное вниманіе на церковно-библейскій словарь, которымъ давно занимался покойный прот. А. И. Невоструевъ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ трудъ громадный, который можно было совершить одному человѣку только съ величайшимъ терпѣніемъ и огромнымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, каковымъ и обладалъ прот. Невоструевъ. Этотъ трудъ занималъ его около 20-ти лѣтъ, до самой его смерти. Года за два до смерти онъ началъ переписывать и приводить въ порядокъ свой словарь

и успѣлъ до смерти переписать его до словъ: *Даже*. Все остальное осталось въ черновыхъ тетрадяхъ, исписанныхъ очень мелко, испещренныхъ множествомъ строкъ и словъ, надписанныхъ надъ строками, имѣющихъ надъ собою, либо гдѣ нибудь съ боку, еще прибавки и дополненія, и притомъ отъ многолѣтняго употребленія очень затертыхъ и истасканныхъ, а частію и выцвѣтшихъ, такъ что разобрать (многое приходилось разбирать съ лупою), переписать и привесть въ порядокъ тоже составляло не малый подвигъ.

Словъ, переписанныхъ самимъ авторомъ по его счету (онъ по мѣстамъ подводилъ итоги) 3623; словъ, переписанныхъ переписчикомъ, предположительно будетъ около 10,300, а всѣхъ словъ въ словарѣ будетъ около 14,000.

Словарь составленъ въ такомъ порядкѣ. Слова, конечно, слѣдуютъ по алфавиту. Каждое слово въ отдѣльности излагается такъ: сперва пишется слово славянское, напр. *изрядно*; за тѣмъ греческое, которое переведено словомъ *изрядно*, и русское значеніе этого греческаго слова съ цитатами, гдѣ въ Библейскихъ и Богослужебныхъ книгахъ это греческое слово переведено словомъ: *изрядно*. Такимъ образомъ за *изрядно* слѣдуетъ διαφερόντως, превосходно, отлично; 1 Цѣд. Чет. п. 1, 2. За тѣмъ слѣдуютъ другія греческія слова, переведенныя въ нашихъ славянскихъ книгахъ также словомъ *изрядно*. Ἔξοχα, съ отличнымъ успѣхомъ. Дек. 24. Акр. 2 кан. Ἐξερέτως, преимущественно; гл. 4. втор. по 1 стих. Бог. Ἄριστον, доблественно; ію. 2. п. 1, 1. Ἄριστα, прекрасно, доблественно; І. 20. к. 1, 8, 1. п. 5, 2.—Цитатъ бываетъ по одной, по двѣ, по три, доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ. — Есть довольно словъ, которыя имѣютъ за собою только одно греческое слово, напр. *Ржа* Ἐρυσίβη, *Рой*, συστροφή: по сравнительно такихъ словъ, съ значеніемъ очень частнымъ, конкретнымъ, — не много. Большая часть словъ (съ значеніемъ общимъ, абстрактнымъ) имѣютъ за собою по нѣсколько словъ греческихъ, иногда до нѣсколькихъ десятковъ. Таковы слова: *Вхожду*, *вижду*, *возлагаю*, *вземлю*, и множество другихъ. Авторъ самъ (въ одномъ письмѣ) говоритъ, что гораздо болѣе примыкаетъ словъ греческихъ къ славянскимъ, чѣмъ славянскихъ къ греческимъ; напр. около 70 словъ греческихъ выражается у насъ однимъ словомъ: *вземлю*, тогда какъ одному греческому слову соотвѣтствуетъ отъ 5-ти до 15-ти словъ славянскихъ. Но дѣло въ томъ, что греческіе глаголы обыкновенно слагаются съ многими предлогами, а по сла-

вянски, а иногда и по русски, выражаются однимъ словомъ, напр. Λαμβάνω, αναλαμβάνω, απολαμβάνω, παραλαμβάνω, и пр.

Если слово греческое имѣетъ два разныхъ значенія, и въ обоихъ употребляется въ Богослужебныхъ книгахъ (а въ славянскомъ переводѣ выражается однимъ словомъ), то приводятся оба различныя значенія и цитуются мѣста, въ которыхъ оно должно быть понимаемо въ томъ и другомъ значеніи.

Въ тѣхъ библейскихъ словахъ, гдѣ переводъ 70 и славянскій не соотвѣтствуютъ еврейскому подлиннику, авторъ приходится выписывать еврейскія слова, иногда по нѣсколько словъ и дѣлать соображенія, какъ могъ произойти не совсѣмъ соотвѣтствующій переводъ.

Авторъ также отмѣчаетъ и разности древнихъ греческихъ и латинскихъ переводовъ Ветхаго Завѣта (Акилы, Симмаха, Θеодотіона, Іеронима); такъ же отмѣчаетъ и разночтенія (варіанты) разныхъ кодексовъ и изданій какъ Библіи, такъ и Богослужебныхъ книгъ. По мѣстамъ къ библейскимъ словамъ прибавляетъ краткія археологическія объясненія.

Вообще словарь объясняетъ слова устарѣлыя и непонятныя; представляетъ значенія словъ болѣе точныя, болѣе соотвѣтствующія данному мѣсту; исправляетъ неправильности, происшедшія или отъ неправильнаго чтенія греческихъ словъ (что при рукописныхъ книгахъ было весьма возможно), или отъ того, что слово греческое взято было въ другомъ значеніи. Изъ примѣровъ будетъ понятнѣе, какъ словарь разгоняетъ темноту и даетъ опредѣленный и ясный смыслъ словамъ и фразамъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній. Беремъ слова и фразы, особенно часто встрѣчающіяся въ молитвахъ и пѣсняхъ, чаще и яснѣе нами слышимыхъ.

Снабдѣніе: περιποίησις, сохраненіе, соблюденіе; διατήρησις, сохраненіе; κλέμμα барышъ, прибытокъ. Цитуются (какъ здѣсь, такъ и при другихъ словахъ), мѣста, въ которыхъ указанныя греческія слова переведены словомъ: снабдѣніе. Дѣлается понятнымъ, что *снабдѣніе заповѣдей* (въ молитв. предъ прич.), значитъ соблюденіе заповѣдей, а *снабдѣніе творя* (въ велик. кан.)—будетъ значить: дѣлая прибытокъ.

Оброщеніе червленицы (вел. кан.). Въ словарѣ читаемъ: *Оброщеніе*: Λέπρα пушокъ; βαφη крашеніе (вел. кан.); Ἐρυθρόμα красный цвѣтъ. *Червленица*: κοκκινον красная шерсть, красная одежда, κογχύλη раковина, содержащая красную краску; ἅλουργὶς красная

шерсть (вел. кан. 8 п. Бог. цитаты при каждомъ словѣ). Слѣдоват. *оброщеніе червленицы* будетъ значитъ крашеніе пурпуровой шерсти, и въ связи съ послѣдующими словами въ тропарѣ будетъ значить: какъ бы изъ окрашенной въ пурпуровый цвѣтъ матеріи сотклась умственная багряница Еммануилова.

Тимѣніе ἰλύς, тина, болото, топь (*увязохъ въ тимѣніи* Пс. 68, 3, утонулъ въ болотѣ); βόρβορος грязь (*тимѣніе дѣлъ* въ акаѳ. Бог. ик. 5) ῥύπος тоже; μόλισμα нечистое пятно, скверна.

Врѣсноту: ὄντως дѣйствительно подлинно.

Нырище ὀχὀπεδον, разсѣлина, развалина (Пс. 101, 7). Τέμενος капище.

Нощный врань νυκτοκόραξ, филинъ. Слѣд. *Нощный врань на нырищи* знач. филинъ на развалинѣ.

Рай пищый. Λειμὼν τῆς τρυφῆς, рай сладости, прекрасный садъ, или лугъ. Т. е. вмѣсто τρυφῆς прочитано было и переведено слово τροφῆς.—Точно также слово *рабъ* ὀικετης часто переводилось вмѣсто проситель, молитвенникъ ἱκέτης; *рабски прихожду* ἱκέτης προσέρχομαι значитъ: прихожу съ мольбой. Іюл. 20. п. 8. Бог. I. 17. 1. 3.

Рождество: τόκος, рожденіе, роды, и кромѣ того: порожденіе, сынъ. Слѣд. *Рождество твое нетлѣнно явися* будетъ значить: Рожденіе твое явилось нетлѣннымъ; а: *красуйся, Богородице о востаніи рождества твоего* будетъ значить: радуйся о воскресеніи Сына твоего.

Странствія владычня — пріидите насладимся. Въ словарѣ читаемъ: *Странствіе* ξενία угощеніе странниковъ. Вел. чет. ирм. 9. Окт. гл. 8. пок. к. 2. п. 6. 2. Слѣд. пѣснь говоритъ: придите, насладимся трапезы Владычней, приготовленной для насъ, земныхъ странниковъ. Покойный авторъ предлагалъ вмѣсто странствія владычня поставить *учрежденія владычня.*

Хама отцеубійцы (Вел. кан.) *Отцеубійца*, πατραχοίας, что значитъ: поднимающій руки на отца (*отцедосадитель*, какъ хотѣлъ перевесть авторъ).

Но авторъ нигдѣ въ словарѣ своемъ не говоритъ, что нашъ переводъ неправиленъ: онъ только подъ правильнымъ значеніемъ греческаго слова цитуетъ мѣсто, неправильно переведенное, или отмѣчаетъ, что одно греческое слово прочитано и переведено вмѣсто другаго, такъ что читатель самъ видитъ, отъ чего происхо-

дитъ неясность, неточность, или неправильность перевода и какой смыслъ долженъ заключаться въ извѣстномъ мѣстѣ.

Къ словамъ въ словарѣ не мало присоединяется фразъ, или такихъ славянскихъ выраженій, которымъ авторъ по подлиннику, даетъ ясный и опредѣленный смыслъ. Напр. при словѣ; *право*: *право повышенъ*: ὄρθιος κρεμέμένος, въ ея прямомъ положеніи. При словѣ: *прошу*: *молчанія просящихъ вѣро*, σιγῆς δεομένων πίστις, вѣра въ то, что требуетъ молчанія, т. е. въ неизреченныя тайны. При словѣ: *пѣніе*: *поя прилежно свое пѣніе*, ὑποφιθιρίζων τὸν ἐκ τύπου αὐτοῦ ἀκολουθίαν, прочитывая про себя свое чинопоположеніе по уставу.

Велика заслуга словаря и въ томъ, что онъ объясняетъ слова непонятныя: потому что такихъ словъ наберется въ нашихъ Богослужебныхъ книгахъ весьма довольно, и кто не далъ себѣ труда, или не имѣлъ возможности перевести ихъ, записать, или заучить, для того они навсегда останутся или совсѣмъ непонятными, или соединятся съ понятіями неясными и даже неправильными, каковы: напр. слова и фразы: неясыть пустынная, и птица особящаяся на здѣ, онагри, ероділево жилище, мѣхъ на сланѣ, конебъ упованія, уже достоянія, свидѣнія Господня, оправданія Господня; рясны златыя; или въ молитвахъ: неумытный судъ, напрасная смерть, непостоянное величество, смердящій, сляченный, скоктаніе и пр. или въ канонахъ и пѣсняхъ: Иродъ блядивый, манны пріемнице, нуждно стужающій, врагъ запеншій, ласкосердствующій, беззаконіе гнѣвающее, сотренныхъ членовными, — и множество другихъ словъ въ томъ не многомъ, что мы часто повторяемъ и слышимъ. А сколько мы найдемъ темноты и неясности въ дневныхъ стихирахъ и канонахъ, и особенно въ прологѣ?

Но еще важнѣе помощь словаря въ опредѣленіи точнаго смысла въ данномъ мѣстѣ какого-нибудь слова, хотя и понятнаго, но имѣющаго значеніе слишкомъ широкое и общее. Напримѣръ, *скверный* иногда значитъ нечистый, измаранный ῥυπαρὸς, иногда—отвратительный μιαρὸς, иногда—безстыдный ἀσελγὴς, иногда—хульный, βέβηλος, иногда—беззаконный ἄθεσμος, ἀθέμιθος. Слово: *образъ* значитъ способъ, τροπος, знакъ σύμβολον, изображеніе ἴκων и τύπος, одежда σχῆμα, видъ μορφὴ, главное отличіе χαρακτὴρ, истуканъ ανδρίας, примѣръ ὑπόδειγμα, статуя στήλη, лице πρόσωπον, цвѣтъ χρῶμα и многое другое. Поэтому, напри-

мѣръ: *украсихъ плотскій образъ* ἀνδριάντα, не значитъ: я украшаю свою наружность, а значитъ: я украшаю идола плоти.

Для уразумѣнія смысла Библіи, незнающій древнихъ языковъ, конечно, обратится къ русскому переводу, а знающій языки обратится къ подлинникамъ еврейскому и греческому, и кромѣ того, конечно, можетъ обратиться къ богатымъ пособіямъ нѣмецкой филологіи,—которыми, безъ сомнѣнія, пользовался и прот. Невоструевъ. Но языкъ славянскихъ Богослужебныхъ книгъ—поле нетронутое: тутъ не работалъ и не будетъ работать ни одинъ нѣмецкій ученый: оно ждетъ только ученыхъ православныхъ, и именно русскихъ. Прот. Невоструевъ первый вышелъ на эту работу, и мы съ благодарностію должны сохранить трудъ его.

Не думаемъ утверждать, что словарь прот. Невоструева доведенъ до послѣдней полноты и совершенства. Самъ авторъ понималъ, что это трудъ для одного человѣка неодолимый. Онъ и назвалъ свой словарь не словаремъ, а собраніемъ матеріаловъ для церковно-библейскаго словаря славяно-греческаго. Но онъ сдѣлалъ то, что могъ въ 20 лѣтъ сдѣлать человѣкъ съ непобѣдимымъ терпѣніемъ и любовію къ дѣлу, съ огромнымъ запасомъ необходимыхъ для дѣла знаній, по роду службы и семейнымъ обстоятельствамъ имѣвшій много свободнаго времени. По цитатамъ видно, что онъ сплошь провѣрилъ съ подлинникомъ Библію, всѣ Богослужебныя книги и прологъ. Есть и пробѣлы. Часть ихъ, какъ полагаетъ М. С. Боголюбскій, произошла отъ того, что прот. Невоструевъ не нашелъ нѣкоторыхъ подлинныхъ греческихъ службъ, съ которыхъ переведены наши службы: ибо нѣкоторые каноны у нынѣшнихъ грековъ читаются уже другіе, замѣнившіе древніе, которые, однако, по увѣренію о. Боголюбскаго, можно находить въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ.

Авторъ свой словарь раздѣлилъ на двѣ части: одна славяно-греческая,—это та, о которой мы и говоримъ въ настоящее время; другая греко-славянская. Для уразумѣнія славянскаго языка нашихъ богослужебныхъ книгъ важна собственно первая часть. Но для церковно библейской нашей славянской филологіи еще важнѣе вторая часть. Она должна показать, какими славянскими словами переводилось у насъ какое-нибудь греческое слово, и слѣдовательно, если бы нужно было замѣнить какое-нибудь слово другимъ славянскимъ, то словарь указалъ бы въ славянскихъ же книгахъ пригодное слово, а вмѣстѣ указалъ бы, въ какихъ именно мѣ-

стахъ поставлено у насъ слово, не вполнѣ соотвѣтствующее подлиннику. Въ статьѣ о. Боголюбскаго приведенъ отрывокъ изъ письма прот. Невоструева, въ которомъ онъ объясняетъ значеніе и пользу этой части своего словаря. «Въ отношеніи къ исправленію и новымъ переводамъ на славянскій, пишетъ авторъ, особенно можетъ быть полезенъ и даже необходимъ мой словарь. Положимъ, что въ первой части вамъ попалось слово *молебный*, которымъ переведено греч. ἐτήσιος, гдѣ видите и русское значеніе: годичный. Васъ озадачиваетъ несоотвѣтствіе славянскаго слова греческому и вы догадываетесь, что оно коренится въ ошибочномъ производствѣ ἐτήσιος отъ αἰτέω, а не отъ ἔτος. Чтобы приблизить исправленіе ошибки къ церковному языку, вы переходите во вторую часть словаря, греко-славянскую, и тамъ подъ словомъ ἐτήσιος, кромѣ неправильнаго *молебный*, точный переводъ *лѣтній*. Возвратившись въ первую часть, подъ словомъ *лѣтній*, вы встрѣчаете и цитаты (гдѣ т. е. ἐτήσιος переведено словомъ *лѣтній*)». Вторая часть, говоритъ о Боголюбскій, дов. разборчиво переписана самимъ авторомъ, только не въ строгомъ порядкѣ. Первая часть переписана имъ только до слова: *даже*; остальное было въ черномъ видѣ. Теперь и это остальное переписано и могло бы быть издано.

Стоило бы сохранить этотъ достопочтенный трудъ, во-первыхъ, ради самаго труда, который стоилъ двадцати лѣтъ человѣку, хорошо понимавшему дѣло, за которое онъ взялся; во вторыхъ, чтобы имѣть какое-нибудь руководство въ пониманіи затруднительныхъ мѣстъ въ богослужебныхъ книгахъ, которыхъ весьма не мало: и наконецъ, для того, чтобы дѣло изученія церковно-славянскаго языка, двинулось еще дальше, пока онъ получитъ окончательно полное разъясненіе. Если будетъ изданъ словарь, весьма легко могутъ явиться и новые труженики, которые приложатъ свои работы къ сдѣланному уже труду; а безъ этого, безъ готоваго матеріала, безъ всякихъ предварительныхъ работъ, если начинать все сначала,—этотъ трудъ способенъ ужаснуть и привесть въ отчаяніе самаго твердаго и сильнаго работника.

Теперь главное сдѣлано, зданіе, можно сказать, кончено: остается его отдѣлывать; потребуются, можетъ быть, нѣкоторыя дополненія, нѣкоторыя исправленія: но все это уже легко, когда есть что исправлять и дополнять.

Если не говорить о справкѣ съ подлинными греческими богослужебными книгами, которая возможна и для ученыхъ только весьма немногихъ по рѣдкости и дороговизнѣ греческихъ богослужебныхъ книгъ, то для уразумѣнія богослужебнаго языка мы въ настоящее время должны довольствоваться, кажется, только двумя пособіями: словаремъ Алексѣева, и переводомъ нѣсколькихъ каноновъ Ловягина. Что касается до словаря Алексѣева, то онъ весьма не полонъ: какъ этотъ словарь, такъ и всѣ подобные, которые взялись бы объяснить только непонятныя реченія, уже по тому самому будутъ грѣшить пропусками, что и не берутъ на себя быть полными. При томъ многое, что составителю словаря кажется понятнымъ, будетъ непонятно для другаго, менѣе знакомаго съ церковно-славянскимъ языкомъ. Слѣдовательно онъ и не найдетъ въ словарѣ нужнаго ему объясненія. Наконецъ такіе словари берутся объяснять только слова непонятныя, но не говорятъ, точно ли выражаетъ мысль даннаго мѣста слово понятное, и даже согласно ли оно съ подлинникомъ. И выходитъ отъ такихъ словарей пользы не много. Другое дѣло переводы: они объясняютъ и слова и цѣлыя выраженія и конечно, стараются быть точными и вѣрно передать мысль подлинника. Но, во первыхъ, этихъ переводовъ въ сравненіи со всѣмъ количествомъ богослужебной письменности ничтожная доля. А сдѣлать полный переводъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ только для справокъ въ темныхъ и сомнительныхъ мѣстахъ — и мысль странная и дѣло неисполнимое. И сверхъ всего всякій переводъ, какъ дѣло личнаго знанія, умѣнія и усердія, естественно и самъ подлежитъ провѣркѣ, и не можетъ имѣть несомнѣнно рѣшающаго авторитета. Несомнѣнно рѣшающій авторитетъ въ этомъ случаѣ будетъ именно такой словарь, который составленъ прот. Невоструевымъ, хотя, безъ сомнѣнія, и онъ потребуетъ дальнѣйшей обработки.

Великую услугу духовному просвѣщенію оказалъ бы тотъ, кто нашелъ или указалъ бы средства къ изданію сего словаря.

Для ближайшаго ознакомленія съ словаремъ прот. Невоструева мы представимъ въ другое время нѣсколько выписокъ, т. е. нѣсколько словъ, съ полною точностію и вѣрностію подлинной рукописи.

Прот. Д. Касталъскій.

ОПЕЧАТКА:

Въ январской книжкѣ Чтеній 1881 года въ журнальномъ обозрѣніи на стран. 55 въ 17 строкѣ сверху—напечатано «какъ и въ таинствѣ Евхаристіи»—нужно читать *точно также какъ и въ таинствѣ Евхаристіи*. (есть дѣйствительное тѣло).

Матеріалы для исторіи Русской церкви.

Сборникъ матеріаловъ для историческихъ описаній святынь и священныхъ достопамятностей Московской губерніи.

Московскія святыни издавна привлекаютъ къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ и чтителей отечественныхъ святынь и древностей, вмѣстѣ съ этимъ за послѣднее время очень многіе гг. ученые изслѣдователи стали заниматься историческими розысканіями о времени построенія, той или другой святыни нашей первопрестольной столицы и сердца Россіи.

Предпринятый нами сборникъ имѣетъ цѣлію, — ознакомить не только православныхъ поклонниковъ, но и гг. ученыхъ изслѣдователей съ тѣми рукописными матеріалами о Московскихъ святыняхъ, хранящимися въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ нашего отечества, и которые по сіе время не были еще изданы.

Настоящій 1 выпускъ заключаетъ въ себѣ *три* документа, находящихся въ Приказныхъ Дѣлахъ 1670 г.) хранящ. въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. (Св. 438 № 719 X—19) содержащ. историческ. свѣдѣнія: 1) о построеніи церкви Вознесенія (большаго) что за Никитскими воротами; 2) о построеніи церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы, что на Дровяномъ дворѣ и 3) о построеніи церкви св. Михаила Малеина, что на Туреневскомъ дворѣ.

Помѣщая цѣликомъ означенные историческіе документы до помянутыхъ церквей, считаемъ не лишнимъ присовокупить, что края листовъ пришли уже въ значительную ветхость, не смотря на заботу о сохраненіи ихъ, такъ, что точками мы обозначили тѣ именно мѣста, которыя утратились.

Въ теченіи 1879 и 1880 годовъ, какъ извѣстно гг. ученымъ изслѣдователямъ, нами были составлены и изданы: 1 — 3) каталоги рукописей и книгъ на русскомъ и иныхъ языкахъ, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и

монастырей съ XVI столѣтія, а также таковой каталогъ рукописей, хранящ. въ Библіотекѣ вышеозначеннаго учрежденія и относящихся до Церковной Исторіи. и 4) указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы съ ея достопримѣчательностями (какъ-то монастырями, церквами, урочищами и проч.) коего уже вышло *восемь* выпусковъ [1]). Въ этихъ составленныхъ нами историко-библіографическихъ трудахъ находится не мало драгоцѣнныхъ и до сего времени неизвѣстныхъ матеріаловъ для церковныхъ лѣтописей Московскихъ святынь;—а потому мы и нашли не лишнимъ по мѣрѣ надобности помѣщать и ссылаться на помянутые источники въ приложеніяхъ послѣ каждаго историческаго дѣла и тѣмъ облегчить гг. ученыхъ изслѣдователей.

И. Токмаковъ.

I.

О построеніи церкви Вознесенія (большаго), что за Никитскими воротами.

Роспись церковному строенью за Никитцкими вороты: церковь каменная во имя Вознесенія Христова, длина и поперечнику у той церкви по четыре сажени межъ стѣнъ, стѣны по сажени безъ четверти, настоящій алтарь въ длину межъ стѣнъ двѣ сажени, поперегъ полторы сажени, трапеза въ длину и поперегъ межъ стѣнъ четыре сажени; да по сторонамъ два предѣла: предѣлъ Пресвятыя Богородицы и Великаго Чудотворца Николая въ длину.... полторы сажени, а поперегъ по двѣ сажени; въ алтарѣ межъ стѣнъ въ длину по сажени а.... противъ церкви, да колокольня на столбахъ.... и въ ширину по двѣ сажени и столбамъ.... по мѣрѣ настоящая церковь и съ колокольн.... ....ну пятнадцать сажень, поперегъ пять сажень, а съ предѣлы и стѣнами девять сажень; да прибавочное дѣло сверхъ подрядной записи у теплой церкви вкругъ пятнадцать сажень и по досмотру Ивана Конищева, да по смѣтѣ подмастерья Ивана Кузмина довелось дать за прибавочное дѣло, подрядчикомъ, каменьщикомъ Емелькѣ съ товарищи 166 рублевъ, а подряднаго дѣла не додѣлано у нихъ каменьщиковъ: у

---

[1]) Всѣ означенные каталоги продаются по 40 коп., а Указатель Москвы вып. I, 50 коп., вып. 2 и 3 по 75 коп. за каждый, вып. 4, 5, 6, 7 и 8 по 60 коп. за каждый.

настоящей церкви своды церковные не сведены и закомары и главы не сдѣланы, а колокольня только выбучена, два рундука не дѣланы; а взялъ каменьщикъ Емелька съ товарищи по подрядной записи триста восемьдесятъ рублевъ, а взять по той же подрядной записи изъ казны сверхъ прибавочнаго дѣла триста семьдесятъ рублевъ, а за прибавочное дѣло дано изъ казны денегъ пятьдесятъ рублевъ, а додать сто шестнадцать рублевъ и то прибавочное дѣло все сдѣлано и всего имъ денегъ доведется дать и съ прибавошнымъ дѣломъ четыреста восемьдесятъ рублевъ, а не додѣлано у нихъ дѣла, по скаскѣ подмастерья Ивана Кузьмина на двѣсти рублевъ, да имъ же не дано хлѣбнаго запасу по записи; а сю росписку писалъ по повелѣнью полуголовы московскихъ стрѣльцовъ Ивана Ивановича Волженскаго Богданова приказу Клементьевича Пыжова сотенной Абрашка Тороповъ.

(На оборотѣ помѣта): 179-го октября въ 7 день справить съ подрядною записью. Будетъ доведется дать пятьдесятъ рублевъ съ роспискою.

—

Да подрядчикомъ же противъ подрядной записи Ѳедькѣ Иванову съ товарищи по договору велѣно за Никитцкими вороты у Вознесенья Христова церковь въ двѣ тесницы покрыть и внутри совсѣмъ въ отдѣлкѣ учинить.

А дать имъ отъ тое церкви .....ла 30 рублевъ.

И имъ въ то число дано 20 рублевъ, а къ тому додать имъ 10 рублевъ.

А по скаскѣ и по досмотру слободчика Григорья Карпова, да моего Иванова досмотру Коровина, что та церковь противъ подрядной записи вся вновь покрыта и совсѣмъ въ отдѣлкѣ учинена съ подрядными записьми дать достальныя деньги, что доведетца, съ роспискою.

—

179 го февраля въ 13 день стольника и полковника Васильева приказу Борисовича Бухвостова слободчикъ Григорій Карповъ сказалъ: подрядчики Ѳедька Ивановъ съ товарищи у церкви Вознесенія Господня подрядное свое дѣло п(л)отнишное отдѣла на отдѣлку все, а денегъ имъ донять десять рублевъ; то моя и скаска.

(На оборотѣ помѣта): къ сей скаскѣ вмѣсто слободчика Григорья Карпова по его велѣнью того жъ приказу сотенной Данилко Андреевъ руку приложилъ.

—

Указатель источниковъ для исторической лѣтописи церкви Вознесенія, что за никитскими воротами.

Мартыновъ А. А. Москва Подробное историческое и археологическое описаніе города. Т. I. М. 1873 г. (по печ. каталогу книгамъ, относящ. до Москвы, Московск. губ., ихъ церквей и монастырей съ XVI-го ст. Библ. Моск. Гл. Архива М. И. Д. М. 1880 года, in. 8°, стр. 16, № 98), стр. 56, и 57 (15). На Царицыной улицѣ, за Никитскими воротами, въ Сторожахъ, церковь Вознесенія Господня, по просторѣчію, Большаго, въ 1629 г. деревянная сгорѣла; въ 1683—1685 г. построена другая сооружена по указанію Строительныхъ книгъ 1657. Въ 1831 г. разобрана старая Вознесенская церковь, построенная царицею Наталіей Кириловною съ придѣлами: 1) Владимірскія Божіей Матери и 2) Святителя и Чуд. Николая.

Хавскій II. Семисотлѣтіе Москвы 1147—1847 гг. или указатель источниковъ ея топографіи и исторіи. М. 1847 г. (по тому же печат. каталогу, стр. 34, № 256), стр. 101, № 250. На планѣ 1739 г., № 29. Вознесеніе Господне на Никитской. См. № 111 и Русск. пред. Макарова, печат. 1838 г., ч. 2, стр. 7, о полковомъ Преображенскомъ дворѣ, въ Земляномъ городѣ церковь, у самыхъ Никитскихъ воротъ. Въ кн. 1625 г. церковь Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа за Никитскими воротами, въ Сторожахъ, по окладу дани двадцать два алтына двѣ деньги, и сентября въ 17 день, тѣ деньги на нѣшней на 133 годъ взяты сполна, деньги платилъ попъ Петръ. Въ кн. 1689 г., § 879, стр. 418 об написано: Церковь деревянная *Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, что за Никитскими воротами, въ Сторожахъ*, упоминается хлѣбная улица. Въ кн. 1686 г., № 1, стр. 310 и кн. § 879, стр. 418, написано: Церковь деревянная Вознесенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, что за Никитскими вороты, въ Сторожахъ, улицы названы: Вознесенская, Хлѣбная, священникъ Григорій Семіоновъ. Въ кн. 1722 г., § 1104, стр. 102. Церковь Вознесенія Христова, при ней придѣлъ Николая Чудотворца каменные, попъ Косма Емельяновъ. Въ приходѣ сто дворовъ.

На планѣ 1848 г. 42—38.

Далѣе въ этой же книгѣ (на стр. 289 (1400). 294 (1468). 321 (2018) помѣщены указанія объ этой церкви, и на стр. 346—348, часть 3-я, Москва или Историч. Путеводитель и проч. М. 1831 г.

(по тому же печат. каталогу, стр. 17, № 107);—на стр. 135 и 136. Путеводитель и проч. архим. Іосифа. М. 1879 г. (по тому же печат. каталогу стр. 13, № 75);—на стр. 291. Нов. Путевод. по Москвѣ и проч., часть II. М. 1833 г. (по тому же печатному каталогу стр. 25, № 181);—на стр. 18. Путевод. состав. и изд. И. Калугинъ. М. 1877 г. (по тому же печат. каталогу стр. 13, № 77), стр. 19, соч. Рудольфъ. Москва, ч. I. М. 1848 (по тому же печат. катал. стр. 27 и 28, № 201), стр. 43. Росчись Моск. церквей и проч. М. 1778 г. (по печат. каталогу стр. 27, № 196), стр. 106, соч. Рубанъ (по тому же печат. каталогу стр. 26, № 198);—стр. 148. Путевод. по Москвѣ, состав. Захаровъ. М. 1865 г. (по тому же печат. каталогу стр. 10, № 48), кромѣ того имѣются свѣдѣнія объ означенной церкви въ рукописи 1732 г. (ср. печат. каталогъ рукописи о Москвѣ. Библ. Моск. Гл. Архива М. И. Д. М. 1879 г., стр. 7, № 21) и книгѣ записн. расходная 1625—1677 г. рукопис. in 4°, на 138 лист. Отд. VI, № 71; въ той же Библіотекѣ и въ нашемъ Указателѣ Матеріаловъ для изученія Москвы и проч., вып. 4-й, стр. 40 и вып. 6-й, стр. 41.

II.

О построеніи церкви Похвалы Пресвятой Богородицы, что на Дровяномъ дворѣ.

Въ нынѣшнемъ въ 179 году по указу великаго государя и по подрядной записи подрядчикомъ Ѳедькѣ Сергѣеву съ товарищи по договору велѣно на Дровяномъ дворѣ церковь въ двѣ тесницы покрыть и внутри совсѣмъ въ отдѣлѣ сдѣлать.

А по договору дать имъ отъ тое церкви отъ дѣла 40 рублевъ и имъ въ то число дано 30 рублевъ, а къ тому довелось имъ додать противъ подрядной записи 10 рублевъ.

А по скаскѣ и по досмотру стольника и полковника Васильева приказу Борисовича Быхвостова, слободчика Григорья Карпова, что тѣ плотники тое церковь покрыли противъ подрядной записи совсѣмъ въ отдѣлъ сдѣлали и по моей Иванове скаскѣ Коровина та церковь совсѣмъ отдѣлана.

—

Въ нынѣшнемъ въ 179 году по указу великаго государя и по

подрядной записи плотникомъ Ѳедкѣ Сергѣеву съ товарищи велѣно на Дровяномъ дворѣ церковь покрыть вновь тесомъ.

А по договору дать имъ доведется сорокъ рублевъ.

И имъ отъ тое кровли въ то число.... двадцать рублевъ, а достальныхъ денегъ имъ не дано.

А по досмотру та церковь и алтарь покрыты совсѣмъ въ отдѣлѣ, а въ церкви домащиваютъ кирпичомъ дубовымъ.

И декабря въ 8 день думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ по сей выпискѣ приказалъ имъ плотникомъ дать къ прежней дачѣ десять рублевъ а достальныя деньги дать имъ въ то число, какъ они тое церковь вымостить и совсѣмъ въ отдѣлкѣ поставятъ. Дать деньги съ росписко̀ю и записать въ расходъ.

—

Въ нынѣшнемъ въ 179 году противъ подрядной записи плотникомъ Ѳедькѣ Сергѣеву съ товарищи велѣно имъ на Дровяномъ дворѣ церковь покрыть въ двѣ тесницы скалою, а денегъ имъ дать по договору 40 рублевъ, и имъ въ то число дано 10 рублевъ, а покрыли они ту церковь всю.

А недодано имъ противъ подрядной записи 30 рублевъ.

И ноября въ 11 день стольникъ и полковникъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ противъ подрядной записи велѣлъ тому Ѳедкѣ съ товарищи дать въ добавку другія 10 рублевъ будетъ доведется противъ подрядной записи дать десять рублевъ съ росписко̀ю.

—

Се азъ Казенной слободы тяглецъ Кирила Васильевъ сынъ Скорнякъ, да я Леонтей Ивановъ сынъ тоежъ слободы, да азъ Хамовной слободы Любимъ Микитинъ сынъ плотникъ, да азъ Тимоѳей Игнатьевъ тоежъ Хамовной слободы всѣ мы порутчики поручились есми вдовы княгини Антониды Ивановны Шелешпанскихъ по крестьянинѣ ее Пашехонскаго уѣзду деревни Завидова по Ѳедорѣ Сергѣевѣ, въ томъ, что подрядился онъ Ѳедоръ за нашею порукою въ Малороссійскомъ приказѣ передъ стольникомъ и полковникомъ передъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ да передъ дьякомъ передъ Григорьемъ Богдановымъ покрыть каменную новую церковь на Дровяномъ дворѣ, что у Боровицкаго..... и трапезу и алтари въ два теса скалами..... новъ пять крестовъ сдѣлать деревянныхъ ..... церковь, алтари и трапеза выслать кирпичомъ дубовымъ, да въ церкви отъ алтарей перег..... досками гдѣ доведется; надъ царскими..... тябла покласть два крылоса..... забрать въ косякъ

въ пять вышиною..... и въ алтаряхъ и въ трапезѣ лавки сдѣлать, четыре двери сдѣлать въ церкви и въ трапезѣ, къ окнамъ ко всѣмъ ставни сдѣлать; а рядилъ онъ Ѳедоръ отъ того дѣла сорокъ рублевъ денегъ и напередъ тѣхъ денегъ взять двадцать рублевъ, а дѣлать ему Ѳедору то дѣло за нашею порукою съ нынѣшняго со ста семьдесятъ девятого году сентября съ двадесятъ восьмаго числа, и будучи ему Ѳедору у того церковнаго дѣла къ иному дѣлу не отойти, и того дѣла не отдѣлавъ не покинуть и лѣсу и тесу напрасно не портить, а будетъ онъ Ѳедоръ за нашею порукою у той церкви противъ сей подрядной записи, что выше сего писано не сдѣлаетъ или не додѣлавъ къ иному дѣлу прочь отойдетъ или то дѣло остановитъ и на насъ на поручикахъ со насъ будетъ въ лицехъ пеня великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а пени что великій государь укажетъ, а на то послусичъ Василь Вахтыревъ, Гарасимъ Григорьевъ, а подрядную запись писалъ Ивановскія площади подъячій Ромашка Ѳедоровъ лѣта 7179 году октября въ 12 день.

(На оборотѣ помѣта:).... запись принять и дать денегъ десять рублевъ съ росписною.

Къ сей подрядной записи стрѣлецъ Иванова приказу Ѳедоровича Ногтева Ивашко Ивановъ вмѣсто Ѳедора Сергѣева по его велѣнью руку приложилъ.

Къ сей подрядной записи вмѣсто подрядчиковъ Кирила Васильева да Леонтья Иванова, да Любима Микитина, да Тимоѳея Игнатьева по его велѣнью дворцовой площади подъячій Антипъ ....оровъ руку приложилъ.

Послухъ Васка руку приложилъ.

Послухъ Гришка руку приложилъ.

Роспись церковному строенью на Дровяномъ дворѣ церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы, длинникъ межъ стѣнъ по три сажени, поперешникъ межъ стѣнъ четыре сажени, а вверхъ отъ мосту шесть сажень съ полусаженью, а стѣны у церкви по сажени безъ чети, а алтари межъ стѣнъ длинникъ по двѣ сажени, поперешникъ полторы сажени, а вверхъ отъ мосту до замка по двѣ сажени; трапезы межъ стѣнъ длинникъ и поперешникъ по три сажени съ полусаженью, а вверхъ отъ мосту до замка двѣ сажени съ полусаженью, да колокольня на столбахъ, длинникъ и попе-

решникъ двѣ сажени съ полусаженью, и съ полаткою, и та церковь отдѣлана...., подмазана, да не обѣлена да не..... четыре рундука да колокольня не сдѣлана .....рикъ да шатеръ; а ряжено отъ той церкви восмь сотъ рублевъ, а взято по подрядной записи триста тридцать рублевъ напередъ, да по записи жъ, что подрядилъ кельи строить взяли напередъ четыреста рублевъ, и всего денегъ взято по обѣимъ записямъ семь сотъ тридцать рублевъ и по скаскѣ подмастерья Ивана Кузмина у той церкви недодѣлки на тридцать рублевъ, а не додано имъ церковныхъ денегъ семьдесятъ рублевъ, а по другой келейной записи денегъ ничего не дано, а выбучено десять жилей и поверхъ земли бѣлымъ каменемъ верхъ подлитъ, а доведется имъ дать за то двѣсти рублевъ, по скаскѣ подмастерья Ивана Кузмина, а хлѣбнаго запасу противъ двухъ записей не выдано; а сю роспись писалъ по повелѣнью полуголовы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Ивановича Волженсково-Богданова приказу Клементьевича Пыжова сотенной Абрашка Тороповъ.

(На оборотѣ помѣта:) 179-го октября въ 7 день справясь съ подрядною записью дать будетъ доведетца сорокъ рублевъ съ росписною.

Къ сей росписи Иванъ Волженской руку приложилъ.

—

179-го марта въ 30 день купчина Гришка Карповъ сказалъ. По подрядной записи плотники Олончея подрядчикъ Микишка Васильевъ съ товарищи у церкви на Туренинскомъ дворѣ деревянное дѣло сдѣлали сполна. А скаску писалъ Ивановскія площади подъячій Аѳонька Татариновъ.

(На оборотѣ подп.): Къ сей скаскѣ Ивановскія площади подъячей Тишка Онтроповъ вмѣсто купчины Григорья Карпова да по его велѣнью руку приложилъ.

179-го февраля въ 4 день сказалъ стольника и полковника Васильева приказу Борисовича Бухвостова слободчикъ Григорій Карповъ великого.... церковное дѣло на Дровяномъ дворѣ..... плотницкое дѣло отдѣлано совсѣмъ начисто; то моя и скаска; а скаску писалъ того же приказу стрѣлецъ Тишка Онтроповъ.

(На оборотѣ подп.): Къ сей скаскѣ того же приказу стрѣлецъ Васка Матвѣевъ вмѣсто Григорья Карпова по его велѣнью руку приложилъ.

Указатель источниковъ для исторической лѣтописи церкви Похвалы Пресятыя Богородицы, что на Дровяномъ дворѣ.

Хавскій П. Семисотлѣтіе Москвы 1147—1847. и проч. М. 1847 г. (по тому же печ. каталогу см. выше) стр. 38 и 39 № 123. — Софійскій Временникъ или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г. Изд. П. Строевъ, часть II, съ 1425 по 1534 г. М. 1821 г. in 4° (№ 118 по каталогу Библ. Моск. Гл. Архив. М. И. Д.) стр. 65;— стр. 128 соч. Рудольфъ (потому же печ. каталогу см. выше) стр. 158. Путеводитель и проч. архим. Іосифа. М. 1879 г. (потому же печ. каталогу см. выше.) Кромѣ того имѣются свѣдѣнія объ означенной церкви въ рукописяхъ о коихъ мы выше упоминали и въ нашемъ указателѣ.

III.

О построеніи церкви св. Михаила Малеина, что на Туреневскомъ дворѣ.

Въ нынѣшнемъ въ 179 году по указу великаго государя подрядились Костромскаго уѣзду плотники Самсонка Вохрамѣевъ съ товарищи, что имъ на Туреневскомъ дворѣ покрыть церковь въ два теса и внутри совсѣмъ отдѣлать, и въ томъ взята съ нихъ поручная запись; а дать имъ по договору отъ тое церкви 50 рублевъ.

И ему Самсонкѣ и товарищамъ его, которыхъ онъ въ свое мѣсто къ той церкви подрядилъ, дано 44 рубля, а къ тому имъ довелось додать 6 рублевъ.

А по досмотру моего Иванова и по скаскѣ и по досмотру жъ купчины Григорья Карпова, что та церковь противъ подрядной записи совсѣмъ въ отдѣлѣ учинена.—Справясь съ записью будетъ все сдѣлали дать деньги съ росписью.

(На оборотѣ подп:) писалъ Ивашко Коровинъ.

—

И противъ сей челобитной выписано:

Въ нынѣшнемъ 179 году октября въ 10 день подрядились Костромскаго уѣзду плотники Самсонко Вохромѣевъ съ товарищи, что имъ покрыть церковь и трапеза и алтари на Туреневскомъ дворѣ

въ два теса и внутри совсѣмъ отдѣлать и взята по нихъ поручная запись а дать .... рублевъ.

И по помѣтѣ на той поручной записи дьяка Григорья Богданова дано имъ въ то число 10 рублевъ.

И декабря въ 9 день къ той же церкви подрядились плотники Ивашко Якимовъ да Ивашка Васильевъ съ товарищи, что отдѣлать и покрыть имъ тое церковь совсѣмъ, а прежніе плотники отъ того дѣла отстали, а взять имъ по договору отъ тое церкви 34 рубля.

Имъ въ то число дано 15 рублевъ.

А къ тому додать имъ противъ подрядной записи 19 рублевъ.

А по моему Иванову досмотру Коровина, да по досмотру жъ и по сказкѣ купчины Григорья Карпова, что та церковь на Туреневскомъ дворѣ противъ подрядныхъ записей совсѣмъ покрыта и въ отдѣлѣ учинена.

И великому государю бьютъ челомъ плотники Михѣйка Осиповъ съ товарищи, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ тѣ достальныя деньги противъ записи выдать, что-бъ имъ будучи на Москвѣ голодною смертію не умереть. — Дать имъ достальныя деньги, что доведется по записи, будетъ они все по записи сдѣлали, съ роспискою.

(На оборотѣ подп:) писалъ Ивашко Коровинъ.

—

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ сироты твои плотники Михѣйко Осиповъ десять человѣкъ съ товарищи. Подрядилися, государь, мы сироты твои къ церкви на Туренецкомъ дворѣ подрядчиками Костромскаго уѣзду Самсонку Вохрамѣеву съ товарищи, и мы, государь, церковь противъ договорной записи въ два тесу закомары скалою покрыли и нутрь совсѣмъ на всенарядили. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели, государь намъ выдать изъ своей великаго государя казны деньги противъ договорной записи, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ десяти человѣкамъ съ голоду не помереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!...

—

И противъ сей челобитной на Туреневскомъ дворѣ на церкви кровля досматривана.

А по досмотру та церковь и трапеза и алтари всѣ покрыты вновь въ 2 тесницы скалою.

А внутри тое церкви ничего не сдѣлано и кирпичомъ деревяннымъ не вымощено.

А по договору и по записи отъ тое церкви за дѣло плотникамъ Самсонкѣ Вохрамѣеву да Петрушкѣ Никитину съ товарищи дать довелось 50 рублевъ.

И въ томъ числѣ дано имъ 20 рублевъ, а затѣмъ додать 30 рублевъ.

И великому государю бьютъ челомъ плотники Ивашко Екимовъ да Петрушка Никитинъ съ товарищи десять человѣкъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ выдать за ихъ работу 10 рублевъ, чтобъ имъ работаючи съ голоду не помереть.

—

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ Олонецкаго города, уѣзда ..... крестьяне Кориляне Ивашко Якимовъ десять ..... съ товарищи, да Костромскаго уѣзду Самсонко Вахрамѣевъ, да Митька Іевлевъ. Подрядилися, государь, мы сироты твои къ церкви на Туренинъ дворъ и къ трапезѣ ..... покрыть и нутрь нарядить, а поряжено, государь, отъ той церкви намъ сиротамъ твоимъ работы деньгами пятьдесятъ рублевъ и всего намъ напередъ дано денегъ изъ твоей великаго государя казны двадцать рублевъ и нынѣ намъ, государь, работаючи десяти человѣкамъ сверху вышотчи пить—ѣсть нечего, а которые, государь, у насъ къ работы были люди призваты для ради посѣшенья, платиться нечемъ. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ сиротъ своихъ велп государь намъ выдать изъ своей великаго государя казны денегъ десять рублевъ, чтобъ намъ сиротамъ твоимъ, работаючи, съ голоду и съ холоду не помереть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

(На оборотѣ помѣта): 179 году генваря 3 дня. Осмотрѣть и писать что сдѣлано и что денегъ дано и додать.

—

Въ нынѣшнемъ во 179 году, по указу великаго государя и по подрядной записи плотникомъ Самсонкѣ Вахромѣеву съ товарищи велѣно на Туренинскомъ дворѣ церковь покрыть вновь тесомъ.

А по договору дать имъ отъ тое кровли 50 рублевъ.

И ему Самсонку въ то число дано 10 рублевъ.

И декабря въ 11 день думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ

Матвѣевъ по сей выпискѣ приказалъ плотникамъ Самсонкѣ Вахромѣеву, да Петрушкѣ Микитину съ товарыщи, противъ подрядной записи къ прежней дачѣ, дать имъ десять рублевъ, а достальныя деньги дать имъ въ то число, какъ они тое церковь покроютъ.— Дать другіе десять рублевъ и записать въ расходъ.

—

Се азъ города Олонца Спаского-Шалского погоста, Куплянской волости, государевы крестьяня Иванъ Екимовъ, да язъ Микифоръ Васильевъ, да язъ Петръ Микитинъ, да язъ Захарій Ивановъ, да язъ Василій Мининъ, да язъ Милей Осиповъ, да язъ Макарій Поликарповъ, да язъ Иванъ Игнатьевъ, да язъ Василей Ларивоновъ, да язъ Савелій Васильевъ,—всѣ мы Короленя плотники.... единъ человѣкъ подрядилися есмя въ Малороссійскомъ приказѣ на государево церковное дѣло къ Кал..... церкви, что на Туренинскомъ дворѣ покрыть закомары и алтари и въ ней нарядить по нынѣшнимъ з..... пути нынѣшняго сто семдесятъ девятаго.....ковъ покрыть и закомары и алтари въ два теса скалою, а въ ней подѣлать опроче трапезной кровли и крылецъ мостъ дубовой кирпишной въ трапезѣ и въ церкви и въ олтаря четверы двери на колодахъ, два крыла со гладью въ косякъ и лавки въ трапезѣ съ опушками, тябла и полки и въ окна ставни исподѣлать и промежъ царскими дверьми переборъ перебрать досками и всякое деревянное дѣло церковное, что бываетъ въ церкви, намъ исподѣлать; а за дѣло рядили мы подрядчики и плотники отъ того церковнаго дѣла взять тридцать четыре рубли денегъ; что къ тому церковному дѣлу подрядилися Костромского уѣзду, Богоявленскаго монастыря крестьяня Самсонъ Вахромѣевъ, да Миня Іевль и запи(си) на себя въ томъ дѣлѣ въ Малороссійской приказъ съ поруками дали, и мы подрядчики то дѣло у него Самсона и у Мини сняли, а подрядныя деньги намъ подрядчикомъ имати зъ государевы казны, напередъ десеть рублевъ взяли; а какъ сверху сойдемъ, покроемъ церковь и закомары и олтари и станемъ дѣлать внутри—другая десеть рублевъ: а послѣдніе деньги взять намъ, какъ то церковное дѣло на отдѣлку все сполна здѣлаемъ. А по насъ подрядчикахъ ручался порукою въ тѣхъ подрядныхъ деньгахъ съ Костромы Ипацкаго монастыря крестьяня деревни Починка Миня Іевлевъ, да деревни Дарева Самсонъ Вахромѣевъ; а будемъ мы подрядчики того дѣла всего сполна не сдѣлаемъ или подрядныя деньги снесемъ, и на насъ подрядчикахъ и на поручикахъ,

хто насъ будетъ по сей записи въ лицахъ пеня великаго государя и подрядные деньги въ двое, а на то пос..... си Обрамъ Тороповъ, а запись писалъ Ивановскія площади подъячей Сенька Гвоздевъ лѣта 7179 декабря въ 9 день.

(На оборотѣ подписи): Къ сей подрядной записи подрядчикъ Петрушка Никитинъ вмѣсто товарыщевъ своихъ Ивана Акимова съ товарыщи, кои въ сей подрядной записи имены изписаны, по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей записи вмѣсто порутчиковъ Самсона Вахромѣева, да Мини Іевлева, что наиручали подрядчиковъ къ церковному дѣлу Ивана Якимова съ товарыщи десети человѣкъ Нижегородецъ Кирилко Дуплевъ, по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Послухъ Абрашка руку приложилъ.

—

Се азъ Семеновскіе Заяискіе слободы тяглецъ Аверкей Прохоровъ, да язъ Хамовные слободы Любимъ Микитинъ, да язъ тое жъ Хамовной слободы Тимоѳей Игнатьевъ, да язъ Ивановъ крестьянинъ Ларіонова сына.,... Красова, Костромскаго уѣзду деревни.....ровы Остаѳей Дементьевъ сынъ Прос.....нѣрозу,—всѣ мы плотники поручились другъ по другѣ и дали сію на себя запись стольнику и полковнику Артемону Сергѣевичу Матвѣеву въ томъ, что въ нынѣшнемъ во сто семдесятъ девятомъ году подрядились мы у него Артемона Сергѣевича государевы каменные богадѣльни, что на Туреневскомъ дворѣ тесомъ въ одинъ тесъ скалою и внутряхъ полъ и лавки и въ окнахъ ставни сдѣлать и двери сдѣлать. А рядили отъ тое работы тридцать рублевъ денегъ и напередъ взяли мы плотники у него Артемона Сергѣевича тѣхъ своихъ подрядныхъ денегъ пятнадцать рублевъ; а будетъ мы плотники того государева дѣла дѣлать не станемъ или къ дѣлу не пойдемъ и на насъ на подрядчикахъ и на плотникахъ, которой насъ будетъ въ лицахъ пеня великаго государя и царя великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца; а пени—что великій государь укажетъ; а на то послуси Яковъ Стефановъ; а запись писалъ Ивановскія площади подъячей Ивашко Глатково лѣта 7179-го въ 20 день.

(На оборотѣ помѣта:) 179-го октября въ 7 день. Дать десять рублевъ съ росписью.

(Подпись:) Къ сей подрядной записи стрѣлецъ головы Московскихъ стрѣльцовъ Иванова Приказу Ѳедоровича Полтева Иванъ

Ѳедоровъ вмѣсто подрядчиковъ Аверкѣя Прохорова, да Любима Микитина, да Тимоѳея Игнатьева, да Остафья Дементьева, по ихъ повелѣнью руку приложилъ.

Послухъ Якушко руку приложилъ.

—

Се азъ Костромскаго уѣзда Богоявленскаго монастыря села Опраксина, деревни Царева, крестьянинъ Самсонъ Вахромѣевъ сынъ Бѣлавинъ, да язъ того жъ монастыря села Грудева, деревни Починка крестьянинъ же Миня Іевлевъ—плотники, въ нынѣшнемъ во сто семьдесятъ девятомъ году октября въ десятый день подрядилися мы изъ приказу Малыя Россіи покрыть намъ церковь и трапеза.... что на Туренинскомъ дворѣ въ два теса и кр.... сдѣлать а до Пасхи намъ дѣлать не извнутри... въ церкви и въ трапезѣ и въ алтаряхъ намостить деревяннымъ кирпичемъ и крылосъ сдѣлать гладью и пресп.....торяхъ и лавки съ опушки и подставки и въ окна все сполна сдѣлать, а въ церкви за крылосы лавки сдѣлать подъемныя и тябла и покласть и переборку, что будетъ деревяннаго дѣла надобно, то все сдѣлать сполна, а рядили мы подрядчики отъ того дѣла взять пятьдесятъ рублевъ, а напередъ взяли двадцать рублевъ, а какъ станемъ въ той церкви и въ трапезѣ нутрь покрывъ церковь и выходъ и намъ взять десять руб левъ, а какъ всего того нутреного дѣла сдѣлаемъ половину и намъ взять десять рублевъ, а достальныя деньги десять же рублевъ взять намъ на то церковное дѣло, сдѣлаемъ все сполна на отдѣлку, а порукою по насъ въ сей записи въ отдѣлкѣ и въ подрядныхъ во взятыхъ деньгахъ писались церкви чудотворца Николая Гостунскаго, что въ Кремлѣ городѣ Иванъ Ѳедоровъ, да язъ Хлѣбеннаго двора поваръ Ѳедоръ Артамоновъ, да язъ Кормоваго дворца поваръ же Якимъ Мартемьяновъ, да язъ кормоваго жъ дворца поваръ Григорій Мартемьяновъ, и будетъ они подрядчики Самсонъ да Миня за нашею порукою той церкви крыть не учнуть и лицемъ противъ сей записи не устоятъ и не сдѣлаютъ внутри всего сполна что надобно и на насъ на поручикахъ тѣ подрядныя деньги пятьдесятъ рублевъ вдвое хто изъ насъ подрядчиковъ въ лицахъ будетъ и на то послуси Степанъ Дементьевъ Микита Савельевъ, а запись писалъ Ивановскія площади подъячій Куземка Ларіоновъ.

(На оборотѣ подписи:) Къ сей порушной записи Собора Николы Гостунскаго попъ Иванъ писалъ и вмѣсто Самсонки и Мини

по ихъ велѣнью поручикъ руку приложилъ.—Къ сей записи собора Николы Гостунскаго діяконъ Михайло..... поручиковъ Ѳедора Артемонова Мартемьянова да Григорья Мартемьянова по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Послухъ Стенка руку приложилъ.

Послухъ Никитка руку приложилъ.

—

Каменьщикомъ, которые дѣлали церковь въ конюшенной слободѣ Ѳеонкою Тик....ву съ товарыщи дать по записи двѣсти тридцать рублевъ.

И въ то число дано имъ 211 рублевъ 22 алтына.

А къ тому доведется имъ додать противъ подрядной записи 18 рублевъ, 11 алтынъ, 2 денги.

А по скаскѣ полуголовы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Волжинского, что тѣ каменьщики Ѳеонка Готыковъ съ товарищи противъ подрядной записи въ Конюшенной слободѣ церковь совсѣмъ въ отдѣлкѣ поставилъ а достальныхъ денегъ имъ не дано; а тѣ деньги имъ давались; дать деньги и съ росписью и записать въ расходъ.

Роспись, что на Туренинскомъ дворѣ строится; церковь каменная, въ длину межъ стѣнъ пять сажень, поперешнику межъ стѣнъ шесть сажень, алтарь длиннику и поперешнику межъ стѣнъ по двѣ сажени, да двѣ трапезы, длиннику и поперешнику межъ стѣнъ по четыре сажени, да передъ трапезою колокольня.... столбахъ по обѣ стороны по двѣ сажени.... алтарю и церкви и трапезѣ и колоко..... нами четырнадцать сажень, поперегъ цер..... стѣнами семь сажень съ полусаженью тра..... стѣнами десять сажень съ полусаженью, а церковь вышина отъ мосту до замка полсемы сажени, алтарь и трапезы вышина отъ мосту до замка полтретьи сажени, а недодѣлки у той церкви: не подмазана да не обѣлена, да колокольня недодѣлано осмерикъ да шатеръ да четыре рундука, а рядили они каменьщики Ѳилипъ Денисовъ съ товарыщи восмьсотъ тридцать рублевъ, а дано имъ денегъ по той подрядной записи пятьсотъ рублевъ, да по другой записи, что подрядились кельи строить дано имъ денегъ сто рублевъ и по той записи ничего келей не строили и всего денегъ дано имъ по двумъ записямъ шесть сотъ рублевъ, а доведется имъ додать денегъ триста тридцать рублевъ, а по скаскѣ подмастерья Ивана Кузмина не додѣлано у нихъ церковнаго дѣла на

пятьдесятъ рублевъ, да имъ же противъ подрядной записи не выдано хлѣбнаго запасу; а сю роспись писалъ по повелѣнью полуголовы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Ивановича Волженсково Богданова приказу Клементьевича Пыжова сотенной Обрашка Тороповъ.

(На оборотѣ помѣта): 179-го октября въ 7 день справясь съ подрядною записью дать сто рублевъ съ росписко, буде доведется.

—

Указатель источниковъ для исторической лѣтописи церкви св. Малеина, что на Туреневскомъ дворѣ.

Мартыновъ, *А. А.* Москва, томъ I. М. 1873 г. (по тому же печ. каталогу см. выше) стр. 46 (и 163)+5. Въ Турыгинѣ, на Туреневскомъ дворѣ, у Турыгинскихъ, Тургеневскихъ богадѣленъ, ц. св. Михаила Малеина съ придѣломъ св. Іоакова апостола. Моск. Стола. Книги 7133 (1625) г. № 15. Въ 1798 г. приписано къ ц. свят. Николая, на старомъ Ваганьковѣ. Дѣла Патріарш. Приказа 1735 г. № 998.

Хавскій, *П.* Семисотлѣтіе Москвы и проч. М. 1847 г. (по тому же печ. каталогу см. выше) стр. 45 и 46 № 136. Кромѣ того имѣются свѣдѣнія о означенной церкви въ тѣхъ рукописяхъ объ коихъ мы выше упоминали и въ нашемъ Указателѣ.

Славянская кормчая. *Правило 114.* Иже проповѣдаетъ, яко кромѣ благодати Божіи, можемъ творити заповѣди его, но съ трудомъ, да будетъ проклятъ. Безъ Мене бо рече Господь, не можете творити ничто же (Іоан. 50.).

Сія четыре правила, 111, 112, 113, 114, *истолкована суть, въ* 110-*мъ, правилѣ сего собора.*

Κανὼν ρκη΄.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὅπερ εἶπεν ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ Ἀπόστολος· ἐὰν εἴπωμεν, ὅτι ἁμαρτίαν οὐκ ἔχομεν, ἑαυτοὺς ἀπατῶμεν, καὶ ἀλήθεια ἐν ἡμῖν οὐκ ἔστιν. Ὅστις δήποτε οὕτως παραληπτέον νομίσει, ὡς εἰπεῖν· διὰ ταπεινοφροσύνην μὴ ὀφείλειν λέγεσθαι ἡμᾶς μὴ ἔχειν ἁμαρτίαν, οὐχ ὅτι ἀληθῶς οὕτως ἔχειν· ἀνάθεμα εἴη. Ἐπακολουθεῖ γὰρ ὁ Ἀπόστολος καὶ προσεύχουσιν οὕτως· ἐὰν δὲ ὁμολογήσωμεν τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν, πιστός ἐστι καὶ δίκαιος, ὅστις ἀφήσει ἡμῖν τὰς ἁμαρτίας, καὶ καθαρίσει ἡμᾶς ἀπὸ πάσης ἀδικίας. Ἔνθα πάνυ δεδήλωται τοῦτο μὴ μόνον ταπεινοφρόνως, ἀλλ' ἔτι μὴν ἀληθινῶς λέγεσθαι. Ἠδύνατο γὰρ ὁ Ἀπόστολος εἰπεῖν· ἐὰν

Пра́кило рк҃и.

Та́кожде ѡ҃пред҃лено ѡ҃носи́тельно и҃зрече́нїм сщта́гѡ Іоа́нна а҃по́стола: а҃ще рече́мх, ꙗ҆́кѡ грѣхѝ не и҃мамы, себѣ́ прельща́емх и҃ и҃стины нѣ́сть ѯ҆ нáсх (*). Кто́ до́лжным҃ козмни́тх разꙋмѣ́ти сїе́ та́кѡ, ꙗ҆́кѡ рече́тх: смиренномꙋ́дрїм ра́ди не подовлѣ́тх гла́голати, ꙗ҆́кѡ грѣхѝ не и҃мамы, а҆ не ра́ди того́ѡ, ꙗ҆́кѡ и҃стинно та́кѡ ѥ҆́сть: то́тх да бꙋ́детх а҆на́ѳема. Ꙗ҆́ко а҃по́столх продолжа́етх и҃ прилага́етх слѣ́дꙋющеѥ: а҃ще же и҃спокѣ́длемх грѣхѝ на́ша, вѣ́рен҃х ѥ҆́сть и҃ пра́веден҃х, да ѡ҃ста́китх на́мх грѣхѝ на́ша и҃ ѡ҃чи́ститх нáсх ѿ

(*) 1 Іоан. гл. 1. ст. 8.

εἴπωμεν, οὐκ ἔχομεν ἁμαρτίαν, ἑαυτοὺς ἐξυφοῦμεν, καὶ ταπεινοφροσύνη ἐν ἡμῖν οὐκ ἔστιν, ἀλλ' εἰπὼν· ἑαυτοὺς ἀπατῶμεν, καὶ ἀλήθεια ἐν ἡμῖν οὐκ ἔστι, πάνυ ἀπέδειξε τὸν λέγοντα ἑαυτὸν μὴ ἔχειν ἁμαρτίαν, μὴ ἀληθεύειν, ἀλλὰ ψεύδεσθαι.

всѣкїѧ непрѣкды (*). Здѣсь весьмѣ ꙗ҆сно показано, что сіѐ говорѧтсѧ не по смиренномꙋдрїю тѡкмѡ, но по ꙗ҆стинѣ. Ꙗ҆ко ап҃ст҃олѣ мо́гѣ бы рещи: а҆ще рече́мѣ, не и҃мамы грѣха́, себе́ возно́симѣ, и҆ смире́нїѧ нѣ́сть къ на́сѣ, но когда́ ре́къ: себе́ прельща́емъ и҆ ꙗ҆стины нѣ́сть къ на́сѣ: тогда́ ꙗ҆сно показа́лъ, что́ глаго́лющїй ѡ҆ сѐмъ, ꙗ҆кѡ не и҆мѣ́етъ грѣха́, не ꙗ҆стинствꙋ́етъ, но лже́тъ.

(*) 1 Іоан. гл. 1. ст. 9.

Зонара и **Вальсамонъ**. Апостольское изреченіе, говорящее: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ* (1 Іоан. 1, 8) нѣкоторые понимали такъ, что это должно говорить по смиренномудрію, а не по истинѣ. Итакъ тѣхъ, которые толкуютъ такимъ образомъ сказанное у апостола, отцы предаютъ анаѳемѣ, говоря, что мысль апостола ясно открывается изъ послѣдующихъ словъ посланія: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша* и изъ всего дальнѣйшаго. И Давидъ говоритъ: *во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. 50, 7); ибо еслибы законъ не покровительствовалъ браку, то совокупленіе, хотя бы было чадородія ради, считалось бы грѣхомъ, такъ какъ оно имѣетъ возбужденіе въ плотолюбіи и плотскомъ пожеланіи. Посему-то и сказалъ Давидъ: во грѣсѣхъ зачала меня мати моя; ибо если рожденіе имѣетъ причину въ плотскомъ пожеланіи тѣлъ, то таково конечно и раждающееся изъ нихъ.

Аристинъ. Изреченіе Богослова: *аще речемъ, яко грѣха*

не имамы (въ себѣ), *себе прельщаемъ* —толкующій превратно, будто это сказано не истинно, а по смиренномудрію, анаѳема.

Поелику мы всѣ во грѣхахъ и никто не чистъ отъ скверны, хотя бы и *единъ день житія его*: то анаѳемѣ повиненъ тотъ, кто говоритъ, что апостолъ по смиренномудрію, а не истинно сказалъ слова: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ*. Ибо если бы онъ говорилъ это по смиренномудрію, то не сказалъ бы, что *прельщаемъ* себя, но возвышаемъ; ибо тотъ прельщаетъ себя, кто заблуждается и обманывается, а не тотъ, кто говоритъ истину.

Славянская кормчая. *Правило 115*. Богословцу глаголющу (1 Іоан. 69), аще речемъ, яко грѣха въ насъ нѣсть, себе соблажняемъ (прелщаемъ), и истины въ насъ нѣсть. Развращая убо яко не по истинѣ, но смиреномудріемъ речено есть се, да будетъ проклятъ.

Толкованіе. Понеже вси во грѣсѣхъ есмы, и никто же чистъ отъ скверны, аще и единъ день живота его есть. Проклятію есть повиненъ глаголяи, смиреномудріемъ, а не по истинѣ апостолъ Іоаннъ рече се, аще речемъ, яко грѣха въ насъ нѣсть, себе соблажняемъ. Аще бо смиреномудріемъ се реклъ бы, не бы реклъ себе соблажняемъ, но реклъ бы, яко себе возносимъ. Онъ бо себе соблажняетъ, иже прельщается, и лжетъ. Глаголяи же истину, не соблажняется.

Κανὼν ρκϐ'.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὁστισδήποτε εἴποι, ἐν τῇ δεσποτικῇ εὐχῇ διὰ τοῦτο λέγειν τοὺς ἁγίους. ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, οὐχ ὅτι ὑπὲρ ἑαυτῶν τοῦτο λέγουσιν, ἐπειδὴ αὐτοῖς λοιπὸν οὐκ ἔστιν ἀναγκαία αὕτη ἡ αἴτησις, ἀλλ' ὅτι ὑπὲρ ἄλλων τῶν ὄντων ἐν τῷ λαῷ αὐτῶν ἁμαρτωλῶν, καὶ μὴ λέγειν ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων, ἄφες

Правило ρκϐ.

Ѡпредѣлено и сіе: а҃ще кто̀ рече́тъ, ꙗ҆́кѡ свѧты́е, киҳ моли́твѣ҆ гд҃не́й, ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́ша (*), не ѡ҆ себѣ҆ глаго́люще, поели́кѣ и҃мъ ꙋ҆жѐ не на́жно сіе́ проше́нїе, но ѡ҆ дрꙋги́хъ грѣ́шныхъ, находѧщихъ҆ киҳ наро́дѣ и҃хъ, и҆ ꙗ҆́кѡ

(*) Матѳ 6. ст 12.

μοι τὰ ὀφειλήματά μου, ἀλλ' ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, ὡς ὑπὲρ ἄλλων τοῦτο μᾶλλον, ἢ ὑπὲρ ἑαυτοῦ τὸν δίκαιον αἰτοῦντα νοεῖσθαι· ἀνάθεμα εἴη. Ἅγιος γὰρ καὶ δίκαιος ἦν Ἰάκωβος ὁ Ἀπόστολος, ὅτε ἔλεγεν· ἐν πολλοῖς γὰρ ἁμαρτάνομεν πάντες. Ἐπεὶ διά τί προστέθειται τὸ· πάντες, εἰ μὴ ἵνα ἡ ἔννοια αὕτη ἁρμοσθῇ καὶ τῷ ψαλμῷ, ὅπου ἀναγινώσκεται· μὴ εἰσέλθῃς εἰς κρίσιν μετὰ τοῦ δούλου σου, ὅτι οὐ δικαιωθήσεται ἐνώπιόν σου πᾶς ζῶν· καὶ ἐν τῇ εὐχῇ τοῦ σοφωτάτου Σολομῶντος· οὐκ ἔστιν ἄνθρωπος, ὃς οὐχ ἥμαρτεν; καὶ ἐν τῇ βίβλῳ τοῦ ἁγίου Ἰὼβ τὸ· ἐν χειρὶ παντὸς ἀνθρώπου σημαίνει, ὥστε εἰδέναι πάντα ἄνθρωπον τὴν ἀσθένειαν αὐτοῦ; Ὅθεν ἔτι μὴν ὁ ἅγιος καὶ δίκαιος Δανιὴλ ὁ προφήτης, ἐν τῇ προσευχῇ πληθυντικῶς λέγων τὸ· ἡμάρτομεν, ἠνομήσαμεν, καὶ τὰ λοιπά. ἃ ἐκεῖ

не глаго́летъ ка́ждый и҃з свѧты́хъ о҆сто́ю, ѡ҆чта́ки мнѣ́ до́лги мо́и, но ѡ҆чта́ки на́мъ до́лги на́ша, та́къ что́бы сіѐ проше́нїе пра́ведника разумѣ́лось ѡ҆ дрѹги́хъ па́че, не́жели ѡ҆ не́мъ самѣ́мъ: таковы́й да бу́детъ а҆на́ѳема. Ова́тъ и҆ пра́веденъ бы́лъ і҆а́кѡвъ а҆по́столъ, когда́ ре́къ: мно́гѡ ко согрѣша́емъ ксѝ (*). И҆́бѡ дла́ чего́ прило́жено сіѐ сло́ко: всѝ, а҆́ще не ра́ди того́, что́бы мы́сль сі҃а согла́сна была́ со псалмо́мъ, въ кото́ромъ чита́етсѧ: не кни́ди къ су́дъ съ рабо́мъ тво́имъ, и҆́бѡ не ѡ҆правди́тсѧ пред҃ тобо́ю кі҃й жи́вый (**); и҆ къ моли́твѣ прему́драго Соломѡ́на: нѣ́сть челове́къ, и҆́же не согрѣши́тъ (***); и҆ въ кни́гѣ

(*) Іак. 3. ст. 2.
(**) Псал. 142 ст. 2.
(***) 3 Цар. 8. ст. 46.

ταπεινοφρόνως καὶ ἀληθινῶς ὁμολογεῖ. Ἵνα μὴ νομισθείη, ὡς τινες νοοῦσι, τοῦτο μὴ περὶ τῶν ἰδίων, ἀλλὰ περὶ τῶν τοῦ λαοῦ αὐτοῦ μᾶλλον λέγειν ἁμαρτιῶν· μετὰ ταῦτα εἶπεν, ὅτι ἠχόμην καὶ ἐξωμολογούμην τὰς ἁμαρτίας μου καὶ τὰς ἁμαρτίας τοῦ λαοῦ μου Κυρίῳ τῷ Θεῷ μου· οὐκ ἠθέλησεν εἰπεῖν· τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν, ἀλλὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ. εἶπε, καὶ ἑαυτοῦ, ἐπειδὴ μέλλοντας τοῦτο οὕτως κακῶς νοεῖν ὡσανεὶ προεῖδεν ὁ Προφήτης.

сѧтáго Їѡка: кѫ рѣцѣ кслкаго человѣка знáменаетъ, да познáетъ кслкѫ человѣкѫ нéмощь свою (*); Посемѹ тáкожде и̑ сѧтый и̑ прáведный Данїи́лъ Пророкъ, въ молúтвѣ, мнóжествѣннѡ глаго́лалъ: согрѣшúхомъ, беззакóнновахомъ (**), и̑ прочее, что́ о҃нъ тáмѡ смиренномѹ́дреннѡ и̑ и̑стиннѡ и̑сповѣ́дѣетъ. Давы́ не подѹ́мали, кáкъ нѣ́которые разѹмѣ́ютъ, я҃кѡ о҃нъ глаго́летъ не ѡ̑ свои́хъ, но пáче ѡ̑ грѣхáхъ людéй свои́хъ: то́ о҃нъ по сéмъ рéкъ, я҃кѡ молúхсѧ и̑ и̑сповѣ́дахъ грѣхи́ мои́, и̑ грѣхи́ людéй мои́хъ Гдⷭ҃ Бг҃ѹ моемѹ́ (***). Не хотѣ́лъ рещи́, грѣхи́ нáша, но рéкъ: грѣхи́ людéй свои́хъ,

(*) Іов. 37, ст. 7.
(**) Дан. 9, ст. 5.
(***) Тамъ же ст. 20.

и грѣхи свои: посликъ Пророкъ какъ бы пробидѣлъ, что бываетъ таковые люди, худо разумѣющіе сіе.

Зонара. Безуміе—и то, если кто говоритъ, что святые, молясь: *остави намъ долги наша,* говорятъ это не за себя самихъ, но за людей; посему отцы собора и подвергаютъ мыслящихъ такъ анаѳемѣ, говоря, что праведники просятъ отпущенія грѣховъ не за другихъ только, но и за себя; и приводятъ свидѣтельства отъ Писанія—одно изъ посланія брата Божія Іакова, а прочія—изъ ветхозавѣтнаго Писанія.

Аристинъ. Ложно толкующій слова: *остави долги наша*, будто здѣсь говорится о грѣхахъ многихъ (людей), а не о собственныхъ каждаго, анаѳема; ибо и Даніилъ говоритъ вмѣстѣ со многими: *исповѣдахъ грѣхи моя и грѣхи людей моихъ* (Дан. 9. 20).

Кто неправильно толкуетъ, что святые, говоря: *остави долги наша*, говорятъ это молясь не за себя, какъ не имѣющіе грѣховъ, а потому и не нуждающіеся въ такомъ прошеніи, но приносятъ Богу это прошеніе за грѣшниковъ, да будетъ анаѳема. Ибо апостолъ Іаковъ былъ святъ и праведенъ, когда говорилъ: *много бо согрѣшаемъ вси* (3, 2) и Даніилъ когда говорилъ въ своей молитвѣ во множественномъ числѣ: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ* и проч., за тѣмъ присовокупляя въ единственномъ: *исповѣдахъ грѣхи моя и грѣхи людей моихъ Господу Богу моему.*

Вальсамонъ. Безумно говорить, что святые, молясь: *остави намъ долги наша*, говорятъ это не за себя, но за людей; почему и мыслящихъ такъ отцы анаѳематствуютъ, говоря, что праведники просятъ отпущенія грѣховъ не за другихъ только, но и за себя самихъ, и приводятъ свидѣтельства Писанія: одно изъ посланія брата Божія Іакова, а прочія—изъ ветхозавѣтнаго писанія.

Славянская кормчая. *Правило 116.* Развращаяи, еже рещи остави намъ долги нашы, многимъ глаголати, а не комуждо

и свое, да будетъ проклятъ: со многими бо и Даніила вѣдѣ глаголюща, исповѣдая грѣхи моя, и грѣхи людей моихъ.

Толкованіе. Развращаяи, яко святіи, остави намъ долги нашы глаголюще, не о себѣ молящеся се глаголютъ, яко же не имуще грѣха, и того ради не требующе таковаго прошенія, но о грѣшницѣхъ таковую молитву приносятъ Богу, да будетъ проклятъ. Святъ бо и праведенъ бѣ Іаковъ апостолъ братъ Господень, егда глаголаше (Іак. 55), много бо согрѣшаемъ вси. И Даніилъ пророкъ въ молитвѣ своеи во мнозѣ глаголетъ (Дан. 3), согрѣшихомъ и беззаконновахомъ, и прочая. И по семъ особно наводитъ, исповѣдая грѣхи моя, и грѣхи людей моихъ, Господеви и Богу моему.

Κανὼν ρλ΄.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα οἵ τινες δήποτε αὐτὰ τὰ ῥήματα τῆς δεσποτικῆς εὐχῆς, ὅπου λέγομεν· ἄφες ἡμῖν τὰ ὀφειλήματα ἡμῶν, οὕτως βούλονται ἀπὸ τῶν ἁγίων λέγεσθαι, ὡς ταπεινοφρόνως καὶ οὐκ ἀληθῶς ταῦτα λεχθῆναι, ἀνάθεμα εἴη. Τίς γὰρ ὑπενέγκοι τὸν εὐχόμενον μὴ ἀνθρώποις, ἀλλ' αὐτῷ τῷ Κυρίῳ ψευδόμενον; τὸν τοῖς χείλεσιν αὐτοῦ λέγοντα, θέλειν ἀφεθῆναι, τῇ δὲ καρδίᾳ λέγοντα, τὰς ὀφειλούσας ἀφεθῆναι ἁμαρτίας αὐτῷ, μὴ ἔχειν;

Правило рл.

Ѡпредѣлено и сіе: аще кто полагаетъ, ꙗко самыя слова молитвы Гдневи, въ коихъ говоримъ: ѡстави намъ долги наша, святыми произносятся по смиренію, а не по истинѣ: да будетъ анаѳема. Ꙗко кто потерпѣлъ бы молящагося, который бы лгалъ не человѣкамъ, но самомъ Гду; устами своими говорилъ, ꙗко хощетъ имѣти ѡпщіеніе, сердцемъ же глаголалъ, ꙗкѡ не имѣетъ грѣховъ, которые надлежало бы ѡпстити ємъ.

Зонара. И настоящее правило выражаетъ ту же мысль и дѣлаетъ повиннымъ анаѳемѣ, кто мыслитъ такимъ образомъ: ибо, говорятъ отцы, кто вынесъ бы, т. е. кто потерпѣлъ бы и принялъ того, кто на словахъ проситъ объ отпущеніи грѣховъ, а въ сердцѣ считаетъ себя не имѣющимъ ихъ и лжетъ не людямъ, а Господу?

Вальсамонъ. И настоящее правило выражаетъ ту же мысль, говоря: кто принялъ бы такого, который на словахъ проситъ объ отпущеніи грѣховъ, а въ сердцѣ считаетъ себя не имѣющимъ грѣховъ, и лжетъ не людямъ, а Господу?

Κανὼν ρλά.

Ἐπειδὴ πρό τινων ἐναυτῶν ἐν ταύτῃ τῇ Ἐκκλησίᾳ πεπληρωμένῃ τῇ Συνόδῳ ὡρίσθη, ἵνα οἱαιδήποτε Ἐκκλησίαι, ἐν διοικήσει καθεζῶσαι, πρὸ τῶν νόμων τῶν περὶ τῶν Δονατιζῶν ἐντεθέντων Καθολικαὶ γένωνται, ἐκείνοις τοῖς θρόνοις ἀνήκωσιν, ὧν τινῶν διὰ τῶν Ἐπισκόπων προτραπεῖσαι τῇ Καθολικῇ ἑνότητι ἐκοινώνησαν· μετὰ δὲ τοὺς νόμους οἱαιδήποτε ἐκοινώνησαν, ἐκείνοις ἀνήκωσιν, οἷς καὶ ὅτε ἦσαν εἰς τὸ μέρος τοῦ Δονάτου. Καὶ ἐπειδὴ πολλαὶ φιλονεικίαι ὕστερον μεταξὺ τῶν Ἐπισκόπων περὶ τῶν διοικήσεων ἀνεφύησαν καὶ ἀναφύονται,

Пра́вило рл҃а.

За нѣ́сколько лѣ́тъ пред҃ сі́ми, къ сей Цр҃кви, по́лными собо́ромъ ѿпредѣ́лено́, что́бы Цр҃кви, состоя́щыя въ како́мъ либо́ предѣ́лѣ, пре́жде и҃здані́я зако́новъ ѿ донати́стахъ, содѣ́лавшыяся Кафоли́ческими, принадлежа́ли къ тѣ́мъ престо́ламъ, ко́ихъ ѳпи́скопами оу҃бѣ́жде́ны бы́ли прїобщи́тися къ Кафоли́ческомꙋ є҃дине́нїю: а̀ по́слѣ и҃здані́я зако́новъ присоедини́вшыяся принадлежа́ли къ тѣ́мъ же престо́ламъ, къ кото́рымъ принадлежа́ли кꙋ́дꙋ́ни на стра́нѣ Дона́та. Но по-

οἷς τότε οὐ τελεία δοκεῖ γενέσθαι πρόνοια· νῦν ἐν ταύτῃ τῇ ἁγίᾳ Συνόδῳ ἤρεσεν, ἵνα ὁπουδήποτε Καθολικὴ ἐγένετο, καὶ τοῦ μέρους τοῦ Δονάτου, καὶ διαφόροις θρόνοις ἀνήκουσαι ἦσαν, ἐν οἱῳδήποτε καιρῷ ἕνωσις ἐκεῖ ἐγένετο, ἢ ἔξαι, εἴτε πρὸ τῶν νόμων. εἴτε μετὰ τοὺς νόμους, ἐκείνῳ τῷ θρόνῳ ἀνήκωσιν, ᾧ τινι ἡ ἔκπαλαι ἐκεῖ ὑπάρξασα Καθολικὴ ἀνῆκεν.

ели́кѹ по́слѣ козни́кли и̑ козника́ютъ межде҃ епи́скопами мнѡ́гїа ра̑спри ѡ̑ пред҃ѣлахъ, ѡ̑ ко́нхъ пре́жнее ѹ̑смотре́нїе мни́тсѧ кы́ти несокерше́нныхъ: то́ ны́нѣ на се́хъ ска́томъ соко́рѣ постано́клено: а̑ще гдѣ либо была̀ цр҃ковь Кѳолѝческаѧ, и̑ принадлежа́вшаѧ сторонѣ̀ Дона́токовѣ, и̑ о҆нѣ̀ ѿноси́лись къ ра́зныхъ престо́лахъ: то́ къ како́е бы вре́мѧ ни послѣ́довало, и̑ли́ послѣ́дуетъ та́мѡ соедине́нїе, пре́жде ли зако́нѡвъ и̑ли́ по́слѣ зако́нѡвъ, да принадлежа́тъ томѹ̀ престо́лѹ, кото́ромѹ принадлежа́ла и̑здре́кле та́мѡ бы́вшаѧ Кѳолѝческаѧ цр҃ковь.

Κανὼν ρλϐ'.

Περὶ τοῦ, πῶς μεταξὺ ἀλλήλων μερίσονται τὰς διοικήσεις οἱ Ἐπίσκοποι, τοῦτο

Пра́вило ρ҃лв.

Ѡ̑ то́мъ, ка́кѡ епи́скопы Кѳолѝческіе, и̑ ѡ̑бращи́вшіеѧ ѿ страны

μὲν οἱ Καθολικοί, τοῦτο δὲ οἱ ἐκ τοῦ Δονάτου ἐπιστρέψαντες.

Οὕτω δηλαδή, ἵνα εἴπερ Ἐπίσκοποι ἀπὸ τῶν Δονατιστῶν πρὸς τὴν Καθολικὴν ἑνότητα ἐπέστρεψαν, ἐξίσου πρὸς ἀλλήλους διέλωσι τὰς οὕτως εὑρισκομένας διοικήσεις, ἔνθα ἦσαν ἀμφότερα τὰ μέρη, τοῦτ' ἔστιν, ἵνα ἄλλοι τόποι πρὸς ἐκεῖνον, καὶ ἄλλοι πρὸς ἐκεῖνον ἀνήκωσιν οὕτως, ἵνα ὁ παλαιότερος ἐν τῇ Ἐπισκοπῇ μερίζῃ, καὶ ὁ ἧττον ἐπιλέγηται. Εἰ δὲ τυχὸν εἷς ἔσαι τόπος· ἐκείνῳ προσχωρήσῃ ᾧ τινι μᾶλλον γειτνιάζων εὑρίσκεται. Ἐὰν δὲ ἀμφοτέροις τοῖς θρόνοις ἴσως γειτνιάζῃ· ἐκείνῳ παραχωρηθῇ, ὃν τὸ πλῆθος ἐπιλέξηται. Εἰ δὲ τυχὸν οἱ ἀρχαῖοι Καθολικοὶ τὸν ἴδιον θελήσουσι, καὶ οἱ ἐκ τοῦ μέρους τοῦ Δονάτου μεταστρέψαντες τὸν ἴδιον· τῶν πλειόνων ἡ γνώμη προτιμηθῇ τῶν ὀλιγωτέρων. Εἰ δὲ τὰ μέρη εἰσὶν

Донáтовой, раздѣлáтѣ междѹ собóю епáрхїи.

Раздѣлáти тáко: áще вписκопы ѿ Донатúстѡвъ ѡбратáтсѧ къ Кафолúческомѹ ёдинéнїю: тó порáвнѹ да раздѣлáтѣ междѹ собóю предѣлы, находáщїесѧ въ сéмъ положéнїи, имѣвшїе въ себѣ нарóдъ тóмъ и дрѹгíѧ стрáны, тó ёсть, инúѧ мѣстá да предостáвятсѧ семѹ, а дрѹгíѧ дрѹгóмѹ вписκопѹ, тáкъ, чтóбы стáршїй къ вписκопствѣ раздѣлáлъ, а млáдшїй избирáлъ. Áще же слѹчúтсѧ быти ёдиномѹ мѣстѹ: тó да предостáвитсѧ томѹ, къ котóромѹ къ бóльшей блúзости ѡкáжетсѧ. Áще же бѹдетъ равнѡ блúзко къ ѻбоúмъ престóламъ: тó да постѹпитъ къ томѹ, котóраго нарóдъ изберéтъ. Áще слѹчúтсѧ,

ἴσα· τῷ παλαιοτέρῳ Ἐπισκόπῳ καταλογισθείη. Ἐὰν δὲ οὕτως πλεῖζοι οἱ τόποι εὑρεθῶσιν, ἐν οἷς ἀμφότερα τὰ μέρη εἰσίν, ὡς μὴ δύνασθαι ἐξ ἴσου μερισθῆναι, τοῦ ἀριθμοῦ τῶν αὐτῶν τόπων ἀνίσων ὑπάρχοντος· πρῶτον μερισθῶσιν οἱ ἴσοι ἀριθμοί, καὶ τῷ ἀπομένοντι τόπῳ τοῦτο φυλαχθῇ, ὅπερ ἀνωτέρω λέλεκται, ὅτε περὶ τοῦ ἑνὸς ἐζητεῖτο τόπου.

что̀ Христїа́не, ѝздре́вле Кѳолі́ческіѥ, кострѣ́бютъ своего̀ ѳпи́скопа, а̀ ѡкрати́кшіѥсѧ ѿ страны̀ Дона́та, своего̀: то̀ ѝзкра́нѣѥ бо́лышимъ число́мъ, да бу́детъ предпочтено̀ ѝзбра́нїю ме́ньшимъ число́мъ наро́да. А҆ще бо́ѣ страны̀ бу́дутъ ра́вны число́мъ ѝзбира́ющихъ: то̀ мѣ́сто да бу́детъ причи́слено къ предѣ́лу ста́ршаго ѳпи́скопа. А҆ще ѡбра́щѹтсѧ мно́гїѧ мѣ́ста, ѝмѣ́ющыѧ наро́ды бо́ѣихъ стра́нъ, но не мо́гѹтъ раздѣ́лены бы́ти пора́внѹ, поели́кѹ число̀ тѣ́хъ мѣ́стъ не ра́вно е҆́сть: то̀ бо пе́рвыхъ ра́вныѧ число́мъ да раздѣ́лятсѧ, пото́мъ же съ ѡста́вшимсѧ мѣ́стомъ да бу́детъ постѹ́плено, ка́къ рече́но вы́ше, при разсѹжде́нїи ѡ҆ е҆ди́номъ мѣ́стѣ.

Зонара. Послѣдователи Доната, увеличившись въ числѣ и образовавъ партіи, захватили въ разныхъ областяхъ церкви и даже епархіи, долгое время владѣли ими и присвояли себѣ. А когда они стали обращаться къ православной вѣрѣ, то возникли пререканія изъ за епархій, бывшихъ прежде въ ихъ владѣніи, такъ какъ епископы вступили въ споры между собою и каждый объявлялъ на нихъ свои права. По этому-то дѣлу и даны оба настоящія правила, которыя установляютъ, какъ должны быть распредѣлены между епископами мѣста, которыми владѣли донатисты. Толковать правила отдѣльно нѣтъ необходимости, какъ потому, что нѣтъ въ нихъ ничего неяснаго, такъ и потому, что они не относятся къ общему устройству, но приспособлены были только къ живущимъ въ Африкѣ, и то въ тогдашнее время.

Аристинъ. Обратившіяся когда либо общества донатистовъ должны принадлежать тому престолу, которому принадлежала и древле бывшая тамъ церковь.

Поелику было много пререканій изъ-за обращающихся донатистовъ, къ какому престолу они должны быть прикрѣплены (ибо до изданія царскихъ законовъ о соединеніи церквей они подчинялись тому епископу, чрезъ котораго обратились отъ заблужденія и присоединились къ каѳолической церкви, а послѣ изданія законовъ принадлежали тѣмъ епископамъ, которые находились вблизи отъ мѣстъ, бывшихъ во владѣніи самихъ донатистовъ): то соборъ опредѣлилъ, разрѣшая возникшія между епископами пререканія, что они должны принадлежать тому престолу, которому принадлежала существовавшая тамъ издревле православная церковь.

Аристинъ. Обратившіеся отъ Доната пусть раздѣлятъ владѣнія, причемъ старѣйшій раздѣляетъ, а младшій выбираетъ.

Если епископы донатистовъ обратятся къ каѳолической церкви и между ними, или между каѳолическими епископами находятся какіе-нибудь приходы, въ которыхъ и тѣ и другіе имѣли епископскія права: то должно быть произведено раздѣленіе между ними возобновляемыхъ такимъ образомъ приходовъ и владѣній по ровну—такъ впрочемъ, чтобы старѣйшій епископъ производилъ дѣленіе, а сдѣлавшійся

епископомъ послѣ него—выбиралъ. Если же донатисты и православные жили въ одномъ мѣстѣ, то если оно лежитъ въ сосѣдствѣ съ епископомъ, обратившимся отъ донатистовъ, должно быть въ цѣлости уступлено ему; если же болѣе приближается къ каѳолическому епископу, и тамошніе старинные православные пожелаютъ имѣть собственнаго епископа, а обратившіеся отъ Доната — тоже своего, то должно взять верхъ рѣшеніе большинства; а если части равны, то все мѣсто должно быть закрѣплено за старшимъ епископомъ.

Вальсамонъ. Толковать эти два правила нѣтъ надобности, такъ какъ они относятся не къ общему устроенію, а къ епископамъ, обратившимся въ Африкѣ къ каѳолической церкви отъ донатистовъ.

Славянская кормчая. *Правило 117*. Иже колиждо отъ донатіанъ обращающеся, и пріединяющеся къ соборнѣй церкви, подъ тѣмъ престоломъ да будутъ, идѣже есть близъ ихъ соборная церковь.

Толкованіе. Понеже многи распри бываху между епископъ о донатіанѣхъ, обращающихся къ соборнѣй церкви, къ которому престолу тѣмъ подобно причитаемымъ быти. Прежде бо царскаго закона, иже повелѣша о соединеніи церквей, тому епископу повиновахуся, имъ же отъ льсти обращеніе пріаша, и къ соборнѣй церкви приобщишася. По царьстѣмъ же законѣ тѣмъ епископомъ повиновахуся, иже бяху близъ мѣстъ тѣхъ, якоже держаху донатіане. Повелѣ убо соборъ сей, разрѣшая распри бывающія между епископъ, тому престолу и повиноватися, подъ коеюждо соборною церковію бяху и преже были.

Правило 118. Обращьшеся отъ донатіанъ, да раздѣляютъ предѣлы: старѣйшіи да дѣлитъ, а меншіи да избираетъ.

Толкованіе. Аще донатіанстіи епископи (еретицы) обратятся къ соборнѣй церкви, и между тѣми и инѣми соборными епископы, предѣлы нѣціи суть, въ нихъ же оба епископа власть имата, да будетъ раздѣленіе, таковымъ общимъ предѣломъ же и правленіямъ равно между има. Обаче же сице, древніи убо епископъ, да сотворитъ раздѣленіе на двѣ части: послѣдніи же иже по немъ бывъ епископъ, избереть часть. Аще же едино будетъ приключь-

шееся мѣсто, въ немъ же бяху живуще и донатіане и правовѣрніи, и аще убо близъ есть епископу отъ донатіанъ обращьшемуся, тому цѣло всегда приложится. Аще же паче соборныя церкве епископу приближается, тому также все цѣло приложится. Аще же мѣсто то обѣма престолома равно приближается, и сущіи въ немъ искони правовѣрніи, своего восхотятъ имѣти епископа, донатіане же паки обращьшіися на вѣру, своего восхотятъ, множайшихъ воля да будетъ. Аще же обѣ части равнѣ естѣ, первѣйшему епископу все то мѣсто, да приложится.

Κανὼν ρλγ'.

Ὁμοίως ἤρεσεν. ἵνα ἐάν τις μετὰ τοὺς νόμους τόπον τινὰ πρὸς τὴν Καθολικὴν ἑνότητα μεταχρέψῃ, καὶ τοῦτον ἐπὶ τριετίαν, μηδενὸς ἀναζητοῦντος, κατάσχῃ, τοῦ λοιποῦ παρ' αὐτοῦ μὴ ἀναζητηθῇ, ἐὰν μέντοι ἐντὸς τῆς αὐτῆς τριετίας ὑπῆρχεν Ἐπίσκοπος, ὁ ὀφείλων ἀναζητῆσαι, καὶ ἡσύχασεν. Εἰ δὲ μὴ ἦν· μὴ προχριματισθῇ ἐν τῇ μάτριχι· ἀλλ' ὅτε ὁ χρεὼν τόπος λάβῃ Ἐπίσκοπον, ἐξὸν εἴη αὐτῷ ἀπ' αὐτῆς τῆς ἡμέρας ἐντὸς τριετίας ἀναζητῆσαι. Ὁμοίως δὲ καὶ ἐὰν Ἐπίσκοπος ἐκ τῶν τοῦ Δονάτου μερῶν πρὸς τὴν Καθολικὴν ἐπιστρέψῃ· μὴ προχριματισθείη ἐν τῇ μά-

Правило ρλг.

Постановлено и сіе: аще кто, послѣ издавія законшихъ, обратилъ какое мѣсто къ Каѳолическомъ единенію, и къ продолженіи трехъ лѣтъ имѣлъ оное къ своемъ вѣдѣнію, и никто онаго не требовалъ отъ него: то послѣ да не будетъ оное отъ него взыскуемо, естьли притомъ къ сіе трехлѣтіе существеновалъ епископъ, долженствующій взыскати, и молчалъ. Аще же не было епископа: то да не поставится къ престольстіе искавію внесеніе сего мѣста къ епископовъ приходшихъ: но когда вдов-

τριχι περὶ τοῦ ὁρισθέντος χρόνου· ἀλλ' ἐξ ἧς ἡμέρας ἐπέτρεψεν, ἐχέτω ἐξουσίαν ἀναζητεῖν ἐντὸς τριετίας τοὺς τόπους τῇ αὐτῶν ἀνήκοντας καθέδρᾳ.

ствовавшам кафе́дра полу́читъ є҃пи́скопа, да къ́детъ є҆́мꙋ позко́лено кꙁыска́нїе того́ мѣ́ста къ продолже́нїи трехлѣ́тїѧ. Подо́кныхъ о҆́бразомъ, а҆́ще є҃пи́скопъ ѿ страны̀ Доната́истовъ, ѡ҆братѝтсѧ къ Кафоли́ческой цр҃кви, спи́сокъ прихо́дшихъ да не къ́детъ є҆́мꙋ къ предосꙋжде́нїе до ѡ҆предѣле́ннаго сро́ка: но и҆́хъ того́ дн҃ь, ка́къ ѡ҆брати́лсѧ, и҆́мѣетъ пра́во, къ продолже́нїе трехлѣ́тїѧ, и҆ска́ти мѣ́ста є҆гѡ́ престо́лꙋ слѣ́дꙋющихъ.

Зонара. По ходатайству отцевъ этого собора, изданы были, вѣроятно, императоромъ Гоноріемъ, который тогда управлялъ Западомъ, особенные законы (о донатистахъ). Настоящее правило говоритъ, что если послѣ этихъ законовъ епископъ обратитъ къ единству каѳолической церкви какое либо мѣсто, т. е. епархію, или приходъ, т. е. тамошнихъ жителей, и будетъ владѣть тою епархіей въ теченіе трехлѣтія, безъ всякаго съ чьей либо стороны противодѣйствія, то съ тѣхъ поръ она должна сдѣлаться его принадлежностію, т. е. никому уже нельзя будетъ предъявлять на нее свои права. А если въ епископіи, которой принадлежало мѣсто, въ это трехлѣтіе не было епископа, который бы могъ освоить его, если т. е. епископія вдовствовала безъ предстоятеля: то она

не подвергнется предосужденію изъ-за метрики, т. е. не должна потерпѣть ущерба въ слѣдствіе того, что оно будетъ внесено въ опись какъ принадлежащее той церкви, которая владѣла имъ въ теченіе трехлѣтія; напротивъ, тому, кто имѣетъ быть постановленъ туда епископомъ, должно быть позволено искать и освоить себѣ то мѣсто въ теченіе трехлѣтія, считая съ того дня, въ который онъ сдѣлался епископомъ. Тоже должно имѣть силу и по отношенію къ донатистамъ, такъ что если епископъ ихъ, какимъ либо мѣстомъ котораго владѣлъ другой епископъ, обратится и присоединится къ каѳолической церкви: то онъ получаетъ право искать мѣстъ, принадлежащихъ его церкви, въ теченіе трехлѣтія, считая со дня его обращенія.

Аристинъ. Обращающій въ православіе, если въ теченіе трехлѣтія удержитъ за собою обращенную страну, да будетъ свободенъ отъ всякихъ притязаній къ нему; равнымъ образомъ и епископъ, обращающійся отъ Доната, если хочетъ предъявить искъ въ теченіе трехлѣтія съ того дня, какъ обратился, пусть предъявляетъ.

Прежде царскихъ указовъ, какъ было написано въ 117-мъ (131) правилѣ, если кто изъ епископовъ обращалъ какой либо приходъ изъ ереси въ православіе, то владѣлъ имъ съ тѣхъ поръ, и никто изъ епископовъ, прежде владѣвшихъ тѣмъ мѣстомъ, не могъ требовать его себѣ. А послѣ законовъ объ этомъ соборъ заблагоразсудилъ, чтобы тотъ, кто обратитъ въ православіе какую либо страну и будетъ владѣть ею въ теченіе трехъ лѣтъ, не будучи безпокоимъ никѣмъ, кто бы требовалъ ее себѣ, оставался свободнымъ отъ всякихъ притязаній, и чтобы уже не требовали ее отъ него, если только въ теченіе трехлѣтія существовалъ епископъ, который могъ искать ее, и молчалъ. Ибо если церковь, имѣвшая право на эту мѣстность, обращенную отъ ереси, не имѣла епископа: то истеченіе трехлѣтняго срока должно служить въ ущербъ ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался въ ней епископомъ. Равнымъ образомъ если какой нибудь приходъ донатистскаго епископа обратится къ каѳолической церкви и продолжительное время будетъ состоять во владѣніи того, кто обратилъ его въ православіе, затѣмъ если приступитъ къ единенію съ каѳолическою церковію и епископъ

донатистъ: то должно быть дозволено ему въ теченіе трехлѣтія съ тѣхъ поръ, какъ обратился, требовать себѣ принадлежавшіе его престолу приходы.

Вальсамонъ. Повидимому, предъ этимъ были изданы законы объ епархіяхъ. Но поелику и послѣ того, какъ они были изданы, являлись пререканія: то отцы опредѣлили, чтобы если какой нибудь епископъ обратитъ къ православной вѣрѣ какое либо мѣсто, т. е. приходъ, имѣющій еретиковъ, и въ теченіе трехлѣтія будетъ владѣть имъ, при жизни притомъ того епископа, который имѣетъ на него право, и молчитъ, уже не былъ тревожимъ. А если въ епископіи, которой, какъ говорятъ, принадлежитъ мѣсто, не было епископа, то истеченіе трехлѣтія не должно служить препятствіемъ для избраннаго послѣ того требовать себѣ этой области. Тоже самое должно имѣть силу и по отношенію къ обращающимся донатистамъ. Таково содержаніе правила. А ты знай, что церковныя права о предѣлахъ и о прочемъ, поскольку могутъ быть предъявлены къ (другой) церкви, прекращаются тридцатилѣтіемъ, а если къ лицамъ, то сороколѣтіемъ. Прочти еще 3-ю главу 3-го титула 5-й кн. Василикъ и послѣднюю главу втораго титула той же книги, гдѣ говорится: „всякій искъ, принадлежащій священному дому, личный ли, или заложовой, не переходитъ за сорокъ лѣтъ, такъ что принадлежащіе каждому таковому священному дому давностные сроки сохраняютъ свою силу во все это время“. Такимъ образомъ настоящее правило упразднилось сими законами, взятыми изъ Юстиніановыхъ новеллъ.

Славянская кормчая. *Правило 119.* Обращаяи на правовѣріе, и державъ три лѣта, обращенную имъ страну, безъ осужденіа имъ есть. И обращаяся епископъ отъ донатіанъ, аще прежде скончаніа трехъ лѣтъ, отнелѣже обратися, взыщетъ своего, и да возметъ.

Толкованіе. Прежде убо царскаго закона, якоже и во 117-мъ правилѣ писано есть, аще которыи епископъ, отъ ереси нѣкія, на правовѣріе обратитъ предѣлъ нѣкіи, оттолѣ да владѣетъ имъ, и не можетъ епископъ, поднимъ же бѣ правленіе предѣла того взыскати его. По царстѣмъ же законѣ, иже того ради изложенъ бысть, изволиша отцы собора сего, епископу обратившему на правовѣріе, предѣлъ нѣкіи держати

три лѣта, и обладати имъ. И аще не воспомянетъ его кто, ни взыщетъ за три лѣта, по трехъ же лѣтѣхъ: и аще есть епископъ хотяи взыскати его, и за три лѣта умолча, и не воспомяну о немъ, оттолѣ аще и взыщетъ, не возметъ его, но да держитъ и безъ боязни епископъ, обративыи его на правовѣріе. Аще же вдова есть церковь, и не имущи епископа, подъ нею же бѣ предѣлъ той, обративыися на правовѣріе, не спакоститъ ей преходъ времене искати своего предѣла. Но аще будетъ поставленъ въ ней епископъ, по поставленіи прежде скончаніа трехъ лѣтъ, да взыщетъ предѣла своея церкве. Но аще и предѣлъ нѣкіи, донатіанскіи епископъ, къ соборнѣй церкви обратится, и за много время обладаетъ имъ епископъ, обративыи его на правовѣріе. Потомъ же приступитъ къ единенію вѣры соборныя церкве и донатіанскіи епископъ, его же бѣ предалъ, достоитъ ему прежде кончаніа трехъ лѣтъ, взяти предѣлъ своея церкве престола.

Κανὼν ρλδ΄.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα οἱοιδήποτε Ἐπίσκοποι τὰ πλήθη, ἃ νομίζουσι τῷ θρόνῳ αὐτῶν ἀνήκειν, μὴ οὕτως ἀναζητῶσιν, ὥστε ἄλλων Ἐπισκόπων χρινόντων τοῦτο πράττειν, ἀλλ᾽ ὑπὸ ἑτέρου κατεχομένοις ἐπέλθωσι τοῖς λαοῖς, εἴτε θέλωσιν, εἴτε μὴ θέλουσι, τοῦ ἰδίου πράγματος τὴν ζημίαν ὑπομείνωσι, καὶ οἵ τινες δήποτε τοῦτο ἐποίησαν, εἰ μὴ ἡ μεταξὺ τῶν Ἐπισκόπων συναίνεσις ἐπερατώθη, ἀλλ᾽ ἀκμὴν περὶ τοῦ

Пра́вило ρ҃а҃д҃.

Постано́клено и҆̀ сі́е: а҆́ще кото́рые є҆пи́скопы, не посре́дствомъ сѫда́ дрѹги́хъ є҆пи́скопѡвъ, кѹпи́скѹютъ о҆́бщества, кото́рыя почита́ютъ принадлежа́щими своемѹ̀ престо́лѹ, но простира́ющихъ кла́сть на люде́й подчине́нныхъ дрѹго́мѹ̀ є҆пи́скопѹ̀, хотя́щихъ и҆̀ли не хотя́щихъ: таковы́е да нака́жѹтсѧ поче́рею своегѡ̀ дѣ́ла. То́ е҆́сть, а҆́ще кото́рые оу҆чини́ли

αὐτοῦ φιλονεικοῦσιν, ἐκεῖνος ἀποχῇ ἐκεῖθεν, περὶ οὗ δειχθείη, ὅτι παρεάσας τοὺς Ἐκκλησιαστικοὺς δικαστὰς ἔφοδον ἐποίησε. Καὶ μὴ ἑαυτόν τις κολακεύσῃ, εἰ ἐκ τοῦ πρωτεύοντος γράμματα περὶ τοῦ κατέχειν ἔλαβεν· ἀλλ' εἴτε γράμματα ἔχει, εἴτε οὐκ ἔχει, συνέλθοι τῷ κατέχοντι, καὶ παρ' αὐτοῦ γράμματα λάβοι, ὥστε φανῆναι τοῦτον εἰρηνικῶς τὴν αὐτῷ ἀνήκουσαν κατέχειν Ἐκκλησίαν. Ἐὰν δὲ κἀκεῖνός τινα ζήτησιν ἀντεναγάγῃ· καὶ αὐτὴ περατωθῇ μεταξὺ Ἐπισκόπων κρινόντων, εἴτε οὓς ὁ πρωτεύων αὐτοῖς δῷ, εἴτε οὓς γειτνιῶντας κατὰ συναίνεσιν ἐπιλέξωνται.

сіе, и ѧіе между҃ вп҃скопами дѣло не кончилось соглашенїемъ, но еще имѣютъ ѡ немъ спорѣ: то да лишится спорнаго мѣста тотъ, ѡ комъ доказано бу҃детъ, ꙗкѡ ѡстабникъ цр҃кокныхъ сѹдей, оучинилъ нашествїе. И да не льститъ себѣ кто либо тѣмъ, ꙗкѡ ѡ перкенствующаго вп҃скопа имѣетъ грамат҃ ѡ принятїи того мѣста къ своей кѳдрѣнїе: но хотѧ имѣетъ грамат҃, хотѧ не имѣетъ, да оучинитъ сношенїе съ имѣющимъ оноє мѣсто къ своемъ кѳдрѣнїи, и ѡ негѡ да полѹчитъ грамат҃, дабы ꙗвно было, что мирно оудержаетъ за собою цр҃ковь емѹ слѣдующю. Ѧіе же и тотъ ꙗкоже притязанїе: то и сіе да бу҃детъ разрѣшено вп҃скопами сѹдящими, которыхъ или перкенствующїй имъ

назна́читъ, и́ли са́ми по согла́сію и́зберу́тъ и́з сосѣ́дних епи́скопов.

Зонара. Это правило запрещаетъ епископу, объявляющему свое право на какой нибудь народъ, употреблять насиліе и нападать на него, и требуетъ, чтобы онъ представлялъ дѣло на судъ епископовъ и такимъ образомъ получалъ то, что считаетъ принадлежащимъ его церкви. Если же кто придетъ къ народу, состоящему подъ властію другаго епископа, хочетъ ли этотъ народъ имѣть его епископомъ, или не хотятъ, онъ долженъ лишиться своего права, теряя въ наказаніе то, что отнялъ по насилію, такъ что хотя бы имѣлъ на это право, долженъ лишиться его. А если, говоритъ (правило), нѣкоторые и учинили сіе; что это „сіе?“ — то, чтобы подвергнуться суду епископовъ относительно оспариваемаго народа: то если не пребыли въ судѣ до окончанія дѣла, но пока еще происходилъ споръ и обсуживалось дѣло, одна изъ двухъ сторонъ оставила церковное судилище и сдѣлала нашествіе на присвоиваемый народъ: то и она должна лишиться своего права; и никто, говоритъ (соборъ), не долженъ льстить себя, т. е. обманывать; ибо ласкательство есть обманъ, такъ какъ ласкательствующій не говоритъ ничего вѣрнаго, но все въ удовольствіе и угоду того, кому льститъ; итакъ никто, говоритъ, не долженъ обманывать себя тѣмъ, что онъ получилъ отъ первенствующаго, т. е. отъ митрополита, грамату, дозволяющую ему владѣть мѣстомъ; ибо имѣетъ ли онъ грамату, или не имѣетъ, если не получитъ отъ того, кто владѣетъ спорнымъ народомъ, граматы, изъ которой будетъ видно, что онъ мирно, съ его согласія, занялъ принадлежащую ему церковь, долженъ лишиться своего права. А если и обвиняемый съ своей стороны подниметъ искъ, т. е. будетъ обвинять обвиняющаго: то и это дѣло должно быть окончено судомъ епископовъ; а судящіе или должны быть даны первенствующимъ, или избраны по согласію противниковъ.

Аристинъ. Никто да не присвоятъ себѣ того, что считаетъ принадлежащимъ ему, но пусть разсудятъ епископы,

или тѣ, которыхъ дастъ первенствующій, или сосѣдніе по соглашенію; а получившій отъ первенствующаго грамоту о томъ, чтобы завладѣть, льститъ себя.

Если какой епископъ думаетъ, что онъ имѣетъ право на какой нибудь приходъ, находящійся во владѣніи другаго епископа: то долженъ обращаться къ компетентнымъ для него епископамъ и предъявлять искъ объ этомъ; но не дозволять себѣ самоуправства и не стараться самовольно овладѣть тѣмъ, что считаетъ своею принадлежностію. Если же получитъ и грамоту о томъ, чтобы владѣть народомъ, находящимся подъ властію другаго епископа, то обманываетъ себя; ибо онъ не долженъ получить отъ нея никакой пользы, если владѣющій народомъ не предпочтетъ оставить его мирно, а не лишиться судебнымъ порядкомъ.

Вальсамонъ. И гражданскій законъ говоритъ, что самовластно отнявшій свою собственность теряетъ ее (ιγ. Васил. 60, 18). Такъ точно и настоящее правило опредѣляетъ, что епископы, думающіе, что они имѣютъ право на извѣстный народъ, т. е. область, не должны самовольно овладѣвать ею, хотя бы народъ хотѣлъ этого, хотя бы не хотѣлъ, но должны освоивать такія области, состоящія во владѣніи другихъ епископовъ, посредствомъ суда епископскаго; а если допустятъ самоуправство, то должны понести наказаніе въ потерѣ своего дѣла, т. е. въ лишеніи своего права. То же должно быть и съ тѣми, которые послѣ начала суда не дождались епископскаго рѣшенія, но самовольно заняли области. И никто, говоритъ (правило), не долженъ льстить себя, т. е. обманывать тѣмъ, что получилъ отъ первенствующаго, т. е. отъ митрополита, грамату, позволяющую ему овладѣть мѣстомъ; ибо имѣетъ ли онъ грамату, или не имѣетъ, если не получитъ отъ владѣющаго спорнымъ народомъ граматы, изъ которой будетъ видно, что онъ мирно, съ его согласія, занялъ принадлежащую ему область, долженъ лишиться своего права. Если же и обвиняемый съ своей стороны предъявитъ искъ, т. е. будетъ обвинять обвиняющаго: то и это дѣло должно быть окончено судомъ епископовъ; а судящіе должны быть или даны первенствующимъ, или избраны по согласію противниковъ. Но кто нибудь спроситъ: такъ какъ различныя правила опредѣляютъ, что должны быть извергаемы тѣ,

которые совершаютъ что либо епископское въ чужихъ областяхъ, безъ согласія владѣющихъ ими; то какимъ образомъ настоящее правило присуждаетъ учинившаго нашествіе только къ лишенію принадлежавшаго, можетъ быть, ему права? *Рѣшеніе.* Здѣсь допусти, что епископъ, позволившій себѣ самоуправство, имѣлъ право на область, и потому онъ не подвергается изверженію, а только лишается своего права; ибо если окажется, что эта область дѣйствительно чужая, то за оскорбленіе епископа, потерпѣвшаго нашествіе, учинившій безпорядокъ долженъ подвергнуться изверженію. Еще кто нибудь спроситъ: когда епископъ, сдѣлавшій нашествіе, лишится такимъ образомъ своего епископскаго права, то владѣющій ею въ правѣ ли будетъ епископствовать тамъ, какъ бы въ собственной области, или долженъ быть наказанъ, какъ завѣдомо владѣющій чужою областію и священнодѣйствующій въ ней? *Рѣшеніе.* Есть законъ, говорящій: по приказанію начальника, владѣемъ правильно (137. Вас. 2, 3); и поелику епископъ, потерпѣвшій нашествіе, оправдывается правиломъ, какъ будто бы учинившій безчиніе признается никогда не имѣвшимъ права на область, то онъ безъ предосужденія будетъ совершать епископскія права въ области, которою владѣетъ, хотя бы она была чужая. Что же? Безчиніе и нашествіе осужденнаго епископа должны ли послужить въ ущербъ правамъ церкви, и епископъ, который имѣетъ быть поставленъ послѣ него, будетъ ли лишенъ возможности требовать права своей церкви, или нѣтъ? *Рѣшеніе.* Мнѣ кажется, что церковь не должна терпѣть ущерба отъ того, въ чемъ погрѣшаетъ епископъ, и потому преемникъ учинившаго нашествіе въ правѣ будетъ требовать области, хотя бы и много времени прошло. Было говорено нѣчто подобное и во дни святѣйшаго патріарха Киръ-Луки. Ибо когда нѣкоторый епископъ великой Вризеи судился съ архіепископомъ малой Вризеи и представлялъ, что должна быть нарушена запись прежде умершаго архіерея и архіепископа о томъ, что онъ не долженъ требовать себѣ область, владѣемую епископомъ, синодъ постановилъ, что архіепископія не должна терпѣть ущерба отъ того, что предстоятель ея сдѣлалъ безъ согласія своихъ клириковъ и великаго собора. Были и другіе подобныя синодскія рѣшенія.

Славянская кормчая. *Правило 120.* Никтоже себе да не отмститъ самъ, мняся правъ быти, но епископи да судятъ, или имъ же повелитъ митрополитъ, или ближніи епископи по совѣту. Аще же мнится отъ митрополита грамоту вземъ о томъ якоже взяти свое, самъ ся прельщаетъ.

Толкованіе. Аще которыи епископъ отъ своего правленіа, или село, или люди, или ино что отъ таковыхъ, въ нѣкоемъ предѣлѣ имать, отъ иного епископа держимо, близъ его сущымъ епископомъ пріити, и о томъ припасти долженъ есть. Самъ же себѣ да не будетъ местникъ, и господьски взяти да не покусится. Еже мнитъ свое сущо. Аще же и грамоту возметъ отъ митрополита о томъ, яко да отъиметъ люди своя отъ епископа того, самъ ся прельщаетъ: никоея же бо пользы отъ того прииметъ, аще не самъ епископъ иже имать мирно не восхощетъ, отпустити ихъ, да судомъ епископъ побѣжденъ возвратитъ.

Κανὼν ρλε΄.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα οἵ τινες δήποτε ἀμελοῦσι τῶν τόπων τῶν ἀνηκόντων τῇ αὐτῶν καθέδρᾳ, πρὸς τὸ τούτους κερδᾶναι εἰς τὴν Καθολικὴν ἑνότητα, ἐγκληθῶσιν ἀπὸ τῶν γειτνιώντων αὐτοῖς ἐπιμελῶν Ἐπισκόπων, περὶ τοῦ, μὴ ἀναβάλλεσθαι τοῦτο πράξαι. Διό, ἐὰν ἐντὸς προθεσμίας μηνῶν ἓξ ἀπὸ τῆς ἡμέρας τῆς περὶ τούτου συνελεύσεως μηδὲν ἀνύσωσι· τῷ δυναμένῳ λοιπὸν τούτους κερδᾶναι προσχωρωθῶσιν· ἅτως

Пра́вило ρ҃лє.

Постано́влено и҆̀ сі́е: а҆́ще нѣ́кіи гре́си҃ ѡ҆ прїѣ́мленіи Кафоли́ческомъ є҆ди́нені҃ю мѣ́ста принадлежа́щихъ къ престо́лу и҆́хъ: да ѡ҆блича́ются ѿ сосѣ́днихъ тща́тельныхъ є҆пі́скопскъ, дабы́ не ѿлага́ли сего́ дѣ́ла. Того́ ра́ди, а҆́ще въ продолже́ніи шестимѣ́сячнаго сро́ка, ѿ дня҆ сокаще́нія ѡ҆ се́мъ, ничего́ не сдѣ́лаютъ: что́ по́слѣ сего́ мѣ́ста

μέντοι, ἵνα ἐὰν ἐκεῖνος, πρὸς ὃν δείκνυνται ἀνήκειν οἱ τοιοῦτοι, ἐξεπίτηδες διά τινα οἰκονομίαν ἔδοξεν ἀμελεῖν, τοῦτο τῶν αἱρετικῶν ἐπιλεξαμένων, ὥστε ἀθορύβως αὐτοὺς παραδέξασθαι, καὶ ἐν τοσούτῳ ἡ αὐτοῦ ἐπιμέλεια ὑπὸ ἑτέρου προελήφθη, ᾗ τινι εἰ κατεχρήσατο, τοὺς αὐτοὺς αἱρετικοὺς πλέον ἐκάκιζε, τούτου μεταξὺ Ἐπισκόπων κρινόντων διαγινωσκομένου, οἱ τόποι τῇ αὐτοῦ καθέδρᾳ ἀποκαταζαθῶσι. Τῶν δὲ κρινόντων Ἐπισκόπων ἐκ διαφόρων ὄντων ἐπαρχιῶν, ἐκεῖνος ὁ πρωτεύων τοὺς δικαζὰς δώσει, οὗ τινος ἐν τῇ χώρᾳ ὁ αὐτὸς ὑπάρχει τόπος, περὶ οὗ φιλονεικεῖται. Ἐὰν δὲ κατὰ κοινὴν συναίνεσιν γείτονας ἐπιλέξωνται κριτάς· ἢ εἷς ἐπιλεγῇ, ἢ τρεῖς. Καὶ ἐὰν τρεῖς ἐπιλέξωνται καὶ ἀρεσθῶσι, ἢ τῇ τῶν ὅλων ψήφῳ ἐξακολουθήσωσιν, ἢ τῇ τῶν δύο.

тѣ҃ да предостáвятся моги́щемъ пріѡбрѣсти́ ѻ҃ныя. Впрóчемъ, а҆́ще тóтъ, котóромъ ѻ҃ныя мѣ́ста показ҃ются принадлежа́щими, за полéзное признава́лъ не дѣ́йствовати, по нѣ́коей смотрѣ́нію, потомъ, что́ сі́е предпочи́лъ ере́тики, дабы ѻ҃нѣхъ мóгъ прія́ти ѝхъ къ Кафоли́ческой Цр҃кви, ѕ҃лѣ смяте́нїя наро́дная, а҆ между тѣ́мъ дрз҃ги́мъ предъпреждено́ е҆гѡ̀ дѣ́йствованіе, оу҆потребле́нїемъ кото́раго ра́нѣе, ѻ҃нѣхъ ко́лѣе ѿзло́билъ къ ере́тикѡвъ: то́, по разсмотрѣ́нїи сего̀ сѫ́дящими вѝскопами, мѣ́ста тѣ҃ да ко́дѣтъ возвращены́ престо́лъ е҆гѡ̀. Когда́ сѫ́дящимъ вѝскопамъ надлежи́тъ кѝти и҃з ра́зныхъ ѻ҃бластей: тогда́ сѫде́й назна́читъ тóтъ пе́рвенствующій вѝскопъ,

кѫ ѻ҃бласти котóрагѡ нахóдитсѧ мѣ́сто подлежа́щее спóрꙋ. Ѩ҆ціе же по ѻ҃бщемꙋ согла́сію и҆збира́ти кꙋ́дꙋтѣ сꙋдéй и҆з сосѣ́днихъ є҆пи́скопѡвъ: то́ и҆ли є҆ди́нъ кꙋ́детъ и҆збра́нъ, и҆ли три́. И҆ а҆ціе три́ кꙋ́дꙋтѣ и҆збраны́ и҆ при́знаны: то́ да покоря́тсѧ рѣшéнію и҆ли є҆ди́нꙋ и҆ли двои́хъ.

Зонара. Если нѣкоторые епископы, говоритъ правило, не брегутъ о мѣстахъ, принадлежащихъ церквамъ ихъ, чтобы пріобрѣсть ихъ, т. е. дѣлать своими, то должны быть обвиняемы сосѣдними епископами предъ каѳолическимъ единствомъ, т. е. предъ соборомъ, соединеннымъ каѳолическою вѣрою; а если въ теченіе шести мѣсяцевъ, со времени обвиненія, не сдѣлаютъ, по безпечности, ничего для пріобрѣтенія мѣстъ, принадлежащихъ церквамъ ихъ: то мѣста эти должны быть предоставлены могущему пріобрѣсти ихъ, т. е. сдѣлать своими. А если епископъ, которому принадлежали мѣста, откладывалъ не по нерадѣнію, а по тому соображенію, что, можетъ быть, владѣющіе мѣстами еретическіе епископы пожелаютъ быть присоединены къ каѳолической церкви подъ условіемъ, чтобы они были охранены отъ народнаго смятенія, и въ то время пока по этой причинѣ епископъ медлилъ, предвосхитилъ ихъ другой: то мѣста должны быть возвращены тому епископу, которому принадлежали, по разсмотрѣніи этого дѣла епископами. Ибо еслибы епископъ поспѣшилъ отнять эти мѣста у владѣвшихъ ими еретиковъ, то болѣе озлобилъ бы ихъ, т. е. сдѣлалъ бы худшими и возбудилъ бы на большее зло. А епископовъ, долженствующихъ произвести рѣшеніе по этому дѣлу, долженъ дать первенствующій въ той области, въ которой на-

ходится спорное мѣсто. Если же судящіеся изъ за мѣстъ сами захотятъ избрать судей, то, говоритъ правило, долженъ быть избранъ или одинъ, или три. Если будетъ избранъ одинъ, то (тяжущіеся) должны подчиниться рѣшенію его; ибо рѣшеніе судьи, который былъ избранъ, не должно подвергаться пересмотру въ другомъ судѣ; если же три, то они могутъ быть или согласны, и въ такомъ случаѣ ихъ рѣшеніе по необходимости должно имѣть силу, или мнѣнія ихъ раздѣлятся, такъ что двое будутъ одного мнѣнія, а третій другаго, и въ семъ случаѣ должно имѣть силу рѣшеніе большинства.

Аристинъ. Небрегущимъ о томъ, что имъ принадлежитъ, да будетъ напоминаемо; и если въ теченіе шести мѣсяцевъ ничего не сдѣлаютъ, то да будетъ предоставлено могущему пріобрѣсти. Если впрочемъ медлили съ цѣлію, чтобы не раздражить еретичествующихъ, и это будетъ доказано на судѣ епископовъ, или данныхъ или избранныхъ, то должно быть возвращено ихъ (медлившихъ) престолу.

Если какіе епископы будутъ не радѣть о принадлежащихъ престолу ихъ мѣстахъ, и получивъ напоминаніе отъ сосѣднихъ рачительныхъ епископовъ, чтобы всячески позаботились убѣдить находящихся тамъ еретиковъ обратиться въ православіе, въ теченіе шести мѣсяцевъ не сдѣлаютъ ничего, но останутся въ томъ же самомъ пренебреженіи и безпечности: то мѣста должны быть предоставлены другимъ епископамъ, могущимъ пріобрѣсти оныя. Если впрочемъ они не были особенно тщательны по благоусмотрѣнію, чтобы, можетъ быть, не возбудить еретиковъ къ большему безстыдству, и молчали въ надеждѣ лучше пріобрѣсть ихъ посредствомъ терпѣнія и великодушія, а между тѣмъ какіе нибудь другіе епископы предвосхитили благое ихъ намѣреніе, и мѣста еретиковъ были утверждены за тѣми, а на судѣ епископовъ, или назначенныхъ первенствующимъ, или избранныхъ тѣми и другими епископами, будетъ доказано, что они медлили именно съ такою поучительною цѣлію по отношенію къ еретикамъ: то таковыя мѣста опять должны быть возвращены прежнему престолу.

Вальсамонъ. Иные относили это правило къ епископамъ небрегущимъ о возвратѣ мѣстъ, принадлежащихъ церквамъ ихъ по праву собственности; а я, толкуя его по надписа-

нію [1]) и утверждаю, что отцамъ было угодно, чтобы, если какіе епископы нерадятъ объ ученіи людей, находящихся въ ихъ епархіяхъ, или о пріобрѣтеніи душъ ихъ, должны быть призываемы на судъ предъ каѳолическое единство, т. е. на ежегодный соборъ, на которомъ должныполучить увѣщаніе отъ сосѣднихъ заботливыхъ епископовъ, чтобы не нерадѣли, а учили подчиненныхъ имъ людей, А если послѣ того какъ было сдѣлано увѣщаніе, получившіе оное не исправятся и не возмутся за дѣло ученія въ теченіе шести мѣсяцевъ: то таковыя мѣста должны быть предоставлены другому ближайшему епископу, могущему пріобрѣсти ихъ, т. е. освоить себѣ чрезъ ученіе; если же епископъ, который прежде владѣлъ этою областію, скажетъ, что онъ по какому нибудь благоусмотрѣнію оставлялъ поученіе находящихся тамъ людей, какъ напримѣръ потому, что бывшіе въ ней еретики хотѣли обратиться безъ всякаго обличенія и считали справедливымъ принять слово истины безъ огласки, и потому онъ оставлялъ поученіе, чтобы, неблагоразумно пользуясь имъ, еще болѣе не поощрить еретиковъ на зло, такъ какъ они раздражаются отъ обличеній, и все это дознано будетъ епископами: то область должна быть возвращена этому самому епископу. А поелику нѣкоторые, вѣроятно, возбуждали вопросъ: кто долженъ разсудить такое дѣло? то отцы опредѣлили, что судящіе епископы должны быть назначаемы первенствующимъ въ области, т. е. митрополитомъ, кого онъ опредѣлитъ, (такъ какъ и спорное мѣсто находится въ его области); если же судящіеся изъ за мѣста сами захотятъ избрать себѣ судей изъ сосѣднихъ епископовъ, то они не должны избирать многихъ, но или одного или трехъ; если будетъ избранъ одинъ, то должны будутъ послѣдовать его рѣшенію, ибо рѣшеніе избраннаго судьи не подлежитъ пересмотру; если же три, то они могутъ быть или согласны, и въ такомъ случаѣ рѣшеніе ихъ необходимо должно имѣть силу, или же раздѣлятся между собою и, слѣдовательно, получитъ силу рѣшеніе большин-

[1]) Надъ греческимъ текстомъ правила стоитъ такое надписаніе: Περὶ τῶν ἀμελούντων τῶν αὐτοῖς ἀνηκόντων λαῶν, т. е. о епископахъ, нерадящихъ о принадлежащихъ имъ людяхъ.

ства. Такъ настоящее правило наказываетъ тѣхъ, которые не учатъ подчиненныхъ имъ людей. А 58-е правило св. апостоловъ говоритъ буквально такъ: „епископъ или пресвитеръ, нерадящій о причтѣ и о людяхъ, и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности, да будетъ изверженъ". И мнѣ кажется, что скорѣе должно дѣйствовать апостольское правило: ибо несправедливо, чтобы вслѣдствіе нерадѣнія епископа, епископія лишилась принадлежащей ей мѣстности; впрочемъ и предписанное въ апостольскомъ правилѣ должно быть приведено въ исполненіе послѣ того, какъ епископъ получитъ увѣщаніе по настоящему правилу. А что содержится въ настоящемъ правилѣ относительно благоусмотрѣнія, принимай и для другихъ благословныхъ причинъ: ибо не должно считать нерадивымъ епископа больнаго, или занятаго высшими церковными дѣлами." Прочти и 139 правило настоящаго собора, которое наказываетъ такого нерадиваго епископа лишеніемъ общенія, слѣдуя указанному апостольскому правилу.

Славянская кормчая. *Правило 121.* Иже подобныхъ имъ вещей не брегутъ, до воспомянется имъ о нихъ. Аще же до скончанія шести мѣсецъ, не сотворятъ ничто же, къ могущымъ я приобрѣсти да приложатся. Аще ли по смотренію не брегоми быша, яко да не раздражатъ еретикъ, и се явится судящимъ епископомъ, или данымъ, или избраннымъ, тѣхъ сѣдалищу да поставятся.

Толкованіе. Аще нѣціи отъ епископъ, о мѣстѣхъ своего сѣдалища не брегутъ, въ нихъ же живутъ еретици, и воспомянутъ имъ близъ сущіи епископи прилѣжати о своихъ епископіахъ, яко да воздвигшеся; и всячески потщатся ту сущыя еретики обратити на правовѣріе. Аще же по воспоминаніи за шесть мѣсецъ, ничто же не сотворятъ, но въ таковѣмъ небреженіи и лѣности пребываютъ, иному епископу могущему сія приобрѣсти, та мѣста да вдадятся. Аще же ни по смотрѣнію не подвигошася на прилѣжаніе ученія ихъ, да не единаче еретикъ на большее противленіе воздвигнутъ, но надѣющеся кротостію паче и долготерпѣніемъ сихъ приобрѣсти умолчаша, и между тѣмъ временемъ, иніи нѣціи епископи прилѣжаніемъ на обращеніе сотвориша, и приложишася къ нимъ мѣста, въ нихъ же еретици жи-

вутъ: и се аще явится предъ судіями, судіи же суть епископи, или отъ митрополита на то вданіи, или отъ обою суперника избрани: и аще обрящутся, яко таковаго ради строенія, о ученіи ихъ не брегоша, паки къ епископіамъ ихъ да возвратятся таковая мѣста. И къ сему ищи правила святыхъ апостолъ, 58-го.

Κανων ρλ΄.

Ἀπὸ δὲ τῶν δικαζῶν, τῶν κατὰ κοινὴν συναίνεσιν ἐπιλεγέντων, μὴ ἐξεῖναι ἐκκαλεῖσθαι. Ὅστις δὲ δήποτε ἀποδειχθείη διὰ μονοτονίαν μὴ θέλειν τοῖς δικαζαῖς πειθαρχῆσαι· τοῦτο γινώσκων ὁ τῆς πρώτης καθέδρας Ἐπίσκοπος δώσει γράμματα, ὥστε μηδένα τῶν Ἐπισκόπων αὐτῷ κοινωνῆσαι, ἕως οὗ πειθαρχήσῃ.

Правило рлѕ.

Ѿ сѹде́й же, по ѻ҃бщемѹ согла́сію и҃збранныхъ, да не сѹдетъ позво́лено преноси́ти дѣ́ло къ вы́шшій сѹдѹ. А҆ ѡ҃ ко́мъ до́знано сѹдетъ, и҃ко по оу҃по́рствѣ не хо́четъ покиноча́тисѧ сѹдїа́мъ: ѡ҃ то́мъ оу҃кѣда́къ є҃пи́скопъ пе́ркаго престо́ла, да́етъ гра́мотѹ, да никто́ и҃з є҃пи́скопъ не прїе́млетъ є҃гѡ къ ѻ҃бщенїе, докол҃ѣ не покори́тсѧ.

Зонара. Если имѣющіе между собою тяжбу по общему согласію изберутъ судей, то не должно быть позволено имъ апеллировать на ихъ рѣшеніе въ высшій судъ; это предписываетъ и гражданскій законъ въ 7 кн. 2 тит. 19 главѣ (Василикъ), говоря: „избранный судья рѣшаетъ по своему усмотрѣнію, и претору нѣтъ дѣла до его рѣшенія“; затѣмъ правило прибавляетъ: а кто по упорству, т. е. настойчивости на своемъ мнѣніи, или по безстыдству, не повинуется судьямъ, о томъ епископъ перваго престола долженъ граматою дать знать епископамъ, чтобы не были въ общеніи съ нимъ, пока не послушается.

Аристинъ. Судья, избранный обѣими сторонами, не можетъ быть отвергнутъ.

Ни епископы, ни клирики послѣ того какъ избрали по общему согласію судей и были осуждены ими, не могутъ требовать пересмотра рѣшенія ихъ; и это опредѣлено не здѣсь только, но и въ другихъ правилахъ настоящаго собора.

Вальсамонъ. Правило ясно; ибо опредѣляетъ, что никто не долженъ требовать пересмотра рѣшенія епископовъ, судившихъ по избранію сторонъ; а кто сдѣлаетъ это, осуждается первенствующимъ, т. е. митрополитомъ, на лишеніе общенія. Въ виду этого правила нѣкоторые говорили, что такъ дѣлается согласно 19 главѣ 2 тит. 7 книги (Василикъ), гдѣ сказано: „избранный судья рѣшаетъ по своему усмотрѣнію, и претору нѣтъ дѣла до его рѣшенія"; а мнѣ кажется, что правило говоритъ не о такихъ избранныхъ судьяхъ (которые, т. е., будучи частными лицами, дѣлаются только вслѣдствіе дачи залога), но объ епископахъ, имѣющихъ право производить судъ, что бываетъ въ частности и единственно въ церковныхъ дѣлахъ, какъ и многое другое; ибо гражданскіе законы позволяютъ аппеллировать противъ всякаго судьи, хотя бы кто былъ поставленъ и по избраніи сторонъ.

Славянская кормчая. *Правило 122.* Иже отъ обою суперніку, изволеныи судіа, не преложенъ.

Толкованіе. Епископи и причетници, аще нѣкую прю имуще между собою, общимъ совѣтомъ судіи изберуть нѣкія отъ епископъ, и предъ ними суждени бывше, па судъ ихъ не могутъ индѣ нигдѣ же припасти, не преложенъ бо есть: и се не здѣ токмо, но и во инѣхъ правилѣхъ сего собора повелѣно есть.

Κανὼν ρλζ'.

Ἐὰν ἐν τοῖς ματρικίοις, ἤγουν ἐν ταῖς καθέδραις, Ἐπίσκοπος ἀμελὴς γένηται κατὰ τῶν αἱρετικῶν· ὑπομνη-

Правило рл҃з.

Аще є҆пі҆скопъ нерадѣ҆ти бу҆детъ ѡ҆ возвраще҆нїи ѡ҆ є҆ретїкѡ́въ принадлежа́щаго цр҃кви по спи́с-

σθείη ἀπὸ τῶν γειτνιώντων Ἐπισκόπων ἐπιμελῶν, καὶ ὑποδειχθείη αὐτῷ ἡ ἰδία περιφρόνησις πρὸς τὸ μὴ ἔχειν ἀπολογίαν. Ἐὰν δὲ ἀφ' ἧς ἡμέρας ὑπομνησθῇ, ἐντὸς μηνῶν ἓξ ἐν τῇ αὐτῇ ἐπαρχίᾳ διάγων, μὴ τῶν ὀφειλόντων πρὸς τὴν Καθολικὴν ἑνότητα ἐπισραφῆναι τὴν φροντίδα ποιήσηται· τῷ τοιούτῳ μὴ συγκοινωνηθῇ, ἕως οὗ τοῦτο πληρώσῃ. Εἰ δέ ὁ ἐπεξεργαζὴς εἰς τοὺς αὐτοὺς τόπους μὴ παραγένηται· τῷ Ἐπισκόπῳ μὲ ἐπιγραφῇ.

камъ, йлѝ са́мыхъ ка-ѳе́дръ: то̀ да оу̀вѣщаю́тъ его̀ сосѣ́дніе тща́тельные е҆пи́скопы, и̂ да пока́жутъ ем҃ъ его̀ нєкрєже́нїе, дабы̀ не и҆мѣ́ти ем҃ъ и҆звине́нїя. А҆́ще же въ тече́нїи шести́ мѣ́сяцовъ, ѿ дня̀ оу̀вѣща́нїя, пребыва́я въ то́й же е҆па́рхїи не козни́мѣетъ попече́нїя ѿ долженствующихъ возрати́тися къ Каѳоли́ческомъ ҆дине́нїю: съ такови́мъ да не сообща́ются, доко́лѣ не и҆спо́лнитъ того̀. А҆́ще же не прїи́детъ къ о҃ны́мъ мѣ́стамъ содѣ́йствователь (*): то е҆пи́скопъ да не поста́нится къ нимъ недѣ́йствованїе.

(*) Свѣтскій начальникъ, долженствующій содѣйствовати Епископу, дабы еретики не уклонялись бывъ призываемы для увѣщанія или отвѣта.

Зонара. Донатисты имѣли своихъ епископовъ и свои метрики, т. е. описи принадлежащаго церквамъ ихъ. Итакъ правило говоритъ, что если православный епископъ будетъ

нерадѣть о присвоеніи каѳедръ еретиковъ и того, что принадлежитъ имъ по описямъ, и не будетъ заботиться о тѣхъ, которые должны быть обращены въ каѳолическую церковь: то долженъ быть увѣщеваемъ къ тому сосѣдними епископами; и если послѣ увѣщанія въ теченіе шести мѣсяцевъ не позаботится о дѣлѣ, живя тамъ, то никто не долженъ состоять въ общеніи съ нимъ. Если же, говоритъ правило, онъ находится на мѣстѣ, а нѣтъ „содѣйствователя", т. е. начальствующаго въ странѣ, который бы оказалъ помощь въ дѣлѣ и привлекъ еретиковъ къ отвѣту и противъ воли ихъ, или, быть можетъ, нѣтъ эдикта, даннаго царемъ для защиты (церкви), по 109 правилу: то откладываніе не должно быть приписано нерадѣнію епископа, если оно случилось по причинѣ отсутствія начальника, или защитника (эдикта).

Аристинъ. Епископъ не прилагающій попеченія объ еретикахъ и получающій увѣщаніе, если остается при своемъ небреженіи въ теченіе шести мѣсяцевъ и не будетъ заботиться объ ихъ обращеніи, да будетъ внѣ общенія.

Вышеписанное 135-е правило — епископа невнимателъ наго къ дѣлу исправленія еретиковъ и послѣ увѣщанія (состороны другихъ епископовъ), , не позаботившагося объ обращеніи ихъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, осуждаетъ на то, что мѣста его должны быть предоставлены другому епископу, могущему обратить еретиковъ въ каѳолическую вѣру. А настоящее правило подвергаетъ его лишенію общенія и повелѣваетъ быть въ отлученіи до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ принадлежащаго ему дѣла. И повидимому это правило противорѣчитъ 135-му правилу, такъ какъ назначаетъ другое наказаніе епископу, небрегущему объ обращеніи еретиковъ; но противорѣчія между ними нѣтъ; ибо когда найдется другій епископъ, принимающій на себя попеченіе объ нихъ, то пренебрегшій ихъ спасеніемъ долженъ быть лишенъ епископскаго права, какое имѣлъ на нихъ, и это право должно быть предоставлено другому; а когда ни другой не приметъ попеченія объ нихъ, ни самъ онъ не будетъ заботиться объ ихъ обращеніи, въ такомъ случаѣ долженъ быть подвергнутъ наказанію отлученія. Если же и послѣ отлученія останется въ этой безпечности, то долженъ быть изверженъ, по 58-му правилу св. апостоловъ.

Вальсамонъ. Въ 135-мъ правилѣ мы достаточно написали объ епископахъ, небрегущихъ объ ученіи подчиненныхъ имъ людей, о каковыхъ говоритъ и настоящее правило, присовокупляя, вслѣдъ за апостольскимъ правиломъ, что должны быть наказаны лишеніемъ общенія тѣ, которые послѣ увѣщанія небрегутъ о наставленіи еретиковъ, находящихся въ ихъ метрикахъ, т. е. числящихся въ документахъ каѳедръ или церквей. А если, говоритъ (правило), содѣйствователь, получивъ отъ епископа приглашеніе явиться на мѣсто и призвать еретиковъ, не сдѣлаетъ этого: то епископъ будетъ невиненъ; ибо и это—причина благословная, какъ болѣзнь и прочія. А содѣйствователь есть или мѣстный экзархъ, завѣдывающій этимъ, или начальникъ страны, который необходимо долженъ помогать епископу въ подобныхъ случаяхъ, или, что вѣроятнѣе, мѣстный экдикъ, поминаемый въ 109-мъ правилѣ настоящаго собора.

Славянская кормчая. *Правило 123.* Небрегій епископъ о еретицѣхъ прилѣжанія, и воспоминаніе пріимъ отъ инѣхъ епископъ, и во своемъ небреженіи пребывая за шесть мѣсецъ, не попечется о тѣхъ обращеніи, да будетъ безъ общенія.

Толкованіе. Прежде убо написаное 121 правило, не брегущаго епископа, о исправленіи еретикъ, ниже воспоминаніи за шесть мѣсецъ не попекшася о обращеніи ихъ, осуждаетъ, отъяти отъ него таковая мѣста, иному епископу, могущему обратити ихъ, къ вѣрѣ соборныя церкве. Се же правило, таковыя отъ общенія отлучати повелѣваетъ, дондеже подобное имъ дѣло совершатъ. И мнится яко правило се противится, сто двадесять первому правилу, и иное паче оного наводя запрещеніе на епископа, нерадящаго о обращеніи еретикъ. Но обаче оно правило, сему нѣсть противно. Но егда убо обрящется епископъ инъ прилѣжаніемъ, еже поучати еретики, на ся пріемъ, да отъимутся мѣста, въ нихъ же имѣяше власть, небрегій о спасеніи ихъ епископъ, и да приложатся ко обратившему ихъ на вѣру епископу. Егда же ни инъ епископъ, попеченіа ихъ на ся не возметъ, ни той о обращеніи ихъ не прилѣжитъ, тогда отлученіа запрещенію повиненъ будетъ. Аще же и по отлученіи въ таковѣй лѣности пребываетъ, да будетъ изверженъ, по 58-му правилу святыхъ апостолъ.

Κανὼν ρλή.

Ἐὰν δὲ ἀποδειχθῇ τὸν τοιοῦτον ψευσάμενον περὶ τῆς ἐκείνων κοινωνίας, ἐν τῷ λέγειν, αὐτοὺς κεκοινωνηκέναι, οὓς δείκνυται συνειδήσει αὐτοῦ μὴ κοινωνῆσαι· καὶ τὴν Ἐπισκοπὴν ἔτι μὴν ἀπολέσει.

Пра́вило ρ҃л҃и.

А҆ще́ же дока́зано бу́детъ, а҆́ко таково́й ло́жно показа́лъ ѡ҆ ѡ҆бще́нїи и҃ны́хъ, то́ е҆́сть донати́стѡкъ, говоря́, что́ о҆́ни приста́пили къ ѡ҆бще́нїю, тогда́ ка́къ до́знано, что́ о҆́ни не приста́пали, и҆ и҃ны́хъ зна́лъ ѡ҆ се́мъ: таково́й да лиши́тсѧ и҆ е҆пи́скопи́ѧ.

Зонара. Если епископъ, обвиняемый въ томъ, что не пріобрѣлъ владѣній еретиковъ, скажетъ, что онъ привелъ еретиковъ въ общеніе съ каѳолическою церковію и потому самъ не радѣлъ о возвращеніи (отъ еретиковъ принадлежащаго церкви), потомъ будетъ обличенъ во лжи, такъ какъ еретики не приступали къ общенію, или, можетъ быть, приступили безъ его вѣдома и старанія: то долженъ лишиться епископства, т. е. быть изверженнымъ.

Аристинъ. Назвавшій припятымъ въ общеніе того, о комъ знаетъ, что не имѣетъ общенія, не епископъ.

Всякій епископъ, который, зная, что донатисты не обратились къ каѳолической церкви, вступитъ съ ними въ общеніе, говоря, что онъ обратилъ ихъ въ православіе, долженъ быть изверженъ, какъ ложно показывающій объ общеніи ихъ и обманувшій церковь Божію.

Вальсамонъ. Отцы, опредѣливъ, какъ должны быть наказываемы небрегущіе объ обращеніи, посредствомъ ученія, находящихся въ ихъ области еретиковъ, и присовокупивъ, что тѣ, которые имѣли законное препятствіе къ тому, прощаются, теперь говорятъ еще, что если кто нибудь изъ нихъ скажетъ, что онъ имѣлъ бесѣду съ находящимися въ его области еретиками, для наученія ихъ, и будетъ доказано,

что онъ солгалъ: то таковый долженъ быть подвергнутъ не только отлученію, но и изверженію за крайнюю свою небрежность и коварство.

Славянская кормчая. *Правило 124.* Рекіи приобщена быти его же вѣдаше не приобщена, не епископъ.

Толкованіе. Аще которыи епископъ донатіаны вѣдыи, къ соборнѣй церкви не обрящьшася, приобщится съ ними, рекше служити, глаголя, обратити я на правовѣріе, и не обратитъ, таковыи яко солгавъ во обращеніи ихъ, и церковь Божію прельстивъ, да будетъ изверженъ.

Κανὼν ρλθ'.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα πρεσβύτεροι, διάκονοι, καὶ οἱ λοιποὶ κατώτεροι κληρικοί, ἐν αἷς ἔχουσιν αἰτίαις, ἐὰν περὶ τῆς ψήφου τοὺς ἰδίους Ἐπισκόπους μέμφωνται, οἱ γειτνιῶντες Ἐπίσκοποι τούτων ἀκροάσωνται, καὶ τὰ μεταξὺ τούτων περατώσωσιν οἱ παρ' αὐτῶν, κατὰ συναίνεσιν τῶν ἰδίων αὐτῶν Ἐπισκόπων, προσλαμβανόμενοι. Ἐὰν δὲ καὶ ἀπ' αὐτῶν ἐκκαλέσασθαι θελήσωσι· μὴ ἐκκαλέσωνται, εἰ μὴ πρὸς τὰς τῆς Ἀφρικῆς Συνόδους, ἢ πρὸς τοὺς πρωτεύοντας τῶν ἰδίων αὐτῶν ἐπαρχιῶν. Πρὸς δὲ τὰ πέραν τῆς θαλάσσης ὁ βουλόμενος ἐκκαλεῖσθαι, ἀπό

Пра́вило ρ҃л҃θ҃.

Постано́влено и҆̀ сіѐ: а҆́ще пресвѵ́теры, дїа́коны, и҆̀ про́чіе ни́зшіе и҆̀з кли́ра, по и҆мѣ́ющымсѧ ѹ҆̀ ни́хъ дѣла́мъ, не дово́льны рѣше́нїемъ свои́хъ є҆пі́скопшихъ: то́ сосѣ́дніе є҆пі́скопы да слы́шютъ и҆́хъ, и҆̀ прекосло́вїѧ и҆́хъ да разрѣша́ютъ и҆́збранные и҆́ми, по согла́сію со́бственныхъ и҆́хъ є҆пі́скопшихъ. а҆́ще же и҆̀ ѻ҆̀ ни́хъ восхотя́тъ пренести́ дѣ́ло къ вы́шшїй сѹ́дѣ: то́ да прено́сятъ то́кмо къ а҆фрі́канскіе собо́ры, и҆ли́ къ перъвенствующымъ є҆пі́скопамъ свои́хъ о҆́бластей. и҆̀ жела́ющїй пренести́ дѣ́-

μηδενὸς ἐν Ἀφρικῇ δεχθείη εἰς κοινωνίαν.

ло за мо́ре (*), никѣмъ къ а҃фрїкѣ да не прїе́млетсѧ къ ѡ҃бщенїе.

*) Въ Римъ.

Зонара. Разныя правила опредѣлили, что церковные клирики, имѣющіе между собою тяжбу, должны судиться у епископовъ, которымъ подчинены. А настоящее правило даетъ постановленіе относительно аппелляцій (περὶ ἐγκλήτων) и говоритъ, что если судившіеся у епископовъ клирики будутъ недовольны рѣшеніемъ ихъ, то должны выслушивать ихъ сосѣдніе епископы и постановлять приговоръ, не погрѣшительно ли (прежнее) рѣшеніе. А судьями по аппелляціи должны быть тѣ, которые будутъ избраны тяжущимися, съ согласія епископовъ ихъ. Если же тяжущіеся будутъ не довольны приговоромъ епископовъ, судившихъ по аппеляціи: то приговоръ долженъ быть разсмотрѣнъ на соборахъ въ Африкѣ и первенствующими въ областяхъ, т. е. тѣми, которые преимуществуютъ предъ другими. А если кто, говоритъ (правило), пожелаетъ перенести дѣло за море, т. е. къ италійскимъ епископамъ и тамошнему собору, да будетъ лишенъ общенія на соборѣ Африки.

Аристинъ. Пресвитеры и діаконы, будучи недовольны епископами, пусть переносятъ дѣло къ сосѣднимъ епископамъ, но не должны переправляться за море; ибо лишены будутъ общенія въ Африкѣ.

Это было опредѣлено и въ 37 правилѣ настоящаго собора, именно—что никакой пресвитеръ, или діаконъ, осужденный своимъ епископомъ и недовольный приговоромъ, и желающій просить о пересмотрѣ его, не долженъ переправляться за африканское море и обращаться съ этимъ (дѣломъ) въ Римъ, но долженъ аппеллировать къ сосѣднимъ епископамъ и предъ ними вести свое дѣло; если же поступитъ иначе, то долженъ быть лишенъ общенія въ Африкѣ. А запрещено это, думаю, и по причинѣ опасностей на морѣ, и потому, чтобы стороны не принимали на себя тягостей и расходовъ вслѣдствіе долговременной отлучки на чужбину.

Вальсамонъ. Отцы говорятъ, что если какой клирикъ будетъ осужденъ своимъ епископомъ и остается недоволенъ, (приговоромъ), то онъ не долженъ переносить дѣло на соборъ другой области, находящійся далеко, но долженъ просить о выслушаніи его сосѣднихъ епископовъ, съ согласія осудившаго его собственнаго епископа. А если и рѣшеніемъ такихъ судей по аппелляціи будетъ недоволенъ, то не долженъ переносить дѣла на заморскіе соборы, т. е. римскіе, но на ближайшіе, т. е. африканскіе соборы, или къ областнымъ митрополитамъ первоначально судившихъ епископовъ; если же кто поступитъ вопреки этому, долженъ быть осужденъ на лишеніе общенія. Итакъ замѣть изъ настоящаго правила, что, слѣдуя гражданскому закону, и отцы дозволили осужденнымъ дважды просить пересмотра дѣла. Еще замѣть, что во время настоящаго собора митрополиты не имѣли по отношенію къ своимъ епископамъ и къ подчиненнымъ имъ клирикамъ такихъ правъ, какія имѣютъ нынѣ; ибо осуждаемые епископами клирики могли просить о выслушаніи сосѣднихъ епископовъ, что нынѣ не можетъ быть допущено въ силу постановленія, какое было сдѣлано о митрополитахъ областей на 4-мъ соборѣ. А такъ какъ законъ говоритъ, что обратившіеся съ аппелляціею къ ненадлежащему судьѣ должны потерпѣть ущербъ, то въ настоящемъ правилѣ принято за ущербъ лишеніе общенія.

Славянская кормчая. *Правило 125.* Презвитеръ, или діаконъ, аще имать нѣчто на своего епископа, къ ближнимъ епископамъ да припадаетъ, и да не преплаваетъ пучины морскія: безъ общенія бо таковыи, да будетъ во Африкіи.

Толкованіе. Се и въ 28-мъ привилѣ, сего собора повелѣно есть, еже презвитеру или діакону отъ своего епископа осуждену бывшу, и суда его не пріемлющу, и хотящу нань припадати, пучины африкійскаго моря, да не преплаваетъ, и о томъ къ римскому епископу да не ходитъ, но къ ближнимъ епископомъ да припадетъ, и отъ тѣхъ да разсудится. Аще ли же ни, не приобщенъ будетъ во Африкіи. Иже возбранено бысть яко же мню, морскія ради бѣды и сокрушенія, и многаго ради истощанія, еже на потребу обѣима суперникома пріяти на страннѣй земли, далняго ради шествія.

Κανὼν ρμ΄.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὁστισδήποτε τῶν Ἐπισκόπων, δι' ἀνάγκην τῆς παρθενικῆς σωφροσύνης κινδυνευούσης, ὅτε ἡ ἁρπαξ ἐραστὴς δυνατὸς, ἢ ἅρπαξ τίς ἐστιν ἐν ὑποψίᾳ, ἢ ἔτι μὴν ὑπό τινος θανατηφόρῳ κινδύνῳ αὕτη ἔσηται νυχθεῖσα, παρακαλούντων ἢ τῶν γονέων αὐτῆς, ἢ ὧν τῇ φροντίδι ἀνάκειται, διὰ τὸ μὴ χωρὶς τοῦ σχήματος τελειωθῆναι, καλύψῃ παρθένον ἢ ἐκάλυψεν, ἐντὸς χείρας ἐνιαυτῶν εἰκοσιπέντε, μηδὲν τὸν τοιοῦτον βλάψῃ ἡ περὶ τούτῳ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν ἐνιαυτῶν καταξαθεῖσα Σύνοδος.

Пра́вило ѯ҃.

Постано́влено и҆̀ сіѐ: а҆́ще кто́ и҆̀з є҆пи́скопwвъ по нѹ́ждѣ, къ о҆па́сности ѹ҆грожа́ющей ц҃ѣломѹ́дрію дѣ́вы, когда́ е҆́сть подозрѣ́ніе и҆ли́ ѡ҆ люби́телѣ си́льномъ, и҆ли́ ѡ҆ како́мъ либо похити́телѣ, и҆ли́ когда́ о҆на́ ѡ҆щѹща́етъ себѣ́ къ сокрове́нію ѿ нѣ́кіа о҆па́сности смертоно́сныа, по проше́нію роди́телей е҆ѧ́, и҆ли́ и҆мѣ́ющихъ попече́ніе ѡ҆ не́й, покро́етъ и҆ли́ покры́лъ е҆̀ ѡ҆дѣ́ѧніемъ посвѧще́нныхъ бг҃ѹ, пре́жде два́десѧти пѧти́ лѣ́тъ ко́зраста, дабы́ не ѹ҆мерла́ безъ и҆ноческаго о҆́браза: такова́го ничемъ̀ да не подве́ргнетъ соборное постановле́ніе, кото́рымъ ѡ҆предѣла́етсѧ сіѐ число́ лѣ́тъ дла́ покрове́нія.

Зонара. Въ 6-мъ правилѣ настоящаго собора было опредѣлено, что посвященіе дѣвъ не должно быть совершаемо пресвитерами, и въ 44-мъ (53): „дѣвы, посвященныя Богу, когда разлучаются съ отцами, соблюдавшими ихъ, попече-

ніемъ епископа, или въ отсутствіе его, пресвитера да будутъ поручаемы честнѣйшимъ женамъ". Ибо былъ обычай приводить дѣвъ въ церковь и освящать, т. е. посвящать ихъ Богу, если онѣ давали обѣщаніе дѣвства, съ тѣмъ, чтобы въ надлежащемъ возрастѣ рукополагать ихъ въ діакониссы. Итакъ если въ такую посвященную Богу (дѣву) влюблялся какой нибудь сильный человѣкъ, или было подозрѣніе, что она будетъ похищена какимъ либо невоздержнымъ человѣкомъ, отъ котораго угрожала опасность ея цѣломудрію, или если она была въ опасности смерти, и просила сама и ближніе ея, чтобы не дали ей умереть безъ иноческаго образа: то епископамъ дано право покрывать дѣву, т. е. облекать ее въ иноческій образъ и ранѣе 25-ти лѣтъ, дабы она или избѣжала невоздержныхъ людей, какъ покрытая, или не отошла изъ настоящей жизни несовершенною; и епископы не должны подвергаться ничему за несоблюденіе времени, какое относительно такихъ дѣвъ опредѣлено соборомъ.

Аристинъ. Кто покрылъ, или покроетъ дѣву ранѣе 25-ти лѣтняго возраста, т. е. облекъ, или облечетъ въ иноческій образъ, по нуждѣ, напримѣръ по причинѣ любителя сильнаго, или похитителя, или смертной болѣзни, по прошенію тѣхъ, которые имѣютъ попеченіе о ней, не долженъ быть подвергнутъ ничему отъ имѣющаго быть въ томъ году собора.

О посвящающей себя Господу, отрекающейся отъ брака и предпочитающей жизнь во освященіи говоритъ 18-е правило Василія Великаго и постановляетъ—не принимать ее, если не будетъ ей болѣе 16-ти или 17-ти лѣтъ; ибо дѣтскія слова въ семъ дѣлѣ не позволяетъ (св. отецъ) считать твердыми. А настоящее правило говоритъ о приступившей уже и отрекшейся отъ брака и давшей обѣтъ дѣвства, и повелѣваетъ, чтобы никакой отвѣтственности не подвергался епископъ, если посвятившую себя такимъ образомъ Богу облечетъ въ иноческій образъ ранѣе 25-ти лѣтняго возраста, и покроетъ ее симъ священнымъ украшеніемъ по нуждѣ дѣвическаго цѣломудрія; ибо, можетъ быть, какой нибудь сильный человѣкъ возымѣлъ любовь къ ней и задумалъ устроить брачный союзъ съ нею; или еще какой-нибудь похититель

вознамѣрился похитить ее. И вотъ, чтобы они не имѣли предлога къ исполненію своего пожеланія въ томъ, что она еще не въ иноческомъ образѣ, и не говорили бы, что неизвѣстно, посвящена ли она Богу, епископъ поспѣшилъ покрыть ее священнымъ одѣяніемъ, дабы никто не оправдывался тѣмъ, что она убѣжала и отреклась быть невѣстою Божіею; или епископъ дѣлалъ сіе потому, что она часто подвергалась опасности смерти, и родственники ея просили, чтобы она совершена была (посвященіемъ) ранѣе 25-ти лѣтъ, дабы не отошла безъ иноческаго образа.

Вальсамонъ. 6-е и 53-е правила настоящаго собора говорятъ, что дѣвы посвящаются для того, чтобы въ надлежащемъ возрастѣ онѣ могли быть поставляемы въ діакониссы. А изъ настоящаго правила узнаемъ, что облекать ихъ въ иноческій образъ должно послѣ 25-ти лѣтъ. Именно отцы говорятъ: если епископъ или покрылъ, т. е. облекъ въ иноческій образъ дѣву, посвященную Богу, или покроетъ прежде надлежащаго возраста, т. е. ранѣе 25-ти лѣтъ (ибо, можетъ быть, злоумышлялъ противъ ея цѣломудрія сильный любитель, или было подозрѣніе, что она будетъ похищена кѣмъ нибудь, одержимымъ бѣшеною страстію, или ожидали, что она, подверженная смертельной болѣзни, кончитъ жизнь, и чтобы она не осталась не совершенною (посвященіемъ), была просьба со стороны родителей ея, или тѣхъ, которые другимъ образомъ имѣли попеченіе о ней, не лишить ее святаго образа; и по этимъ благословнымъ причинамъ (епископъ) облекъ ее въ иноческій образъ ранѣе установленнаго возраста): то онъ, епископъ, не подвергался бы никакому предосужденію на соборѣ, долженствовавшемъ разсмотрѣть это дѣло, за то именно, что облекъ въ иноческій образъ дѣву прежде исполненія ей 25-ти лѣтъ, и не почитался бы преступникомъ правилъ. Таково содержаніе правила. А ты прочти 40-е правило трульскаго собора и согласно съ нимъ говори, что въ иноческій образъ должны быть облекаемы всѣ, приходящіе къ Богу, хотя бы были мужи, хотя бы жены, послѣ 10-ти лѣтняго возраста; ибо оно позднѣе настоящаго собора и правилъ св. Василія. А если хочешь, чтобы правило имѣло силу въ томъ отношеніи, чтобы не подвергались осужденію епископы, если об-

лекутъ кого либо въ иноческій образъ по благословной причинѣ и ранѣе 10 ти лѣтняго возраста, никто не будетъ препятствовать. Замѣть также, что и настоящимъ правиломъ никому не предоставляется права облекать приходящихъ въ иноческій образъ безъ епископскаго дозволенія.

Славянская кормчая. *Правило 127.* Аще кто покры, или покрыти хощетъ дѣвицу прежде 25-ти лѣтъ, се же есть въ черны ризы облещи ю нужди ради, якоже се, или рачителя ради силна, или хищника, или смертоносныя ради болѣзни, молящемся родителемъ ея, о сихъ лѣтѣхъ никакоже отъ собора не вредится.

Толкованіе. Осмое надесять убо правило Великаго Василіа, о приводящей себе Господеви дѣвицѣ, и отрицающейся брака, ниже во святыни житіе честнѣе того вмѣнившше сказуетъ, и повелѣваетъ въ шестое надесять, или въ седмое надесять лѣто возраста ея тому бывати. Дѣтинымъ бо глаголомъ о таковыхъ вещехъ не повелѣваетъ вѣровати, не тверди бо суть. Сеже правило сказуетъ о дѣвицахъ, обручившихся уже Господеви, и брака отрекшихся, и дѣвьствовати обѣщавшихся, и повелѣваетъ никоего же вреда пріяти отъ собора епископу, аще тако приводящуюся Господеви дѣвицу, облечетъ во образъ прежде двадесяти и пяти лѣтъ, и покрыетъ ю священною тою красотою, нужды ради дѣвьственнаго цѣломудрія. Аще бо силныи нѣкто раченіе имяше на ню, и сочетатися бракомъ на сожитіе восхотѣ, или инъ нѣкто хищникъ совѣща восхитити ю, и того ради да не имѣетъ извѣта на совершеніе похоти своея, глаголя, яко и еще ходитъ безъ образа, и не вѣдомо есть аще обручися Богу, потщася епископъ покрыти ю священнымъ облеченіемъ. Да никто же не имать отвѣта прибѣжища ни отверженія, но вси увѣдятъ, яко невѣста есть Божія, или паки умрети хотяше, и сродници ея умолиша епископа, и прежде двадесяте и пяти лѣтъ совершити ю, да не отъидетъ образа не пріемши.

Κανων ρμα΄.	Пра́кило р҃ма.
Ὁμοίως ἤρεσε πάσῃ τῇ	Оу҆го́дно кіемꙋ҆ Со́бо́рꙋ,
Συνόδῳ, διὰ τὸ μὴ ἐπιπολὺ	ра́ди того́, что́бы не

τοὺς πρὸς τὴν Σύνοδον συναχθέντας Ἐπισκόπους σύμπαντας κατέχεσθαι, ἐξ ἑκάστης ἐπαρχίας, ἀνὰ τρεῖς ἐπιλεγῆναι δικαστάς.

Κανὼν ρμβ'.

Καί τινων ἐξανυσθέντων, πολλῶν δὲ Ἐπισκόπων ἐπὶ τοῖς λοιποῖς ἐξανυσθησομένοις παρέλκειν ὀδυρομένων, καὶ ὑποφέρειν μὴ δυναμένων, διὰ τὸ, πρὸς τὰς ἰδίας ἐπείγεσθαι Ἐκκλησίας, ἤρεσε συμπάσῃ τῇ Συνόδῳ, ὥστε ἀπὸ πάντων ἐπιλεγῆναι, ἐκ μιᾶς ἑκάστης ἐπαρχίας, τοὺς ὀφείλοντας ἀποκαθίσαι χάριν τοῦ τὰ λοιπὰ περατῶσαι· καὶ ἐγένετο.

бы́ли до́лго оу҃де́рживаемы вс҃ѣ є҃пи́скопы сше́дшїеся на Собо́рѣ, и҃збра́ти по три҃ мѣ́ста ѿ ка́ждыя ѻ҃бласти.

Пра́вило рм҃к.

По ѡ҃конча́нїи нѣ́кихъ дѣ́лъ, когда́ на продолже́нїе заседа́нїй, для ѡ҃конча́нїя про́чихъ дѣ́лъ, мно́гїе є҃пи́скопы сѣ́товали, и҃ не могли́ сего́ поне́сти, поспѣши́ли къ свои́мъ цр҃кважа́мъ, оу҃го́дно бы́ло всѣ́мъ Собо́рꙋ, да и҃зберу́тся и҃з числа́ вс҃ѣ́хъ, ѿ ка́ждыя ѻ҃бласти, долженствꙋ́ющїе прекы́ти, ра́ди ѡ҃конча́нїя про́чихъ дѣ́лъ: и҃ сїе́ и҃спо́лнено.

Зонара. Такъ какъ собравшіеся епископы много провели времени на этомъ собраніи, а оставалось еще нѣсколько вопросовъ, которые требовали разсмотрѣнія: то чтобы еще не быть задерживаемыми и не медлить долѣе, рѣшили избрать изъ каждой области троихъ, которые должны были остаться, а прочимъ дозволено удалиться; избранные же, вмѣстѣ съ Авриліемъ, должны разсмотрѣть и устроить все.

Аристинъ. Поелику пришедшіе на соборъ епископы не

могли оставаться на долго, то должны быть избраны по три епископа изъ каждой области.

Такъ какъ много было предложено каноническихъ вопросовъ и не всѣ еще были рѣшены, то соборъ за благоразсудилъ, чтобы не всѣ собравшіеся на немъ епископы продолжали оставаться и долѣе по той причинѣ, что довольно уже протекло времени; но чтобы избраны были изъ каждой области по три (епископа), которые бы, вмѣстѣ съ Авриліемъ, епископомъ карѳагенской церкви, окончили то, что оставалось.

Славянская кормчая. *Правило 126.* На мнозѣ не могущымъ терпѣти, пришедшымъ на соборъ епископомъ, по три отъ коеяждо области да изберутъ.

Толкованіе. Многимъ предложеннымъ бывшимъ правилнымъ взысканіямъ и совопрошаніямъ, и еще не всѣмъ разрѣшенымъ сущемъ, изволися отцемъ собора сего, ктому не ожидати всѣмъ собравшимся на соборъ епископомъ, понеже доволно время уже прешло бяше, но отъ коеяждо области по три епископы избирати и оставити, да купно со Авриліемъ епископомъ кархидонскія церкве вся скончаютъ, иніи же въ домы (во свояси) да отъидутъ.

Κανὼν ρμγ΄.

Ἤρεσε τοίνυν πᾶσιν· ἐπειδὴ τοῖς ἀνωτέροις τῶν Συνόδων ψηφίσμασι περὶ προσώπων, τῶν μὴ ὀφειλόντων εἰς κατηγορίαν κληρικῶν προσδεχθῆναι, ὡρίσθη, καὶ οὐκ ἐπεξεργάσθη, ποῖα πρόσωπα μὴ προσδεχθῶσιν· διὰ τοῦτο ὁρίζομεν, τοῦτον ὀρθῶς πρὸς κατηγορίαν μὴ εἰσδέχεσθαι, ὅστις μετὰ τὸ ἀπὸ κοινωνίας γενέσθαι, ἐν αὐτῷ ἔτι τῷ

Пра́вило ρ҃мг.

Положено́ бы́ сѣ́ми: поели́ку́ ѿ пре́жнихъ постановлені́ихъ соборныхъ е҆́сть ѡ҆пред҃ле́нїе ѡ҆ ли́цахъ, ѿ которыхъ не до́лжно прїима́ти доно́сныхъ, на состоя́щихъ въ клиро́, но не ѡ҆зна́чено съ то́чностїю ѿ каки́хъ ли́цъ не до́лжно прїима́ти ѻ҆ны́хъ: того́ ра́ди ѡ҆пред҃ла́емъ, ꙗ҆́кѡ пра́-

ἀφορισμῷ ὑπάρχει, εἴτε κληρικὸς εἴη, εἴτε λαϊκὸς, ὁ κατηγορῆσαι βουλόμενος.

НЕДНѠ НЕ ПРІ҃ЕМЛЕТСѧ ДОНО́СЪ Ѿ ТОГѠ, КТО́ БЫ́ВЪ ѾЛЂЧЕ́НЪ Ѿ ѠБЩІЕ́НІѪ, ЕЩЕ́ ѠСТАЕ́ТСѧ ВЪ СЕ́МЪ ѾЛЂЧЕ́НІИ, КЛИРІ́ЙКЪ ЛИ ЕСТЬ, ІЛИ́ МІ҃РА́НИНЪ, ХОТА́ЩІЙ ДОНОСИ́ТИ.

Зонара. Не всѣмъ позволено обвинять епископовъ, или клириковъ, но только лицамъ православнымъ и безупречнымъ, не лишеннымъ общенія и не состоящимъ подъ уголовнымъ судомъ, по 6-му правилу Втораго вселенскаго собора, которое пространнѣе разсуждаетъ объ этихъ обвиненіяхъ. А настоящее правило даетъ опредѣленіе только объ отлученныхъ, чтобы они, пока не будутъ разрѣшены отъ отлученія, не могли обвинять другихъ, будутъ ли эти обвиняющіе клирики, или міряне. А если не могутъ обвинять лишенные общенія, то тѣмъ болѣе тѣ, которые совершенно извержены изъ церкви,—еретики и раскольники. Нужно еще искать, что написано въ указанномъ 6-мъ правилѣ Втораго собора.

Аристинъ. Отлученный не свидѣтельствуетъ.

Свидѣтель долженъ быть неподозрителенъ: поэтому ни клирикъ, ни міранинъ, отлученный, не долженъ быть принимаемъ къ обвиненію, или къ свидѣтельству противъ епископа, или клирика.

Вальсамонъ. 6-е правило Втораго вселенскаго собора пространнѣе излагаетъ, отъ какихъ лицъ должны быть принимаемы доносы на епископа; ибо настоящее правило говоритъ только объ отлученныхъ, представляющихъ противъ кого либо обвиненія; итакъ прочти указанное правило.

Славянская кормчая. *Правило 128. Безъ испытанія на епископы и на причетниковъ клеветниковъ не пріимати, ни рабовъ ни еретиковъ.*

Не свидѣтельствуетъ отлученыи.

Толкованіе. Не порочну подобаетъ быти послушествующему. Сего ради убо ни причетникъ ни мирскіи чело-

вѣкъ, аще есть отлученъ, на епископа или на причетника клеветати, или послушествовати, не пріятенъ есть.

Κανὼν ρμδ'.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα πάντες οἱ δοῦλοι καὶ οἱ ἴδιοι ἀπελεύθεροι εἰς κατηγορίαν μὴ προσδεχθῶσιν, καὶ πάντες, οὓς πρὸς κατηγορητέα ἐγκλήματα οἱ δημόσιοι νόμοι οὐ προσδέχονται· πάντες ἔτι μὴν οἱ τοῖς τῆς ἀτιμίας σπίλοις ἐῤῥαντισμένοι, τοῦτ' ἔστιν, μῖμοι, καὶ, ὅσα ταῖς αἰσχρότησιν ὑποβέβληνται, πρόσωπα· αἱρετικοὶ ἔτι μήν, εἴτε Ἕλληνες, εἴτε Ἰουδαῖοι· πλὴν ὅμως πᾶσιν, οἷς ἡ τοιαύτη κατηγορία ἀρνεῖται, ἐν ταῖς ἰδίαις αἰτίαις τὴν τοῦ κατηγορεῖν ἄδειαν μὴ ὀφείλειν ἀρνεῖσθαι.

Пра́кило рм҃д.

Положено́ и҆ сїѣ: не прїима́ти доно́сωвъ ѿ ко҃хъ рако́въ, ѿ ѿпꙋще́нниковъ тѣ́хъ са́мыхъ, на кото́рыхъ доноси́ти хотя́тъ, и҆ ѿ ко҃хъ, кото́рыхъ гражда́нскїе зако́ны не допꙋска́ютъ къ доно́самъ ѿ престꙋпле́нїихъ: та́кожде ѿ ко҃хъ, на ко́ихъ лежи́тъ пятно́ безче́стїя, то́ е҆сть, ѿ позо́рищныхъ и҆ ѿ ли́цъ, къ сра́мнымъ дѣла́мъ прикоснове́нныхъ: та́кожде ѿ е҆ре́тїико́въ и҆лѝ е҆ллинωвъ, и҆лѝ і҆ꙋде́евъ: кромѣ́ тѣ́хъ ко҃хъ, ѿ кото́рыхъ не допꙋска́ется та́ково́е ѡ҆бвине́нїе, да не ѡ҆мле́ется свобо́да приноси́ти жа́лобы по свои́мъ дѣла́мъ.

Зонара. По законамъ рабы не могутъ дѣлать доносовъ, или свидѣтельствовать и совершать нѣкоторыя другія дѣйствія; а отпущенники могутъ дѣлать доносы, даже уголовные, на другихъ, но не на своихъ освободителей, или ихъ дѣтей, или наслѣдниковъ, имѣющихъ по отношенію къ нимъ

права патроната; (патронатъ есть слово римское, которое въ переводѣ значитъ покровительство). Итакъ правило не допускаетъ до обвиненія епископовъ и клириковъ ни рабовъ, ни отпущенниковъ самихъ обвиняемыхъ, ни кого либо изъ другихъ, которымъ гражданскіе законы запрещаютъ обвинять въ преступленіяхъ, ни безчестныхъ, каковы позорищные, борцы со звѣрями, или единоборцы. А къ позорищнымъ относятся всѣ, служащіе на сценѣ, изъ коихъ одни, обыкновенно исполняющіе свое дѣло предъ лицемъ царя, въ законахъ считаются почетными, а тѣ, которые играютъ на торжищахъ и въ народныхъ собраніяхъ, признаются безчестными. Подобнымъ образомъ и борцы съ звѣрями, которые также называются псовыми охотниками (κυνηγοί) и единоборцы, если борются съ звѣрями, или единоборствуютъ для показанія мужества и по любви къ славѣ, суть почетны, а если ради вознагражденія,—безчестны; ибо кто не щадитъ собственной жизни, но отдаетъ ее за вознагражденіе, и изъ-за корысти презираетъ смерть, какъ избѣжитъ дурнаго мнѣнія о немъ другихъ? Кромѣ того не дается право обвинять и еретикамъ или невѣрнымъ. А если таковые имѣютъ свои собственныя дѣла, и объ нихъ начинаютъ искъ, то должны быть приняты, хотя бы предъявляли искъ на епископовъ, или клириковъ. Тоже самое опредѣляетъ и 6-е правило Втораго собора; и прочти, что въ немъ написано.

Аристинъ. Рабъ, отпущенникъ, прежде обвиненный въ чемъ либо, за что не принимаютъ въ народномъ судилищѣ, позорищный, эллинъ, еретикъ и іудей (не допускаются къ обвиненію клириковъ).

Не должно безъ изслѣдованія принимать обвиненій, или свидѣтельствъ противъ епископовъ, или клириковъ, но разсматривать обвиняющихъ или свидѣтельствующихъ, по 6-му правилу константинопольскаго собора. И если имѣютъ жизнь безукоризненную и вѣру православную, допускать ихъ; если же они или рабы (ибо эти и по гражданскимъ законамъ не могутъ обвинять, или свидѣтельствовать противъ кого бы то-ни было ни въ уголовныхъ, ни въ денежныхъ дѣлахъ), или отпущенники самихъ обвиняемыхъ (ибо и этимъ запрещается закономъ свидѣтельствовать

о преступленіи противъ тѣхъ, отъ кого получили свободу, потому что требуется, чтобы они своихъ патроновъ, т. е. освободителей, считали почтенными и какъ бы святыми), или прежде обвиненные и не оказавшіеся невинными, или осужденные въ гражданскомъ судѣ, и еще не возстановленныя въ своей чести царскою милостію, или ведущіе жизнь безчестную, какъ смѣхотворцы (μῖμοι) и позорищные, или чуждые нашей вѣрѣ, какъ іудеи, еретики и эллины,—не должны быть допускаемы къ обвиненію или свидѣтельству противъ епископовъ или клириковъ, потому что они не о другомъ чемъ заботятся, какъ только, чтобы запятнать и помрачить добрую славу священниковъ и произвести соблазнъ въ церкви.

Вальсамонъ. И это правило уясняется тѣмъ, что написано въ 6-мъ правилѣ Втораго собора; ибо говоритъ, что рабы, безчестные, еретики и вообще всѣ тѣ, которымъ запрещено законами, не могутъ являться въ уголовные суды и обвинять посвященныхъ; впрочемъ, говоритъ правило, всѣмъ такимъ лицамъ, если они ищутъ принадлежащаго имъ, не должно быть запрещено начинать уголовные иски противъ епископовъ и клириковъ: только обвиненія, не касающіяся ихъ собственныхъ интересовъ, именно—общественныя, которыя могутъ быть возбуждаемы каждымъ, запрещено имъ предъявлять. И замѣть это. А поелику правило упомянуло и объ отпущенникахъ, то знай, что отпущенники противъ другихъ могутъ вести уголовный искъ, а противъ освободившихъ ихъ, или такъ называемыхъ патроновъ не могутъ. Прочти еще 8, 9, 10 и 11 гл. 34 тит. 60-й книги (Василикъ), и узнаешь, кому запрещается возбуждать уголовные иски и какимъ образомъ отпущенники не могутъ начинать такихъ исковъ противъ своихъ патроновъ; ибо (указанные законы) говорятъ: „кромѣ тѣхъ, кому воспрещено, остальные могутъ являться обвинителями въ общественныхъ судахъ.“ А запрещается это однимъ по природѣ или по возрасту, напримѣръ—женщинѣ и малолѣтнему; другимъ—какъ служащимъ въ войскѣ; инымъ—какъ начальствующимъ, другимъ—какъ безчестнымъ и лихоимствующимъ, т. е. берущимъ за то, чтобы обвинять или не обвинять; также—предъявляющимъ два обвиненія противъ кого либо; инымъ—

по особеннымъ личнымъ отношеніямъ, какъ отпущенникамъ къ патронамъ: инымъ—по причинѣ подозрѣнія въ клеветѣ, какъ лжесвидѣтельствовавшимъ; инымъ—по причинѣ бѣдности, какъ не имѣющимъ состоянія въ 50 монетъ. Но всѣ таковые могутъ привлекать къ суду за преступленія противъ себя и за убійство родственниковъ. А дѣти и отпущенники, насильно лишенные части (наслѣдства) отцемъ, или патрономъ, не могутъ возбуждать дѣла о насиліи, а о возвращеніи своей части—возбуждаютъ; ибо и сынъ возбуждаетъ искъ противъ матери изъ-за подкидыша, чтобы не имѣть его сонаслѣдникомъ, но не обвиняетъ въ составленіи ложной духовной грамоты. Позорищными называй тѣхъ, которые надѣваютъ маски, напримѣръ рабовъ, или женщинъ, а не всѣхъ, показывающихся на сценѣ; ибо тѣ, которые содержатъ музыкальные оркестры, суть почетны. Покрыты по правилу, позоромъ сводники, содержатели блудницъ и другіе подобные. Безчестны также борцы со звѣрями—тѣ, которые получаютъ вознагражденіе за то, чтобы побѣдить звѣря, и изъ-за корысти подвергаютъ опасности свою жизнь, а не тѣ, которые борются съ звѣрями для показанія мужества; ибо наказывается здѣсь не дѣйствіе, а произволеніе, потому что и цари вступаютъ въ бой со звѣрями.

Славянская кормчая. *Правило 129.* И рабъ свобожденыи, ни прежде оклеветанын о нѣкихъ не пріемлемыхъ людскимъ судомъ, и скомрахъ, и еллинъ, и еретикъ, и жидовинъ, не пріятни.

Толкованіе. Не подобаетъ безъ испытанія, на епископы и на причетники оклеветанія или послушества пріимати, по шестому правилу, Втораго вселенскаго собора въ Константинѣ градѣ. И аще убо житіе имѣютъ непорочно и вѣру праковѣрну, пріяти таковыя, аще же и раби суть: тіи бо и отъ градскихъ законъ ни по которѣй же винѣ, ни по церковнѣй ни по мирстѣй клеветати или послушествовати не могутъ: ни свобожденіи же на свою господу. Возбранено убо есть и тѣмъ градскими законы, на свободившыя ихъ отъ работы, клеветати или послушествовати о грѣсѣхъ. Подобаетъ бо имъ честны и святы свободившыя ихъ имѣти: ни прежде того сами осуждени бывше, и еще не оправдившеся: или на людстѣмъ осуждени бывше судиціи, и цар-

Іисусъ Христосъ, какъ Богъ-Слово (Λόγος) и откровеніе Его міру.

Іоанна, гл. 1, ст. 1—14.

Достовѣрно извѣстно, что апостолъ Іоаннъ написалъ свое Евангеліе послѣ евангелистовъ Матѳея, Марка и Луки. А этотъ фактъ показываетъ, что Іоаннъ призналъ первыя три Евангелія не вполнѣ достаточными для совершеннаго утвержденія истинъ вѣры христіанской во всемъ мірѣ. Но недостаточность первыхъ трехъ Евангелій состоитъ только въ ихъ относительной односторонности, такъ какъ Матѳей, Маркъ и Лука при написаніи своихъ Евангелій имѣли въ виду частныя цѣли и потребности церкви или интересы отдѣльныхъ лицъ. Поэтому, желая восполнить труды первыхъ евангелистовъ и дать законченность евангельской исторіи, апостолъ Іоаннъ съ высшаго начала (ανωθεν), послѣдовательно и всесторонне для всего современнаго міра излагаетъ новозавѣтное откровеніе Божественной воли чрезъ Іисуса Христа—въ своемъ Евангеліи. Но чтобы тѣмъ удовлетворить всеобщему чаянію новаго откровенія, апостолъ Іоаннъ, при взглядѣ своемъ на предметъ Евангелія и при самомъ его изложеніи, долженъ былъ стать и сталъ на точку зрѣнія не частной исторіи какого-либо народа или общества, а на точку зрѣнія всемірно-историческую. Съ этой точки онъ и созерцаетъ дѣло новозавѣтнаго Божественнаго откровенія, обращая преимущественное вниманіе на его именно Божественную сторону. А такъ какъ все Божественное въ новозавѣтномъ откровеніи сосредоточивается въ лицѣ и природѣ Іисуса Христа, какъ Основателя Новаго Завѣта; то евангелистъ проникаетъ взоромъ въ Божественность Его природы и лица. Мысль апостола Іоанна, направленная на Божественность

природы Іисуса Христа, послѣдовательно восходитъ къ Его доисторическому бытію и къ существованію Его прежде бытія міра,—что вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли евангелиста—опредѣлить предметъ своего повѣствованія достаточно полно (ανωθεν). Опредѣляя вѣчность бытія, Божественность природы и дѣятельности—творчество и промышленіе—и моментъ собственно историческаго явленія или воплощеніе Іисуса Христа, апостолъ Іоаннъ говоритъ:

Стихъ. 1. *Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.* Выраженіе „въ началѣ" неопредѣленно, однако вполнѣ точно соотвѣтствуетъ обозначаемому—бытію, безпредѣльному по времени. Евангелистъ не говоритъ въ началѣ *чего* было Слово, онъ не говоритъ даже, что Слово было въ началѣ времени, а говоритъ неопредѣленно только—„въ началѣ".... и такимъ образомъ не даетъ основанія утверждать, что это было начало какого-либо опредѣленнаго ряда предметовъ или явленій, когда-то начавшихъ быть. Слѣдовательно, Слово было тогда, когда не было предметовъ и потому не было самого времени, какъ совокупности раздѣльныхъ моментовъ бываніе; это было въ вѣчности. Евангелистъ не выразился и такъ, что Слово было прежде всего, ибо и это значило бы, что оно, будучи прежде всего, могло быть, однако, не всегда, могло начать свое бытіе прежде всего, но въ началѣ времени. Итакъ, евангелистъ вполнѣ точно опредѣлилъ вѣчность бытія Слова, сказавъ, что оно было *въ началѣ*.

Въ вѣчности Слово *было*. Евангелистъ не говоритъ, что Оно явилось, произошло, сотворено и т. п., но говоритъ было—ην. И справедливо. Если Слово мыслится въ началѣ неопредѣленно, до времени; то о Немъ нельзя сказать, что Оно явилось: тогда Оно начало бы собою рядъ существъ и стало бы чрезъ неопредѣленный промежутокъ времени въ началѣ этого ряда существъ,—начало бы собою время и, по крайней мѣрѣ, было бы въ началѣ времени. Но Оно *было*—такъ, что не начинало собою ряда существъ, а это значитъ, что оно было вѣчно, безъ измѣненій во времени. А такое бытіе мыслится какъ всесовершенно самостоятельное (абсолютное). Итакъ, Слово—безначально.

Въ вѣчности было безначальное *Слово* Λόγος.—Λόγος

значитъ „Слово", какъ звукъ и знакъ или выраженіе понятія. Но немыслимо, чтобы въ этомъ значеніи оно было принято здѣсь апостоломъ Іоанномъ; такъ какъ съ этимъ значеніемъ оно не могло быть не только вѣчнымъ, но и самостоятельнымъ. Λόγος значитъ: соединеніе словъ, рѣчь, проповѣдь, книга. Но и въ этомъ значеніи оно не можетъ быть мыслимо безъ представленія о времени, по скольку оно есть явленіе, раздѣленное на моменты (т. е. разсматривается не какъ абстрактная категорія бытія, а какъ конкретная форма бываніе). Λόγος значитъ мысль (идея) и разумъ (ratio) или премудрость. Это значеніе удобнѣе всѣхъ примѣнимо къ Λόγος'у, какъ предмету вѣчному и абсолютному,—только разумъ можетъ быть мыслимъ вѣчнымъ. Но если Λόγος, какъ Разумъ (премудрость), существовалъ въ вѣчности, до начала бытія всего сущаго; то слѣдуетъ, что Онъ былъ только съ Богомъ, какъ безначальный съ вѣчнымъ и былъ совершенно самостоятельно (абсолютно). Но два абсолютныхъ, какъ вѣчно самостоятельныхъ существа, не могутъ быть мыслимы. Слѣдовательно, вѣчный Λόγος, будучи абсолютнымъ, не былъ другимъ Богомъ при единомъ Богѣ; не могъ двухъ Боговъ мыслить и апостолъ Іоаннъ. Поэтому Λόγος можетъ и долженъ быть мыслимъ какъ совѣчный Богу Разумъ (премудрость), единый съ Нимъ по существу или природѣ. И евангелистъ говоритъ:

Слово было *у Бога*. — Онъ не говоритъ, что Оно было *при* Немъ, какъ бы внѣ Его, или *въ* Немъ, какъ бы внутри Его существа (имманентно) какъ Его свойство; но *у* Бога, т. е. въ единеніи съ Нимъ, но не въ полномъ, и въ раздѣленіи съ Нимъ, но не въ полномъ, слѣдовательно въ нѣкоторомъ особенномъ отношеніи, котораго мысль не можетъ опредѣлить точно, такъ какъ не можетъ отрѣшиться отъ пространственности и временности (категорій). Такое отношеніе опредѣляется какъ отношеніе лица (ὑπόστασις) къ существу (οὐσία).

А если Слово было вѣчно, но не другимъ существомъ при Богѣ и не свойствомъ въ Немъ Самомъ, то слѣдуетъ, что Оно было лицемъ или упостасію Бога и въ этомъ смыслѣ самостоятельнымъ, а по существу Своему Оно было тоже, что Богъ или съ Нимъ единосущнымъ. И евангелистъ говоритъ: Слово было *Богъ*.

Ст. 2. *Оно было въ началѣ у Бога.* Этими словами евангелистъ не намѣренъ высказать или утвердить туже мысль, какую предложилъ прежде: не намѣренъ онъ сблизить первую мысль съ послѣдующей; нѣтъ, будучи послѣдовательнымъ, онъ къ первому выраженію „оно было у Бога" прибавляетъ здѣсь еще: оно было *въ началѣ* у Бога и выражаетъ новую мысль о Словѣ. Онъ точно высказалъ, что Слово было вѣчно, что Онъ былъ ѵпостасію, что Оно — Богъ. Теперь повторяетъ, что Оно было *въ началѣ* у Бога, желая тѣмъ утвердить собственно ту мысль, что Слово было вѣчно какъ Слово, т. е. оно вѣчно было у Бога ѵпостаснымъ Разумомъ, не отдѣляясь отъ Него, не сливаясь съ Его существомъ, не бывая инымъ лицемъ, но будучи вѣчно Богомъ-Словомъ.

Ст. 3. *Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло.* Если до начала бытія всего сущаго былъ только Богъ, то необходимо слѣдуетъ, что Онъ создалъ все, что стало быть. А такъ какъ у Бога вѣчно было ѵпостасное Слово — Божественный Разумъ; то должно мыслить, что Богъ создалъ все при непремѣнномъ участіи Слова. И евангелистъ говоритъ, что все было (собственно — стало быть) „чрезъ Него" — чрезъ Слово. Гдѣ же первопричина бытія? Она мыслится въ собственной ѵпостаси Божества. Но эта первопричина бытія имѣла своимъ посредствомъ вторую ѵпостась — Слово. Слѣдовательно, Слово принимало участіе въ твореніи всего сущаго, какъ посредствующая причина при собственной (первой) ѵпостаси Божества.

Чрезъ Слово, какъ Творца, было *все*—все, что на небѣ и на землѣ, все видимое и невидимое,—все, что мыслится съ представленіемъ момента, съ котораго оно начало быть (ὃ γέγονεν). Слѣдовательно, въ понятіе *все* не входитъ представленіе о такомъ же лицѣ, какъ само Слово, если есть еще такое лице у Бога (именно ѵпостась Святаго Духа).

Чрезъ Слово все сущее *было.* Евангелистъ не говоритъ, что все сотворено или получило начало чрезъ Слово, но—все *произошло*; слѣдовательно, все чрезъ Него не только стало, но и было, т. е. жило,—обязано Ему не началомъ своего бытія только, но и всѣмъ существованіемъ: безъ Него ничего *не произошло*, что произошло,—не только ни одинъ

предметъ, но и ни одно явленіе, ибо въ Немъ первое начало всего, безъ чего не было бы и продолженія бытія, получившаго начало. Поэтому ѵпостасный Разумъ Божій есть Промыслитель міра.

Ст. 4. *Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ.* — Если начало бытія предметовъ и продолженіе явленій было въ зависимости отъ Слова, то слѣдуетъ, что не можетъ быть мыслимо начало жизни безъ всякаго Его участія (χωρὶς): жизнь міра и человѣка имѣетъ въ Немъ не только причину, но и источникъ. Слово есть единый самосущій источникъ жизни. Но, будучи вѣчно у Бога, Слово подаетъ жизнь въ единеніи съ волею и дѣятельностію собственной ѵпостаси Божества. — Евангелистъ не говоритъ, что жизнь была *отъ* Слова, но *въ* Немъ; слѣдовательно, жизнь отъ Слова носитъ въ себѣ отраженіе Божественныхъ совершенствъ, какъ получившая начало непосредственно въ Богѣ. По этому то эта жизнь для человѣка является преимущественно полною и особенно совершенною: она есть *свѣтъ* человѣковъ. Евангелистъ не говоритъ, что жизнь была какъ свѣтъ, а говоритъ—жизнь была *свѣтъ*; слѣдовательно, въ Словѣ была и та жизнь, которая есть свѣтъ, т. е. въ Немъ, какъ въ источникѣ, получила свое начало высшая, духовная, сознательная жизнь людей и въ самосознаніи просвѣщающая низшую природу человѣка. Слово было источникомъ жизни религіозно-нравственной, которая ставитъ человѣка въ такую же противоположность съ безсознательными животными, въ какой представляются свѣтъ и тьма; потому что животныя находятся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно своей природы, міра и Творца, относительно истины и блага. Слово для человѣка —*свѣтъ*, безъ котораго человѣкъ могъ и долженъ былъ ходить въ потемкахъ — въ невѣжествѣ, и, напр., въ ослѣпленіи отъ величія мірозданія, могъ не видать и дѣйствительно въ извѣстное время не видалъ истинно своего Творца, не понимая ясно законовъ разума и совѣсти, онъ легко смѣшивалъ добро и зло, претыкался о гибельную прелесть вещей и, увлекаясь путемъ страстныхъ движеній, разрушалъ всѣ совершенства своей нравственной природы и жизни (о чемъ свидѣтельствуетъ исторія языческой религіи и древней философіи). Свѣтъ

Слова былъ не только началомъ охраняющимъ жизнь отъ гибели, но и дѣятельнымъ: съ Нимъ могъ человѣкъ вырабатывать область знаній, украшать свою личность вѣнцомъ высшихъ добродѣтелей, возводя мысль свою къ источнику истины и добра. Итакъ, Слово было свѣтомъ въ смыслѣ личнаго, всеозаряющаго разума, какъ Богъ просвѣтитель человѣчества.

Ст. 5. *И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его.* Такъ какъ свѣтъ Слова въ основѣ своей есть жизнь, то онъ могъ погаснуть въ человѣкѣ только при совершенной его безсознательности, такъ сказать, при смерти его духа; онъ долженъ былъ свѣтить въ человѣчествѣ при всякомъ состояніи его нравственной жизни. Было дѣйствительно историческое время великой нравственной тьмы въ жизни человѣчества, это время продолжительнаго существованія его до откровенія полнаго свѣта Слова Божественнаго, — когда человѣкъ, нося въ природѣ своей отраженіе Божественнаго свѣта, долженъ былъ самостоятельно просвѣщаться этимъ естественнымъ свѣтомъ разума и совѣсти. Но человѣкъ, ища свѣта въ мірѣ и въ своей природѣ для устроенія правильной жизни, которой онъ естественно не могъ не желать, находилъ его недостаточно, или, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отдалялся отъ него и совсѣмъ терялъ — его. Оставляя свѣтъ разума и совѣсти, человѣкъ оставлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ истинное представленіе о Богѣ, Его совершенствахъ, Его дѣятельномъ отношеніи къ міру и о должномъ своемъ отношеніи къ Нему. Гдѣ же былъ свѣтъ тогда?—Онъ и въ этой тьмѣ свѣтилъ. Не было времени, когда бы все человѣчество было безъ всякаго религіозно-нравственнаго понятія и представленія, въ основѣ которыхъ не лежала бы доля правды. Особенно, постоянно и преимущественно свѣтъ богопознанія и богопочтенія сохранялся у еврейскаго народа и, по мѣрѣ существенныхъ потребностей его, онъ становился великимъ, бо́льшимъ и величайшимъ. Первоначально это былъ свѣтъ непосредственнаго озаренія — въ раю, унаслѣдованный мужами вѣры и сохранявшійся путемъ ихъ устнаго преданія — въ періодъ патріархальный; затѣмъ этотъ свѣтъ раскрывался и уяснялся въ непосредственныхъ Богоявленіяхъ и обѣтованіяхъ;

потомъ свѣтъ этотъ получилъ полноту и высшую степень свѣтенія въ боговдохновенныхъ устахъ Моисея, сосредоточившись въ его книгѣ „Закона". Постепенно свѣтъ вѣры и нравственности увеличивался и достигалъ высшаго своего напряженія въ исторіи вождей, судей и царей—доколѣ вся великая масса этого свѣта съ полнымъ блескомъ не возсіяла во всѣ стороны въ боговдохновенныхъ устахъ сонма пророковъ. Свѣтъ пророческаго откровенія озарялъ отдаленное прошедшее, необъятное настоящее и недозримую даль будущаго. Сила этого свѣта была такъ велика, что онъ достаточно свѣтился во всякой тьмѣ, даже ярче тамъ, гдѣ являлось особенное напряженіе тьмы. Свѣтъ этотъ не только свѣтилъ, но *свѣтитъ* (φαίνει), т. е. непрестанно даетъ себя чувствовать всѣмъ и при всякихъ условіяхъ ихъ жизни; и это потому, что въ основѣ своей онъ есть жизнь.—*И тьма не объяла его.* Какая тьма? Тьма—въ противоположность *свѣту человѣковъ*—возникшая изъ разнаго рода заблужденій и ошибокъ человѣческой мысли и чувства и разной степени грѣховныхъ влеченій и наклонностей воли—сложившихся въ массу пороковъ, опредѣлявшая низкій уровень поведенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, основавшихъ жизнь на несовершенномъ законодательствѣ,—та жизнь, когда ложь и страсти были сильнѣйшимъ началомъ и побужденіемъ въ дѣятельности и поведеніи человѣка. Но эта тьма не могла совершенно или окончательно подавить въ человѣкѣ естественнаго стремленія къ истинѣ и добру (οὐ κατέλαβεν), особенно, когда оно было озаряемо свыше—лучемъ, съ силою исходящимъ отъ самаго источника Присносущнаго Свѣта,—откровеніемъ пророковъ. Лучь Божественнаго свѣта, отраженный и въ природѣ человѣка—его совѣсти и разумѣ—и лучь сверхъестественнаго откровенія, постоянно стремясь овладѣть сознаніемъ человѣка, постоянно пробивались сквозь тучи заблужденій и пороковъ, и жизнь человѣка дѣлали борьбой двухъ началъ—истины и лжи. Эта борьба особенно сильною представляется и изображается въ исторіи народа еврейскаго, обладавшаго истиной въ откровеніи, но находившагося подъ сильнымъ давленіемъ языческихъ вліяній. Но и въ этомъ народѣ всегда окончательно торжествовала истина, какъ начало жизни частной и общественной, и здѣсь тьма *не*

объяла свѣта: также хотя въ комъ-либо и съ какой-либо стороны свѣтилась истина и въ язычествѣ, если не въ религіи, то въ нравственности, если не здѣсь, то въ области отвлеченной мысли (философіи), особенно примѣтно—въ періодъ предъ пришествіемъ Іисуса Христа въ міръ.

Ст. 6. *Былъ человѣкъ, посланный отъ Бога; имя ему Іоаннъ.* Что тьма лжи и безнравственности, усматриваемая въ извѣстные періоды исторіи евреевъ, не омрачила свѣта откровенія въ ихъ жизни, это рѣшительно доказывается ихъ четырехсотлѣтнимъ существованіемъ послѣ Вавилонскаго плѣна, когда пламень вѣры, возженный пророками, при ровномъ сіяніи, свѣтилъ какъ постоянный неслабѣвшій свѣтъ жизни,—когда язычество погибло для сознанія Израиля уже безвозвратно, когда начало вѣры и жизни языческой было сознано имъ какъ гнусная и гибельная ложь, а его вѣра въ Божественныя обѣтованія и въ святость Закона Моисеева стала непоколебимою на вѣки (какъ показываетъ его исторія съ того и до сего времени). Тогда же и во всемъ мірѣ возгоралась любовь къ свѣту, всѣ искали видѣть истинный источникъ его—кто гдѣ могъ, и всѣ ждали свидѣтельства объ откровеніи истиннаго свѣта жизни.—Тогда-то наступило время явленія Мессіи — Просвѣтителя и Спасителя, тогда, по опредѣленію Свѣта Божія, посланъ былъ и достойнѣйшій вѣстникъ Свѣта, Денница Солнца — Предтеча Іоаннъ. *Былъ человѣкъ посланъ отъ Бога.* — Онъ былъ „человѣкъ“ по преимуществу, потому что соединялъ въ себѣ все, что было лучшаго въ ветхозавѣтномъ человѣкѣ и человѣчествѣ, во главѣ котораго по своимъ совершенствамъ стоялъ тогда Израиль. Іоаннъ, родившійся по благодати Божіей отъ престарѣлыхъ родителей, отъ природы имѣлъ чистую, добрую душу и былъ какъ ангелъ изъ людей: онъ желалъ освободить свою волю отъ вліянія страстей, былъ строжайшимъ подвижникомъ, достойнымъ представителемъ совершенной жизни подъ Закономъ, а чрезъ это онъ былъ близокъ къ самому источнику Свѣту, и потому былъ величайшимъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, болѣе котораго „не возставалъ никто изъ рожденныхъ женами“ (Мѳ. XI, 10—11). Слѣдовательно, Іоаннъ могъ быть и дѣйствительно былъ *посланъ отъ Бога.* — И для славы Божіей, и для блага своего народа, и для блага цѣлаго

міра Іоаннъ не имѣлъ бы права выступить вѣстникомъ грядущаго Мессіи, еслибы не было на то воли Господа и Его непосредственнаго полномочія, такъ какъ дѣло, къ которому былъ призванъ Іоаннъ, всецѣло было Божіимъ и имѣло произойти съ момента, опредѣляемаго Самимъ Богомъ. Вотъ почему и свидѣтельствовать о Свѣтѣ—на благое дѣло—этотъ великій человѣкъ былъ *посланъ* отъ Бога. Соотвѣтственно особенной важности назначенія этому посланнику отъ Бога дано особое имя, съ символическимъ значеніемъ — Іоаннъ, что значитъ „благодатный“ или „Божія благодать“. На Іоаннѣ, какъ величайшемъ праведникѣ, съ самаго момента его зачатія, почивало особенное благоволеніе Божіе, и въ теченіе юныхъ лѣтъ онъ развилъ силы своего духа въ строгомъ согласіи съ закономъ воли Божіей, содержащимся въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта. Но, чтобы быть свидѣтелемъ объ истинномъ Свѣтѣ не для одного только народа — Израиля, а для цѣлаго міра, онъ долженъ былъ получить особенные чрезвычайные дары Духа Божія и стать не пророкомъ только, но и предтечею Мессіи: чтобы приготовить къ принятію благодати міръ, онъ самъ долженъ быть и былъ по преимуществу *благодатнымъ*.

Ст 7. *Онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ, дабы всѣ увѣровали чрезъ него.*— Евангелистъ не говоритъ, что Іоаннъ пришелъ для проповѣди или для пророчества — что значило бы, что онъ долженъ былъ изъяснять уже откровенное прежде, или говорить о будущемъ, какъ говорили пророки. Нѣтъ, Іоаннъ, будучи лучшимъ изъ людей и даже предъ всѣми ветхозавѣтными праведниками преимущественно благодатнымъ, призванъ былъ на высшее служеніе—онъ долженъ былъ *свидѣтельствовать* о настоящемъ явленіи Мессіи и о предстоящемъ величайшемъ откровеніи Его славнаго царства. Іоаннъ, какъ очевидецъ, какъ авторитетнѣйшій изъ очевидцевъ Слова, долженъ былъ указать своему народу и чрезъ него всему міру на Того, Кто есть истинный Свѣтъ и чрезъ то стать высшимъ удостовѣрителемъ величайшей изъ истинъ откровенія. И дѣйствительно, Іоаннъ своимъ достовѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ о явленіи истиннаго Мессіи утвердилъ истинность ветхозавѣтныхъ пророчествъ, положилъ печать окончанія на

исторію Ветхаго Завѣта со всѣми его учрежденіями и тѣмъ положилъ начало новой всемірно-исторической эпохи — царства Божія. Само свидѣтельство Іоанна не было цѣлію, но вело къ цѣли—той, *чтобы вси увѣровали чрезъ него.*—Человѣкъ, достойный всякаго почтенія по своей строго — святой жизни, достоинъ всякаго вѣроятія и въ своей проповѣди и въ свидѣтельствѣ. По этому слушатели Іоанна— во имя Божіе жившаго и свидѣтельствовавшаго о явленіи Свѣта, истиннаго Мессіи — должны были вѣрить Его свидѣтельству, если могли вѣрить человѣку, самому достойному вѣроятія. Возможность довѣрія ко Іоанну обусловливалась какъ авторитетомъ высокоподвижнической жизни его, такъ и несомнѣнно совершеннѣйшимъ знаніемъ его ветхозавѣтныхъ Писаній, такъ какъ его умъ и сердце озарены были сугубымъ свѣтомъ благодати. Такому человѣку могли не вѣрить только крайнее невѣжество и упорная гордость, отвергшія и самого Пославшаго его Спасителя міра.

Ст. 8.—*Онъ не былъ свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ.* Іоаннъ, стоя на высотѣ нравственнаго совершенства и пророческаго достоинства, самъ, однако, *не былъ свѣтъ,* — онъ не могъ самостоятельно (отъ себя самого) просвѣщать всѣхъ людей; потому что онъ, и какъ вѣстникъ свѣта, былъ посланъ отъ Бога и былъ только отраженіемъ истиннаго свѣта, какъ заря есть отраженіе восходящаго солнца. Свѣтъ въ собственномъ смыслѣ, о которомъ долженъ былъ только свидѣтельствовать Іоаннъ, по природѣ выше его самого, достойнѣе величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и пророковъ, совершеннѣе величайшаго изъ рожденныхъ женами; это — Сынъ Божій. Поэтому Іоаннъ долженъ былъ говорить не о себѣ какъ о свѣтѣ, а о другомъ, Божественномъ Лицѣ и при всѣхъ совершенствахъ своихъ достоинъ былъ только свидѣтельствовать о Немъ. Іоаннъ, не признавая себя свѣтомъ, тѣмъ самымъ относилъ благодатные дары, воспринятые его духомъ, къ тому же единому источнику свѣта, а этимъ лишалъ права и другихъ признавать въ себѣ самихъ самостоятельный источникъ свѣта (разумъ и естественное вѣдѣніе): по его свидѣтельству—одинъ для всѣхъ первоисточникъ свѣта— Λόγος.

Ст. 9. *Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ.*—Свѣтъ *истинный*, это—самостоятельный, источный, вѣчный и потому неизмѣримо превосходный Свѣтъ, который нетолько просвѣщалъ и можетъ просвѣщать всѣхъ людей извѣстнаго времени, но и всегда единственно Онъ просвѣщаетъ и не можетъ не просвѣщать всякаго человѣка, *приходящаго въ міръ*. Если всякій человѣкъ, являющійся въ міръ, т. е. живой, способенъ къ воспріятію свѣта, или уже обладаетъ имъ въ извѣстной мѣрѣ и степени силы; то и этотъ свѣтъ—уже отъ первоисточника свѣта, Бога—Слова, Который есть единый Податель свѣта человѣку вмѣстѣ съ его духовной жизнію. Онъ озаряетъ *всякаго*, ибо нѣтъ живаго человѣка, который бы не имѣлъ въ себѣ этого свѣта нисколько, какъ нѣтъ такого, который бы не жилъ нравственно и религіозно въ извѣстной степени совершенства, опредѣлямой извѣстною совокупностію понятій о добродѣтели и нравственномъ долгѣ,—какъ нѣтъ человѣка со всѣмъ безъ совѣсти, который не цѣнилъ бы добра. А если *во всякомъ* есть какая-либо доля свѣта, то она принадлежитъ одному источнику жизни и свѣта, *чрезъ который все произошло.*

Ст. 10. *Въ мірѣ былъ и міръ произошелъ чрезъ Него, и міръ Его не позналъ.*—Не только самъ – Свѣтъ Λόγος можетъ просвѣщать и просвѣщаетъ всякаго человѣка, но и самъ всякій, приходящій въ міръ, можетъ имъ просвѣщаться, находя его самопознаніемъ. Такъ какъ свѣтъ религіозно-нравственный наслѣдуется человѣкомъ вмѣстѣ съ духовной природой, то слѣдуетъ, что свѣтъ былъ уже въ мірѣ—до начала чрезвычайнаго откровенія его, о которомъ былъ посланъ свидѣтельствовать Іоаннъ. Человѣчество самостоятельно и подъ руководствомъ ветхозавѣтнаго откровенія, должно было раскрывать высшія стороны своей природы и постепенно озаряться свѣтомъ истины и добра, —самостоятельно жить и находить свѣтъ жизни въ разумѣ и совѣсти, и возводить его къ первоисточнику свѣта и жизни — Богу. Въ этомъ состояло отличіе религіозно-нравственной жизни древняго міра отъ міра новаго, сверхъестественно озареннаго полнымъ свѣтомъ откровенія Бога Слова и въ Немъ имѣющаго свой на-вѣки неизмѣнный и для всѣхъ въ возможной мѣрѣ

полно и совершенно опредѣленно открытый источникъ озаренія.—*Но міръ его не позналъ*—все ветхозавѣтное человѣчество не нашло истинный источникъ свѣта,—онъ изсякалъ предъ его умственными очами,—міръ не опредѣлилъ его, какъ истинный, единый, вѣчный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ,—міръ искалъ иного свѣта, устанавливая жизнь свою иногда прямо на ложныхъ началахъ своего разума (философія) или чувства (языческая, развитая въ поэтическомъ творчествѣ религія), тогда какъ міръ произошелъ чрезъ Него, тогда какъ всякая жизнь въ мірѣ поставлялась на извѣстной нравственной основѣ и самое устроеніе тѣхъ или другихъ обществъ совершалось при непремѣнномъ посредствѣ этого Источника Свѣта.

Ст. 11.—*Пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли.* Дабы возвести человѣка къ совершенству, чтобы онъ наслаждался полнотою жизни, Источникъ свѣта долженъ былъ открыться особеннымъ образомъ и прежде всего людямъ, которые имѣли особо изощренное зрѣніе, которые ближе другихъ стояли къ Нему. По этому, *Онъ къ своимъ пришелъ*—съ тѣмъ, чтобы чрезъ нихъ проникнуть во весь міръ; Онъ *пришелъ*, т. е. былъ особенно замѣтенъ съ извѣстнаго времени, открылся вдругъ въ полнотѣ и съ особенною цѣлію; Онъ пришелъ къ *своимъ*—которые стояли близко къ Нему еще до чрезвычайнаго Его прибытія, которые совершенно, всецѣло были обязаны Ему своимъ религіозно-нравственнымъ совершенствомъ. Это—народъ еврейскій, хранившій Богомъ данныя обѣтованія, законоположенія и пророчества,—имѣвшій всѣ средства къ познанію истиннаго Свѣта, который долженъ былъ явиться въ мірѣ. Но и *свои*—эти люди особенно просвѣщенные, порожденные религіозно-нравственнымъ свѣтомъ, *не приняли* Его—не поняли и не признали Его за своего Просвѣтителя и Спасителя, когда Онъ явился къ нимъ въ полномъ блескѣ. Но еврейскій народъ какъ народъ отдѣльный въ ряду другихъ, всей силой своей жизни и самостоятельностію своего политическаго бытія обязанъ былъ исключительно религіозно-нравственному откровенному Закону; поэтому не могло быть, чтобы *всѣ*, причастные свѣту ветхозавѣтнаго откровенія, не признали Источника его, когда

онъ открылся съ Божественнымъ блескомъ въ дѣлахъ и ученіи Мессіи Іисуса: нѣсколькіе *приняли*...

Ст. 12.—*А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божіими.* Нѣсколькіе истинно-религіозные люди, созерцая явившійся Свѣтъ откровенія, поняли, что въ Немъ, а ни въ чемъ другомъ, сосредоточиваются вся сущность и полнѣйшая истинность высшей жизни человѣка, — что въ Немъ раскрылось вѣро-и-нравоученіе во всемъ его совершенствѣ, котораго столь долго ожидалъ міръ,—поняли, чтъ въ Немъ единый и вѣчный источникъ жизни и спасенія — къ просвѣщенію языковъ и въ славу Израиля. Понявшіе и принявшіе этотъ Свѣтъ, какъ истинный, должны были увѣровать въ Его Божественность, могли пріобщиться Его Божественности и наслѣдовать жизнь отъ сего Божественнаго Свѣта въ возможной полнотѣ и наибольшемъ совершенствѣ. Чрезъ это признаніе и принятіе Свѣта или вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дано было *право* стать и называться сынами Свѣта, сынами Божіими,—*право,* основывающееся на томъ, что природа человѣка была воспринята въ существенное единеніе съ природой Божественной въ воплощеніи Слова—Сына Божія. Но это право было имъ *дано.* Евангелистъ не сказалъ, что они сотворены или имъ повелѣно непремѣнно быть чадами Божіими; этимъ онъ унизилъ бы высокое нравственное достоинство благодатнаго возрожденія человѣческаго существа силою свѣта Божія, такъ какъ это возрожденіе должно оставаться дѣломъ свободы. На него дано только право; а свободное усвоеніе этого права должно стоять въ личномъ непосредственномъ желаніи получить дары сверхъестественнаго просвѣщенія, въ добровольномъ усвоеніи, сохраненіи и развитіи ихъ въ себѣ — въ самой жизни, направляемой къ цѣли совершенствованія личности по образу и подобію Божію. Такая дѣятельная вѣра во имя Спасителя усыновляетъ людей Богу.

Ст. 13. — *Которые не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились.* И *кровь* есть начало жизни; но жизнь „отъ крови“ есть въ сущности не самостоятельная, ограниченная, недостаточная, скоро разрушающаяся жизнь земнаго человѣка, въ крови лежитъ основа смерти, жало грѣха, печать проклятія, которое

лежитъ на всѣхъ рожденныхъ отъ крови или кровныхъ потомкахъ праотца Адама. *И хотѣніе плоти* можетъ быть причиною жизни; но жизнь „отъ плотской похоти“ есть въ основѣ своей страстная и потому нравственно—темная, не восходящая къ вѣчности жизнь, которою жило язычество: потому что плоть — источникъ и средоточіе страстей, почва зла, основа порока. Жизнь по плоти есть жизнь подъ воспріятіемъ всѣхъ вліяній міра, есть тяготѣніе къ стихійной средѣ. Не такова жизнь отъ свѣта. *И хотѣніе мужа* — человѣка умственно зрѣлаго — можетъ быть началомъ жизни; но родившійся „отъ хотѣнія мужа“ наслѣдуетъ всякія его хотѣнія и развивается по образу и подобію отца своего; поэтому, хотя и можетъ достигать извѣстной степени нравственнаго совершенства, но не можетъ самостоятельно, твердо и вѣрно идти къ свѣту истины и добра, не можетъ одолѣть тьмы, его окружающей, и примирить себя съ Богомъ, потому что не можетъ уничтожить въ себѣ источникъ зла—религіознаго сомнѣнія и нравственнаго колебанія. Таковы всѣ родившіеся отъ крови, отъ плоти и отъ мужа— они не могутъ быть въ царствѣ благодати, какъ живые члены этого царства, какъ чада Божіи: для этого должно вѣрнымъ средствомъ очистить ихъ кровь, освятить плоть и озарить умъ,—возродить духъ, пріобщая его источнику Божественной жизни. Посему—

Ст. 14.—*И Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и истины: и мы видѣли славу Его славу, какъ единороднаго отъ Отца.* — Слово, въ бытіи вѣчный, въ сущности (природѣ) своей Божественный въ отношеніи къ собственной (первой) ипостаси Божества самостоятельно — ипостасный (личный) Разумъ, дабы стать источникомъ полной религіозно-нравственной жизни человѣка, чрезъ то пріобщить его Божественной природѣ и чрезъ это усыновить его Богу, *стало плотію*. Евангелистъ не говоритъ, что Слово стало съ плотію, приняло *къ себѣ* плоть; но— *стало плотію*, т. е. воспріяло плоть человѣка внутреннѣйшимъ образомъ въ единеніе съ Своей Божественной природой, слѣдовательно, стало Богочеловѣкомъ по природѣ. Такимъ единеніемъ Слово освятило и возродило плоть, самымъ дѣломъ (фактически) сняло съ нея печать проклятія,

уничтожило побѣду страсти, пріобщило новой жизни, поставивъ ее въ родственномъ союзѣ съ Божествомъ. Воспріявъ плоть въ единеніе съ Собою, Слово вмѣстѣ съ тѣмъ явилось среди людей (въ исторіи), *обитало* — какъ бы водворилось среди нихъ (ἐσκήνωσεν), поэтому имѣло свою исторію. Съ момента своего воплощенія Слово, явившись въ исторіи человѣчества, открыло царство чадъ Божіихъ, возрожденнаго общества Новаго Завѣта (церковь). Жизнь возрожденнаго общества существенно отличается отъ жизни ветхо-завѣтной; потому что съ воплощеніемъ Бога-Слова открылась вся *полнота благодати и истины*. И ветхозавѣтный человѣкъ не лишенъ былъ благодати,—ему сообщались иногда изобильные дары ея,и тогда были великіе праведники, какъ чрезвычайный вѣстникъ вѣчнаго свѣта Іоаннъ; но высшая степень изліянія даровъ благодати совершилась съ воплощеніемъ Бога-Слова, при самомъ внутреннѣйшемъ единеніи существа человѣческаго съ самымъ Источникомъ благодати, при чемъ существо человѣка не только совершенствовалось (какъ это было въ ветхо-завѣтномъ человѣкѣ), но и возрождалось. И ветхо-завѣтный человѣкъ обладалъ иногда многимъ и очень совершеннымъ вѣдѣніемъ въ области религіозно-нравственной жизни, особенно-лучшая часть человѣчества, блюститель откровенія и носитель благодати—народъ еврейскій; но величайшая полнота богопознанія открылась съ того момента, когда Богъ явился во плоти, чѣмъ до очевидности — понятно и совершенно истинно разрѣшенъ былъ единственно величайшій вопросъ человѣческаго вѣдѣнія и всемірно-исторической жизни—вопросъ объ искупленіи или оправданіи человѣка предъ Богомъ и средствахъ примиренія съ Нимъ.—Открывъ полноту благодати и истины, Слово открыло вмѣстѣ съ тѣмъ и полноту Своей *славы*. И ветхозавѣтный человѣкъ видѣлъ сіяніе славы Божіей; но когда Божественное Слово возродило природу человѣка, то тѣмъ самымъ безконечно возвысило благость и святость воли Божіей въ сознаніи самого человѣка: потому что только чрезъ воплощеніе Сына Божія могъ открыться источникъ безконечной любви Божіей къ человѣку въ самой полной мѣрѣ. Воплотившійся Богъ-Слово при откровеніи богатства благодати, истины и славы предсталъ взорамъ

всей вселенной со всею силою своего Божественнаго величія и превосходства надъ всякой силой и премудростію всѣхъ избранниковъ и посланниковъ Божіихъ. Онъ явился съ очевидными достоинствами истиннаго единороднаго Сына Божія—царемъ природы, источникомъ жизни и свѣтомъ человѣчества,—истиннымъ Спасителемъ міра. Это было очевидно всѣмъ, обитавшимъ съ Нимъ во плоти. *И видѣли мы славу Его*, говоритъ Его ученикъ и апостолъ Іоаннъ (ср. 1 Соб. Іоан. гл. 1, ст. 1).

На основаніи откровенія, изложеннаго апостоломъ Іоанномъ въ 1—14 ст. 1-й главы его Евангелія, должно составить слѣдующее понятіе объ Іисусѣ Христѣ и Его отношеніи ко всемірно-исторической жизни человѣчества.

Іисусъ Христосъ есть Божественный упостасный (личный) Разумъ (Λόγος), вѣчный источникъ жизни и ея религіозно-нравственнаго свѣта (ζωὴ καὶ φῶς), существенно воплотившійся, возродившій человѣчества и открывшій Себя міру единороднымъ Сыномъ Божіимъ.

Н. Троицкій.

Реформація въ Англіи [1]).

ГЛАВА XI.

Когда реформаторы Эдуардова правительства только еще принимали на себя задачу выработать для англійской церкви такую систему вѣроученія и культа, которая была-бы очищена отъ недостатковъ и злоупотребленій католицизма, на европейскомъ континентѣ религіозная реформація была уже въ полномъ разгарѣ. Тамъ создалось уже цѣлое поколѣніе протестантскихъ богослововъ, передовыми вождями и воспитателями котораго были такія знаменитости, какъ Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли и Кальвинъ. Тамъ давно уже опредѣлились тѣ существенные вопросы, на которые протестантская теологія должна была обратить свое преимущественное вниманіе. Такіе вопросы, какъ напр., объ оправданіи, о таинствѣ Евхаристіи и т. п. были тамъ предметомъ горячихъ споровъ и со всѣхъ сторонъ обсуждались на публичныхъ диспутахъ. Не одинъ разъ предпринимались наконецъ и попытки свести къ единству итоги реформы и создать протестантскую догматическую систему. Такіе памятники, какъ Аугсбургское исповѣданіе, Loci theologici и Institutio religionis christianae, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ далеко континентальная Европа опередила на пути реформы Англію, не ушедшую еще пока далѣе своихъ шести членовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, весьма естественно было ожидать, что религіозное движеніе, широко развившееся на континентѣ, не останется безъ вліянія на Англію. Принимая на себя трудъ создать для своей церкви систему вѣ-

[1]) Окончаніе см. мартовскую кн. „Чтеній".

роученія и культа, реформаторы англійскіе невольно обращали свой взоръ туда, гдѣ уже очень многое въ этомъ отношеніи было сдѣлано. Вполнѣ понятно было съ ихъ стороны стремленіе нѣсколько поучиться у тѣхъ, которые въ дѣлѣ религіозной реформы были ихъ предшественниками, подражать болѣе или менѣе ихъ дѣйствіямъ и въ трудныхъ случаяхъ просить ихъ опытнаго совѣта и руководительства. Между тѣмъ обстоятельства сложились такимъ образомъ, что и континентальные протестанты вынуждены были въ данное время, болѣе чѣмъ когда-либо, обратить свое вниманіе на Англію. Послѣдніе изъ сороковыхъ годовъ шестнадцатаго столѣтія были, какъ извѣстно, весьма не благопріятны для протестантовъ Германіи. Это было время, когда императоръ торжествовалъ свою полную побѣду надъ Шмалькальденскимъ союзомъ, когда онъ силою оружія водворялъ въ Германіи религіозное единство, навязывая всѣмъ подчиненіе интериму. Большинство подданныхъ императора не считало возможнымъ сопротивляться требованіямъ побѣдителя и безпрекословно принимало предписываемыя ему формулы. Но находилось, конечно, не мало и такихъ, которые не соглашались ни за какую цѣну измѣнить своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. На ихъ долю выпадали преслѣдованія со стороны приверженцевъ старины, поддерживаемыя авторитетомъ свѣтской власти. Гонимые во всѣхъ предѣлахъ имперіи за свою протестантскую ревность такіе люди естественно старались найти себѣ въ Европѣ какую либо страну, которая могла-бы послужить имъ пріютомъ и дала бы имъ возможность спокойно трудиться для дѣла реформы. Англійское правительство поспѣшило воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и предложило имъ свои услуги, надѣясь пріобрѣсти себѣ въ этихъ иностранныхъ богословахъ ревностныхъ и опытныхъ пособниковъ реформы, какъ скоро они переселятся на постоянное жительство въ Англію. Архіепископъ Кантерберійскій обратился письменно къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ приглашеніемъ отъ имени короля и, по его призыву, съ перваго-же года Эдуардова царствованія началось переселеніе въ Англію протестантскихъ богослововъ Европы. Въ продолженіи двухъ лѣтъ здѣсь нашли пріютъ себѣ: Мартинъ Буцеръ, Петеръ Мартиръ Вермили, Павелъ Фагіусъ, Іоаннъ Аляско, Пьеръ

Александръ, Валерандусъ Поланусъ, Бернардинъ Охино, Кавальеръ, Тремелліо, Утенгоффъ, Анджело Флоріо. По происхожденію своему, люди эти принадлежали къ различнымъ національностямъ; тутъ были и нѣмцы и итальянцы и поляки, но за то всѣ они были искренними сторонниками реформы.— По пріѣздѣ въ Англію, иностранные богословы встрѣчали себѣ здѣсь самый радушный пріемъ со стороны правительства и въ особенности архіепископа Кантерберійскаго. Имъ тотчасъ же предоставлялись какія-либо общественныя должности, которыя давали имъ и матеріальное обезпеченіе и вмѣстѣ возможность служить дѣлу реформы. Одни изъ нихъ стали напр., суперинтендентами и проповѣдниками въ дозволенныхъ правительствомъ протестантскихъ конгрегаціяхъ, составившихся изъ иностранцевъ-эмигрантовъ; другіе получили бенефиціи въ англійской церкви, а нѣкоторые, какъ Мартиръ, Буцеръ, Тремелліо, и Фагіусъ, заняли богословскія каѳедры въ университетахъ Оксфорда и Кэмбриджа [1]). — Уже одно то, что завѣдомо извѣстные протестанты призваны были въ Англію и получили въ ней видныя общественныя должности, ясно показывало, со стороны англійскаго правительства сочувственное отношеніе къ ихъ религіознымъ воззрѣніямъ. Вполнѣ убѣжденные въ такомъ сочувствіи, иностранные богословы смотрѣли на свое переселеніе въ Англію не только какъ на личное избавленіе отъ преслѣдованія въ надежномъ пріютѣ подъ покровительствомъ дружественнаго правительства, но вмѣстѣ и какъ на миссію въ интересахъ реформы. Они считали себя обязанными послужить какъ можно болѣе пріютившей ихъ странѣ своими богословскими познаніями и своею протестантскою ревностію, чтобы и въ Англіи распространить тотъ свѣтъ истиннаго Евангелія, какимъ они считали идеи реформы. Университетскія каѳедры, доставшіяся въ удѣлъ нѣкоторымъ изъ нихъ, давали имъ, конечно, полную возможность тотчасъ-же начать свое реформаторское служеніе и этою возможностію они не замедлили воспользоваться. Петеръ Мартиръ, сдѣланный профессоромъ богословія въ

1) Sanderus II, 197—198; Foxe p. 636; Lingard IV, 271—272; Holinshed IV, 742; Burnet I, 328, 354; II, 753; Collier V, 317; Dodd II, 40.

Оксфордѣ, началъ свои чтенія изъясненіемъ перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ и, остановившись на одиннадцатой главѣ, постарался развить предъ слушателями свои крайнія протестантскія воззрѣнія на таинство Евхаристіи [1]). Такая смѣлая пропаганда ученія, противнаго принятому тогда въ церкви англійской, сильно возмутила искреннихъ сторонниковъ католической догматики. Они подняли шумъ, обвиняли Мартира въ противорѣчіи церковнымъ преданіямъ, въ профанаціи святаго таинства Евхаристіи и вызывались на публичномъ диспутѣ опровергнуть его ложное ученіе. Послѣ разныхъ проволочекъ, диспутъ состоялся наконецъ въ маѣ 1549 года съ дозволенія тайнаго совѣта, который назначилъ своими делегатами и предсѣдателями на преніяхъ епископа Линкольнскаго, канцлера университета доктора Кокса и нѣкоторыхъ другихъ. Трешамъ, Чадзэй и Морганъ явились на этомъ диспутѣ защитниками католическаго ученія противъ Мартира, который отстаивалъ слѣдующія три положенія: 1) въ таинствѣ Евхаристіи хлѣбъ и вино не пресуществляются въ тѣло и кровь Христа; 2) тѣло и кровь Христовы не присутствуютъ тѣлесно (carnally or corporally) въ хлѣбѣ и винѣ, или какъ нѣкоторые выражаются подъ видомъ хлѣба и вина; 3) тѣло и кровь Христа соединяются съ хлѣбомъ и виномъ таинственно (sacramentally) [2]). Какая изъ споривпихъ сторонъ одержала побѣду на диспутѣ, это опредѣлить трудно, такъ какъ отзывы католиковъ и протестантовъ, проникнутые духомъ партіи, діаметрально противорѣчатъ другъ другу. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ не результатъ диспута, а самый фактъ его и та обстановка, при которой онъ совершался. Публичная защита Мартиромъ протестантскихъ взглядовъ на Евхаристію ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что иностранные богословы въ Англіи считали долгомъ служить своими богословскими познаніями дѣлу реформы. Предоставленіе имъ въ этомъ случаѣ полной свободы было уже достаточнымъ доказательствомъ того, что правительство не видѣло въ ихъ взглядахъ

---

[1]) Collier V, 334;—Sanderus II, 203;—Burnet I, 367.

[2]) Foxe p. 666;—Sanderus II, 223—224;—Collier V, 334—336;—Dodd II. 41—42;—Burnet I, 367—368.

опасной ереси, которой слѣдовало-бы заграждать всѣ пути къ распространенію. Мало того,—католики жаловались, что правительственные делегаты на диспутѣ явно держали сторону Мартира и вообще оказывали свою поддержку приверженцамъ реформы.—Оксфордскій диспутъ не былъ единственнымъ, гдѣ-бы иностранные богословы выступали на публичную защиту протестантскихъ воззрѣній. Въ августѣ 1550 года подобный-же диспутъ состоялся въ Кэмбриджѣ [1]), гдѣ Мартинъ Буцеръ состязался съ Сиджвикомъ, Юнгомъ и Перномъ, защищая такія положенія: 1) каноническія книги Священнаго Писанія вполнѣ достаточны для наставленія возрожденныхъ относительно всего того, что необходимо для спасенія; 2) нѣтъ никакой церкви на землѣ, которая бы не могла погрѣшать какъ въ вѣроученіи, такъ и въ обычаяхъ; 3) добрыя дѣла могутъ быть совершаемы нами только послѣ оправданія, а добрыя дѣла, яко бы совершаемыя людьми прежде оправданія, въ существѣ своемъ суть грѣхи и лишь заслуживаютъ гнѣвъ Бога.—Такимъ образомъ иностранные богословы, покровительствуемые правительствомъ, защищали и распространяли протестантскія вѣроученія и на университетскихъ каѳедрахъ и на публичныхъ диспутахъ, оказывая тѣмъ самымъ весьма существенную поддержку и содѣйствіе его реформаторскимъ намѣреніямъ. Но этимъ только дѣло еще не ограничивалось. Желая воспользоваться опытомъ и познаніями иностранныхъ богословъ, Эдуардово правительство старалось иногда привлечь ихъ и къ непосредственному участію въ тѣхъ мѣрахъ, какія принимались имъ въ духѣ реформы. Когда напр. составлена была такъ называемая книга общихъ молитвъ (the book of common prayer), содержавшая въ себѣ новое чинопослѣдованіе Богослуженія и совершенія таинствъ на англійскомъ языкѣ, архіепископъ Кантерберійскій поручилъ Шотландскому богослову Алессе перевести ее на латинскій языкъ и въ такомъ видѣ передалъ ее Буцеру и Мартиру, чтобы они сказали свое мнѣніе объ этомъ трудѣ и сдѣлали на него какія-либо замѣчанія [2]). Желаніе архіепископа было

[1]) Foxe p. 668;—Collier V, 394—395.

[2]) Dodd II, 44. Not l;—Lingard IV, 280;—Collier V, 397;—Burnet I, 404.

исполнено и въ особыхъ посланіяхъ богословы высказали все то, что сочли нужнымъ замѣтить по поводу книги, предложенной на ихъ разсмотрѣніе. — При составленіи новаго кодекса церковныхъ законовъ Петеръ Мартиръ былъ даже назначенъ въ число членовъ коммиссіи. На черновомъ спискѣ этого труда можно видѣть, что нѣкоторые его отдѣлы были вполнѣ составлены Мартиромъ, а другіе исправлены и усѣяны замѣтками, писанными его рукою [1]).

Благосклонное отношеніе англійскаго правительства къ идеямъ реформы и покровительство его иностраннымъ протестантскимъ богословамъ не могло, конечно, остаться не замѣченнымъ въ Европѣ. Искренніе сторонники реформаціи смотрѣли въ этомъ случаѣ на Англію съ сочувствіемъ и радостію; эта страна, предводимая ея реформаторскимъ правительствомъ, казалась имъ обладающею всѣми нужными условіями для того, чтобы сдѣлать быстрые и рѣшительные успѣхи въ духѣ протестантизма. Не имѣя возможности принять непосредственное участіе въ церковномъ переворотѣ этой страны, подобно своимъ переселившимся въ Англію сотоварищамъ, европейскіе реформаторы, оставшіеся на континентѣ, старались иногда хотя письменно выразить правительству Эдуарда свое сочувствіе, поощрить его и расположить къ дальнѣйшимъ болѣе рѣшительнымъ преобразованіямъ. Въ такомъ именно смыслѣ писалъ въ октябрѣ 1549 года Кальвинъ свое письмо къ протектору [2]).

Если судить по близкимъ отношеніямъ Эдуардова правительства къ иностраннымъ протестантскимъ богословамъ, если, кромѣ того, принять во вниманіе, что эти богословы, по крайней мѣрѣ наиболѣе видные изъ нихъ, какъ напр. Кальвинъ, Буцеръ и Мартиръ, принадлежали по своимъ религіозно-церковнымъ воззрѣніямъ къ числу представителей протестантизма самаго рѣшительнаго, то можно было-бы предполагать, что и англійская церковь, допустившая доселѣ въ вѣроученіи и обрядахъ лишь очень немногія и незначительныя уклоненія отъ католицизма, пойдетъ теперь гораздо далѣе по пути реформы и приблизится къ кальви-

[1]) Burnet II, 765.

[2]) Collier V, 363—369;—Froude IV, 340—342;—Burnet I, 353—354.

низму, т. е. приметъ именно ту форму, какую считали наилучшею ея иностранные совѣтники и руководители. Но на самомъ дѣлѣ этого не случилось. Реформаторское правительство Эдуарда, какъ ни покровительствовало иностраннымъ богословамъ, какъ ни дорожило ихъ совѣтами и указаніями, во всякомъ случаѣ не намѣрено было рабски подчиняться ихъ авторитету. Цѣня ихъ опытъ и богословскія познанія, какъ весьма существенную помощь себѣ при осуществленіи своихъ реформаторскихъ намѣреній, оно въ то же время старалось сохранить въ своихъ дѣйствіяхъ достаточную долю самостоятельности, чтобы не навязывать Англіи религіозную систему, предписываемую иностранцами, а выработать для нея такую, которая бы соотвѣтствовала ея національнымъ потребностямъ и преданіямъ. Протестантское настроеніе не дозволяло этому правительству успокоиться на томъ, что было выработано въ предшествовавшее царствованіе, но осторожность и умѣренность въ то же время побуждала его воздерживаться и отъ противуположной крайности. Оно не хотѣло сильной ломки, переворота слишкомъ рѣзкаго и рѣшительнаго, который бы порывалъ всякую связь съ дорогими народу преданіями католицизма. Пересаживая на англійскую почву тѣ результаты, которые добыты были континентальною реформаціей, оно выбирало изъ нихъ только то, что представлялось ему потребнымъ и пригоднымъ, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ неприкосновенности и многіе остатки католической старины, которые, хотя и не мирились со стремленіями приверженцевъ коренной церковной реформы, привычны и дороги были сердцу народа. Оно старалось примирить по возможности и сопоставить въ одной системѣ и реформаторскія нововведенія и старинныя католическія преданія; въ одно и то же время оно хотѣло быть и либеральнымъ и консервативнымъ. Благодаря такому настроенію Эдуардова правительства, дѣятельность его относительно вопросовъ религіи отличалась нѣкотораго рода двойственнымъ характеромъ. На ряду съ мѣрами, обнаруживавшими повидимому рѣшительное стремленіе къ дальнѣйшей реформѣ, слѣдовали одновременно и такія, которыя поставляли своей задачей сохранить, по возможности, и католическую старину. Мало того, — даже въ

одной и той же мѣрѣ дають иногда себя ясно замѣтить слѣды этихъ двухъ разнородныхъ вліяній. Въ обзорѣ всѣхъ религіозно-церковныхъ мѣропріятій Эдуардова царствованія, мы найдемъ для этой мысли вполнѣ достаточное подтвержденіе.

Первый же статутъ, постановленный въ первомъ парламентѣ Эдуарда, раздѣляется на двѣ половины, изъ коихъ подъ первою не задумался бы подписаться и самъ папа, а вторая дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ духѣ реформы. Въ этомъ статутѣ [1]) дѣло идетъ о таинствѣ причащенія, относительно котораго, какъ мы видѣли, Англія оставалась еще пока вѣрною ученію и обрядамъ католической церкви. Отъ имени короля, статутъ прежде всего заявляетъ о необходимости единства и согласія между подданными, особенно по вопросамъ религіи. Водворить такое единство король желалъ бы мѣрами кротости, чтобы подданные исполняли свои обязанности по отношенію къ Богу, государю и странѣ, руководясь не страхомъ, а любовію. Но въ ихъ средѣ встрѣчаются такіе невѣжественные и вмѣстѣ кичливые и высокомѣрные люди, которые могутъ быть обузданы только страхомъ. Эти люди извращаютъ священныя установленія и обращаютъ ихъ вмѣсто пользы на погибель, что въ особенности замѣтно по отношенію къ таинству причащенія. Святое таинство это установлено Самимъ Спасителемъ, въ доказательство чего статутъ разсказываетъ далѣе объ обстоятельствахъ его установленія почти буквально словами св. апостола Павла изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ (XI, 23—27). Не смотря на Божественное происхожденіе этого таинства, находятся люди которые по злобѣ своей или по невѣжеству относятся къ нему презрительно, пользуясь въ этомъ случаѣ, какъ поводомъ, тѣми злоупотребленіями, которыя иногда допускались доселѣ нѣкоторыми относительно Евхаристіи. Эти люди оскорбляютъ святѣйшее таинство и издѣваются надъ нимъ, не только дѣлая его непочтительно предметомъ диспутовъ, но и въ проповѣдяхъ, рѣчахъ, разговорахъ, стихахъ, пѣсняхъ и комедіяхъ, выражаясь объ немъ въ такихъ скверныхъ

[1]) Statute 1 Edw. VI, chapt. 1.

и непристойныхъ словахъ, какія христіанское ухо не можетъ и слышать безъ отвращенія. Постановленіемъ настоящаго парламента виновные въ непочтительномъ отношеніи къ таинству Евхаристіи должны быть подвергаемы тюремному заключенію и денежному штрафу, по усмотрѣнію короля.

Иначе звучитъ вторая половина того же статута. Гораздо сообразнѣе, по ея словамъ, съ обстоятельствами установленія таинства причащенія Христомъ Спасителемъ и съ практикою апостоловъ и первенствующей церкви за пять и даже болѣе вѣковъ, чтобы всему христіанскому народу таинство это сообщалось подъ обоими видами, т. е. и хлѣба и вина, а не подъ видомъ одного только хлѣба. Сообразнѣе также съ установленіемъ и практикою апостоловъ и первенствующей церкви, чтобы таинство причащенія принималось не однимъ только священникомъ, но и народомъ, присутствующимъ при его совершеніи. Въ силу этого, настоящій парламентъ постановляетъ, чтобы отнынѣ во всѣхъ предѣлахъ королевства таинство причащенія сообщалось всѣмъ подъ двумя видами, дозволяя уклоненіе отъ этого порядка только лишь въ случаѣ крайней необходимости. Священникъ, намѣревающійся совершать таинство Евхаристіи, долженъ, кромѣ того, по крайней мѣрѣ, за день до совершенія, извѣщать и увѣщевать народъ къ тому, чтобы и онъ должнымъ образомъ приготовился къ принятію таинства. Въ назначенный день, священникъ долженъ разъяснять присутствующимъ значеніе таинства и необходимость надлежащаго приготовленія къ его принятію, послѣ чего онъ не можетъ безъ законной причины, отказывать кому-либо изъ желающихъ вмѣстѣ съ нимъ приступить къ причащенію. Такимъ образомъ, начавшись повидимому въ самомъ католическомъ духѣ, статутъ оканчиваетъ уничтоженіемъ вѣковыхъ обычаевъ католицизма.

Въ январѣ 1548 года, архіепископъ Кантерберійскій обращается съ посланіемъ къ епископу Лондонскому, предписывая ему сдѣлать извѣстнымъ содержаніе этого посланія всѣмъ епископамъ, чтобы всѣ они успѣли благовременно распорядиться по церквамъ своихъ епархій. Въ этомъ посланіи архіепископъ заявляетъ, что лордъ-протекторъ и дру-

гіе члены королевскаго совѣта, руководствуясь нѣкоторыми побудительными соображеніями, опредѣлили, чтобы въ праздникъ Срѣтенія Господня народъ не употреблялъ болѣе зажженныхъ свѣчъ при Богослуженіи. Запрещается также отнынѣ употребленіе пепла въ среду первой недѣли Великаго поста и вѣтвей въ недѣлю Ваій [1]).

Еще болѣе рѣзкаго протестантскаго характера былъ приказъ, изданный совѣтомъ въ февралѣ того же года на имя архіепископа Кантерберійскаго [2]). Въ королевскихъ внушеніяхъ, обнародованныхъ по поводу визитаціи, говорилось въ этомъ приказѣ, между прочимъ было предписано устранять изъ церквей всѣ тѣ иконы, которыя служатъ предметами суевѣрнаго поклоненія, къ которымъ совершаются пилигримства или приносятся пожертвованія. Во многихъ мѣстахъ королевства это предписаніе спокойно приведено было въ исполненіе; но во многихъ другихъ возникли споры и волненія, которыя усиливаются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, при чемъ нѣкоторые суевѣрные и своевольные люди удерживаютъ въ церквахъ иконы, явно злоупотребляемыя, а другіе возстановляютъ даже снова и тѣ, которыя были уже устранены во исполненіе королевскихъ внушеній. Поводомъ къ спору служитъ повсюду вопросъ о томъ, злоупотребляется ли въ частности та или другая икона, какъ предметъ суевѣрнаго поклоненія, или нѣтъ. Чтобы избѣжать споровъ и волненій и повсюду водворить спокойствіе, слѣдуетъ изъять изъ употребленія всѣ иконы вообще, такъ какъ онѣ вовсе не представляютъ собою предметовъ необходимыхъ и безъ нихъ церковь Христова благочестно существовала въ продолженіи многихъ лѣтъ. По желанію короля, протекторъ и совѣтъ теперь и предписываютъ архіепископу, чтобы онъ распорядился о немедленномъ устраненіи всѣхъ иконъ изъ церквей его епархіи и предписалъ то же самое и другимъ епископамъ его провинціи. При исполненіи этой мѣры совѣтъ требуетъ соблюденія должной осторожности, чтобы все могло совершиться спокойно и

---

[1]) Collier V, 241;—Stow. p. 595.

[2]) Foxe p. 639—640;—Burnet v. II. Records p. II, b. I. № XXIII;—Holinshed III, 889.

не возбудило недовольства или волненія со стороны народа.

Царствованіе, начинавшееся установленіемъ для всѣхъ причащенія подъ двумя видами, отмѣною разныхъ богослужебныхъ церемоній и устраненіемъ иконопочитанія, обѣщало повидимому очень много въ будущемъ для приверженцевъ коренной церковной реформы; но на ряду съ этими реформаторскими мѣрами предпринимались одновременно и такія, которыя сильно должны были разочаровать ревностныхъ протестантовъ въ ихъ ожиданіяхъ.

Въ февралѣ 1548 года появилась королевская прокламація [1]), въ которой, послѣ обычныхъ заявленій относительно необходимости водворенія въ королевствѣ полнаго согласія и единства въ вѣроученіи и обрядахъ, правительство жаловалось на то, что многіе члены клира и міряне въ приходскихъ церквахъ и въ другихъ мѣстахъ, по личному своему соображенію, разубѣждаютъ народъ относительно соблюденія разныхъ старинныхъ и обычныхъ обрядовъ и церемоній, дозволяя себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя нововведенія по собственной своей фантазіи. По соглашенію съ протекторомъ и другими членами совѣта, король строго предписываетъ, чтобы никто не смѣлъ по своему личному произволу опускать что либо, измѣнять или нововводить въ обрядахъ и церемоніяхъ, употребляемыхъ доселѣ въ англійской церкви, подъ страхомъ королевскаго гнѣва. Опущенія и измѣненія въ обрядахъ допускаются только тѣ, какія были сдѣланы или имѣютъ быть сдѣланы по предписанію королевской власти, или какія предписаны недавнимъ приказомъ архіепископа Кантерберійскаго относительно свѣчъ, и вѣтвей и т. д. Нарушители этой прокламаціи подвергаются тюремному заключенію и другимъ тяжкимъ наказаніямъ по усмотрѣнію короля.

Въ одномъ изъ парламентскихъ статутовъ 1548 года говорилось, что королевскіе подданные, по безконечной милости Всемогущаго Бога и стараніями Эдуарда и отца его, уже просвѣщены свѣтомъ Евангелія и истиннаго Слова Божія, а потому разумѣютъ, что одинъ день или родъ пищи

[1]) Burnet v. II. Recor. p. II. b. I, № XXII

нисколько самъ по себѣ не святѣе и не чище другаго; что, по природѣ своей, всѣ дни и всѣ яства имѣютъ равную святость и чистоту; что во всѣ времена и за всѣ роды пищи люди должны возносить благодареніе Богу; что никакая пища не можетъ осквернить христіанина или когда либо сдѣлать его нечистымъ. Но нѣкоторые изъ подданныхъ короля пользуются такимъ знаніемъ своимъ не для преуспѣянія въ добродѣтели, а для удовлетворенія чувственности, и въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда либо прежде, пренебрегаютъ тѣмъ воздержаніемъ, которое обычно соблюдается въ королевствѣ по пятницамъ и субботамъ, въ кануны праздниковъ и въ особо назначенныя времена постовъ. — Принимая во вниманіе, что благочестивое воздержаніе содѣйствуетъ добродѣтели и даетъ духу человѣка перевѣсъ надъ плотію, желая съ другой стороны оказать поощреніе людямъ, занимающимся рыболовствомъ и рыботорговлею, а также способствовать сохраненію и размноженію скота, король, по соглашенію съ лордами и общинами настоящаго парламента, уничтожая всѣ прежнія постановленія относительно поста, опредѣляетъ, чтобы съ перваго мая 1549 года никто изъ подданныхъ королевства, къ какому бы полу и состоянію онъ ни принадлежалъ, не употреблялъ никакого мяса по пятницамъ и субботамъ, по постамъ, канунамъ праздниковъ и вообще по всѣмъ тѣмъ днямъ, какія доселѣ считались постными, или какіе впредь предписано будетъ считать таковыми. Нарушители этого статута должны быть подвергаемы денежному штрафу и тюремному заключенію. — Несоблюденіе установляемыхъ парламентомъ постовъ дозволяется только тѣмъ лицамъ, которыя получатъ на то особое разрѣшеніе отъ высшей власти, или которыя находятся въ какихъ либо исключительныхъ условіяхъ, какъ напр.: людямъ очень старымъ, больнымъ, беременнымъ женщинамъ или родильницамъ, лицамъ военнымъ, находящимся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ затруднительно пріобрѣтеніе съѣстныхъ припасовъ и т. п. [1])

Такимъ образомъ, послѣ протестантскаго вступленія, статутъ оканчивается опредѣленіями самаго католическаго свойства.

---

[1]) Statute 2—3 Edw. VI. chapt. 19.

Въ подобномъ же духѣ постановляется и статутъ относительно праздниковъ [1]). Во вступленіи его говорится, что всѣ дни, сами по себѣ, не имѣютъ никакого различія и ни одинъ изъ нихъ не отличается отъ другихъ какою либо особенною святостію; говорится также, что служеніе мы должны воздавать только Богу, а не твореніямъ Его, и святымъ такое служеніе не подобаетъ. Но такія положенія тотчасъ-же ограничиваются весьма существеннымъ образомъ. Люди, заявляетъ статутъ, занятые своими обычными дѣлами, не могутъ быть всегда готовы славословить Бога, слушать Его Божественное Слово и т. п., а потому необходимо отдѣлить особые дни, которые могли бы быть посвящены всецѣло на служеніе Богу и добрыя дѣла. Въ силу этого, парламентъ и предписываетъ соблюдать установленные имъ праздничные дни, которые далѣе и перечисляются. Въ перечнѣ этомъ мы встрѣчаемъ, по примѣру прежняго времени, праздники не только Господскіе, но и Богородичные и въ честь архангеловъ, евангелистовъ, апостоловъ, предтечи и всѣхъ святыхъ. Нарушеніе этого статута подвергаетъ виновнаго церковнымъ наказаніямъ, исключая впрочемъ случаевъ крайней необходимости а именно: земледѣльцы въ періодъ жатвы, рыболовы и др. въ критическую пору своихъ промысловъ могутъ работать и по праздникамъ.

Приведенные нами приказы и постановленія съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ о томъ, какъ далеко было правительство Эдуарда отъ мысли уподобить вполнѣ реформированную церковь Англіи тѣмъ образцамъ, какіе были выработаны на континентѣ представителями крайняго протестантизма. Но при всей своей умѣренности эти правительственныя мѣры были всетаки несомнѣннымъ шагомъ впередъ на пути реформы и, кромѣ того, ими еще далеко не ограничивалось все то, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано царствованіемъ Эдуарда. Если настоящее реформаторское правительство Англіи принимало на себя задачу совершить въ возможной полнотѣ то, что едва только затронуто было церковнымъ переворотомъ прежняго царствованія; то оно не могло, конечно, остановиться лишь на однихъ

[1]) Statute 5—6. Edwar. VI. chapt. 3.

частныхъ измѣненіяхъ, касающихся того или другаго отдѣльнаго пункта существующей религіозной системы, но должно было подвергнуть пересмотру эту систему во всей ея цѣлости, чтобы нѣчто цѣлостное явилось и результатомъ его усилій. Такой пересмотръ дѣйствительно и предпринимается, избирая прежде всего своимъ предметомъ область Богослуженія и обрядовъ.

Совершеніе таинства Евхаристіи, какъ пунктъ наиболѣе выдающійся по своему значенію въ богослужебно-обрядовой области, остановило на себѣ первое и преимущественное вниманіе реформаторовъ. Нѣкоторое весьма существенное измѣненіе въ этомъ отношеніи было уже, какъ мы видѣли, сдѣлано парламентомъ, предписавшимъ сообщать народу пріобщеніе подъ двумя видами; но при этомъ предписаніи ничего не говорилось о томъ, при какой богослужебной обстановкѣ должно преподаваться пріобщеніе, при какихъ словахъ или дѣйствіяхъ народъ долженъ приступать къ святой чашѣ, которая до сихъ поръ не была ему доступна, и вообще въ какомъ отношеніи должно быть поставлено предпринятое измѣненіе къ прежнему чину католической мессы. Благодаря такому отсутствію опредѣленныхъ указаній, каждый священникъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему представлялось лучшимъ, а потому при совершеніи литургіи стало скоро господствовать въ разныхъ концахъ Англіи чрезвычайное разнообразіе, близко граничившее съ безпорядкомъ. Такое положеніе дѣлъ было, конечно, переходнымъ и правительство вскорѣ же озаботилось о томъ, чтобы выработать такія богослужебныя формы, которыя могли-бы быть введены въ качествѣ обязательныхъ для всей англійской церкви.

Въ ту же зиму, когда состоялось парламентское опредѣленіе о пріобщеніи подъ двумя видами, по распоряженію высшей власти составленъ былъ комитетъ изъ прелатовъ и богослововъ для составленія новаго чинопослѣдованія причащенія. Въ составъ комитета вошли оба архіепископа, епископы: Лондонскій, Дургэмскій, Уорчестерскій, Норуичскій, Ст. Асафскій, Сальсберійскій, Ковентри-Литчфильдскій, Карляйльскій, Бристольскій, Ст. Давидскій, Элійскій, Линкольнскій, Чичестерскій, Герефордскій, Уэстминстерскій и Рочестерскій и доктора: Коксъ, Мэй, Тэйлоръ, Гэйнисъ,

Робертсонъ и Редмайнъ. Принимаясь за осуществленіе возложенной на нихъ задачи, ученые члены комитета, прежде всего, подвергли тщательному разсмотрѣнію существующую практику Англійской церкви, при чемъ для большаго удобства составленъ былъ рядъ вопросовъ, на которые каждый изъ членовъ долженъ былъ представить свой письменный отвѣтъ [1]). Вопросы эти формулировались такимъ образомъ: установлено ли таинство причащенія такъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ принимать его за другаго, или каждый только за себя самого? Можетъ ли принятіе пріобщенія однимъ человѣкомъ приносить пользу другому? Что такое жертвоприношеніе Христа въ мессѣ? Въ чемъ состоитъ месса по установленію Христа? Съ какого времени начался въ церкви существующій въ настоящее время порядокъ, чтобы священникъ одинъ приступалъ къ пріобщенію? Слѣдуетъ ли сохранять этотъ обычай въ Англіи? Слѣдуетъ ли сохранять этотъ обычай, чтобы священники нанимались совершать мессы за души усопшихъ? Слѣдуетъ ли при совершеніи мессы читать для вразумленія присутствующаго народа Евангеліе? Нужно ли совершать мессу на такомъ языкѣ, который былъ бы понятенъ для народа? Съ какого времени начался обычай хранить освященные дары въ церквахъ и вѣшать ихъ на возвышенномъ мѣстѣ? Отвѣты членовъ комитета далеко не согласны между собою; нѣкоторые изъ нихъ составлены очевидно подъ сильнымъ вліяніемъ идей реформы, другіе ревностно отстаиваютъ старый порядокъ, а между ними стоятъ представители направленія средняго, умѣреннаго [2]). Такъ какъ ни одна изъ крайнихъ партій не взяла въ данномъ случаѣ рѣшительнаго перевѣса, то и результатъ трудовъ комитета носитъ на себѣ явный отпечатокъ компромисса. Королевская прокламація, изданная 8 марта 1548 года, вмѣнила всей Англіи въ обязанность сообщать народу причащеніе не иначе какъ въ той именно формѣ, какая теперь выработана была комитетомъ. Отъ имени верховнаго главы церкви, эта прокламація заявляла, что, во избѣжаніе разно-

[1]) Burnet I, 334—335;—Collier V, 246—247;—Dodd II, 11—12. Note 1.

[2]) Полный текстъ вопросовъ и отвѣтовъ см. Burnet v. II. Recor. p. II, b. 1. № XXV;—см. также Collier V, 247—254.

гласія и разнообразія при исполненіи состоявшагося уже парламентскаго опредѣленія о пріобщеніи подъ двумя видами, по соглашенію съ протекторомъ и совѣтомъ, на будущее время предписывается во всѣхъ предѣлахъ королевства неуклонно слѣдовать одной формѣ, которая при настоящей прокламаціи и прилагается. Убѣждая подданныхъ принять эту форму съ надлежащею покорностію, король говоритъ далѣе въ прокламаціи, что такой образъ дѣйствій съ ихъ стороны будетъ для него поощреніемъ къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ въ духѣ реформы; онъ обращается наконецъ къ нимъ съ увѣщаніемъ, чтобы они не давали простора своей личной ревности, но положились на него, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, какія именно реформы потребны согласно предписаніямъ Слова Божія, и искренно намѣренъ осуществить эти реформы, при содѣйствіи протектора и членовъ совѣта.

Форма или чинъ пріобщенія [1]). (The order of the Communion) начинается предписаніемъ, чтобы священникъ въ предшествующій праздникъ, или по крайней мѣрѣ за день до совершенія таинства Евхаристіи, увѣдомлялъ о томъ прихожанъ, чтобы они приготовились надлежащимъ образомъ. Въ рѣчи, которую онъ долженъ держать въ этомъ случаѣ къ своимъ прихожанамъ, прежде всего выставляется на видъ великое значеніе таинства и обильныя благодатныя послѣдствія, какими оно сопровождается для тѣхъ, кто пріемлетъ его достойнымъ образомъ, равно какъ и великая опасность для приступающихъ къ нему не достойно. Долгъ священника— убѣждать своихъ пасомыхъ, чтобы они помнили величіе того предмета, къ которому приступаютъ, и хорошенько испытали свою совѣсть, чтобы явиться на Божественную вечерю въ брачной одеждѣ, требуемой Писаніемъ. Они должны искренно раскаяться въ прежней своей дурной жизни; исповѣдать предъ Богомъ всѣ свои грѣхи, содѣянные хотѣніемъ, словомъ или дѣломъ, по немощи, или по невѣдѣнію, и со слезами просить у Него прощенія, отъ всего сердца обѣщая исправленіе. Они должны примириться со всѣми ближ-

[1]) Королевская прокламація и чинъ пріобщенія помѣщены въ приложеніяхъ у Dodda v. II. App. № VIII. —См. также Stow. p. 595.

ними своими, которыхъ они чѣмъ либо оскорбили, или которые ихъ оскорбили, чтобы быть со всѣми въ любви. Если же кто либо изъ нихъ имѣетъ какую нибудь тяжесть на совѣсти и чувствуетъ нужду въ совѣтѣ и утѣшеніи, пусть таковой обратится къ священнику и исповѣдуетъ ему тайно свой грѣхъ и скорбь свою, чтобы священникъ могъ облегчить его совѣсть духовнымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ и, какъ служитель Бога и церкви, далъ ему разрѣшеніе. Рѣчь заключается увѣщаніемъ, чтобы люди, довольствующіеся общимъ исповѣданіемъ грѣховъ, произносимымъ въ церкви, не соблазнялись и не оскорблялись образомъ дѣйствій другихъ, которые считаютъ нужнымъ прибѣгать къ устной и тайной исповѣди предъ священникомъ, равно какъ и наоборотъ, исповѣдающіеся тайно, чтобы не осуждали тѣхъ, которые считаютъ достаточнымъ собственное смиренное раскаяніе и общее церковное исповѣданіе. Пусть всѣ руководятся любовію другъ къ другу и не судятъ мысли и поступки другихъ, не имѣя на то дарованнаго отъ Бога права.

Чинъ самаго причащенія долженъ начинаться тогда, когда будетъ окончена месса, т. е. непосредственно затѣмъ, какъ причастится священникъ, при чемъ всѣ прежніе обряды и церемоніи мессы не должны быть ни въ чемъ измѣняемы. Приготовленіе и освященіе даровъ пусть совершается также, какъ это обычно совершалось и доселѣ; но по освященіи чаши, наполненной виномъ съ небольшимъ прибавленіемъ воды, священникъ не долженъ потреблять всю ее самъ, а, сдѣлавъ одинъ только глотокъ, покрыть ее и поставить на алтарѣ. — Принявъ пріобщеніе, священникъ обращается къ тѣмъ, которые готовятся приступить къ таинству, съ увѣщаніемъ, чтобы они припомнили слова св. ап. Павла къ Коринѳянамъ о томъ, съ какимъ расположеніемъ нужно принимать тѣло и кровь Спасителя и какія великія послѣдствія имѣетъ это таинство для приступающихъ къ нему достойно или не достойно. Онъ убѣждаетъ ихъ отказаться отъ грѣха, раскаяться въ содѣянномъ прежде, имѣть искреннюю и живую вѣру во Христа и совершенную любовь ко всѣмъ людямъ, чтобы сдѣлаться такимъ образомъ достойными причастниками таинства. Но всего болѣе онъ внушаетъ имъ быть благодарными къ Богу за великія Его благодѣянія,

явленныя людямъ въ искупительной смерти Спасителя, для непрестаннаго воспоминанія которыхъ Онъ даровалъ намъ Святое таинство, чтобы мы могли вкушать духовно тѣло и кровь Его для безконечнаго себѣ утѣшенія.

Затѣмъ священникъ предупреждаетъ приступающихъ къ пріобщенію, чтобы если въ ихъ средѣ есть какой либо тяжкій грѣшникъ, не раскаявшійся въ своемъ грѣхѣ, не дерзалъ бы онъ принимать тѣло и кровь Спасителя, чтобы не вселился въ него, какъ въ Іуду, діаволъ и не привелъ его къ погибели. — Сдѣлавъ такое предупрежденіе, священникъ выжидаетъ нѣкоторое время, не удалится ли кто либо изъ намѣревавшихся приступить къ пріобщенію, чтобы на таковаго дѣйствовать потомъ частными увѣщаніями на единѣ. Всѣхъ остальныхъ, какъ искренно раскаявающихся во грѣхахъ своихъ, какъ готовыхъ къ исправленію и неуклонному слѣдованію заповѣдямъ Божіимъ, священникъ приглашаетъ приступить къ таинству и, прежде всего колѣнопреклоненно исповѣдать предъ Богомъ грѣхи свои. Всѣ присутствующіе преклоняютъ колѣна и кто либо изъ нихъ, или изъ членовъ клира, или священникъ, читаетъ отъ имени всѣхъ общее исповѣданіе грѣховъ, содѣянныхъ помышленіемъ, словомъ или дѣломъ, съ выраженіемъ искренняго раскаянія и просьбою о милосердіи и прощеніи. — Послѣ этого, священникъ обращается къ народу и молитъ Господа, даровавшаго церкви власть разрѣшать покаявшихся грѣшниковъ отъ грѣховъ ихъ и возвращать въ милость Отца небеснаго тѣхъ, кто истинно вѣруетъ во Христа, — да умилосердится Онъ надъ сими кающимися, да проститъ и отпуститъ имъ грѣхи ихъ, да утвердитъ и укрѣпитъ ихъ въ добрѣ и да приведетъ ихъ къ вѣчной жизни.

Послушайте, говоритъ далѣе священникъ, какія утѣшительныя слова нашъ Спаситель Христосъ говоритъ всѣмъ тѣмъ, кто истинно обращается къ Нему: пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; (Мато. XI, 28) такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. III, 16).—Послушайте также, что св. Павелъ говоритъ: вѣрно и всякаго принятія достойно слово, что Христосъ Іисусъ пришелъ въ

міръ спасти грѣшниковъ (1 Тим. I, 15.). Послушайте также, что св. Іоаннъ говоритъ: если бы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ Ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа, праведника. Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши (1 Іоан. II, 1—2). Преклонивъ колѣна, священникъ произноситъ потомъ отъ лица всѣхъ приступающихъ къ пріобщенію слѣдующую молитву:

„Мы дерзаемъ приступать къ сему столу Твоему, милосердый Господи, уповая не на свою собственную праведность, а на Твои многообразныя и великія милости. Мы не достойны даже собрать и крупицы подъ столомъ Твоимъ, но Ты — Господь, милость имѣяй всегда. Даруй же намъ, милосердый Господи, такъ вкусить плоть Твоего возлюбленнаго Сына, Іисуса Христа, и пить кровь Его въ семъ святомъ таинствѣ, чтобы мы непрестанно пребывали въ Немъ и Онъ въ насъ; чтобы грѣховное тѣло наше очистилось Его тѣломъ и души наши омылись Его драгоцѣнною кровію".

Послѣ этой молитвы священникъ встаетъ и сообщаетъ пріобщеніе колѣнопреклоненному народу, сперва членамъ клира, если таковые имѣются въ числѣ причастниковъ, чтобы они готовы были потомъ помогать священнику, а за ними и другимъ. Раздавая тѣло Христово, онъ каждому изъ причастниковъ долженъ говорить слѣдующія слова:

„Тѣло Господа нашего Іисуса Христа, преданное за тебя (which was given for thee) да сохранитъ тѣло твое къ вѣчной жизни".

Раздавая кровь Христову каждому изъ причастниковъ не болѣе, какъ по одному глотку, онъ долженъ произносить:

„Кровь Господа нашего, Іисуса Христа, за тебя пролитая, да сохранитъ душу твою къ вѣчной жизни".

Если при причащеніи имѣется діаконъ или другой священникъ, то онъ долженъ, для большей скорости, слѣдовать съ чашею за первымъ священникомъ, чтобы одинъ раздавалъ причастникамъ тѣло Христово, а другой пріобщалъ ихъ кровію. — По окончаніи пріобщенія священникъ обращается къ народу и произноситъ отпустительное благословеніе, на которое народъ отвѣчаетъ: аминь.

Чинъ пріобщенія заключается двумя примѣчаніями для священника. Въ первомъ изъ нихъ говорится, чтобы хлѣбъ

для таинства употреблялся такой, какой по обычаю употреблялся доселѣ, при чемъ каждый хлѣбъ (т. е. опрѣснокъ) долженъ разламываться по крайней мѣрѣ на двѣ части, или болѣе, по усмотрѣнію священника, и такимъ образомъ раздаваться народу. Причащающіеся не должны думать, что въ части они получаютъ менѣе, чѣмъ сколько бы получили въ цѣломъ; но въ каждой изъ частей заключается все тѣло Спасителя нашего Іисуса Христа.—Во второмъ примѣчаніи говорится, что если, случайно, освященнаго вина не хватитъ на всѣхъ тѣхъ, которые приступаютъ къ пріобщенію, священникъ долженъ обратиться снова къ алтарю и благоговѣйно приготовить и освятить другую чашу, подобнымъ же образомъ и третью, или болѣе, по обычному чину латинской мессы, но безъ возвышенія.

Когда составленный такимъ образомъ комитетомъ чинъ пріобщенія получилъ одобреніе правительственнаго совѣта, онъ отпечатанъ былъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и разосланъ по всѣмъ концамъ Англіи съ особымъ посланіемъ, адресованнымъ къ епископу каждой епархіи, за подписью архіепископа Кантерберійскаго и семи другихъ членовъ совѣта. Посланіе это разсказывало сперва о состоявшемся постановленіи парламента относительно пріобщенія подъ двумя видами и о томъ, что вслѣдствіе такого постановленія назначенъ былъ комитетъ изъ ученыхъ прелатовъ и богослововъ для составленія однообразной формы, по которой бы совершалось пріобщеніе во всей Англіи. Теперь форма эта выработана и препровождается при настоящемъ посланіи къ епископу, чтобы онъ разослалъ ее по всѣмъ церквамъ своей епархіи. Епископу правительство вмѣняетъ въ обязанность слѣдить лично и чрезъ посредство своихъ чиновниковъ, чтобы приходскіе священники, по неблагонамѣренности или по непросвѣщенности, не уклонялись отъ примѣненія къ дѣлу формы, теперь предписываемой. Наступающій праздникъ Пасхи назначается срокомъ, съ котораго новый чинъ причащенія долженъ быть повсюду введенъ въ употребленіе. За неисполненіе предписанія епископы будутъ подвергаемы отвѣтственности [1]).

---

[1]) Foxe p. 640:—Collier V, 256—257.

Нельзя, конечно, не признать, что новый чинъ пріобщенія былъ весьма существеннымъ шагомъ впередъ въ духѣ реформы. Вопреки вѣковому обычаю католической церкви, цѣлая служба должна совершаться теперь на народномъ, англійскомъ языкѣ, и притомъ такая служба, которая имѣла непосредственное отношеніе къ самой существенной части христіанскаго Богослуженія, т. е. къ совершенію таинства Евхаристіи. Мало того, за этой службой всякій желающій, по надлежащемъ приготовленіи могъ приступить къ причащенію и принять его не подъ видомъ хлѣба только, но и вина. При всей важности такого нововведенія, оно все-таки не было еще смертельнымъ ударомъ для стараго, католическаго богослужебнаго порядка. Новый чинъ пріобщенія присоединялся лишь въ качествѣ заключительной части къ прежней латинской мессѣ, которая оставлялась въ полной неприкосновенности со всѣми своими молитвами и священнодѣйствіями. Догматическая сторона литургіи не подвергалась слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ никакому измѣненію, такъ какъ въ католической мессѣ оставались въ полной силѣ тѣ молитвы и священнодѣйствія, которыя имѣли своимъ основаніемъ ученіе о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя. Въ самомъ чинѣ пріобщенія,—въ словахъ, произносимыхъ при раздаяніи тѣла и крови причащающимся, въ колѣнопреклоненномъ положеніи причастниковъ, ясно обнаруживалось, что составители и вводители этого чина далеки были отъ мысли видѣть въ Евхаристіи лишь символъ и воспоминаніе искупительной жертвы Спасителя. Какъ бы то ни было, но нововведенный чинъ пріобщенія представляетъ собою явленіе занимающее видное мѣсто въ исторіи англійской реформаціи; это была первая существенная попытка посягнуть на неприкосновенность католической литургіи, проложившая путь дальнѣйшимъ, гораздо болѣе рѣшительнымъ реформамъ; это былъ зародышъ, изъ котораго скоро развилась та самая литургія, какая и доселѣ употребляется англиканскою церковію.

Составленіе чина пріобщенія было только началомъ тѣхъ трудовъ, которые выпали на долю комитета прелатовъ и богослововъ. По распоряженію правительства, члены этого комитета явились 1-го сентября 1548 года, къ королю, ко-

торый въ рѣчи своей указалъ имъ, какіе размѣры долженъ принять ихъ трудъ по реформѣ Богослуженія. Желаніе верховной власти состояло въ томъ, чтобы комитетъ составилъ такую книгу, которая бы вмѣщала въ себѣ чинъ утренней и вечерней молитвы, порядокъ совершенія таинствъ и вообще всѣхъ службъ церковныхъ [1]); на него возлагалась слѣдовательно задача пересмотрѣть весь богослужебный чинъ, употреблявшійся тогда англійскою церковію, и произвести въ немъ потребныя реформы.

Католическое Богослуженіе того времени въ Англіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, не представляло въ себѣ строгаго единообразія. Въ разныхъ концахъ королевства дѣйствовали свои мѣстные уставы (use), въ подробностяхъ представлявшіе между собою нѣкоторыя различія. Наиболѣе распространенными изъ этихъ уставовъ были: Іоркскій, Сальсберійскій, Бангорскій, Герефордскій и Линкольнскій [2]). Принимаясь за осуществленіе своей задачи, члены комитета собрали всѣ эти дѣйствовавшіе въ Англіи католическіе богослужебные уставы и занялись ихъ разсмотрѣніемъ [3]). Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о самомъ ходѣ работъ комитета, но до насъ сохранился ихъ конечный результатъ, получившій обязательное въ англійской церкви значеніе подъ именемъ книги общихъ молитвъ (The book of common prayer). Разсматривая эту книгу мы можемъ получить ясное прдставленіе и о томъ, какими принципами руководствовались ея составители и о томъ насколько имъ удалось осуществить эти принципы въ самомъ трудѣ.

Въ предисловіи [4]) помѣщенномъ при началѣ книги, выстав-

---

[1]) Collier V, 271.

[2]) Объ этихъ уставахъ упоминается въ статутѣ 2—3 Edw. VI. ch. 1. и въ предисловіи къ книгѣ общихъ молитвъ.

[3]) Burnet I, 341;—Dodd II, 29;—Lingard IV, 240.

[4]) Въ нынѣ употребляемой англиканскою церковію книгѣ общихъ молитвъ на первомъ мѣстѣ помѣщается предисловіе, прибавленное уже во второй половинѣ XVII вѣка, а то, что въ первомъ Эдуардовомъ изданіи существовало подъ именемъ „A Preface“, а теперь помѣщается на второмъ мѣстѣ и озаглавливается: „Concerning the service of the church“; но въ его текстѣ не сдѣлано никакихъ измѣненій сравнительно съ тѣмъ, какъ оно вышло отъ первыхъ составителей книги.

ляются на видъ тѣ побужденія, которыя вызвали настоящую богослужебную реформу и которыя потому служатъ для нея оправданіемъ. Умъ человѣческій, говорится въ этомъ предисловіи, никогда не могъ такъ хорошо что либо придумать и такъ твердо установить, чтобы съ теченіемъ времени не подверглось искаженію. Это обнаруживается, между прочимъ, и въ примѣненіи къ общимъ молитвамъ церкви, обыкновенно называемымъ Божественною службою (divine service). Изслѣдуя древнихъ отцевъ церкви, можно убѣдиться, что установленный ими богослужебный порядокъ имѣлъ въ виду единственно благую цѣль и споспѣшествованіе благочестію. Они предписали напр.: чтобы вся Библія, или большая часть ея, прочитывалась однажды въ продолженіи года. При этомъ имѣлось въ виду, чтобы съ одной стороны, духовенство, благодаря частому чтенію Слова Божія и размышленію надъ нимъ, совершенствовалось въ благочестіи и становилось способнымъ назидать другихъ въ здравомъ ученіи и поражать противниковъ истины; а съ другой стороны, чтобы и народъ, ежедневно слушая въ церкви Священное Писаніе, успѣвалъ все болѣе и болѣе въ Богопознаніи и воспламенялся любовію къ истинной религіи. По прошествіи многихъ лѣтъ, этотъ установленный отцами порядокъ сильно измѣнился и оставленъ въ пренебреженіи, благодаря внесенію въ Богослуженіе разныхъ сказокъ и легендъ, множества вопроссвъ, стихотворныхъ пѣсней, повтореній, напоминаній и т. пд. Въ настоящее время если начинается чтеніе какой-либо книги Библіи, то изъ нея прочитывается всего три или четыре главы, а все остальное такъ и остается не прочитаннымъ, какъ это бываетъ напр. съ книгою прор. Исаіи въ теченіи Рождественскаго поста, или съ кн. Бытія предъ постомъ великимъ.—Апостолъ Павелъ высказывалъ желаніе, чтобы въ церкви употреблялся предъ народомъ такой языкъ, который былъ бы для него понятенъ, такъ чтобы слушающіе могли получать назиданіе. Въ англійской же церкви уже много лѣтъ служба совершается на непонятномъ для народа языкѣ латинскомъ, такъ что онъ слушаетъ ее только ушами, а сердце и умъ его остаются безъ назиданія.—Не смотря на порядокъ установленный древними отцами, которые раздѣлили псалмы на семь

частей, (Nocturn) въ настоящее время читаются изъ нихъ очень немногіе, а всѣ остальные совершенно опускаются. Кромѣ того, въ службу внесено такое множество разныхъ правилъ и видоизмѣненій, что иногда труднѣе бываетъ найдти то, что слѣдуетъ читать, чѣмъ прочитать найденное, и одно только переворачиваніе книги представляется труднымъ и запутаннымъ дѣломъ. — Для устраненія такихъ неудобствъ теперь и составленъ иной порядокъ, при коемъ чтеніе Священнаго Писанія располагается въ должномъ видѣ по понятному для всѣхъ календарю, а разные возгласы, отвѣты и т. пд., нарушавшіе прежде стройное и послѣдовательное чтеніе Писанія, совершенно выбрасываются. Для должнаго пользованія новымъ уставомъ предлагаются нѣкоторыя правила, очень немногочисленныя и легкія для пониманія. — Вводимый теперь порядокъ въ молитвахъ и чтеніи Писанія гораздо болѣе согласуется съ намѣреніями древнихъ отцевъ, гораздо болѣе полезенъ и удобенъ, чѣмъ тотъ, который употреблялся въ послѣднее время. Онъ болѣе полезенъ, потому что въ немъ уничтожено много такихъ вещей, которыя или недостовѣрны, или безсодержательны, или основаны на суевѣріи; въ немъ предписывается читать только чистое Слово Божіе, или то, что согласно съ нимъ, и притомъ на такомъ языкѣ и въ такомъ порядкѣ, какіе вполнѣ понятны и легки какъ для читателей, такъ и для слушателей. Онъ болѣе удобенъ, потому что короче прежняго, яснѣе и сопровождается только немногими и легкими правилами. — Въ церквахъ королевства господствовало доселѣ чрезвычайное разнообразіе въ чтеніи и пѣніи; одни слѣдовали Сальсберійскому уставу, другіе Герефордскому, или Бенгорскому, или Іоркскому, или Линкольнскому. Съ настоящаго времени все королевство должно будетъ слѣдовать одному порядку.—Если, при всей ясности выработаннаго порядка, возникнутъ по поводу чего либо въ немъ сомнѣнія, недоумѣвающіе должны обращаться за разрѣшеніемъ къ мѣстному епархіальному епископу, который пусть и предписываетъ какія либо мѣры относительно возникшихъ недоумѣній, лишь бы только мѣры эти не стояли въ противорѣчіи съ чѣмъ либо содержащимся въ самой книгѣ. Если-же и епископъ не будетъ свободенъ отъ сомнѣній, то пусть онъ обращается за разрѣшеніемъ ихъ къ архіепископу.

Предисловіе заключается нѣсколькими указаніями относительно частныхъ случаевъ богослужебной практики. Хотя и предписано, говорится здѣсь, чтобы все читалось и пѣлось въ церкви на англійскомъ языкѣ для назиданія присутствующихъ, но если кто либо станетъ совершать утреннюю или вечернюю молитву частнымъ образомъ, то онъ можетъ употреблять при этомъ и другой какой либо языкъ, лишь бы онъ былъ для него понятнымъ. Всѣ священники и діаконы должны ежедневно совершать утреннюю и вечернюю молитву, частнымъ образомъ или публично, если только не препятствуютъ имъ болѣзнь или другая какая либо уважительная причина. Приходскій священникъ, если онъ находится дома и если ничто ему не препятствуетъ, долженъ совершать утреннюю и вечернюю молитву въ церкви, приказывая предъ началомъ ея благовѣстить въ колоколъ, чтобы и народъ могъ собраться слушать Слово Божіе и молиться вмѣстѣ съ нимъ. За предисловіемъ въ книгѣ помѣщались наставленія о томъ, въ какомъ порядкѣ должны производиться чтенія Священнаго Писанія при Богослуженіи. Изъ этихъ наставленій мы узнаемъ, что книга псалмовъ должна прочитываться на утренней и вечерней молитвѣ въ продолженіи каждаго мѣсяца. Въ виду этого она раздѣляется на части, такъ что, начинаясь при началѣ мѣсяца, оканчивается къ послѣднему его числу и въ новомъ мѣсяцѣ опять начинается сначала. При концѣ каждаго псалма предписывается „слава и нынѣ“. На утренней и вечерней молитвѣ полагаются два чтенія (lesson), изъ коихъ для перваго служитъ Ветхій Завѣтъ, а для втораго—Новый. Ветхій Завѣтъ распредѣляется на столько частей, чтобы большая его часть прочитывалась ежегодно однажды. Новый Завѣтъ за исключеніемъ Апокалипсиса, изъ котораго избраны только нѣкоторыя части для чтенія при особыхъ случаяхъ, раздѣленъ на столько частей, чтобы въ продолженіи года онъ прочитывался три раза, при чемъ рядовыя и праздничныя чтенія Апостола и Евангелія въ счетъ не принимаются. Для опредѣленія того, какія чтенія полагаются на извѣстный день, составлены особыя таблицы, которыя и приложены при книгѣ. Кромѣ общихъ таблицъ на каждый день года составлены и таблицы чтеній на праздники, какъ подвижные такъ и не подвижные. Если

на извѣстный день назначены особыя чтенія, то рядовыя въ такомъ случаѣ уже не употребляются. Коллекты (особыя молитвы), Апостолы и Евангелія, назначаемыя на каждый воскресный день, должны употребляться и во всѣ дни недѣли.

Послѣ предисловія, наставленій и таблицъ слѣдуютъ въ книгѣ самыя чинопослѣдованія. На первомъ мѣстѣ стоитъ чинъ утренней молитвы, которая, по предписанію первой книги общихъ молитвъ, должна совершаться слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, священникъ, читаетъ молитву Господню, за которою слѣдуетъ обмѣнъ нѣсколькихъ возгласовъ между священникомъ и народомъ (responses), какъ напр. священникъ говоритъ: „Господи, устнѣ мои отверзеши“, а народъ отвѣчаетъ ему: „и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою“, или священникъ начинаетъ „славу“, а народъ отвѣчаетъ ему „и нынѣ“. Затѣмъ поется девяносто пятый псаломъ (по славянской Библіи 94-й) „пріидите возрадуемся Господеви“, за которымъ слѣдуютъ тѣ псалмы, которые положены на каждый день мѣсяца по таблицѣ. Послѣ псалмовъ начинаются чтенія (lessons), положенныя на этотъ день по росписанію, сперва изъ ветхаго, а потомъ изъ Новаго Завѣта, по окончаніи коихъ поется хвалебная пѣснь Захаріи: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ“ (Лук. I, 68—79.), заключающаяся „славою и нынѣ“. Утренняя молитва оканчивается тремя коллектами, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ та, которая положена на этотъ день по росписанію, а за нею слѣдуютъ коллекты: „for peace“ и „for grace“, (о мирѣ, о милости) въ которыхъ возносится къ Богу молитва о томъ, чтобы Онъ сподобилъ ихъ безъ грѣха и опасности сохраниться въ теченіи наступившаго дня, руководилъ ихъ дѣяніями и направлялъ ихъ къ праведности.

Вечерняя молитва составлена по такому же точно строю, какъ и утренняя, при чемъ разность состоитъ только въ томъ, что однѣ молитвы замѣняются другими, а псалмы и чтенія употребляются тѣ, которыя назначены по росписанію для молитвъ вечернихъ.

За чинопослѣдованіями утренней и вечерней молитвы въ книгѣ помѣщаются коллекты, Апостолы и Евангелія на всѣ

воскресные и праздничные дни года, при чемъ и коллекты составлены и апостольскія и евангельскія чтенія избраны примѣнительно къ содержанію того праздника, на который онѣ назначаются. Кромѣ обычныхъ воскресныхъ дней года, коллекты и Апостолы съ Евангеліями назначены на праздники: Рождества Христова, св. первомуч. Стефана, св. Іоанна Богослова, Виѳлеемскихъ младенцевъ (The Innocents' day), Богоявленія [1]), Пасхи, на понедѣльникъ и вторникъ послѣ Пасхи, т. е. на второй и третій день ея, на праздникъ Вознесенія Господня, на Троицынъ день, на понедѣльникъ и вторникъ послѣ дня св. Троицы, на праздникъ св. ап. Андрея, св. ап. Ѳомы, обращенія (призванія) св. ап. Павла, Срѣтенія Господня (The Purification of st. Mary), св. ап. Матѳея, Благовѣщенія, св. евангелиста Марка, св. апостоловъ Филиппа и Іакова, св. ап. Варнавы, св. Іоанна Крестителя, св. ап. Петра, св. Маріи Магдалины, св. ап. Іакова, св. ап. Варѳоломея, св. еванг. Матѳея, св. арх. Михаила и всѣхъ св. Ангеловъ, св. еванг. Луки, св. апостоловъ Симона и Іуды и всѣхъ святыхъ. Кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ, коллекты съ апостольскими и евангельскими чтеніями назначены еще на нѣкоторые особенные дни поста, а именно на первую среду поста (среда пепла) и на всѣ дни страстной недѣли.

Чинъ литургіи (The Supper of the Lord, and the Holy Communion, commonly called the Mass.) начинается нѣсколькими предварительными наставленіями. Всѣ тѣ, говорится въ этихъ наставленіяхъ, которые немѣрены приступить къ таинству причащенія, должны наканунѣ или по крайней мѣрѣ при утреннсй молитвѣ того дня сообщить священнику о своемъ желаніи. Если въ числѣ желающихъ окажется кто либо извѣстный своею дурною жизнію или зломъ причиненнымъ кому либо, таковаго священникъ долженъ призвать къ себѣ и убѣждать, чтобы онъ не дерзалъ приступать къ таинству до тѣхъ поръ, пока не раскается, не исправится въ своей дурной жизни и не загладитъ, или по крайней мѣрѣ не рѣшится твердо загладить то зло, кото-

[1]) Подъ именемъ „Epiphany“ или „явленія Христа язычникамъ“ воспоминается поклоненіе волхвовъ.

рое онъ прежде причинилъ другимъ. Точно также долженъ поступать священникъ и относительно тѣхъ, кто находится во враждѣ между собою. Онъ не долженъ допускать враждующихъ къ причащенію до тѣхъ поръ, пока они не примирятся и не простятъ другъ другу. Въ случаѣ, если только одна изъ враждующихъ сторонъ внемлетъ увѣщаніямъ священника, а другая остается упорною, то и къ причащенію священникъ долженъ допустить только ту изъ нихъ, которая принесетъ покаяніе и изъявитъ готовность къ примиренію.—Предъ началомъ Богослуженія священникъ долженъ возложить на себя установленныя облаченія, а именно: бѣлый гладкій стихарь и ризу. Если присутствуютъ при этомъ и другіе священники или діаконы, то они должны помогать священнодѣйствующему; облачаясь также въ свои облаченія. Литургія начинается пѣніемъ входной (introite), каковую составляетъ псаломъ, особо назначаемый на каждый воскресный и праздничный день. Во время пѣнія этого входнаго псалма священникъ идетъ къ престолу, стоя подлѣ котораго и начинаетъ потомъ Богослуженіе словами: „слава въ вышнихъ Богу“, на что ему отвѣчаютъ: „и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Хвалимъ Тя, благословимъ Тя“ и т. д., оканчивая словами; „въ славу Бога Отца. Аминь“. — Обращаясь къ народу, священникъ говоритъ затѣмъ: „Господь да будетъ съ вами“, ему отвѣчаютъ: „и со духомъ твоимъ“. Пригласивъ потомъ народъ словомъ: „помолимся“, священникъ читаетъ коллекты, — одну назначенную на этотъ день по росписанію, а другую о благоденствіи короля. За коллектами слѣдуетъ чтеніе Апостола и потомъ Евангелія, сопровождаемое словами: „Слава Тебѣ, Господи“. Послѣ Евангелія читается символъ вѣры [1]) и затѣмъ произносится проповѣдь. Если въ этой проповѣди не сдѣлано было никакого внушенія народу относительно достойнаго принятія тѣла и крови Христа, то священникъ читаетъ затѣмъ особое увѣщаніе, а именно то самое, которое, по извѣстному уже намъ чину пріобщенія, долженъ былъ онъ произносить обращаясь къ наро-

[1]) Никейскій съ прибавленіемъ: „Filioque“.

ду, тотчасъ же послѣ того, какъ самъ причастится тѣла и крови Христовыхъ. Это увѣщаніе въ каѳедральныхъ и другихъ церквахъ, гдѣ пріобщеніе бываетъ ежедневно, достаточно прочитывать только разъ въ мѣсяцъ, а въ церквахъ приходскихъ оно можетъ быть не читаемо въ простые дни недѣли.—Если народъ и въ воскресные и въ праздничные дни лѣнится приступать къ пріобщенію, священникъ долженъ съ особеннымъ стараніемъ побуждать его къ тому, читая при этомъ то самое увѣщаніе, которое по прежнему чину пріобщенія онъ долженъ былъ произносить за нѣсколько дней до литургіи, извѣщая прихожанъ о своемъ намѣреніи совершить ее.

Послѣ проповѣди и увѣщанія происходитъ дароприношеніе (offertorie), т. е. желающіе приносятъ свои пожертвованія, кто сколько можетъ и хочетъ, и влагаютъ ихъ въ особый ларчикъ, предназначаемый въ пользу бѣдныхъ. Во все время принесенія пожертвованій клерки поютъ избранныя изреченія Священнаго Писанія или по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ произносится священникомъ по окончаніи принесенія. Избранныя изреченія эти слѣдующія: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца Вашего, Иже на небесѣхъ“; (Мат. V, 16.) „не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ. Скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ“; (Матѳ. VI. 18—20.) „вся убо, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ: се бо есть законъ и пророцы“; (Матѳ. VII, 12.) „не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ“; (Мато. VII, 21.) „ставъ же Закхей рече ко Господу: се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею“; (Луки XIX, 8.) и т. д. [1]).

[1]) Кромѣ приведенныхъ изреченій, въ книгѣ указывается еще слѣдующія: 1 Кор. IX, 7, 11, 13—14;—2 Кор. IX, 6—7; — Гал. VI, 6—7;—1 Тим. VI, 6—7, 17;—Евр. VI, 10; XIII, 16;—1 Іоан. III, 17;—Товит. IV, 7—8;—Притч. XIX, 17;—Псал. XL, 2.

Когда окончится принесеніе пожертвованій, намѣревающіеся приступить къ таинству пріобщенія приближаются къ алтарю и располагаются подлѣ него, мужчины на одной сторонѣ, а женщины на другой. Въ это время священникъ беретъ хлѣбъ и вино въ такомъ количествѣ, чтобы достаточно было для всѣхъ причастниковъ: хлѣбъ полагаетъ на дискосъ, а вино вливаетъ въ чашу, прибавивъ туда немного чистой воды. Поставивъ все это на престолѣ, священникъ говоритъ народу: „Господь да будетъ съ вами", ему отвѣчаютъ: „и со духомъ твоимъ". „Вознесите сердца ваши". „Мы вознесли ихъ ко Господу".—„Возблагодаримъ Господа Бога нашего".—„Поступать такъ достойно и праведно".—„Вполнѣ достойно, праведно и достодолжно намъ во всѣ времена и повсюду благодарить Тебя, Господи, Отца Святаго, Всемогущаго и Вѣчнаго Бога", продолжаетъ священникъ, послѣ чего въ нѣкоторые праздники полагаются особыя предисловія (prefaces). Въ праздникъ Рождества Христова напр. предисловіе это читается такъ: „поелику Ты въ день сей далъ родиться для насъ единственному Сыну Твоему, Іисусу Христу, Который дѣйствіемъ Духа Святаго содѣлался истиннымъ человѣкомъ изъ существа Дѣвы Маріи, но безъ скверны грѣха, чтобы и насъ очистить отъ всякаго грѣха"; „сего ради съ ангелами и архангелами и всѣмъ святымъ небеснымъ соборомъ мы хвалимъ и величаемъ славное имя Твое, непрестанно славословя Тебя и глаголя, святъ, святъ, святъ, Господь Богъ воинствъ: небо и земля исполнены славы Твоей: осанна въ вышнихъ. Благословенъ грядый во имя Господне; слава Тебѣ, Господи, въ вышнихъ". Подобныя предисловія положены на праздники: Пасхи, Вознесенія и св. Троицы. Когда же положенныхъ предисловій нѣтъ, тогда непосредственно за возгласомъ священника, оканчивающимся словами: „Всемогущаго и Вѣчнаго Бога", поется прямо: „сего ради съ ангелами и архангелами" и т. д.

Обратившись къ престолу, священникъ произноситъ затѣмъ молитву ко Всемогущему и присноживущему Богу, научившему насъ чрезъ своего св. апостола творити молепія, прошенія и благодаренія за вся человѣки. Отъ лица всѣхъ присутствующихъ онъ проситъ Бога внять ихъ мо-

литвамъ и даровать церкви духъ истины, единенія и согласія; спасти и защитить короля Эдуарда, а всему его совѣту и всѣмъ властямъ дать правый судъ къ наказанію зла и порока и къ поддержкѣ Божественной религіи и добродѣтели; епископовъ и священниковъ содѣлать истинными провозвѣстниками Слова Божія, и ученіемъ и жизнію, и должными совершителями Св. Таинствъ, а народъ воспріимчивымъ къ Слову Божію и ревностнымъ исполнителемъ его въ жизни. Онъ молитъ далѣе Бога о помощи и утѣшеніи всѣхъ бѣдствующихъ въ настоящей жизни, всѣхъ сокрушающихся, нуждающихся, болящихъ и вообще всѣхъ несчастныхъ, а также и о тѣхъ, которые собрались теперь въ настоящемъ храмѣ на молитву. Онъ возноситъ далѣе хвалу и благодарность Богу за ту чудодѣйственную благодать, которая отъ начала міра проявлялась въ святыхъ и особенно въ благословенной Дѣвѣ Маріи, въ святыхъ патріархахъ, пророкахъ, апостолахъ и мученикахъ, при чемъ онъ молитъ Бога о томъ, чтобы и предстоящіе здѣсь могли подражать ихъ примѣрамъ. Онъ поручаетъ наконецъ милосердію Божію и всѣхъ въ вѣрѣ почившихъ, умоляя Господа даровать имъ вѣчный миръ, чтобы въ день всеобщаго воскресенія всѣ они вмѣстѣ съ ними, молящимися, стали одесную и услышали радостный гласъ: „пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра“. Даруй это, Отче, ради Іисуса Христа, нашего единственнаго Ходатая и Защитника.

За этою молитвою тотчасъ же слѣдуетъ другая, въ которой священникъ благословляетъ хлѣбъ и вино и призываетъ на нихъ Святаго Духа. „Боже, Отче небесный, говоритъ онъ, по великому милосердію Своему (tender mercy) давшій пострадать до смерти на крестѣ для нашего искупленія Единственному Сыну Твоему, Іисусу Христу, Который совершилъ, Своею единожды принесенною жертвою, полное, совершенное и вполнѣ достаточное приношеніе, жертву и удовлетвореніе за грѣхи всего міра, и установилъ, предписавъ намъ въ Своемъ Святомъ Евангеліи совершать непрестанное воспоминаніе о драгоцѣнной смерти Его, до самаго втораго Его пришествія: услыши насъ, Отче многомилостивый, молимъ Тебя, и Святымъ Твоимъ Духомъ и Словомъ

благоволи благословить (при этомъ священникъ благословляетъ хлѣбъ) и освятить (при этомъ священникъ благословляетъ вино) сіи дары твои и созданія (creatures) хлѣба и вина, дабы они могли быть предъ нами (unto us) тѣломъ и кровію Твоего возлюбленнѣйшаго Сына, Іисуса Христа, Который въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ, благословилъ и, возблагодаривъ, преломилъ его и далъ ученикамъ Своимъ, говоря: пріимите, ядите; сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. (Въ это время священникъ долженъ взять хлѣбъ въ руки). Подобнымъ же образомъ Онъ взялъ послѣ вечери чашу и, возблагодаривъ, далъ ее имъ, говоря: пейте изъ нея всѣ, ибо это кровь Моя Новаго Завѣта, за васъ и за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ: сіе творите, когда только будете пить, въ Мое воспоминаніе". —(Въ это время священникъ долженъ взять чашу въ руки).—Всѣ эти слова священникъ произноситъ обращенный лицемъ къ алтарю и безъ всякаго поднятія и показыванія даровъ народу.

„Сего ради, продолжаетъ священникъ, Господи и Отче небесный, согласно установленію Твоего возлюбленнѣйшаго Сына, Спасителя нашего Іисуса Христа, мы смиренные рабы Твои совершаемъ здѣсь предъ Твоимъ Божественнымъ величіемъ, съ сими святыми дарами, воспоминаніе, какое благугодно было Сыну Твоему. Мы воспоминаемъ Его благословенную страсть, всесильное воскресеніе и славное вознесеніе; мы приносимъ Тебѣ сердечнѣйшее благодареніе за тѣ безчисленныя благодѣянія, которыя при семъ намъ ниспосланы; мы молимъ Твою Отеческую благость милостивно принять сію нашу жертву хвалы и благодаренія; мы смиренно просимъ Тебя, чтобы, заслугами смерти Сына Твоего І. Христа и вѣрою въ кровь Его, мы и вся церковь могли стяжать отпущеніе грѣховъ нашихъ и всѣ другіе благіе плоды Его страданій. Мы приносимъ Тебѣ, Господи, въ жертву здѣсь себя самихъ, свои души и тѣла, дабы были они разумною, святою и живою жертвою Тебѣ; мы смиренно умоляемъ, чтобы причастники сего святаго пріобщенія могли достойно принять драгоцѣнное тѣло и кровь Сына Твоего; чтобы исполнились они Твоею благодатію и небеснымъ благословеніемъ; чтобы стали они однимъ тѣломъ съ

Сыномъ Твоимъ, І. Христомъ, дабы и Онъ пребывалъ въ нихъ и они въ Немъ. По многимъ грѣхамъ своимъ, мы недостойны принести какую либо жертву предъ Тобою; но молимъ Тебя: прими сіе наше почитаніе и служеніе и повели святымъ ангеламъ своимъ вознести наши моленія и прошенія во святую сѣнь Твою предъ лице Твоего Божественнаго Величія, не презирая заслугъ нашихъ, но прощая вины наши, ради Христа, Господа нашего" и т. д. Послѣ молитвы Господней, священникъ говоритъ: „Христосъ, нашъ Агнецъ Пасхальный, принесенъ въ жертву за насъ единожды за всѣхъ, когда Онъ понесъ грѣхи наши на Своемъ тѣлѣ на крестѣ, ибо Онъ есть истинный Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра; сотворимъ посему радостный и святой праздникъ о Господѣ".

Обращаясь къ причастникамъ, священникъ приглашаетъ ихъ приступить къ пріобщенію и предварительно исповѣдать колѣнопреклоненно грѣхи свои. Приглашеніе это и самое исповѣданіе предписываются здѣсь въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ они были введены въ извѣстномъ намъ чинѣ пріобщенія. — Послѣ исповѣданія грѣховъ, священникъ встаетъ и говоритъ: „Всемогущій Богъ и Отецъ нашъ, небесный, обѣщавшій, по великой милости Своей, прощеніе грѣховъ всѣмъ, съ сердечнымъ покаяніемъ и истинною вѣрою обращающимся къ Нему; да умилосердится надъ вами, да проститъ и избавитъ васъ отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ, да утвердитъ и укрѣпитъ васъ во всякомъ добрѣ и да приведетъ васъ къ вѣчной жизни, Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ. Аминь".

Затѣмъ онъ читаетъ народу тѣ самыя утѣшительныя изреченія Св. Писанія, какія указаны въ этомъ случаѣ и въ чинѣ пріобщенія, и, преклонивъ колѣна предъ престоломъ, отъ лица всѣхъ произноситъ молитву, положенную въ томъ же чинѣ и начинающуюся словами: „мы дерзаемъ приступить".

По прочтеніи этой молитвы священникъ пріобщается сперва самъ, за нимъ пріобщаются другіе члены клира, если таковые здѣсь имѣются, и наконецъ пріобщеніе сообщается народу. Наставленія относительно порядка пріобщенія и словъ при немъ произносимыхъ буквально сходны съ тѣмъ, что

мы видѣли въ чинѣ. Разность состоитъ лишь въ томъ, что и при раздаяніи хлѣба и при раздаяніи вина священникъ одинаково произноситъ: ...„да сохранитъ твое тѣло и душу къ вѣчной жизни“.—Во время пріобщенія клирики поютъ: „Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, помилуй насъ. Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, даруй намъ миръ“.

По окончаніи пріобщенія читаются или поются избранныя изреченія Свящ. Писанія, напр. „аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ;“ (Мат. XVI, 24) „претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ;“ (Мар. XIII, 13) и т. под. [1]). Затѣмъ священникъ обращается къ причастникамъ со словами: „Господь да будетъ съ вами“ и, получивъ въ отвѣтъ: „и со духомъ твоимъ,“ читаетъ отъ лица всѣхъ благодарственную молитву, послѣ которой дѣлаетъ отпустъ.

Чинъ литургіи заключается нѣсколькими примѣчаніями. Въ первомъ изъ этихъ примѣчаній предписывается, чтобы хлѣбъ для пріобщенія употреблялся одинаковой во всѣхъ церквахъ королевства, а именно: безквасный, круглый по формѣ, но безъ всякихъ на немъ тисненій, нѣсколько больше и толще, противъ прежняго, чтобы удобно можно было раздѣлить его на нѣсколько частей. Каждый хлѣбъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ и болѣе частей, по усмотрѣнію священника, и въ такомъ видѣ раздаваться народу.

Такъ какъ священники на свой счетъ приготовляютъ хлѣбъ и вино для таинства, то прихожанамъ предписывается вносить нѣкоторую сумму въ вознагражденіе за это во время дароприношенія.—Кто либо изъ народа всегда долженъ пріобщаться вмѣстѣ со священникомъ, для каковой цѣли назначается хотя одинъ изъ каждаго семейства, приносящій отъ него пожертвованіе на издержки Богослуженія. Если принесеніе пожертвованія совершается не членомъ семьи, а кѣмъ либо другимъ, по его порученію, то этотъ уполномо-

---

[1]) Эти изреченія названы въ книгѣ „the post Communion“. Кромѣ приведенныхъ, въ не указываются еще слѣдующія: Лук. I, 68, 75; XII, 37, 40, 47;—Іоан. IV, 23; V, 14; — VIII, 31 — 32; XII, 36; XIV, 21, 23; XV, 7, 8, 12; — Римл. VIII, 31—33;—XIII, 12;—1 Кор. I, 30—31; III, 16—17; VI, 20;—Ефес. V, 1—2.

ченный пусть и приступаетъ къ пріобщенію. Въ простые дни недѣли священникъ долженъ воздерживаться отъ совершенія таинства Евхаристіи, развѣ только у него есть кто либо, кто желаетъ причаститься вмѣстѣ съ нимъ.

Въ послѣднемъ примѣчаніи говорится, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, въ прежнее время народъ принималъ тѣло Христово отъ священника въ руку себѣ и никакого предписанія въ противуположномъ смыслѣ мы отъ Христа не имѣемъ; но при этомъ многократно случалось, что причастники уносили частицу съ собою домой и тамъ злоупотребляли ею въ смыслѣ суевѣрія. Для предотвращенія на будущее время чего-либо подобнаго и въ видахъ водворенія единообразія во всемъ королевствѣ, теперь предписывается чтобы всѣ получали тѣло Христово при пріобщеніи прямо въ уста изъ рукъ священника.

За чиномъ литургіи помѣщаются литаніи, т. е. краткія пѣснопѣнія, которыя должны употребляться при утренней службѣ по средамъ и пятницамъ. Литаніи эти читаются напр. слѣдующимъ образомъ: „Богъ Отецъ небесный, помилуй насъ бѣдныхъ грѣшниковъ;“ „Богъ Сынъ, Искупитель міра, помилуй насъ бѣдныхъ грѣшниковъ;“ „Богъ Духъ Святый, исходящій отъ Отца и Сына, помилуй насъ бѣдныхъ грѣшниковъ“ и т. пд.

Чинъ публичнаго крещенія младенцевъ, слѣдующій въ книгѣ за литаніями, прежде всего предписываетъ священнику внушать прихожанамъ, чтобы крещеніе совершаемо было преимущественно по воскреснымъ или праздничнымъ днямъ при большомъ стеченіи народа, дабы присутствующіе могли быть свидѣтелями таинства и воспоминали свои собственные обѣты предъ Богомъ. Самое священнодѣйствіе состоитъ изъ нѣсколькихъ молитвъ, изъ увѣщаній, обращенныхъ ко всѣмъ присутствующимъ и въ частности къ воспріемникамъ, изъ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ чтенія Евангелія (Марк. X, 13—16) и изъ разныхъ дѣйствій, относящихся къ таинству. На вопросъ объ исповѣданіи существенныхъ пунктовъ вѣроученія, а также и на всѣ другіе вопросы, обращаемые къ крещаемому, отвѣты даются за него воспріемниками. Предъ исповѣданіемъ вѣры, совершается заклинаніе, т. е. діаволу приказывается выйдти изъ мла-

денца и болѣе не входить въ него. Крещеніе совершается чрезъ троекратное погруженіе въ воду купели съ произнесеніемъ словъ: „Я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. На случай слабости ребенка дѣлается предписаніе, что можно совершать крещеніе и чрезъ обливаніе. Лобъ и грудь крещаемаго священникъ знаменуетъ крестнымъ знаменіемъ и помазываетъ затѣмъ священнымъ елеемъ. На новокрещеннаго возлагаются наконецъ и бѣлыя одежды.—Чинъ домашняго крещенія младенцевъ и чинъ крещенія возрастныхъ не представляютъ въ себѣ никакихъ существенныхъ особенностей. По поводу перваго священнику предписывается, между прочимъ, внушать народу, чтобы домашнее крещеніе младенцевъ допускалось лишь въ случаяхъ самой крайней необходимости.—За чиномъ крещенія помѣщается очень краткій катихизисъ, содержащій въ себѣ изложеніе символа вѣры, десяти заповѣдей и молитвы Господней съ немногими лишь пояснительными вопросами и отвѣтами.

Чинъ конфирмаціи предписываетъ, чтобы обрядъ этотъ совершался не иначе какъ епископомъ и только надъ тѣми изъ получившихъ крещеніе, которые достигли уже разумнаго возраста и знаютъ символъ вѣры, молитву Господню и заповѣди. Конфирмуемый долженъ теперь, когда онъ пришелъ въ возрастъ, сознательно и торжественно подтвердить тѣ обѣты, которые даны были за него воспріемниками при крещеніи. Когда такое подтвержденіе сдѣлано будетъ конфирмуемымъ, по требованію епископа, послѣдній молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ укрѣпилъ его Святымъ Утѣшителемъ Духомъ и повседневно умножалъ въ немъ многообразные дары благодати: духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости и т. д. Самое священнодѣйствіе конфирмаціи состоитъ въ возложеніи рукъ и въ крестообразномъ помазаніи лба конфирмуемаго съ произнесеніемъ словъ: „я знаменую тебя знаменіемъ креста и возлагаю руку мою на тебя, во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“.

Обрядъ бракосочетанія долженъ, по чину, совершаться по троекратномъ оглашеніи за церковными службами. Кромѣ нѣсколькихъ молитвъ и увѣщаній, онъ состоитъ въ томъ, что брачущіеся даютъ торжественное свидѣтельство о своемъ взаимномъ желаніи вступить въ брачный союзъ между собою

и обѣщаютъ быть вѣрными другъ другу при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Торжественный обѣтъ ихъ скрѣпляется обрученіемъ посредствомъ колецъ, послѣ чего священникъ соединяетъ ихъ правыя руки, говоря: „яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ", знаменуетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и объявляетъ, что они—мужъ и жена, во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Чинъ посѣщенія больнаго начинается псалмомъ 143-мъ (по слав. Библіи 142): „Господи, услыши молитву мою", и состоитъ, по обычаю, изъ приличныхъ случаю молитвъ и увѣщаній. Въ молитвахъ испрашивается для болящаго исцѣленіе отъ тѣлесной болѣзни, а также прощеніе грѣховъ и твердость въ борьбѣ съ испытаніями. Въ увѣщаніяхъ же ему внушается терпѣливо выносить страданія и не ослабѣвать въ вѣрѣ. Наиболѣе выдающимися подробностями этого чина можно считать исповѣданіе грѣховъ болящаго предъ священникомъ и произносимое послѣднимъ разрѣшеніе отъ нихъ, властію Богомъ ему дарованною; а также помазаніе лба или груди болящаго, если онъ того пожелаетъ. При помазаніи произносится молитва о тѣлесномъ здоровьи и о душѣ больнаго, начинающаяся словами: „какъ симъ видимымъ елеемъ тѣло твое внѣшнимъ образомъ помазуется: такъ Небесный Отецъ нашъ, Всемогущій Богъ, даруетъ по безконечной Своей благости, чтобы и душа твоя внутренно помазалась Духомъ Святымъ, Который есть Духъ крѣпости, утѣшенія, облегченія и радости".—Болящій можетъ получить и пріобщеніе, для каковой цѣли священникъ долженъ совершить таинство Евхаристіи въ домѣ больнаго на какомъ-либо приличномъ мѣстѣ, по сокращенному чину, представляющему въ себѣ лишь самыя существенныя части литургіи. Вмѣстѣ съ больнымъ пріобщается и священникъ и, если возможно, кто либо изъ окружающихъ.

Чинъ погребенія состоитъ изъ псалмовъ 39-го и 90-го: (т. е. 38-го и 89-го) „рѣхъ: сохраню пути моя" и „Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ". За псалмами слѣдуетъ чтеніе Апостола (1 Кор. XV, 20—58) и наконецъ нѣсколько пѣснопѣній и молитвъ. Въ молитвахъ этихъ священникъ, поручая тѣло усопшаго землѣ, проситъ Всемогущаго Бога, чтобы Онъ простилъ умершему всѣ его

грѣхи; избавилъ его отъ мукъ ада и вѣчной тьмы; вселилъ его въ страпѣ свѣта съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ плача, печали и унынія; поставилъ его вмѣстѣ съ избранными одесную Сына Своего, дабы онъ могъ услышать утѣшительныя слова: „пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра".

Чинъ воцерковленія женщины (the churching) состоитъ изъ псалмовъ 116-го и 127-го (т. е. 114-го и 126-го), молитвы Господней и молитвы на данный случай, въ которой возносится благодарность Богу за благополучное чадорожденіе и испрашивается для женщины милость Божія въ настоящей и будущей жизни.

Рядъ чинопослѣдованій книги общихъ молитвъ заключается такъ называемой „угрозой" (A. Commination), которая должна совершаться въ первый день великаго поста. Служба эта начинается нѣкотораго рода предисловіемъ, въ которомъ священникъ заявляетъ, что она установлена для того, чтобы замѣнить отчасти обычай первенствующей церкви, по которому явные грѣшники, въ началѣ поста, подвергались публичному покаянію, чтобы, потерпѣвъ наказаніе здѣсь, спасти душу свою въ жизни будущей, а также и для того, чтобы примѣромъ своимъ устрашить другихъ и отвратить ихъ отъ грѣха.—Послѣ этого предисловія, священникъ читаетъ рядъ проклятій, выражающихъ гнѣвъ Божій на разнаго рода грѣшниковъ. По закону Моисееву проклятія эти предписано было произносить левитамъ. Англійское чинопослѣдованіе возстановляетъ теперь буквально эту ветхозавѣтную церемонію, предписывая священнику произносить самыя проклятія (Второз. XXVII, 15—26), а народу, послѣ каждаго изъ нихъ, возглашать „Аминь".—Затѣмъ слѣдуетъ покаянное увѣщаніе, чтеніе покаяннаго псалма 51-го (т. е. 50-го) и нѣсколько молитвъ.

Послѣ всѣхъ чинопослѣдованій, въ книгѣ помѣщается еще одно дополнительное объясненіе отъ составителей, подъ заглавіемъ: „Of Ceremonies, why some be abolished, and some retained" (т. е. О церемоніяхъ, почему однѣ изъ нихъ уничтожены, а другія удержаны) [1]).

---

[1]) Только въ первомъ изданіи книги общихъ молитвъ это объясненіе помѣ-

Изъ тѣхъ церемоній, какія употребляются въ церкви по человѣческому установленію, нѣкоторыя первоначально установлены были съ благою цѣлію, но потомъ извращены къ суетности и суевѣрію; другія вошли въ церковь вслѣдствіе неразумной набожности, ревности безъ разумѣнія, и, благодаря первоначальному попущенію, стали возрастать съ каждымъ днемъ все до большихъ и большихъ злоупотребленій, а потому, какъ не только безполезныя, но и ослѣпляющія народъ и омрачающія славу Божію, достойны уничтоженія. Есть и такія которыя, хотя имѣютъ человѣческое происхожденіе, заслуживаютъ сохраненія и въ настоящее время съ одной стороны ради благопристойнаго порядка въ церкви, для чего онѣ первоначально и установлены, а съ другой стороны въ видахъ назиданія, къ которому все въ церкви, по ученію апостола, должно быть направлено.—Хотя исполненіе или опущеніе церемоніи, само по себѣ, есть вещь маловажная, но своевольное и презрительное нарушеніе общаго порядка и дисциплины есть не малое оскорбленіе для Бога. „Вся же благообразно и по чину да бываютъ“, говоритъ св. Павелъ. Опредѣленіе же этого чина не есть дѣло частныхъ людей, а потому никто не долженъ принимать на себя опредѣленіе или измѣненіе общественнаго порядка, принятаго въ церкви, если онъ не призванъ къ тому и не уполномоченъ законнымъ образомъ.

Въ настоящее время, продолжаетъ объясненіе, въ умахъ людей господствуетъ такое разногласіе, что одни строго придерживаются старыхъ обычаевъ и считаютъ противнымъ совѣсти отступить хотя бы отъ малѣйшей церемоніи, а другіе наоборотъ такъ пристрастны къ нововведеніямъ, что презираютъ все старое, и нравится имъ только то, что ново. Составители книги поставляютъ себѣ задачей не угождать какой либо одной изъ этихъ партій, а угодить Богу и принести пользу имъ обѣимъ. Для тѣхъ, которые придаютъ цѣну разумнымъ доводамъ, составители книги считаютъ нужнымъ

щается послѣ всѣхъ чинопослѣдованій. При дальнѣйшихъ изданіяхъ оно постановлено было въ началѣ книги, тотчасъ послѣ разсмотрѣннаго нами предисловія и составляетъ такимъ образомъ какъ-бы вторую часть его.

дать съ своей стороны объясненіе тому, почему однѣ церемоніи отмѣнены ими, а другія удержаны.

Нѣкоторыя церемоніи уничтожены потому, что ихъ въ послѣднее время накопилось такое великое множество, которое стало бременемъ невыносимымъ. Еще Августинъ жаловался, что, благодаря умноженію церемоній, положеніе христіанъ сдѣлалось хуже, чѣмъ положеніе іудеевъ, и совѣтовалъ при удобномъ времени уничтожить это иго. Но что сказалъ бы Августинъ, если бы увидѣлъ тѣ церемоніи, какія употреблялись церковію въ послѣднее время, и количество которыхъ не можетъ быть и сравниваемо съ тѣмъ, что видѣлъ Августинъ въ свое время? Чрезвычайное количество нашихъ церемоній такъ велико и многія изъ нихъ такъ темны, что онѣ скорѣе затемняютъ, чѣмъ разъясняютъ людямъ благодѣянія къ нимъ Христа. Кромѣ того, Евангеліе не есть законъ церемоній, какимъ въ значительной части былъ законъ Моисеевъ, но религія, предписывающая служеніе Богу въ свободѣ Духа, довольствующаяся лишь тѣми церемоніями, которыя содѣйствуютъ благопристойному порядку и дисциплинѣ и которыя способны возвысить умъ человѣка къ воспоминанію его обязанностей по отношенію къ Богу, назидая его своимъ особеннымъ значеніемъ. Важнѣйшая же причина уничтоженія нѣкоторыхъ церемоній состоитъ въ томъ, что онѣ были злоупотребляемы отчасти суевѣрною слѣпотою грубыхъ и невѣжественныхъ людей, а отчасти ненасытною алчностію тѣхъ, которые имѣли въ виду болѣе свою корысть, чѣмъ славу Божію. Такія злоупотребленія не могутъ быть уничтожены, если не уничтожить самыя церемоніи, которыя послужили для нихъ поводомъ.

Любителямъ нововведеній составители книги выставляютъ на видъ, что безъ нѣкоторыхъ церемоній невозможно соблюсти въ церкви должный порядокъ и дисциплину. Если же такъ, то нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ старыхъ церемоній, если онѣ хороши и должнымъ образомъ употребляются. Неразумно возставать противъ нихъ только потому, что онѣ стары, ибо древность ихъ скорѣе должна возбуждать къ нимъ уваженіе. Оскорбляться оставленными церемоніями не слѣдуетъ, ибо злоупотреблявшіяся и обременявшія человѣческую совѣсть отмѣнены, а оставлены лишь

необходимыя для дисциплины и порядка, и притомъ онѣ не должны быть почитаемы наравнѣ съ закономъ Божественнымъ, но по уважительнымъ причинамъ могутъ быть видоизмѣняемы. Эти церемоніи, никопецъ, не темныя и не нѣмыя, но установлены такимъ образомъ, что каждый можетъ понимать, что онѣ обозначаютъ и къ чему предназначены. Объясненіе оканчивается заявленіемъ, что, вводя настоящій Богослужебный строй, составители его имѣютъ въ виду только свой народъ, нимало не осуждая при этомъ другія націи и признавая за каждою страною полное право вводить въ обрядовомъ отношеніи то, что ей представляется лучшимъ [1]).

Въ качествѣ приложенія къ книгѣ общихъ молитвъ, въ концѣ ея помѣщается псалтирь, раздѣленная на тридцать частей, по числу дней мѣсяца. На каждый день назначается два чтенія, одно для утренней молитвы и другое для вечерней. Въ составъ каждаго чтенія входитъ не одинаковое количество псалмовъ, зависящее отъ ихъ размѣровъ. Большею частію назначается по три псалма на чтеніе; но иногда и по четыре, по пяти и даже по шести. Наоборотъ, крупные псалмы назначаются по два, иногда по одному на чтеніе. Самый большой изъ псалмовъ 119-й (т. е. 118-й) подраздѣленъ на пять отдѣльныхъ чтеній [2]).

Приступая къ составленію книги общихъ молитвъ, составители ея, какъ видно изъ предисловій, поставляли себѣ задачей сдѣлать Богослуженіе понятнымъ для народа по языку, привести его къ единообразію во всемъ королевствѣ и придать ему форму, по возможности упрощенную. Всѣ эти цѣли были, очевидно, достигнуты съ полнымъ успѣхомъ. Богослуженіе теперь во всѣхъ своихъ частяхъ должно со-

---

[1]) Общій обзоръ или нѣкоторыя замѣчанія частныя относительно разностей первой книги общихъ молитвъ, въ сравненіи ее съ тою, какая теперь употребляется англиканскою церковію см. Collier V, 280—294;—Burnet I, 342—347;—Dodd II, 30;—Lingard IV, 240.—Чинъ литургіи цѣликомъ переведенъ у Кольера v. Recor. v. II. № LIX.

[2]) Да не посѣтуетъ на насъ читатель за показавшееся ему, можетъ быть, слишкомъ подробнымъ изложеніе содержанія книги общихъ молитвъ. Помимо ея исторической важности, она заслуживаетъ нашего вниманія и потому, что за весьма незначительными измѣненіями, и въ настоящее время употребляется Англиканскою церковію.

вершаться на англійскомъ языкѣ; ни одного чуждаго слова народъ не долженъ слышать въ своихъ храмахъ, которое было бы ему непонятно. Во всѣхъ концахъ королевства служба будетъ совершаться по одному, для всѣхъ обязательному, чину, безъ всякихъ мѣстныхъ особенностей. Чинъ этотъ притомъ такъ не многосложенъ, что англиканскій священникъ можетъ совершать всѣ службы, имѣя въ рукахъ, кромѣ Библіи, одну только небольшую книжку, переворачивать которую и рыться въ которой ему требуется весьма не часто.

Что касается самаго содержанія Богослуженія, то въ этомъ отношеніи составители книги поставляли своей задачей приблизить его, по возможности, къ тому типу, какой былъ выработанъ „древними отцами“. Это приближеніе къ древнему типу должно было, по мысли составителей, состоять въ очищеніи Богослуженія отъ позднѣйшихъ въ немъ наростовъ и искаженій и въ возвращеніи ему прежняго, искаженнаго послѣ, характера. Руководясь именно этимъ принципомъ, составители желали устранить изъ состава Богослуженія разныя легенды и т. пд. и дать въ немъ какъ можно болѣе мѣста Священному Писанію. Въ силу того же соображенія они нашли нужнымъ уничтожить очень многіе изъ католическихъ обрядовъ и церемоній. Но, принимая на себя дѣло реформы, они, какъ показалъ результатъ ихъ трудовъ, вовсе не были сторонниками крайнихъ идей протестантизма. Мы не знаемъ, кого они разумѣли подъ „древними отцами“, но во всякомъ случаѣ не можемъ сказать того, что будто бы они хотѣли возвратиться къ практикѣ первенствующей церкви вполнѣ и уничтожить въ Богослуженіи все то, что не имѣетъ себѣ оправданія въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Они чтили древность вообще, лишь бы только выработанныя ею Богослужебныя формы содѣйствовали высшимъ цѣлямъ христіанскаго Богослуженія и своею массою не дѣйствовали подавляющимъ образомъ на внутреннюю сторону религіи. При такомъ настроеніи составителей книги общихъ молитвъ, нисколько не удивительно, если мы вовсе не встрѣчаемъ съ ихъ стороны той враждебности, того огульнаго отрицанія, съ какими истые протестанты такъ часто относились ко всѣмъ вообще богослужебнымъ формамъ католи-

цизма. Напротивъ именно католическое Богослуженіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно употреблялось въ данное время, англійскіе реформаторы и положили въ основу своихъ трудовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сопоставить и сравнить книгу общихъ молитвъ съ католическимъ Missale и Rituale.

Произведя такое сравненіе, мы пришли къ нѣкоторымъ далеко не маловажнымъ результатамъ.

Прежде всего бросается въ глаза то внѣшнее сходство, которое существуетъ между католическимъ Missale [1]) и значительною частію англійской книги общихъ молитвъ. Богослужебный годъ располагается въ англійской книгѣ совершенно также, какъ и въ католическомъ Missale; онъ начинается съ перваго воскресенья Рождественскаго поста (the first Sunday in Advent) и затѣмъ ведетъ счетъ недѣлямъ послѣ Богоявленія (Epiphany), послѣ Пасхи и послѣ Пятидесятницы (Trinity). Праздники, удержанные англійскою церковію, располагаются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ и въ богослужебномъ году католической церкви. Не случайность, конечно, и то, что, за немногими исключеніями, почти всѣ Апостольскія и Евангельскія чтенія на воскресные и праздничные дни года въ англійской книгѣ назначаются именно изъ тѣхъ книгъ Свящ. Писанія и изъ тѣхъ главъ и стиховъ ихъ, какіе назначены на эти же дни и въ католическомъ Missale. На каждый воскресный и праздничный день въ книгѣ общихъ молитвъ назначаются еще, какъ мы знаемъ, такъ называемыя коллекты, т. е. краткія молитвы, примѣнительныя къ случаю. Сравнивая эти коллекты съ молитвами (orationes), назначаемыми на тѣ же дни въ католическомъ Missale, нельзя не замѣтить, что во многихъ случаяхъ англійскія коллекты такъ близко сходны съ молитвами Missale, что даютъ основаніе предполагать въ себѣ лишь видоизмѣненіе и передѣлку католическаго оригинала [2]).

---

[1]) Мы имѣемъ подъ руками Missale Romanum, juxta decretum 55. concilii Tridentini... Pragae 1845.

[2]) Таковы напр. коллекты на день Св. Ев. Іоанна, Вифлеемс. младенцевъ, Богоявленія, на 4 и 5 недѣли послѣ Богоявленія, на 2-ю недѣлю предъ великимъ постомъ (Sexagesima), на среду пепла, на 3, 4 и 5 недѣли великаго

Тѣмъ безошибочнѣе становится это предположеніе, что сравненіе открываетъ намъ съ десятокъ и такихъ с лучаевъ, когда коллекты являются буквальнымъ переводомъ молитвъ Missale [1]).

Сопоставляя чинъ англійской литургіи съ католическою мы находимъ и въ нихъ весьма не малое сходство. Какъ въ той, такъ и въ другой полагается начальный псаломъ, великое славословіе, чтенія Апостола и Евангелія, символъ вѣры, нѣкоторые тожественные возгласы, какъ напр. Господь съ вами, и со духомъ твоимъ, горѣ имѣимъ сердца, имамы ко Господу, благодаримъ Господа, достойно и праведно и т. пд.; особыя praefationes предъ Святъ, Святъ, Святъ, молитва за церковь, за короля и тд. предъ освященіемъ да-

---

поста, на вторую недѣлю послѣ Пятидесятницы, на день обращенія св. Павла, день св. апостола Варѳоломея, св. арх. Михаила и всѣхъ св. ангеловъ. Въ указанномъ нами изданіи Missale сотвѣтствующія orationes помѣщаются на страницахъ: 35, 36, 39, 47, 49, 54, 59, 90, 103, 116, 296, 373, 593 и 461.

[1]) Для большей убѣдительности мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторые примѣры: недѣля вторая послѣ Богоявленія.

Oratio.	The collect.
Omnipotens sempiterne Deus, qui coelestia simul et terrena moderaris: supplicationes populi tui clementer exaudi; et pacem tuam nostris concede temporibus. Per Dominum nostrum Jesum Christum...	Almighty and everlasting God, who dost govern all things in heaven and earth; Mercifully hear the supplications of thy people, and grant us thy peace all the days of our life; through Jesus Christ our Lord...

Недѣля третья послѣ Пасхи.

Deus, qui errantibus, ut in viam possint redire justitiae, veritatis tuae lumen ostendis: da cunctis, qui Christiana professione censentur, et illa respuere, quae huic inimica sunt nomini, et ea quae sunt apta sectari. Per Dominum nostrum Jesum Christum Filium tuum...	Almighty God., who shewest to them that be in error the light of thy truth, to the intent that they may return into the way of righteousness: grant unto all them that are admitted into the fellowship of Christ's Religion, that they may eschew those things that are contrary to their profession, and follow all such things as are agreable to the same; throuh our Lord Jesus Christ.
Missale p. 44, 261.	

Такое-же бркваьное сходство съ „orationes“ можно видѣть еще въ коллектахъ на 4 недѣлю послѣ Пасхи, на 5 недѣлю послѣ Пасхи, на Вознесеніе, на Троицынъ день, на 1 недѣлю послѣ Пятидесятницы, на Срѣтеніе. — Въ Missale см. стр. 262, 264, 269, 279, 291, 292, 384.

ровъ, самая освятительная молитва, слова, произносимыя при пріобщеніи [1]) и наконецъ предписаніе объ употребленіи для таинства хлѣба безквасnаго.

Если первая половина книги общихъ молитвъ имѣетъ близкое сходство съ Missale, то вторая половина представляетъ не мало такого, что встрѣчается въ Rituale [2]).

Англійскій чинъ крещенія сохранилъ напр. изъ католическаго Rituale: отрицаніе сататы и заклинаніе, знаменованіе лба и груди крещаемаго крестнымъ знаменіемъ и помазаніе его священнымъ елеемъ, самую формулу крещенія (ego te baptizo) и облаченіе новокрещеннаго въ бѣлую одежду [3]).

Въ англійскомъ чинѣ бракосочетанія по прежнему употребляется и соединеніе правыхъ рукъ брачущихся, и обрученіе, посредствомъ колецъ, и знаменованіе крестнымъ знаменіемъ, что все имѣется и въ католическомъ Rituale [4]).

Въ чинѣ посѣщенія больнаго не безъинтересна и та, повидимому, мелочь, что какъ по англійской книгѣ, такъ и по католическому Rituale, священникъ, входя къ больному, говоритъ: „миръ дому сему и всѣмъ живущимъ въ немъ“ [5]).

Хотя сдѣланныя нами указанія еще далеко не исчерпываютъ всего того, что можно сказать о сходствѣ новаго англійскаго богослужебнаго строя съ прежнимъ католическимъ; но и сказаннаго, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобы придти къ несомнѣнному убѣжденію, что составители книги общихъ молитвъ не только не относились враждебно къ католическому Богослуженію, но даже на него именно и опирались, какъ на главное основаніе своихъ трудовъ.

---

[1]) Слова эти читаются такимъ образомъ:

Corpus (или Sanguis) Domini Nostri Jesu Christi custodiat animam meam in vitam aeternam.	The Body (или Blood) of our Lord Jesus Christ, which was given for thee, preserve thy body and soul unto everlasting life.

[2]) У насъ подъ руками Rituale Romanum, Pauli v. Pont. Max. jussu editum. Antverpiae 1744.

[3]) Rituale Rom. p. 17—23.

[4]) ibid. p. 232—234.

[5]) ibid p. 108.

Такимъ образомъ, по содержанію своему новый англійскій богослужебный строй, повидимому, не очень далеко ушелъ отъ католическаго. Но и въ этомъ отношеніи цѣль, какую поставляли себѣ составители книги общихъ молитвъ, въ значительной степени была достигнута. Они хотѣли, чтобы въ Богослуженіи англійской церкви самое видное мѣсто дано было Священному Писанію и, дѣйствительно, новый чинъ предписывалъ, какъ мы видѣли, непрерывное чтеніе при Богослуженіи Библіи во все продолженіе года, при чемъ Ветхій Завѣтъ долженъ былъ прочитываться однажды, а новый—трижды въ годъ, псалтирь же прочитывалась вся въ теченіи каждаго мѣсяца. Независимо отъ этого годичнаго или мѣсячнаго чтенія, назначаются еще особыя чтенія на воскресныя и праздничныя службы, да, кромѣ того, еще поются или читаются особо назначаемые псалмы, помимо тѣхъ, какіе слѣдуютъ по порядку мѣсячнаго чтенія всей псалтири. При такомъ богослужебномъ строѣ дѣйствительно оказывается, что ежедневная утренняя или вечерняя молитва почти вся состоитъ изъ псалмовъ, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній и гимновъ, заимствованныхъ изъ того же Священнаго Писанія.—Наряду съ стремленіемъ усилить библейскій элементъ въ Богослуженіи, англійскіе реформаторы хотѣли еще, какъ мы видѣли, очистить его отъ позднѣйшихъ наростовъ и произвести въ немъ такія измѣненія, которыя бы сдѣлали его болѣе соотвѣтствующимъ его высшимъ цѣлямъ. Какъ ни много сохранилось въ англійскомъ Богослуженіи остатковъ католицизма, при всемъ томъ реформа въ смыслѣ очищенія, и реформа громадная, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ чинѣ литургіи книга общихъ молитвъ подтвердила, конечно, то существенное измѣненіе, которое сдѣлано было еще прежнимъ чиномъ пріобщенія; она еще разъ предписала, чтобы пріобщеніе сообщаемо было и народу подъ обоими видами. Позаимствовавъ многое въ расположеніи молитвъ и чтеній изъ католической миссы, она уничтожила въ ней то дѣйствіе, которое доселѣ считалось однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ моментовъ литургіи, а именно: возвышеніе (elevatio), когда священникъ поднимаетъ гостію и показываетъ ее народу для поклоненія.

Громадное количество разныхъ особыхъ чинопослѣдованій, моленій и обрядовъ обречено было составителями книги общихъ молитвъ на совершенное уничтоженіе. Въ католическомъ Missale существовалъ напр. цѣлый отдѣлъ [1]) „proprium missarum de Sanctis“, въ которомъ назначались разныя видоизмѣненія, долженствовавшія производиться въ совершеніи миссы, по случаю празднованія какому-либо святому. Такихъ особенныхъ миссъ насчитывается въ теченіи года болѣе четырехсотъ пятидесяти [2]). — Въ англійской книгѣ общихъ молитвъ празднованіямъ въ честь святыхъ отведено, какъ мы видѣли, очень не много мѣста; только на двадцать дней въ году назначены особыя коллекты и чтенія по поводу празднованія памяти святыхъ. — Кромѣ частныхъ миссъ на память того или другаго святаго въ отдѣльности, Missale назначаетъ еще общія миссы апостоламъ, первосвященникамъ, мученикамъ, исповѣдникамъ, дѣвственницамъ, докторамъ, аббатамъ [3]) и т. под. Назначаются также особыя миссы на разные чрезвычайные случаи, какъ напр. по поводу избранія папы, годовщины избранія и посвященія епископа, о прекращеніи раскола, объ отпущеніи грѣховъ, о дарованіи мирной кончины, по случаю войны, о мирѣ, о прекращеніи эпидеміи, за болящихъ, за пилигримовъ или вообще путешествующихъ, за брачущихся [4]) и т. под. Наконецъ, въ томъ же Missale назначаются особыя заупокойныя миссы на день смерти, или на годовщину [5]). — Въ новомъ богослужебномъ строѣ англійской церкви вся эта масса литургическихъ особенностей подверглась полному уничтоженію.

Еще болѣе печальная участь выпала на долю католическаго Rituale. Даже и въ тѣхъ чинопослѣдованіяхъ, которыя удержаны были англійскою церковію, очень многія изъ прежде употреблявшихся обрядовъ оказались теперь отмѣненными. Въ англійскомъ чинѣ крещенія напр. мы уже не встрѣчаемъ

---

[1]) Missale Romanum. p. 337 — 702.

[2]) На одинъ день часто назначается ихъ по нѣскольку, т. е. для каждаго празднуемаго святаго особо.

[3]) Missale I—LII.

[4]) Ibid. p. LIII—LXX.

[5]) Ibid p. LXXXII—LXXXVIII.

заклинанія и благословенія соли и вложенія ея въ уста крещаемаго, помазанія ушей и ноздрей его слюною священника и врученія ему или воспріемнику зажженной свѣчи [1]).—Уничтожаются также и цѣлые отдѣлы Rituale, носящіе заглавія: „De Benedictionibus“ и De Processionibus“. Въ этихъ отдѣлахъ мы встрѣчаемъ массу особыхъ чинопослѣдованій и молитвъ: на освященіе воды, свѣчъ для праздника Срѣтенія, домовъ въ Пасхальную субботу, новаго дома, корабля, плодовъ и лозъ, пилигримовъ при отправленіи въ путь и возвращеніи, пасхальнаго агнца, яицъ, хлѣба, священническихъ облаченій, престольныхъ одеждъ и воздуховъ, сосудовъ, новаго креста и иконъ, перваго камня при закладкѣ церкви, новой церкви, кладбища [2]). Опредѣляется также порядокъ процессій: въ праздникъ Срѣтенія, въ Вербное Воскресенье, въ праздникъ св. Марка, въ праздникъ тѣла Христова, по поводу моленія объ дождѣ, объ ясной погодѣ, о прекращеніи бури, голода, мора, по поводу войны, процессіи по поводу какой бы то ни было напасти, процессіи благодарственной [3]).—Наконецъ существуетъ особый чинъ заклинанія одержимыхъ бѣсомъ [4]). — Все это въ новомъ богослужебномъ строѣ англійской церкви было уничтожено.

Итакъ, то Богослуженіе, которое должно было теперь употребляться англійскою церковію, при всемъ своемъ сходствѣ съ прежнимъ католическимъ, разнилось отъ него во многомъ и весьма существеннымъ образомъ. Въ Богослуженіи и обрядахъ книга общихъ молитвъ производила большой переворотъ; но этотъ переворотъ, какъ и всѣ тѣ частныя религіозно-церковныя мѣры, какими доселѣ успѣло заявить себя царствованіе Эдуарда, отличается, очевидно, весьма умѣреннымъ, консервативнымъ характеромъ. Составители книги, въ своемъ объясненіи относительно церемоній, заявляли, что они не намѣрены угождать ни слѣпымъ ревните-

---

[1]) Rituale p. 16, 19, 21.

[2] Rituale p. 238, 241, 242, 244, 245, 246, 249, 250, 254, 256—257, 258—259, 260, 266, 275.—См. также Missale p. XCIII—XCIX.

[3]) Rituale p. 281, 287, 300, 302, 311, 313, 315, 317, 318, 319, 324, 326.

[4]) Rituale p. 335 — 365.

лямъ старины, твердо держащимся за всѣ малѣйшіе обряды католицизма, ни фанатическимъ нововводителямъ, относящимся ко всему старинному не иначе, какъ съ ненавистью. Такими людьми средины они дѣйствительно и заявили себя въ своемъ трудѣ. Выработанный ими богослужебный строй на половину оставался католическимъ и на половину проникнутъ былъ идеями протестантизма.

Комитетъ прелатовъ и богослововъ окончилъ свои работы по составленію книги общихъ молитвъ къ декабрю 1548 года и тотчасъ же эта книга внесена была на утвержденіе парламента [1]). Въ верхней палатѣ начались горячія пренія, сосредоточивавшіяся преимущественно на вопросѣ о таинствѣ Евхаристіи [2]). Вѣроятно, эти-то пренія и затянули на долго дѣло утвержденія книги, такъ какъ парламентскій статутъ по этому поводу состоялся уже 15-го января 1549 г. Въ нижней палатѣ актъ прошелъ почти безъ всякихъ препятствій; но въ верхней весемь епископовъ и три свѣтскихъ лорда подали свои голоса противъ него [3]).

„Актъ относительно единообразія Богослуженія и совершенія таинствъ въ королевствѣ“ (An Acte for the Unyformytie of Service and Admynistracion of the Sacraments throghout the Realme [4]) начинается, по обычаю, съ предисловія, въ которомъ говорится, что съ давняго времени въ Англіи употреблялись различныя формы общественнаго Богослуженія, а именно уставы Сальсберійскій, Іоркскій, Бангорскій и Линкольнскій. Кромѣ того въ послѣднее время стали употребляться и еще многія различныя формы какъ утреннихъ и вечернихъ службъ, такъ и мессы, съ ея обрядами и церемоніями, и совершенія таинствъ. Такія нововведенія, доставлявшія удовольствіе нововводителямъ, другихъ

---

[1]) Основываясь на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ можно думать, что книга эта была предварительно одобрена и конвокаціей.—Lathbury. p. 137—138.

[2]) Мы узнаемъ объ этомъ изъ краткой замѣтки короля Эдуарда см. Burnet v. II. King's journal, year II, а также изъ писемъ современниковъ къ Бул. лингеру, Биллингэму и Буцеру. Froude IV, 385—386.

[3]) Объ обстоятельствахъ утвержденія акта см. Burnet I. 358; — Dodd II, 31—33. Collier V, 306—310; — Lingard IV, 240—241; — Froude IV, 386—387.

[4]) Stat. 2—3. Edw. VI. ch. I.

сильно оскорбляли, и хотя король, по соглашенію съ протекторомъ и совѣтомъ, старался положить предѣлъ нововведеніямъ, его старанія не имѣли желанныхъ послѣдствій. Въ видахъ водворенія единообразія король назначилъ наконецъ архіеп. Кантерберійскаго и нѣкоторыхъ епископъ и ученыхъ мужей, чтобы они, имѣя въ виду Свящ. Писаніе и практику первенствующей церкви, составили чинъ общихъ молитвъ и совершенія таинствъ для употребленія во всемъ королевствѣ. Въ настоящее время, при содѣйствіи Духа Святаго, единодушнымъ соглашеніемъ [1]) составили они книгу, которую и представили королю, къ великому его утѣшенію и успокоенію, подъ заглавіемъ: „книга общихъ молитвъ и совершенія таинствъ и другихъ обрядовъ и церемоній церковныхъ по уставу англійской церкви".—Принося королю благодарность за его заботы и принимая во вниманіе достоинства составленнаго богослужебнаго чина, а также тѣ блага, какія произойдутъ отъ водворенія единообразія, парламентъ постановляетъ, чтобы съ предстоящаго праздника Пятидесятницы всѣ священнослужители, какъ каѳедральныхъ такъ и приходскихъ церквей королевства, при совершеніи утренней и вечерней службы, мессы, всѣхъ таинствъ и другихъ общихъ молитвъ, употребляли только форму, какая изложена въ книгѣ общихъ молитвъ, и никакой другой.—Постановленіе парламента утверждается и карательными опредѣленіями. За отказъ употреблять новый чинъ, за упорное продолженіе употребленія стараго чина, за проповѣдь противъ книги общихъ молитвъ или чего либо содержащагося въ ней, за неуважительное отношеніе къ ней въ словахъ, пѣсняхъ или драматическихъ представленіяхъ, за принужденіе къ неисполненію предписанной формы или за прерываніе священника, совершающаго службу по ея порядку, какъ священникамъ такъ и мірянамъ угрожается разными наказаніями, а именно: денежными штрафами, лишеніемъ бенефицій и тюремнымъ заключеніемъ. Размѣръ наказаній сообразуется со степенью вины.—Тотъ же статутъ предпи-

---

[1]) Это заявленіе представляется страннымъ въ виду того обстоятельства, что епископы, бывшіе въ числѣ членовъ комитета, въ палатѣ лордовъ протестовали противъ акта.

сываетъ, чтобы всѣ церкви къ назначенному сроку снабжены были книгою общихъ молитвъ, которая должна быть пріобрѣтена на счетъ прихода.

Итакъ, латинскій католическій мессѣ въ Англіи теперь пришелъ конецъ; новый англійскій богослужебный чинъ получилъ законодательное утвержденіе и, подъ страхомъ наказаній, вмѣнялся въ обязательное употребленіе во всѣхъ церквахъ королевства.

Изгнаніе католическаго Богослуженія изъ Англіи довершено было новымъ статутомъ, состоявшимся въ парламентѣ 3—4 г. Едуардова правленія.—Королемъ и парламентомъ, говорилось въ этомъ статутѣ, уже утвержденъ единообразный богослужебный строй, изложенный въ книгѣ общихъ молитвъ, какъ такой, который согласенъ съ практикою первенствующей церкви и наиболѣе пригоденъ для любезныхъ подданныхъ короля, чѣмъ всѣ другія, доселѣ употреблявшіяся богослужебныя формы. Но такъ какъ находятся люди, которые упорствуютъ въ своей приверженности къ старому порядку, то настоящій парламентъ предписываетъ изъять изъ употребленія и уничтожить всѣ антифоналы, миссалы, процессіоналы и всѣ вообще книги, прежде употреблявшіяся при церковномъ Богослуженіи.—Подъ страхомъ штрафовъ и тюремнаго заключенія, всѣ эти книги къ назначенному сроку должны быть непремѣнно выданы мэрамъ, старостамъ и т. п., а чрезъ нихъ епископамъ и архіепископу, чтобы послѣдніе передали ихъ публичному сожженію, или инымъ какимъ-либо способомъ уничтожили. — Денежному штрафу подлежатъ и всѣ чиновники и даже сами епископы, если они будутъ небрежны или медлительны въ уничтоженіи остатковъ католическаго Богослуженія [1]).

Но и послѣ законодательнаго утвержденія новаго богослужебнаго строя практика англійской церкви выдвинула еще нѣкоторые вопросы, которые въ книгѣ общихъ молитвъ оказались не предусмотрѣнными, а потому потребовали особыхъ мѣръ для своего разрѣшенія.

Въ іюнѣ 1550 года, недавно назначенный Лондонскій

[1]) Statute 3—4 Edw. VI. chap. 10.

епископъ Ридли предпринялъ визитацію своего діоцеза [1]). Изъ данныхъ имъ по этому случаю внушеній [2]) мы, между прочимъ, узнаемъ, что многіе священники при совершеніи литургіи по новому чину, можетъ быть даже просто по привычкѣ, употребляютъ разные обряды и совершаютъ разныя движенія, прежде практиковавшіеся при латинской мессѣ, каковы напр. цѣлованіе престола, омовеніе рукъ или пальцевъ, возвышеніе агнца и показываніе его народу, облизываніе чаши, знаменованіе крестообразно своихъ глазъ или головы дискосомъ или покровомъ, дуновеніе на хлѣбъ или чашу и мн. др.— Епископъ предписываетъ, чтобы не дозволялось при Богослуженіи ничего такого, что не предписывается книгою общихъ молитвъ. — Изъ тѣхъ же внушеній мы узнаемъ, что во многихъ мѣстахъ возникли въ то время разногласія по вопросу о томъ, какого рода престолъ долженъ быть употребляемъ въ англійскихъ церквахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остаются прежніе алтари, а въ другихъ они замѣнены обыкновенными столами. Въ видахъ водворенія единообразія и принимая во вниманіе, что форма стола болѣе можетъ содѣйствовать тому, чтобы отвлечь народъ отъ старыхъ суевѣрій папистической мессы, епископъ увѣщеваетъ клиръ и старостъ замѣнить алтари столами, прилично покрытыми и поставленными на удобномъ и достойномъ мѣстѣ, такъ чтобы священникъ и пріобщающіеся были отдѣлены отъ остальнаго народа. — Свои увѣщанія Ридли подкрѣпилъ и примѣромъ. Въ ночь 11-го іюня, возвышенный алтарь въ храмѣ св. Павла былъ уничтоженъ и на его мѣстѣ поставленъ столъ, покрытый до самаго низа. Въ ближайшее воскресенье литургія совершена была уже на этомъ столѣ, а вскорѣ послѣ того и всѣ Лондонскіе алтари были замѣнены столами [3]).

Образъ дѣйствій Лондонскаго епископа скоро получилъ одобреніе отъ правительства, при чемъ мѣра, предпринятая сперва въ одной епархіи распространена была на все коро-

---

[1]) Burnet v. II. King Edward's journal 1550 Apr. 3, Iune 23, Novemb. 19.— Burnet v. I, 406—408;—Collier V, 418—420.

[2]) Burnet v. II. Recor. p. II. b. I № LII.

[3]) Holinshed III. p. 1,024;—Stow. p. 604.

левство. Въ ноябрѣ того же года, отъ имени короля издана была грамата, въ которой говорилось, что до свѣдѣнія высшей власти дошла уже совершившаяся въ большей части англійскихъ церквей замѣна алтарей столами. Но въ то же время королю извѣстно, что во многихъ церквахъ остаются по прежнему и алтари. Въ виду разногласій и неудобствъ, происходящихъ отъ такого положенія дѣлъ, король обращается теперь съ предписаніемъ, чтобы епископъ распорядился о повсемѣстномъ удаленіи алтарей и замѣнѣ ихъ столами, во всѣхъ церквахъ своего діоцеза. Чтобы облегчить исполненіе этого приказа, правительство посылаетъ при немъ особое изложеніе тѣхъ основаній, на которыя оно опирается въ данномъ случаѣ, предписывая, чтобы это изложеніе было повсюду читаемо проповѣдниками народу предъ удаленіемъ алтарей, а въ каѳедральной церкви чтобы прочелъ его самъ епископъ [1]). Въ основаніе для совершаемой перемѣны правительство указывало на то, что: 1) форма стола отвратитъ народъ отъ суевѣрій папистической мессы, ибо алтарь служитъ для жертвоприношенія, а столъ для того, чтобы люди ѣли на немъ. Для чего приступаемъ мы къ столу Господню? Для того ли, чтобы снова приносить въ жертву Христа и опять распинать Его? Или для того, чтобы питаться Имъ, уже однажды распятымъ и принесеннымъ въ жертву за насъ? Если мы приступаемъ для того, чтобы духовно ѣсть Его тѣло и пить Его кровь, то, конечно, форма стола приличнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ форма алтаря. 2) Хотя книга общихъ молитвъ употребляетъ и наименованіе алтаря, но она безразлично употребляетъ оба наименованія, т. е. и алтаря и стола, имѣя въ первомъ случаѣ въ виду жертву хвалы и благодаренія, приносимую Богу при пріобщеніи. Замѣна алтарей столами не стоитъ такимъ образомъ въ противорѣчіи съ книгою общихъ молитвъ. 3) Введеніе столовъ будетъ содѣйствовать уничтоженію того суевѣрнаго папистическаго представленія, что буд-

[1]) Грамата эта съ прилагаемымъ при ней изложеніемъ основаній издана на имя епископа Лондонскаго, но такія же граматы были разосланы и ко всѣмъ другимъ епископамъ. Foxe p. 656—657; Burnet v. II. King Edward's journal. 1550. Novemb. 19.

то бы литургія не можетъ быть совершена нигдѣ, кромѣ алтаря, или по крайней мѣрѣ антиминса. 4) Форма алтаря предписана для жертвоприношеній по закону (Моусееву), а потому теперь, съ устраненіемъ и закона и жертвоприношеній, долженъ быть устраненъ и алтарь. 5) Христосъ установилъ таинство тѣла и крови Своей на столѣ и ни апостолы, ни первенствующая церковь никакихъ алтарей не употребляли. 6) Въ предисловіи къ книгѣ общихъ молитвъ сказано, что возникающія сомнѣнія должны быть разрѣшаемы епархіальнымъ епископомъ, а слѣдовательно и настоящій случай не противорѣчитъ этой книгѣ.

Въ новомъ богослужебномъ строѣ англійской церкви нельзя было не замѣтить еще одного весьма существеннаго пробѣла, восполненіе котораго дѣйствительно и признано было неотложною необходимостію. Составивъ чинопослѣдованія для общественнаго Богослуженія, для совершенія таинствъ и другихъ требъ церковныхъ, книга общихъ молитвъ не сдѣлала никакихъ указаній на то, по какому чину должны быть поставляемы или посвящаемы самые совершители Богослуженія и таинствъ. До рѣшительной реформы всего богослужебнаго строя этотъ вопросъ, конечно, не могъ возникнуть; члены англійскаго клира поставлялись и посвящались въ первые годы Эдуардова правленія по прежнему католическому чину, какъ по нему же совершалось и все вообще Богослуженіе. Но теперь, когда издана была книга общихъ молитвъ, когда все Богослуженіе совершалось уже по новому англійскому чину, странною аномаліей должно было представляться то обстоятельство, что лишь посвященіе членовъ клира производится, по прежнему, на латинскомъ языкѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ католическихъ церемоній. Объ устраненіи такой аномаліи и поспѣшилъ позаботиться парламентъ въ январѣ 1550 года [1]). Признавая необходимымъ, въ видахъ согласія и единства, составить единообразное чинопослѣдованіе для посвященія членовъ клира, онъ постановилъ, чтобы король составилъ по своему назначенію комитетъ изъ шести прелатовъ и шести другихъ ученыхъ богослововъ для составленія чина посвященія архіепи-

[1]) Statute 3—4. Edw. VI. ch. 12.

скоповъ, епископовъ, священниковъ, діаконовъ и другихъ служителей церкви, и чтобы чинъ этотъ, который будетъ составленъ комитетомъ, по согласію большинства, и обнародованъ за большою государственною печатью къ 1 числу будущаго апрѣля, считался, въ силу настоящаго статута, узаконеннымъ для всего королевства и единственно обязательнымъ съ устраненіемъ всѣхъ, прежде бывшихъ въ употребленіи.

Опредѣленіе парламента было немедленно приведено въ исполненіе. Назначенный королемъ комитетъ почти единогласно утвердилъ составленную сообща форму поставленія и посвященія діаконовъ, священниковъ и епископовъ и эта новая форма тотчасъ же должна была вступить въ законную силу [1]).

Всѣ три чинопослѣдованія, т. е. поставленіе діаконовъ, пресвитеровъ и епископовъ, по составу своему представляются почти тожественными. Послѣ утренняго Богослуженія, епископъ садится подлѣ престола и къ нему подводится ищущій посвященія, при чемъ архидіаконъ или его депутатъ, подводящій кандидата, нѣкоторымъ образомъ ручается за него, заявляя, по требованію епископа, что онъ испытывалъ его и по познаніямъ и по образу жизни и находитъ достойнымъ посвященія. Послѣ этого, епископъ обращается къ народу и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто изъ его среды какихъ либо препятствій къ посвященію приведеннаго кандидата. Если никакихъ препятствій не заявляется, епископъ приступаетъ къ совершенію самаго чинопослѣдованія. Послѣ пѣнія литаній и молитвъ общаго содержанія, начинается литургія, при чемъ полагается особая коллекта, приличная случаю, гдѣ возносится къ Богу молитва о томъ, чтобы Онъ преисполнилъ посвящаемаго истиною Своего ученія и украсилъ его чистотою жизни, такъ чтобы онъ могъ достойно служить въ своемъ санѣ какъ словомъ, такъ и добрымъ примѣромъ. Послѣ чтенія Апостола и Евангелія, посвящаемый принимаетъ супрематическую присягу королю и затѣмъ епископъ испытываетъ его цѣлымъ рядомъ вопросовъ, а именно: увѣренъ ли онъ въ своемъ

[1]) Burnet I, 395—397; Collier V, 376—384; Dodd II, 37—38.

истинномъ призваніи на служеніе церкви? Имѣетъ ли онъ непоколебимую вѣру въ Св. Писаніе? Будетъ ли онъ ревностно исполнять всѣ обязанности своего служенія, а также блюсти чистоту жизни, повиноваться церковной власти? и т. под. При посвященіи въ пресвитера или епископа предлагаются еще вопросы относительно ревностнаго изученія Свящ. Писанія, совершенія таинствъ, искорененія лжеученій и т. под. Послѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, на которые посвящаемый даетъ свои утвердительные отвѣты, при священническомъ и епископскомъ посвященіи поется гимнъ: „пріиди, Духъ Святой“, (Come, Holy Ghost) и затѣмъ слѣдуетъ возложеніе рукъ на главу посвящаемаго, предваряемое молитвою о ниспосланіи ему благодати и сопровождаемое произнесеніемъ самыхъ словъ посвященія. За рукоположеніемъ, посвящаемому вручается Библія съ произнесеніемъ также при этомъ особыхъ словъ. Наконецъ, новопосвященный приступаетъ вмѣстѣ съ посвящающими къ пріобщенію и чинопослѣдованіе завершается нѣсколькими заключительными молитвами.

Кромѣ нѣкоторыхъ прибавленій, какъ напримѣръ символа вѣры въ священническомъ и епископскомъ посвященіи, или указаннаго нами гимна, и кромѣ нѣкотораго измѣненія въ порядкѣ расположенія чтеній и пѣснопѣній, вообще всѣ три чинопослѣдованія представляютъ между собою весьма близкое сходство. Но есть между ними и большая разность, а именно въ томъ пунктѣ, который составляетъ самую существенную часть обряда. Такимъ пунктомъ нужно, конечно, признать возложеніе рукъ на главу посвящаемаго, и вотъ здѣсь-то мы и можемъ замѣтить въ трехъ чинопослѣдованіяхъ нѣкоторое немаловажное различіе.—При рукоположеніи діакона, на его главу возлагаетъ руки одинъ епископъ, при чемъ онъ говоритъ: „пріими власть совершать служеніе діакона въ церкви Божіей, препоручаемое тебѣ; во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“. Вручая діакону Библію, епископъ говоритъ: „пріими власть читать Евангеліе въ церкви Божіей и проповѣдывать его, если будетъ тебѣ дозволено то епископомъ“.—При рукоположеніи священника, на главу его возлагаютъ руки и епископъ и всѣ присутствующіе при этомъ священники, при чемъ епископъ гово-

ритъ: „пріими Святаго Духа на служеніе и дѣло священника въ церкви Божіей, нынѣ тебѣ препоручаемое возложеніемъ рукъ нашихъ. Кому отпустишь грѣхи,— отпустятся; а кому удержишь—удержатся. И будь вѣрнымъ раздаятелемъ Слова Божія и Его святыхъ таинствъ; во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь". Вручая ему Библію, епископъ говоритъ: „пріими власть проповѣдывать Слово Божіе и совершать святыя таинства въ той общинѣ, куда ты будешь законнымъ образомъ назначенъ".

При рукоположеніи епископа, на его главу возлагаютъ руки архіепископъ и епископы, при чемъ первый, или одинъ изъ епископовъ, его замѣняющій, говоритъ: „пріими Духа Святаго на служеніе и дѣло епископа въ церкви Божіей, нынѣ препоручаемое тебѣ возложеніемъ рукъ нашихъ; во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. И помни, что ты воздвигаешь благодать Божію (thou stir up), данную тебѣ симъ возложеніемъ рукъ нашихъ, ибо Богъ далъ намъ не духа страха, но силы (power), любви и умѣренности" (soberness). Вручая Библію, посвящающій убѣждаетъ его ревностно заниматься ею и осуществлять ее въ жизни, быть стаду Христову пастыремъ, а не волкомъ, поддерживать слабыхъ, исцѣлять больныхъ и т. д.

Нельзя, конечно, не признать, что англійскіе священники и епископы, посвящаемые по новому чину съ возложеніемъ рукъ и съ призываніемъ на нихъ Духа Святаго, слишкомъ мало походили на выборныхъ старѣйшинъ крайняго протестантизма. Но, съ другой стороны, этотъ новый чинъ былъ все-таки шагомъ впередъ въ духѣ реформы. Составители этого чина прежде всего ограничились признаніемъ только трехъ іерархическихъ степеней, оставляя въ сторонѣ иподіаконовъ, аколуѳовъ, заклинателей, чтецовъ и т. п. Кромѣ того, вѣрные своему принципу очищенія, они устранили изъ новаго чина посвященія многія церемоніи, считавшіяся доселѣ весьма существенными, какъ напримѣръ при посвященіи священника, его помазаніе и врученіе ему чаши, какъ символа его власти совершать таинства; а при посвященіи епископа,—облаченіе его въ перчатки, сандаліи, митру и врученіе ему кольца и жезла со словами: „будь пастыремъ стада Христова".

Выработкою новаго чина посвященія, повидимому, уже завершалась богослужебная реформа Эдуардова царствованія; но въ то время, когда составители книги общихъ молитвъ старались придать ей возможно большее совершенство и заботились о восполненіи ея пробѣловъ; ихъ трудъ подвергся уже критической оцѣнкѣ и вызвалъ не мало возраженій. Въ дѣлѣ англійской реформаціи большое и иногда дѣятельное участіе принимали, какъ мы видѣли, нѣкоторые иностранные богословы, пребывавшіе на континентѣ, или переселившіеся въ самую Англію. Вотъ этимъ-то богословамъ, приверженцамъ протестантизма наиболѣе рѣшительнаго, конечно, не могла понравиться та полу-католическая богослужебная форма, которая вводилась въ Англіи книгою общихъ молитвъ. Они желали бы видѣть Англію гораздо болѣе протестантскою и не упустили случая рѣшительно высказать свое желаніе. Книга общихъ молитвъ была, какъ мы знаемъ, предложена Буцеру и Мартиру для того, чтобы они разсмотрѣли ее и сказали объ ней свое мнѣніе; этимъ случаемъ богословы и воспользовались, чтобы представить свои противъ нея возраженія. Въ письмахъ къ Крамэру и къ протектору иностранные богословы, восхваляя правительство Англіи за его реформаторскія мѣропріятія, указываютъ цѣлый рядъ недостатковъ въ книгѣ общихъ молитвъ и убѣждаютъ англійскихъ реформаторовъ устранить эти недостатки и вообще идти далѣе по избранному пути. Письмо Буцера напримѣръ содержитъ въ себѣ 38 главъ, наполненныхъ возраженіями. Мартиръ во взглядахъ своихъ вполнѣ сошелся съ Буцеромъ и, кромѣ того, ихъ поддерживалъ Кальвинъ, заявлявшій въ письмѣ къ архіепископу, что въ Богослуженіи англійской церкви остается еще цѣлая масса папизма, которая не затемняетъ только, но даже разрушаетъ святое служеніе Богу [1]). И не одни иностранцы возставали противъ полукатолическаго строя новаго англійскаго Богослуженія. Въ іюлѣ 1550 года, Джонъ Гупэръ [2]), назначенный на Глочестерскую епископскую каѳедру, не

[1]) Collier V, 363—368;—397—406;—433—434;—Burnet I, 404—405;—Dodd II, p. 43.

[2]) Collier V, 387;—Burnet I, 402,—и др.

соглашался надѣть на себя облаченій, предписываемыхъ книгою общихъ молитвъ; и цѣлый споръ завязался по этому поводу. Гупэръ не былъ, очевидно, одинокимъ въ своемъ протестѣ противъ остатковъ католицизма въ англійскомъ Богослуженіи, такъ какъ въ конвокаціи 1550-го года уже поднятъ былъ и обсуждался вопросъ о пересмотрѣ книги общихъ молитвъ и ея новомъ изданіи [1]). Тѣмъ настоятельнѣе этотъ вопросъ требовалъ разрѣшенія, что и юный король принималъ въ немъ горячее участіе. Воспитатель Эдуарда, Дж. Чикъ увѣрялъ Мартира, что если епископы не согласились бы сдѣлать въ англійскомъ Богослуженіи нѣкоторыя необходимыя измѣненія, король рѣшился произвести ихъ самъ и предоставить это дѣло въ ближайшую же сессію парламента [2]).

Не прошло и одного года со времени законодательнаго утвержденія книги общихъ молитвъ, какъ она уже подвергается пересмотру. Мы не знаемъ, какія лица вошли въ составъ комитета, назначеннаго для пересмотра книги, но результатомъ ихъ трудовъ было ея новое изданіе съ нѣкоторыми, иногда довольно существенными измѣненіями.

Въ началѣ утренней и вечерней службы, по новому изданію книги общихъ молитвъ, полагается такое же общее исповѣданіе грѣховъ и общее разрѣшеніе отъ нихъ, произносимое священникомъ, какое первоначально предписывалось лишь при литургіи. — Въ составѣ самой литургіи теперь сдѣланы были нѣкоторыя прибавки и измѣненія. Въ началѣ ея, среди коллектъ, предписывалось торжественное чтеніе десяти заповѣдей, при чемъ послѣ каждой изъ нихъ народъ обращался къ Богу съ молитвеннымъ восклицаніемъ, прося прощенія за содѣянные прежде грѣхи и, испрашивая у Бога помощи для соблюденія заповѣди на будущее время.—При приготовленіи вещества для таинства священнику уже не предписывалось теперь соединять вино съ водою.—Въ молитвѣ при освященіи даровъ призываніе на нихъ Духа Святаго было опущено, а также и благословеніе хлѣба и вина.—Слова, прежде произносившіяся при пріобщеніи, теперь

---

[1]) Lathbury p. 141.

[2]) Collier V, 434—435;—Weber II, 140. Anm;—Dodd II, 43—44.

были отмѣнены и замѣнены слѣдующими: „пріими и ѣшь это, въ воспоминаніе, что Христосъ умеръ за тебя, и питайся Имъ въ сердцѣ своемъ, вѣрою съ благодареніемъ“ и затѣмъ: „пей это, въ воспоминаніе, что кровь Христа пролита за тебя, и будь благодаренъ“.—Въ прежнемъ изданіи не было особаго примѣчанія относительно того, въ какой позѣ причастники должны принимать таинство. Теперь имъ предписывалось пріобщаться колѣнопреклоненно. Такое положеніе, по словамъ примѣчанія, должно означать наше смиреніе и благодарность за тѣ благодѣянія Христовы, какія получаются достойными причастниками. Но при этомъ вовсе не имѣется въ виду поклоненія (adoration) хлѣбу и вину таинства, или тѣлесному присутствію плоти и крови Христа. Хлѣбъ и вино таинства остаются при своей природной сущности, а потому не должны быть обожаемы, ибо это будетъ идолослуженіе, ненавистное для христіанина. Тѣло же и кровь нашего Спасителя, Христа, пребываютъ на небѣ, а не здѣсь. Было бы противно истинности естественнаго тѣла Христова въ одно и то же время быть болѣе, чѣмъ въ одномъ мѣстѣ.

Въ чинопослѣдованіи крещенія теперь были опущены: помазаніе и знаменованіе крещаемаго крестнымъ знаменіемъ, а также заклинаніе и употребленіе бѣлой одежды. — Помазаніе уничтожено было затѣмъ и въ чинѣ конфирмаціи и въ чинѣ посѣщенія больнаго. — Наконецъ опущены были и въ чинѣ погребенія и во всѣхъ другихъ случаяхъ всякія моленія за умершихъ [1]).

Видоизмѣненная книга общихъ молитвъ представлена была на утвержденіе парламента. Въ изданномъ по этому поводу статутѣ говорилось, что относительно установленнаго въ церкви богослужебнаго порядка возникли разныя сомнѣнія, хотя онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе щепетильности (curiositie) священнослужителей и людей заблуждающихся (mystakers), чѣмъ какой-либо достойной причинѣ. Чтобы разъяснить эти сомнѣнія и усовершенствовать богослужебный порядокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ ви-

[1]) Collier V, 435—436;—Dodd II, 44;—Burnet I, 415 — 416;—Vaughan II, 354—355.

дахъ лучшаго расположенія народа къ истинному Богопочитанію, король, по соглашенію съ парламентомъ, приказалъ пересмотрѣть этотъ порядокъ, разъяснить и усовершенствовать его. Настоящимъ статутомъ этотъ пересмотрѣнный порядокъ, съ присоединеніемъ къ нему и формы поставленія діаконовъ, пресвитеровъ и епископовъ, возводится въ законъ. Подтверждая прежнія карательныя опредѣленія, изданныя по поводу утвержденіи первой книги общихъ молитвъ, новый статутъ назначаетъ тюремное наказаніе даже и всѣмъ тѣмъ, кто будетъ присутствовать при совершеніи службъ и обрядовъ, не согласныхъ съ установленными. Срокомъ, съ какого должно начаться дѣйствіе статута, назначается праздникъ всѣхъ святыхъ. Въ продолженіи текущаго года, статутъ этотъ четыре раза долженъ быть прочитанъ во всѣхъ церквахъ при большомъ стеченіи народа, а затѣмъ такое чтеніе должно производиться однажды въ годъ [1]). — Въ назначенный срокъ парламентскій статутъ повсюду начали приводить въ исполненіе. Лѣтописецъ разсказываетъ напр. какъ въ праздникъ всѣхъ святыхъ, т. е. 1-го ноября, епископъ Лондонскій совершалъ Богослуженіе въ храмѣ св. Павла уже безъ прежнихъ своихъ облаченій и держалъ длинную рѣчь въ защиту новаго порядка [2]).

Вторымъ изданіемъ книги общихъ молитвъ богослужебная реформа Эдуардова царствованія была закончена. Измѣненія, произведенныя въ этомъ изданіи, не отличались особенною многочисленностію; но ихъ протестантское направленіе ясно до очевидности. Почти всѣ они состоятъ въ отмѣнѣ разныхъ, еще удерживавшихся дотолѣ, католическихъ обрядовъ и церемоній, затрогивая иногда и такіе пункты, которые имѣютъ существенное догматическое значеніе. Не обрядовой только, конечно, стороны касалось напр. уничтоженіе молитвъ за души умершихъ, или тѣ нововведенія, какія теперь сдѣланы были въ чинѣ литургіи. Въ отмѣнѣ призыванія на дары Духа Святаго, въ предписаніи новой формулы для произнесенія при пріобщеніи и

---

1) Statute 5—6. Edwar. VI, ch. 1.

2) Stow. p. 608.

въ разъясненіяхъ по поводу колѣнопреклоненія нельзя, конечно, не видѣть попытку, не только отрѣшиться отъ католическаго ученія о пресуществленіи, но отвергнуть и тѣлесное присутствіе Христа въ Евхаристіи, чтобы низвести ее на степень лишь простаго воспоминанія искупительной жертвы, однажды принесенной на Голгофѣ.

Бросая теперь общій взглядъ на все то, что царствованіемъ Эдуарда сдѣлано было въ сферѣ Богослуженія и обрядовъ, мы замѣчаемъ здѣсь постоянное, неуклонное движеніе впередъ въ духѣ реформы. Не съ поражающею быстротою совершается это движеніе; нѣтъ,—оно идетъ медленно и осторожно, но за то твердо и настойчиво. Оно не употребляетъ сразу мѣръ слишкомъ рѣзкихъ, но за то никогда не дѣлаетъ ни одного шага назадъ и не уступаетъ того, что разъ уже имъ пріобрѣтено. Такое настойчивое движеніе по однажды принятому направленію сопровождалось и весьма существеннымъ результатомъ. Сокрушивъ вѣками господствовавшую систему, оно создало для Англіи свой національный богослужебный строй, сильно проникнутый идеями протестантизма.

ГЛАВА XII.

Во внѣшнихъ, богослужебно-обрядовыхъ формахъ религіи отображается ея внутренняя сторона, т. е. та сумма вѣрованій, которая составляетъ ея содержаніе. Тѣмъ совершеннѣе Богослуженіе, чѣмъ яснѣе и точнѣе оно служитъ выраженіемъ вѣроученія. Если въ Богослуженіи и обрядахъ производится реформа, то, значитъ, они признаны не соотвѣтствующими тѣмъ вѣроученіямъ, для которыхъ они должны были служить выраженіемъ, — значитъ, или они уклонились отъ своего первоначальнаго назначенія и выражаютъ не то, что-бы слѣдовало, или же измѣнились самыя вѣроученія, такъ что старыя формы перестали уже быть для нихъ вполнѣ пригодными. Разсматривая съ точки зрѣнія ту богослужебно-обрядовую реформу, которая произведена была царствованіемъ Эдуарда, мы имѣемъ полное право предполагать, что и вѣроученіе англійской церкви въ

этотъ періодъ времени, сравнительно съ прежнимъ, потерпѣло весьма существенныя измѣненія. Конечно, книга общихъ молитвъ не представляетъ собою догматическую систему; въ ней не найдемъ мы полнаго свода и точной формулировки всѣхъ тѣхъ догматовъ, какія признавались англійскою церковію того времени;—но, вникая въ духъ и смыслъ установляемыхъ этою книгою Богослуженій и обрядовъ, не трудно прійдти къ убѣжденію, что только такая церковь могла создать ихъ, которая и по вѣроученію своему перестала быть католическою. Если бы эта церковь, по прежнему, вѣровала въ пресуществленіе, она не создала бы такой литургіи, какую мы видимъ во второмъ изданіи книги общихъ молитвъ, гдѣ нѣтъ ни благословенія даровъ, ни призыванія на нихъ Духа Святаго, и хлѣбъ и вино предлагаются причастникамъ лишь въ воспоминаніе искупительной смерти Спасителя. Если бы она, по прежнему, придерживалась католическаго ученія о седмеричномъ числѣ таинствъ, то, конечно, не таковы были бы у ней чинопослѣдованія брака напр., или посѣщенія больнаго, какія мы встрѣчаемъ въ книгѣ общихъ молитвъ. Едва ли бы стала она такъ много стараться и о томъ, чтобы библейскому элементу дать въ Богослуженіи рѣшительное преобладаніе, если бы не тяготѣла къ протестантскому воззрѣнію на Священное Писаніе и преданіе. Въ книгѣ общихъ молитвъ очень многое такимъ образомъ свидѣтельствовало о томъ, что церковь Англіи временъ Эдуарда и относительно догматовъ была уже далеко не такою, какою мы видѣли ее при Генрихѣ. А между тѣмъ эта перемѣна никакимъ оффиціальнымъ, торжественнымъ актомъ не была засвидѣтельствована. Правда, книга общихъ молитвъ была утверждена законодательнымъ порядкомъ, но она вовсе не претендовала на то, чтобы быть символомъ вѣры; она, какъ книга богослужебная, имѣла свою спеціальную задачу, а потому въ догматическомъ отношеніи въ ней многое оставалось не выясненнымъ [1]) и могло подвергнуться самымъ противуположнымъ толкованіямъ. Она предполагала, конеч-

[1]) Можно ли было напр. на основаніи этой книги составить себѣ понятіе о томъ, сколько таинствъ признаетъ англійская церковь и какія именно?

но, въ основѣ своей извѣстную догматическую систему, но сама ее не излагала. Вотъ такого то именно изложенія догматовъ англійской церкви теперь пока и не оказывалось. Можно было думать повидимому, что въ этомъ отношеніи церковь Англіи все еще придерживается тѣхъ членовъ вѣры и символическихъ книгъ, какіе были выработаны при Генрихѣ, если бы тому не противорѣчило во многихъ случаяхъ явно-протестантское направленіе книги общихъ молитвъ. Въ глазахъ народа, богослужебно-обрядовая реформа, очевидно, предварила реформу вѣроученія, такъ что сказывалось противорѣчіе между старыми ученіями, еще продолжавшими существовать въ качествѣ оффиціально признанныхъ церковію, и новою богослужебною формою, уже во многихъ случаяхъ имъ не соотвѣтствующею. Народная масса, конечно, не обладала развитіемъ настолько, чтобы понимать такое противорѣчіе, а вожди реформы смотрѣли на Богослуженіе и обряды какъ на лучшее средство постепенно пріучать народъ и къ большимъ перемѣнамъ въ будущемъ — путемъ измѣненія внѣшнихъ формъ мало по малу привести его къ измѣненію и самаго содержанія. Вотъ почему, какъ намъ думается, составленіе систематическаго изложенія догматовъ англійской реформированной церкви воспослѣдовало уже тогда, когда реформа Богослуженія и обрядовъ была вполнѣ закончена [1]),

Въ 1551 году архіепископъ Кантерберійскій получилъ отъ короля и совѣта предписаніе составить члены вѣры, которые могли бы быть введены по всей Англіи, въ видахъ водворенія въ ней мира и единства. Крамэръ тотчасъ же взялся за дѣло и результатомъ его трудовъ было вѣроисповѣданіе, изложенное въ формѣ сорока пяти членовъ. Въ составленіи этихъ членовъ архіепископъ пользовался нѣко-

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ останавливать вниманіе читателя на краткомъ катихизисѣ, составленномъ Крамэромъ еще въ 1548 году, такъ какъ книжка эта имѣла преимущественно педагогическое значеніе и притомъ, какъ не получившая церковной санкціи, не можетъ быть признаваема выраженіемъ воззрѣній англійской церкви того времени. Въ исторіи англійской реформаціи этотъ катихизисъ не оставилъ по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, желающій же получить нѣкоторое понятіе объ его содержаніи см. Collier V. 269—271;—Burnet I. 341,—Dodd II, 28.

торымъ содѣйствіемъ близкихъ къ нему ученыхъ богослововъ: еписк. Ридли, и отчасти Буцера, Мартира и Кокса; но преимущественная часть труда пала въ этомъ случаѣ на самаго архіепископа, такъ что члены вѣры можно вообще считать почти исключительно произведеніемъ Крамэра, какъ объ этомъ и самъ онъ заявлялъ при допросѣ своемъ въ царствованіе Маріи [1]). Когда трудъ приведенъ былъ къ концу, онъ нѣсколько разъ подвергался пересмотру и исправленію. Проэктъ членовъ разосланъ былъ сперва нѣкоторымъ ученымъ епископамъ для того, чтобы они разсмотрѣли его и предложили свои замѣчанія, затѣмъ онъ разсматривался въ совѣтѣ и тамъ найдено было нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя исправленія; наконецъ его разсматривали ученые придворные капелланы: Гарли, Билль, Горнъ, Гриндаль, Цернъ и Ноксъ, которые указали также въ немъ необходимость нѣкоторыхъ измѣненій. Послѣ всѣхъ этихъ пересмотровъ и указаній члены вѣры снова возвращались Крамэру и онъ дѣлалъ въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія. Только въ концѣ 1552 года вѣроисповѣданіе получило окончательную редакцію и Крамэръ представилъ его совѣту съ просьбою, чтобы епископамъ дано было отъ короля полномочіе вмѣнять всѣмъ членамъ клира въ непремѣнную обязанность подписывать новосоставленные члены вѣры, какъ символъ англійской церкви [2]).

Такъ какъ акты конвокаціи за этотъ періодъ времени до насъ не сохранились, то нѣтъ возможности съ полною несомнѣнностію опредѣлить, были ли члены вѣры обсуждаемы и утверждены ею, или нѣтъ. Занимаясь разрѣшеніемъ этого вопроса, изслѣдователи чрезвычайно разногласятъ между собою. Одни изъ нихъ утверждаютъ, что члены вѣры были обсуждаемы и получили санкцію обѣихъ палатъ конвокаціи; другіе, напротивъ, доказываютъ, что въ конвокацію эти члены вовсе и не представлялись, а потому основывались лишь

[1]) Foxe p. 901.

[2]) Разсказъ объ обстоятельствахъ составленія членовъ вѣры см. Collier V, 437—438;—Weber II, 149;—Lingard IV, 283;—Hallam I, 97;—Burnet I, 413;—Dodd II, 34;—Enc. Britannica VI, 551;—статья преосв. Іоанна, Чтенія Общ. Люб. Дух. Просв. 1880 г. іюнь стр. 686—688.

на королевскомъ авторитетѣ; третья партія ученыхъ придерживается, наконецъ того мнѣнія, что для обсужденія и утвержденія членовъ отъ обѣихъ палатъ конвокаціи составлена была комиссія, которой конвокація и передала такимъ образомъ свои полномочія. Сличая всѣ доводы, приводимые въ защиту различныхъ мнѣній по этому вопросу, мы пришли къ тому выводу, что наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе относительно утвержденія членовъ особо уполномоченнымъ собраніемъ, выдѣленнымъ изъ палатъ конвокаціи. Въ пользу этого предположенія говоритъ, прежде всего, самое заглавіе членовъ, которое, по латинскому тексту [3]), читается такимъ образомъ: „Articuli de quibus in synodo Londinensi, anno 1552, inter episcopos et alios eruditos viros convenerat ad tollendam opinionum dissensionem, et consensum verae religionis firmandum, regia autoritate in lucem editi". Такое заглавіе, не оставляющее, очевидно, никакого сомнѣнія въ томъ, что члены были утверждены какимъ то соборомъ, въ то же время показываетъ, что соборъ этотъ не былъ полнымъ собраніемъ конвокаціи, такъ какъ въ такомъ случаѣ было бы сказано, что они утверждены „архіепископами и епископами обѣихъ провинцій и всѣмъ клиромъ въ конвокаціи", какъ это значится въ заглавіи членовъ, изданныхъ при Елизаветѣ, въ 1562 году. Въ королевскомъ приказѣ на имя епископа Норуичскаго говорится, что члены вѣры были дѣломъ „большей части ученыхъ епископовъ королевства и многихъ другихъ изъ клира". Конвокація 1562 года въ актахъ своихъ засвидѣтельствовала, что члены, составленные въ 1552 г., получили должное утвержденіе на Лондонскомъ соборѣ [4]).

Въ іюнѣ слѣдующаго, 1553 года, ко всѣмъ епископамъ Англіи разосланы были королевскіе приказы, о содержаніи которыхъ мы можемъ себѣ составить понятіе по сохранившимся до насъ экземплярамъ [5]). Приказъ, изданный на имя

---

[3]) Члены вѣры изданы были и на латинскомъ и на англійскомъ языкѣ.

[4]) Разысканія по вопросу объ утвержденіи членовъ вѣры см.: Lathbury p. 142—145;—Burnet II, 766—768;—Collier V, 476—477 и его же „An answer to some exceptions by Bp. Burnet"—v. IX, p. 450—451.

[5]) Burnet II, 767—768;—Records p. III. b. IV, V and VI, №№ VII, VIII.

епископа Норуичскаго напр., начинается торжественнымъ заявленіемъ о томъ, что, по волѣ Всемогущаго Бога, церковь Англіи пробудилась въ послѣднее время отъ долговременнаго мрака невѣжества. Затѣмъ король извѣщалъ о составленіи единообразнаго вѣроисповѣданія, въ видахъ сохраненія въ церкви Евангельскаго ученія и устраненія ложныхъ мнѣній, и требовалъ, чтобы какъ самъ епископъ, такъ и всѣ члены клира, находящіеся въ его епархіи, подписали его и строго слѣдовали ему въ своихъ проповѣдяхъ и ученіи. Если кто либо изъ лицъ, занимающихъ церковныя бенефиціи, станетъ упорно отказываться подписать члены, будетъ возбуждать противъ нихъ своихъ прихожанъ и проповѣдывать вопреки имъ, епископъ долженъ донести о таковомъ королю и совѣту для принятія противъ него должныхъ мѣръ. Назначая кого либо на какую бы то нибыло церковную должность, епископъ долженъ, прежде всего, предложить ему для подписи члены вѣры и только тѣхъ удостоивать назначенія, кто не откажется принять и подписать ихъ. Если же кто либо изъ назначаемыхъ станетъ отказываться подписать члены по недостатку познаній своихъ въ истинахъ вѣры, таковому дается шестинедѣльный срокъ для наученія, послѣ котораго онъ долженъ обязательно дать свою подпись, безъ чего не можетъ быть допущенъ къ церковной должности. Королевскіе приказы тотчасъ же и начали повсюду приводиться въ исполненіе, при чемъ клиръ не оказывалъ членамъ вѣры никакого сопротивленія и спокойно давалъ свои подписи, подчиняясь лишь увѣщаніямъ своихъ епископовъ [6]).

Итакъ, реформированная церковь Англіи выработала себѣ теперь и систематическое изложеніе догматовъ,—свое особое вѣроисповѣданіе, изложенное въ формѣ сорока двухъ [7]) членовъ и оффиціально утвержденное верховною властію, въ качествѣ признаннаго символа.

Въ виду особенной важности этого документа, изслѣдователь англійской реформаціи долженъ въ надлежащей пол-

---

[6]) Foxe p. 901;—Burnet II, 767—768.

[7]) Въ окончательной редакціи изъ сорока пяти членовъ, составленныхъ первоначально Крамэромъ, сдѣлано было сорокъ два.

нотѣ познакомиться съ его содержаніемъ тѣмъ болѣе, что съ незначительными измѣненіями Эдуардовы члены вѣры и до настоящаго времени удерживаются англиканскою церковію [8]).

Никакого предисловія въ документѣ мы не встрѣчаемъ; послѣ уже извѣстнаго намъ общаго заглавія, онъ прямо начинается изложеніемъ самыхъ догматовъ, при чемъ тексту каждаго члена предшествуетъ краткое указаніе его сущности.

1) О вѣрѣ во Святую Троицу. — Единъ есть живой и истинный Богъ, вѣчный, безтѣлесный, нераздѣляемый, безстрастный, безконечный по могуществу, мудрости и благости; Творецъ и Промыслитель всего, какъ видимаго такъ и невиди маго: и въ единствѣ Его Божества суть три лица, одной сущности, могущества и вѣчности: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ.— 2) О томъ, что Слово, или Сынъ Божій содѣлался истиннымъ человѣкомъ.—Сынъ, Который есть Слово Отчее, воспринялъ во чревѣ благословенной Дѣвы Маріи изъ сущности ея человѣческую природу; такъ что двѣ цѣльныхъ и совершенныхъ природы, т. е. Божество и человѣчество, нераздѣльно соединились вмѣстѣ въ одномъ лицѣ, а потому одинъ есть Христосъ, истинный Богъ и истинный человѣкъ, Который истинно пострадалъ, былъ распятъ, умеръ и погребенъ, чтобы примирить съ нами Отца Его и быть жертвою за всѣ грѣхи человѣка, какъ первородный такъ и дѣятельные.— 3) О сошествіи Христа во адъ.—Какъ Христосъ умеръ и погребенъ былъ за насъ, такъ нужно вѣровать, что Онъ нисходилъ во адъ; ибо тѣло лежало во гробѣ до воскресенія, а духъ Его, отступивъ отъ него, былъ съ духами, пребывавшими въ темницѣ, или въ аду, и проповѣдывалъ имъ, какъ свидѣтельствуетъ мѣсто изъ св. Петра.—4) Воскресеніе Христа.—Христосъ истинно воскресъ отъ смерти и воспринялъ снова тѣло Свое съ плотію, костями и со всѣмъ

---

[8]) Сорокъ два члена вѣры по англійскому тексту см.: Collier v. IX, Recor. v. II. № LXVI;—Burnet v. II Recor. p. II, b. I № LV.—Въ переводѣ на русскій языкъ этихъ членовъ не имѣется, но ихъ первоначальная редакція, т. е. 45 Крамэровыхъ, приводится въ статьѣ преосв. Іоанна Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1880 г. іюнь, стр. 689—700.

тѣмъ, что относится къ полнотѣ человѣческой природы, съ чѣмъ Онъ вознесся на небо и сѣдитъ тамъ до тѣхъ поръ, когда возвратится судить людей въ послѣдній день.—5) Ученіе Св. Писанія достаточно для спасенія.—Священное Писаніе содержитъ всѣ предметы, необходимые для спасенія, такъ что о чемъ не можетъ быть тамъ прочитано, или что не можетъ быть оттуда доказано, тому, хотя-бы иногда оно и принималось вѣрующимъ какъ нѣчто благочестивое и полезное для порядка и благоприличія, никто не долженъ быть принуждаемъ вѣрить, какъ члену вѣры, или признавать то необходимымъ для спасенія.—6) Ветхій завѣтъ не долженъ быть отвергаемъ.—В. Завѣтъ не долженъ быть устраняемъ, какъ будто-бы онъ противенъ Новому, но долженъ содержаться доселѣ, ибо какъ въ Ветхомъ такъ и въ Новомъ Завѣтѣ роду человѣческому предложена была вѣчная жизнь чрезъ Христа, Который есть единственный Посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, Самъ Богъ и человѣкъ; а потому не слѣдуетъ слушать тѣхъ, которые измышляютъ, что будто-бы древніе отцы взирали лишь на преходящія обѣтованія.—7) Три символа. — Три символа: Никейскій, Аѳанасіевъ и обыкновенно называемый Апостольскимъ, должны быть принимаемы всецѣло, ибо они могутъ быть доказаны несомнѣннѣйшими свидѣтельствами Св. Писанія.—8) О первородномъ грѣхѣ.—Первородный грѣхъ состоитъ не въ подражаніи Адаму, (какъ суесловятъ пелагіане и повторяютъ въ настоящее время анабаптисты), но въ порокѣ и въ поврежденіи природы каждаго человѣка, естественно происходящаго отъ Адама, при чемъ человѣкъ весьма далеко уклонился отъ той прежней праведности, какую онъ имѣлъ при сотвореніи, и по собственной природѣ своей преданъ злу, такъ что плоть желаетъ всегда противнаго духу, а потому въ каждомъ человѣкѣ, рожденномъ въ этотъ міръ, заслуживаетъ Божій гнѣвъ и осужденіе. Это поврежденіе природы остается даже и въ тѣхъ, которые крещены, при чемъ похоть плоти, которую одни изъясняютъ какъ мудрованіе, другіе какъ чувственность, иные какъ страсть, а нѣкоторые какъ плотское пожеланіе, и которая по гречески называется φρόνημα σαρκός не подчиняется Закону Божію; и хотя для вѣрующихъ и крещенныхъ нѣтъ осужденія, при всемъ

томъ апостолъ признаетъ, что пожеланіе и похоть сами по себѣ имѣютъ природу грѣха.—9) О свободной волѣ.—Мы не имѣемъ силы творить добрыя дѣла, пріятныя и угодныя Богу, безъ благодати Божіей чрезъ Христа предваряющей насъ, дабы мы имѣли благое произволеніе, и дѣйствующей въ насъ, когда мы такое произволеніе имѣемъ.—10) О благодати.—Благодать Христова, или Духъ Святой чрезъ него даруемый, отъемлетъ сердце каменное и подаетъ сердце плотяное; и хотя онъ тѣхъ, которые не желаютъ добрыхъ дѣяній, дѣлаетъ желающими; а тѣхъ, которые желаютъ злыхъ дѣяній, дѣлаетъ не желающими ихъ, при всемъ томъ онъ не насилуетъ волю; а потому человѣкъ, когда грѣшитъ, не можетъ извинять себя и представлять не заслуживающимъ порицанія или осужденія, доказывая, что онъ грѣшитъ не произвольно и по принужденію.—11) Объ оправданіи человѣка.—Оправданіе одною вѣрою въ Іисуса Христа, въ томъ смыслѣ какъ это изъяснено въ гомиліи объ оправданіи, есть достовѣрнѣйшее и спасительнѣйшее для христіанъ ученіе.—12) Дѣла прежде оправданія. — Дѣла, содѣянныя прежде благодати Христовой и изліянія Духа Его, не угодны Богу, такъ какъ они проистекаютъ не отъ вѣры въ Іисуса Христа и не дѣлаютъ людей способными получить благодать, или (какъ говорятъ школьные авторы) заслужить благодать соизволенія; по поелику они совершаются не такъ, какъ Богъ желаетъ и предписываетъ ихъ совершеніе, то мы не сомнѣваемся, что они имѣютъ лишь природу грѣха.—13) Дѣла сверхдолжныя.—О произвольныхъ дѣлахъ кромѣ и свыше заповѣдей Божіихъ, о дѣлахъ называемыхъ сверхдолжными, нельзя учить безъ надменности и нечестія, ибо тѣмъ самымъ люди заявляютъ, что они не только воздаютъ Богу то, что должны дѣлать, но даже дѣлаютъ ради Него болѣе, чѣмъ сколько требуетъ ихъ долгъ; а между тѣмъ Христосъ ясно говоритъ: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите яко раби неключими есмы.—14) Никто не безъ грѣха, кромѣ одного Христа. — Христосъ въ истинности природы сдѣлался подобенъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, котораго Онъ былъ совершенно чуждъ, какъ по плоти, такъ и по духу Своему. Онъ пришелъ чтобы быть Агнцемъ непорочнымъ, который чрезъ принесеніе Себя Самаго въ жертву,

содѣянное однажды навсегда, долженъ былъ снять грѣхи міра, и грѣха (какъ говоритъ св. Іоаннъ) въ Немъ не было. Мы же прочіе (хотя бы и крестились и возродились во Христѣ) во многомъ погрѣшаемъ; аще же речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ.— 15) О грѣхѣ на Свят. Духа.—Каждый смертный грѣхъ, произвольно содѣянный послѣ крещенія, не есть грѣхъ на Св. Духа и неразрѣшимый; а потому не должно отказывать въ покаяніи тѣмъ, кои впадаютъ въ грѣхъ послѣ крещенія. Исслѣ принятія Св. Духа, мы можемъ отступить отъ дарованной намъ благодати и впасть въ грѣхъ; но по благодати Божіей можемъ возстать опять и исправить жизнь нашу; а потому подлежатъ осужденію тѣ, кои говорятъ, что они не могутъ болѣе грѣшить въ настоящей жизни и кои не даютъ мѣста покаянію для истинно кающихся и исправляющихъ жизнь свою.—16) О хулѣ на Св. Духа.—Хула на Св. Духа состоитъ въ томъ, когда человѣкъ по злобѣ и упорству ума порицаетъ истину, ясно очевидную изъ Слова Божія, и, относясь къ ней враждебно, преслѣдуетъ её. Поелику таковые подлежатъ Божію проклятію, они повинны въ тягчайшемъ и гнуснѣйшемъ преступленіи и грѣхъ сего рода именуется отъ Господа и утверждается неотпускаемымъ. 17) О предопредѣленіи и избраніи.—Предопредѣленіе къ жизни есть вѣчное изволеніе Божіе, по которому Онъ (прежде созданія міра) неизмѣнно опредѣлилъ, по совѣту Своему, отъ насъ сокровенному, избавить отъ проклятія и осужденія тѣхъ, коихъ Онъ избралъ изъ рода человѣческаго, и привести ихъ къ вѣчному спасенію чрезъ Христа, какъ сосуды содѣланные къ чести; посему тѣ, кои удостоились такого преславнаго благодѣянія Божія, призываются, согласно Божію изволенію, Духомъ Его, благовременно дѣйствующимъ; по благодати они повинуются призванію, свободно оправдываются, становятся чадами по усыновленію, уподобляются образу Сына Божія Единороднаго, Іисуса Христа, благочестиво подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ, и, наконецъ, по милосердію Божію, получаютъ вѣчное блаженство.—Какъ благоговѣйное размышленіе о предопредѣленіи и избраніи нашемъ во Христѣ полно сладостнаго, пріятнаго и неизреченнаго утѣшенія для лицъ благочестивыхъ, чувствующихъ въ себѣ дѣйствіе Духа

Христова, умерщвляющее дѣла плоти и уды ихъ, сущіе на земли, возвышающее ихъ мысль къ предметамъ высшимъ и небеснымъ, какъ потому, что оно весьма утверждаетъ и укрѣпляетъ ихъ вѣру въ пріобрѣтеніе вѣчнаго спасенія чрезъ Христа, такъ и потому, что оно горячо воспламеняетъ ихъ любовь къ Богу: такъ для лицъ кичливыхъ и плотскихъ, лишенныхъ Духа Христова, имѣть постоянно предъ глазами мысль о Божіемъ предопредѣленіи значитъ быть на краю опаснѣйшаго паденія, ибо діаволъ или повергаетъ ихъ въ отчаяніе, или въ скверну нечистѣйшей жизни, не менѣе опасную, чѣмъ отчаяніе.— Далѣе, хотя приговоры предопредѣленія не извѣстны намъ, но мы должны принимать Божественныя обѣтованія такъ, какъ они вообще изложены намъ въ Свящ. Писаніи; а въ дѣяніяхъ нашихъ слѣдовать той волѣ Божіей, которая ясно открыта намъ въ Словѣ Божіемъ. 18) Мы должны вѣрить, что вѣчное спасеніе получимъ только во имя Христово.—Нужно проклинать и гнушаться тѣхъ, кои дерзаютъ говорить, что каждый человѣкъ спасается тѣмъ закономъ или тою сектою, какую онъ исповѣдуетъ, такъ что онъ долженъ лишь стараться о томъ, чтобы сообразовать жизнь свою съ этимъ закономъ или свѣтомъ природы; ибо Священное Писаніе указываетъ намъ, что люди должны спастись только о имени Іисуса Христа. 19) Всѣ люди обязаны сохранять нравственныя заповѣди закона.—Въ этомъ членѣ утверждается, что законъ Моисеевъ, необязательный теперь относительно обрядовъ или предписаній гражданскихъ, для всѣхъ обязателенъ въ своихъ нравственныхъ заповѣдяхъ, а потому не должно слушать тѣхъ, кои утверждаютъ, что Св. Писаніе дано только для слабыхъ, и кои хвастаются, что они отъ Духа научаются тому, чему учатъ другихъ, хотя ихъ ученіе и противорѣчитъ Свящ. Писанію. 20) О церкви.—Видимая церковь Христова есть собраніе вѣрующихъ въ которомъ проповѣдуется чистое Слово Божіе и должнымъ образомъ совершаются таинства, согласно установленію Христа во всемъ, что необходимо потребно для того.—Какъ погрѣшила церковь Іерусалимская, Александрійская и Антіохійская, такъ точно погрѣшила и церковь Римская, не только въ жизни, но и въ предметахъ вѣры. 21) Объ авторитетѣ церкви.—Церковь не должна

установлять чего либо такого, что противно писанному Слову Божію, и не можетъ изъяснять какое-либо мѣсто Писанія такъ, чтобы оно противорѣчило другому. Посему, хотя церковь есть свидѣтельница и хранительница Св. Писанія, она не должна однако постановлять что-либо противъ него, или требовать, чтобы признавали необходимымъ для спасенія что-либо такое, чего въ немъ не имѣется. 22) Объ авторитетѣ всеобщихъ соборовъ. — Вселенскіе соборы не могутъ быть собираемы безъ приказанія и воли государей. Когда они собраны, (поелику они суть собранія людей, изъ коихъ не всѣ управляются Духомъ и Словомъ Божіимъ) они могутъ погрѣшать и иногда погрѣшали, не только въ дѣлахъ мірскихъ, но и въ предметахъ, касающихся Бога. Посему все установляемое ими, какъ необходимое для спасенія, не имѣетъ ни силы ни авторитета до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что оно заимствовано изъ Св. Писанія. 23) О чистилищѣ.—Ученіе схоластиковъ о чистилищѣ, индульгенціяхъ, почитаніи и поклоненіи иконамъ и мощамъ, а также о призываніи святыхъ—есть глупость, суетно измышленная, не основанная ни на какомъ свидѣтельствѣ Писанія, а скорѣе противная Слову Божію. 24) Никто не можетъ служить въ церкви, если не будетъ призванъ къ тому.—Никто недолженъ принимать на себя дѣло публичной проповѣди или совершенія таинствъ въ церкви до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ законно призванъ и посланъ на то. Законно призванными и посланными мы должны признавать тѣхъ кои будутъ избраны и призваны на это дѣло людьми, получившими въ церкви (congregation) публичную власть призывать и посылать служителей въ виноградникъ Господень. 25) Люди должны говорить въ церкви на такомъ языкѣ, который понятенъ для народа.—Вполнѣ прилично и согласно съ Словомъ Божіимъ, чтобы въ церкви ничего публично не читалось и не говорилось на языкѣ, неизвѣстномъ народу; это запрещаетъ и Свят. Павелъ, если не присутствуетъ при семъ кто либо, долженствующій быть истолкователемъ. 26). О таинствахъ.—Господь нашъ Іисусъ Христосъ соединилъ общество новаго народа таинствами, малѣйшими по числу, легчайшими по исполненію и превосходнѣйшими по значенію, каковы: крещеніе и вечеря Господня.—Таинства установлены Христомъ

не для того, чтобы смотрѣть на нихъ или переносить ихъ съ мѣста на мѣсто, но чтобы правильно употреблять ихъ. Спасительное слѣдствіе и дѣйствіе они производятъ только въ тѣхъ, кои принимаютъ ихъ достойнымъ образомъ, а не въ силу сдѣланнаго дѣла, какъ говорятъ нѣкоторые. Такое слово, страшное и неизвѣстное Св. Писанію, порождаетъ не благочестивое, но весьма суевѣрное представленіе. Тѣ-же, кои принимаютъ таинства недостойно, пріобрѣтаютъ себѣ самимъ осужденіе, какъ говоритъ св. Павелъ.—Таинства, установленныя Словомъ Божіимъ, не только суть символы и знаки христіанскаго исповѣданія, но скорѣе несомнѣнныя свидѣтельства и дѣйствительные признаки благодати и Божія къ намъ благоволенія, посредствомъ коихъ Онъ невидимо дѣйствуетъ въ насъ и не только возбуждаетъ, но укрѣпляетъ и утверждаетъ нашу вѣру въ Него. 27) Недостоинство служителей не уничтожаетъ дѣйствительности учрежденій Божественныхъ.— Хотя въ видимой церкви злые всегда смѣшаны съ добрыми и иногда злые имѣютъ высшую власть на служеніе Слова и таинствъ, но поелику они дѣйствуютъ не въ свое собственное имя, но служатъ по порученію и полномочію Христа, то мы можемъ пользоваться ихъ служеніемъ, какъ въ слушаніи Слова Божія такъ и въ принятіи таинствъ. Въ силу ихъ недостоинства, ни дѣйствіе Божественныхъ учрежденій не уничтожается ни благодать даровъ Божіихъ не уменьшается для тѣхъ, кои вѣрою и надлежащимъ образомъ принимаютъ таинства, имъ преподаваемыя, которыя дѣйствительны въ силу установленія и обѣтованія Христова, хотя бы и совершались злыми людьми. — Впрочемъ, по дисциплинѣ церковной, относительно таковыхъ должно быть производимо разслѣдованіе, они должны быть обвиняемы тѣми, кои знаютъ объ ихъ винахъ, и затѣмъ низлагаемы, если по суду найдены будутъ виновными. 28) О крещеніи. — Крещеніе не есть только символъ исповѣданія и знакъ отличія, по которому христіане различаются отъ другихъ, не крещенныхъ; но оно есть также признакъ и печать новаго рожденія нашего, посредствомъ коего, какъ бы нѣкотораго орудія, правильно получающіе крещеніе внѣдряются въ церковь; обѣтованія о прощеніи грѣха и о нашемъ усыновленіи Богу видимо знаменуются и запечатлѣваются, вѣра утвер-

ждается и благодать, силою молитвы къ Богу умножается. Обычай церкви крестить младенцевъ заслуживаетъ одобренія и долженъ быть удержанъ. 29) О вечери Господней.—Вечеря Господня есть не только знакъ любви, какую христіане должны имѣть другъ къ другу, но скорѣе таинство нашего искупленія смертію Христа; а посему для тѣхъ, кто пріемлетъ его правильно, достойно и съ вѣрою, хлѣбъ, который мы преломляемъ, есть общеніе тѣла Христова, подобнымъ же образомъ и чаша благословенія есть общеніе крови Христовой. — Пресуществленіе, или измѣненіе сущности хлѣба и вина въ сущность тѣла и крови Христа, не можетъ быть доказано Свящ. Писаніемъ; но противорѣчитъ яснымъ Словамъ Писанія и дало поводъ ко многимъ суевѣріямъ. — Такъ какъ истинность человѣческой природы требуетъ, что тѣло одного и того же человѣка не можетъ быть въ одно и то же время на различныхъ мѣстахъ, но необходимо должно быть на одномъ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ, то и тѣло Христа не можетъ въ одно время присутствовать на многихъ различныхъ мѣстахъ. Поелику же, какъ учитъ Св. Писаніе, Христосъ вознесся на небо и тамъ долженъ пребыть до конца міра, то вѣрующій человѣкъ не долженъ ни вѣровать ни открыто исповѣдывать дѣйствительное и, какъ говорятъ, тѣлесное присутствіе плоти и крови Христа въ таинствѣ вечери Господней.—Таинство вечери Господней, по установленію Христа, не должно быть хранимо, переносимо, возвышаемо или поклоняемо. 30) О совершенномъ жертвоприношеніи Христа, содѣланномъ на крестѣ.—Жертвоприношеніе Христово, содѣланное однажды на всегда, есть совершенное искупленіе, умиротвореніе гнѣва Божія и удовлетвореніе за всѣ грѣхи цѣлаго міра, какъ первородный такъ и дѣятельные, и нѣтъ никакого другаго удовлетворенія за грѣхъ, кромѣ сего единаго. Посему жертвоприношенія мессъ, въ которыхъ, какъ обыкновенно говорятъ, священникъ приноситъ Христа въ жертву за живыхъ и умершихъ, во оставленіе наказанія или грѣха,— суть вымышленныя басни и опасныя обольщенія. 31) Безбрачіе никому не предписывается Словомъ Божіимъ.—Епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ не предписывается давать обѣтъ одинокой жизни, безъ брака; Законъ Божій не принуждаетъ ихъ воз-

держиваться отъ супружества. 32) Отъ лицъ отлученныхъ должно уклоняться. — Лице открытымъ церковнымъ опредѣленіемъ правильно отсѣченное отъ единства церкви и отлученное, всѣмъ обществомъ вѣрующихъ должно быть принимаемо за язычника и мытаря до тѣхъ поръ, пока оно открыто не примирится чрезъ покаяніе и не будетъ принято въ церковь уполномоченнымъ на то судьею. 32) Церковныя преданія.—Нѣтъ необходимости, чтобы преданія и церемоніи во всѣхъ мѣстахъ были одинаковы или вполнѣ сходны, ибо во всѣ времена они были различны и могутъ быть измѣняемы по различію странъ и обычаевъ человѣческихъ, лишь бы не установлялось ничего противнаго Слову Божію. Кто по своему частному разумѣнію произвольно и намѣренно станетъ открыто нарушать преданія и церемоніи церкви, не противныя Слову Божію, установленныя и одобренныя общественною властію, тотъ долженъ быть подвергнутъ публичному порицанію, (чтобы другіе страшились дѣлать подобное) какъ виновный противъ общаго порядка церкви, какъ оскорбляющій авторитетъ власти и уязвляющій совѣсть слабыхъ братій. — 34). О гомиліяхъ. — Этотъ членъ утверждаетъ и предписываетъ къ употребленію изданныя при Эдуардѣ гомиліи.—35). О книгѣ молитвъ и церемоній англійской церкви. — Этотъ членъ утверждаетъ, признаетъ во всемъ согласными съ Евангеліемъ и рекомендуетъ къ употребленію книгу общихъ молитвъ и чинъ посвященія.— 36). О властяхъ гражданскихъ. — Король Англіи, послѣ Христа, есть верховный на землѣ глава церкви англійской и ирландской.—Епископъ римскій не имѣетъ никакой юрисдикціи въ англійскомъ королевствѣ. — Власть гражданская установлена и одобрена Богомъ, а потому мы должны повиноваться ей не только по страху наказанія, но и по совѣсти. — Гражданскіе законы могутъ наказывать христіанъ смертію за гнусныя и тяжкія преступленія.—По повелѣнію власти, христіане могутъ носить оружіе и служить въ законныхъ войнахъ.—37). Имѣнія христіанъ не суть общія.— Подтверждая эту мысль противъ анабаптистовъ, членъ предписываетъ каждому давать изъ своихъ имѣній милостыню бѣднымъ сообразно съ достаткомъ своимъ. — 38.) Христіане могутъ давать клятву. — Запрещая, по предписа-

нію Христа и апостоловъ, клятву ложную и необдуманную, членъ этотъ признаетъ ее дозволительною по требованію власти, въ дѣлахъ вѣры и любви.—39). Воскресеніе мертвыхъ не совершилось.—Воскресеніе мертвыхъ не совершилось еще доселѣ, какъ будто бы оно относилось только къ душѣ, которая благодатію Христовою призвана отъ смерти грѣха, но должно быть чаемо въ послѣдній день; ибо тогда, какъ ясно свидѣтельствуетъ Писаніе, всѣмъ умершимъ возвращены будутъ ихъ собственныя тѣла, — плоть и кости, чтобы каждый человѣкъ, по дѣламъ своимъ могъ получить награду или наказаніе, смотря по тому, жилъ ли онъ добродѣтельно или порочно. — 40). Души умершихъ не умираютъ вмѣстѣ съ тѣлами и не пребываютъ въ праздномъ снѣ (т. е. до суда). — Мнѣнія эти членъ признаетъ противными ученію, открытому намъ Священнымъ Писаніемъ.— 41). Еретики называемые милленаріями.—Членъ осуждаетъ ихъ ученіе.— 42).—Не всѣ люди спасены будутъ при концѣ. — Членъ осуждаетъ мнѣніе, что будто бы всѣ люди, даже и самые нечестивые, будутъ спасены послѣ того, какъ понесутъ за свои грѣхи назначенное Богомъ временное наказаніе.

При внимательномъ чтеніи приведенныхъ нами членовъ англійскаго вѣроисповѣданія, мы прежде всего замѣчаемъ въ нихъ весьма не малое сходство съ другимъ подобнымъ имъ документомъ, а именно съ аугсбургскимъ исповѣданіемъ [1]). Это сходство простирается до такой степени, что во многихъ случаяхъ англійскіе члены буквально повторяютъ тѣ же самыя опредѣленія, какія встрѣчаются въ аугсбургскомъ исповѣданіи. Это можно замѣтить напр. въ опредѣленіи церкви, въ ученіи о необходимости особаго призванія для служенія въ церкви, въ опредѣленіи таинства и т. п. Первый же и второй члены англійскаго исповѣданія въ полномъ своемъ составѣ представляютъ собою буквальное повтореніе соотвѣтствующихъ членовъ аугсбургскаго [2]). Отсю-

---

[1]) См. члены 7. 14 и 12. Аугсб. исповѣданія. — Libri symbolici ecclesiae Lutheranae, ed. Francke. Pars prima, p. 15, 17—18.

[2]) См. члены 1 и 3-й. Аугсбургскаго исповѣданія, ibid. p. 13—14. Третій членъ читается напр. такимъ образомъ: „... quod Verbum, hoc est, Filius

да мы не безъ основанія можемъ заключить, что составители сорока двухъ членовъ имѣли аугсбургское исповѣданіе у себя предъ глазами и пользовались имъ при своемъ трудѣ. Мало того, разсмотрѣніе самого содержанія членовъ ясно убѣждаетъ изслѣдователя, что это исповѣданіе было для нихъ самымъ главнымъ источникомъ.

Въ изложеніи наиболѣе глубокихъ догматовъ христіанскаго вѣроученія англійскіе члены не всегда отличаются должною ясностію и опредѣленностію [3]), можетъ быть и не безъ намѣренія допуская въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность различныхъ толкованій. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ пунктовъ, въ большинствѣ своемъ, они рѣшительно уклоняются отъ господствовавшихъ дотолѣ въ Англіи католическихъ воззрѣній и ясно проповѣдуютъ догматы протестантизма. Въ вопросѣ объ источникахъ вѣроученія члены усвояютъ себѣ взглядъ лютеранскій; они признаютъ Священное Писаніе содержащимъ въ себѣ все, что необходимо для спасенія, и желаютъ отвергнуть все то, что на немъ не основывается. Изъ всего католическаго преданія они удерживаютъ только три символа, какъ такіе, которые могутъ быть доказаны несомнѣннѣйшими свидѣтельствами Писанія (чл. 5 и 7). — Въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, Англійскіе члены не прибѣгаютъ къ особенно рѣзкимъ выраженіямъ, но, по существу своихъ воззрѣній, всетаки приближаются къ лютеранству. Они видятъ въ первородномъ грѣхѣ поврежденіе самой природы человѣка и притомъ настолько сильное, что, вслѣдствіе его, человѣкъ не имѣетъ силы творить добрыя дѣла, угодныя

Dei, assumpserit humanam naturam in utero beatae Mariae virginis, ut sint duae naturae, divina et humana, in unitate personae inseparabiliter coniunctae; unus Christus, vere Deus et vere homo, natus ex virgine Maria, vere passus, crucifixus, mortuus et sepultus, ut reconciliaret nobis Patrem, et hostia esset non tantum pro culpa originis, sed etiam pro omnibus actualibus hominum peccatis...

3) По 17-му члену напр. нельзя опредѣлить, какого воззрѣнія придерживается англійск. церковь по вопросу о предопредѣленіи; принимаетъ ли она взглядъ Кальвина, или считаетъ предопредѣленіе условнымъ. Не выражено также въ 29 членѣ и яснаго ученія о томъ, присутствуетъ ли Христосъ въ Евхаристіи, или нѣтъ.

Богу, безъ содѣйствія благодати. Дѣла, содѣланныя прежде благодати Христовой, не имѣютъ никакого значенія и даже по природѣ своей суть грѣхи (чл. 8, 9, 12). Лютеранскій догматъ объ оправданіи одною вѣрою англійскіе члены принимаютъ въ полной силѣ (чл. 11-й). Католическія ученія о дѣлахъ сверхдолжныхъ, о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ, о почитаніи иконъ и мощей и о поклоненіи имъ, а также о призываніи святыхъ англійскіе члены отвергаютъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, признавая Христа единственнымъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ, а наше спасеніе—совершаемымъ только о имени Іисуса Христа (чл. 13, 23, 6 и 18). За Вселенскими соборами англійскіе члены не признаютъ никакого авторитета, если ихъ постановленія не основаны на Св. Писаніи; по ихъ взгляду, соборы могутъ погрѣшать и погрѣшали, такъ какъ они суть простыя собранія людей (чл. 22). Королевское главенство надъ церковію и отрицаніе папской супрематіи нашли себѣ и въ членахъ рѣшительное подтвержденіе (чл. 36). Въ ученіи о таинствахъ, Англійскіе члены не остаются вѣрными католическому воззрѣнію, но не вдаются и въ крайность протестантизма; они отвергаютъ старое ученіе о силѣ таинствъ „ex opere operato“, но и не считаютъ ихъ только символами и знаками христіанскаго исповѣданія (чл. 26). Что же касается вопроса о числѣ таинствъ и въ частности, о таинствѣ Евхаристіи, то въ этомъ отношеніи они идутъ даже далѣе лютеранства и, какъ можно предполагать, останавливаются на взглядѣ Кальвина. Всѣхъ таинствъ, по ученію членовъ, только два: крещеніе и вечеря Господня. Въ вечери Господней они не признаютъ ни католическаго пресуществленія, ни лютеранскаго тѣлеснаго присутствія Христа; но каково собственное ихъ положительное ученіе — это опредѣленно не высказывается. Изъ общихъ довольно выраженій, какими начинается трактующій объ этомъ предметѣ членъ, можно впрочемъ составить себѣ убѣжденіе въ томъ, что англійскій взглядъ останавливается въ этомъ случаѣ не на Цвингліевомъ ученіи о символическомъ лишь значеніи Евхаристіи, а на мысли Кальвина о духовномъ, но дѣйствительномъ присутствіи въ ней Христа Спасителя (чл. 29). Всякое жертвенное значеніе

Евхаристіи англійскіе члены отвергаютъ, признавая крестную смерть Спасителя совершенною жертвою, однажды на всегда принесенною за грѣхи всего міра (чл. 30). Если, наконецъ, ко всему этому прибавить еще отмѣну безбрачія духовенства и предписаніе объ употребленіи народнаго языка при Богослуженіи (чл. 25 и 31), и если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что въ числѣ 42 членовъ нѣтъ ни одного такого, который бы удерживалъ какое-либо старое католическое ученіе прямо вопреки нападеніямъ на него реформаціи, то можно въ результатѣ придти къ тому убѣжденію, что англійское вѣроисповѣданіе служитъ свидѣтельствомъ яснаго протестантизма той церкви, которая приняла его, въ качествѣ своего признаннаго символа.

Итакъ, съ выработкою богослужебныхъ формъ и вѣроученія англійской реформированной церкви, задача Эдуардова царствованія повидимому была исполнена. Но, чтобы довершить зданіе новой церкви вполнѣ, оставалось еще обратить вниманіе на область права. Въ этомъ отношеніи въ данный періодъ времени въ Англіи господствовала крайняя запутанность и неопредѣленность. Съ уничтоженіемъ папской власти значительная часть каноническаго права католической церкви, конечно, потеряла всякое значеніе, такъ какъ или необходимо ее предполагала, или же на ней исключительно основывалась. Реформа церковнаго права должна была быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совершившагося переворота и только тогда жизнь новой англійской церкви получила бы надлежащую полноту, когда бы она выработала и свое церковное право. Потребность въ этомъ сознана была, какъ мы знаемъ, еще въ самые первые годы столкновенія Англіи съ Римомъ, и проявленіемъ этого сознанія было постановленіе о томъ, чтобы особо-назначенная коммиссія пересмотрѣла всѣ дѣйствующіе церковные законы и опредѣлила, какіе изъ нихъ должны быть уничтожены и какіе оставлены въ силѣ. Не смотря на послѣдующее повтореніе такого постановленія, никакихъ результатовъ его пока еще не оказывалось. Въ силу этого церковное право, дѣйствовавшее при Генрихѣ и Эдуардѣ, находилось въ какомъ то переходномъ состояніи, весьма тяжеломъ для тѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ соприкосновеніе. По парламентскому опре-

дѣленію, должны были оставаться въ силѣ всѣ прежнія церковныя постановленія, которыя не противорѣчатъ статутамъ, законамъ и обычаямъ королевства и которыя не причиняютъ ущерба королевской прерогативѣ, а между тѣмъ, какъ опредѣлить, —существуетъ ли въ какомъ либо частномъ случаѣ такое противорѣчіе или нѣтъ, — это оставалось неизвѣстнымъ. При отсутствіи же опредѣленности, духовенство Англіи, примѣняя къ дѣлу тотъ или другой изъ церковныхъ законовъ, всегда находилось подъ страхомъ, что его могутъ осудить по статуту „of praemunire". Какъ мѣра временная, долженствовавшая имѣть силу только до окончанія пересмотра и до выработки новаго кодекса, такое постановленіе, конечно, имѣло смыслъ; но оно не могло быть окончательною нормою церковной жизни и удовлетворять ея потребностямъ въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій. Вотъ почему въ царствованіе Эдуарда мы не разъ видимъ попытки поставить на очередь вопросъ о реформѣ права. То нижняя палата конвокаціи представляетъ архіепископу и членамъ верхней палаты свою петицію о томъ, чтобы кодексъ церковныхъ законовъ былъ наконецъ составленъ коммиссіею, согласно опредѣленію парламента въ прежнее царствованіе; то епископы жалуются въ палатѣ лордовъ на упадокъ церковной дисциплины и требуютъ усиленія своей юрисдикціи. Но изъ подобныхъ жалобъ и требованій не выходило ничего и дѣло закончилось только тѣмъ, что парламентъ возвратился къ прежнему проэкту пересмотра церковныхъ законовъ посредствомъ коммиссіи 32-хъ [1]). Билли же, представлявшіеся епископами въ видахъ усиленія ихъ юрисдикціи, проваливались въ палатахъ послѣ перваго же, или много послѣ втораго, чтенія. Интересно замѣтить, что попытки относительно церковнаго права исходятъ или отъ конвокаціи или отъ епископовъ, а парламентъ, и лорды и общины, встрѣчаетъ эти попытки рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Причину этого понять не трудно. Вожди реформы, хлопотавшіе о составленіи новаго церковнаго кодекса и объ усиленіи церковной юрисдикціи, руко-

[1]) Burnet v. II. Recor. p. II. b. I. № XVI, XVII; Collier V, 315, 372—373;—IX, Recor. v. II. № LXI;—Burnet I, 360, 394,435;—Dodd II, 7, 35—36;—Weber II, 66;—Froude IV, 496;—Statute 3—4; Edwar. VI. cpt. II.

водились при этомъ мыслію, дать созидаемой ими англійской реформированной церкви надлежащую полноту, а клиръ вообще поддерживалъ ихъ въ данномъ случаѣ потому, что дѣло шло здѣсь объ усиленіи его же собственнаго вліянія. Но это, затѣянное ими, дѣло противорѣчило давнимъ стремленіямъ всѣхъ другихъ сословій, у которыхъ, какъ мы видѣли, реформаторское настроеніе главнымъ образомъ выражалось въ оппозиціи папству и клиру. Настоящее стѣсненное положеніе духовенства, когда оно постоянно находилось подъ страхомъ „praemunire“, какъ нельзя болѣе было по вкусу другимъ сословіямъ, и всякая попытка измѣнить такое положеніе, а тѣмъ болѣе усилить права клира, должна была встрѣтить и дѣйствительно встрѣчала оппозицію со стороны другихъ сословій.

Давая свое согласіе на учрежденіе коммиссіи 32-хъ, парламентъ, быть можетъ разсчитывалъ, что эта коммиссія будетъ также безплодна, какъ оказывалась она въ прежнее время, но на этотъ разъ дѣло приняло иной оборотъ. Коммиссія епископовъ и богослововъ была дѣйствительно назначена королемъ и, подъ главнымъ руководительствомъ Крамэра, при участіи нѣкоторыхъ иностранцевъ, какъ напр. Мартира и Аляско, съ успѣхомъ исполнила свою задачу. Результатомъ ея трудовъ былъ новый кодексъ церковныхъ законовъ подъ заглавіемъ: Reformatio legum ecclesiasticarum. Но этому новому кодексу суждено было погибнуть прежде рожденія; онъ не только не получилъ никакого законнаго утвержденія и не введенъ былъ въ дѣйствіе, но даже не успѣлъ и появиться на свѣтъ въ печатномъ видѣ [1]); этому воспрепятствовала смерть короля Эдуарда и послѣдовавшіе за нею политическіе перевороты. Такимъ образомъ реформа церковнаго права Англіи такъ и осталась не осуществленною.

---

1) Мы не считаемъ себя въ правѣ останавливать вниманіе читателя на разборѣ содержанія этого кодекса, такъ какъ онъ не успѣлъ выйдти изъ сферы проэктовъ; но желающій получить объ немъ понятіе см. Collier V, 479—497;—Burnet I, 435—439;—Weber II, 67—71;—Hallam I, 101—102.—Вопросъ еще,—получилъ ли бы этотъ кодексъ законное утвержденіе. Въ виду оппозиціи другихъ сословій стремленіямъ клира, можно, кажется съ большимъ правомъ предположить противное.

Ходомъ предшествовавшихъ историческихъ событій царствованію Эдуарда предоставлена была, какъ мы видѣли, задача созидать реформированную церковь Англіи на развалинахъ разрушеннаго католицизма, на почвѣ достаточно для того расчищенной и даже въ нѣкоторой степени подготовленной. Окончивъ теперь обзоръ всего того, что было сдѣлано этимъ царствованіемъ въ религіозно-церковномъ отношеніи, мы можемъ сказать, что оно съ успѣхомъ исполнило свою задачу. Если царствованіе Генриха было лишь оппозиціоннымъ, то къ Эдуардову мы имѣемъ полное право приложить наименованіе реформаціоннаго. Тамъ, гдѣ Генрихъ оставилъ только расколъ, теперь создана была церковь національная, съ своимъ особымъ богослужебнымъ строемъ и со своею также особою системою вѣроученія, та церковь, которая и доселѣ существуетъ подъ именемъ англиканской епископальной церкви.

Желая себѣ представить теперь въ общихъ чертахъ тѣ стихіи и вліянія, которыя дѣйствовали при организаціи англійской реформированной церкви, мы припомнимъ и національную политико-экономическую оппозицію папству и клиру, и религіозно-богословскій протестъ противъ католической системы вообще, исходившій отъ неудовлетвореннаго или оскорбленнаго религіознаго чувства и сознанія, и унаслѣдованную отъ отцевъ приверженность къ привычнымъ, старымъ, католическимъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и непосредственное, наконецъ, соприкосновеніе съ континентальнымъ, европейскимъ протестантизмомъ, съ его выдающимися дѣятелями или съ ими добытыми результатами. Англиканская церковь явилась результатомъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ различныхъ вліяній; каждое изъ нихъ наложило на нее свою печать, отразилось въ ней съ большею или меньшею силой, но ни одно изъ нихъ не получило подавляющаго преобладанія. Вслѣдствіе такого сравнительнаго равновѣсія вліяній и церковь, ими созданная, представила собою нѣчто совершенно своеобразное. Она разорвала свою связь съ католицизмомъ, но сформировалась въ нѣчто такое, что не походило ни на одинъ изъ типовъ, выработанныхъ протестантизмомъ континента. Занявъ среднее положеніе между этими двумя враждующими сторонами, она заимствовала отъ каж-

дой изъ нихъ то, что ей представлялось лучшимъ, и соединила эти разнообразныя заимствованія въ одну систему, подъ руководствомъ своихъ собственныхъ національныхъ соображеній. Она перестала быть католическою по своему устройству, такъ какъ отвергла папу: но вмѣсто папы римскаго она создала себѣ собственнаго, національнаго главу церкви въ лицѣ короля. Она отказалась отъ католической іерархіи, но въ то же время не хотѣла лишиться іерархіи вообще и осталась епископальною. Она выработала себѣ новый богослужебный строй, но, проводя въ немъ протестантскія начала, примѣшала все таки туда массу остатковъ католицизма. Если гдѣ она явилась всего болѣе протестантскою, то въ сферѣ вѣроученія; но и здѣсь она не хотѣла быть въ частности ни лютеранскою, ни реформатскою; — она остановилась въ сторонѣ отъ всѣхъ ихъ и стала англиканскою. Конечно, такой ея срединный характеръ не могъ удовлетворить ревнителей коренной церковной реформы. Особенно сильно возмущались они тѣми католическими обрядами и церемоніями, которыя въ изобиліи удержаны были новымъ богослужебнымъ строемъ; но людей подобныхъ Гупэру въ Англіи оказывалось не много. Напротивъ, для массы даже и то, что было сдѣлано при Эдуардѣ, казалось слишкомъ рѣшительнымъ. Англійскіе реформаторы потому и дѣйствовали съ такою медленностію и осторожностію, потому и избѣгали во многихъ случаяхъ мѣръ рѣзкихъ, что боялись католической оппозиціи. Они предпочитали медленно, шагъ за шагомъ, подвигаться къ своей цѣли, чтобы однимъ какимъ либо рѣзкимъ и неосторожнымъ движеніемъ не погубить, или не подвергнуть серьезной опасности все дѣло.

Какъ при Генрихѣ, такъ и при Эдуардѣ, католическая оппозиція мѣрамъ реформы давала себя чувствовать на каждомъ шагу и проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Каждое почти нововведеніе встрѣчало себѣ прежде всего упорную оппозицію при самой своей выработкѣ и утвержденіи. Мы знаемъ напр. какія горячія пренія разразились въ парламентѣ по поводу утвержденія книги общихъ молитвъ, и какъ, на ряду съ епископами, нашлось даже нѣсколько и свѣтскихъ лордовъ, протестовавшихъ противъ

введенія ея законодательнымъ порядкомъ [1]). Въ коммиссіи, назначенной для составленія новаго чина посвященія епископовъ и др., Гэтъ, еп. Уорчестерскій, упорно отстаивалъ старый порядокъ и не соглашался ни на какія нововведенія, такъ что, въ концѣ концовъ, удаленъ былъ изъ числа членовъ коммиссіи и заключенъ въ тюрьму [2]). Но подобная оппозиція не имѣла, конечно, никакихъ существенныхъ результатовъ. Большинство въ законодательныхъ собраніяхъ или въ коммиссіяхъ всегда оказывалось на сторонѣ нововведеній, которыя и получали должное утвержденіе. Тогда ревнители старины заявляли о своемъ настроеніи при самомъ осуществленіи правительственныхъ мѣропріятій. Гардинеръ, еп. Уинчестерскій, Боннеръ, еп. Лондоскій и Дэй, еп. Чичестерскій особенно заявили себя въ этомъ отношеніи. Первый изъ нихъ въ цѣломъ рядѣ писемъ къ протектору и архіепископу возставалъ противъ визитаціи, противъ введенія въ употребленіе гомилій и парафраза, противъ уничтоженія иконъ и т. д. Всѣ правительственныя предпріятія въ духѣ реформы онъ не хотѣлъ признать законными, такъ какъ они совершаются при малолѣтствѣ короля [3]). Боннеръ, еп. Лондонскій, встрѣтилъ визитаторовъ формальною протестаціей, а когда была установлена новая богослужебная форма, онъ не хотѣлъ вводить ее въ своей епархіи [4]). Дэй, еп. Чичестерскій, не повиновался королевскому приказу о замѣнѣ алтарей столами [5]). За епископами слѣдовало и остальное духовенство. Изъ приказа совѣта мы узнаемъ, что даже и тогда когда новая богослужебная форма была предписана закономъ къ исключительному употребленію, на придѣльныхъ алтаряхъ храма св. Павла въ Лондонѣ продолжали еще совершаться католическія мессы [6]). Новая литургія встрѣтила себѣ наконецъ упорнаго врага въ человѣкѣ, весьма близко

---

[1]) Froude IV, 385—387.

[2]) Collier V, 376;—Burnet I, 395.

[3]) Dodd. v. II. App. № I, IV; — Burnet I, 315, 339, 400, 411; II; 750; — Collier V, 212, 264;—Lingard IV, 234, 240 и др.

[4]) Burnet v. II. Recor. p. II в. I № XII; — Foxe p. 647;—Collier V, 210, 342, 348 и др.

[5]) Collier V, 423.

[6]) Dodd. v. II App. № IX;—Foxe p. 642.

стоявшемъ къ самому трону. Принцесса Марія, сестра короля и дочь Катарины Аррагонской, не смотря ни на какія письма отъ короля и увѣщанія особыхъ посланниковъ, ни за что не соглашалась принять новый порядокъ и прекратить въ своемъ замкѣ совершеніе католической мессы [1]). Но всѣ эти единичныя проявленія католической оппозиціи не были, конечно, такъ опасны, какъ то недовольство, которое обнаружилось въ цѣлыхъ массахъ населенія. Эдуардову правительству, точно также какъ и Генрихову, пришлось сводить свои счеты и съ вооруженнымъ народнымъ возстаніемъ. Это возстаніе началось въ маѣ и іюнѣ 1549 года и одновременно охватило собою многія, какъ сѣверныя, такъ и южныя графства Англіи. Вооруженныя толпы инсургентовъ достигали иногда цифры въ десять и даже въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, представляя такимъ образомъ собою цѣлыя арміи. Правда, въ большинствѣ случаевъ народное недовольство вызвано было главнымъ образомъ причинами экономическими, не имѣвшими ничего общаго съ религіей; но въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ напр.: въ Девонширскомъ, Корнуэлльскомъ, Норфолькскомъ, возстаніе приняло и религіозный характеръ. Во главѣ инсургентовъ появились паписты—священники; при походахъ неслись впереди дароносицы съ дарами, кресты, хоругви и свѣчи; вмѣстѣ съ оружіемъ, воины запасались благословеннымъ хлѣбомъ и святою водою. Въ требованіяхъ, какія представлялись отъ инсургентовъ правительству, мы находимъ напр. такія: чтобы возстановленъ былъ статутъ шести членовъ, чтобы новая литургія была отмѣнена и замѣнена старою мессой, чтобы пресуществленіе признавалось въ полной силѣ, чтобы народъ пріобщался подъ однимъ видомъ, чтобы возносились молитвы объ освобожденіи душъ умершихъ изъ чистилища, чтобы возстановлено было по нѣскольку аббатствъ въ каждомъ графствѣ и т. п. [2]). Не мѣшаетъ замѣтить, что такія

---

[1]) Очень много свѣдѣній объ этомъ разсѣяно въ Эдуардовомъ журналѣ. См. также: Froude V, 5, 19;—Collier V, 342;—Burnet I, 317, 365, 417.

[2]) Holinsched III, 916 — 924; 939 — 943; 959, 969, 985;— Stow. p. 596;— Foxe p. 643—647; Burnet I, 374—378;—Collier V, 326—3234;—Froude IV, 16—119;—Lingard IV, 250 и др.

событія происходили въ графствахъ южныхъ, вовсе не пользовавшихся репутаціей слѣпой приверженности къ католицизму и его обрядамъ.—Отстаивая свою систему и Эдуардово правительство нисколько не стояло впереди своего вѣка; анабаптистовъ и еретиковъ оно не прочь было, хотя и весьма не часто, предать сожженію [1]); упорныхъ католическихъ епископовъ оно заключало въ тюрьму и низлагало съ каѳедръ, а открытое возстаніе подавляло вооруженной силой, предавая казни его зачинщиковъ [2]).

Но причина, обусловливавшая сопротивленіе народа религіозно-церковнымъ нововведеніямъ правительства, лежала, конечно, не въ своеволіи, которое могло бы быть подавлено мѣрами насилія. Сэръ Уилльямъ Паджетъ въ письмѣ своемъ къ протектору, между прочимъ, говорилъ, что старая религія запрещена закономъ, а новая еще не запечатлѣлась въ сердцахъ одинадцати двѣнадцатыхъ частей королевства [3]). Мы не придаемъ, конечно, словамъ Паджета точнаго математическаго значенія, но въ то же время не можемъ не признать того, что въ немногіе годы, выпадшіе на долю Англійской реформаціи, большинство населенія не успѣло перевоспитаться настолько, чтобы совершенно отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ вѣрованій и обрядовъ и вполнѣ понять и оцѣнить и усвоить новую церковную систему. На одной, я силѣ принужденія эта новая система, конечно, не могла быть основана. Нужно было перевоспитать массу, пріучить ее къ новому порядку и убѣдить въ его несомнѣнномъ превосходствѣ предъ старымъ. Распространеніе въ народѣ англійской библіи, совершеніе богослуженія на понятномъ для народа языкѣ, чтеніе во всѣхъ церквахъ разнаго рода внушеній и статутовъ, гомиліи и живая проповѣдь, — вотъ тѣ средства, при содѣйствіи которыхъ новая система должна была завоевать себѣ сердца народа. Всѣ эти средства дѣйствительно и были примѣняемы къ дѣлу

---

1) Froude IV, 526;—Lingard IV, 270;—Weber II, 106;—и др.

2) Лѣтописецъ разсказываетъ даже, что одинъ священникъ близъ Экзетера былъ повѣшенъ въ облаченіи и съ разною церковною утварью. — Holinshed III, 959.

3) Froude IV, 362;—Hallam. I, 93. Not. d;—Lingard IV, 261. Not. 2.

правительствомъ Эдуарда; но чтобы они достигли желанныхъ результатовъ,—для этого требовалось время, и время не малое; а его то именно въ настоящемъ случаѣ и не оказывалось. Болѣзненный Эдуардъ сходилъ въ могилу, пробывъ только шесть лѣтъ на престолѣ Англіи и, послѣ него, королевой должна была стать та самая Марія, которая, несмотря на всѣ увѣщанія брата и его совѣта, упорно отстаивала свою католическую мессу и не хотѣла признавать никакихъ религіозныхъ нововведеній. Ея восшествіе на престолъ Англіи не только не обѣщало дать народу время для усвоенія новой системы, а скорѣе напротивъ угрожало снова возвращеніемъ къ католицизму. Чтобы предотвратить такую опасность, угрожавшую новой англійской церкви, вожди реформы присоединились къ честолюбивымъ планамъ протектора — Нортумберлэнда [1]) и результатомъ ихъ совокупныхъ стараній было завѣщаніе умирающаго Эдуарда о томъ, чтобы престолъ Англіи переходилъ, послѣ его смерти, не къ католичкѣ Маріи, а къ ревностной протестанткѣ Джэни Грэй [2]).—Будущее должно было рѣшить, насколько удаченъ былъ этотъ планъ, и какая судьба ожидала новосозданную англиканскую церковь.

Василій Соколовъ.

---

[1]) Джэни Грэй была замужемъ за сыномъ Нортумберлэнда.

[2]) Она была внучка сестры Генриха VIII, Маріи, а слѣдовательно племянница Эдуарда.

Іоакимъ патріархъ Московскій [1]).

Заботы п. Іоакима о характерѣ просвѣщенія въ Москвѣ: состояніе просвѣщенія въ Россіи въ концѣ XVI и въ XVII стол.; училище при п. Никонѣ; греческое училище при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, планы объ основаніи академіи, школа при Лихудахъ.

„Россіане въ письменахъ толь не искусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы толико суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую Божественнаго писанія главу или толкованіе умѣютъ— больше же ничтоже знаютъ“ [2]). Вотъ отзывъ объ умственномъ развитіи нашихъ соотечественниковъ конца XVI и начала XVII столѣтій одного извѣстнаго въ свое время профессора исторіи въ Гейдельбергѣ, отзывъ вполнѣ подтверждаемый сказаніями и другихъ современниковъ какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ. „Народъ русскій, по словамъ другаго иностранца того времени, не зналъ тогда ни школъ ни университетовъ“ [3]); ему не извѣстны были тѣ средства, которыя всего удобнѣе развиваютъ мысль человѣческую, — сообщаютъ ей силы дѣйствовать свободно, а не механически только, по естественно-установившимся порядкамъ и обычаямъ. Да онъ тогда и не чувствовалъ еще потребности въ этихъ средствахъ. Его мысль не знала тогда безпокойствъ и волненій и

---

[1]) Продолженіе см. майскую кн. Чтеній 1880 г.

[2]) См. Наук. и Литер. при Петрѣ В. — соч. Пекарскаго т. 1, стр. 326. — „Введеніе въ исторію европейскую чрезъ Самуила Пуффендорія“ по перев. Волкова; исторія Пуффендорфа была переведена и издана на Руси со времени Петра нѣсколько разъ.—См. тамъ же, стр. 325—327.

[3]) Такъ писалъ Маржеретъ, бывшій въ Россіи 1600 — 1606 г. См. сказ. современ. о Самозв. ч. III, стр. 27.

чувствовала полное довольство въ своемъ, цѣпенѣвшемъ подъ естественными условіями, состояніи. Народъ русскій поэтому не сочувствовалъ предложеніямъ людей желавшихъ ввести въ его сферу школьное образованіе [1]). Потребность въ этомъ образованіи почувствовалась имъ только уже въ XVII и точнѣе въ половинѣ XVII столѣтія, когда политическое его спокойствіе прочно установилось,—когда онъ могъ уже сознательно отнестись къ тѣмъ своимъ чувствамъ и мыслямъ, которыя возбуждены были въ немъ государственнымъ переворотомъ совершившимся въ концѣ XVI столѣтія и которыя были, такъ сказать, первымъ моментомъ его новой жизни. — И почувствовалась она, потребность въ школьномъ образованіи сначала, какъ и естественно можно было ожидать, только нѣкоторыми, очень немногими, поставленными въ благопріятныя обстоятельства. На Руси появилось такимъ образомъ „*ученіе свободныхъ мудростей*“ [2]), въ Москвѣ учреждено было греко-латинское училище, куда вытребованы были для обученія юношества ученые иноки изъ Малороссіи. Но это первое Московское училище первоначально не было въ состояніи выполнять своего спеціальнаго назначенія,—его цѣль не была строго опредѣлена. П. Никонъ покровительствовавшій ему, предпринявши исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, обременялъ учителей трудами по этому дѣлу и отвлекалъ тѣмъ ихъ вниманіе отъ преподаванія свободныхъ мудростей [3]). Между тѣмъ потребность въ москвитянахъ получать образованіе возрастала болѣе и болѣе. Московскіе юноши, какъ мы уже знаемъ, начали отправляться даже въ Польское королевство ради ученія. Нужда въ заведеніи училища съ исключительною цѣлію обученія становилась, значитъ, очевиднѣе и настоятельнѣе. Ее еще болѣе уяснили и раскрыли восточные святители. Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, и патріархи: Паисій Александрійскій и Макарій Антіохій-

---

[1]) Объ этомъ см. ст. А. В. Горскаго „о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII ст. Приб. къ Тв. св. Отц. III, еще: Прав. Об. 1867 г., т. 22 „образованіе духовенства въ древней Руси“ — Знаменскаго.

[2]) Такъ сказано объ училищѣ бояр. Ртищева въ „привиллегіи Московской академіи“. См. Вивл. изд. 2. VI, стр. 404.

[3]) См. „О дух. уч. въ Москвѣ въ XVII в. ст. Горскаго“ стр. 154—159.

скій,—бывшіе въ Москвѣ по дѣлу Никона. Своими трогательными представленіями и воззваніями о необходимости школьнаго образованія, о той пользѣ, которая можетъ проистекать изъ этого образованія, какъ для самихъ русскихъ, такъ и для грековъ живущихъ подъ игомъ турецкимъ и ходящихъ въ страны западныя, еже стяжати ученіе греческое [1]), восточные святители возбудили ревность въ нѣкоторыхъ москвитянахъ, которые тогда же и заявили о своемъ намѣреніи открыть училище при церкви св. Іоанна Богослова. Патріархи дали свое благословеніе на сіе достохвальное дѣло, „еже есть на созиданіе училищъ и въ нихъ устроеніе ученія, по закону православно-каѳолической церкви, во славу Божію различными діалекты: Греческимъ, Словенскимъ и Латинскимъ“ [2]). Но и это намѣреніе боголюбивыхъ гражданъ Московскихъ не принесло желанныхъ результатовъ.—Ихъ намѣреніе учредить училище, гдѣ бы преподавались свободныя науки, и осталось, кажется, только благимъ намѣреніемъ, по крайней мѣрѣ ни откуда неизвѣстно, чтобы оно приведено было къ осуществленію. По всей вѣроятности это дѣло, объ учрежденіи въ Москвѣ школы, не встрѣтило себѣ поддержки ни со стороны престарѣлаго п. Іоасафа, мало занимавшагося дѣлами управленія своей паствы [3]), ни со стороны Алексѣя Михайловича, занятаго преимущественно то укрощеніемъ бунтовъ, то внѣшними войнами; а частныя лица высказавшія свое сочувствіе этому дѣлу предъ восточными іерархами быть можетъ не осмѣливались сами собою приступить къ исполненію своего намѣренія по самой новизнѣ такого дѣла въ Москвѣ.

Со вступленіемъ на царскій престолъ сына Алексѣя Михайловича Ѳеодора, воспитанника извѣстнаго намъ южно-

---

[1]) Подробно эти представленія изложены въ указанной статьѣ „О духовн. учил.....“, стр. 159—167.

[2]) Патріаршія граматы объ устроеніи училищъ въ Москвѣ сполна отпечатаны въ той же статьѣ стр. 168—171.

[3]) См. выше примѣч. 40 и 345. Правда, и п. Іоасафъ издалъ свою благословенную грамату, вмѣстѣ съ восточными патріархами, на учрежденіе въ Москвѣ училищъ: но едва ли только на основаніи этого чисто оффиціальнаго документа можно думать, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ сочувствовалъ и тѣмъ болѣе принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи училищъ.

русскаго выходца Симеона Полоцкаго дѣло школьнаго образованія въ Москвѣ подвинулось впередъ,—изъ области желаній и предположеній оно перешло въ область реальной жизни. — Вотъ что разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ учениковъ основаннаго тогда училища Ѳедоръ Поликарповъ [1]). Въ 1679 году возвратился въ Москву съ востока одинъ русскій іеромонахъ Тимоѳей, который, обходя нѣсколько лѣтъ святыя мѣста въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, изучилъ тамъ греческій языкъ и ознакомился съ тѣми притѣсненіями, которымъ подвергались тамъ православные особенно со стороны латинянъ домогавшихся тогда не только овладѣть всѣми св. мѣстами въ Палестинѣ, но и привлечь всѣхъ въ покорность папѣ [2]), вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ «и свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ, предъ прежними лѣты оскудѣніе",— и который теперь будучи представленъ царю передалъ ему свои наблюденія. „Царь же сердцемъ вельми умилился и Божественнымъ огнемъ по благочестію воспаленъ возжела тамо (на востокѣ) умаляемое ученіе, здѣ (въ Москвѣ) насадити и умножити", и призвавши патріарха, „просилъ его да учинитъ греческое училище". Патріархъ Іоакимъ „исполнися, великія радости, слышавъ сія, и абіе приложивъ желаніе къ желанію, ятся дѣла немедленно". Скоро собраны были ученики—до 30 человѣкъ,—найденъ былъ и учитель, „мужъ свободныхъ наукъ искусенъ", грекъ Мануилъ, а послѣ него грекъ же іеромонахъ Іоакимъ, ректоромъ же училища назначенъ былъ самъ іеромонахъ Тимоѳей, который тогда же былъ причисленъ къ патріаршему домовому клиру; училище открыто было при типографіи [3]). „И не мощно писати подробно, прибавляетъ тотъ же ученикъ

---

[1]) См. „Историч. извѣстіе о М. Академіи" сочиненіе Ѳ. Поликар. Древн. Вивл. XVI.

[2]) См. Древн. Росс. Вивліоѳ. XVI, стр. 295; сравн. въ указан. статьѣ „о духовныхъ училищахъ"... примѣч. Я на стр. 174.

[3]) Училище открыто было въ палатахъ, гдѣ до того времени помѣщались „правильня" и библіотека, послѣднія были перемѣщены по этому случаю во вновь выстроенное, болѣе помѣстительное двухъ-этажное зданіе. См. „Древности", труды Моск. Арх. Общ. 1869 г. педаг. К. Гёрца, т. II, вып. 1-й ст. Румянцева стр. 14—16.

этого училища, колико и каково тщаніе имѣша какъ благочестивый царь, такъ и святѣйшій патріархъ, развѣ вкратцѣ рещи: сами своими высокими особы и купно и по едипому, явнымъ и тайнымъ образомъ, едва не на всяку седмицу въ типографію прихождаху утѣшатися духомъ о новомъ и не слыханномъ дѣлѣ, учащихся же ущедряху богатно одеждами, червонцы и проч„. [1]). Въ Москвѣ началось такимъ ѳбразомъ, такъ желанное тогда, школьное образованіе началось изученіе „греческаго чтеніе письма и языка“ [2]).

Мы не осмѣливаемся усумниться въ истинности свѣдѣній о началѣ этого училища, сообщаемыхъ однимъ изъ учениковъ онаго, но мы не можемъ съ своей стороны не замѣтить, что эти свѣдѣнія касаются только внѣшней стороны дѣла.—Царь сожалѣлъ объ упадкѣ образованія на востокѣ, желалъ распространить его въ Москвѣ, просилъ объ этомъ патріарха, послѣдній съ радостію принимался за это дѣло, — все это, мы не сомнѣваемся, было такъ; но школьное образованіе въ то время было вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимою потребностію для самихъ русскихъ и въ этомъто, конечно, заключалась главная причина, почему дѣло учрежденія училища въ Москвѣ исполнено было съ такою энергіей. А если это было такъ, то невольно является сомнѣніе въ томъ, будто основаніе *греческаго* училища въ то время могло обойтись и обошлось безъ всякой борьбы, безъ всякаго противодѣйствія, — у насъ при этомъ сама собою возникаетъ мысль о томъ *латинскомъ* направленіи, которое господствовало тогда между москвитянами, желавшими усвоить себѣ цивилизацію запада. Мы по этому не можемъ допустить, чтобы они оставались безучастны къ учреждаемому, единственному училищу въ Москвѣ, — чтобы они не желали видѣть училище съ своимъ, латинскимъ направленіемъ, а не греческимъ. И, сколько можно судить по нѣкоторымъ немногимъ даннымъ, — это противодѣйствіе латинниковъ учрежденію греческаго училища въ Москвѣ суще-

---

[1]) „Историческое извѣстіе о Московской академіи“, составленное Поликарповымъ. Др. Вивл. XVI, стр. 295—297.

[2]) Тамъ же, стр. 296.

ствовало дѣйствительно: латинники стремились ввести въ этомъ училищѣ преподаваніе латинскаго языка вмѣсто греческаго, ссылаясь при этомъ на примѣръ южной Руси [1]) и предлагали вызвать оттуда учителей [2]). Можно думать даже, что и самъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ воспитанникъ Полоцкаго, былъ на сторонѣ этихъ латинниковъ, или по меньшей мѣрѣ не былъ ихъ противникомъ [3]). Кому же такимъ образомъ обязано Московское училище своимъ направленіемъ, — тѣмъ, что въ немъ отдано было предпочтеніе греческому языку предъ латинскимъ? Кто настоялъ на такомъ несоотвѣтствіи характера училища духу времени? Думаемъ, что мы не погрѣшимъ противъ исторической правды, если укажемъ въ этомъ случаѣ на п. Іоакима. Онъ могъ и долженъ былъ настаивать на этомъ съ одной стороны по самому своему неблаговоленію ко всему западному и напротивъ—довольно благосклонному взгляду на

---

[1]) Въ рукописи Моск. дух. акад. начала XVIII столѣтія есть „доводъ, яко ученіе и языкъ еллино-греческій наипаче нужно-потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе“, составленный (авторъ неизвѣстенъ) еще до открытія училища и направленый противъ тѣхъ, которые хотѣли, чтобы въ этомъ училищѣ было отдано предпочтеніе латинскому языку предъ греческимъ. Авторъ предлагалъ наипаче учити греческому языку купно съ словенскимъ и только хотящимъ преподавать и латинскій языкъ, основанія, на которыхъ онъ утверждался при этомъ представлены и въ статьѣ „о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в.“ стр. 176—178.

[2]) На это прямое указаніе есть въ челобитной П. Негребецкаго, человѣка близкаго къ извѣстному намъ Медвѣдеву, поданной царю въ 1681-мъ году на Бѣлободскаго. См. мѣсто изъ этой челобитной: въ указанной выше статьѣ, примѣчаніе ж. стр. 171, и въ ст. „Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій“ стр. 593.

[3]) Такъ можно думать еще и потому, кромѣ уже того, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ ученикъ Полоцкаго не знавшаго греческаго языка, что въ его царствованіе было замѣтно большое неблаговоленіе къ грекамъ. — Такъ въ 1676 году по царскому указу всѣ они высланы были изъ Москвы въ свою землю, и лишены прежде жалованныхъ граматъ; духовныя же греческія лица проживавшія въ Москвѣ хотя и не подверглись этому изгнанію, за то для нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ уменьшенъ „царскій кормъ“, а нѣкоторымъ даже и совершенно было отказано въ немъ, — наприм. Евфимію настоятелю Иверскаго монастыря (См. Рук. Библ. Моск. дух. акад. „Сношеніе Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ л. 1004). Мало того Ѳеодоръ Алексѣевичъ даже не извѣстилъ восточныхъ патріарховъ о смерти своего отца и о своемъ восшествіи на престолъ. См. тамъ же, л. 1005—7.

гречанъ [1]), съ другой потому, что давая греческое направленіе училищу, онъ тѣмъ самымъ давалъ сильный отпоръ проникавшему въ то время въ Москву вліянію папизма. При этомъ нужно замѣтить еще и то, что только онъ, при своемъ значеніи, стойкости и твердости своего характера, могъ противиться лицамъ склонявшимся въ пользу латинскаго образованія,—лицамъ, какъ съ достовѣрностію можно полагать, имѣвшимъ большой вѣсъ и значеніе въ то время. Кому бы впрочемъ не принадлежала въ этомъ случаѣ инціатива, только въ Москвѣ, какъ мы сказали, открыто было въ 1679 году *греческое* училище.

Не прошло и трехъ лѣтъ со времени основанія этого училища, какѣ уже предположено было возвести его на степень академіи. Воспитанный на манеръ европейскій, Ѳеодоръ Александровичъ хотѣлъ, чтобы и Москва по полнотѣ курса своего ученія не уступала странамъ иноземнымъ [2]). По его повелѣнію была заготовлена грамата, въ которой опредѣлялись права и привиллегіи новоучреждаемаго разсадника просвѣщенія, назначалось удобное помѣщеніе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, указывались и предметы преподаванія „всѣ свободныя науки, ими же цѣлость академіи составляется“ [3]). Но это намѣреніе царя не встрѣтило себѣ

[1]) По челобитью п. Іоакима въ 1679-мъ году отмѣненъ былъ царскій указъ 1676 года о высылкѣ изъ Россіи гречанъ и возстановлена была сила прежде-жалованныхъ имъ граматъ о торговлѣ въ предѣлахъ русскихъ. — См. тамъ же, л. 1032.

[2]) См. статью о Палладіи Роговскомъ — Надеждина въ Сын. Отеч. 1840 г. авг. стр. 608.

[3]) Грамата эта отпечатана въ VI ч. Древн. Р. Вивліоѳ., кратко содержаніе ея изложено въ указанной выше статьѣ „о духовныхъ училищахъ..... стр. 181—183; еще въ статьѣ Пѣвницкаго „Симеонъ Полоцкій“ — Правосл. Обозр. 1860 г. т. III, стр. 213—215. Кто былъ составитель этой граматы — неизвѣстно. Г. Пѣвницкій говоритъ, что она составлена Полоцкимъ, но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ съ одной стороны по означенію времени на граматѣ выходитъ, что она составлена (1682 г.) послѣ смерти Полоцкаго, — съ другой нужно замѣтить и то, что едва ли бы Полоцкій помѣстилъ въ числѣ правилъ и такое, которымъ прямо запрещалось опредѣлять въ академію въ качествѣ учителей выходцевъ изъ Литовскія страны и Малыя Россіи,—запрещалось „того ради, что прежде таковіи являются яко бы совершенно благочестивые, а потомъ по малу развратная словеса вѣрѣ всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ“. — См. Др. Вивл. VI, стр. 206 — 207. Развѣ она по написаніи ея Полоцкимъ была потомъ дополнена и измѣнена?— Это можетъ быть.

такого сочувствія со стороны патріарха, съ какимъ встрѣчено было имъ предложеніе относительно учрежденія греческаго училища. На п. Іоакима могло на этотъ разъ непріятно подѣйствовать одно уже то, что помѣщеніе для академіи предназначалось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ былъ Медвѣдевъ, но кромѣ того, онъ при своемъ всегда практическо-зрѣломъ сужденіи могъ видѣть преждевременность этихъ широкихъ плановъ, неприложимость ихъ къ русской юной мысли нуждавшейся въ болѣе скромномъ пособіи для своего развитія, хотя и не чуждой, по увлеченію, смѣлыхъ замашекъ,—и не принялъ поэтому участія въ осуществленіи мысли относительно учрежденія академіи по предположеніямъ царя. Патріархъ заботился только о продолженіи и улучшеніи уже открытаго училища и поручилъ одному іеродіакону изъ грековъ—Мелетію войти въ сношеніе по этому дѣлу съ просвѣщеннѣйшимъ іерархомъ того времени п. Іерусалимскимъ Досиѳеемъ и просить его „сыскать и прислать учителя греческаго языка“ [1]).

Между тѣмъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ (1682 г. 27 апрѣля), не приведши въ исполненіе своего намѣренія, а послѣ его смерти въ Москвѣ открылись смуты, произведенныя сначала стрѣльцами, а потомъ раскольниками. Смуты эти неблагопріятно отозвались и на училищномъ дѣлѣ, — онѣ воспрепятствовали его улучшенію. Но по ихъ окончаніи, когда спокойствіе въ Москвѣ было возстановлено, мысль объ учрежденіи академіи по плану Ѳеодора Алексѣевича ожила. Поборники этой мысли надѣялись теперь найти себѣ сочувствіе и поддержку въ лицѣ сестры умершаго государя,— царевны Софіи. Чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ [2]).

---

[1]) Ѳ. Поликарповъ (см. истор. изв. о Моск. ак.) говоритъ, что „царь самъ писалъ восточнымъ патріархамъ, дабы прислали въ Москву учителей“ „въ греческомъ и латинскомъ діалектахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ искусныхъ“,—это вѣроятно, и легко могло быть, что Іоакимъ вступилъ въ сношенія съ п. Досиѳеемъ, для противодѣйствія намѣреніямъ царя. Не намекаетъ ли на это п. Досифей когда говоритъ: „мы и свят. Константинопольскій патріархъ и весь соборъ приказали имъ (учителямъ присланнымъ для Моск. академіи). латинскаго языка и ученія, чтобъ не учили въ школѣ, опрочь Еллинскаго..... См. Собран. записк. о Петрѣ Великомъ Туманскаго X, 120.

[2]) Истоминъ былъ справщикомъ печатнаго двора. — См. А. А. Экспед. IV, стран. 372.

еще въ ноябрѣ 1682 года просилъ ходатайства царевны предъ Государями.

„Да... они то изволятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ,
И учителямъ людямъ извѣщеннымъ [1]).

Чрезъ два года Софьѣ была представлена и самая грамата Ѳеодора Алексѣевича объ учрежденіи въ Москвѣ академіи. Это сдѣлалъ извѣстный уже намъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ представилъ правительницѣ, кромѣ того, свою просьбу объ утвержденіи этой граматы и примѣненіи ея къ дѣлу [2]); приверженецъ Софьи, Медвѣдевъ желалъ, чтобы „премудрой вельми Софьи царевнѣ“ удалось

То дѣло начавъ ей и совершити,
И яко же лѣть есть и утвердити
Да не яко же прежде разрушится,
Но мощью тѣмъ безвременно хранится“
. . . . . .
Да бы въ Россіи мудрости сіяти
Имя Софіи всюду въ мірѣ прославляти“.

Въ то же время онъ ласкалъ быть можетъ и себя надеждою сдѣлаться при посредствѣ Софьи начальникомъ новой академіи, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе для академіи назначалось именно въ томъ монастырѣ, въ которомъ онъ былъ строителемъ, къ тому же не являлись и греческіе наставники...

Но и на этотъ разъ не состоялось учрежденіе предположенной академіи [3]), и не состоялось какъ можно съ вѣ-

---

[1]) Просьба Каріона поданная Софьѣ состоитъ изъ 380 стиховъ; подробнѣе содержаніе этой просьбы см. въ статьѣ „о духовныхъ училищахъ“..... стр. 185 — 186.

[2]) Епистола Медвѣдева, поднесенная Софьѣ объ утвержденіи граматы Ѳеодора Алексѣевича касательно учрежденія академіи состоитъ изъ 234 стиховъ,—она отпечатана въ VI ч. Др. р. Вивліоѳики.

[3]) Это видно изъ того, что грамата поднесенная Медвѣдевымъ Софьѣ, осталась неутвержденною, — по крайней мѣрѣ списокъ ея отпечатанъ безъ царскихъ подписей; при томъ же извѣстно и то, что нѣкоторые монастыри, назначеные этою граматою на содержаніе академіи, и послѣ оставались независимыми отъ ней (напр. мон. Стромынскій и Шѣсношскій—см. Опис. Свято-Троиц. Сергіевы Лавры 1842 г. гл. 10); да и самый Заиконоспасскій монастырь долгое время не принадлежалъ вполнѣ академіи.

роятностію полагать потому, что этому дѣлу не сочувствовалъ и даже противодѣйствовалъ патріархъ. Онъ могъ видѣть теперь всю опасность, какая грозила при этомъ православію, могъ видѣть къ чему клонятся замыслы самаго, какъ мы знаемъ, ревностнаго папежника Медвѣдева.

Въ 1685 г. наконецъ въ Москву прибыли давно жданные „словеснѣйшіе и мудрѣйшіе іеромонахи, уже извѣстные намъ, Іоанникій и Софроній Лихуды,—прибыли съ рекомендательными, „соборными ставленными грамотами“ отъ патріарховъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго [1]). Съ прибытіемъ Лихудовъ дѣло московскаго училища подвинулось впередъ. Патріархъ вполнѣ полагаясь на ихъ вѣрность православію, опредѣлилъ сначала для ихъ жительства Богоявленскій монастырь и далъ имъ изъ прежняго училища пятерыхъ учениковъ; Лихуды начали свое учительское дѣло съ преподаванія греческаго языка.

Въ то же время п. Іоакимъ приступилъ къ устроенію особаго зданія для школы въ Заиконоспасскомъ монастырѣ [2]), но при этомъ устраненъ былъ отъ всякаго участія строитель этого монастыря — Медвѣдевъ. На постройку зданія употреблены были деньги, отказанныя на училище, по завѣщанію, тѣмъ самымъ іеродіакономъ Мелетіемъ, который по порученію Іоакима сносился съ п. Досифеемъ о присылкѣ учителей; зданіе возводилось подъ надзоромъ самихъ

---

1) Граматы восточныхъ патріарховъ, съ которыми прибыли въ Москву Лихуды—отпечатаны при ихъ сочиненіи „Мечецъ духовный“.

2) Ѳ. Поликарповъ (см. его „истор. извѣстіе о Моск. ак.“) говоритъ, что „святѣйшій патр. Іоакимъ основалъ каменную академію въ Спасскомъ монастырѣ“; между тѣмъ въ „Извѣстіяхъ о Московіи 1689 г. де-ла-Нёвиля сообщается (см. Рус. Вѣстн. 1841 г., № 10, стр. 141), что В. В. Голицынъ „построилъ огромное зданіе для коллегіума, гдѣ опредѣлилъ содержать 20 греческихъ ученыхъ людей“. Какому изъ этихъ двухъ свидѣтелей больше можно вѣрить?—Думаемъ, что—первому, такъ какъ онъ стоялъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ дѣлу построенія зданія для академіи—съ одной стороны какъ надсмотрщикъ надъ постройками, съ другой — какъ ученикъ этой академіи. При томъ же, если мы допустимъ, что строителемъ академіи былъ Голицынъ, то какъ послѣ этого объяснимъ мы ту клевету, которую взводилъ впослѣдствіи Медвѣдевъ на Лихудовъ, будто они захватили подъ школу земли монастырскія? Ужели бы онъ осмѣлился на это, если бы академія въ самомъ дѣлѣ построена бы была Голицынымъ?...

Лихудовъ. Когда же оно было совершено, патріархъ самъ „съ освященнымъ соборомъ при обновленіи его присутствовалъ съ великимъ торжествомъ и учрежденіемъ“ и благословилъ перейти сюда наставникамъ и учащимся. Сюда же переведено было теперь и типографское училище и все ввѣрено Лихудамъ; кромѣ того собрано было еще до 40 боярскихъ дѣтей, допущены были и другіе „охотники“ [1]). Лихудамъ велѣно было теперь приступить къ преподаванію свободныхъ наукъ—грамматики и піитики, преподаванію сначала на одномъ греческомъ языкѣ и потомъ *постепенно* восходить къ риторикѣ. Діалектику, логику и физику, при этомъ дозволялось преподавать уже не на греческомъ только, но и на латинскомъ языкахъ. Лихуды вступили въ полное завѣдываніе училищемъ,—преподаваніе началось. Это было въ концѣ 1686 года [2]).

Но не суждено было и этому училищу достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него можно было ожидать и которые дѣйствительно ожидались тогда отъ него. Оно задерживаемо было въ своемъ *постепенномъ* усовершенствованіи, а наконецъ и совсѣмъ лишилось возможности дойти до той цѣли, которая предстояла ему впереди, къ которой велъ его патріархъ хотя и медленнымъ, за то практически-вѣрнымъ и зрѣло-обдуманнымъ путемъ. Въ Москвѣ наступили тогда, извѣстные уже намъ, споры православныхъ съ папежниками, споры сопровождавшіеся народными волненіями и вызвавшіе патріарха на энергическую дѣятельность. Іоакимъ, какъ мы знаемъ, вынужденъ былъ въ то время дать порученіе Лихудамъ, чтобы они составили обличеніе на папежниковъ и они дѣйствительно написали „Акосъ“; въ то же время и ихъ ученики (собственно перваго—высшаго класса) занимались переводомъ нѣкоторыхъ особенно

---

[1]) Поликарповъ сообщаетъ, что „утвердившуся училищу, начатъ учимыхъ число умножитися, всякихъ членовъ охотниками“. Тоже подверждаютъ и сами Лихуды. — Въ „показаніи истины на псоненстовое бреханіе Медвѣдева“ они писали: „ученицы иніи суть священницы, іеродіакони и монахи, иніи князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града“. См. Опис. рук. Син. Библ. 11, 3, № 299 л. 118 обор.

[2]) Ходъ училищнаго дѣла въ Москвѣ мы излагаемъ по „историческому извѣстію о Моск. академіи“—Ѳеодора Поликарпова.

нужныхъ по обстоятельствамъ времени книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ [1]). Но не въ этомъ состояло главное препятствіе къ усовершенствованію Московскаго училища. П. Іоакимъ не требовалъ, чтобы Лихуды всецѣло посвятили себя обличенію папежниковъ, чтобы оставили для этого и главное свое назначеніе; нѣтъ, для борьбы съ Московскими папежниками онъ имѣлъ у себя и другихъ людей. Главнымъ препятствіемъ къ процвѣтанію Московскаго училища—были тѣ лица, которыя не видѣли въ немъ соотвѣтствія своимъ желаніямъ. „Основаніе премудрости“ хотѣли „опровергнути“ прежніе поборники премудрости.—Это былъ Сильвестръ Медвѣдевъ и его сообщники [2]). Они, разсѣевая по Москвѣ противъ Лихудовъ различныя ругательства и клеветы, унижали ихъ ученое достоинство, распространяли молву о (мнимой) неуспѣшности ихъ учениковъ [3]), поселяли, какъ мы знаемъ, недовѣріе къ нимъ, какъ къ вводителямъ новыхъ обычаевъ и волкамъ въ овчихъ одеждахъ разхищающимъ православное стадо. Мало того, Медвѣдевъ укорялъ Лихудовъ даже въ незаконномъ захватѣ монастырской земли подъ училище [4]) и присвоеніи себѣ многихъ тысячъ іеродіакона Мелетія, и въ томъ наконецъ, что они, не радя объ учительскомъ дѣлѣ, совершаютъ будто бы коммерческія опе-

---

[1]) О переводѣ книгъ учениками перваго класса — сообщаетъ Поликарповъ, а что это былъ переводъ именно особенно нужныхъ въ то время книгъ — это видно изъ сдѣланнаго имъ тутъ же замѣчанія такого рода: „Сей (діаволъ) видя отъ училищныхъ наукъ изощряемый на него и его коварство мечь православныхъ ученій.... всадилъ Медвѣдеву вражду“ и т. д. учениками же какъ извѣстно былъ, переведенъ на русскій языкъ и „Акосъ“ Лихудовъ составленный ими на греческомъ языкѣ.

[2]) Въ „Акосѣ“ Лихуды говорятъ о Медвѣдевѣ: не онъ ли былъ, который прежде пришествія нашего: сѣмо молилъ блаженной памяти государя царя Ѳеодора Алексіевича.... построити академію; нынѣ глаголетъ.... яко Богъ не благоволи быти мудрости въ царствѣ Московскомъ. См. Оп. рук. Син. Биб. 11, 3, № 299 л. 117.

[3]) Порицая, напримѣръ, переводъ книги „Акосъ“, Медвѣдевъ говорилъ: „робята переводили учители словенскому языку неискусны, а ученики ихъ иноземческому весьма непотребны, аще и они иноземцы и учены, правда и истина велика, полчеловѣка, въ чужей земли безъ языка“. См. Оп. рукоп. Син. Библ. 11, 3, № 299 и 102 обор.

[4]) См. Истор. изв. о Моск. ак. Поликарпова.

раціи [1]). И онъ при покровительствѣ извѣстнаго Щегловитаго и другихъ своихъ единомышленниковъ, успѣлъ въ этомъ своемъ „облыгательствѣ, какъ говоритъ Ѳ. Поликарповъ, до толика, яко и милосердо на нихъ (Лихудовъ) призирающимъ противное о тѣхъ вложи мнѣніе“.

При всемъ томъ Медвѣдеву и его сообщникамъ не удалось разрушить дѣла созданнаго патріархомъ, не удалось по крайней мѣрѣ при его жизни. При своемъ можно сказать систематическомъ умѣньи преслѣдовать предположенную цѣль, Іоакимъ сохранилъ неприкосновенность созданной имъ школы, защитилъ ея наставниковъ отъ дерзкаго посягательства; и Лихуды при немъ продолжали свое училищное дѣло. Московское училище подъ ихъ управленіемъ почти готово было взойти на ту степень, на которой ему могло бы быть присвоено названіе академіи. Курсъ свободныхъ наукъ (свѣтскихъ) въ немъ уже почти доведенъ былъ до конца; Лихуды готовились приступить къ послѣдней предположенной для училища цѣли — преподаванію Богословія [2]). Наступало значитъ время, когда мысль царя Ѳеодора Алексѣевича учредить въ Москвѣ академію, ни въ чемъ не уступающую академіямъ западнымъ, — мысль внушенная ему выходцами южной Руси, отъ поспѣшнаго осуществленія которой скорѣе можно было ожидать вредныхъ, чѣмъ добрыхъ и полезныхъ послѣдствій для русскаго православія и русской національности, — наступило, говоримъ, время, когда эта мысль близка была къ самому осуществленію, и когда осуществленіе ея не сопровождалось бы передѣлкою склада русскаго ума по образцамъ западнымъ, когда мысль русскаго человѣка и при

---

[1]) См. Оп. рук. Син. Библ. 11, 3, № 299 и 109. Одинъ изъ Лихудовъ дѣйствительно отлучался на нѣсколько времени (около 3 лѣтъ) изъ Москвы и ѣздилъ въ Венецію, но не самъ по себѣ и не по торговымъ дѣламъ, а былъ посланъ правительствомъ по дѣламъ государственнымъ, какъ хорошо знакомый съ тамошнею республикою. См. Слов. о писат. дух. чин. ч. 1, стр. 235.

[2]) Это видно изъ того, что, по удаленіи Лихудовъ, въ училищѣ наставниками оставлены были ихъ ученики, которымъ опредѣлено было преподавать только грамматику, піитику и риторику; и не дозволено преподавать философіи, такъ какъ они еще сами нуждались въ „удобномъ философіи показаніи“. См. грамат. архимандр. Іерусалим. Хрисанфа п. Адріана; отрывки приведены въ статьѣ о духовн. училищахъ въ Москвѣ въ XVII в.“, въ примѣч. г. стр. 196—197.

своемъ развитіи, удерживалась бы на своей родной почвѣ, не усвояла бы элементовъ чуждыхъ ей національности и ея исконному правовѣрію, — и притомъ въ пріобрѣтеніи цивилизаціи и пользованіи ея плодами она не уподоблялась бы извѣстной крыловской мартышкѣ, чего легко можно было ожидать при поспѣшномъ учрежденіи академіи съ полнымъ курсомъ наукъ.

Но, лишь только Заиконоспасское училище готово было преобразиться въ академію, какъ умеръ п. Іоакимъ, основатель этого училища и покровитель его наставниковъ—Лихудовъ, и постепенное возвышеніе дѣла образованія—должно было остановиться. Лихуды снова подверглись преслѣдованіямъ со стороны „друговъ и сродниковъ Медвѣдева [1]) и были отлучены отъ школы". Должности наставниковъ въ училищѣ заняли ихъ ученики, не успѣвшіе выслушать полнаго курса ученія.

VII.

Подчиненіе Кіевской митрополіи Москов. патріарху: церковное состояніе Малороссіи въ XVII стол.; сношеніе п. Іоакима и царей съ гетманомъ Самойловичемъ, соборъ въ Кіевѣ, избраніе въ митрополита еп. Гедеона, переписка по этому дѣлу и поставленіе Гедеона. Сношеніе съ восточными патріархами; граматы посланныя имъ; препятствія на которыя указывали они, и средства употребленныя противъ ихъ упорства; ихъ отвѣты—грамата п. Іерус. Досиѳея; отправленіе отвѣтныхъ патріаршихъ граматъ въ Кіевъ. Расширеніе правъ Москов. п. Іоакима въ отношеніи къ южнорусской церкви, сношеніе п. Іоакима съ еп. Гедеономъ и Лазаремъ Барановичемъ архіеп. черниг. по вопросу о времени пресуществленія св. Даровъ, — съ архим. Варлаамомъ по поводу печатанія книгъ.

Не одна великороссійская церковь была предметомъ заботъ п. Іоакима. — Обстоятельства времени вызывали его принять участіе и въ судьбахъ церкви малороссійской.

Малороссія въ царствованіе Алексѣя Михайловича поступила подъ крѣпкую руку государя Московскаго, побуждаемая къ тому тѣми различными бѣдствіями, которымъ под-

---

[1]) См. Истор. изв. о Московской академіи — Поликарпова. Самого Медвѣдева въ это время уже не было въ живыхъ.

вергалась она вслѣдствіе притязаній на нее сосѣднихъ государствъ. Она вступила тогда по своей политической жизни въ общеніе съ Москвою, отдавшись ея покровительству и защитѣ отъ посягательства на нее враговъ [1]). Но сознаваясь, такимъ образомъ, въ своемъ политическомъ безсиліи и обращаясь за помощію къ Москвѣ для сохраненія своего гражданскаго существованія, Малороссія въ то время не сознавала своей слабости въ религіозной жизни или по крайней не хотѣла признать превосходства надъ собою Москвы въ этомъ отношеніи. Стоя по своему умственному развитію много выше Великороссіи она не желала, чтобы ея религіозная жизнь находилась въ зависимости и такимъ образомъ осталась независимою отъ Московскаго патріарха, хотя и подчинилась Московскому государю, хотя даже въ самыхъ условіяхъ этого подчиненія было постановлено, чтобы митрополиту Кіевскому и всему Малороссійскому духовенству быть подъ вѣдѣніемъ Московскаго патріарха [2]). Бывшій въ то время кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ не призналъ своей зависимости отъ Московскаго первосвятителя и остался въ подчиненіи у патріарха Константинопольскаго, не смотря на то, что этимъ возбудилъ даже противъ себя неудовольствіе патріарха Никона, имѣвшаго, какъ извѣстно, огромное вліяніе и на государственныя дѣла [3]). Не признала южно-русская церковь своей зависимости отъ Московскаго патріарха и послѣ смерти Коссова, послѣдовавшей вскорѣ послѣ политическаго подданства Алексѣю Михайловичу Малороссіи.

Между тѣмъ по смерти Богдана, когда гетманское достоинство получилъ слабый сынъ его Юрій, Малороссія сдѣлалась опять предметомъ искательствъ со стороны Польши

---

[1]) См. Соб. Гос. грам. III, № 157, 159, 161, 162 и 163.

[2]) См. тамъ же и въ „Оп. Кіево-Соф. собора“ стр. 183.

[3]) Митрополитъ Кіевскій Сильвестръ Коссовъ чрезъ это едва не лишился тѣхъ привиллегій, которыми пользовалась издавна каѳедра Кіевская отъ князей русскихъ и королей польскихъ, такъ что уже самъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій вынужденъ молить „о томъ обо всемъ“ какъ государя, такъ и патр. Никона. Никона, кромѣ того, Хмѣльницкій просилъ снять свою святительскую опалу съ Кіевскаго митрополита и не вѣрить слухамъ, будто „онъ (Сильвестръ) православія святаго Россійскаго соединеніе богодарованное портилъ. См. Опис. Кіево-Софійск. собора. Кіевъ, 1825 г. Прибавленіе № 17. — „Грамата г. Б. Хмѣльницкаго къ патр. Никону просительная“.

и Турціи, — въ ней опять наступили смуты, возбуждаемыя соперниками на гетманство. Эти политическія смуты отражались и на церковной администраціи и производили въ ней безпорядки. Кіевъ, гдѣ была митрополичья каѳедра, въ эту пору почти совершенно не видалъ у себя своихъ первосвятителей, — они жили въ другихъ городахъ [1]). Мало того Малороссія въ это время имѣла заразъ по два и болѣе митрополита по имени и ни одного съ полною и дѣйствительною властію въ управленіи митрополіею [2]). Достоинство митрополита Кіевскаго сдѣлалось тогда предметомъ искательствъ различныхъ честолюбцевъ, которые покупали его иногда цѣною измѣны православію [3]). При такомъ ходѣ событій естественно церковныя дѣла находились въ разстройствѣ. Патріархъ же Константинопольскій, отъ котораго зависѣла Кіевская митрополія и на которомъ лежала прямая обязанность заботиться объ уничтоженіи этихъ безпорядковъ, былъ далекъ отъ исполненія этого своего долга. Напротивъ, даже находясь въ стѣснительной зависимости отъ воли султана, онъ вынуждаемъ былъ вмѣшиваться въ дѣла политическія и своимъ церковнымъ авторитетомъ содѣйствовать видамъ Турціи [4]) и тѣмъ еще болѣе усиливалъ и безъ того не легкія страданія южной Руси и ослаблялъ свое значеніе

---

[1]) Преемникъ Сильвестра, Діонисій Балобанъ жилъ въ Корсунѣ, а Іосифъ Нелюбовичъ—Тукальскій преемникъ Діонисія въ гг. Каневѣ и Чигиринѣ: оба они даже не бывали въ Кіевѣ. См. истор. Р. іерарх. ч. 1, стр. 290; Оп. Кіево-Соф. соб. стр. 197.

[2]) Упомянутый въ предъидущемъ примѣчаніи митр. Іосифъ имѣлъ у себя двухъ совмѣстниковъ поочередно,—сперва—въ лицѣ Перемышльскаго еписк. Антонія Винницкаго, потомъ въ лицѣ Львовскаго еписк. Іосифа Шумлянскаго. Кромѣ того въ тоже время отъ Алексѣя Михайловича дано было порученіе вѣдать дѣла Кіевской митрополіи Меѳодію еписк. Мстиславскому. См. Опис. Кіево-Соф. собора стр. 191—196.

[3]) Іосифъ Шумлянскій, наприм., называвшійся „администраторомъ Кіевской митрополіи“, чтобы достигнуть каѳедры митрополичьей при помощи польскаго короля Яна Сабесскаго въ 1677-мъ году тайно подалъ ему на Гродненскомъ Сеймѣ письменное обязательство о принятіи уніи. См. оп. Кіево-Софійскаго собора стр. 196.

[4]) Извѣстно, что когда гетманъ Дорошенко далъ присягу въ Константинополѣ на подданство султану, то патр. Паисій издалъ грамату, которою предавались анаѳемѣ всѣ непослушные этому гетману. См. Истор. Малорос. Маркевича т. II, стр. 180. „Кіевъ“ Аскоченскаго стр. 206.

въ глазахъ Малороссійскаго духовенства. Доходило дѣло даже до того наконецъ, что патріархъ Константинопольскій утратилъ свое вліяніе на Малороссійскую церковь на столько, что къ нему уже перестали обращаться даже за утвержденіемъ митрополитовъ [1]). Въ Малороссіи такимъ образомъ разстройство церковныхъ дѣлъ приняло характеръ совершеннаго безначалія. Это-то безначаліе и вызывало, какъ мы сказали выше, п. Іоакима принять участіе въ судьбѣ церкви Малороссійской. Съ самаго вступленія на патріаршій престолъ, его постоянно занимала мысль о присоединеніи митрополіи къ своему престолу. „Онъ, по свидѣтельству Варлаама Ясинскаго, свидѣтеля присоединенія Кіева къ патріархату Московскому, употреблялъ всякое тщаніе и многажды доносилъ царю Алексѣю Михайловичу, потомъ сыну его Ѳеодору и наконецъ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и съ ихъ сестрою Софьею,—доносилъ о томъ, чтобы въ Кіевской митрополіи (яко въ ихъ царской державѣ и владѣніи, въ духовномъ же правленіи изъ начала пріятія вѣры святыя православныя церкви Восточныя надлежащіи епархіи патріаршему Всероссійскому престолу) устроити людемъ Божіимъ свойственнаго пастыря [2]). Но эти старанія п. Іоакима долго не встрѣчали себѣ поддержки со стороны власти гражданской и оставались безъ всякаго примѣненія. Начало осуществленію мысли патріарха о присоединеніи Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату положено было только тогда, когда въ Малороссіи прекратились политическія волненія,—когда вся она снова объединена была подъ властію одного гетмана Ивана Самойловича и снова подтвердила свое политическое единство съ Москвою [3]), когда установились правильныя отношенія ея къ Московскому государству, когда съ другой стороны въ самой Москвѣ прекращены были вол-

---

[1]) Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, достигшій званія митрополита при содѣйствіи гетмана Дорошенка былъ послѣдній изъ Кіевскихъ митрополитовъ, утвержденныхъ Константинопольскимъ патріархомъ; онъ утвержденъ былъ въ званіи митрополита въ 1670 г., а умеръ въ 1676 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ. См. Опис. Кіево-Соф. собор. стр. 195—196.

[2]) См. рукоп. Синод. Библіот. „Икона дѣлъ патріаршихъ л. 2.

[3]) Иванъ Самойловичъ избранъ былъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ 1674 году. См. собр. гос. гр. IV, № 93.

ненія, которыми сопровождалось возведеніе на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Пользуясь частыми сношеніями по дѣламъ политическимъ, п. Іоакимъ многажды внушалъ „присылающимся людямъ изъ Малороссіи, дабы тамо общимъ совѣтомъ и согласіемъ вси людіе, Кіевскому престолу подсудствуеміи на избраніе митрополита потщалися". Внушенія эти дошли до гетмана и были приняты имъ съ сочувствіемъ. Самойловичъ извѣстилъ патріарха чрезъ войсковаго писаря Василія Кочубея, что онъ готовъ содѣйствовать съ своей стороны исполненію его намѣреній относительно Кіевской митрополіи. Патріархъ вступилъ послѣ того съ гетманомъ въ оффиціальныя сношенія по этому дѣлу.— Въ 1683 году въ сентябрѣ онъ послалъ Самойловичу грамату, въ которой указывалъ на племенное родство малороссіянъ съ великороссіянами и единство ихъ политической жизни, какъ на основанія его „промышленія о кіевлянахъ", и изобразивши затѣмъ печальное состояніе Малороссійской церкви вызывавшее его на участіе, преподавалъ благословеніе гетману высказавшему свое усердіе и тщаніе о устроеніи въ Кіевѣ митрополіи и обѣщалъ свое ходатайство по этому дѣлу предъ царями [1]).

---

[1]) См. рук. ик. дѣлъ патріар. л. 3 обор. и 4. Замѣчательна эта грамота патр. Іоакима по изображенію состоянія Малороссійской церкви,—составляющему ея большую часть и по высказываемой патріархомъ заботливости объ устройствѣ Кіевской митрополіи. Мы считаемъ не излишнимъ привести эту грамату почти сполна.—„Многое время въ малороссійстѣй царскаго величества странѣ въ такомъ многолюдствѣ христіанскаго народа кіевскія епархіи и по царственномъ градѣ первомъ славномъ градѣ, именованномъ Кіевѣ, нѣсть начальнѣйшаго пастыря — кіевскаго митрополита и всякаго благочестія (яко слышу) оный престолъ и великая епархія (иже имать подъ собою и епископы) лишися и доселѣ той престолъ вдовствуетъ. Правила же св. отецъ не повелѣваютъ вдовствовать архіерейскимъ престоламъ долгое время. Аще же въ правленіи духовномъ тая епархія издавна и константинопольскаго патріарха; обаче яко едины есмы вѣры во единаго Бога, искуплены въ едино тѣло Христово и единостраннїи, страждущему удесы должны есмы праведно и законно вспомоществовати, да не вся болѣзненная удеса ближащіяся насъ (близкія къ намъ) грѣховному тлѣнію подпадутъ и намъ содѣлаютъ болѣзнь и оная многонародная паства безъ сроднаго пастыря отвнѣ странныхъ чрезъ правильниковъ да не расторгнется, яко въ ону страну митрополіи кіевскія пріѣзжаютъ непрестанно, иніи же пріѣхавъ живутъ въ Малороссійскихъ го-

Заручившись такимъ образомъ содѣйствіемъ со стороны Малороссійскаго гетмана, п. Іоакимъ тѣмъ съ большею энергіею началъ хлопотать по этому дѣлу въ Москвѣ и на этотъ разъ его ходатайство предъ дворомъ уже не было безплодно. Цари приняли дѣятельное участіе въ предпринятомъ дѣлѣ подчиненія Кіева Московскому патріарху. Въ ноябрѣ 1684 года отправленъ былъ къ гетману думный дьякъ Украинцевъ для переговоровъ о союзѣ съ Польшею противъ Турціи, но вмѣстѣ съ этимъ Украинцевъ говорилъ съ Самойловичемъ и передалъ ему царскій указъ о томъ, чтобы онъ радѣлъ и промышлялъ о поставленіи на Кіевскій престолъ пастыря,—чтобы совѣтывалъ объ этомъ дѣлѣ съ духовными и мірскими людьми. Самойловичъ и теперь высказалъ свою полную готовность хлопотать по этому дѣлу и даже далъ понять Украинцеву, что у него есть уже и кандидатъ на Кіевскую каѳедру еп. Луцкій Гедеонъ [1]),

---

родахъ греческіе и иныхъ земель архіереи — никимъ же свидѣтельствованіи и подъ неблагословеніемъ восточныя церкве патріарховъ и служатъ и всякія таинства архіерейскаго достоинства творятъ самовольно; не боящеся правильнаго запрещенія и св. отецъ клятбы имъ же безъ собственнаго кіевской митрополіи пастыря возбранитися и разсмотритися нѣсть. Сынъ же и сослужитель нашея мѣрности архіеп. Черниговскій Лазарь Барановичь, лѣты многія житія сего течетъ и къ старости уже подобно (какъ сродно съ старостію) и немощію объяся; во всей же Малой Россіи въ такомъ многолюдствѣ точію онъ единъ обрѣтается архіерей и ради тоя его немощи въ многонародствѣ (коликихъ градовъ!) обдержимъ сый не возмогаетъ по св. правиламъ и по чину восточныя церкве архіерейскихъ надлежащихъ требованій исполнити". Правила убо повелѣваютъ во священнослуженіи на единой литургіи поставляти токмо единаго діакона и іерея. Онъ же творитъ на единои литургіи многія діаконы, многія іереи, человѣкъ по десяти и по пятнадцати и сицевое дѣяніе отнюдь отъ св. отецъ отвергнуто". Такожде между многа христіанскаго народа потребно всякія упражненія духовныя творити и таинства св. преподавати; стяжати же промыслъ о богатствѣ и ученіи въ славу Божію нужда обдержитъ; единому бо носить неудобство и велію бѣду. Сего ради не ветерпно вмѣняетъ быти сему....

[1]) Гедеонъ Святополкъ князь Четвертинскій рукоположенный еписк. Кіевскимъ Діонисіемъ Балабаномъ управлялъ Луцкою епархіею 25 лѣтъ, но 1684-мъ году въ началѣ октября бѣжалъ изъ своей епархіи въ Малороссію, потому что „отъ королевскаго гоненія ему не было житья", и былъ обласканъ гетманомъ Самойловичемъ, который писалъ о немъ даже въ Москву и обѣщалъ оказать ему свои услуги. См. Зап. Гордона въ прил. къ зап. рус. людей стр. 116; сравн. истор. Соловьева XIV стр. 26, опис. Кіево-Соф. собора стр. 197.

хотя при этомъ замѣтимъ и то, что „инымъ Малороссійскимъ духовнымъ будетъ это не любо“ и особенно Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, который былъ не въ ладахъ съ гетманомъ и не могъ надѣяться получить санъ митрополита [1]). Украинцевъ возвратился въ Москву, Самойловичъ же принялся за исполненіе царскаго указа. Онъ извѣстилъ знатнѣйшее Малороссійское духовенство о желаніи царей поставить въ Кіевѣ архипастыря и получивши отвѣтныя граматы, въ которыхъ духовенство заявляло свое согласіе на избраніе митрополита, послалъ въ Москву Кочубея просить у государей „совершеннаго наставленія, какое чинить духовному чину предложеніе“ относительно избранія митрополита [2]). Отвѣтъ на эту просьбу гетмана былъ посланъ ему въ апрѣлѣ. Цари писали Самойловичу, чтобы онъ постарался покончить предпринятое дѣло немедленно, чтобы онъ, „совѣтовавъ съ Малороссійскимъ духовенствомъ и людьми свѣтскими, выбралъ мужа въ Божественныхъ писаніяхъ искуснаго, тихаго и разумнаго *изъ тамошнихъ жителей, а не изъ пріѣзжихъ*, — чтобы новоизбранный митрополитъ былъ подъ послушаніемъ у Московскаго патріарха, а не Константинопольскаго, и вѣдалъ бы духовныя дѣла всей Малороссіи. — Обо всемъ этомъ гетману предписывалось составить статьи со всякою крѣпостію и осторожностію и новоизбраннаго митрополита для поставленія прислать въ Москву [3]).

Получивши это наставленіе Самойловичъ распорядился о созваніи собора въ Кіевѣ, который и составился дѣйстви-

---

[1]) См. истор. Соловьева XIV стр. 26.

[2]) Замѣчательно при этомъ то, что Кочубею велѣно было доложить государямъ о болѣзни приключившейся еп. Гедеону будто бы съ того времени, какъ ему прислана была изъ Москвы грамата, въ которой онъ не былъ титулованъ княземъ: „епископъ человѣкъ мнительный, ему показалось, что на него за что-нибудь государскій гнѣвъ; если бы онъ умеръ, то въ Польшѣ обрадовались бы, разгласили бы, что Богъ покаралъ его за покинутіе своей епархіи.— Кочубей просилъ дозволенія—пріѣхать еписк. Гедеону на поклонъ государямъ. См. тамъ же, стр. 28 — 29. Въ Москвѣ, видно, не благосклонно смотрѣли на гетманскаго любимца, которымъ онъ хотѣлъ воспользоваться и воспользовался для противодѣйствія своему недругу—Лазарю Барановичу.

[3]) См. истор. Соловьева XIV, стр. 29—30.

тельно изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ въ Петровъ постъ въ Софійской, каѳедральной церкви [1]). Но Самойловичь при этомъ не далъ большаго значенія царскому намеку на то, чтобы митрополитъ избранъ былъ *не изъ пріѣзжихъ* и поставилъ кандидатомъ на Кіевскую каѳедру еп. Гедеона. Впрочемъ чтобы не обнаружить явно своихъ плановъ ни самъ онъ, ни избранный имъ кандидатъ еп. Гедеонъ не присутствовали на соборѣ. Не присутствовалъ на соборѣ и Лазарь Барановичъ архіеп. Черниговскій, который самъ не надѣялся получить санъ митрополита, а между тѣмъ не хотѣлъ и стать въ зависимость отъ Кіевской каѳедры. — Онъ по этому даже не дозволилъ быть на соборѣ никому изъ своего духовенства [2]). Отсутствіе Самойловича и Барановича было не малымъ препятствіемъ при рѣшеніи вопроса объ избраніи митрополита; мѣшало при этомъ и новое условіе, при которомъ совершался выборъ митрополита,— переходъ отъ Константинопольскаго патріарха къ Московскому, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ на соборѣ „аки въ разтерзаніи ума обрѣтались не смѣюще въ то дѣло вступити [3]). Но еще болѣе ихъ стѣсняло опасеніе за тѣ привиллегіи, которыми пользовалась Кіевская митрополія, находясь въ зависимости отъ Константинополя и которыхъ она легко могла лишиться подчиняясь Москвѣ. На соборѣ по этому совѣтовались даже, чтобы не быть Кіевской епархіи подъ Московскимъ патріаршимъ престоломъ [4]). И только уже вѣроятно по настоянію повѣренныхъ гетмана и по обѣщанію его ходатайства въ Москвѣ о вольностяхъ Кіевскаго духовенства, члены собора склонились къ избранію митрополита, зависимаго отъ Московскаго патріарха. 8-го іюля 1685 года Самойловичу былъ посланъ соборный приговоръ объ избраніи на Кіевскую каѳедру еп. Гедеона-Святополка, князя Четвертинскаго, а также и статьи или условія при которыхъ совершалось избраніе [5]).

---

[1]) См. опис. Кіево-Соф. собора стр. 198.

[2]) См. рукоп. „Икона дѣлъ патріар. л. 129 обор. исторія Соловьева XIV, стр. 30—31.

[3]) Слова Самойловича—см. Икон. дѣлъ патр. л. 140.

[4]) См. Икона дѣлъ патр. л. 129 обор. опис. Кіево-Соф. собора стр. 198.

[5]) См. тамъ же.

Достигши желанныхъ результатовъ, гетманъ скоро отправилъ торжественное посольство [1]), въ Москву и послалъ государямъ отъ себя челобитную грамату, въ которой, послѣ изложенія дѣянія собора и трудностей сопровождавшихъ избраніе митрополита, просилъ царскаго „посредствія и заступленія, дабы святѣйшій Константинопольскій патріархъ поступился ими (малороссіянами) изъ подъ своего начала.... подъ начало патріарха Московскаго, чрезъ кое бы его благоизволеніе безо всякаго сомнительства они могли ему святѣйшему Московскому и всея Россіи архипастырю отдавати послушаніе". Вмѣстѣ съ этимъ Самойловичъ просилъ, чтобы утверждено было граматами—царскою и патріаршею и „все предложеніе" собора, т. е. права и привиллегіи Кіевской митрополіи, именно: чтобы митрополитъ Кіевскій по прежнему назывался экзархомъ патріарха Константинопольскаго, чтобы патріархъ Московскій, поставляя митрополита не вмѣшивался въ его дѣла управленія, чтобы Кіевская митрополія называлась первою изъ всѣхъ митрополій россійскихъ; чтобы митрополиту употреблять митру съ водруженнымъ на ней крестомъ, а предъ нимъ въ своей епархіи носить крестъ, чтобы свободно продолжалось печатаніе книгъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ и индѣ, а въ Братскомъ монастырѣ—преподаваніе свободныхъ наукъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ; чтобы повиновались митрополиту всѣ, подлежавшія ему и прежде, епископіи, архимандріи, монастыри и церкви; чтобы, наконецъ, и по смерти избраннаго митрополита и всегда сохранялось въ Малороссіи право вольнаго полюбовнаго избранія архипастыря. Въ заключеніи своей граматы гетманъ снова обращался къ царямъ съ просьбой, чтобы они поспѣшили ходатайствовать предъ Константинопольскимъ патріархомъ относительно перехода Кіева подъ власть патріарха Московскаго: „скорая, писалъ онъ, о семъ дѣлѣ посылка надобна". А вскорѣ то есть для того надоб-

---

[1]) Въ Москву посланы были „честные отцы игумены и во церкви Малороссійской заслуженные" Ѳеодосій Углецкій — Выдубецкаго монастыря, Іеронимъ Дубина — Георгіевскаго Переяславскаго монастыря и войсковой генеральный писарь Савва Прокоповъ. См. Икон. дѣлъ патріар. л. 152. Собр. Закон. II, № 1144, стр. 703.

но прежде, чтобы патріархъ Константинопольскій удаленіемъ отъ него Кіевской митрополіи не былъ оскорбленъ; другое, чтобы чрезъ то не издалъ своей клятвы на ту митрополію; третіе, чтобы въ польской державѣ обрѣтающіеся благочестіе ревнители не пришли въ развращеніе своего благочестія; четвертое, чтобы уніаты и папежники, тамо живущіи не воздвигнули всей церкви восточной поругательства и издали свое мнѣніе, что будто нѣкое учинися церквамъ Россійской и Греческой раздѣленіе, чрезъ то бы (чего Боже не дай) своимъ хитрымъ наговоромъ намъ другаго митрополита православнымъ устроити повелѣли проводя дѣло свое къ тому, чтобы тотъ митрополитъ на развращеніе церкви православной Кіевской подписывался [1]).

Грамата эта представлена была царямъ въ с. Коломенскомъ, гдѣ они въ то время находились, 25-го августа [2]). Послѣ совѣщаній въ присутствіи бояръ положено было объявить и патріарху: „и посланные были у его архипастырскаго благословенія и на разговорѣ“.

Такимъ образомъ п. Іоакимъ достигъ по видимому своей цѣли, которую онъ преслѣдовалъ съ самаго начала своего патріаршества, но сперва неудачно. Теперь, при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ его намѣренію, Кіевская митрополія признала свою зависимость отъ его Московскаго престола. Оставалось по видимому для окончанія всего этого дѣла только поставить въ митрополита избраннаго кандидата на это достоинство,—еп. Гедеона. Но въ Москвѣ, говоритъ Гордонъ, много разсуждали объ этомъ дѣлѣ [3]). Да иначе и быть не могло съ одной стороны потому, что въ Москвѣ тогда никто не былъ увѣренъ, чтобы Константинопольскій патріархъ легко согласился на отложеніе изъ

---

[1]) См. Икона дѣлъ патр. л. 140 — 142.

[2]) Вмѣстѣ съ граматою Самойловича царямъ были представлены и самыя наказныя статьи собора: въ нихъ повторялось содержаніе граматы, изложенное по пунктамъ; здѣсь прибавлено было только то, что Гедеонъ, новоизбранный митрополитъ скорбитъ въ совѣсти о присягѣ, которую учинилъ Константинопольскому престолу при посвященіи въ епископа Луцкаго — не отступать отъ него и желаетъ, чтобы по ходатайству царей съ него была снята эта клятва. См. Икон. дѣлъ патр. л. 247.

[3]) См. Зап. Рус. Люд. изд. Сахарова ч. 2-я.

подъ его власти Кіевской митрополіи: на Руси въ то время извѣстно было, что греческія духовныя власти и по малой винѣ склонны бываютъ къ недачѣ благословенія“ [1]). Нельзя было обойтись тогда безъ многихъ разсужденій съ другой стороны и потому, что по словамъ того же современника „и противу гетманскихъ, присланныхъ статей много было въ то время трудности и разгласія“. Главное вниманіе здѣсь обращала на себя та статья, гдѣ говорилось, что митрополитъ Кіевскій подчиненный Московскому патріарху долженъ носить титулъ экзарха патріарха Константинопольскаго.

Чтобы найти исходъ при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, найти достаточно твердое основаніе для рѣшительной дѣятельности п. Іоакимъ обратился къ исторіи [2]). И здѣсь онъ дѣйствительно нашелъ законное основаніе тому, къ чему стремился прежде по инстинктивному, если можно такъ выразиться, чувству и чего достигъ по видимому незаконными средствами, т. е. чрезъ вліяніе гражданской власти. Исторія показала ему, что независимое существованіе кіевской митрополіи не было явленіемъ естественнымъ въ жизни русской церкви, а вынужденнымъ особыми политическими обстоятельствами и что слѣдовательно съ перемѣною этихъ обстоятельствъ долженъ быть возстановленъ нормальный ходъ церковной жизни Кіева,—что Кіевъ долженъ быть присоединенъ къ Московскому патріархату, точно также какъ не задолго предъ тѣмъ онъ присоединился къ Московскому государству,—что его полное объединеніе съ Москвою совершенно необходимо по самому племенному родству Малороссіи съ Великороссіею,—по общности ихъ жизни [3]). Ма-

---

[1]) Слова гетм. Самойловича. — См. его челобитную грамату царямъ — въ Иконѣ дѣлъ патріар.

[2]) И тогда, говоритъ Варлаамъ Ясинскій, изыскано изъ лѣтописцевъ и выписано порядно изъ начала пріятія и утвержденія въ Россіи православныя вѣры: како митрополиты Всероссійстіи и гдѣ быша и Кіевскій како и когда особый митрополитъ учинися. См. Икона дѣлъ патр. л. 265.

[3]) Что мы не навязываемъ здѣсь патр. Іоакиму чуждыхъ ему мыслей — это видно изъ его граматы писанной въ 1689 г. къ Константинопольскому патріарху Діонисію, хотя и не посланной ему, — гдѣ между прочимъ прямо сказано, что „престолъ той (Кіевскій) и прежде бѣ Московскій аще иногда и впаде тамо въ руки польскому королю и тогда намѣренія ради обладающихъ

ло того, исторія, въ качествѣ безпристрастнаго судьи, произнесла свой приговоръ даже надъ зависимостью Кіевской митрополіи отъ Константинопольскаго патріарха,—приговоръ вовсе неблагопріятный для послѣдняго,—она засвидѣтельствовала, что „въ единой россійской епархіи“ были сначала (послѣ подчиненія Малороссіи Польскому королевству) два митрополита оба съ титуломъ—всероссійскаго, а потомъ въ Москвѣ учреждено званіе „патріарха всея Россіи“, въ Кіевѣ же оставался митрополитъ тоже „всея Россіи“. Исторія открыла такимъ образомъ „безчинство немалое,“—прямое нарушеніе правъ Московскаго патріарха [1]).

Опираясь теперь на свидѣтельства исторіи п. Іоакимъ рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ: велѣно было явиться въ Москву еп. Гедеону для поставленія въ митрополита и утверждены были привиллегіи Кіевской митрополіи, о которыхъ ходатайствовалъ гетманъ, кромѣ одной—относительно усвоенія Кіевскому митрополиту титула экзарха Константинопольскаго престола, которая найдена была „не приличною“, потому что „нынѣ Кіевская митрополія съ новоизбраннымъ митрополитомъ имѣетъ быти подъ благословеніемъ Московскаго патріарха, а не Константинопольскаго [2]). Еп. Гедеонъ послѣ того прибылъ въ Москву и здѣсь 8-го ноября въ

пріимате благословеніе отъ Вселенскаго (Константинопольскаго) престола“ и проч. См. Икона дѣлъ патр. л. 273:—видно такъ же изъ граматы жалованной Варлааму Ясинскому, — здѣсь, говоря о совершившемся возсоединеніи Кіева, патріархъ выражается: „яко намъ сія свойственна и ближае во обзорство страна и Славяно Російскаго діалекта единственна“. См. Собр. Гос. Грам. IV, № 191, стр. 584.

[1]) Намекъ довольно ясный на это есть въ граматѣ патр. Іоакима, посланной въ Константинополь въ 1685 году (см. ниже текстъ, къ которому относится примѣч. 529), но прямѣе высказано въ упомянутой въ предъидущемъ примѣчаніи непосланной грамотѣ.... „писахуся въ единой епархіи два митрополита сице: иже въ Москвѣ живетъ митрополитъ Московскій и всея Россіи, а иже въ Кіевѣ—митрополитъ Кіевскій и всея Россіи и въ семъ отнюдь безчинство бѣ немалое. Аще же и нечинно и по правиламъ св. отецъ епархіи раздѣлятися не велѣно, обаче оба митрополита благословеніе на поставленіе пріимаху въ Константинополѣ отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго“.... См. Икон. дѣлъ патріар. л. 273.

[2]) Граматы объ этомъ отъ царей и патріарха посланы были въ сентябрѣ 1685-го года см. рукоп. Икон. дѣлъ патріар. л. 253—256.

Успенскомъ соборѣ возведенъ былъ въ санъ митрополита Кіевскаго [1]). Ему даны были граматы жалованная отъ царей [2]), и настольная отъ патріарха [3]), въ которыхъ подтверждались привиллегіи Кіева и которыми Гедеону усвоялся титулъ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Такимъ образомъ вдовствовавшая митрополія Кіевская получила своего верховнаго архипастыря и вступила наконецъ въ общеніе съ Московскимъ патріархатомъ. Великороссія и Малороссія составили теперь одинъ организмъ, не политически только сплоченный, но одухотворяемый церковнымъ единоначаліемъ.

Но нельзя же было ограничиться въ дѣлѣ присоединенія Кіевской митрополіи въ Москвѣ только тѣмъ, чтобы поставить въ Кіевѣ митрополита, зависимаго отъ Московскаго патріарха. Вопросъ о законности этого поставленія очевидно еще не былъ рѣшенъ окончательно, или если и рѣшенъ былъ, то исторически только, на основаніи неизбѣжнаго теченія жизни, но никакъ не юридически. А между тѣмъ эта неполнота рѣшенія могла сопровождаться самыми соблазнительными послѣдствіями для православной церкви,—могла навлечь Цареградскую анаѳему не только на Малороссію, но и на самого Московскаго патріарха Іоакима.—Анаѳемы этой опасались всѣ тогдашніе дѣятели, участвовавшіе въ возсоединеніи Кіева. Самойловичъ, какъ мы знаемъ, просилъ поэтому царей поскорѣе войти въ соглашеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ; даже самъ п. Іоакимъ при всей своей практической разсчетливости и рѣшительности ясно сознавалъ въ этомъ случаѣ всю неловкость своего положенія, тѣмъ болѣе, что его недруги, какъ кажется, не приминули изнести „хуленія и пореченія на его новосодѣланное дерзновеніе“ [4]). Рѣшено было поэтому немедленно испросить для окончанія дѣла возсоединенія Кіевской митрополіи разрѣшительную грамату у патріарха Цареградскаго.

---

[1]) См. Собран. Закон. II стр. 704; опис. Кіево-Соф. собора стр. 198.

[2]) Грамата эта отпечатана въ Собр. Гос. Грам. и догов. IV, № 172; Собр. Закон. II, № 1144. Опис. Кіево-Соф. соб. приложен. № 19.

[3]) Грамата патріаршая отпечатана въ описан. Кіево-Софійскаго собора въ приложен. № 20.

[4]) Намекъ на хуленіе нѣкоторыми дерзновенія патр. Іоакима есть въ припискѣ, сдѣланной патр. константинопольскимъ Діонисіемъ къ граматѣ, присланной

Въ концѣ 1685 года отправились на Востокъ подъячій Никита Алексѣевъ и гетманскій посланецъ Лисица къ султану по дѣлу перезыва людей съ восточной стороны Днѣпра на западную. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручено было передать патріарху три граматы отъ царей, п. Іоакима и гетмана [1]), въ которыхъ сначала излагались побужденія къ возсоединенію Кіева съ Московскимъ патріархатомъ (безпорядки въ Кіевской митрополіи и трудность для византійскаго патріарха искоренять эти безпорядки за дальностію разстоянія, за свирѣпостію крымцевъ), потомъ оправдывалось поставленіе еп. Гедеона въ митрополита Кіевскаго отъ патріарха Московскаго (равноправностью послѣдняго съ патріархами восточными, исконнымъ единствомъ Москвы и Кіева, по которому они составляли всегда одну епархію и особенно правомъ патріарха Московскаго, какъ „патріарха всѣхъ Россійскихъ и сѣверныхъ странъ и народовъ“ [2]), и въ заключеніе испрашивалось грамотное отпустительное благословеніе всей малороссійской церкви вообще и въ частности новоизбранному митрополиту. Къ этому присоединилась еще просьба о томъ, чтобы патріархъ не поставлялъ въ Кіевъ митрополита съ своей стороны, если бы объ этомъ сталъ просить его кто либо изъ Польской державы.

Подъячій Алексѣевъ кромѣ того получилъ еще отъ п. Іоакима особый „наказъ“, въ которомъ прямо выражено было то, на что въ граматѣ высказаны были только намеки. —

ной имъ впослѣдствіи патр. Іоакиму, — гдѣ говорится, что „ради нѣкоторыхъ тамо между ихъ (т. е. въ Россіи) распрей и подмнителей написа (Діонисій) еще соборнѣ и сіе.... да блаженный патр. Іоакимъ буди.... не оклеветанъ и свобожденъ о семъ (т. е. въ дѣлѣ возсоединенія Кіева) всякаго хуленія и пореченія).... всѣмъ же христіаномъ приносити къ его блаженству должную любовь, честь и воспріятіе и покарятися во всѣхъ вещахъ церковныхъ.... см. рукоп. Икон. дѣлъ патр. л. 413. Кто же именно были хулители патр. Іоакима? — опредѣленно неизвѣстно; — но со всею вѣроятностію можно полагать, что это былъ Медвѣдевъ съ своими сообщниками.

[1]) См. Собр. Зак. II, № 1198 стр. 804; грамата къ патр. Константинопольскому Іакову отпечатана въ Собран. Госуд. Грам. IV, № 173; грамата патр. Іоакима въ „Иконѣ дѣлъ патріар. между л. 274—286. Граматы эти всѣ почти одинаковаго содержанія.

[2]) Это много прямѣе высказано было въ упомянутой уже нами непосланной граматѣ патр. Іоакима (см. выше примѣч. 522), а также и въ его „наказѣ“ подъячему Алексѣеву. См. текстъ къ которому относится слѣдующее примѣчаніе.

„Кіевскую бы митрополію въ духовную власть (Константинопольскій патріархъ) отдалъ Московскому патріарху для того, что тая Кіевская епархія издревле была единаго Всероссійскаго престола и всею Россіею всюду духовнѣ управляли на Москвѣ жившіе митрополиты, иже именовахуся „митролитъ Кіевскій и всея Россіи". „Послѣди же многая часть Россійскихъ народовъ бысть отъ польскихъ королей завоевана и славолюбіемъ пѣцыи прельстишася и мірскою властію оныя вѣры отъ Всероссійскаго митрополита свойственнаго пастыря отвргошася и поставиша тамо въ Кіевскія митрополиты въ единой Россійской епархіи другаго" и проч [1]). Кромѣ того посланные уполномочены были дѣйствовать для достиженія своей цѣли чрезъ вліяніе турецкихъ властей, а такъ же обѣщаніемъ патріарху богатыхъ подарковъ въ случаѣ его согласія на освобожденіе изъ подъ своей власти Кіевской митрополіи. — Московскіе дѣятели рѣшились достигать своей цѣли всѣми средствами, рѣшились воспользоваться даже всегдашнею слабостью византійскаго престола!

Въ Адріанополѣ, гдѣ былъ тогда султанъ и гдѣ русскіе посланные имѣли съ нимъ переговоры по политическому порученію, присутствовалъ въ то время Іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Алексѣевъ и Лисица воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ и начали хлопотать по дѣлу о Кіевской митрополіи: они хотѣли склонить на свою сторону прежде всего п. Досиѳея, чтобы онъ посовѣтовалъ патріарху Цареградскому отказаться отъ Кіева въ пользу Московскаго патріарха, но встрѣтили съ его стороны сильный себѣ отпоръ. Досиѳей не только не склонился на просьбу посланныхъ, но прямо и рѣшительно объявилъ, что это дѣло противозаконное, запрещенное правилами свят. отцовъ, а относительно совершившагося уже поставленія митрополита въ Кіевъ безъ благословенія Византійскаго патріарха замѣтилъ даже, что, „это восточной церкви раздѣленіе" [2]). Подъячій Алексѣевъ представлялъ этому строгому ревнителю отеческихъ постановленій основанія, почему неудобно быть Кіеву въ подчиненіи Цареградскому престолу и высказывалъ

---

[1]) См. рукоп. „Икон. дѣлъ патріар." л. 286.

[2]) См. Истор. Соловьева XIV, стр. 33 — 34.

выгоды, какія представлялись съ зависимостью малороссійской церкви отъ патріарха Московскаго: но это нисколько не помогло дѣлу. Алексѣевъ хотѣлъ было подѣйствовать на п. Досиѳея обѣщаніемъ царскаго жалованья, но и это не привело его къ желанному концу. „Я въ это дѣло вступаться не буду, отвѣчалъ патріархъ на обѣщаніе жалованья, какъ хочетъ Константинопольскій патріархъ, а я и за большую казну такого дѣла не сдѣлалъ бы, да Константинопольскому патріарху нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа“—„Лучше было бы, замѣтилъ на это московскій подъячій, если бы св. патріархи это святое дѣло сдѣлали, не разглашая невѣрнымъ [1]). Досиѳей остался непреклоненъ. Посланные вынуждены были обратиться къ содѣйствію великаго визиря и объявили ему желаніе царей. При тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ въ то время находилась Турція [2]), визирь охотно согласился исполнить желаніе Москвы и обѣщалъ призвать къ себѣ патріарха и приказать ему исполнить царскую волю Дѣло, о которомъ хлопоталъ Алексѣевъ приняло благопріятный для него исходъ. Даже суровый п. Досиѳей пріискалъ въ правилахъ, какъ самъ онъ говорилъ потомъ Московскому посланнику, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи къ другому архіерею, и обѣщалъ уговаривать Цареградскаго патріарха, чтобы онъ исполнилъ царскую волю, обѣщалъ даже отъ себя особо подать благословеніе этому дѣлу и писать къ великимъ государямъ и п. Іоакиму [3]).

Между тѣмъ въ Адріанополь прибылъ и самъ возстановленный въ своемъ достоинствѣ Цареградскій п. Діонисій [4]). Получивши Московскія граматы и узнавши расположеніе своихъ свѣтскихъ властей относительно предмета, составлявшаго содержаніе этихъ граматъ, п. Діонисій не рѣшился

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) Противъ Турціи въ то время составился союзъ Австріи и Польши, которыя склонили принять участіе въ этомъ союзѣ и Россію, но Россія тогда отказалась отъ этого участія: война съ Турціей—извѣстные Крымскіе походы Голицына—объявлена была только уже осенью 1686-го года.

[3]) См. Истор. Соловьева XIV, стр. 35.

[4]) Патріар. Іаковъ, на имя котораго были присланы изъ Москвы граматы, умеръ еще до прибытія въ Адріанополь Московскихъ пословъ.

отказать царямъ и Московскому патріарху въ ихъ просьбѣ и обѣщалъ дать отпустительную грамату на присоединеніе Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату немедленно по возвращеніи въ Константинополь. Обѣщаніе это п. Діонисій дѣйствительно исполнилъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Алексѣевъ получилъ граматы въ Константинополѣ, которыми утверждалась Кіевская митрополія въ вѣдомствѣ Московскаго патріарха [1]). П. Діонисій въ соборной граматѣ на имя п. Іоакима писалъ даже, что онъ „прошеніе его зѣло радостно воспріи и, не находя никакія препоны сотворити къ сему дѣлу отъ державнѣйшаго своего царствія (т. е. турецкихъ властей), благословную сущу и праведну утверждати письменно разсуди достойно“ и просилъ только объ одномъ, чтобы имя патріарха Константинопольскаго, „яко суща источника и начала и предвосходяща всѣхъ, иже повсюду приселеніи и епархіи возглашалось въ Малороссіи при богослуженіи прежде имени патріарха Московскаго [2]).

Но такое выраженіе радости со стороны Цареградскаго патріарха было на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ комплиментъ, сказанный п. Іоакиму оффиціально. Не то уже писалъ п. Діонисій въ граматѣ царямъ: здѣсь онъ довольно опредѣленно высказывалъ свой истинный взглядъ на дѣло возсоединенія Кіева, какъ такое, которое хотя и получало съ его стороны утвержденіе, но получало „наипаче чрезъ повелѣніе владѣющаго царствія“ и которое со одной стороны „возбранено по церковнымъ уставамъ, понеже св. правила повелѣваютъ, яко да сохраняются всякія церкви оправданныя, непоколебимыя и недвижимыя“,—съ другой „являетъ чести Вселенскаго престола пренебреганіе и лишеніе весьма въ его привеллегіяхъ“ [3]). Еще опредѣленнѣе высказывался взглядъ п. Діонисія и другихъ греческихъ духовныхъ властей

---

[1]) Государево жалованье Алексѣевъ вручилъ патр. Діонисію (200 золотыхъ и три сорока соболей) равно какъ и патр. Досиѳею (200 золотыхъ) уже по полученіи утвердительныхъ граматъ: такъ поступить приказано было ему отъ царей. См. ниже грамату Досиѳея къ царямъ.

[2]) См. „Собор. грам. греч. дух. властей патр. Іоакиму въ Собран. Закон. II, № 1198, стр. 804—805.

[3]) См. тамъ же, грамат. царямъ № 1199.

на это дѣло въ припискѣ къ граматѣ, писанной ими на имя п. Іоакима. Изъ нея видно, что въ Цареградѣ рѣшительно осуждалось поведеніе п. Іоакима въ дѣлѣ возсоединенія Кіева,—осуждалось оно какъ „дерзновеніе“, хотя и хорошее по намѣренію и концу, „яко строительнѣ сіе бысть“, тѣмъ неменѣе заслуживающее церковнаго наказанія. П. Діонисій по этому „снисхожденіе употребляющи“ счелъ необходимымъ „подать Московскому патріарху *соборное* обильное *прощеніе*“. Да блаженнѣйшій сей п. Іоакимъ буди, говорится въ припискѣ, прощенъ отъ Отца и Сына и Св. Духа — Св. Троицы и благословенъ и разрѣшенъ сущаго, яко вѣмъ ни буди образомъ повинства..., во вся времена дѣйствуяй вся, яже архіерейства не возбранно, якоже и прежде съ чистою совѣстію [1]),

Вручилъ Московскому подъячему Алексѣеву обѣщанную грамату и п. Досиѳей,—грамату еще болѣе замѣчательную, чѣмъ упомянутая приписка п. Діонисія. Архипастырь Іерусалимскій считалъ „превеликимъ грѣхомъ“ не выразить прямо своего мнѣнія, своего сужденія о московскихъ дѣятеляхъ и не стѣснился высказаться откровенно. Мы передадимъ въ сокращеніи содержаніе этой характеристической граматы.— Изъявляя свое согласіе на подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху, Іерусалимскій архипастырь писалъ царямъ, что если п. Іоакимъ хиротонисалъ митрополита Кіевскаго, то „сдѣлалъ дѣло доброе и блаженное“, такъ какъ это дозволяется въ бѣдственныя времена и притомъ патріаршая власть не ограничена мѣстомъ, однакожъ, замѣчалъ п. Досиѳей, его желаніе имѣть Кіевскую епархію какъ свою, не похваляемъ.

1) Потому что подобаетъ довольствоваться своими, а не всякій день новое изыскивать, какъ сіе обычно и въ иныхъ

---

[1]) См. Икон. дѣлъ патріар.—413. Приписка эта сдѣлана въ іюнѣ на соборѣ (самая грамата писана въ маѣ). Мы упоминали выше (см. примѣчан. 527), что въ этой припискѣ есть намекъ на порицанія патр. Іоакима нѣкоторыми въ самой Москвѣ: но что она сдѣлана не по поводу только этихъ порицаній, это видно изъ самаго тона всей приписки и изъ прямаго названія патр. Діонисіемъ поступка патр. Іоакима „новосодѣланнымъ дерзновеніемъ“, которое прощается только по „снисхожденію“.

искательствахъ, за коими слѣдуетъ мало по малу киченіе и препебреженіе братіи, какъ и папамъ сіе приключилось по гордости...

2) До какой степени мнится быти порочнымъ въ церкви желаніе чужихъ епархій—видно изъ того, что Антіохійскій патріархъ весьма укоренъ былъ отъ третьяго Вселенскаго собора за то, что хотѣлъ хиротонисать Кипрскаго архіепископа и „обругаша самолюбіе его ликъ оный св. отецъ".

3) Если же и нужно было присоединить Кіевскую епархію къ Московскому престолу, то дѣло это должно бы представить на разсмотрѣніе всѣхъ патріарховъ, а не одного только Константинопольскаго, такъ какъ патріархи сами едини (по одному) дати или взяти епархіи не могутъ.

4) Когда подобаетъ вопросить патріарховъ о такомъ дѣлѣ или о иномъ, не подобаетъ особливо единому писать или говорить, но обще всѣмъ, и съ разсмотрѣніемъ и въ единой хартіи, какъ и поступлено было при поставленіи перваго патріарха Московскаго (Іова).

5) Не слѣдовало просить, но требовать того дѣла, если оно не противно законамъ и если отъ того не послѣдуетъ что либо непристойное.

6) Не слѣдовало просить сего чрезъ деньги, но просто ради вѣры и пользы вѣрныхъ,—не такъ, какъ нынѣ когда посланникъ извѣщалъ, что если дадимъ грамату, то даетъ и милостыню; а если не дадимъ—не даетъ, и куръ Діонисію, который просилъ денегъ, отвѣчалъ, что имѣетъ наказъ царскій прежде взять граматы, а потомъ дать деньги. И подобаетъ ли сей апостольской церкви великой Москвы просить у матери своей Восточной церкви, духовныхъ дарованій за деньги? И грамата, которую пріемлетъ посланникъ отъ константинопольскаго патріарха за деньги, праведна ли и имѣетъ ли достоинство? Если ради нищеты и привыкли нѣкоторые брать деньги и выдавать граматы, то прилично ли вашей церкви просить такимъ образомъ о столь великихъ дѣлахъ? О! если бы св. Богъ сіе простилъ!

7) Можно опасаться, чтобы не сдѣлались непослушными Кіевскому митрополиту, не хиротонисанному патріархомъ цареградскимъ, православные живущіе въ Украйнѣ и въ Польшѣ и не послѣдовали бы такимъ образомъ схизма и

словопреніе и еще худшее сего: если будутъ просить себѣ митрополита инаго отъ константинопольскаго патріарха оные христіане и онъ ради малыхъ денегъ хиротонисать будетъ для нихъ и послѣдуютъ соблазны и развраты....

8) Третья часть Антіохійской епархіи была подъ благочестивымъ царемъ греческимъ въ то время, когда большая ея часть была порабощена арапами: но константинопольскій патріархъ не взялъ тогда ниже стопы ноги отъ епархіи Антіохійской; наипаче же посылались каждый годъ царскіе послы къ султанамъ Вавилона и Египта, чтобы имѣть церковный миръ; подобно этому и политическая зависимость Малороссіи отъ Московскаго государства не даетъ права подчинять ее Москвѣ и въ церковномъ отношеніи.

„Сихъ ради и таковыхъ причинъ, писалъ въ заключеніе Досиѳей, не похваляемъ мы начиненіе брата нашего (п. Іоакима) [1]). Іерусалимскій первосвятитель высказалъ такимъ образомъ все, что онъ думалъ относительно присоединенія кіевской митрополіи къ московскому патріарху, — „совѣтывалъ, какъ онъ самъ выразился въ другой граматѣ — присланной Софьѣ Алексѣевнѣ, — совѣтовалъ съ вольнымъ разумомъ, дабы оставити сіе начинаніе, ибо недобро измѣнять уставы отеческіе, наипаче когда и сами патріархи цареградскіе, которые даютъ граматы, не даютъ ихъ отъ всего сердца, но ради денегъ, будучи въ себѣ не крѣпки [2])... Но при всемъ томъ и этотъ старшій ревнитель церковныхъ каноновъ уступилъ неотразимому ходу событій и призналъ совершившійся фактъ церковнаго подчиненія Кіева Москвѣ. „Итакъ, писалъ онъ въ концѣ упомянутой выше граматы царямъ, хотя бы ради самолюбія церковниковъ или ради иной вины, быть можетъ и благословной, такъ случилось, радуемся, что Кіевъ имѣетъ митрополита и хиротонію его пріемлемъ и прочая объявляя молимся Владыкѣ Христу, да

---

[1]) Эта грамата п. Досиѳея есть въ рук. „Икон. дѣлъ Патріарш." (см. л. 333 на обор.); еще находится она въ рукоп. Библіот. Моск. Дух. Ак. „Сношеніе Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ" (см. л. 1081 и дал.).

[2]) Грамата эта находится въ упомянутой въ предъидущемъ примѣчаніи рукописи Библіот. Моск. Дух. Ак. л. 1088 обор. Въ этой граматѣ п. Досиѳей извиняется предъ царевною за свой совѣтъ съ вольнымъ разумомъ.

дастъ ему силу править благо и благодушно". Вмѣстѣ съ этою граматою п. Досиѳей послалъ еще дополненіе къ ней, состоящее изъ семи пунктовъ, гдѣ онъ указывалъ на нѣкоторые обычаи въ малороссійской церкви, на которые долженъ былъ обратить вниманіе новоизбранный митрополитъ и позаботиться объ ихъ уничтоженіи, какъ чуждыхъ православію [1]), опредѣлялъ его административную дѣятельность и отношеніе къ патріарху московскому [2]), и наконецъ требовалъ, чтобы московскій патріархъ впредь сообщалъ цареградскому о новомъ поставленіи кіевскаго митрополита. „При семъ—да воспоминается имя константинопольскаго патріарха прежде московскаго [3]). Въ то же время п. Досиѳей послалъ грамоту еще назначенную для епископовъ и всѣхъ православныхъ живущихъ въ Польшѣ, чтобы они слушались кіевскаго митрополита Гедеона, „коего всѣ патріархи воспріяли и какъ истиннаго и подлиннаго митрополита признаютъ [4])".

Всѣ эти грамоты восточныхъ патріарховъ, врученныя подъячему Алексѣеву представлены были послѣднимъ въ Москву по назначенію въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Вскорѣ послѣ того (въ началѣ февраля) были посланы отъ царей и п. Іоакима граматы м. кіевскому Гедеону и гетману Самойловичу съ извѣстіемъ, что восточные патріархи согласились признать

---

[1]) Досиѳей указываетъ здѣсь на совершеніе нѣкоторыми архимандритами и игуменами церковныхъ службъ не по чину и пошеніе ими іезуитскихъ ожерелій (пунк. 2), запрещаетъ поставлять въ архимандриты и проч. тѣхъ священниковъ, которые ходятъ въ папежскія мѣста учиться и прельщаются философіею и суетною прелестію (п. 3), и предписываетъ поставлять на литургіи не болѣе одного священника и одного дьякона (п. 4).

[2]) П. Досиѳей требовалъ, чтобы Гедеонъ при избраніи епископовъ въ своей митрополіи дѣйствовалъ не самъ собою, но съ совѣта Моск. патріарха—(п. 1), чтобы въ судѣ руководствовался правдою, оказывая впрочемъ снисхожденіе къ православнымъ живущимъ въ Польшѣ (п. 5), чтобы каждогодно собиралъ мѣстный соборъ для дѣлъ церковныхъ и въ случаяхъ сомнительныхъ—обращался къ московск. патріарху (п. 6), а пунктъ седьмой гласилъ, что Гедеонъ за свои вины, если окажутся подлежитъ суду московскаго престола. „Сіе находимъ благимъ и законнымъ и допускаемъ ради нуждъ константинопольскаго престола".

[3]) Это дополненіе къ граматѣ п. Досиѳея посланной на имя царей—помѣщено въ той же рукоп. библ. Моск. Дух. Ак.

[4]) См. тамъ же.

зависимость кіевской митрополіи отъ московскаго паріарха; посланы также были въ Кіевъ и подлинныя отпустительныя граматы п.п. Діонисія и Досиѳея и при этомъ предписывалось держать ихъ въ книгохранительницѣ со всякимъ береженіемъ впредь для подлиннѣйшаго утвержденія, а списки съ нихъ разсылать кому доведется; „инымъ же духовнымъ и знатнымъ и достойнымъ вѣры особамъ показывать и самые подлинники“ для лучшаго увѣренія [1]).

Такъ мысль п. Іоакима получила наконецъ полное осуществленіе: кіевская митрополія, долго находившаяся въ разрывѣ съ Москвою и доходившая потомъ необходимымъ историческимъ путемъ до единства съ нею, слилась наконецъ въ одинъ организмъ съ московскимъ патріархатомъ и это слитіе получило юридическую санкцію.

Не во имя только исторической необходимости и не для расширенія своихъ правъ, не покиченію и небреженію братіи, какъ выражался п. Досиѳей, п. Іоакимъ усиливался, въ чтобы то ни стало присоединить къ своему патріархату кіевскую митрополію; нѣтъ, причина этихъ усилій заключалась, какъ мы уже упоминали выше, въ тѣхъ неурядицахъ, которыя господствовали тогда во внутренней жизни малороссійской церкви. А потому съ подчиненіемъ послѣдней московскому престолу ея жизнь естественно должна была сдѣлаться и сдѣлалась дѣйствительно предметомъ попечительной заботливости патр. Іоакима.

Правда, въ привиллегіяхъ, данныхъ кіевской митрополіи между прочимъ прямо было сказано, что патріархъ московскій не долженъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла кіевскаго митрополита. Но самъ же м. Гедеонъ при своемъ посвященіи въ Москвѣ далъ торжественное обѣщаніе: „имѣти послушаніе къ престолу патріаршества Всероссійскаго царства и послѣдовати неуклонно во всемъ восточнѣй церкви и вся неразлично держати и хранити и предѣлы и чины и уставы тоя св. Христовы церкве [2]), и такимъ образомъ призналъ вер-

---

[1]) См. въ той же рукоп. библ. Моск. Дух. Ак. л. 1089; опис. Кіево-Соф. Собора въ прилож. № 22, Собр. Госуд. Грам. IV, № 181 и 182.

[2]) Объ этомъ всенародномъ обѣщаніи и исповѣданіи м. Гедеона напоминалъ ему впослѣдствіи п. Іоакимъ рук. син. библ. Щитъ вѣры л. 247.

ховный надзоръ за собою московскаго патріарха. Право этого надзора утверждено было потомъ настольною грамотою п. Іоакима, данною м. Гедеону [1]) и кромѣ того еще граматою патр. іерусалимскаго Досиѳея [2]). Да и трудно допустить, чтобы патр. Іоакимъ при своемъ дѣятельномъ характерѣ и строгомъ взглядѣ на церковную іерархію, могъ оставаться совершенно безучастнымъ къ жизни новоприсоединенной митрополіи. Напротивъ даже гораздо естественнѣе допустить, намъ кажется, то, что и утвержденіе привиллегій Кіева дано было Іоакимомъ только потому, что безъ того не состоялось бы и дѣло возсоединенія. Можно думать, что патріархъ, уступая въ этомъ случаѣ потребностямъ времени, надѣялся достигнуть впослѣдствіи мало по-малу полнаго объединенія малороссійской епархіи съ московскою, наравнѣ съ епархіями великороссійскими [3]) и онъ не обманулся.

Въ 1686-мъ году онъ, вопреки привиллегіямъ, предоставленнымъ кіевскому митрополиту, далъ жалованную грамоту Полоцкому Богоявленскому монастырю, которою поставлялъ его въ непосредственную зависимость отъ себя, а игумену этого монастыря Игнатію Жихмонту и его преемникамъ преподалъ благословеніе освящать церкви въ Бѣлорусскомъ краѣ, для чего и послалъ туда печатный чинъ освященія церкви, антиминсы и сосудъ освященнаго міра [4]). Въ слѣдующемъ 1687-мъ году пр. Іоакимъ сдѣлалъ своею ставропигіею, дорогой для него по воспоминаніямъ, мона-

---

[1]) Въ ней между прочимъ сказано.... во всемъ долженъ есть (м. Гедеонъ) совѣщаніе и покореніе имѣти къ нашей мѣрности (московскому патріарху) см. опис. К—соф. собора прилож. № 20 стр. 99.

[2]) См. выше примѣч. 543.

[3]) Не значительно, конечно, повелѣніе патр. Іоакима, данное въ настольной граматѣ м. Гедеону—носить „комилавъ (клобукъ) бѣловидный, яко въ той странѣ таковое у митрополитовъ ношеніе упразднися",—носить „единочинства ради съ россійскими митрополиты (см. опис. К—соф. соборъ прилож. № 20, стр. 101), незначительно, говоримъ, это распоряженіе само по себѣ, но оно важно для характеристики взгляда п. Іоакима на отношеніе къ Великороссіи Малороссіи. „Единочинства ради съ россійскими митрополиты" видно, что п. Іоакимъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на привиллегіи кіевской митрополіи, ставившія ее въ исключительное положеніе.

[4]) См. Акт. Зап. Рос. V, № 159 стр. 190.

стырь Межигорскій, который прежде былъ ставропигіею константинопольскаго патріарха [1]). Между тѣмъ пр. Іоакиму скоро представился случай усилить свое вліяніе и, такъ сказать, на главные пункты жизненныхъ отправленій малороссійской церкви. Въ 1688-мъ году лишенъ былъ гетманскаго достоинства Самойловичъ; а съ его паденіемъ началъ мало по малу утрачивать свое значеніе и пріятель его митрополитъ кіевскій Гедеонъ,—данныя ему по ходатайству Самойловича привиллегіи теперь перестали быть неприкосновенными. Архимандритъ кіевопечерской лавры Варлаамъ Ясинскій, еще при самомъ избраніи митрополита Гедеона, заявлялъ на кіевскомъ соборѣ, что архимандрія печерская, какъ бывшая ставропигія константинопольскаго престола, не должна быть подсудна митрополиту и это заявленіе его внесено было даже въ соборный протоколъ. Но оно не принято было въ Москвѣ [2]) и кіевская лавра граматами,—жалованною царскою и настольною патріаршею — данными новопоставленному митрополиту кіевскому подчинилась сему послѣднему. Архимандритъ Варлаамъ въ 1688 году снова просилъ поэтому пр. Іоакима сдѣлать лавру ставропигіею Московскаго престола, и теперь его просьба была исполнена. Кіевопечерская лавра освобождена была отъ зависимости кіевскаго митрополита, утверждена въ правахъ Московской царской и патріаршей ставропигіи и наименована первою въ Россіи ставропигіею [3]). Она получила автономію въ отношеніи къ своей мѣстной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ поступала подъ непосредственный верховный надзоръ патріаршей мѣрности. Варлаамъ Ясинскій съ братіею обязывались теперь «невозможная ихъ сужденію дѣла, какъ сказано въ жалованной имъ грамотѣ, изъявляти патріарху и въ типографіи печатанія книгъ имѣти подъ его благословеніемъ [4]).

---

[1]) См. истор. Рос. іер. 11, стр. 627.

[2]) Протестъ Варлаама неуваженъ былъ тогда въ Москвѣ, съ вѣроятностію можно полагать, по настоянію гетмана Самойловича. Сравн. текстъ къ которому относится прим. 556.

[3]) См. опис. Кіев. Софійск. собора стр. 202; собр. зак. II, № 1295 стр. 921—929.

[4]) См. описаніе Кіевопечерск. лавры, изд. 2 Кіевъ, стр. 240 и 248; собр. госуд. грам. IV, № 191.

Не хотѣлъ равнымъ образомъ подчиняться кіевскому митрополиту и бывый администраторъ кіевской митрополіи архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ. Но до тѣхъ поръ, пока гетманомъ Малороссіи былъ Самойловичъ, отъ котораго „онъ былъ возненавидѣнъ, утѣсненъ многими обидами, многими скорбями и неисповѣдимыми печаліями", и утѣсненъ не просто, но „яко мертвый забвенъ", Барановичъ не могъ освободиться отъ ненавистной ему зависимости: гетманъ запрещалъ ему посылать въ Москву письменныя челобитныя [1]). Время благопріятно, день спасенія [2]) наступилъ для Лазаря только уже послѣ паденія Самойловича. Въ 1688 году Барановичъ „изшедъ отъ забвенія гроба" подалъ смиренныя челобитья царямъ и московскому патріарху, съ жалобою на притѣсненія своего митрополита [3]) и съ просьбой—„быть ему со всею своею епархіею прямо подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, наравнѣ съ прочими великороссійскими архіереями. Да пребудетъ она (черниговская епархія), писалъ онъ въ своей граматѣ, подъ верховнѣйшимъ архипастырскимъ св. вашимъ благословеніемъ, яко же и прочіи вси великороссійстіи архіереи. Отселѣ же и по моемъ недостоинствѣ хотящіи быти архіепископы черниговскіе да пріемлютъ совершенство (посвященіе) отъ самаго святыни вашей изряднѣйшаго отца и архипастыря нашего въ царствующемъ градѣ Москвѣ, а не въ Кіевѣ, большія ради чести первопрестольнѣй и соборнѣй церкви, матери церквамъ, предстательствующей нынѣ во всей Россіи [4]). Въ Москвѣ согласились на эту просьбу Лазаря, и въ іюнѣ мѣсяцѣ послана была ему патріаршая грамата, которою его епархія исключалась изъ-подъ вѣдомства кіевскаго митрополита и подчинялась непосредственно московскому первосвятителю [5]).

---

[1]) См. „челобитн. Барановича царямъ" истор. Соловьева XIV, стр. 53.

[2]) Собственныя слова Лазаря Барановича, см. тамъ же.

[3]) Онъ жаловался, что м. Гедеонъ не показалъ ему царской граматы, данной на митрополію Кіевскую отнялъ у него архіепископское имя и велѣлъ называться просто епископомъ; отнялъ три протопопіи; въ письмѣ къ воронежскому священнику Глуховской протопопіи называлъ его пастушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходовъ, ему будто бы принадлежавшихъ, см. тамъ же стр. 54.

[4]) См. тамъ же.

[5]) См. рпс. „икон. д. патр." 343; опис. Кіево-Соф. собора стр. 202.

Такъ мало по малу закрѣплялась власть московскаго патріарха надъ малороссійской церковію, расширялись его права и вліяніе на ея внутреннюю жизнь. Кіевская митрополія, такъ сказать, раздроблялась на части, теряла свою исключительность, приравнивалась къ епархіямъ великороссійскимъ. И скоро наступило время, когда патр. Іоакимъ сдѣлалъ полное примѣненіе своихъ новоприобрѣтенныхъ правъ на малороссійскую церковь! Это примѣненіе началось въ томъ же роковомъ для Малороссіи 1688-мъ году, когда палъ ревнивый оберегатель ея привиллегій гетманъ Самойловичъ и когда ея высшія духовныя лица сами искали непосредственной зависимости отъ Москвы.

Малороссія, долгое время находившаяся подъ вліяніемъ католицизма, не сохранила во всей чистотѣ своего древняго православія. Унія—эта сѣть, въ которую іезуиты ловили православныхъ, не осталась для послѣднихъ безслѣдною. Малороссіяне склонялись къ латинству, сами не замѣчая того. И ихъ жизнь носила на себѣ явные слѣды вліянія папистовъ, нравы самого духовенства не чужды были нѣкоторыхъ чертъ, запечатлѣнныхъ латинскимъ характеромъ [1]); даже практика малороссійской церкви не осталась свободною отъ уніатскаго вліянія, — въ Малороссіи, напримѣръ, можно было встрѣчать иногда „отправленіе службы Божіей, забавной съ музыкой“ [2]). Мало того, самое вѣроученіе въ кіевской митрополіи не сохранилось во всей своей неприкосновенной чистотѣ, — малороссіяне не далеки были отъ признанія латинскаго ученія о безгрѣшномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы [3]) и принимали, какъ несомнѣнно истинное мнѣніе папистовъ о пресуществленіи даровъ на литургіи словами Іисуса Христа: „пріимите, ядите“ и проч.

---

[1]) См. Чт. Московск. Общ. Истор. 1846 г. № 1, отд. 11, стр. 25, № 2, 11, 38—39 и 1847 г. № 7, отд. 11, 64—65. Ак. Зап. Рос. V, № 22.

[2]) Такая служба совершалась напримѣръ при погребеніи гетмана Ив. Золотаренка, въ Нѣжинѣ. Смотр. „Лазарь Барановичъ“ Страдомскаго Ж. Мин. Нар. Просв. 1852, № 7, примѣч. 55.

[3]) См. Ключъ разумѣнія „Іоаникія Голятовскаго л. 273“. Въ Пречистой Дѣвѣ немаетъ мѣстца нетолько первородный, але жаденъ грѣхъ, поневажъ она есть повна ласки Божіи“.....

Но если малороссіяне освоивались такимъ образомъ съ латинствомъ, сами не замѣчая того, то замѣчали это другіе, — тѣ, чьей опекѣ подлежала ихъ религіозная жизнь. Знали объ этихъ уклоненіяхъ малороссіянъ и восточные іерархи [1]), зналъ объ этомъ и новый ихъ пастыреначальникъ, патріархъ московскій. Послѣдній, побуждаемый извѣстными уже намъ волненіями, поднявшимися въ Москвѣ по поводу споровъ о времени пресуществленія даровъ, главною причиною которыхъ были именно выходцы изъ Малороссіи и малороссійскія же книги, вступилъ по этому дѣлу въ сношенія съ представителями тамошняго духовенства — м. Гедеономъ, архіеп. черниговскимъ Лазаремъ, и архимандритомъ кіевопечерскаго монастыря Варлаамомъ Ясинскимъ. „Яко пастырь всероссійскій, говоритъ самъ о себѣ патр. Іоакимъ, попеченіе веліе имуще о Боговрученной намъ паствѣ, не терпяще таковому соблазну въ паствѣ нашей расширятися и хотяще тое изъ сердца пасомыхъ истребите и новости но вошедшія искоренити, писахомъ нашея же паствы въ кіевскую епархію и преосвященому митрополиту Гедеону и Лазарю архіепископу черниговскому, яко да обрящутъ у себѣ флорентійскаго собора дѣйство и вины, ихъ же ради соборъ оный бысть: и како они тое сами и подручніи ихъ пріемлютъ и о томъ намъ возвѣстятъ. Писахомъ сія не невѣдая о томъ соборищи и бывшихъ на немъ: но хотяще извѣститися, аще они, митрополитъ и архіепископъ и иніи, во всемъ согласни суть св. Восточныя церкви, или въ ничесомъ (наипаче о времени пресуществленія) негли противомудрственники. Зане отъ нихъ и отъ ихъ книгъ изыде новость о времени пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Глаголюще, у нихъ книгохранительницамъ быти древнимъ и ученымъ людямъ оная вѣдущимъ [2]). П. Іоакимъ не хотѣлъ оскорбить южныхъ архипастырей опредѣленнымъ словомъ о своемъ подозрѣніи насчетъ ихъ вѣрности православію и рѣшился идти къ предположенной цѣли, что называется, окольными путями.

---

[1]) См. выше примѣч. 542.

[2]) См. рук. Син. Библ. Щитъ Вѣры л. 149 обор. по описи рук. Син Библ. XII, 3, л. 87 № 310.

Въ мартѣ 1688 года п. Іоакимъ послалъ первыя граматы м. Гедеону и архіеп. Лазарю, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о появившихся въ Москвѣ лжеучителяхъ и возбужденныхъ ими словопреніяхъ относительно флорентійскаго собора, и такъ какъ при этихъ словопреніяхъ одни принимали и похваляли этотъ соборъ, а другіе „весьма отрицали“, а между тѣмъ обѣ стороны „извѣстныхъ писаній“ не могли показать, то патріархъ предписывалъ упомянутымъ представителямъ малороссійскаго духовенства извѣстить его писаніемъ, что было причиною того собора? Какимъ образомъ онъ начался и отъ кого? какіе на немъ рѣшались вопросы (предложенія? въ чемъ согласились и въ чемъ разошлись между собою) греки съ римлянами? чѣмъ онъ кончился, былъ ли согласенъ съ св. церковію и седьмью вселенскими соборами, принятъ ли онъ всѣми восточными патріархами и пріемлютъ ли они сами его опредѣленія [1])? Граматы эти произвели тяжелое впечатлѣніе на тѣхъ, къ которымъ онѣ относились. На соборѣ, созванномъ въ Кіевѣ по этому случаю митрополитомъ Гедеономъ, чтеніе патріаршей граматы всѣхъ привело въ смущеніе: „всѣсмося удивили (всѣ мы удивились) писалъ объ этомъ св. Дмитрій отъ лица Варлаама Ясинскаго къ гетману Мазепѣ, всѣсмося удивили и единодушно согласилися... negatike (отвѣчать отрицательно) ижъ (что) того сборища восточная церковь православная цале (совершенно) не приняла и за соборъ не почита“ [2]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ м. Гедеонъ послалъ отвѣтъ патріарху, въ которомъ послѣ обстоятельнаго изложенія исторіи флорентинскаго собора, положившаго начало прелести уніатской, и указанія на источники, изъ которыхъ за-

---

[1]) Щитъ Вѣры л. 153. Грамата къ Барановичу отпечатана въ приложеніяхъ № IV къ соч. „Лазарь Барановичъ“ Страдомскаго.

[2]) Это письмо св. Дмитрія, точный списокъ котораго находится при М. Д. Академіи дословно отпечатано въ сочин. „свят. Дмитрій м. Ростовскій“ М. 1849 г. стр. 25—26. Изъ этого же письма видно, что въ Малороссіи существовали тогда слухи, будто патріархъ прислалъ въ Кіевъ свою грамату quasi sub secreto и чрезъ усмысленнаго (нарочитаго) посланца“. Что было причиной такихъ слуховъ? въ письмѣ не говорится. Не заключалась ли эта причина въ той тайной мысли, съ которою писалъ грамату патріархъ?

имствованы предложенныя свѣденія о соборѣ [1]) онъ отъ лица всей своей паствы, вмѣстѣ съ архимандритомъ печерскимъ и другими настоятелями кіевскихъ монастырей, „исповѣдывалъ“ что флорентинскаго соборища не пріемлетъ... отметаетъ оное [2]). Послалъ равнымъ образомъ отвѣтъ московскому патріарху и черниговскій архіепископъ Лазарь. Въ своей отвѣтной граматѣ Барановичъ восхвалилъ сначала прилежное попеченіе патр. Іоакима о востоѡчно-сіяющей церкви и потомъ, замѣтивши, что и онъ оскудѣлъ есть книги и письмены сказующими о томъ соборѣ флоренскомъ „и что ни како кто либо благочестно живый дерзнетъ оному соборищу разбойничу похвалы каковыя составляти“,— начерталъ его исторію и дѣянія „во кратцѣ что бѣ мощно“. Въ заключеніе онъ подобно м. Гедеону „отметалъ оное флоренское соборище [3]).

Эти отвѣты южныхъ архипастырей были конечно удовлетворительны относительно тѣхъ вопросовъ, какіе предлагалъ имъ патріархъ въ своихъ граматахъ, но они ни сколько не соотвѣтствовали его мысли, невыраженной имъ тогда по скромности прямо; пр. Іоакимъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ—узнать изъ ихъ взгляда на флорентинскій соборъ ихъ мнѣніе о времени пресуществленія даровъ. „Въ сихъ же ихъ митрополита и архіепископа писаніяхъ — говоритъ патріархъ, како бысть веліе преніе во Флоренціи о

---

[1]) Между этими источниками въ отвѣтной граматѣ Гедеона упоминается между прочимъ книга, печатанная въ Москвѣ при патр. Іосифѣ, въ которой помѣщена служба Сергію и Никону радонежскимъ чудотворцамъ, а такая книга о вѣрѣ единой и православной, изданная въ Москвѣ 1648 г.

[2]) См. Щ. В. л. 155—167, въ оп. р. пс. С. Б. II, 3, № 310 л. 90. Грамата эта была послана за подписомъ всѣхъ лицъ участвовавшихъ на соборѣ созванномъ для этого въ Кіевѣ: — „На таковый отвѣтъ, говоритъ св. Дмитрій, всѣ сто (мы) руки свои приложили (см. его письмо къ гетману).

Къ граматѣ сдѣлана была особая приписка, гдѣ Гедеонъ извинялся предъ патріархомъ, что нескоро отвѣчалъ на его грамату. Причиною медленности онъ выставляетъ то, что, созвавши на соборъ кіевское духовенство, онъ хотѣлъ было войти въ соглашеніе съ Лазаремъ Черниговскимъ относительно отвѣта, но получилъ отказъ отъ Барановича. См. “Щитъ Вѣры“ л. 167; въ оп. рпс. л. 96.

[3]) См. рпс. „Щитъ Вѣры“ л. 171—177; грамата эта отпечатана въ Черниг. Епарх. Извѣст. 1864 г. № 14 прибавл. стр. 439—444.

пресуществленіи даровъ, когда и кіими словесы, не бысть явленно и поминовенно ни мало“ [1]). Патріархъ рѣшился по этому оставить, оказавшуюся неумѣстною, скромность и высказать свою мысль, свое подозрѣніе прямо. Въ сентябрѣ того же 1688 года онъ вторично послалъ граматы митрополиту и архіепископу, „ради совершеннаго вѣденія о нихъ, како они о томъ (т. е. пресуществленіи Даровъ) мудрованія имѣютъ“ [2]). Вмѣстѣ съ граматами онъ счелъ нужнымъ послать имъ и обличеніе на извѣстную уже намъ пресловутую тетрадь „Выкладъ о церкви“.

Въ этихъ граматахъ Іоакимъ выражалъ сначала свою радость по поводу высказаннаго м. Гедеономъ и архіеп. Лазаремъ мнѣнія относительно флорентинскаго собора и потомъ каждому изъ нихъ порознь писалъ: „яже изъявилъ еси писаніемъ твоимъ блуды и прелести флоренскаго соборища чтохомъ и единаго токмо... не обрѣтохомъ въ писаніи твоемъ, его же многащи на ономъ соборищи папа и кардиналы подлагаху грекамъ (въ 25 схожденіи и по ономъ схожденіи до самаго разшествія) и принуждаху премного, еже исповѣдати восточнымъ совершеніе тайны св. Евхаристіи словесы: „пріимите, ядите“ и проч. его же грецы православніи отнюдь не пріяша, утверждающеся св. седьмымъ вселенскимъ соборомъ и св. отцы... глаголющими совершатися тайнѣ оной призываніемъ и нашествіемъ св. Духа со знаменованіемъ честнаго креста...; яко и россійская церковь отъ древле непремѣнно держаше, даже до онаго времене, егда начаша приходити плевосѣятеле уніаты, паче же сами іисуиты—искоренители нашего благочестія и отъ тогда убо помалу покровеннѣ начася всѣватися противная св. вост. церкви мысль оная по новосѣченію римскія церкве... Нынѣ же и явѣ мятежницы нѣціи начинаютъ о томъ пренія и разгласія творити, къ тому и иная латинская прельщенія разглашати. О всѣхъ сихъ не есть нынѣ слово. Токмо едино сіе ищется отъ насъ“. Патріархъ говоритъ далѣе о появленіи въ Москвѣ тетради „Выкладъ“ [3])

---

[1]) См. рпс. Щитъ Вѣры л. 177 обор.

[2]) Тамъ же.

[3]) Замѣчательно здѣсь то, что патр. Іоакимъ признаетъ „Выкладъ“ дѣломъ

и о смущеніи ею православныхъ и затѣмъ послѣ указанія на посыласмое обличеніе на эту тетрадь предписываетъ, чтобы они „сія вся писанная (т. е. обличеніе на Выкладъ) прочетъ, добрѣ же и опасно разсудивъ, аще собственнѣ, аще сунодальнѣ", прислали ему отвѣтъ. „Восписаніе же, прибавляетъ патріархъ, къ намъ о сихъ всѣхъ согласное мысли нашея да будетъ не нерадиво, но потщанно и въ духовнѣ, древнее же церкви св. преданіе утвердится" [1]).

Въ то же время патр. Іоакимъ послалъ такую же грамату и печерскому архимандриту Варлааму съ братіею,—послалъ потому, что въ ихъ монастырѣ издана была упомянутая тетрадь Выкладъ. „Послахомъ, говорится между прочимъ въ патріаршей граматѣ, послахомъ (грамату и обличеніе на Выкладъ) и къ твоему преподобію, желающе во всемъ единомысліе ваше быти согласно съ св. восточною церковію и со святѣйшими селенную подтверждающими столпы, четырми патріархи и съ нашею мѣрностію, не ради какаго о васъ якова сумнѣнія (вѣмы бо извѣстно ваше во всемъ непревратное послѣдованіе и неуклонное отъ св. восточной церкве десное шествіе), но ради подтвержденія истины, отраженія же лжи и ради посрамленія несмысленныхъ нѣкіихъ или же паче рещи развратниковъ и мятежниковъ разглашающихъ и множащихъ тоя тетради лжесловіе и вамъ кіевопечерскимъ монахомъ честнымъ приписующихъ сей порокъ" [2]). И отъ Ясинскаго патр. Іоакимъ требовалъ такъ же какъ и отъ митрополита Гедеона немедленнаго отвѣта послѣ добраго и опаснаго разсмотрѣнія обличенія на Выкладъ.

іисуитовъ, будто бы издавшихъ его подъ именемъ благочестія хранителей, жителій великія Лавры Кіевопечерскія — „како бо имѣли бы (могли бы) сынове суще православніи и по благочестію поборницы-монаси печерстіи пропшаность таковую матери своей церкви восточной издати". Но слѣдуетъ ли понимать эти слова патріарха въ прямомъ смыслѣ? Едва ли! Въ нихъ скорѣе можно видѣть со стороны Іоакима самый горькій хотя въ то же время и скромный укоръ кіевлянамъ.... Быть не можетъ, чтобы патріархъ Іоакимъ не зналъ подлинно о мѣстѣ изданія Выклада. Не безъ причины же онъ въ то же время запретилъ изданіе Миней, начатое въ той же Кіево-печерской Лаврѣ.

[1]) См. „Щитъ вѣры" л. 181 и дал.

[2]) Тамъ же л. 193 обор.

Патр. Іоакимъ теперь ясно высказалъ такимъ образомъ свое подозрѣніе насчетъ чистоты содержимаго въ Малороссіи вѣроученія и требовалъ отъ малороссійскаго духовенства отрицанія мыслей, изложенныхъ въ „Выкладѣ“. Но онъ опасался при этомъ возбудить своимъ требованіемъ народныя волненія; а потому во всѣхъ трехъ своихъ граматахъ предписывалъ, чтобы разсужденіе о пресуществленіи *освѣщенно* было,—не доходило „до мірскаго уха, яко либо было бы (каково бы оно ни было), не бо оныхъ сицевая (имъ же и входъ во внутренняя святая не попустится), но и таинниковъ самыхъ и таинство дѣемая въ тайнѣ отъ таковыхъ да пребудутъ, только намъ вѣдательно и явительно между собою: да не внезапнымъ о сицевыхъ въ слухи мірскихъ внушеніемъ, церкви святѣй отъ ненаказанныхъ нѣкіихъ неполезное нѣчто прилучится“. И ненапрасно патріархъ хотѣлъ соблюдать эту мудрую осторожность. Малороссійское духовенство, какъ мы видѣли, удивилось, получивши первыя граматы патр. Іоакима о флорентинскомъ соборѣ, гдѣ мысль патріарха не была выражена прямо. Послѣдними же его граматами оно приведено было въ крайнее смущеніе. Поставленный въ нихъ вопросъ о времени пресуществленія даровъ для малороссіянъ былъ совершенною новостію. „До насъ sevio haec quaestio non pervenit“, писалъ св. Дмитрій гетману Мазепѣ, а мы якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ [1]). „Во всецѣлой церкви здѣшной, писалъ впослѣдствіи арх. Лазарь, яко отъ дній, въ нея же водою и Духомъ родихомся, доселѣ, ни едина пря о семъ, ни едино сумнительное испытаніе, во всей малороссійстѣй церквѣ, на среду привнесеся; но отъ мягкихъ ногтей нашихъ и научихомся и научахомъ, вѣровахомъ же не сумнѣнно и исповѣдовахомъ, яко словесы Христа Господа реченными: пріимите ядите и проч. и пійте отъ нея вси и проч. бываетъ пресуществленіе хлѣба во пречистое и животворящее тѣло, такожде и вина во пречистую и животворящую кровь Господню [2]). Теперь представители малороссій-

---

[1]) См. письмо св. Дмитрія къ Мазепѣ — отъ 26 іюля 1688 г. въ соч „св. Дмитрій митр. Ростовскій“, стр. 26.

[2]) См. отвѣтную грамату архіеп. Лазаря патр. Іоакиму — Черниг. Епар. Изв. 1864 г. № 16 прибавл. стр. 467.

ской церкви поставлены были въ рѣшительное недоумѣніе. Отъ нихъ требовалось согласіе съ восточною церковію,— требовалось, чтобы они отвергли латинскую мысль, яко Христовыми словесы совершается тайна св. Евхаристіи", а между тѣмъ они и не подозрѣвали, что эта мысль привзошла къ нимъ отъ „новосѣченій", что они „пріяли ее отъ растлѣнныхъ латинскихъ книгъ", они убѣждены были напротивъ, что содержатъ „ученіе учителей греческихъ, соблюдшихъ догматы православныя восточныя каѳолическія церкве невреженны" [1]). Къ тому же имъ хорошо было извѣстно и то, что и „тетрадь донесенная имъ со граматою.... (патріаршею).... весьма нѣсть схизматическій подвергъ, но составлена мужемъ въ житіи святѣ свидѣтельствованномъ и премудромъ, почившимъ уже о Господѣ Ѳеодосіемъ Софоновичемъ, игуменомъ златоглавнаго Михаила, кіевскимъ, да и не едина она (тетрадь Выкладъ) являетъ сіе, но и во многоразличныхъ не съ латинскаго, но отъ истиннаго греческаго языка чрезъ богомудрыхъ и православныхъ церкве св. восточныя праведныхъ сыновъ россійскихъ, трудолюбнѣ на славенскій языкъ преведенныхъ и не отъ единыя кіевопечерскія типографіи, но и отъ иныхъ благочестномудреннѣ печатію изданныхъ книгахъ, тожде единомысліе содержащееся обрѣталось" [2]). Названные представители малороссійскаго духовенства затруднялись по этому отвѣчать на граматы патріарха и молчали болѣе полугода.

Такая медлительность малороссійскаго духовенства приводила „во многую скорбь и тугу души" патр. Іоакима, и скорбь его была тѣмъ сильнѣе, что съ одной стороны ему не безъизвѣстна была причина этой медлительности [3]) а съ

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же и стр. 468.

[3]) Патріархъ говоритъ впрочемъ о себѣ, что ему неизвѣстна была причина медлительности Кіевскаго духовенства въ отвѣтѣ; но по нашему мнѣнію это означаетъ только, что ему не объяснили этой причины сами малороссіяне. Что Іоакимъ зналъ или по крайней мѣрѣ предполагалъ ее—этого не допустить нельзя, если только мы обратимъ вниманіе на то, что ему хорошо было извѣстно вообще состояніе Малороссіи. Кромѣ того, это подтверждается и его собственною граматою, посланною около этого времени (а) патр. Константи-

(а) Она писали въ то время, когда объявленъ былъ походъ-Крымскій и войска русскія уже собирались у Крыма, а это было весною 1689 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (см. Собр. Гос. Гр. IV, стр. 602 и 607), въ маѣ начались уже военныя дѣйствія; слѣд. еще до полученія патр. Іоакимомъ отвѣтовъ.

другой ему нужны были отвѣты на его граматы для укрощенія московскихъ папежниковъ, волновавшихъ, какъ мы знаемъ, Москву и опиравшихся между прочимъ на автори-

---

нопольскому Діонисію, въ которой онъ убѣждалъ цареградскаго архипастыря написать посланія въ Кіевъ, къ царямъ и ему самому о неправильномъ мнѣніи кіевскихъ богослововъ объ Евхаристіи и просилъ при томъ не прописывать, что ему сдѣлалось извѣстно это отъ него,—Іоакима.—Эта грамата на столько замѣчательна и характеристична, что мы считаемъ не излишнимъ привести ее здѣсь почти вполнѣ. Въ 1688 патр. Діонисій прислалъ патр. Іоакиму грамату, въ которой укорялъ его за безпечность о грекахъ, угнетаемыхъ турками и въ этой граматѣ въ титулѣ назвалъ его экзархомъ всея Россіи (см. рук. Икон. дѣлъ патр." л. 169). Оскорбленный такимъ названіемъ Іоакимъ въ 1689 году послалъ отъ себя грамату къ Діонисію, въ которой, сказавши въ началѣ о походѣ русскихъ къ Криму съ великою силою, писалъ: „яко же отъ св. собора святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ съ присутствіемъ благочестиваго царя дадеся ти (именоватися) селенскимъ патріархомъ, Александрійскому — судіею селенныя, Антіохійскому всего востока, Іерусалимскому — всей Палестины, такожде и намъ отъ св. собора святѣйшихъ селенскихъ патріарховъ съ присутствіемъ благочестиваго царя дадеся глаголатися: патріархъ Московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ. Аще убо отъ не разсмогрѣнія сіе бысть, у иныхъ, брате, имутъ мѣсто таковыя прегрѣшенія (ошибки), а не у патріарховъ, наипаче же премудрыхъ. Аще же поне и съ намѣреніемъ, яко дали есте благочестивымъ нашимъ царемъ обладаніе престола митрополита кіевскаго, отъ него же мы не едину пользу имамы; наипаче же даемъ елико требуютъ на всякъ день, отъ нихъ же соблазны и смущенія пріемлетъ. Обаче той престолъ и прежде бѣ Московскій, аще иногда и впаде тамо въ руки Польскому и тогда намѣренія ради обладающихъ и обладаемыхъ принимаше благословеніе отъ селенскаго престола; свободно бо имъ бяше тогда подъ властію быти престола константинопольскаго, зане далеко отъ него отстоятъ и наипаче за неравенство времени не могущаго надсмотряти тое стадо; они же яко да неразсмотрительно по воли своей пребывати имутъ; отнюду же и прелюбодѣйствоваша...., не имуще ниже видъ, ниже доброту восточныя церкве мудрствующе и учаще іудейскія догмы (вѣроятно здѣсь имѣется въ виду Иннокентій монастырскій, игуменъ Кирилловскаго Кіевскаго монастыря,—онъ былъ родомъ еврей; какъ о евреѣ и по убѣжденіямъ о немъ говорится еще въ соборномъ дѣяніи на Медвѣдева—см. Ак. Ист. V, № 194): и книги различныя напечаташа странны весьма чиновъ и обычаевъ Московскихъ, яже пріяхомъ отъ св. нашихъ отецъ греческія и восточныя церкве и нужды и смущенія не малыя творятъ св. нашей церкви на всякъ день о многихъ чинѣхъ и обычаяхъ и таинствахъ, изрядиѣе же о совершеніи таинства Евхаристіи ....Всесвятѣйшество же твое и прочіи святѣйшіи патріархи ниже егда быша подъ властію вашею, объ овцахъ Кіевскія епархіи попеченіе имѣли есте, ниже нынѣ имате и слово дадите о семъ въ день судный. И тогда вамъ подобаше пещися о нихъ яко именовавшихся овцахъ вселенскаго престола и вы ихъ оставили

тетъ церкви малороссійской [1]). Патріархъ рѣшился поэтому побудить малороссійскихъ богослововъ дать отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ въ прежнихъ граматахъ. Въ мартѣ 1689 года онъ послалъ третью грамату кіевскому митрополиту. „До днесь, писалъ онъ въ этой граматѣ, ожидахомъ отъ тебе отвѣта некосненнаго: но по сіе время въ презрѣніи есмы, никакого бо получахомъ отвѣта и о семъ ны жалость содержитъ не малая. А что сему укосненію и презрѣнію вины вѣдѣти не можемъ [2]) и насъ твое закоснѣніе приводитъ въ немалое размышленіе, но ревность яже по Богу не оставляетъ насъ о семъ въ нерадѣніи низости, воспрещающи о нерадящихъ реченными во пророцѣ Іереміи *) Сего ради печаль ны присно грызетъ или паче рещи снѣдаетъ, яко оставляемымъ и препираемымъ догматомъ св. отцевъ, защищаяй же никто: новымъ же и чуждымъ отъ врага всѣваемымъ плевеламъ средѣ чистыя пшеницы, яже искоренити малорадиви врученіи (т. е. тѣ, коимъ вручено)

и пріяша отъ волковъ, еже есть отъ іисуитовъ и прелюбодѣйствовавшася и труды (т. е. укоръ) подаютъ церкви восточнѣй. Далѣе слѣдуетъ упомянутое уже убѣжденіе Діонисія прислать граматы.—Отвѣчалъ ли Діонисій на это не совсѣмъ лестное для него посланіе—неизвѣстно. Грамата эта находится въ рпс. Икон. дѣл. патріар. л. 169 и дал.

1) Вотъ напримѣръ что было говорено въ Москвѣ пѣнежниками относительно малороссійской церкви, по поводу „Акоса“ Лихудовъ. — По милости Божіей церковь Христова малороссійская безчисленныхъ имѣетъ свидѣтелей, въ вѣрѣ своей твердости непремѣнныя. Церковь Христова малороссійская, аще подъ державою короля польскаго, латинскія вѣры сущаго, въ лице езуитомъ дерзновенно всегда стояла, даже до крове. Имать церковь Христова малороссійская въ Брести-Литовскомъ градѣ, прежде лѣтъ четыредесяте, вѣры ради страдавшаго, іеромонаха Аѳанасія, котораго и долелѣ нетлѣнны мощи пребываютъ. Во градѣхъ велицѣхъ королевства польскаго, въ Люблинѣ, въ Вильнѣ, въ Львовѣ, многіе отъ мірскихъ людей пострадаша вѣры ради даже до смерти. Иніи мечи посѣчени: иніи огнемъ сожжени, память наша сіе вѣсть. Видѣти бы было въ Люблинѣ во время мимошедшаго разлаголанія, колико матерь, церковь Христова малороссійская, имѣ сыновъ охотныхъ и готовыхъ ко страданію мученическому за вѣру православную. Явный убо доводъ есть, яко церковь Христова малороссійская въ догматахъ вѣры не согласуется съ латинами. См. опис. рпс. Син. Библ. II, 3, № 294, л. 274.

2) Что, напротивъ, патріарху извѣстна была „вина укосненію и презрѣнію“. Это кажется не гребуетъ доказательствъ. См. выше примѣч. 580.

(*) На полѣ рукописи выставлена гл. 48 ст. 10, — т. е. проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ.

ниву церкве Христови дѣлати, и боязнь содержитъ ны, да не помалу небрежности сицевой путемъ проходящей во всеконечная смущенія и сліянія пріидутъ церковная, за еже мы пастыріе и назирателе истяжемся не помалу отъ началопастыря Христа".

„Нынѣ еще паки воспоминательно пишемъ тебѣ, да потщишися немедленно возвѣстити согласіе твое къ св. восточнѣй церкви и единомысліе къ мѣрности нашей по преждеписанному отъ насъ къ тебѣ и не полагай въ небреженіе и замедленіе дѣла сего величайшаго". Въ заключеніе патріархъ грозитъ ему судомъ (подзоромъ) „всея восточныя церкве [1]) ". Точно такія же граматы въ то время посланы были и Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому.

Такая настойчивость, сопровождаемая даже угрозою, заставила наконецъ названныхъ лицъ малороссійской іерархіи отвѣчать патріарху. Но отвѣты ихъ были вовсе не таковы, каковыхъ желалъ Іоакимъ. Малороссійскіе богословы не согласились съ обличеніемъ на тетрадь „Выкладъ", присланнымъ отъ патріарха. Напротивъ того, они прямо высказывались, что держатся относительно времени пресуществленія даровъ именно того мнѣнія, которое отстаивалось въ Выкладѣ, и что „не имѣли ни единаго сомнѣнія доселѣ въ вещи сей", они утверждали, что какъ самый Выкладъ не есть подвергъ уніатскій или іезуитскій, такъ и ученіе въ немъ содержащееся касательно таинства Евхаристіи „не есть противно православнѣй восточнѣй церкве" и ссылались при этомъ на церковныя книги, изданныя не только на югѣ Россіи, но и въ Москвѣ, — „въ самомъ, какъ выразился въ своемъ отвѣтѣ Барановичъ, паче солнца въ православной вѣрѣ кѳолической сіяющомъ царствующомъ градѣ". Впрочемъ такъ какъ изъ граматъ патріарха видно было, что онъ не согласенъ былъ съ ними въ названномъ мнѣніи, то всѣ они изъявляли готовность еще пообдумать спорный вопросъ, и „не творя отвѣта всеконечнаго—желали поучиться отъ патріар-

---

[1]) См. рпс. Щитъ вѣры 237—239. Внизу прибавлено, что такая же грамата послана и архіеп. Лазарю и Варлааму Ясинскому.

шаго всесвятѣйшества [1])". И оттуду, говоритъ патріархъ все не древлнее свидѣтельство и непреличественно подлогамъ, обаче съ покореніемъ и предаяніемъ въ разсужденіе большее и въ послушаніе готовность имѣющееся [2]).

Патр. Іоакиму приходилось такимъ образомъ вступать въ такія же обширныя разсужденія съ малороссійскими богословами, какія велъ онъ въ то же время и съ своими Московскими папежниками и вдобавокъ по поводу одного и того вопроса—о времени пресуществленія. И онъ скоро дѣйствительно послалъ къ м. Гедеону и арх. Варлааму обширную отвѣтную грамату, въ которой предлагалъ съ одной стороны увѣщанія для ихъ вразумленія, а съ другой — пространное обличеніе ихъ мнѣнія объ Евхаристіи. „Подобаше вамъ и весьма подобаше, писалъ онъ къ м. Гедеону и Варлааму вмѣстѣ, яко воинстинну сущимъ сынамъ святыя восточныя церкве и нашея мѣрности послушникомъ, паче же благоразумнымъ сущимъ въ божественныхъ и священныхъ писаніяхъ и вѣдущимъ словеса и разумѣнія св. учителей древлнихъ безпрекословно по предложеннымъ отъ нашея мѣрности граматамъ и писаніямъ св. отецъ (т. е. посланному имъ прежде „обличенію на Выкладъ") достовѣрнымъ явити должное послушаніе;..... Мы, брате, писахомъ твоему преосвященству и пречестному архимандриту.... и согласія вашего просихомъ и единомыслія со всею Христовою восточною церковію и нашею мѣрностію единомудренною о совершеніи таинства тѣла и крове Господа.... въ Божественнѣй Литоргіи, по древлнему преданію и ученію св. апостолъ и Богоносныхъ отецъ...., а не по новомышленному нѣкіихъ суемудренныхъ вредисловій.... Папы глаголю и кардиналовъ его и нѣкіихъ иныхъ..... послѣдователей того папежскаго каіафскаго бывшаго во Флорентіи сосѣдалища„. Упомянувши далѣе о посланномъ имъ „обличеніи на Выкладъ" и кратко перечисливши отеческія свидѣтельства, которыя приводятся въ обличеніи, патріархъ продолжаетъ: „вы же нашу къ вамъ оте-

---

[1]) Граматы Гедеона, Лазаря и Варлаама, помѣщены въ „Щитѣ вѣры" отдѣльно, грамата Барановича отпечатана въ Черниг. Епар. Изв. 1864 г. № 16, прибавл. стр. 465 — 473.

[2]) Щитъ вѣры л. 240.

ческую сицевую любовь пренебрегше, вся сія свидѣтельства святыхъ и столповъ св. церкве умолчасте и согласію съ нами о семъ имѣти не восхотѣсте, присобрасте же къ своему мнѣнію новыхъ учителей новопечатаныя книги, не отъ словесъ св. о семъ подлозѣ, но неразсмотрѣнно, или отъ чтенія чуждестранныхъ латинскихъ — глаголю, книгъ или отъ инаго якова случая написавшихъ..... и вельми о семъ согрѣшисте и отвѣтъ отсловный неосмотрѣнно дасте. Понеже подобаше вамъ, яко мужемъ ученымъ и мудрымъ (аще отъ насъ посланная невѣрна возмнѣшася вамъ) первое испытать обрѣтается ли книга Сумеона Ѳессалонитскаго.... и сей книзѣ обрѣтавшейся у васъ подобаше взяти ю въ руки и прочитати, аще возможно (т. е. греческое изданіе), или чрезъ инаго слышати, что пишетъ и глаголетъ. По сихъ же пріяти и тетрадь Выкладъ и прочитати и познати, аще есть кое подобіе словесъ и мыслей между книгою Сумеона Ѳессалонитскаго и между глаголемою Выкладъ книжицею игумена Ѳеодосія". Сказавши далѣе, что имъ слѣдовало также сличить и другія свидѣтельства Выклада съ самыми сочиненіями, изъ которыхъ онѣ заимствованы и замѣтивши потомъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ нужно обращаться къ древнимъ книгамъ греческимъ и славянскимъ, а не новымъ,—патріархъ дѣлаетъ подробный разборъ свидѣтельствъ, на которыя ссылались въ своихъ отвѣтныхъ граматахъ кіевскіе представители духовенства въ защиту Выклада [1]). Послѣ того напоминаетъ Гедеону о томъ рукописномъ и устномъ обѣщаніи о вѣрности православію и послушаніи Московскому престолу, какое онъ далъ при своемъ поставленіи въ митропо-

---

[1]) Мы считаемъ излишнимъ излагать этотъ подробный разборъ доказательствъ, на которыхъ утверждались малороссійскіе богословы. И только замѣтимъ здѣсь, что какъ послѣдніе, отстаивая свое мнѣніе о времени пресуществленія даровъ въ своихъ отвѣтныхъ граматахъ, во многомъ сходились съ извѣстными уже намъ московскими папежниками, такъ и патріархъ въ названномъ разборѣ—нерѣдко говоритъ тоже, что сказано было въ опроверженіе Медвѣдева съ товарищами. Содержаніе разбора почти все заимствовано отчасти изъ — „бесѣды" составленной, какъ извѣстно въ дополненіе къ „обличенію", и изъ „Акоса" Лихудовъ; въ разборѣ встрѣчаются даже греческіе идіотизмы. Можно думать по этому, что самое составленіе его принадлежитъ извѣстному монаху Евѳимію, при участіи Лихудовъ.

лита и такъ оканчиваетъ свою грамату: „Тѣмъ же свидѣтельствуюся вамъ во днешній день, яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ васъ: необинуся бо еже сказати вамъ всю волю Божію.

Но что хощемъ много глаголати или писати, единъ отвѣтъ токмо и извѣщеніе хощемъ отъ васъ имѣти, прочее послѣдуете ли всекопечно восточной Христовѣ церкви въ ученіи о пресуществленіи хлѣба и вина въ кровь и тѣло Христову, въ призываніи и молитвѣ іерея дѣйствомъ Св. Духа въ словесѣхъ—„сотвори убо и проч. а не въ словесѣхъ: пріидите, ядите и проч. и вся ли пріемлете и исповѣдуете тоя своея матере преданія; и довлѣетеся ли седмостолпными св. селенскихъ седьми соборовъ предѣлы? И аще довлѣстеся..... подобаетъ вамъ исправитися и съ нами.... согласитися, и немедленно и неотложно отписати... и тако благодать Св. Духа и благословеніе нашея мѣрности да будетъ со всѣми вами. Аще же не хощете пребывати въ предѣлехъ и догматахъ св. отецъ.... рцыте намъ: съ кѣмъ прочее согласіе и общеніе имѣти будете? къ кому выю подклоняти и благословеніе воспріимати, кого же пастыря и главу стяжати имате....? не понудите ны, не понудите, и молительно просимъ не понудите своимъ разгласіемъ писати, и всеподробно назпаменати къ братіи нашей, четыремъ св. патріархомъ.... да не тяжко тіи что о семъ на вы изрекутъ. Еже не даждь Боже ниже слышати сицевое страшное надъ вами“. Патріархъ предлагаетъ имъ наконецъ прислать въ Москву мужа смиренномудра, вѣдуща извѣстно писанія св. отцовъ, а не силлогизмами и оргументами токмо упражняющагося: „да чрезъ того, говоритъ онъ, вы познаете вся наша, и мы ваша и тако всякое разгласіе гонзнетъ “ [1]).

Подобную же грамату патр. Іоакимъ послалъ въ то же время и Черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу, въ отвѣтъ на его посланіе, доставленное въ Москву чрезъ архим. Елецкаго Ѳеодосія Углицкаго. Сказавши въ началѣ, что и латины и греки—всѣ согласны, что въ таинствѣ Евха-

---

[1]) Эта обширная грамата патр. Іоакима къ митр. Гедеону и арх. Варлааму находится въ рпс. „Щитъ вѣры“ л. 241—307.

ристіи хлѣбъ и вино пресуществляются, и что расходятся они только въ мнѣніи о времени пресуществленія, и затѣмъ исчисливши прежде посланныя Лазарю свидѣтельства въ защиту православнаго мнѣнія, патріархъ писалъ Барановичу: „твоя же святыня твоими писаніими, сущими намъ уже врученными, изображеніе великаго послушанія назнаменовавши и за сіе благодарствуемъ. Обаче сей отвѣтъ къ предложеннымъ нашимъ ти грамотамъ есть не прямо. И како есть сіе? Удивляюся. Таковый человѣкъ мудръ сый, и изъ млада во обученіи наукъ“..... рѣшился..... „во льсти и упрямствѣ толковати. Предѣлы суть непоколебими св. нашихъ отецъ, брате, и недостоитъ колебати ихъ, но покорятися точію симъ истинно и чисто “.

„ Но гряди убо, оставивше доселѣ сія учительства, къ разсмотрѣнію приступимъ... твоихъ писаній“. Слѣдуютъ по порядку обличенія на отвѣты Лазаря Барановича [1]). Въ заключеніе патріархъ говорилъ: „обаче якоже единощи и дващи и нынѣ трищи твоему Боголюбію писахомъ: увѣдя истину исповѣси явно, како звѣзды небесныя среди темныхъ облаковъ (запад. учител.) скрышася. Тѣмъ же кораблецъ твой преплавающій во мрацѣ и тмѣ и бурѣ певидящій наставника плавающихъ, севѣрную явѣ звѣзду полуденную непщевати преплавати на востоцѣ, обаче обрѣтеся преплавающій на западѣ. И сіе зѣло дивно толикимъ лѣтемъ плаванія твоего въ семъ мори жизни“... Іоакимъ предписывалъ наконецъ, чтобы Лазарь „о еже когда бываетъ пресуществленіе чрезъ свое писаніе явилъ не отложно “ [2]).

Неодинаковыми послѣдствіями сопровождалась посылка въ Малороссію этихъ двухъ обширныхъ граматъ съ приложенными къ нимъ обличеніями. Митрополитъ Кіевскій Гедеонъ съ кіевопечерскимъ архимандритомъ Варлаамомъ вняли голосу своего Московскаго архипастыря и послѣ соборнаго

---

[1]) Мы не излагаемъ и обличеній, направленныхъ противъ Барановича, потому что и здѣсь почти ничего нѣтъ новаго и повторяется, хотя и въ другой формѣ и съ небольшими прибавленіями, тоже, что сказано было и противъ московскихъ папежниковъ,—это—объясненіе нѣкоторыхъ словъ изъ литургіи; ссылки на древніе служебники и проч. и проч.

[2]) См. рпсІЦ. . В. л. 309—341.

прочтенія патріаршей граматы отправили въ Москву по предложенію патріарха, для объясненія съ нимъ св. Димитрія, игумена Бутуринскаго (впослѣдствіи митрополита Ростовскаго [1]) и съ нимъ препроводили отвѣтное посланіе, въ которомъ изъявляли свое согласіе съ восточною церковію. „Прочтохомъ соборнѣ, читаемъ въ этомъ отвѣтѣ—со всякимъ вниманіемъ довольное то всепространнѣйшее свят. архипастырства вашего писаніе: но за скорымъ отшествіемъ посланнаго [2]) и за недостаткомъ книгъ въ епистоліи вашего архипастырства воспомяненныхъ— вкратцѣ пресмиренно отвѣтствуемъ на то едино еже повелѣваетъ святѣйшество ваше. Извѣстно творимъ засвидѣтельствующе совѣстію нашею, яко всему тому, елико прія св. в. ап. православная церковь послѣдуемъ всеконечно, кромѣ всякаго прекословія и прѣнія.... Сицевое убо исповѣданіе яко во всѣхъ членахъ св. православныя вѣры, такожде и во изряднѣйшей тайнѣ Евхаристіи отъ совѣсти нашея извѣщающе, яко же всей церкви православной сице и вашему святѣйшему къ разсужденію подаемъ архипастырству.... и.... смиренно себѣ вручаемъ [3]). Грамата эта доставлена была по назначенію посланнымъ отъ кіевскаго духовенства въ августѣ 1689 г. [4]).

Не такъ смотрѣлъ на дѣло Черниговскій архіепископъ Лазарь. Не желая, вѣроятно, отказаться отъ мнѣнія, съ которымъ онъ сродился „отъ мягкихъ ногтей“, онъ не

---

[1]) Что посланный въ Москву былъ св. Дмитрій, а не Иннокентій Монастырскій, который то же ѣздилъ въ это время въ Москву, видно изъ того, что патріархъ остался доволенъ этимъ посольствомъ и значитъ — объясненіями съ уполномоченнымъ отъ Малороссійскаго духовенства,—что онъ и высказалъ на Московскомъ соборѣ, который составленъ былъ на Медвѣдева (см. слово чтенное на соборѣ). Между тѣмъ это довольство едва ли было бы возможно, если бы уполномоченнымъ былъ Иннокентій, извѣстный патріарху какъ жидовинъ и другъ Медвѣдева. Какъ мы знаемъ уже, Іоакимъ даже произнесъ анаѳему на сочиненія Монастырскаго наравнѣ съ „Манною“ Медвѣдева. Сомнительно также и то, что бы кіевляне для примиренія съ патріархомъ рѣшились послать человѣка, на котораго неблагосклонно смотрѣлъ онъ.

[2]) Посланный скоро отправился въ Москву потому, что его поѣздка была вмѣстѣ съ гетманомъ Ив. Мазепою. См. дневн. запис. св. Димитрія м. Рост. Др. рос. Вивліоѳ. 2 изд. XVII, стр. 30.

[3]) Щитъ вѣры л. 305 на обор.

[4]) См. Дневн. зап. св. Димитрія. Др. р. Вивл. XVII.

исполнялъ требованія патріарха—изъявить ему свою покорность неотложно, и не посылалъ ему никакого отвѣта. Патр. Іоакимъ неоднократно побуждалъ его къ отвѣту [1]) и наконецъ огорченный его упорнымъ молчаніемъ послалъ ему послѣднюю грамату, въ которой запрещалъ даже священнодѣйствовать въ случаѣ непризнанія православнаго мнѣнія о присуществленіи. Разъяснивши необходимость чиноначалія въ церкви и свой архипастырскій долгъ, и упомянувши о прежнихъ своихъ требованіяхъ отъ него согласія и единомыслія съ св. церковію, патріархъ писалъ въ этой граматѣ Барановичу: „твоеже Боголюбіе призирая и ни во что же полагая насъ отца и архипастыря твоего по предолжайшемъ времени едва отписалъ еси: и то не по твоей мудрости: о иномъ бо вопрошаемъ отъ насъ, о иномъ отвѣщалъ еси. Мы предложимъ тебѣ отъ Востока, ты далечайше отскочивъ, сказуеши отъ Запада: и простаку сущу кому стыдно тако глаголати. Въ первомъ посланіи (о флорентинскомъ соборѣ) ты говорилъ, что во всемъ согласуешься съ Восточною церковію, а во второмъ отвергаешь ученіе православной церкви о пресуществленіи, опираясь на свой обычай и на своихъ учителей, ничего не сказавъ о свидѣтельствахъ св. отцовъ („въ обличеніи на Выкладъ"), писанныхъ къ тебѣ. Едино токмо пріятія достойно изъявилъ еси въ иномъ твоемъ писаніи, яко хощеши отъ насъ поучитися. На вящшее его утвержденіе поэтому, далѣе предлагались еще новыя доказательства православнаго ученія о пресуществленіи, въ дополненіе къ прежнимъ, и затѣмъ требовалось отъ него немедленное извѣщеніе; „а неизвѣщеніемъ явлено будетъ къ намъ твое непокорство и презрѣніе. Уже бо не первое непослушенъ намъ и презорливъ писаній нашихъ являешися. Или не вѣси, яко благодатію св. Духа архипастырство наше власть имать непокоряющіяся, кто либо былъ, вязати". Наконецъ патр. Іоакимъ, указавши ему напримѣръ кіевскаго духовенства, прислащаго свой отвѣтъ,

---

[1]) М. Гедеону послано было всего четыре граматы по этому дѣлу: Лазарю же семь.—Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ же Барановичъ — въ своемъ отвѣтѣ патр. Іоакиму отъ 19 ноября 1689 г. отвѣтъ этотъ отпечатанъ въ Черниг. еп. изв. 1864 г. № 17; стр. 502.

такъ заканчиваетъ свою грамату: „Нынѣ еще щедрствующе Боголюбія твоего престарѣніе и яко многоучена мужа, аще и утруждени отъ тебѣ, пишущи тебѣ о единомъ дѣлѣ многая писанія: обаче еще пишемъ, пишемъ тебѣ, да извѣстиши вся, яже о тебѣ, немедленно съ кѣмъ согласно мудрствуешь.... Аще же и нынѣ насъ пренебрежеши и не вскорѣ къ намъ о всемъ семъ совершенное извѣстіе даси: буди вѣдая: аще и самъ азъ по благодати всесвятаго Духа власть имамъ, съ сыны моими преосвященными и боголюбезными архіереи, судъ о тебѣ изнести: но ради вящшаго извѣщенія воспишу вся яже о тебѣ братіи начало пастырства нашего, четыремъ святѣйшимъ патріархомъ: и вси о тебѣ купно судъ достойный, къ мѣрности нашей преслушанія и презорства твоего: къ святѣй же церкви противленія, изнесемъ. А донелѣже о себѣ намъ не извѣстиши, да совершеннаго о тебѣ суда будни что же священныхъ дѣйствуя: да знаеши главу и отца твоего: и да научишися не быти презорливъ и непослушливъ ко архипастырю своему и къ восточнѣй церкви святѣй: да не будетъ безчинство и сліяніе въ церкви, соблазнъ же въ людехъ. Аще же будеши согласенъ св. в. церкви... въ ней же (вѣмъ яко) желаеши и умрети и по смерти часть со іерусалимляны, а не съ ромляны получити: и вскорѣ намъ согласенъ и единоуменъ извѣстишися: буди вся священнодѣйствуя невозбранно.... [1])

Такая грозная грамата патр. Іоакима преклонила предъ нимъ наконецъ и упорнаго старца малороссійскаго Барановича. Отъ 19 ноября 1689 г. Лазарь прислалъ патріарху краткій отвѣтъ, въ которомъ извинялся за свою медлительность и, изъявляя свою покорность пастырей пастырю, въ восточномъ царствованіи престолъ святъ имѣющему и свое согласіе съ мнѣніемъ православной церкви о пресуществленіи, молимъ смиренно о благословеніи архипастырскомъ, „низко челомъ бія [2]). Прислалъ въ то же время извѣстіе

---

[1]) См. Щитъ вѣры л. 343—351; заключеніе этой граматы есть и въ спис. рис. син. Б. II, 3, № 310.

[2]) См. Щитъ вѣры л. 353; этотъ отвѣтъ Барановича отпечатанъ въ Черниг. еп. изв. 1864 г. № 17 въ прилож.

о своемъ согласіи съ Восточною церковію и близкій къ Лазарю архимадритъ Ософосій Углицкій [1]).

Патріархъ Іоакимъ засвидѣтельствовалъ наконецъ, предъ сонмомъ великороссійскихъ архипастырей и пастырей, произнесшихъ свой судъ надъ Московскими попежниками, что и малороссійскіе духовнаго чина предсѣдатели „если“ первѣе мало и пріопрошася, паки же обличеніи... всесовершенно покорившася намъ со всею своею паствою [2]), научились небыти презорливы и не послушливы къ архипастырю своему,—познали главу и отца своего!

Но патріархъ Іоакимъ не ограничивался въ своихъ сношеніяхъ съ новоподчиненною ему малороссійскою паствою только изложенною нами перепискою о пресуществленіи даровъ. Нѣтъ, сдѣлавшись верховнымъ архипастыремъ малороссійской церкви онъ хотя и не вмѣшивался въ администрацію ея по дарованнымъ ей привиллегіямъ, тѣмъ не менѣе заботился объ уничтоженіи въ практикѣ ея нѣкоторыхъ недозволенныхъ обычаевъ. Онъ обличалъ наприм. архіеп. Лазаря Барановича за то, что онъ рукополагалъ по своему обычаю іереевъ и діаконовъ „по два купно и по три на единой литургіи и тотъ,“ будучи обличенъ, преста отъ того“ [3]). Главное же, о чемъ преимущественно старался патр. Іоакимъ и въ чемъ съ другой стороны всего болѣе встрѣчалъ онъ себѣ противодѣйствія, — это было установленіе строгаго его надзора за печатаніемъ въ Кіевѣ книгъ.

Кіевопечерская Лавра, снабжавшая книгами не только Малороссію, но и Великороссію и даже другіе славянскіе народы, получила, какъ мы выше упоминали, права патріаршей ставропигіи; вмѣстѣ съ этимъ она подчинялась непосредственно самому патріарху. Пользуясь такимъ своимъ отношеніемъ къ Лаврѣ, патр. Іоакимъ требовалъ, чтобы издаваемыя книги представляемы были предварительно на его разсмотрѣніе и сужденіе, „да не новость якова возъобрящется въ нихъ“, и взялъ относительно этого обѣщаніе

[1]) См. Щитъ вѣры л. 355.

[2]) См. Слово поучительное патр. Іоакима читанное на соборѣ Остенъ стр. 144—145.

[3]) См. описс. рпс. Син. Библ. Ак. В. Іорскаго 11, 3, №303 стр. 779.

съ настоятеля этой Лавры Варлаама Ясинскаго. Такой контроль патріарха надъ типографскою дѣятельностію неизвѣстенъ былъ въ Малороссіи въ прежнія времена, когда она находилась въ зависимости отъ константинопольскаго престола, а потому Ясинскій по прежнему обычаю рѣшался иногда печатать книги подъ благословеніемъ патріаршимъ, обозначая это только на заглавномъ листѣ, а на самомъ дѣлѣ—не испрашивая на то дозволенія [1]). Но патр. Іоакимъ не довольствовался только номинальнымъ признаніемъ своего высшаго надзора въ этомъ дѣлѣ и всегда желалъ видѣть дѣйствительное примѣненіе присвоенной ему власти. Онъ ревниво охранялъ свои права, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Кіевѣ и не оставлялъ безъ замѣчаній посягательствъ на свои права, какія дозволялъ себѣ иногда печерскій настоятель Варлаамъ въ дѣлѣ печатанія книгъ [2]). Въ этомъ отношеніи особенно характеристичны его сношенія съ кіевскими богословами по дѣлу предпринятаго тогда изданія миней — четьихъ, составленныхъ св. Димитріемъ, тогда бывшимъ еще игуменомъ Батуринскаго монастыря.

Для сличенія новосоставляемыхъ миней гетманъ Самойловичъ вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ просили у патр. Іоакима великія четьи-минеи московскія, составленныя митрополитомъ Макаріемъ, давая обѣщаніе непремѣнно представлять ему на пересмотръ новыя жизнеописанія святыхъ [3]). Патріархъ исполнилъ ихъ просьбу и они, получивши московскія минеи, передали ихъ составителю новыхъ миней св. Димитрію [4]). Дѣло „врученное св. Димитрію, какъ онъ

---

[1]) Такъ напримѣръ въ Кіевѣ напечатана была книга „Вѣнецъ Христовъ". П. Іоакимъ въ своей граматѣ м. Гедеону и архимандр. Варлааму говоритъ объ этомъ такъ: вы нынѣ... подъ благословеніемъ нашимъ издавше книгу царицаемую вѣнецъ Христовъ, юже не токмо неблагословихомъ и невидѣхомъ, но прежде нашего началопастырскаго осмотрѣнія"... См. опис. рпс. Син. Библіот. II, 3; № 310 л. 153 стр. 509.

[2]) Объ изданіи упомянутой въ предъидущемъ примѣчаніи книги „Вѣнецъ Христовъ", патріархъ въ той же граматѣ говоритъ: и печатати (ее) запретихомъ. См. тамъ же.

[3]) См. ниже грамату патр. Іоакима.

[4]) См. дневн. зап. св. Димитрія Др. р. Вивліо XVII, стр. 22—23. Св. Димитрій не сообщаетъ когда это было, но можно думать, что не ранѣе половины

самъ говоритъ, отъ Малороссійскія церкви" при новомъ пособіи подвигалось впередъ быстро. Къ марту 1688 года онъ успѣлъ уже „написать шесть мѣсяцевъ житій святыхъ". Между тѣмъ архимандритъ печерскій Варлаамъ, принявшій на себя издержки изданія новыхъ миней, вознамѣрился сдѣлать это безъ разрѣшенія патріаршаго и предоставилъ было окончательное разсмотрѣніе труда св. Димитрія себѣ и соборнымъ старцамъ [1]). Узнавши объ этомъ, патріархъ немедленно потребовалъ возвращенія къ себѣ данныхъ въ Кіевъ московскихъ миней и, какъ кажется, далъ кіевскимъ богословамъ строгій выговоръ за намѣреніе, вопреки данному обѣщанію, посягать на его право [2]). Онъ писалъ объ этомъ сначала Варлааму, которому вручены были московскіе минеи, потомъ м. Гедеону, такъ какъ не зналъ у кого онѣ въ рукахъ [3]). Узнавши объ этомъ требованіи св. Димитрій немедленно исполнилъ волю патріарха: возвратилъ ему московскія минеи, хотя онѣ и нужны еще были ему, и при этомъ послалъ патріарху письмо, въ которомъ излагалъ ходъ своихъ трудовъ и испрашивалъ благословенія на изданіе типомъ своихъ миней, которыя онъ успѣлъ составить [4]). Но архимадритъ Варлаамъ, несмотря на явное неудовольствіе патріарха, въ слѣдующемъ 1689 году самъ приступилъ къ

1686 года, такъ какъ въ это время „онъ сѣлъ на игуменствѣ", которое онъ сложилъ было еще въ 1683 г. см. тамъ же стр. 21 февр. 9, снес. стр. 17 „октябр. 26".

[1]) См. письмо св. Димитрія къ п. Іоакиму 1688 г. отъ 15 мар. Древ. р. Вивліоѳ. XVII, стр. 23.

[2]) Авторъ. соч. св. Димитрій м. Ростовскій (см. стр. 27) говоритъ, что патріархъ вытребовалъ Московскія минеи неизвѣстно почему, и предполагаетъ только, что сдѣлано это вслѣдствіе предубѣжденія возникшаго тогда противъ православія Малороссійскаго духовенства. Но если такъ, то почему же св. Димитрій тотчасъ послѣ востребованія патріархомъ миней просилъ его благословенія на изданіе своихъ миней типомъ (см. далѣе въ текстѣ), а прежде предоставлялъ ихъ только въ Кіевскую Лавру на разсмотрѣніе? Всего вѣроятнѣе просьба эта была вслѣдствіе замѣчаній сдѣланныхъ тогда Іоакимомъ. Впрочемъ—переписка по этому дѣлу не сохранилась до насъ.

[3]) См. письмо св. Димитрія къ патр. Іоакиму.

[4]) Послалъ ли св. Димитрій списки съ своихъ миней на разсмотрѣніе патріарха опредѣленно неизвѣстно, по крайней мѣрѣ самъ св. Димитрій въ своемъ письмѣ не упоминаетъ объ этомъ.

печатанію первой четверти четьихъ-миней за сентябрь, октябрь и ноябрь и скоро окончилъ. Патр. Іоакимъ принялъ это дѣйствіе архим. Варлаама за явный знакъ непослушанія власти. Къ тому же онъ усмотрѣлъ во вновоизданныхъ минеяхъ нѣкоторыя погрѣшности, — это еще болѣе огорчило его. Патріархъ поэтому немедленно отправилъ обличительную грамату Варлааму, — грамату показывающую въ немъ строгаго ревнителя своихъ іерархическихъ правъ и блюстителя православія.—Сказавши сначала о необходимости послушанія власти, Іоакимъ писалъ Ясинскому: „въ прешедшихъ временахъ проси мѣрность нашу гетманъ Іоаннъ Самойловичъ и преподобіе ваше, еже дати бы вамъ отъ насъ миней великія нашея каѳедральныя церкве, житія святыхъ и словеса на праздники Владычни и пресв. Богородицы, на преписаніе. А списавъ, было вамъ прислати къ намъ и наши книги и ваше съ нимъ преписаніе, и намъ было то ваше преписаніе въ царствующемъ градѣ Москвѣ соборнѣ свидѣтельствовавъ исправити, аще гдѣ что достойная исправленія обрящется, и тогда по разсмотренію и сужденію соборному дати вамъ и благословеніе, еже и типографскимъ тиспеніемъ издати. И мы вамъ, яко искреннимъ сыновомъ, въ томъ увѣрихомъ; книги вамъ давше, ожидахомъ отъ васъ премногое время преписанія, онаго вашего на прочтеніе и сужденіе. Ваше преподобіе сотвористе не по своему обѣщанію, пренебрегше наше архипастырское повелѣніе; списавше книги, сами издаете безъ досмотрѣнія и благословенія нашего архипастырскаго, — и сія ваша велія неправда. Второе, приложисте нѣкая словеса, церкви св. В. необычная, и въ нашихъ книгахъ, съ нихъ же списываете, необрѣтающаяся. Напечатасте въ книзѣ своей оной яко пресв. Богородица зачата и рождена безъ первороднаго грѣха, отъ Адама происходящаго, и таковое слово въ нашихъ книгахъ, съ нихже списавше, печатасте, не обрѣтается“.... Изложивши далѣе доказательства противъ этой мысли изъ святаго Григорія Богослова, Аѳанасія великаго и Іоанна Дамаскина, патріархъ продолжалъ: — „вы же въ своей книзѣ тримѣсячіи написасте имена творцевъ и лѣтописателей, отъ ихъ же писаній собрася книга ина. Въ тѣхъ же именѣхъ положисте Іеронима, его же именовасте

учителя православнаго, ни о единомъ иномъ въ каталозѣ ономъ и святыхъ сущихъ тако рекше.... точію того единаго изъяснисте православнаго быти учителя, а суща въ подзорѣ велицѣмъ". Упомянувши затѣмъ и о прежнемъ самовольномъ изданіи книги „вѣнецъ Христовъ", Іоакимъ требовалъ отъ Варлаама покаянія и исправленія и вмѣсто всякія иныя епитиміи, писалъ онъ, сотворити вамъ соблазна сего изъ книгъ истребленіе и народомъ православнымъ объявити письменно, прегрѣшеніе недосмотромъ случившееся и иныя листы мѣсто оныхъ, въ нихъ же новшество о зачатіи пресв. Богородицы, напечатая, издати.... И впредь не приславъ къ намъ отнюдь бы вамъ не дерзати каковыхъ книгъ новослагаемыхъ печатати, да не казни церковной и запрещеніемъ, яко преслушницы, подпадете [1]).

Неизвѣстно было ли приведено въ исполненіе послѣднее распоряженіе патріарха относительно отпечатанія и разсылки исправленныхъ листовъ: но вообще грамата эта произвела свое дѣйствіе на издателей миней.—Они, какъ можно думать, пріостановили свое дѣло, равно прекратилъ было свои труды и св. Димитрій. Послѣдній, впрочемъ, пользуясь свиданіемъ съ патріархомъ, когда ѣздилъ въ Москву по вопросу о пресуществленіи въ качествѣ представителя Кіевскаго духовенства, какъ кажется, просилъ патріаршаго благословенія на продолженіе своего труда. Святѣйшій, говоритъ о себѣ св. Димитрій, благословилъ мнѣ грѣшному продолжать писаніемъ житія святыхъ и далъ на благословеніе мнѣ образъ пресв. Богородицы въ окладѣ [2])". Это было въ сентябрѣ 1689 года; а чрезъ полгода патріархъ Іоакимъ умеръ. Дѣло изданія миней при немъ не было рѣшено окончательно....

Свящ. П. Смирновъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) См. рпс. Икона дѣлъ Патріар. л. 539—545.

[2]) См. дневн. записк. св. Димитрія 1689 год. сентябр. 13.

Мелкія статьи, извѣстія и замѣтки.

Новая древле-славянская рукопись Евангелія (князя Д. С. Горчакова).

Отъ древнѣйшаго періода русской письменности (XI вѣка) уцѣлѣли, какъ извѣстно, только два-три памятника, въ которыхъ старо-славянскій или древне-болгарскій языкъ въ значительной чистотѣ сохранилъ всѣ свои особенности. Это скудное число увеличивается открытыми нынѣ отрывками Евангелія, принадлежащаго князю Д. С. Горчакову и содержащими на 250 пергаменныхъ листахъ Евангельскія чтенія расположенныя по древнему обычаю (т. е. по недѣлямъ и праздникамъ, начиная съ Пасхи) или такъ-называемое Евангеліе недѣльное (апракосъ). Рукопись, украшенная изящными изображеніями четырехъ Евангелистовъ, съ перваго взгляда поражаетъ чистымъ славянскимъ языкомъ, *вполнѣ сходнымъ съ языкомъ Остромирова списка Евангелія* (1056—57). Къ сожалѣнію, только начало (25 листовъ) и конецъ (32 листа) рукописи отличаются этимъ характеромъ древности; остальная же часть ея принадлежитъ позднѣйшему времени.

Древняя часть памятника написана, какъ видно изъ послѣсловія, *монахомъ Василькомъ въ 1299—1301* для галицкаго князя Льва Даніиловича, сына знаменитаго Галицкаго короля Даніила Романовича (умеръ 1262), современника Александра Невскаго. Рукопись списана, вѣроятно, въ Перемышлѣ (въ Галиціи), котораго владыка Иларіонъ упоминается въ послѣсловіи. Языкъ этой части поразительно сходенъ со спискомъ Остромира: сличеніе съ изданіемъ Востокова обнаружило *совершенное сходство* въ правописаніи, знакахъ препинанія и, что особенно важно, даже въ *опискахъ* и *погрѣшностяхъ писцовъ* противъ грамматическихъ законовъ славянскаго языка. Это обстоятельство придаетъ особенный интересъ и значеніе памятнику, находящемуся очевидно въ тѣсной связи съ Новгородскою рукописью. Опредѣлить это отношеніе будетъ ближайшею задачею науки, равно какъ и рѣшить вопросъ, принадлежитъ ли начало и конецъ одному писцу и тому же времени. Нѣкоторое объясненіе, можетъ быть, дадутъ рисунки, тоже весьма похожіе на подобныя изображенія въ Остромировомъ спискѣ (гдѣ сохранились однако только *три* Евангелиста).

Что же касается главной части рукописи, то она рѣзко отличается отъ предыдущей какъ почеркомъ, такъ и языкомъ, обнаруживающимъ ясно ея южно-русское происхожденіе и характерныя черты XIV вѣка, въ концѣ котораго она, повидимому, составлена.

Матеріалы для исторіи Русской церкви.

Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи.

Б.

ЗВЕНИГОРОДСКАЯ ДЕСЯТИНА.

Звенигородская десятина, по приходнымъ окладнымъ книгамъ «жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ земель» Патр. Каз. Приказа, писалась съ 7136 (1628) по 7188 (1680) годъ вмѣстѣ съ Сурожской десятиной. Обѣ десятины находились подъ вѣдѣніемъ одного «поповскаго старосты», который собиралъ съ церквей «данныя окладныя и неокладныя церковныя пошлины», и, съ записными своими тетрадями (Арх. Мин. Юстиціи Патр. Каз. Пр. кн. 33 и 334 и друг.), представлялъ собранныя деньги въ Патр. Казенный Приказъ [1]). Десятильничаго двора не встрѣчаемъ въ г. Звенигородѣ,

---

[1]) О собранныхъ окладныхъ и неокладныхъ церковныхъ пошлинъ, Патр. Каз. Приказъ въ своихъ приходныхъ книгахъ „жилыхъ данныхъ церквей," въ концѣ Звенигородской десятины дѣлалъ каждогодную запись въ слѣдующей формѣ: (окладныя) „и всего зъ Звенигородскія десятины зъ 22 церквей по окладу дани и десятильнича доходу и заѣзда 2 рубля 27 алтынъ (к. 2, л. 97,— 1628 года), еще: „и всего зъ Звенигородскіе десятины зъ 24 церквей однорядныхъ шесть рублевъ, восемь алтынъ зъ денгою (тамъ же, к. 196, л. 185 подъ 7143 г.). Неокладныя: „іюня въ 28 день Звенигородскіе десятины збору по книгамъ за рукою старосты поповскаго Троецкаго попа Никиты прошлаго 142 году генваря съ 25 числа, іюля по 21 число, венечныхъ пошлинъ зъ дву отроковъ пять алтынъ, с'трехъ двоеженцовъ тринадцать алтынъ, три денги, да с'похоронной, да с'перехожей шесть алтынъ, четыре денги, всего двадцать пять алтынъ зъ деньгою „взято". Платилъ староста поповскій Троицкой попъ Никита. Да нынѣшняго 143 года сентября съ 28 числа ноября по 10 число венечныхъ пошлинъ съ одинадцати отроковъ двадцать семь алтынъ, три денги, с'девяти двоеженцевъ рубль, семь алтынъ з'денгою з'дву перехожихъ, да с'похоронной десять алтынъ, всего нынешняго 143 года два рубля, одинадцать алтынъ, две денги „взято". Платилъ староста поповскій попъ Никита (тамъ же, к. 196, л. 187).

хотя въ Звенигородской и Сурожской десятинахъ, какъ и въ другихъ десятинахъ, былъ «Десятильникъ», между которыми встрѣчаемъ въ 7168 (1660) г. князя Владиміра Мещерскаго (Патр. Каз. Прик. кн. 49 л. 435), въ 7154 (1646) г. Семена Леонтьева Соболева (тамъ же кн. 20 л. 314).

Дѣлами церковными со всѣми ихъ аттрибутами по Звенигородской и Сурожской десятинѣ, вмѣстѣ съ поповскими старостами и десятильниками завѣдывали архимандриты и игумны Савво-сторожевскаго монастыря. Нужно думать, что первая инстанція по церковнымъ дѣламъ Звенигородской десятины, подъ предсѣдательствомъ настоятелей, помѣщалась въ зданіяхъ Саввинскаго монастыря.

Распредѣленіе дани на вновь построенныя церкви зависѣло отъ Патр. Каз. Приказа, который по поданной «челобитной» и по «сказкѣ» поповъ или вотчинниковъ налагалъ дань по «указной статьѣ» съ числа дворовъ и земли,—но иногда налагали дань на вновь «прибылыя» церкви старосты поповскіе и настоятели Саввинскаго монастыря (Патр. Пр. кн. 4 л. 339—340 и другія) и собранныя деньги со вновь прибылыхъ церквей представляли вмѣстѣ съ записными своими приходными книгами (тамъ же, кн. 6, л. 447) въ Патр. Каз. Приказъ. Между положенными окладными церковными пошлинами, встрѣчаемъ нѣкоторыя особенности въ Звенигородской и Сурожской десятинѣ по сравненію съ раскладкою окладныхъ церковныхъ пошлинъ другихъ десятинъ, вмѣстѣ съ общепринятыми церковными пошлинами: «дань и заѣзда» подъ церквами Звенигород. и Сурож. десятины означены «въ Московскій кормъ», «намѣстническихъ», и «въ Московскій проѣздъ» (тамъ же, кн. 2, л. 93—97). Съ 7185 (1677) г. подъ статьями церквей писалась одна только «дань», положенная по переписнымъ книгамъ 185 г., гор. Дмитрова, Борисоглѣбскаго монастыря архимандрита Питирима,—да «заѣзда» безъ исключенія подъ всѣми церквами «гривна» (тамъ же, кн. 91, л. 438—444); съ 1712 г. по случаю надбавки церков. пошлинъ дань измѣнилась (тамъ же, кн. 218, л. 261).

Въ Звенигородской и Сурожской десятинѣ по «письму и дозору Ивана Всеволодскаго, 128 года», состояло жилыхъ данныхъ церквей, носившихъ названіе «однорядныхъ», 21,—да одна церковь Живоначальныя Троицы, въ дворцовомъ селѣ Никольскомъ, «двойная», платившая въ Патр. Казен. Приказъ «по жалованой грамотѣ дани вдвое». Окладныя и неокладныя церков. пошлины, съ означенной двойной церкви, платили въ Патр. Казен. Приказъ непосредственно

сами приходскіе священники, или ихъ довѣрители, по своимъ записнымъ приходнымъ книгамъ,—въ чемъ и дѣлалась отмѣтка въ книгахъ означеннаго приказа, подъ статью сей церкви «на нынѣшней 136 годъ тѣ деньги «взято». Платилъ попъ Иванъ» (тамъ же, кн. 2, л. 94, см. и въ послѣдующихъ книгахъ) [1]). Церковь же Димитрія Селунскаго, въ селѣ Дмитровскомъ, писавшая въ приход. книгахъ въ числѣ жилыхъ данныхъ церквей съ 7136 (1628) г., въ 7199 (1691) году, іюля въ 4 день, какъ находившаяся въ Патр. владѣніи, вовсе была освобождена отъ всѣхъ церковныхъ пошлинъ (тамъ же, кн. 135, л. 374).

Замѣчательно, что всѣ церкви Звенигород. и Сурож. десятины, кромѣ монастырскихъ и дворцовыхъ, находились въ вотчинахъ знаменитыхъ князей и важныхъ бояръ и окольничьихъ; здѣсь мы находимъ фамиліи вотчинниковъ, князей: Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Волконскихъ, бояръ и окольничьихъ: Морозовыхъ, Черторижскихъ, Болтиныхъ, Шереметевыхъ, Лопухиныхъ, Прончищевыхъ, Плещеевыхъ, Голохвастовыхъ, Пушкиныхъ, Салтыковыхъ и другихъ. Къ привлеченію такихъ сильныхъ, богатыхъ и крупныхъ вотчинниковъ благопріятствовала самая мѣстность, расположенныхъ селъ съ ихъ церквами на живописныхъ гористыхъ мѣстахъ, по теченію рѣкъ Москвы и Истры; а потому, едва ли, въ какой десятинѣ существовали такія богатыя и по своей архитектурѣ красивыя церкви XVII и XVIII ст., какъ въ Звенигородской десятинѣ, сохранившіяся нѣкоторыя изъ нихъ доселѣ (см. рисунки церквей Звенигород. уѣзда, въ описаніи «Москов. Звенигорода. Архим. Леонида. Москва 1878 г.).

Къ Звенигородской десятинѣ принадлежали городскія и уѣздныя церкви по писцовымъ книгамъ XVII ст. Звенигородскаго уѣзда,—а въ Сурожскую десятину, кромѣ церквей Звенигор. уѣзда, входили церкви Сурожскаго стана по писцовымъ книгамъ XVII ст. Московскаго уѣзда. Между церквами Звенигородскаго уѣзда и Сурожскаго стана въ Звенигород. десятинѣ писались, какъ ближайшія къ сей десятинѣ, Верейскаго уѣзда, двѣ церкви: Рождества Пр. Богор. въ селѣ Смолинскомъ и Преображенія Господня, въ селѣ Слѣпушкинѣ, «вы-

---

[1]) Въ концѣ десятины дѣлалась запись и о „неокладныхъ“ церков. пошлинахъ церкви Живон. Троицы села Никольскаго „и генваря въ 5 день церкви Живон. Троицы, государева дворцоваго села Никольскаго по книгамъ за рукою попа Ивана денежныхъ пошлинъ прошлаго 146 г. с'трехъ отроковъ, да с'трехъ двоеженцевъ 21 алтынъ „взято“. Платилъ попъ Василей“ (кн. 10, л. 259).

бывшія» въ 7188 (1680) г. въ Верейскую десятину,—да Рузскаго уѣзда: церковь Рождества Пр. Богор. въ селѣ Марковѣ,—да Боровскаго уѣзда двѣ церкви: Рождества Христова въ селѣ Любановѣ и Покрова Пр. Богор. въ селѣ Ташировѣ, обѣ на рѣкѣ Нарѣ.

Въ 7188 (1680) г. Сурожская десятина была упразднена и писавшіяся по приход. окладнымъ книгамъ Патр. Приказа въ сей десятинѣ церкви были частью переписаны въ Загородскую десятину, а частью включились подъ одну рубрику «Звенигородская десятина»; да изъ Звенигород. десятины «выбыла» въ 7186 (1678) г. въ Пехрянскую десятину церковь св. муч. Георгія, въ селѣ Передѣльцахъ; (Патр. Пр. кн. 91, л. 443).

Что же касается до церквей: Николая Чуд. въ селѣ Кляповѣ и Димитрія Селун. въ селѣ Андреевскомъ, состоящихъ въ вотчинахъ Троицкаго монастыря, то они въ разное время писались или въ «Звенигородской» или въ «Троицкихъ вотчинъ» десятинахъ.

Въ предлагаемой Звенигород. десятинѣ въ числѣ церквей Звенигород. уѣзда находятся церкви и другихъ уѣздовъ: Рузскаго и Верейскаго, перечисленныхъ во время генеральнаго межеванія 1767 г. изъ Звенигородскаго уѣзда.

1) *Успенскій соборъ въ городѣ Звенигородѣ.*

Время построенія Звенигородскаго собора неизвѣстно [1]). Успенскій соборъ находился въ числѣ ружныхъ церквей и получалъ изъ Приказа Большаго Дворца, какъ видно изъ окладной ружной книгѣ, составленной въ 207 (1699) г., слѣдующую ругу въ годъ: «На свѣчи, на ладонъ и на вино церковное, рубль; за три пуда воску, 3 руб. 20 алтынъ; протопопу 10 рублевъ, ржи 5 четвертей съ осминою безъ четверика, овса тожъ; просвирнѣ 2 рубли, ржи 2 чети безъ полуосмины, овса тожъ, на просворы ржи четь и пол-два четверика, овса тожъ. Итого денегъ шестнадцать рублевъ, 20 алтынъ, ржи 8 четьи съ полуосминою и полчетверика, овса 7 четьи съ четверикомъ, по 15 алтынъ юфть, итого 3 рубли, 16 алт., 2 деньги. Всего денегъ и за хлѣбъ 20 рублевъ 3 алтына» [2]).

Въ записной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа о выданныхъ

---

[1]) Время построенія Звенигородскаго Успенскаго собора, по предположенію архимандрита Леонида, относится къ 1390—1434 годамъ. (См. Московскій Звенигор. и его уѣзды. Архим. Леонида. Москва 1878 г. стр. 6—7, 32—33).

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дворцов. Приказа, кн. 96, л. 314

антиминсахъ за 1703 г. значится: «сентября въ 11 день, противъ челобитья Звенигородскаго протопопа Іосифа, выданъ антиминсъ въ Звенигородъ, въ соборную апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; того жъ собору попъ Ѳедоръ антиминсъ взялъ и росписался» [1].

При соборной церкви находились протопопы: Симеонъ (1593 г.); Герасимъ (въ началѣ XVII ст.); Иванъ Ивановъ (1624—1639 г.); Иванъ Нероновъ (1673—1678) г. и Яковъ Іосифовъ, опредѣленный на мѣстѣ своего отца протопопа Іосифа, въ 1737 г. [2].

За протопопомъ Иваномъ Ивановымъ, по писцовымъ книгамъ 7132 (1624 г.), состояла вотчина Звенигородскаго уѣзда, въ Городскомъ стану: «пустоши что были деревни: Костина, Гущина Тверитинова тожъ, Парфенково, Карпово, Бедрино, Сторожково, Дьяконова—Веденикова тожъ, Бородина—Остякова тожъ; пустошь, что была Ямская слобода; полпустоши, что была деревня Карталова и пустоши, что были деревни: Курикова, Баранова, Щербино-Муратово тожъ, и Олишина-Куприно тожъ [3]); послѣднія 4 пустоши въ 1593 г. состояли» за протопопомъ Симеономъ съ братіею, что у Рождества Пречистой соборной церкви внутри Звенигорода а пустошь что была Ямская слобода пожалована протопопу Герасиму, «по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ домъ Пречистыя Богородицы» [4].

Въ 1739 г. протопопъ, Звенигородскаго собора, Яковъ Осиповъ входилъ въ контору правительствующаго сената съ доношеніемъ объ исправленіи ветхостей въ соборѣ. Въ доношеніи его написано: «по состоявшемуся въ прошломъ 1730 г. ея величества указу велѣно которые храмы святые, отъ скудости или инымъ какимъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать, а въ вышереченной соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы имѣются утвари церковныя: на престолѣ святое евангеліе «на немъ евангелисты мѣдные, сосуды: потиръ и дискосъ оловянные, ризы одне,—и тѣ ветхіе, два кадила мѣдныя, ветхія; книгъ 12 миней мѣсячныхъ; два осмогласника, апостолъ, псалтирь съ слѣдованіемъ и требникъ, всѣ ветхія; а иныхъ книгъ четныхъ про-

---

[1]) Патр. Прик. кн. 138, л. 238.

[2]) Писцов. кн. 638, л. 251, жалован. грамота № 4725: Патр. Прик. кн. 1, л. 264; кн. 3, л. 243 и 482; Дворц. Прик. кн. 37, л. 73; переписи кн. 11838 л. 405.

[3]) Писцов. кн. 638, л. 251.

[4]) Писцов. кн. 125, л. 189.

логовъ и прочихъ не имѣется, образы святыя въ денсусѣ весьма ветхіе жъ, на которыхъ и лику не имѣется; а иныя церковныя утвари въ той соборной церкви чаши водосвятныя, укропника, подсвѣшниковъ и прочаго ничего не имѣется, потому что при прежнихъ протопопахъ оную соборную церковь воровскіе люди грабили; такожъ на той соборной церкви кровля и глава деревянная вся огнила и крестъ на главѣ весьма поколебался и едва содержится, а въ окнахъ окончицы стеклянныя развалились и выпадали, и сквозь своды во многихъ мѣстахъ въ лѣтнее время идетъ дождевая вода. При той же соборной церкви имѣется колокольня деревянная, на ней 5 колоколовъ, вся огнила, а приходскихъ людей при соборной церкви и вкладчиковъ нѣтъ и за не строеніемъ въ той соборной церкви нынѣ служба Божія отправляется съ великою нуждою, потому что въ лѣтнее время въ церковь въ окна набиваетъ дождемъ и зимою наноситъ снѣгомъ, и птицы въ церковь таскаютъ всякой соръ и просилъ: показанною церковною утварью соборную церковь наградить, такожъ и церковную ветхость строеніемъ возобновить и прочее, что показано выше, зданіемъ произвесть».

1741 г. 20 іюля опредѣленіемъ Коллегіи Экономіи велѣно: «для осмотра и учиненія смѣты сколько чего къ тому исправленію надлежитъ и на какую сумму вся та ветхость исправиться можетъ, послать архитектора Мичурина».

Въ томъ же году отъ Мичурина представлена въ Коллегію Экономію опись, въ которой значится: «въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ иконостасѣ образъ Богоматери Одегитріи, образъ Живоначальныя Троицы, образъ Воскресенія Христова, образъ Успенія Богоматери, образъ Сергія Чудотворца и преподобнаго отца Саввы Звенигородскаго чудотворца, означенныя образа надлежитъ починить красками и золотомъ; вышиною оныя по 2 аршина, шириною по 1 аршину 10 вершк., сѣверныя и южныя двери мѣстами обетшали, надлежитъ починить красками и золотомъ; да въ означенной церкви въ алтарѣ стѣнное письмо облиняло, надлежитъ возобновить, оная церковь длиною 10 аршинъ, шириною 17 аршинъ; также къ троимъ дверямъ затворы желѣзные надлежитъ вновь сдѣлать, оные вышиною по 4 аршина по 10 вершковъ, шириною по 2 аршина съ четвертью; оной же церкви подъ главою въ шеѣ 22 окончины разныхъ мѣръ, ветхи, надлежитъ вновь сдѣлать стеклянныя, да надъ означенною церковью, предѣ-

ломъ и алтарями крыша тесовая, ветха, надлежитъ вновь сдѣлать, оная длиною 22 аршина съ половиною, шириною 19 аршинъ съ половиною». Да въ предѣлѣ Великомученика Георгія иконостасъ и въ немъ 5 образовъ, такожъ царскія и сѣверныя двери, оное все надлежитъ мѣстами починить красками и золотомъ. Да при помянутой церкви колокольня деревянная шести-угольная брущатая, ветха, надлежитъ разобрать и вновь сдѣлать; оная по окруженію 27 аршинъ, высотою 15 аршинъ, всего на сумму 406 р. 96 коп., съ работой.

При этомъ протопопъ Яковъ Іосифовъ объявилъ, что «въ помянутомъ соборѣ ризъ, сосудовъ и прочихъ принадлежностей къ служенію не имѣется и безъ оныхъ въ служеніи обойтиться не возможно, а именно: въ соборѣ на престолѣ одежды и срачицы; Евангеліе съ евангелисты серебреными, ризы празднишныя, воскресныя, также стихари дьяконскіе съ олорями и съ поручи; книгъ: евангеліе толковое повседневное; апостолъ, псалтырь со слѣдованіемъ, другая малая, прологи и минеи во весь годъ; два осмогласника, соборникъ, уставъ, требникъ, гермалогій печатный, другой нотной съ обиходомъ; сосуды: потиръ, дискосъ со звѣздою серебреныя, такожъ покровы съ воздухами; два кадила: одно—серебреное, другое—мѣдное; два подсвѣшника большихъ мѣдныхъ, 4 малыхъ мѣдныхъ, чашу водосвятную большую, другую—малую, укропникъ, два блюда большихъ, два ковшика на теплоту, ковчегъ, финикъ, двѣ пелены налойныя большія, 4—малыхъ; да въ предѣлѣ на престолъ и жертвенникъ одѣяніе» [1]).

Какое сдѣлано было распоряженіе объ исправленіи Успенскаго Собора—изъ дѣла не видно.

2). *Церковь Вознесенія Господня на посадѣ, въ гор. Звенигородѣ.*

Время построенія Вознесенской церкви неизвѣстно. Въ писцовыхъ книгахъ Звенигородскаго уѣзда 7132 (1624) г., значится: «Въ Звенигородѣ, на посадѣ церковь Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, а въ церкви: образы, и свѣчи, и книги, и клѣпало и всякое церковное строеніе мірское; а у церкви во дворѣ попъ Стефанъ, во дворѣ проскурница Авдотьица, а земля церквѣ дана десятинная и тоѣ церковную землю дозиралъ великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа русіи сынъ боярской Иванъ Всеволоцкой во 128 (1620) году и пустовыя

[1]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. Синод. Эконом. Прав., вязка 241, № дѣла 25.

церковныя земли дозиралъ онъ же въ томъ же году и тѣ пустовыя земли отдаетъ въ оброкъ староста поповской села Козина Никольской попъ Герасимъ» [1]). Вознесенская церковь писалась въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа «жилыхъ данныхъ церквей» подъ Звенигородскою десятиною съ 7136 (1628) по 1740 г., въ слѣдующей формѣ: «Церковь Вознесенія Господня на посадѣ, дани 4 алтына 4 деньги, въ Московской кормъ гривна и генваря въ 30 день на нынѣшній 136 годъ тѣ деньги взято; платилъ староста поповской [2]). По переписнымъ книгамъ 185 (1677) года, архимандрита Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря Питирима, на Вознесенскую церковь положено вмѣсто прежней дани, вновь 27 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна; а съ 1712 г. платилось церковной дани рубль 7 алтынъ съ деньгою [3]).

7138 (1630) года «генваря въ 11 день, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московской и всеа русіи ходилъ на богомолье въ Саввинъ монастырь, шолъ мимо Звенигорода и 15 генваря святѣйшій патріархъ пожаловалъ въ Звенигородѣ, Вознесенскому попу Стефану на молебенъ гривну; да тому же попу Стефану дано за лукошко, что взято на водосвятную чашу 6 денегъ» [4]).

Въ 1624 г., въ Звенигородѣ, на посадѣ находилось 18 дворовъ посадскихъ, да на городской сторонѣ 29 мѣстъ пустыхъ, да за Москвою рѣкою 14 двор. посадскихъ; да на посадской землѣ въ Звенигородѣ 5 двор., а живутъ въ нихъ Звенигородской протопопъ и дѣти боярскія [5]). Подъ 1678 г. значится: «Вознесенская слобода», въ ней 28 двор. посадскихъ, людей въ нихъ 135 челов. и дворъ протопопа [6]).

При церкви Вознесенія Господня были священники: Андрей Сидоровъ (1643) г., Павелъ Борисовъ (1662) г. [7]), Стефанъ Архиповъ (1683 г.) [8]) и Макарій Ѳеоктистовъ, дьячекъ Иванъ Степановъ и пономарь Алексѣй Ивановъ (1715 г.) [9]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. 456, л. 62.
[2]) Тамъ же, Патр. Прик. кн. 2, л. 93.
[3]) Патр. Прик. кн. 91, л. 438; кн. 196, л. 82; кн. 252, л. 185.
[4]) Тоже, кн. 3, л. 315.
[5]) Писц. кн. 456, л. 62—68.
[6]) Переписн. кн. 11838, л. 402—404.
[7]) Отказн. кн. по гор. Мурому, № 11872, л. 254 и 490.
[8]) Тоже, кн. 11871, л. 1229.
[9]) Переписн. ландр. кн. 1715 г.

3) Церковь, *Рождества Христова съ придѣломъ св. Николая чудотворца, на посадѣ, въ гор. Звенигородѣ.*

Христорождественская церковь, съ придѣломъ св. Николая чудотворца, построена въ 1642 г. Въ гор. Звенигородѣ на нижнемъ посадѣ изстари существовали двѣ церкви: Рождества Христова и Николая чудотворца, что на Ускомъ концѣ, когда и по какому случаю эти церкви были уничтожены—неизвѣстно. По писцовымъ книгамъ 7132 (1624) г. значится: «Николы чудотворца, что на Ускомъ концѣ, въ Звенигородѣ, на посадѣ, вотчина полпустоши, что была деревня Карталова [1]), которая по указу патріарха Іоасафа въ 7143 (1635) г. была отдана «на селидьбу крестьянамъ». Церковныя земли и мѣста, упраздненныхъ церквей, отдавались въ оброкъ разнымъ лицамъ и писались въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа «пустовыхъ церковныхъ земель» съ 7146 (1638) г. отдѣльными статьями, съ означеніемъ въ нихъ на комъ и сколько оброку: а) «съ церковной земли Николы чудотворца, Ускаго конца, съ полпустоши Карталовой на звенигородцахъ дѣтяхъ боярскихъ Горяинѣ Слезневѣ, да на Торопѣ Ватолинѣ, да на Яковѣ Нероновѣ, оброку съ 143 по 146 (1635—1638) годъ, 13 рублевъ; подъ этою статьею въ тѣхъ же книгахъ отмѣчено: «святѣйшій патріархъ Іоасафъ приказалъ именно за прошлые годы со 143 по 146 (1635—1638) г., оброчныхъ доимочныхъ денегъ на нихъ съ той церковной земли въ ево государеву казну имать не велѣлъ, потому что та церковная земля во 143 (1635) году отдана была на селидьбу крестьянамъ». б) «Съ церковной земли Рождества Христова въ Звенигородѣ, на посадѣ, на Игнатьѣ Шапиловѣ, оброку 23 алтына 2 деньги». в) «Тоя жъ церкви съ дворового мѣста на звенигородцѣ сынѣ боярскомъ на Елизарьѣ Карповѣ оброку гривна» [2]). На пустоши Карталовой между крестьянами поселились звенигородскіе посадскіе люди Степанъ Алферьевъ съ товарищами. Въ 7146 (1638) года іюля въ 22 день (въ Патр. Каз. Приказѣ) «по подписной челобитной за помѣтою дьяковъ: Ивана Головкова, да Афанасья Максимова, та церковная земля, половина пустоши Карталовой, велѣно отдать звенигород-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. 638, л. 253 об.
[2]) Дворц. Прик. кн. 6, л. 121 и 123.

скимъ посадскимъ людямъ Степашку Олферьеву съ товарищи, которые было поселились на той пустоши по государеву указу во 143 (1635) году, а оброку велѣно у нихъ имать тожъ по чему они платили въ Патріаршій Дворцовый Приказъ — 4 р. да сверхъ того новые наддачи 2 рубли и обоево 6 рублевъ и тѣ деньги взято» [1]). Степанъ Алферьевъ съ товарищами не долго владѣлъ вышеозначенною церковною землею; въ 7147 (1739) г. она отдана «изъ наддачи звенигородскимъ посадскимъ людямъ Гришкѣ Терентьеву Винокурову съ товарищи—новыя наддачи 16 алтынъ 4 деньги» [2]) и у нихъ находилась на оброкѣ до 7150 (1642) г.

На церковной землѣ, принадлежавшей Николаевской церкви Ускаго конца, построена церковь во имя Рождества Христова съ придѣломъ Николая чудотворца. Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7150 (1642) г. подъ оброчною статьею церковной земли Николая чудотворца, Ускаго конца, написано: «Въ нынѣшнемъ во 150 (1642) году, по выпискѣ за помѣтою дьяка Григорья Одинцова, на той (Николаевской) церковной землѣ, по челобитью звенигородцевъ посадскихъ людей Гришки Винокурова съ товарищи, поставлена церковь Рождества Христова, да въ придѣлѣ Николы чудотворца, Ускаго конца, съ церковнымъ строеніемъ они построили и попа призвали и у той церкви дворы переписаны, а по переписнымъ книгамъ Звенигородскаго старосты поповскаго Троицкаго попа Никиты, положено дани 20 алтынъ, десятильничьихъ 3 алтына, 2 деньги, и генваря въ 24 день, на нынѣшній 150 годъ, тѣ деньги взято, платилъ тоя церкви попъ Петръ» [3]). По построеніи церкви Рождества Христова, церковная земля Николаевской церкви, Ускаго конца, половина пустоши Карталовой, болѣе уже не писалась въ оброчныхъ книгахъ Казеннаго Приказа [4]); а церковная земля Рождества Христова въ Звенигородѣ, на посадѣ, съ дворовымъ мѣстомъ той же церкви числилась на оброкѣ по 1652 годъ, на посадскомъ человѣкѣ Фомкѣ Анисимовѣ и на звенигородцѣ сынѣ боярскомъ Елизарьѣ Карповѣ» [5]). Въ 7160 (1652) г. «по государеву патріархову указу и по челобитной за помѣтою дьяка

---

[1]) Дворц. Прик. кн. 6, л. 121.
[2]) Тоже, л. 347.
[3]) Патр. Прик. кн. 14, л. 341.
[4]) Дворц. Прик. кн. 6, л. 1036.
[5]) Патр. Прик. кн. 25, л. 151.

Ивана Кокошилова съ той (Рождественской) церковной земли—съ двороваго мѣста, оброчныхъ денегъ имать не велѣно, потому что на той церковной землѣ, въ прошломъ во 150 (1642) году, по челобитью звенигородцевъ посадцкихъ людей, поставлена церковь и обложена данью и писана въ приходной книгѣ жилыхъ данныхъ церквей, а на дворовомъ мѣстѣ живетъ попъ Иванъ и платитъ за оброкъ данью и впредь того церковнаго мѣста въ оброчной книгѣ не писать»; а церковная Рождественская земля по прежнему находилась на оброкѣ у звенигородскихъ посадскихъ людей по 1739 г. [1]).

Новопостроенная Христорождественская церковь писалась, въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Прик. съ 7151 (1643) г., подъ Звенигородскою десятиною такъ: «церковь Рожества Христова, да въ придѣлѣ Николы Чудотворца, Ускаго конца, въ Звенигородѣ, на посадѣ, дани 20 алтынъ, десятильничныхъ 3 алтына, 2 деньги и тѣ деньги на нынѣшній 151 годъ взято; платилъ староста поповской Архангельской попъ Прокопій» [2]). Въ 7155 (1647) г. подъ статьею сей церкви имѣется отмѣтка: «по государеву патріархову указу и по челобитной, за помѣтою дьяка Ивана Кокошилова, съ той церкви данныхъ денегъ, на нынѣшній 155 годъ, на попѣ Иванѣ для его бѣдности не имать» [3]).

По переписнымъ книгамъ 186 (1678) г. значится: «Рожественская слобода въ гор. Звенигородѣ на посадѣ, а въ ней посадскихъ 26 дворовъ, людей въ нихъ 116 челов [4]). Того же года на Рождественскую церковь, вмѣсто старой, положено вновь дани 24 алт. 5 ден., заѣзда гривна а въ 1712—1739 гг. платилось церковной дани рубль, 4 алт., 5 денегъ [5]).

Въ записной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа о выданныхъ антиминсахъ за 7203 (1694—1695 г. значится: «ноября въ 28 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ ко освященію церкви Рождества Христова въ Звенигородъ, на посадъ, тоя же церкви попъ Сергій взялъ и росписался» [6]).

---

[1]) Патр. Прик. кн. 25, л. 1024, 1118, кн. 31, л. 42 и кн. 396.
[2]) Тоже, кн. 16, л. 333.
[3]) Тоже, кн. 20, л. 313; кн. 21, л. 347.
[4]) Переписи кн. 11838, л. 400–402.
[5]) Патр. Прик. кн. 91, л. 442; кн. 252, л. 185.
[6]) Тоже, кн. 138, л. 75.

При Христорождественской церкви находились священники: Василій Алексѣевъ, который въ 1676 г. поступилъ въ монастырь и Терентій Никитинъ (1715 г.); дьячекъ Иванъ Яковлевъ и пономарь Степанъ Никитинъ [1]).

4) *Церковь Святаго Александра Свирскаю въ селѣ Славковѣ* [2]).

Время построенія церкви препод. Александра Свирскаго, въ селѣ Славковѣ — неизвѣстно. Первое свѣдѣніе о ней встрѣчается въ приходной окладной книгѣ Патр. Казеннаго Приказа, подъ Звенигородскою десятиною, за 7186 (1678 г.). Въ ней написано: «Въ нынѣшнемъ во 1⁸6 (1678) году» по указу святѣйшаго патріарха и по помѣтѣ, на выпискѣ, дьяка Перфилія Сименникова, обложена вновь на Москвѣ церковь преподобнаго Александра Свирскаго, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ стольника Льва Дмитріева сына Толочанова, въ селѣ Славковѣ, а на тое церковь положено дани, по сказки тоя церкви попа Артемія, съ дворовъ: съ попова, съ вотчинникова, съ 5 дворовъ крестьянскихъ, по указной статьѣ, 4 алтына съ деньгою, заѣзда гривна и по тому окладу тѣ деньги велѣно взять на прошлый 185 (1677) и на нынѣшній 186 (1678) годъ» [3]).

Славково, нѣкогдо, было деревнею, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, городскаго стана и принадлежало Михаилу Глѣбову Салтыкову, а въ 7132 и 7133 (1624—25) гг., по писцовымъ книгамъ значится: «пустошь Славково въ порожихъ земляхъ» [4]). Въ 7186 (1678) г. Славково, на рѣчкѣ Бѣляйкѣ, названное селомъ, было вотчиною стольника Льва Дмитріева Толочанова, въ селѣ находился дворъ его вотчинниковъ, людей въ немъ 13 челов., 2 дв. задворныхъ, людей въ нихъ 6 челов., 2 дв. крестьянскихъ и дворъ бобыльской,—въ нихъ 13 челов. [5]). По смерти Льва Дм. Толочанова, селомъ владѣла жена его вдова Марья, а отъ нея перешло въ 1682 г. къ ея родному внуку, князю Алексѣю Ивановичу Егупову-Черкасскому [6]), который изъ своей вотчины села Славкова пожертвовалъ

[1]) Дворц. Прик. кн. 27, л. 73. и перен. Ландр. кн. 1715 г., л. 2.
[2]) Нынѣ Славково—деревня, Звенигор. уѣзда.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Патр. Прик. кн. 91, л. 444.
[4]) Тамъ же, писцов. кн. 638, л. 131.
[5]) Переписн. кн. 21838, л. 454 об.
[6]) Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 36, № дѣла 11, л. 147.

къ церкви Александра Свирскаго, «попу съ причетниками, 10 четвертей пашенной земли. Вслѣдствіе чего въ Патріаршемъ Казенномъ Приказѣ 7192 (1684) г. послѣдовало распоряженіе: «на церковь Алаек-андра Свирскаго, въ вотчинѣ стольника, князя, Алексѣя Иванова сына Егупова-Черкасскаго, въ селѣ Славковѣ, вмѣсто старой дани положить новую дань, по сказкѣ человѣка ево Петрушки, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ — съ одного вотчинникова, съ 5 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, съ церковной земли, что къ той церкви далъ вотчинникъ, князь Алексѣй Егуповъ-Черкасскій, въ селѣ Славковѣ, съ пашни съ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, по указной статьѣ 9 алтынъ, 3 деньги, заѣзда гривна и потому окладу велѣно принять со 193 (1685) году [1]). «Церковь Александра Свирскаго писалась, въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа по 1740 г., въ Звенигородской десятинѣ «въ вотчинѣ стольника князя Алексѣя Иванова сына Егупова-Черкасскаго». Церковной дани платилось въ 1712—1739 гг. 22 алтына, 5 денегъ [2]).

«Село Славково, на рѣчкѣ Бѣляйкѣ, отъ сельца Кожевникова въ 5 верстахъ, въ 1705 г. принадлежало князю Ивану Михайлову Егупову-Черкасскому; въ селѣ находились дворъ его вотчинниковъ и 8 крестьянскихъ дворовъ, людей въ нихъ 41 челов. При церкви были священники: Маркъ Терентьевъ (1705—1715 г. [3]), и Иванъ Лаврентьевъ, переведенный изъ села Иславскаго, въ 1729 г. [4]).

По смерти кн. Ивана Мих. Егупова-Черкасскаго, селомъ владѣлъ, въ 1726 г., кн. Григорій Ивановъ Егуповъ-Черкасскій, а отъ него перешло къ его родному брату, князю Ивану Ив. (ум. 1748 г.) и затѣмъ оно принадлежало (въ 1750—1782 гг.) его сыну кн. Льву Иванову, по раздѣлу съ роднымъ братомъ кн. Тимофеемъ и ихъ матерью, вдовою, кн. Прасковьею Антоновною [5]).

5) Церковь Богоявленія Господня, въ селѣ Игнатьевѣ [6]).

Село Игнатьево, на рѣкѣ Москвѣ, съ находившеюся въ немъ церковью Николая Чудотворца, въ 101 (1593) г. состояло въ Зве-

---

[1]) Патр. Прик. кн. 114, л. 360.

[2]) Тамъ же, кн. 252, л. 189 и кн. 411.

[3]) Переписи. кн. 11839 л. 249, Ландр. кн. 1715 г.

[4]) Патр. Прик. кн. 314, л. 89.

[5]) Вотч. Колл. по гор. Мурому ст., л. кн. 54, № дѣла 18 и ревизскія сказки по Московск. губ. кн. 7, л. 5.

[6]) Нынѣ Игнатьево—деревня, Звенигород. уѣзда.

вигородскомъ уѣздѣ [1]). Николаевская церковь, по всей вѣроятности, была уничтожена въ началѣ XVII ст. и построена новая церковь во имя Входа въ Іерусалимъ, съ предѣломъ Николая Чудотворца. Въ писцовыхъ книгахъ 132 и 133 (1624—1625) гг., Звенигородскаго уѣзда, городскаго стана, написано: «За Микулаемъ Микитинымъ сыномъ Новокщеновымъ, купленная вотчина, что купилъ въ прошломъ во 118 (1610) году, у Авраама Михайлова сына, да у Кузьмы Мардохаева сына Елизаровыхъ, треть, а во 123 (1615) году, у Ивана Овсланова сына съ братіею, другую треть, да въ прошломъ же во 123 году, у Татьяны Кузьмины, жены Елизарова съ дѣтьми, да у зятя ихъ у Ивана Воробина, третью треть, село Игнатьево, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ селѣ церковь Входъ въ Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа, да придѣлъ великаго Чудотворца Николая, древянъ вверхъ; церковныхъ дворовъ: во дворѣ попъ Ѳедоръ, проскурница Настасья, а церковной земли нѣтъ, даетъ вотчинникъ, чѣмъ попу сыту быть, съ церковнымъ обиходомъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 10 человѣкъ, да 4 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 10 человѣкъ [2]); нѣкоторые изъ нихъ имѣли прозвища: Глухой, Сотникъ и Растрига.

Въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа, жилыхъ данныхъ церквей за 136 (1628) г., въ статьѣ подъ Сурожскою десятиною написано: «Новоприбылая церковь Входъ во Іерусалимъ, въ селѣ Игнатьевѣ, по окладу дани 4 алтына, 3 деньги, намѣстническихъ 4 алтына; заѣзда двѣ деньги, въ кормъ и въ Московской проѣздъ гривна и генваря въ 30 день на нынѣшній 136 (1628) годъ, впервые взято, да на прошлый 135 (1627) годъ, взято дани и намѣстническихъ и заѣзда тожъ» [3]).

Село Игнатьево во 139 (1631) г. продано Николаемъ Новокщеновымъ, князю Якову Янцевичу Сулешеву, а отъ него перешло во 147 (1639) г. къ дьяку Ивану Исакову Патрикѣеву; во 150 (1642) г. куплено думнымъ дьякомъ Михаиломъ Даниловымъ, и за нимъ утверждено, въ томъ же году, отказною книгою, въ которой упоминается: «въ селѣ церковь Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа, да придѣлъ Николы Чудотворца; при церкви попъ Петръ» [4])

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 125, л. 25 об.
[2]) Тамъ же, писц. кн. 638, л. 206—208.
[3]) Тамъ же, Патр. Прик. кн. 2, л. 97.
[4]) Тамъ же, отказн. кн. по гор. Мурому № 11872, л. 715.

Въ 1648 г. Игнатьево куплено Ѳедоромъ Кузьминымъ Елизаровымъ, а отъ него по промѣнной записи, въ 1677 г., перешло «въ вотчину Пречистыя Богородицы Саввы Сторожевскаго монастыря. При церкви находились въ 1677 г. «попъ Степанъ, во дворѣ дьячекъ Ивашко Богдановъ, да въ селѣ дворъ монастырской, семь дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 36 человѣкъ и 5 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 19 человѣкъ» [1]).

По переписнымъ книгамъ Звенигородскаго уѣзда, за 1705 годъ, значится: «Саввы Сторожевскаго монастыря вотчина село Игнатьево». При церкви находились въ 1705—1715 гг. «во дворѣ попъ Михайло Никитинъ, во дворѣ дьячекъ Ефремъ Михайловъ, во дворѣ пономарь Константинъ Степановъ [2]); да въ селѣ дворъ монастырской и 11 дворовъ крестьянскихъ».

Въ 1731 году, церковь Входъ во Іерусалимъ, въ селѣ Игнатьевѣ, сгорѣла и о построеніи вновь церкви производилось дѣло въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ по прошенію, поданному въ оный приказъ, 5 октября 1733 г., отъ архимандрита Саввы Сторожевскаго монастыря Антонія. Въ прошеніи написано: «Въ прошломъ 1731 году, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Саввина Сторожевскаго монастыря, въ селѣ Игнатьевѣ, церковь во-имя Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа, волею Божіею сгорѣла, а изъ оной церкви антиминсъ и святыя иконы и протчая церковная утварь вынесены, а нынѣ приходскіе люди, во всякихъ церковныхъ потребахъ, имѣютъ необходимую потребу и нужду, и чтобы повелѣно было о строеніи церкви во имя Богоявленія Господня и о священіи оной церкви выдать указъ».

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ была сдѣлана справка, въ которой написано: «Въ писцовыхъ книгахъ 161 (1653) году, Звенигородскаго уѣзду у оной церкви значится дворъ поповъ, въ приходѣ 65 дворовъ». Въ переписныхъ 703 г. книгахъ означенной церкви не написано. Въ окладныхъ Синодальнаго Казеннаго Приказа за прошлые и сего 1733 года значится: церковь Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа въ вотчинѣ Саввы Сторожевскаго монастыря, въ селѣ Игнатьевѣ, дани рубль, 4 алтына, двѣ деньги; казенныхъ пошлинъ

---

[1]) Тамъ же, жалов. грам. № 75, общ. 4749 и № 80 общ. 4754 и перен. кн. 11838, л. 475 об.

[2]) Тамъ же, кн. 11839 и 291 и Ланврат. кн. 1715.

17 копѣекъ». По этому дѣлу послѣдовала резолюція 15 октября, 1733 г.: «Дать указъ о строеніи, а о священіи просить какъ построена будетъ». Того же года 19 октября о строеніи деревянной церкви выданъ указъ, изъ Синодальнаго Приказа, архимандриту Антонію. 1734 г., апрѣля 3 числа, священникъ новопостроенной Богоявленской церкви Леонтій Михайловъ входилъ съ прошеніемъ, въ Синодальный Казенный Приказъ, объ освященіи церкви. На этомъ прошеніи написана резолюція: «дать указъ о священіи и антиминсъ выдать». И того числа выданъ указъ, изъ Синодальнаго Приказа, архимадриту Антонію [1]).

«Церковь Входъ во Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа въ селѣ Игнатьевѣ, въ вотчинѣ Саввина монастыря; дани рубль, 4 алтына, двѣ деньги», писалась въ приходн. книгахъ каз. приказа подъ Звенигородскою десятиною по 1740 г. [2]).

6) *Церковь Введенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Введенскомъ-Першинѣ* [3]).

Введенская церковь, построенная издревле, находилась до 7101 (1593 г.) въ Звенигородскомъ уѣздѣ, городскаго стана «на царя великаго князя землѣ волостной, на погостѣ; пашни поповы 14 четьи въ полѣ, а въ дву потому-жъ, земля средняя, сѣна 10 копенъ, пороснеку 40 четьи» [4]). Въ началѣ XVII столѣтія церковь эта уничтожена, вѣроятно, во время Литовскаго разоренія, ибо въ писцовой книгѣ 7132 и 7133 (1624—1625) гг. значится: «пустошь, что былъ погостъ на царя и великаго князя землѣ, на волостной, а въ немъ мѣсто церковное Введеніе Пресвятыя Богородицы; пашни церковныя середнія земли лѣсомъ поросло 14 четв. въ полѣ, а въ дву потому-жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу пашеннаго

---

[1]) Тамъ же, Патр. Прик., вязка 467, № дѣла 2222.

[2]) Патр. Прик. кн. 411.

[3]) Нынѣ село Першино, Звенигородскаго уѣзда, съ церковью Преображенія Господня. Церковная лѣтопись Спасо-Преображенской церкви составлена священникомъ оной церкви Георгіемъ Ив. Ѳивейскимъ. См. журн. „Чтеній“ въ Общ. люб. дух. просвѣщенія, за 1879 г.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. писцов. кн. 125, л. 21.

20 десятинъ» [1]). Близъ Введенскаго погоста, въ 1624 г., находилась вотчина боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, «по государевѣ жалованной грамотѣ, за Московское осадное сидѣнье, 128 (1620) года, деревня Порѣчья, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ ней дворъ прикащиковъ Василья Виткова, да 2 двора крестьянскихъ, а людей, въ нихъ 4 человѣка, да 8 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 9 человѣкъ и пустошь Першина, на рѣчкѣ Холявѣ» [2]). Въ 1655 г. Першина находилась во владѣніи у боярина кн. Ивана Андреевича Милославскаго, а отъ него перешла, по промѣнной записи 1661 г., къ окольничему Ѳедору Кузмичу Елизарову, который отдалъ пустошь Першина, «по заручной челобитной» въ 1664 г. своему племяннику Андрею Прокофьеву Елизарову. Подъ 1678 г. Першино, населенное послѣ переписныхъ книгъ 154 (1646) г. значится сельцомъ, и принадлежало окольничему Михаилу Петровичу Головину, женатому на Улитѣ Прокофьевнѣ [3]) (дочери Прокофья Кузмича Елизарова, ум. 1677 г. [4]); въ сельцѣ находились: дворъ вотчинниковъ, людей въ немъ 4 человѣка и 4 дв. крестьянскихъ—въ нихъ 12 человѣкъ [5]).

Церковная земля Введенскаго погоста, находившаяся на оброкѣ у крестьянъ сельца Першина, въ 7195 (1687) г., по распоряженію Патріаршаго Казеннаго Приказа, отдана на оброкъ боярину Михаилу Головкину «изъ наддачи для того, что та церковная земля въ ево земляхъ, а наддачи на немъ взять 13 алтынъ, 2 деньги» [6]).

Бояринъ Михаилъ Петровичъ Головинъ построилъ въ сельцѣ Першинѣ церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы и ко дню освященія оной церкви 7203 (1694), «октября 16 дня, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ Звенигородской уѣздъ, въ село Введенское; Никитскаго монастыря попъ Іоаннъ Іевлевъ взялъ антиминсъ и росписался» [7]). Новопостроенная цер-

[1]) Писцов. кн. 638, л. 222.

[2]) Тоже л. 133—134.

[3]) Вотч. колл. по гор. Мурому ст. л. кн. 57, № дѣла 16; по гор. Москвѣ ст. л. кн. 62, № дѣла 8.

[4]) 7165 (1677 г.) іюля 16 дня, святѣйшій патріархъ (Іоакимъ) ходилъ на Никитскую къ церкви Николая чудотворца въ Хлыновѣ, отпѣвалъ тѣло думнаго дворянина Прокофья Кузмича Елизарова. См. Патріарш. Прик. кн. 89, лист. 168.

[5]) Переписн. кн. 11838, № 463.

[6]) Патр. Прик. кн. 117, л. 166; кн. 120, л. 135.

[7]) Патр. Прик. кн. 138, л. 75 об.

ковь была обложена данью. О чемъ въ приходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 7203 (1694) г., имѣется запись слѣдующаго содержанія: «октября въ 27 день, по указу святѣйшаго патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, велѣно: новопостроенныя церкви Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы, которую построилъ боярин Михаилъ Петровичъ Головинъ, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Введенскомъ—Першино тожъ, на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ человѣка ево Ивана Христофорова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ просвирницына, съ вотчинниковъ и 38 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ, а церковныя земли, по памяти изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Ивана Козлова, 202 (1694) году, апрѣля въ 4 день, съ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому-жъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 23 алтына съ деньгою, заѣзда гривна и по тому окладу данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 203 (1694—1695) году, и записать въ приходъ, и о пріемѣ тѣхъ денегъ послать указъ къ старостѣ поповскому» [1]). За послѣдующіе 1696—1740 годы, Введенская церковь писалась въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа, подъ Звенигородскою десятиною, въ слѣдующей формѣ: «церковь Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ вотчинѣ боярина Михаила Петровича Головина, въ селѣ Введенскомъ—Першино тожъ, дани 23 алтына съ деньгою, заѣзда гривна»: а съ 1712 г. платилось дани рубль, 3 алтына съ деньгою [2]).

Церковная же земля на пустоши Введенскаго погоста, была отдана въ оброкъ священнику новопостроенной, въ селѣ Першинѣ, Введенской церкви. Въ приходной книгѣ Патр. Приказа, оброчныхъ земель, написано: «Въ нынѣшнемъ 202 (1694) году, апрѣля 20 дня, по указу святѣйшаго патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Андрея Денисовича Владыкина, церковная земля Входа во храмъ Пресв. Богородицы въ пустоши, что былъ погостъ, въ городскомъ стану, которая отдана во 195 (1687) году, на оброкъ боярину Михаилу Петровичу Головину, велѣно отдать вотчины его, боярина Головина, села Введенскаго—Першино тожъ, попу Харитону на 202 (1694) годъ, впредь безъ перекупки изъ прежняго оброку и поручная запись взята»; а въ 7203 (1695) г., отдана на оброкъ той же

[1]) Патр. Прик. кн. 153, л. 226.
[2]) Патр. Прик. кн. 252, л. 189 и кн. 411.

церкви попу Ивану, съ платою оброка одного рубля въ годъ, и за нимъ числилась по книгамъ Патр. Приказа до 1740 г. [1]).

Михаилъ Петр. Головинъ и его жена Улита Прокофьевна помѣстья свои и вотчины въ 1695 г., раздѣлили своимъ дѣтямъ Ивану (ум. 1737 г.) и Автамону Михайловымъ, послѣднему досталось село Першино съ деревнями: Половнищемъ и Марьиною [2]). Селенія Половнище и Марьино, по писцовымъ книгамъ Звенигородскаго уѣзда 1624 г., значились пустошами подъ названіемъ. «Полище-Половнище тожъ, на рѣчкѣ Нахабенкѣ, и Варганевская—Марьино тожъ, на рѣчкѣ Холявкѣ», и находились въ вотчинѣ за Миколаемъ Никитинымъ Новокщеновымъ [3]). Эти пустоши были населены крестьянами и названы деревнями. Въ 1678 г. онѣ принадлежали Михаилу Петровичу Головину; въ дер. Половнищѣ числилось 10 двор. крестьянскихъ, людей въ нихъ 40 челов. и въ дер. Марьинѣ—12 двор. кр. въ нихъ 54 челов. [4]). По переписнымъ книгамъ 1705 г. значится: въ селѣ Введенскомъ, что б. сельцо Першино, на прудахъ, дворъ вотчинниковъ и 4 дв. крестьянскихъ; въ дер. Марьиной—11 дв. и въ дер. Половнищѣ—11 двор. кр. При Введенской церкви находились въ 1705 г. «во дворѣ попъ Ѳедоръ Варфоломѣевъ, во дворѣ дьячекъ Михаилъ Михайловъ, во дворѣ пономарь Герасимъ Андреевъ, во дворѣ просвирня Дарья; въ 1715 г.—попъ Ефремъ Михайловъ [5]); и въ 1735 г.—попъ Иванъ Ивановъ [6]).

Въ 1744 г. село Введенское—Першино продано Сергѣемъ Автамоновичемъ Головинымъ, Сергѣю Васильевичу Поздѣеву, а въ 1769 куплено княземъ Николаемъ Михайловичемъ Голицынымъ [7]).

7) *Церковь Введенія Пресвятыя Богородицы, въ селѣ Козинѣ* [8]).

Село Козино въ 1536 г. было дворцовымъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Въ селѣ находилась церковь (во имя какого святаго неизвѣстно); при ней были священники: Захарій (1536 г.) и Герасимъ

---

[1]) Патр. Прик. кн. 150, л. 135 и кн. 396.
[2]) Вотч. колл. по гор. Мурому ст. л. кн. 57, № дѣла 16.
[3]) Писцов. кн. 638, л. 206–208.
[4]) Переписи. кн. 11838 л. 461—464.
[5]) Переписи кн. 11839 л. 255 и Ландр. кн. 1715 г. л. 90.
[6]) Патр. Прик. вязка 470, № дѣла 2640.
[7]) Вотч. колл. по гор. Мурому ст. л., кн. 88, № дѣла 21.
[8]) Нынѣ село Козино, съ церковью Св. Троицы, Звенигор. уѣзда.

Кирилловъ (1624 г.) [1]). Во время бывшаго нашествія польскаго королевича Владислава, въ этомъ селѣ стояли польскія и литовскія войска. Въ 7127 (1618) году сентября въ 9 день, посланы были изъ Москвы, по Звенигородской дорогѣ, «подъѣщики сытнаго дворца, стрянчій Кириллъ Протасьевъ съ товарищи 4 человѣка, для провѣдованія про королевича, про гетмата, да про литовскихъ людей» и, по возвращеніи, 10 сентября «въ распросѣ сказали: пріѣхали они къ селу Козину вечеромъ, въ другомъ часу ночи, и слышали, что въ селѣ Козинѣ говорятъ литовскіе люди, и ихъ подъѣщиковъ послышали и стрѣляли тѣ литовскіе люди, изъ села Козина, изъ пищалей дважды, а чаятъ, что тѣ литовскіе люди стоятъ въ селѣ Козинѣ на заставѣ и молотятъ хлѣбъ, а сколько стоитъ того не вѣдаютъ, а слышали они отъ крестьянина села Михайловскаго, что большіе литовскіе люди стоятъ въ селѣ Колюбакинѣ, за Звенигородомъ верстъ съ 15» [2]).

Въ первой половинѣ XVII ст., въ селѣ Козинѣ существовала церковь во имя св. Николая чудотворца. О ней встрѣчается первое свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 7136 (1628) г. Тамъ въ статьѣ подъ Звенигородскою десятиною написано: «церковь Николы чудотворца въ государевѣ дворцовомъ селѣ Козинѣ, дани 3 алтына съ деньгою, въ кормъ и въ Московской проѣздъ гривна, намѣстническихъ 6 денегъ, заѣзда 2 деньги и генваря въ 30 день, на нынѣшній 136 годъ, деньги взято» [3]).

«Генваря въ 11 день, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, отправившись 7138 (1630) г. генваря въ 11 день, изъ Москвы, на богомолье, въ Саввинъ монастырь и пройдя село Аксиньино, шолъ мимо села Козина. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство встрѣчало святѣйшаго патріарха,—это было 15 генваря и святѣйшій іерархъ, выслушавъ молебенъ, «пожаловалъ села Козина Никольскому попу Герасиму на молебенъ гривну» [4]).

Въ 1642 г. село Козино пожаловано боярину Борису Михайловичу Салтыкову «за Московское осадное сидѣнье королевичева приходу» [5]). При этомъ владѣльцѣ въ Козинѣ была построена новая

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., жалов. грам. № 59 л. 18; Писцов. кн. 638 л. 525.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст,. Московск. стола столб. 9, л. 132—133 и 138.
[3]) Патр. Прик. кн. 2, л. 95.
[4]) Тоже кн. 3, л. 315.
[5]) Печатн. Прик. безпошлинная кн. 15, л. 71.

церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами. По смерти Бор. Мих. Салтыкова, вотчина его досталась Петру Михайловичу Салтыкову и за нимъ утверждена въ 1662 г. отказною книгою, въ которой говорится: «въ селѣ Козинѣ церковь Введенія Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣхъ Николая чудотворца, да Параскевы, парицаемыя Пятницы, а въ церкви и въ предѣлахъ Божіе милосердіе — образы, и ризы, и книги, и колоколы и всякое церковное строеніе вотчинниково; при церкви во дворѣ попъ Семенъ Ивановъ, во дворѣ дьячекъ Данила Ивановъ, во дворѣ пономарь Тимофей Исаевъ» [1]). Въ 1678 г., въ селѣ Козинѣ находилось 3 двора боярскихъ, людей въ нихъ 15 человѣкъ, 2 двора задворныхъ, въ нихъ людей 4 человѣка, 35 дв. крестьянскихъ, людей въ нихъ 158 челов. и 8 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 20 челов., нѣкоторые изъ крестьянъ и бобылей имѣли прозвища: Сущей, Бакша, Воробей, Ѳедюченокъ, Крошивинъ и Окунь [2]).

Въ приходной книгѣ Патр. Казеннаго Приказа, за 7186 (1678) г., подъ статьею Николаевской церкви, что въ селѣ Козинѣ сдѣлана отмѣтка: «велѣно писать церковь Введенія Пресв. Богородицы; да въ предѣлѣ Николая чудотворца въ вотчинѣ Петра Михайловича Салтыкова, въ селѣ Козинѣ; дани 22 алтына, 2 деньги, заѣзда гривна» [3]). Въ томъ же порядкѣ оная церковь писалась въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа, подъ Звенигородскою десятиною, до 1740 года съ обозначеніемъ дани съ 1715 г.—рубль, 2 алтына, 2 деньги [4]).

Послѣ Петра Мих. Салтыкова, село Козино досталось въ 1691 г., его дѣтямъ Алексѣю и Петру съ ихъ племянниками Васильемъ и Алексѣемъ Ѳедоровыми Салтыковыми [5]). Въ 1705 г. это село было во владѣніи у Алексѣя Петровича Салтыкова; въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный, дворъ конюшенный, дворъ прикащика и 44 дв. крестьянскихъ [6]). Въ 1769 г. оно принадлежало Алексѣю Петровичу Салтыкову—родному внуку Петра Михайловича [7]).

---

[1]) Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 59, № дѣла 13 и отказн. по гор. Мурому кн. 11872, л. 551.

[2]) Переписн. кн. 11838, л. 415.

[3]) Патр. Прик. кн. 91, л. 439.

[4]) Тоже кн. 252, л. 188 и кн. 411.

[5]) Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л., кн. 59, № дѣла 13.

[6]) Переписн. кн. 11839, л. 218.

[7]) Вотч. Колл. по гор. Мурому мол. л., кн. 10, № дѣла 12.

При Введенской церкви были священники: Василій (1649 г.), Семенъ Ивановъ (1651—1662 г.) [1]), Иванъ Алексѣевъ (1705 г.) и Иванъ Петровъ (1715 г.) [2]).

8) Церковь *Воскресенія Христова въ селѣ Васильевскомъ, на рѣкѣ Москвѣ* [3]).

Село Васильевское, на рѣкѣ Москвѣ, нѣкогда было дворцовымъ. По писцовымъ книгамъ 133 и 134 (1625—1626) гг. находилось Звенигородскаго уѣзда, городскаго стана, въ вотчинѣ «за атаманы за Нагаемъ Ивановымъ сыномъ Тобылцовымъ, Иваномъ Желѣсковымъ, Викулою Завьяловымъ, Иваномъ Костровымъ и Спаса Новаго монастыря, что въ Москвѣ, на Крутицахъ, а писана за ними та вотчина по государевымъ жалованнымъ грамотамъ 127, 128 и 134 (1619, 1620 и 1526) гг.; въ селѣ было 4 двора вотчинниковъ, 9 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 14 человѣкъ и 5 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 5 человѣкъ»; къ селу принадлежала дер. Агафоновская, въ которой было 3 двора крестьянскихъ съ 5 человѣками [4]). «Въ жалованной грамотѣ 134 (1626) г., выданной архимандриту Іосифу, да келарю старцу Іоаникею съ братьею, «или кто по нихъ въ томъ монастырѣ иные архима(нд)риты и братья будутъ», говорится, что имъ «государь пожаловалъ въ Спасской монастырь по своихъ государскихъ родителяхъ въ вотчину изъ дворцовыхъ селъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ жеребьемъ села Васильевскаго на 67 четьи, что былъ тотъ жеребей села на прежъ сего за казачьимъ атаманомъ за Ѳедоромъ Семеновымъ сыномъ Кочетомъ» [5]). Въ селѣ Васильевскомъ находилась церковь Воскресенія Христова, когда и кѣмъ построена—неизвѣстно. Первое свѣдѣніе о Воскресенской церкви встрѣчается въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа «жилыхъ данныхъ церквей», подъ Звенигородской десятиною, за 136 (1628) годъ: «церковь Воскресенія Христова въ селѣ Васильевскомъ, дани 4 алтына съ деньгою, намѣстническихъ 6 денегъ, заѣзда двѣ деньги, въ кормъ и въ Московской проѣздъ гривна» [6]).

[1]) Патр. Прик. кн. 26, л. 53; кн. 29, л. 334.

[2]) Переписн. 11839, л. 218; Ландр. кн. 1715 г.

[3]) Нынѣ село Васильевское, Рузскаго уѣзда.

[4]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. Писц. кн. 638, л. 154 об. 166 и 263.

[5]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. Печатн. конт. безпошлин. кн. 4, л. 31.

[6]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. Патр. Прик. кн. 2, л. 94 об.

«Во 181 (1673) году, Спаса Новаго монастыря власти вотчину жеребей села Васильевскаго съ пустошами промѣнили бояриву Артемону Сергѣевичу Матвѣеву» [1]. При Воскресенской церкви въ 1676 г. былъ священникъ Фотій Васильевъ [2].

Во 185 (1677) году, помѣстья и вотчины боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева Звенигородскаго уѣзда, село Васильевское и деревня Агафоновская съ деревнями и пустошми, купленныя имъ у разныхъ лицъ, отписаны въ Приказъ Большаго Дворца, къ дворцовымъ селамъ и во 189 (1681) г., по указу великаго государя Ѳедора Алексѣевича, это село съ деревнями и пустошми отдано боярину Семену Ивановичу Заборовскому въ помѣстье; послѣ его смерти оно досталось во 189 (1681) г., его вдовѣ Федорѣ Степановнѣ, которая во 198 (1690) г. продала за 6000 рублей думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову [3]; въ 7201 (1693) г., февраля въ 26 день, выдана ему Украинцову жалованная грамота: «за его многіе къ великимъ государемъ службы и за крымскіе два походы, изъ ево помѣстья въ вотчину на село Васильевское съ деревнями и пустошми и со всѣми угодьи и со крестьяны, и та вотчина ему думному дьяку Украинцову и ево дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ роды ихъ неподвижно» [4].

Воскресенская церковь, въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа, писалась ежегодно подъ Звенигородскою десятиною; въ 1678 г. на оную церковь положена новая дань «рубль, 3 алтына съ деньгою, заѣзда гривна; а въ 1712—1739 гг. писано дани «рубль, 16 алтынъ, три деньги» [5].

По переписнымъ книгамъ 1705 г., Звенигородскаго уѣзда, Тростенскаго стана, значится: «за думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцовымъ, село Васильевское, на Москвѣ рѣкѣ, отъ вотчины Троицы Сергіева монастыря, отъ деревни Часовни въ трехъ верстахъ, а въ селѣ церковь во имя обновленія храма Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, у той церкви во дворѣ попъ Захарій Ивановъ, (онъ же былъ въ 1715 г.); во дворѣ дьячекъ Иванъ Мининъ; во дворѣ пономарь Иванъ Давыдовъ». Де-

[1] Тамъ же, производ. Вотч. колл. по гор. Мурому ст. л. кн. 44, № 29.

[2] Тамъ же, Дворц. Прик. кн. 27, л. 109.

[3] См. Моск. Арх. Мин. Юст. производ. Вотчин. Кол. по гор. Мурому ст. л. кн. 44, № 24.

[4] См. Моск. Арх. Мин. Юст. Печатн. конт. безпошл. кн. 9, л. 266.

[5] Патр. Прик. кн. 91, л. 438, кн. 252, л. 185 и кн. 411.

ревня Агафонова и дер. Мышкина на рѣкѣ Москвѣ, смежны съ Рузскимъ уѣздомъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный, людей въ нихъ три человѣка, всего въ селѣ съ двумя деревнями 57 дворовъ, крестьянскихъ людей въ нихъ 198 человѣкъ [1]). По смерти Емельяна Игн. Украинцова, село Васильевское пожаловано Гаврилу Ивановичу Головкину.

Въ 1708 году, ноября 11 дня, его величество изъ Глухова (sic) къ думному дьяку Автамону Иванову писалъ: «пожаловали мы господину Головкину, послѣ умершаго думнаго дьяка Украинцова, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, село Васильевское съ деревнями и пустошами и со всѣми принадлежностями, которое справте за нимъ какъ надлежитъ». На подлинномъ написано: «Петръ». Въ томъ же году село Васильевское, было утверждено за гр. Гавриломъ Ивановичемъ Головкинымъ, у котораго оно находилось во владѣніи и въ 1731 году [2]). Въ 1795 г. оно принадлежало вдовѣ Маріѣ Петровнѣ Яковлевой [3]).

9) *Церковь Димитрія Селунскаго въ селѣ Андреевскомъ* [4]).

Село Андреевское съ церковью святаго Димитрія, въ первой половинѣ XVI ст. было дворцовое и находилось въ Звенигородскомъ уѣздѣ, а изъ дворцовыхъ поступило въ вотчину Троицы-Сергіева монастыря. Въ межевой грамотѣ 7058 (1549) г., 28 сентября, упоминается, что «по цареву и велякаго князя Ивана Васильевича все русіи слову и по грамотѣ Дмитровскаго дворецкаго Долмата Ѳедоровича Карпова, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, у Рожества Пречистой Сторожевскаго монастыря, у игумена у Ѳиларета съ братіею описалъ Григорій Неклюдовъ, село Ондреевское съ деревнями и, описавъ то село, по цареву по государеву приказу, отдалъ въ домъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря игумену Сераніону Курцову съ братіею» [5]).

Въ писцовыхъ книгахъ 101 и 102 (1593—1594) гг. Звенигород-

---

[1]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. Переписн. кн. 11830, л. 269 и Ландр. кн. 1715 г., л. 360.

[2]) Тамъ же, произв. Вотч. колл. по гор. Мурому ст. л. кн. 44, № 24.

[3]) Тамъ же, ревизск. сказки 5 ревизіи л. 477.

[4]) Нынѣ Дмитріевское-Андреевское село съ церковью Преображенья Господня, Звенигород. уѣзда.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст. грамота № $\frac{20}{4694}$

скаго уѣзда, въ Городскомъ станѣ, написано: «Село Ондреевское, что было Подклѣтное село, а нынѣ отдано въ монастырь Живоначальныя Троицы чудотворцу Сергію, по духовной грамотѣ, по князѣ Юрьѣ Ивановичѣ». При селѣ находились два погоста, первый на рѣчкѣ Молоденкѣ съ церковью Димитрія Селунскаго: пашни поповы двѣнадцать четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, дьяконовы пашни 10 четьи, сѣна шесть копенъ; и другой съ деревянною церковью Бориса и Глѣба, построенною «клѣцки», «а въ ней образы, и книги, и свѣчи и все церковное строенье приходныхъ людей; во дворѣ попъ Перфилей, во дворѣ церковный дьячекъ Ефимко, во дворѣ просвирница Оксинья, во дворѣ пономарь Олеша; да двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковныя земли 15 четьи, да перелогомъ семь четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна церковнаго семь копенъ» [1]). Въ церкви Димитрія Селунскаго, по писцовымъ книгамъ 7132 (1624) г., показано: «образы, и свѣчи, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строеніе монастырское; у церкви во дворѣ попъ Архипъ, во дворѣ дьячекъ Ивашко (Иванъ) Тимофѣевъ, во дворѣ просвирница Марьица, да три мѣста бобыльскихъ запустели въ разоренье»; при Дмитріевскомъ погостѣ находилась деревня Степачева, Горбунова тожъ, въ ней два двора крестьянскихъ, въ нихъ 4 человѣка и три двора бобыльскихъ, въ нихъ три человѣка». А церковь Бориса и Глѣба и село Андреевское вѣроятно были разорены въ началѣ XVII ст. Литвою, ибо въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ 1624 г. значится: «пустошь, что было село Ондреевское, да того-жъ села погостъ, а «на погостѣ мѣсто церковное Бориса и Глѣба, да четыре мѣста дворовыхъ» [2]).

Болѣе точныя свѣдѣнія о существованіи церкви Димитрія Селунскаго, близъ села Андреевскаго «на погостѣ на рѣчкѣ Молоденкѣ, находимъ въ приходныхъ окладныхъ книгахъ, Патріаршаго Казеннаго Приказа, «жилыхъ данныхъ церквей», гдѣ о ней въ первый разъ, за 7136 (1628) г., упоминается подъ десятиной Троицкихъ вотчинъ: «церковь Димитрій Селунскій въ селѣ Ондреевскомъ, дани 4 алтына, полпяты деньги, десятильничныхъ гривна и мая въ 14 день тѣ деньги на нынѣшней 136 годъ взято [3]). Въ 1659 г., изъ

[1]) Писц. кн. 125, л. 115 об. 120 и 244.
[2]) Писц. кн. 638, л. 273—279.
[3]) Патр. Прик. кн. 2, л. 214.

десятины Троицкихъ вотчинъ, церковь Св. Димитрія переписана въ Звенигородскую десятину, въ которой писалась по 1678 годъ, съ прежнею данью; въ 1678 г., по переписнымъ книгамъ Дмитріевскаго Борисоглѣбскаго монастыря архимандрита Питирима 185 (1677) г., положено вновь дани рубль, 4 алтына, заѣзда гривна»; а съ 1712 г. по 1740 г. платилось дани и казенныхъ пошлинъ два рубля, 67 коп. [1]).

Андреевское было населено вновь послѣ 154 (1646) г. и названо деревнею, въ которой, по переписнымъ книгамъ 186 (1678) г., числилось: 5 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 16 человѣкъ, а въ деревнѣ Горбуновой шесть дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 23 человѣка и одинъ дворъ бобыльской, въ немъ два человѣка [2]). Подъ 1705 г. значится:» погостъ на рѣчкѣ Молоденкѣ, отъ д. Горбуновой въ верстѣ, а на погостѣ церковь во имя Дмитрія Селунскаго;» деревня, что б. село Андреевское на рѣчкѣ Жабѣ, а въ ней крестьянскихъ 7 дворовъ и дер. Горбунова—11 дворовъ [3]).

При церкви были священноцерковнослужители: священникъ Парамонъ Ивановъ 1703—1835); діаконъ Герасимъ Ивановъ (1730—1735); дьячекъ Григорій Семеновъ (1703—1705 г.); пономарь Андрей Яковлевъ (1703—1705 г.); просвирня Дарья (1705 г.) [4]). Пашни церковной земли 11 четвертей, да лѣсомъ поросло 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 16 копенъ; въ приходѣ находилось за 1703 г. 121 дворъ [5]).

10) Церковь *Димитрія Солунскаго въ селѣ Дмитровскомъ, на рѣкѣ Истрѣ* [6]).

Изъ жалованной грамоты 1532 г., данной Юріемъ Дмитріевичемъ княземъ Дмитровскимъ (сыномъ вел. князя Ивана III Васильевича) Троицы Сергіева монастыря игумену Іоасафу съ братіею, на село

[1]) Патр. Прик. кн. 91, л. 442, кн. 252 л. 188 и к. 411.

[2]) Переписн. кн. 11838, л. 509—510.

[3]) Тоже кн. 11839, л. 308—309.

[4]) Патр. прик. кн. 314, л. 108 к. 335, л. 11 об., кн. 377, л. 329, кн. 385, л. 51 об. вязка 470, № дѣла 2607 и перепис. книга по Звенигородскому уѣзду № 11839, л. 308.

[5]) Патр. прик. кн. 378 и вязка 469, № дѣла 2523.

[6]) Нынѣ село Дмитровское, Звенигор. уѣзда.

Дмитровское Гузѣево тожъ [1]), видно, что оно никогда принадлежало Ивану Васильевичу Плещееву, который отдалъ «по себѣ» въ Троицкій Сергіевъ монастырь.

---

[1]) Содержаніе грамоты, въ которой начальныхъ словъ за ветхостію не достаетъ: «пожаловалъ есми Троицкаго Сергіева монастыря игумена Иасафа съ братьею, или кто по немъ у Живоначальной Троицы иной игуменъ будетъ, что далъ въ домъ Живоначальныя Троицы и чюдотворца Сергія по собѣ Иванъ Васильевъ сынъ Петровича Плещеева въ нашей отчине въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ городскомъ стану свою отчину село Дмитріевское съ деревнями, а пашни написано въ томъ селѣ и въ деревняхъ соха, и кто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ учнетъ жыти людей и тѣмъ людемъ не надобе моя княжъ Юрьева Ивановича ни которая дань не Петровская, ни Рожественая, ни ямъ, ни приметъ, ни мытъ, ни тамга, ни явка, ни писчая бѣлка, ни восменичее, ни подлазное, ни помѣрное, ни воводная куница, ни убрусное, ни подводъ на яму съ того села и съ деревень не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни луговъ моихъ не косятъ, ни закосного, ни поворотного, ни тукового не даютъ, ни моего, ни намѣстничя двора не ставятъ, ни къ сотцкимъ, ни къ десятцкимъ съ черными людьми не тянутъ, ни въ какіе проторы, ни въ розметы; а даютъ они съ того села и съ деревень въ мою казну оброкомъ съ году на годъ на Рожество Христово за дань, и за ямъ, и за приметъ, и за хлѣбъ и за всѣ пошлины два рубля денегъ; а намѣстницы мои и Звенигородскіе и ихъ тіуни тѣхъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричъ разбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, ни высылаютъ ни почто, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни почто; а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей игуменъ Иасафъ съ братьею сами во всемъ, или кому прикажутъ; а случится судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ съ городскими или съ становыми и съ волостными и намѣстницы мои Звенигородскіе и ихъ тіуни судятъ, а монастырскій прикащикъ съ ними жъ судитъ; а правъ ли будетъ или виноватъ городцкой человѣкъ или становой и онъ въ правдѣ и въ винѣ моимъ Звенигородцкимъ намѣстникамъ и ихъ тіуномъ, а Троицкаго Сергіева монастыря игуменъ Иасафъ съ братьею или ихъ прикащикъ у нихъ въ того человѣка въ праваго и въ виноватаго не вступаются; а правъ ли будетъ или виноватъ монастырскій человѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ игумену съ братьею или ихъ прикащику, а намѣстницы мои и ихъ тіуни въ ихъ монастырского человѣка въ праваго и въ виноватаго не вступаются, а и съ того доправить на виноватомъ; также есми пожаловалъ Троицкаго игумена Иасафа съ братьею случится ихъ монастырскимъ людемъ и христьяномъ съ монастырскимъ же человѣкомъ межъ себя купить или продать или променить и они моимъ таможникомъ и пошлинникомъ не являютъ, ни пятенщикомъ моимъ не являютъ же ни пятна у нихъ, ни пошлинъ своихъ съ того не

Въ 1538 г. въ селѣ Дмитріевскомъ находилась церковь «Дмитрій Великій», при церкви былъ «во дворѣ попъ Иванъ» [1]). по писцовымъ книгамъ 7101 (1593) г.: «пашни поповы 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому-жъ, попова сѣна 30 копенъ» [2]).

Въ началѣ XVII ст., разоренное Литвою, село Дмитровское, Гузѣево тожъ, съ церковью и съ церковными и приходскими дворами обратилось въ пустошъ. [3]) «Подъѣзщики царицына чину дѣти боярскіе Петръ Рыбинъ съ товарищи», посылаемые изъ разряда по Звенигородской дорогѣ, во время бывшаго нашествія польскаго королевича Владислава, 7127 (1618) г. сентября 10 дня въ 7 часу, для

емлютъ; а случится каковъ торгъ или мена монастырскому человѣку съ городцкимъ человѣкомъ или съ волостнымъ и городцкой и волостной являетъ моимъ пошлинникомъ, а монастырской человѣкъ являетъ своему монастырскому прикащику, а таможницы мои и пятенщики не вступаются въ монастырскаго человѣка ни въ чемъ и всѣ пошлинники; а монастырскимъ людемъ иныхъ ни чьихъ людей за монастырскихъ людей отъ пошлинъ не отъимать ни которыхъ, а держитъ игуменъ въ своихъ селѣ и въ деревняхъ свое пятно и люди монастырскіе кони пятнятъ у монастырскаго пятеншыка, а наши князи, и бояре, и ратные воеводы, и гонцы, и всякіе ѣздоки въ монастырскомъ селѣ и въ деревняхъ сильно не ставятся и подводъ и кормовъ и проводниковъ у нихъ не емлютъ же, опричъ того, кто погонитъ съ моею подорожною грамотою; также и мои ловчіе и охотники въ ихъ монастырскомъ селѣ и въ деревняхъ сильно не ставятся, и псари къ нимъ не въѣзжаютъ и поборовъ съ нихъ не берутъ, и на медвѣжьи и на лисьи и на волчьи поля монастырскихъ хрестьянъ ни наряжаютъ, ни скомороси въ ихъ монастырскомъ селѣ и въ деревняхъ сильно ни играютъ, а кому будетъ каково дѣло до монастырскихъ людей и до крестьянъ и они по нихъ шлютъ моихъ надщиковъ и мои надщики даютъ ихъ на поруки, а отъ поруки у нихъ не емлютъ ничего, а пишутъ имъ два срока въ году— зимой въ тотъ ихъ день по крещеніи Христова, а лѣте—у говѣнья въ недѣлю Петрова говѣнья, а опричъ тѣхъ дву сроковъ иныхъ сроковъ на нихъ не наметываютъ, а хоти на нихъ и накинутъ срокъ мимо грамоту и я имъ къ тому сроку ѣздить не велелъ; а кто на нихъ и безсудную возметъ не по ихъ сроком и та безсудная не въ безсудную, а кому будетъ чего искати на монастырскомъ прикащикѣ ино ихъ сужу азъ князь Юрьи Ивановичъ или мой бояринъ введеной. Писанъ въ Дмитровѣ, лѣта 7040 (1632) апрѣля въ 19 день». (См. Арх. Мин Юст. грамота № 4683).

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. жалов. грам. № 4686.

[2]) Тамъ же писц. кн. 125, л. 256.

[3]) Писцов. кн. 258, л. 214.

провѣдыванія про королевича, про Гетмана да про Литовскихъ людей», по возвращеніи своемъ изъ подъ ѣзда «сентября въ 11 день, въ распросѣ сказали: доѣзжали они до рѣчки Истры и за рѣку Истру до села Гузѣева, отъ Москвы 30 верстъ, и по рѣкѣ Истрѣ, видѣли грамленыя телѣги и хлѣбъ изъ телѣгъ высыпанъ на землю; а за селомъ Гузѣевымъ видѣли ссѣченъ человѣкъ. А какъ они поѣхали изъ села Гузѣева къ Москвѣ и отъ села Павловскаго увидали они боярина Бориса Михайловича Салтыкова и стольниковъ Бориса да Глѣба Морозовыхъ крестьянъ грамленыхъ человѣкъ съ двадцать, съ женами и съ дѣтьми, а грамили ихъ въ селѣ Козинѣ и по деревнямъ и по лѣсамъ, а иные отъ Литовскихъ людей ушли изъ полону». «Сентября въ 17 день того же года, въ четвергъ вечеромъ, пріѣхали изъ подъѣзду дѣти боярскіе Ѳедоръ Коробьинъ, посланные по Звенигородской дорогѣ, за 2 часа до свѣту, въ распросѣ сказали: ѣздили они до села Гузѣева, отъ Москвы верстъ съ 20 и больши, и они отъ Гузѣева поѣхали назадъ и наѣхали на крестьянина Кондрашку и 2 крестьянскихъ бабъ, которые сказали имъ, что они боярина Бориса Михайловича Салтыкова и были-де въ полону у Литовскихъ людей, въ Звенигородѣ, и ушли изъ полону въ ночи съ 15 числа на 15 сентября и они подъѣзщики, ѣдучи къ Москвѣ, видѣли подъ деревнею Глуховымъ ѣдутъ по Тушинской дорогѣ, отъ Тушина къ сему Никольскому Литовскихъ людей 8 человѣкъ; а деревня отъ Москвы верстъ съ 15» [1]).

Въ семъ Дмитровскомъ, Гузѣево тожъ, населенномъ послѣ Литовскаго разоренья крестьянами, была построена около 1627 г., церковь воимя св. Димитрія Селунскаго и записана въ приходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа за 7136 (1628) г. подъ Сурожскою десятиною: «Новопребылая церковь во 135 (1627) году Дмитрія Селунскаго въ селѣ Дмитровскомъ, по окладу старца Іоасафа Пстрикова дани 5 алтынъ, въ кормъ и въ Московской проѣздъ гривна и генваря въ 30 день, на нынѣшній 136 годъ, въ первые взято». [2]) Село Дмитровское съ дер. Тимошаниною 1631 г. августа въ 28 день пожаловано патріарху Филарету Никитину «или кто по немъ государѣ иные патріархи будутъ въ вотчину для дровянаго обиходу, а дано въ домъ Пречистыя Богородицы честнаго

[1]) Арх. Мит. Юст. Москов. стала, столб. 9, л. 128—139, 192—193.
[2]) Патр. Прик. кн. 2, л. 97.

и славнаго ея Успенія и Великимъ чудотворцамъ Петру и Іонѣ Московскимъ и всеа Россіи» [1]).

По описнымъ дозорнымъ и мѣрнымъ книгамъ 139 (1631) г. значится: «въ селѣ Дмитровскомъ, что на Истрѣ, церковь Великомученика Дмитрія деревянная, а у церкви три двора причетниковыхъ; церковныя пашни полторы десятины, сѣна 30 копенъ» [2]). При церкви св. Дмитрія находились: «въ 1636—1643 гг. попъ Агафонникъ, дьячекъ Сенька (Семенъ) Филимоновъ, просвирница Ѳеодора, пономарь Костка (Константинъ) Васильевъ». Духовенство села Дмитровскаго пользовалось государевымъ — патріарховымъ жалованьемъ: попу выдавалось въ годъ 6 рублевъ, дьячку половина оклада 2 рубля, просвирнѣ 1 р. 10 алт., пономарю 1 р. [3]).

Святѣйшіе патріархи иногда пріѣзжали въ свое имѣніе — село Дмитровское и во время пребыванія своего жаловали духовенство деньгами. Св. патріархъ Іосифъ, какъ былъ въ томъ селѣ Дмитровскомъ, 1644 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, (вѣроятно въ день памяти св. Димитрія Селунскаго, празднуемаго октября въ 26 день) далъ «попу Василью на молебенъ 8 алтынъ, 2 деньги, дьячку 4 деньги, пономарю 2 деньги» [4]). Въ 159 (1650) г. «сентября въ 28 день св. патріархъ (Іосифъ) ходилъ въ село Дмитровское, въ церквѣ слушалъ молебенъ, попу на молебенъ (дано) 8 алтынъ, двѣ деньги, нищимъ на милостыню 2 алтына» [5]). 162 (1653) г. «декабря въ 1 день великій государь святѣйшій патріархъ (Никонъ) ходилъ въ Звенигородъ, въ Саввинъ монастырь старожевскаго чудотворца молиться и въ томъ походѣ вышло въ расходъ на первомъ стану, въ селѣ Дмитровскомъ, свѣтлѣйшій патріархъ слушалъ обѣдню и послѣ обѣдни Дмитровскому попу на молебенъ дано 8 алтынъ 2 деньги; да въ Саввинѣ монастырѣ пожаловалъ св. патріархъ братья милостыни, какъ кормилъ въ больничной трапезѣ, архимандриту Никанору 13 алтынъ, 2 деньги, келарю Веніамину 10 алтынъ, казначею 8 алтынъ 2 деньги, да приписныхъ монастырей дву игуменамъ Воскресенскому да Тереховскому, да Воскресенскаго монастыря строителю, да Саввина монастыря 22 попамъ, всего 33 человѣкамъ—

[1]) См. Моск. Арх. Мин. Юст. печатн. Прик. безпошл. к. 8, стр. 9 об.
[2]) Жалов. грам. № 93/4767.
[3]) См. Москов. Арх. Мин. Юст. патр. прик. к. 9, л. 41 и кн. 12, л. 386 и 387.
[4]) Тамъ же кн. 15, л. 112.
[5]) Тамъ же кн. 28, л. 426.

6 руб. 20 алт.» [1]). 191 (1683) г. «февраля 16, святѣйшій патріархъ Іоакимъ ходилъ въ Воскресенской монастыръ, былъ въ селѣ Дмитровскомъ и часы слушалъ, и того же числа послѣ столоваго кушанья пришомъ къ Москвѣ» [2]). «Мая 3 дня, того же года, святѣйшій патріархъ ходилъ въ свое патріаршее село Дмитровское; 5 мая послѣ литургіи святѣйшій патріархъ пожаловалъ того села попу Михаилу на молебенъ 16 алтынъ, 4 деньги» [2]). «193 (1685) г. августа 19, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, бывъ въ ходу за кресты и святыми иконы, въ Донскомъ монастырѣ служилъ божественную литургію и послѣ литургіи ходилъ въ свое дворцовое село Троицкое, что на Сѣтунѣ, а изъ Троицкаго въ село Дмитровское, что на Истрѣ, и въ томъ походѣ августа въ 21 день святѣйшій патріархъ въ селѣ Дмитровскомъ послѣ литургіи пожаловалъ Дмитровскому попу Михаилу полтину, дьячку, пономарю, просвирнѣ по гривнѣ» [4]). «197 (1688) г. октября 17 дня, святѣйшій патріархъ Іоакимъ ходилъ съ Москвы московскаго уѣзда въ свое село Владыкино, а изъ того села — въ Звенигородской уѣздъ въ село Дмитровское и въ 19 день, въ томъ селѣ слушалъ божественную литургію и послѣ литургіи пожаловалъ того села попу Алексѣю Иванову на молебенъ 8 алтынъ, 2 деньги, дьячку съ пономаремъ 5 алтынъ, просвирнѣ гривна; а изъ села Дмитровскаго — пришелъ въ село Троицкое-Голенищево и въ 20 день въ томъ селѣ слушалъ божественную литургію и пожаловалъ того села попу Андрею 8 алтынъ, 2 деньги, дьячку, пономарю 5 алтынъ, просвирницѣ 3 алтына, 2 деньги» [5]).

Церковь Св. Димитрія въ патріаршемъ селѣ Дмитровскомъ, вѣроятно, по случаю ветхости, построена была вновь. Объ этомъ находимъ свѣдѣніе въ расходной книгѣ Патріаршаго Приказа «на церковное строеніе»: 152 (1644) г. мая въ 7 день, по Государеву патріархову указу и по уговорной записи, какова взята въ Патріаршемъ Казенномъ Приказѣ стрѣльцомъ Иванова приказу Племянникова, (выдано) пятидесятнику Ѳедкѣ Михайловѣ сыну Плотникова съ товарищи 9 человѣкамъ, что имъ сдѣлать въ патріаршѣ селѣ Дмитровскомъ храмъ во имя Димитрія Селунскаго, да въ при-

[1]) Патр. прик. кн. 36, л. 335.
[2]) Тамъ же кн. 108, л. 195 и 196.
[3]) Тамъ же кн. 108, л. 197 об.
[4]) Тамъ же кн. 115, л. 182.
[5]) Патр. прик. кн. 129, л. 179—180.

дѣлѣ Николы Чудотворца, а дѣлать тотъ храмъ и придѣлъ по записи, какъ у нихъ въ записи написано, по уговору за дѣло 65 рублевъ и тѣхъ договорныхъ денегъ плотникомъ Ѳедкѣ Михайлову съ товарищи, задатку половина — 33 рубли дано. Плотникъ Ѳедка Михайловъ съ товарищи деньги взялъ, въ ихъ мѣсто сотильной дьякъ того жъ приказу Потапъ Мануйловъ руку приложилъ». «Іюня во 2 день (того-же года) выдано ему же Ѳедкѣ Михайлову съ товарищи что они дѣлаютъ храмъ въ селѣ Дмитровскомъ, къ прежней дачѣ 5 рублевъ». «Іюня въ 22 день, (выдано) Патріарша сына боярскому Ивану Ѳилатову, что онъ купилъ въ село Дмитровское, какъ обивалъ на церкви крестъ жестью, за три гривенки олова, по 5 алтынъ за гривенку, да за полторы гривенки говяжья сала—9 денегъ, всего 16 алтынъ 3 деньги». «Іюня въ 26 день, (выдано) паяльщикамъ, что они на церковь пояли два креста, да два я-блока, на два дня корму 8 алтынъ». «Августа въ 31 день, (выдано Ѳедкѣ Михайлову съ товарищи къ прежней дачѣ 15 рублей, да имъ-же, что они сдѣлали сверхъ уговору трапезу, да паперть, за дѣло 5 руб. дано». «Августа въ 20 день, (выдано) иконописцу Михаилу Остафьеву за дванадесять праздниковъ деисусовъ, мѣрою 1 аршинъ съ вершкомъ, 5 руб., ему-же за царскія двери 3 руб., 8 алтынъ, 2 деньги; да за престольную Пречистую Богородицу 30 алт. да за Владимірскую 3 руб. [1]).

Изъ патріаршихъ вотчинъ село Дмитровское, причисленное къ дворцовымъ селамъ, было пожаловано Великимъ Государемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ 7185 (1677) г., генваря 24 дня, князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову «за многія его службы и для того, что онъ въ прошломъ во 179 (1671) году съ полками въ низовыхъ городѣхъ и будучи въ той службѣ, при помощи Божіи, за повелѣніемъ Великаго государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, чинилъ въ разныхъ дѣлахъ всякое радѣніе и промыслы и тою своею службою и радѣтельнымъ промысломъ злые замыслы вора и богоотступника Сенки Разина со единомышленники его въ низовыхъ городахъ искоренилъ и за тѣ его многія службы и за работу пожаловалъ Великій Государь его боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова вотчиною въ Московскомъ, да въ Звенигородскомъ уѣздахъ, въ Городскомъ стану, село Дмитровское, въ Горетовѣ стану село Степановское съ деревнями и пустошьми и со крестьяны [2]).

---

[1]) Патр. Прик. кн. 15, л. 83—109, 165 и 166.

[2]) Печатн. Прик. безпошл. кн. 53, л. 88.

скимъ благодѣяніемъ отъ своего запрещенія, и еще не устроени суще. Или житіе поруганію достойно имуще, якоже се скомраси и глумци; или нашея вѣры чюджи суще, якоже се, іюдеи, еретицы же и еллини, таковіи не пріятни на оклеветаніе, или на послушество, на епископа или на причетника. Понеже тіи о иномъ ни о чемже тщанія не имутъ, но токмо порокъ и поруганіе святительствѣй чести прилагати, и мятежъ на церковь приводити.

Κανὼν ρμέ.

Ὁμοίως ἤρεσεν, ἵνα ὁσακισδήποτε κληρικοῖς ἀπὸ κατηγόρων πολλὰ ἐγκλήματα ὑποβάλλωνται, καὶ ἓν ἐξ αὐτῶν, περὶ οὗ πρῶτον ἐπράχθη, ἀποδειχθῆναι οὐκ ἠδυνήθη, πρὸς τὰ λοιπὰ μετὰ ταῦτα μὴ προσδεχθῶσιν.

Правило ρ҃ме.

Постановлено и сіе: когда на состоящихъ въ клирѣ доносители представляютъ мнѡгіа ѡбвиненія, и одно изъ нихъ, ѡ которомъ во первыхъ происходило изслѣдованіе, не могло быти доказано: послѣ сего, прочія ѡбвиненія да не пріемлются.

Зонара. Если кто либо представитъ различныя обвиненія противъ клирика, или епископа, и одно изъ нихъ будетъ предложено къ дѣлу, т. е. къ изслѣдованію, и не будетъ доказано, но останется не доказаннымъ: то правило предписываетъ, чтобы обвинитель не былъ допускаемъ до обвиненія въ остальномъ.

Аристинъ. И обвинявшій во многомъ и ни въ чемъ не обличившій (не допускается къ обвиненію).

Законно и таковой не допускается къ обвиненію или свидѣтельству, какъ оказавшійся клеветникомъ, а потому и безчестнымъ, потому что представивъ противъ кого нибудь много обвиненій, не изобличилъ ни въ одномъ.

Вальсамонъ. Нѣкто предъявилъ различныя обвиненія противъ посвященнаго лица, и изъ многихъ повелъ одно; а когда не могъ доказать, хотѣлъ вести прочія. Итакъ правило говоритъ, что таковой не долженъ быть принимаемъ, если проситъ подвергнуть изслѣдованію что-нибудь другое изъ того, что представилъ. И это справедливо опредѣлено отцами; ибо кто не доказалъ преступленія, которое представилъ прежде всѣхъ, и поэтому былъ осужденъ, тотъ или предварительно далъ запись въ томъ, что подлежитъ тому же наказанію (ταυτοπαθεία), т. е. лишается чести и вообще терпитъ все то, что долженъ былъ потерпѣть обвиненный, если бы былъ осужденъ, и поэтому не можетъ начинать уголовнаго иска, какъ уже обезчещенный; или не далъ еще записи, и опять теряетъ честь, какъ клеветникъ. Впрочемъ все это, равно какъ и настоящее правило, имѣетъ мѣсто, я думаю, только тогда, когда судящій даетъ рѣшеніе, что обвиненіе, которое было разсмотрѣно прежде другихъ, предъявлено истцомъ по клеветѣ; ибо если будетъ рѣшено, что (обвиненіе) не доказано, то поелику истецъ не лишается чести, справедливость требуетъ, чтобы онъ доказывалъ другое обвиненіе изъ тѣхъ, какія представилъ. И прочти 10-ю главу перваго титула 60-й книги (Василикъ), гдѣ говорится: „тремя способами дѣлается клевета, и троякое бываетъ наказаніе: ибо или клевещетъ кто нибудь, составляя ложное обвиненіе, или дѣлается предателемъ собственнаго дѣла, скрывая истинныя обвиненія, или бѣжитъ отъ суда, со всѣмъ отступаясь отъ обвиненія. Но не всегда тотъ, кто не доказалъ, въ чемъ обвинялъ, есть клеветникъ; но отъ разсужденія судьи зависитъ, по освобожденіи обвиняемаго, произвести объ этомъ дознаніе. И если онъ скажетъ: „ты не доказалъ“, то пощадилъ его; а если скажетъ: „ты оклеветалъ“, то осудилъ его, хотя бы и ничего не сказалъ о наказаніи; ибо это само собою послѣдуетъ; потому что судьѣ предоставлено изслѣдовать дѣло, а не указывать кару закона. А если скажетъ: „ты легкомысленно возбудилъ дѣло“, т. е. ты не доказалъ, не дѣлаетъ его клеветникомъ и не подвергаетъ наказанію.

Славянская кормчая. *Правило 130.* Оклеветаяи во мнозѣ, и ни въ единомъ же обличивъ, не послушанъ.

Толкованіе. По достоянію убо и сей на оклеветаніе и на послушество непріятенъ есть, яко клеветникъ явлься, и того ради безъ чести сыи: понеже глаголя на нѣкоего многи предлагаетъ вины, и ни въ единой же обличитъ.

Κανὼν ρμς΄.

Μάρτυρας δὲ εἰς μαρτυρίαν μὴ εἰσδέχεσθαι, τοὺς μηδὲ πρὸς κατηγορίαν εἰσδεχθῆναι παραγγελθέντας, ἢ ἔτι μὴν οὓς αὐτὸς ὁ κατήγορος ἐκ τοῦ ἰδίου οἴκου προσκομίσει. Μαρτυρία δὲ ἐντὸς χείρας ἐνιαυτῶν δεκατεσσάρων μὴ προσδεχθείη.

Пра́вило ρ҃мѕ.

Свидѣ́телей же къ свидѣ́тельствꙋ не прїима́ти тѣ́хъ, ѿ кото́рыхъ положено́ не прїима́ти доно́сѡвъ: та́кожде и тѣ́хъ, кото́рыхъ са́мъ доноси́тель предста́витъ и҆з своегѡ до́ма. Свидѣ́тельство и҆мѣ́ющаго мене́е четырена́десѧти лѣ́тъ во́зраста да не прїе́млетсѧ.

Зонара. Сказавъ объ обвинителяхъ, отцы собора даютъ теперь постановленіе и о свидѣтеляхъ, и говорятъ, что тѣхъ, коимъ запрещено дѣлать обвинительные доносы, не должно допускать и къ свидѣтельству; а тѣ, кого должно допускать, не должны быть несовершеннолѣтними (не достигшіе еще 14-ти лѣтъ своей жизни и суть несовершеннолѣтніе (ἄνηβοι), ибо у нихъ мышленіе еще не твердо, и потому имъ не можетъ быть дозволено свидѣтельствовать. Кромѣ того (правило) не позволяетъ обвинителю приводить домашнихъ свидѣтелей; а домашніе суть тѣ, которые изъ его дома! Но не всѣмъ таковымъ законы запрещаютъ свидѣтельствовать, а нѣкоторымъ только, именно: подвластнымъ того самаго лица, которое приводитъ ихъ, или незначительнымъ подручникамъ, которыхъ можно заставлять (дѣлать показанія) и, въ случаѣ непослушанія, наказывать.

А если подчиненные будутъ достойны уваженія, какъ-то священники, или діаконы, или грамматики и всѣ подобные имъ: то не должны быть не допускаемы къ свидѣтельству.

Аристинъ. И кому нѣтъ четырнадцати лѣтъ.

Таковой не допускается къ свидѣтельству по причинѣ несовершеннолѣтія; ибо свидѣтельствующему, сверхъ того, чтобы онъ былъ почтеннымъ и православнымъ, нужно еще быть твердымъ (въ мысляхъ), а мысль несовершеннолѣтняго скользитъ. 2-я же статья 17-й главы 1-го титула 21-й книги (Василикъ) не допускаетъ къ свидѣтельству противъ кого нибудь въ преступленіи — и того, кому меньше 20-ти лѣтъ.

Аристинъ. Обвинитель не представляетъ свидѣтелей изъ собственнаго дома.

Свидѣтельства домашнихъ не принимаются и по законамъ; ибо 21-я глава 1-го титула 21 книги (Василикъ) говоритъ буквально такъ: „обвиняющій не можетъ приводить своихъ домашнихъ во свидѣтели“; и 25-я глава того же титула и книги: „свидѣтельства домашнихъ отвергаются“. А подъ домашними свидѣтелями разумѣй тѣхъ; которые состоятъ подъ властію кого либо и могутъ принимать отъ него приказанія: таковые не должны быть допускаемы къ свидѣтельству ни *за* своего господина, ни *противъ* того, кто его обвиняетъ, ни въ уголовномъ искѣ, ни въ гражданскомъ. А если кто либо, начиная искъ противъ другаго, пожелаетъ воспользоваться свидѣтельствомъ чужихъ домашнихъ, то это не запрещается. Ибо изъ одного дома могутъ и отецъ, и сынъ подвластный, и два подвластные сына— брата свидѣтельствовать и *за* и *противъ* кого нибудь, какъ говоритъ 15-я глава того же 1-го титула 21-й книги.

Вальсамонъ. Отцы собора, сказавъ объ обвинителяхъ, теперь даютъ постановленіе о свидѣтеляхъ, и говорятъ, что желающіе свидѣтельствовать противъ посвященныхъ лицъ въ уголовныхъ дѣлахъ должны быть таковы же, какъ и допускаемые правилами къ обвиненію, такъ что кто не допускается къ обвиненію, не долженъ быть допускаемъ и къ свидѣтельству. Кромѣ того правило отвергаетъ домашнихъ свидѣтелей и несовершеннолѣтнихъ, т. е. имѣющихъ менѣе 14-ти лѣтъ. Только такихъ лицъ устраняетъ отъ свидѣтель-

ства (настоящее) правило. А 1-й титулъ 21-й книги Василикъ не допускаетъ къ свидѣтельству въ уголовномъ судѣ и другихъ различныхъ лицъ: прочитай этотъ титулъ. Свидѣтелями изъ дома обвинителя считаются всѣ тѣ, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ и которымъ онъ можетъ приказывать. Ибо 6-я глава 1-го тит. 21-й книги говоритъ: „не достоинъ вѣры тотъ свидѣтель, кому я могу приказывать свидѣтельствовать"; 24-я глава: „обвинитель не можетъ приводить домашнихъ свидѣтелей"; 27-я глава: „свидѣтельства домашнихъ отвергаются"; 2-я статья 11-й главы 51-го титула 60-й книги, гдѣ говорится: „незначительныя домашнія кражи не должно дѣлать предметомъ общественнаго суда". Домашнія же (кражи) суть тѣ, которыя дѣлаютъ рабы у господина, отпущенники у патроновъ, наемники у нанимателей, если живутъ у нихъ. Сопоставляя настоящее правило, которое говоритъ, что имѣющіе менѣе 14-ти лѣтъ не должны свидѣтельствовать, а только старшіе, съ 20-ю главою 1-го титула 21-й книги, говорящею буквально такъ: „обвинитель не можетъ призывать къ свидѣтельству того, кто публично обвиняется, ни того, кому меньше 20-ти лѣтъ", кто нибудь спроситъ: на что же мы должны обращать вниманіе? И мнѣ кажется, что скорѣе на законъ; ибо тотъ, кому менѣе 20-ти лѣтъ, хотя и болѣе 14-ти, не долженъ быть допускаемъ къ свидѣтельству въ уголовномъ дѣлѣ, какъ не обладающій еще твердымъ мышленіемъ. При томъ законъ и много позднѣе правила, потому что онъ былъ принятъ въ пересмотренный кодексъ Василикъ спустя много лѣтъ послѣ настоящаго собора. Прочти еще 75-е правило св. апостоловъ.

Славянская кормчая. *Правило 131.* Ни четырехъ надесяти лѣтъ отрокъ пріатенъ.

Толкованіе. И сей на послушество не пріатенъ есть, не совершеннаго ради возраста. Подобаетъ бо послушествующему честну и правовѣрну быти, и твердъ умъ имѣти. Не совершеныи же возрастомъ, ползокъ есть помышленіемъ. Второе же изложеніе, седмыя надесять главы, первыя грани, двадесять первыхъ царскихъ книгъ, глаголетъ: аще не будетъ, 20-ти лѣтъ возрастомъ, таковаго на послушество о грѣсѣ, ни на кого не пріимати.

Правило 132. Клеветникъ отъ своего дому, послуховъ не поставляетъ.

Толкованіе. Своего дому послуси отвержены суть, и градскими законы. Глаголетъ бо, 21-я, глава, первыя грани, 21-хъ, книгъ царскихъ, явѣ сице: клеветникъ домашнихъ своихъ послухъ, не можетъ привести. И 25-я главы, тоя же грани, тѣхъ же царскихъ книгъ глаголетъ: яко домашняя свидѣтельства отметаема суть. Домашнія же свидѣтели разумѣй, иже подъ властію нѣкоего, и могуще повелѣная имъ отъ него творити, таковіи убо ни по немъ самомъ, ни на иного, на него же онъ клевещетъ, во свидѣтельство не пріятни, или о грѣховныхъ, или о инѣхъ яже имѣніа винахъ. Аще же инъ судимь бывая, и восхощетъ отъ иного дому свидѣтеля привести, не возбранится ему. Отъ единого бо дому и отецъ и сынъ, подъ властію его сыи, и два брата подъ властію отчею суще, или на кого, или по комъ не могутъ свидѣтельствовати, якоже 21-я глава тоя же грани, рекше первыя, 21-хъ, царскихъ книгъ повелѣваетъ.

Κανὼν ρμζ'.

Ὁμοίως ἥρεσεν, ἵνα ἐάν ποτε Ἐπίσκοπος λέγῃ τινὰ αὐτῷ μόνῳ τὸ ἴδιον ἔγκλημα ὁμολογῆσαι, καὶ ἐκεῖνος ἀρνεῖται, μὴ λογίσηται ὁ Ἐπίσκοπος εἰς ἰδίαν ὕβριν συντείνειν, ὅτι αὐτὸς μόνος οὐ πιστεύεται. Εἰ δὲ καὶ τῷ σκινδαλμῷ τῆς ἰδίας συνειδήσεως λέγει μὴ θέλειν ἑαυτὸν κοινωνεῖν τῷ ἀρνουμένῳ· ἐφ' ὅσον τῷ ἀφωρισμένῳ μὴ κοινωνεῖ ὁ ἴδιος Ἐπίσκοπος, τῷ αὐτῷ Ἐπισκόπῳ ἄλλοι μὴ συγκοινωνήσω-

Правило рмз.

Постановлено й сіе: аще вѣпископъ глаголетъ, ѩко нѣкто емѹ одномѹ исповѣдалъ свое престѹпленіе, а тотъ не признается: то вѣпископъ да не wбращаетъ себѣ въ обидѹ того, что не полагаютсѧ въ семъ на него единаго. Аще же речетъ, ѩко по возмѹщенїи совѣсти своеѧ, не хощетъ имѣти wбщенїѧ съ непризнающимсѧ:

σιν Ἐπίσκοποι· ὥςε μᾶλλον παραφυλάττεσθαι τὸν Ἐπίσκοπον μὴ λέγειν κατά τινος, ὅπερ ἀποδείξεσιν ἐλέγξαι παρ' ἑτέροις οὐ δύναται.

то̀ докóлѣ ѿлꙋчéннаго по семо́ слꙋ́чаю не пріе́млетъ въ ѻ҃бщенїе свой є҃пи́скопъ, дотóлѣ сегѡ̀ є҃пи́скопа да не пріе́млютъ въ ѻ҃бщенїе прóчїе є҃пи́скопы: да тѣ́мъ па́че блюде́тсѧ є҃пи́скопъ, да не глаго́летъ ѡ҃ ко́мъ либо, чегѡ̀ пред̀ дрꙋги́ми не мо́жетъ ꙋ҃тверди́ти доказа́тельствами.

Зонара. Хотя бы епископъ говорилъ, что кто нибудь исповѣдалъ ему грѣхъ, отлучающій его отъ общенія, а тотъ отрекается и говоритъ, что не сказывалъ такого грѣха, не должно давать вѣры одному епископу. И пусть, говорятъ отцы, „епископъ да не обращаетъ себѣ въ обиду того, что не полагаются въ семъ на него единаго". Слѣдовательно епископъ вынуждается имѣть общеніе съ отрекающимся, хотя бы и заявилъ: „не хочу принять его въ общеніе, такъ какъ изъ за него возмущается моя совѣсть". Подъ словомъ „возмущеніе" (σκανδαλισμός) должно разумѣть или соблазнъ, или смятеніе совѣсти, мятущейся и возмущаемой исповѣданнымъ грѣхомъ.

О чемъ умолчало предыдущее правило, о томъ объявило настоящее *), именно: если епископъ не пожелаетъ быть въ общеніи съ отлученнымъ имъ, какъ повѣдавшимъ ему

*) По древнему счету правилъ карѳагенскаго собора, настоящее (147-е) правило раздѣлялось на два, такъ что начиная со словъ: Ἐφ' ὅσον τῷ ἀφωρισμένῳ κτλ, или, по нашей Книгѣ Правилъ: „доколѣ отлученнаго по сему случаю не пріемлетъ въ общеніе свой епископъ" и проч., слѣдовало новое правило. Этого дѣленія держатся какъ всѣ греческіе толкователи, такъ и наша печатная Кормчая, хотя логически тутъ одно правило.

какое нибудь преступленіе, то какъ поступить въ такомъ случаѣ?—Такъ, говоритъ (правило), что если (епископъ) отлучитъ кого-нибудь незаконно, то и съ нимъ, т. е. съ отлучившимъ, не должны быть въ общеніи прочіе епископы столько же времени, столько онъ не имѣетъ общенія съ отлученнымъ. Правило указываетъ и причину (такого постановленія)—ту, чтобы не были (епископы) поспѣшны и неосмотрительны въ обвиненіи и въ отлученіи и ни о комъ не говорили, чего не могутъ доказать.

Аристинъ. Епископъ, говорящій: „такой-то ближній исповѣдалъ мнѣ наединѣ свой грѣхъ“, не заслуживаетъ вѣры, если ближній отрекается.

Не должно вѣрить епископу, если онъ говоритъ, что такой то клирикъ исповѣдалъ мнѣ наединѣ преступленіе, и поэтому я лишаю его или степени, или общенія; ибо, если тотъ, о комъ онъ говоритъ, что исповѣдалъ, отрекается, то (епископъ) не долженъ осуждать его, или обращать себѣ въ обиду то, что не полагаются на него одного.

Епископъ, лишившій общенія не обличеннаго, и самъ также лишается общенія другихъ (епископовъ)

Если такой епископъ отлучитъ своего клирика, не обличеннаго въ преступленіи, но осужденнаго его только совѣстію, то и самъ онъ долженъ быть отлученъ и лишенъ общенія прочихъ епископовъ, дабы остерегался необдуманно говорить противъ кого нибудь то, чего не можетъ доказать.

Вальсамонъ. Повидимому, какой-то мірянинъ, или клирикъ исповѣдался своему епископу въ какомъ-то грѣхѣ, и когда это дѣло перешло на общее (соборное) обсужденіе, сдѣлавшій признаніе сталъ отрекаться отъ преступленія, а епископъ обличалъ его, почему и настаивалъ, чтобы исповѣдавшійся, который не сознавался въ томъ, въ чемъ былъ обличаемъ, подвергся наказанію, какъ оскорбитель его, епископа. По этому случаю правило говоритъ, что нѣтъ оскорбленія епископу въ томъ, если не полагаются на него одного, когда онъ говоритъ, что обвиняемый сознался ему въ преступленіи, хотябы при этомъ епископъ заявлялъ: „не хочу принять его въ общеніе, такъ какъ изъ за него возмущается моя совѣсть по причинѣ исповѣданнаго имъ грѣха“.

Можетъ быть, кто спроситъ: поелику правило признаетъ непріемлемымъ свидѣтельство епископа, какъ одного человѣка, согласно съ закономъ, который говоритъ: „свидѣтельство одного не принимается, хотя бы это былъ кто изъ синклита“: то будетъ ли выслушанъ епископъ, если скажетъ, что вслѣдствіе исповѣди онъ правильно прекратилъ общеніе съ обвиняемымъ, или не будетъ выслушанъ? *Рѣшеніе.* Мнѣ кажется, что хотя бы обвиняемый дѣйствительно исповѣдался, но по одному этому епископъ не имѣетъ права отлучить его отъ общенія, какъ еще не осужденнаго; а если сдѣлаетъ это, то какъ не законно отлучившій человѣка отъ духовнаго общенія, долженъ быть отлученъ и самъ высшимъ архіереемъ, съ разрѣшеніемъ исповѣдавшагося. Замѣть настоящее правило на случай если епископы и монахи, принимающіе людскія помышленія, свидѣтельствуютъ противъ тѣхъ, которые сдѣлали имъ признаніе во грѣхѣ. А что свидѣтельство одного не принимается, прочти еще 75-е правило св. апостоловъ. Впрочемъ святѣйшій патріархъ киръ Лука подвергнулъ епитиміи неслуженія игумена Гиротрофской обители, бывшаго архіепископа Иракліи, за то, что онъ далъ подобное свидѣтельство противъ духовнаго своего сына.

О чемъ умолчало предыдущее правило, то объявлено настоящимъ, именно: если епископъ не пожелаетъ быть въ общеніи съ отлученнымъ имъ, какъ повѣдавшимъ ему какое либо преступленіе, то какъ должно поступить съ такимъ епископомъ, незаконно и прежде осужденія отлучившимъ человѣка? Правило говоритъ, что если (епископъ) отлучитъ кого либо незаконно, то и съ нимъ, отлучившимъ, не должны имѣть общенія прочіе епископы столько же времени, сколько онъ не имѣетъ общенія съ отлученнымъ. Правило указываетъ и причину—ту именно, чтобы епископы не были поспѣшны и неосмотрительны въ обвиненіи и отлученіи и не говорили противъ кого нибудь, чего не могутъ доказать. Итакъ настоящимъ правиломъ наказывается епископъ, отлучившій незаконно. А я думаю, что не только такъ долженъ быть наказанъ епископъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ быть разрѣшенъ и отлученный, когда о незаконномъ его отлученіи будетъ представлено высшему архіерею; а отлучив-

шій подлежитъ наказанію какъ по Юстиніановой новеллѣ, т. е. по 24-й главѣ 1-го титула 3-й книги (Василикъ), которая помѣщена въ толкованіяхъ на различныя правила, такъ и по 4-му правилу 7-го собора. Прочти это правило и новеллу, помѣщенную въ его толкованіи, равно и 14-е правило сардикійскаго собора.

Славянская кормчая. *Правило 133.* Глаголяи епископъ. яко мнѣ единому причетникъ грѣхъ исповѣда. Аще же причетникъ запрется, не не вѣренъ есть.

Толкованіе. Не подобаетъ вѣровати, аще возглаголетъ епископъ на нѣкоего причетника, яко онъ сица причетникъ мнѣ единому исповѣда грѣхъ, того ради грѣха хощу его, или отъ сана изврещи, или общеніа отлучити. Аще бо вопрошенъ бывъ причетникъ, его же рече епископъ исповѣда ему грѣхъ, запрется глаголя, яко нѣсмь ти исповѣдалъ, глаголя, таковаго грѣха, не подобаетъ ему осудити его, ни того въ досажденіе себѣ вмѣнити, яко той единъ епископъ не вѣренъ есть.

Правило 134. Не обличенаго о грѣсѣ общенія лишивъ епископъ, лишенъ и самъ такожде общенія къ другимъ.

Толкованіе. Аще которыи епископъ причетника своего отлучитъ, не обличена бывша о грѣсѣ, но токмо отъ своея совѣсти осудитъ и, отлученъ будетъ и самъ, и инѣхъ епископъ иже къ нему общенія лишится: яко да сохранится, еже вскорѣ никого же не оглаголати, его же обличити не можетъ.

Посланіе къ Вонифатію, епископу римской церкви, посланное отъ всего собора въ Африкѣ чрезъ мѣстоблюстителей римской церкви—епископа Фавстина и пресвитеровъ Филиппа и Асеѳлла. [1])

Блаженнѣйшему господину и честнѣйшему брату Вонифатію: Аврилій, Валентинъ, епископъ первой каѳедры въ нумидійской епархіи, и прочіе епископы, числомъ двѣсти семнадцать, прибывшіе на полный соборъ въ Африкѣ.

Поелику Господу угодно было, чтобы о томъ, что вмѣстѣ съ нами сдѣлали святѣйшіе братья наши, соепископъ Фавстинъ и сопресвитеры Филиппъ и Аселлъ, смиреніе наше отвѣчало не блаженной памяти епископу Зосиму, отъ коѳго они принесли къ намъ грамоты и наказы, но твоей честности, заступившей, по волѣ Божіей, его мѣсто: то мы считаемъ долгомъ вкратцѣ явить (тебѣ) совершенное нашимъ обоюднымъ согласіемъ, не касаясь всего того, что содержится въ пространныхъ свиткахъ дѣяній, и на чемъ мы долго останавливались, стараясь, не безъ трудныхъ и долгихъ пререканій, но съ сохраненіемъ любви, заносить въ акты все, относящееся къ (настоящему) дѣлу. И онъ (Зосимъ), если бы оставался еще въ семъ тѣлѣ, съ бо́льшею радостію принялъ бы, о любез-

---

[1]) Это посланіе не принято въ Книгу Правилъ потому, конечно, что оно принадлежитъ собственно къ дѣяніямъ (актамъ) карѳагенскаго собора и не содержитъ въ себѣ какого либо соборнаго правила или постановленія. Но такъ какъ оно сокращенно изложено въ нашей старопечатной Кормчей и, въ качествѣ 135 правила карѳагенскаго собора, снабжено особымъ толкованіемъ, да и греческіе толкователи (Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ) приписали къ нему краткія историческія изъясненія: то и признано благословнымъ помѣстить оное, со всѣми его принадлежностями, въ настоящее изданіе.

ный братъ, то, что видѣлъ бы совершившимся съ бо̀льшимъ миромъ. Пресвитеръ Апіарій, о поставленіи, отлученіи и вызовѣ коего (на соборъ) возникло не малое замѣшательство не только въ сикской церкви, но и во всей Африкѣ, испросилъ прощеніе во всемъ, въ чемъ онъ погрѣшилъ, и снова принятъ въ общеніе. Предварительно же соепископъ нашъ Урванъ сиккскій, безъ всякаго колебанія, исправилъ то, что̀ ему слѣдовало исправить. А такъ какъ о церковномъ мирѣ и спокойствіи надлежало позаботиться не только въ настоящемъ, но и на будущее время, то мы, въ виду того, что такія дѣла уже много разъ возникали и съ цѣлію предохранить себя отъ подобныхъ же или еще тягчайшихъ (дѣлъ), постановили удалить пресвитера Апіарія изъ сикской церкви, съ сохраненіемъ имъ своей чести и степени, такъ чтобы онъ, взявъ (отъ насъ) грамоту, могъ служить во всякомъ другомъ мѣстѣ, по своему желанію и возможности, и совершать все приличное пресвитерскому сану. На это мы безъ всякаго затрудненія согласились, по собственной просьбѣ самого Апіарія. Но прежде, нежели дѣло сіе доведено было до такого конца, мы должны были, между прочимъ, заниматься другими вопросами, которые вовлекали насъ въ продолжительныя пренія. Такъ какъ самая сущность вопросовъ требовала, чтобы мы просили братьевъ нашихъ, соепископа Фавстина и сопресвитеровъ Филиппа и Аселла, чтобы они внесли въ церковные акты то, что имъ поручено сдѣлать вмѣстѣ съ нами; то они кое-что заявили словесно, а не письменно; когда же мы настоятельно потребовали принесенной ими письменной инструкціи, они представили ее, и эта инструкція, бывъ прочитана предъ нами, присоединена къ актамъ, отправляемымъ теперь чрезъ нихъ къ вамъ. Въ ней заключалось четыре пункта, которые они должны были разсмотрѣть вмѣстѣ съ нами: первый—объ аппелляціяхъ епископовъ къ [перво]священнику римской церкви, второй—о томъ, чтобы епископы не ѣздили во дворецъ (κομιτάτον), когда имъ вздумается, третій—о томъ, чтобы дѣла пресвитеровъ и діаконовъ разсматривались сосѣдними епископами, четвертый—о томъ, что епископъ Урванъ долженъ быть

лишенъ общенія и, кромѣ того, позванъ въ Римъ, если не исправитъ того, что требуетъ исправленія. По первому и третьему изъ сихъ пунктовъ, т. е. о томъ, чтобы епископамъ дозволено было аппеллировать въ Римъ и чтобы дѣла клириковъ окончательно рѣшались мѣстными епископами, мы еще въ прошедшемъ году позаботились въ нашихъ грамотахъ къ тому же досточтимой памяти епископу Зосиму изъяснить, что, безъ всякаго оскорбленія для него, мы будемъ нѣкоторое время соблюдать то и другое, пока отыскиваются [подлинные списки] опредѣленій никейскаго собора. А теперь просимъ и твою святыню, чтобы какъ объ этомъ постановлено и опредѣлено было отцами въ Никеѣ, такъ соблюдалось бы и у насъ; а тамъ у васъ, пусть исполняется то, что содержится въ инструкціи, именно: «Аще будетъ на котораго епископа доносъ, и епископы окрестные собравшись низложатъ его съ его степени, а онъ, перенося дѣло, прибѣгнетъ къ блаженнѣйшему епископу римскія церкви, сей же восхощетъ вняти ему, и признаетъ праведнымъ возобновити изслѣдованіе дѣла о немъ: то должно и сіе положити, да благоволитъ написати къ сопредѣльнымъ тоѣ области епископамъ, дабы они тщательно и съ подробностію вникнули во всѣ обстоятельства, и, по убѣжденіи въ истинѣ, произнесли судъ о дѣлѣ. Аще же кто востребуетъ, чтобы его дѣло паки выслушано было, и, по прошенію его, заблагоразсуждено будетъ римскимъ епископомъ отъ себе послати пресвитеровъ: да будетъ во власти сего епископа, поколику за лучшее и должное признаетъ и опредѣлитъ, для сужденія вмѣстѣ съ епископами, послати заступающихъ мѣсто пославшаго. Или же аще достаточнымъ признаетъ бывшее разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла о семъ епископѣ: да учинитъ, что благоразумнѣйшему его разсужденію за благо возмнится». [1])

[1]) Сардикійскаго собора правило 5. Причина, почему въ инструкціи папскихъ мѣстоблюстителей правило это приписывалось никейскому собору, заключалась въ томъ, что въ древнѣйшемъ каноническомъ сборникѣ римской церкви правила сардикійскаго собора слѣдовали непосредственно за никейскими и не были отдѣлены отъ этихъ послѣднихъ особою нумераціей; напротивъ, счетъ правилъ, начинавшійся съ 1-го никейскаго, послѣдовательно продолжался чрезъ весь сборникъ.

Равно—о пресвитерахъ и діаконахъ: «Аще обрящется нѣкій епископъ, склонный къ гнѣву (что въ таковомъ мужѣ не должно имѣть мѣста), и внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера, или діакона, восхощетъ изринути нѣкоего изъ церкви: подобаетъ предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковый будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія. Всѣ епископы рекли: извергаемый да имѣетъ право прибѣгнути къ епископу митрополіи тоя же области. Аще же епископа митрополіи нѣтъ на мѣстѣ, прибѣгнути къ сосѣднему епископу и просити, да со тщаніемъ изслѣдуется дѣло. Ибо не должно заграждати слуха отъ просящихъ. А епископъ оный, праведно или неправедно извергшій таковаго, благодушно сносити долженъ, да будетъ изслѣдованіе дѣла, и приговоръ его или подтвержденъ будетъ, или получитъ исправленіе». [1]) Эти именно правила, до полученія вѣрнѣйшихъ экземпляровъ (ἐξέμπλων) никейскаго собора, включены въ [наши] дѣянія. И если дѣйствительно тамъ существуютъ такія правила, какія содержатся въ предъявленной намъ инструкціи братіямъ, посланнымъ отъ апостольской каѳедры, и такой порядокъ соблюдается у васъ въ Италіи: то мы никоимъ образомъ не должны быть принуждаемы къ принятію того, о чемъ и вспомнить не желаемъ; но вѣруемъ, что по милости Господа Бога нашего, пока твоя святыня предстоятельствуетъ въ римской церкви, мы не потерпимъ такого надмѣннаго притязанія; напротивъ, по отношенію къ намъ будутъ соблюдаемы съ братскою любовію и безъ всякихъ прекаканій съ нашей стороны, тѣ правила, которыя, по данной тебѣ Всевышнимъ мудрости и справедливости, ты и самъ находишь необходимымъ соблюдать, развѣ только иное содержится въ канонахъ никейскаго собора. Ибо хотя мы пересмотрѣли множество книгъ и ни въ одномъ латинскомъ экземплярѣ (правилъ) никейскаго собора не читали ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они присланы оттуда въ выше упомянутой инструкціи; однако, не имѣя возможности найти здѣсь ни одного греческаго экземп-

---

[1]) Того же собора правило 14.

ляра, мы нарочито озаботились, чтобы таковые принесены были изъ восточныхъ церквей, гдѣ, говорятъ, эти самыя опредѣленія и теперь еще могутъ быть отысканы въ подлинникахъ. Посему умоляемъ и твою досточтимость, да соизволишь и отъ себя написать къ [перво]-священникамъ тѣхъ странъ, т. е. къ епископамъ церквей антіохійской, александрійской и константинопольской и къ другимъ, если угодно будетъ твоей святынѣ, о томъ, чтобы оттуда посланы были къ намъ постановленные святыми отцами въ Никеѣ каноны. И тебѣ по преимуществу прилично оказать, при Божіей помощи, такое благодѣяніе всѣмъ западнымъ церквамъ. Ибо кто сомнѣвается, что самые вѣрнѣйшіе списки никейскаго собора, бывшаго у грековъ, суть тѣ, которые, бывъ принесены изъ разныхъ именитыхъ церквей и сличены между собою, окажутся согласными? А пока это не совершится, мы возвѣщаемъ, что до рѣшенія вопроса будемъ соблюдать все, содержащееся въ вышеупомянутой инструкціи объ аппелляціяхъ епископовъ къ первосвященнику римской церкви и о вершеніи дѣлъ между клириками у епископовъ своей области, и уповаемъ, что твое блаженство, по волѣ Божіей, поможетъ намъ въ этомъ. О прочемъ, что сдѣлано и утверждено на нашемъ соборѣ, если вы соизволите, доложатъ вашей святынѣ выше упомянутые братья наши, соепископъ Фавстинъ и пресвитеры Филиппъ и Аселлъ, такъ какъ они несутъ съ собою (всѣ дѣянія). И подписали: Господь нашъ да сохранитъ намъ тебя, возлюбленный братъ, на многія лѣта. Подписали также: Алипій, Августинъ, Поссидій, Маринъ и прочіе епископы.

Зонара. Бывшіе на этомъ соборѣ римскіе мѣстоблюстители, которыхъ настоящее посланіе называетъ по имени, посланы были папою Зосимомъ. Когда же онъ, между тѣмъ, умеръ, на его престолъ восшелъ Вонифатій: къ нему-то и пишетъ соборъ, донося о томъ, что имъ сдѣлано и постановлено. Соборъ доноситъ объ этомъ вкратцѣ, не входя въ подробности прѣній, и доноситъ, по его словамъ, только о томъ, что рѣшено *обоюднымъ* соглашеніемъ. „Обоюдное“

предполагаетъ двѣ различныя стороны. И отцы собора различаютъ у себя двѣ стороны: одну—африканскихъ епископовъ, другую — посланныхъ изъ Рима мѣстоблюстителей. Итакъ, говорятъ, что принято обѣими сторонами, то и объявляемъ тебѣ. Апіарій, за нѣкоторыя вины отлученный африканскими епископами, ушелъ въ Римъ; но посланный папою назадъ въ Африку, сознался въ томъ, въ чемъ погрѣшилъ: повидимому, онъ говорилъ нѣчто вопреки церковнымъ опредѣленіямъ. Сознавшись въ этомъ, онъ получилъ прощеніе и дозволеніе удерживать свою честь, но не оставаться въ церкви, въ которой былъ прежде, а удалиться въ другую, куда захочетъ: и объ этомъ соборъ написалъ папѣ, а также—о тѣхъ пунктахъ, которые содержались въ наказѣ посланнымъ изъ Рима мѣстоблюстителямъ, и которые всѣ исчислены. При этомъ отцы обѣщались соблюдать правило объ аппелляціяхъ въ Римъ, пока не будутъ принесены къ нимъ каноны перваго никейскаго собора, съ тѣмъ, чтобы вопросъ рѣшенъ былъ такъ, какъ постановлено тѣми отцами. Просили также (папу) написать къ епископамъ антіохійскому, александрійскому и константинопольскому о присылкѣ имъ каноновъ никейскаго собора, дабы можно было удостовѣриться, точно ли тѣми отцами узаконено приносить епископскія аппелляціи къ римскому епископу: „ибо мы, говорятъ отцы, прочитавъ множество латинскихъ книгъ, не нашли такихъ каноновъ; а греческой книги, т. е. написанной на эллинскомъ языкѣ, не нашли“.

Аристинъ. Урванъ, епископъ сиккскій, если не исправитъ того, что нужно исправить, долженъ лишиться общенія, или быть позванъ въ Римъ.

До полученія достовѣрныхъ списковъ (правилъ) никейскаго собора отъ св. Кирилла, епископа александрійскаго, и Аттика константинопольскаго, настоящій африканскій соборъ принялъ правило сардикійскаго собора о епископскихъ аппелляціяхъ къ епископу римской церкви за правило никейскаго собора; почему и опредѣлилъ, чтобы Урванъ, сиккскій епископъ, если не исправитъ того, что должно быть имъ исправлено, или подвергнутъ былъ отлученію, или, если отлученіе кажется сомнительнымъ, позванъ въ Римъ для пересмотра его дѣла папою.

Вальсамонъ. По смерти римскаго папы Зосима, пославшаго на настоящій соборъ своихъ мѣстоблюстителей, на престолъ его восшелъ Вонифатій, къ которому и пишетъ соборъ, донося вкратцѣ о томъ, что имъ сдѣлано. Именно: извѣщаетъ о пресвитерѣ Апіаріи и о соблюденіи аппелляцій къ римской церкви, пока не будутъ принесены правила, изложенныя никейскимъ соборомъ.

Славянская кормчая. *Правило 135.* Урванъ епископъ сикійскіи, аще не исправитъ яже долженъ есть исправити, или отлученъ будетъ, или въ Римъ позванъ.

Толкованіе. Преже даже не бѣша пріяли отци собора сего, истинно преписанныхъ никейскаго собора правилъ, отъ святаго Кирила епископа александрьскаго, и отъ Аттика епископа Константиня града, средческаго собора четвертое правило, еже повелѣваетъ судящимся епископомъ, къ римскія церкве епископу отходити, и се яко никейскаго собора правило держаху: и того ради и епископу сикійскому Урвану повелѣша, аще не исправитъ, о немъ же долженъ есть исправитися, отлученъ да будетъ. Аще же противится о отлученіи, да позванъ будетъ въ Римъ, и о томъ отъ папы да истяжется.

Примѣчаніе. Далѣе въ старопечатной Кормчей слѣдуетъ сокращенное изложеніе посланій карѳагенскаго собора къ Кириллу александрійскому (прав. 136) и Аттику константинопольскому (прав. 137) о присылкѣ собору подлинныхъ (греческихъ) правилъ никейскаго собора. Посланія эти не имѣютъ при себѣ толкованій Зонары и Вальсамона и въ Книгу Правилъ не приняты. Печатная Кормчая излагаетъ ихъ по сокращенію Аристина и съ его толкованіемъ, которое помѣщено, впрочемъ, послѣ никейскаго символа вѣры, посланнаго карѳагенскому собору изъ Александріи и Константинополя, вмѣстѣ съ никейскими правилами. Приводимъ текстъ Аристиновъ въ подлинникѣ и по Кормчей:

Аристинъ:

Ἀντίγραφα Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας.

Славянская кормчая:

Ѡ̀писа́нїе Кири́ла а̂лекса́ндрьскагѡ ко сѡ́мъ сегѡ̀ собо́ра. Пра́вило, рл̄ѕ.

Καθὼς ἡμῖν ἐγράψατε, τὰ πιστότατα ἴσα τῆς αὐθεντικῆς συνόδου τῆς ἐν Νικαέων πόλει τῆς Βιθυνίας τῇ ὑμετέρᾳ ἀγάπῃ ἀπεστείλαμεν.

Ꙗ҆́коже писа́сте к҃ на́мъ пре҃свѧще́ннаѧ кра́тїѧ, и҆зъ҃ко҃тнw и҆ къ҃рнw преписа́ти гд҃ьскагw сокро́ва пра́вила, ꙗ҆́же к҃ никеи гра́дѣ кидинійстѣмъ сѵ́ти о҃цы и҆́зложи́ша, и҆ сі҃ѧ преписа́кше к҃ ка́шей любы҄ посла́хомъ.

Ἀττικοῦ Κωνσταντινουπόλεως.

Посла́нїе а҃ттіка е҃пⷭ҃копа конста́нтина гра́да, к҃ семоу҄ сокро́вꙋ: пра́вило, ρл҃з.

Οἱ τῆς ἐν Νικαίᾳ κανόνες, καθὼς παρὰ τῶν Πατέρων ὡρίσθησαν, ἀπεστάλησαν, ὡς ἐγράψατε.

Ꙗ҆́же ксе́нскагw сокро́ва пра́вила, ꙗ҆́коже ѿ о҃ц҃ъ покелѣ́на кы́ша, тѣ́кw и҆́стиннw преписа́кше, сі҃ѧ посла́хомъ к҃ ка́мъ честна́ѧ кра́тїѧ, ꙗ҆́коже писа́сте к҃ нам҃ъ.

(Σχόλιον).

Ἰδοὺ καὶ τὰ ἴσα τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου, ἀντιβληθέντα μετὰ τῶν ἐναποκειμένων πρωτοτύπων τῇ ἐκκλησίᾳ Ἀλεξανδρέων, καὶ τῇ Κωνσταντινουπόλει, καὶ βεβαιω-

Толкова́нїе.

Сі҃ѧ пра́вила нике́йскагw сокро́ва, припи́сана кы́ша ѿ перкошкра́зныхъ пра́вилъ, лежа́щихъ ко а҃лекса́ндрѣтскы҄ цр҃кви, и҆ къ҃ константи́нѣ гра́дѣ, и҆

θέντα παρὰ τῶν ἐπισκόπων αὐτῶν, τοῦ τε Κυρίλλου καὶ τοῦ Ἀττικοῦ, τῇ συνόδῳ ταύτῃ ἐστάλησαν.

оу҃тверже́на бы́ша ѿ о҆бою҆ є҆пⷭкпⷭ се́ю, ѿ Кири́ла а҆ле-кса́ндрскаго, и ѿ а҆ттѝка конста́нтина гра́да, и҆зве́ствована к҃ собо́ру семоу́ посла́на бы́ша.

Посланіе Африканскаго собора къ Келестину, папѣ римскому.

Δεσπότῃ ἀγαπητῷ καὶ τιμιωτάτῳ ἀδελφῷ Κελεστίνῳ· Αὐρήλιος, Παλατῖνος, Ἀντωνῖνος, Τοῦτος, Σερβιδδεῖ, Τερέντιος καὶ οἱ λοιποὶ οἱ ἐν πάσῃ τῇ Συνόδῳ τῆς Καρχηδόνος εὑρεθέντες.

Ἠυχόμεθα, ἵνα δν τρόπον ἡ σὴ ἁγιωσύνη περὶ τῆς παρουσίας τοῦ Ἀπιαρίου χαρέντας ὑμᾶς ἐδήλωσε, γραμμάτων πεμφθέντων διὰ τοῦ συμπρεσβυτέρου ἡμῶν Λέοντος, οὕτως καὶ ἡμεῖς ὁμοίως περὶ τοῦ καθαρισμοῦ τοῦ αὐτοῦ τὰ παρόντα γράμματα μετὰ χαρᾶς ἀπεστείλαμεν. Ἦν γὰρ δηλαδὴ καὶ ἡ ἡμετέρα καὶ ἡ ὑμετέρα προθυμία ἀσφαλεστέρα, καὶ οὐδὲ πευστικὴ ἐδόκει ἡ περὶ τοῦ ἀκμὴν ἀκουστέου, ἅπερ ὡς περὶ

Возлюбленномоу владыцѣ и честнѣйшемоу брату Келестину: Аврилій, Палатинъ, Антонинъ, Тоутъ, Серводеей, Терентій и прочіе, оубрѣтшіеся на Карѳагенскомъ Соборѣ.

Какъ твоя сватыня изъявила вашу радость о приключіи Апіаріа, писаніемъ, посланнымъ чрезъ сопрескутера нашего Льва: подобно и мы желали бы, чтобы съ радостію послано было настоящее писаніе о егѡ оправданіи. Ибо по истинѣ, и наше и каше расположеніе было чождо недокѣрчивости, и не пытливымъ являлося оно, предкарительль-

ἀκκσθέντος προηγησαμένη. Παραγενομένκ τοίνυν πρὸς ἡμᾶς τοῦ ἁγιωτάτκ ἀδελφοῦ καὶ συνεπισκόπκ ἡμῶν Φαυστίνκ, συνήξαμεν Σύνοδον, καὶ ἐπιζεύσαμεν διὰ τοῦτο αὐτὸν μετ' ἐκείνκ πεμφθέντα, ἵνα ὥσπερ οὗτος, τῇ αὐτοῦ σπκδῇ, τῷ πρεσβυτερίῳ ἀπεδόθη, οὕτως καὶ νῦν δυνηθῇ, τῷ αὐτοῦ κόπῳ, ἐκ τῶν, ἀπὸ τῶν ἐν Θαβρακηναῖς ὑποβληθέντων, τοσούτων ἐγκλημάτων καθαρθῆναι. Οὗ τινος τὰ τοσαῦτα καὶ οὕτως παμμεγέθη ἀτοπήματα ἡ πλῆθὺς καταδραμοῦσα τῆς ἡμετέρας Συνόδου εὗρεν, ὅτι καὶ τοῦ μνημονευθέντος τὴν πατρωνίαν μᾶλλον, ἤπερ κρίσιν, καὶ τὴν ὡς ἐκδίκκ σπκδὴν μᾶλλον, ἤπερ διαγνῶσκ δικαιοσύνην ὑπερενίκησεν. Πρῶτον μὲν γὰρ ἀντέστη μεγάλως πάσῃ τῇ Συνόδῳ, διαφόρκς ὕβρεις ἐπιφέρων, ὡσανεὶ τὰ πριβιλέγια τῆς Ρωμαϊκῆς Ἐκκλησίας διεκδικῶν, καὶ θέλων αὐτὸν παρ' ἡμῶν εἰς κοινωνίαν δεχθῆναι, ὃν ἡ σὴ ἁγιωνѡ склонѧмсѧ кѫ пользѹ ег҃ѡ, какѫ кы оу҃жѥ кыслѹшаннагѡ, тогда́ какѫ ег҃ѡ ещѥ̀ надлежа́ло копроша́ти. Й та́кѫ, когда́ прибылѫ кѫ на́мѫ свѧтѣ́йшїй кра́тѫ и̑ соепи́скопѫ на́шѫ Фаустїнѫ, мы̑ созва́ли Сокорѫ, и̑ полага́ли, что̀ о҃нѫ сѫ а҃пїа́рїемѫ по́сланѫ ра́ди тогѡ̀, дабы̑ какѫ сей, старѧнїемѫ ег҃ѡ козгановле́нѫ кылѫ на пресѹ́терство, та́кѫ и̑ нын҃ѣ̀ козмо́гѫ, ег҃ѡ̀ же попече́нїемѫ, ѿпракда́тисѧ кѫ толи́кихѫ ѿкки́нёнїѧхѫ, принесе́нныхѫ на него̀ ѿ̀ жи́телей Ѳ҃акраки́нскихѫ. Но многочи́сленный Сокорѫ на́шѫ нашелѫ сто́лѣ мно́гїѧ и̑ сто́лѣ кели́кїѧ кеззакѡ́нїѧ а҃пїа́рїа, что̀ о҃нѣ̀ прекозмогли́ дѣ́йствокаше́ніе кышерече́ннагѡ Фаустїна, хотѧ́ то̀ кы́ло покроки́тельство па́че, не́жели со́дѫ, и̑ ходата́йство па́че, ек҃дикѹ свой-

σύνη πιστεύσασα ἐκκαλεῖσθαι, ὅπερ ἀποδεῖξαι οὐκ ἠδυνήθη, τῇ κοινωνίᾳ ἀποδέδωκεν· ὅμως ἧττον αὐτῷ τοῦτο ἐξεγένετο, ὅπερ ἔτι μὴν τῇ ἀναγνώσει τῶν πεπραγμένων χρειττόνως γνοίης. Τριημέρου μεντοι δίκης ἐπὶ μόχθῳ κινηθείσης, ἐν ὅσῳ τὰ διάφορα τῷ αὐτῷ ὑποβληθέντα συντριβόμενοι ἐζητοῦμεν, ὁ Θεὸς ὁ δίκαιος κριτὴς, ὁ ἰσχυρὸς καὶ μακρόθυμος, τάς τε παροικὰς τοῦ συνεπισκόπου ἡμῶν Φαυστίνου, καὶ τὰς τριφεργίας τοῦ αὐτοῦ Ἀπιαρίου, αἷς τὰς ἀθεμίτους αὐτοῦ αἰσχρότητας συγκαλύψαι ἐπηρείδετο, μεγάλῃ συντομίᾳ ἔτεμεν, τῆς σιχαντῆς δηλαδὴ καὶ δυσωδεστέρας ἐπιμονῆς καταργηθείσης καὶ τῆς ἀναισχυντίας τῆς ἀρνήσεως, δι' ἧς τῶν τοσούτων ἡδονῶν τὸν βόρβορον ἐβούλετο καταβυθίσαι. Τοῦ γὰρ Θεοῦ ἡμῶν τὴν συνείδησιν αὐτοῦ ξενοχωρήσαντος, καὶ τὰ ἐν τῇ καρδίᾳ κρυπτὰ, ὡς ἐν ἰλύι τῶν ἐγκλημάτων ἤδη καταδεδικασμένα, πᾶσιν ἔτι μὴν

ственное, нежели справедливость, йзлѣдователю приличнаѧ. Йво во первыхъ Фаустинѣ сильно противостоалъ всемъ собору, нанесѧ емъ различными ѡскорблениѧ, акы бы защищаѧ преимущества Римской Цркви, и желаѧ, чтобы принѧтъ былъ нами ко ѡбщению Апіарію, котораго ткаѧ свѧтыню пріѧла въ ѡбщение, покърихъ егѡ жалокъ, коемѹ ѻнъ не могъ доказать: ѻдинакѡ и сие малѡ емъ помогло, что ты лучше оузнаешь прочитавъ дѣанію собора. Йко когда, въ продолжении трехъ дней, съ затрудненіемъ продиралсѧ сдъ, на которомъ мы съ сокрушеніемъ йзлѣдывали различныѧ на Апіарія ѡбвиненіѧ: тогда ѿцъ, праведный сдіѧ, крѣпкій и долготерпѣливый, сълѡ вкратцѣ прекѣкъ и протѧжение дѣла

τοῖς ἀνθρώποις δημοσιεύσαντος, αἰφνιδίως εἰς ὁμολογίαν πάντων τῶν ὑποβληθέντων αὐτῷ ἐγκλημάτων ὁ δόλιος ἀρνητὴς ἐξέῤῥηξε, καὶ μόλις ποτὲ περὶ πάντων τῶν ἀπιθάνων ὀνειδῶν ἑκοντὶ αὐτὸς ἑαυτὸν ἤλεγξε, καὶ αὐτὴν ὁμοίως τὴν ἡμετέραν ἐλπίδα, ᾗ τινι καὶ ἐπιζεύσαμεν αὐτόν, καὶ ἠχόμεθα ἐκ τῶν οὕτως ἐπαισχυντέων σπίλων δύνασθαι καθαρθῆναι, μετέτρεφεν εἰς ξεναγμούς. Εἰ μὴ ὅτι ταύτην ἡμῶν τὴν λύπην μιᾷ καὶ μόνῃ παραμυθίᾳ κατεπράϋνεν, ὅτι καὶ ἡμᾶς τοῦ ὀδυρμοῦ τοῦ διηνεκοῦς καμάτου εὐλύτωσε, καὶ τοῖς ἰδίοις τραύμασιν ὁτεδήποτε ἴασιν, εἰ καὶ ἀκουσίως, καὶ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀντιμαχομένης, ὁμολογήσας προενοήσατο, κύριε ἀδελφέ. Ἐν προφάτῳ τοίνυν τοῦ καθήκοντος τῆς ὀφειλομένης προσκυνήσεως ἐκπληρουμένου, ἱκετεύομεν, ἵνα τοῦ λοιποῦ πρὸς τὰς ὑμετέρας ἀκοὰς τοὺς ἐντεῦθεν παραγινομένους εὐχερῶς μὴ προσ-

соепи́скопомъ на́шимъ Фаустѝномъ, и҆ и҆зкоро́ты самаго̀ а҆пїа́рїа, кото́рыми о҆́нъ сѝлился покры́ть свои́ гра́мныя кезза́коніи. Недѣ́йстви́тельнымъ содѣ́лалось доса́дное и҆ гн҃́сное оу҆по́рство, и҆ кезстѣ́дное запира́тельство, кото́рымъ а҆пїа́рїй хотѣ́лъ загради́ти кла́тво сто́ль мно́гихъ сладостра́стныхъ дѣ́лъ. И҆́ко когда́ бы҆́хъ на́шихъ стѣ́снилъ е҆́гѡ со́вѣсть, и҆ пред҃ ке҆́ми челове́ками ѡ҆кнаро́жилъ сокроке́нное къ се́рдцѣ, ка́къ бы оу҆жѐ ѡ҆сѣ́ждѐнное са́мою гн҃́сностїю престꙋпле́нїѐ тогда́ оу҆ кока́рнѡ запира́кшагѡсѧ кнеза́нѣ ѥ҆стѐ́рглосѧ призна́нїе ко ке҆́мъ, принесе́нныхъ на него̀ ѡ҆бвине́нїихъ, и҆ о҆́нъ наконецъ, докроко́льнѡ, са́мъ себѣ̀ ѡ҆бличи́лъ ко ке҆́мъ е҆́два̀ кѣро́мтныхъ скве́рнахъ, и҆ таки́мъ о҆́бразомъ, и҆

δέχησθε, μηδὲ τοὺς παρ' ἡμῶν ἀποκοινωνητέους εἰς κοινωνίαν τοῦ λοιποῦ θελήσητε δέχασθαι· ἐπειδὴ τοῦτο καὶ τῇ ἐν Νικαίᾳ Συνόδῳ ὁρισθὲν εὐχερῶς εὕροι ἡ σὴ σεβασμιότης. Εἰ γαρ καὶ περὶ κατωτέρων κληρικῶν καὶ περὶ λαικῶν φαίνεται ἐκεῖ παραφυλάττεσθαι· πολλῷ μᾶλλον τοῦτο περὶ Ἐπισκόπων βούλεται παραφυλαχθῆναι. Μὴ οὖν οἱ ἐν τῇ ἰδίᾳ ἐπαρχίᾳ ἀπὸ τῆς κοινωνίας ἀναρτηθέντες παρὰ τῆς σῆς ἁγιωσύνης, σπουδαίως, καὶ καθὼς μὴ χρὴ· φανῶσιν ἀποκαθιζάμενοι τῇ κοινωνίᾳ. Καὶ τῶν πρεσβυτέρων δὲ ὁμοίως καὶ τῶν ἑπομένων κληρικῶν τὰς ἀναιδεῖς ἀποφυγάς, ὡς ἔξιν σου ἄξιον, ἀποδιώξει ἡ ἁγιωσύνη ἡ σή. Ἐπειδὴ καὶ οὐ διά τινος ὅρου τῶν Πατέρων τοῦτο ἀπηγόρευται τῇ ἐν Ἀφρικῇ Ἐκκλησίᾳ, καὶ τὰ ψηφίσματα τῆς ἐν Νικαίᾳ Συνόδου, εἴτε κληρικοὺς τοῦ κατωτέρω βαθμοῦ, εἴτε αὐτοὺς τοὺς Ἐπισκόπους, τοῖς ἰδίοις Μητροπολίταις φανερώτατα

сáмꙋю надéждꙋ нáшꙋ, котóрой мы ꙋкрáпли ѥгó, желáѧ, чтóбы ѻ҃нѣх мóгх ѡчúстити сѥкѫ̀ ѿ стóль посты́дныхх пáтенх, ѡкратúлх ѩ҃х плáчь. Такоꙋ́ю скóрбь нáшꙋ ѻ҃нѣх оу҃мнóжилх ѥ́дúнымх тóкмѡ и ѥ́дúнственнымх оу҃тѣшéнїемх, тѣ́мх, чтó и нáсх ѡ҃ставúлх ѿ тáготы непреры́внагѡ сѣтованїѧ, и дла сóвственныхх скоúхх рáнх, хотѧ́ невóльнѡ, и сх корыстóю своéю сóвѣсти, прїꙋготóвилх наконéцх крáчествꙋ́ ѩ҃х своéмх призна́нїи. И тáкх, пéрвѣе ѩ҃спóлникх дóлгх подобáющагѡ почитáнїѧ, оу҃молѧ́емх вáсх, господúне брáте, давы́ вы́ кпредь не допꙋскáли легкѡ до кáшегѡ слꙋха приходѧщихх ѿсю́дꙋ, и не сꙋзволѧ́ли кпредь прїѧ́ти ѩ҃х ѡ҃бщéнїе ѿлꙋчéнныхх нáми: ѩ҃бо твоѧ́ достоꙋчтúмость

κατέπεμψαν. Συνετῶς γὰρ καὶ δικαίως συνεῖδεν, ἀτιναδήποτε πράγματα ἀναφυῶσιν, ταῦτα ἐν τοῖς ἰδίοις ὀφείλειν περατοῦσθαι τόποις. Οὔτε γὰρ μιᾷ ἑκάστῃ παροικίᾳ ἐλογίσαντο ἐλλείπειν τὴν χάριν τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, δι' ἧς ἡ δικαιοσύνη ἀπὸ τῶν τοῦ Χριστοῦ ἱερέων καὶ ὁρᾶται φρονίμως, καὶ κατέχεται ςαθερῶς, μάλιςα, ὅτι ἐνὶ καὶ ἑκάςῳ συγχεχώρηται, ἐὰν περὶ τῆς δίκης τῶν διαγνωςῶν προίςαται αὐτῷ, πρὸς τὰς Συνόδους τῆς ἰδίας ἐπαρχίας, ἢ ἔτι μὴν εἰς οἰκουμενικὴν Σύνοδον, ἐκκαλεῖσθαι. Εἰ μὴ ἄρα τίς ἐςιν, ὅςις πιςεύσει, ἐνὶ φτινιδήποτε δύνασθαι τὸν Θεὸν ἡμῶν τῆς κρίσεως ἐμπνεῦσαι τὴν δικαιοσύνην, τοῖς δὲ ἀναριθμήτοις εἰς Σύνοδον συνηθροισμένοις ἱερεῦσιν ἀρνεῖσθαι; Πῶς δὲ ἄρα αὕτη ἡ περαματικὴ κρίσις βεβαία ἔςαι, πρὸς ἣν τῶν μαρτύρων τὰ ἀναγκαῖα πρόσωπα, ἢ διὰ τὴν τῆς φύσεως, ἢ διὰ τὴν τοῦ γήρως ἀσθένειαν, ἢ πολλοῖς ἄλλοις ἐμποδισμοῖς, оу҃дбнѡ ѡ҃бра́щетъ, а҃кѡ сіе́ са́мое ѡ҃пред҃лено҆ и҃ Нїке́йскимъ Собо́ромъ. Йбо а҃ще сіе́ и҃вла́етсѧ та́кѡ соблюда́емымъ каса́тельнѡ ни́зшихъ кли́рїкѡвъ и҃ мїря́нъ: кольми́ па́че хо́щетъ Собо́ръ, что́бы сіе́ соблюда́емо было каса́тельнѡ є҃пи́скопѡвъ. И҃ та́къ тѣ҆, кото́рые въ своей е҃па́рхїи ѡ҃лу҃чены ѡ҃ ѡ҃бщенїи҃, да не и҃вя́тсѧ воспрїе́млемыми въ ѡ҃бще́нїе твое́ю сва́тынею, съ нам҃ре́нїемъ, и҃ а҃кѡже не подоба́етъ. Подо́бнѡ и҃ безсты́дные пов҃е́ги пресвѵ́тергѡвъ, и҃ сл҃е́дующихъ за ни́ми кли́рїкѡвъ, да ѡ҃жене́тъ сва́тыню твою҃, ка́къ сіе́ и҃ досто́йно тебѣ҃. Йбо и҃ не возвра́нено҆ сіе́ для҃ а҃фрїка́нскїѧ Цр҃кви, ни каки́мъ ѡ҃пред҃ле́нїемъ Ѻц҃е́въ, да и҃ ѡ҃пред҃ле́нїѧ Нїке́йскагѡ Собо́ра, ка́къ кли́рїкѡвъ ни́зшей сте́пени, та́къ и҃

ἐνεχθῆναι οὐ δύναται; Περὶ γὰρ τοῦ, τινὰς ὡσανεὶ ἐκ τοῦ πλευροῦ τῆς σῆς ἁγιωσύνης πέμπεσθαι, οὐδεμιᾷ τῶν Πατέρων Συνόδῳ ὁρισθὲν εὑρίσκομεν. Ἐπει δὴ, ὅπερ πάλαι διὰ τοῦ αὐτοῦ συνεπισκόπου ἡμῶν Φαυστίνου, ὡσανεὶ ἐκ μέρους τῆς ἐν Νικαίᾳ Συνόδου, αὐτόθεν ἀπέσταλτο, ἐν ταῖς ἀληθεσέραις ἀπογραφαῖς τῆς ἐν Νικαίᾳ, ἅσπερ ἐδεξάμεθα ἀπὸ τοῦ ἁγιωτάτου Κυρίλλου, τοῦ τῆς Ἀλεξανδρέων Ἐκκλησίας συνεπισκόπου ἡμῶν, καὶ παρὰ τοῦ προσκυνητοῦ Ἀττικοῦ, τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἐπισκόπου, πεμφθείσας ἐκ τῶν αὐθεντικῶν, αἵτινες ἔτι μὴν πρὸ τούτου διὰ Ἰννοκεντίου τοῦ πρεσβυτέρου καὶ Μαρκέλλου τοῦ ὑποδιακόνου, δι' ὧν πρὸς ἡμᾶς παρ' ἐκείνων ἀπεστάλησαν, τῷ τῆς προσκυνητῆς μνήμης Βονιφατίῳ τῷ Ἐπισκόπῳ, τῷ προηγησαμένῳ ὑμᾶς, παρ' ἡμῶν ἐξεπέμφθησαν, τοιοῦτο τίποτε οὐκ ἠδυνήθημεν εὑρεῖν. Ἐκβιβασὰς τοίνυν κληρικοὺς ὑμῶν τινῶν αἰτούντων μὴ θέσθαι τοὺς ἁγίους Ἐπισκόπους, ἀκνηρῷ ὀκνῳ, ὀκνηρῷ τρόπῳ πρὸς τοὺς ἰδίους Μητροπολίτας. Ἀναμίνω ἡ πρόθεσις ὀνομάζει, τί ποτε καὶ ἂν ὀκνήσωσιν, ὀφείλουσι τοῖς ἰδίοις ἐπαναστρέφειν θρόνοις. Ὅτι τοίνυν ἐκεῖνοι ἔστησαν, τί τὸ κωλύον καὶ ἡμᾶς τὸν αὐτὸν ἐπιδείκνυσθαι τρόπον πρὸς τοὺς ἰδίους Μητροπολίτας; Ἀναμίνω ἡ πρόθεσις ὀνομάζει, τί ποτε καὶ ἂν ὀκνήσωσιν, ὀφείλουσι τοῖς ἰδίοις ἐπαναστρέφειν θρόνοις. Ὅτι τοίνυν ἐκεῖνοι ἔστησαν, τί τὸ κωλύον καὶ ἡμᾶς τὸν αὐτὸν ἐπιδείκνυσθαι τρόπον πρὸς τοὺς ἰδίους Μητροπολίτας; Ἀναμίνω ἡ πρόθεσις ὀνομάζει, τί ποτε καὶ ἂν ὀκνήσωσιν, ὀφείλουσι τοῖς ἰδίοις ἐπαναστρέφειν θρόνοις. Ὅτι τοίνυν ἐκεῖνοι ἔστησαν, τί τὸ κωλύον καὶ ἡμᾶς τὸν αὐτὸν ἐπιδείκνυσθαι τρόπον πρὸς τοὺς ἰδίους Μητροπολίτας;

самыхъ Епископовъ, ѥдинымъ образомъ, обратно ѿсылаютъ къ собственнымъ ихъ Митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ, что какіи бы ни возникли дѣла, онѣ должны ѡканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо Отцы сдинли, что ни для ѥдиныя области не ѡставѣтъ благодать Стаго Дха, чрезъ которую правда іереами Хртовыми, и зритсѧ разумно, и содержитсѧ твердо, и наипаче, когда каждомъ, аще настоитъ сомнѣніе ѡ справедливости рѣшенїѧ ближайшихъ сдей, позволено приступати къ соборамъ своеѧ области, и даже ко Вселенскомъ соборъ. Рази есть кто либо, который бы повѣрилъ, что Бгъ нашъ можетъ ѥдиномъ токмо нѣкоемъ вдохнути работъ

λετε ἀποξέλλειν, μήτε παραχωρεῖν, ἵνα μὴ τὸν καπνὸν τῆ τύφον τοῦ κόσμου δόξώμεν εἰσάγειν τῇ τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίᾳ, ἥτις τὸ φῶς τῆς ἁπλότητος, καὶ τῆς ταπεινοφροσύνης τὴν ἡμέραν, τοῖς τὸν Θεὸν ἰδεῖν ἐπιθυμοῦσιν, προσφέρει. Τοῦ γὰρ κλαυσίμου Ἀπιαρίου, ἤδη ἀπὸ τοῦ ἀδελφοῦ ἡμῶν Φαυστίνου, κατὰ τὰς ἰδίας ἀθεμίτους ἀχρειοσύνας, ἐκ τῆς τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας ἀποκινηθέντος, ἀμέριμνοι ἐσμὲν, ὅτι τοῦτον, τῇ δοκιμῇ καὶ ῥυθμίσει τῆς σῆς ἁγιωσύνης ἐν τῷ σώζεσθαι τὴν ἀδελφικὴν ἀγάπην, περαιτέρω ἡ Ἀφρικὴ οὐδαμῶς ὑπομείνῃ.

сѫдѧ, ѧ̀ безчи́сленнымъ ѥре́ѧмъ, сошє́дшимсѧ на Собо́ръ, ѿка́жетъ къ о҃номъ; Прито́мъ, ка́къ бѫ́детъ тѣ́рдъ Заграни́чный сѫ́дъ, пред҃ кото́рый нєвъходи́мыѧ ли́ца свидѣ́телей не мо́гѫтъ предста́влены бы́ти, то́ по не́моци и҆ли ѿ тѣ́лєснаго сложе́нїѧ, и҆ли ѿ ста́рости, то́ по мно́гимъ препа́тствїѧмъ; ѿ то́мъ, что́бы нѣ́кїѥ, а҆́ки бы ѿ ребра́ твоє́ѧ сѧ́тыни, бы́ли посыла́емы, мы́ не ѿбрѣта́емъ ѿпредѣле́нїѧ ни є҆ди́наго Собо́ра Ѻтцє́въ. Йбо, что́ пре́жде ѿ ва́съ, чре҃зъ того́жде соепи́скопа на́шего Фаустѝна, при́слано бы́ло къ на́мъ, а҆́ки бы и҃зъ постановле́нїй Нїкє́йскаго Собо́ра, того́ мы́ ни ка́къ не могли́ ѡ҆брѣсти́ въ вѣрнѣ́йшихъ спи́скахъ пра́вилъ сего́ Собо́ра, съ по́длинникѡвъ сѧ́тыхъ, кото́рые по-

лучили мы ѿ свтѣйшаго Кѵ̀рілла, нашего соепископа Алеѯандрійскїа Цр̀кви, и ѿ досточтимаго Аѳѳїка, ѳпископа Кωнстантїнопольскаго, и котс҃ые, ещѐ прежде сегѡ̀, чрезъ пресвутера Іннокентїа и ѵподїакона Маркелла, принесшихъ ѻ҃ныа къ намъ, посланы были ѿ насъ къ Ѳонїфатїю, блаженныа памяти ѳпископѹ, вашемѹ предшественникѹ. Ѩтакъ не соизволяйте, по прозьвѣ нѣкоторыхъ, посылати сюда вашихъ клирїкωвъ ѩзлѣдокателями, и не попѹскайте сегѡ̀, да не ѹ҃бимсѧ мы вносящими дымное надмѣнїе мира къ Цр̀ковь Хр̂тоѵ̀, которам, желающымъ зрѣти Бг̀а, приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномѹдрїа. Поелику̀ же слезъ достойный Ѧпїарїй, за непростительныа свои

непотрéбствa, дáже брáтомъ нáшимъ Фáустíномъ ѿлꙋчéнъ ѿ Цр҃кви Хр҃тóвой: тогó мы ѿстаéмся бе3 ѿпасéнїя, что êгѡ и впрéдь, при íскꙋствѣ и тóчности твоéй свáтыни къ сохранéнїи брáтскїя любвú, Áфрїкa ѿнюдъ не потéрпитъ.

Ἡ ὑπογραφή.

Ὁ Θεὸς ἡμῶν τὴν ἁγιωσύνην ὑμῶν ἐπὶ μήκιστον χρόνον φυλάξοι, ὑπὲρ ἡμῶν εὐχομένην, κύριε ἀδελφέ.

Пóдпись.

Бг҃ъ нáшъ да хрáнитъ нa долгáйшее врéмя вашý свáтыню, господúне брáте, молáщꙋюся ѿ нaсъ.

Зонара. Когда Апіарій, отлученный африканскимъ соборомъ, удалился къ папѣ Келестину и былъ разрѣшенъ имъ отъ отлученія, то съ нимъ посланъ былъ въ Карѳагенъ епископъ Фавстинъ, чтобы изслѣдовать, вмѣстѣ съ соборомъ, обвиненія противъ него. Когда дѣло было окончено, соборъ послалъ Келестину настоящее посланіе, въ которомъ жалуется на Фавстина за то, что онъ вступался за Апіарія, какъ *патронъ*, т. е. оказывалъ ему покровительство, помощь, вмѣсто суда,— защиту, свойственную экдику, вмѣсто справедливости, приличной изслѣдователю, т. е. судящему; противился собору и доходилъ до оскорбленій, какъ бы защищая *привиллегіи*, т. е. преимущества римской церкви (патронатъ и привиллегіи—слова римскія или латинскія), и старался, чтобы онъ (Апіарій) былъ принятъ

соборомъ. Впрочемъ, ему не удалось это; но Богъ вскорѣ пресѣкъ все протяженіе дѣла (παρολχάς), т. е. проволочки и притязанія со стороны Фавстина, и извороты (τριφεργίας), т. е. затяжки и препятствія дѣлу со стороны самого Апіарія, расположивъ его признаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Описавъ, какъ это случилось, посланіе присовокупляетъ: „итакъ прежде всего (ἐν προφατῳ), т. е. въ самомъ началѣ, въ первыхъ словахъ, исполняя долгъ подобающаго почтенія къ тебѣ (Келестину), молимъ, дабы вы не принимали легко тѣхъ, которые бываютъ лишены нами общенія, и чтобы не были поспѣшно (σπουδαίως) возстановляемы тобою въ общеніе тѣ, которые наказаны лишеніемъ общенія въ своей епархіи". Кромѣ того (отцы) желаютъ, чтобы пресвитеры и прочіе клирики, убѣгающіе безстыдно, т. е. безъ уважительной причины, были изгоняемы и возвращаемы къ своимъ епископамъ; просятъ и о томъ, чтобы клирики судились у своихъ епископовъ; упоминаютъ объ относящихся сюда правилахъ никейскаго собора и говорятъ, что нигдѣ не было опредѣлено, чтобы отъ папы были посылаемы особые изслѣдователи и исполнители, какъ бы отъ ребра его, т. е. близко стоящіе къ нему по чести, почетнѣйшіе, приближеннѣйшіе. „Ибо мы, говорятъ (отцы), не нашли ничего такого въ спискахъ (правилъ никейскихъ), присланныхъ намъ Кирилломъ, епископомъ александрійскимъ, и Аттикомъ константинопольскимъ. Итакъ не соизволяйте дѣлать этого и не попускайте, чтобы въ церковь Божію вносимъ былъ „чадъ надмепія", т. е. какое нибудь нововведеніе, разрушающееся и изчезающее быстро, какъ дымъ; но пусть, говорятъ, простота и смиреніе, какъ свѣтъ, приносятъ день желающимъ узрѣть Бога, т. е. пусть какъ свѣтъ дѣлаетъ день яснымъ и даетъ видѣть то, что подлежитъ чувствамъ, такъ простота и смиренномудріе даютъ освѣщеніе уму, чтобы видѣть Бога, т. е. познать Его, сколько возможно.

Аристинъ. Лишенныхъ нами общенія не соизволяйте потомъ принимать въ общеніе, что опредѣлено и никейскимъ соборомъ. Ибо вотъ и Апіарій, принятый тобою, сопротивлялся собору и нанесъ ему оскорбленіе; но, наконецъ, обратился, обличилъ себя и кончилъ тѣмъ, что сталъ вопіять (о помилованіи).

Отцы собора, получивъ несомнѣнные и вѣрнѣйшіе списки никейскаго собора и не найдя въ его правилахъ такого опредѣленія, чтобы папа посылалъ своихъ подручныхъ, предъ которыми бы производились дѣла по аппелляціямъ епископовъ или клириковъ, написали къ Келестину, римскому папѣ, чтобы онъ болѣе не возстановлялъ въ общеніе, поспѣшно и не какъ слѣдуетъ, тѣхъ, которые подверглись отлученію, и чтобы не принималъ на себя пересмотра дѣлъ епископовъ или клириковъ, осужденныхъ (мѣстнымъ соборомъ) на изверженіе, не посылалъ своихъ пресвитеровъ и не возлагалъ на нихъ разсмотрѣнія жалобъ; но каждый изъ осужденныхъ долженъ просить, если хочетъ, новаго суда у собора своей области, или даже у вселенскаго собора, дабы не показалось, что въ Христову церковь вносится мірское надменіе. Представили и то, что дѣла такого рода наносятъ оскорбленіе церквамъ; ибо пресвитеръ Апіарій, по благословной причинѣ удаленный изъ сикской церкви, потомъ пришедшій къ римскому епископу Келестину, принятый имъ [въ общеніе] и посланный въ Африку епископомъ Фавстиномъ, который долженъ былъ возстановить его въ пресвитерство и изслѣдовать возведенныя на него Ѳаравракійцами обвиненія,—этотъ безстыднѣйшій человѣкъ нанесъ оскорбленія собору, который не принималъ его по той причинѣ, что были на лицо обвинители и обличали его. И только послѣ многихъ пререканій и безстыдныхъ запирательствъ, бывъ приведенъ въ стѣснительное положеніе какъ посторонними уликами, такъ и своею совѣстію, публично признался въ взводимыхъ на него преступленіяхъ и обратился къ стенаніямъ и слезамъ.

Вальсамонъ. Когда Апіарій былъ отлученъ африканскимъ соборомъ, и удалился къ папѣ Келестину и былъ разрѣшенъ отъ отлученія, съ нимъ посланъ былъ въ Карѳагенъ епископъ Фавстинъ—съ тѣмъ, чтобы онъ изслѣдовалъ обвиненія противъ него. По окончаніи этого дѣла, соборъ послалъ Келестину настоящее посланіе, въ которомъ прежде всего обвинялъ Фавстина за то, что онъ незаконно вступался за Апіарія; потомъ извѣщалъ, что дѣло было рѣшено на основаніи признанія Апіарія, и просилъ Келестина не принимать поспѣшно тѣхъ, которые, бывъ отлучены соборомъ, возста-

ютъ противъ него. Къ сему присовокупилъ, что и никейскіе отцы не дали опредѣленія, чтобы папа посылалъ въ Африку изслѣдователей, что этого не находится въ спискахъ, присланныхъ епископами александрійскимъ и константинопольскимъ.

Славянская кормчая. *Отъ посланіа сего (карѳагенскаго) собора, еже къ римскому папѣ Келестину: правило, 138.* Яже отъ насъ отлучени суть общеніа, отселѣ на общеніе таковыхъ не мозите пріимати, якоже и никейскіи соборъ повелѣ. Се бо и Апіаръ пріатъ бывъ тобою, собору противящеся, и досажденіе нанесе, и на послѣдокъ обратився, и самъ себе обличи, и стенаніемъ соверши.

Толкованіе. Пріемше святіи отци преписана никейскаго собора правила, безблазна же и преистинна, и не обрѣтше въ правилѣхъ тѣхъ, повелѣвающаго имъ, еже папѣ посылати своя діаконы, и осужденіе епископъ или презвитеръ, истязовати отъ нашего собора, написаша Келестину папѣ римскому, оттолѣ отлученыхъ ими отъ общеніа, удобно: якоже подобаетъ ко общенію не приводити, или соборомъ ихъ осужденыя на изверженіе епископы, или причетники пріимати, и своя презвитеры посылати, и искушеніе собора возлагати на ня: но кійждо отъ осужденнаго къ собору своея области да припадаетъ, аще хощетъ; или и еще, да ко вселенскому собору, да не мирскую буесть вводя въ Христову церковь вмѣнишися, и поруганіе церквамъ наводя; сеже представиша ему отъ самѣхъ дѣлъ. Презвитера бо Апіара, сущія въ Сикіи церкве соборъ достойныя ради вины, отъ презвитерства изверже. Онъ же потомъ къ Келестину папѣ римскому пришедъ, и пріатъ бывъ отъ него, и съ Фавстиномъ епископомъ, посланъ бысть ко африкійскому собору, писаніе имы, яко да вдадятъ ему паки презвитерство. Да истяжутъ же Фавстина, и яже отъ него бывшая, отъ тавракінскихъ человѣкъ, нанесеная нань согрѣшенія, безстуднѣе сего истощаніемъ указа, яко не достоинъ есть на общеніе пріати, и собору поруганіе наводитъ, яко не хотящу пріати его на общеніе, понеже клеветници стояху предъ лицемъ его, и обличаху его. По многихъ прекаяніихъ, и безстудныхъ отверженіихъ въ тѣсноту пришедъ, ово убо отъ обличеніа, ово же и отъ своея совѣсти обли-